МОСКВА ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ НИКОЛАЕВСКАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Изъ записокъ сенатора Кастора Никифоровича Лебедева [1]).

.... Моя домашняя лѣтопись остановилась на поѣздкѣ въ Москву. Въ теченіе двухъ лѣтъ я молчалъ и, признаюсь, напрасно: выраженіе мысли опредѣляетъ ее, уясняетъ и укрѣпляетъ убѣжденіе. Московское пребываніе съ 24 Декабря 1849 года по 22 Ноября 1851 во многихъ отношеніяхъ для меня замѣчательно.

Буйное время 1848 года все болѣе и болѣе утихаетъ, противодѣйствіе является опредѣленнѣе: папа возвратился въ Римъ, эрцъ-герцогъ Іоаннъ оставилъ свой постъ, учреждена коммиссія, Австріи и Пруссіи даны новыя конституціи, во Франціи ограничено право всеобщихъ выборовъ.

И у насъ духъ времени не прошелъ мимо. Хотя дѣло Петрашевскаго, Спѣшнева и др. не имѣло ничего важнаго, и напрасно связали его, въ указѣ, съ событіями Запада; но духъ времени, дерзкій духъ пытливости и самонадѣянности, виденъ и въ поступкахъ этихъ молодыхъ людей. Этотъ духъ времени имѣлъ послѣдствіемъ мѣры ограниченія въ разныхъ видахъ. Къ числу этихъ мѣръ принадлежатъ: положеніе о земскихъ повинностяхъ, новый тарифъ, измѣненія въ составѣ мелкихъ чиновниковъ и въ дѣлопроизводствѣ. Мѣры сіи по предмету своему чрезвычайно важны и будутъ имѣть большое вліяніе въ послѣдствіи; но онѣ начертаны спѣшно, приведены въ исполненіе не совсѣмъ обдуманно и потому не только не заслужили должнаго вниманія и признательности, но вызываютъ необходимость быть измѣненными и разъясненными. Исполнителями этихъ предначертаній были: о повинностяхъ М. Н. Муравьевъ, человѣкъ свѣдущій, но честолюбивый; по тарифу Тенгоборскій, знающій Австрію лучше Россіи; о сокращеніи чиновниковъ графъ Гурьевъ, получившій Андрея, какъ говорятъ въ Петербургѣ, pour le massacre des innocents [2]); по дѣлопроивводству

[1]) К. Н. Лебедевъ, въ то время, къ которому относится эта выдержка изъ его Записокъ, исправлялъ должность оберъ-прокурора въ 1-мъ отдѣленіи 6-го департамента Правительствующаго Сената. П. Б.

[2]) За избіеніе неповинныхъ.

кн. П. П. Гагаринъ, человѣкъ мало испытавшій себя и въ дѣлахъ канцелярскихъ, и въ дѣлахъ государственныхъ. Нельзя не замѣтить, что всѣ эти нововведенія исходили первоначально отъ Государя и не согласны съ воззрѣніями министровъ, а потому и поручены ихъ соперникамъ. Поэтому нельзя ожидать дружнаго ихъ содѣйствія, особенно при введеніи положенія о дѣлопроизводствѣ, положенія содержащаго въ себѣ много важнаго и говорящаго о децентрализаціи и объ усиленіи мѣстныхъ властей. Такое направленіе для Россіи слишкомъ раннее, но тѣмъ не менѣе весьма полезное, если хорошо примѣнить его. Нельзя не пожалѣть, что законодательныя работы у насъ слишкомъ подчинены отвлеченію, теоріи и по большей части разсматриваются чрезвычайно-односторонне и возникаютъ безъ опредѣленныхъ требованій или поводовъ. При этомъ нельзя не припомнить покойнаго Д. В. Дашкова, поборовшаго это направленіе въ лицѣ Сперанскаго, который былъ истый родоначальникъ теоретическаго и отвлеченнаго взгляда на законодательную работу. Въ Москвѣ это направленіе встрѣчаетъ постоянное и открытое порицаніе, не рѣдко поспѣшное и неосновательное. Оно выражается всѣми, высшими и низшими, начальствующими и подчиненными, въ кабинетахъ, въ клубахъ, а особенно въ гостиныхъ. При первой встрѣчѣ со мною генералъ-губернаторъ выразился очень подробно на счетъ Уголовнаго Уложенія 1845 года, весьма рѣзко замѣтивъ все пустое его многословіе, бездѣйствіе его въ лишеніи правъ и преимуществъ, вредъ распространеннаго порядка заключенія, въ государствѣ, гдѣ правъ и преимуществъ мало, а хорошихъ мѣстъ заключенія еще меньше. Осторожно говоритъ Филаретъ о новыхъ мѣрахъ по духовному вѣдомству; но, умышленно или неумышленно, онъ не исполнилъ указа Сѵнода и послѣ трехъ подтвержденій. Поверхностно бранитъ князь Сергій Михаиловичъ распоряженія по его части, посмѣиваясь надъ предположеніемъ принца Ольденбургскаго объ уменьшеніи приносимыхъ дѣтей. За то открыто и смѣло осуждается все что̀ дѣлается по Министерству Просвѣщенія. Здѣсь графъ Строгановъ и даже генералъ Назимовъ умѣютъ возвысить голосъ. Пріѣздъ князя Ширинскаго-Шихматова представлялъ что-то до невѣроятности забавное. Никто не противорѣчилъ его церковничьимъ взглядамъ, но никто также и тѣни не показалъ, что ихъ раздѣляетъ. Университетъ въ открытой борьбѣ съ этими взглядами, выражающейся въ Татьянинъ день и Филаретомъ. Молодежь профессоровъ совершенно-Нѣмецкой школы. Обуздать ее можетъ конечно не г. Назимовъ, весьма близорукій ученый. Вліяніе Университета весьма сильно, и стремленіе его внести науку въ общество упорно и не безъ успѣха. Основаніемъ этому слѣдуетъ считать отсутствіе живыхъ инте-

ресовъ въ жизни Москвы и сосредоточеніе въ Москвѣ опальныхъ людей. Чѣмъ Москвичи заняты? Картами? Карты въ Петербургѣ—орудіе связей дипломатическихъ, политическихъ и коммерческихъ, чего въ Москвѣ нѣтъ. Театрами? Они дурны. Балами? Они дороги. Явленію этому особенно способствовалъ графъ Строгановъ, противникъ графа Уварова. И тотъ и другой сдѣлали изъ науки трещетку и орудіе угодливости: министръ льстя Государю, попечитель льстя Московскому юношеству и лаская свое самолюбіе. Графъ Строгановъ принялъ мысль молодыхъ ученыхъ о національномъ направленіи науки и далъ молодежи болѣе свободы нежели слѣдовало, а далъ это единственно потому, чтобъ показать, что онъ независимѣе отъ министра, чѣмъ думаютъ. Этотъ бунтъ попечителя, безпрестанно выражавшійся въ сношеніяхъ на бумагахъ, кончился увольненіемъ графа Строганова; но этотъ спокойный и покорный Университетъ есть живое противорѣчіе принимаемымъ мѣрамъ. Правительство ограничиваетъ число университетскихъ слушателей, а Университетъ открываетъ чтенія, на которыхъ слушателей цѣлыя сотни. Университетъ такъ принялъ помощника попечителя В. Муравьева, что даже этотъ дерзкій человѣкъ растерялся и былъ на волосъ отъ того, чтобъ его графъ Закревскій выслалъ изъ столицы. Между тѣмъ ученіе въ Университетѣ по прежнему поверхностно, и нѣтъ ни одного человѣка, который бы понялъ настоящее значеніе высшаго образованія. Самый умный изъ генераловъ графъ Закревскій ничего не можетъ сдѣлать. Онъ ищетъ заговоровъ и тайны, моетъ голову неосторожнымъ болтунамъ; а знаетъ ли онъ, что̀ читаютъ Рѣдкины, Вернадскіе, Катковы? Знаетъ ли онъ, какъ эта даровитая, но односторонняя школа соединила въ себѣ и голоса каѳедры, и голоса журналовъ, и голоса гостинныхъ? Какое есть имъ противодѣйствіе? Никакого; а поощреніе они находятъ во многомъ: Славянофилы, опальные, какъ и графъ Строгановъ, графиня Ростопчина, Стрекаловъ, Шиповъ, Болховской, Корфъ, Сушковъ, графъ В. Бобринскій, Корсаковъ, И. С. Храповицкій, Обручевъ, особенно Ермоловъ и многіе, многіе, наконецъ, праздная молодежь.

Московская ученая публика гораздо лучше и выше Петербургской; но ученые и литераторы дѣйствуютъ недобросовѣстно. Поставленные графомъ Строгановымъ молодые профессора, слѣдуя образцу, ищутъ популярности льстивыми возгласами у молодежи и порицаніемъ дѣйствительности стараются ввести науку, т.-е. себя, въ свѣтское общество. Они въ этомъ успѣваютъ и основываютъ успѣхъ свой, какъ на томъ, что они члены свѣтскаго общества, такъ и на монополіи, хваля другъ друга въ журналахъ и книгахъ. Изъ сочиненій ихъ болѣе замѣчательны: Аббатъ Сугерій Грановскаго, чтеніе отдѣланное чи-

стенько; Судьбы Италіи Кудрявцева, книга скучная, особенно по претензіи на ученость и самостоятельность выводовъ. Весьма хороши сборники Калачова (Архивъ) и Леонтьева (Пропилеи). Въ послѣднемъ хвалили статью «Римскія женщины» Кудрявцева; статья написана хорошо, хотя водянисто и гораздо хуже его же статьи, написанной имъ въ опроверженіе сочиненія графа Уварова, развившаго мысль Наполеона: les vraies vérités historiques sont difficiles à trouver. Добросовѣстны труды Калачева, Буслаева и Каткова. Разсужденіе Пахмана о доказательствахъ не достаточно серьезно; тоже по моему мнѣнію можно сказать и о произведеніи Соловьева «Исторія Россіи».

Торжеству молодыхъ людей способствуетъ бездѣйствіе старыхъ: Погодинъ со своимъ «Москвитяниномъ» погрузился въ меркантильность и исключительно занятъ своимъ древлехранилищемъ. Шевыревъ считаетъ себя выше ученаго сословія и мало изучаетъ науку. Позабавили они Москву споромъ о Лухмановскихъ рисункахъ, которыя графъ Строганонъ называетъ холстинами, Катковъ полотнами, Шевыревъ картонами. Ихъ повезли въ Лондонъ на всемірную выставку, и Athenæum окончательно ихъ уничтожилъ.

Новые таланты Московскіе, кромѣ даровитой графини Ростопчиной, обѣщаютъ развиться: Евгенія Туръ (графиня Сальясъ, урожденная Сухово-Кобылина, ученица бывшаго профессора Надеждина), потомъ Тургеневъ со своими Записками Охотника, Писемскій съ повѣстями и комедіями, Островскій съ комедіей «Банкрутъ» (Свои люди сочтемся), Аксаковъ съ драмой «Освобожденіе Москвы», при единственномъ представленіи, на которое такъ негодовали Трубецкіе и другіе. Вообще мыслительность развита въ Москвѣ весьма сильно, и споры, пересуды, разговоры весьма распространены даже и въ среднихъ слояхъ. Молодыя и старыя женщины этому много способствуютъ. Отсутствіе служебной дѣятельности открываетъ поприще частной. Какъ можно такимъ головамъ, какъ Хомяковъ, Чаадаевъ и др., не служа и не неся никакой отвѣтственности, оставаться въ бездѣйствіи? Въ слѣдствіе многочисленности такихъ не служащихъ и не носящихъ никакой отвѣтственности лицъ, Москва смотритъ республикой, хотя ею управляетъ графъ Закревскій, не допускающій даже конституціонной монархіи. Служебная и общественная дѣятельность Москвы сосредоточивается въ слѣдующихъ учрежденіяхъ:

1. Сенатъ. Онъ, хотя еще и хранитъ старыя преданія, и въ немъ есть еще старые сенаторы не понимающіе и не знающіе дѣла, но уже есть и такіе, которые обходятся безъ секретарей: Дребушъ, Курута, Нечаевъ, Ахлестышевъ, Дашковъ. Взятки есть, но составъ канцерій вообще чище. Много имѣютъ вліянія на рѣшенія сенаторовъ

просьбы и Англійскій клубъ. Запущенія департаментовъ весьма велики. Послѣ уничтоженія канцеляріи 7-го департамента, надобно бы тоже сдѣлать и въ 6-мъ, гдѣ я нашелъ совершенный безпорядокъ, и съ 4-мъ, гдѣ М. Г. П—въ не отыскалъ (и донесъ министру) тысячу дѣлъ и въ 8-мъ, гдѣ въ Августѣ 1851 захвачены два секретаря и оберъ-секретарь по доносу о взяткахъ. Хорошо, что не было доноса о взяткахъ, данныхъ оберъ-прокурорамъ и сенаторамъ.

2. Генералъ-губернаторъ. Это графъ Арсеній Андр. Закревскій, свѣжій старикъ, истинно - добрый человѣкъ, съ умомъ и большими способностями, весьма дѣятельный и исполнительный, но человѣкъ безъ всякаго свѣтскаго образованія, поспѣшный и иногда грубый, часто находящійся подъ вліяніемъ жены и дочери. Онъ обставленъ очень дурно, и я не знаю ни одного человѣка около него, который пользовался бы уваженіемъ и довѣріемъ. Впрочемъ, къ чести графа, надобно сказать, что ни канцелярія, ни кто другой не вліяютъ на него, и онъ дѣйствуетъ самостоятельно. Страхъ 1848 года требовалъ начальника полицейскаго. Графъ Закревскій до сихъ поръ занятъ открытіемъ и предупрежденіемъ заговоровъ—какихъ, о чемъ, гдѣ? Зло производится нынѣ не заговорщиками. Зло распространяется гласностью письма и общественной болтовни. Этого графъ понять не въ силахъ. Въ послѣднее время онъ самъ поддался Московскому вліянію и почти готовъ льстить мѣстной слабости: порицать, полиберальничать, пообсудить. Зло распространяется недовѣріемъ къ судамъ и властямъ. Въ этомъ отношеніи губернскія учрежденія не заслуживаютъ никакого довѣрія. Губернаторъ Ив. Вас. Капнистъ ни разу не объѣхалъ губерніи и лѣнивъ до крайности. Вице - губернаторъ ***, пользовавшійся общимъ презрѣніемъ, сбытъ въ Рязань въ губернаторы, по предстательству графа, который, къ моему удивленію, на вопросъ почему назначаютъ ***—ва губернаторомъ, отвѣчалъ: «тамъ былъ хуже!» (Кожинъ). На мѣсто ***, по желанію графини, назначили Беринга, который пріѣзжалъ ко мнѣ съ требованіемъ разъясненія: «подчинены-ли ему совѣтники?» Суды, особенно низшіе, до крайности дурны. Прокуроръ слабъ и, не поощряемый министерствомъ, ищетъ въ генералъ-губернаторѣ. Вообще личный составъ чиновниковъ весьма не удовлетворителенъ. Трудно графу Закревскому не быть въ ложномъ положеніи въ городѣ, гдѣ общество считаетъ себя аристократическимъ, гдѣ говорятъ по-французски.

3. Университетъ. Онъ хорошо поддерживаетъ свое достоинство. Генералъ Назимовъ не знаетъ и не понимаетъ ничего въ наукѣ. Это добрый, благородный человѣкъ, но не болѣе. Помощникъ его смѣло взобрался на мѣсто, но не знаетъ, какъ выбраться. Трудно предста-

вить, кто бы былъ такъ нелюбимъ, какъ Валеріанъ Муравьевъ. Университетъ—это главная и лучшая стихія Московской жизни.

4. Общество Сельскаго Хозяйства. Важное учрежденіе это совершенно въ рукахъ Степ. Ал. Маслова. Но общество лишилось души своей въ покойномъ кн. Д. В. Голицынѣ. Теперь оно болѣе говоритъ, нежели дѣйствуетъ. Наука сельскаго хозяйства много потеряла въ Павловѣ *). Предсѣдатель Гагаринъ, вице-президенты Шиповъ и Назимовъ. Общество требуетъ обновленія существеннаго. Оно робко и занято какими-то игрушками. Чтобъ оцѣнить главу его секретаря и директора Маслова, достаточно прочесть его донесенія о поѣздкѣ на всемірную выставку.

5. Воспитательный Домъ, т.-е. ссудная казна и ея учрежденія. Предсѣдатель кн. Серг. Мих. Голицынъ—царекъ Московскій. Начальникъ ссудной казны П. С. Полуденскій, а начальникъ Воспитательнаго Дома кн. А—ъ Петр. Оболенскій, итого ровно 250 лѣтъ. Можно судить, какой порядокъ и сколько дѣятельности. Есть тамъ два живыхъ лица: кн. Ник. Ив. Трубецкой и Ник. Петр. Мартыновъ; но злоупотребленія, вошедшія въ какой-то обычай, искоренить трудно: главный начальникъ кн. С. М. Голицынъ не имѣетъ никакой воли.

6. Дворцовое управленіе едва слышно, хотя время (Августъ и Сентябрь 1851 года) было для него самое благопріятное. Главнымъ здѣсь баронъ Боде, а значитъ все князь Грузинскій и, наконецъ,

7. Московская общественность—это Москва.

Можетъ быть, я мало знаю Московское общество, рѣдко посѣщая его по множеству дѣлъ; но эта стихія въ Москвѣ, по моему мнѣнію, составляетъ главнѣйшую замѣну служебной дѣятельности, очень въ Москвѣ незначительной и совершенно поглощаемой этою общественностью. Какъ Петербургскій, я, можетъ быть, не такъ понимаю эту общественность, но долженъ сказать, что проявленія ея заслуживаютъ вниманія правительства.

Общественность Московская проявляется въ клубахъ, театрахъ, общественныхъ собраніяхъ и въ гостинныхъ. Клубы: Англійскій, Дворянскій, Купеческій и Нѣмецкій, всѣ очень посѣщаемые. Особенно значителенъ первый, который графъ Закревскій называетъ Государственнымъ Совѣтомъ. Тамъ часто рѣшаются дѣла Сената, оканчиваются тяжбы сдѣлками, тамъ выражается оппозиція генералъ-губернатору заболтированіемъ его любимцевъ, тамъ свиданіе всѣхъ Московскихъ представителей. Бывали тамъ толки и пересуды, но при

*) Михаилѣ Григорьевичѣ. Это отецъ Н. М. Павлова, книга котораго „Наше переходное время“ приложена къ „Русскому Архиву“ 1888 года. П. Б.

графѣ Закревскомъ прекратились. Знающіе дѣло жалуются, что мала игра и что много молодыхъ людей—это бѣда. Но бѣда эта гораздо сильнѣе, въ другихъ клубахъ, гдѣ нѣтъ порядочнаго тона и средствъ и гдѣ праздная и разгульная вольность молодежи иногда принимаетъ видъ довольно сальной и пьяной компаніи, доходящей или до непростительной шалости, или до рукопашной расправы. Ограниченія клубной жизни настоятельно требуютъ маменьки и дочки, которыя скучаютъ въ опустѣвшемъ кругу семейномъ. Отъ скуки они ѣдутъ въ театръ.

Театры Московскіе весьма посредственны и имѣютъ то общее съ Петербургскими, что Французскій дразнитъ вниманіе зрителей не совсѣмъ пристойными фарсами, а Русскій, гдѣ, кромѣ Щепкина есть дарованія замѣчательныя, подавленъ требованіями мало образованныхъ зрителей и потому рѣдко серьезно изучаетъ пьесу и часто впадаетъ въ грубость. Если пріѣдетъ Эльснеръ или Самойловъ—восхищеніямъ нѣтъ конца. Цвѣты, обѣды, браслеты, стихи, отпряжка лошадей—словомъ, всѣ преувеличиванія людей мало видящихъ замѣчательнаго. Во всѣхъ этихъ преувеличиваніяхъ виновато конечно не правительство, а недостатокъ такта и порядочнаго обычая, вообще весьма трудно утверждающагося въ такой огромной деревнѣ, въ которой пріѣзжихъ на время гораздо болѣе постоянныхъ представителей общественности.

Ученыя собранія очень дѣятельны. Особенно это должно сказать объ Историческомъ Обществѣ, которое такъ много обязано графу Строганову и профессору Бодянскому; Общество Медицинское, гдѣ много трудятся ученый Полунинъ и химикъ Лясковскій. Общество Испытателей Природы подъ предсѣдательствомъ старца Фишера.

Общества частныя, гостинныя, у многихъ лицъ, но особенно у графини Ростопчиной и у дяди ея Сушкова. Былъ я раза три у Погодина: собранія умныя, но немного табачныя и студентскія.

Графиня Ростопчина есть истинная Московка-демократка, либералка, талантъ смѣлый, языкъ рѣзкій, стихъ прекрасный. Она дурно пишетъ прозою. Въ прозѣ графиня Сальясъ-де-Турнемиръ беретъ верхъ надъ нею и надъ всѣми. Изъ мущинъ въ обществѣ главенствуетъ надъ всѣми всезнающій Хомяковъ, дѣйствительно замѣчательный человѣкъ; потомъ С. П. Шевыревъ, профессоръ съ большими свѣдѣніями. Удивительно, какъ этотъ ученый профессоръ мало пользуется уваженіемъ. Молодежь, по словамъ Плещеева, называетъ его камеръ-дихтеръ всѣхъ генералъ-губернаторовъ.

Департаментъ мой нашелъ я, въ полномъ смыслѣ слова, въ совершенномъ безпорядкѣ. Я пробылъ въ Москвѣ около двухъ лѣтъ и оставилъ департаментъ еще не окончательно устроеннымъ. Не стану говорить, что̀ перенесъ я непріятнаго въ теченіи этого времени. *Сенаторы*: Д. Н. Болговской и А. В. Дашковъ, престарѣлые, не присутство-

вали. Кн. Петръ Иван. Трубецкой и Серг. Гер. Батуринъ присутствовали всегда и рѣдко мѣшали; присутствовалъ не всегда, но всегда мѣшалъ старшій и умнѣйшій изъ всѣхъ ***, бывшій оберъ-прокуроръ Сунода, человѣкъ правдивый и убѣждающійся, но въ высочайшей степени надоѣдливый, привязчивый, своенравный. Я не знаю человѣка, который любилъ бы его. Канцелярія ненавидѣла его. «Это напасть!» говорилъ оберъ-прокуроръ Зубковъ. «Это ничтожество!» говорилъ сенаторъ Мартыновъ. «Это медлительная смерть!» говорилъ кн. П. И. Трубецкой на слова ***: пять разъ отмѣрь, одинъ разъ отрѣжь. Мы сошлись съ нимъ, но немало это стоило моему самолюбію. Теперь я съ нимъ разстался по службѣ; желаю, чтобъ навсегда. *** женился на прекрасной дѣвушкѣ. Она умерла. У него осталось двѣ дочери и два сына: Юрій очень умный, но болѣзненный и еще сынъ болѣзненный. Нестерпимый по службѣ *** дома человѣкъ хорошій, пріятный и хлѣбосолъ.

Дѣлъ, которыя довелось мнѣ вести, было много; упомяну о слѣдующихъ:

1. Дѣло Устинова объ убійствѣ полковника Якубинскаго. Дѣло огромное. Кто и за что убилъ молодаго богача, рѣшительно неизвѣстно. Можетъ быть камердинеръ, упорный Хохолъ; можетъ быть лекарь, вспыльчивый пріятель Устинова. Видно только, что каждая строка дѣла заплачена золотомъ Устинова. Замѣчательно, что по прибытіи моемъ въ Москву, я нашелъ дѣло для переписки въ Работномъ Домѣ.

2. Дѣло о растратѣ мѣдной монеты; въ растратѣ виновата Казенная Палата, по такъ какъ тамъ предсѣдательствовалъ Серг. Дм. Киселевъ (покойный), то признали виновными откупщиковъ и изъ нихъ одного Визигина. Опредѣленіе истребовано было въ министерство, куда я послалъ его безъ моего мнѣнія. Киселевъ зналъ о его разрѣшеніи прежде меня и, привезя мнѣ письмо Пл. Д. Илличевскаго къ брату его, просилъ, нельзя ли намъ сгладить натяжки, допущенныя по дѣлу для устраненія предсѣдателя: замѣчательная просьба добродушнаго человѣка.

Москва кишитъ преступленіями: въ разорившемся дворянствѣ поддѣльными векселями Загряжскаго,..... Бородина, Нилуса; въ купечествѣ подлогами безпрерывными; въ мелкомъ чиновничествѣ, гдѣ изъ подлоговъ и обмановъ сдѣлали родъ промысла.

Графъ Закревскій много переводитъ мелкихъ мошенниковъ, но мошенничества не переведешь, и оно все болѣе и болѣе втирается въ слои высшіе.

Въ этомъ отношеніи 6-й Московскій Департаментъ имѣетъ большую важность.

1852 годъ.

Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева [1]).

I. Смерть А. В. Абазы. Сегодня 21-го Марта, скончался боярин Аггѣй Васильевичъ Абаза, замѣчательный человѣкъ Русскій. Не имѣя почти никакого состоянія, онъ нажилъ откупами милліоны. Никогда не видалъ я его унылымъ и разсерженнымъ; всегда здоровый, веселый, онъ велъ роскошную жизнь. Его любовь къ дѣтямъ доходила до слабости. Особенно любилъ онъ дочь свою Прасковью, вышедшую за мужъ за Львова (музыканта) и сына Александра, женившагося на дочери богатаго откупщика Бенардаки. И дочь и сынъ оправдываютъ любовь его. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Радостно ты встрѣтишься со своею доброю истинно-христіанской женой [2]). Семейство его (кромѣ Прасковьи и Александра), кажется, не устроено. Дай Богъ имъ устроиться за добродѣтели матери и за любовь, которой пользовался отецъ. Аггѣю Васильевичу было около 70 лѣтъ; онъ былъ весьма тученъ. У него былъ обѣдъ; послѣ обѣда онъ игралъ въ карты и отдалъ выигрышъ дочери Вѣрѣ для бѣдныхъ. Въ десять часовъ съ нимъ случился ударъ, и пять дней онъ былъ безъ языка и безъ памяти. Мы отъ души жалѣли объ этомъ добромъ человѣкѣ.

II. Князь Суворовъ. Вотъ уже два раза видѣлся и говорилъ съ генералъ-губернаторомъ княземъ Александромъ Аркадіевичемъ Суворовымъ. Много разсмотрѣлъ дѣлъ Остзейскаго края и странное получилъ впечатлѣніе. Князь человѣкъ общественный, дѣломъ не занимается, законовъ не знаетъ, подчиняется вліянію перваго докладчика и готовъ дѣлать все, опираясь на любовь Государя и на то, что онъ

---

[1]) См. выше, стр. 481.

[2]) А. В. Абаза, потомокъ Молдавскаго боярина, род. въ 1782 г. Женатъ былъ на Прасковьѣ Логиновнѣ урожд. Манзей (Происхожденія Шотландскаго). П. В.

свѣтлѣйшій князь. Онъ въ открытой борьбѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; онъ поддерживаетъ мѣстныя права, вовсе не имѣя о нихъ точнаго понятія. Къ тому же и правители канцеляріи его люди очень неопытные. Кромѣ того, и въ краѣ начались какія-то ябедничества, жалобы, извѣты и сутяжничество. Прежняя отдѣльность края очевидно ослабляется; въ него вторгнулись православіе, чиновничество и кодификація. При Е. А. Головнинѣ шли дѣла плохо; а теперь, не смотря на отстаиваніе князя, дѣла идутъ еще хуже: ибо три означенныя измѣненія такъ запутываютъ отношенія, что неловкимъ Нѣмцамъ трудно выбираться въ мутныхъ, устарѣлыхъ privilegia и singularia.

Желательно, чтобы скорѣе вышли остальныя части свода (III, IV и V) и чтобъ потомъ, не опуская рукъ, умно ввели ихъ въ столбцы общаго свода.

III. Министръ ст. секр. Ѳедоръ Павловичъ Вронченко умеръ 6 Апрѣля. Природа предназначила его для среды средней руки. Это былъ человѣкъ малообразованный, неглупый и добрый, старый волокита и забавный угодникъ Катерины Захаровны Канкриной. Въ молодости онъ былъ хорошій работникъ; въ старости, когда онъ выведенъ былъ на государственное поприще, никто съ нимъ изъ великихъ міра не говорилъ иначе, какъ шутя, особенно покойный Великій Князь Михаилъ. Два начальника отдѣленія, докладывавшіе ему, сообщили мнѣ, что онъ, кромѣ кредитной канцеляріи, рѣшительно ничего не понималъ и слишкомъ поздно назначенъ, чтобъ научиться. Ничтожный этотъ человѣкъ достигъ всего, что только можно заслужить: титула, министра и графа, чина д. т. совѣтника и ордена Андрея. Со времени его назначенія финансами завѣдывалъ Государь, и этимъ только и можно объяснить его назначеніе. Три важныхъ мѣры приняты въ это время: отдѣленіе 30 милліоновъ для покупки публичныхъ фондовъ, новый тарифъ (работа Тенгоборскаго) и земскія повинности. Ни въ одной изъ сихъ мѣръ покойный министръ не участвовалъ нисколько. Онъ въ обществѣ былъ извѣстенъ болѣе по смѣшнымъ анекдотамъ и постояннымъ прогулкамъ съ граціями по Невскому. Товарища его П. Ѳ. Брока назначилъ ему Государь. Впрочемъ, добрый по душѣ, покойный никому не сдѣлалъ зла. Общее мнѣніе назначаетъ ему въ преемники М. Н. Муравьева, сенатора генерала Чевкина и Дм. Гавр. Бибикова. Это люди съ отличными головами. Едва ли, однако, кто нибудь изъ сихъ лицъ будетъ назначенъ; управлять министерствомъ будетъ Брокъ.

IV. Необыкновенныя награды товарищу министра П. Ѳ. Броку вызвали и необыкновенные толки. Брокъ исходатайствовалъ большую денежную награду барону Гревеницу (директору министра). Гревеницъ сочинилъ письмо о наградѣ Броку отъ имени умирающаго старика

Вронченки, которое старикъ подписалъ. Государь утвердилъ. Деньги 15 тысячъ, мѣсто товарища министра финансовъ и сенаторство. Слухи говорятъ, что письмо писано Гревенпцемъ и Брокомъ и ими же подписано за Вронченку. Правда въ этомъ дѣлѣ лишь только та, что старикъ не зналъ, что́ подписывалъ, и что мысль о письмѣ пришла не умирающему, а утвержденіе ходатайства сдѣлано для умирающаго. Старики острятъ: «хорошъ Брокъ, да будетъ ли отъ него прокъ!» Выборъ осуждаютъ; но изъ кого выбрать Государю? Хорошо еще, что выборъ палъ на Брока, а не на другаго Вронченку?

V. Нашъ министръ пришелъ къ дуализму. Съ Высочайшаго соизволенія онъ раздѣлилъ свои занятія съ товарищемъ; оставилъ при себѣ Топильскаго и всѣ важнѣйшія дѣла по Совѣту, Комитету и Консультаціи, а также опредѣленіе чиновниковъ до 6-го класса; остальныя дѣла онъ отдалъ товарищу, при которомъ уголовными дѣлами завѣдуетъ вице-директоръ Бутковскій. Толкуютъ въ департаментѣ, что это сдѣлано для устраненія товарища министра Илличевскаго въ случаѣ отъѣзда министра, въ Маѣ, въ чужіе края. Но чего боится графъ Панинъ? Илличевскаго? Вольно и грустно смотрѣть. Эти Илличевскіе, Топильскіе, Путиловы губятъ вѣдомство. Министръ безпрестанно сердится; даже съ Консультаціей разговариваетъ жестко, грубо; въ Совѣтѣ и Комитетѣ вездѣ встрѣчаетъ порицанія и отраженія. Но знаетъ ли онъ, въ какомъ положеніи дѣла въ губерніяхъ? Знаетъ ли, что въ самомъ Сенатѣ половина дѣлъ потеряна? Что управленіе на шагъ отъ того, чтобъ навлечь на себя всю тяжесть отвѣтственности? Ну, если Государь назначитъ ревизію по всему вѣдомству? Ну, если вступитъ въ должность другой министръ и вздумаетъ угостить ревизіей своего предшественника? Окружающіе графа любятъ его милости, но они вовсе не дорожатъ его честью и достоинствомъ. Они безусловно исполняютъ его приказанія, но имъ въ голову не придетъ доложить о послѣдствіяхъ его приказаній; они разсылаютъ подтвердительные циркуляры о точномъ исполненіи закона и порядка, но имъ дѣла нѣтъ до того, что они первые нарушители этого порядка. Исключительное поощреніе молодежи изъ правовѣдовъ, безпрестанныя перемѣщенія чиновниковъ, назначеніе дѣлопроизводителей мимо и даже противъ желанія непосредственныхъ начальниковъ, страшная медленность въ разрѣшеніи представленій, оставленіе дѣлопроизводства и суда въ настоящемъ, очевидно обветшаломъ видѣ, занятія мелочами, вѣдомостями и таблицами, мелкія придирки, игра каприза, зависти и самолюбія, выборъ подъ вліяніемъ этихъ чувствъ своихъ ближайшихъ помощниковъ—да чего же можно ожидать при такомъ управленіи? Шереметеву, Данзасу,

Мартынову это нравится, баронъ Корфъ, князь Гагаринъ и Муравьевъ этому радуются; но сердцу преданному это прискорбно и больно.

VI. Вотъ вышло повелѣніе о раздѣленіи власти министра и товарища его. Не знаю, кто тутъ найдетъ смыслъ. Можетъ быть, впрочемъ, съ этимъ раздѣленіемъ властей улучшится наше положеніе. Власть наша такъ унижена, замѣщеніе свободныхъ мѣстъ такъ произвольно и временно, что подчиненные внемлятъ болѣе просьбѣ, нежели дѣлу и приказанію. Имѣя связи съ канцеляріею министерства и директорами, они перемѣщаются помимо оберъ-прокуроровъ. За то хороши и плоды. Огромная письменность допускаетъ небрежность; дѣла рѣшаются и пишутся кое-какъ; перемѣщеніе оберъ-прокуроровъ и вообще чиновниковъ, частое, безпрерывное, имѣетъ послѣдствіемъ то, что они нисколько не дорожатъ своими департаментами; а меньшіе чиновники, особенно правовѣды, считаютъ ничтожнымъ дѣломъ завѣдывать столомъ. Отъ этого дѣла въ безпорядкѣ, значительная часть бумагъ и дѣлъ растеряны. У меня во 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента оберъ-секретарь (Романовскій) болѣе года въ командировкѣ; другой (Гауеръ) боленъ 4 мѣсяца и отправился въ чужіе края. Итакъ, изъ 3-хъ нѣтъ 2-хъ. Въ Декабрѣ прошлаго года я представилъ о замѣщеніи секретаря, и шестой мѣсяцъ нѣтъ утвержденія; четырехъ помощниковъ до сихъ поръ не назначаютъ, ожидая выпуска изъ школы правовѣдѣнія, какъ будто не школьники для канцеляріи, а Сенатъ для школьниковъ. Грустно это, и при большей независимости я давно бы оставилъ этотъ постъ.

VII. Замѣчателенъ указъ объ учрежденіи Сибирскаго комитета въ томъ же видѣ какъ и Кавказскій. Зачѣмъ же уничтожили прежній? Потому ли, что не было Анисимова? Былъ Сперанскій. Или потому, что хотятъ преобразовать край, преобразованный вчера во всемъ составѣ? Или, наконецъ, потому, что нашелся человѣкъ, завѣдующій всѣми комитетами—Бутковъ? Быстро идетъ этотъ дѣятельный и даровитый молодой человѣкъ; но, исполняя все для князя Воронцова по Кавказу, будетъ ли онъ также исполнителенъ для гг. Гасферта и Муравьева?

VIII. Н. Н. Анненковъ прекрасный и благородный человѣкъ; но вотъ три мѣсяца какъ онъ завѣдуетъ высшею цензурою, и вотъ три случая мнѣ извѣстные: 1) въ Москвѣ профессоръ Рулье, въ напечатанной лекціи, объяснялъ происхожденіе растеній изъ земли посредствомъ химическаго процесса. Въ Петербургѣ нашли это противнымъ Книгѣ Бытія 2). Въ полицейской газетѣ на дняхъ напечатано было, что ***, прибывъ въ Мюнхенъ, были въ театрѣ, гдѣ давали оперу «Блудный Сынъ». Это сближеніе нашли неприличнымъ. 3) Молодой че-

ловѣкъ И. С. Тургеневъ помѣстилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статью о Гоголѣ. Тургенева посадили подъ арестъ! Какая во всемъ поспѣшность, непослѣдовательность; а между тѣмъ какіе все важные вопросы разрѣшаются и какое важное время для сихъ вопросовъ!

IX. Указъ 2-го Апрѣля о *высылкѣ* молодыхъ дворянъ изъ семействъ помѣщиковъ Западнаго края, съ 16 до 25 лѣтъ, въ гражданскую службу принятъ съ большимъ ропотомъ. Этотъ указъ написанъ жестко. Желательно бы знать, кто его присовѣтовалъ? Говорятъ, Бибиковы, но не Паскевичъ; указъ былъ приготовленъ еще въ Петербургѣ.

X. Графъ Панинъ говорилъ мнѣ о частыхъ разноглосіяхъ и недостаткѣ единства въ воззрѣніяхъ по дѣламъ въ Сенатѣ, особенно въ общихъ собраніяхъ и на Консультаціи. Графъ замѣчаетъ справедливо; но что же тутъ дѣлать оберъ-прокурору? Развѣ онъ не знаетъ этихъ гг. сенаторовъ: генерала Че—шова, Ба—рина, Лип-каго, Г—на, Тру—кова, Бух—а? По составу Сената единства воззрѣній быть не можетъ. Могъ бы быть авторитетъ, могли бы поддержать это единство первоприсутствующіе; но поддержатъ-ли ихъ гг. Дур—ъ, Полуд—ій, Гор—ли, чающіе движенія воды, или г. Ч—въ, ничего не понимающій, или г. Кочубей, понимающій, но лѣнивый. Грустное время!

XI. Дѣла идутъ кое-какъ. Я описалъ это министру подробно въ донесеніи отъ 31 Августа 1851 года. Десять лѣтъ знаю я Консультацію, учрежденіе *по* составу своему и *по* началу полезное и прекрасное; но что изъ него сдѣлали? Когда тамъ сидѣли Пинскій, Данзазъ, даже Капгеръ—былъ авторитетъ, было достоинство и довѣріе. Пинскій со своею отличною памятью и логикой и какъ директоръ, которому извѣстны случайныя дѣла и общія толкованія, былъ для насъ очень поучителенъ. Данзазъ, при всѣхъ этихъ качествахъ, съ умомъ болѣе многостороннимъ, не первенствовалъ единственно потому, что, увлекаясь игрою въ карты, рѣдко читалъ бумаги. Теперь же что? Плисовъ, Салтыковъ, Цеймернъ—ихъ никто не послушаетъ. Быковъ? Да, но отсутствіе теоретическихъ познаній мѣшаетъ ему быть многостороннимъ. Г-ну Топильскому некогда, такъ какъ онъ заваленъ порученіями. Остаются Матюнинъ и я; но Матюнинъ слишкомъ остороженъ, а я неостороженъ и слишкомъ давно въ загонѣ. Еще есть Подчаскій, графъ Зубовъ и князь Кочубей, которые не умѣютъ ни работать, ни понимать дѣло. Зубковъ, Карцовъ и Торнау такъ не смѣлы, что на нихъ никто не положится. А между тѣмъ, отъ предсѣдательствующихъ зависитъ многое, и они могли бы быть существенно полезны. Дайте хорошаго первоприсутствующаго, и вы установите порядокъ.

XII. Иванъ Кирѣевскій (издатель «Европейца») помѣстилъ въ Аксаковскомъ «Московскомъ Сборникѣ» любопытную статью о просвѣщеніи Европы по отношенію къ Россіи. Я съ большимъ вниманіемъ читалъ эту статью Славянофила, написанную не тяжело и довольно послѣдовательно. Попадаются странныя выраженія въ родѣ «цѣльность духа», не совсѣмъ понятныя для читателя. Статья говоритъ, что образованіе Запада хуже нашего, религія Римская хуже Византійской и что мышленіе, связанное силлогизмомъ, даже въ окончательномъ выраженіи, въ сочиненіяхъ Гегеля, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ всесторонняго ума. Хорошо; но высшее развитіе старой Россіи есть государство Алексѣя Михайловича. Можно-ли его сравнить съ эпохой Людовика XIV-го? Посмотрите, какъ сильныя эти Русскія стихіи и при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ проникаются чужеземнымъ вліяніемъ и какъ мало разумной оппозиціи представили они въ эпоху Петра, порывисто и поспѣшно принявшагося за реформы.

XIII. Вотъ не стало и Жуковскаго! Онъ скончался вскорѣ послѣ Гоголя. Много пишутъ теперь о томъ и о другомъ, называя обоихъ великими: въ Москвѣ Гоголя, здѣсь Жуковскаго. Великими ихъ назвать не за что. Униженная, пишущая братія даетъ имъ это названіе, чтобы подразнить великихъ міра сего. Я выразилъ свои мысли о Гоголѣ въ письмѣ къ графу А. П. Толстому. Гоголь былъ геніальный художникъ, по творчеству выше Жуковскаго и даже Пушкина. Несчастіе его, что онъ явился въ эпоху неблагопріятную, выработался недостаточно и созрѣлъ ранѣе, нежели развился. Онъ навсегда удержитъ громкую извѣстность; но вліяніе его на литературу, вліяніе на образованіе народа, на жизнь, не только не равносильно его генію, но, пожалуй, вредно. Онъ хотѣлъ искупить вредъ, который могъ принести, «Отрывками изъ переписки съ друзьями», поставилъ себя въ ложное положеніе, зачахъ, заглохъ и умеръ. Иное дѣло Жуковскій. Поэтъ, Эолова арфа, онъ оглашалъ свои чувствованія, рѣдко не заимствованныя, постоянно почти не самостоятельныя. Съ творчествомъ второстепеннымъ, безъ знанія людей и практической стороны жизни, онъ чувствовалъ сильно, но не глубоко, искупая все благородствомъ, свѣтлыми небесными видѣніями, выражаясь съ тою прелестью и чистотою, которыя возможны только для живущаго въ идеальномъ созерцаніи. И для Жуковскаго было время ложнаго положенія: это, когда онъ сдѣлался воспитателемъ Цесаревича *). Поэтъ, предназначенный играть на

*) Возрѣніе очень распространенное, не не точное: В. А. Жуковскій никогда не былъ воспитателемъ Александра Николаевича, а только инспекторомъ его классовъ. Воспитателемъ былъ человѣкъ добрый, но слащавый и весьма тѣснаго кругозора, К. К. Мер-

золотыхъ струнахъ благозвучныя пѣсни, руководить воспитаніемъ Наслѣдника, предназначеннаго для дѣйствій, въ которыхъ должна проявляться желѣзная воля, направленіемъ и настроеніемъ. Оставайся онъ Бардомъ у престола Русскаго, воспѣвая величіе, передавая намъ Шиллера и Байрона—и вліяніе его на воспитаніе націи въ преданности царскому дому, въ любви къ благородству, въ стремленіи къ истинѣ было бы сильнѣе и благотворнѣе. Переселенію его въ Германію мы обязаны тѣмъ, что свѣтлый потокъ опять обрѣлъ свое ложе, и поэтъ на старости лѣтъ своихъ подарилъ насъ прекрасными, лучшими дарами своей поэзіи. Изъ всѣхъ статей о Гоголѣ и Жуковскомъ мнѣ нравятся стихи графини Ростопчиной, помѣщенные въ 59 № «Московскихъ Вѣдомостей».

XIV. Пріятно Русскому сердцу, когда слышишь, какъ чествуютъ Государя въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Нашъ великій Государь—глава Европы въ полномъ смыслѣ слова. Съ 1830 года можно признать въ Исторіи «Вѣкъ Николая I-го». Отмѣна Польскаго учрежденія и покореніе Польши, а затѣмъ постоянное стремленіе къ учрежденію въ Европѣ чистаго монархическаго начала характеризуютъ и опредѣляютъ этотъ вѣкъ, ознаменованный упадкомъ парламентскихъ правительствъ. Долго-ли продолжится это направленіе? Дай Богъ, чтобы подолѣе: Европѣ нуженъ отдыхъ.

XV. Обѣдали мы у Данзаса, и много было толковъ обо всемъ и обо всѣхъ. Графъ Віельгорскій, между прочимъ, разсказывалъ о поэтѣ Державинѣ. Получивъ стихи перевода графа Віельгорскаго, маститый поэтъ издалъ ихъ, по разсѣянности, подъ своимъ именемъ. Графъ Віельгорскій похожъ на маркиза стараго Французскаго двора, очень словоохотливъ и много знаетъ.

XVI. Сидѣлъ у меня сенаторъ В. А. Обручевъ и много толковалъ о Польшѣ, изъ которой только что пріѣхалъ. Говорилъ о послѣдствіяхъ указа 2-го Апрѣля о высылкѣ Польской молодежи на службу, о томъ, какъ губернаторъ графъ Езерскій умѣлъ польстить Царю, представивъ 90 молодцовъ, добровольно вызвавшихся вступить на службу. Говорилъ онъ и вообще о нерасположеніи Поляковъ къ намъ. При этомъ онъ разсказалъ, что, желая улучшить свой маіоратъ, онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи сосѣднимъ панамъ. Паны отвѣчали: «Вла-

---

деръ, изъ дневника котораго видно, какъ рѣдко приходилось Жуковскому участвовать и въ самомъ обученіи Великаго Князя. Жуковскій былъ умнѣе, образованнѣе и безмѣрно даровитѣе всѣхъ окружавшихъ Наслѣдника Престола, и вліяніе имѣлъ лишь благодаря обаянію прекрасной души своей. Онъ предлагалъ руководителемъ воспитанія графа Каподистрію! П. Б.

димиръ Аеанасьевичъ, позвольте посовѣтовать вамъ откровенно; не кладите капитала на имѣніе, съ которымъ Богъ знаетъ что можетъ случиться. Посмотрите на Европу! Какія превратности невѣроятны?» Если паны говорятъ такъ съ Русскимъ генераломъ, стало-быть вліяніе Русскихъ на Поляковъ слабо, и противодѣйствіе Польскому духу неосновательно.

XVII. Въ то время какъ я убиваюсь мыслью о дурномъ состояніи моей канцеляріи, составъ которой дѣйствительно очень плохъ и недостаточенъ, графъ Панинъ поручаетъ мнѣ (9-го Іюля, № 3227) объявить признательность за примѣрную дѣятельность канцеляріи! А у меня билеты воруетъ Баш—ій, бумаги растеряли Депрерадовичъ, Катакази и Розингъ; дѣла растрепали и потеряли Трузсонъ, Лихардовъ и Шахматовъ. Въ экспедиціяхъ связки бумагъ, которыхъ приложить некуда.

XVIII. Сегодня, 12-го Іюля, похоронили мы сенатора Павла Ивановича Севастьянова. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Мы сошлись съ нимъ и любили другъ друга. Это былъ благодарный, сердобольный къ солдатамъ начальникъ, прямой слуга Царя и вѣрный пріятель. Послѣ него остались три дочери и два сына. Двѣ дочери въ институтѣ. Сыновья въ Пажескомъ корпусѣ.

XIX. Когда Дибичъ, какъ начальникъ Главнаго Штаба, находился при Государѣ, а князь Волконскій при Государынѣ, Дибичъ получилъ подробныя свѣдѣнія о заговорщикахъ; но положеніе Государя не позволяло говорить ему о столь важныхъ дѣлахъ. Дибичъ обратился къ князю Волконскому и требовалъ, чтобы онъ узналъ отъ Императрицы, кто наслѣдникъ престола. Императрица сказала, что, сколько ей извѣстно, особыхъ распоряженій нѣтъ и что наслѣдникомъ должно считать Константина. Тогда Дибичъ, опасаясь сумасбродной тревоги, призываетъ г.-адъютанта Чернышова и именемъ Его Величества приказываетъ ему немедленно отправиться въ Тульчинъ и арестовать Пестеля и др. По кончинѣ Императора, Дибичъ послалъ два рапорта въ Петербургъ и Варшаву, оба съ надписью: «Его Императорскому Величеству».

XX. Государь думаетъ объ отмѣнѣ вакантнаго времени. Замѣтя по вѣдомостямъ Сената накопленіе недоложенныхъ дѣлъ, онъ приказалъ министру сообразить, какъ это лучше устроить, не раздражая стариковъ. Графъ большой охотникъ до ограниченій и теперь обсуждаетъ этотъ вопросъ. Мнѣ кажется, это можно было бы сдѣлать такъ: 1) сенаторы, вновь назначенные, вакантомъ не пользуются въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ, 2) предоставляется пользоваться вакантомъ сенаторамъ, прослужившимъ болѣе трехъ лѣтъ, съ условіемъ, однако, чтобы

въ каждомъ департаментѣ оставалось не менѣе трехъ, 3[illegible] сенаторы, болѣе десяти лѣтъ присутствующіе, пользуются вакантомъ по очереди. Въ самомъ дѣлѣ, эти ваканты въ наше требовательное время противорѣчатъ значенію правительства и правосудію. Человѣкъ подъ судомъ, имѣніе въ тяжбѣ, а дѣло стой, потому что судьи набираются воздухомъ. Поразитъ это преобразованіе особенно Московскихъ сенаторовъ.

XXI. Сего 26 Августа кончилъ министерское поприще князь Чернышовъ, на которомъ онъ продержался 25 лѣтъ. Я не въ состояніи судить, въ какой мѣрѣ въ военномъ отношеніи заслужилъ Чернышовъ похвалы, высказанныя въ рескриптахъ. Довольно близко видѣлъ я хозяйственную часть военнаго министерства и могу сказать, что всѣ многочисленныя измѣненія, касающіяся этой части, клонились исключительно къ одному: скорости исполненія. Воровство дѣлопроизводителей, изворотливость и обманы поставщиковъ устранены весьма недостаточно, и выгоды казны ограждены немного болѣе выгодъ солдата, которыя нерѣдко совершенно предоставлены произволу. Впрочемъ, внѣшнее улучшеніе въ управленіи военнаго вѣдомства ощутительно и замѣтно болѣе, чѣмъ въ другихъ вѣдомствахъ. Къ чести князя Чернышова можно сказать, что онъ вывелъ многихъ въ люди, что онъ искренне преданъ Государю и что, имѣя полную возможность, никогда не былъ временщикомъ. Ни армія, ни Петербургъ, ни Великіе Князья его не любили; но онъ держался крѣпко и съ достоинствомъ. Рѣдкіе могутъ имѣть такое блестящее поприще; еще менѣе кто можетъ имъ такъ пользоваться.

XXII. Назначеніе графа Адлерберга министромъ двора и графа Перовскаго министромъ удѣловъ было давно ожидаемо. Не ожидали, что Д. Г. Бибиковъ былъ бы назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Бибиковъ человѣкъ умный, всегда отличавшійся порядкомъ и выразительностью мѣръ, принимаемыхъ для поддержанія порядка. Можетъ быть, онъ измѣнитъ систему, дѣйствовавшую при Перовскомъ. Перовскій человѣкъ весьма умный, образованный и дѣятельный; но онъ, кажется, не совсѣмъ правильно признавалъ все и всѣхъ (какъ-то начальниковъ губерній, даже сословія, особенно дворянское) за подчиненныхъ канцелярскихъ чиновниковъ и въ этомъ тонѣ обращался къ нимъ. Нѣкоторыя мѣры его, напримѣръ торговая полиція, городское хозяйство, заслуживаютъ полной признательности; но онѣ введены плохо и исполняются еще хуже. Очень рѣзки были вмѣшательства графа Перовскаго въ веденіе слѣдствій, въ судебное вѣдомство, напримѣръ по золотопромышленнымъ дѣламъ сестры его графини Толстой. Особенно рѣзки его мѣры противъ Евреевъ и раскольниковъ. Униженіе всякой мѣстной власти и дерзость въ сношеніяхъ со всѣми

Дѣло заключается въ томъ что, князь Петръ Голицынъ, въ Мартѣ 1837 года, оставилъ Россію, продавъ Гжатское имѣніе свое (4 тыс. душъ и 17 тыс. десятинъ) шурину своему Злотницкому очевидно безденежно (что подтверждается показаніями), для перевода стоимости его во Францію т.-е. въ видѣ fidei commissi. Тамъ князь Петръ купилъ замокъ, паркъ, землю Фретильи за 400 франковъ, уплаченныхъ 22-го Іюня 1838 г., и отель въ улицѣ Барбе въ Парижѣ за 150 тыс. франковъ. Здѣсь онъ женилъ старшаго сына и умеръ въ 1842 году. Между тѣмъ обстоятельства разстроились, земля Фретильи и домъ проданы, и семья осталась безъ средствъ и внѣ возможности удовлетворить требованія контрактовъ, по которымъ такъ много обѣщано и сыновьямъ, и зятьямъ, и дочерямъ, и невѣсткамъ. Тогда въ 1843 году князь Антонъ пріѣхалъ въ Россію и купилъ Гжатское имѣніе Столбово у Злотницкаго, совершилъ купчую на свое имя и вступилъ во владѣніе. Братъ Августинъ, зятья и сестры принесли жалобу, объясняя, что имѣніе не куплено, а возвращено по обязательствамъ, выданнымъ 1837 г., и что имѣніе должно принадлежать всему семейству. Это повело къ спору. Государь приказалъ разобраться посредничествомъ, а потомъ, по новому докладу, приказалъ разобрать дворянству, съѣхавшемуся на выборахъ въ Смоленскѣ. Дворяне, 345 противъ 22, рѣшили, что имѣніе должно быть признано родовымъ. На это княгиня Елисавета, князья Антонъ и Петръ принесли жалобу, прося передать дѣло министру юстиціи. По докладу П. Д. Иллічевскаго приказано разобрать это дѣло, на правахъ Верховнаго Совѣстнаго Суда, первому общему собранію, изъ котораго, по разногласію сенаторовъ, дѣло перешло на Консультацію.

*

Вотъ прошелъ и 1852 годъ. Едва ли это не самый дѣятельный годъ реакціи, выразившейся въ возстановленіи Имперіи. Какъ бы то ни было, но спокойствіе Европы нѣкоторое время зависитъ отъ Наполеона; онъ это знаетъ и этого не скрываетъ. Онъ сказалъ: «Quand la France est satisfaite, le monde est tranquille!»*) Войны въ 1851 и 1852 году не было; но наградъ военнымъ роздано несмѣтное число, какъ на Западѣ такъ и у насъ, даже до пресыщенія.

*) Когда Франція удовлетворена, міръ спокоенъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1853 годъ *).

Генваръ. Наградъ военнымъ роздано несмѣтное число. Благодаря князю Чернышову, Бутковъ сдѣланъ государственнымъ секретаремъ; на мѣсто Буткова назначенъ Суковкинъ. Князь Чернышовъ отвергнутъ старинной аристократіей. Опасливый къ новымъ людямъ, особенно талантливымъ, онъ выводитъ своихъ людей и вывелъ ихъ множество..... Большія награды испросилъ нашъ министръ сенаторамъ. Трое д. тайн. совѣтниковъ (Сухаревъ, Кайсаровъ, князь Ив. Лобановъ). Орденъ Владимира 1-й ст. Челищеву. Три ордена Владимира 2-й ст. (Корнилову, Чевкину и Зурову) и т. д. Сенаторы довольны и благодарны; ропщутъ только на награду старику Буткову не за то, чтобъ не любили старика, но за то, что это сдѣлано въ угоду сыну, котораго очень не любятъ. Министръ юстиціи самъ ничего не получилъ. Онъ имѣетъ орденъ Александра съ 1846 года. Каждому департаменту, за успѣшное теченіе дѣлъ, объявлено Высочайшее благоволеніе!

Остзейскій край близокъ къ принятію даже нашихъ обрядовъ. Вторженіе этихъ обрядовъ началось довольно открыто съ управленія генер. Головина. Повидимому, оно остановилось съ княземъ Суворовымъ; но эта видимость только наружная: внутренняя борьба продолжается, и автономія все болѣе и болѣе исчезаетъ. Князь Суворовъ ничего не знаетъ, ничѣмъ не занимается и живетъ болѣе въ Петербургѣ, нежели въ Ригѣ. Онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ не мѣстныхъ учрежденій и сословій, какъ баронъ Паленъ, не Русскихъ чиновниковъ, какъ Головинъ, а чиновниковъ Нѣмецкихъ, которыхъ Остзейцы ненавидятъ болѣе нежели Русскихъ. Эти чиновники въ открытой распрѣ съ мѣстными сословными учрежденіями—герихтами и магистратами, и такъ распространили пререканія и жалобы, ведя все на разсмотрѣніе Сената, что бѣдные судьи городскіе и земскіе, вообще осно-

*) См. 1-ю книгу „Русскаго Архива", стр. 617. На стр. 619 вмѣсто Бутковскій—слѣдуетъ *Буцковскій* и вмѣсто Путиловъ слѣдуетъ *Пушиловъ*. П. Б.

вательные и ученые, не успѣваютъ отписываться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудняясь оправдываться по своимъ Land und Ritterrecht'амъ, поневолѣ читаютъ и изучаютъ наши законы и мало-по-малу принимаютъ ихъ. Такъ они приняли совершенно нашъ порядокъ ревизіи и аппеляціи.

Товарищъ государственнаго контролера ст.-секретарь Брискорнъ уволенъ въ отставку съ оставленіемъ только въ званіи сенатора, а на мѣсто его назначенъ Апрѣлевъ. За что̀ смѣщенъ Брискорнъ—извѣстно: онъ далъ мнѣніе о безполезности контроля въ настоящемъ его положеніи. Это человѣкъ умный, образованный, но любитъ вечера и карты и непостояненъ. Онъ любитъ переходить изъ одного лагеря въ другой, какъ напримѣръ онъ передался Клейнмихелю, во время поѣздки графа Чернышова на Кавказъ. Онъ любитъ и подкопаться, какъ теперь подъ старика Хитрова. За что̀ назначенъ Апрѣлевъ, неизвѣстно. Онъ старшій изъ директоровъ, управляетъ конторою графа Шереметева.... Его не любятъ.

Февраль. Стараются всевозможными мѣрами ограничить печать. Понимаютъ-ли, однако, весь вредъ этихъ стѣсненій? Они могутъ подавить самостоятельную Русскую жизнь, усилить вліяніе иностранныхъ книгъ, принявшее и безъ того, за послѣднее время, такіе обширные размѣры, возбудить негодованіе въ цензорахъ и цензируемыхъ, въ читателяхъ, число которыхъ такъ увеличивается. О нашей литературѣ (самобытной) говорить нечего. «Ничего не позволяютъ», говоритъ Ратьковъ [1]). Съ одной стороны князь Ширинскій-Шихматовъ, а съ другой комитетъ Анненкова. За то процвѣтаетъ торговля иностранными книгами. Я имѣлъ случай слышать въ книжномъ магазинѣ Шмицдорфа и отъ младшаго Исакова, что продажа въ ихъ лавкахъ въ послѣдніе годы усилилась весьма замѣтно, несмотря на нѣкоторое возвышеніе цѣнъ. Особенно, по словамъ Исакова, расходятся иллюстрированные романы.

При вступленіи моемъ въ судебное вѣдомство въ 1841 г. [2]), въ средоточіе управленія уголовнымъ правосудіемъ, я былъ пораженъ тремя недостатками этого управленія.

1) Недоставало дѣйствительнаго сосредоточеннаго управленія. Министры юстиціи просматривали протесты и опредѣленія, а въ отношеніи положенія дѣлъ и судовъ довольствовались тѣми ничтожными ложными отчетами, которые доставлялись въ бланкахъ дурно состав-

---

[1]) Извѣстный книгопродавецъ.

[2]) Въ Декабрѣ 1840 года Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ причисленъ къ пятому департаменту Министерства Юстиціи, и ему поручено управленіе 2-мъ отдѣленіемъ онаго.

ленныхъ къ назначенному сроку. Я старался ввести отчетность своевременную, подробную и повѣряемую. Графъ Панинъ очень видитъ этотъ недостатокъ и исправляетъ его; но, исправляя, онъ вдался въ излишнія подробности и, по недостатку рукъ и времени, тонетъ въ массѣ этихъ подробностей.

2) Дурная система наказаній. По Своду только и слышится плеть, да кнутъ, ссылка да каторга. Гласности никакой. Я не могъ ничего сдѣлать для измѣненія системы, ибо все откладывалось до изданія Уложенія. Для гласности я сдѣлалъ—обнародованіе осужденій чиновниковъ, но и это выработалось въ ограниченномъ видѣ. Наконецъ, вышло Уложеніе 1845 г. Въ немъ изложена система наказаній новая, строго соображенная, острумно придуманная, но не практичная. Къ этому присоединилось и то главное неудобство нашего законодательства, что исполнять постановленія Уложенія пришлось не тѣмъ, кто составлялъ его. Въ настоящее время, черезъ пять лѣтъ дѣйствія, можно сказать, что главнѣйшіе недостатки этого Уложенія суть: а) въ немъ придаютъ значеніе правамъ, которыми не пользуется самое многочисленное сословіе государства; б) ограниченіе тѣлесныхъ наказаній уничтоженіемъ кнута и многочисленными изъятіями лицъ и случаевъ; в) особенное распространеніе «заключенія»—вида наказанія вовсе намъ не свойственнаго ни по натурѣ, ни по недостатку даже плохихъ мѣстъ заключенія, ни по вліянію этого наказанія на нравственность и привычки заключаемыхъ, при отсутствіи религіознаго внушенія и работы въ нашихъ тюрьмахъ. Неудобства и зло новой системы еще не обозначились вполнѣ; мы еще увидимъ ихъ въ широкихъ размѣрахъ.

3) Третій недостатокъ—это вообще дурное производство суда и дѣлъ. Производство до крайности медленно; сложность его даетъ поводъ къ уловкамъ, ухищреніямъ; пристрастіе чрезвычайно свободно. Объ этомъ теперь думаютъ.

Мартъ. Вотъ и новое положеніе объ откупахъ. Общее впечатлѣніе выгодно. В. А. Шереметевъ, А. В. Кочубей и князь А. Б. Голицынъ отзываются о немъ благосклонно, хотя и большіе неохотники до Брока. Шагъ сдѣланъ; можетъ быть сдѣлаютъ и другой. Все зависитъ отъ примѣненія и исполненія. Предупрежденіе недоимокъ, предусмотрѣніе непомѣрныхъ обогащеній и разореній есть уже успѣхъ, и государство должно быть признательно Государю. Но состоится-ли? Эти компаніи В—ыхъ, Бенар—ки, Ко—выхъ посмѣиваются себѣ въ кулакъ, надѣясь поставить на своемъ. При зыблемости нашихъ началъ все можетъ быть.

Бѣдная Русская труппа лишилась В. Каратыгина. Странно, что смерть этого высокаго таланта не почтена до сихъ поръ никакимъ зна-

комъ общественнаго сожалѣнія. Брокъ и князь Долгорукій утверждены министрами.—Столоверченіе кружитъ всѣмъ голову. Нѣтъ дома, гдѣ бы не производились опыты. Всѣ вѣрятъ, видятъ, удивляются. Говорятъ и о другихъ силахъ и явленіяхъ. Вѣкъ нашъ настраиваетъ къ подобнымъ вѣрованіямъ. Старикъ Гумбольдтъ справедливо замѣчаетъ, что легче разрушить цѣлую теорію, чѣмъ опровергнуть не точно наблюденный и непровѣренный фактъ. Кажется, впрочемъ, столоверченію надобно вѣрить: объ немъ говорятъ люди ученые и люди правдивые. Думаю я, что это явленіе объяснимо живою силою организма. Вѣра во внезапность, случайность—эта наша болѣзнь, это грѣхъ вѣка нашего.

Министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ скончался. Послѣ завтра его хоронятъ въ Сергіевскомъ монастырѣ. Ограниченіе числа учащихся, убавка курсовъ, сокращеніе программъ, сокращеніе учебныхъ пенсій, въ высочайшей степени произвольное и вредное стѣсненіе цензуры—вотъ памятники слабаго, доступнаго всѣмъ вліяніямъ управленія покойнаго; но онъ былъ добрый человѣкъ и христіанинъ. Сходитъ, кажется, со сцены и другой министръ, графъ Панинъ. Грустно мнѣ сказать и даже подумать объ этомъ. Такъ ли слѣдовало кончить карьеру этому сильному характеру, этому славному имени?

Май. Дѣла Турецкія принимаютъ дурной оборотъ. Говорятъ, князь Меншиковъ оставилъ Константинополь; наши корпуса двинулись къ границамъ. Государь недоволенъ, и это всѣмъ видно. О Меншиковѣ и во время посольства въ Персію говорили: «плохой толкъ; у него рука тяжела». Толки о войнѣ все громче и громче. Война, при настоящемъ лихорадочномъ положеніи Европы, страшна и побѣжденнымъ, и побѣдителямъ. Авось ничего не будетъ.

Іюнь. Вотъ манифестъ о занятіи княжествъ и о войнѣ, если требованія наши не будутъ удовлетворены Турціей. Мы сидѣли за обѣдомъ у князя Д. А. Оболенскаго, и онъ предложилъ мнѣ пари, что дѣло кончится Константинополемъ. Я не взялъ пари. Я помню изъ разсказовъ генерала Обручева о словахъ Государя Дибичу: «Что я сдѣлалъ для исторіи?» и несомнѣнно, что мысль о какомъ-нибудь всемірно-историческомъ событіи занимаетъ Государя. Послѣ двухъ циркуляровъ графа Нессельроде общественное мнѣніе могло бы выразиться опредѣленнѣе. Циркуляры и манифесты грозны, а газеты и толки мирны. Иначе выразилась Москва по полученіи манифеста: война за вѣру, за Славянъ и Грековъ нашла сильное сочувствіе въ говорливыхъ людяхъ, и графиня Растопчина откликнулась слѣдующею одою:

Пришла пора. ... зажглася надъ Востокомъ
Давно желанная заря!
Ужъ близокъ, близокъ часъ, обѣщанный Пророкомъ
Въ псалмахъ Еврейскаго царя.
Долой мечеть съ двурогою луною!
Сіяй, нашъ православный крестъ
Надъ маковкой Софіи золотою и пр.

Іюль. По случаю отъѣзда оберъ-прокурора Быкова, мнѣ поручено 1-е отдѣленіе 5-го департамента. Недостатокъ въ людяхъ доходитъ до крайности въ среднихъ и низшихъ слояхъ чиновнаго класса. Ограничась, почти безъ всякаго исключенія, однимъ Училищемъ Правовѣдѣнія, графъ Панинъ наполнилъ канцелярію Сената молодыми людьми, благовидными, благовоспитанными и благородными; но молодежь эта дѣла не знаетъ, труда не выноситъ, заниматься не любитъ. Трудная судейская служба имъ скучна. При томъ надежда на блестящую карьеру въ нихъ такъ возбуждена, что всякое назначеніе они считаютъ временнымъ, переходнымъ, а потому не могущимъ занять ихъ дѣльно, постоянно. Первое отдѣленіе есть важнѣйшее изъ всѣхъ. Но что же я нашелъ въ немъ. Почти тоже запущеніе, что и въ 6-мъ департаментѣ, таже бѣдность состава, отсутствіе опытности, небрежность и незнаніе канцелярской отчетности. Дѣла и бумаги во множествѣ затеряны, журналы за четыре мѣсяца не изготовлены. Грустно, въ какомъ положеніи столь важная государственная часть и при томъ въ высшемъ учрежденіи.

Сентябрь. Государь въ нѣсколько (въ 11) часовъ перелетѣлъ въ Москву и встрѣченъ тамъ знаменательными словами Филарета: «Время всякой вещи подъ небомъ!» Вещь эта Турція. Изъ Москвы Государь ѣдетъ обозрѣвать корпуса, а потомъ въ лагерь въ Ольмюцъ, гдѣ съѣдутся императоръ Австрійскій и король Прусскій. Если можно объяснить себѣ поѣздку могущественнаго Государя въ Нѣмецкую землю желаніемъ отклонить мысль объ излишней зависимости Германіи отъ Россіи, преслѣдуемой завистью и ненавидимой Нѣмцами, то труднѣе объяснить цѣль съѣзда восточныхъ монарховъ безъ участія западныхъ. Не хотятъ ли постановить раздѣлъ Турціи? Дѣло это такъ важно, что по принятымъ правиламъ Габсбургской династіи едвали можно ожидать искренняго согласія и отъ молодаго Франца-Іосифа. Достаточно прочесть исторію Вѣнскаго конгресса и Итальянской кампаніи, чтобъ убѣдиться, какъ тѣсны воззрѣнія и какъ своекорыстны дѣйствія этого правительства. Подлая до низости въ минуты опасности, Австрія, какъ выражается Фонъ-Визинъ, готова откроить себѣ часть равную въ раздѣлѣ, даже чужомъ ей. Она ослабила всѣ наши дѣйствія въ Италіи при Суворовѣ, она долго отказывалась отъ содѣйствія противъ Наполеона, она не отказалась бы отъ возстановленія

Польши (L'empire Russe, par le v-te Beumont de Vassy), и теперь ей ничего не стоитъ принять двусмысленное посредничество между Россіей и Турціей. Но естественный ходъ вещей сильнѣе соображеній политики, и Австрія должна и можетъ надѣяться укрѣпленія и силы только при содѣйствіи своего могущественнаго сосѣда. Многіе говорятъ, что поѣздка въ Москву есть начало Крестоваго похода.

По случаю ужаснаго процесса объ убійствѣ 65-ти лѣтняго старика его женой и сыномъ, генералъ-прокуроръ (во Франціи) обратился къ присяжнымъ: «Le mal s'accroît, les liens de la famille se dissolvent; il faut qu'au nom de la morale publique on demande une punition exemplaire.».*).... О, жалкіе болтуны! Что же вы сдѣлали для этой общественной нравственности? Что вы сдѣлали для утвержденія узъ семейныхъ? Частыя семейныя преступленія подтверждаются статистическимъ выводомъ, доказывающимъ ослабленіе узъ семейныхъ во Франціи. Я говорю о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, начинающихъ мелкимъ воровствомъ и бродяжничествомъ и кончающихъ, нерѣдко, взломомъ, насиліемъ и убійствомъ. Во время моей поѣздки во Францію въ 1842 году ихъ считали не болѣе 1500 въ годъ. Въ 1841 году по статистическимъ отчетамъ значится 1375 человѣкъ, изъ которыхъ 588 возвращены родителямъ для исправленія и надзора, а 787 поступили въ исправительныя, воспитательныя тюрьмы, которыя, именно въ это время, были въ большомъ ходу, и самыя тюрьмы эти преобразовывались и улучшались. Но куда привели эти улучшенія? Черезъ десять лѣтъ число этихъ малолѣтнихъ преступниковъ почти утроилось: въ 1851 г. ихъ считали уже 3168 челов., изъ нихъ 1303 отданы родителямъ, а 1865 поступили въ исправительныя учрежденія.

Итакъ, какъ важно вліяніе семейныхъ узъ на нравственность и какъ мало государство, столь тщеславящееся своимъ assistance publique: (въ докладѣ г. Тьера) сдѣлало для замѣны этихъ узъ! Разсужденія эти, не вполнѣ, но могутъ быть примѣнены и къ намъ. У насъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (до 16 л.) немного, какъ и вообще преступленій. Это происходитъ отъ того, что въ классѣ крѣпостныхъ людей преслѣдованіе зла предоставлено произволу, въ средѣ государственныхъ крестьянъ—дурному правосудію сельскихъ начальниковъ, а менѣе дурное общее правосудіе рѣдко получаетъ ихъ въ свою расправу вслѣдствіе терпимости, безпечности, ложнаго самолюбія, которыя такъ присущи намъ. Правило 146 ст. Улож. (о назначеніи въ солдаты съ выслугой) было полезно въ воинственномъ нашемъ государствѣ. Статьи въ новомъ изложеніи 144 и 146 о монастыряхъ и рабочихъ домахъ никуда не годятся. Новыя измѣненія, осо-

*) Зло растетъ, связи семейныя слабѣютъ; надо во имя общественной нравственности потребовать примѣрнаго наказанія.

бенно относительно преступниковъ отъ 14 до 21 года, представляются большимъ послабленіемъ, и монастыри, какъ видно по дѣламъ, рѣдко продержатъ мальчишку мѣсяцъ безъ того, чтобъ онъ не обокралъ святыхъ отцовъ и не убѣжалъ на новыя преступленія. Рабочіе дома существуютъ въ умахъ законодателей и въ предположеніяхъ. Я обозрѣвалъ тюрьмы въ 1846 г., и бѣдственное положеніе несовершеннолѣтнихъ преступниковъ внушило мнѣ мысль представить министру для слѣдственныхъ арестантовъ учредить центральныя тюрьмы: одну тюрьму и одинъ совѣстный судъ на нѣсколько губерній. Для осуждаемыхъ, которые не могутъ идти въ солдаты, устроить земледѣльческія поселенія. Мы еще не въ томъ положеніи, когда сословія, занятія, развитіе торговыхъ оборотовъ и пр. могли бы вызвать правительство къ обнародованію законовъ, въ которыхъ ясно и опредѣленно выражались бы общечеловѣческія начала. Въ настоящемъ нашемъ положеніи безконечныя распоряженія правительства, по большей части, съ вѣтру взяты и по вѣтру брошены. Конечно, и нынѣ правительство, въ нѣкоторыхъ общихъ мѣрахъ, какъ-то: затрудненіе для достиженія дворянства, тарифъ 1850 года, подчиненіе раскольниковъ метрикѣ, поощреніе къ освобожденію отъ крѣпостнаго рабства и т. п.—руководствуется общими началами государственнаго права, международнаго права и права военнаго Русскаго, въ дѣлѣ воспитанія и управленія; но эти начала пока въ жизнь еще не проникли. «Это-то и спасеніе наше», говоритъ Русскій баринъ В. А. Шереметевъ: «законы не исполняются». Однако, и теперь есть явленія, по которымъ можно, если не видѣть, то подозрѣвать вліяніе общихъ началъ. Такъ напр., стремленіе къ чтенію, умноженіе Французскихъ книжныхъ лавокъ и огромное количество Французскихъ книгъ въ обращеніи, въ виду нищеты самостоятельной литературы; ропотъ на упадокъ ремеслъ отъ соперничества иностраннаго ввоза, на дурное управленіе государственнымъ имуществомъ отъ недостатка мѣстныхъ элементовъ, ропотъ на несостоятельность системы наказаній въ новомъ Уложеніи отъ несоотвѣтствія ея съ народной жизнью. Обращаясь къ народному образованію, не могу не высказать опасенія, что лицеи и гимназіи со временемъ сдѣлаются совершенно военно-учебными заведеніями генерала Ростовцева. Наружная чистота, видимый порядокъ и поверхностное ученіе при военныхъ экзерциціяхъ и при неразумномъ энциклопедизмѣ могутъ развиться до крайности. Ученіе и ученыя степени, со времени Петра, у насъ имѣютъ общественное, политическое значеніе; а между тѣмъ правительство не принимаетъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія и, издавъ положенія или программы, думаетъ, что оно сдѣлало все, что̀ нужно. Поэтому между средними и высшими (особенно высшими) учебными заведеніямн нѣтъ никакого единства: такъ дурной студентъ въ

Казани дѣлается прекраснымъ въ Дерптѣ или Харьковѣ. Надзоръ порученъ попечителямъ или губернаторамъ: ищите единства въ ихъ направленіи! Общихъ началъ у этихъ лицъ нѣтъ никакихъ. Это безначаліе особенно ощутительно съ того времени, какъ назначаются военные попечители. У меня служили многіе кандидаты университетовъ П—цевъ (Моск.), М—овъ (Харьк.), П—ій (Дерпт.). Это такое невѣжество, такое неосновательное мышленіе и отсутствіе знаній, что, при всемъ стремленіи моемъ выставить университетскихъ передъ правовѣдами, я долженъ былъ отказаться вести людей, падающихъ, несмотря на помочи. Возстановленіе указа 1809 и надзоръ за утвержденіями въ степеняхъ, едва ли не были бы полезнѣе Іюльскаго манифеста 1845 года.

Князь Меншиковъ отправленъ въ Константинополь для переговоровъ о святыхъ мѣстахъ, а ведетъ переговоры совсѣмъ о другомъ: о правахъ и покровительствѣ Греко-россійской церкви. Люисъ, Кларендонъ это видятъ, объ этомъ пишутъ, а спрашивать о поводахъ этихъ переговоровъ не считаютъ нужнымъ. Вѣнскій дворъ, держась по прежнему неопредѣленной середины, принимаетъ на себя посредничество и, составя ноту, по Французскому проекту, безъ участія Турціи, предлагаетъ ее на одобреніе Россіи и вызываетъ съ обѣихъ сторонъ такіе колкіе отвѣты, что можно думать, по крайней мѣрѣ, объ охлажденіи сношеній. Однако нѣтъ: Государь ѣдетъ въ Ольмюцъ. Императоръ Австрійскій и король Прусскій посѣщаютъ его въ Варшавѣ. Что̀ все это значитъ?... Я обѣдалъ сегодня у старика Кочубея, и рѣчь шла о значеніи Турціи. Великіе люди наши, противъ Англійскаго проекта о Греческой Имперіи подъ покровительствомъ Великобританіи, полагаютъ устроить конфедерацію изъ всѣхъ отдѣльныхъ провинцій Европейской Турціи подъ главнымъ управленіемъ представителей Русскаго правительства въ Константинополѣ. Не время всему этому, думаю я.

Инспекторъ Училища Правовѣдѣнія, Рейцъ прислалъ мнѣ для прочтенія свое мнѣніе о лучшемъ распредѣленіи занятій въ училищѣ съ прибавкою еще одного года для выпускныхъ воспитанниковъ. Все это хорошо, но все это pia desideria добраго Нѣмца и Нѣмецкаго профессора. Онъ считаетъ училище высшимъ святилищемъ правовѣдѣнія; но какая нужда была въ этомъ учрежденіи при пяти факультетахъ университета? Никакой! Рейцъ хочетъ сравнить заведеніе это съ университетомъ; но могутъ-ли воспитанники закрытаго заведенія заниматься такъ самостоятельно, какъ студенты? Никогда! И съ чего взято мнѣніе, что правосудіе могло быть отправляемо, какъ выражается Рейцъ и какъ, очевидно, думали основатели, юношами, принадлежащими къ высшему сословію? Совмѣстенъ-ли трудъ съ возможностью обойтись безъ труда?

Декабрь. Большой ропотъ возродила такса на извощиковъ въ Петербургѣ, мѣра существующая во всѣхъ столицахъ и во многихъ губернскихъ городахъ. Вѣрно мы уже очень привыкли роптать! Опасаются, что извощики всѣ разъѣдутся, если не отмѣнятъ таксы. Конечно такса въ настоящее время налоговъ и дороговизны вышла не совсѣмъ кстати, въ таксѣ можно бы было поставить болѣе опредѣлительные размѣры, напр. по времени года и т. п.; но все-таки нельзя не благодарить г. Бибикова за приведеніе этой мѣры въ исполненіе.

Я писалъ отчетъ по моему департаменту и, кончивъ, думалъ: послать-ли мнѣ этотъ вздоръ, этотъ гадательный сборъ, эту ложь, или рѣшиться написать и послать правду? Я бы рѣшился написать правду, но дойти до правды невозможно. Централизація, стянувъ вещи, выперла, выворотила ихъ и, истощивъ въ нихъ всю живую силу, вынужденная ограничиться однимъ формализмомъ, невольно обращается съ самымъ наглымъ презрѣніемъ съ этими цифрами, таблицами. Читая въ Наказѣ Екатерины главу о томъ: Европейское-ли государство Россія, я не удивился встрѣтить это сомнѣніе въ умѣ великой Германки, но удивился причинамъ, которыми она удовлетворялась для разрѣшенія этого вопроса. Конечно, вѣра и языкъ, мѣстность, соплеменничество съ западными Славянами склоняютъ насъ къ Европѣ или, правильнѣе, отличаютъ отъ Азіи; но эти безграничныя пространства, это присоединеніе кочующихъ ордъ подъ одну державу, поглощеніе церкви государствомъ, особенно привычка къ произволу и взяточничество—что̀ тутъ Европейскаго? Съ XVII ст. мы несомнѣнно желаемъ принять Европейскую образованность, но въ чемъ? Въ одномъ наружномъ! Посмотрите на право, на проповѣдь, посмотрите на добросовѣстность чиновника, купца, пахаря и даже солдата. Старикъ Сенъ-При говорилъ мнѣ, когда мы видѣлись у покойной Плюсковой въ 1841 г.; что «теперь, связанный родствомъ и привычкой, онъ не думаетъ бѣжать изъ Россіи, но оставить ее, какъ неудобную гостинницу, всегда желалъ и желаетъ». Въ 1850 году пріѣзжалъ изъ Варшавы Т. (онъ въ Польшѣ начальникъ Округа Путей Сообщенія) и, проживъ нѣкоторое время, послѣ немногихъ соприкосновеній съ нашими правителями и управляющими, неоднократно говорилъ мнѣ при встрѣчѣ у А. В. Дашкова и С. П. Шипова: «Еслибы мнѣ пришлось прожить у васъ нѣсколько лѣтъ, я бы задохся или убѣжалъ въ пустыню». Что̀ говорятъ, что́ чувствуютъ Русскіе, поживъ въ чужихъ краяхъ и пріѣхавъ въ Россію? Что̀ пишутъ о насъ наши лучшіе поэты: Кантемиръ, Фонъ-Визинъ, Пушкинъ, Гоголь? Что́ говорилъ К. Брюловъ, изнывая здѣсь со всей своей Итальянской славой?

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ 1853 ГОДА.

Январь. Дѣло князей Голицыныхъ [1]). Министръ рѣшилъ дѣло въ пользу князя Антона, кажется, не согласно съ волею Государя. Дѣло перенесено въ Госуд. Совѣтъ, гдѣ оно произвело много шума. Въ департаментѣ возбужденъ вопросъ: можетъ-ли министръ юстиціи дѣлать предложенія Сенату, когда онъ разсматриваетъ дѣло, какъ верховный совѣстный судъ? По гражданскимъ дѣламъ это по закону не опредѣлено, но по уголовнымъ министръ всегда имѣлъ и имѣетъ это право. Въ общемъ собраніи большинство членовъ Г. Совѣта, по существу дѣла, противъ министра. Судя однако по ходатайствамъ, Государь будетъ противъ министра, т.-е. противъ себя. Въ засѣданіи 17 Марта, 32 голоса противъ министра, который вмѣстѣ съ Апрѣлевымъ и similibus [2]) не набралъ болѣе 8. Государь согласно съ большинствомъ Совѣта рѣшился утвердить большинство Смоленскаго собранія и сенаторовъ, т.-е. признать имѣніе родовымъ. Это дѣлаетъ честь Государю.

Февраль. Дѣло графа Орлова. По городу ходятъ слухи и толки о пасквилѣ, который посланъ Государю и графу Орлову о томъ, что ни тотъ ни другой не понимаютъ, какъ управлять, а также о запечатанныхъ шинкахъ (съ арестомъ откупщиковъ и отдачею въ арестантскія роты сидѣльцевъ), въ которыхъ пьянствуютъ по ночамъ гвардейскіе солдаты. Толки громкіе и для многихъ злорадостные. Въ городѣ говорятъ, что одно письмо, по городской почтѣ, дошло до графа Орлова; а другое, на имя Государя, принято отъ какого-то мальчика; но передавшій ему не захваченъ. Начались розыски. Тайная полиція приступила къ сличенію почерковъ въ гимназіяхъ, корпусахъ, университетѣ, въ лицеѣ. Генералъ Дубельтъ ничего не нашелъ, кромѣ „разныхъ“ книгъ въ столахъ, но на это не обращено вниманія. Говорятъ, что подозрѣніе падаетъ на одного Семеновскаго офицера.

Дѣло Политковскаго. Умеръ тайный совѣтникъ Политковскій, правитель Комитета Инвалидовъ. Онъ извѣстенъ былъ своей открытой жизнью, картежной игрой и роскошью. Еще при его жизни разнеслись слухи о недостачѣ денегъ въ комитетѣ. Говорятъ, что послѣ этихъ слуховъ удостовѣрились въ вѣрности ихъ и нашли все въ цѣлости. Скончался—недосчитываются отъ 800 т. до 1,200,000 р. Все это вѣроятно. Государь запретилъ нести при похоронахъ звѣзды и ордена, а также и участвовать членамъ канцеляріи въ шествіи за гробомъ. На имущество служащихъ и бѣдныхъ членовъ (они же не вѣдаютъ, что творятъ) наложено запрещеніе; у самого покойнаго открыты одни долги. Говорятъ, что еще прежде контроль замѣтилъ значительныя наличныя суммы и требовалъ отсылки ихъ въ

---

[1]) См. Р. Архивъ 1888, I, 627—628.

[2]) И ему подобными.

банкъ. Помогъ Брискорнъ: онъ далъ мнѣніе о безполезности контроля въ настоящемъ его положеніи. Огромный домъ этого Брискорна купилъ Политковскій и отдалъ зятю..... Говорятъ это теперь. Отчего не ранѣе? Политковскій давно боленъ, и было время говорить: жизнь его была видна всѣмъ. Всѣ звали его Монте-Кристо. Почти всѣ играли съ нимъ; рѣдкіе не обѣдали. Государь очень разсерженъ. Но кто же виною?.... Слѣдствіе производятъ: генералъ-адъютанты Анненковъ и Игнатьевъ и бывшій генералъ-контролеръ Христіани. На членовъ налагается взысканіе. Разжаловано пять генералъ-адъютантовъ. Назначенъ верховный уголовный судъ. Государь боленъ [2]). Преступленіе совершено очень дерзко, и попустилъ его графъ Чернышовъ. Дѣло Политковскаго такъ всѣхъ занимаетъ, что покушеніе на молодаго Австрійскаго императора почти никого не поразило. Арестованные генералы наши упали духомъ. Когда объявили объ арестѣ и судѣ генералу Граббе, онъ приказалъ подать шпагу, полученную имъ за Венгерскую кампанію. Генералъ Мандерштернъ, одинъ не арестованный, просилъ подвергнуть и его общей мѣрѣ. Жена генерала Арбузова пріѣхала въ гостинный дворъ и сказала купцамъ, чтобъ они не вѣрили въ долгъ ни ей, ни ея дочерямъ, потому что все ихъ имѣніе подъ запрещеніемъ. Адмиралъ Колзаковъ отдалъ казнѣ 30 т. р., сказавъ: „Вотъ все что я сберегъ въ теченіи пятнадцатилѣтней службы". Старикъ Ушаковъ заболѣлъ опасно. Не даромъ Брискорнъ такъ жарко, въ разговорахъ въ общемъ собраніи, защищалъ отчеты Политковскаго. Въ бумагахъ поелѣдняго найдены поправки рукою товарища контролера. Третьяго дня бумаги Брискорна опечатаны. На пополненіе расхищенныхъ суммъ купечество Московское дѣлаетъ значительные сборы. Надобно замѣтить, однако, что все это дѣлается не вслѣдствіе участія къ пивалидамъ и къ подсудимымъ генераламъ, а просто по вызову графа Орлова и графа Закревскаго для доставленія удовольствія Государю. Пожертвованія купечества у насъ часты и велики. Купечество молодаго государства, получая вообще несоразмѣрные проценты, охотно сдается на подобные вызовы; потомъ оно увеличиваетъ барыши, и увеличиваетъ ихъ или необдуманнымъ рискомъ, или мошенничествомъ. Особенно въ Москвѣ этотъ классъ требовалъ бы не вызововъ на пожертвованіе, а внушеній порядка и умѣренности. Предсѣдатель Ушаковъ исключенъ изъ службы и подвергнутъ аресту въ крѣпости на шесть мѣсяцевъ. Адмиралъ Колзаковъ уволенъ. Оба отвѣчаютъ въ суммахъ по исчисленію по ихъ части. Мандерштернъ и Арбузовъ допущены къ должностямъ. Граббе и Зассу сдѣланы строжайшіе выговоры. Вѣроятно будутъ еще смягченія. Можетъ быть, возвратятъ и эксельбанты.

Дѣло Пинскаго. Жена сенатора М. М. Карніолинъ-Пинскаго осуждается за прелюбодѣяніе и сокрытіе беременности. Жена эта—Наденька, дочь Ек. Сем. Гагариной. Она знакома мнѣ съ 1834 года. Пинскій ведетъ дѣло не тамъ, гдѣ должно, начавъ превращаетъ его въ уголовное, а превративъ въ

---

[2]) См. нашъ сборникъ „Девятнадцатый Вѣкъ", кн. I, стр. 350. П. Б.

уголовное, даетъ ему ходъ обвинительный (какого и Французскій прокуроръ не въ правѣ давать въ такомъ видѣ), пользуясь услугами своихъ подчиненныхъ, Калайдовича и Оголина. Слѣдствіе ничего точнаго и требуемаго по законамъ XV тома не открыло, и вездѣ видны то подлогъ, то ложь, то умолчаніе, то низкая уклончивость. Дѣло рѣшено въ 5 департаментѣ и, по пересмотрѣ въ общемъ собраніи, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, отъ коммисіи прошеній пришло на Консультацію. Пинскій писалъ къ кн. П. П. Гагарину (такъ какъ кн. Гагаринъ по желанію хорошенькой Софьи Ломоносовой вмѣшивался въ дѣло) съ просьбой не принимать въ дѣлѣ участія. Дѣло рѣшается въ Госуд. Совѣтѣ; одни полагаютъ признать Надежду Ивановну прелюбодѣйкой, другіе—оставить въ подозрѣніи. Вѣроятно Государь утвердитъ послѣднее; оно же согласно съ мнѣніемъ министра. Я признавалъ ее виновною; хотя статьи XV тома не подходятъ, но поведеніе этой женщины грязно и отвратительно. Большинство полагаетъ оставить въ подозрѣніи, а нынѣ въ ходу большинство.....

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1854 годъ *).

Новый годъ! Что-то онъ дастъ? Европѣ я желаю сблизить государственную власть съ наукой: ибо она представляетъ собою лучшую часть народа, съ которою всѣ эти милліоны, Наполеоновскимъ плебисцитомъ, рано и поздно, соединятся.... Россіи я желаю поменѣе поглощаться политикой, которая, при нашемъ богатствѣ и при массѣ военныхъ силъ, всегда будетъ съ голосомъ, и прилежнѣе заняться управленіемъ и законодательствомъ, которыя заключаютъ въ себѣ существенно-вредныя начала и особенно несообразныя, вслѣдствіе заимствованія ихъ съ Запада. Безсмысленный исходъ легкомысленно-заимствованной наказательной системы (системы заключенія) есть не первое и не послѣднее тому доказательство. Къ сожалѣнію, при исключительности вліянія западныхъ ученій, по застою собственныхъ, для выраженія которыхъ цензура не представляетъ никакихъ удобствъ, управленіе дѣйствуетъ въ самомъ анти-монархическомъ направленіи. Особенно желательно, чтобъ дано было болѣе независимости церкви и чтобъ была настоящая проповѣдь, болѣе близкая народу и болѣе примѣнимая, нежели рѣчи и бесѣды Московскаго митрополита Филарета.

Судя по общему говору, и особенно по словамъ Государя, сказаннымъ на нынѣшнемъ выходѣ генераламъ и кавалергардамъ съ припоминаніемъ Кульма и Шампенуаза, судя по статейкамъ Греча въ «Сѣверной Пчелѣ» и какого-то Бѣднякова въ «Инвалидѣ; судя, наконецъ, по говору о наборѣ по 14 съ тысячи—должна быть война. Но гдѣ война? Развѣ придетъ флотъ въ Балтику? Подъ Одессу, подъ Севастополь? Можетъ быть, заставятъ Нѣмцевъ выдти изъ нейтралитета? Впрочемъ, если, по предположенію «Times», принудить Турцію дать широкія права Турецкимъ христіанамъ, мы будемъ преобладающими, ибо наша церковь тамъ сильнѣе другихъ. Война страшна всѣмъ.

---

*) См. выше, стр. 0133.

Наградъ не такъ много. Сенаторы получили: Степанъ, какъ зовутъ его въ Москвѣ ‹Фарисей ***—Александра Невскаго, старикъ Горголи—бриліанты; Челищевъ—членомъ Государственнаго Совѣта, Дурасовъ—Владимира 2-й ст.; Башуцкій—Бѣлаго Орла. Старикъ П. Г. Бутковъ перемѣщенъ въ 1-й департаментъ. Ко мнѣ назначенъ балагуръ кн. Дм. Эр—овъ. Графъ Панинъ съ 1846 г. не получаетъ никакой награды и теперь сравнялся съ своимъ товарищемъ Илличевскимъ, получившимъ Александра Невскаго. Графа Панина очень не любятъ; однако, общественные слухи, по случаю болѣзни канцлера гр. Нессельроде и гр. Блудова, назначаютъ его и канцлеромъ, и главнымъ начальникомъ законодательной канцеляріи. Вмѣсто кн. Эристова, оставленнаго членомъ морскаго аудиторіата, Великій Князь Константинъ Николаевичъ назначилъ князя Николая Голицына.

Вотъ огласилась и Французская нота отъ 30 Ноября о входѣ соединеннаго флота въ Черное море... Мѣра вызванная Синопскимъ дѣломъ и имѣющая цѣлью предупредить, чтобъ Османскія владѣнія и Османскій флагъ не подверглись новому нападенію со стороны Русскаго флота. Нота считаетъ эту мѣру ‹ручательствомъ возстановленія мира на Востокѣ на такихъ условіяхъ, которыя не измѣняли бы распредѣленія силъ великихъ Европейскихъ государствъ›. У насъ ждутъ манифеста въ день Богоявленія, ждутъ набора, говорятъ о посылкѣ трехъ гвардейскихъ полковъ въ Финляндію. Страшно становится, слушая разговоры о начинающейся войнѣ. В. А. Шереметевъ, М. Н. Муравьевъ и др. приписываютъ Англіи виды истребленія нашего флота для монополіи на всѣхъ моряхъ. Они цитуютъ сочиненіе Капфига «о союзѣ съ Россіей» и по случаю слуховъ объ отъѣздѣ графа Орлова считаютъ возможнымъ сближеніе и дружбу съ Наполеономъ. Возможно-ли это? Можетъ-ли быть, чтобъ законный самодержавный Императоръ вступилъ въ союзъ съ незаконнымъ диктаторомъ?

По смѣтѣ Министерства Юстиціи на 85 судебныхъ палатъ, на 600 судовъ назначается 1,327,493 р. Графъ Панинъ рѣшился, наконецъ, усилить штаты судебнаго вѣдомства; но въ 1849 году, пишетъ онъ, помѣшала война съ Венграми, а теперь война Турецкая. Однако министръ нашелъ способы: увеличилъ крѣпостные сборы съ 4% на 5%, увеличилъ канцелярскія отъ 3 до 25 за актъ; обложилъ частныя жалобы 5-ю и 10-ю р. и судейскій штрафъ за неправую аппеляцію обратилъ на суды. Всего требуется на увеличеніе штатовъ судебнаго вѣдомства не много болѣе 800 тысячъ р. Изъ такой ничтожной суммы такія хлопоты! Графу Панину и въ умъ не пришло обратить вниманіе, что спасеніе или улучшеніе судебныхъ учрежденій зависитъ не отъ 800 т., а состоитъ въ реформѣ дѣлопроизводства, въ измѣненіи

постановленій о подсудимости и въ болѣе правильномъ устройствѣ судебныхъ инстанцій.

Журналы трубятъ о войнѣ. Ожидаютъ вѣстей отъ Парламента. У насъ всюду пожертвованія, торжественныя встрѣчи и проводы, множество стиховъ, которыхъ удостоился даже воевода Пальмерстонъ. Толкуютъ о запискѣ профессора Погодина, не заключающей въ себѣ, впрочемъ, ничего замѣчательнаго; о видѣніи надъ Кавказской арміей во время схватки съ Турками, о Богородицѣ съ двумя войнами, являвшейся Туркамъ и ихъ плѣннымъ надъ нашими рядами. Объ этомъ писалъ экзархъ Грузіи Исидоръ митрополиту Московскому. Филаретъ напутствовалъ 16-ю дивизію и сказалъ слово.

Ждутъ возвращенія графа Орлова, опасаясь и отказа Нѣмецкаго, и вооруженій Шведскихъ. Положеніе наше, въ виду этихъ вооруженій, въ самомъ дѣлѣ весьма затруднительное. Эта борьба Богомъ даннаго наслѣдственнаго права съ избирательнымъ чрезвычайно сплетается съ меркантилизмомъ и реакціею, а также съ опасеніемъ усиленія демократіи. Англія, чтобы ни говорили д'Израэли и Кобденъ, хочетъ Чернаго моря. (Если она слишкомъ будетъ стремиться къ этому, легко, съ теченіемъ времени, можетъ быть, что она лишится и Средиземнаго моря и пожалуй вызоветъ могущество Французское)... Я увѣренъ что избирательное право отвергнется опытомъ. Страшно подумать, что, по всей вѣроятности, поплатимся мы и, каковъ бы ни былъ исходъ, нравственное вліяніе наше будетъ въ ущербѣ. Говоря поканцелярски, мы требуемъ—въ объясненіяхъ о флотахъ—указа на указъ; и даже Нѣмцы, смотря на нашу нерѣшительность и податливость, радуются униженію Московской гордыни и, смѣясь спрашиваютъ: «Was will denn Rüssland? *) Посольство графа Орлова имѣетъ видъ упрашиванія; желаніе же выиграть время порождаетъ предубѣжденіе къ нашей силѣ.

Сегодня мы смотрѣли съ Глинками (Ѳедоромъ Николаевичемъ и Авдотьей Павловной) публичную библіотеку при указаніяхъ главнаго начальника бар. Мод. Андр. Корфа. Порядокъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательный. Интересно, что Государь Императоръ въ этомъ храмѣ просвѣщенія представленъ на портретѣ въ казацкомъ мундирѣ, и портретъ очень дуренъ; напротивъ, портреты Государя Александра Павловича (рисовалъ Дау) и особенно Екатерины II-й, Левицкаго, очень хороши. Драгоцѣнностей много, готовности отъ начальства тоже много. Читающихъ весьма мало.

Февраль. Телеграфъ передалъ рѣчь королевы Викторіи не точно. Выраженія о противодѣйствіи «общему врагу» тамъ не было. Это

*) Чего, наконецъ, желаетъ Россія?

насъ нѣсколько обрадовало; но при радости, мы не замѣтили, что и безъ грубой фразы слова королевы многозначительны. Повидимому хотятъ заставить насъ согласиться на миръ и при этомъ выговорить условія, при которыхъ повтореніе настоящихъ обстоятельствъ не имѣло бы мѣста. Хотятъ нравственнаго униженія нашего. Будетъ ли война и чѣмъ можетъ кончиться война при такомъ смѣшеніи началъ нынѣшняго порядка, сказать трудно; но не подлежитъ сомнѣнію, что миръ умалитъ наше значеніе и вліяніе, и въ лицѣ господина эпохи, Наполеона III, демократическое начало получитъ новую силу. Нынче пришелъ манифестъ о наборѣ (по 9 чел. съ тысячи). Бруновъ и Киселевъ, говорятъ, уже оставили свои посты; Сеймуръ и Кастельбажакъ оставляютъ ихъ на дняхъ. Отовсюду дѣлаются пожертвованія; лицеисты посылаютъ 1500 р. Московскіе студенты вызываются вступить въ военную службу. Иванъ Яковлевъ, слышно, предложилъ заемъ безъ % въ 40 милл. По рукамъ ходитъ каррикатура. Изображенъ султанъ, котораго ведутъ подъ руки толстая дама и усастый мущина; султанъ встрѣчается съ казакомъ и проситъ «недруга» освободить его отъ «друзей», которые тащатъ его противъ его воли. Движеніе въ Москвѣ, а особенно за Москвой, очень сильно; въ газетахъ смѣлыя статьи объ Англіи и Франціи помѣщаются часто и свободно... Но возгласы Англіи и Франціи тверды. Графъ Орловъ боленъ въ Вѣнѣ... Объ отношеніяхъ къ намъ Австріи и Пруссіи носятся самые отрицательные слухи и, кажется, государства Нѣмецкія сознаютъ всю важность свою. Внѣшнія дѣла поглощаютъ теперь все и всѣхъ, а дѣла внутреннія идутъ по прежнему: безъ единства, безъ системы, почти безъ вниманія.

Я помню войну 1828 года г. и Польскую распрю 1830 г. и могу сдѣлать сравненіе расположенія умовъ и общественныхъ явленій тогдашняго и настоящаго времени. Разница большая, и она обличаетъ большіе успѣхи, сдѣланные въ двадцать лѣтъ нашимъ обществомъ. Сознаніе отдаленной опасности государства самимъ государствомъ уже замѣчательное явленіе. Благодаря участію возникающей гласности, нѣтъ лица, которое не принимало бы къ сердцу самаго мимолетнаго извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и о журнальныхъ статьяхъ по восточному вопросу. Братъ А. А. Боборыкинъ*) и Е. И. Елагина, живущіе въ глуши Орловской губерніи, разсказываютъ, что привозъ газетъ съ почты ожидается не только господами, но и прислугою съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ ждутъ праздника, и нерѣдко газеты прочитываются прежде въ лакейской, а потомъ уже господами. Сейчасъ съ одной стороны всѣ предчувствуютъ опасность, а съ другой

*) К. Н. Лебедевъ женатъ былъ на Александрѣ Александровнѣ Боборыкиной.

боятся посрамленія—вѣрнѣе продолженія того посрамленія, которое мы все время испытываемъ: мы все уступаемъ, уступаемъ и уступаемъ. Поѣздка въ Ольмюцъ—самая огромная уступка, повлекшая за собой дальнѣйшія назойливыя требованія: поѣздка графа Орлова; Севастопольскій портъ запертъ; благородный Черноморскій флотъ бездѣйствуетъ. Кстати замѣчу, что введеніе на Западѣ винтовыхъ пароходовъ на десятки лѣтъ отбросило нашъ флотъ на задній планъ. Секретарь одного посольства въ легкомъ разговорѣ за обѣдомъ о томъ, чего хотятъ Франція и Англія, объяснилъ, что, comme disent les gazettes, elles ne veuillent qu'apprendre ce que veut la Russie (... какъ говорятъ газеты, онѣ желаютъ знать только, чего хочетъ Россія). Въ самомъ дѣлѣ, читая и перечитывая брошюры, мирный гражданинъ безотвѣтно спрашиваетъ: Что́ нарушила Турція? Чего мы отъ нея требуемъ? О какой обязательности мы говоримъ?

Сегодня родилась Великая Княжна Вѣра Константиновна. Говорятъ, что ей хотѣли дать имя Софіи, но пожелали избѣгнуть намековъ...

Между тѣмъ какъ тучи сбираются на Западѣ и внѣшняя политика поглощаетъ всѣ заботы правительства, внутреннія распоряженія идутъ своимъ чередомъ. Особенно много говорятъ о перемѣнахъ въ откупной системѣ, предполагаемой въ 1855 г. и о введеніи инвентарей. По департаменту моему я знаю и вижу изъ дѣлъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, какъ несоотвѣтственны эти инвентарныя правила и какъ мало привычны къ нимъ и крестьяне, и помѣщики, имѣющіе теперь столько поводовъ къ столкновенію. Мѣра политическая—сокращеніе числа католическихъ владѣльцевъ—есть распоряженіе, которое портитъ самыя хорошія основанія крѣпостнаго права и переходитъ цѣль своего установленія. Нынѣ хотятъ ввести эти правила, кромѣ губерній западныхъ, во всѣ Бѣлорусскія и потомъ въ Малороссійскія. Дурно здѣсь то, что все это дѣлается мимо Государственнаго Совѣта и Сената. Самыя правила пишутся безъ знанія особенностей мѣстныхъ и безъ спроса лицъ, которыя заинтересованы въ этомъ. Крѣпостное право наше дурно, очень дурно и особенно потому, что не организовано. Безъ патримоніальныхъ судовъ обойтись намъ нельзя, и статья 1680-я т. XV-го должна получить точнѣйшее развитіе.

Другая мѣра—свободная торговля виномъ—устрашаетъ тѣмъ, что можетъ породить непомѣрное пьянство. Это не безъ основанія, но все будетъ зависѣть отъ устройства этой части. Говорятъ, для столицъ свобода получитъ большія ограниченія, которыя уже и утверждены даже прежде введенія самой системы.

Въ Февральской книжкѣ Современника помѣщено начало біографіи Гоголя. Статья эта (гг. Кулиша и Маркевича) много дѣлаетъ шуму

въ молодомъ обществѣ и много читается. Я не нашелъ въ ней ничего новаго, кромѣ писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя замѣчательны, иныя по выражающейся въ нихъ суетности и легкомыслію молодаго человѣка, юноши (17 л.), не чуждаго стремленія къ модѣ и т. п., другія по прекраснымъ чувствамъ къ матери. Видно, что Гоголь учился плохо. Онъ рано бросился въ авторство. Изученіе типовъ всегда было существеннымъ условіемъ великихъ писателей. При громадной способности и талантѣ Гоголя подмѣчать дѣйствительность, изученіе могло бы довести его до значенія великаго писателя, и изображеніе его пошлостей людскихъ, можетъ быть, при высшемъ кругозорѣ, представило бы разрѣшеніе вопросовъ, которыхъ мы еще не нашли. Напрасно другъ Жуковскаго Кернеръ, при свиданіи съ Гоголемъ, въ Баденѣ, не заставилъ его выучить стихи его:

‹In Tiefen unberühret
‹Wächst einsam das Metall;
‹Wo's nachtet und gefrieret,
‹Sich bildet der Kristall› *)

Гоголь не любилъ ни Шиллера, ни Гёте, у которыхъ эта мысль выражена и сильнѣе, и прекраснѣе. Изъ многихъ мѣстъ Гоголя можно заключить, что онъ любилъ ‹удаленіе›—‹Verlassensein›. Оставленный самому себѣ, гордый писатель находитъ пищу для творчества; но эта пища тщеславія, самообольщенія и, прочтя Переписку съ друзьями, гдѣ Гоголь является всесвѣтнымъ совѣтникомъ, невольно подумаешь, что его ‹удаленіе› не образовало ни кристалла, ни металла. Надо замѣтить однако, что, послѣ Пушкина и его созвѣздій, Гоголь больше всѣхъ отдѣлилъ литературу отъ вліянія господствующихъ лицъ и сословій. Литература еще слаба, но она имѣетъ уже нѣкоторую самостоятельность, независимую отъ правительственныхъ школъ и меценатовъ. Къ счастію онъ попалъ въ домъ Александра Толстаго, который дышетъ оппозиціей и не сошелся съ Віельгорскимъ, гдѣ и комизмъ, и лиризмъ его приняли бы видъ общественной забавы.

Еслибы слабый Абдулъ-Меджидъ зналъ свою будущность, онъ принялъ бы Православіе и, породнясь съ нами, объявилъ бы себя христіанскимъ Восточнымъ императоромъ. Турція въ томъ переходномъ положеніи, когда Азіатскій элементъ постепенно уступаетъ Европейскому, а Европейское населеніе христіанское съ прибытіемъ Англичанъ и Французовъ усилится до той степени, что его положеніе сдѣлаетъ невыносимымъ положеніе Турецкаго управленія.

*) Металлъ растетъ неприкосновенно и одиноко въ глубинѣ; кристаллъ образуется тамъ, гдѣ нѣтъ свѣта и гдѣ морозно.

.... Съ приближеніемъ весны приближается и война. Я ей не вѣрилъ. Теперь вѣрю. Между тѣмъ, какъ «добрый другъ» печатаетъ письма и предательски понуждаетъ Австрію, между тѣмъ какъ Дж. Россель, Кларендонъ, Пальмерстонъ нападаютъ на насъ всею силою парламентской брани, а мы отвѣчаемъ то манифестомъ, то наборомъ, то нынѣ вышедшею объяснительною нотою (18 Февраля) и безпрерывными стихами въ журналахъ, напоминающими иногда остроуміе Русское: «Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ» и т. д. (Ал. Петр. Опочинина), по городу ходятъ слухи о запрещеніи брать дачи на морскомъ берегу, о распилкѣ льда для перевода остальной дивизіи въ Свеаборгъ. Говорятъ о чрезвычайномъ наборѣ и ополченіи, о тайныхъ сношеніяхъ съ Франціей.

Я думаю, что послѣ этой войны Франція низведется съ мѣста первенствующей державы... Когда-нибудь, не сейчасъ... Выиграетъ Англія. Но во всякомъ случаѣ потеряемъ мы. Я не вижу и не могу себѣ представить никакого счастливаго для насъ исхода. Особенно страшно то, что эти внѣшнія войны совершенно отвратятъ правительство отъ усовершенствованій внутреннихъ, и даже по окончаніи войны истощеніе казны не позволитъ приняться за необходимѣйшія улучшенія, всегда требующія денегъ. Вся Западная часть Имперіи объявлена въ военномъ положеніи. Сибирь и Кавказъ всегда въ этомъ положеніи. Указы объ этомъ громки и грозны; но прочтите 1607 ст. XV-го т. по 18-му продолженію, и вы увидите, что мы постоянно въ военномъ положеніи и поймете, какъ одолѣваютъ насъ не Англичане, не Французы, а собственное положеніе.

Мартъ. Константинъ Николаевичъ ѣздилъ въ Свеаборгъ и не нахвалится пріемомъ Финляндіи, которая предоставила ему всѣ суда и лодки, какъ говорятъ злые языки, чтобы спасти ихъ отъ Англійскихъ пушекъ. Государь Цесаревичъ, съ озабоченнымъ видомъ, неохотно говоритъ о войнѣ, и данныя ему права главнокомандующаго (вѣроятно Балтійскою или Сѣверной арміями) тяготятъ мирную и человѣколюбивую его душу.

Главнокомандующіе: князь Воронцовъ, князь Паскевичъ и Цесаревичъ. На Югѣ отдѣльные корпусные командиры; князь Горчаковъ, генералъ Хомутовъ, Остенъ-Сакенъ; на Сѣверѣ—адмиралъ Болль, генералъ Бергъ въ Эстляндіи, князь Суворовъ въ Лифляндіи, графъ Ридигеръ, намѣстникъ Паскевича, въ Курляндіи. Итакъ три арміи и семь отдѣльныхъ начальниковъ.... Князь Воронцовъ увольняется; старость Паскевича внушаетъ мало довѣрія. Гдѣ же настоящій главнокомандующій?

Объявленное военное положеніе не произвело никакой перемѣны въ нашемъ обыкновенномъ положеніи и даже въ объяснительной объ этомъ

вопросѣ статьѣ, напечатанной въ Сѣверной Пчелѣ и перепечатанной въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ 3 Марта, ученый профессоръ написалъ такую непонятную и неясную вещь (о военномъ судѣ), что невольно спросишь: «когда же мы были не въ военномъ положеніи?» (NB. Мы такъ мало въ военномъ положеніи, что бѣшеный волкъ прибѣжалъ съ Елагина острова на Литейную и окрестныя улицы и перекусалъ 36 человѣкъ).

Война все ближе и ближе. Острова наши и всѣ берега укрѣпляются.... Непріятельскій флотъ на дняхъ ожидается въ Балтикѣ. Я провелъ вечеръ у В. А Шереметева, и этотъ отставной баринъ серьезно опасается за Петербургъ и ожидаетъ всего возможнаго отъ Чарльса Непира, обѣщавшаго, передъ отъѣздомъ изъ Англіи, праздновать день рожденія королевы въ Зимнемъ дворцѣ.

Сегодня графъ Зубовъ, сотоварищъ мой по консультаціи, сидѣлъ у меня и очень критически относился къ распоряженіямъ и дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ Дм. Гавр. Бибикова. Къ нему такъ относятся очень многіе изъ нашихъ помѣщиковъ. Дѣло все изъ инвентарей. Мы неправильно ввели у себя крѣпостное право, неправильно его и отмѣняемъ. Объ отмѣнѣ, съ 1830 годовъ, говорили много, потомъ замолкли и дѣйствовали тайкомъ, неудачно и непослѣдовательно, главное, неоткровенно. По дѣламъ это еще ощутительнѣе. Стараются всѣми путями ограничить кругъ лицъ, имѣющихъ право крѣпостнаго владѣнія; рядомъ съ этимъ желаютъ оградить законами дѣйствіе этого права. При такомъ направленіи существующее учрежденіе какъ бы не существуетъ и въ основномъ своемъ началѣ почти совсѣмъ отвергнуто. Разумѣется, все это въ Петербургѣ, все это въ законодательствѣ, на бумагѣ; на самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ, за Москвой право это сильно, хотя мало-по-малу ослабляется и исчезаетъ. Противъ дѣйствій правительства говорить нечего. Несостоятельное право это не можетъ быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ и особенно въ такомъ, гдѣ могутъ быть законы «о дворянахъ, происходящихъ изъ крѣпостныхъ» и это—en plein XIX siècle! Но нерѣшительныя и неоткровенныя дѣйствія правительства вредятъ существеннымъ выгодамъ общества, и послѣдствія принятаго, но не выраженнаго въ законахъ, начала совершенно противны Римскому правилу: quod vero contra rationem juris receptum est, non est perducendum ad consequentias *) (Dig. l. 3, de legibus XIV). Эти-то послѣдствія, неправомѣрныя и часто вопіющія, весьма часто и почти никогда не могутъ быть соглашены съ требованіемъ

*) То что̀ принято въ противность смыслу права не можетъ привести къ послѣдствіямъ.

правосудія. Со введеніемъ инвентарей крѣпостное право прекратится de jure, но de facto оно долго будетъ существовать въ прежнемъ видѣ.

Кажется, Государь, получивъ ультиматумъ о выступленіи изъ княжествъ до 30 Апрѣля, далъ приказаніе князю Горчакову перейти Дунай, и говорятъ, что корпусъ Лидерса перешелъ подъ Браиловымъ по направленію къ Троянскому валу. Константинъ опять въ Свеаборгѣ. Кромѣ слуховъ и говора о переходѣ и о флотѣ, въ городѣ читаютъ анекдотъ объ эхо въ Тюльерійскомъ саду:

Луи-Наполеонъ кричитъ:	Эхо отвѣчаетъ:
Autriche!	triche!
Prusse	russe!
Suède	aide
Paris	rit *)

Много неудовольствій съ патріотическими пожертвованіями. Докторъ Мейеръ и сенаторъ Веймарнъ внѣ себя отъ этихъ патріотическихъ предложеній пожертвовать; со стороны людей, которые съ большою щедростью дѣлаютъ налоги на другихъ. Положили съ душъ и домовъ 50 к. (это составитъ 200 т. р.) Въ Москвѣ эти собиравія доходятъ до смѣшнаго: дамы ѣздятъ по домамъ, купцовъ берутъ за бороды, подчиненнымъ приказываютъ жертвовать!

К. И. Арсеньевъ и Карамзина дочери читаютъ Императрицѣ Русскую исторію. Возстаніе Запада обращаетъ насъ на себя, и вотъ уже первое вліяніе этого. Урокъ, который намъ дадутъ, усилитъ это полезное вліяніе, а торжество, пожалуй, еще ослабитъ его.... Это дѣло, обращая насъ въ себя, сопровождается и другимъ явленіемъ, которое многіе называютъ утѣшительнымъ зрѣлищемъ: это энтузіазмъ, который проявляется не въ Нѣмецкомъ и злорѣчивомъ Петербургѣ, а въ Москвѣ и за Москвой. Тамъ бредятъ и думаютъ о взятіи Византіи и Восточной имперіи, тамъ всѣ готовы на пожертвованія, и въ проповѣдяхъ, возглашеніяхъ и пр. и пр., въ стихахъ и прозѣ, не только нѣтъ недостатка, но даже изобиліе. Какъ во всемъ, въ нашъ противурѣчивый вѣкъ, здѣсь нѣтъ ни постепенности, ни мѣры, и едвали тѣ, кто одобряетъ такое настроеніе умовъ и воспаленіе сердецъ, впослѣдствіи не раскаются въ своемъ неумѣренномъ возбужденіи: ибо очаровать молодую націю легко, но за то она легко и разочаровывается; а раздраженіе массы, какъ болѣзнь сердца, тѣмъ особенно вредно, что

**) Игра словъ непереводимая. Смыслъ тотъ, что когда Наполеонъ говоритъ: „Австрія!“ эхо отвѣчаетъ: „плутуетъ!“ Пруссія! — Русская! Швеція — „помогаетъ!“ — „Парижъ“ — „смѣется.“

притупляетъ чувствительность и порождаетъ недовольство, тѣмъ болѣе тягостное, чѣмъ болѣе было дано неисполнимыхъ надеждъ и поводовъ питать неосновательныя ожиданія.

Во Франціи вмѣсто 250 милл. подписали 500. Я опасаюсь, чтобы и у насъ не вздумали, въ подражаніе, обратиться къ подобному доказательству народнаго сочувствія. Вѣдь сознались же мы, что проконсульское посольство князя Меншикова было подражаніе г. Лявалетту и графу Лейнингену. Сила народной воли удивительна и ужасна въ преодолѣніи препятствій, но тѣмъ опаснѣе и рѣже надобно обращаться къ этой силѣ. Мы слишкомъ близки къ лицамъ и событіямъ и потому едва ли можемъ вѣрно обозрѣть и ихъ безпристрастно цѣнить; но и теперь очевидны, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые недостатки и противорѣчія, несообразныя съ учрежденіями благоустроеннаго государства. Угнетеніе литературы, лишающее насъ внѣ и внутри самостоятельности нравственной и усиливающее тѣмъ вліяніе ученій западныхъ; поверхностное воспитаніе; преобладаніе военнаго порядка, дурное законодательство, а особенно дурные органы его исполненія: восемь разъ Танѣевъ объявлялъ высочайшее повелѣніе не представлять прямо Государю законоположеній на утвержденіе, а вносить въ Государственный Совѣтъ.

Умеръ у меня молодой человѣкъ Голубовъ. Это уже второй случай (Штернгольмъ). Миръ праху вашему, милые, дорогіе люди! Это были юноши необыкновенно благородные, чистые, благонравные. Грустно смотрѣть на нашу молодежь; чѣмъ она даровитѣе, тѣмъ еще болѣе грустно. Особенно ощутительна разница въ дѣтяхъ нашихъ богатыхъ магнатовъ и дѣтяхъ бѣдныхъ личныхъ дворянъ. Одни бѣгутъ, другіе догоняютъ, и въ этомъ соревнованіи и тѣ, и другіе прыгаютъ и перепрыгиваютъ, доколѣ одни не истощатся, а другіе не переломаютъ или не сломаютъ головы... Конечно есть и будутъ хорошія фамиліи, и они начинаютъ образумливаться; но недостатокъ дѣльнаго воспитанія, утопаніе въ удовольствіяхъ сдѣлали то, что общее мнѣніе потеряло къ нимъ довѣріе, и предубѣжденіе къ имени влечетъ за собой предубѣжденіе къ способности. По стеченію обстоятельствъ, и у насъ какъ во Франціи съ 1830 годовъ, имя, давность, опытность, привычка замѣнились талантами и способностями, и мы хотѣли имѣть своихъ Тьеровъ, Гизо, Казиміровъ-Перье. Это дало необыкновенный ходъ нашему среднему сословію, такъ что изъ него явились новые графы и князья, овладѣвшіе главными мѣстами управленія. Но что же вышло? Послѣ бурь 1848 года правительство перепугалось и постановило разныя ограниченія; старые, уже испорченные графы и князья ощетинились противъ правительства, а новые князья и графы

начинаютъ портиться. Страшно дѣлается, когда войдешь внутрь этой толпы и проникнешь въ сердцевину личностей: стремленіе безъ отдыха, никакой привязанности къ преданію, самая смѣшная перемѣнчивость въ привычкахъ, вкусахъ, занятіяхъ. Государственная служба словно рекрутскій наборъ по жеребьевой системѣ; общественная жизнь—оперный маскарадъ..... И надобно сказать, что, благодаря различнымъ причинамъ, молодому поколѣнію трудно утвердить въ себѣ какія либо убѣжденія. Всѣ, кажется, достаточно сильны для всего; всѣ, кажется, за все берутся не по силамъ... Въ самыхъ громкихъ именахъ найдется сочувствіе самымъ громкимъ преобразованіямъ, и я никакъ не забуду, какъ много было преданности совершившимся событіямъ 1848—1849 годовъ въ гр. Т—омъ, въ гр. С—овѣ, А. Н. П—овѣ, В. А. Ш—вѣ, А. Я. К—ѣ и пр. и пр.... И въ то время какъ въ объятой пламенемъ Франціи, само гражданство твердо вѣрило, что преданіе, цивилизація и здравое ученіе возмутъ свое, у насъ лучшіе изъ магнатовъ не имѣли къ этимъ оплотамъ человѣчества ни малѣйшаго довѣрія.

Вотъ и послѣдніе акты секретной переписки по Восточному вопросу. Вотъ и рѣчь министра Кларендона о Гуннахъ, кнутахъ, Вандалахъ... Вотъ и докладъ коммиссіи Прусской палатѣ о займѣ 30 мил. талеровъ или «о той глубокой антипатіи Прусскаго народа къ Россіи, съ которой (Россіей) mittelbar, ни unmittelbar, ни bedingt, ни unbedingt не заключать союза»—иначе: не давать денегъ (Allgem. Zeitung №№ 93, 96—99). Брайтъ, приверженецъ мира, говоря о тягостяхъ войны, которыя лягутъ исключительно, по его мнѣнію, на владѣльцевъ, пластически объяснилъ имъ мысль свою: «у каждаго изъ васъ, милорды, здѣсь присутствующіе, сидитъ на плечахъ Турокъ»..... Повидимому, если не во Франціи, безнравственной и исключительно-преданной мыслямъ о наживѣ и стремленію утопиться въ наслажденіяхъ, если не въ Австріи безвѣрной и безхарактерной со своими многочисленными національностями, при ея постоянно-ложномъ положеніи; если ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ свободы слова и мнѣнія: то нельзя ли поискать ея въ парламентахъ Англіи и Пруссіи, у этихъ здравомыслящихъ и самоуправляемыхъ Англичанъ, у этихъ глубокомысленныхъ и руководимыхъ учеными убѣжденіями Нѣмцевъ? А между тѣмъ, посмотрите, что́ они дѣлаютъ? Какое значеніе даютъ они этой войнѣ? Кому льстятъ и кому потакаютъ? Куда стремятся и куда придутъ? Война очищаетъ грѣхи поколѣній, и возрожденіе совершается кровавымъ крещеніемъ. Но знаете ли вы, Англичане, Французы, Нѣмцы и Австрійцы, для кого вы работаете?.... Вы работаете, для насъ Русскихъ! Все что́ вы совершаете—ложь и клевета. Вы

хотите оградить Турцію? Гдѣ же эта независимая Турція подъ вашимъ покровительствомъ и наводненная чужими войсками и племенами, съ сильной, негодующей партіей Ислама, безъ денегъ, среди внутреннихъ бунтовъ и смятеній? Вы называете насъ Гуннами и Вандалами, насъ съ нашими кроткими нравами гостепріимства, у которыхъ что ни шагъ, то Англійскій клубъ, то магазинъ Парижанки, то иновѣрческая кирка, то Нѣмецкая колонія. О какомъ кнутѣ говорите вы? Что̀ значатъ наши неустроенныя наказанія противъ вашихъ плахъ и изощренныхъ работъ и наказаній? Вы боитесь нашего варварства? Но развѣ не вы сами пріѣзжаете къ намъ, и развѣ не было у насъ представителей Русскаго общества, влекомыхъ къ свѣту истины: Бецкаго, Татищева, Посошкова... и позже: Ломоносова, Муравьева, Державина, Карамзина, Пушкина? Вы пугаете насъ демократіей? Она намъ не страшна: мы искони демократы... Вы работаете для насъ и во всякомъ случаѣ противъ себя. Вы отвратите насъ отъ себя и обратите насъ, великую націю, къ самой себѣ. Это непомѣрное вліяніе Запада прекратится, и мы, можетъ быть, разбитые, займемся собою, обдумаемся и явимся вамъ въ томъ зрѣломъ и благоустроенномъ состояніи, въ которомъ всѣ сопредѣльные и сплеменные намъ народы признаютъ насъ главою, владыкою судебъ полсвѣта.

Сегодня, 11-го Апрѣля, послѣ обѣдни, при пушечной пальбѣ, читанъ намъ, въ церквахъ, подписанный вчера въ 11 часовъ вечера, манифестъ о томъ, что Англія и Франція, скинувъ всякую личину, рѣшились унизить Русь православную и отторгнуть ея области... Съ нами Богъ!.. Демонстрація эта не произвела у насъ никакого впечатлѣнія; ибо манифестъ слишкомъ коротокъ, слабѣе прежнихъ и не содержитъ въ себѣ ничего опредѣлительнаго и ничего болѣе новаго, чѣмъ то, что̀ всѣмъ уже извѣстно. Въ манифестѣ сказано, что мы не искали и не ищемъ завоеваній; а между тѣмъ стихотворцы, особенно Московскіе и Замосковскіе, трубятъ о Цареградѣ и о Св. Софіи, всюду дѣлаются пожертвованія, и войска доблестно перешли черезъ Дунай... Едва ли послѣ возбужденнаго воодушевленія не наступитъ разочарованіе... Молимся мы прилежно.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1854-й годъ *).

Апрѣль. Теперь, по вскрытіи Невы и прочтеніи приказовъ Непира, всѣ трубятъ и злые, и добрые: „Во всемъ виноватъ князь Меньшиковъ. Онъ не умѣлъ заготовить ни одного винтоваго корабля, запустилъ все вѣдомство, не знаетъ своей обязанности, преданъ любимцамъ, думаетъ объ остротахъ, а во время посольства не сумѣлъ воспользоваться выгодою своего положенія... бравадами своими возстановилъ противъ насъ даже партію, преданную нашимъ видамъ". Правда-ли все это? А между тѣмъ, громъ военныхъ дѣйствій уже раздается на Балтикѣ и на Черномъ морѣ. Одесса обложена, Севастополь, Свеаборгъ, Кронштадтъ заперты. Однако у насъ въ Петербургѣ все скромно и тихо; опасеній мало, хотя движеніе войскъ чрезвычайно. „J'ai demandé à Papa", говорила одна великая княжна графинѣ Комаровской (которая мнѣ это пересказывала) „qu'il rétablisse l'empire Grec. Il m'a dit, qu'il ne sait lui-même ce qu'en sera fait par les puissances". Конечно, сказать трудно. Несомнѣнно то, Турціи не будетъ, и анекдотъ Константинопольскій оправдается: князь Меньшиковъ спросилъ Коранъ и требовалъ, чтобъ въ немъ были уничтожены нѣсколько строчекъ; Англо-Французы потребовали Коранъ и бросили его въ Босфоръ. Несомнѣнно, что теперь разыгрывается все таже драма 1848 года. Можетъ быть, что война продлится надолго, союзники утвердятся на Босфорѣ, намъ моря будутъ заперты.

Бомбардированіе Одессы, торжество Щеголевской батареи и награды. Ожиданіе нападеній на Кронштадтъ и Свеаборгъ, военныя мѣры по разнымъ частямъ города, пожертвованія, рвеніе молоде-

*) См. выше стр. 0232.

жи и новый наборъ по 12 съ тысячи. Удаленіе наше изъ Молдо-Валахіи и вступленіе въ Сербію Австрійцевъ; гадательное выжиданіе Германіи, которая конвенціей 9 Апрѣля (Augs. Zeit. № 124) связала себя съ западными державами, хотя все еще держится системы Мантейфеля: auf dem bisher verfolgten Wege in voller Einigkeit mit Oestreich und ganz Deutschland und im Einvernehmen mit den andern europäischen Grossmächten fortzuschreiten... Все это еще чревато событіями, послѣдствія которыхъ, едвали ожидаемыя, обнаружатся скорѣе, нежели думаютъ. Во всякомъ случаѣ съ той и другой стороны разочарованіе будетъ непремѣнно. Но посреди восторженныхъ пѣснопѣній всей Россіи, замѣчательно равнодушіе Петербурга, всегда эгоистическаго, и упреки Москвы, всегда оппозиціонной... Графиня Ростопчина написала стихи:

Пускай въ Россіи нѣтъ дворянъ,
Пускай всѣ Русскіе вельможи
Изъ Чухонъ, Ляховъ и Армянъ,
На Русскихъ вовсе не похожи;
Пускай, наслѣдіе Петра,
Страшилище враговъ и внутреннихъ, и внѣшнихъ,
Вся наша гвардія осталася вѣрна
Названью прежнему—потѣшныхъ.
А слава древняя дружинъ,
Сословіе дѣтей боярскихъ,
На мѣсто теплое, иль заряся на чинъ,
Погрязло въ дрязгахъ канцелярскихъ,
И саблю замѣнивъ перомъ,
Кольчугу бранную позорнымъ вицмундиромъ,
Ярыжкамъ уподобилось во всемъ
И стало мерзостнымъ вампиромъ,
Который день и ночь сосетъ
Всѣ соки лучшіе изъ Русскаго народа
И даже ухомъ не ведетъ,
Что есть ужъ два изданья Свода;
Пускай и самый нашъ народъ,
Врагъ ненавистныхъ иноземцевъ,
По праздникамъ мертвецки пьянъ,
По буднямъ трудится на Нѣмцевъ.
Пускай казна истощена,
И намъ по прежнему пристала
Та фраза старая, что „наша Русь сильна,
Обильна, только въ ней порядка мало,“—

Все это ничего! Придетъ, придетъ пора:
Ударитъ часъ, возстанетъ Русь Святая,
И вотъ тогда изгонятъ васъ,
Наемниковъ иноплеменныхъ стая!...

А Хомяковъ въ стихотвореніи, ходящемъ по рукамъ, „Къ Россіи", выразился еще сильнѣе въ религіозномъ своемъ одушевленіи. Онъ говоритъ:

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Я получилъ эти стихи отъ А. П. Глинки. Порицатели этихъ стиховъ находятъ однако пріятнымъ и распространять ихъ...
...Займы сдѣланы повсюду и еще будутъ сдѣланы: это не подлежитъ сомнѣнію. Текущихъ доходовъ едва достаточно для установившихся требованій, не говоря уже о тѣхъ расходахъ, которые придумываютъ династическіе интересы, случайная политика и несоразмѣрное возникновеніе требованій мелкихъ, но тѣмъ не менѣе жгучихъ и важныхъ. У насъ назначеніе частыхъ наборовъ и частныя пожертвованія (ихъ насчитываютъ теперь до 6 мил., включая сюда пожертвованія Яковлева 500 т., Штиглица 300 т., князя Юсупова 180 т., графа Шереметева 150 т.) ослабляютъ частныя достоянія и, при недостаткѣ сбыта за границу, окажутъ вліяніе на поступленіе подушной и земской подати, и можетъ оказаться огромный недочетъ. Съ другой стороны это должно имѣть вліяніе и на откупа, такъ что уже и теперь новая система свободной винопродажи отложена до 1857 года, и г. Броку предоставлено дискреціонное право, не производя торговъ, войти въ соглашеніе съ откупщиками, которые не упустятъ сей оказіи и не потеряютъ ни копѣйки... Кромѣ того уменьшится таможенный доходъ. Уменьшеніе важной этой статьи, и при томъ довольно значительное, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и 28 или 30 мил. сократятся по крайней мѣрѣ на половину. Что̀ мы будемъ дѣлать? Сдѣлаемъ внутренній заемъ и выпустимъ билеты и серіи. Но это можетъ уронить курсъ и породить смущеніе. Уменьшить расходы? Но они уже уменьшены, и эта мѣра едвали принесетъ пользу. Министры и члены Совѣта втайнѣ радуются затрудненію новаго министра финансовъ; но что̀ сами они сдѣлали бы въ данномъ случаѣ? Былъ у меня Г. И. Кузьминскій (начальникъ ссуд-

ной казны) и говорилъ, что пріемъ залоговъ и закладовъ такъ увеличился за послѣднее время, что казна хочетъ принять нѣкоторыя ограниченія, опасаясь и за недостатокъ денегъ, и за помѣщенія. Это не безъ связи съ событіями и не безъ вліянія на будущее.

Мы получили для разсмотрѣнія на консультаціи проэктъ Межеваго Устава. Послѣ инструкцій 1754 и 1766 годовъ, это третья попытка. Онъ составленъ въ 1835—1845 г. особымъ комитетомъ. Управляющій Межевымъ Корпусомъ М. Н. Муравьевъ такъ отзывается (на 83 стр. своей записки) объ этомъ Уставѣ: „Онъ вовсе не соотвѣтствуетъ настоящему направленію и развитію межевой части. Уставъ этотъ не могъ бы остаться въ своей силѣ и безъ всѣхъ перемѣнъ, совершившихся въ межевомъ управленіи; ибо въ Уставѣ или повторенъ дѣйствующій законъ, или безъ всякой практической необходимости допущены произвольныя и весьма серьезныя измѣненія въ противность 52 статьѣ Свода, не говоря уже о безпрестанной и совершенно ненужной перефразировкѣ существующихъ законовъ. Поэтому оставить проэктъ безъ разсмотрѣнія и безъ всякихъ послѣдствій". О дѣйствующихъ межевыхъ законахъ (Св. Зак., т. X) статсъ-секретарь Блудовъ приложилъ особую записку, въ которой, между прочимъ значится (стр. 5), что „Сводъ такъ недостаточенъ, что можно исправить его только однимъ способомъ: новою передѣлкой всего Свода на основаніи коренныхъ законовъ, а въ особенности же на основаніи Межевой Инструкціи, которой ясность и послѣдовательность совершенно исчезла въ Сводѣ" (стр. 8), что „сіи постановленія такъ сбивчивы, что даже трудно рѣшить, есть ли тутъ противорѣчія или нѣтъ" и проч... И это говорятъ лучшіе сановники управленія и по важнѣйшей части государственнаго благоустройства!... Опаснѣйшій нашъ врагъ, это наше внутреннее управленіе.

Молодыя великія княгини ѣздили къ Сергію и путь до Москвы совершили въ 10 часовъ! Это птичій полетъ. Графъ Клейнмихель встрѣтилъ ихъ на станціи, и Марья Николаевна жаловалась, что ѣхали тихо. Надобно сказать правду, что желѣзная дорога идетъ у насъ хорошо: ни неисправностей, ни безпорядковъ, ни несчастій почти не было и нѣтъ. Но за то выручка нисколько не соотвѣтствуетъ издержаннымъ капиталамъ. Въ послѣднее время, когда насъ заперли съ Юга и съ Сѣвера, отправленіе и привозъ тяжестей значительно уменьшились и грозятъ совершенно прекратиться. Государь это зналъ и выразилъ, при самомъ началѣ дѣла, что дорога не будетъ окупаться, но что она важна въ государственномъ и военномъ отношеніяхъ.

Глупому дѣлу въ Силистрійской вылазкѣ, стоившей намъ такъ много народа, никто не вѣритъ. Говорятъ, что не можетъ быть, чтобъ дивизіонный генералъ С. рѣшился самъ на такое дѣло, вблизи, въ виду корпуснаго командира и самого главнокомандующаго и чтобъ въ такомъ неосновательномъ предпріятіи такъ неосновательно приняли участіе свитскій генералъ князь П. Урусовъ и флиг.-адъют. гр. Орловъ (раненый; мать уже поѣхала къ нему третьяго дня, а отецъ, какъ сказывалъ мнѣ Кочубей, плакалъ, выходя изъ кабинета Государя). Неблагонамѣренные говорятъ, что это ошибка самого Паскевича; другіе предполагаютъ, что это было просто недоразумѣніе. Къ этому непріятному слуху присоединилась и молва о сожженіи Улеаборга, едва-ли вполнѣ достовѣрная; ибо союзный флотъ щадитъ Финляндію.

Іюнь. Военныя обстоятельства все болѣе и болѣе налегаютъ на всѣхъ враждующихъ и особенно на насъ. Всякое плаваніе на двухъ моряхъ прекращено. Строгой блокады нѣтъ, но корабли берутся и нейтральные. Дѣйствія Австріи, обнародованіемъ актовъ Греческихъ дѣлъ, все болѣе и болѣе оказываются предательскими. Нѣтъ сомнѣнія, что обсерваціонная армія эрцгерцога Фердинанда вызываетъ и съ нашей стороны обсерваціонную армію барона Остенъ-Сакена, независимо отъ Дунайской арміи князя Горчакова (а князь Паскевичъ, оконфуженный, ѣдетъ въ Гомельское свое имѣніе). Адъютантъ Прусскаго короля, молодой Мантейфель, пріѣхалъ, опереженный Берлинскимъ военнымъ посланникомъ графомъ Бенкендорфомъ, конечно не съ предложеніемъ услугъ. Грецію, Сербію и др. если не заняты, то будутъ заняты союзными войсками. Между тѣмъ кромѣ внутренняго займа въ 30 мил. р., кромѣ приношеній 20 мил., кромѣ экстраординарныхъ суммъ 11 мил., мы уже, черезъ посредство Штиглица, дѣлаемъ заемъ въ 50 мил. И это все еще въ началѣ. А потери на Балтійскомъ и Черномъ морѣ! Но все это ничего. Мы вытерпимъ и вынесемъ. Главное—нравственное униженіе.

Стихи Хомякова зашли далеко и вызвали два отвѣта. На выговоры графа Закревскаго за написаніе такихъ стиховъ Хомяковъ отвѣчалъ, что онъ не сочинялъ ихъ, а перевелъ со Славянскаго изъ молитвъ, читаемыхъ при молебствіи 25 Декабря. Черезъ Третье Отдѣленіе сочинителю запрещено не только печатать или распространять, но даже и читать друзьямъ эти стихи *).

*) Графъ Закревскій, лично знавшій Хомякова еще по службѣ его въ гвардіи (въ царствованіе Александра Павловича), хорошо знакомый и съ его

На нихъ отвѣчала графиня Ростопчина, 9 Апрѣля 1854 г.

„Самъ Богъ сказалъ: „Чти мать свою!“
И грѣхъ тебѣ, о сынъ лукавый,
Когда, врагъ материнской славы,
Поносишь бранію неправой
Ты мать родимую свою и пр!...

Другой отвѣтъ, написанный тоже Московскою (Арсеньевой, ур. Камыниной), менѣе грозенъ и заносчивъ:

Стыдись, о сынъ неблагодарный,
Отчизну-матерь укорять,
И рѣчью жесткой и коварной
Покровы съ язвъ ея срывать!
То правда: древле гласъ Пророка
Каралъ въ бѣдахъ Ерусалимъ;
Но, чуждый страсти и порока,
Онъ духомъ Божьимъ былъ водимъ,
И вдохновенія лежала на немъ
Священная печать.
Но чья же власть намъ указала
Тебя пророкомъ почитать? и т. д.

18 Іюня. Ну, всѣ отдохнули: Паскевичъ болѣе не командуетъ арміей. Онъ поздно началъ и поздно кончилъ. Въ городѣ много говорятъ о письмѣ графа Сологуба. И точно, написано прекрасно. На 25 Іюня *) ожидаютъ нападенія соединенныхъ флотовъ на Кронштадтъ. Едвали, впрочемъ, оно будетъ. Однако ни эта медленность флотовъ, ни побѣда князя Андронникова не въ состояніи утвердить въ насъ увѣренности въ успѣхъ, ни вызвать хоть одного голоса въ Европѣ въ нашу пользу. Нашихъ Мейндорфовъ, Бруновыхъ Европа не удостоиваетъ и простыхъ сообщеній, а бумаги старика Нессельроде прямо называютъ канцелярскими придирками. Буря западная грозила намъ давно, и давно мы, не увѣренные въ Австріи и Пруссіи, желали имѣть на своей сторонѣ Англію. Этими союзами мы хотѣли окружить своевольную Францію и

матерью, призвалъ къ себѣ Хомякова и объявилъ ему повелѣніе не читать своихъ стиховъ даже и знакомымъ. „Ну а матушкѣ можно?“ спросилъ Хомяковъ.— „Можно, но только съ осторожностью“, отвѣчалъ улыбаясь тогдашній хозяинъ Москвы. *П. Б.*

*) День рожденія Николая Павловича. *П. Б.*

положить начало строгаго Русскаго порядка въ Европѣ. Путешествіе великихъ княгинь въ Англію и переписка Сеймура конечно не имѣли другой цѣли. Посольство Меньшикова, назначенное въ подражаніе графу Лейнингену, было поводомъ къ объясненію нашего положенія, и съ того времени отъ бравадъ и уступокъ мы пришли къ тому безвыходному состоянію, изъ котораго выведетъ насъ (хотя не время смѣяться) развѣ какой нибудь загадочный планъ примиренія старика Меттерниха. Очевидно, что событія выбили совершенно изъ колеи знаменитый тріумвиратъ: Меттерниха, Абердина и Нессельроде. Дѣло идетъ о народныхъ массахъ, столкнулся Западъ съ Востокомъ. Мы пытались поправить дѣло бравадами. Занятіе княжествъ, Синопское дѣло, переходъ черезъ Дунай—все это отвѣты на надменныя предложенія Англо-Франціи. Бравады не помогли, напротивъ вызвали соотвѣтственныя мѣры. Наконецъ, насъ заперли на Югѣ и Сѣверѣ. Мы пытались поправить дѣло уступками: посольства графа Орлова, принца Мекленбургскаго, нота Нессельроде 17 Марта, чествованіе Англійскихъ плѣнныхъ, наконецъ инструкція князю Горчакову (Штутгардскому) въ Вѣну, въ отвѣтъ на требованіе объ очищеніи княжествъ и Дуная. И это не помогло! Пруссія, въ докладѣ графа Гольца о займѣ 30/м., обругала насъ; Австрія показала совершенное недовѣріе къ намъ, какъ видно изъ трактатовъ 20 Апрѣля. Прусскій король сказалъ:... que c'est avec un regret bien sincère que le roi se voit obligé à renoncer, pour le moment au moins, à cette attitude médiatrice, qui lui semblait prescrite et par les sentiments personnels, et par les intérêts de son pays, tant qu'il pouvait s'en promettre de salutaires résultats. Францъ-Іосифъ отвѣчаетъ, что онъ не можетъ обязаться за исполненіе того, что̀ не въ его власти. Франція, найдя поводъ (браваду Меньшикова) вмѣстѣ съ Англіей, настоящей нашей соперницей, никогда не думала согласиться на statu quo ante. На это была бы согласна Австрія; но теперь и она уже идетъ далѣе, и предательская политика ея, еще такъ недавно оглашенная въ исторіи Итальянской кампаніи Суворова и союзной войны Венгерской, снимаетъ личину и выставляетъ армію. Буоль-Шауенштейнъ, еще въ Январѣ, тихонько писалъ Англіи: „Русскіе продали свои корабли Грекамъ въ Тріестѣ. Принимайте мѣры; а теперь они прямо заключаютъ конвенцію съ Турціей о занятіи княжествъ и Сербіи“. Конечно предательская эта политика можетъ и, по правдѣ, должна перейти и на нашу сторону; но для этого нужна великая побѣда; а гдѣ она? На пораженіе Азіатскихъ шаекъ и полчищъ никто не обращаетъ вниманія, а на Дунаѣ все идетъ, какъ и говорили при отправле-

ніи Паскевича, очень плохо: людей потеряно множество; осада Силистріи снята, княжества очищаются; въ Крыму ожидаютъ высадки, а у насъ и главнокомандующаго нѣтъ. Все это великое дѣло, надо признаться, ведено такъ дурно, такъ по всероссійскому манеру, что надежда Европейскихъ журналовъ — отреченіе или кончина Государя (страшно сказать!) повторяется и у насъ. И въ самомъ дѣлѣ, могущество наше на съѣздахъ въ Варшавѣ и Ольмюцѣ достигло страшной своей степени, а легкомысленная довѣрчивость въ перепискѣ Сеймура доказываетъ такое надменное забвеніе отношеній взаимности и народнаго права, что, кажется, намъ придется получить тяжкій урокъ и узнать, что не въ этомъ состоятъ сила и величіе, не въ Балтикѣ можно имѣть флотъ надежный, не такъ слѣдовало преслѣдовать завоеваніе Кавказа, не такими путями примирять Польшу. Я не могу себѣ выяснить, гдѣ поворотъ и рѣшеніе вопроса: въ возстаніи-ли демократіи нетерпѣливой или въ обращеніи Германіи; не могу представить положеніе Государя даже и по заключеніи какого бы то ни было мира; не могу представить и Россію безъ этой сильной личности при столь слабыхъ нашихъ учрежденіяхъ.

Минье приводитъ отрывокъ одного письма Людовика XIV отъ 29 Апрѣля 1709 года (слѣдов. въ старости и въ годы неудачъ противъ всей Европы), гдѣ надменный властитель говоритъ съ большою откровенностью: „Je me suis toujours soumis à la volonté divine, et les maux dont il lui plaît d'affiger mon royaume, ne me permettent plus de douter du sacrifice qu'elle demande que je lui fasse de tout ce qui me pourrait être le plus sensible. J'oublis donc ma gloire!“ Эти слова не совсѣмъ искренни, и старикъ едвали хотѣлъ то сказать, что̀ сказалъ... Забыть славы нельзя. Но развѣ Россія похожа сколько нибудь на Францію? Все Европейское принято у насъ чрезвычайно формально. Формальности эти гнетутъ даже наше общество (стоитъ посмотрѣть Москву) чуждыми наростами, которые въ разладѣ и съ вѣрою, и съ обычаями, и съ нуждами нашими...

Іюль. Съ тѣхъ поръ, какъ молодое поколѣніе заняло мѣста оберъ-секретарей и оберъ-прокуроровъ, приказный порядокъ во многомъ измѣнился: прежнія формы начинаютъ гнуться и ломаться, крючкотворство въ веденіи дѣлъ замѣняется общими выводами теоріи права, рѣдко уважающими прежній опытъ. Я не думаю, чтобъ какъ прежнее, такъ и новое не имѣло вредныхъ послѣдствій для утвержденія въ народѣ довѣрія къ правосудію. Это особенно относится къ дѣламъ гражданскимъ, въ которыхъ признаніе истины, при непрочномъ у насъ понятіи о пріобрѣтеніи и собственности,

и безъ того весьма трудно. Назначеніе юношей на мѣста судей и прокуроровъ дошло до того, что даже Танѣевъ вынужденъ былъ въ прошломъ году придумать ограниченія. Это породило въ общемъ мнѣніи убѣжденіе въ неопытности молодыхъ дѣятелей, а нелюбовь къ министру юстиціи производитъ то, что Совѣтъ всегда готовъ отвергнуть всякую общую мѣру, предлагаемую имъ или объ улучшеніи штатовъ, или о лучшей подсудности; Сенатъ же, ропща на произвольныя распоряженія министра по отпускамъ, перемѣщеніямъ и наградамъ, тихомолкомъ подкарауливаетъ его на дѣлахъ, имѣющихъ какую нибудь важность. Къ этому и соперничество Комиссіи Прошеній дошло до того, что ни одной Субботы (засѣданія консультаціи оберъ-прокуроровъ) не проходитъ, чтобъ мы не перерѣшили нѣсколько дѣлъ, рѣшенныхъ въ другіе дни. Что же касается уголовнаго правосудія, то здѣсь, за неимѣніемъ противорѣчія сторонъ, другая крайность, едвали не горшая для государства. При дѣйствіи стараго XV тома наказанія были весьма однообразны: плети, Сибирь, кнутъ. Это отмѣнено; ибо ссылка только увеличивала число бродягъ, доведшее правительство до клейменія, и по Уложенію 1845 года, по Европейскимъ примѣрамъ, установили розги и заключеніе въ роты, рабочіе дома, смирительные, тюрьмы и проч., т. е. въ такія мѣста, которыхъ не было и нѣтъ ни въ одной губерніи. Присужденные къ заключенію завалили и безъ того плохія и тѣсныя тюрьмы. Въ 1853 приняты были опять ссылка и розги. На долго-ли, неизвѣстно; но ослабленіе видовъ наказанія бросается въ глаза. Не смотря, однако, на это ослабленіе, старики-сенаторы первый вопросъ ставятъ такъ: какъ бы наказать полегче? И Уложеніе въ 3000 статей даетъ этому всевозможныя удобства: выборомъ видовъ преступленія, пріисканіемъ статей, понижающихъ и мѣру, и степень наказаній, и особенно 1177-я статья XV тома, требующая исключенія всякой возможности сомнѣнія въ невинности или виновности. Статья эта требуетъ совершенно невозможнаго. Главнѣйшая причина столь неудовлетворительнаго положенія дѣлъ, по мнѣнію моему, есть централизація. При этомъ порядкѣ всевозможная гласность немного пособитъ, а у насъ и гласности нѣтъ, и порядокъ жалобъ чрезвычайно неудовлетворителенъ...

Вотъ все ждали объявленія войны Австріи, а газеты извѣщаютъ объ обѣдахъ и тостахъ князя Горчакова въ Вѣнѣ. Гвардейскіе полки пріостановлены, новаго набора нѣтъ, и повидимому все обѣщаетъ сближеніе съ Германіей. Но этотъ застой конечно

не нормальное явленіе, и Луи-Наполеонъ всматривается, гдѣ бы ударить побольнѣе. А между тѣмъ конституціонный вопросъ уже всплылъ: возстаніе о'Доннеля въ Испаніи принимаетъ широкіе размѣры, молодой императоръ Австрійскій вводитъ совѣщательныя собранія, Англійское министерство торжественно объявляетъ, что оно не выйдетъ въ отставку единственно потому, что кромѣ него, ни Дерби, никто кабинета не составитъ. Оксфордскій билль прошелъ, Шведское духовенство эмансипируетъ Евреевъ. Все это явленія знаменательныя.

Вчерась Великій Князь Константинъ пустился въ море съ своими адъютантами: княземъ Голицынымъ, Истоминымъ и Юсуповымъ на Американской лодкѣ новаго устройства. Вѣтеръ опрокинулъ лодку. Князь спасся на высланномъ за лодкой катерѣ, прочіе также спаслись. Князь Голицынъ потонулъ. Это единственный сынъ князя Александра Ѳедоровича. Извѣстіе это въ Петергофѣ и здѣсь произвело самое непріятное впечатлѣніе. Чувствительный Рикордъ, въ глазахъ котораго все это происходило, говорятъ, разбитъ ударомъ. Всѣ сожалѣютъ князѣ о Голицынѣ, какъ о прекрасномъ молодомъ человѣкѣ и опытномъ морякѣ.

Сегодня Государь Императоръ, за то, что команда корабля не отвѣчала ему: „здравія желаемъ!“ посадилъ капитана В. П. Опочинина на сальникъ. Это посрамленіе глубоко оскорбило весь Балтійскій флотъ, и безъ того убитый своимъ положеніемъ.

Въ Августѣ я ѣздилъ въ деревню (въ Орловскую губернію, Болховскаго уѣзда). Въ деревнѣ меня не поразили ни это отсутствіе общественной жизни, такъ лѣниво обновляемой запоздалыми извѣстіями и газетами, ни грязь, ни слякоть; меня поразили бѣдность до дикости нашего народа и дурная ѣзда до невозможности по деревенскимъ дорогамъ. Крестьяне, я увѣренъ, въ теченіи вѣковъ, въ большинствѣ своемъ, не подвинулись ни на шагъ впередъ. Они очень недалеки отъ домашнихъ животныхъ. Этотъ старикъ не мытый, никогда нечесанный, босоногій; эта женщина полуобнаженная, мальчишки грязные, растрепанные, валяющіеся въ грязи и на соломѣ, все это не человѣческія фигуры! Всѣ они, какъ будто внѣ черты государственной жизни, какъ будто незаконныя дѣти Россіи, какъ будто побѣжденные мечемъ побѣдителей имъ не соплеменныхъ; какъ будто записки совѣтовъ и комитетовъ, всѣ эти дѣла въ судахъ и палатахъ не объ нихъ, не для нихъ... Какая неизвинительная безпечность высшихъ и низшихъ правителей! А дороги! Онѣ въ томъ же состояніи, какъ были тотчасъ послѣ потопа.

Молитва діакона о плавающихъ, путешествующихъ (они же страждущіе) ничего не помогаетъ. Къ довершенію бѣдствія, мы, помѣщики, ѣздимъ по этимъ дорогамъ въ Европейскихъ экипажахъ.

Я имѣлъ три любопытныя встрѣчи въ деревнѣ: а) наборъ, б) архіепископъ Смарагдъ и в) А. П. Ермоловъ. О наборѣ я узналъ, когда, сидя на балконѣ, услышалъ какіе то вопли и отголоски. Что̀ такое? „Это бабы голосятъ“. Наборъ—это захватъ, угонъ, плачъ!... Едвали Ермоловъ теперь можетъ быть народнымъ полководцемъ...

Сентябрь. Дѣла мірскія идутъ своимъ порядкомъ, и демократическое начало, т. е. гласность, независимая отъ перламентаризма, и народность, независимая отъ политической власти, все расширяется и усиливается. Мы оставили княжества. Мы потеряли Аландскіе острова, мы утратили довѣріе къ нашей непобѣдимости, къ обилію нашихъ средствъ и къ самой твердости характера нашего Государя. Несчастныя дѣйствія на Дунаѣ, настойчивость Франціи и сближающейся съ ней Австріи привели насъ къ уступчивости. Только одна Пруссія не вполнѣ отъ насъ отступилась, и то можетъ быть потому, что демонстрація Французская въ Булонскомъ лагерѣ выразилась немного поспѣшно. Странное дѣло! Все личное вліяніе Николая, столь явно и сильно ощутительное, повидимому, перешло къ Наполеону. Онъ налегъ всею силою своей демократичной власти на Австрію, на которую онъ можетъ послать легіоны Венгровъ и Поляковъ; онъ пробудилъ мысль объ единствѣ Германіи, увлекъ всѣхъ Нѣмцевъ. Онъ вызвалъ къ себѣ для свиданія Альберта Англійскаго, Леопольда Бельгійскаго и юношу Португальскаго. Взятіе Аландскихъ острововъ не представляетъ важности; важнѣйшаго надо ожидать въ Крыму. Нравственное, политическое униженіе наше въ настоящее время очевидно и едва ли скоро минуетъ. Сгоряча мы мало чувствуемъ потери и убытки, но они очень велики, и послѣдствія ихъ долго будутъ тягостны. Противъ всякаго ожиданія, Паскевичъ опять въ Варшавѣ. Говорятъ, и Воронцовъ опять будетъ на Кавказѣ. Внутри никакихъ распоряженій: второй наборъ—и только! О лучшемъ устройствѣ и помину нѣтъ. А между тѣмъ этотъ вопросъ чрезвычайно упростилъ бы и вопросъ внѣшній, уменьшеніемъ опасенія и недовѣрія къ Азіатскому нашему управленію, пробудя сочувствіе въ соплеменныхъ намъ народахъ и вызвавъ лучшихъ дѣятелей, съ благородными стремленіями. Демократическое начало и у насъ проявляется: записками, стихами, письмами профессоровъ, унтеръ-офицеровъ, крестьянъ. Профессоръ Погодинъ снова написалъ записку,

гдѣ предлагаетъ отпустить на волю Поляковъ; унтеръ-офицеръ Крыловъ прославляетъ Суворова, а Костромской крестьянинъ Комаровъ пишетъ Государю, посылая 10 р.: „Государь-батюшка, кабы ты зналъ, какъ мы тебя жалѣемъ и любимъ!“ Говоръ въ Москвѣ неумолчно требуетъ драться, идти на проломъ; на большихъ дорогахъ ямщики читаютъ газеты, въ деревняхъ лакеи интересуются новостями, а мы принимаемъ пункты Вѣнской конференціи, а мы восхваляемъ прокламаціи Турокъ при занятіи Валахіи. Къ этому грустному состоянію дѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ присоединяются случайности общія и мѣстныя: плохой урожай озимыхъ, страшные ураганы и феномены, пожары, особенно въ Самарѣ, въ Москвѣ и даже въ Москвѣ и въ Петербургѣ, гдѣ 13 Августа сгорѣло 130 домовъ (цѣлый кварталъ Измайловскаго полка), холера, не прерывающаяся и неоднократно возобновляющаяся то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, болѣзнь на картофель и застой торговли.

Едва огласилась нота 10 Августа въ отвѣтъ на Австрійскіе 4 пункта, какъ общее ожиданіе, хотя и приготовленное, было поражено донесеніемъ князя Меньшикова о высадкѣ непріятеля въ Крыму, у Евпаторіи! Духъ занимается. Что будетъ? Мы считаемъ минуты и молимъ Бога. Говорятъ, что высадка послѣдовала въ двухъ мѣстахъ, и въ Ѳеодосіи особый корпусъ Турокъ. Говорятъ, обложатъ Севастополь съ суши и съ моря. Многіе надѣятся, многіе сомнѣваются; но никто не боится.

Съ 10 по 13 нѣтъ никакихъ извѣстій, и никто не знаетъ ничего. Слухи темные, толки дерзкіе, участіе общее. Конечно, какъ бы ни разыгралось это дѣйствіе военной драмы, рѣшительнаго тутъ ничего не будетъ, хотя бы на голову разбили насъ и сожгли весь флотъ. Все это потери, неудачи, опытъ... Но Крымъ — это перлъ въ вѣнцѣ нашей короны; онъ тѣсно связанъ съ Кавказомъ: двѣ страны, въ которыхъ Европейская, Русская образованность думала дѣйствовать благодѣтельно. Не можетъ быть, чтобъ до сихъ поръ не было болѣе обстоятельнаго донесенія отъ князя Меньшикова и чтобъ его не обнародывали, если оно благопріятно. Сомнѣваюсь, чтобъ Англо-Французы рѣшились на такое важное предпріятіе, не обдумавъ зрѣло, не взвѣсивъ всѣхъ случайностей. Но во всякомъ случаѣ мы дешево не уступимъ и, чѣмъ сильнѣе пораженіе, тѣмъ глубже возчувствуемъ его и тѣмъ сильнѣе воспрянемъ. Убійственно слушать, что мы, послѣ 80 лѣтъ владычества въ Крыму, какъ въ Польшѣ, не можемъ положиться на сочувствіе туземцевъ.—Недостатки, неустройства внутренняго управленія пре-

слѣдуютъ насъ повсюду. Дай Боже, чтобъ хоть эти неудачи открыли глаза и показали намъ, какъ важно (важнѣе всякихъ предпріятій задуманныхъ о Китаѣ, Японіи, Индіи), какъ важно благоустройство внутреннее, которое влекло бы къ намъ крайнія наши провинціи. Эти временные успѣхи Запада неопасны. Какъ ни вредно вліяніе его, какъ ни безчестны поступки воителей съ беззащитными прибрежными Финляндцами, съ женами и малолѣтками (краснѣешь за образованность), съ отдаленными подснѣжными берегами Бѣлаго моря, гдѣ не пощажены ни бѣдная хижина, ни бѣдная церковь—временные успѣхи Запада не останутся для насъ безъ пользы: они укажутъ намъ ошибки наши въ прошедшемъ и лучшіе пути въ будущемъ, внеся въ народъ новыя понятія, новыя требованія и сознаніе своей самостоятельности.

13 Сентября. И нынче ничего нѣтъ изъ Севастополя, или и нынче ничего не хотятъ сказать. Видно только и слышно только, что тамъ наборъ, а здѣсь заемъ.

15 Сентября. Нынче есть донесеніе, что князь Меньшиковъ оставилъ свою позицію. Вѣрно, было дѣло и проиграно.

Перешелъ р. Качу и остановился подъ Севастополемъ! Не нынче, завтра надо ожидать рѣшительнаго извѣстія. Нѣкоторые думаютъ, что, напечатавъ такое непріятное извѣстіе, правительство имѣетъ еще болѣе непріятное. Какой говоръ, какой ропотъ, какое нетерпѣливое ожиданіе и какое громкое осужденіе! Мы теряемъ Севастополь, а съ нимъ и вліяніе на морѣ, на христіанъ, на Кавказъ, на Востокъ! У меня сидѣли генералы, старикъ Обручевъ и Раговскій; потомъ я былъ у стариковъ Кочубеевъ: какой гвалтъ, какія порицанія! Разговаривая о войнѣ, на вопросъ министра Брока, достаточно-ли войскъ у князя Меньшикова, князь Д. отвѣчалъ: qui est ce qui s'attendait à une entreprise aussi gigantesque? Но авось не все потеряно!

Сраженіе при Альмѣ было жаркое... Княжевичъ пишетъ брату своему (сенатору), что они бунтуютъ Татаръ и что это отчасти удается. Газеты выдаются въ самомъ оборванномъ видѣ. Чего опасаются и что́ скрываютъ? Порицанія громки. Никто понять не можетъ донесенія 18 Сентября. Какъ могли Французы, отдѣлясь отъ Англичанъ (и кн. Меньшиковъ объ этомъ не имѣлъ свѣдѣній), перейти съ Сѣверной стороны на Южную, пройдя мимо Меньшикова и Корнилова, непонятно.

27 Сентября. И все хуже и хуже! Слышали, что С. Арно умеръ. Пришла вѣсть о страшномъ пожарѣ въ Мемелѣ, гдѣ сгорѣло на 6 мил. товаровъ нашихъ, нами запроданныхъ.

Октябрь. Унынie въ городѣ общее. Князь М. Д. Горчаковъ назначенъ главнокомандующимъ южной арміей.

Послѣ завтра, 2 Октября, мы разсматриваемъ дѣла о Байдарской долинѣ и о Бессарабскихъ межахъ, обагряемыхъ кровью. Оттого-ли, что мы любимъ просторъ или оттого, что не привыкли къ осѣдлости долины и межи у насъ не удерживаются, долины мы захватимъ, какъ захватилъ Байдарскую Потемкинъ, а межи отнесемъ или запашемъ. Такъ поступали мы на Сѣверѣ съ Пермскими землями, такъ поступали на Востокѣ съ землями Калмыцкими и Башкирскими, такъ дѣлали мы на Югѣ съ землями Татаръ, такъ дѣлаемъ на Западѣ съ конфискованными имѣніями Поляковъ. Конечно захватить, обработать и получить отъ земли пользу, покрайней мѣрѣ въ экономическомъ отношеніи, еще извинительно; но мы захватимъ и начнемъ мѣнять, торговать и, не получая существенной пользы, отдаляемъ отъ себя и возстановляемъ противъ себя мѣстное населеніе, такъ что въ мирное время мы—завоеватели своихъ собственныхъ земель, а во время войны мы должны опасаться и защищаться отъ этихъ нашихъ подданныхъ. Неуваженіе собственности, захватъ, воровство—главнѣйшіе недостатки непостоянной, выбитой изъ историческихъ границъ нашей жизни.

Избави, Боже, безпорядковъ внутреннихъ! Возгораемыхъ матеріяловъ такъ много, что пожаръ можетъ обнять все пространство, и демократія, и необузданная анархія далеко превзойдутъ въ своихъ разрушеніяхъ тѣ государства, гдѣ разъяренное поколѣніе встрѣчаетъ какое нибудь препятствіе въ порядочныхъ учрежденіяхъ, историческихъ преданіяхъ и привычкахъ. Всѣ эти крѣпостные, всѣ эти обобранные крестьяне и инородные, церковные, мелкопомѣстные владѣльцы, и эти безпомѣстные мѣщане и разночинцы, срочные арестанты, безсрочные отпускные, все это обнаруживаетъ неустройство и безпорядокъ.

По 27 Сентября все еще не было никакихъ дѣйствій. А между тѣмъ, какое торжество всей Европы вслѣдствіе слуховъ о взятіи Севастополя! Но чему вы радуетесь? Чего торжествуете? Вы поднимаете на себя Русскую націю и подрываете собственный оплотъ. Сентъ-Арно умеръ, Барбесъ прощенъ. Повидимому наши дѣла поправляются. Для насъ каждый часъ—выигрышъ. Осуждаютъ холодность кн. Меньшикова. Не подѣйствуютъ-ли на старика великіе князья Николай и Михаилъ, уѣхавшіе въ Крымъ? Хвалятъ Корнилова, который будто-бы сказалъ: „отступленія не будетъ, и если я самъ прикажу отступать—поднимите меня на штыки!» Войска все идутъ; на Югѣ и на Западѣ, кажется, собираются тучи грозъ-

нѣе прежнихъ. Говорятъ о назначеніи Остенъ-Сакена на Кавказъ, но указа еще нѣтъ. Толки въ гостиныхъ и въ иностранныхъ журналахъ все объ Альмскомъ сраженіи. Хвалятъ стойкость нашихъ. Привезенные плѣнные, кажется де-Мортье и Гонди, признаютъ, что положеніе соединенной арміи становится затруднительнымъ. Говорятъ, что знаменитые генералы Шангарнье и Ламорисьеръ допущены во Францію и вступаютъ въ службу. Сомнѣваюсь. Говорятъ о партіи, направленной противъ Меньшикова, къ которой присоединяется и такъ называемая Нѣмецкая; во главѣ ея Нессельроде и Мейндорфъ. Въ самомъ дѣлѣ, оставленіе его съ слабыми силами, самый рескриптъ, чрезвычайно сухой и блѣдный, гдѣ какъ бы говорится: „съ распространеніемъ правъ и власти вы оправдаете вполнѣ наше къ вамъ довѣріе“... Какъ будто прежде онъ не оправдывалъ? Князь три раза писалъ о подкрѣпленіяхъ и получилъ отвѣтъ лишь тогда, когда написалъ объ опасности, угрожающей Оріандѣ! Нынче, говорятъ, пріѣхалъ изъ арміи курьеръ съ важными депешами. Курьеръ этотъ—сынъ князя. Молодой князь не привезъ собственно ничего и прибылъ (хоть и не время было оставлять въ настоящую минуту Крымъ) для представленія личныхъ объясненій, безъ которыхъ, какъ выразился Государь, онъ ничего не понимаетъ изъ донесеній. Что̀ значитъ переходъ съ Сѣверной стороны на Южную? Какъ могъ пропустить непріятеля князь Меньшиковъ?

10 Октября. Въ обществѣ говорятъ о трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Іюльскихъ—Сентябрьскихъ книжкахъ Revue de Deux Mondes. Статьи эти о Россіи и въ самомъ дѣлѣ замѣчательны. Одна: „Les Allemans en Russie и les Russes en Allemagne“. Сочинитель слишкомъ много придаетъ значенія такъ называемому имъ тріумвирату: Остермана, Бирона и Миниха. Выходцы эти дѣйствовали исключительно своекорыстно и безъ общаго плана; они дѣйствовали тогда, когда младенчествующее государство было игрушкою партій, не однихъ Нѣмцевъ (являлись и Шетарди и Лестокъ), и даже маленькая Швеція, въ манифестѣ Левенгаупта, хотѣла силою прекратить игру этихъ вліяній. Талландье не выставилъ ни одного факта, важнаго въ нашей исторіи. Польскія дѣла и раздѣлъ производили у насъ (за исключеніемъ Репнина) Нѣмцы, и вообще этотъ элементъ былъ болѣе рабскимъ исполнителемъ, нежели добросовѣстнымъ слугою. Вторая статья о Герценѣ. Онъ товарищъ мой по Университету. Это разборъ его сочиненій, весьма поверхностный, сочиненій соціалистическихъ, обличающихъ талантъ и силу. Въ Сентябрьской книжкѣ появилось еще его сочиненіе „Тюрьма и Ссылка“;

ничего особеннаго, хотя очень вѣрно и занимательно. Разсказаны процессъ его 1834 года и пребываніе его въ Вяткѣ при сатрапѣ Тюфяевѣ. Три изгнанника наши: Тургеневъ, Головинъ и Герценъ много способствуютъ усиленію невыгоднаго о насъ общаго мнѣнія. Замѣчательнѣйшая статья третья: La guerre et les finances de la Russie, Леона Фоше. Я не предполагалъ и не полагаю, чтобъ мы шли къ банкротству. Думаю, что дефицитъ будетъ гораздо болѣе 100 т. франковъ. Порицая кредитныя учрежденія наши, Л. Фоше приходитъ къ несостоятельности, кажется, потому, что смотритъ на насъ съ Французской точки зрѣнія. Справедливы его разсужденія о томъ, что необразованность, крѣпостное право и непомѣрное преобладаніе государственной власти чрезвычайно замедляютъ развитіе цѣнностей и ослабляютъ силу самаго правительства. Наша страна слишкомъ поздно вступила на историческое поприще, чтобъ безъ драгоцѣннаго наслѣдія Римскихъ остатковъ выработаться самостоятельно. Страна континентальная, Россія едва чувствуетъ необходимость juris gentium и до сихъ поръ почти чужда Европейскому праву; но конечно не въ той степени, какъ желаютъ и убѣждены приверженцы „Святой Россіи“: они хотятъ жить съ волками, а имѣть въ дѣлежахъ часть льва. Россія чужда Европейскому праву, по отдаленности своей и по молодости.

Съ 1 Сентября по 12 Октября дѣла мало поправились. Союзники разъѣзжаютъ по полуострову, берутъ что хотятъ, идутъ и переходятъ куда пожелаютъ. Приступаютъ къ правильной осадѣ Севастополя; входъ въ гавань прегражденъ шестью затопленными кораблями. Нынче напечатанъ журналъ князя Меньшикова по 1 Октября и откровенное описаніе Альмской битвы (тутъ недостаетъ двухъ извѣстій: что изъ строя у насъ выбыло болѣе 7 т. и что при ретирадѣ князя Меньшикова захваченъ непріятелемъ не хвостъ обоза, а между прочимъ цѣлыхъ 50 патронныхъ ящиковъ). Но что же все это значитъ? Молодой и ученый генералъ-адъютантъ князь Ливенъ помѣстилъ вчера въ Journal de St.-Pétersbourg объяснительныя похвалы движеніямъ князя Меньшикова; но легче-ли намъ отъ этого? Развѣ это маневры, чтобъ разсматривать такія бѣдствія съ точки зрѣнія науки? По трупамъ нашимъ повѣряютъ свои теоріи! А между тѣмъ современно съ осадой журналы предсказываютъ движеніе Омера-паши къ Измаилу (Лидерсу во избѣжаніе столкновеній съ Австріей приказано не начинать дѣла), прибытіе Балтійскаго флота въ Ревель. По донесеніямъ отъ 5 и 6 Октября должно заключить, что дѣло идетъ не на животъ, а на смерть. Съ земли и съ моря союзники обложили крѣпость. Корниловъ убитъ, Нахи-

мовъ раненъ, лучшіе моряки сгибли; осада приближается, и князь Меньшиковъ объявилъ морякамъ готовиться при штурмѣ къ рукопашному бою. Все это грустно, все это плохо; я не военный человѣкъ и судить не смѣю, но невольно представляются вопросы: 1) Неужели съ 1 Сентября не могли подослать войскъ въ большемъ числѣ? 2) Затопивъ входъ въ гавань кораблями, не умножилъ-ли князь Меньшиковъ силы союзниковъ, развязавъ имъ руки располагать матросами на сухомъ пути и осудивъ нашъ остатокъ флота на бездѣйствіе? Война развивается въ огромныхъ размѣрахъ и, конечно, борьба великихъ началъ, столь долго замедлявшаяся, рѣшится не на этомъ маломъ полуостровѣ. На Западѣ собираются новыя силы:ославъ 700 судовъ, Англія готова послать еще столько же; во Франціи война сдѣлалась дѣломъ національной чести, для чего счастливый и ловкій выходецъ готовъ протянуть руку и соціалисту Барбесу, и легитимисту Ларошфуко. Австрія принимаетъ рѣшительное положеніе, къ которому общее мнѣніе клонитъ и Пруссію...

Пары и электричество, машины и печатаніе, наука и соревнованіе производятъ чудеса, и нашъ вѣкъ по справедливости можетъ гордиться успѣхами обширными, быстрыми, пожалуй, непомѣрными. Но какъ объяснить себѣ, при этихъ успѣхахъ, тѣ страшныя бѣдствія, которыя насъ окружаютъ? То пожары: Самарскій, Вандейскій, Мемельскій, Нью-Кастльскій, то потопленіе пароходовъ и столкновеніе поѣздовъ, наводненія, подобно бывшему въ Силезіи, эти игры биржи и банкротства. Я объясняю себѣ это тѣмъ, что своекорыстныя стремленія употребляютъ во зло всѣ эти достиженія вѣка; развитіе вообще идетъ такъ поспѣшно, такъ невнимательно, что огражденія, необходимыя для самого его, за нимъ не поспѣваютъ. Эту мысль, примѣняя къ частностямъ и даже къ мелочамъ, невольно слѣдующимъ общему потоку, я хотѣлъ между прочимъ доложить министру, когда представлялся ему дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; но министръ такъ былъ веселъ, такъ былъ доволенъ, что я не могъ ничего сказать ему и почти испугался этой веселости въ настоящее время, когда разрушеніе городовъ и потоки крови колеблятъ въ основаніяхъ государства и угрожаютъ нескончаемою борьбою... Въ исторіи, особенно современной (nous sommes satisfaits, говорилъ Луи-Филиппъ своимъ министрамъ въ Январѣ 1848 года) этотъ покой, это довольство знаменуютъ окончаніе порядка, уступающаго мѣсто другому...

7 и 8 Октября. У меня сидѣлъ графъ А. П. Толстой и разсказывалъ, что министръ государ. имуществъ получилъ повелѣніе о выселеніи Татаръ изъ Крыма. Не отвѣчая за достовѣрность, я

нисколько не сомнѣваюсь въ такой мѣрѣ. И послѣ этого удивляются, что Татары приняли союзниковъ, какъ друзей? Говорятъ, у насъ теперь въ Крыму 150 т. войска, а Французы отправляютъ весь южный лагерь, 40 т., въ Крымскій отрядъ... Вообще, судя по подробнымъ письмамъ Княжевича, по журналу, присланному вдовою Корнилова, и по самымъ распоряженіямъ послѣдняго времени, Севастополь не былъ укрѣпленъ!... А вотъ и побѣда 13 Октября, благодаря дивизіи Липранди, и побѣда хорошая, хотя и не дешево намъ стоившая. Любопытенъ анекдотъ, разсказываемый изъ Гатчины, гдѣ въ небольшомъ кругу генералъ-адъютантъ О—въ говорилъ о нашемъ могуществѣ: „Достаточно Государю сказать одно слово, и мы передушимъ враговъ его". На этотъ патетическій возгласъ сухо и строго замѣтила В. Н.: „Les ennemis de l'Empereur sont ceux qui ne lui disent pas ce qui est", и за симъ общее молчаніе придало этимъ словамъ особое значеніе.

Ноябрь. Императорская фамилія формируетъ, подъ распоряженіемъ графа Перовскаго, полкъ стрѣлковъ изъ опытныхъ въ стрѣльбѣ удѣльныхъ крестьянъ Архангельской, Вологодской и Новгородской губерній, въ Русской формѣ, можно съ бородой. Сюда допускаются и охотники изъ свободныхъ состояній. Это вызовъ, кличъ, и можно навѣрно сказать, что на него откликнутся полки желающихъ (3 р. въ мѣсяцъ и паекъ привлекутъ и не патріотовъ). Должно надѣяться, что этому примѣру послѣдуютъ и помѣщики; можетъ быть, явится цѣлая армія. Но какая же это будетъ армія, развѣ въ замѣнъ внутренней стражи? Въ большомъ размѣрѣ это будутъ казаки, гверильясы безъ достоинствъ казаковъ. И кому противопоставить этихъ охотниковъ съ ружьями, предназначенными для дичи и зайцевъ? Врагамъ, съ штуцерами, противъ которыхъ лучшіе наши полки стоять не могутъ! Положеніе Севастополя ужасно. По мнѣнію Княжевича, это не война, а бойня. Въ Симферополѣ сверхъ 11 гошпиталей приказано открыть всѣ казенные дома. Лекарей весьма мало, а Медицинскій Департаментъ Военнаго Министерства спрашиваетъ, въ какой мѣрѣ они потребуются тамъ! Посланъ знаменитый операторъ Пироговъ съ 10 врачами.

Извѣстія съ Кавказа по обыкновенію лучше, хотя имъ или не вѣрятъ, или не обращаютъ на нихъ вниманія. Баронъ Николаи разбилъ Шамиля и, положивъ 1000 чел., потерялъ 35 (!?).

Ноябрь. Гудитъ по городу общій говоръ о потеряхъ при вылазкѣ 24 Октября. Въ самомъ дѣлѣ, если у насъ 10 т., да у непріятеля столько же—это страшное побоище. Повидимому непріятель нашелъ насъ въ Крыму такъ не приготовленными, что, одержавъ

блестящую побѣду подъ Альмой и пройдя смѣло между Севастополемъ и нашей арміей на Южную сторону, онъ занялъ превосходную позицію, и пришедшія многочисленныя подкрѣпленія не въ состояніи выбить его. Мы исключительно заняты военнымъ дѣломъ; три четверти бюджета расходуется на войско, а между тѣмъ, какъ мы отстали въ технической части отъ враговъ нашихъ!

Сегодня сидѣлъ у меня и разсказывалъ о Крымскихъ дѣлахъ очевидецъ, ст. сов. Вар—ндтъ, посланный въ началѣ Сентября для наблюденія за перемѣщеніемъ судебныхъ управленій. Страшно становится при разсказахъ о томъ, что было въ Евпаторіи, гдѣ уѣздный судья, выѣхавшій съ дѣлами и канцеляріей, взятъ въ плѣнъ, дѣла пропали, канцелярія разбѣжалась, одинъ засѣдатель Генцель тайкомъ, черезъ недѣлю, пробрался въ Перекопъ; въ Симферополѣ, гдѣ безсмысленный губернаторъ бѣжалъ безъ спросу и по приказанію князя Меньшикова догнанъ за 18 верстъ или, какъ говорятъ Симферопольскія бабы, взятъ Меньшиковымъ въ плѣнъ; въ Ялтѣ, гдѣ В—андтъ не нашелъ ни людей, ни лошадей, и только тѣнь порядка поддерживалась полицеймейстеромъ маіоромъ Кузьминскимъ. Вообще, по словамъ В—ндта, экспедиція застала Крымъ въ совершенный расплохъ, и послѣ Альмскаго сраженія, 8 Сентября, прямое движеніе непріятеля на Севастополь или Симферополь могло-бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія: въ Симферополѣ Татары уже праздновали торжество непріятелей, и В—андтъ видѣлъ ихъ въ Татарской части города шумными и гуляющими.

Рѣчь Брайта. Въ городѣ много говорятъ о письмѣ члена парламента Брайта, перепечатанномъ изъ Times въ J. de St. Pétersbourg 7 и въ С.-Петерб. Вѣд. 9 Ноября. Это возгласъ противъ войны, выраженный по случаю Манчестерской подписки въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ. Политическое письмо Брайта замѣчательно тѣмъ, что оно совершенно чуждо политикѣ и разсуждаетъ о бѣдствіяхъ войны, о томъ, какъ умирающіе Русскіе, утоляя жажду изъ рукъ врага, стрѣляютъ въ него при самомъ издыханіи, а врагъ грабитъ съ труповъ образа Христа и Богородицы. Какъ Русскій, я болѣе нежели кто бы то ни былъ соболѣзную объ утратахъ государства, объ этихъ 30 т. убитыми и ранеными, о разграбленіяхъ на берегахъ Бѣлаго моря, Балтики и Крыма, соболѣзную неустройству, въ которомъ нашла насъ Понтійская экспедиція. Особенно оскорбительно читать эти ноты Нѣмецкихъ педантовъ и не видѣть кругомъ себя ни одного союзника, а напротивъ видѣть повсюду болѣзни, страхи, колебанія высшихъ, негодованіе среднихъ, неудовольствіе всѣхъ. Но опять же, какъ Русскій, я

люблю думать, что эти событія приведутъ къ повороту и, способствуя самостоятельному развитію внутренней жизни, откроютъ Русскому генію поприще высшее и лучшее, нежели наружный, парадный блескъ, поприще, на которомъ полицейское, военное государство со временемъ явится сильнымъ и великимъ не одною численностью полчищъ, но мыслію и словомъ, учрежденіями и дѣятельностью.

Четвертаго дня, встрѣтя старика Кочубея извѣстіемъ о потеряхъ непріятеля отъ бури, я, скрѣпя сердце, выслушалъ отъ него: „Блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе Божіе". У Кочубея племянникъ взятъ въ плѣнъ и теперь находится въ Калифорніи; а сынъ Нсссельроде, состоящій при посольствѣ въ Мюнхенѣ, пріѣхалъ изъ Берлина. Молодой дипломатъ утверждаетъ, что Германія болѣе за насъ. Этого быть не можетъ: кромѣ газеты Герлаха ни одного листка не найдешь, въ которомъ можно было бы замѣтить эту наклонность. Лучшая газета Аусбургская совершенно не за насъ; правда, что она и противъ Франціи, и противъ Пруссіи.

Есть какое-то ослѣпленіе, какая-то мечтательная самоувѣренность во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Убытки терпимъ страшные, народу гибнетъ множество, политическое униженіе крайнее, уступчивость неслыханная, а мы не приступаемъ ни къ чему! Я полагаю отъ того, что у насъ нѣтъ ни людей, ни денегъ и что всякое усиліе грозитъ скорымъ истощеніемъ.

По разговорамъ въ обществѣ многіе согласны сверхъ четырехъ пунктовъ уступить Кавказъ по Кубань. Болѣе: уступить Финляндію по Кемь. Болѣе: возстановить царство Польское. Но, боги безсмертные, гдѣ же остановятся эти уступки? Кемь и Нева, Польша и Малороссія.... и попробуйте начать уступать: васъ въ грязь столкнутъ. Видно какое-то опасеніе въ сужденіяхъ о нашемъ положеніи. Но несомнѣнно, что одни недовольные радуются; другіе, осторожные, равнодушны; мы третьи, удручаемся, хотя тоже робко. (Такъ искоренено честное чувство національнаго достоинства, такъ рабски скованы самыя благородныя чувства гражданина). Я страшусь особенно за войну внутреннюю: войди въ Россію армія, она, съ этимъ крѣпостнымъ правомъ и съ этимъ легіономъ безпутныхъ и недовольныхъ, можетъ возобновить страшную Пугачевщину. Нашъ главный врагъ—это наше дурное управленіе.

Декабрь. Императрица очень больна, и дворъ не переѣзжаетъ въ столицу. Новый наборъ съ восточной полосы. Это уже третій. Договоръ Австріи съ западными державами все еще неизвѣстенъ. Ее ругаютъ, особенно министра Баха. Острякъ Тютчевъ отзывается: „La position du bon Dieu n'est pas une sinécure à présent; quand au diplo-

mates errants, il faut dire: des diplomates, qui ont errés". Говорятъ о стихахъ князя Вяземскаго про принца Наполеона (онъ боленъ кровавымъ поносомъ), проливающаго кровь за отечество, о принцѣ Кембриджскомъ, помѣшавшемся въ разсудкѣ (Preuss. Zeit говоритъ о 38 человѣкахъ тоже помѣшавшихся при Инкерманѣ), о лордѣ Рагланѣ, будто бы повѣсившемся съ отчаянія... По письмамъ изъ Крыма бездѣйствіе князя Меньшикова и нераспорядительность властей готовы возбудить ропотъ. Онъ ссорится тамъ съ Иннокентіемъ, выпроводя несвоевременнаго утѣшителя изъ Севастополя, бравируетъ популярность и Петербургскія распоряженія и ждетъ... Чего онъ ждетъ? Какъ бы ловчѣе поймать звѣря или ускользнуть отъ него. Вотъ и 6 Декабря прошло. Кромѣ наградъ, и съ ними неудовольствій и порицаній, ничего нѣтъ. Генералъ Дохтуровъ сообщилъ мнѣ свой разговоръ съ генераломъ Гербелемъ о недостаткѣ пороха.

7 Декабря разнесся слухъ, что Балаклава сожжена войсками Липранди, и пришли газеты (Ind. Belge и Ausburg. Zeit) съ нотою гр. Нессельроде къ барону Будбергу о нашемъ согласіи на 4 пункта, а именно: 1) Общее ручательство за сохраненіе религіозныхъ и гражданскихъ правъ христіанскаго народонаселенія Османской Имперіи, безъ различія исповѣданій, со стороны пяти державъ; 2) покровительство княжествъ, принадлежащее вообще пяти державамъ на тѣхъ же условіяхъ, которыя въ ихъ пользу постановлены нашими договорами съ Портою. 3) Пересмотръ договора 1841 г.; Россія не воспротивится уничтоженію онаго, если султанъ, какъ ближайшій участникъ въ ономъ, на то согласится. 4) Свободное плаваніе по Дунаю, которое постановлено и которое ограничивать Россія никогда не намѣревалась. Само собой разумѣется, что основанія сіи принимаются въ томъ убѣжденіи, что Западныя державы останутся вѣрны обязательствамъ, которыя онѣ приняли въ виду всей Европы относительно огражденія будущности религіозныхъ и гражданскихъ правъ христіанскаго народонаселенія, предоставляемыхъ отнынѣ ручательству всѣхъ державъ и что, такимъ образомъ, будетъ достигнута главная цѣль, которую въ настоящую войну имѣла Россія въ виду.

14 Декабря. Что долженъ значить манифестъ, сегодня обнародованный? Куда пойдемъ мы съ жезломъ въ рукахъ и съ крестомъ въ сердцѣ? Какое святое дѣло будемъ защищать послѣ согласія на четыре пункта? Что же это за игра войною и миромъ? Такія обнародыванія, не принося никакой существенной пользы внутри Имперіи, ослабляя повтореніями святость долга, вредятъ во мнѣніи

нашихъ сосѣдей-враговъ, и я увѣренъ, что манифестъ 14 Декабря (день дурной памяти) вызоветъ не только непріятныя толкованія, но и открытый разрывъ общественнаго мнѣнія.

Въ дѣлахъ войны нѣтъ ничего новаго. Въ Моск. Вѣдом., № 149, помѣщена статья экономиста Молинари о томъ, что блокада приноситъ болѣе вреда Англіи и Франціи, нежели Россіи. Конечно, при молодыхъ интересахъ нашихъ это, повидимому, такъ представляется, но въ существѣ едва-ли такъ. Остановка развитія молодыхъ элементовъ чрезвычайно вредна въ будущемъ. Прекращеніе хлѣбной торговли на Югѣ и въ Балтикѣ, независимо отъ уменьшенія благосостоянія внутренняго, можетъ послужить къ открытію другихъ рынковъ, увеличивъ производительность въ Америкѣ и въ самой Турціи съ Молдо-Валахіей. Война въ Крыму и Кавказѣ подавитъ возникающія тамъ отрасли винодѣлія и шелководства. Здѣсь рѣшаютъ цифры, а не разсужденія. Во всякомъ случаѣ, жалобы на строгость блокады не совсѣмъ основательны.

Загадочный трактатъ 2 Декабря Австріи, кажется, объясняется. Тайныя статьи вѣроятно обязываютъ ее съ 1 Января къ союзу наступательному (отсюда и нашъ манифестъ 14 Декабря). Пруссія послала полномочныхъ въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ. Но чего она можетъ ожидать? Угрозъ и принужденія. Ее заставятъ принять участіе и силою, и общественнымъ мнѣніемъ. Если и послѣ нашего объявленія 28 Ноября о безусловномъ согласіи на 4 пункта Австрія и союзники не даютъ отвѣта и военныя снаряженія усиливаются, то что̀ сдѣлаетъ одна Пруссія? Непонятно, до чего мелочны расчеты Англійскихъ министровъ (особенно самаго мелочнаго изъ нихъ, военнаго, герцога Ньюкестля). Повидимому ближайшая цѣль ихъ, подорвавъ нашу внѣшнюю торговлю, возвысить столь ослабленную Робертомъ Пилемъ земельную собственность и овладѣть рынками Востока; какъ будто они не знаютъ, какъ маловажна для насъ эта торговля, для насъ, націи бѣдной и не связанной торговыми системами? Какія средства употребляютъ они? Блокаду. Да мы въ блокадѣ и безъ того семь мѣсяцевъ въ году. Формированіе легіона наемныхъ иностранцевъ? Но гдѣ они ихъ найдутъ? Развѣ въ Англіи и Ирландіи. Пойдутъ ли Нѣмецкіе демократы (чего именно хочется и Германіи и Франціи) въ легіонъ наемниковъ? Сомнительно. Демократія занимаетъ положеніе, которое ей дѣлаетъ честь въ глазахъ друзей ея. Она чуждается Французскаго выходца и дѣйствуетъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ....

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1855-й годъ.

Вотъ и конецъ бѣдственнаго 1854 года. Привѣтствуемъ тебя, новый пришлецъ! Будь радостнымъ гостемъ, скажи радостное слово!

Три факта характеризуютъ прошедшій годъ: убытки съ долгами, вооруженія съ поспѣшностью и начало войны съ нерѣшительностью. Россія начала защитою другихъ—кончаетъ самозащитою. Франція обѣщала побѣды—терпитъ неудачи. Англія разсыпалась въ угрозахъ и пришла къ сознанію безсилія. Германія хотѣла управлять дѣломъ и второстепенно идетъ за другими. Турція, Испанія, Италія потеряли всякую самостоятельность.... Нельзя, чтобъ такая продолжительная болѣзнь, достигнувъ усилій 1854 года, обошлась безъ перелома. Переломъ будетъ, и горе тѣмъ, кто его не предвидитъ или видя не понимаетъ.... Прошлый годъ въ полномъ смыслѣ слова переходный; онъ чреватъ будущимъ....

Умеръ Шеллингъ. Умираетъ отвлеченная наука уединенныхъ мыслителей. Другіе двигатели еще не обозначились. Они, однако, должны явиться на мѣсто этихъ ранговъ, орденовъ, отличій, которые такъ упали, которыми такъ мало довольствуется даже ограниченное самодовольство.

Въ кругу друзей, въ самый день юбилея Н. И. Греча, я читалъ небольшую разговорную статью, подъ названіемъ: «Кто идетъ? Деньги! Что несетъ? Комфортъ! Куда спѣшитъ? Къ плясуньямъ!» Этимъ характеризуются наши нравы... Но кого убѣдишь? Еслибъ явился Платонъ, могъ бы имѣть дѣйствіе только на поколѣніе не зараженное, а не на современное. Мы нуждаемся не столько въ идеалогахъ и нравоучителяхъ, сколько въ педагогахъ и учредителяхъ. Массѣ нужны установленія, а не идеи; иначе самыя простыя истины не дойдутъ до нея. А какое благопріятное время теперь для того, чтобъ дать образованіе народу! И не готово ли оно миноваться и войти въ тотъ періодъ

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, II, 345.

затрудненій и невозможности, о которомъ читаемъ у Шлоссера. «Либеральная партія, говорилъ Менцель въ 1836 г. (Geschichte der Deutschen) приготовлялась къ будущему преимущественно изученіемъ Французскихъ журналовъ. Нѣтъ доказательства, которое бы лучше и вѣрнѣе обнаруживало то постоянное вліяніе, которое всегда оказывала Франція, лишь на время остановленное войною за независимость. Нравственная и умственная способность заниматься собою, своими интересами не возвратилась къ намъ, и мы остались, какъ прежде, въ заколдованномъ кругу Французскаго вліянія. Насъ тревожили и волновали не столько вопросы Нѣмецкіе, оставшіеся неразрѣшенными, какъ напр. объ учрежденіяхъ, о свободѣ тисненія, о торговлѣ, о свободномъ плаваніи по Рейну и проч., сколько движенія и событія въ другихъ странахъ; а, впрочемъ, надобно сказать, что у себя мы видѣли только перемѣны министерствъ безъ всякаго значенія и скучныя рѣчи депутатовъ. Мы жили, мыслили и чувствовали по журналамъ иностраннымъ, и среди нихъ мы были болѣе дома, чѣмъ у себя».

И это говорится о Германіи, гдѣ были покрайней мѣрѣ перемѣны министровъ и рѣчи депутатовъ, гдѣ были, и въ сильной степени развитія, наука и искусство, и облагороженныя ими учрежденія общественныя, и добросовѣстность частной жизни. А у насъ?

Подъ словами къ «плясуньямъ» я желалъ указать то гибельное явленіе, которое особенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ представляютъ «мраморныя дѣвы» (les filles de marbre), пріѣзжающія по вызову нашихъ аристократовъ, особенно изъ Парижа. Это цѣлая, многочисленная галерея Фринъ и Аспазій. Онѣ ждутъ пера даровитаго. Многихъ изъ молодежи онѣ погубили.

Изъ Севастополя все нѣтъ ничего. Князь Меншиковъ доноситъ, что выпалъ снѣгъ; вѣроятно завтра донесетъ, что растаялъ. Много шума по поводу переговоровъ о мирѣ, по моему мнѣнію невѣроятныхъ. Остряки шутятъ: «on nous menace de la paix!» Однако, въ концѣ Января въ Крыму надобно ожидать чего нибудь рѣшительнаго. Небольшая побѣда дивизіи Ушакова на Дунаѣ еще не обнародована. Молодые князья отправляются въ Севастополь, а князья Французскій и Англійскій возвращаются.

Изъ внутреннихъ дѣйствій хвалятъ назначеніе Игнатьева генералъ-губернаторомъ (послѣ отказа на это мѣсто старика Анненкова), адмирала М. (преобразователя морской смѣты) въ Государственный Совѣтъ. Порицаютъ назначеніе князя Урусова въ Витебскъ и Ѳедора Анненкова въ Нижній.

Не вѣрю я искренности мирныхъ переговоровъ. Уши вянутъ и волосы становятся дыбомъ при чтеніи писемъ Княжевича изъ Симфе-

рополя; послѣднее, отъ 16-го, въ которомъ онъ пишетъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ насъ тяготитъ не столько непріятель, сколько наша собственная армія... Нѣтъ ни порядочнаго пріюта, ни фуража, ни продовольствія; цѣна на все удесятирилась, а доставка изъ Перекопа и Геническа затруднительна; Петербургская почта опаздываетъ на 8 дней. Какой же миръ можетъ быть заключенъ послѣ страшныхъ пораженій нашихъ и послѣ такого убѣжденія враговъ въ превосходствѣ надъ нами?...

Сегодня вышли награды Сенату: семь Бѣлыхъ Орловъ, три Владимира, одна Анна... Какая цѣль этихъ наградъ? Униженіе стариковъ? Уравненіе годовъ? Награда скромности? Слышно: почему же нѣтъ?

Графъ Перовскій, министръ удѣловъ, переименованъ въ полные генералы и генералъ-адъютанты для начальства надъ полкомъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи....

Но хорошо ли поступаютъ наши враги, напирая до крайняго униженія?... Въ насъ уже сильно чувство великой, самостоятельной народности, и оскорбить это чувство не выгодно и страшно. Хорошо ли дѣлаютъ они, не пользуясь настоящими предложеніями?

Опять, какъ осенью, объ насъ забыли, вызывая пожертвованія и предписывая наборы. Только по этимъ случаямъ и нисходятъ до насъ... Впрочемъ Европа и канцлеръ должны знать, какъ и что̀ съ нами будетъ... Къ намъ сегодня, 8 Января, пріѣзжали: Цесаревичъ Наслѣдникъ въ Университетъ, чтобы объявить о милости Царя, соизволяющаго на назначеніе студентовъ въ военную службу; министръ А. С. Норовъ въ гимназіи поздравить учениковъ 6 и 7 класса съ царскою милостію: имъ приказано учиться маршировать по субботамъ и учиться артикуламъ и пріемамъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ... Эта мѣра мало говоритъ въ пользу мира, и объ немъ мало говорятъ въ городѣ. Говорятъ о брошюрѣ принца Наполеона «de la conduite de la guerre d'Orient»; о предстоящемъ юбилеѣ Московскаго Университета; объ убійствѣ д. с. с. Оленина его людьми за жестокое обращеніе его, дѣтей и жены его (здѣсь винятъ и полицію, и предводителя; это третій разъ, и своевременныя мѣры, слѣдствіе и отобраніе имѣнія предупредили бы его; объ измѣненіи формы военнаго обмундированія, сближеннаго съ Русскимъ и болѣе свободнымъ; о свадьбахъ (гр. Клейнмихель выходитъ за Пилларъ-Пильхау, приданое отъ казны). Говорятъ особенно о семействѣ гр. Са-ва: онъ сосланъ въ деревню, жена въ Москву, дочери во вдовій домъ. Особенно много говорятъ о балѣ Мины Ивановны. У нея былъ дворъ и городъ, между прочимъ В. Ш., который мнѣ это и пересказывалъ. Дамы были изъ оперы, изъ почтамта и негоціанства. Что за роскошь! Что за веселіе, что за радо-

шіе! Миловались и щипали корпію.—Изъ Крыма все нѣтъ ничего. Правда, непогоды, болѣзни и труды губятъ нашихъ непріятелей; но не дурно ли пользуемся мы этими союзниками въ такое дорогое для насъ время? Князь Меншиковъ доноситъ только, по словамъ плѣнныхъ Арабовъ, что Турки употребляются въ родѣ рабочаго скота для перевозки тяжестей и провіанту. На эту остроту каламбуриста Обручевъ замѣтилъ, что князь Меншиковъ долженъ знать, какъ въ 1829 г. для переноски провіанта отчислены были три батальона Русской арміи. Болѣе занимаетъ общественное вниманіе указъ 10 Января о выпускѣ кредитныхъ билетовъ для покрытія чрезвычайныхъ издержекъ (на неопредѣленную сумму) съ обезпеченіемъ ихъ $^1/_6$ выпускаемой суммы звонкою монетою... Подумаешь: чего уже теперь стоитъ эта война Европейскимъ правительствамъ! Франція хвалится своею подпискою, которая по послѣднему займу въ 500 мил. возвысилась на 2200 мил. франковъ, впрочемъ, при участіи капиталовъ Англійскихъ, Бельгійскихъ и Голандскихъ. Но вызовъ этотъ точно ли обнаруживаетъ преданность, довѣріе и богатство, какъ докладываетъ г. Барошъ? Едва ли. Готовность эта свидѣтельствуетъ о застоѣ производительности и торговли, на что̀ указываетъ и пониженіе банковаго процента. Эти огромные долги ведутъ къ банкротству и, можетъ быть, къ новымъ потрясеніямъ. А въ указѣ отъ 10 Января повторяется, что Россія вовлечена въ войну единственно для охраненія правъ и защиты предѣловъ своихъ.

Сегодня, 12 Января, умеръ отъ нервическаго удара графъ Н. А. Протасовъ, мужъ дочери кн. Д. В. Голицына, бывшій товарищъ министра нар. просвѣщенія и предложенный С. Д. Нечаевымъ въ оберъ-прокур. Св. Сѵнода, кажется въ 1838 году. Это былъ человѣкъ болѣзненный. Онъ помогалъ Сѵноду въ распоряженіяхъ о возсоединеніи Уніи и, при отъѣздѣ Нечаева, предложенъ имъ (какъ онъ самъ говорилъ мнѣ) за это къ исправленію его должности, за что̀ члены Сѵнода, по наущенію обойденнаго Нечаевымъ А. Н. Муравьева, представили Государю благодарность. Графъ Протасовъ былъ человѣкъ умный и образованный. Онъ начальнически взялъ управленіе въ руки и былъ едва ли не дѣятельнѣе всѣхъ своихъ предмѣстниковъ. Главныя его дѣянія: 1) Окончаніе дѣла о возсоединеніи Уніи; здѣсь содѣйствовали ему Симашко, Антоній и Войцеховичъ. 2) Преобразованіе главнаго и губернскаго управленія (о консисторіяхъ 1840). Главное управленіе онъ развилъ чрезмѣрно.... Губернское управленіе имѣетъ недостатокъ нерѣшительности. Консисторіи не имѣютъ достаточно независимости и стѣсняютъ архіереевъ. Положеніе духовенства въ отношеніи къ свѣтскимъ властямъ умалилось въ своемъ достоинствѣ. 3) Преобразо-

ваніе духовныхъ училищъ, учрежденіе Казанской Академіи и ограниченіе курсовъ семинарій. Послѣдняя мѣра, по мнѣнію моему, весьма вредна; но она въ связи съ четвертой—уменьшеніемъ духовенства и введеніемъ штатнаго жалованія. Нельзя во всякомъ случаѣ не отдать справедливости дѣятельности покойнаго оберъ-прокурора; онъ ввелъ болѣе порядка въ дѣлопроизводствѣ, въ управленіи и отчетности. Это неотъемлемая его заслуга. Но онъ очень мало сдѣлалъ для духовнаго суда и для духовной проповѣди. Я видѣлъ въ деревнѣ, что̀ значатъ визитаціи и разборъ архіепископа. Вліяніе на насъ лютеранскихъ ученыхъ весьма сильно; мы покупаемъ библіи Лейпцигскаго изданія. Проповѣдь за самыми незначительными исключеніями (Филаретъ, Иннокентій) почти не слышна. Цензура духовная стѣсняетъ очень много даже свѣтскихъ писателей. Графъ Протасовъ не любилъ извѣстныхъ ученыхъ: Малова, Сидонскаго, Евгенія, Макарія. Имѣнія свои онъ оставилъ дальнимъ родственникамъ.

Сегодня долго я бесѣдовалъ съ бар. М. А. Корфомъ, человѣкомъ интереснымъ, между прочимъ, по своему продолжительному государственному служенію. Онъ уже 25 лѣтъ занимаетъ высшія мѣста въ управленіи, а между тѣмъ свѣжъ и молодъ. Мы говорили о біографіи Сперанскаго, о просвѣщеніи, о цензурѣ, которой онъ теперь, какъ предсѣдатель высшаго комитета, главный руководитель. «Я поставленъ въ положеніе дѣлать зло и нисколько не дѣлать добра», сказалъ мнѣ этотъ руководитель, приводя примѣры, какъ гр. Клейнмихель, за какое-то описаніе путейскаго офицера потребовалъ отрѣшенія цензора отъ должности; а графъ Панинъ, за «Мечтателя» (въ Москвитянинѣ), по наставленію И. И. Д-ва, писалъ письмо къ А. С. Норову, вслѣдствіе котораго уволены два цензора. Я обратился къ нему со старою моею пѣснью, приводя въ примѣръ и Пруссію въ 1806 году, и Австрію 1830-хъ годовъ, когда строгости цензуры и полиціи, препятствуя своеземному развитію, открыли такое обширное и гибельное вліяніе направленію Французскому. Я привелъ въ доказательство это страшное потребленіе бѣглой Французской литературы, брошюрами, журналами, романами, и спросилъ, не признаетъ-ли онъ возможнымъ открыть хоть небольшое отверстіе для литературы, для Русской драмы, Русской комедіи, Русскаго журнала, Русской науки, такъ стѣсненныхъ теперь инстанціями цензурными, служебными, духовными, жандармскими, личными. Но едва ли бар. Корфъ можетъ что либо сдѣлать тутъ: не то время. Онъ, впрочемъ не только согласенъ съ моимъ воззрѣніемъ, но упомянулъ, что оно неоднократно выражено и въ журналахъ ихъ комитета. О комитетѣ своемъ онъ отозвался, что въ 1848 г. онъ былъ необходимъ, чтобъ оградить отъ соціализма, про-

рывавшагося во многихъ выходкахъ и даже статьяхъ извѣстныхъ лицъ; теперь же онъ почти безполезенъ, особенно потому, что дѣйствіе его отрицательное, а власть совѣщательная.

Присланы рѣчи, говоренныя на столѣтнемъ юбилеѣ Московскаго Университета. Я не могъ быть на этомъ праздникѣ и ограничился письмомъ къ кн. Н. Н. Голицыну. Главнѣйшая заслуга Университета есть заслуга давности; онъ не основалъ особой школы, онъ не ознаменовалъ себя какимъ нибудь историческимъ изданіемъ, ни обнародованіемъ какого нибудь собранія источниковъ или сочиненій; онъ образовалъ около ста поколѣній, и это его главнѣйшая заслуга. Мнѣ любопытно было прочесть рѣчи. Множество адресовъ не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго; замѣчательнѣе прочихъ профессоровъ: Никитенки, Калмыкова, д. с. с. Заблоцкаго. Заслуживаютъ вниманія проповѣдь Филарета и рѣчь Шевырева. Знаменитый іерархъ говорилъ объ «истинѣ».

Очевидно, что проповѣдь не выработана для великаго учебнаго праздника. Въ ней нѣтъ и обыкновенной у Филарета житейской мудрости, счастливаго сближенія текста, удачнаго словообразованія. Хороша мысль, взятая у Боссюэта объ Исторіи: «не попусти себѣ тупымъ взоромъ видѣть въ бытіяхъ человѣчества только нестройную игру случаевъ и борьбу страстей или слѣпую судьбу; изощри свое око и примѣчай слѣды Провидѣнія Божія, премудраго, благаго и праведнаго», и особенно хороши послѣднія слова: «истина, когда за нее умираютъ, бываетъ особенно животворна».

Рѣчь Шевырева носитъ еще болѣе печать поспѣшности, необработанности и какой-то журнальной отрывочности. Я искалъ въ ней особенно доводовъ о заслугахъ Университета. Рѣчь написана съ увѣренностью; смѣло и красиво, но не безъ умышленныхъ умолчаній. Она начинается стихами Ломоносова Шувалову и Елисаветѣ и словами ученика его Поповскаго болѣе выразительными: «Наши дѣти, внуки и ихъ правнуки имѣютъ готовое великія сея милости участіе. Безчисленныя тысящи нашего потомства прежде еще своего рожденія симъ благодѣяніемъ уже обязаны.... О, какую радость, какое ощущаемъ мы веселіе, возбуждаемы надеждою, что увидимъ вождѣленные плоды сего новонасажденнаго винограда, что дождемся блаженнаго онаго времени, когда изъ сего мѣста произойдутъ судіи правду отъ клеветы отдѣляющіе, полководцы на морѣ и на землѣ спокойство своего отечества утверждающіе; когда процвѣтутъ здѣсь мужи, закрытыя натуры таинства открывающіе; когда, напослѣдокъ, сему прозорливостію Государыни основанному и щедротами одобренному мѣсту Россія одолжена будетъ внутреннимъ и внѣшнимъ своимъ благосостояніемъ».

Дѣйствительно, великая сила убѣжденія, какъ видно, дышала въ этихъ словахъ профессора, «въ какомъ-то прозорливомъ вдохновеніи они были сказаны; теперь слова его для насъ живое событіе; ихъ вѣщая мысль совершается предъ нами воочію, на нашемъ столѣтнемъ праздникѣ». Дѣйствительно, это такъ; но надежды Поповскаго не сбылись можетъ быть и отъ того, съ Елисаветою національное развитіе стало слабѣть, отъ вліянія Западнаго при Екатеринѣ и военнаго съ Александра. Замѣчательно, что Поповскій ни слова не говоритъ о Русскомъ языкѣ, разработка котораго признается Университетомъ за лучшую свою заслугу. Тотъ фактъ, что Университетъ существуетъ и что мы празднуемъ столѣтіе его существованія, Шевыревъ приписываетъ во первыхъ, Промыслу Божію, «Коего храмъ сталъ у насъ твердо возлѣ храма наукъ»; во вторыхъ, образующей волѣ государей нашихъ (Елисаветы, послѣ Петра, собесѣдника Лейбница, признавшей «необходимую нужду въ томъ, чтобъ способомъ пристойныхъ наукъ возрастало въ пространной Имперіи всякое полезное знаніе»; Екатерины II, въ годъ Наказа «свергнувшей иго Латинскаго языка съ науки», Павла, Александра и Николая) и ея исполнителей: Шувалова «изобрѣтателя этого полезнаго дѣла», Мелиссино, Хераскова, основателя благороднаго пансіона, педагогической гимназіи и виновника знаменитаго договора типографіи Университета съ Новиковымъ, «столько плодотворнаго для Русской словесности»; кн. Голицына, Муравьева «незабвеннаго Муравьева, чести и красы благодарныхъ питомцевъ», гр. Разумовскаго, Голенищева-Кутузова, кн. Оболенскаго, возстановителя зданій Университета послѣ непріятеля. Здѣсь мимоходомъ пропущены многіе; объ Уваровѣ намекъ. Упомянуты градоначальники, гр. Закревскій, покровители и жертвователи: родъ Демидовыхъ, царевичъ Георгій, гр. Строгановъ, кн. Урусовъ; дворяне Всеволожскіе, Горихвостовы, игуменъ Порфирій, купцы Твердышевъ, Грачевъ, купчиха Кулакова, крестьянинъ Малюгинъ. Въ третьихъ, любви Русскаго народа къ просвѣщенію. «Въ любви къ ученію и наукамъ видимъ тоже соревнованіе сословій. По долгу званія, по богатству средствъ числомъ превосходятъ дворяне. Дѣти княжескихъ и древнихъ боярскихъ фамилій сѣли первые на скамьи нашего Университета, лишь только онъ открылся. Духовенство послѣдовало имъ. Разночинцы сѣли также съ ними на лавкахъ студентовъ. Наука у насъ ровняла сословія и вызывала дарованія отвсюду для службы государственной. Торжественно давая разночинцу шпагу студента, она съ тѣмъ вмѣстѣ давала и даетъ теперь право на пріобрѣтеніе диплома дворянскаго». Послѣ обращенія къ прежнимъ и настоящимъ студентамъ, ораторъ заключаетъ: «Торжество нашего праздника соединяется со всеоб-

щею, всенародною думою, которая теперь не только на яву сопровождаетъ, но и во снѣ будитъ Русскаго человѣка». Война дѣйствительно придала особое значеніе празднику (выразившееся еще болѣе на другой день, на семейномъ пиру), и Шевыревъ, дѣятель мирнаго просвѣщенія, удачно оканчиваетъ рѣчь: «Да позволено мнѣ будетъ, въ эту минуту нашего торжества, съ высоты ста лѣтъ, прожитыхъ нашимъ университетомъ, увидѣть вдали свѣтлымъ окомъ процвѣтаніе такой науки въ Россіи, которая, озаривъ глубже духовныя стороны человѣка, какъ дважды два четыре докажетъ обезоруженной логикѣ Запада, что въ человѣкоубійственной брани мертвая ложь, а въ любви и мирѣ живая истина».—Боже мой, какъ разыгрываются событія! Какъ этотъ внѣшній трудъ борьбы умирающаго порядка помогаетъ этому внутреннему броженію и какъ эта демократія просвѣщенія пособляетъ общему движенію! Война Востока съ Западомъ есть только поводъ; настоящая война—это война народовъ съ правительствами монархическими. Не мудрено, что по окончаніи ея многіе объявятся банкротами; немудрено, что эта аристократія талантовъ и науки, такъ страдающая съ 1848 года, окончательно потеряетъ довѣріе.... Какое ополченіе вызвала Россія съ Запада, истощая, изнуряя и обезсиливая его и себя. Прочтите о засѣданіяхъ Кортесовъ въ Испаніи, дрожащихъ отъ одного ожиданія возстанія Карлистовъ и едва сдерживаемыхъ привычнымъ авторитетомъ Эспартеро. Прочтите свѣдѣнія о займѣ въ 500 мил. во Франціи, искусственно поддерживаемой ложью и насиліемъ въ своемъ самообольщеніи и невѣдѣніи. Прочтите о засѣданіи парламента 26 Января, въ которомъ Джонъ-Россель такъ неудачно и неловко, а Сидней-Гербертъ такъ невольно раскрываютъ раны болящаго тѣла. «Мы», говоритъ онъ, «адмиралтейство, перевезли снарядовъ до 100 тоннъ на Востокъ (75 т.) и въ Балтику (14 т.), 255 т., 5700 лошадей... и что же? Способы наши изсякли. И что же? Мы должны сознаться, что арміи у насъ нѣтъ...» А лорды кричатъ: слѣдствіе, слѣдствіе, назначить слѣдствіе для обнаруженія виновныхъ въ Крымскихъ бѣдствіяхъ... Джонъ-Россель вышелъ въ отставку. Ньюкестль замѣщается Пальмерстономъ. Кабинетъ готовъ откланяться. Посмотрите на эту Германію, гдѣ переписка о мобилизаціи пробудила старыя соревнованія, и разъединеніе готово выразиться въ нѣдрахъ самаго сейма. Австрія совершенно примыкаетъ къ Франціи, увлекшей за собой и горюющую о двухъ королевствахъ Сардинію. Пруссія еще держится, отстаивая прежнюю систему; но едва ли на долго. Она уже довела до половины требуемую мобилизацію и едва ли удержится отъ войны, когда на границахъ вспыхнетъ пожаръ и пройдетъ 50-тый корпусъ чрезъ Италію въ Германію, и можетъ

быть, заговорятъ Славянскія племена. Такъ дорого обходится эта точка на картѣ, называемая Севастополь. Вся препона въ безплодности Вѣнскихъ совѣщаній, вся надежда на выручку нашей военной чести. Мы перевозимъ, говорятъ въ Англіи, всю эту массу войска, снарядовъ и снабженій за 3000 миль, а надобно пройти еще только 6 миль (отъ Балаклавы къ лагерю), и эти 6 миль тяжелѣе 3000. Да тяжело возиться съ Русской землею, и дешево ея не получишь!

А у насъ продолжаются пожертвованія, адресы дворянства, Московскій университетскій праздникъ, гремящій теперь по Россіи изъ конца въ конецъ, какъ нарочно выпавшій въ дни великихъ событій... Да. А потомъ что? Или удача или слѣдствіе... Обращеніе Государя къ Университету стать офицерами въ ряды арміи есть, конечно, мѣра знаменательная; но все это носитъ печать временной необходимости и уступки и очень далеко отъ того, чтобъ избавить насъ отъ упрека вѣковыхъ опытовъ: было время, да пропущено...

Вотъ и послѣдніе дни Января, а изъ Крыма нѣтъ ничего рѣшительнаго. У насъ объявлено ополченіе по 23 съ 1000, сперва въ 6-ти губерніяхъ. Мѣра важная и тягостная. Если непріятель не придетъ въ наши предѣлы, эта мѣра, а также постоянное призываніе къ пожертвованіямъ, дастъ поводъ къ ропоту. Обѣднѣніе, даже истощеніе не далеко, а въ устахъ бѣднаго ропотъ еще ближе. Говорятъ, что отъ кн. Меншикова требуютъ отвѣта, почему онъ не пользуется благопріятнымъ для насъ временемъ, столь гибельнымъ для союзниковъ и что, наконецъ, онъ намѣренъ предпринять? Говорятъ, что генералъ Липранди пишетъ, что не понимаетъ, что дѣлаетъ главнокомандующій.

Пробѣгаю я любопытное жизнеописаніе Пушкина, написанное Анненковымъ. Намъ, людямъ того времени, такъ любопытно описаніе жизни поэта, котораго мы знали наизустъ. Къ сожалѣнію, біографъ не могъ коснуться политической стороны жизни нашего либерала, съ котораго это политическое направленіе началось и для Россіи, чтобъ потомъ продолжиться въ Лермонтовѣ и перейти въ соціальное въ Гоголѣ и въ сотнѣ Герценовъ, Некрасовыхъ и проч.

Куда годится это ополченіе, когда ему придется помѣриться съ регулярными войсками? Какими мыслями напитаются эти толпы, предводимыя отставными деревенскими мыслителями? Какими возвратятся они въ нѣдра мирной жизни послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ вольницы и въ одномъ ожиданіи побѣдъ? Не только деревенскій бытъ, не потерпитъ ли и самый семейный? Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобъ и пространство, и число, и время набора ополченія были сколь можно короче. Два Кочубея и В. А. Шереметевъ согласны съ моимъ мнѣніемъ; они сообщали мнѣ, что первоначальное предположеніе князя

Паскевича было: всѣ запасные магазины изъ внутреннихъ губерній перевезти на счетъ дворянства къ Бобруйску и что министръ Бибиковъ былъ вообще противъ положенія объ ополченіи (писаннаго Ѳ. Герас. Устряловымъ). Первая мысль объ ополченіи принадлежитъ графу Панину, но онъ въ комитетѣ не присутствовалъ; и вообще ропщутъ, что не были призваны, хотя для совѣта, никто, ни предводители, ни довѣренныя лица, хорошо знающія Россію. Порицаютъ §§ 36—41 положенія, въ которыхъ послѣ столькихъ пожертвованій вызываются новыя пожертвованія, и «постановленія собраній о пожертвованіяхъ исполняются безпрекословно». При бѣдности нашихъ сословій, особенно дворянства, подобныя постановленія могутъ казаться очень тяжкими.

Съ отдѣленіемъ гражданскаго управленія Государю Цесаревичу Наслѣднику не дождемся ли мы какого нибудь общаго преобразовательнаго начала?.. Впрочемъ настоящимъ порядкомъ всѣ довольны.

Говорятъ, кн. Менщиковъ очень нездоровъ; говорятъ, Тотлебенъ измучился, что госпитали переполнены. А съ Запада напираютъ все сильнѣе. Разжигающія статьи «Times» продолжаются; онѣ, по смѣнѣ министерства, настаиваютъ на производствѣ слѣдствія о причинахъ Крымскихъ бѣдствій... Говорятъ, Луи-Наполеонъ самъ станетъ во главѣ арміи и оставитъ Парижъ съ его балами, маскарадами и оргіями.... Говорятъ, Пруссія условилась съ Западомъ о нейтралитетѣ, и Англія требуетъ стѣсненія нашей торговли и безъ того уже очень стѣсненной запрещеніемъ появляться нашимъ колесамъ и кибиткамъ на Прусскомъ шоссе. У насъ заговорило ополченіе: «стальной щетиною сверкая», встаетъ Россія! Лишь бы не по пустому... Султанъ здоровъ, а Государь боленъ. Я не знаю, впрочемъ, кто теперь можетъ быть здоровъ, при этой горячкѣ и лихорадкѣ событій?

Очень читаютъ теперь стихи «Русскому Царю».

Европа противъ насъ. Окружено врагами
Отечество со всѣхъ сторонъ.
Кровавый часъ насталъ, и очередь за нами,
Повсюду мечъ ужъ обнаженъ.
Мы слышимъ клеветы, мы знаемъ оскорбленья
Тысячеглавой лжи газетъ,
Измѣны, зависти и страха порожденья....
Друзей у нашей Руси нѣтъ!....

Начались ополченныя совѣщанія въ Петербургѣ, и въ первый день много толковъ и одушевленія. Но есть и толки объ экономіи по снабженію одеждою и продовольствіемъ. Предводители объявили: готовность полная, но денегъ нѣтъ. Сукно полагаютъ заготовить разныхъ цвѣтовъ, полушубки старые, продовольствіе собрать на мѣстѣ и усло-

виться съ Военнымъ Министерствомъ; на случай движенія продовольствовать по билетамъ (въ родѣ временныхъ акцій, crédit foncier). Думаютъ предложить кандидатовъ: Ермолова, М. Н. Муравьева, графа С. Г. Строгонова, князя И. Л. Шаховскаго. Замѣчательно, что изъ этихъ четырехъ кандидатовъ только Муравьевъ можетъ быть дѣйствительнымъ начальникомъ. Ермоловъ и Строгановъ въ немилости. Все это способно и здороваго сломить, а больному человѣку это ударъ....

Государь скончался сегодня, 18 Февраля, въ часъ. Пусть исторія и гордыня человѣческая попробуютъ расчитаться съ умершимъ! Какой урокъ человѣчеству! Какое разительное зрѣлище! Я никогда не сомнѣвался, что онъ не вынесетъ. Многое и, можно думать, главнымъ образомъ неудачная война, ускорили давленіе на могучій организмъ и довели человѣка, убѣдившагося во многихъ ошибкахъ, до смерти. Такому человѣку оставалось одно: или отреченіе, или смерть.

Дай Богъ всего лучшаго молодому императору Александру II-му! Онъ добръ, снисходителенъ и кротокъ. Пока мы только это и знаемъ. Наслѣдники престола рѣдко проявляютъ настоящій свой характеръ; но, кажется, ничто не препятствовало бывшему Цесаревичу имѣть влеченіе къ людямъ достойнымъ, къ предметамъ занятій серьезнымъ. Мы знали Наслѣдника ходатаемъ за угнетенныхъ, присутствующимъ на всѣхъ парадахъ и посѣщающимъ балы. Ему 36-ой годъ. Пока онъ еще не рѣшался дозволить себѣ самостоятельныхъ дѣйствій. Онъ показывалъ во всемъ примѣръ безпрекословнаго повиновенія Отцу и Государю. О Цесаревнѣ говорили, что она отличается расчетливостью въ расходахъ. Очень можетъ быть, что теперь возметъ верхъ Русская партія (Вас. Дм. Олсуфьевъ?), для которой древнее боярство, древнее одѣяніе, крѣпостное право и т. п. будутъ на дневной очереди. Русская партія хочетъ привести къ думамъ боярскимъ и соборамъ выборныхъ людей. Она конечно была бы не безполезна для распространенія и утвержденія Русской жизни, подавляемой иностранною; но мы удивимся, когда, приступя къ дѣлу, увидимъ, что всѣ эти бояре—маркизы.

Сегодня я присутствовалъ при чтеніи манифеста въ общемъ собраніи Сената и членовъ Cvнода и при поздравленіи новаго Императора въ Зимнемъ дворцѣ. Въ Сенатѣ собралось сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ до 70 человѣкъ. Одѣты были не всѣ одинаково (приказъ о черныхъ панталонахъ пришелъ слишкомъ поздно). Мы долго ожидали подписанія протокола, который былъ заготовленъ съ ошибками (кажется, вмѣсто 19-го числа выставлено было 18-ое). Потомъ сенаторы отправились въ церковь для присяги, не всѣ вмѣстѣ, а порознь. Одни подписали, другіе подписывали протоколъ. Когда мы вошли въ церковь, тамъ было уже много народа. Прочли присягу и подписали

листъ. Министръ уже давно уѣхалъ, приказавъ изготовить журналъ и дать подписать сенаторамъ. Въ Зимнемъ дворцѣ (кромѣ церкви) было очень просторно. Новый Императоръ убитъ горемъ, блѣденъ, изнуренъ и грустенъ; тоже видно было и на Еленѣ Павловнѣ. Другихъ членовъ императорской фамиліи я не разсмотрѣлъ... Великіе люди наши, вѣроятно по случаю поздравленія, нарядились въ улыбки, которая не сходила съ усть графа Панина. Графъ велъ едва движущійся трупъ князя Чернышева, медленно подвигавшаго одну ногу за другою и готоваго упасть на каждомъ шагу. Другой графъ, Орловъ, шелъ бодро, улыбался и разговаривалъ весело. Я уѣхалъ въ три часа... Что мы потеряли? Мы потеряли человѣка съ великимъ характеромъ... Онъ отличался самонадѣянностью, независимостью. И то и другое было въ высшей степени. Стремленіе къ независимости и дало ему то громадное значеніе, которымъ онъ пользовался. Тридцать лѣтъ царствованія его будутъ памятны безчисленными постройками и усиленіемъ государственнаго начала, вызвавшаго демократію. Онъ былъ демократъ изъ демократовъ. Военный смыслъ увлекалъ его къ единству, къ однообразію, къ прямымъ линіямъ, къ регулярности, къ фронту... Заслуги его велики; но не должно забывать при этомъ помощь вѣка и невольнаго сближенія съ Западомъ. Войско, особенно военное хозяйство, финансы, управленіе, просвѣщеніе, все это непремѣнно потребуетъ преобразованій... Но онъ лично самъ обращалъ вниманіе на все и на всѣхъ; онъ многихъ обогатилъ, сдѣлалъ счастливыми, и производительно расходовалъ капиталы: это будетъ свидѣтельствовать объ эпохѣ Николая I. Кажется, три періода должно различать въ этой эпохѣ: начало до 1830, болѣе внутреннее; середину до 1849, болѣе внѣшнее, и подъ конецъ, до 1854, реакція. Удача реакціи привела къ войнѣ, а война убила человѣка.... Многіе порицаютъ, что предсмертное прощаніе обращено только къ войску, и отъ него одного покойный Государь ожидалъ устройства внутренняго и внѣшняго.

Новый Государь повторяетъ желанія и виды Петра I, Екатерины II, Александра и Николая. Впрочемъ все идетъ своимъ порядкомъ. Народъ, допущенный для поклоненія, толпится массами, ссорится съ полиціей, терпитъ давку и увѣчья. Опасаются толковъ о смерти, и даже названіе болѣзни «гриппъ» возбуждаетъ вопросъ: не отрава ли, не «грибы ли»?... Опасаются, чтобы Русская партія не задумала учредить аристократію у насъ въ Россіи, а также боятся распространенія крѣпостнаго права даже на крестьянъ казенныхъ (и это въ 1855 г.!) Но мнѣ кажется, опасенія эти преувеличены.... Если направленіе стремящееся приблизиться къ боярскимъ временамъ окажется сильнымъ, тогда мы ближе всѣхъ націй къ перевороту. Впро-

чемъ, въ началѣ царствованія неизвѣстность всегда даетъ поводъ къ толкамъ. Несомнѣнно лишь то, что сильной руки не стало и что раздоры, интриги и вліянія болѣе нежели возможны... Телеграфическіе отвѣты на извѣщенія о смерти весьма пріятны, особенно изъ Берлина и Вѣны. Перемѣщенія, сдѣланныя за день до смерти, одобряются всѣми: кн. М. Д. Горчаковъ на мѣсто князя Меншикова, а на его мѣсто генер. Лидерсъ. Графъ Ридигеръ въ Петербургѣ. Цалуя въ Совѣтѣ всѣхъ министровъ, Государь пропустилъ Бибикова.

Нужда въ Крыму обнаруживается. Княжевичъ пишетъ, что въ Ялтинскомъ уѣздѣ начинается голодъ. Поставщикъ топлива (сажень кизяка по 27 р.) хочетъ отказаться. Борисъ М-въ пишетъ, что въ госпиталяхъ очень плохо; но не такъ какъ разсказываютъ въ Петербургѣ. Особенно онъ хвалитъ дѣйствія Владимира Карамзина, который потратилъ до 30 т. р. и, накупивъ холста, фланели, травъ, простыхъ лекарствъ, приноситъ большую пользу. Но эти господа считаютъ поѣздку въ Крымъ «partie de plaisir», и на ихъ слова полагаться нельзя. Сегодня хоронили адмирала Грейга и генерала Кушелева. По городу читаютъ письмо Ермолова о принятіи имъ выбора (въ начальники ополченія).

Новый Императоръ еще занятъ военными рескриптами. Мало по малу выдвигаются новыя созвѣздія: Витовтовъ, Ростовцовъ, Олсуфьевъ, Юрьевичъ и молодые флигель-адъютанты. Въ городѣ многіе опасаются участвовать въ печальномъ шествіи (въ слѣдствіе мороза) и отыскиваютъ предлоги быть въ шубахъ, т. е. только посмотрѣть. Суевѣрные толкуютъ о паденіи колокола въ Москвѣ, легкомысленные гадаютъ о намѣреніи образовать аристократическій элементъ въ обществѣ и управленіи... Покойный императоръ сказалъ своему преемнику: «трудно тебѣ будетъ!» И конечно. Кротость, которая въ другое время могла бы служить прекраснымъ началомъ, покажется слабостью и родитъ предубѣжденія. Иностранные листы узнали о смерти въ самый день смерти и полны 18 Февр. (2 Марта) разсужденіями и надеждами на миръ... Николай умеръ... не совсѣмъ во̀ время для дѣла и для самого себя. Я не ожидаю большой перемѣны отъ этой смерти, хотя одна вѣсть о ней возбудила самыя вѣрныя надежды на миръ, возвысила въ одинъ часъ фонды въ Англіи на 2, во Франціи на 5%, привела Кларендона въ Булонь для совѣщанія съ Императоромъ, ускорила распоряженіе о созывѣ конгресса въ Вѣнѣ, побудила отложить поѣздку Луи-Наполеона въ Крымъ.... и готова перемѣнить ту антипатію къ особѣ Николая I, которая видѣла въ немъ врага заклятаго. Эта вѣсть возбудила почти благоговѣніе къ памяти умершаго «великаго человѣка, охранителя порядка въ монархическомъ началѣ, постоянно сильнаго»

Эхо о кончинѣ Императора отдалось во всѣхъ краяхъ и, не безъ основанія иностранцы жалѣютъ объ усопшемъ. Никто такъ не вмѣшивался въ ихъ дѣла, даже внутреннія, какъ покойный Императоръ, во время 30-ти лѣтняго дѣятельнаго царствованія. Онъ былъ самый давній вѣнценосецъ изо всѣхъ вѣнценосцевъ Европы и представитель до-Іюльскаго порядка. Старики: Меклембургъ-Стрѣлицкій, Виртембергскій, Бельгійскій и Прусскій отшатнулись отъ него и не могли найти въ немъ сочувствія. Только Декабрь 1851 года ихъ сблизилъ. Иностранцы и будущіе историки, пожалуй, скажутъ, что мы даже не понимали умершаго великаго человѣка.... Но вѣдь они, при жизни его, роптали на вліяніе Русское.... Умирая, Государь сказалъ Наслѣднику, что желалъ оставить Имперію устроенною внутри и огражденною извнѣ.... Въ городѣ носятся слухи, что Луи-Наполеонъ убитъ, въ Лондонѣ бунтъ. Къ сожалѣнію, изъ Крыма ничего нѣтъ. Кн. Меншиковъ больной уже оставилъ Севастополь, пожертвовавъ 200 т. р. Ему отданъ домъ на Англійской набережной. Изъ обнародованныхъ свѣдѣній о болѣзни покойнаго Императора видно, что Евпаторійское дѣло произвело на него сильное впечатлѣніе. Иностранныя газеты называютъ кончину Императора «catastrophe, événement foudroyant»... У насъ тоже говорятъ о насиліи, объ отравѣ. Медики находятъ способъ леченія доктора Мандта совершенно произвольнымъ. Я думаю, что сильнаго человѣка убили событія и боюсь, чтобъ и у насъ отнынѣ событія не сдѣлались сильнѣе людей.

Сегодня перенесли тѣло въ Петропавловскій соборъ, и я сейчасъ вернулся отъ церемоніи. Мы съ 8 часовъ ждали въ душныхъ комнатахъ Главнаго Штаба, приготовляясь, въ мундирахъ, къ морозу въ 9 градусовъ. Объявили, что дозволяется идти въ шинеляхъ. Государь и генералы были въ мундирахъ. Никакого порядка. Ни мѣстъ не знали, ни рядовъ не соблюдали. О грусти и торжественности не было и помину.... Кромѣ войны полиціи съ толпою никакихъ происшествій, кажется, не было. Публики въ окнахъ домовъ было множество, на улицахъ страшная давка.... Толки и толки объ ожидаемыхъ перемѣнахъ. Думаютъ объ удаленіи Бибикова и Брока. Но тогда усидитъ ли графъ Киселевъ?... Я шелъ съ вице-директоромъ Военнаго Министерства Устряловымъ и съ и. д. оберъ-прокурора Св. Сунода Карасевскимъ. Разговоры были живые, и собраніе походило всего меньше на похороны. Иностранные листы полны извѣстіями о смерти Государя. Разсказъ о послѣднихъ минутахъ разнствуетъ отъ напечатаннаго въ Русскихъ (написано В. И. Панаевымъ). Разговора съ Императрицей, о слезахъ, о насморкѣ, о словахъ къ Наслѣднику нѣтъ ни въ Нѣмецкихъ, ни во Французскихъ газетахъ. Есть, что болѣзнь развилась отъ

безсонныхъ ночей, что безпокойство было постоянное. «Es ist wahrhaft übermenschlich was bei seiner Individualität der Herr im Laufe der letzten Jahren moralisch gelitten und gekämpft hat, wie jeder blessirte Soldat ihm Stich in's Herz war» *), говоритъ Нѣмецъ, и весьма вѣрно. Онъ могъ бы еще прибавить, что война была непопулярна въ Петербургѣ. Весьма можетъ быть, что Николай, прощаясь съ камерфрау Рорбекъ, благодарилъ ее за попеченія о Государынѣ Императрицѣ и прибавилъ: «und grüssen Sie mir meinen lieben Peterhof **). На слова Императрицы, что она желала бы съ нимъ вмѣстѣ отойти, Государь сказалъ: «Нѣтъ, оставайся здѣсь, береги свое здоровье, чтобы быть связью всего семейства.» Послѣднія слова были, говоритъ Пруссакъ: «Dites à Fritz de rester toujours le même pour la Russie et de ne pas oublier les paroles de papa» ***). Это справедливо. Говорятъ, что умирающій передалъ эти слова королю по телеграфу; король будто бы отвѣчалъ: «помню слова отца и прошу быть спокойнымъ»...

Замѣчательна рѣчь новаго нашего Государя дипломатическому корпусу. Но о какомъ Священномъ Союзѣ говоритъ Императоръ? Его можно было подозрѣвать до 1848 года; съ того же времени Пруссія, какъ Англія въ 1815 г., не можетъ считаться въ немъ. Вѣнскіе трактаты порвались еще съ 1830 года, Канингъ и Англія нанесли этому началу ущербъ незалѣчимый.... Пусть уничтожится этотъ союзъ въ могилѣ Николая, который понялъ безнравственность эпохи 1830 годовъ... Геніямъ человѣчества надо указать на развитіе другими путями и постановить порядокъ взаимныхъ отношеній государствъ, основанный не на одномъ огражденіи неприкосновенности правъ престоловъ. Николаю это было трудно, Александру II-му легче.... Обстоятельства принудятъ. При непомѣрномъ развитіи силъ, событія сдѣлались могущественнѣе лицъ, и руководительныя правила не обнимаютъ раздробившееся поприще развитія.... Политика, бывшая доселѣ искусствомъ, умѣніемъ, находчивостью, взошла на степень науки, противъ которой спорить нельзя, особенно при гласности.

Сегодня были похороны. Я, стоя на Невѣ, противъ крѣпости, слушалъ страшный грохотъ пушекъ и ружей, провожавшій нашего громкаго, воинственнаго Императора. По возвращеніи изъ крѣпости, мы читали слово, сказанное протопресвитеромъ Бажановымъ... На

---

*) Дѣйствительно, то что̀ перепесъ и съ чѣмъ морально боролся Государь въ послѣдніе годы, выше силъ человѣческихъ: каждый раненый солдатъ былъ для него ножемъ въ сердце.

**) И поклонитесь за меня моему милому Петергофу.

***) Скажите Фрицу, чтобъ онъ оставался въ прежнихъ отношеніяхъ къ Россіи и не забывалъ словъ отца.

смерть Государя написано уже много стиховъ. Шевырева, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, едва ли не первые. Вотъ лучшее: 18 Февраля 1855 года.

Когда межъ насъ являлся онъ
Какъ ратникъ, вѣчно на походѣ,
Всегда, какъ будто удрученъ
Заботой о своемъ народѣ;
Когда свой взоръ онъ къ намъ склонялъ,
На сквозь имъ душу проникая,
И въ сердцѣ каждаго читалъ
Или коря иль одобряя:
Смущался каждый передъ нимъ! и т. д.
Ты правъ, о Труженикъ великій,
Съ рыданьемъ нашимъ надъ тобой
Звучатъ воинственные клики,
Да слышитъ врагъ земли родной,
Подъ похоронныя молитвы,
Гремя мечами мы зовемъ:
Царь, повели, мы жаждемъ битвы
И побѣдимъ или умремъ
Подъ Александровымъ орломъ!

Прочія стихотворенія еще слабѣе этого. Говорятъ, послѣдній стихъ объ Александровомъ орлѣ прибавленъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Норовымъ. Довольно хорошо здѣсь выраженъ взоръ, всегда умный и проницательный, карающій и одобряющій. Всего лучше описана смерть:

Онъ палъ, онъ палъ! Языкъ нѣмѣетъ,
Въ испугѣ вѣрить умъ не смѣетъ!
Онъ палъ во цвѣтѣ силъ, красы,
Труда не кончивъ начатаго.
И равновѣсья міроваго
Ужель не дрогнули вѣсы?
Онъ палъ; но палъ какъ жилъ: мгновенья
Не оробѣлъ предъ смертью онъ.
Покоренъ волѣ Провидѣнья,
Презрѣвши боль, сдавивши стонъ,
Преемнику бразды правленья
Спокойной, твердою рукою
Одну вручилъ онъ за другою!

Николай I дѣйствительно умеръ съ большимъ присутствіемъ духа и съ большою нѣжностью къ Государынѣ. 14 Декабря и 18 Февраля славнѣйшіе дни въ жизни этого Монарха.

Въ дополненіе къ воинственному манифесту 19 Февраля, къ словамъ, сказаннымъ гвардіи, дворянству и дипломатическому корпусу, сегодня въ церквахъ читали не менѣе воинственное посланіе Святѣйшаго Сѵнода о защитѣ церкви, престола и отечества съ намеками въ текстахъ на лукавыхъ сосѣдей и съ повтореніемъ текста, сказан-

наго покойнымъ Государемъ: «на Тя уповахомъ, да не постыдимся во вѣки». Посланіе, неизвѣстно чѣмъ вызванное и напоминающее времена Дмитрія Донскаго, Пожарскаго, Минина и 1812 года. Все это хорошо, но не далеко ли заходимъ мы? Ополчая и приходскія церкви, не пробудили ли мы ожиданія и требованія свыше мѣры и болѣе необходимаго? Орудія эти опасны.

Рескриптъ Адлербергу - отцу есть соединеніе всего что́ только можетъ быть лестнаго для человѣка, министра и подданнаго. На привѣтствіе обращенное къ гвардіи и гренадерамъ отвѣчали генералъ-адъютанты: Сумароковъ, Плаутинъ, Арбузовъ, Витовтовъ изліяніемъ вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ. Графъ Перовскій надѣлъ мундиръ императорскихъ стрѣлковъ. Обѣщаютъ военнымъ красные панталоны. Манифеста милостиваго ждутъ, но позднѣе. Я получилъ уголовные приговоры, утвержденные Государемъ 20 Февраля. Теченіе дѣлъ идетъ порядкомъ. Говорятъ о перемѣнѣ министровъ, особенно Клейнмихеля, Бибикова и Брока. О Джонѣ - Росселѣ изъ Вѣны пишутъ, «qu'il est très coulant» Иностранныя газеты перестали надѣяться на близкій миръ. Много ругаютъ Пруссію. Изъ Крыма, кромѣ мелочей ничего нѣтъ. Кн. Менщиковъ 23 Февраля прибылъ въ Симферополь. 24 въ Крыму еще не знали о смерти Государя. Все еще только и толковъ, что́ о красныхъ панталонахъ. Впрочемъ, вопросъ о панталонахъ важнѣе нежели кажется, и искренно желательно, чтобъ онъ, уровнявъ и смѣшавъ насъ и военныхъ, высшихъ и низшихъ, пріучилъ общество къ бо́льшему уваженію личности.

Вопросъ о мирѣ во всѣхъ газетахъ. Patrie, Débats и Indépendance объясняютъ, что для мира взятіе Севастополя не есть и не было необходимымъ условіемъ. Взятіе апрошей 10 (22) Марта съ значительною потерею для Французовъ едва ли измѣнитъ это общее желаніе мира. Партіи во Франціи и Германіи стараются разъединить и поссорить Францію и Англію, выставляя преобладаніе первой и невыгодное положеніе второй, умышленно данное ей Крымскими генералами. Я думаю, что миръ такъ желателенъ, что три императора готовы съѣхаться въ Вѣнѣ, гдѣ и теперь на конференціяхъ, по газетамъ, очень податливы. Но я сомнѣваюсь, чтобъ миръ въ настоящемъ положеніи дѣлъ могъ быть проченъ. Его желаютъ, потому что война никому не удалась, потому что она сто́итъ дорого и вездѣ привела къ долгамъ, а главное потому, что позади этихъ фалангъ, гибнущихъ и разстроенныхъ, поднимается стоглавая демократія, готовая требовать отчета въ видѣ общаго осужденія неспособныхъ правителей. Событія не подчиняются личнымъ и правительственнымъ предначертаніямъ и берутъ верхъ надъ людьми. Какой-то фатумъ въ народныхъ тучахъ,

покрывающихъ политическій горизонтъ. Кто будетъ доволенъ миромъ? Никто. Война изъ внѣшней сдѣлается только внутренней.

У насъ все толки о панталонахъ, о султанахъ и полукафтанахъ. Многіе говорятъ, что мѣра эта принята для отвода, чтобъ въ тихомолку приготовить преобразованія болѣе важныя. Едва ли это такъ. На преобразованія нынѣ рѣшаться трудно, ибо событія увлекаютъ невольно, приводя далѣе предположеннаго.... Страхъ сильнѣе увѣренности, и съ непомѣрнымъ развитіемъ частныхъ, особенныхъ и мѣстныхъ условій государственная геніальность сдѣлалась очень рѣдкою, чтобы не сказать невозможною. Мы, умы ограниченные, привязались къ одному началу и рабски держимся его, «началу порядка»; но, близорукіе, мы не понимаемъ, что сохраненіе одного порядка, т. е. тишины и безпрекословности, есть отсутствіе живаго начала и что подъ этимъ наружнымъ порядкомъ скрываются такой безпорядокъ, безначаліе, безнравственность, которыя непремѣнно, которыя непримѣтно, измѣнятъ понятія и названія, такъ что самыя положительныя истины, при вынужденой привычкѣ къ терпимости и недобросовѣстной изворотливости, сдѣлались относительными и тянутся, утончаются до такой степени, что ими ничего связать нельзя.

Неблагодаренъ и не стоитъ довѣрія вѣкъ нашъ. Едва похоронили Государя, какъ начались толки, пересуды и порицанія открытыя, и при томъ лицами мелкими, личностями, которыя пресмыкались и не смѣли дозволить себѣ рта разинуть. Сегодня такъ говорилъ со мной директоръ канцеляріи М. И. Топильскій, сидя у князя Дмитрія Оболенскаго и пересказывалъ о такихъ же отзывахъ графини А. А. ...-ой. Впрочемъ, тутъ удивляться нечему. Память Николая, если найдетъ оправданіе, то у историковъ за его стремленіе къ единству; современники были стѣснены этимъ стремленіемъ.

*

Съ 26 Марта по 16 Апрѣля я жилъ въ Москвѣ, гдѣ, отправясь въ деревню, остановилась жена за разлитіемъ рѣкъ. Опять я слышалъ звонъ сорока сороковъ и трезвонъ Москвичей, въ которыхъ необузданность толковъ, требованій, мнѣній съ перемѣною царствованія еще болѣе усилилась. Тамъ къ кончинѣ великаго Государя отнеслись равнодушно. Много пересудовъ и лишнихъ словъ.

Отъ новаго Государя и его совѣтниковъ ожидаютъ: усиленія Русскаго элемента, учрежденія чего-то въ родѣ земской думы, ограниченія чиновничества, отмѣны инвентарей, уничтоженія III-го Отдѣленія, жандармовъ. Военныя дѣла и конференціи остаются въ сторонѣ. Хотя бомбандированіе Севастополя, отказъ отъ 3-го пункта гарантій, прекратившій Вѣнскія совѣщанія и это тріумфальное путешествіе Фран-

цузскаго пройдохи въ Англію и приготовленіе къ поѣздкѣ на Востокъ (или на Сѣверъ?) способны заглушить самыя важныя ожиданія: какое-то головокруженіе и презрѣніе къ настоящему, какая-то безотчетная нетерпѣливость и неопредѣленное вѣрованіе окружаютъ Москвича въ его праздной сферѣ. Точно онъ ищетъ на что опереться и, не находя, ждетъ, что опора явится, заранѣ будучи увѣренъ, что опора эта не въ правительствѣ. Явись великая опасность, Москвичъ будетъ искать спасенія внѣ правительства. Ополченіе для него не дѣло патріотизма, а наемъ. Онъ, какъ выражается А. П. Ермоловъ, набираетъ офицеровъ для своихъ баши-бузуковъ изъ толпы Иверскихъ приказныхъ чиновниковъ и словами Бѣлинскаго, на Французскомъ діалектѣ, называетъ ихъ «la bande des voleurs».

Иное въ Петербургѣ ..... Награды 27 Марта интересуютъ всѣхъ. Игнатьевъ и Бибиковъ настаиваютъ на инвентаряхъ, «проклятыхъ инвентаряхъ», говоритъ Юл. Вас. Шереметева. О національныхъ преобразованіяхъ управленія разсказываютъ тихо, думаютъ медленно, надѣются слабо. Сегодня я долго сидѣлъ и говорилъ съ В. А. Шереметевымъ, очарованнымъ разными назначеніями, о которыхъ ходятъ толки .... Онъ много говорилъ мнѣ вообще о тайнахъ, напоминая старое выраженіе: «en Russie tout est mystère, rien n'est secret. Особенно смущаетъ его всплывшій вопросъ объ инвентаряхъ и разорительность для имѣній двухъ наборовъ и ополченія. Это справедливо, и я боюсь, чтобы эти огромныя силы, за неимѣніемъ врага, не ополчились противъ своихъ, возвратясь вольницей въ бѣдныя свои хижины.

Другое было у графа Панина. Онъ очень интересовался Московскими толками, которыхъ, по неопредѣленности ихъ, я не могъ ему передать. А главное, ему хотѣлось знать о Ермоловѣ. Очевидно, что въ Петербургѣ его боятся и положительно думаютъ, что онъ мечтаетъ о главномъ командованіи. Милиція Московская дѣло второстепенное; она же сформирована, особенно относительно офицеровъ, очень дурно. Графъ Панинъ успѣхъ выбора Ермолова приписываетъ неумѣнью Закревскаго. Я объяснилъ, что Закревскій сдѣлалъ, что могъ и что выборъ опальнаго есть выраженіе оппозиціи. Доказательствомъ служитъ выборъ его же въ Петербургѣ и невыборъ его въ его деревнѣ въ Орлѣ, когда императора Николая не было уже на свѣтѣ. Повидимому, военныя дѣйствія могутъ получить огромное развитіе, и тогда имя Ермолова, въ Москвѣ и за Москвой очень громкое, будетъ и произнесено первое въ дни опасности. Алексѣй Петровичъ старъ, тяжелъ и, конечно, во многомъ поотсталъ; но его еще станетъ на время опасностей; да и при томъ тогда бываютъ нужны не столько силы, сколько довѣріе, а довѣріе толпы, массы къ Ермолову весьма сильно.

Письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову о положеніи края распространено болѣе другихъ листовъ. Оно въ самомъ дѣлѣ замѣчательно, особенно по отвѣту (сочиненному въ штабѣ князя Варятинскаго графомъ Владимиромъ Сологубомъ). Муравьевъ желченъ, и накопившаяся желчь изливается по поводу замковъ и городовъ въ Чечнѣ самымъ непритворнымъ образомъ. Письмо его исполнено противорѣчій и очень поверхностно. Отвѣтъ написанъ съ достоинствомъ, и особенно хорошо заключеніе. «Дарованій встрѣчаемъ здѣсь болѣе, нежели въ Россіи; но все погрязло въ лѣни и усыпленіи», говоритъ Н. Н. Муравьевъ. Все это можно сказать вообще о Россіи, и хотя генералъ Муравьевъ слыветъ за весьма способнаго человѣка, но едва ли онъ въ состояніи удостовѣрить, что на Кавказѣ дарованій болѣе, чѣмъ въ Россіи. Генералъ Муравьевъ слишкомъ долго ждалъ и потому слишкомъ скоро хочетъ. Понятія 1816 года Кавказу не по плечу, и если Муравьевъ къ нимъ обратится, то едва ли избѣгнетъ, какъ онъ самъ говоритъ, «нареканія всего населенія».

Дѣла не двигаются ни впередъ, ни назадъ. Все зависитъ отъ хода событій въ Крыму. Наполеонъ туда не ѣдетъ, не надѣясь на вѣрный успѣхъ. А толпа, а эта демократія между тѣмъ растетъ, развивается, уставляется. Она, нетерпѣливая, уже думала было приступить къ дѣлу, низвергнувъ своенравнаго своего представителя; но ей не удалось: вѣрно еще часъ не насталъ и не переполнилась чаша.

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». А грустно особенно наше внутреннее управленіе. Эти дни я часто имѣлъ переговоры съ министромъ графомъ Панинымъ. Что занимаетъ этихъ господъ? Или они скрываютъ, или имъ нечего скрывать. Они не видятъ или не хотятъ видѣть, что общественные вопросы переходятъ отъ правительства въ общество и что оно при всякомъ случаѣ выражаетъ мнѣніе противное правительству. Послушали бы эти господа, что говорятъ о наградахъ, о рескриптахъ и т. д. Боятся они, чтобъ вызванный обстоятельствами во главу командованія Ермоловъ не сдѣлался диктаторомъ? Напрасно. Онъ уже старъ. Боятся, чтобъ Н. Н. Муравьевъ не помрачилъ своихъ свѣтлѣйшихъ предмѣстниковъ. Напрасно. Свѣтлѣйшіе уже помрачены, и Муравьевъ слишкомъ педантъ, чтобъ сдѣлаться національнымъ. Надобно бояться крѣпостнаго права, надобно бояться ложной литературы отъ цензуры, надобно бояться недовольныхъ, имя же имъ легіонъ. Какъ не убѣдятся до сихъ поръ, что право есть власть, сила, что все держится, покоится и утверждается на правосудіи и что самый опасный врагъ власти есть неразумное, дурное и злое употребленіе ея. Не то одно, что злоупотребленіе мало по малу вызываетъ противодѣйствіе, ослабляетъ достоинство и запуты-

ваетъ понятія о должномъ и честномъ; но самое рабское исполненіе велѣній власти непримѣтно установляетъ такія новыя отношенія, учрежденія и обряды, которые стѣсняютъ, ограничиваютъ и обезсиливаютъ эту власть. Мы разсуждали на дняхъ о дѣйствіи милостиваго манифеста 27 Марта 1855 года. Его писалъ скорый и самонадѣянный графъ Блудовъ и въ аналитическихъ подраздѣленіяхъ напуталъ такъ, что и распутать трудно. Подраздѣливъ милуемыхъ на подсудимыхъ (прощаемыхъ), на осужденныхъ и наказуемыхъ (облегчаемыхъ), редакторъ смѣшалъ понятія о неокончательныхъ и окончательныхъ рѣшеніяхъ; забылъ упомянуть о сословіи чиновниковъ, забылъ о женщинахъ, о несовершеннолѣтнихъ, пропустилъ отдачу въ солдаты и т. д. Что это за милости, и согласны ли онѣ съ правосудіемъ, съ требованіями общества и съ огражденіемъ самой власти?

Другой предметъ разговора—это крѣпостное право. О немъ говорятъ вслѣдствіе введенія инвентарей въ Бѣлоруссіи. Право это слабѣетъ и подмывается самымъ безпокойствомъ объ его учрежденіи, а каждый день, каждый часъ приближаетъ его уничтоженіе, если не примутъ мѣръ дать ему соотвѣтствующее времени значеніе. При покойномъ государѣ много думали и рядили объ этомъ правѣ, предполагая сперва прямо отмѣнить его, потомъ расширить пути освобожденія; наконецъ, въ 1848 году, остановились на предоставленіи крѣпостнымъ нѣкоторыхъ правъ собственности и на опредѣленіи ихъ взаимныхъ со владѣльцами обязанностей. Это инвентари. Тутъ началось развитіе крестьянскаго права противъ помѣщичьяго, и въ защиту послѣдняго—надобно сказать, система недобросовѣстная и нераціональная. Въ Петербургѣ вздумали опредѣлять мѣстныя отношенія, и опредѣленія эти во многихъ случаяхъ могли казаться нарушеніемъ правъ собственности. Вмѣсто уясненія правъ крестьянъ вѣрнѣе, кажется, было бы уяснить право помѣщика въ точнѣйшемъ опредѣленіи его обязанностей къ крестьянамъ. Это была моя мысль. Для инвентарей теперь не время: и Государь, и Совѣтъ будутъ противъ. Они измѣнены, обрѣзаны и сдѣлались изъ полумѣры четверть-мѣрою.

Прочелъ я акты Вѣнскихъ совѣщаній. Они замѣчательны; но уже содержаніе четырехъ пунктовъ, составившихъ программу этихъ совѣщаній, представляло непреоборимыя затрудненія въ томъ, что хотѣли дать самостоятельность и постоянную крѣпость распадающемуся тѣлу Турціи. Соперничество державъ, столь бдительное нынѣ—добить имперію Солимановъ трактатами. Нынче свяжутъ руки султану, завтра ноги и когда султанъ упадетъ, будутъ спрашивать, какъ же онъ не поддержался. Связаннаго—его понесутъ Англія и Франція, кажется, надолго основавшіяся на Востокѣ. Затрудненія обѣихъ державъ и не-

рѣшительность Крымскихъ военныхъ препріятій заставили принять «совѣщанія» за конгрессъ. Державы прислали двухъ значительныхъ министровъ: Джона-Росселя и Друенъ-де-Люиса, которые съ Али-пашею, въ сообществѣ съ даровитыми Буркене и Прокешъ-Остеномъ, и дѣйствительно составили бы конгрессъ, еслибъ Друенъ-де-Люисъ умѣрилъ свое диктаторство, и еслибъ мы прислали не второстепенныхъ лицъ, каковы князь Горчаковъ и Титовъ. Уступка первая, о княжествахъ, весьма важна. Уступка вторая, о Дунаѣ, почти равна отчужденію; и эту жертву конечно исторгла у насъ Австрія. Говорятъ, что мы дали знать Германіи, что, каковы бы ни были послѣдствія совѣщаній, два эти условія Россія признаётъ отнынѣ обязательными. Говорятъ, что это все очень ловко: мы обезоруживаемъ Германію и удовлетворяемъ Австрію. Можетъ быть. Но уступки очень важны и очень унизительны. Третій пунктъ, главнѣйшій, послужилъ къ разрыву конференціи. Мы всю важность полагали въ томъ, чтобъ настоять: запишите, что мы предлагали и то и се; запишите, что мы послѣдніе внесли проектъ о соглашеніи и слѣдовательно не мы были причиною разрыва. Точто дѣло идетъ о срокахъ или чиновничей отпискѣ. Меморандумъ князя Горчакова съ выписками изъ Фикельмона и маршала Мармона и съ раздражительными упоминаніями о Тунисѣ и Аденѣ, говорятъ, писанъ въ Петербургѣ. Чего они хотѣли и что́ мы предлагали? Они хотѣли уравнительнаго уменьшенія морскихъ силъ Турціи и Россіи. Есть ли какой нибудь смыслъ уравнивать насъ съ Турціей? Наши непокорныя Азіатскія провинціи, обширность нашей торговли и отдаленность отъ Петербурга, конечно, требуютъ на Черномъ морѣ для насъ болѣе кораблей, нежели для Турціи. Въ томъ-то и заключается несправедливость восточнаго вопроса, что какъ поводы его, такъ и самый предметъ не имѣютъ правильнаго и твердаго основанія. Учредить опеку и предоставлять самостоятельность, говорить за Турцію и думать, будто говоритъ Турція, поддерживать слабаго ослабленіемъ сильнаго—показываетъ, что въ дѣйствіяхъ союзниковъ по крайней мѣрѣ нѣтъ прямоты и искренности. Четвертый пунктъ, объ огражденіи интересовъ христіанъ, не дошелъ до разсмотрѣнія. И слава Богу! Мы готовы были выдать ихъ головою и, проповѣдуя дома, на площадяхъ и въ селахъ, православіе, уступили бы со-православныхъ покровительству католиковъ и Англичанъ. Хотя графъ Нессельроде и пишетъ, что четвертый пунктъ долженъ быть поставленъ первымъ, но впечатлѣніе на Востокѣ не могло быть въ нашу пользу: мнѣ не легче отъ того, что меня продали бы не первымъ, а четвертымъ на бывшихъ торгахъ въ городѣ Вѣнѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА

1855-й годъ *).

Май — Октябрь.

Кажется, мы не отстоимъ Севастополя. Больно и грустно! Страшные убытки, нами терпимые, вознаграждаются въ нѣкоторой степени огромными расходами союзниковъ. Побѣда наша важна будетъ тѣмъ, что исполнитъ ожиданія народовъ, напряженіе которыхъ таково, что неудача разметала бы въ разныя стороны нынѣшнія правительства Англіи и Франціи и утвердила бы убѣжденіе въ нашей силѣ и прочности. Если, не смотря на ихъ усиленные способы и помощь Австріи, мы останемся непобѣдимыми, толпа во Франціи и Англіи заговоритъ и потребуетъ преобразованій устами новыхъ Робертъ-Пилей, болѣе важныхъ и радикальныхъ, нежели на митингѣ Лондонской таверны. Лорда Пальмерстона узнать нельзя; удаленіе Друенъ-де-Люиса и объяснить трудно; перемѣщеніе Канробера въ подчиненные Пелисье—все показываетъ, что союзники въ необыкновенныхъ затрудненіяхъ и что взятіе Севастополя будетъ для нихъ передышкой...

Дѣла принимаютъ все болѣе и болѣе грозный видъ. Союзники сближаются къ Севастополю, они заняли Керчь, флотъ ихъ, въ числѣ 20 судовъ, передъ Кронштадтомъ у Красной Горки. Они объявили, что флагъ не покрываетъ поклажи. Австрія составила для Россіи новый ультиматумъ, уже сообщенный въ Парижъ и Лондонъ. У насъ, кромѣ набора стрѣлковъ и ополченій, учреждаются Малороссійскіе полки козачьи. Но чего это все стоитъ? Но какъ успокоить потомъ столь сильно возбужденныя повсемѣстно требованія?—Надняхъ читаютъ повелѣніе: такого-то офицера освободить отъ производимаго съ него взысканія, обезпечиваемаго имѣніемъ его жены. Между нашими нищожными стариками это произвело довольно гласный ропотъ. Надняхъ слушается дѣло между Рязановымъ и Голубковымъ о золотыхъ пріискахъ. Оберъ-прокуроръ, любезный Полячекъ Л—ій, по внушеніямъ, далъ предложеніе, ни съ того ни съ сего, противъ воли казны и вопреки мнѣнія министра финансовъ, взять пріиски въ казну, т. е.—

*) См. выше, стр. 249.

отдать камерфлейлинѣ Т... Старики наши закричали и кричали довольно громко... Сидя съ ними и слушая ихъ крикливыя брани на графа Панина за назначеніе присутствовать въ вакантное время, слушая затѣмъ толки и пересуды ихъ, болѣе нежели когда-нибудь громкіе о невѣжествѣ нашихъ военныхъ распорядителей, я желалъ представить себѣ ликъ покойнаго Государя: ликъ строгій и могущественный, передъ которымъ смирялась и стихала буйная челядь, чувствующая теперь, что узда понемногу ослабѣваетъ... Можетъ быть хорошо, что ничего не отмѣняютъ изъ распоряженій и видовъ Николая; но отъ чего пересуды громче, отъ чего въ воздухѣ новое вѣяніе? Отчего самонадѣянность упорнѣе, посредственность увѣреннѣе? Въ годину бѣдствій недостаточно умѣнья и ловкости навыка: нужна геніальность. Эти крики и эти бѣдствія подчинятся ей; но ея нѣтъ, и не видно. Толкуютъ о какомъ-то Русскомъ направленіи, объ образованіи стараго дворянства, объ осторожномъ просвѣщеніи. Русскій духъ—это степная, заскорузлая жизнь полуварваровъ; старое дворянство—это царедворскіе происки Долгорукихъ (по кончинѣ Петра II-го); осторожное просвѣщеніе—это угнетеніе мысли и народной самостоятельности... Я увѣренъ, что при покойномъ государѣ и въ виду исключительныхъ обстоятельствъ не было бы ни такой гласности, ни такой рѣзкости толковъ.

Мы обѣдали и долго толковали сегодня съ Сафоновымъ и докторомъ Андріевскимъ, двумя ближними боярами свѣтлѣйшаго барина Воронцова. Какое управленіе, судя по ихъ словамъ, какая безпечность въ распоряженіяхъ! Два разсказанные ими случая о пользованіи помѣщичьими лѣсами и о крѣпостномъ правѣ, объ управленіи отобранными церковными имуществами (низшедшими отъ 70 тыс. дохода до 17 тыс.), о «распродажѣ» плѣнныхъ—показываютъ такую безпечность, такое неумѣнье, что удивляешься, какъ еще положеніе дѣлъ остается такимъ, какъ оно есть. Ближайшіе бояре очевидно не разсчитываютъ на всплытіе князя, и конечно тягчайшее наказаніе для него—ихъ разсказы... Это преобразователи края!...

Сегодня, 28 Мая, пришла резервная дивизія изъ Москвы. Это около 25 тыс. человѣкъ съ генераломъ А. А. Обручевымъ; но въ какомъ положеніи?... Не видавъ этихъ людей, трудно повѣрить, до какой степени истощенія должны быть доведены и рекрутскіе участки и запасы: это какой-то сбродъ и сборъ безмундирныхъ. Кто въ фуражкѣ, кто въ киверѣ безъ кокарды; мальчишки лѣтъ по 18-ти, истощенные, невыдержанные; а корпусъ офицеровъ еще того хуже... Пріѣхалъ князь Баратинскій (тотчасъ по отъѣздѣ королевы Виртембергской), ждутъ принца Прусскаго. Вмѣстѣ съ грустными вѣстями читаютъ циркуляры. Нашъ отвѣтъ на ноту гр. Валевскаго написанъ хо-

рошо, но уже не въ прежнемъ духѣ. Онъ признаётъ обязательнымъ все, достигнутое на Вѣнскихъ совѣщаніяхъ и вопросы о княжествахъ и о Дунаѣ считаетъ конченными: преждевременная уступка, обличающая ослабленіе и едва ли достигающая цѣли. Если судить по нотамъ Австрійской 13 Мая и Прусской 23-го, есть какое-то стѣсненіе, замѣшательство и какая-то мечтательность въ разсужденіяхъ о положительныхъ гарантіяхъ и равновѣсіи вообще.

У насъ продолжаются преобразованія въ обмундированіи. Поднимается Донъ поголовно, расходятся дружины ополченія. Нѣтъ надежды на успѣхъ, нѣтъ никакого довѣрія къ полководцамъ; но нѣтъ и слѣда отчаянія и безнадежности, хотя дѣла идутъ чрезвычайно дурно. Слухи назначаютъ гр. Орлова предсѣдателемъ Комитета мин.; на его мѣсто кн. Василія Долгорукова, военнымъ министромъ кн. М. Горчакова, а въ Крымъ Н. Н. Муравьева, на Кавказъ же графа Остенъ-Сакена. Все это возможно, но всѣ это дѣлу не поможетъ, а скорѣе къ недостаткамъ прибавитъ запутанность. Дерутся наши военные превосходно. Нельзя читать безъ удивленія, какъ отважно, съ какимъ самозабвеніемъ терпятъ и переносятъ лишенія наши солдаты и офицеры. Но генераловъ нѣтъ. Повторяется чаще другихъ имя молодаго генерала Тотлебена и только. Указываютъ на Лидерса и Граббе, но они не имѣли случая показать себя. Общій ропотъ встрѣчаетъ всякое назначеніе; точно выродился народъ. Но не слышно ни о какихъ односторонніхъ вліяніяхъ. Поговариваютъ объ образованіи боярскаго дворянства, говорятъ о силѣ Я. И. Ростовцева и И. М. Толстаго. Обстоятельства такъ складываются, что сознаніе національное готово выразиться не въ однихъ стихахъ. Можетъ быть, позабывъ Николаевское раболѣпство, явится кто-нибудь и скажетъ громко и твердо правду... И тогда эта несчастная война обратится въ пользу и будетъ указаніемъ Провидѣнія нашему забвенію.

Стоявшій у Кронштадта флотъ отошелъ верстъ на 40, Азовская эскадра разорила берега и города, осада Севастополя подвигается съ страшными уронами. Успѣхи военные придали бодрости Англійскому министерству, и продолжительные бранные споры, разрѣшились ничтожнымъ, единогласно принятымъ, предложеніемъ Беричга: «Cette chambre, ayant vu avec regret que les conférences de Vienne n'ont pas amené la fin des hostilités, croit de son devoir de déclarer, qu'elle appuyera de tout son pouvoir s. m. dans la poursuite de la guerre jusqu'à ce que s. m., conjointement avec ses alliés, obtienne pour ce pays une paix sûre et honorable. Конечно послѣ рѣчей въ пользу мира правительству было необходимо это предложеніе; но это успѣхъ необходимости, и нравственной опоры въ немъ искать нельзя. Прѣнія

были любопытны и не совсѣмъ осторожны. Австрія и Пруссія имѣютъ право быть ими недовольны, и удаленіе первой отъ дальнѣйшихъ связей съ союзниками едвали невѣроятно... Сколько крови и смерти, какія ужасныя лишенія и пожертвованія! При видимыхъ блескѣ и роскоши сколько невидимыхъ нищеты и крайности! Этотъ переворотъ 1848 г. такъ и гнетъ къ демократіи, обнищанію, изнуренію обществъ. Въ громѣ битвъ и прѣніяхъ мы едва слышимъ голосъ нужды и голода; но съ заключеніемъ мира онъ раздастся и такъ повсемѣстно, что, можетъ быть, радикальныя преобразованія, о которыхъ теперь ни слуху ни духу нѣтъ, будутъ недостаточны для предупрежденія внутреннихъ, гражданскихъ, соціалистическихъ междоусобій. Eundo crescit развитіе общественныхъ началъ въ наше время, и по слѣдамъ идутъ грустныя и злыя послѣдствія за бѣдными и несчастными мѣрами непредусмотрительности и гордыни.

Надобно было видѣть сегодня, какъ принято было извѣстіе изъ Крыма объ отраженіи нападенія или приступа на наши укрѣпленія 6 Іюня. Точно освѣжающая вода коснулась жаркихъ устъ измученнаго жаждою человѣка. Участіе было общее и искреннее. Но точно ли это важное дѣло и должно имѣть значеніе? Князь Горчаковъ пишетъ о смертоносной канонадѣ, о неимовѣрномъ бомбардированіи, о храбрости какъ генераловъ, такъ и солдатъ... Но оробѣлъ ли врагъ, покачнулся, поколебался ли онъ? Дай Богъ! Подождемъ; но извѣстіе было встрѣчено съ радостью.

Послѣ нападенія 6 (18) Іюня, союзники, столь потерпѣвшіе, требуютъ новыхъ подкрѣпленій и приготовляются къ новому штурму и къ новымъ утратамъ. Старикъ фельдмаршалъ лордъ Раглань умеръ. Наступили жары. Кромѣ Севастополя, всѣ берега Чернаго моря опустошаются набѣгами и разбоями особенно со стороны любезныхъ нашихъ подданныхъ Крымскихъ Татаръ. Керчь не существуетъ. У князя Горчакова войскъ довольно; генералъ Муравьевъ дѣлаетъ диверсію на Карсъ. Пора приступить къ чему нибудь рѣшительному. Истощеніе Европы близко. Дороговизна у дверей... Наступитъ неурожай, голодъ: образованная Европа одичаетъ, и тамъ явятся шайки, подобно нашимъ Саратовскимъ, гдѣ на дняхъ поймано 35 разбойниковъ и въ числѣ ихъ 11 дезертировъ, опустошавшихъ окрестности города... По заключеніи мира нужда закричитъ громко и тѣмъ громче, что нынѣ ей слишкомъ много обѣщаютъ, а со временемъ, при множествѣ требованій, слишкомъ мало дадутъ. Опасность настоящая заставляетъ забывать бо́льшую опасность будущую. Въ 1854 г. Гладстонъ не хотѣлъ вести войну, подобно Франціи, на счетъ будущихъ поколѣній, т. е. займомъ, и Англія уволичила налоги. Франція заняла и занимаетъ;

но нынче, предполагая заемъ почти вдвое (750 мил. франковъ), она, слѣдуя системѣ Гладстона, увеличиваетъ и налоги (10%). Но здѣсь нѣтъ погашенія, и это мѣра конечно обоюдо-острая. Непредвидимая случайность можетъ породить величайшія затрудненія. Мы, люди молодые и новые, легче перенесемъ нужду; у насъ вообще солдатъ на половинныхъ издержкахъ: другую половину онъ беретъ тамъ, гдѣ лежитъ плохо. Наше неустройство и нашъ порядокъ, которому помогаетъ и крѣпостное право, очень много содѣйствуютъ военнымъ сбереженіямъ, идущимъ, впрочемъ, частью и въ карманы командировъ: отъ нихъ, говорятъ, изъ Крыма переслано въ банки до 8 милл. р. Для удостовѣренія въ состояніи и способахъ содержанія арміи, вслѣдствіе будто бы жалобы князя Горчакова, посланъ ген.-адъютантъ баронъ Вревскій. Баронъ Вревскій, конечно, немногое откроетъ и хотя бы и открылъ, такъ не то время, чтобы оглашать и обнаруживать.

Знаменитый Штейнъ, въ 1812 году, во дни горестнаго уединенія, когда сердце говоритъ и искренность не запинается, писалъ, между прочимъ, о вторженіи чуждыхъ нравовъ въ Россію и на вопросъ: Sollte es nicht ihrer ferneren Verbreitung Einhalt thun? отвѣчалъ: 1) Man könnte die sehr zweckmässige und bequeme Nationalkleidung, Kaftan, wieder einführen. 2) Der Hof müsste sich einen grossten Theil des Jahres in Moskau aufhalten [1]). Здѣсь не принято въ соображеніе, что главныя управленія не въ Москвѣ.... Единственное огражденіе у насъ порядка это формальность управленія: въ Москвѣ и этого не было бы. 3) Der Umgang der Einländer mit denen fremden Gesandten müsste erchwert werden [2]) Штейну, можетъ быть, хотѣлось, чтобъ сообщеніе было только съ нимъ. Удивительно, какъ этотъ обширный умъ, проницательный и творческій, не нашелъ другихъ, кромѣ этихъ узкихъ и пошлыхъ предположеній; между тѣмъ какъ въ своей Пруссіи, тогда столь ничтожной, великій министръ созидалъ цѣлую систему управленія... Нѣтъ, и геніальному Нѣмцу не по плечамъ Русское государство. Понявшая и усвоившая себѣ Россію, Германка, великая Екатерина управляла страною Русскими силами, и этимъ объясняются прекрасныя ея учрежденія...

Сенаторъ Данзасъ, прочтя статью о раздачѣ земель Канадскихъ легіонерамъ, сообщилъ князю Д. Оболенскому о примѣненіи этой мѣры къ Татарскимъ землямъ въ Крыму, откуда предположено выселить Татаръ. И это предположеніе и эта мысль чисто-Татарскія; и въ томъ

---

[1]) Не слѣдуетъ ли положить преграду дальнѣйшему ихъ распространію? 1) Можно бы снова ввести очень пригодную и удобную одежду, кафтанъ. 2) Дворъ могъ бы большую часть года проводить въ Москвѣ.

[2]) Слѣдовало бы затруднить сношенія мѣстныхъ жителей съ иноземными послами.

и въ другомъ, если только исполнится, какъ думаютъ, мы сто разъ покаемся и раскаемся...

Военныя дѣла наши и союзныя мало подвигаются. Послѣ, черезъ годы, узнаемъ мы, чего стоятъ намъ эти дни знойнаго времени посреди массъ отрытыхъ и полузарытыхъ труповъ. Въ то время, какъ здѣсь флотъ отошелъ отъ Кронштадта, изъ Чернаго моря получена горестная вѣсть: адмиралъ Нахимовъ раненъ... Нахимовъ скончался. Это одинъ изъ героевъ нашихъ, который, говорятъ, незамѣнимъ для флота и отсутствіе котораго будетъ очень чувствительно для обороны Севастополя. Я не знаю, была ли необходимость оставлять моряковъ на бастіонахъ, и не лучше-ли бы было поберечь ихъ для флота, взявъ канониpовъ изъ пѣхотинцевъ. Вотъ три адмирала: Корниловъ, Истоминъ, Нахимовъ. А сколько пало молодыхъ лейтенантовъ и капитановъ, много ли осталось стариковъ-матросовъ, которыми держалась морская семья, столь единодушная и благородная, такъ доблестно отстаивающая свой родной городъ? Смерть адмирала Нахимова опечалила всѣхъ, и общее сожалѣніе сопровождаетъ въ гробъ храбраго адмирала, который пользовался общимъ довѣріемъ, извѣстностью и любовью сослуживцевъ. Онъ любезенъ намъ и за Синопское дѣло, и за его приказы, исполненные разсудительной доброты и предусмотрительной распорядительности.

По мысли нашего статистика и государственнаго человѣка Тенгоборскаго, еще въ 1854 году предполагали основать ежедневный журналъ въ видахъ Русскихъ, чтобы ознакомить Европу съ видами нашего правительства открыто, умно и достовѣрно. Съ начала думали издавать журналъ въ Берлинѣ; но, для избѣжанія подозрѣній по отношенію къ Пруссіи, рѣшились учредить редакцію въ Брюсселѣ. Журналъ называется: «Le Nord» (C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière!) Еще до начала изданія, по требованію Англіи и Франціи, Бельгійское правительство удалило изъ города иностранцевъ-издателей: Нѣмецкаго (не помню имени) и Русскаго г. Погенполя. Это, однако, не помѣшало журналу, и 1 Іюля онъ вышелъ. Программа его проста и весьма откровенна. Программа во многомъ обличающая вліяніе Русскаго редактора, могла бы быть написана пошире и повыше; но для этого нуженъ талантъ, который не согласится издавать Русскій журналъ. И нуженъ-ли этотъ журналъ? Сомнѣваюсь. Прекрасное изданіе «Новой Прусской Газеты» до сихъ поръ не пріобрѣло никакого довѣрія. Для довѣрія нужно дѣло, а не разсужденіе...

Французы острятъ на счетъ своихъ императоровъ.

Dans leur gloires impériales
L'oncle et le neveu sont rivaux:

L'oncle prenait les capitales,
Le neveu prend les capitaux!

У насъ ожидаютъ бомбардированія Кронштадта и, говорятъ, Дундасъ уже написалъ Великому Князю Константину о больныхъ. Елена Павловна присутствовала при операціяхъ въ военномъ гошпиталѣ.

У насъ возстановлены 3-я и 2-я степени Станислава и пожалованіе 3-й ст. Анны безъ статута. Цѣль нашихъ учрежденій увеличить знаки поощреній и раздѣлить ихъ на низшіе, всѣ безъ звѣздъ, до Владимира 3-й степени включительно; средніе—отъ Владимира до Бѣлаго Орла, и высшіе, Александра, Владимира 1 ст. и Андрея. Говорятъ, что и Анну на шпагу будутъ давать гражданскимъ чиновникамъ. Признаюсь, все это непонятно. Теперь ли заниматься этимъ? Франція и Англія завоевали Турцію. Наше вліяніе на Востокѣ угрожается самымъ несомнѣннымъ образомъ. Онѣ только и ждутъ, чтобъ найти исходъ войнѣ и, оставя Севастопольскія развалины, овладѣть Турціей. Лучшимъ устройствомъ управленія, умнымъ учрежденіемъ восточной церкви и гарнизонами въ важнѣйшихъ мѣстностяхъ Турціи онѣ прекратятъ наше восточное могущество. Тогда справляться съ ними будетъ трудно. Не можетъ быть, чтобы жертвуя такъ много и ручаясь въ займѣ, они не думали о чемъ нибудь болѣе важномъ, нежели Крымская экспедиція. Самое молчаніе Славянскихъ племенъ доказываетъ, что сочувствіе къ намъ нашло сильный перевѣсъ, и въ этомъ отношеніи отдаленіе Австріи предоставляетъ событіямъ болѣе свободы, нежели должно допускать дѣйствующее Европейское право. А мы возстановляемъ мелкіе крестики для отличія мелкихъ отъ ничтожныхъ! Мы и замѣтить не хотимъ, что настоящая сила въ образованности, въ развитіи умственныхъ и матеріальныхъ способовъ. Еще годъ, два войны, и наши и ихъ матеріальные способы истощатся, арміи вымрутъ, свободные капиталы израсходуются. Но у нихъ останутся средства сильной, открытой пропаганды образованности, чего у насъ, крестоносцевъ, нѣтъ и для собственнаго обихода.

Министръ предписалъ мнѣ и просилъ заняться изложеніемъ дѣловыхъ замѣчаній на уголовный уставъ (2 ч. XV т.) для сообщенія графу Блудову, который составляетъ новый уставъ судопроизводства въ противовѣсъ составленному имъ Уложенію 1845 года. Повидимому, придуманный покойнымъ Сперанскимъ систематическій пересмотръ законовъ, вмѣсто постепеннаго усовершенія дѣйствующаго Свода, долженъ сохраниться и нынѣ, хотя нынѣшній главноначальствующій коммиссіей законовъ или 2-мъ Отдѣленіемъ государевой канцеляріи имѣетъ и другія постоянныя мѣста и занятія. Въ чемъ же будетъ состоять новость новаго кодекса или устава? Уложеніе 1845 года тоже

внесло много новаго и особенно въ видахъ наказанія преступленій, но выдуманныя графомъ Блудовымъ наказанія (самое важное, временная ссылка въ Сибирь, никогда и вводимо не было) остались при немъ, въ книгѣ, да и тамъ измѣнены въ смыслѣ прежняго, отмѣненнаго XV тома Свода; а новые виды преступленія, давая свободу выбора изъ числа 2500 статей, производятъ такое смѣшеніе, что нерѣдко наказаніе краткимъ арестомъ въ первой стадіи суда оканчивается (въ Сенатѣ) каторгою, или наоборотъ. Дѣло въ томъ, что какъ въ воровствѣ, въ побояхъ, такъ и въ убійствѣ и грабежѣ редакторы смѣшали роды съ видами, признаки существенные со случайными. При такомъ законѣ и тѣсныхъ предѣлахъ судебной власти, какъ приступить, въ новомъ уставѣ, къ самому главному исправленію устава: къ расширенію подсудности первой степени, чтобы дѣла не оканчивались смертію подсудимаго, или манифестомъ, или новымъ преступленіемъ? Какія ограженія представляютъ эти суды? Гдѣ наши способы производства слѣдствій? Гдѣ грамотные показатели и свидѣтели? У насъ мало, весьма мало неправильныхъ осужденій невиннаго, это правда; но это происходитъ отъ безпечности слѣдователей и судей и особенно отъ дурной системы доказательствъ, и я не думаю, чтобъ государсто выигрывало отъ этого огромнаго количества освобожденныхъ, оставляемыхъ въ подозрѣніи или слабо наказываемыхъ. Изъ двухъ главнѣйшихъ уставовъ: Англійскаго, примѣненнаго Французами и теперь почти общаго, и другаго Нѣмецкаго, усовершенствованнаго въ послѣднемъ уставѣ Австрійскомъ—который избрать намъ? Ни для котораго нѣтъ достаточныхъ элементовъ....

Въ газетахъ два замѣчательныя извѣстія: Наполеонъ просилъ въ займы 750 милл. франковъ (и уже не демократизируя займа мелкими суммами, какъ въ прошломъ году), и ему дали, страшно выговорить: 3600 милл.! Что это такое? Усиліе ли довѣрія къ власти его? Совсѣмъ нѣтъ. Усиліе не переходитъ границъ до такой степени. Участіе къ начатой войнѣ? Нѣтъ. Во Франціи и Англіи, даже при чувствѣ замѣшаннаго въ дѣло національнаго достоинства, война поддерживается только нелюбовью къ Россіи, и ропоты на нее довольно гласны. Но что же это значитъ? Это желаніе барыша, усиленіе спекуляцій и, особенно, избытокъ капиталовъ (главные подписчики большіе капиталисты). Обиліе и удобство производительности породило капиталы превосходящіе требованія производительности, и эти капиталы, сломя голову, ищутъ помѣщенія. Но все это невѣрно и непрочно.... Другое извѣстіе: Франція просила Австрію участвовать въ войнѣ на Валканахъ, чтобы стоять вмѣстѣ и при Альпахъ. Австрія манила, обѣщала и выжидала и, наконецъ, отшатнулась. Англія объявила, что она образуетъ Итальянскій легіонъ. Какъ? Гдѣ? Для чего?

Высочайшимъ приказомъ 12 Іюля сдѣланъ выговоръ Московскому дворянскому предводителю А. Д. Черткову и всѣмъ членамъ комитета за несоотвѣтственный выборъ офицеровъ ополченія. Что-то скажетъ Москва? По полученному письму это произвело тамъ общій говоръ. Мнѣ кажется, Чертковъ не виноватъ, и едва ли выговоръ не направленъ противъ графа Закревскаго. Покойный государь сердился за выборъ Ермолова, въ чемъ Закревскій вовсе не виноватъ; а виновата, если виновата, многочисленная толпа Московскихъ либераловъ....

Новое царствованіе начинаетъ обрисовываться. Любимецъ Императора князь Барятинскій представилъ письмо своей матери, которая съ прекращеніемъ фамиліи графовъ Орловыхъ проситъ возстановленія этой фамиліи въ семействѣ своего зятя подъ именемъ графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ. Спросили графа Панина, который отвѣчалъ, что, какъ родственникъ, онъ не находитъ никакого препятствія. Государь написалъ на письмѣ: «согласенъ и дать законный ходъ». Теперь министерство юстиціи разсуждаетъ, куда внести дѣло (объ утвержденіи въ достоинствѣ и о дипломѣ или грамотѣ), прямо къ Государю или въ Государственный Совѣтъ. Праздное озабоченіе! Въ Совѣтъ или мимо Совѣта, дѣло уже рѣшено. Но что скажетъ другъ покойнаго императора графъ А. Ѳ. Орловъ? О дѣлѣ этомъ очень много говорятъ.

28 Іюля началось бомбардированіе Свеаборга, продолжающееся третій день. Говорятъ, что и здѣсь безпечность и расплохъ найдены большіе. Непріятель успѣлъ выстроить батарею.... Изъ донесеній генер. Берга видно только, что *они* дѣлаютъ и какъ слабы наши дѣйствія. По письмамъ Карла Майера артилерія наша, морская и крѣпостная, не беретъ и въ половину противъ непріятельской. Въ корабль «Россія», пишетъ онъ, попало до 30 ядеръ, и онъ выведенъ за рейдъ.

Князь П. А. Вяземскій назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія къ Норову ... Я долго бесѣдовалъ съ академиками Миддендорфомъ и Фричемъ. Они плачутъ о положеніи Академіи, гдѣ борьба національностей проявляется на каждомъ шагу, гдѣ президентомъ умирающій графъ Уваровъ.

1-е Августа. Дни бурные; но мы, люди 1848 года, притупились и такъ огрубѣли, что для возбужденія нашего вниманія нужно или колебаніе цѣлаго материка, какъ въ 1848 году, или низверженіе старой династіи могущественнаго государства. Насъ мало поражаютъ и едва занимаютъ событія менѣе важныя, хотя въ другое время они составили бы эпоху. А между тѣмъ событія такія, какъ отстояніе конституціи въ Даніи, въ Испаніи и отстаиваніе ея въ Гановерѣ, отобраніе церковныхъ имуществъ въ Испаніи и Піемонтѣ представляютъ такія явленія, которы и для слѣпаго очевидно доказываютъ, что понятія

1848 г. еще не забыты, еще въ броженіи и дѣйствуютъ. Напоминаетъ это время эпоху маленькой Греціи, когда монархическія учрежденія почти вездѣ и почти современно уступали мѣсто республиканскимъ. О, повелители народовъ, какъ мало поученій извлекли вы изъ исторіи!

Августа 11 еще я посѣтилъ деревню, и чувство глубокаго сожалѣнія еще сильнѣе овладѣло мною при видѣ этого забытаго деревенскаго человѣчества.... Помню я деревню моего дѣда въ моемъ дѣтствѣ. Помѣщики измѣнились, не измѣнились крестьяне. Помѣщики раззорились, ознакомились съ требованіями образованности, выучились поддерживать раззоренныя имѣнья, завели машины, облегчающія труды господскихъ работъ; но крестьянинъ все тотъ же. Онъ пьетъ больше откупнаго вина, больше куритъ табаку и знакомѣе съ картофелемъ; но тѣже лапти, тоже понятіе о церковныхъ поклонахъ, тоже невѣжество. Меня ужасаютъ положеніе этого класса и опасеніе его мщенія во дни пробуждающихъ событій. Страха предъ властію нѣтъ кромѣ страха передъ силой, привязанности къ боярскому семейству и не спрашивай, чувства правды и правосудія законнаго и въ поминѣ нѣтъ. Онъ лжетъ какъ притѣсненный и воруетъ какъ голодающій, избавляясь отъ отвѣта хитростью и не слыша ни въ церкви, ни на сходкѣ словъ внушенія. Всего болѣе жаль дѣтей: они гибнутъ въ младенчествѣ, растутъ криво и болѣзненно и живутъ поскотски. И еще возстаютъ на Дм. Г. Бибикова за инвентари*) и ругаютъ графа Киселева за введеніе новаго общиннаго управленія! И никакой тѣни мѣръ улучшенія. А между тѣмъ какъ это было бы легко и особенно въ настоящее время, когда большая часть имѣній заложена, перезаложена и не продана (не пріобрѣтена въ казну) только потому, что вышло особое повелѣніе: не продавать, а предоставлять всевозможныя льготы....

Какое извѣстіе! Севастополь взятъ. Отъ пораженія къ пораженію мы идемъ съ самаго начала войны и теряемъ и людей, и деньги, и имущество, какъ бы приготовляясь потерять города и провинціи. Три наши князя: Меньшиковъ, Паскевичъ и Горчаковъ, подъ вѣдѣніемъ четвертаго кн. Василія Долгорукова, такъ несчастливы, что невольно даютъ поводъ думать, что въ рукахъ Лидерса, Нахимова и Тотлебена дѣла пошли бы лучше.... 30-го, длинный приказъ о производствѣ Петербургскихъ генераловъ и прапорщиковъ, и все тѣже толки о чинахъ и мѣстахъ, о наградахъ и деньгахъ.... Конечно все это временное; но испытаніе

*) Бибиковъ указомъ 20 Авг. уволенъ. Поводомъ было какое-то Московское раскольничье дѣло. Вмѣсто него назначенъ С. С. Ланской, человѣкъ ума и порядка. Бибикову черезъ графа Орлова сдѣланъ выговоръ за принятіе доноса, отъ чиновника Б—ва, будто не Закревскій, а его дворецкій защищаетъ раскольниковъ.

глубоко чувствительно и еще болѣе глубоко грустно, что и надежда въ будущемъ не опирается ни на чемъ вѣрномъ. Мы, современники, всегда близоруки; но укажи намъ что нибудь сносное, что-нибудь соотвѣтственное настоящимъ обстоятельствамъ или хотя мнимымъ предсказаніямъ, и мы сознаемся въ нашемъ невѣдѣніи.

Князь П. А. Вяземскій Русскимъ перомъ, какъ всегда, написалъ статью, помѣщенную въ 191 № Академическихъ Вѣдомостей и составляющую предметъ общихъ толковъ. Статья написана замѣчательно бойко, въ видѣ журнальной, какъ вообще всѣ акты современныхъ правительствъ. Она начинается порицаніемъ Парижской выставки, неумѣстной въ наше время. Переходя къ Россіи, гдѣ усиленныя военныя дѣйствія не препятствуютъ стройному движенію просвѣщенія и явленіямъ письменной дѣятельности, восхваляетъ наше правительство, такъ поощряющее таланты (Ломоносовъ, Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Батюшковъ, Пушкинъ, Гоголь и др.). Заключаетъ онъ общимъ выводомъ равно замѣчательнымъ и отраднымъ: «Въ нынѣшнихъ тревожныхъ обстоятельствахъ вооруженная и сражающаяся Россія не ослабѣваетъ въ своей ученой и литературной дѣятельности, обращая ее преимущественно на труды самостоятельные, отечественные или имѣющіе общую всемірную цѣну и занимательность... Въ семъ обоюдномъ проявленіи заключаются несомнѣнные признаки духовной силы настоящей Россіи и благонадежный залогъ ея грядущихъ судебъ». Это довольно справедливо: хотя все идетъ дурно, и даже очень дурно, но все идетъ при войнѣ, какъ и до войны. И въ самомъ дѣлѣ, это можетъ служить доказательствомъ, что учрежденія правительственныя окрѣпли, и наружный порядокъ усвоенъ, по крайней мѣрѣ на сколько это возможно въ государствѣ, какъ Россія. Но не подлежитъ сомнѣнію, что война ведется плохо, что участіе въ ней государства и общества ограничивается одними внѣшними обязанностями....

Послѣ перваго впечатлѣнія о взятіи Севастополя, отъ котораго у кого слезы выступили изъ глазъ, у кого ноги подкосились, общественное мнѣніе разражается теперь на нашихъ командующихъ. Основываясь на Французскомъ разборѣ битвы при Черной, наши Русскіе Французы обвиняютъ князя Горчакова въ совершенномъ неумѣніи распоряжаться общими сраженіями. Графа Остена-Сакена (о которомъ давно уже не упоминается въ донесеніяхъ) винятъ въ бездѣйствіи. Никто не знаетъ что предпримутъ и куда обратимся мы и враги наши. Государь уѣхалъ въ Москву, чтобъ помолиться у Сергія и потомъ ѣхать въ Варшаву, куда уже отправился канцлеръ Нессельроде *).

*) Поѣздка въ Варшаву была на этотъ разъ отмѣнена. П. Б.

Теперь, говорятъ, онъ вслѣдъ за Великимъ Княземъ Константиномъ ѣдетъ въ Николаевъ. Горчаковъ ссорится съ Сакеномъ, Паскевичъ съ Сумароковымъ. Хотя Бенедиктовъ и говоритъ, что Англичане и Французы обратились

Изъ всемірныхъ филантроповъ,
Гордой вольности сыновъ,
Въ подкупныхъ бойцовъ-холоповъ
И журнальныхъ хвастуновъ;
Изъ великихъ адвокатовъ,
Изъ крушителей вѣнца,
Въ Пальмерстоновскихъ пиратовъ
Или челядь сорванца....

но эти пираты и эта челядь крупными, крупными буквами извѣщаютъ: «Prise de Sebastopol!» Въ Парижѣ: «Te Deum de Notre Dame», иллюминаціи, даровые спектакли народу. Въ Лондонѣ звонъ во всѣ колокола, молебствія и т. п. Торжество полное, читать оскорбительно. «Умножися на мя неправда гордыхъ!».. восклицаетъ Филаретъ въ Москвѣ 30 Августа, «азъ же всѣмъ сердцемъ моимъ испытаю заповѣди Твоя». Входя въ политику и разсказывая дипломатическія сношенія, знаменитый витія объясняетъ успѣхи враговъ псалмомъ 34-мъ: «не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконія, зане яко трава скоро изсушатъ и яко зеліе злака скоро отпадутъ». Филаретъ указываетъ средства всесильной защиты: «Аще слухомъ послушаете гласа Господа вашего хранити и творити заповѣди Его, предастъ тебѣ Господь Богъ враги твоя, сопротивящіеся тебѣ, сокрушены предъ лицомъ Твоимъ». Но заключеніе проповѣди могло бы быть болѣе знаменательно. «Рече Господь ко Іисусу: согрѣшиша людіе; сего ради не могутъ сынове Израилевы стати предъ лицомъ враговъ своихъ». Дѣло въ томъ, толкуетъ проповѣдникъ, «что Ахаръ изъ добычи Іерихонской взялъ золотой сосудъ, деньги и одежду, что̀ вождямъ было воспрещено подъ клятвою». Эту покражу Ахара очень легко примѣнить къ страшнымъ расхищеніямъ въ Крыму, а проповѣдь говорена въ день 30 Августа, когда пришла въ Москву вѣсть о взятіи непріятелемъ Севастополя. Вѣсть была еще не гласна, но ее знали уже многіе. Проповѣдь Филарета конечно слышана и понята немногими... Пришло время испытанія тяжкаго, потерь, можетъ быть, невозвратимыхъ...

Октябрь. Умеръ графъ С. С. Уваровъ. Это одинъ изъ рѣдкихъ типовъ государственныхъ людей въ Россіи, такъ бѣдной ими по недостатку политическихъ нравовъ въ обществѣ и политическихъ учрежденій въ государствѣ. Прежде дворъ поглощалъ государство, нынѣ государство поглощаетъ общество. Уваровъ началъ свое поприще весьма

рано при дворѣ и, воспитанный поевропейски, какъ, можетъ быть ни одинъ баринъ Русскій не былъ воспитанъ, онъ образовался въ государственнаго человѣка въ годы униженія двора (весьма короткіе), когда преобладаніе Наполеона прислало къ намъ знаменитыхъ иностранцевъ. Связь его со Штейномъ продолжалась до самой смерти послѣдняго. Уваровъ значится въ службѣ съ 1802 года и въ 1810 году былъ уже дѣйствительнымъ камергеромъ. Онъ принадлежалъ къ созвѣздію Дашкова, Блудова, но считалъ себя всегда выше ихъ и держался въ сторонѣ, удаляясь, при неудачѣ, къ ученымъ занятіямъ, давшимъ ему право на президентство въ Академіи Наукъ. Ни высокое положеніе, ни богатая женитьба на графинѣ Разумовской, ни блестящая репутація въ обществѣ не избавили его отъ мелкихъ страстей любостяжанія и зависти, которыя были причиною нелюбви къ нему сверстниковъ, совмѣстниковъ и всего высшаго круга. Настоящее государственное поприще его началось съ 1832 года по назначеніи его товарищемъ, а потомъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ сообщилъ управленію болѣе блеску, нежели прочности и велъ его болѣе съ ловкостью, нежели съ пользою, обработывая систему просвѣщенія болѣе въ отчетахъ, щегольски литературныхъ, нежели на самомъ дѣлѣ, льстилъ Государю трисловіемъ: православіе, самодержавіе и народность. Главнѣйшая его заслуга это—увеличеніе оклада учебному вѣдомству и изданіе памятниковъ отечественной исторіи по мысли Гизо, съ которымъ онъ былъ съ сношеніи. Его никто не любилъ, потому что никто не вѣрилъ его искренности; его никто не уважалъ, потому что равные обвиняли его въ нерѣшительности отъ опасенія повредить своимъ интересамъ, а ученые, потому что знали поверхностность его самохвальныхъ познаній. Лучшее дѣйствіе его есть вынужденное оставленіе министерства въ 1849 году, когда мимо его преобразованы университеты и цензура. Но на могилѣ должны прекратиться мелкія личности, и общій голосъ долженъ отдать справедливость блестящему образованію прекраснаго писателя и ученѣйшаго барина, какого едва ли можно указать прежде и послѣ изъ нашихъ высшихъ фамилій. Біографія его будетъ любопытна. Академія и ученые обязаны написать ее въ память своего благодѣтельнаго начальника....*)

*) Графъ С. С. Уваровъ оставилъ автобіографію, которая въ 1864 году переведена намиъ съ Французскаго подлинника и снабжена примѣчаніями, но до сихъ поръ не издана. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА КАСТОРА НИКИФОРОВИЧА ЛЕБЕДЕВА *).

(Осень 1855-го года).

..... Государь, недовольный комитетомъ Московскаго ополченія, уже прежде сдѣлалъ предводителю дворянства выговоръ, а теперь губернатора Капниста перемѣстилъ въ сенаторы (съ огромнаго оклада на меньшій) и вообще далъ почувствовать дворянству свое неудовольствіе. Отъ предводителя къ губернатору не далеко и до генералъ-губернатора, и я не понимаю, какъ графъ Закревскій не догадается выдти въ отставку. А между тѣмъ какія вѣсти военныя! Теряешь всякое равнодушіе. Сказать, что союзники захватили множество пушекъ, что захвачены огромные запасы .... но Боже мой! неужели не могли отстоять Севастополя? Неужели корпуса Липранди и Сухозанета не могли отвлечь силы, которыя поломали наши защиты. Государь пишетъ Москвѣ, что Россія была въ обстоятельствахъ и болѣе тяжкихъ, но вынесла. Едва ли! Мы въ опасности потерять Крымъ и Черное море. Испанія соединилась съ союзниками. Генералы и армія наша потеряли духъ. Государь ѣдетъ возстановить его, но вѣ время-ли? Мы надѣемся на распространяемые слухи о голодѣ, но оправдаются ли они? Конечно все можетъ перемѣниться, но ничто не поворотитъ нашихъ ошибокъ, и случайныя перемѣны не заставятъ молчать упреки въ неумѣньи, безпечности и бездѣйствіи. Да, время тяжелое, и страшно подумать, что разныя мелочи занимаютъ насъ. Подробности объ увольненіи министра Бибикова не дѣлаютъ чести министру.... Все это напоминаетъ совѣтъ Австрійско-Германскаго императора, обсуждавшій вопросъ, какъ принять Собѣсскаго, когда Турки стояли у воротъ Вѣны.

Въ № 109 «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщена статья М. П. Погодина о пріѣздѣ Государя съ семействомъ въ Москву. «Не до формы теперь и формальностей, не до фигуръ и правилъ риторики. Наслѣдникъ и меньшіе братья его учились въ Москвѣ любить этотъ народъ ..... Нѣтъ, нѣтъ нынѣ народа въ мірѣ выше Русскаго!» Замѣчательны въ этой бойкой статьѣ слѣдующія разсужденія: «Сева-

*) См. „Русскій Архивъ“ 1888, III, 455.

стополь показалъ въ полномъ блескѣ все, что̀ есть прекраснаго и высокаго въ Русской природѣ; но тамъ же увидѣли мы и многіе существенные наши недостатки, особенно въ отношеніи къ Европейской искусственности или вообще къ образованію, которое по всѣмъ частямъ необходимо должно быть у насъ уравнено съ нашими врагами». Замѣчательно, что объ этомъ уровнѣ говоритъ Славянофилъ! Потомъ обращеніе къ Государю: «Государь, ты даруешь намъ много средствъ учиться, воздѣлывать таланты и пр. Мы ожидаемъ отъ тебя новыхъ указаній, возбужденій, поощреній; мы ожидаемъ отъ тебя милости, льготы, наряда! Со внутреннимъ устройствомъ никакіе внѣшніе враги намъ нестрашны». Замѣчательно, что, говоря о Петрѣ, Екатеринѣ и Александрѣ, историкъ ни слова не сказалъ о Николаѣ, а о самомъ вступленіи на престолъ Государя Александра II-го выражается такъ: «Мысль объ этомъ неудобоносимомъ бремени, которое по неисповѣдимымъ предначертаніямъ Промысла пришлось ему вдругъ, паче чаянія, понести на своихъ плечахъ и т. д.». Неужели и эта журнальная статья не могла быть написана со спокойствіемъ и достоинствомъ *)?

Ни о дѣлѣ при Черной, у Ѳедюхиныхъ горъ, ни о штурмѣ 26 и 27 Августа мы не имѣемъ точныхъ подробностей. Опасность несомнѣнна и можетъ быть неминуема. Ну если мы оставимъ Крымъ, когда мы возмемъ его? Бѣдный край! Сердце замираетъ, когда читаешь объ этихъ повсемѣстныхъ опустошеніяхъ. Государство потеряло голову, общество забыло тактъ, семейства въ траурѣ. А исхода не видно. Объ условіяхъ примиренія молчатъ. Ожидаютъ, что мы подадимся. Бѣдствія никогда не внушали намъ уступчивости, и даже въ настоящее время мы упорно будемъ надѣяться на нашу звѣзду, на цѣлость національнаго элемента въ народѣ, на успѣхъ всегда вѣнчающій неослабное постоянство и на запутанность положенія враговъ нашихъ. .... Побѣды бываютъ труднѣе пораженій. Если при послѣднихъ теряютъ голову, то при первыхъ она кружится, и одно другаго не лучше. Читаемъ мы кровавыя подробности 26 и 27 Августа въ рапортахъ Симпсона, Пелисье и князя Горчакова. Неудачи союзниковъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ были причиною неудачи нашей на Малаховомъ курганѣ. Кажется, тутъ нападеніе не соотвѣтствовало отраженію или была оплошность. Взятіемъ Малахова рѣшилась участь Севасто-

*) Статья эта была цѣлымъ событіемъ. Цензура не дерзала ее дозволить къ выпуску; Государь самъ разрѣшилъ ее напечатать. Въ ней М. П. Погодинъ взывалъ о необходимости свѣта знаній. Митрополиту Филарету показалась она рѣзкою, и онъ говорилъ автору: „Развѣ намъ не даютъ свѣта?“ — „Мы ежедневно молимся о хлѣбѣ насущномъ, возразилъ ему Погодинъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы намъ не давали хлѣба“. (Слышано отъ самаго Погодина). П. Б.

поля, къ чему впрочемъ князь Горчаковъ былъ приготовленъ и едвали не приготовилъ войска. У союзниковъ выбыло 12 т., а у насъ 15 т. Ужасная бойня! Самые черные слухи ходятъ о положеніи и расположеніи нашей арміи. Многіе считаютъ положеніе наше въ Крыму невозможнымъ. Многіе ждутъ великихъ пораженій до осени.

Князь Горчаковъ доноситъ все о движеніи непріятеля и о его дѣйствіяхъ на Сѣверную и ничего не говоритъ о нашихъ дѣйствіяхъ. Конечно тайна военныхъ распоряженій не можетъ быть оглашена; но все-таки, послѣ страшныхъ потерь, желательно было бы читать донесенія менѣе лаконическія и знать хотя нѣсколько о духѣ арміи, подверженной столь долгое время геройскимъ, но безплоднымъ испытаніямъ. Защита Севастополя не увѣнчалась успѣхомъ. Здѣсь вина князя Меншикова, не укрѣпившаго Севастополя прежде. Меншиковъ можетъ свалить вину на другихъ, но доселѣ мы въ правѣ винить его. Какъ бы то ни было, защита Севастополя остается превосходнымъ дѣломъ военнымъ и по многочисленнымъ чертамъ геройства нижнихъ чиновъ. Наполеонъ поторопился объявить въ прошломъ году о взятіи крѣпости; но онъ былъ правъ, добавивъ, что вопросъ только во времени. Слѣдовало однако присовокупить: «и въ огромныхъ пожертвованіяхъ людьми и деньгами». Сами враги и безпристрастные свидѣтели отдаютъ справедливость Севастопольскому гарнизону. Гробы указываютъ на участіе моряковъ въ этой славной осадѣ. А несносные указы и приказы о панталонахъ и мундирахъ все еще продолжаются, и нынче читали намъ повелѣніе о замѣнѣ вицмундировъ, которое такъ темно, что его никто не понялъ. Павелъ Варнефридъ разсказываетъ, что король Геруловъ, во время войны съ Лонгобардами, приказалъ донести ему о побѣдѣ, пригрозивъ смертною казнью тому, кто донесетъ о пораженіи. Царедворецъ, или министръ, или деньщикъ, наблюдая съ дерева за ходомъ битвы, кричалъ: «мы побѣждаемъ, мы побѣждаемъ!» Наконецъ онъ вскричалъ: «несчастный король, насъ побѣдили!» Но казнить его уже было не кому: Лонгобарды вломились въ ставку и убили короля. Не такъ-ли кричатъ наши министры: «все въ порядкѣ», боясь не получить креста, аренды или мѣста? Не такъ-ли говорили они Карлу X до Іюля 1830 г., Луи-Филиппу и Фердинанду до Февраля и Марта 1848 г., и у насъ до 18 Февраля 1855 года? На государственныхъ людяхъ нашихъ всегда, и по справедливости, будетъ лежать это обвиненіе въ ропотѣ общества, въ возгласахъ частныхъ лицъ, даже въ письменныхъ осмѣяніяхъ Герцена, Плещеева, Бѣлинскаго. Были попытки и во всеподданнѣйшихъ представленіяхъ Государю. Таковы письмо Сперанскаго изъ Перми 1812 года, письмо барона Штенгеля 1826 года, особенно первое, безкорыстно выражавшее не-

достатки высшаго управленія перомъ одного изъ великихъ его представителей. Но никто не описалъ такъ какъ Гоголь все достойное посмѣянія у насъ, въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ». Вотъ что говоритъ у него одинъ благомыслящій князь, Русскій вельможа, чиновному народу края: .... «Оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже мимо законнаго правленія образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены въ общую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ дѣйствіе дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели къ нимъ другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, пока не почувствуетъ изъ насъ всякъ, что онъ долженъ возстать теперь противъ неправды». Это говорятъ въ Москвѣ.

Послѣ Крымскихъ извѣстій, точно послѣ какой неудачи въ жизни, человѣкъ скучаетъ и недоволенъ собой .. Вотъ Корфа разбили у Евпаторіи, вотъ флотъ подъ Одессой. Назначена коммиссія о Керчи: куда употреблены деньги, на укрѣпленіе гòрода и на завалъ пролива назначенныя? Наряжена коммиссія для изслѣдованія управленія по снабженію Крымской арміи.

Какъ пріумолкли пѣвцы о Святой Руси и святомъ ея назначеніи! Странное дѣло, ни одно государство, кромѣ Азіатскихъ, не имѣло и не высказывало о себѣ такого высокаго понятія про свое могущество и свою будущность, какъ Россія, и вмѣстѣ съ тѣмъ никто такъ не унижалъ нашего характера, какъ представители этого воззрѣнія отъ Петра до Николая, отъ Посошкова до Гоголя. Жуковскій говаривалъ: «Русскій палку любитъ!» Великій Князь Михаилъ Павловичъ сказалъ въ комитетѣ: «Дозвольте Русскому солдату не снимать шапки; онъ васъ столкнетъ съ дороги!» Гоголь безпрестанно это выражаетъ, устами то Селифана, то Хлобуева, то Костанджогло, признавая необходимость понукателя ... Даже въ Исповѣди своей онъ признаётъ за Русскими это свойство: у всякаго, у всѣхъ насъ есть какая-то лѣнь на подъемъ, на работу. Всѣ новые писатели, въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, замѣчаютъ это странное свойство Русскаго человѣка. У Писемскаго (Плотничья Артель) мужикъ говоритъ о слабомъ старостѣ: «Скажи ты ему, чтобъ онъ палку-понукалку не на палатяхъ держалъ, а на полосу временемъ выносилъ; нашъ братъ-мужикъ плутъ! Какъ узнаетъ, что въ передкѣ плети нѣтъ, такъ мало что не повезетъ, а тебя еще осѣдлаетъ»....

Нѣтъ, господа, Русскій не звѣрь какой, и объяснять его нужно не съ Азіатскимъ самообольщеніемъ, а по общимъ законамъ развитія человѣчества и государства. Русскій человѣкъ никогда не зналъ учрежденій, да и нынѣ мало знаетъ ихъ; а народъ воспитывается учрежденіями. Два-три перелома въ родѣ 1812 и 1855 годовъ, и онъ получитъ ихъ. Тогда ваши возгласы будутъ всѣ смѣшны и обидны.

Ничего новаго. Наши Государь и царевичи на Югѣ. У насъ на Сѣверѣ нужда и непогода, внутри непогода и нужда. Ничего не проясняется. Только три рѣчи на сборищахъ въ Англіи, Гладстона, Бульвера и Пальмерстона, выражаютъ торжество и надменныя притязанія. Да; но однако положеніе Востока требовало рѣшительнаго вмѣшательства: несообразно было бы болѣе терпѣть Турецкое угнетеніе, и Европа или Россія должны были взяться за это дѣло.

Циркуляръ министра внутр. дѣлъ отъ 28 Августа предводителямъ дворянства производитъ большое впечатлѣніе и толки. Г-ну Ланскому слѣдовало бы справиться, что предмѣстники его издали два подобныхъ циркуляра, и именно въ 1802 году 16 Октября окружное отношеніе В. П. Кочубея и особенно Д. Н. Блудова 18 Февр. 1832 года, въ которомъ между прочимъ сказано что: «предводители дворянства явятъ себя истинными ревнителями общаго блага, когда Государь Императоръ новыми знаками вниманія и благоволенія къ сему сословію побуждаетъ оное къ новымъ усиліямъ для содѣйствія успѣхамъ его отеческихъ намѣреній, когда Его И. В-во, именуя дворянство первою опорою престола, утверждаетъ и распространяетъ драгоцѣннѣйшее изъ правъ его—благоразумными, безпристрастными выборами охранять правду въ судахъ, спокойствіе въ обществѣ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, наблюдая за ходомъ дѣла, нуждами и состояніемъ края, доводить до высочайшаго свѣдѣнія всякую полезную мысль, всякое предположеніе о мѣрахъ для искорененія злоупотребленій или устраненія въ мѣстномъ управленіи неудобствъ» (см. Сборн. Цирк., ч. I, стр. 185).

Сказавъ о своемъ назначеніи въ министры, Ланской продолжаетъ: «Я не могу не гордиться тѣмъ, что со званіемъ министра вн. дѣлъ сопряжена высокая обязанность быть *представителемъ* у престола Е. И. В. доблестнаго Россійскаго дворянства, издревле знаменитаго своею преданностью къ царственному дому, пламенною любовью къ отечеству и нынѣ, во время тяжкихъ испытаній, одушевленнаго тѣми же возвышенными чувствами. Всемилостивѣйшій Монархъ нашъ повелѣлъ мнѣ *ненарушимо охранять* права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству. Считаю себя счастливымъ передать *о столь великой* милости Государя въ лицѣ вашемъ всему дворянству, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ особенно утѣшительнымъ для меня чувствомъ, удостовѣ-

ряю, что, по собственному, глубоко въ сердцѣ моемъ вкоренившемуся убѣжденію, я всегда почиталъ дворянское сословіе вѣрнымъ сподвижникомъ царской власти и твердою опорою отечества. Вамъ близко извѣстно, какъ многое зависитъ отъ выбора дворянъ на службу, какія священныя обязанности возлагаются на нихъ и сколь тѣсно связано исполненіе сего долга со спокойствіемъ и благосостояніемъ частныхъ лицъ; а потому нельзя не желать искренно, чтобы выборъ въ общественныя должности падалъ на лицъ, носящихъ не одно только имя дворянина, но на тѣхъ, кто по умственнымъ и душевнымъ свойствамъ дѣйствительно *облагораживаетъ* высокое дворянское званіе».

Фразы эти, очевидно, вызванныя мѣрами Перовскаго и Бибикова, довольно звучны и выражаютъ цѣль благую. Но спрашивается: 1) о какомъ дворянствѣ здѣсь рѣчь? О сдѣланномъ герольдіею по чинамъ давности и фавёра, или о разбогатѣвшихъ отпущенникахъ, откупщикахъ и аптекаряхъ? 2) Почему министръ вн. дѣлъ есть представитель дворянства? 3) Почему охраненіе правъ есть высокая милость? 4) Какъ можетъ министръ вн. дѣлъ охранять эти права, когда это, по закону, возложено на Сенатъ? 5) Какая намъ нужда до убѣжденій министра, назначеннаго для исполненія закона? 6) Къ чему выставлять одно дворянство предъ прочими сословіями и особенно въ настоящее время, когда и духовенство, и ученые, и чиновники, и купцы соревнуютъ въ посильныхъ приношеніяхъ? 7) Какой антагонизмъ разумѣетъ г. Ланской? и 8) Знаетъ ли г. Ланской, что̀ такое выборы? Неужели онъ отъ нихъ ожидаетъ облагороженія высокаго дворянскаго званія?

Только военный шумъ, да ропотъ и неудовольствіе на Перовскаго и Бибикова (губернаторство Оренбургское и инвентари западные) не дозволяютъ вникнуть въ смыслъ этого поспѣшнаго циркуляра, имѣющаго всѣ свойства неумѣстной демонстраціи.

Боже мой, вотъ непріятель и въ Кинбурнѣ, вотъ и несчастный штурмъ Карса Муравьевымъ въ Азіи, Муравьевымъ, на которомъ еще нѣсколько успокоивалось общественное мнѣніе; въ Азіи, гдѣ всякое пораженіе вызываетъ предательское нерасположеніе полудикихъ сосѣднихъ державъ! Что же это значитъ? Такъ бы и не смотрѣлъ на это равнодушіе, на эти благотворительные базары, на эти афиши, когда рѣшается вопросъ, можетъ быть, о величіи Имперіи! Бьется сердце, и голова кружится. Напуганное общественное мнѣніе привыкаетъ къ мысли объ отдѣленіи Крыма, опасаясь высказать возможность другихъ лишеній.... Но такое ужасное пораженіе низведетъ насъ, столь слабыхъ во внутреннемъ управленіи, на степень второклассныхъ державъ. Дѣти наши не повѣрятъ нашему значенію, утверждавшемуся на Вѣнскихъ трактатахъ 1814 года; монархическое начало послѣ та-

кого униженія должно будетъ сознаться въ своемъ безсиліи и, можетъ быть, вызовется періодъ внутреннихъ переворотовъ. Если нѣтъ надежды на свои силы, намъ остается искать ея въ соперничествѣ враговъ.... Торжество ихъ, затруднительный раздѣлъ добычи и ложное положеніе Турціи—вотъ наши надежды. Но и эти надежды, хотя бы онѣ и сбылись, не избавятъ насъ отъ послѣдствій броженія и истощеній внутреннихъ. Видятъ ли ихъ?... У насъ еще думаютъ ограничиваться звонкими фразами манифестовъ, рескриптовъ и циркуляровъ, не заботясь о томъ, что въ отвѣтъ на нихъ въ той же газетѣ, гдѣ циркуляръ, лаконическое извѣстіе о разбитіи нашей арміи, о занятіи Севастополя, о пораженіи при Карсѣ. Но мы еще сильны нашими пространствами и нашимъ Русскимъ населеніемъ.

Скончались наши лучшіе, даровитые ученые: профессора Неволинъ и Грановскій. Первый извѣстенъ превосходными сочиненіями: Энциклопедіей въ 1840 г., Исторіей гражданскихъ законовъ въ 1850 г. и Новгородскими пятинами 1854 г., а также разными мелкими разсужденіями, изъ которыхъ лучшее—о церковномъ судѣ. Это былъ человѣкъ трудолюбивый, собиратель и сводчикъ примѣрный. О Грановскомъ очень много напечатано въ 120—122 №№ Московскихъ Вѣдомостей, о Неволинѣ ничего.

Ничего новаго. Въ Крыму и Николаевѣ все благополучно. Они называютъ это благополучіемъ! Въ городѣ радостный говоръ объ отставкѣ графа Клейнмихеля, о письмѣ къ нему Государя, о стихахъ графу одного офицера корпуса путей сообщенія:

Итакъ, сбылись завѣтныя желанья.
Прости на вѣкъ, нашъ грозный падишахъ!
Благодаримъ за всѣ благодѣянья:
За сѣдины въ поручичьихъ чинахъ,
За рядъ обидъ и мелкихъ оскорбленій,
Которыя ты щедро расточалъ,
За глубину того уничиженья,
Въ которое ты насъ втоптalъ...

Говорятъ о ящикѣ, посланномъ отъ какой-то Жуковой г. Чернову въ Москву, гдѣ при вскрытіи взорвавъ ранилъ полицейскихъ и самого Чернова. Случилось это на Мясницкой, близъ стараго почтамта.

Ничего, ничего! Точно-ли ничего? Сердце не вѣритъ, умъ не постигаетъ. На Западѣ голодъ; но намъ отъ того не легче, а тяжелѣ: голодные поспѣшнѣе идутъ въ охотники. Какое торжество отъ Испаніи до Шведской Лапландіи! Отовсюду посылаются кресты побѣдителямъ, поздравленія владыкамъ. Многіе думаютъ, что кампанія 1855 года кончилась. Не думаю. Слышно, что союзники уже въ переговорахъ о назначеніи Севастополя, что они согласны на возстановленіе

царства Грузинскаго и на образованіе Армянскаго подъ покровительствомъ Порты. Не слишкомъ ли вы торопитесь? Неужели забыли, съ кѣмъ воюете? Государство такого размѣра, какъ Россія, ослабляется не годами. Мы терпѣливѣе васъ перенесемъ необходимыя усилія. Вы можете ослабить насъ возстановленіемъ Польши и смутами внутренними; но рѣшитесь ли вы на первое даже съ согласія Австріи? А смуты внутреннія безъ вторженія въ средніе губерніи для васъ не возможны. Опасность плотнѣе соединяетъ насъ. Но какъ мало мы сдѣлали для внутренняго устройства! Конечно назначеніе Ланскаго и Чевкина—шаги къ улучшенію; но не старъ-ли Ланской, и въ уровень-ли онъ съ требованіями по уму, познаніямъ и опыту? А Чевкинъ, что будетъ онъ дѣлать безъ людей и денегъ съ запутанными счетами? Ланской найдетъ большое сочувствіе въ Совѣтѣ и Комитетѣ; Чевкинъ встрѣтитъ канцелярскія препятствія. На это у насъ горазды. Въ газетахъ описываютъ пріемъ и угощеніе въ Тифлисѣ посла Персидскаго. Между тѣмъ слышно, что экспедиція по Амуру возбудила неудовольствіе въ Китаѣ. Слышно, что факторіи наши въ Семипалатинской области разграблены Киргизами, что разбойники убили султана Средней Орды и что Орда Внутренняя готова взбунтоваться... Французы посылаютъ въ Стокгольмъ знаменитаго Канробера для соглашенія на счетъ зимовки флота въ Швеціи. Вѣнская корреспонденція увѣряетъ, что нашъ Государь склоняется къ миру.

Вотъ Государь и возвратился. Привѣтствіе ему въ Одессѣ Иннокентія, кромѣ довольно-счастливаго начала, и тяжело, и неприлично. Привѣтствія Филарета 1 Сентября и 6 Ноября несравненно лучше. Приказъ Крымской арміи справедливъ и благороденъ. За то приказъ военнаго министра о сношеніяхъ старшихъ подчиненныхъ съ молодыми начальствующими производитъ, особенно среди генераловъ, большой ропотъ.

...Зима сковала войну, мелочи спутали событія, свободнѣе слышатся пересуды и сплетни. Князь Паскевичъ умираетъ. Великій Князь Николай Николаевичъ женится на принцессѣ Ольденбургской. По городу ходитъ каррикатура: съ высокой горы несется Бибиковъ; за нимъ, останавливая санки руками и ногами, графъ Клейнмихель. Далѣе видѣнъ Брокъ, которому предлагаетъ санки Княжевичъ; на верху выступаютъ графъ Панинъ и князь Долгоруковъ.

Недостатокъ звонкой монеты ощутителенъ по прежнему... Подтвердилось извѣстіе о пораженіи Багратіона Мухранскаго въ Мингреліи; носятся слухи о снятіи осады Карса, объ уничтоженіи огромныхъ запасовъ близъ Эйска, о союзѣ Швеціи съ Франціей. Время страшное; но каковы бы ни были усилія и успѣхи враговъ и наши

потери, я убѣжденъ, что грозное время послужитъ намъ въ пользу; да и золото не въ золото, не побывъ подъ молотомъ, а Россія самородокъ огромный, и отчеканить и огранить его не то, что́ сжатую Францію или Австрію. Грустно читать объ этихъ неудачахъ и бѣдствіяхъ сограждан, и еще грустнѣе видѣть, какъ немногіе изъ нашихъ государственныхъ людей понимаютъ высокое свое положеніе и какъ мало учрежденія наши соотвѣтствуютъ требованіямъ. Что́ такое эти крѣпостные, эти суды, эти исправники? Слышалъ я стихи:

Министеріи въ угоду
Сенато́рская изба
Обращается къ народу
Съ всякимъ вздоромъ безъ стыда и т. д.

Слушалось дѣло о коллежскомъ регистраторѣ Коцюбинскомъ; онъ осуждается въ каторгу за вымогательство (угрозою поджога) 400 рублей у Чигиринскаго купца Бродскаго. Купцу онъ написалъ письмо замѣчательное по высказываемому убѣжденію въ торжествѣ Французовъ и въ приходѣ ихъ на Украйну. Сказавъ въ началѣ о политическихъ дѣлахъ, «перевѣсъ которыхъ всякъ дальновидный даже съ врожденнымъ умомъ, не говорю уже воспитанный человѣкъ, и вы должны предугадывать, какъ давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемую развязку», Коцюбинскій продолжаетъ: «не стану описывать причины, заставляющія такъ думать почти каждаго; идея эта относится собственно до политическаго равновѣсія державъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ предугадывать планы другихъ». Далѣе Коцюбинскій пишетъ: «по полученіи *нашихъ* денегъ, вы черезъ часъ получите письмо, къ которому присоединяются пергаментный бланковый билетъ съ печатями союзныхъ армій». Шутка не удалась.

Государь, 16 Ноября, созвалъ на обѣдъ всѣхъ участвовавшихъ въ Варшавѣ въ борьбѣ съ мятежниками и обратилъ имъ въ пансіонъ то жалованіе, которое они въ прежнихъ чинахъ тогда получали. Милости и помилованіе Полякамъ. Но отчего же нашимъ политическимъ 1825 и 1849 годовъ ничего? Этого такъ ждутъ.

Генералу И. Г. Бибикову, за представленіе адреса, сдѣланъ строгій выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ.

Письмо Искандера-Герцена отъ 10 Марта, ходящее по рукамъ. Оно напоминаетъ тѣхъ дерзкихъ трибуновъ первой революціи, которые переписывались съ собраніемъ и правительствомъ d'égal à égal *), и потому не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій... Чего хочетъ соціалистъ? Свободы рѣчи и свободы крестьянъ съ предоставленіемъ имъ земли въ собственность. Судя по дерзости письма, можно заключить

*) Какъ равный къ равному.

одно изъ двухъ: или что бѣглецъ имѣетъ соучастниковъ, или, что съ перемѣною царствованія онъ очень разсчитывалъ на реакцію. Соучастниковъ вѣроятно нѣтъ, а развѣ можно было разсчитывать на сочувствіе?..

На сушѣ ничего, или, какъ говоритъ князь Горчаковъ, все благополучно. Морскіе штаты сравнены съ сухопутными, прибавки до 500 тыс., и заключенъ новый заемъ чрезъ Штиглица въ 50 мил. Главнымъ начальникомъ силъ на Сѣверѣ назначенъ все тотъ же кн. Меншиковъ, начальникомъ штаба будущій графъ Путятинъ. Я. И. Ростовцовъ предложилъ всѣхъ раненыхъ и увѣчныхъ офицеровъ устроить при военноучебныхъ заведеніяхъ.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ уже два раза предписывалъ о составленіи точныхъ и правдивыхъ отчетовъ, чтобы, не усыпляясь похвалами, показывать правду, сознаваться въ ошибкахъ, оглашать недостатки. Въ Декабрѣ 1854 года онъ составилъ отчетъ въ этомъ видѣ, описавъ положеніе флота и морскаго хозяйства въ самомъ жалкомъ состояніи, но отчета этого представить не рѣшился, по случаю болѣзни и потомъ смерти отца. Нынѣ, въ Ноябрѣ, онъ предписалъ управляющему министерствомъ барону Врангелю препроводить выписку всѣмъ директорамъ для руководства при составленіи отчетовъ.

Побѣда подъ Карсомъ 16 Ноября. По крайней мѣрѣ это! Я радъ и за Муравьева, котораго послѣ неудачнаго штурма въ грязь втоптали стратеги и тактики. Извѣстіе привезъ Корсаковъ, получившій чинъ штабсъ-капитана и флигель-адъютантство. Побѣда дѣйствительно замѣчательная, по важности впечатлѣнія на умы, по важности крѣпости, сосредоточивавшей остатки Анатолійской арміи. Нужда въ крѣпости была страшная. «Наши молодцы выдержали сидѣнье превосходно. Приказъ намѣстника дышетъ искренностью и религіозностью. Вотъ содержаніе этого приказа 16 Ноября въ станѣ Владикарсѣ: «Поздравляю васъ, сотрудники мои! Какъ намѣстникъ царскій, благодарю васъ. Кровью вашею и трудами повержены къ стопамъ Государя Императора твердыни Малой Азіи. Русскій флагъ развѣвается на стѣнахъ Карса, въ немъ является торжество Креста Спасителя. Исчезла какъ прахъ вся 30-тая Анатолійская армія. Итакъ возблагодарите вмѣстѣ со мною Господа Силъ, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Своихъ даровавшаго намъ нынѣ торжество въ самомъ испытаніи, чрезъ которое еще въ недавнемъ времени прошли мы. Вѣра въ святое Провидѣніе Божіе соблюдаетъ у васъ духъ воиновъ и удвоиваетъ бодрыя силы ваши. Съ надеждою на покровительство Всевышняго приступимъ къ новымъ трудамъ».

Во Франціи все клики о мирѣ, въ Англіи о войнѣ. Австрія по прежнему лавируетъ. У насъ о мирѣ и рѣчи нѣтъ. По случаю взятія

Карса, какъ разсказывалъ Панаевъ (директоръ канцеляріи министра двора), «12-лѣтній Наслѣдникъ-Цесаревичъ написалъ своему воспитателю: «Поздравляю васъ, Муравьевъ взялъ Карсъ; а возмется за умъ, возметъ и Ерзерумъ!» Пожалованіе адмирала Путятина (послѣ аренды и Бѣлаго Орла) въ графы «за услуги Имперіи» по докладу Великаго Князя производитъ въ верхнихъ слояхъ общій ропотъ.

Обѣдъ въ Москвѣ Щепкину по случаю 50-ти лѣтъ театральнаго его поприща, обѣдъ, дѣлающій честь благородному артисту. Привѣтствія, читанныя профессоромъ Баршевымъ и актеромъ Шумскимъ исполняютъ сердце любви и уваженія къ знаменитому комику. Оцѣнка его сдѣлана въ легкой и живой рѣчи старика С. Т. Аксакова, отца даровитыхъ сыновей, изъ которыхъ Константинъ, благодаря за тостъ отцу, отсутствовавшему по болѣзни, предложилъ тостъ за «общественное мнѣніе». Графъ Закревскій не рѣшился пропустить въ газетѣ этой Московской сцены, и я читалъ описаніе ея въ письмѣ Аксакова къ Княжевичу. Честь и слава Москвѣ за ея смѣлыя начинанія!

Другой обѣдъ, генералу Тотлебену, давалъ здѣсь шахматный клубъ. О немъ я знаю, что старикъ профессоръ Шульгинъ былъ очень пьянъ и что академикъ Якоби, послѣ качанія Тотлебена и послѣ предложенія качать Шульгина, неосторожно задѣлъ молодаго офицера, за что и поплатился боками.

Князь Меншиковъ назначенъ главнокомандующимъ морскими и сухопутными силами въ Кронштадтѣ. Кронштадтъ будетъ взятъ, кричатъ любящіе пересуды и сплетни. Немногіе довольны и увѣрены, что старикъ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Теперь громоздятъ въ заливѣ, чтобъ не допустить непріятеля на разстояніе 500 сажень, на которомъ гранитъ можетъ уступить чугуну.

Назначеніе новаго министра Ланскаго, какъ и вообще всѣ его дѣйствія, сколько они извѣстны, весьма хороши. Онъ назначилъ (вѣроятно по личному приказанію Государя) въ Вильну, на мѣсто Ильи Бибикова, В. И. Назимова, о которомъ, конечно пожалѣетъ Московскій Университетъ. М. И. Лексъ уступилъ мѣсто умному и образованному А. И. Левшину. Къ себѣ въ директоры Ланской назначилъ: Оржевскаго, Жданова, человѣка опытнаго и благонамѣреннаго, а на мѣсто Скрипицына, въ иностранныя исповѣданія, Дм. Петр. Хрущова. Это человѣкъ новаго поколѣнія и новыхъ ученій.

Но понимаетъ ли Ланской всю важность настоящаго положенія?

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

Декабрь 1855—Мартъ 1856 года.

Шведо-Англо-Французскій договоръ 9/21 Ноября есть конечно послѣдствіе другихъ неоглашенныхъ условій. Онъ, очевидно, выговариваетъ огражденіе для Швеціи послѣ войны; ибо иначе къ чему опасаться насилій и требованій Россіи, когда она, запертая флотами, недостаточно выдерживаетъ и оборонительное положеніе? Договоръ этотъ важенъ какъ событіе, доказывающее, что Швеція на сторонѣ Запада, и что союзники намѣрены дѣйствовать въ Балтикѣ сильнѣе, нежели въ эти два года.—Укрѣпленіе Свеаборга и Кронштадта не устраняетъ возможности десанта. Прибалтійское сельское и городское населеніе не такъ расположено къ намъ, какъ сословія высшія и, къ несчастію должно сознаться, врагъ найдетъ въ немъ сочувствіе. Русская стихія здѣсь слаба. Но безъ другой помощи, врагъ, съ этимъ сочувствіемъ, сдѣлаетъ мало, если не рѣшится воззвать къ народностямъ и откровенно взяться за революціонное начало. (Здѣсь столкновеніе съ Австріей и Пруссіей и преображеніе Восточнаго вопроса, чрезъ Польшу, въ центральный Европейскій). Говорятъ, что Валентинъ Эстергази вчерась привезъ ultimatum (пріѣхавъ въ 4 часа, въ 5-ть онъ уже былъ у графа Нессельроде), непринятіе котораго поведетъ къ прерванію съ нами дипломатическихъ сношеній; но потомъ что̀? Самое торжество, съ отпаденіемъ Польши, Венгріи и Италіи, не приведетъ ли къ паденію новой имперіи Франца I-го и къ униженію Габсбурговъ, принужденныхъ отречься отъ консервативнаго своего свойства?

Но что̀ же дѣлать Англіи и Франціи, съ ихъ точки зрѣнія чуждыхъ повода и отвыкшихъ отъ самаго понятія Нѣмецкихъ опасеній? Торговый домъ Великобританіи и К° и смѣлый выходецъ Французскій

---

*) Выдержки изъ Записокъ сенатора Кастора Никифоровича Лебедева помѣщались въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 и 1889 годовъ. Нынѣ сыномъ его, Дмитріемъ Касторовичемъ, сообщены намъ новыя тетради ихъ, начинающіяся съ Декабря мѣсяца 1855 года. П. Б.

не могутъ не быть равнодушны ко всякимъ способамъ успѣха, а историческія начала и династическія условія для нихъ дѣло второстепенное, предметы цѣны и вѣса.

Торжество этихъ началъ или торжество надъ ними! А событія гнутъ къ демократіи, и слѣпъ тотъ, кто этого не видитъ; ослѣпленіе же есть предвѣстіе наказанія...

Разнеслась и вѣсть о перемѣнѣ нашихъ мундировъ и панталонъ. По военному вѣдомству старикъ главнокомандующій издалъ секретный (писанный) приказъ, чтобы офицеры гвардейскаго и гренадерскаго корпуса не дозволяли себѣ неприличныхъ толковъ и порицаній насчетъ измѣненія формъ. Намъ теперь надобно ожидать такого же приказа. Мундиръ нашъ украшаютъ, въ видахъ, говорятъ, возвысить гражданскую службу какъ бы сравненіемъ ея съ военною. Но время, время-ли? Мы всѣ безъ денегъ. Эполеты, отнятыя у всей арміи, раздражаютъ армейцевъ и ополченцевъ, а имъ надобно драться!.

Такія неудачныя, мелочныя и раздражительныя мѣры особенно вредны въ настоящіе дни. Вліяніе реакціи, почти партіи, не подлежитъ сомнѣнію. Его слѣдовало ожидать; но не поспѣшно-ли и умѣстно-ли? И не вызоветъ-ли оно противодѣйствія, если не въ людяхъ, то настоятельностію обстоятельствъ? А настоятельность—это война. Желаніе истощаемой Европы трубитъ о мирѣ, Австрія посылаетъ ultimatum, Пруссія посылаетъ своего посланника по вторымъ державамъ и подкрѣпляетъ предложенія Австріи въ Петербургѣ; Саксонія увѣряетъ, что Россія согласна на нейтральность Чернаго моря; однимъ словомъ, если не миръ, то готовность заключить его несомнѣнна. Но какой же это миръ? И если даже миръ, лучше ли онъ будетъ войны? По крайней мѣрѣ не для насъ. По терпимости къ письменнымъ памфлетамъ, мы и теперь уже въ какомъ-то революціонномъ положеніи. Миръ, съ нейтральностію Чернаго моря, безъ вознагражденія потерь и убытковъ по крайней мѣрѣ торжествомъ войны или неторжествомъ враговъ, это будетъ для правительства хуже войны. Теперь его обвиняютъ въ бездѣйствіи, неумѣньи, въ покровительствѣ посредственности, въ завистикъ талантамъ и въ формализмѣ, поглащающемъ сущность: тогда упреки выразятся требованіями, и гóлоса требователей не заглушатъ ни аресты, ни высылки, ни внушенія. Въ настоящемъ положеніи я не вижу возможности мира.

Писанныя тетради наводняютъ насъ. Вотъ приписываемая Грановскому (Восточный вопросъ съ Русской точки зрѣнія) К. Кавелина. Вотъ письмо Жеребцова, вотъ «Священный союзъ и Австрійская политика», «Наши приходы и расходы», а вотъ и «Мои замѣчанія» «О политической жизни Россіи». Первыя приписываются Вигелю или Са-

марину или Шипову; вторая, говорятъ, написана Чаадаевымъ. Каждый день можно слышать о новой тетради. Мы наводнены этими памфлетами. Всѣ начинаютъ съ того, что винятъ покойнаго Государя, его систему управленія, неограниченную личность, династическую до личности политику внѣшнюю, неограниченную до деспотизма политику внутреннюю. Ah, ça? Messieurs! Да развѣ вы думаете, что мы, участники и исполнители этого управленія и этой политики, не понимаемъ съ ваше? Или мы не въ состояніи отличить національнаго отъ личнаго, дурнаго отъ хоронаго, и терпимъ зло, не чувствуя пагубныхъ его послѣдствій? Ah, ça? Да почему же вы могли уразумѣть это лучше насъ?

Вообще, обдумавши, безпристрастный цѣнитель найдетъ: въ обвиненіяхъ менѣе доброжелательства нежели систематическаго порицанія, въ предположеніяхъ лучшаго болѣе доброжелательства нежели основательной вѣрности. Обвиняя лица, вы часто забываете націю, а говоря о ней вы не берете въ разсчетъ положеніе и составъ ея. То недовольные настоящимъ дѣломъ, вы обращаетесь къ XV вѣку отъ времени, когда жить трудно, ко времени, въ которое жить нельзя; то обольщенные временными успѣхами и не-русскими привычками, вы порицая Петра, желаете полнаго преобразованія на Французскій ладъ т. е., признавая затрудненія формальныя, вы хотите прибавить затрудненія существенныя.

Ah, ça? Вы полагаете, что мы ничего не знаемъ, и вы насъ научите? Удаленные отъ правительственной дѣятельности, вы и половины не знаете тѣхъ безпорядковъ, тѣхъ вопіющихъ противорѣчій, которыя мы видимъ на каждомъ шагу, обязательно. Уединенные въ частности, вы не въ состояніи понять, что иногда необходимость заставляетъ терпѣть зло и бѣдствія для избѣжанія золъ и бѣдствій бо́льшихъ. Или преданные созерцаніямъ государственнымъ и увлекаемые примѣрами подобнаго въ другихъ земляхъ, вы личное убѣжденіе принимаете за положительную достовѣрность.

Тѣсны теоріи Западнаго управленія для Восточнаго, и не примется созерцательная мысль на исторической почвѣ. Кто будетъ оправдывать Николая, кто не пожелаетъ преобразованій въ управленія? Но взваливать всю отвѣтственность за Восточный вопросъ, на одного Николая значитъ очень тѣсно ограничивать этотъ вопросъ. Но приписывать неудачи дурному управленію значитъ не признавать условій управленія въ землѣ, въ народѣ, и забывать, по Восточному самообольщенію, причины случайныя, которыя всегда присущи въ дѣлахъ человѣческихъ.

Приведенныя въ исполненіе ваши предположенія встрѣтятъ болѣе неудобствъ, вызовутъ бо́льшіе безпорядки и уже конечно найдутъ лучшихъ порицателей.

Вы не огласили, напр. что при Николаѣ все унизилось, умалилось, опошлилось,—чинъ, отличіе, сословіе, судъ, помощь, удача, постоянство. Отчего? Отъ того, что власть унизилась и опошлилась. Она вмѣшивалась вездѣ и всегда, — отсюда и эта масся повелѣній и эта масса указовъ, которыхъ, по самой многочисленности ихъ, никто не исполнялъ, никто не уважалъ, никто не считалъ обязательными.

Вы не огласили... но довольно. Я поговорю подробнѣе. Но вы взваливаете на Императора Восточный вопросъ? Вопросъ этотъ рано или поздно долженъ былъ всплыть и разрѣшиться. «Больной» былъ взятъ за предлогъ. Толпа выходцевъ начала овладѣвать Турціей, и она дѣлалась гнѣздомъ демократовъ. Такое положеніе ея было невозможно, несовмѣстно съ нашимъ и Австрійскимъ правительствомъ. Это вопросъ монархіи и демократіи, и безъ вмѣшательства послѣдней, поддерживаемой «добрымъ другомъ», онъ никогда не принялъ бы настоящихъ размѣровъ.

Вы осуждаете наше правленіе, неограничиваемое даже добродѣтелью и вѣрою? Вы знаете нашъ народъ? Вы находите возможнымъ Французскія учрежденія въ средѣ этого народа? Но вы хотите насильственаго развитія, вы смѣшиваете лица съ массами, дни съ годами.

Крѣпостное право! Да сумѣете-ли вы уничтожить его, помимо фразъ: l'esclavage est aboli, la liberté est garantie... въ томъ же родѣ какъ le travail est assuré à tout le monde?

Надобно имѣть много великодушія, чтобы съ самозабвеніемъ говорить власти непріятныя истины; но немного надобно ума, чтобы набросать желчныя жалобы и поверхностныя мысли въ тиши кабинета и пустить листки безъ подписи на голодные зубы алчущаго любопытства.

Писанная литература эта останется и послужитъ источникомъ для изученія нравственнаго и политическаго состоянія современнаго общества. Во всѣхъ тетрадяхъ вы видите порицанія и опроверженія, но ни въ одной нѣтъ и приблизительныхъ предположеній. Написать обзоръ по Европейскимъ началамъ журналистовъ легко, но придумать учрежденія, которыя бы ручались или хотя обѣщали достиженіе цѣли, въ государствѣ такого объема и состава, какъ наше, журналистамъ не по плечу.

Дурень думкой богатѣе... Думка? Это фатализмъ. Наполеонъ говорилъ: le fatalisme de nos jours c'est la raison d'état. Нѣтъ, это думка,

мысль, идея—непогрѣшительная идея правды Божіей, вѣчной и всемірной. Это порядокъ, предуставленный существомъ вещей, въ которомъ самыя исключенія, самыя противорѣчія служатъ подтвержденіемъ его дѣйствительности и поводами къ ускоренію его развитія. L'homme s'agite, Dieu mène.

Толки о назначеніи попечителей въ университеты. «Теперь ихъ нѣтъ или есть одинъ, генер. Молоствовъ, да и тотъ....; Пушкинъ обветшалъ, а Брадке Нѣмецъ». Но прежде всего: нужны ли они? Покойный Государь признавалъ полезнымъ соединять эти почетныя званія съ генералъ-губернаторствомъ и, мнѣ кажется, университеты были въ выигрышѣ. Неученые эти генералы не мѣшали наукѣ, а Строгановъ даже помогалъ ей своею оппозиціей, какъ Бибиковъ своимъ тщеславіемъ. Если они нужны, то какимъ же образомъ назначаютъ слухи сенаторовъ Катакази, Семенова и Замятнина и еще д. с. с. Ребиндера? Покойный Государь хотѣлъ командовать наукой, а вы хотите шутить. Господа! Наука есть сила, сильнѣйшая нежели паръ. Обращайтесь осторожнѣе. Она разрываетъ или задушаетъ. Страшнѣе прочихъ силъ, она не ограничивается однимъ взрывомъ и никогда не разряжается, а напротивъ, заражая, она дѣлается повѣтріемъ. Вы хотите назначать попечителями своихъ карточныхъ пріятелей... Такъ вы думаете играть этими храмами служенія истинѣ, этими важнѣйшими учрежденіями государственной жизни, и въ такое время, когда наука такъ смѣла, самонадѣянна и такъ сближается съ дѣйствительностію!

У насъ мvропомазаніе и обрученіе великаго князя Николая съ принцессой Ольденбургской, обѣды, пальба и иллюминаціи, къ которой присоединился и пожаръ въ домѣ Энгельгардта (магазинъ Русскихъ издѣлій—весьма хорошая Русская мысль, колющая глаза Англичанамъ, обвиняемымъ въ народѣ въ этомъ пожарѣ), продолжающійся другія сутки. Саксонскій зять нашего канцлера Зеебахъ, присланный изъ Парижа (гдѣ были такъ громки слухи о мирѣ и даже вышла брошюра, съ одобренія императора: Sur la nécessité d'un Congrès), возвращается въ Парижъ, гдѣ слухи о мирѣ разсѣяны рѣчью императора къ войскамъ, возвратившимся изъ Крыма. На той самой площади, гдѣ стояла Бастилія и стоитъ Іюльская колонна, полновластный Луи-Наполеонъ, окруженный побѣдоносными полками, сказалъ рѣчь воинственную и по обыкновенію съ намеками: «Soldats! Je viens au-devant de vous comme autre fois le Sénat romain allait aux portes de Rome, au-devant de ses légions victorieuses. Je viens vous dire que vous avez bien mérité de la patrie». За симъ, восхваляя храбрость и подвиги, ораторъ заключаетъ: «Et le pays, qui entretient six cent mille soldats, a intérêt à ce qu'il y ait

maintenant en France une armée nombreuse et aguerrie, prête à se porter où le besoin l'exige. Gardez donc soigneusement les habitudes de la guerre; fortifiez-vous dans l'expérience acquise; tenez vous prêts à répondre, s'il le faut, à mon appel...» Тутъ мира мало, и вообще я не понимаю, какъ могутъ быть толки о мирѣ. Ужъ конечно не Валентинъ Эстергази и Зеебахъ рѣшатъ этотъ вопросъ, такъ сближающійся съ вопросами о народностяхъ и съ революціонными его послѣдствіями. Слышится голосъ демократа въ этой гордости и увѣренности сильнаго властелина; слышенъ этотъ голосъ и въ рѣчи молодаго Бельгійскаго наслѣдника въ Сенатѣ молодой націи. «Une nationalité jeune comme la nôtre doit être hardie, toujours en progrès et confiante en elle-même. Il suffit d'oser pour réussir. C'est là un des secrets de la puissance et de la splendeur dont jouissent pendant plus d'un siècle nos voisines du Nord, les Provinces-Unies.

Много говорятъ о рѣчи новаго президента графа Д. И. Блудова въ засѣданіи Академіи 23 Октября. Она дѣйствительно замѣчательна но такту, легкости и благородному стремленію. Но мнѣ кажется президентъ не далъ себѣ достаточно отчета въ значеніи Академіи Наукъ, и при томъ въ Россіи. Едва ли тутъ могла быть и намекомъ рѣчь о практическомъ направленіи. Другое замѣчаніе—это о словесности и искусствахъ, для руководства вкуса. Это очевидно сказано было для Русской партіи. Или я мало знаю гр. Блудова, или я къ нему несправедливъ; но я не ожидалъ, чтобы онъ такъ хорошо академически началъ свое президентство. Языкъ могъ бы быть построже, подостойнѣе, но все хорошо; жаль только, что ни слова, ни полслова объ Уваровѣ, а онъ былъ президентомъ около 40 лѣтъ. Отвѣтъ Давыдова и тяжелъ, и подобострастенъ, и длиненъ. Стихи Ломоносова о произведеніи Невтоновъ и Платоновъ, при существующей въ Академіи борьбѣ партій, болѣе нежели неприличны. Оговорки, разумѣется, у графа Блудова и здѣсь. Шаткій въ убѣжденіяхъ и неувѣренный въ знаніи, онъ иначе не можетъ.

Вотъ и опять новый годъ, 1856-й годъ, високосный, по преданіямъ всегда тяжелый. А мы пережили такой тяжелый 1855-й годъ! Только молодыя рамена наши облегчаютъ эту тягость. Двумя словами можно выразить наше положеніе: внутри—поборы и мундиры, на границахъ—враги и потери. Мы истощились безъ послѣдствій, мы теряемъ безъ вознагражденій. Положеніе дѣлъ, повидимому, тоже; но какъ все измѣнилось! Скончался императоръ Николай, и оканчивается его окруженіе. Новое царствованіе мало-по-малу вводитъ другую систему, подается, выказывается терпимѣе; но не есть ли это признакъ упадка? Уже и въ началѣ года мы изъявили согласіе на четыре условія, а теперь мы уже подаемся и на спорное третье, принимая огра-

ниченіе силъ на Черномъ морѣ и признавая неявное (non ostensible) вмѣшательство другихъ въ наши сдѣлки съ Турціей. Мы потеряли уже всѣ берега Чернаго моря, и Севастополь, и адмираловъ; мы низошли до такого униженія, что и герцогства Германскія посылаютъ намъ свои quasi-ultimata; мы видимъ не только Сардинію, но и Швецію и увидимъ Данію въ союзѣ съ Западомъ. Но видимъ и большое движеніе въ литературѣ, какъ въ печатной, въ полныхъ изданіяхъ Пушкина и Гоголя, въ журналахъ и драмахъ, въ повѣстяхъ и оффиціальныхъ привѣтствіяхъ, такъ и въ писанной—въ памятныхъ запискахъ, въ стихахъ, пасквиляхъ и каррикатурахъ. Движеніе началось, перемѣна личнаго состава исполняется, опасность вызываетъ дѣятелей; надѣятся на Муравьева, Лидерса и Путятина.

Занятый соображеніями объ особенныхъ видахъ судопроизводства и обширнымъ дѣломъ объ убійствѣ Кіевскаго субъ-инспектора Дубникова (дѣломъ весьма замѣчательнымъ), я долго не записывалъ дней моихъ. Перекрестный говоръ общества занятъ исключительно вопросами: что получилъ, кто назначенъ и, наконецъ, миръ или война? Наградъ много, и главнѣйшая нашего министра *): онъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря «при особѣ нашей». Послѣднія слова толкуютъ даже въ смыслѣ званія перваго министра. Другіе, напротивъ, видятъ въ этомъ одно разнообразіе редакціи или прибавку писаря. Министры, или такъ называемые министры, ни въ чемъ не отказывающіе, Норовъ и Брокъ, вмѣсто смѣщенія получили Александра. Наградъ много, и стало-быть все хорошо. Приготовленія къ войнѣ продолжаются; новый внутренній заемъ (серіи) на 30 милл. и 24 для обмѣна старыхъ. Говорятъ о рекрутскомъ наборѣ. Назначеній тоже много. Князь Горчаковъ намѣстникомъ въ Варшаву, ген. Лидерсъ въ Крымъ, Сухозанетъ на его мѣсто, а генер.-лейт. Коцебу въ 5-й корпусъ. Эти перемѣны весьма одобряются. Менѣе перемѣнъ въ переговорахъ о мирѣ. Наше предложеніе 10 или 11 (23) Декабря о принятіи нейтрализаціи Чернаго моря по соглашенію съ Турціей, безъ прямаго участія другихъ державъ, перекрестилось, и вѣрно послано, чтобы парализировать его съ предложеніями Австріи, которая, пользуясь statu quo, требуетъ тоже нейтрализаціи, но совершенно въ смыслѣ Вѣнскихъ конференцій, и еще съ прибавкою измѣненій границъ на Дунаѣ. Предложенія, несогласимыя съ нашимъ положеніемъ. Тутъ мира нѣтъ. Да и какой миръ, когда, можно сказать, война еще и не начиналась въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ вопросу? Франція очевидно хочетъ измѣнить карту Европы

*) Графа В. Н. Панина. П. Б.

Но правительство такъ много разглашало въ народѣ о торжествѣ церкви, о покровительствѣ Православія, и такъ сильно подняло общественное мнѣніе и голоса пишущихъ, что теперь заключеніе мира, безъ яснаго и рѣшительнаго торжества, ни въ какомъ случаѣ не удовлетворитъ требованій, и сила ихъ въ мирное время будетъ давить тяжелѣе, нежели Крымское вторженіе, и непремѣнно вызоветъ преобразованія, которыя безъ войны еще долго шептались бы и дремали.

7 Янв. Толки о мирѣ все шире и громче. Въ Александринскомъ театрѣ при словахъ Дмитрія Донскаго: «скорѣе смерть, чѣмъ миръ постыдный», стѣны трещали отъ рукоплесканій (и стихъ теперь выброшенъ). На выборахъ въ Москвѣ готовится адресъ; выборы происходятъ и въ другихъ губерніяхъ: въ Смоленскѣ, въ Тулѣ, въ Курскѣ. Сборища эти очень безтолковы, но тѣмъ не менѣе они представляютъ наше высшее общество, и одного слова довольно, чтобы возбудить ихъ восточное преувеличенное неудовольствіе. Неудовольствіе это не выразится и смолкнетъ отъ присутствія жандарма или становаго; но молчаніе не есть согласіе, а неудовольствіе—въ подрывъ правительственному уваженію и довѣрію. Все это грустно. Не менѣе грустно и сужденіе людей благомыслящихъ. Принимая миръ, они видятъ въ немъ орудіе разрыва Англіи съ Франціей или перемиріе, которое мы, справясь съ дѣлами и оградясь союзами, нарушимъ для возвращенія прежнихъ правъ.

Оружіемъ сочувствія не завоюешь; либерализмъ не введетъ и не укрѣпитъ прочныхъ учрежденій. Надобно, чтобы правительство вступило на дорогу улучшеній и преобразованій, но вступило открыто, искренно и стройно. Ведетъ ли къ тому заключеніе мира? Нѣтъ. Люди не тѣ. Ни въ войнѣ, ни въ мирѣ они не взросли до своего положенія: и въ войнѣ надѣлаютъ промаховъ, и въ мирѣ займутся наружнымъ блескомъ и успокоятся въ довольствіи ничтожества и безотвѣтной самоувѣренности.

Паскевичъ скончался. Каковы бы ни были сужденія современниковъ о знаменитомъ генералѣ, онъ останется одною изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей царствованія Николая, его фельдмаршалъ, его другъ и его первый намѣстникъ. Паскевичъ родился въ 1782 г. въ Полтавѣ и воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. Онъ началъ военное поприще въ вспомогательномъ нашемъ корпусѣ, посланномъ Австріи въ 1809 г. противъ Наполеона. Онъ кончилъ его вспомогательною войною въ 1849 г. въ Австріи противъ Венгерцевъ. Въ молодости онъ дрался на тѣхъ же мѣстахъ на Дунаѣ въ 1810, у Модлина въ 1813, на которыхъ фельдмаршаломъ водилъ арміи. Отличительными чертами его были скромность и осторожность. Онъ былъ молчаливъ до нѣмоты, предусмотрителенъ въ обезпеченіи арміи до мелочи. Онъ

никогда не торопился и не разсчитывалъ на поразительность словъ и дѣйствій. Въ 1817 г. онъ путешествовалъ по Россіи и за границею съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, съ которымъ всегда былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Кампаніи Персидская, Турецкая, Польская и Венгерская, веденныя, по увѣренію военныхъ, очень ошибочно, кончились счастливо и принесли Паскевичу графство, княжество, всѣ возможныя ордена, огромное состояніе и Европейскую извѣстность. Самая невыгодная кампанія, это—Венгерская. Самоувѣренность незамѣтно привела осторожнаго полководца къ фразамъ: «Венгрія у ногъ Вашего Величества»; Русская самонадѣянность привела къ неодобрительному братанью съ бунтовщиками. Эта фраза и это братанье отдалили отъ насъ «спасенную нами Австрію» и возбудили негодованіе и ненависть къ намъ Германіи. Лучшее въ Паскевичѣ, по мнѣнію моему, было управленіе Царствомъ. Оно было тихо, уважительно и довольно благотворно. Онъ отстаивалъ Польскія учрежденія и не давалъ слишкомъ воли Русскому самовольному элементу. Теперь, говорятъ, направленіе пойдетъ къ тѣснѣйшему сближенію съ Имперіей. Это несомнѣнно къ порчѣ. Говорятъ, большое вліяніе имѣли на него Польки. Послѣднія дѣянія его подъ Силистріей, смерть Николая и совершенное забвеніе его съ Февраля по день смерти, были безъ сомнѣнія причиною разстройства его здоровья. Ближайшій сотрудникъ его, князь Михаилъ Горчаковъ, ему наслѣдуетъ; но царедворецъ, и безъ авторитета, и безъ характера, онъ не устоитъ противъ вліянія Русскаго, и Польша не разъ вспомнитъ Паскевича.

Еще князь Чернышовъ, князь Воронцовъ, и изчезнетъ это военное поколѣніе, возращенное славнымъ царствованіемъ Александра. За недостаткомъ учрежденій, ихъ воспитали Европейскія событія. При Николаѣ учрежденія еще менѣе воспитывали, а школа событій совершалась въ Азіи. Школа плохая!

Армія наша надѣла трауръ. Вѣроятно тоже будетъ въ Пруссіи и Австріи.

Дворъ и городъ заняты приданымъ и свадьбой. Всѣ ждутъ билетовъ на входъ въ комнаты, гдѣ разложено это приданое, и на хоры въ день брака Николая и Александры, чтобы видѣть ужинъ. Еще болѣе искательства для спектакля въ театрѣ, и не дадутъ ли молодымъ и ихъ гостямъ полюбоваться «Сѣверною Звѣздою», какъ Петръ Великій, переименованный въ рудокопа, въ Андреевской лентѣ (ее сняли послѣ двухъ представленій) въ тавернѣ, влюбляется въ Екатерину?... Годъ не исполнился кончинѣ Николая, и пепломъ посыпаются головы наши отъ одной мысли о начинающихся переговорахъ въ Вѣнѣ и Парижѣ, отъ

чтенія депеши и рѣчи Королевы 31 Января въ парламентѣ, отъ торжествующихъ газетъ Нѣмецкихъ.

Aug. Picard помѣстилъ въ Revue des Deux Mondes (Ноябрь и Декабрь 1855) довольно пространную и добросовѣстную статью о Россіи: Du gouvernement des tzars et de la société russe. Онъ, конечно, поверхностно и часто ошибочно, описываетъ нашъ климатъ, наше географическое положеніе, наши историческія судьбы и наше общественное и политическое состояніе. Новаго мало, и самое извѣстное часто преувеличено, напр. вліяніе равниннаго положенія на неограниченность власти, значеніе и сила Великаго Новгорода, кровосмѣшеніе Славянъ съ Монголами, продажа крѣпостныхъ на рынкахъ и т. п. Но есть воззрѣнія любопытныя; такъ напр. на дворянство, дробящееся и обнищевающее, на необходимость подѣлиться съ дворянствомъ властію и приступить къ освобожденію крестьянъ, на преобладаніе (грубѣйшаго) элемента Русскаго надъ болѣе образованными, Польскимъ и Нѣмецкимъ. Безнравственность низшихъ классовъ и зависимость духовенства, лишеннаго даже права проповѣди. Разсужденія о финансахъ и кредитѣ взято изъ Леона-Фоше и Тенгоборскаго. Вельми хорошо обрисованы наши винные откупа, которые Пикаръ называетъ trafic coupable. Выводы войны почти тѣже, что̀ и въ нотахъ и рѣчахъ; но онъ возбуждаетъ вопросъ о зависимости Европы отъ хлѣбной торговли Россіи и, не смѣя выговорить, подданный Наполеона III-го, онъ довольно опредѣленно высказывается объ отдѣленіи Польши, чтобы примкнуть ее къ системѣ Запада: хлѣбъ изъ Риги и Одессы называется во Франціи le blé de Pologne.

Торжество брака, пушки, звонъ, иллюминаціи, мѣстоназначенія и награды кружатъ голову всему городу. Ни холодная рѣчь Викторіи, ни медленность въ открытіи конференцій, ни грубыя статьи журналовъ, повидимому, не обращаютъ на себя вниманія. Недовѣріе къ миру въ обществѣ и газетахъ, даже газетахъ Турецкихъ, для которыхъ вѣсть эта «была поразительна какъ разрывъ бомбы», выражается, къ униженію нашему, весьма недвусмысленно. Демократія, хотя бы хотѣла, не можетъ вѣрить миру. Аристократія вѣритъ вполовину, желая избавиться расходовъ и свободнѣе предаться удовольствіямъ. Вполнѣ вѣрятъ миру—династіи. La paix quand même! Но тутъ его и не будетъ. Однако приготовленія продолжаются: Вятскія и Пермскія дружины снаряжаются, Саратовскія и Симбирскія въ пути.

Или все это дѣлается для разъединенія Франціи и Англіи? Но враги ваши не они: ихъ можно купить. Враги ваши—демократія и народности. Обезоружить ихъ можно только преобразованіемъ учрежденій.

26 Января. Графъ Орловъ, adlatus покойнаго Николая, ѣдетъ въ Парижъ на конференціи. Этотъ Николаевскій человѣкъ вовсе не можетъ соотвѣтствовать этому назначенію. Ему придаютъ барона Брунова, способнаго, при сближеніи съ Франціей, сблизиться съ прежнимъ Лондонскимъ постомъ своимъ, который дастъ 60 т. р. серебр. жалованья. Правительство наше, какъ и Австрійское, ищутъ въ Луи-Наполеонѣ. Во мракѣ событій и въ смѣшеніи начàлъ и убѣжденій родовые, династическіе императоры видѣли въ немъ маякъ порядка, по крайней мѣрѣ наружнаго. Но они ошибаются. Это не маякъ, это костеръ, и горитъ онъ ярко, потому что горючихъ веществъ—страстей народныхъ—много, и потому-то ему недолго горѣть. На этомъ кострѣ, пожирающемъ династіи, императоры обожгутся. Это маякъ революціонный, вожженный для привлеченія блуждающихъ.

Первое засѣданіе парламента, рѣчи Дерби и Ребука, отвѣты Кларендона и Пальмерстона показываютъ, что надежда на миръ не совсѣмъ прочна. Siècle и другіе, болѣе свободные представители демократіи, говорятъ, что надежда эта неосновательна. Піемонтъ и Швеція утверждаютъ, что надежда эта имъ непонятна. Въ самомъ дѣлѣ, заключеніе мира, на Австрійскихъ условіяхъ, не смотря на униженіе и на всѣ пожертвованія Россіи, не разрѣшаетъ вопроса, не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ и почти всѣ государства поставляетъ въ ложное положеніе. Наполеонъ конференціями и конгресомъ продлитъ время, «а потомъ что?» спрашиваетъ Кобденъ. Измѣненіе карты Европы? Новый Вѣнскій (въ Парижѣ) конгресъ? Но участіе демократіи выдвинетъ вопросъ о народностяхъ. Англія, не смотря на союзъ съ Французскимъ диктаторомъ, и не думаетъ предлагать законъ объ иностранцахъ; въ Испаніи народная стихія господствуетъ, въ Даніи она усиливается съ дерзостію, въ Германіи требуютъ преобразованія сейма, въ Піемонтѣ и Швеціи стихія эта, болѣе нежели въ Бельгіи, овладѣнной церковниками, опирается на законъ. Въ Австріи одинъ конкордатъ можетъ произвести пожаръ. Во Франціи оппозиція лучшей части общества, настоящей pays légale, никогда не прекращалась, и одной искры достаточно, чтобы показалось зарево на этомъ блестящемъ горизонтѣ. Но самое ложное положеніе безспорно будетъ наше. Не говоря уже о внѣшнихъ отношеніяхъ, совершенно измѣняемыхъ и войною, и конгресомъ, положеніе внутреннее представляетъ множество затрудненій. Этотъ унизительный миръ, это истощеніе государства людьми и деньгами, это распространеніе письменной литературы и ослабленіе цензурныхъ правилъ, и особенно эта армія ополченцевъ, народа неблагонадежнаго и съ офицерами еще болѣе неблагонадежными, все это не подъ силу настоящему нашему правительству. Что̀ одинъ буй-

ный Лихачевъ, со своею дружиною, сдѣлалъ въ Петровскѣ, окруживъ домъ и арестовавъ Мих. Устинова и сестру его, Зинаиду, предводителя дворянства Яков. Льв. Кожина, полицеймейстера, коменданта, заставляя ихъ: «пей, а не то высѣку» и проч.: то можетъ повториться, особенно если эти ватаги и пьяные офицеры останутся въ бездѣйствіи. Въ такомъ положеніи не только костеръ Французскій, но и вѣрный маякъ не помогутъ. Опасенія крушенія не неосновательны, и приготовительныя мѣры къ введенію прочныхъ учрежденій необходимы и настоятельны.

29 Января. Дѣло о графствѣ Орлова-Давыдова. На письмѣ княгини Барятинской Государь написалъ: «согласенъ и дать законный ходъ». Статсъ-секретарь кн. А. Ѳ. Голицынъ увѣдомилъ княгиню Барятинскую, что Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить всемилостивѣйшее соизволеніе на просьбу ея о пожалованіи внуку графа Орлова, зятю ея, Давыдову, титула гр. Орлова-Давыдова. Въ герольдіи Сената 19 Іюля 1855 г. согласно съ этимъ и заключили: изготовить проэктъ указа и представить къ Высочайшему подписанію...

Дѣло въ герольдіи единогласно рѣшено 23 Ноября отказомъ. Герольдмейстеръ, усиля основаніе отказа, предложилъ, чтобы довести о томъ до свѣдѣнія Государю. Сенаторы, будто бы такъ увѣренные въ справедливости отказа, не согласились, и герольдмейстеръ донесъ министру. Товарищъ министра предписалъ перенести дѣло въ общее собраніе, но не торопиться и пріостановить. Нареченный графъ подалъ Государю записку, 10 Декабря, въ которой жаловался, что дѣло это приняло ходъ судебнаго разсмотрѣнія. Государь на докладѣ написалъ: «сообщить гр. Блудову, дабы дѣло это, на которое я уже предварительно изъявилъ свое согласіе, получило скорѣйшее окончаніе». Предписано было герольдмейстеру и оберъ-прокурору, и на докладѣ объ этомъ Государь написалъ: «доносить мнѣ о ходѣ этого дѣла каждую недѣлю». Тогда двинули дѣло, и оно 13 Января доложено общему собранію. Здѣсь было 6 мнѣній: 5 и 10, по различнымъ основаніямъ, полагаютъ отказать; 2, 5, 1 и 1 полагаютъ предоставить. На консультаціи, по докладу Троицкаго, шестеро (и я), согласно съ нимъ, полагали предоставить Давыдову именоваться графомъ Орловымъ-Давыдовымъ; въ тотъ же день составленъ журналъ, 28 Января, и на другой день товарищъ, согласившись съ нами, далъ предложеніе. 3 Февраля дѣло доложено сенаторамъ, большинства не состоялось, и дѣло вносили въ Совѣтъ...

Я согласился на предоставленіе титула, потому что послѣ такихъ точныхъ повелѣній нѣтъ никакого сомнѣнія въ волѣ Государя...

И вотъ чѣмъ занимались мы въ то время, какъ на Вѣнскихъ и Парижскихъ совѣщаніяхъ у насъ откраиваютъ области и сбиваютъ не Московитскую спѣсь, а насъ съ пути-дороги, до которой мы такъ долго и усильно пробивались!

Указомъ 31-го Декабря 1855 года. № 995, Орловской дворянской опеки, назначенъ я соопекуномъ надъ имѣніемъ, оставшимся послѣ тестя моего Боборыкина. Горестное назначеніе! Имѣніе это въ такомъ безпорядкѣ, съ такими огромными долгами, съ такимъ дурнымъ управленіемъ, что немного пройдетъ годовъ до продажи его съ молотка, если не будетъ оно продано нами. Это кошемаръ мой, мое помѣшательство, убійственная моя дума. И прежде мы мало имѣли помощи изъ имѣнія, но пользовались лѣтними поѣздками, людьми и домашними мелочами. Линиться и этого—этого, столь малаго—значитъ остаться въ совершенной зависимости отъ службы, которая и не при графѣ Панинѣ зависитъ отъ произвола и минутнаго расположенія, такъ тягостныхъ для меня. Вотъ почему писалъ я матери: «давно не легко на моемъ сердцѣ, и давно неясна голова моя; это своего рода болѣзнь, за своего рода грѣхи». Я давно уже живу и сплю искусственно и по привычкѣ. А присоединяя къ этому мелкія запутанности домашнія, невольно спросишь: какъ еще живется и служится? Да; но для этого нужно терпѣніе, смиреніе и утрата того выразительнаго характера и того нравственнаго достоинства, которые составляютъ человѣка...

Я кончилъ чтеніе «Семейной хроники и воспоминаній» Сергѣя Тимофѣевича Аксакова. Книга въ высшей степени любопытная и поучительная, написанная прекрасно, съ теплымъ чувствомъ благородныхъ стремленій, съ откровенностію чувства внутренняго достоинства и съ замѣчательнымъ талантомъ выраженія. Она читается какъ романъ; хотя нѣтъ ни завязки, ни развязки, а между тѣмъ чувствуешь, что это быль, исторія. Каждая страница представляетъ картину, каждое лицо—типъ; вездѣ много наблюдательности, чувства, дѣйствія и возвышенныхъ помышленій. Это облагороженный историческій Гоголь. Но въ числѣ оригиналовъ (обыкновенныхъ людей Аксаковъ, кажется, не встрѣчалъ въ жизни) всѣхъ покрываетъ и заслоняетъ личность дѣда. Для Европейца это какое-то существо допотопное. Мощная сила тѣла и воли, необузданность гнѣва, увѣренность власти, первобытная простота патріархальныхъ временъ, почти дикость Уральская, правдолюбіе и правота закоренѣлыя—все это трепещетъ естественностію, жизнію, выразительностію *). Сынъ этого родича женится на

*) Намъ вспоминаются слова А. С. Хомякова о томъ, что Степанъ Михайловичъ Баг-

Зубовой, и въ стихію первобытнаго быта вносится стихія образованности, утвержденной на умѣ замѣчательномъ и материнской любви безпредѣльной. Образованность эта ведетъ внука этого медвѣдя въ гимназію и университетъ, въ Казань, отыскиваетъ Гр. Ив. Карташевскаго, устремляетъ молодой талантъ къ сценѣ, къ чтенію, къ сочиненіямъ и журналамъ, а потомъ вводитъ къ Шушерину, въ кабинеты Шишкова и Державина, и любовь эта летитъ, въ снѣгъ и непогоду, къ больному ребенку, идетъ по тающему льду Камы, на жизнь и смерть борется съ злымъ инспекторомъ и не знаетъ никакихъ препятствій. Картина этой борьбы образованности съ невѣжествомъ, этой любви съ необходимостью есть одна изъ блестящихъ сторонъ превосходнаго сочиненія Аксакова.

Мнѣ кажется только, что Аксаковъ, по отдаленности воспоминаній, увеличилъ размѣры своихъ лицъ или увлекся принадлежащимъ ему воззрѣніемъ и что нѣкоторыя страницы, слова́ и обороты носятъ слѣды поправокъ и подновленій, трудно сочетаемыхъ съ настоящимъ возрастомъ сочинителя и со временемъ, къ которому относятся его описанія. Кромѣ пріятнаго чтенія, простота и благородство, разлитыя по всѣмъ страницамъ огромной книги, оставляютъ въ умѣ и душѣ что-то улучшающее и возвышающее тѣсныя и обрядныя наши понятія и невольно пробуждаютъ мысли о пустотѣ и ничтожествѣ настоящаго общества. Искренняя благодарность С. Т. Аксакову! Подарите еще, и еще... Отрывочность книги и краткость описаннаго времени доказываютъ, что запасъ воспоминаній едва только начатъ, и закрома́ этой сказки переполнены золотою пшеницей.

(*Продолженіе будетъ*).

ровъ и Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ олицетворили собою ходъ Русской жизни: оба отличные люди, но дѣдъ таскаетъ за волосы свою Арину Васильевну, а правнукъ пишетъ сочиненіе о Ломоносовѣ Русскими словами и Русскими буквами, такъ однако, что Русскіе люди едва понимаютъ его. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

Первые мѣсяцы 1856 года.

Баронъ Бруновъ и гр. Орловъ въ Парижѣ, вѣроятно уже представлялись графу Валевскому и императору, вѣроятно начались и конференціи, вѣроятно и кончатся въ предположенномъ смыслѣ. Но это миръ не прочный, хотя скорый, и не почетный, ибо вынужденный. Ни мы, ни Англія ему не вѣримъ. И мы, и они занимаемъ и снаряжаемся; для нихъ уступки слишкомъ малы, для насъ слишкомъ велики. «Слишкомъ» всегда было и будетъ врагомъ порядку и праву.

Думаютъ о коронаціи. Въ Маѣ вышло положеніе о нашихъ новыхъ или новѣйшихъ мундирахъ и панталонахъ. Думаютъ... нѣтъ, ни о чемъ не думаютъ, обжираются, упиваются, мысли лѣнятся и тупѣютъ. Броженіе проектовъ и записокъ не прекращается; прибывшіе изъ Сибири Ребиндеръ и Муравьевъ защищаютъ Амурскую экспедицію или поѣздку; гр. Строгановъ Одесскій опасается чумы. Не зная условій, наши губерніи рады миру. Повсюду ссоры губернскихъ начальствъ съ ополченными, повсюду жалобы на отягощеніе и расхищеніе. Великій князь Константинъ ищетъ мѣста для флота, требуя отъ всѣхъ указать и предначертать планъ его укрѣпленій, перекоряясь съ кн. Меншиковымъ, подъ именемъ Шестакова и Грейга (Морск. Сборн. Декабрь 1855 и Февраль 1856). Въ литературѣ довольно свободное движеніе («Современникъ», Гоголевскій періодъ); дозволена «Русская Бесѣда» Славянофиламъ; въ ходу Некрасовъ, Гончаровъ и Тургеневъ. Въ газетахъ застой. Между тѣмъ, какъ бы независимо отъ Парижскихъ совѣщаній по Восточному вопросу, въ Константинополѣ рѣшаются дѣла столь же важныя, которыя въ непродолжительномъ времени пробудятъ снова этотъ вопросъ: дѣла объ устройствѣ гражданскаго положенія райевъ и объ учрежденіи Греческой церкви въ Турціи. И все это безъ всякаго участія Россіи! Если примутся за дѣло умно, мы

---

*) См. выше, стр. 284.

можемъ потерять всѣ существенные народные интересы наши. Если рѣшать дѣло мнимо - умно, т. е. подъ вліяніемъ вмѣшательства католицизма, интересы наши, со временемъ, при лучшемъ устройствѣ церкви Русской, усилятся и сблизятъ народности, въ которыхъ вліяніе наше найдетъ вѣрнѣйшую опору.

Но все будетъ зависѣть отъ демократіи. Должно полагать, что она или не допуститъ мира, или, допустивъ, начнетъ окончательно подрывать династическое начало и открыто провозгласитъ права общаго голоса съ Наполеонидами и бурными народными волненіями для положительнаго утвержденія началъ 1789 и даже 93 годовъ. Въ виду этихъ страшныхъ грозъ и даже негрозныхъ стремленій, страшно подумать о непрочности и слабости нашихъ крѣпостныхъ, общественныхъ и государственныхъ установленій. Крѣпостное право останавливаетъ у насъ всѣ усовершенія; общественныя учрежденія основаны на сословіяхъ, а сословій нѣтъ; государственное управленіе, сосредоточенное до нельзя, идетъ вяло, гніетъ постоянно и безотвѣтно трактуетъ государство, раздавъ его по частямъ, какъ жалованную вотчину. При другомъ положеніи Европы можно бы было терпѣливо выжидать улучшеній отъ постепенныхъ, частныхъ мѣръ; въ настоящее время настоятельны мѣры коренныя и общія. Въ этомъ убѣждены всѣ, кромѣ тѣхъ, отъ которыхъ онѣ зависятъ...

Но я думаю, что заснуть трудно и безъ большихъ испытаній. Потрясеніе наше весьма сильно, и мы сгоряча, не опомнясь, еще ждали себѣ отчета. Потери наши чрезвычайно важны, и крики потерпѣвшихъ интересовъ будутъ громки. Общественное мнѣніе, наука, словесность и журналы стерегутъ съ болѣе напряженнымъ вниманіемъ и выражаются смѣлѣе, громче и опредѣлительнѣе.

Умеръ знаменитый, геніальный Гейнрихъ Гейне, такъ недолго пережившій Мицкевича. Потеря этихъ двухъ пророковъ демократизма была бы въ другое время громкимъ событіемъ; нынѣ, когда бродятъ и вращаются начальныя стихіи убѣжденій и общественности и упадаютъ конечныя начала государственнаго устройства, власти и всякаго авторитета, событіе это едва замѣтно. Вообще умираетъ много; сильно похищаетъ смерть даровитыхъ людей и тамъ, и сямъ, и у нихъ, и у насъ. И немудрено. Ложное положеніе давитъ всѣхъ, всѣхъ безъ исключенія, разумѣется кромѣ тѣхъ, которые говорятъ, губя себя и другихъ: nous sommes satisfaits! и готовы прибавить: послѣ насъ хоть потопъ!

Нашъ Государственный Совѣтъ уже разрѣшилъ, какъ совѣстные суды должны сноситься съ врачебными управами: отношеніями или сообщеніями, отвѣтомъ или отвѣтствіемъ. Теперь, по поводу важныхъ затрудненій и сомнѣній исправляющихъ должность копіистовъ, канце-

ліристовъ, протоколистовъ и секретарей, онъ разрѣшилъ и другой важный вопросъ: когда сдавать и возвращать по апелляціоннымъ дѣламъ подлинныя производства въ нижнія инстанціи, по рѣшеніи дѣла или послѣ объявленія, въ Пятницу или въ Субботу, послѣ завтрака или послѣ обѣда. И мы еще спрашиваемъ: отчего такъ, что̀ привело насъ къ этому состоянію?

А вотъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, 17 Февраля № 14, обнародовано толкованіе манифеста 2 Декабря 1855 г., толкованіе основное— закона, имѣющаго кратковременное и непродолжительное примѣненіе. Обнародовано ровно черезъ годъ; а когда это дойдетъ до Читы и Якутска?

Пятая статья принятыхъ Австрійскихъ условій гласитъ: «воюющія державы предоставляютъ себѣ право при совѣщаніяхъ о мирѣ предложить, въ смыслѣ обще-европейскихъ огражденій, и другія условія». Теперь носятся слухи, что въ числѣ этихъ условій уже предъявлены обезоруженіе и срытіе всѣхъ укрѣпленій на островахъ Балтики и Николаева. Вѣсть изъ Парижа говоритъ: совѣщанія начались и идутъ туго. Я не знаю, какихъ условій не предложатъ побѣдители, зная наши матеріальныя и нравственныя силы, и на какія условія не подадимся мы при настоящемъ порядкѣ управленія. Но есть геній націи; и отъ него, и только отъ него, мы должны ожидать спасенія. Геній этотъ воспрянетъ; но кто начнетъ пробужденіе, какъ и когда начнется оно?

Въ чаду нашихъ празднествъ, обѣдовъ и спектаклей, которыхъ такъ много и теперь приготовляется въ Петербургѣ и на которыхъ въ Москвѣ гр. Ростопчина декламируетъ и подплясываетъ, а графиня Нессельроде танцуетъ канканъ-качучу, въ Москвѣ одинъ пожарный сорвалъ эполетъ у оберъ-полицеймейстера Тимашева-Беринга... «Вотъ оно, начало-то!» Въ чаду этихъ празднествъ трудно пробудиться отъ похмѣлья и пресыщенія даже для здравой мысли, не только для генія націи...

И ничего болѣе не скажешь, какъ авось. Нація не дала себѣ отчета въ своемъ значеніи. Думая выражать въ себѣ начало охранительное, она подняла его на штыкахъ руками полудикихъ полчищъ. Въ этомъ видѣ мирное начало сдѣлалось солдатскою угрозой и отвратило отъ него даже терпѣливое ожиданіе скромной преданности началу. Учрежденія внутреннія, учрежденія внутреннія, и опять-таки внутреннія! Въ нихъ долженъ проявиться правильно и мирно геній націи. Иначе онъ проявится безпорядочно и буйно. А что̀ вы сдѣлали для этого? Отвѣчали ли вы хотя на одно ожиданіе націи? Отвѣчали. Что? 1) Уничтоженіемъ Апрѣльскаго комитета тайной высшей цензуры (по соглаше-

нію предсѣдателя его Корфа съ министромъ Норовымъ). Это хорошо. 2) Негласнымъ послабленіемъ цензуры, даже разрѣшеніемъ 2-й ч. Мертвыхъ Душъ Гоголя. Это хорошо, но правильно ли и на долго ли? 3) Циркуляромъ Ланскаго дворянству и отмѣною исправниковъ отъ правительства. Для дворянства это полухорошо, а хорошо ли пробудить мысль о необузданномъ крѣпостномъ правѣ? 4) Разрѣшеніемъ неограниченнаго пріема въ университеты и возстановленіемъ ихъ попечителей, соединенныхъ при Николаѣ съ генералами. И то и другое дѣло спорное. 5) Упраздненіемъ генералъ-губернаторствъ Малороссійскаго и Бѣлорусскаго. Очень хорошо, но улучшаетъ ли это недостатки централизаціи? Нисколько, даже увеличиваетъ. 6) Признаніемъ мундировъ, усовъ и панталонъ. Это хорошо и слишкомъ. Отсутствіе хорошихъ учрежденій, столь вредное для благосостоянія, благоустройства и благочинія, еще вреднѣе тѣмъ, что незамѣтно дозволяетъ образоваться, распространяться и утверждаться, внѣ общаго слабаго порядка, порядку частному, партіямъ, въ родѣ програмы «Морскаго Сборника», гласности требованій, которымъ въ существующемъ порядкѣ нѣтъ исхода, ропоту, который находитъ живыя указанія и ощутительное себѣ оправданіе и въ явныхъ безпорядкахъ, и въ общемъ сочувствіи.

У насъ были spectacle gâla, а третьяго дня, 23-го Февраля, спектакль въ Эрмитажѣ (для 1-го и 2-го классовъ и первоприсутствующихъ сенаторовъ). Тѣснота и давка—хоть бы для лицъ низшихъ классовъ. Въ театрѣ, 22-го, при крикахъ «ура», послышались и ладоши, но генер.-губ. Игнатьевъ остановилъ Володю Буткова и другихъ школьниковъ. Я не былъ; мнѣ разсказывали сенаторы Обручевъ и Аверкіевъ.

Изъ Парижа ничего опредѣлительнаго. Много пишутъ о бриллiантахъ звѣзды и двойнаго портрета и о молодцоватости графа Орлова. Пишутъ и о возникающихъ затрудненіяхъ.

Я имѣю довольно точныя свѣдѣнія о дѣлѣ Мордвинова. Дѣло вотъ въ чемъ. На большой Тамбовской дорогѣ найдены дьячкомъ 16-го Сентября воззванія: одно, привязанное на деревѣ, другое—въ дуплѣ. Воззваніе это отъ имени плѣнныхъ Англичанъ и Французовъ; просятъ народъ не питать къ нимъ непріязненныхъ чувствъ, потому что они ведутъ войну не противъ Россіи . . . . и пришли, чтобы освободить крестьянъ отъ притѣсненій и угнетеній. Дьячекъ представилъ бумаги по начальству, и поиски и розыски не обнаружили никого виновнаго. Изъ Петербурга были присланы полковникъ Тизенгаузенъ, жандармъ, коллежскій совѣтникъ *) отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и на-

*) Въ подлинникѣ пропускъ. П. Б.

чалось, подъ вѣдѣніемъ губернатора, Карла Данзаса, строгое изслѣдованіе. Добрались до того, что многіе въ губерніи читали рукописи преступнаго содержанія, и именно, между прочими, «Восточный вопросъ съ Русской точки зрѣнія». Добрались, что первые имѣли эти рукописи: молодой Николай Мордвиновъ (сынъ сенатора, бывшаго статсъ-секретаря жандармской канцеляріи) и директоръ Кадетскаго Корпуса генералъ Пàтокинъ. Читали и другіе, напр. генералъ Ковальскій, бывшій жандармъ, житель Наврозовъ и др. Сдѣланы вездѣ обыски, при которыхъ особенно отличался маіоръ Дурновъ. На спросъ, откуда получили рукописи, показали: директоръ корпуса — отъ Нарышкина въ Москвѣ, Мордвиновъ — отъ профессора Грановскаго. По справкѣ оказалось, что и Нарышкинъ, и Грановскій умерли. Изслѣдованіе обнаружило, что молодой Мордвиновъ самой сомнительной нравственности и правилъ. Онъ рано женился на дочери помѣщика Полетики и, потерявъ ее, снова женился на дочери какого-то лекаря или аптекаря. Нелѣпость обвиненій на него доходитъ до того, что будто бы онъ въ церкви безобразничалъ. Все это: нелюбовь къ Мордвинову, пребываніе его въ Тамбовѣ и отсутствіе между плѣнными знающихъ по-русски (былъ одинъ Австрійскій Славянинъ, но и онъ по-русски не говоритъ), дали Карлу Данзасу право донести, что воззваніе написано Мордвиновымъ. Его посадили въ крѣпость. Разысканіе продолжалось. Но когда Мордвиновъ доказалъ, что онъ выѣхалъ изъ Тамбова за 8 или за 10 дней до открытія воззваній, приказано освободить его, и повидимому тѣмъ дѣло и кончилось.

Директорша Воспитательнаго Дома Дараганъ уволена. Общественное мнѣніе и здѣсь взяло верхъ надъ любимицей Віельгорскихъ и старой Императрицы. Это женщина весьма умная, ученая и весьма энергическая. Институтъ у нея былъ въ большомъ порядкѣ, надзоръ строгій, содержаніе исправно. Ее давно называли m-me Ouragan. Теперь этотъ ураганъ стихъ. Поводомъ послужило рѣзкое письмо, написанное ею къ инспектору Мих. Чистякову. Но это былъ предлогъ; настоящая причина та, что она возстановила противъ себя и зависть, и посредственность, и своемысліе —всѣ стихіи общественнаго мнѣнія. Теперь добираются до Мины Ивановны Бурковой, которая такъ нагло самовластвуетъ въ вѣдомствахъ почты и театровъ. Эта авантюрьерка представляетъ рѣдкое явленіе. Ее терпѣли прежде, ее терпятъ и теперь, всѣ ее знаютъ, всѣ знаютъ ея злоупотребленія, громко говорятъ, и все это во второй половинѣ XIX столѣтія въ самомъ Петербургѣ! Теперь мнѣніе раздражено противъ нея особенно за танцорку (первую танцорку большой Парижской оперы) Надежду Богданову. Она

въ нѣсколько дней затмила собою знаменитую и дорогую гостью нашу, преемницу Таліони, Эльснеръ, Карлотты—Фанни Черитѣ. Черитѣ искала и ищетъ въ Минѣ, а Богданова этого не хочетъ, и ея не ангажируютъ. Торжество Богдановой, въ нѣсколькихъ спектакляхъ, превосходитъ всякое описаніе. И вотъ чѣмъ мы заняты, когда въ Парижѣ подписываются условія нашего униженія! Балы, спектакли, юбилеи, танцорки, интриги и интрижки, сплетни и пересуды; но къ чему же это приведетъ?

Но впрочемъ у насъ нѣтъ недостатка и въ преобразованіяхъ: отмѣнена такъ называемая «Нѣмецкая масляница», т. е. два дня представленій на первой недѣлѣ поста, въ которые плясали и пѣли, разумѣется, хористки и танцорки православныя и на которыя съѣзжалась, конечно, половина посѣтителей изъ Русскихъ. Отмѣна эта возбудила въ иностранцахъ общій ропотъ, въ особенности потому, что въ этой, по числу иностранцевъ, довольно важной мѣрѣ думаютъ видѣть вліяніе Русской партіи. Это не неосновательно, но едвали полезно. Уваженіе поста, особенно этихъ двухъ похмѣльныхъ дней, въ простонародьи Петербурга нисколько не замѣтно...

Падишахъ Парижскій, открывая палату, не произнесъ ничего рѣшительнаго, такъ боязливо всѣми жданнаго. «Attendons avec dignité la fin des conférences et soyons également prêts, s'il le faut, soit à tirer de nouveau l'épée, soit à tendre la main à ceux que nous avons loyalement combattu» *).

Падишахъ Турецкій обнародовалъ 9 (21) Февраля учредительный фирманъ. Это цѣлая конституція: и равенство, и подтвержденіе правъ и преимуществъ ab antiquo, и публичное судопроизводство, и постоянный бюджетъ, и совѣтъ представителей и проч. и проч. Въ этомъ актѣ обманъ; демонстраціей его назвать нельзя: зашелъ такъ далеко, что ему, конечно, не вѣрятъ ни обманщики, ни обманываемые. Имъ, подъ покровительствомъ неопредѣленныхъ союзниковъ, предполагающихъ долго погостить въ Турціи, воспользуется демократія. Неисполнимость фирмана бросается въ глаза, и обѣщанія его доходятъ до наглости. Мы должны молчать. Но что же смотритъ Австрія?

---

*) Эта неопредѣленность въ устахъ необузданнаго демагога, такъ часто забывчиваго, есть уже доказательство неувѣренности; но и здѣсь выходецъ-диктаторъ не обошелся безъ вызова. Описывая войну и выставку 1855, онъ заставляетъ Францію сказать свѣту: «La guerre actuelle n'est encore pour moi qu'un épisode; mes idées et mes forces sont en partie toujours dirigées vers les arts de la paix. Ne négligeons rien pour nous entendre, et ne me forcez pas à jeter sur les champs de bataille toutes les ressources et toute l'énergie d'une grande nation».

Городскіе слухи и толки катаются на слухахъ и толкахъ о Парижскихъ совѣщаніяхъ, которыя могутъ привести и не къ миру, на увольненіи директрисы Дараганъ, которая всѣхъ возстановила противъ себя и пишетъ грубости, да еще, прибавляетъ принцъ Ольденбургскій, съ орѳографическими ошибками; на Медико-хирургической Академіи, изъ которой 4 студента, жаловались на пищу и одежду, на содержаніе и помѣщеніе, что̀ и подтвердилъ посланный флигель-адъютантъ и что̀ послужило причиною къ передачѣ Академіи въ вѣдомство военныхъ заведеній, къ Ростовцову; на празднествахъ моряковъ въ Москвѣ, гдѣ откупщикъ Кокоревъ угощалъ и упоялъ возвращающихся защитниковъ Севастополя и высшаго круга дамъ, которыя, по патріотизму, пили зелено вино, и говорилъ рѣчь, спичъ, въ которой превозносятся Великороссійскій нашъ ростъ, наше горе-кручина и т. п.

...Отвратительно смотрѣть на наши лучшія фамиліи. Матеріализмъ, пьянство, обжорство и развратъ овладѣли ими болѣе, нежели другими классами.

А вотъ программа и «Русской Бесѣды» Славянофиловъ. Поищемъ смысла въ этой сектѣ, которая сама выползаетъ на свѣтъ Божій. Чѣмъ и какъ она выразится? Не обличитъ-ли она пустоты своего содержанія? Не опоздало-ли это ученіе, если оно дѣйствительно есть ученіе? Вотъ говоритъ объявленіе, указывая цѣль, къ которой будетъ стремиться, и главное начало, на которомъ будетъ основана «Русская Бесѣда»:

«Единственная почва для самобытнаго и полнаго развитія всякаго народа есть, конечно, его народность, т. е. та совокупность его умственныхъ, нравственныхъ и жизненныхъ силъ, которая составляетъ его нравственную личность. Какъ человѣку, безъ утраты самостоятельности, нельзя отказаться отъ своей личности, такъ и народу, безъ ущерба силы и самобытности, невозможно покинуть свою народность. Къ великому счастію нашему, народность Русская сильна и тверда. Изучать Русскую жизнь въ исторіи и народномъ быту, разработывать этотъ едва початый рудникъ и посильно содѣйствовать къ *развитію Русскаго воззрѣнія* на науки и искусства, къ *возбужденію Русской изобрѣтательности* и *къ поддержанію* Русскихъ *нравовъ* и обычаевъ— вотъ главная цѣль, которую предполагаетъ себѣ «Русская Бесѣда». Она не будетъ имѣть въ виду ни воскрешать старины, которая имѣла значеніе въ свое время и которая нынѣ невозможна и превратилась бы въ безсмысленныя оковы для настоящаго, ни выставлять все нынѣ существующее въ народѣ образцемъ для слѣпаго подражанія; но она посвятитъ всѣ свои усилія на то, чтобы болѣе и болѣе убѣдить своихъ соотечественниковъ въ необходимости *оживляться въ струю Русскаго духа*, проявляемаго исторіею, великими событіями нашего вре-

мени и знаменательнымъ бытомъ нашего народа».—«Народность русская неразрывно соединена съ православною вѣрою. Вѣра—душа всей Русской жизни; она же должна опредѣлять характеръ всякой умственной дѣятельности въ нашей родинѣ. Вотъ коренныя основанія, которыя будутъ высказываться въ «Русской Бесѣдѣ». Считаемъ почти излишнимъ оговариваться, что, посвящая себя преимущественно служенію Русскаго начала, журналъ нашъ не будетъ враждебнымъ къ Западной цивилизаціи. Всякій просвѣщенный Русскій знаетъ, сколь много онъ ей обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ, и убѣжденъ, что еще весьма многому онъ долженъ у нея научиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что Западная цивилизація можетъ быть для Россіи полезною только *по пропущеніи* ея *черезъ критику Русскаго духа*, основанную на коренныхъ началахъ нашей вѣры. Заимствовать, какъ можно болѣе, у богатаго свѣдѣніями Запада, съ самобытностію усвоивать себѣ все занятое, показывать истинныя отношенія Запада къ Россіи и Россіи къ Западу и содѣйствовать къ настоящей оцѣнкѣ у насъ Западной цивилизаціи—вотъ предметы, которые «Русская Бесѣда», при соприкосновеніяхъ съ Западомъ, постарается имѣть неизмѣнно въ виду». Не исчисляя сотрудниковъ и надѣясь на всякаго, одобряющаго цѣль и начала журнала, программа удостовѣряетъ, «что наша «Бесѣда» не есть замкнутый кружокъ, но всѣмъ, искренно намъ сочуствующимъ, мы говоримъ: *милости просимъ*»!

Государь 8-го былъ на охотѣ, а 9-го на 30 тройкахъ уѣхалъ въ Финляндію.

Пруссія приглашена участвовать въ конгрессѣ. Еврей д'Израели уже подставляетъ ногу воинственному министерству Пальмерстона. Голштинскій сеймъ требуетъ пересмотра общаго учрежденія королевства. Въ Берлинѣ, на дуэли съ Роховымъ, убитъ знаменитый генералъ-полицмейстеръ Гилкельдей. Въ Испаніи безпокойства, не смотря на силу господствующей власти; въ Турціи радуются обнародованному фирману и основанъ журналъ, въ Турецкомъ духѣ, Миратъ-Уль-Аффуль, Зерцало народовъ. Новый принцъ называется Наполеонъ-Луи-Евгеній-Иванъ-Іосифъ. Воспріемниками: папа и Шведская королева. Это гороскопъ младенца. Онъ полонъ противорѣчій.

Вотъ и миръ подписанъ 18 (30) Марта. Вѣсть давно жданная и никого не поразившая. Неудачи были такъ велики, потери столь чувствительны, ожиданія лучшаго такъ малы, что заключенія мира желали и, зная опасности, не зная сдѣланныхъ уступокъ, я и другіе находимъ, что миръ могъ быть хуже. Но миръ невыгодный—чтобы не сказать болѣе. Подумаемъ и дадимъ отчетъ въ настоящемъ нашемъ положеніи и въ вѣроятныхъ недочетахъ въ будущемъ.

Былъ парадъ. Объѣзжая ряды, Государь сегодня объявлялъ о мирѣ. Вечеромъ знаменитый инвалидный концертъ (19 Марта 1814 г.—иное торжество!), а наконецъ вотъ и манифестъ. Онъ по обыкновенію вы-

чуренъ, хотя и безъ текстовъ. Гр. Блудовъ (не присутствовавшій сегодня въ Государственномъ Совѣтѣ), начавъ тѣмъ, вопреки всеобщему убѣжденію, «что война возбуждена была не Россіею», входитъ въ какія-то объясненія, совершенно неумѣстныя, о томъ, что Николай «не могъ ожидать, что послѣдствіемъ справедливыхъ его требованій будутъ *послѣдствія* войны», и что, при открытіи совѣщаній въ Вѣнѣ, «правительства, бывшія въ непріязненномъ противъ насъ союзѣ, не останавливали своихъ вооруженій и, во время негоціацій, даже усиливали ихъ». Упомянувъ «о непоколебимомъ усердіи любезныхъ подданныхъ», манифестъ входитъ въ неумѣстное подробное исчисленіе *блистательныхъ подвиговъ мужества*: «Непріятель отраженъ отъ береговъ Сибири и Бѣлаго моря, отъ твердынь Свеаборга, и геройская и проч.» и объявляетъ, что цѣль, неизъяснимыми, но всегда благостными судьбами, достигнута, ибо: «Будущая участь и права всѣхъ христіанъ на Востокѣ *обезпечены*, султанъ торжественно признаетъ ихъ, *и вслѣдствіе сего дѣйствія справедливости*, имперія Отоманская вступаетъ въ общій союзъ государствъ Европейскихъ». А потому «и мы нынѣ можемъ съ спокойствіемъ въ совѣсти положить конецъ жертвамъ и усиліямъ и даже, чтобы ускорить заключеніе мирныхъ условій и отвратить, даже въ будущемъ, самую мысль о какихъ-либо съ нашей стороны видахъ честолюбія и завоеваній, дали согласіе на...» и проч. Редакторъ манифеста очень затрудненъ въ изложеніи о сдѣланныхъ уступкахъ.

Знаменательно заключеніе: «Да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство; правда и *милость* да царствуютъ въ судахъ, да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, *для всѣхъ* равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ *невинныхъ*» [1]). Далѣе фраза о общественной нравственности, напоминающая общія мѣста и pia desideria.

Изъ Москвы слышно, что тамъ очень недовольны миромъ [2]).

Сегодня былъ у меня новый графъ Орловъ-Давыдовъ, наконецъ утвержденный послѣ трехъ повелѣній и изливалъ ропотъ свой и на графа Панина, и на сенаторовъ. Онъ пересказывалъ мнѣ, какъ еще въ Іюнѣ прошлаго года Государь въ своемъ кабинетѣ поздравилъ его и спросилъ: comment va la comtesse? Графъ Панинъ умѣетъ проводить дѣла. Но не оставитъ ли этотъ случай слѣда въ памяти Государя? Гр.

---

[1]) Это слово (разумѣющее, какъ сказалъ мнѣ А. Симанскій, крѣпостныхъ) во Французскомъ текстѣ выпущено, а въ Нѣмецкомъ переведено der Frucht seiner harmlosen Arbeit.

[2]) Вспоминается отзывъ Ивана Васильевича Кирѣевскаго, вскорѣ по заключеніи Парижскаго мира. „Обидны уступки, говорилъ онъ намъ; но это дѣло наживное, и не тутъ бѣда. Слово обезсилило, печать изолгалась: вотъ настоящая бѣда». П. Б.

Орловъ-Давыдовъ разсказывалъ мнѣ, какъ уѣхалъ Государь въ Москву на праздникъ лейбъ-гренадеровъ, а главное, чтобы осмотрѣть помѣщеніе гвардіи, которой въ коронацію будетъ въ Москвѣ около 80 т. Можетъ быть, онъ поѣхалъ и для того, чтобы показаться столицѣ и посмотрѣть и послушать ее послѣ заключенія мира. Миромъ тамъ вовсе недовольны, и вообще для Москвы и замосковныхъ губерній поспѣшное заключеніе мира, по медленности и нераспорядительности Петербургскихъ столоначальниковъ, застало и умы, и дружины въ большомъ расплохѣ и посреди молебновъ о дарованіи побѣдъ и обѣдовъ въ прославленіе нашей храбрости. Только четвертаго дня обозы Костромской дружины прибыли въ Петербургъ, но встрѣтились на дорогѣ съ пакетомъ объ остановкѣ ихъ. Путаницы этой и было и есть и будетъ еще много. Когда возвратятся дружины и когда сословія сочтутъ убытки, тогда начнутся другія прославленія, а когда присоединятся къ этому и неудовольствованные раненые и злоупотребленія въ расходахъ пожертвованій—послѣдняя вѣсть будетъ горше первой. Прибавьте къ этому троякую литературу: довольно свободную, негодную, дерзкую, писанную и открытую иностранную. Подумаешь и стоитъ подумать и передумать. Достаточно ли сильны наши стѣны противъ этого напора? Дурной климатъ, дурное населеніе и дурныя дороги, вотъ наши стѣны. Но немного чести жить за такими оградами.

Еще другое явленіе замѣтно съ послѣднихъ мѣсяцевъ Николая и особенно теперь: это терпимость, терпѣливость, податливость нашего высшаго управленія. У меня сидѣлъ Ревельскій бургомистръ Фридр. Ф. Бунге и не нахвалится угодливою снисходительностію директоровъ и министра вн. дѣлъ. Остзейцы получили все что̀ желали, и Бунге называетъ это Vereinbarung, Аугсбургскою сдѣлкою. Что̀ значитъ эта податливость, замѣчаемая даже въ неприступномъ графѣ Панинѣ? Добраго я тутъ ничего не вижу. Всѣ готовы сказать: nous sommes contents et satisfaits; это плохой признакъ!

Вотъ министръ финансовъ извѣщаетъ торгующихъ, что и морская торговля съ воевавшими державами (здѣсь они поименованы всѣ четыре) возстановляется на прежнемъ основаніи, можетъ-быть, даже на болѣе мирномъ по тайнымъ условіямъ.

Громъ, крики, разводы блестящи и громки. Также въ Парижѣ и Лондонѣ.

Государь встрѣченъ въ Москвѣ тѣмъ же митрополитомъ Филаретомъ, привѣтствовавшимъ его тако: «Къ тебѣ очи наши и сердца, какъ прежде, тогда какъ встрѣчаемъ новый взоръ твоего втораго царскаго лѣта. Ты наслѣдовалъ войну, упорную противъ насъ и противъ мира, и даровалъ намъ миръ. Твоя правда и мужество не отказыва-

лись отъ войны; твое человѣколюбіе не отказалось отъ предложеннаго мира. Не побѣдили Россію враги, ты побѣдилъ вражду. Христіанскою мыслію одушевлялъ ты войну, христіанскою мыслію осуществляешь миръ. Благодарно тебѣ отечество, и чуждые отдаютъ тебѣ справедливость, и отдадутъ полнѣе, когда утихнутъ страсти. Крѣпко должны мы молить и молимъ Бога, чтобы благопоспѣшилъ тебѣ искусствомъ и попеченіемъ уврачевать раны, безъ которыхъ не могла быть война, чтобы, по слову пророка, *правда и миръ облобызались* въ державѣ твоей и чтобы плодомъ ихъ было совершенное благоденствіе»... Государь былъ доволенъ привѣтствіемъ и вообще пріемомъ. Собранію дворянскихъ предводителей онъ сказалъ (о крестьянскомъ вопросѣ): «Я увѣренъ, что вы столько же, сколько и я, убѣждены въ томъ, что со временемъ это должно быть и что важная эта мѣра должна исходить сверху». На другой день предводители собраны были у гр. Закревскаго, чтобы окончательно остановиться и согласиться въ редакціи этихъ словъ. Предводители были очень довольны. Другіе были толки во дворняхъ. На праздникѣ лейбъ-гренадеръ (столѣтіе полка) Государь, вручая полку новыя знамена, пожелалъ, чтобы онъ и подъ ними служилъ такъ же доблестно, какъ подъ старыми.

Замѣчательна бесѣда Филарета 25 Марта о мирѣ. Прославляя наши подвиги по манифесту 19 Марта, и іерархъ позволилъ себѣ вспомнить, что «и во время перемирія, когда не позволено было сражаться съ нашими воинами, нѣкоторые изъ противниковъ нашихъ продолжали сражаться съ камнями нашихъ даже мирныхъ построеній. За то и камни на нихъ прогнѣвались, и поразили, и погребли подъ собою одного изъ мудрецовъ разрушенія. Дерзнемъ, не себя похваляя, но благодаря Бога милости, сказать, что есть на нашей сторонѣ безкровная побѣда—нравственная». Объяснивъ Исаія XLV, 7 («творяй миръ и зиждяй злая»), проповѣдникъ приходитъ къ миру, какъ дару Божію, «который долженъ быть употребленъ въ дѣло и въ пользу» и затѣмъ, независимо отъ возстановленія потраченнаго войною вещественнаго благосостоянія, призываетъ, согласно съ заключеніемъ манифеста, «потрудиться преимущественно, въ преимущественномъ обиліи, пріобрѣсти и сохранить стяжанія духовныя—Божіи благодать, вѣру, правду, добродѣтель. «Онѣ созиждутъ и утвердятъ нашъ миръ внутренній, и внѣшній возвысятъ и упрочатъ».

Въ «Sanscho» 16 Марта помѣщена статья про вмѣшательство въ переговоры о мирѣ одного Французскаго промышленника письмомъ на имя Дюма. Промышленникъ увѣрялъ и просилъ доложить Наполеону, что въ Россіи не желаютъ войны, что готовы на миръ, лишь бы безъ униженія, и что если императоръ пришлетъ довѣренное лицо въ Пе-

тербургъ, то успѣхъ несомнѣненъ. Гречъ сказалъ мнѣ, что этотъ промышленникъ—онъ, а присланное довѣренное лицо баронъ Зеебахъ.

Сегодня я былъ у Авдот. Павл. Глинки. Она написала повѣсть «Графиня Полина». Повѣсть эту Академ. Вѣдомости и Современникъ встрѣтили насмѣшками, довольно неприличными. Я нашелъ и мужа Ѳедора Ник., и самую Авдотью Павловну (больную, съ нею былъ родъ удара) въ негодованіи, близкомъ къ умопомѣшательству. Грустно было видѣть и слушать ихъ. Они находятъ, что эти критики или разборы—поруганіе, посрамленіе, оскорбленіе чести для внуки двухъ фельдмаршаловъ и дочери сенатора и куратора, что это шайка демократовъ, соціалистовъ, что они, Глинки, не хотятъ знать ни попечителя, ни министра и дойдутъ до Государя. Она, Авдотья Павловна, написала отвѣтъ не безъ достоинства, но рѣзкій, неумѣстный, которымъ и не Чернышевскій сумѣетъ воспользоваться и, поднявъ всю желчь «раздражительнаго рода», написать послѣднюю вѣсть горше первой. Искренно жаль видѣть этихъ добрыхъ людей. Мои совѣты не помогли, и я не удивился этому, увидя, что гнѣвъ этотъ поджигаетъ и поддерживаетъ Гречъ. Это уже война журналиста противъ счастливаго соперника: онъ взялся напечатать отвѣтъ въ Сѣвер. Пчелѣ, и я боюсь, что опрометчивый отвѣтъ поведетъ къ злѣйшимъ насмѣшкамъ, и дѣло кончится дурно.

Едва заключили общій миръ 18 (30) Марта о сохраненіи Турціи, какъ черезъ двѣ недѣли Франція, Англія и Австрія 3 (15) Апрѣля заключили обязательство о сохраненіи сего мира и признаніи всякаго его нарушенія casus belli. Едва гр. Орловъ возвѣстилъ Наполеону о восшествіи Александра II-го, какъ прибылъ съ поздравленіемъ prince de la Moscova, князь Ней. Все это показываетъ большое довѣріе и искреннее уваженіе. Австрія не знаетъ, какъ перехитрить Итальянскія продѣлки, неудавшіяся Сардиніи на Парижскомъ съѣздѣ; она совершенно примыкается къ Западу, отдавая ему и желѣзныя свои дороги, и кредитъ, и политическія убѣжденія. Наполеонъ не пропускаетъ ни одного случая, чтобы дать почувствовать силу пройдохи или выходца династическому началу. Наша старая императрица ѣдетъ въ Берлинъ, чтобы, говорятъ, дать поводъ Императору лично поблагодарить Пруссію за вѣрность дружбы правительства, выдержанной до конца. Едва назначенъ военный министръ, какъ уже вышелъ его приказъ, всѣми осмѣиваемый, и ему помощникомъ Брискорнъ!

Май. А вотъ и «Русская Бесѣда». Но здѣсь нужна обмолвка. Въ началѣ Апрѣля, въ Москвѣ А. С. Хомяковъ, въ Русскомъ костюмѣ былъ на большомъ обѣдѣ съ кн. Серг. Мих. Голицынымъ, во всемъ парадѣ, и разумѣется послѣдній не могъ равнодушно смотрѣть на эту воль-

ность господина мелкаго чина. По приказанію генералъ-губернатора, полицеймейстеръ Замятнинъ призвалъ къ себѣ Хомякова и обязалъ его, основываясь на высочайшемъ повелѣніи, обрить бороду и не носить страннаго одѣянія *). Отсюда—пожаръ и гвалтъ въ партіи Славянофиловъ, которые подняли забрало и открыто такъ себя величаютъ. Конст. Аксаковъ написалъ рѣзкое письмо, которое ходитъ теперь по рукамъ въ Москвѣ и здѣсь. Дѣло получило большую огласку и важность. Между тѣмъ какъ исполнялась эта строгая мѣра, вышла первая книга «Бесѣды» и при ней комедія «Князь Луповицкій» Конст. Аксакова. Комедія представляетъ глупаго помѣщика, изъ Парижскихъ кофейныхъ, желающаго сивилизировать Русскихъ крестьянъ. Послѣ пролога, въ которомъ Польскія имена Луповицкій, гр. Долонскій и баронъ Салютинъ разговариваютъ о Русскихъ: «Европейцы—люди и Русскій народъ тоже, можно сказать, люди, конечно на низкой степени, конечно разница огромная, но все же это люди». Луповицкій ѣдетъ сивилизировать съ своимъ Русскимъ камердинеромъ Жеромомъ, и пріѣзжаетъ въ деревню. Встрѣтившія его двѣ крестьянки признаютъ, что такъ какъ онъ «и одѣтъ не по-русски и говоритъ не по-русски: стало баринъ». И баринъ объявляетъ старостѣ, что намѣренъ ввести разныя улучшенія, о которыхъ староста такъ отзывается Прохору: «Видѣлъ барина?—Видѣлъ.—Ну что?—Ничего. А что? (Староста:) Да что! Добрый баринъ, ничего. Все-то объ насъ думаетъ. Перемѣны, говоритъ, у васъ сдѣлаю. Право такъ. Все о насъ, глупыхъ, пекутся. Ну самъ ты человѣкъ умный, ну скажи: какъ намъ и счастливыми-то не быть? Видишь, заботу объ насъ принимаетъ какую. (Прохоръ:) Да ты рѣчь-то не двои и пр. И за тѣмъ умный староста весьма здраво опровергаетъ глупыя предположенія князя о благотворительномъ хороводѣ, о введеніи чтенія книгъ, писанныхъ для крестьянъ, о сохраненіи бѣлизны рукъ, о перемѣнѣ чулокъ, о Нѣмецкомъ платьѣ, о награжденіи за добрые подвиги и пр. Содержаніе безцвѣтно, но изложеніе умно, и вся комедія имѣетъ значеніе какъ сопоставленіе глупаго барина и умнаго крестьянина. Подписка Хомякова и пропускъ этой книги, не анархія ли это?

Первая книга Бесѣды весьма замѣчательна, какъ исполненіе программы Славянофиловъ. Такъ какъ они пишутъ въ первый разъ, то всѣ статьи носятъ печать какого-то труда, непривычнаго, начинающаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательнаго, условливающагося въ словахъ и понятіяхъ, дабы объяснить не то, въ чемъ заключается система ихъ, а то, что она не заключаетъ въ себѣ того, въ чемъ ее упрекаютъ. Такъ напримѣръ, въ трехъ статьяхъ объясняется, что̀ такое *Русское* воззрѣніе на науку. Но, не смотря на эту отрицательность, должно

*) Сохранилась бумага объ этомъ обритіи. П. Б.

сознаться, что секта выступаетъ не боязливо, и честь и слава благосклонности цензуры, о какой при Николаѣ едва ли осмѣлились бы и подумать издатели и писатели, состоящіе подъ полицейскимъ надзоромъ. Каждая статья написана весьма умно, благородно, либерально и подъ исключительнымъ вліяніемъ желанія (немного школьнаго и натянутаго) объяснить старину нашу въ смыслѣ самостоятельномъ и въ значеніи противуположномъ западному. Но мало положительнаго, опредѣленнаго, даже новаго. Надобно подождать. Сильно ли право, которое нужно поддерживать? Первую книгу Русской Бесѣды цензоровалъ нѣкто Фонъ-Крузе, и въ этой книгѣ, между прочимъ, есть слѣдующія разсужденія, доселѣ у насъ неслыханныя. Ив. Аксаковъ говоритъ о нашей жизни: «Но эта жизнь — ни сонъ, ни бдѣнье, Богъ знаетъ что», и далѣе продолжаетъ:

«А впрочемъ мы дворянской лѣнью,
Врачуя совѣсти недугъ,
Святому истины служенью
Свой барскій жертвуемъ досугъ!
Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ позднюю ужина порѣ,
Въ роскошно убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ!
Что жъ толку въ томъ? Проходятъ лѣта:
Любовь по прежнему мертва!
О слово стараго поэта: (Шекспиръ.)
«Слова, слова, одни слова!»
Не то чтобъ лгали мы безстыдно,
Но спимъ, но дремлемъ мы обидно,
Но постепенно силы въ насъ,
Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешевыхъ,
Счастливо гаснутъ каждый часъ!
Не все же сонъ!» и проч.

Государь съ большою свитою уѣхалъ въ Варшаву, откуда князь Горчаковъ, мин. ин. дѣлъ, по дѣламъ службы (точно державы 2-го разряда) отправится въ Вѣну. У насъ распускаемое ополченіе еще не дошло до тѣхъ безчинствъ, которыя вынудили принять военныя мѣры противъ легіоновъ Нѣмецкаго въ Плимутѣ и Итальянскаго въ Мальтѣ; но слышны и у насъ если не такіе безпорядки, то шалости и буйства, и особенно неудовольствіе и ропотъ со стороны офицеровъ, поступившихъ изъ отставныхъ чиновниковъ.

Филаретъ, пастырь Московской церкви, и при новомъ 4 Мая проѣздѣ нашелъ привѣтствіе Государю: «Послѣ недавняго, новое твое пришествіе чѣмъ изъяснить можемъ, если не тѣмъ, что ты, устрояя миръ

и покой намъ, не даешь покоя себѣ, непрерывно продолжая твои царскіе подвиги, не только повелѣніями съ престола, но и непосредственнымъ наблюденіемъ и дѣйствованіемъ повсюду, гдѣ сего наипаче требуютъ дѣла царства?»

Государь назначилъ обширную слѣдственную коммиссію въ Крымъ; но обдумали ли все это? Но будутъ ли какія-нибудь послѣдствія? Васильчиковъ пользуется репутаціею правдиваго человѣка, съ независимымъ характеромъ и съ доброю волею на общую пользу; но этого недостаточно. Онъ окружаетъ себя хорошими людьми, отъ насъ беретъ прекрасныхъ чиновниковъ Заруднаго и Жизневскаго, но и этого недостаточно: все это похоронится, погрязнетъ въ столахъ и шкафахъ канцелярій. Время пройдетъ, теплота остынетъ, впечатлѣнія смѣнятся, а потомъ откроются лазейки, многое перемѣнится, много перемретъ, и самые слѣдователи подвергнутся порицанію и гоненію.

Здѣсь необходима нѣкоторая гласность и оградительныя формы суда, а затѣмъ уже, но затѣмъ, соображенія свѣдущихъ о лучшемъ устройствѣ частей, для предупрежденія подобныхъ безпорядковъ. Кн. Васильчиковъ беретъ съ собою Ив. Аксакова для написанія картины дѣла. Зарудный просилъ меня дать ему совѣтовъ и наставленій, я согласился принять его; но, не зная, въ чемъ собственно дѣло, думаю, что поговоримъ, поговоримъ и только поговоримъ.

Государь уѣхалъ въ Варшаву, чтобы ѣхать въ Берлинъ. Въ Варшавѣ опять готовятся большія милости, заставляющія жалѣть Русскихъ, что они не Поляки; въ Берлинѣ мы уже на второмъ планѣ, и тоста о сохраненіи нашей силы, столь нужной для спокойствія Европы, уже не будетъ. Будутъ рѣчи о тройномъ союзѣ, наружно выражающемъ недовѣріе къ Россіи, а внутренно занятомъ сохраненіемъ Италіи, для чего, кажется, Габсбургскому императору недостаточенъ и загадочный конкордатъ. Эти союзы, эти конкордаты и передачи въ частныя руки дорогъ и кредита показываютъ, кажется, конечную степень наступившаго единства Австріи, такъ давно опредѣленной на распаденіе. Должно ожидать, что обманутая въ своихъ видахъ Сѣверная Италія скоро должна заговорить. Нота графа Кавура есть вызовъ, и какъ ни сильны отвѣты газетъ Австрійскихъ, самое обнародованіе этой ноты доказываетъ, что, съ шагу на шагъ, Италія войдетъ въ то положеніе, когда придется обратиться къ рѣшимости 1849 года.

Безъ установленія началъ народныхъ и учрежденій вольныхъ положеніе Европейскихъ государствъ болѣе нежели ложно. Оно насильственно. Сила Наполеона не есть установленіе прочное. Вызванная обстоятельствами, она и имъ самимъ признается исключеніемъ. Какъ

бы обанкрутился этотъ Западъ съ его Наполеономъ и Іосифомъ-Францемъ, если бы геній Востока, Россія, съумѣлъ соединить воедино народныя, политическія и нравственныя силы Славянскихъ племенъ! Но геній этотъ еще почиваетъ. Вѣрно, Провидѣнію угодно, чтобъ онъ выработался и явился какъ необходимость, а не какъ проявленіе геніальной личности, и терпимое отсутствіе его дало бы возможность созрѣть системамъ, изъ которыхъ онъ долженъ сложиться. Будемъ ждать и молиться Богу.

Доселѣ еще ничего у насъ не видно, заняты мелкими преобразованіями, но все копится, собирается, подростаетъ и приготовляется. Въ литературѣ очевидная передышка, самая мелочная наука (самостоятельной науки у насъ не было, нѣтъ и долго не будетъ) въ журнальныхъ статьяхъ дѣлается смѣлѣе, свободнѣе и правдивѣе. Поэзія беретъ образы и типы, не опасаясь слишкомъ противорѣчій съ дѣйствительностію. Управленіе, не будучи въ состояніи быть отчетливѣе, невольно дѣлается благосклоннѣе, терпимѣе и безъ предубѣжденій къ требованіямъ улучшеній. Самое дурное управленіе, полиція и судъ, неуклонно идутъ къ новому порядку. Вотъ обѣщаютъ участіе частной дѣятельности въ желѣзныхъ дорогахъ, вотъ измѣняютъ служебный уставъ (измѣненіе не совсѣмъ откровенное, ибо направлено къ установленію домашняго, для богатыхъ, воспитанія съ общими правами службы, но не безполезное и способное обратиться во вредъ consultoribus), вотъ новые виды Азіатской торговли и проч. Но вотъ мы и въ Берлинѣ передъ третьимъ уланскимъ полкомъ! Не будемъ желать скачковъ. Тихонько, но увѣренно, не громко, но искренно, снисходительно, но несвоекорыстно, и Богъ благословитъ начинанія и совершенія наши.

Я неоднократно присутствовалъ въ засѣданіяхъ Географическаго Общества и въ отдѣленіи статистики. Это собраніе, подъ покровительствомъ великаго князя Константина, получило большое значеніе и непомѣрно-обширный кругъ дѣятельности. Какъ всѣ учрежденія въ молодомъ государствѣ, оно довольно смѣшанно и заключаетъ въ себѣ не только географію и статистику, но и этнографію, и геологію, и геогностику, и даже филологію. Какъ все въ Россіи, оно въ началѣ принялось пылко и быстро, снарядило экспедиціи Уральскую, Сибирскую, Каспійскую, учредило отдѣлы Сибирскій и Кавказскій, издало прекрасныя книги, карты и планы, возбудило интересъ къ наукѣ даже въ скромныхъ уѣздахъ и селахъ, наградило многихъ описателей-путешественниковъ. Это смѣшеніе и эта пылкость должны измѣниться. Пылкость уже поостыла, смѣшеніе начнетъ развѣтвляться. На дняхъ приглашаютъ насъ въ засѣданіе статистическаго отдѣленія,

для разсмотрѣнія предполагаемаго описанія торговаго и судоходнаго движенія на Волгѣ. Это будетъ любопытно: что̀ тутъ статистическаго и что̀ практическаго, т. е. науки и управленія? При затишьѣ въ нашемъ управленіи конечно полезно, чтобы хотя общество занялось предположеніями улучшеній; но много-ли тутъ выиграетъ наука? Какіе поводы послужили къ избранію этого предмета? Въ какомъ объемѣ оно предполагается? Какими способами исполнить его? Если послѣ описанія Миллера, 1780 годовъ, и Бабста, 1851 г., нужно описаніе Волжскаго бассейна, то здѣсь предметъ болѣе географіи и этнографіи, съ геогностикой, геологіей и прочими логіями; но что же тутъ сдѣлаетъ статистика? Описаніе судовъ, товаровъ, привоза, прихода и т. п. Но это есть въ архивахъ министерства. Это задача не статистическая, но географическая. Вообще для статистики Россія еще не дозрѣла. Задача общества должна состоять въ опредѣленіи лучшихъ, вѣрнѣйшихъ способовъ избранія, путями правительственными. Если же приступать къ самымъ работамъ, то путемъ монографій не столь обширныхъ какъ бассейнъ Волги (3200 верстъ, а еще съ притоками до 17 т. верстъ).

Прощеніе Польскихъ выходцевъ—мѣра хорошая. Да возвратятся всѣ испытавшіе гоненія, строгости Николая, и да забудется ихъ прошедшее. Но почему эта милость возвѣщена не манифестомъ, а нотою нашимъ посланникамъ? Вѣроятно, чтобы не роптали наши; жаль: ропотъ будетъ основателенъ. Многіе изъ нашихъ заслуживаютъ снисхожденія болѣе, нежели упорные Поляки, возвращеніе которыхъ изъ революціонной Европы и менѣе безопасно, нежели возвращеніе Сибиряковъ и Кавказцевъ. Потомъ: зачѣмъ и о Полякахъ сдѣлано неопредѣленное изъятіе тѣхъ, «которые поведеніемъ своимъ обнаружили неисправимое враждебное расположеніе къ императорскому правительству или пребываютъ въ такомъ враждебномъ образѣ мыслей?» Многихъ это испугаетъ, а о многихъ дастъ мѣстнымъ властямъ поводъ къ произвольнымъ распоряженіямъ. Point de rêveries, говорилъ Государь Полякамъ въ Варшавѣ. Онъ напоминалъ о необходимости искренной преданности Имперіи, подобно Финляндіи... Онъ съ признательностію отзывался о храбрости Поляковъ въ Крыму. Въ Le Nord напечатана по этому случаю весьма неловкая провокація о томъ, что конгресъ Парижскій ни слова не сказалъ, шагу не сдѣлалъ для Польши и проч., а въ St.-Anzeiger Прусскомъ, № 130, циркуляръ 15 Апр., чтобы отправляющіеся въ Россію или Польшу, «auch gegenwärtig noch eine Bescheinigung ihres tadellosen politischen Verhältniss beizubringen haben».

Іюнь. Гр. Киселевъ назначенъ посломъ въ Парижъ. Многіе видятъ въ этомъ перемѣну системы, спустя либерала и назначивъ какого-нибудь тори. Но, во первыхъ, тори не назначенъ, да и нѣтъ ихъ: въ совре-

менной атмосферѣ искренно или притворно всѣ либералы. Во вторыхъ, учрежденія Киселева, какъ они ни плохи, установились, и съ ними перевѣсъ государственнаго начала надъ старымъ, отсталымъ, утвердился даже въ положительныхъ законахъ. Въ третьихъ, сближеніе съ Европой такъ необходимо, и сближеніе это такъ противуположно помѣщичьему воззрѣнію, что о перемѣнѣ системы и думать нечего. Остается думать объ улучшеніи ея, и это будетъ. Прощаясь съ министерствомъ, гр. Киселевъ назначилъ директоромъ сельскаго хозяйства (самое важное мѣсто) извѣстнаго писателя противъ крѣпостнаго права Заблоцкаго.

Намѣстникъ Кавказскій генералъ Муравьевъ, какъ сказано, согласно его желанію уволенъ (это въ то самое время, какъ въ Англіи готовили ему адресы, и Вильямсъ получилъ титулъ Карскаго баронета) и на мѣсто его назначенъ князь Александръ Барятинскій. Желанію Муравьева никто не повѣритъ, дадутъ вѣру Польскимъ интригамъ ходатаевъ за недовольныя народонаселенія и за выгнанныхъ изъ службы чиновниковъ края; не повѣрятъ манифестаціямъ при пріѣздѣ на Кавказъ князя Барятинскаго, а повѣрятъ системѣ фаверовъ. И все это не столько дурно само по себѣ, сколько дурно исполненіемъ. Муравьевъ въ самомъ дѣлѣ, по своему педантизму и нелюдскости, могъ уступить въ мирное время мѣсто начальнику болѣе вельможному и съ громкимъ именемъ; но если Николай могъ посадить его, назначивъ нецеремонно съ фельдъегерскимъ пакетомъ, то не слѣдовало также безцеремонно увольнять его, какъ уволили въ 1826 году генерала Ермолова, и потомъ разсчитывались съ нимъ тридцать лѣтъ. Для пользы самого любимца, князя Барятинскаго, слѣдовало бы подержать Муравьева еще годъ-другой. Онъ человѣкъ честный, любитель порядка, знатокъ дѣла и знакомый съ краемъ. Продолжать и уновлять дѣло, имѣющее прочныя основы, и легко, и пріятно. Посмотримъ, останется ли Муравьевъ въ Государственномъ Совѣтѣ, или какъ Пироговъ совсѣмъ оставитъ службу и займется воспитаніемъ дѣтей.

Петербургъ переѣхалъ или переѣзжаетъ въ Москву. Намъ остались ожиданія, толки и выдумки. Ожидаютъ милостиваго манифеста и помилованіи Сибиряковъ и Кавказцевъ. На неоднократныя ходатайства мои о кн. Евгеніи Оболенскомъ и Вас. Головинскомъ мнѣ отвѣчали: «Будутъ помилованы, будьте покойны, и всему этому обязаны добротѣ кн. Василія Андреевича Долгорукова». Толки особенно о назначеніяхъ и изъ нихъ особенно о Вас. Александр. Шереметевѣ. Я получилъ эту вѣсть въ то время, какъ читалъ обширную записку Юр. Самарина о крѣпостномъ правѣ. Вѣсть эта точно прикрѣпила его.

Августъ. Описанія торжествъ въ Москвѣ начинаютъ наполнять наши журналы. Въѣздъ 17 Августа уже описанъ. Выпишу три-четыре статейки. Весь рядъ домовъ отъ Тріумфальныхъ воротъ (Тверская улица) до Садовой буквально обтянутъ подмостками. Мѣстъ для зрителей приготовлено болѣе 50 т., которыя продавались въ началѣ улицы отъ 1 до 3 р., а отъ Садовой до Спасскихъ воротъ 3, 10 и даже 25 р.; окна продавались по 10, 25 и по 50 р. Алексѣевъ нанялъ балконъ при гостин. Парижъ за 1,000 р.; Кокоревъ двѣ залы Московскаго трактира, на Воскресенской площади, за 3,000 р.; украшеній сверху до низу вездѣ множество. Словно какой нибудь волшебникъ въ одну минуту выворотилъ всѣ дома на изнанку, и Богъ знаетъ куда спряталъ стѣны.—И у насъ въ Петербургѣ иллюминація 26-го Августа приготовляется въ огромныхъ размѣрахъ. Замѣчательно, что самыя богатыя приготовленія сдѣланы на счетъ казны или обществъ: Военное Министерство, Синодъ, дома главнаго штаба, генералъ-губернатора, оберъ-полицеймейстера, Думы и гостиннаго двора. Украшеніями распоряжались Изелеръ, и альковы Думы очень походятъ на его Цыганскія бесѣдки на водахъ въ Новой деревнѣ.

Празднествъ будетъ много, милостей тоже. Но все это и слишкомъ долго, и слишкомъ сплошно. Поощреніе напрасныхъ тратъ и празднолюбія: двѣ язвы давно насъ съѣдающія и особенно въ настоящее, нужное время, втройнѣ гибельныя. Скромность, бережливость и порядокъ—вотъ что надобно водворить у насъ. Вообще, въ правительствѣ замѣчаешь какое-то желаніе снисхожденія, какое-то опасеніе раздраженія и стремленіе къ угодливости, развлеченіямъ. Очарованіе это непродолжительно: разнузданные (какъ наши военные теперь, и морскіе еще болѣе), во всякомъ случаѣ хуже взнузданныхъ.

А вотъ и манифестъ 26 Августа. Выгодные торги на откупа и богатые таможенные сборы дали возможность простить много взысканій и начетовъ; прощеніе преступниковъ сдѣлано въ размѣрѣ манифеста 27 Марта. Все это не такъ важно. Важны статьи о новой ревизіи, о кантонистахъ, объ уравненіи Западныхъ губерній въ порядкѣ службы, Евреевъ въ рекрутствѣ, объ отмѣнѣ наборовъ на три года, о зачетѣ всѣхъ убылыхъ ополченцевъ, о медаляхъ на трехъ лентахъ. Все это прекрасно; особенно пріятно читать о наборахъ, о кантонистахъ и о Западныхъ губерніяхъ. Но еще пріятнѣе прощеніе Декабристовъ съ возвращеніемъ имъ правъ состоянія, а нѣкоторымъ и титуловъ. Вотъ 32 помилованные:

I). Поселенцы: 1) Сергій Трубецкой, 2) Евгеній Оболенской, 3) Матв. Муравьевъ-Апостолъ, 4) Иванъ Горбачевскій, 5) Александръ Поджіо, 6) Владим. Вечасный, 7) Иванъ Пущинъ) 8) Сергій Волкон-

скій, 9) Иванъ Якушкинъ, 10) Дмитрій Завалишинъ, 11) Дмитр. Щепинъ-Ростовскій, 12) Иванъ Кирѣевъ, 13) Александръ Фроловъ, 14) Михаилъ Бестужевъ, 15) Баронъ Владимиръ Штейнгель, 16) Гавріилъ Батенковъ, 17) Петръ Фаленбергъ, 18) Юліанъ Люблинскій и 19) Василій Колесниковъ.—II). Находящіеся на жительствѣ въ Сибири: 20) Отстав. губерн. секрет. Веденяпинъ. 21) Михаилъ Кюхельбекеръ. 22) Баронъ Веньяминъ Соловьевъ, 23) Андрей Быстрицкій, 24) Флегонтъ Батмановъ, 25) Дмитр. Таптыковъ, и 26) Хрисанѳъ Дружининъ.—III). Служащіе канцелярскими служителями въ Сибири: 27) Николай Крюковъ, 28) Александръ Крюковъ, 29) Кол. регис. Николай Басаргинъ. 30) Губерн. секр. Петръ Свистуновъ, 31) Колл. секр. Иванъ Анненковъ и 32) Александръ Бригенъ. Имъ дозволяется возвратиться изъ Сибири и жить гдѣ пожелаютъ (кромѣ столицъ), и имъ, а равно и прежде возвращеннымъ (которые освобождаются отъ всѣхъ ограниченій) и ихъ законнымъ дѣтямъ и дѣтямъ умершихъ, рожденнымъ послѣ произнесенія приговоровъ, даровано дворянство потомственное, только безъ правъ на прежнія имущества; а Штейнгелю, Андрею Розену, Захару Чернышову, Алексѣю Черкасову, Валер. Голицыну и Веніам. Соловьеву и законнымъ дѣтямъ ихъ прежніе титулы, и проч. Возвращаются титулы законнымъ дѣтямъ и всѣхъ прочихъ возвращаемыхъ, Оболенскимъ, Волконскому и др.—Всѣ жалѣютъ, что ничего нѣтъ о шалунахъ 1849 г., которыхъ постигла такая тяжкая участь отъ того, что министръ вн. дѣлъ говорилъ, что дѣло важно, а жандармы, что оно ничтожно. Кашкинъ, Головинскій, Европеусъ—это дѣти, забывшіяся до наступленія своего совершеннолѣтія.

Какое торжество, какой одушевленный крикъ, какъ много искренняго увлеченія въ Москвѣ и даже у насъ!

Вообще рѣчью Филарета недовольны. Въ самомъ дѣлѣ, время требовало отъ служителя церкви выраженія болѣе смѣлаго, совѣтовъ болѣе откровенныхъ и моленія болѣе теплаго о уврачеваніи ранъ, еще точащихся, и исполненіи обѣтовъ, глубоко проникающихъ души.

Наградъ 26 Августа и не перечтешь. Но послушайте самихъ счастливыхъ: графъ Орловъ (князь), весьма скромный, говоритъ, что «свѣтлѣйшаго не удостоенъ». Бергъ (графъ) желалъ графства Россійскаго; Танѣевъ говоритъ, что получилъ «какой-то перстень» (съ портретомъ, это выше табакерки); Аркадій Кочубей (обойденный въ д. т. с.) выходитъ въ отставку; а Гурко и Толмачевъ просятъ возвращенія мундировъ, указывая на Голицына, князя Андр. Мих. Это награды самыя высшія. Въ среднихъ ропоту еще больше. Онъ превращается въ гулъ, когда нисходитъ въ слои темные, гдѣ ропотъ не сдерживается и положеніемъ награжденныхъ.

Я такъ отошелъ отъ моихъ сверстниковъ, что уже давно не считаюсь ни мѣстами, ни чинами; но и у меня есть льстецы и доброжелатели. Поздравляя или не поздравляя меня съ Анною 2-й ст. съ короною (о чемъ я до сего дня ничего не знаю), они выражаютъ соболѣзнованіе и утѣшаютъ мнѣніемъ общества, товарищей и подчиненныхъ. Мнѣніе! Оно похоже на уличную лампу въ дождливую ночь осени. Нельзя не одобрить правила Государя—не переходить степеней. Надобно только его выдержать. Исключительность сдѣлалась правиломъ и желаній, и требованій.

Не было печали, да черти накачали: исторія съ моими «Открытыми письмами», начало которыхъ, напечатанное въ 202 № Сѣверной Пчелы, взбунтовало канцелярію министра просвѣщевія, цензора (добраго Ив. Ив. Лажечникова) и редактора Ник. Ив. Греча. Не знаю, чѣмъ это кончится; но, жалѣя о цензорѣ и редакторѣ, я боюсь и за оберъ-прокурора, которому вѣроятно генералъ-прокуроръ не проститъ этого вмѣшательства. А я, дурень, думая обличить несостоятельность нашихъ партій (Славянофиловъ, натуралистовъ и европеистовъ) и пустить въ оборотъ двѣ-три мысли, еще привѣтствовалъ *разсвѣтающій* періодъ литературы словами Тацита: rara temporum felicitas, ubi sentire quae velis et quae sentias dicere licet. Народный характеръ портится въ основаніяхъ.

А жены и дѣтей все нѣтъ! Сегодня я видѣлъ ихъ во снѣ, и къ утру душилъ меня домовой. Голова очень тяжела и сердце грустно. Что бы это значило?

Даровитый нашъ либералъ графъ Киселевъ разослалъ циркуляръ, въ родѣ Русскаго Штейнова завѣщанія, который и безъ назначенія Шереметева долженъ произвести большое впечатлѣніе при гласности, его ожидающей. Это циркуляръ о законности (29 Авг. № 36) наканунѣ увольненія и заднимъ числомъ, какъ Штейнъ. Выписавъ рескриптъ Государя о наградѣ портретомъ, графъ Киселевъ продолжаетъ: «Осчастливленный такою всемилостивѣйшею наградой, не могу не выразить, что безъ ревностнаго содѣйствія сослуживцевъ я не могъ бы ее заслужить. При исполненіи возложенной на меня высочайшею волею обязанности, я старался, вникая въ благія намѣренія предначертаній, избирать усердныхъ и достойныхъ довѣрія исполнителей, направлять дѣйствія ихъ къ высокой благолюбіемъ государей указуемой цѣли, къ водворенію во всемъ кругѣ управленія М. Г. И. законности, къ попечительству, къ постоянному и терпѣливому назиданію, поощренію и руководству 20 милліоновъ сельскаго населенія и къ охраненію путемъ закона учрежденій, дарованныхъ сему сословію для упроченія и развитія его благосостоянія. Если я могъ ошибаться въ выборѣ должностныхъ лицъ, если и встрѣчалъ со стороны нѣкоторыхъ неисполнительность и даже нарушеніе обязанностей: то мнѣ отрадно, что подоб-

ные случаи составляли исключенія, что большинство чиновъ и лицъ сельскаго управленія, постигая важность своихъ обязанностей, мѣрами кроткими и справедливыми содѣйствовали и содѣйствуютъ къ водворенію должнаго порядка и благоустройства во всѣхъ частяхъ управленія. Благодарю всѣхъ моихъ сослуживцевъ, которые, одушевляясь святостію своего долга, были мнѣ вѣрными помощниками въ государственномъ дѣлѣ, тихо, но прочно устроившемся при постоянномъ къ нему всемилостивѣйшемъ вниманіи въ Бозѣ почившаго Государя Николая Павловича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Въ обширномъ кругу предначертанныхъ для министерства обязанностей многое остается еще дѣлать. Желаю, чтобы сотрудники мои, переходя подъ новое начальство, были и для него столь же ревностными дѣятелями и продолжали свое служеніе съ тѣми же правилами чести и усердіемъ, которыя пріобрѣли имъ право на мою признательность. Благодарю всѣхъ поселянъ за ихъ полную довѣренность къ оставляемому мною управленію, которому они содѣйствовали точнымъ исполненіемъ всѣхъ распоряженій начальства, трудолюбіемъ и готовностію, по призыву Августѣйшаго Монарха, приносить всякія жертвы въ годины испытаній. Обращаясь въ послѣдній разъ къ подвѣдомому М-ву Г. И. сословію поселянъ, желаю, да укрѣпляется въ нихъ болѣе и болѣе сознаніе, что только по мѣрѣ утвержденія дарованныхъ имъ монаршею милостію учрежденій можетъ водвориться среди сего сословія законность—единое прочное основаніе всякаго порядка и благосостоянія. И на иномъ поприщѣ службы, указанномъ мнѣ волею Монарха, вдали отъ отечества, мнѣ будетъ такъ же близко истинное благо государственныхъ крестьянъ, какъ оно было близко мнѣ въ теченіе многолѣтняго ими управленія; буду до конца дней моихъ радоваться ихъ успѣхамъ и, слѣдуя примѣру общаго отца нашего Государя Императора, буду молиться за нихъ. Если они сохранятъ обо мнѣ память, то она будетъ, послѣ милостей Государя, лучшею, драгоцѣннѣйшею для меня наградою».

Мои открытыя письма продолжаются. Князь Вяземскій ихъ цензеруетъ самъ. Цензоръ Ив. Ив. Лажечниковъ на оттискахъ не пропустилъ содержанія программы писемъ, напечатанной въ газетѣ. Во 2-мъ письмѣ князь Вяземскій много исключилъ. Жаль! Исключено довольно много существеннаго. Я послалъ сегодня третье письмо (самомнительность и самопоклоненіе), написанное гораздо мягче, нежели я предполагалъ. Въ немъ я желаю показать необходимость изученія Греко-Римской образованности и познакомить съ пребываніемъ въ Петербургѣ въ 1812 году Сталь, Штейна и гр. де-Местра. Если и это письмо подвергнется передѣлкамъ, то я прекращу ихъ. Похвалы меня не обольщаютъ. Я думалъ сдѣлать пользу, т. е. дать совѣтъ писателямъ и заставить сдѣлать шагъ цензуру. Я всегда замѣчалъ, что эти эксцентрическія выходки обращаются мнѣ во вредъ. Пристрастіе и несправедливости невольно ведутъ къ авантюрьерству. До искренности, до истины, даже условной, вездѣ принятой, мы еще далеки, и я не

далъ себѣ въ этомъ порядочно отчета. Можетъ быть, я даже повредилъ доброму дѣлу. Но авось въ шумѣ празднованій письма пройдутъ незамѣченными. Немногаго я желалъ, но этого хочу теперь.

Довольныхъ изъ награжденныхъ было мало. Всѣ превозносятъ роскошь, вкусъ и порядокъ, но конечно не при дворѣ и не при угощеніяхъ. Въ приглашеніяхъ забыли посланника Гановерскаго; при *репстиціяхъ* угощеній оберъ-шенкъ, идя à reculons, повалился и разлилъ воду, хотя и былъ поддерживаемъ рослымъ Княжевичемъ.

Народный праздникъ считаетъ между прочимъ 2496 пудъ ветчины, 936 п. колбасъ, 315 п. масла, 3120 барановъ, 12,480 куръ, 49,920 пироговъ, 24,960 ватрушекъ, 145,088 калачей, 1252 ведра вина и 3120 пива, а для роспиванья—14,400 ковшей и для укладки всего по столамъ (на протяженіи 6,240 сажень) 8,700 пирамидъ. Издержки на постройки простирались до 76 т. р. Сомнительно, чтобы удался этотъ праздникъ, при нашей толпѣ, которая конечно возрастетъ за 150 т. человѣкъ.

Вѣдомости разносятъ циркуляръ Мин. Вн. Д. съ словами Государя предводителямъ дворянства. Въ началѣ: «Еще разъ благодарю васъ, господа, за услуги и усердіе дворянства», а въ концѣ: «Онъ (покойный Государь) говорилъ мнѣ: надѣйся на нихъ и вѣрь имъ, и я вамъ вѣрю, господа», и еще въ концѣ: «Мнѣ отрадно... благодарить васъ и передать чрезъ васъ всему дворянству, что я вамъ вѣрю, вѣрю, вѣрю». Ланской пишетъ, что «Государь, общій отецъ нашъ, тронутый до глубины души выраженіемъ вашихъ чувствъ, изволилъ со слезами прочесть составленную вами записку». Какая такая?

Въ этихъ же листахъ печатается и прощаніе крестьянъ съ гр. Киселевымъ 31 го Августа. Графъ напомнилъ имъ монаршія милости, изліянныя на ихъ сословіе въ дарованныхъ имъ учрежденіяхъ, которыми упрочено ихъ благосостояніе; благодарилъ ихъ за довѣренность къ нему, завѣщалъ имъ свято блюсти законность во всемъ. «Благодаримъ тебя, батюшка, благодаримъ; не забудемъ во вѣки ни милостей Царя, ни твоихъ объ насъ попеченій», говорили сквозь слезы собранныя головы и старшины. Они поднесли графу образъ Спасителя съ надписью: «Аминь глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе (Матѳ. XXV, 40). Его сіят—ву графу П. Д. Киселеву отъ представителей государственныхъ крестьянъ». «Въ этихъ немногихъ словахъ, объясняетъ газета, словахъ «меньшой братіи», высказана вся жизнь того, кто, по словамъ Государя, положилъ «прочныя начала къ будущему преуспѣянію и дальнѣйшему развитію благосостоянія многочисленнаго сословія Русскаго народа» (изъ рескрипта 26 Августа). Только избраннымъ

на великое поприще служенія человѣчеству Провидѣніе посылаетъ счастіе такими чертами записывать свое имя въ исторіи». Вотъ что! Иначе думаетъ объ этомъ будущій графъ В. А Шереметевъ; но едва ли онъ будетъ дѣйствовать какъ думаетъ.

Утверждено огромное предпріятіе: 4500 верстъ желѣзныхъ дорогъ изъ Петербурга въ Варшаву, изъ Москвы въ Нижній, Ѳеодосію и Либаву. Обезпечены 5%, владѣніе на 85 лѣтъ, постройка въ теченіи 10 лѣтъ, все нужное дозволяется ввозить безпошлинно. Это колоссально. Европейскому капиталу некуда дѣваться. Движеніе у насъ будетъ сильно. Тарифъ погнется, фабрики и желѣзные заводы подадутся. Общество пароходства и это предпріятіе должны дать большой толчокъ движенію. Но не слишкомъ ли много и велико? Естественно ли это? По моему мнѣнію, нѣтъ. Это огромные долги, едва ли искупимые и погасимые даже черезъ 50 лѣтъ. И пять процентовъ! Безъ свободнаго, либеральнаго тарифа возить будетъ нечего. Два эти общества потребуютъ около 400 милліоновъ (два наши бюджета), которые конечно оживятъ нашу дѣятельность и обогатятъ населеніе, вызвавъ много усилій труда и талантовъ и распространя много идей и познаній. Тѣсный взглядъ нашъ расширится. Въ государствѣ, если оно не преобразуется, оснуется другое государство. Все это прекрасно. Но готовы ли мы для этого? А главное, будемъ ли мы состоятельны? Кого мы повеземъ и что̀ мы повеземъ? 5% не увеличили ли нашу смѣту, и нынѣ тяжко составляемую? И къ чему эта дорога въ Варшаву, эта дорога въ Либаву, когда есть Петербургъ и Рига? Я очень радуюсь этому движенію, но не могу растолковать себѣ эти предпріятія иначе, какъ займомъ для оживленія мѣстной дѣятельности. Я всегда утверждалъ, что всякое поощреніе развитію вредно. Мы въ конецъ испорчены неестественными скачками. Настоящее предпріятіе почти также порывисто, какъ Петровское вторженіе, и я, отсталый человѣкъ, не вижу въ немъ мирнаго успѣха, а успѣхъ насильный, угрожающій по крайней мѣрѣ разочарованіемъ.

Видѣлся съ Шереметевымъ. Онъ рыдалъ, обнимая меня, какъ ребенокъ; но какой же это человѣкъ, гдѣ тутъ министръ? Въ глазахъ ихъ есть только два положенія: раболѣпія или предательства. О люди!

Не могу я видѣть В. А. Шереметева безъ сожалѣнія и состраданія: такъ онъ смущенъ, застращенъ и подавленъ своимъ положеніемъ. Ни одного человѣка съ кѣмъ бы онъ могъ быть откровененъ. И съ этимъ-то народомъ я долженъ возиться! Есть старикъ, адмиралъ Анжу; но онъ не только въ лѣсу, да и вообще на сухомъ пути чувствуетъ себя внѣ своей сферы. Съ начальниками отдѣленій слова перемолвить нельзя, и чиновники при м-рѣ какіе-то калѣки, какъ Пташинскій, сор-

ванцы, какъ Брилевичъ, или Французы, не знающіе по-русски, Шопенъ и Годеніусъ, или юноши, ничего не знающіе, какъ Мухановъ, Моисеевичъ, Рѣпинскій. Прибавьте къ этому товарища Хрущова, и вотъ мое министерство!

Я съ Хрущовымъ не вижусь. Напрасно! Но дѣло рѣшено. Что я сдѣлаю? Я буду полезенъ и министру, и министерству. Первому я облегчу трудъ, м-ву ослаблю предубѣжденія. Успѣю ли? Не знаю. Вполнѣ безкорыстно я дѣйствую? Сомнѣваюсь. Найду ли мои выгоды? Особь статья. Я выигрываю уже и тѣмъ, что удаляюсь отъ юстиціи, которая пять дней въ Сенатѣ и одинъ на консультаціи, почти при каждомъ дѣлѣ, возмущала мнѣ душу. Такъ она отвратительна, такъ преступно равнодушіе гр. Панина къ правосудію въ народѣ, въ которомъ водвореніе понятій о собственности и правѣ нужнѣе насущнаго хлѣба. Молю Бога, да пошлетъ мнѣ силъ и преданности.

Свиданіе мое съ графомъ Панинымъ любопытно. Этотъ господинъ увѣрилъ себя, что, творя людей, онъ можетъ обойтись и безъ людей. Но, Боже мой, отвѣчай онъ на мои слова хотя искренностію, я остался бы въ юстиціи, которая такъ отвратительно дурна, возмутительно безпорядочна и въ лицѣ главнаго своего представителя равнодушна до преступности, остался бы, потому что труда здѣсь много, пользы еще болѣе, и изъ всѣхъ рабскихъ положеній служащаго на сенатскихъ креслахъ менѣе часто можно чувствовать эту унизительную зависимость. Нѣтъ! Графъ Панинъ не хотѣлъ снизойти до откровенности и окончательно на мои вопросы отозвался тѣмъ, что «Василій Александровичъ просилъ меня не препятствовать вашему переходу въ личное себѣ одолженіе». Богъ съ вами! Найдите себѣ сотрудниковъ лучшихъ, я первый тому порадуюсь; но глубокое убѣжденіе говоритъ мнѣ, что непризнательность есть грѣхъ, а равнодушіе къ государству въ министрѣ—преступленіе. Это не проходитъ даромъ.

Хотя указа обо мнѣ еще нѣтъ, но я уже былъ у бумагъ новаго министра. Онъ боязливъ, мнителенъ, нерѣшителенъ до крайности. Директоры, замѣчая это, дѣйствуютъ на него устрашеніемъ. Жаль мнѣ человѣка. Онъ показалъ мнѣ не безъ тщеславія:

1) Докладъ объ отдѣленіи коннозаводства. «Члены комитета, прибавилъ онъ, всѣ старше меня, и никто не явился ко мнѣ при вступленіи». Не думаю, чтобы это отдѣленіе было раціонально. «Коннозаводство должно входить въ общую систему хозяйства, а это хозяйство есть существенная часть нашего управленія». Несогласенъ я съ министромъ.

2) Объ увольненіи Ковенскаго и Вятскаго управляющихъ; они удалены, отрѣшены, исключены, и я не вижу, почему нужно было

приступать къ такой жестокой мѣрѣ. Второй, по обвиненіямъ Д-та и Совѣта, виновенъ; но въ такомъ случаѣ лучше назначить судъ.

3) О Каспійскомъ рыболовствѣ; что-то сложно по случаю измѣненій Волжскаго фарватера. Почему это въ канцеляріи? Не понимаю.

4) Объ упраздненіи осушки болотъ въ С.-Петербургѣ.

5) Объ истребленіи лѣсовъ въ западныхъ губерніяхъ бабочкою-монахомъ. Я попросилъ его поворотить эти дѣла въ Совѣтъ.

6) О порубкахъ въ Бѣловѣжской пущѣ, по жалобѣ Евреевъ на преимущества Данцигскаго негоціанта Самуила Бугенгагена. Дѣло темное, и къ удивленію моему Шереметевъ не зналъ, что данъ Сенату окончательный отзывъ. Онъ былъ недоволенъ моимъ замѣчаніемъ.

7) О бенефиціальныхъ имѣніяхъ бывшаго Виленскаго университета. Дѣло запутанное и административно рѣшенное ко вреду западныхъ губерній. Это дѣло вѣрнѣе бы было пустить судомъ. У графа Киселева и у Шереметева, да у всѣхъ этихъ господъ, кромѣ господина Панина, страсть обходить порядокъ и все тащить къ Государю. Оно легче! Все мнѣ это не нравится. Постараюсь, пригляжусь. Поразительна замкнутость вѣдомства: здѣсь не только свои банки и своя полиція, но даже свои раскольники. Если все это министерство не есть мѣра временная, переходная, придуманная гр. Киселевымъ, чтобы подвинуть все управленіе Имперіи: то трудно понять, на какой конецъ увеличена масса чиновниковъ и дѣлъ и безъ того весьма обильныхъ въ Россіи.

Мнѣ пріятно выраженіе сочувствія Сената и товарищей. Они какъ бы рады этому случаю, чтобы пороптать, поругать графа Панина. А какъ-то тяжело на сердцѣ, когда подумаешь, что послѣ 15 лѣтъ судебной службы, на 44 году жизни, я мѣняю поприще. Принимаю мѣсто личное, всегда немножко лакейское, при Шереметевѣ, всегда немножко-много Орловскомъ помѣщикѣ и въ управленіи хозяйственномъ, совершенно чуждомъ прежнимъ занятіямъ.

Знакомлюсь съ директорами. Дѣйствительно личный составъ слабъ. Кромѣ Е. Ѳ. Гана нельзя указать ни на одного, кто бы былъ хозяинъ своего дѣла. Да и г. Ганъ болѣе чиновникъ, исправный дѣлецъ, избалованный вѣрою въ него другихъ, вызываемою смѣлымъ языкомъ и хорошею памятью. Какъ ошибся я въ Заблоцкомъ! Это, кажется, не болѣе ни менѣе какъ журналистъ, втершійся къ Киселеву либеральною проповѣдью и поддерживающійся передъ другими своимъ теоретическимъ образованіемъ.

Вотъ что случилось: у меня были кой-кто, между прочимъ зять и кумъ, А. Н. Шахматовъ, когда курьеръ пригласилъ меня къ министру въ министерскій домъ. Нужно было скрѣпить записку въ Ко-

митетъ о Каспійскомъ рыболовствѣ. Дѣло мнѣ неизвѣстное. Я послалъ начальника отдѣленія къ моему предмѣстнику Вик. Осип. Крживцу, чтобы просить скрѣпить записку, а въ случаѣ отказа его рѣшался скрѣпить самъ, такъ какъ указъ о моемъ назначеніи уже получилъ. Записку скрѣпилъ Крживецъ. Я воротился домой въ половинѣ пятаго. Не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ новый курьеръ прискакалъ съ требованіемъ къ министру, съ которымъ что-то случилось, нервный или апоплексическій ударъ. Я засталъ при министрѣ лейбъ-медика Рейнгольда и доктора Персона; ему уже пустили кровь, и онъ лежалъ совершенно свѣжій и въ полномъ присутствіи памяти и разумѣнія на диванѣ первой комнаты. Бѣготня и суета. Доктора объявили, что ударъ. Я остался при немъ, приказавъ экзекутору передать обо всемъ товарищу министра. Меня это ошеломило. Не понимаю.

Снарядивъ и закутавъ въ шубу, мы посадили больнаго въ карету, и онъ съ сыномъ Василіемъ уѣхалъ домой.

Отобѣдавъ, я въ 7 часовъ поѣхалъ на квартиру министра. Все поуспокоилось: нога и рука въ дѣйствіи. Онъ просилъ меня пересмотрѣть и доложить нѣкоторыя бумаги. Очень хороши. Fausse alarme. Въ 10 часовъ вечера я уѣхалъ; за мною пошелъ къ нему графъ Толстой, новый оберъ-прокуроръ Синода.

Хорошо начало! Я усталъ и очень недоволенъ собою. Что это такое? Разсчитывай, человѣкъ! L'homme s'agite, Dieu mène. Молю Тебя, Боже, умѣрить мою впечатлительность и раздражительность.

Признаюсь, не легко было Шереметеву сходиться съ такимъ составомъ управленія, при его къ нему предубѣжденіяхъ. Тутъ пожалуй и заболѣешь. Косо на меня смотрятъ. Другой духъ господствуетъ въ этомъ управленіи.

Читаю отчеты М. Г. И.: стройно, гладко, по-европейски. Это управленіе идетъ лучше юстиціи, но много цифръ и широкъ произволъ. Это государство въ государствѣ, гдѣ все свое. Губернское начальство почти устранено, полиція не прикасайся.

Шереметеву хуже. Сегодня меня къ нему не пустили. Обвиняютъ медиковъ въ предписаніи усиленнаго пріема. Четыре эскулапа Рейнгольдъ, Пеликанъ, Персонъ и Бишъ работаютъ надъ больнымъ. Здѣсь увидѣлся я съ Хрущовымъ; былъ у Панина. Благодарю его. Онъ съ участіемъ говорилъ о моемъ положеніи. Вечеромъ былъ у Хрущова и выслушалъ защиту графа Киселева. Все мнѣ что-то не вѣрится, чтобы Шереметевъ былъ нездоровъ. Его тяготило, до крайности тяготило, министерское положеніе. Не уловка ли? Но что же онъ сдѣлалъ со мною?

Надобно приняться за дѣло. Дѣла вообще мало, но его можно найти; съ Богомъ! Главное мое занятіе будутъ дѣла Совѣта.

Каждый день бываю у Шереметевыхъ. Все лучше, да лучше, а его никто не видитъ. Министерство поручено управленію Д. П. Хрущова.

Занимаюсь изученіемъ кадастра Русскаго, Польскаго (люстраціи) и Нѣмецкаго (регулированія). Это цѣлая наука, и безъ мѣстной повѣрки узнать нельзя. Но я понимаю важность, которую имѣлъ бывшій 3-й Департаментъ Сельскаго Хозяйства. Кадастръ долженъ измѣнить нашу податную систему, перенеся подать съ души или головы на землю и заработки. Бѣдно и слабо началась эта мѣра, вѣроятно принятая изъ удѣла, и очень несовершенны начатки ея въ попыткахъ гг. Арсеньева, Веневитинова и Заблоцкаго. Спеціалисты развили ее до мелочей и подробностей, выраженныхъ окончательно въ инструкціи 1852 года. Приращенія дохода здѣсь нѣтъ, и его ожидать нечего, такъ какъ разлагаемая цифра, смѣтная, не измѣняется; но здѣсь, я думаю, трудно ожидать и вѣрнаго распредѣленія подати, ибо данная подушная цифра не соразмѣрна съ доходами губерній казеннаго населенія: то можно ли эту несоразмѣрность перевалить на другую губернію, напримѣръ съ Вѣлорусскихъ на Русскія, съ Псковской на Владимирскую? Нѣтъ. Къ чему же эта реформа? Если нельзя прямо взять порядокъ удѣльный, т. е. назначить въ казну $^2/_5$ исчисленнаго дохода съ земли, то лучше удержать подушную систему. Различіе системъ въ разныхъ губерніяхъ произведетъ въ свою очередь неуравнительность, болѣе ощутительную, нежели *при общемъ душевомъ* сборѣ; ибо души, люди довольно подвижны: Ярославецъ и Смольнянинъ переселится или уйдетъ въ заработки и окупитъ душу, а Витебская десятина пролежитъ безплодно и накопитъ недоимку. Вообще, какъ я и прежде говорилъ, общество и правительство слишкомъ много ожидаютъ улучшеній отъ теоретическихъ преобразованій, довѣрчиво мѣняя ихъ и легкомысленно принимая новость за новостью, какъ это обыкновенно бываетъ въ шаткіе дни неудачъ и напряженнаго состоянія. Жизнь, дѣйствительность имѣютъ свои компенсаціи, и при нихъ дурная система, какъ напримѣръ Петровская подушная система, иногда достигаетъ вѣрнѣе цѣли, проще, скорѣе, нежели система теоретическая, кадастръ, для котораго, я не знаю, гдѣ наши оцѣнщики находятъ основныя статистическія данныя. Я еще не ознакомился съ цифрами кадастра и даже отчаяваюсь познакомиться съ ними подробно (такъ мелочно положеніе директора канцеляріи), но дѣлаю это замѣчаніе на первыхъ порахъ, привыкнувъ вѣрить первымъ впечатлѣніямъ.

Въ хорошемъ видѣ оставилъ (и даже не передалъ) мнѣ канцелярію мой предмѣстникъ! Все залежалось и остановилось. Особенно

дурны дѣла о раскольникахъ. Очень бѣденъ личный составъ канцеляріи. Хорошъ начальникъ отдѣленія Титовъ, но онъ смотритъ на дѣла какъ на бумаги и въ службѣ ищетъ покоя.

Канцелярія завѣдываетъ Совѣтомъ—это главное; домомъ—здѣсь мелочей и пуху довольно, и наконецъ раскольниками—здѣсь нѣтъ ни важнаго, ни мелочнаго, и при недостаткѣ единства, отсутствуетъ всякое опредѣленное направленіе. Съ Совѣтомъ я справлюсь и дамъ ему большое значеніе, лишь бы имѣлъ поддержку въ министрѣ. Въ управленіи домомъ я введу сбереженіе. Люди Киселева тутъ хозяйничали и масломъ, и дровами. Сдѣлаю инвентарь дому, назначу таксы на покупки. Экзекуторъ Герке подается, въ немъ есть тактъ.

Надобно обдумать дѣла раскольничьи. Что̀ такое расколъ? Достигаютъ ли цѣли нынѣшніе (карательные) способы противодѣйствія? Нарушаетъ ли расколъ полицейскій порядокъ? Признаюсь, безъ соглашенія съ Министерствомъ Внутр. Дѣлъ, тутъ одностороннія усилія не приведутъ къ цѣли. Да; но хорошо, если не поощрятъ противодѣйствія.

1857-й годъ.

Новый годъ. Знаменателенъ, памятенъ будетъ прошедшій годъ для Европы и для насъ. Парижскій миръ обѣщаетъ порядокъ. Порядокъ! Его нѣтъ ни въ сердцахъ, ни въ жизни народной. Все льститъ счастливому диктатору, и надобно быть очень крѣпку, чтобы голова не закружилась. Это годъ апогея Французской имперіи. Но и въ виду мундира Французской арміи элементы Европейской зрѣлости оставляютъ за собою голосъ: права Голштиніи и Шлезвига тревожатъ Датское единство; католицизмъ въ Италіи свергаетъ Эспартеро; народный духъ Швейцаріи противуборствуетъ формальности Пруссіи въ Невшателѣ; несовременное вмѣшательство Франціи и Англіи въ Неаполѣ заслуживаетъ общее порицаніе; демократическая Америка находитъ либеральныя начала Парижскаго конгресса недостаточно либеральными.

У насъ все умолкаетъ предъ манифестомъ 26 Августа. Это цѣлый переворотъ... Самые смѣлые умы остались позади великодушныхъ милостей государя Александра II. А это только начало. Иначе подобное явленіе непонятно или загадочно. О, но будетъ ли когда-нибудь мѣра, постепенность, прочность въ нашемъ развитіи? На колѣняхъ, Государь, я васъ молю объ этомъ. Давайте меньше, но давайте дольше; это воспитаетъ націю, это пріучитъ къ порядку, къ уваженію существующаго, къ вѣрѣ въ убѣжденія. Не даете ли вы такъ много свободы, чтобы, испытавъ насъ, потомъ сократить ее? Зачѣмъ вы дозволяете

порицать управленіе, не улучшая его? Почему Вернадскій, Бабстъ, Катковъ, Кавелинъ, а не министры ваши проповѣдуютъ реформы? Зачѣмъ крѣпостной вопросъ, посреди этого всеобщаго движенія, получаетъ вашу санкцію?

8-го *Марта*. Государь былъ у Шереметева. Назначеніе Муравьева. Онъ уже давно приглашалъ меня, а графъ Панинъ не совѣтовалъ.

Г. Зеленый готовится въ любимцы. Хорошій человѣкъ.

26-го *Іюля*. Въ Рязани съ Муравьевымъ. Въ Калугѣ. Вотъ онъ Евгеній Оболенскій!

1858-й годъ.

4-го Января. Хрущовъ разсказывалъ мнѣ о засѣданіяхъ Гос. Совѣта по разсмотрѣнію смѣты или росписи. Мы отстояли. Особенно желалъ Совѣтъ напасть на лѣсные капиталы. Капиталовъ у насъ много, и еще болѣе неопредѣленности ихъ назначенія и расходованія.

Апрѣлъ. Все я не имѣю ни покоя, ни охоты, ни умѣнья. А все устроивается по моему, все обстанавливается какъ бы угодить мнѣ. По перемѣщеніи моемъ изъ директоровъ въ члены Совѣта я вижу министра разъ въ недѣлю. Видѣть этого человѣка чаще большое наказаніе. Я зналъ этого господина по энергическому выраженію его: «я изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которые вѣшаютъ, а не которыхъ вѣшаютъ». Въ 1837 г. онъ писалъ изъ Курска Колошину, прося его пригласить меня (откуда онъ могъ узнать обо мнѣ?) въ совѣтники губернскаго правленія. Напишите вашему Муравьеву, отвѣчалъ я Петру Ивановичу, что если бы онъ не считалъ людей собаками, то можетъ быть я бы рѣшился служить съ нимъ. Въ 1842 г. я столкнулся съ нимъ, какъ съ сенаторомъ. Въ 1851 г. онъ прислалъ ко мнѣ своего полковника З. (того самого, котораго исключенный чиновникъ ударилъ въ лицо въ присутствіи Межевой Канцеляріи) просить по дѣлу его департамента. Я не могъ исполнить, и въ разговорѣ съ З., преслѣдовавшимъ всѣхъ по наставленію главнаго директора, спросилъ: неужели кромѣ исключеній и выговоръ нѣтъ возможности содержать межевую часть не въ такомъ ужасномъ безпорядкѣ (чиновники по контрактамъ поставляютъ дѣла и планы въ мелочныя лавочки на обертку)? З. былъ очень переконфуженъ. Во время болѣзни Шереметева, Муравьевъ, чрезъ Сергѣя Васильевича, просилъ меня быть у него. Его всѣ называли кандидатомъ. Могъ ли я быть у него, не подкрѣпя тѣмъ отставку Шереметева и слухи о Муравьевѣ? Встрѣчаясь со мною послѣ,

Муравьевъ уже не узнавалъ меня. Получивъ назначеніе, онъ прислалъ мнѣ (на имя канцеляріи) копію съ указа. Я въ тотъ же день немедленно явился въ мундирѣ.

Вотъ подъ какими условіями я сдѣлался директоромъ канцеляріи генерала Муравьева.

Три раза заставлялъ онъ меня собирать чиновниковъ: Крамера, Годеніуса, Шопена, Брилевича, Корсуна, барона Радена, и объявлять имъ, чтобъ они подавали въ отставку, и три раза отмѣнялъ имъ лично это распоряженіе, прибавляя: «меня не поняли». Неоднократно говорилъ онъ Гану и Заблоцкому: «а Лебедевъ сказывалъ мнѣ, что это и это въ совершенномъ безпорядкѣ у васъ». Одному просителю сказалъ: «директоръ потерялъ твою просьбу, подай еще мнѣ прямо». Невообразимо, какъ заставлялъ онъ насъ, директоровъ, ждать съ докладомъ, тогда какъ къ нему и отъ него сновали чиновники удѣльные. Слова: воръ, киселевщина, вздоръ, дрянь, бумагомараніе, ничего не знаетъ, кривотолкъ, взяточникъ и т. п. на каждомъ шагу. Да, то что́ я вынесъ въ эти недѣли выразить трудно.

А главное: скорость. Сей часъ разрѣшитъ, сей часъ отмѣнитъ, дѣло заторопитъ, непремѣнно затянетъ и ничѣмъ не кончитъ. Опредѣленія скоры, увольненія еще скорѣе. Опредѣляя какого-то Таборовскаго, онъ говорилъ: «его Императрица знаетъ, онъ умнѣе всѣхъ будетъ; тамъ, во 2-мъ департаментѣ дуракъ на дуракѣ, да еще Поляки! Немедлено по вступленіи онъ предназначилъ своимъ товарищемъ Зеленаго изъ Тобольскаго полка (который возился въ Тулѣ съ пропавшими бланками) и отдалъ ему министерство въ управленіе.

Чувствуешь особенное уваженіе къ свѣтлому, заботливому и предусмотрительному уму графа Киселева, истинно-государственнаго человѣка. Но есть пятна и въ солнцѣ. Признавая солнце, я осмѣлюсь наблюсти и фазы пятенъ.

Въ дѣлахъ управленія вопросъ о правѣ всегда стоитъ на второй ступени. Едва-ли это справедливо. Въ нашемъ министерствѣ я замѣчаю два направленія, которыя я не признаю полезными: это, во первыхъ, преобладаніе казны надъ частнымъ правомъ, завладѣвающее землями, не уважая давности, и лѣсами, всегда бывшими общими и въѣзжими. Во вторыхъ, уклоненіе отъ общаго надзора Сената и контроля. Все это происходитъ отъ того, что легко добывается Высочайшее утвержденіе. Графъ Киселевъ, оставляя министерство, дозволилъ себѣ, съ Высочайшаго утвержденія, выдать полугодовые оклады чиновникамъ изъ крестьянскаго хозяйственнаго капитала. Возникъ вопросъ: вычитать-ли 10% въ пользу инвалидовъ? Въ Сенатъ, —избави Боже! Зачѣмъ оглашать наше домашнее распоряженіе? Контроль проситъ

вѣдомостей,—куда, и руками, и ногами отклоняютъ всякое требованіе. Я долженъ былъ выдержать два-три непріятныя засѣданія Еще третье направленіе, которое очень меня поразило: это произволъ въ распоряженіи землями и крестьянами. Община или общество или волость не имѣютъ никакого права распоряженія. Единицу эту придумали для учета податей и повинностей. Земли нарѣзываютъ и отрѣзываютъ, крестьянъ сѣкутъ за недоимки, отдаютъ въ работы, переселяютъ. Ошибочно думалъ я, полагая найти здѣсь commune, Gemeinde; все дѣло въ сборѣ податей. Съ легкой или тяжелой руки Шереметева (циркуляръ въ концѣ Октября) подати идутъ весьма удовлетворительно. Да; но развѣ это управленіе?...

Но не въ высокихъ и низкихъ цифрахъ дѣло. Дѣло въ томъ, что капиталъ облагаетъ души, увеличивая прямой налогъ, и кромѣ этого источники всѣ прочіе едва-ли вѣрны. Особенно гадателенъ доходъ отъ переложенія податей. Доходъ этотъ недостаточенъ на содержаніе отрядовъ и коммисій, а для нихъ дѣлается новый сборъ. Итакъ три величины. Эти три надбавки составляютъ около 600 тыс. р. недоимки казенныхъ сборовъ. Такъ думаютъ опытные люди и, кажется, это не несправедливо. Но и все таки дѣло не въ томъ. Дѣло въ непроизводительности расхода. Межевыя дѣйствія очень неудовлетворительны и въ самомъ непродолжительномъ времени должны потребовать передѣлки. Приготовленіе мальчиковъ на фермахъ и въ писаря есть бѣдствіе, говорили мнѣ управляющіе. Вѣрно. Поощреніе сельскому хозяйству—главнѣйшее назначеніе капитала—такъ слабо, что его и не видно, и такъ мало примѣнимо къ крестьянскому быту, что казенный крестьянинъ не долженъ и копѣйкой участвовать въ учрежденіяхъ, не приносящихъ для него никакой пользы. На прочіе расходы помириться можно. Я не изучилъ хозяйственной смѣты, потому что отчетность такъ же слаба, какъ и моя опытность.

Графъ Киселевъ обольщалъ себя и другихъ. Ни личность, ни собственность его подданныхъ не обезпечены лучше мѣщанъ и даже крѣпостныхъ. Изъявъ ихъ изъ вѣдомства общей полиціи, м-во тѣмъ сильнѣе учредило зависимость ихъ отъ управленія, размножа сіе послѣднее до необходимости жить вымогательствомъ. Особенно порицаютъ палладіумъ сельскаго управленія—мірской сходъ; но послушайте Курскаго и другихъ управляющихъ объ этомъ мірѣ, такъ высоко цѣнимомъ Славянофилами. Цѣловальникъ платитъ старшинамъ и головамъ деньги, чтобы они почаще сбирали сходки. Это лучшій случай выручекъ. Пьянство, буйство, безчиніе—вотъ рѣшенія толпы, называемой міромъ.

Сельскаго и волостнаго начальства, при отсутствіи элементовъ общины и при несоразмѣрномъ превосходствѣ чиновниковъ надъ голсвами и писарями, я и понять не могу. Это нѣчто въ родѣ управителей, исполнителей—не болѣе.

Сельскихъ расправъ—по малому распространенію грамотности—я тоже не могу понять и удивляюсь, какъ умный министръ рѣшился дать этимъ учрежденіямъ такое высокое значеніе.

Объ осужденныхъ къ тяжкимъ (?) наказаніямъ графъ Киселевъ (въ 1853 г.) говоритъ: «никакая уголовная статистика въ другихъ государствахъ не можетъ представить столь утѣшительнаго факта нравственнаго состоянія народа». Надѣюсь! Здѣсь очевидно не только обманъ и самообольщеніе, но просто невѣжество. Что такое тяжкое наказаніе? Сколько по дѣламъ полиціи не обнаружили виновныхъ? Сколько судами не признано изобличенными? Сколько осуждено къ другимъ, вмѣсто «тяжкихъ», наказаніямъ?

Я рѣшился бы сказать, что все это вздоръ, но желаю посмотрѣть на мѣстахъ.

Къ сожалѣнію, отчетовъ Министерства Юстиціи нѣтъ, а изъ тѣхъ, которые напечатаны, и при самомъ усиленномъ и кропотливомъ трудѣ извлечь ничего нельзя. Нѣтъ. Повторяю: никакого государства тутъ я не вижу, а вижу только въ одномъ худо, и въ другомъ худо, если не хуже.

Бросаются въ глаза кудреватыя фразы; но онѣ, я въ этомъ убѣжденъ, скрываютъ плохую сущность. Впрочемъ вникнемъ, посмотримъ, изучимъ.

Вотъ что пишетъ министръ финансовъ отъ 25 Января № 427 (я описываю существо заключенія бумаги). Принимая въ соображеніе съ одной стороны, что суммы, назначенныя по штатамъ на содержаніе духовенства въ Западныхъ губерніяхъ (съ 1842), отпускаются казною своевременно, и что казнѣ предоставлено возмѣщать этотъ расходъ изъ доходовъ съ имѣній, принадлежавшихъ духовенству и изъ процентовъ съ его капиталовъ, а съ другой стороны, что въ доходахъ сихъ, равно и въ процентахъ, числится въ настоящее время значительная недоимка, а именно 1,533,147 р. 27 к. и кромѣ того, на счетъ возвышеннаго съ имѣній дохода (котораго въ существѣ нѣтъ) отпущено изъ Казначейства—387,950 р. 35 к., министръ финансовъ проситъ распорядиться о возмѣщеніи Казначейству этого долга въ количествѣ 1,921,097 р. 62 к. Вотъ отчетность наша! Если тутъ ошибка или недоразумѣніе, то и тогда фактъ замѣчательный. Бумагою отъ 18 Марта 1857 г., № 1564 министръ финансовъ обнаруживаетъ переборъ Министерствомъ Государ. Имуществъ противъ

обыкновеннаго сбора, насчитываетъ 2,173,033 р. 14¾ к. и проситъ ихъ. Д. ст. сов. Хрущовъ отмѣтилъ, что, по существу общественнаго сбора, идущаго впереди передъ всѣми, тутъ не можетъ быть никакого недобора...

Какъ все движется, тянется и рвется въ ростъ! Точно съ цѣпи сорвался окованный геній народа! Толки, шумъ, напряженное стремленіе въ литературѣ и обществѣ удивительно перегоняютъ заготовленные способы жизни. Къ сожалѣнію литература получаетъ преобладаніе и беретъ верхъ надъ дѣйствительностію. Отсюда два явленія, всегда вредныя въ государствѣ: излишняя довѣренность теоріямъ и утопіямъ, непремѣнно ослабляющая правильный ходъ управленія, осмѣиваемаго въ преувеличенныхъ очеркахъ, оригиналахъ и идеалахъ, и устрашеніе мнимыми опасностями, какъ это всегда бываетъ при избраніи неторнаго пути, окруженнаго неизвѣстностію. И довѣрчивость, и опасенія доходятъ до смѣшнаго. Не знаю, долго-ли мы, правительство, устоимъ при такомъ напорѣ. Но участіе литературы доблестно, хотя не зрѣло и обманчиво.

Все поглощено крѣпостнымъ дѣломъ. Оно не движется.

Путаница всѣхъ условій поразительна. Стѣсненія и опасенія всѣхъ высшихъ представителей, дворянства и чиновничества, повсемѣстны. Популярность Государя въ ученомъ сословіи необыкновенна, свобода предпріятій совершенная, и капиталы задвигались какъ на ярмаркѣ. И надобно сказать, всѣ принятыя мѣры чрезвычайно либеральны. Въ существѣ стыдно было бы спорить и порицать ихъ.

Весьма смутное распространеніе цензурной свободы.

Манифестъ 26 Августа 1856 г., какого никогда не бывало.

Сокращеніе арміи.

Пониженіе банковаго процента и тарифа.

Учрежденіе обществъ пароходства и желѣзныхъ дорогъ.

Безпрестанныя помилованія и отмѣны алебардъ, шлагбаумовъ.

Всеобъемлющій вопросъ о крѣпостныхъ людяхъ.

Не менѣе важныя частныя учрежденія, военныхъ поселеній, военныхъ школъ, женскихъ гимназій, легкихъ паспортовъ и проч.

Учрежденіе Совѣта Министровъ и множества комитетовъ.

Все это прекрасно. Но все это показываетъ стремительность, добрую волю, а не глубокую обдуманность и не высокую мудрость. Все поднято, начато, пришло въ броженіе, а потомъ что? Петръ I началъ и поднялъ гораздо болѣе, но потомъ все исказилось или остановилось. Гораздо вѣрнѣе и человѣчески мудрѣе улучшать и усовершать, нежели создавать. Менѣе эффекту, но больше прочности; менѣе

популярности, но больше славы. Все начато еще недавна, еще горячо; но посмотрите:

1. Ослабленіе цензуры не ограждено никакими точными правилами и безпрестанно то ценсоръ, то министръ попадаетъ въ просакъ, а осмѣянный, оскорбленный помѣщикъ, чиновникъ, купецъ ропщутъ, и не безъ основанія.

Какой вопросъ выработала свободная литература? Осмѣяла управленіе, не болѣе. Вопросъ о свободной торговлѣ повторяетъ Западныхъ писателей; вопросъ объ общинномъ владѣніи дошелъ до смѣшнаго (въ Эконом. Указат.) и до утопій (въ Современникѣ). Вопросъ крѣпостной разработывается сильно, но односторонне; потому что съ другой стороны (со стороны права) и писать не позволено.

Что касается науки, то она совсѣмъ поглощена дѣйствительностію, и развѣ переживутъ летучіе годы хроника Аксакова и хроника Устрялова. Повѣсти П. Писемскаго тѣ же памфлеты, г. Тургенева—выраженіе теоріи. Есть въ пріемахъ писателей и смѣлость, и разгульная широта взгляда; но нѣтъ ни труда добросовѣстнаго, ни геніальности безсознательной. Скоро, но не здорово.

А эта разнузданная молодежь? Въ какомъ университетѣ не было исторій? Чѣмъ кончились эти исторіи? Какія улучшенія сдѣланы въ преподаваніи? Бѣдность его доходитъ до наготы. Ничтожная статья Бема въ Морск. Сборн. производитъ шумъ. Журналовъ масса. На всѣхъ перекресткахъ проспекта продаются листки. Весельчакъ, Смѣхъ, Потѣха, Шутъ Гороховый, Рододендронъ, Говорунъ и проч. и проч. Но прочтите и найдите тутъ смыслъ.

Успѣхи государственные и особенно просвѣщенія всходятъ въ тиши и требуютъ времени.

2. Общества пароходства обѣщали горы. Умный Новосильскій дѣло понимаетъ; но знаете-ли что̀ оно получило? Помильныя (казенныя) деньги; изъ 100 т. миль. р. оно сдѣлало лишь 83 т. помильныхъ. А посмотрѣть поближе, то найдете и другое.

Общество желѣзныхъ дорогъ въ Ноябрѣ 1857 г. собрало 9 мил. платя за нихъ 5%, изъ чего и зачѣмъ? Дорога въ Псковъ не кончена; другія линіи не начаты, а оно думаетъ выпустить облигаціи. Скоро установится различіе акцій старыхъ и новыхъ.

Новыхъ обществъ образовалось множество, но эта лихорадка пройдетъ. Обиліе представительныхъ знаковъ возвысило цѣнности, всѣ отъ парчи до сухаря, и эти мнимые капиталы помѣщаются въ мнимыхъ предпріятіяхъ.

Удивительно, какъ при тарифѣ 1857 г., при всѣхъ льготахъ и свободахъ, цѣны на все очень высоки, переводный процентъ упалъ,

заработокъ готовъ сдѣлаться игрою. А не надобно забывать, что историческое лоно не возмущается безнаказанно, и всѣ перевороты, поднимая слои поверхности, вызываютъ тысячи голодныхъ ртовъ.

3. Сокращеніе арміи. Пріостановленные наборы начнутся; но этого мало—начнется и пополненіе кадровъ, и статей военнаго бюджета. Теперь въ Петербургѣ видишь полки искателей мѣстъ, не увидѣть бы шайки. Ободранныхъ офицеровъ видѣли уже на Августовскихъ маневрахъ подъ Москвою. Уволенные генералы ропщутъ на пенсіи, служащіе—на ослабленіе дисциплины. Форма скоро забудется. Воинственный духъ, всегда слабый въ земледѣльческомъ государствѣ, перейдетъ въ духъ праздности. Конечно это исправимо, но зачѣмъ же вызывать исправленіе? И здѣсь, кажется, реформа начата не съ того конца. Слѣдовало уменьшить сроки.

4. Пониженіе тарифа почти отмѣнено возвышеніемъ 5% для береговыхъ построекъ и выкупа Зундскихъ пошлинъ. Въ Москвѣ ½ рабочихъ уже распущена. Конечно они обратятся къ занятіямъ имъ болѣе соотвѣтственнымъ; но зачѣмъ же перемѣнять, чтобы опять отмѣнять, имѣя дѣло съ массами?

Пониженіе процента и учрежденіе общественныхъ банковъ не отвѣчаютъ ожиданіямъ. Капиталы лежатъ покойно; банковъ еще нѣтъ.

5. Крестьянскій вопросъ поднялъ все на ноги, все заглушилъ, затмилъ и поглотилъ собою. Многіе съ ума сошли, многіе умерли *). Нѣтъ ни палатъ, ни дома, ни хижины, гдѣ бы днемъ и ночью не думалъ, не безпокоился, ни робѣлъ большой и малый владѣлецъ. Никто не знаетъ, чѣмъ это разыграется; всякій готовъ, какъ при наводненіи и пожарѣ, понести убытки.

Надобно, чтобы въ крѣпостномъ правѣ было много несправедливаго, что подобная мѣра, принятая насильно, не возбудила ничего болѣе какъ домашній ропотъ и кой-какія отдѣльныя протестаціи, едва возвышающія голосъ, находясь между громкими рескриптами и глухимъ шумомъ народныхъ волнъ, вторимыхъ дневными листами. Что тутъ дѣлать? «Печатная правда» князя Серг. Павл. Голицына обращена газетою (СПб. Вѣдом. № 80) противъ самихъ владѣльцевъ. Генералъ Муравьевъ замышляетъ обязательный выкупъ мелкопомѣстныхъ: иди хоть по міру! И все это во очію совершается.

---

*) Разительнымъ примѣромъ служитъ Орловскій предводитель Яковлевъ, впавшій въ горячку и удавившійся 17 Мая 1858 г.

Точно дѣйствуютъ подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-то партіи. Толки именуютъ князя А. М. Горчакова и Титова, руководимыхъ западными внушеніями, профессорами и либералами внутренними, которые имѣютъ доступъ къ великой княгинѣ Еленѣ.

Я очень далекъ отъ порицанія великой мѣры. Въ 1855 г. я представилъ министру, при соображеніяхъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, записку о крѣпостномъ правѣ, являющемся въ судилищахъ въ самомъ отвратительномъ видѣ засѣченныхъ и повѣсившихся. Но такъ-ли начата эта мѣра? Очевидно (это видно изъ рескриптовъ 20 Ноября и 5 Декабря 1857 г), и т. д. что она начата à priori. Очевидно (и это ясно изъ публикуемыхъ нынѣ программъ точно на академическую задачу), что она обсужена ab analogia. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ согласиться я не могу. Зачѣмъ въ рескриптахъ указаны начала положительно? Зачѣмъ назначены сроки? Зачѣмъ односторонняя гласность? Зачѣмъ мѣра нивелируетъ всѣхъ, давая одни права и дурному, и хорошему, не обусловивъ достиженія трудомъ и способностями? Зачѣмъ къ личности примѣшана земля? А главное, зачѣмъ обѣщаютъ болѣе нежели въ состояніи исполнить? Зачѣмъ требованіе пожертвованій, не совмѣстныхъ съ идеей государства, т. е. ручательствомъ свободы и вольной собственности?

Немного нужно времени, чтобы убѣдиться, что не искренно, не государственно принятая мѣра не приведетъ къ желаемому результату и въ народѣ, и въ дневныхъ листахъ произведетъ ропотъ и неудовольствіе. Шестимѣсячный срокъ недалекъ. Упадокъ земледѣлія обнаружится на второй годъ. До сихъ поръ казна и удѣлъ молчатъ. Уронили западныя губерніи, и мы ихъ кормимъ; а насъ кто будетъ? Даже при буквальномъ исполненіи ученыхъ программъ ни крестьяне, ни государство не выиграютъ. Мы еще въ томъ періодѣ народнаго возраста, когда нужна дисциплина, не та дисциплина, которой все бы палками, да съ размаху, но дисциплина стройная, для которой первая необходимость полиція и судъ: вопросы — первѣе вопросовъ крѣпостнаго и политическаго. Вопросъ объ общинѣ разрѣшенъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ самымъ неудовлетворительнымъ образомъ, и это пугало — зависимость отъ міра — есть лучшее обузданіе крѣпостнаго люда, который иначе 21 Ноября и 6 Декабря приступилъ бы къ вольностямъ.

6. Комитеты, эти безчисленные комитеты, доказываютъ яснѣе дня, что, возбудя великіе вопросы и обходя существующія учрежденія, мы входимъ въ новый порядокъ.

Переросли насъ событія, и мы не только не справимся съ ними, но и не направимъ ихъ. Намъ недостаетъ учрежденій, половодье не имѣетъ русла.

Крестьянскій вопросъ поглощаетъ все. Помѣщики въ такомъ паническомъ страхѣ, что на статьи Чернышевскаго (въ Современникѣ) Чичерина (въ Атенеѣ) и Самарина (въ Сельскомъ Благоустройствѣ) никто и отвѣчать не рѣшается. Положеніе владѣльцевъ ужасно между крестьянскою толпою и правительственною властію. Насильный выкупъ усадебъ, нѣчто въ родѣ безсмысленнаго порядка, есть дѣйствительно актъ самовластія, нарушающаго право собственности, и—что̀ столько же важно—обѣщающаго худшую участь земледѣлію. Надобно, чтобы въ этомъ скверномъ крестьянскомъ правѣ было очень много неправомѣрнаго, чтобы владѣльцы такъ страдательно подчинились общимъ основаніямъ рескриптовъ. Муравьевъ Нижегородскій (родоначальникъ 14 Декабря) говоритъ, немножко семинаристомъ, о возвращеніи правъ человѣчеству, рѣчь въ родѣ декламацій 1789 г. И архіерей, и предводители благодарятъ его, разсчитывая на его содѣйствіе.

Я порицаю эту мѣру за то, 1) что она внезапна, 2) за то, что она преждевременна, 3) за то, что она насильственна, 4) за то, что она нераціональна, предоставляя всѣмъ и каждому награду безъ заслуги, обязанность безъ ручательства.

Реформа начата великая; но долго, долго мы и государство будемъ ощущать гибельныя послѣдствія ея радикальности.

Вмѣсто Норова, князя Вяземскаго и Брока назначены Ковалевскій съ Мухановымъ и Княжевичъ, люди прекрасные и благородные; но какіе же это министры? Теперь то время, когда люди должны скоро потребляться и мѣняться; но изъ кого же выбирать ихъ? Графу Панину назначаютъ Замятина.

Я не знаю, куда придемъ мы. Оппозиція наша не имѣетъ никакой твердой опоры; но для меня не сомнѣнно то, что безъ кризиса и тяжкихъ превращеній мы не обойдемся. При необразованности націи мы попадемъ въ руки капиталистовъ.

Май. Что̀ дѣлаетъ нашъ Михаилъ пустословъ или пустосвятъ, непостижимо... А надобно признаться: энергіи много, доброй воли не меньше, иногда мысли свѣтлыя, иногда взглядъ живой и практичный, и всегда способности огромныя. Но...

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что реакція или началась, или не въ продолжительномъ времени начнется. Назначеніе министровъ и ихъ товарищей, увольненіе Титова, меньшая стремительность въ крестьянскомъ вопросѣ, негласное усиленіе цензуры—все это должно приготовлять насъ къ ограниченію свободы и вольностей, къ кото-

рымъ, неприготовленные, мы такъ скоро начали привыкать. Статейка въ родѣ «сошелся Русскій человѣкъ на rendes-vous» Чернышевскаго способна вызвать и не такія мѣры. Глупая уличная литература, прорвавшаяся какъ скверное болото, устраненіе дворянства насильственнымъ выкупомъ усадебъ безъ денегъ,—все это требовало умѣренія напора и примиренія названныхъ противорѣчій. Тутъ будетъ вредъ, какъ при всякой реакціи; но тутъ будетъ и та польза, которую государство не должно терять изъ виду въ устройствѣ отношеній постепенномъ, выдержанномъ и всестороннемъ. Сегодня министръ говорилъ мнѣ (зачѣмъ ему тутъ лгать?), что Государь окончательно согласился казеннымъ крестьянамъ усадебъ не уступать, и что онъ, генералъ Муравьевъ, предполагаетъ исходатайствовать законъ объ укрѣпленіи за помѣщиками земель, купленныхъ ими у казенныхъ крестьянъ до запретительнаго указа. Это сближеніе съ дворянствомъ должно приписать вліянію партіи Орлова-Долгорукова. Партія эта съ отъѣздомъ генерала Ростовцова можетъ очень усилиться.

Сегодня я былъ въ Исакіевскомъ соборѣ, гдѣ 1000 пѣвчихъ приготовлялись ко дню освященія. Хоръ громадный, громогласный и дѣйствуетъ сильно на органъ слуха. При великолѣпіи служенія и другой публикѣ (нынѣ было тысячи три, всякой), дѣйствіе будетъ несравненно сильнѣе. Мнѣ не понравилась эта репетиція обѣдни, раствореніе и затвореніе царскихъ дверей, пѣніе «аминь». Свѣтъ изъ всего дѣлаетъ спектакль. Немногаго недоставало, чтобы былъ концертъ въ соборѣ и билеты съ платою для благотворительной цѣли. Для меня это собраніе тѣмъ замѣчательнѣе, что Кочубей и Данзасъ, строители собора, встрѣтя меня, разсыпались въ преувеличенныхъ похвалахъ прекрасной, геніальной моей запискѣ, представленной министру послѣ обозрѣнія трехъ губерній въ Августѣ 1857 года. Существо этой записки въ томъ, что наше министерство не нужно, что оно не достигаетъ и мнимыхъ цѣлей своего учрежденія, что оно даже вредно, умножая дѣловодство и истощая крестьянскіе способы своими расходами и поборами, и что во всякомъ случаѣ вѣдомство это слишкомъ широко и сложно.

Крѣпостной вопросъ не сдѣлалъ ни шагу. Говоръ журналовъ и гостиныхъ только проводитъ его на улицы и въ передніе. Надобно опасаться, чтобы онъ здѣсь не рѣшился. Столоначальники обойдены, комитеты недоумѣваютъ; надобно, чтобы кто нибудь рѣшилъ. Братъ А. А. Бобарыкинъ пишетъ, что крестьяне считаютъ это насильное усвоеніе усадебъ предлогомъ увеличенія повинностей. Вообще крестьяне ничего не понимаютъ. Работы, оброкъ и домашняя послуга—вотъ что слѣдовало опредѣлить: инвентари. Рескрипты присоединили къ этому

сложному вопросу обязательное усвоеніе усадебъ и неотъемлемое отдѣленіе земель въ пользованіе. Обязательность высказана безъ опредѣленія условій пріема и уступки, а неотъемлемость—безъ означенія количества и свободнаго распоряженія. Можно представить, сколько тутъ затрудненій. Однимъ почеркомъ пера уничтожено крѣпостное право, и мѣсто его заняли толки и недоумѣнія. Ни крестьянинъ, ни владѣлецъ не знаетъ своихъ отношеній. Робость овладѣла обоими, и положеніе помѣщика внушаетъ невольное сочувствіе, особенно тамъ, гдѣ крѣпостное право не вызывало никакихъ жалобъ, т. е. большинства владѣльцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отвратительное, во многихъ рукахъ, крѣпостное право требовало существенныхъ измѣненій; и утвержденіе гражданскаго быта, и правильность экономическихъ отношеній, государство и наука, и даже дѣльная литература указываютъ на уродливость этого права, поставляющаго препятствія всѣмъ улучшеніямъ. Вчерась министръ, на замѣчаніе мое о главнѣйшихъ владѣльцахъ (казнѣ и удѣлѣ) положительно сказалъ, что «онъ ни зачто не согласится дать ни усадебъ, ни неотъемлемаго пользованія». Но почему же обязательно это для частныхъ лицъ? Очевидно, что рескрипты 20 Ноября и 5 Декабря 1857 г. написаны подъ одностороннимъ вліяніемъ. Для сближенія съ дворянствомъ министръ придумалъ—и заявилъ Государю—измѣнить дѣйствіе 677 и 678 ст. IX т., по примѣру Екатерины II укрѣпить навсегда неправильно купленныя помѣщиками общественныя земли и прекратить производящіяся о томъ дѣла. Положимъ; но много ли ихъ и у кого? Это экспедіентъ, и путаницы не поправить. Самые дерзкіе умы не начали бы вопроса въ такомъ видѣ. Какъ блѣдны планы и отъявленыхъ демократовъ (Голоса изъ Россіи, IV, 18.).

Проектъ новаго устава гражданскаго судопроизводства внесенъ II отдѣленіемъ Государевой канцеляріи въ Совѣтъ и разосланъ членамъ. Баронъ Корфъ представилъ записку о необходимости введенія гласности. Графъ Блудовъ представилъ объясненія, доказывая, что гласность преждевременна. Государь совершенно согласился и изъявилъ желаніе, чтобы вопросъ о гласности не былъ возбуждаемъ въ Совѣтѣ. Великій Князь Константинъ потребовалъ по проекту заключенія князя Оболенскаго, который, находясь въ Римѣ, написалъ замѣчанія, выставлявшія противорѣчія проекта собственнымъ удостовѣреніямъ графовъ Блудова и Панина о состояніи нашихъ судилищъ. Князь Оболенскій выразилъ необходимость гласности и адвокатства и предложилъ ввести гминное судопроизводство Царства Польскаго. На эту Римскую записку, надѣлавшую (она распространена въ литографированныхъ спискахъ) много шума, помощникъ ст. секретаря Зарудный

написалъ довольно желчный отвѣтъ въ защиту проекта, и этимъ объясненіямъ, съ своими представленными Великому Князю Константину, гр. Блудовъ далъ возможную гласность. Князь Оболенскій написалъ замѣчанія на замѣчаніе, и теперь эта полемика обѣщаетъ расплодиться и ищетъ мѣста въ печати. Завтра всѣ эти господа сойдутся у меня для взаимныхъ объясненій. Это люди благонамѣренные и даровитые, особенно князь Дмитрій Оболенскій, котораго ясныя воззрѣнія и спокойствіе мысли всегда мнѣ нравились.

Я всегда считалъ желѣзныя дороги и гласность лучшими нашими надеждами. Я несовсѣмъ согласенъ на гласность въ дѣлахъ уголовныхъ, но при свободѣ цензуры я не вижу и въ этомъ прежнихъ затрудненій.

Министръ очень занятъ приготовленіями къ поѣздкѣ Государя. Онъ составляетъ для него путеводитель съ описаніями и видами по дорогѣ. Пишутъ станціи и мѣстности, фотографируютъ виды, устраиваютъ станціи, уравниваютъ пути.

Сегодня я докладывалъ дѣло о произвольныхъ дѣйствіяхъ Тамбовскаго управляющаго, д. с. с. Мейснера, который избилъ крестьянъ повѣренныхъ при полюбовныхъ разводахъ; министръ не только не согласился замѣтить это Мейснеру, но объявилъ, что приказано поступать со строптивыми какъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ: наказывать и ссылать административно, и что объ этомъ уже писано Тамбовскому губернатору. Все это несогласно съ закономъ. Человѣкъ этотъ дышетъ произволомъ. Никогда вѣрнаго отъ него ничего не узнаешь. Страсть его—оставлять человѣка въ неизвѣстности. Опасеніе моего вліянія таково, что онъ предписалъ д-амъ не вносить дѣлъ въ Совѣтъ, не получивъ по каждому особаго о томъ приказанія. Если бы я зналъ, что при другомъ ходѣ дѣлъ было бы лучше, я рѣшился бы искать другое мѣсто и оставилъ бы этого человѣка, съ которымъ всякое соприкосновеніе есть пренепріятная обязанность.

Для наученія своего товарища, г. Зеленаго, онъ собралъ управляющихъ и составилъ семь комитетовъ; всѣ они теперь закрыты, ни одинъ не пришелъ ни къ какимъ результатамъ; пять не кончили и назначенныхъ засѣданій.

Сегодня я защищалъ ученіе о необходимости общины и о значеніи крестьянскихъ повѣренныхъ. Онъ соглашается; а въ догонку прислалъ *мнѣ же* записку: представить докладъ объ ограниченіи правъ (объ упраздненіи) повѣренныхъ.

Или я очень дуренъ, или онъ; но совмѣстность наша тягостна.

Исакій освященъ. Собраніе было огромное. Дворъ, духовенство, государство и войско, и все это посреди безчисленнаго множества

народа. День прекрасный. Зрѣлище безпримѣрное. Но самый соборъ не отвѣчаетъ ожиданіямъ. Онъ слишкомъ богатъ, а излишество во всемъ дурно; онъ вообще пестръ, въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ темнѣ, видны какое-то тщеславіе, недостатокъ единства и отсутствіе особенно замѣчательнаго. Онъ похожъ на Петербургъ, на Майскій парадъ и не производитъ большаго впечатлѣнія. Священство шло въ ногу, хоры музыки и пѣвчихъ были превосходны.

Добрый нашъ знакомый, Орловскій предводитель Левъ Николаевичъ Яковлевъ, удавился. Вопросъ объ эманципаціи вскружилъ ему голову. Онъ помѣшался на мысли, что, бывъ въ Петербургѣ, дозволилъ себѣ говорить многое и что у губернатора лежитъ секретное предписаніе объ арестованіи его.

Грустно смотрѣть на послѣдствія неосновательной постановки вопроса, сдѣлавшагося пугаломъ для помѣщиковъ, загадкою для крѣпостныхъ и предметомъ декламаціи для журналистовъ.

Порицать легко; но что же ты сдѣлалъ, думая сдѣлать лучше другихъ?

Въ Декабрѣ 1855 г. я представилъ объ этомъ записку, доказывая, что въ уголовномъ отношеніи крѣпостное право не можетъ быть терпимо. Въ Сентябрѣ 1857 г. я представилъ о необходимости сближенія крестьянскихъ сословій: казеннаго, удѣльнаго, обязанныхъ и помѣщичьихъ. Со времени изданія рескриптовъ я никогда не останавливался въ порицаніи избраннаго пути освобожденія крестьянъ. Хотѣли многаго, не получатъ и малаго. Въ настоящемъ его видѣ много канцелярской смѣлости, но мало политическаго такта, много полновластія, но мало правительственнаго умѣнья. Привыкнувъ къ произволу въ обращеніи съ бумагами, забыли, что здѣсь идетъ дѣло о живыхъ существахъ и существенныхъ интересахъ народа.

Никто не откажетъ настоящимъ годамъ царствованія въ сильномъ стремленіи къ благодѣтельнымъ цѣлямъ; но въ немъ много самообольщенія и мало постоянства, увѣренности и обдуманности. Больше шуму, нежели дѣла, и болѣе ожиданій, нежели достиженій. Каждый часъ ожидаешь реакціи, и еще бо̀льшаго недовѣрія.

Іюнь. Неповиновеніе крестьянъ на мызѣ бар. Икскуля, близъ Ревеля, кончившееся открытымъ побоищемъ 40 крестьянъ и 12 солдатъ, должно причислить къ послѣдствіямъ того же крѣпостнаго вопроса, который и теперь, черезъ полгода, поглощаетъ все вниманіе и уже знаменуетъ свое движеніе шагомъ назадъ и шагомъ въ сторону. Дѣло объ усадьбахъ улаживается,вѣтеръ несетъ на сторону помѣщиковъ.

По рѣшенію генералъ-аудиторіата Московскій квартальный поручикъ коллежскій секретарь *Симоновъ* признанъ виновнымъ въ буйствѣ

противъ студентовъ Московскаго университета, въ возбужденіи къ тому нижнихъ полицейскихъ чиновъ и другихъ лицъ и сверхъ того въ подложномъ донесеніи начальству, съ покрытіемъ истинныхъ обстоятельствъ происшествія и лишенъ правъ, принадлежащихъ ему по происхожденію, съ написаніемъ въ рядовые по назначенію инспектора д-та. Квартальный надзиратель исключенъ изъ службы, частный приставъ получилъ выговоръ.

Это—извѣстная исторія Московскихъ студентовъ. Я заставилъ разсказать мнѣ это дѣло бывшему моему чиновнику Калиманову, человѣку опытному и добросовѣстному, который состоялъ при слѣдствіи депутатомъ отъ полиціи. По его словамъ дѣло ведено одностороннимъ образомъ къ обвиненію полиціи. Слѣдователь желалъ открыть предумышленный, заранѣе приготовленный сборъ полицейскихъ, которыхъ дѣйствительно участвовало въ происшествіи до 40 человѣкъ. Буйство начато студентами, которые вообще въ этомъ кварталѣ—возлѣ Козихи—буйною жизнію возстановили противъ себя и полицію, и жителей квартала. Полиція, усилясь числомъ, дозволила себѣ насилія, безчинство и произволъ, которые могутъ быть объяснены только таившимся озлобленіемъ и мщеніемъ.

Я надѣюсь прочесть самое дѣло, но и нынче не могу не сказать, что молодежь балуется, и стремленіе высшихъ и среднихъ начальниковъ къ популярности ослабляетъ власть и дисциплину. Я это вижу не только въ исторіяхъ студентовъ въ Кіевѣ, Казани и Харьковѣ, но и на моихъ племянникахъ. Это отражается и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Воспитанники Дворянскаго полка, наканунѣ выпуска, надѣли офицерскую форму и праздновали эполеты безчинствами и пьянствомъ, а на парадѣ (выпускномъ) 10 ротъ, находясь въ цѣпи передъ начальствомъ, закурили папиросы. Въ дворянскомъ полку директоръ Воронецъ, нѣчто въ родѣ Фельдфебеля, портитъ юношество поблажкою болѣе другихъ директоровъ, которые вообще желаютъ быть популярными, не менѣе попечителей Ребиндера и князя Щербатова.

Я порицаю это, потому что не люблю реакцій, а начальство непремѣнно придетъ къ нему. Я порицаю это и потому, что люблю постепенность, а въ настоящихъ вольностяхъ, послѣ напряженности Николаевскаго управленія, не только нѣтъ постепенности, но нѣтъ и приготовительныхъ мѣръ переходныхъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени откупъ скажется больнымъ и несостоятельнымъ. Откупъ, давно порицаемый общимъ мнѣніемъ, ошельмованъ теперь и въ журналахъ и повѣстяхъ. Надобно будетъ монополіи приступить къ болѣе дерзкимъ обманамъ, а уже и прежніе оглашены и возбуждаютъ негодованіе. Казна и залогодатели,

а всего болѣе нравственность и довѣріе потерпятъ. Мошенники останутся тѣже. Выиграетъ только опытъ.

Мнѣ кажется, чувства мои несогласны съ убѣжденіями. Это состояніе непріятное, обличающее робость ума и слабость характера. Предчувствіе ли опасности, Богомъ въ насъ вложенное, или мелкость человѣка тому причиною; но я желаю быть въ ожидательномъ положеніи и соглашусь скорѣе быть стороннимъ наблюдателемъ, нежели неудачнымъ дѣятелемъ. Обольщенія минуты, непосредственный успѣхъ меня не увлекутъ. Но при этомъ страдательномъ поведеніи, если не терпитъ и не теряетъ дѣло, то не теряю ли я и мои? Чувствую я, что на мѣстѣ А. В. В. я бы дѣйствовалъ лучше, былъ бы полезнѣе, внесъ бы другое начало; а между тѣмъ я уклоняюсь или по крайней мѣрѣ не ищу. Сколько я могу дать себѣ отчетъ, я оробѣлъ съ того времени какъ женился и потомъ какъ потерялъ Сашу. Женитьба дала мнѣ знать объ обязательности чести, независимо отъ личности и истины; смерть Саши освоила меня съ ненадежностію и непрочностію, оставляющими по себѣ равнодушіе. Печальное пріобрѣтеніе опыта, всегдашняя участь тѣснаго эгоизма.

Крѣпостной вопросъ поглощаетъ все, даже откупа, желѣзныя дороги и всѣ безчисленныя общества и компаніи. Урожай хлѣбовъ превосходный, и остается сжать и убрать, причемъ, какъ при посѣвахъ, ожидаютъ недоразумѣній отъ распространяющихся слуховъ, недоразумѣній, уже неоднократно бывшихъ при личныхъ повинностяхъ. Въ нашихъ журналахъ статьи поумолкли, но Le Nord оборвалъ притязательнаго магистра Николая Безобразова (№№ 6 Іюня и 2 Іюля), который, не совсѣмъ ловко, но не безъ основанія, старался доказать, что крѣпостное право значитъ не крѣпостные люди, а актъ на собственность, утвержденный правительствомъ у крѣпостныхъ дѣлъ, и еще болѣе неловко прибѣгнулъ къ системѣ устрашеній. Въ Іюньской книжкѣ Русскаго Вѣстника осмѣяли Миланскаго юриста, а онъ отвѣчалъ въ Сѣверной Пчелѣ (№ 25 Іюня), и послѣ такого отвѣта, вооруженнаго грозою, что вопросъ этотъ («надъ которымъ *ломаетъ* голову вся Россія», сказано въ Вѣстникѣ) *проломитъ* голову, конечно полемика прекратится. Замѣчательно, что у насъ безъ угрозъ не обходится ни одинъ важный споръ, и одни пугаютъ начальствомъ, другіе—общественнымъ мнѣніемъ.

Грустное чувство овладѣло мною послѣ посѣщенія Кронштадта 23 Іюня. Эта пустота города и бѣдность жизни, эти суетныя названія зипуновъ и стрѣльбищъ, эти пустые разговоры моряковъ, изъ которыхъ многіе (мои чичероне, Владимиръ и Николай Симанскіе), числясь въ походѣ, праздно шатаются въ городѣ, получая столовыя деньги,

эти 100-пушечные корабли, осужденные на уничтоженіе и гніющіе въ военномъ портѣ съ грозящими именами Россіи, Петра и др., эти адмиральскіе катера, рабски предоставленные въ мое распоряженіе, эти хоры музыкантовъ, встрѣтившіе меня у воротъ и потѣшавшіе насъ за обѣдомъ—все это такъ мнѣ не понравилось, что я раскаевался въ моей поѣздкѣ, особенно осматривая дорогой корветъ «Баянъ», дѣланный въ Шербургѣ и найденный мною въ передѣлкѣ, въ черной грузкѣ, вверхъ дномъ, узенькій съ огромными орудіями.

Въ Апрѣлѣ 1841 г. графъ Киселевъ докладывалъ Государю, что по случаю съемокъ земель для переселенцевъ (которымъ въ 1840 и 1841 гг. надлежало отвести болѣе 300 т. д.) удовлетвореніе частныхъ лицъ дѣлается невозможнымъ (а неотведенныхъ земель числилось въ министерствѣ въ разныхъ губерніяхъ 752,307 дес.); и тогда послѣдовало повелѣніе (печат. указъ 10 Іюня 1841): «объявить чрезъ Комитетъ Министровъ, чтобъ за огромнымъ назначеніемъ земель въ раздачу, о сю пору еще неисполненнымъ, впредъ до разрѣшенія не представлять къ сей наградѣ ни въ какомъ вѣдомствѣ».

Раздача земель въ частное владѣніе началась у насъ весьма давно, и инаго способа воздѣлыванія пустыхъ пространствъ правительство не придумало. Это остатокъ жалованій и верстаній помѣстьями, Русскій феодализмъ, продолжавшійся до 1801 г. и превратившійся въ этомъ году въ видъ награды по чинамъ.

Способъ этотъ конечно слѣдовало бы предпочесть продажѣ, которая при Екатеринѣ, и для погашенія долговъ при Александрѣ, произвела путаницу, какъ почти всѣ общія Петербургскія мѣры, примѣняемыя къ безсчетнымъ мѣстностямъ невѣжественными исполнителями. Но продажа, вводя частный интересъ, лучше бы осуществила эту мѣру и устранила бы тѣ злоупотребленія, которыя введены при пожалованіяхъ личными вліяніями, какъ напр. кн. Куракина, обобравшаго Рязанскихъ однодворцевъ, такъ что они до сихъ поръ нищенствуютъ, и произволъ столоначальниковъ, до сихъ поръ продолжающійся. Какъ понять, чтобы изъ пожалованныхъ земель 752 т. дес. оставались неотведенными? Какое же это пожалованіе? Какая отъ этого польза частнымъ лицамъ и государству? А произошло это отъ разныхъ причинъ. Въ законѣ постановлены условія отвода (т. X. изданія 1832—572, изданія 1842—772, 775, изданія 1857) которыя едвали исполнимы, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ лѣсистыя пространства преобладаютъ, а съ ними большія и малыя рѣки, лѣсъ хорошій, употребляемый впрочемъ на дрова, и заселенія мелкія, разсѣянныя, рѣдко прилегающія къ частнымъ дачамъ, которыхъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ. Въ законахъ не опредѣленъ порядокъ отвода и съ пожалованіемъ

начинаются ходатайства, происки, указанія, выборъ, отмежеванія, которымъ конца нѣтъ и, таскаясь по департаментамъ и палатамъ, владѣлецъ права кончаетъ тѣмъ, что продаетъ его скупщикамъ, какъ напр. бывшій директоръ Дубенскій, Левъ Нарышкинъ и разные другіе. Сдѣлаетъ ли для этого что-нибудь Муравьевъ — сомнѣваюсь. Ему на роду написано ничего не сдѣлать.

Іюл. Наши реформаторы какъ будто не хотятъ понять, что для преобразованій необходимы готовность, зрѣлость, воспріимчивость въ обществѣ, которыя главнѣйше условлены густотою народонаселенія, выработывающею нужды, необходимости и убѣжденія. Мы теперь въ томъ положеніи, что должны отдавать или чиновникамъ-взяточникамъ, или распорядителямъ-обманщикамъ. Самая широкая гласность не восполнитъ этихъ недостатковъ. Мерзости, видимыя въ кассахъ казначействъ и комитетовъ, въ родѣ Клевенскаго и Политковскихъ, мы видимъ и въ частныхъ обществахъ, гдѣ Пирлинги, Оводовы, Боровковы дозволяютъ себѣ не одну опрометчивость и безпечность. У насъ много говорятъ о гласности; но она очень молчалива и безъ мелкихъ губернскихъ чиновниковъ, весьма нѣмыхъ, была бы совсѣмъ нѣмая. Не пришло еще время откровеній. Оно придетъ и разразится особенно надъ нашею эпохою, когда прожектеры и реформаторы разработываютъ современныя слабости лучше консерваторовъ и гасителей прежнихъ. Разница въ томъ, что соблазнъ разширили и прикрыли фразами. Посмотрите на общество лѣсной торговли А...ва, почитайте разглагольствія компаніи животныхъ продуктовъ, транспортовъ, застрахованія скота, Московскаго страховаго отъ огня общества. Самое общество желѣзныхъ дорогъ—знаете ли вы его дѣйствія? Предсѣдатель совѣта Л. въ рѣчи своей не привелъ ни одной цифры, не упомянулъ ни о планѣ общемъ, ни о работахъ совершенныхъ, а между тѣмъ оно положило кое-какъ рельсы до Луги и недостатка въ капиталахъ, кажется, не было. Дѣло въ томъ, что построенія Француза не совсѣмъ по Русскимъ условіямъ, а въ Совѣтѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы понималъ и который бы занимался дѣломъ. Къ массѣ акцій они выпускаютъ массу облигацій, разсчитывая на выгоду $\frac{1}{2}\%$ и увеличивая пассивъ свой, и безъ того не очищаемый сборами.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ не двигается. Помѣщичья власть кончилась, ибо преждевременное обнародованіе видовъ законодательныхъ, разруша прежнія отношенія, новыхъ не установило и не установитъ. Работы полевыя идутъ, но плохо; а къ зимѣ, съ началомъ личныхъ повинностей, дѣла пойдутъ еще хуже.

Я ѣздилъ въ деревню черезъ Москву и Калугу. Мнѣ хотѣлось въ жаркое время работъ посмотрѣть на послѣдствія Петербургскихъ

рескриптовъ. Въ дворянствѣ ропотъ общій, въ крестьянахъ общее недоразумѣніе. Особенно замѣтно опасеніе въ дворовыхъ, не желающихъ ни оброка, ни пашни.

Какъ слѣдовало и полагать, помѣщичье право подкопано въ основаніи, и владѣлецъ смотритъ внизъ. Передъ нимъ волны народа, и голова кружится; онъ косится вверхъ, тамъ зыбь и пустота, да смѣлыя журнальныя рѣчи, и онъ обращается въ сторону, къ земскому суду и становому, которые внушаютъ, угрожаютъ и даже стегаютъ буйныхъ. Всего хуже дѣйствуютъ предводители дворянства. Ихъ застали рескрипты совершенно въ расплохъ, безъ точнаго понятія о мѣрахъ правительства и безъ всякой исполнительной власти. Насущное дѣло въ томъ, что крестьяне не хотятъ работать, вмѣсто 7 часовъ выйдутъ въ часъ, вмѣсто 100 человѣкъ придутъ 20; словесныя понужденія не берутъ, а обращаться со всякою малостію въ полицію отяготительно и какъ-то стыдно. Отъ этого работы идутъ вяло даже у насъ, гдѣ управленіе шурина избаловало крестьянъ хуже вольницы. У сосѣдей нашихъ, у Князева и Макарова, прибѣгали къ становому и розгамъ. У Кривцова, по случаю замѣны одной полосы земли, былъ открытый бунтъ, трое отданы въ рекруты, и одинъ, 54 лѣтъ, ссылается въ Сибирь; у Сафонова убитъ управляющій.

Слухи о Нижегородскомъ комитетѣ распространены мало, и желательно со стороны дворянства побольше податливости. Иной медвѣдь, какъ Ливенскій владѣлецъ Цуриковъ, на стѣну лѣзетъ и сложилъ по Фатежскому уѣзду такой адресъ, «подписанный 140 баранами», какъ онъ говоритъ, что сторонній свидѣтель, пожалуй, и оправдаетъ неосновательныя начинанія нашихъ реформаторовъ.

Вообще волненіе въ народѣ и въ дворянствѣ весьма сильно, и избави Боже какую-нибудь искру и хотя небольшой успѣхъ увлеченія. Грубость обоихъ сословій еще очень велика, и въ увлеченіи народа много дикости. Если къ этому прибавить ревность не впопадъ или глупую нерѣшительность начальства мѣстнаго, то въ сердцѣ самаго искренняго доброжелателя явится сожалѣніе и о томъ, что̀ сдѣлано, и о томъ, чего не сдѣлано.

Августъ. По пріѣздѣ моемъ мнѣ объявлено, что министръ финансовъ желаетъ представить меня къ наградѣ, по случаю успѣшныхъ торговъ на откупъ вина. Меня это поразило. Бывъ членомъ Комитета объ измѣненіи правилъ вольной продажи, я возражалъ бывшему министру Броку и потомъ, представя мои замѣчанія генералу Муравьеву, вовсе не разсчитывалъ на награду по той простой причинѣ, что положеніе о вольной продажѣ и всѣ работы нашего мнимаго Комитета были отвергнуты, и откупа оставлены на прежнемъ порядкѣ.

Но загадка разъясняется тѣмъ, что откупщики наддали около 40 милл. р., и новый министръ желалъ разсыпать награды направо и налѣво. У насъ это называется популярностью. Княжевичъ въ этомъ не уступитъ Муравьеву. Государь пожаловалъ: Княжевичу 100 т. р., сенаторамъ по 12 т. р.; директору Переверзеву 10 т. и 2 т. прибавочнаго жалованья, оберъ-прокурору Любощинскому 8 т. и 1½ прибавочнаго жалованья; оберъ-секретарю 4 т. р. и т. д., мнѣ и д. ст. сов. Гамалѣю 1½ т. р. каждому. Княжевичъ очень обязательно сказалъ мнѣ, что, увидя въ бумагахъ мое имя, онъ привязался къ нему, и рѣшили сдѣлать мнѣ пріятное. Благодарю добрѣйшаго человѣка, но желалъ бы доброту его узнать иначе. Популярность нашихъ министровъ стоитъ государству дорого. Обезпеченіе чиновниковъ—условіе важное, тутъ можно допустить даже излишество; но надобно знать границы и не дозволять себѣ наградъ безотчетныхъ.

Откупщики надѣются на развитіе массы эманципаціонными мѣрами и на огромныя работы обществъ предпріимчивости, которыхъ не сочтешь. Я не сомнѣваюсь, что они ошибутся, и отвѣтственность залогодателей уменьшитъ настоящее развитіе существенныхъ цѣнностей въ значительномъ размѣрѣ.

Недостатокъ постепенности въ поощреніи нашего экономическаго быта вообще заставляетъ опасаться весьма неотдаленныхъ невыгодныхъ послѣдствій. Огромныя требованія изъ-за границы частныхъ людей и правительства и употребленіе капиталовъ на разныя предпріятія уменьшили цѣнность нашего заграничнаго и внутренняго рубля болѣе нежели на 10%. Уже одно это обстоятельство произвело убытки покрайней мѣрѣ на 30 милл. р. въ трудѣ и привычномъ прожиткѣ. Я не говорю о той вѣтренности, вѣрѣ въ случайность и стремленіи къ матеріализму, къ золоту — auri sacra fames, animus sceleratus habendi—которыя всегда сопровождаютъ подобныя эпохи. Ихъ надобно переживать. Мелкіе люди и слабость управленія ихъ приводятъ. Но онѣ естественны, какъ противодѣйствіе, и много нужно генія и опыта, чтобы, открывая русло, не увлечь воды болѣе нужнаго. И смотря съ терпимостію, мыслитель грустно призадумается. Не робость и малодушіе, а желаніе добра должно быть основою.

Благодаря Государю, гласность начинаетъ помогать водворенію точности въ дѣлахъ и сдѣлкахъ; но тѣ очень ошибутся, которые всего ожидаютъ отъ гласности. Наша гласность во первыхъ не полна, шатка и ошибочна. Одни кричатъ: смотри, не зацѣпи; другіе думаютъ, «не раздразнить бы». И проповѣдники гласности, напр. члены главнѣйшихъ обществъ, теперь первые ропщутъ на эту гласность. Нужны огражденія прочныя, нужна настоящая отвѣтственность отъ верху до

низу, и независимость суда, безъ которой и гласность, и отвѣтственность не вытянутъ общества изъ полицейскихъ учрежденій.

Нельзя отказать въ большомъ сочувствіи словамъ молодого профессора Обручева: «Какъ мы еще далеки отъ того, чтобы понимать то дѣло, которое намъ довѣряютъ! Сколько еще намъ нужно развитія, чтобы привыкнуть видѣть въ солдатѣ или ратникѣ живаго человѣка, а не безгласное, бездушное существо, живущее только на бумагѣ, которому ни ѣсть не надо, ни спать по человѣчески, ни мыться, ни одѣваться, и которое создано или для того, чтобъ его обирали, или для того, чтобъ, ведя о немъ безпрерывную переписку, брать съ государства жалованье. Много еще нужно времени, чтобы любовь къ солдату свыше проникла во всѣ слои нашего общества и вызвала бы въ немъ заботливость и уваженіе къ той личности, которая безпрекословно, безкорыстно жертвуетъ собою для отечества».

Министръ юстиціи графъ Панинъ разрѣшился новыми штатами. Давно пора! Дурное учрежденіе правосудія какъ бы уваконялось несчастнымъ его управленіемъ и отсталыми штатами. Теперь послѣдніе улучшены, улучшится, можетъ, и второе; но дурное учрежденіе останется дурнымъ. Безъ участія общества—болѣе раціональнаго нежели нынѣшніе выборы—государство не въ состояніи судить право. Идея правды есть выраженіе народнаго сознанія. Формальности и множество инстанцій способны исказить самое добросовѣстное отправленіе правосудія. Тѣсныя рамы чиновниковъ, ограниченныя преимущественно одними воспитанниками Училища Правовѣдѣнія (дворянствомъ, по понятію гр. Панина) лишаютъ это трудное вѣдомство лучшихъ дѣятелей. Какъ все это укладывается въ головахъ нашихъ дѣятелей, понять нельзя. Общность, демократизмъ, наука, проникаютъ всѣ слои, всѣ дѣятельности, и всякое изъятіе изъ этихъ стихій непремѣнно приведетъ къ затрудненіямъ и къ невыгодѣ самыхъ учрежденій. Правовѣды молодые люди хорошіе, но имъ недостаетъ всѣмъ—науки (достаточно указать на совершенное отсутствіе ученыхъ трудовъ ихъ и на канцелярскіе сборники: Калайдовича—о слѣдствіяхъ, Стояновскаго—уголовный учебникъ, Владиславлева — гражданскія таблицы; ихъ нельзя сравнивать съ трудомъ г. Демиса, обѣщающаго юридическій словарь), и большей части — труда, любви къ судебной службѣ, а многимъ, или нѣкоторымъ—самой добросовѣстности. Что за Училище Правовѣдѣніе, когда есть юридическіе факультеты и какой классъ дворянства, и то какого-то дворянства, устоитъ противъ напора общества, которое, если пройдетъ еще такихъ десятокъ лѣтъ, разовьется сильно и смѣшаетъ классы, касты, какъ учрежденія несовременныя. Обновленіе дворянства у насъ въ существѣ весьма не часто. Раззоренія и раз-

вращенія его повсюдны и быстры. Какая же должна быть вода жизни изъ этого источника? Онъ не стоячій, какъ духовенство, но сточный. Графъ Панинъ, Ростовцевъ и Муравьевъ (отъ котораго очень досталось мнѣ при докладѣ проекта о почетномъ гражданствѣ) дѣлаютъ большія уступки для дворянства и большія стѣсненія для среднихъ классовъ; но я приписываю это мелкой зависти и тому ложному убѣжденію, что администрація перейдетъ въ руки демократіи. Да; но какъ же и улучшить иначе, если не предоставить ей широкій кругъ выбора? Вы затрудните условія доступа (экзамены), но не доступъ: тогда и дворянство будетъ имѣть преимущества, имѣя способы воспитанія, и среднее сословіе представитъ свои геніальныя и выдержанныя личности. Говорятъ: законъ допускаетъ; знаю я, какъ гг. Панины и Муравьевы вѣрны этому закону; а въ нашей администраціи довольно выразить главному начальнику (особенно если онъ сидитъ 20 лѣтъ) свою волю, чтобы удалить желающихъ и на самомъ дѣлѣ лишить правъ, прописанныхъ въ законѣ. Только этимъ запрудомъ объясняю я грустное явленіе—отсутствіе всякой юридической дѣятельности, представителей которой нѣтъ ни въ академіяхъ, ни въ ученыхъ комитетахъ, ни даже въ частныхъ обществахъ.

Вездѣ бродитъ огонь и истребляетъ города и села. Въ Петербургѣ рѣдкій день нѣтъ пожара; въ Пензѣ, въ Лугѣ, особенно въ Астрахани пожары приняли громадные размѣры. Въ Астрахани на Волгѣ взорвало въ это время порохъ. У насъ на пороховыхъ заводахъ, 19 Февраля, тоже взорвало сушильню 1500 пудовъ. Мы всѣ перепугались, какъ въ землетрясеніе. Не можетъ быть, чтобы во всѣхъ этихъ случайностяхъ не было доли безпечности и послабленія, довольно мягко лежащихъ при современной снисходительности. Крестьянскій вопросъ еще подъ спудомъ. Неловкое положеніе мѣстныхъ дворянъ выражается вялымъ ходомъ мѣстныхъ ярмарокъ; безденежье ихъ понижаетъ цѣны на существующіе сельскіе запасы. Теперь надобно ожидать послѣдствій неумѣреннаго кредита предпріятій и потомъ явныхъ результатовъ крѣпостной реформы, подобныхъ Галиціи и нашимъ западнымъ арендамъ.

Во главѣ у насъ стоитъ доброта, да окружаетъ ее своекорыстіе. Дайте добротѣ силу. Читая статьи Парижскаго сборника, удивляешься, какъ никому не придетъ на мысль сказать не надменное слово соціалиста, но основательный совѣтъ въ родѣ брошюръ Фиркса (Шедо-Феротти), но съ указаніемъ осязательныхъ выводовъ и съ теплымъ чувствомъ оскорбленнаго и преданнаго достоинства.

Я могу ошибаться, и болѣе нежели всякій другой; но я вѣрю въ фатализмъ или въ предопредѣленіе, т. е. въ дѣйствіе непроизвольное силъ и качествъ, во мнѣ предуставленныхъ и непроизвольно мною

выработываемыхъ. Я въ этомъ раскаюсь, можетъ быть; но я этому вѣрю. Или мы часто вѣримъ, чтобы оправдать порокъ, недостатокъ, неудачу, ошибку, какъ часто не вѣримъ, чтобы выдержать характеръ? Можетъ быть; но все это лучше вѣры въ случайность. Осмыслить фатализмъ иначе нельзя, а безъ фатализма нѣтъ никакого объясненія жизни.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю я прибытія министра Муравьева изъ поѣздки по Западному и Малороссійскому краю. Не выразится-ли бойкій порицатель какими-нибудь распоряженіями о преобразованіи управленія, послѣ безпрестанныхъ криковъ на безпорядки Киселева, послѣ продолжительныхъ объѣздовъ губерній, послѣ смѣщеній и выговоровъ и послѣ безчисленныхъ комитетовъ и коммиссій, которые пытались измѣнить то и другое, не рѣшаясь измѣнить ничего. Въ журналѣ М. Г. И. напечатаны циркуляры, но все это только о подтвержденіи старыхъ; въ газетахъ и журналахъ перепечатаны распоряженія: 1) объ измѣненіи отдачи земель по контрактамъ и 2) объ охраненіи лѣсовъ. Но первое относится къ одной дачѣ Самарской губерніи въ 3 т. десятинъ, а второе заключается въ томъ, чтобы отвѣтственность возложить на губернаторовъ, подобно тому, какъ при размежеваніи, для ускоренія дѣла, увеличено полномочіе палатъ. Какія же это преобразованія?

Къ эманципаціи крестьянъ нѣтъ и приступа. Стѣсненіе ихъ строгими мѣрами стародавняго предписанія о бездоимочномъ взысканіи денежныхъ сборовъ усилено; неурядица мірскихъ сходокъ таже; тягость сервитутъ рабочихъ и личныхъ остается въ прежнемъ видѣ. Земельные и лѣсные надѣлы неуравнительны, кадастръ снова обращенъ къ новымъ попыткамъ, школы и расправы такія же. Даже въ застрахованіи, въ рекрутской очереди и въ ссудныхъ кассахъ не сдѣлано измѣненій. Вездѣ брошены вопросы, и даются одни полуотвѣты.

Государь объѣзжаетъ Россію и говоритъ съ дворянствомъ. Нижегородцамъ и Москвичамъ онъ сдѣлалъ замѣчанія, Тверскихъ и Костромскихъ похвалилъ. Онъ положительно увѣренъ, что мѣра эта должна быть зрѣла и совершиться.

Сколько слышно, неповиновенія, даже безпокойства и бунты въ центральныхъ и восточныхъ губерніяхъ являются довольно часто. Это еще не бѣда. Бѣда въ томъ, что полевыя работы идутъ плохо, а работы комитетовъ еще плоше. Общество и журналы говорятъ о вознагражденіи, а правительство не рѣшается произнести это слово, опасаясь или не устоять, или усилить зависимость, тѣмъ болѣе тяжкую,

что патріархальныя отношенія современному взгляду даже не понятны. Ропотъ дворянства общій.

Вопросъ объ общинномъ пользованіи землею перешелъ изъ нашихъ журналовъ въ иностранные и въ Іюльской—Августовской книжкахъ Revue de deux Mondes, Воловскій помѣстилъ двѣ статьи по вопросу о крѣпостномъ правѣ. Въ первой нѣтъ ничего кромѣ сгруппированныхъ выписокъ и извлеченій, впрочемъ весьма основательно сдѣланныхъ, о нашемъ крѣпостномъ правѣ. Вторая статья трактуетъ объ общинномъ правѣ пользованія землею въ имѣніяхъ казенныхъ крестьянъ. Статьѣ этой недостаетъ цифръ, чтобы быть вполнѣ назидательною, недостаетъ разбора Галиційскихъ и нашихъ арендныхъ преобразованій, чтобы имѣть совершенную полноту, и нѣтъ, невидно изученія нашего кадастра, чтобы внушать довѣріе къ замѣчательному труду профессора. Я видѣлъ общественное пользованіе землею на самомъ дѣлѣ. Оно весьма недостаточно. Вообще a priori представить казну распорядительницей 250 мил. десятинъ земли и лѣсовъ противорѣчитъ всѣмъ основнымъ началамъ современныхъ теорій, кромѣ одной. А эта одна — соціализмъ — все болѣе и болѣе завоевываетъ пространства, заселяемыя толпами пролетаріевъ, и хвалится овладѣть будущностію. Вредное вліяніе общественнаго пользованія на земледѣліе не подлежитъ сомнѣнію. Вредное вліяніе самого общиннаго учрежденія на общественность и нравственность поселянъ также очевидно. Но это еще не доказательство. Здѣсь несомнѣнны недостатки учрежденія, исключительно направленнаго къ финансовымъ цѣлямъ, установленнаго на чиновничьемъ началѣ и дѣйствующаго въ средѣ невѣжественнаго населенія. Да; но все это недостатки времени, эпохи, мѣста. Не частная-ли собственность приводила Западъ къ конфискаціямъ и секуляризаціямъ, въ которыхъ не отрицается, но нарушается право собственности? Если есть частная, то почему не быть общественной, государственной собственности? Надобно и то сказать, что собственно общины и общинной собственности у насъ нѣтъ: ибо такъ называемое учрежденіе есть довольно шаткая административная единица, которая, съ попытками кадастра, еще болѣе шатается. Да и вообще, при обиліи нашихъ земель, собственность поземельная далеко не имѣетъ того значенія, которое дано ей нуждою сгущеннаго народонаселенія въ государствахъ западныхъ. Мы еще въ бродячемъ періодѣ милостынь, недочетовъ и неопредѣленныхъ цѣнностей, мы еще не умѣрили невыгоды нашего климата. Если до сихъ поръ мы могли сохранить общинное владѣніе, нѣтъ основанія предполагать, чтобы современная наука отказалась помочь дѣлу, и дружное содѣйствіе власти, нужды и образованности не выработало изъ этого начала полезнаго,

основательнаго учрежденія. Я здѣсь говорю противъ себя, ибо считаю частную собственность лучшимъ двигателемъ благосостоянія; но опытъ научилъ меня осторожно обращаться съ существующими учрежденіями, когда они опираются на вѣка и обнимаютъ десятки милліоновъ жителей.

Съ того времени какъ стремленіе къ уравненію съ Европою вызвало разные вопросы, молодое наше общество поставлено въ ложное положеніе. И можно сказать—въ двойное, сугубое ложное положеніе. Прежніе дѣятели, грр. Блудовъ, Панинъ, бар. Корфъ, генер. Ростовцовъ, не знаютъ куда приклонить голову и мечутся изъ стороны въ сторону. Новые дѣятели или не выросли, или не явились. Олицетворенная шаткость и путаница—министръ Муравьевъ; очевидная неприготовленность—министры Княжевичъ и Ковалевскій. Дѣло въ томъ, что возбужденные вопросы намъ не поплечу. Я пишу это по собственному опыту, пользуясь репутаціей незаслуженною и обращаясь съ вопросами высшаго управленія. Мы, люди служащіе, по откровенному выраженію Бекона—ex vinculis loquentes—и допуская реформы, смѣшиваемъ судопроизводство съ дѣлопроизводствомъ, государственную работу съ перепискою. Канцелярское сидѣнье развиваетъ лѣность, прикрываемую формальностію. Если еще Европейскій журналъ или книга помогаютъ намъ познакомиться съ воззрѣніями, учрежденіями и цѣлями, то канцелярскій опытъ никакъ не въ состояніи согласить ихъ съ данными условіями лицъ, мѣста и времени. Здѣсь или не дойдешь или перейдешь. Не говоря о великихъ вопросахъ, на дняхъ я долженъ былъ обработать рецензію устава Вольн.-Эконом. Общества. Сдѣланныя мною замѣчанія приняты Совѣтомъ министра Г. И.; но самъ я этою работою очень недоволенъ. Мнѣ казалось и кажется, что знаменитое общество это и шло, и идетъ, и пойдетъ очень дурно, и причину этого я полагаю въ назначеніи и организаціи его.

Въ 18 столѣтіи пробудился духъ общественности. Императрица льстила ему и въ 1765 г. по вызову нѣсколькихъ благодушныхъ представителей (гр. Ром. Воронцовъ, кн. Григ. Орловъ, гр. Ив. Чернышовъ, Адамъ Олсуфьевъ, бар. А. Черкасовъ, Фонъ-Польманъ, Гр. Ник. Тепловъ, Ив. Ив. Тауберть, Клингштетъ, Нартовъ, Пекенъ, Модель, Леманъ, Фалькъ, Эклебенъ) утвердила либеральный уставъ, нѣчто въ родѣ домашнихъ собраній, въ которыхъ трактовали любители о земледѣліи, о промышленности и разныхъ предметахъ. Нѣкоторые члены по очереди составляли родъ постояннаго комитета. Дѣло шло по домашнему. Въ 1790 г. сдѣлано къ уставу дополненіе о кореспондентахъ; въ 1815 г. еще небольшія измѣненія, и уставъ 1765 г., пересмотрѣнный и утвержденный общимъ собраніемъ 24 Февраля 1770 г.,

носилъ патріархальный, домашній характеръ свой до 1824 г. когда подъ вліяніемъ Ахенскихъ реакцій адмиралъ Н. С. Мордвиновъ измѣнилъ уставъ, внеся въ него элементъ правительственный учрежденіемъ, вмѣсто очередныхъ членовъ, Совѣта. Это сильно ослабило автономію общества, и въ занятіяхъ его началась неурядица, борьба, которая при кн. Вас. Вас. Долгорукомъ доводила до жандармской канцеляріи, при А. И. Левшинѣ (Кавелинъ и Заблоцкій), въ 1856 г., грозила восхитить всѣ права членовъ, предоставя власть котеріи, въ родѣ распорядителей Географическаго Общества, и наконецъ, послѣ остракизма и проскрипцій Шустова, Боде, Куна и Шидловскаго, Бурнашова, Мочульскаго, готова была кончиться закрытіемъ и кончилась составленіемъ новаго устава, который теперь у меня въ рукахъ. Дѣло въ томъ, что общество богато (въ немъ болѣе 800 членовъ, болѣе 500 т. р. капитала), а непремѣнные секретари и другіе обработывали свои дѣла, а гг. другіе хотѣли обработывать свои.

Оспаривая разныя статьи проекта, особенно важнѣйшую—о правѣ исключенія членовъ — я долженъ сказать, что до сихъ поръ не далъ себѣ отчета ни о цѣли, которая, кромѣ наукъ и художествъ, обнимаетъ почти всѣ отрасли дѣятельности, ни объ организаціи, которая, дѣйствуя общими собраніями, близка къ анархіи.

Въ замѣчаніяхъ моихъ я старался: 1) усилить значеніе отдѣленій, 2) точнѣе опредѣлить предметы общихъ собраній, 3) всѣ дѣйствія удостовѣрить гласностію и 4) связать общество съ другими чрезъ министерство.

Какіе страшные пожары! Нынѣшнее лѣто отличалось необыкновеннымъ постояннымъ тепломъ; горѣли лѣса и земли, города и деревни, горѣло такъ много, что нельзя приписать всѣхъ несчастій одной случайности, если не приписывать красавицѣ-кометѣ (Донати), которая блистала на нашемъ горизонтѣ въ теченіе Августа и особенно Сентября, давая народу объясненіе и дороговизны, и засухъ, и пожаровъ, и всякихъ будущихъ напастей.

Октябрь. Читалъ я «Извлеченіе изъ всеподданѣйшихъ писемъ» Якова Ивановича Ростовцова, писанныхъ 29 Августа—15 Сентября изъ Вильдбада - Дрездена и напечатанныхъ «для соображеній главнаго комитета по крестьянскому дѣлу». Это набросанныя мысли безъ общихъ началъ, безъ выводовъ и, очевидно, безъ знанія дѣла крестьянскаго и самыхъ постановленій. Здѣсь тоже идеальное значеніе «міра», три инстанціи разбирательствъ и большое вѣрованіе въ формализмъ; иногда Ростовцовъ усиливаетъ власть помѣщика до баскакской. Здѣсь (стр. 20) «оскорбленіе самого помѣщика равняется оскорбленію отца», а тамъ (стр. 34) вмѣняется уѣздному начальнику въ обязанность «лю-

бовь къ крестьянамъ, но любовь отца и благодушная, и строгая». Вотъ уже два отца: очевидно, крестьянинъ незаконный.

Болѣе толку въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ. Здѣсь видны практическія свѣдѣнія, мѣстныя условія и требованія личныхъ выгодъ. Я читалъ положеніе (большинства) Нижегородское. Оно изложено довольно многословно, но очевидно съ желаніемъ рѣшить дѣло и согласить обоюдные интересы. Опредѣляется по 5 дес. на тягло и по 480 р. за десятину усадьбы; тутъ комитетъ пошелъ далѣе должнаго, опредѣляя урочное положеніе и назначая сроки даже кафтану и сарафану, безъ указанія, кто все это будетъ наблюдать. Комитетъ очевидно отступаетъ отъ рескрипта, не дозволяя пріобрѣтать усадьбы въ отдѣльную собственность и возлагая всю отвѣтственность за исправность казенныхъ податей на такъ называемый міръ. Комитетъ очевидно переступилъ предѣлы, дозволяя выкупъ усадебъ чрезъ переводъ кредитнаго долга на крестьянъ по предположенной цѣнности сихъ усадебъ. Къ сожалѣнію должно замѣтить, что во всемъ проектѣ нѣтъ, или почти нѣтъ, никакихъ прочныхъ огражденій для крестьянъ, подчиненныхъ старостѣ и міру, подчиненныхъ начальнику общества, т. е. помѣщику. Необходимо ввести безразличный элементъ—правительственный—напр. сельскаго пристава. Необходимо опредѣлить обоюдный составъ уѣзднаго присутствія, а главное необходимо разстаться съ мыслію о мірской круговой отвѣтственности и о возможности урочныхъ положеній, за неисполненіе которыхъ комитетъ грозитъ (легко сказать!) обращеніемъ на барщину. Во всемъ этомъ скоро и опрометчиво поднятомъ вопросѣ я вижу искусственность и боюсь, что у насъ явятся искусственные отпущенники и искусственная собственность.

Опять шалятъ студенты. Едва кончились исторіи въ Кіевѣ и Харьковѣ, какъ въ Казани медики просили старика Бервѝ оставить каѳедру. Теперь почти такая же исторія въ Москвѣ, гдѣ студенты съ подобнымъ предложеніемъ адресовались къ профессору Варнеку, и по неловкости попечителя Бахметева должно было, какъ и въ Казани, назначить слѣдствіе. Въ Дерптѣ на дуэли убитъ одинъ студентъ, и на похоронахъ явился цѣлый полкъ товарищей, вопреки увѣренію данному ректору. Попечитель Брадке проситъ увольненія. Здѣсь въ Петербургѣ тоже была дуэль у Левшина съ Родіоновымъ, секундатъ Замятнинъ.

Въ аристократическомъ конногвардейскомъ полку подрались офицеры и юнкера. Музыкантъ кн. Ю. Г. (владѣлецъ капеллы) обличенъ, чрезъ какого-то писаря, въ сообщеніяхъ съ Герценомъ и высланъ, вмѣсто Вятки, въ свою Тамбовскую деревню. А въ Вяткѣ, въ строи-

тельной коммиссіи, губернаторъ подрался съ путейскимъ офицеромъ. Хорошо! Поссорившіеся въ танцклассѣ у Марцинкевича гр. О. и кн. Д. преданы суду, военному суду, и сидятъ подъ арестомъ. Недовольныхъ Варнекомъ поѣхалъ удовольствовать министръ Ковалевскій.

Очень шумятъ въ городѣ статьи во 2-й книгѣ Октября «Русскаго Вѣстника», Громеки и Жемчужникова.

Умерла графиня Ростопчина, и еще менѣе однимъ талантомъ въ нашей литературѣ. Я мало зналъ эту даровитую женщину, пылкую и страстную, но всего болѣе суетную, тщеславную и непослѣдовательную. Недостаточный запасъ генія она старалась восполнить усиліями оригинальности, эффектами, странностію противуположностей. А геній у нея былъ. Но свѣтъ разсѣялъ его и оставилъ одинъ блескъ, лоскъ, сіяніе, дозволяя ей счастливыя начинанія, продолженіе безъ выдержки, мыслительность безъ углубленія, знаніе безъ изученія. Происходя изъ даровитаго семейства Сушковыхъ, она ребенкомъ читала, писала и сочиняла. Маленькая фея встрѣтилась съ Пушкинымъ и сдѣлалась писательницей. Успѣхи дѣтства смѣнились успѣхами богатаго замужества, и уединеніе, мыслительность и ученіе сдѣлались капризомъ, развлеченіемъ, роскошью. Уже тутъ чувствителенъ ея упадокъ. Она бросилась въ оппозицію, чтобы поддержать вниманіе, какъ потомъ отдалась преданности, когда оппозиція набрала фалангу. Послѣдняя перемѣна окончательно ее погубила, а съ разстройствомъ дѣлъ мужа капризъ, шутка, какою почти всегда была для нея поэзія, были уже недостаточны. Съ потерею положенія въ обществѣ прошелъ и капризъ. Тогда напряженныя силы измѣнили, и «У порога» имѣетъ всѣ признаки спекуляціи. Ароматомъ бала пахнутъ ея стихотворенія, и благоуханіе нѣкоторыхъ заимствовано отъ клумбъ и тропическихъ растеній оранжереи. Есть истина въ чувственныхъ изображеніяхъ, есть сила въ упрекѣ и раскаяніи; вообще много счастливыхъ выраженій и картинъ. Предметы часто изящны, много такта, языкъ хорошъ. Она не имѣла никакого вліянія на литературу и даже на свой кругъ общества.

Крестьянскій вопросъ поглощаетъ все. Правительство думаетъ о выкупѣ, предоставя крестьянамъ займы изъ особыхъ банковъ, для фондовъ которыхъ образовать особый капиталъ. Этотъ особый капиталъ генералъ Муравьевъ думаетъ образовать изъ остатковъ общественнаго сбора. Хорошъ источникъ! Отвѣчаетъ капиталъ назначенію? Но здѣсь важно то, что является мысль о выкупѣ. Если отъ выкупа массами перейдутъ къ выкупамъ личнымъ и изъ обязательнаго сдѣлаютъ выкупъ свободный, дѣло приметъ раціональный ходъ и, если крестьяне будутъ покойны, постепенный успѣхъ его будетъ упроченъ.

Но сомнительно это спокойствіе, и еще сомнительнѣе содѣйствіе такому направленію дѣла со стороны печатнаго мнѣнія.

О крестьянахъ ходятъ смутные слухи. Они, крестьяне, покойны, потому что ожидаютъ. Спокойствіе непремѣнно нарушится, какъ скоро исполненіе не будетъ отвѣчать ожиданію. И теперь уже тамъ и сямъ прорываются то неповиновеніе, то ослушаніе, то буйная дерзость. Сестра моя изъ Саратова, братъ Влад. Боборыкинъ изъ Тулы и самъ я изъ Орла можемъ это засвидѣтельствовать. Ожиданія, а съ ними нетерпѣніе и неудовольствіе, ростутъ и сбираются. Тучами стоятъ они надъ дворянствомъ, и одно дуновеніе морскаго Западнаго вѣтра можетъ вызвать грозу, ливень и наводненіе. Къ сожалѣнію должно сказать, что многіе этого желаютъ.

Печатное мнѣніе помогаетъ дѣлу много, правительству мало, дворянству—нисколько. «Журналъ Землевладѣльцевъ» не имѣетъ ни одного порядочнаго представителя; здѣсь ратуютъ односторонники, не имѣющіе за себя ни науки, ни литературы. «Сельское Благоустройство» хочетъ держать средину, но Самаринъ (Юрій) и Кошелевъ сбиваются къ оппозиціи. Всѣ прочіе журналы и газеты открыто берутъ сторону крестьянъ, интересы демократіи, и берутъ такъ храбро, можно сказать дерзко, что при бо́льшей грамотности партія эта, и нынѣ весьма сильная, могла бы образовать лигу, фронду, жакерію и проч. иностранныя пугала, которымъ Русская голова еще не придумала и названій. Послѣ «Печатной Правды» князя Голицына, ѣдущаго доселѣ на одной и готовящагося ѣхать на тройкѣ, вышло «Письмо старосты Кузьмы Ѳедоровича Пѣ́тухова», писанное для простаго народа, «чтобы уразумѣли всѣ, какая для крѣпостныхъ людей перемѣна будетъ». Но еще знаменательнѣе письмо В. А. Кокорева (въ Ноябрьской книжкѣ «Русск. Вѣстн.») о томъ, чтобы выкупъ обезпечить налогомъ на вино, чтобы попивая всякій повторялъ: «что̀ въ ротъ, то спасибо». Кромѣ этой выходки, въ письмѣ видны какая-то сила, увѣренность, мощь, какія можно видѣть развѣ въ предложеніяхъ Ротшильда, Френкеля и К°, располагающихъ милліонами и сознаніемъ своего вліянія.

Само собою разумѣется, что все поглощено крестьянскимъ вопросомъ и кромѣ замѣченной лѣтомъ страдательной неисполнительности въ крестьянахъ, нынѣ я замѣтилъ стремленіе къ самостоятельному положенію въ дворовыхъ. Они обзаводятся хозяйствомъ, обращаются къ ремесламъ; даже приближенные менѣе выказываютъ безкорыстной преданности.

Крѣпостное право, можно сказать, прекратилось. Кромѣ общаго признанія всѣми помѣщиками начала̀ и факта освобожденія и кромѣ общаго ропота на продолжительность переходнаго времени, въ средѣ

владѣльцевъ, въ самомъ комитетѣ (довольно публичномъ, ибо всякій помѣщикъ имѣетъ право присутствовать), независимо отъ падкихъ, которыхъ всегда у насъ много, и упрямыхъ, которые теперь гораздо говорливѣе и смѣлѣе, есть двѣ партіи, едва ли подозрѣвающія послѣдствія своихъ убѣжденій и стремленій. Одни не хотятъ нисколько разстаться съ старымъ и сбиваются на инвентари, другіе желаютъ развязаться совершенно съ крестьянами посредствомъ выкупа и думаютъ о фермахъ.

Смѣлость, дерзость выраженій и мнѣній доказываютъ сильное раздраженіе умовъ и интересовъ, и сцены съ Кошелевымъ и кн. Черкасскимъ (въ Рязани и Тулѣ) вѣроятно повторяются вездѣ, и комитеты имѣютъ видъ и званіе то заговорщиковъ, то отъявленныхъ либераловъ.

1859 годъ.

Боюсь я разойтись съ Валуевымъ. Въ общихъ мысляхъ, въ идеяхъ и началахъ мы съ нимъ совершенно согласны, а въ мелочахъ, въ выводахъ—нѣтъ. Увы, людей сближаютъ мелочи, привычки, капризы, даже пороки, а не идеи. Онъ внесъ правила отдачи мызныхъ и крестьянскихъ угодій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, предполагая тоже сдѣлать и для западныхъ. Я долженъ былъ оспаривать и оспорилъ. При докладѣ министру я выразилъ мое мнѣніе еще полнѣе, и мѣра эта потерпѣла большія измѣненія. Сегодня былъ докладъ, и я предупредилъ министра, что едва ли не таже участь ожидаетъ и новый проектъ регулированія, едва опредѣленнаго въ 1854 г. Нынѣшнія правила—новое ослабленіе Русскаго вліянія на Остзейскую территорію.

Я очень люблю Валуева, но не могу для этой любви полюбить болѣзнь вѣка—систематическія преобразованія, особенно въ дѣлѣ, удобно повѣряемомъ цифрами опыта. При томъ же всѣ эти Нѣмецкія регулированія и Польскія люстраціи такъ пахнутъ средними вѣками, вотчиннымъ распорядкомъ, что въ настоящее время «улучшенія быта крестьянъ» я равнодушно почти не могъ читать предположеній, по примѣру Польскихъ и Шведскихъ королей, о свободномъ извлеченіи казною наибольшаго дохода отъ земель, принадлежащихъ ей какъ вотчиннику. Можетъ быть это разумно въ видахъ м-ра Муравьева; но для меня достаточно заподозрить служеніе подобнымъ видамъ, чтобы открыто начать борьбу, за которую конечно поплатится не другой кто, а я.

Цѣны на хлѣбъ, не смотря на прекращеніе всякаго требованія за границу, держатся и даже въ Декабрѣ повышаются. Общее опасеніе голода отъ лѣнивыхъ работъ крестьянскихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстно-

стяхъ гораздо болѣе противъ прежняго браковъ въ крестьянствѣ. Покупка и продажа населенныхъ имѣній почти пріостановилась.

По пріѣздѣ въ Петербургъ меня встрѣтили другія новости.

Приказано пріостановить разрѣшеніе новыхъ компаній и дозволять только такія, въ которыхъ министры могутъ ручаться за успѣхъ и добросовѣстность лицъ. Министры желаютъ сбросить съ себя отвѣтственность и учреждаютъ комитеты.

Министръ просвѣщенія сдалъ цензуру тріумвирату: оберъ-форшнейдеру Муханову (своему товарищу), Александру Адлербергу, царскому любимцу, и Тимашеву. Имъ предоставлено въ распоряженіе 250 т. р. для направленія литературы и устройства правительственной журналистики. Производителями дѣлъ этого комитета: Ксенофонтъ Полевой, мелкій критикъ, и генералъ Меньковъ, мелкій пересмѣшникъ. Министръ Чевкинъ учредилъ международный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде, для разрѣшенія споровъ по желѣзнымъ дорогамъ, которыя «подъ скверным Французскимъ управленіемъ идутъ прескверно». Дорога въ Псковъ не открыта. Въ публикѣ ходятъ слухи о безпорядкахъ въ счетахъ; директоръ Колиньонъ просилъ министра финансовъ провѣрить счеты и книги.

Въ дѣлахъ и лицахъ видны смѣшеніе и опасеніе. Никто не прочитъ себя на мѣстѣ и никто не дорожитъ имъ. Никто не отстаиваетъ своего начала и уступаетъ безъ боя. Либералы боятся отвѣтственности за послѣдствія; консерваторы, опасаясь нареканій, желаютъ и вызываютъ эти послѣдствія, чтобы опорочить направленіе и начать реакцію. Но реакція не возметъ своего, какъ ни сильно вліяніе Панина и Орлова.

Литература вся превратилась въ публицистику, и публицисты нашп даютъ волю фантазіи и тѣмъ несбыточнымъ теоріямъ, которыя всегда всплываютъ въ незапныхъ сопряженіяхъ. Журналистика все болѣе и болѣе завоевываетъ правъ гражданства, и газеты, какъ С.-Петербургскія (академическія) Вѣдомости, могли бы соперничествовать съ лучшими органами Европейскаго печатанія.

А Европа? Въ Европѣ господствуетъ Наполеонъ. Все смотритъ на Францію, вся Франція сосредоточилась въ Парижѣ, здѣсь все въ рукахъ императора, не знающаго никакого ограниченія, кромѣ посредственныхъ исполнителей и собственной совѣсти передъ Богомъ,— совѣсти, въ существованіи которой многіе сомнѣваются, Богомъ, бытію котораго вѣкъ не вѣритъ. Франція болѣе и болѣе, съ своими Наполеонидами, принимаетъ демократо-космополитическій характеръ. Опутанная сѣтями силы и шпіонства, она въ досадѣ гложетъ собственное сердце и истощается въ усиліяхъ немощи. Народъ требуетъ panem et

circenses, генералы раболѣпствуютъ, церковь служитъ, публицистика подслуживается.

Поэтическая литература наша, какъ и экономическая и политическая, раскидывается широко и свободно. Журналистика готова спорить съ лучшею Европейскою. Но, господа, кто же приготовилъ и взростилъ эти силы? Настоящая ли эпоха? Нѣтъ. Николаевская. Дисциплинарное ея направленіе было полезно для молодыхъ органовъ. Оно было бы полезнѣе, если бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ не доходило до крайности. Возрастаніе въ настоящую эпоху — вы это увидите — будетъ хуже. Настоящая неопредѣленная, шаткая вольница приготовитъ борцовъ бойкихъ, но не сильныхъ, многихъ, но незамѣчательныхъ.

Редакторъ Польскаго Слова, Огрызко, за статью о Лелевелѣ, по жалобѣ намѣстника, кн. Мих. Дм. Горчакова, посаженъ въ крѣпость, а попечителю Д. сдѣлано замѣчаніе. Говорятъ, что литературнаго тутъ ничего нѣтъ, если вѣрить, что эта кабала Виленскихъ и Варшавскихъ журналистовъ, досадующихъ на Огрызко за уменьшеніе у нихъ подписчиковъ. Другіе говорятъ, что этой манифестаціей хотѣли дать внушеніе Польской партіи, которая очень начала поднимать голову. По ложному положенію своему и по высшей западной образованности Поляки берутъ надъ нами верхъ, и если крѣпость Русскаго ума беретъ свое и наверстываетъ со временемъ, то масса всегда будетъ преимуществовать, опираясь на свой католицизмъ, на свои учрежденія и свое сосѣдство.

Странное дѣло! Грустно я замѣчаю за собою какое-то систематическое порицаніе установляющагося порядка. Старость что ли это? Нѣтъ, я не старъ. Зависть? Хотя безъ ея капли нѣтъ въ мірѣ жидкости, но я завистливымъ человѣкомъ себя не зналъ и не признаю. Самолюбіе—да это тоже зависть, только безъ искренности. А есть что-то. Это *что-то* я не ошибусь назвать привычкою поколѣнія, которая въ Николаевскомъ государствованіи, послѣ 30лѣтняго усвоенія, готова сдѣлаться второю натурою. Осуждая Огрызко, осуждая напористую литературу, осуждая кипучее компанейство, неумолчные толки о преобразованіяхъ, я, кажется, мало обращаю вниманія на естественность такого порывистаго явленія послѣ продолжительнаго принужденія. О, нѣтъ! Я это сознаю. Я сторонникъ сакраментальной фразы: предъ закономъ всѣ равны. Мы къ этому идемъ, мы къ этому придемъ; я этому вѣрю. Но я нахожу, что мы пошли рано и придемъ, за этими полумѣрами, поздно... Особенно раздражаетъ меня мое Четверговое свиданіе съ превратнымъ моимъ министромъ. Сегодня, вѣроятно подъ вліяніемъ неудовольствія отъ учрежденія комитета Ростовцова, онъ

такъ много говорилъ противъ крестьянскаго дѣла, что я рѣшился ему сказать злую лесть: «Вѣрнѣе было бы поручить это дѣло вамъ. У васъ въ распоряженіи уже 10 милл. душъ, у васъ 200 милл. десят. земель. Вы же первые заявили Государю о капиталахъ на выкупъ». Не знаю, понялъ ли онъ меня.

А вотъ и нашъ реформаторъ, нѣкогда пылкій юноша, теперь зрѣлый министръ, генералъ Ростовцовъ съ своею редакціонною комиссіею, въ которой присутствуютъ: гг. Жуковскій, котораго я не знаю, Соловьевъ, знатокъ кадастровыхъ операцій, провіантмейстеръ Булгаковъ, извѣстный всѣмъ своимъ опытнымъ, но слишкомъ энергичнымъ здравымъ смысломъ, оберъ-прокуроры: Любощинскій, талантливый исполнитель системы Панина, и Семеновъ, не состарившійся еще юноша; даровитый директоръ Милютинъ и, говорятъ, благонамѣренный сослуживецъ его Гирсъ; Калачовъ, ученый знатокъ нашего неизвѣстнаго древняго права, В. И. Булыгинъ, нашъ молчаливый членъ Совѣта, и Павловъ, дѣятельный членъ Московскаго комитета, Верейскій предводитель и теперь нашъ Московскій управляющій.

Какіе же элементы въ этомъ составѣ? А трудъ этихъ господъ будетъ служить основаніемъ всего законодательства новаго порядка. Все это люди умные, образованные и даже опытные, и производитель дѣлъ, переводчикъ Риттера, Семеновъ... Остается Я. И. Ростовцовъ. Выборъ хорошъ. Генералъ Ростовцовъ выдвинулъ проэктъ Кокорева—Русскій проэктъ, сплечной.

Надобно вникнуть. Нуженъ милліардъ. Выпустимъ облигаціи. Гарантируемъ 5%, прибавимъ 1% на погашеніе посредствомъ каждогоднаго тиража. Обезпечимъ недоимку 15 м. р. отъ казны, въ число которыхъ министръ финансовъ дастъ отъ откуповъ 3 м. р.; генералъ Муравьевъ—4½ м., а съ 1860 еще 1½ м.—итого 9. Недостаетъ 6 м. р.; но можно ли задуматься о такой малости, да и не слишкомъ ли широко предположена недоимка ¼ всего капитала, 60 м.? Какой же ходъ и исходъ дѣла?

Этотъ проэктъ, срубленный сплеча, давно ходилъ въ обществѣ. Но дѣло въ томъ:

1. Втиснувъ вопросъ въ тѣсныя рамы крестьянскаго выкупа, подумали-ли вы о послѣдствіи въ государственномъ хозяйствѣ, полиціи, кредитѣ? Нѣтъ, вы не подумали. Вы оставили помѣщичій элементъ въ пробѣлѣ и думаете все взвалить на правительство. Оно этого не выдержитъ, и земля тяготы не вынесетъ.

2. Положимъ, вы это рѣшили или рѣшите послѣ; но

3. Какъ вы установите оцѣнку? Безъ явнаго нарушенія добровольнаго согласія въ правѣ собственности вы оцѣнки не достигнете, какой желаете.

4. Облигацій на милліардъ; но эта бумага не потопитъ ли всѣ цѣнности? Нѣтъ, это серіи; они приносятъ проценты, даже 5%. Я этому не вѣрю, ибо бѣдность дворянства вошла въ пословицу; но что же вы сдѣлаете?

5. Ручательства процентовъ, и по 5%, помѣщику мало. Онъ не удовольствуется и 7%. Ему нужно жить, и при томъ по привычкамъ не вотъ какъ скоро измѣняющимся; ему нужно заплатить обработку другой половины земли. Онъ обнищаетъ, доходность уменьшится, производительность ослабнетъ. Надобно ожидать дороговизны, можно опасаться голода. Удержатся облигаціи, возвысится нашъ биржевой рубль, не опустѣютъ наши рынки, не упадетъ дворянство. Положимъ, нѣтъ.

6. Новый гражданинъ-крестьянинъ будетъ платить 5 р. помѣщику, 1 р. погашенія, 50 к. (нѣтъ, 1 р.) управленія, 1 р. подушной, 1 р. земской и 1 р. мірской—всего до 10 р. Да откуда же онъ возметъ такую пропасть, можетъ-ли это быть? Развѣ мы не знаемъ, какъ обошлась, какъ обходится перемѣна аренды и барщины на оброкъ? Но вы, новые преобразователи, этому не вѣрите. Вы даете на недоимку 15 м. р.

7. Княжевичъ вамъ обѣщаетъ 3 м. р. (не отрѣзанные-ли отъ флота?), но отвѣчаютъ-ли откупа? Въ Январѣ они начали уже лопаться.

8. Муравьевъ вамъ обѣщаетъ 4½, да съ 1860 г. еще 1½ милліона. Въ министерствѣ денегъ много. Много-ли ихъ у крестьянъ—другой вопросъ. Управляющимъ запрещено и говорить о недоимкахъ. Генералъ Муравьевъ очень щедръ; но если онъ вамъ дастъ что обѣщаетъ (я въ этомъ сомнѣваюсь), то не иначе какъ съ усиліемъ принудительныхъ, насильственныхъ мѣръ и непремѣнной путаницы счетовъ, я увѣренъ.

9. Имѣя 1% погашенія и 9 милліоновъ даровыхъ, вы думаете исполнить обязательства; но приняты ли въ соображеніе другія обязательства бюджета?

и 10. Да и во время ли вы начали ваши засѣданія, не имѣя въ виду всѣхъ мѣстныхъ матеріаловъ и предосуждая вашими программами занятія комитетовъ? Сомнѣваюсь.

Знаю я, что вы совершаете великое дѣло, но избранный путь не приведетъ васъ къ цѣли. Вы торопитесь составленіемъ программъ, не выждавъ даже мѣстныхъ комитетовъ и говоря о какихъ-то жертвахъ, на которыя никто васъ не уполномочивалъ, которыя требуются развѣ осаднымъ положеніемъ, а не благоустроеннымъ государствомъ. Думая о вѣкахъ предбудущихъ, вы забываете насущные дни и поколѣніе настоящее.

Такъ дѣйствуютъ безотвѣтные люди. Но Богъ и время спросятъ отвѣта.

Надобно поближе ознакомиться съ нашимъ счетоводствомъ и нашею отчетностію, чтобы видѣть, до какой степени велика неурядица въ финансовомъ нашемъ управленіи и какъ много неурядица эта даетъ поводовъ къ произволу и злоупотребленіямъ. Въ 1857 г. Контроль послалъ въ Пруссію, Австрію, Францію и Бельгію д. ст. сов. Татаринова, и онъ, изучивъ счетную ихъ часть, представилъ донесенія, не сдѣлавъ, къ сожалѣнію, хотя приблизительнаго примѣненія къ намъ. Теперь при Контролѣ образованъ особый комитетъ для пересмотра счетнаго устава. Но должно сказать, что у насъ достаточно взять кому нибудь какую нибудь инисіативу, чтобы возстановить другихъ и ихъ содѣйствіемъ парализировать успѣхъ дѣла. Главнѣйшими участниками здѣсь Министерства Финансовъ и Имуществъ, и мы назначили членомъ бывшаго столоначальника Артемовскаго-Гулака (изъ суднаго отдѣленія перваго департамента), которому неизвѣстна даже терминогія не только нашихъ многочисленныхъ суммъ и капиталовъ, но даже общей бухгалтеріи.

Злоупотребленія откупной системы давно уже перешли всѣ предѣлы. Наддавъ 40 м. р. на надданные прежде, откупщики бросились поднимать цѣну, разбавляютъ и обмѣриваютъ съ какимъ-то отчаяніемъ и вызвали литературу и общее противъ себя мнѣніе со всею запальчивостію молодой свободы. Дѣло дошло до того, что откупщикомъ быть стыдно. Московскіе журналы и газеты бранятъ ихъ какъ отъявленныхъ преступниковъ. На всѣхъ мѣстностяхъ (я готовъ предположить здѣсь дѣйствіе пропаганды) явились общества воздержанія, сперва въ губерніяхъ Польскихъ по благословенію Пія IX и Св. Дѣвы, потомъ (или современно) въ губерніяхъ восточныхъ и среднихъ подъ формою общественныхъ приговоровъ и молебновъ съ поднятіемъ образовъ и хоругвей. Это ополченіе. Приведетъ-ли оно къ трезвости, сомнѣваюсь; но оно приведетъ казну къ нуждѣ—это вѣрно. Есть-ли это стремленіе произвольное, сомнѣваюсь; но въ политическое значеніе этого явленія я вѣрю. Два лагеря мало-по-малу обрисовываются довольно опредѣленно. Правительство терпитъ откупъ, бюрократія его ограждаетъ, народъ отступается отъ откупа, и литература его подмываетъ.

31 Мая въ Волоколамскѣ 3 т. государственныхъ крестьянъ разбили двѣ выставки на ярмаркѣ, а еще прежде въ Пензенской и Тамбовской губерніяхъ крестьяне почти повсемѣстно разбивали и грабили шинки, требуя продажи вина по 3 р. Дѣло это слушалось въ Комитетѣ Министровъ 16 Іюня.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1859-й годъ *).

Рядомъ съ важными преобразованіями, если не предпринятыми, то предпочитаемыми по всѣмъ частямъ, отдается, откликается и старый порядокъ, старая привычка. Литература, какъ раззадорившійся конь или боецъ, безпрестанно слышитъ голосъ — «сдерживайся». Управленіе болѣе обѣщаетъ, нежели слѣдуетъ гласности, и въ этомъ довольно тѣсномъ кругѣ, храбро защищается щитомъ съ девизомъ: нетрогай. Свободныя отношенія весьма нерѣдко вызываютъ впушенія, исходящія—увы!—отъ послѣдней инстанціи, ослабѣвающей какъ и ея вспомогательныя. Генералъ Ростовцевъ дозволилъ себѣ во дворцѣ, видя молодыхъ офицеровъ въ непринужденныхъ позиціяхъ при кн. Орловѣ, прочесть наставленія объ уваженіи и даже перебрать молодыхъ нарушителей, кто, гдѣ, и когда изъ нихъ воспитывался. Ему сдѣлали сцену, довольно неприличную для дворца и дерзкую для временщика. На обѣдѣ, въ пажескомъ корпусѣ, мщеніе молодежи выразилось еще сильнѣе: предложенный юбиляромъ, генер.-майоромъ Жирардо — тостъ въ честь Іакова Иваповича ошиканъ, освистанъ. Крики: «не нужно, не надобно Іакова... Якова» заставили предложить тостъ въ честь «начальника главнаго штаба», но и это неостановило шиканья. Собравъ генераловъ государь выразивъ сильное неудовольствіе: «Офицеры забываются, дисциплина ослабла; между ними являются писатели и сатиристы; я этого не потерплю. Примите мѣры ваши, а съ вами и Его высочество Ник. Ник, (новый корпусный генералъ), вы мнѣ отвѣчаете за это вашими головами». *) Надобно ожидать, что Ростовцевъ за это поплатится.

Министръ Ковалевскій, въ предупрежденіе столкновеній студентовъ съ полиціей, представлялъ объ отмѣнѣ форменной одежды и подчине-

---

*) См. Русск. Арх. 1893, I, 337.

*) Государь при этомъ упоминалъ о дуэляхъ, которыхъ въ послѣднее время было четыре: 1, кн. Долгорукова съ студентомъ Дерпт. Ун. Гр. Опперманомъ, послѣ каннана, въ танцъ-классѣ Марцинкевича. Безъ послѣдствій, кн. Долгор. оробѣлъ. 2. гр Коновницына съ Васей Шереметевымъ (Мартыновымъ) послѣ катанья на саняхъ въ Екатерингофѣ, безъ послѣдствій, пуля найдена у Васи Шерем. въ калошѣ. 3. Гусара Нечаева съ бар. Розеномъ изъ обиды, высказанной Нечаевымъ, когда онъ сидѣлъ подъ арестомъ, и баронъ Розенъ не могъ допустить къ нему посѣтителей. Нечаевъ смертельно раненъ.

ніи ихъ общей полиціи. Подчиненіе утверждено (какъ будто его небыло прежде) и при этомъ прибавлено, что начальствомъ предписано обязать полиціи обращаться съ студентами (съ ними только) съ надлежащею учтивостію.

Генералъ Игнатьевъ оскорбилъ одного гласнаго думы, цеховаго Малкова, посадивъ его подъ арестъ по праву «61 ст. XVIII» (генералъ приводитъ статью). По жалобѣ Малкова Сенатъ приказываетъ произвести изслѣдованіе. Дѣло тянется другой годъ. Министръ юстиціи, по безуспѣшности двумысленнаго предложенія его оберъ-прокурора Любощинскаго, протянулъ дѣло это до времени, когда онъ можетъ застрощать старикамъ отказомъ въ вакантѣ, (которымъ праздные эти старики дорожатъ какъ школьники), и сего дня былъ лично въ общемъ собраніи, что бы заставить принять общее собраніе предложеніе въ защиту Игнатьева. Старики не согласились, кромѣ двухъ Генер.-Лейт. Маслова и Д. Т. С. Лубяновскаго и дѣло пойдетъ въ государственный Совѣтъ, гдѣ разумѣется примутъ мнѣніе Сената изъ опасенія нарекашій. Кромѣ общихъ условій, при которыхъ водворяются въ странѣ преобразованія,—условій, чисто историческихъ, поборающихъ самыя геніальныя усилія,—у насъ недостаетъ для прочности нововведеній двухъ существенныхъ основаній: терпимости и постоянства начинаній, возникающихъ большею частію что бы польстить Европѣ, литературѣ, демократіи, и правильнаго пути совершенія ихъ начинаній, поручаемаго обыкновенно лицамъ, коммисіямъ и комитетамъ, которыя дѣйствуя въ новомъ дѣлѣ, безъ усвоенной обрядности, дѣйствуютъ нерѣшительно и отлагаютъ рѣшенія къ концу, при которомъ такимъ образомъ является начало.

Это послѣдствіе того господствующаго въ Европѣ порядка доктринъ, на основаніи которыхъ опытный, историческій путь развитія замѣняется систематическимъ и въ положительныхъ учрежденіяхъ явилась неопредѣленность и шаткость теорій.

Читаю я протоколъ коммисіи Ростовцова. Онѣ бродятъ возлѣ вопроса, сводятъ губернскія положенія и ищутъ пункта опора. Выкупъ ихъ путаетъ, безъ выкупа кружитъ голову страхъ бродячей свободы. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что слѣдовало начать организаціей помѣщичьей власти. Теперь это невозможно. Надобно организовать общину и опредѣлить maximum оцѣнки личности, предоставя пріобрѣтетеніе собственности обоюдному согласію. Всякая другая собственность не принесетъ пользы. Надобно опасаться за ослабленіе сельскаго населенія. Земляная работа въ Россіи весьма невыгодна и могла окупаться только при обязательномъ трудѣ. Партія Панина-Орлова не согласится

на выкупъ земель. Медленность въ этомъ дѣлѣ, уничтоженіе ссудъ и возрастающая дороговизна грозятъ потрясеніемъ экономическаго быта.

Я думаю, что здѣсь правительство болѣе нежели въ другой мѣрѣ ограничено и вмѣшательство его, давъ ложную увѣренность, не поможетъ дѣлу. Я думаю что сословія владѣльцевъ и поселенцевъ должны или устроить сами, а именно: учрежденіемъ дворянскихъ и сельскихъ банковъ, занявъ первые фонды отъ правительства по 3% съ погашеніемъ и выдавая ссуды по 5%. Но для этого, кромѣ единицы личности, необходима и единица дѣлимости при двухъ главныхъ началахъ: выкупъ для помѣщика обязателенъ; въ сдѣлкахъ крестьянъ посредствуетъ правительство.

И главное начать мѣстную организацію, въ трехъ инстанціяхъ: приходъ, волость и городъ. Безъ мѣстнаго управленія не можетъ быть успѣха въ начинаніяхъ. Владѣльцы опасаются односторонности вліянія Ростовцова и къ двумъ непріятностямъ его (см. выше) хотятъ прибавить третье. Говорятъ что члены-эксперты гр. Шуваловъ и кн. Паскевичъ хотятъ оставить коммисію. Но едва ли это хорошо расчитано. Не Ростовцовъ, такъ другой долженъ будетъ взяться за дѣло, а всякому другому оно будетъ тяжелѣе и потому уже, что Ростовцеву легче говорить съ государемъ. Правда, важность дѣла и несостоятельность лицъ ведутъ къ тому, что личныя отношенія здѣсь скоро уступятъ требованіямъ существеннымъ, но уловки, всякія уловки удаются рѣдко и не надолго. Уже лучше говорить и дѣйствовать какъ губернаторъ Муравьевъ и предводитель Болтинъ, въ Нижнемъ, о земскихъ расходахъ... Мы старались, говоритъ предводитель, выставлять на видъ губернскому начальству о всѣхъ злоупотребленіяхъ по расходованію общественными суммами земства и всякій разъ не встрѣчали къ нимъ никакого участія къ положенію губерніи, никакой заботы. Объ общественномъ благѣ, не видали никакихъ мѣръ, которыя принимали бы они къ огражденію отъ недавныхъ злоупотребленій на будущее время. Грустныя послѣдствія такого порядка дѣлъ прошлаго времени теперь передъ глазами нашими. Но безсильное негодованіе наше на расточителей суммъ земства и постоянный неуспѣхъ нашъ оградить интересы общественные отъ злоупотребленій, не могли не отразиться на нихъ самихъ; въ насъ невольно родилось горькое убѣжденіе въ томъ, что не пришло еще то славное время, когда правда и истина, а не произволъ и сила, должны будутъ управлять вѣсами правосудія. Такое убѣжденіе повергло насъ въ какую-то апатію, и мы невольно уже стали привыкать хладнокровнѣе смотрѣть на то, какъ трудовыя копѣйки наши, собранныя на общественныя потребности, расточались почти на воздухъ. Теперь мы проснулись и этимъ пробужденіемъ обязаны В-му

П-ву нынѣ,—продолжаетъ предводитель губернатору—«первоначальныя смѣты понижены на значительную цифру»... теперь мы будемъ уже не безмолвными свидѣтелями того, что безъ пользы, по одному только произволу растрачивались суммы земства. И, вѣроятно, высшее начальство право наблюденія, просимое нами и частно В. П-вомъ въ настоящее время намъ предоставленное, по представленіи вашему за нами укрѣпитъ положительнымъ закономъ. Этого требуетъ общественная польза «и проч.».

Да, но не мѣшаетъ потребовать этого наблюденія по всѣмъ предметамъ, въ главѣ и членахъ. Оно потребуется. Оно предоставится. А будетъ-ли польза?

Сегодня, по своему губернскому обычаю, генералъ Муравьевъ принималъ насъ въ мундирахъ — неиначе, чтобы проститься передъ отъѣздомъ за границу. Его душитъ водяная и онъ отправляется по дѣламъ службы въ Ковно, Гродно и Вильно и потомъ въ Эмсъ или Баденъ. Министръ благодарилъ всѣхъ и каждаго и изъявлялъ надежду возвратясь заняться преобразованіями,—которыя мы видимъ только въ перемѣнахъ лицъ и въ обѣщаніяхъ государю увеличить доходы. Дѣло все о доходахъ. Человѣкъ этотъ изворачиваетъ систему гр. Киселева и у него одна мысль—получить побольше денегъ.

Итальянскіе бюллетени гремятъ о побѣдахъ. Два императора съ 500-ами штабами стоятъ другъ противъ друга. Трактаты европейскаго права гнутся и надламываются. Бѣдная страна обливается кровію. А чертъ народной партіи ухмыляется, потирая руки, готовый обнять и праваго и лѣваго. По всемірному свойству народнаго начала и счастіе и несчастіе итальянской кампаніи грозитъ разлитіемъ и потопленіемъ династическихъ основаній. Надобно, чтобы дипломатія согласилась на измѣненія трактатовъ. Она располосовала Европу въ неправильныя территоріи и подчинила своимъ видамъ, вліяніямъ личнымъ и случайностямъ самые существенные интересы, умственные, административные и торговые. Опасаться нужно одного: за раціонализмомъ идетъ безвѣріе и соціализмъ съ ихъ матеріальнымъ насиліемъ.

У французскаго выходца кружится голова, иначе онъ не рѣшился бы на войну, которой не оправдываетъ ни одно государство, и для которой онъ не нашелъ никакихъ гласныхъ побужденій. А закружилась голова у него отъ подобострастія лакейской его администраціи, включая сюда и законодательный корпусъ и Сенатъ, отъ подобострастія европейскихъ династовъ, и отъ сочувствія всей разнузданной французской націи всѣмъ необузданнымъ его предпріятіямъ. Повѣривъ ему три займа, нація, на новый (четвертый) въ 500 мил. подписали сумму въ 2,509,559,776 франк. на 690,190 подписчиковъ (245,025, въ Парижѣ

на 1,547,637,636 франк.—445,165 въ департаментахъ на 961,922,140 франковъ); и тутъ же внесли золотомъ 250,955,977 франковъ. Эти участники въ успѣхѣ итальянской кампаніи. При такихъ цифрахъ человѣкъ можетъ подумать: «пусть молчатъ и журналы и литература и самое общественное мнѣніе». Но торжество для людей безъ началъ и вѣроломцевъ есть ихъ гибель. Начало, осуществляемое Наполеономъ, велико и живуще, но для чистаго примѣненія его еще не пришло время и наслѣдственность слишкомъ глубоко пустила корни и утверждается даже на временныхъ успѣхахъ, сопровождавшихся бѣдствіями, чтобы легко уступить мѣсто началу избирательному, которое, будучи умно организовано, сочетовается съ династическимъ и благородно и прочно въ управленіи парламентскомъ.

Былъ я на выставкѣ въ академіи художествъ. Она замѣчательна по разнообразію сюжетовъ и новымъ дѣятелямъ. Лучше другихъ картины изъ простаго быта и портреты. Недостаетъ идеальности, историческаго изученія и технической оконченности. Вредятъ выставки стѣны академіи, покрытыя превосходными копіями великихъ мастеровъ и—картина Иванова, явленіе Мессіи. Изъ простонароднаго быта хороши—отдыхъ на жатвѣ и харчевня, изъ историческихъ—Екатерина 2, принимающая Запорожцевъ (потому только что она лучше Куликовской битвы и Петра въ Нарвѣ) и портреты г-жъ Олсуфьевой, Романовской и Замятиныхъ. Картину Иванова я вижу не въ первый разъ. Можно быть недовольну ея слишкомъ мѣстнымъ колоритомъ, не совсѣмъ счастливымъ расположеніемъ группъ и недостаткомъ единства, но правильность рисунка, оконченность всей живописи, лица и листка, складки и волоски изумительны на первомъ и на дальнихъ планахъ. Картина вообще мало нравится потому, что объ ней уже много писали и говорили до прибытія Иванова и потому, что въ ней мало драматизма, а главныя фигуры Мессія и Предтеча—первая мала и не выражаетъ Бога, какимъ мы ожидали его и представляемъ себѣ, а вторая представлена слишкомъ размашисто и не соотвѣтствуетъ святости лица и величію смиренія.

Члены эксперты гр. Петръ Шуваловъ и кн. Паскевичъ вышли изъ коммиссіи Ростовцева. Здѣсь нѣтъ системы, но есть духъ партіи дворянской, аристократической или вѣрнѣе—охлократической*). Поводомъ было требованіе ихъ, что особыя мнѣнія печатались въ журналахъ коммиссіи, которые выражаютъ собственно ходъ занятій ихъ, довольно

*) Два члена, независимо отъ доклада государю Ростовцова, подали отъ себя записку о разногласіяхъ и по его повелѣнію дѣло это разсматривалось въ особомъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ ст. секр. Булгакова, 15 Іюля—за полночь—и имъ доказали: 1) что они согласны съ коммисіей и 2) что въ запискѣ ихъ обстоятельства представлены не такъ.

медленный, и общія основанія механизма работъ, установляемыя предсѣдателемъ, довольно зыбкія. Коммиссіи не работаютъ окончательно, а приготовляютъ работы для главнаго комитета. Требованіе Шувалова неосновательно, хотя слѣдовало бы предоставить ему подписывать журналы съ припискою: «при особомъ мнѣніи». Но въ чемъ же заключаются эти мнѣнія? Гр. Шуваловъ имѣлъ случай выразить ихъ, предсѣдательствуя въ Петербургскомъ комитетѣ.

Коммиссія Ростовцова составлена дурно. Для работъ въ существѣ она слишкомъ мелка, ибо надъ нею еще двѣ инстанціи и третья—государь; для одной редакціи (въ родѣ редакціонныхъ коммиссій губернскихъ комитетовъ), она слишкомъ велика и значительна. Ни Ростовцевъ, ни прочіе члены (кромѣ министерскихъ) не согласятся быть исполнителями канцелярской работы сводовъ. И самые существенные труды, изысканіе началъ, представляются работою неблагодарною. Одинъ голосъ какого нибудь гр. Панина или Муравьева, извернувъ общее начало, упразднитъ или устранитъ всѣ умныя или хитросплетенныя положенія коммиссіи. Для самой редакціи окончательной нѣтъ точныхъ основаній, ибо главный комитетъ ихъ не разрѣшилъ.

Генералу Ростовцову слѣдовало ограничиться во всей строгости сводомъ мѣстныхъ положеній. Иначе онъ запутается и дастъ пищу гг. Шуваловымъ и подобнымъ порицать его работу и подмывать его вліяніе. Тогда, при этомъ сводѣ, есть основаніе, которое не трудно сдѣлать полуобязательнымъ и—въ согласныхъ пунктахъ—законно обязательнымъ.

Тщетно борюсь я съ моими племянниками, несмотря на авторитетъ и возрастъ мой, пріучившіе ихъ къ давнему уваженію и повиновенію. Не нравится мнѣ въ нихъ, въ этихъ будущихъ людяхъ, привязанность, почти исключительное стремленіе къ матеріальнымъ, звонкимъ выгодамъ. Въ смѣлости и дерзости порицанія они намъ, бывшей молодежи, не уступаютъ; но мы брали верхъ творчествомъ, или, по крайней мѣрѣ, стремленіемъ къ созданію, воспроизведенію и заимствованіямъ. Нынѣ видна одна отрицательная сторона хулы съ холодною улыбкою, съ молчаніемъ неудостоенія или съ остротою невниманія. Отдѣленіе отъ семейной жизни, энциклопедическое образованіе и участіе въ дѣйствительной жизни—вотъ причины отличія новаго молодаго поколѣнія отъ прежняго. Гдѣ искать теперь нашихъ задушевныхъ мечтаній, идеальныхъ возвышеній и плутарховскихъ увлеченій? Объ идеологіи они едва ли не одного мнѣнія, съ наполеонами, о любви они говорятъ, разсѣиваясь въ садахъ камелій на театрѣ и въ литературѣ, о великихъ образцахъ они не думаютъ, разочарованные напоромъ событій массами и частыми перемѣнами личностей. Обвиняю я и легкость

достиженій нашего времени желѣзныхъ дорогъ, паровиковъ и справочныхъ сборниковъ. Старшій изъ племянниковъ, Александръ учился, по моему, недостаточно, а вышелъ кандидатомъ, написалъ разсужденіе о жалованныхъ грамотахъ, доказывающее болѣе средствъ (моей и публичной библіотеки) подъ руками, нежели изученіе предмета, и не только получилъ медаль, но удостоился самаго льстиваго печатнаго отзыва (проф. Андріевскаго) и теперь его, этого незрѣлаго юношу, берутъ нарасхватъ и въ редакціи и въ искатели каѳедръ. Успѣхи эти таковы, что мой авторитетъ и настойчивость, если не отвергаются, то и выслушиваются съ большимъ равнодушіемъ. О племянникѣ С. Б. артилеристѣ я ничего не говорю. Онъ испорченъ съ дѣтства, не зналъ ни отца, ни матери, а когда началъ узнавать свою матушку, то долженъ былъ принять несвойственную юношѣ скрытность, притворство, которымъ помогали и ничтожное образованіе нашихъ военныхъ училищъ. О Петрушѣ я тоже ничего не говорю. Онъ не испорченъ, кротокъ, нѣженъ и добръ, но готовится къ порчѣ. Болѣе мнѣ нравится Леонидъ по солидности ума и чувствъ, но я боюсь работать надъ нимъ при настоящемъ слабомъ его здоровьѣ.

Посмотрю, какъ развернутся далѣе мои племянники. Если я буду ими недоволенъ, то немалая вина въ томъ ляжетъ на меня.

Читаю я бывшаго Дерптскаго профессора Блума «Русскій министръ; записки І. А. графа Сиверса». Замѣчательная книга (4 части) и еще была бы замѣчательны, если бы этотъ г. Блумъ не перемѣшалъ современныя сказанія и воззрѣнія съ собственными воззрѣніями и объясненіями. Гр. Сиверсъ получилъ хорошее воспитаніе и послѣ сѣвернаго путешествія (пребываніе въ Лондонѣ) и военной службы въ 7-лѣтней войнѣ, довольно долго путешествовалъ на Югѣ и въ Апрѣлѣ 1764 г. назначенъ Новогородскимъ губернаторомъ, принимая участіе въ самыхъ высшихъ учрежденіяхъ великой учредительницы, бывшей съ нимъ въ искренней перепискѣ по всѣмъ важнѣйшимъ предметамъ законодательства и управленія, особенно при начертаніи и введеніи учрежденій о губерніяхъ. Лифляндія отразилась на Твери, и нельзя не пожалѣть благороднаго остзейца, принявшагося съ энтузіазмомъ за устройство края и разочаровавшагося совершенно, когда онъ увидѣлъ, что элементовъ нѣтъ для стройнаго управленія, и къ этому недостатку присоединяются еще *московскіе порицатели* и *петербургскіе дѣятели*. Этотъ періодъ представляетъ самую поучительную—какъ дѣйствія въ Варшавѣ и Гродно,—при рѣшеніи окончательнаго раздѣла Польши — занимательную часть записокъ намѣстника, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю обнародованія матеріаловъ, изъ которыхъ профессоръ выбралъ эти записки. Лифляндская преданность выражается (II стр. 500 и IV стр. 556) въ самые важные минуты не совсѣмъ безкорыстно.

Князь Меттернихъ, великій канцлеръ и министръ Австрійскій, скончался, посвятивъ имперіи, Европѣ, всему міру 87 лѣтъ жизни. Надобно было особенное умѣнье, чтобъ прожить такъ долго, дѣлая и сдѣлавъ такъ много. Это былъ первый и самый хитрый противникъ современнаго направленія самостоятельности народной, порожденнаго Французскою революціей, когда онъ началъ свою дѣятельность, движеніе, которое завершается теперь въ насильной, Итальянской войнѣ, подъ громами которой окончилась жизнь знаменитаго дипломата.

Породнившись съ кн. Кауницемъ, крайнимъ представителемъ династическаго начала и его политики, Меттернихъ преобразовалъ его въ начало государственное и дипломатическаго секретаря возвелъ въ публицисты. Онъ связалъ дѣйствія внутреннія съ внѣшними и, выразивъ начало солидарности государствъ, состава и правъ историческихъ, примѣнилъ его къ Европѣ въ священномъ союзѣ, къ Австріи въ общей имперской канцеляріи, и къ Италіи въ частныхъ трактатахъ, которыми онъ привязалъ ихъ къ видамъ имперіи. Охраняя вездѣ statu quo, на основаніи трактатовъ, онъ не дозволялъ себѣ никакой положительной иниціативы и естественно сталкивался безпрестанно то съ народностію во Франціи, то съ раціонализмомъ въ Пруссіи, то съ царскимъ произволеніемъ въ Россіи, ища и всегда находя поддержку въ опасеніяхъ династическихъ, еще сильныхъ во всѣхъ кабинетахъ до событій 1830 годовъ, когда эти династическія обузданія, въ отчаяніи дѣла, пришли къ конвульсіямъ слѣдственныхъ розысковъ, военныхъ судовъ и казней, приведшихъ, по закону воздѣйствія, къ низверженію династическихъ основаній народными и учеными возстаніями 1848 года.

Здѣсь голосъ великаго канцлера замолкъ, но отголоски его слышались до самой кончины, и едва-ли еще не въ минувшемъ Маѣ молодой императоръ слушалъ совѣты умирающаго Нестора. Какъ Австріецъ, Меттернихъ не могъ понять, что такое народная партія, національность, и потому не могъ сблизиться и съ Штейновыми планами, принятыми Пруссіей. Онъ не былъ врагомъ просвѣщенія и улучшеній, но открыто отвергалъ всякую самостоятельность авторитета кромѣ власти и всякое движеніе внѣ трактатовъ и законовъ. «Бывали времена—говорилъ онъ, бѣглецъ, другому бѣглецу (Гизо) въ 1848 г. въ Лондонѣ—когда я управлялъ Европою, Австріею—никогда». Это несправедливо. Онъ полновластвовалъ въ Австріи чрезъ Европу и нигдѣ это сплетеніе не было такъ нужно и важно, какъ въ государственномъ союзѣ десяти австрійскихъ народностей. Народности эти его не любили, но за то любило государство и между высшими чинами его Меттернихъ первенствовалъ и считался и долго будетъ считаться великимъ строителемъ.

Никогда однако не должно забывать, что Меттернихъ министръ Австрійскій и Нѣмецъ и, что самые недостатки его искусственной системы говорятъ о величіи его ума торжествомъ ея въ теченіе полъвѣка почти во всѣхъ государствахъ.

Миръ праху твоему великій грѣшникъ. Ты ошибался въ томъ, что и допуская возможность развитія, не принималъ въ должное соображеніе солидарности его, и не поспѣвалъ за желѣзными и паровыми путями, на которыхъ катилась жизнь, двинутая при меньшихъ и не столь быстрыхъ способахъ твоего аристократическаго времени.

Еще и теперь сильно ученіе Меттерниха въ Германіи и Европѣ и, конечно, ему слѣдуетъ приписать не только политическую ничтожность Германіи съ такъ называемымъ сеймомъ и нѣмецкую градацію медленной нерѣшительности, когда глава союза бьется отъ удушья заклятаго врага, но и неприличный тонъ и содержаніе ноты нашего иностраннаго князя Горчакова, поучающаго Германію дипломатическими сентенціями о томъ что союзъ есть защита, а души, самостоятельной жизни, иниціативы въ немъ нѣтъ и не было. Что скажетъ на это Германія?

Князь Баратинскій, намѣстникъ Кавказскій, съ полномочіями царскими, другъ государя, пріѣхалъ въ Царское Село и принятъ съ большимъ отличіемъ. Онъ преобразовываетъ Кавказъ, составляя свое министерство и увеличивая военную смѣту въ мирное время на 14 м. р. Онъ взялъ Веденъ (а-ую резиденцію Шамиля) и заселяетъ линейными станицами правую и лѣвую сторону изъ женатыхъ солдатъ поселенцевъ. Какъ въ Россіи, такъ и на Кавказѣ, я не думаю, чтобы новые штаты улучшили управленіе. Тамъ болѣе нежели въ Имперіи гнѣздятся воровство, произволъ и недобросовѣстность. Не знаю будетъ ли Кавказъ лучше, но несомнѣнно онъ будетъ стоить дороже. Внутренней организаціи въ немъ еще нѣтъ и къ безпорядкамъ собственнымъ привиты герольдейскіе, помѣщичьи и административные Русскіе. Взятіе Ведена, есть повтореніе Ахулго и Дарго. Шаги нерѣшительные. Но какъ объяснить вынужденныя поселенія, когда старорусскія и южныя военныя каторги уничтожены и обѣщанъ порядокъ вольности для крѣпостныхъ и кантонистовъ? Понимаетъ ли князь намѣстникъ, что значитъ выслать къ выбраннымъ имъ въ поселенные казаки 1100 семействъ казенныхъ и помѣщичьихъ,—да еще въ возможной скорости—изъ Вятской, Виленской, Московской и др. губерній съ женами, сыновьями и дочерями, теперь въ лѣтнюю рабочую пору, гнать ихъ почти черезъ всю Россію, съ горемъ и скарбомъ, безъ приготовленія, безъ пособія, безъ увѣренія въ устройствѣ будущаго? Скоро-ли правительство оставитъ эти татарскія мѣры? Если оно не стыдится публиковать (Жур. Мин.

Гос. Им. Іюль), что для ознакомленія Киргизовъ внѣшней и внутренней орды оно пригонитъ нѣсколько почетнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ представителей зауральской и внутренней орды, чтобы распространить въ Киргизскомъ народѣ, по разсказамъ очевидцевъ, понятія о величіи Россіи, то неужели прочно величіе, устрояемое такими насильственными казачьими переселеніями? Привлеките поселенцевъ льготами, преміями, судебною ссылкою, пріобщите къ образованію, хотя внѣшнему, дѣтей киргизскихъ,—я въ этомъ усумнюсь, но пойму, а гнать людей къ величію, и тащить семью въ казаки и публиковать объ этомъ въ газетахъ—я не понимаю.

Вотъ она, свобода-то! Освободитесь прежде сами отъ татарской системы управленія.

Богъ мой, люди!

Но не пора-ли и кончить? Ой, пора!

Откупная система умираетъ въ корчахъ. Ей и умереть не дадутъ. Въ Пензѣ, Тамбовѣ и Москвѣ крестьяне—еще одни государственные—размечутъ шинки, прибьютъ продавцевъ и готовы добраться до откупщиковъ. Учрежденіе обществъ воздержанія и эти самоуправства составляютъ замѣчательныя явленія. Можетъ быть предписанія генерала Муравьева (немножко нетерпѣливаго, заняться и финансами, и крестьянскими дѣлами), и даны для этого, я не побожусь, но я не могу не замѣтить величайшей несообразности правительства въ этомъ важномъ дѣлѣ, какъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ и современнаго головокруженія.

Правительство давно знало вопіющія злоупотребленія откупа и въ 1853 г. придумало систему свободнаго соревнованія. Оно получало отъ откуповъ 70 м., расходовало ихъ и не знало чѣмъ замѣнить эту первую статью смѣты доходовъ.

Опасеніе большаго пьянства измѣнило это предположеніе. Откупа на два года оставлены на волю министра Брока и доставили ему, Барщевскому и откупщикамъ такіе милліоны, которые соблазнятъ и не такихъ падкихъ стяжателей.

Вольная или такъ называемая вольная продажа не принята, Брокъ вышелъ изъ Министерства, гр. Орловъ рекомендовалъ своего дѣльца, Княжевича, въ Апрѣлѣ 1858 г. и все давало надежду, что къ Январю 1859 г. можно придумать будетъ другую систему,—тѣмъ болѣе что въ литературѣ появились проэкты, откупъ былъ осмѣянъ, стоптанъ, смятъ не только смѣлыми бойцами новой фаланги, но особенно самими откупщиками и особенно главою винныхъ дѣльцовъ Кокоревымъ.

Общій голосъ раздался противъ откупа. Откупщиковъ ругали,—только не били. Княжевичъ возстановилъ прежнюю систему (съ под-

раздѣленіемъ на округа) и на торгахъ въ Іюнѣ и Іюлѣ къ огромной суммѣ прибавилось еще 30 м.

На эту сумму начались расходы по улучшенію управленія. Новые штаты. Народъ сперва взялся за воздержаніе. Теперь онъ разбиваетъ кабаки.

Все меня удивляетъ въ этомъ дѣлѣ: и оставленіе и возстановленіе системы, которая всѣми отвергается, уже осмѣяна и изувѣрна. И соединеніе гласности съ порядкомъ, который признанъ болѣе нежели недостаточнымъ, вреднымъ и преступнымъ. И согласіи на наддачу въ торговлѣ, нравственно опороченной. И расходы на счетъ этой наддачи, поступленіе которой болѣе нежели загадочно. И взаимныя уловленія министровъ, изъ которыхъ ни одинъ, и достигнувъ поста соперника, не въ состояніи выбраться на чистую воду. И самъ я, который всему этому удивляется.

Да, но для меня и была и есть задача, дѣйствія правительства. Дозволяя осмѣивать и даже чернить, и безъ того очень сѣренькій современный порядокъ въ книгахъ, журналахъ и даже въ народныхъ листахъ, правительство какъ будто не понимаетъ, что убѣжденія эти проникаютъ въ жизнь. И вдругъ встрепенется сила въ Пензѣ, Саратовѣ, ватага крестьянъ начнетъ разбивать кабаки, давнымъ давно разбитые въ грамотномъ народѣ...

Министръ финансовъ Княжевичъ шатается. Откупа гнутъ его. Общее мнѣніе назначаетъ Позена и Валуева.

Я не пожалѣю Княжевича. Одно согласіе его на доклады министра Муравьева объ увеличеніи податей (указъ 23 Февр.) показываетъ, что онъ не имѣетъ никакого понятія о системѣ налоговъ.

Графы Васильевъ и Гурьевъ облагали и управляли по конторскому порядку, считая себя прикащиками отъ хозяина или вотчинника. Знатокъ конторскаго дѣла, приказчикъ капиталиста Перца, гр. Канкринъ ввелъ бухгалтерію. Министры гр. Вронченко, извѣстный наглымъ волокитствомъ, и Брокъ, прикосновенный къ отчаянному взяточничеству, не сдѣлали и этого. Наводнили государство бумажками, возвысили непомѣрно цѣны, уронили курсы и передали все Княжевичу, рекомендованному кн. Орловымъ, которому онъ служилъ акціями и облигаціями.

Что это за налоги?

Въ 1842 г. гр. Киселевъ ввелъ опытъ таксаціи, кадастра, исчисленія доходности, по примѣру удѣла. Въ 1851 г. это пытались примѣнить къ земскимъ повинностямъ. Умный и честный человѣкъ выработалъ бы изъ этого истину, если не вполнѣ удовлетворительную, то раціональную, способную усовершаться. Нечестный льстецъ «будто

бы по указаніямъ государя», а дѣйствительно по смѣлому обѣщанію, за которое дало министерство, приступилъ къ возвышенію податей и десять разъ, не тяготясь повтореніями, докладывалъ о томъ государю, и все лично, иногда въ Совѣтѣ министровъ, никогда черезъ совѣтъ государственный.

Воображаю я, что говоритъ онъ о своихъ предмѣстникахъ, когда онъ пишетъ вотъ что: «возвышаю доходъ на 4½ милліона, возстановляя только ошибки. Это *возстановленіе* теперь такъ *перепутываетъ* и систему и счеты, что надобно желать для его наказанія, чтобы онъ подолѣе остался на мѣстѣ.

1. «Количество оброчной подати оставлено неподвижнымъ со времени введенія кадастра». Ложь. Кадастръ повторяется періодически. Заслуга уже и въ томъ, что нераціональная подушная система примѣнена къ доходу.

2. «И при томъ разлагалась на все количество земель, между тѣмъ какъ при многихъ селеніяхъ есть излишніе». Разумѣется, потому что количество не было извѣстно, да и теперь едва ли извѣстно. При томъ же земли безъ цѣны—даже обмежеванныя и недоимки огромныя даже при малыхъ податныхъ размѣрахъ.

3. «Лѣсной налогъ, вопреки повелѣнію 1847 г. обращенъ на покрытіе части податныхъ сборовъ, а не въ государственный налогъ». До 1847 г. никакого налога (да это и не налогъ) лѣса *крестьянскіе* принадлежали крестьянамъ на правѣ указа 1832 г. съ устройствомъ лѣснаго управленія и увеличеніемъ общественнаго сбора, при перелоложеніи податей: Инструкція, 1848 г. ст. 265, 1851 г. ст. 268, половина лѣснаго дохода обращена на покрытіе общественнаго сбора (это—нѣсколько копѣекъ). Да и прежде за валежникъ и буреломъ брали половину, какъ тоже и въ западныхъ губерніяхъ за отводимые селеніямъ лѣса. Уже и мѣра 1847 г. была нарушеніе, а вы что дѣлаете?

4. «Кадастръ произведенъ неудовлетворительно». Разумѣется. Устрой лучше.

Вотъ что обѣщаетъ генералъ Муравьевъ и что подписалъ д. т. с. Княжевичъ:

а) Отъ увеличенія подушной подати по 10 ревизіи.. 562,834 р.

Это не заслуга. Народъ умножился.

б) Отъ увеличенія оброчной подати:

1. Въ неокадастрованныхъ губерніяхъ, отъ прибыли душъ..... 649,003 р.

Тоже не заслуга; вопросъ: какъ вынесутъ?

2. Въ окадастрованныхъ: отъ возвышенія оброка по числу душъ 10 ревизіи..... 1.197,723 р.

Есть-ли тутъ какой-нибудь смыслъ: кадастровый оброкъ по числу душъ? Кадастръ начался при 8 ревизіи, а вы разлагаете по 10-й? Да кто же мѣшаетъ вамъ повторить оцѣнку, въ Петербургск., Воронеж., Пензенск., гдѣ и сроки наступили? Зачѣмъ вы искажаете систему?

Отъ сбора за лѣсъ..... 297,148 р.

Отъ сбора излишнія за земли..... 82,076 р.

Посмотримъ, какъ это окупится. Противъ основаній этого послѣдняго сбора при кадастрѣ спорить неумѣстно. Но не обезпокоится-ли владѣніе и исполнитъ-ли отдѣлъ земель?

в) Отъ возвышенія оброчной подати по 19 губерніямъ 577,648 р.

Если нужны деньги и благосостояніе крестьянъ вамъ извѣстно, то возвышайте налогъ. Но почему же съ одного сельскаго сословія?

г) Отъ общественнаго сбора:

Остатковъ..... 227,000 р.

Расходовъ казначейства, на него принимаемыхъ..... ..... 275,000 р.

Что это за различіе бухгалтера: остатки и расходы на общественный сборъ принимаемые? Говорите яснѣе: *излишки* общественнаго сбора. Но кто же беретъ *слишкомъ*?

д) Увеличеніе дохода за право питей въ западн. губ. 279,323 р.

е) Отъ другихъ возвышеній (это на случай дефицита) 77,807 р.

Итого. .. . 4,225,562 р.

Я ропщу не на возвышеніе, но на недобросовѣстность такихъ докладовъ и на личныя распоряженія въ дѣлѣ, вездѣ составляющемъ предметъ первой важности.

О возвышеніи окладовъ по губерніямъ некадастрованнымъ послѣдовалъ указъ, а о безсмысленномъ смѣшеніи кадастра и ревизіи нѣтъ указа. Оно совершится по «высочайшимъ указаніямъ».

Вотъ открытъ и памятникъ Николаю I. Конь поставленъ смѣло, матеріалы богаты, но памятникъ пестръ, слишкомъ высокъ, слишкомъ военный, и вообще нравится весьма немногимъ, если только кому-нибудь нравится, кромѣ казначейства и строителей, принявшихъ на себя трудъ почтить, вмѣсто общества и потомства, память государя, доселѣ

памятнаго своею нетерпимостію, самоувѣренностію и наружнымъ блескомъ.

Торжество было большое, стеченіе народа, публики и войска, служеніе у портала собора, громъ артиллеріи на Невѣ и на площади, шествіе двора (небольшаго, хотя на этакихъ площадяхъ все будетъ мало, и болѣе нежели небольшаго, по отсутствію вдовы, старшей и всѣхъ дочерей покойнаго и его ближайшихъ служителей, Клейнмихеля, на памятникъ которому объявленъ сборъ въ газетахъ, даже малѣйшихъ нѣмецкихъ принцевъ) прекрасный день (25 Іюня) представляли, если не праздникъ, то необыкновенный парадъ.

Желательно, чтобы этимъ актомъ государь, по крайней мѣрѣ, покончилъ свои восхваленія о «незабвенномъ», о «благодѣтелѣ», которыя только раздражаютъ противное мнѣніе.

Франція и Австрія, послѣ Сольферино, 26 Іюня, заключили перемиріе на 5 недѣль. Это трудно понять. Заговорила Европа (т. е. Англія), заворошилась Германія (т. е. Пруссія), и Французскій диктаторъ написалъ письмо Францу Іосифу. Для перемирія такой срокъ слишкомъ дологъ. Это миръ. Но нарушеніе европейскаго права развѣ отъ этого перестанетъ быть нарушеніемъ? Суетная Франція, пожертвовавъ такъ много, развѣ удовольствуется побѣдами Мадженты и Каваріано? Возстаніе Италіи развѣ этимъ успокоится? Не будутъ-ли всѣ еще болѣе въ ложномъ положеніи, открывая болѣе и болѣе правъ и свободы демократіи, унижая Итальянцевъ, ожидавшихъ полнаго успѣха, возбуждая Австрійцевъ, уже и независимо отъ безуспѣшности очень недовольныхъ внутреннимъ управленіемъ, обманывая Нѣмцевъ, вѣроятно, приписывающихъ эту перемѣну своимъ воинственнымъ возгласамъ? Даже Англія и особенно Россія не сведутъ своихъ счетовъ.

Архи-революціонеръ, Наполеонъ III сближается съ новымъ порядкомъ, который болѣе чуствуется нежели осязается, и сблизясь кидается на сторону закона и преданія. Новый порядокъ — это избирательная монархія и республика союзовъ національностей. Онъ не примиримъ и не согласимъ съ существующимъ. Наполеонъ хочетъ его организовать,—но для этого нужно болѣе собственной внутренней силы и помепѣе династическихъ стремленій. Нерѣшительность подмываетъ личности и дѣлаетъ недовольными какъ терпящихъ, такъ и ожидающихъ.

Читаю я «объяснительную записку» и 1 часть «проекта военно-уголовнаго устава о наказаніяхъ»—трудъ бывшаго сановника при гр. Сперанскомъ, потомъ оберъ-прокурора и теперь сенатора Ив. Христіан. Капгера (зятя бывшаго статсъ-секретаря при Сперанскомъ, профессора Билугьянскаго). Трудъ плодовитый какъ всѣ, совершаемые подъ вліяніемъ гр. Блудова, — трудъ канцелярскій, какъ иначе и быть не

можетъ при такъ называемомъ «систематическомъ пересмотрѣ законовъ», выдуманномъ учеными реформаторами и принятомъ у насъ съ 1833 г. когда по окончаніи Свода, Сперанскому нечего было дѣлать.

Работа Капгера разослана ко всѣмъ (по примѣру морскаго устава) до полковаго командира и мнѣ приказано сообразить его по отношенію къ корпусу (военнаго устройства) лѣсничихъ. Я не имѣю никакихъ матеріаловъ. Я могъ бы разобрать это сліяніе устава съ уложеніемъ 1845 г. и измѣненія (иногда основательныя, но чаще дѣлаемыя по неточному разумѣнію и неудовлетворительности наказательныхъ учрежденій), допускаемыя редакторами. Я болѣе другихъ имѣю на это правъ и личныхъ способовъ. Но предѣлы моей задачи меня стѣсняютъ; меня стѣсняетъ и опасеніе задѣть въ порицаніи желаніи болѣе охулить, нежели принести существенную пользу. Тѣмъ не менѣе я займусь и постараюсь выразить мои понятія и опытъ для дальнѣйшаго усовершенія этого важнаго дѣла. Оно важно въ высшей степени. Военное наше правительство не знаетъ, что дѣлать съ войскомъ. Войско рвется и мечется, — куда? На каторгу, въ рудники, лишь бы избавиться отъ своего положенія. Каторга есть его нормальное состояніе. Всѣ намѣренія недѣйствительны. Начальство тщетно придумываетъ новые, болѣе широкіе виды, отступаетъ отъ закона, искажаетъ учрежденія, изводитъ судъ—высшій судъ генералъ-аудиторіата—до самаго пошлаго произвола и все не помогаетъ. Надобно пересмотрѣть уставъ систематически.

Кромѣ пополненія устава изъ уложенія и кромѣ соглашенія противорѣчій и несообразностей въ дѣйствующемъ законѣ, — все это полезно и необходимо—редакторы признали нужнымъ *систематически исправить* весь уставъ, *включить* съ него всѣ *общія преступленія* (исключая мелкихъ, подвергающихся денежнымъ штрафамъ) и, *измѣнивъ виды* наказаній, *сообразно* требованію военнаго состоянія, преимущественно что бы предупредить *уклоненія* отъ *военной службы*, и требованія *военной дисциплины*.

1. Я уже неоднократно говорилъ, что систематическое исправленіе есть законодательство идеальное, a priori, часто мечтательное и почти всегда гадательное. Это вина науки, ея торжество, правда, но и ея злоупотребленіе. Какой нибудь г. Капгеръ или г. Лебедевъ, вооружившись—и замѣтьте, весьма слабо—какими нибудь теоріями, руководствами какого нибудь кригсрата или аудитора Демьянига или Бергмаера, начнутъ измѣнять систему, дѣлать выводы и отвергать то и другое по требованіямъ этихъ теорій и заранѣе придуманной цѣли.

Редакторы порицаютъ уставъ за то, что въ немъ нѣтъ разграниченія наказаній,—что въ немъ не опредѣлены особыя наказанія для

всѣхъ разрядовъ служащихъ, и именно: обязанныхъ срочною рекрутскою повинностію (все въ виду—уклоненіе отъ службы!),—что нѣтъ постепенности, безъ которой уголовныя наказанія строже исправительныхъ (крѣпостныя роты),—что будто бы не объяснено въ чемъ состоитъ лишеніе правъ (какъ будто это не общій законъ), — что наказанія не подраздѣлены на степени;—что нѣтъ замѣна наказаній и др. (Зап. стр. 109—114).

Но что̀ скажутъ редакторы если имъ отвѣтятъ: да, по первое сдѣлано практикою, если не раціонально, то удобно; второе—важно какъ начало уравнительное, для сословія, въ которомъ основаніе честь, а не повинности; третій, — что практика установила постепенности, и если крѣпостныя работы строже рудниковъ, то это вина исполненія, а не закона и т. п.

Редакторы имѣютъ въ виду примѣръ неудовлетворительной систематики, — это соглашеніе устава, въ 1846 г. съ уложеніемъ 1845 г. тутъ вышли несообразности, потому какъ замѣчаютъ редакторы (стр. 178), при этомъ соглашеніи постановленіе уложенія (о каторгѣ и временной ссылкѣ) не были соображены и общею системою военныхъ наказаній «въ особенности съ крѣпостными ротами».

Повѣрьте, вы дѣлаете тоже. Ошибочно понимая, что переходъ съ каторги на поселеніе (176, 177 стр. и др) или выбывая изъ арестантскихъ ротъ (стр. 173), наказанный будто бы возвращается «въ первобытное состояніе», редакторы путаютъ болѣе нежели генералы-ауді̀торіатъ въ 1846 г.

Не систематика, а опытъ, повседневный, продолжительный опытъ долженъ служить основаніемъ постепеннаго исправленія.

II. Введеніе общихъ видовъ преступленій въ военный уставъ—не только не нужно, но и едвали возможно. Совершенной полноты отъ этой перепечатки не будетъ, ибо не важныя нарушенія вы сюда не включаете. Общіе законы измѣняются и совершаются своимъ порядкомъ и военный сводъ долженъ будетъ или слѣдить въ своихъ изданіяхъ, за этими измѣненіями или допустить различные законы на одни и тѣ же случаи. Здѣсь остается: указать на эти общія постановленія и означить измѣненія въ примѣненіи ихъ къ военнымъ подсудимымъ. Постарайтесь исправить законъ о военной подсудности, непомѣрно у насъ распространенной, и если нельзя обратиться къ Уложенію 1649 г. то конечно очень можно сократить 45 пунктовъ 761 ст. XV т.

III. При признаніи видовъ наказаній цѣль редакторовъ, какъ сказано выше, предупредить уклоненія отъ военной службы. Это болячка, постоянно дымящаяся рана, для излѣченія которой, кажется имъ, нѣтъ средствъ и для которой они готовы на всякіе изощрительныя истяза-

нія. Соображая объясненія редакторовъ по этому предмету (Запис. стр. 101, 110, 148, 154, 172, 183 passim и мн. др.) нельзя не сказать, что здѣсь уголовный судъ уже истощилъ всѣ способы, ибо не только назначалъ высшія мѣры наказаній, установлялъ новые виды: особое отдѣленіе баталіона № 4 въ Омскѣ (стр. 148), особый порядокъ содержанія, искажалъ законъ произвольными приговорами (стр. 155 и слѣдующ.), и что здѣсь остается обратиться къ тому, съ чего слѣдовало бы начать, т. е. къ облегченію тягости военной службы и къ распространенію въ войскѣ понятій образованности, ограженія и чести.

Уклоненіе отъ военной службы можетъ быть принято обстоятельствомъ увеличивающимъ вину и то только при неважныхъ преступленіяхъ, но дѣлать изъ этого обстоятельства главное основаніе всей системы наказаній едва ли не рубить сукъ, на которомъ сидишь. Это усилитъ отвращеніе, а съ нимъ усилитъ и преступность.

Для достиженія этой цѣли редакторы изъ 3 видовъ каторги принимаютъ только два, и распространяя видъ крѣпостныхъ работъ вынуждены, для предупрежденія накопленія, «чрезмѣрнаго» (стр. 134) замѣняютъ крѣпости рудниками, съ уменьшеніемъ сроковъ, какъ будто срочность здѣсь существенное отличіе и смѣшеніе разнородныхъ преступленій можетъ быть оправдано какимъ нибудь юридическимъ доводомъ. По свѣдѣніямъ 1853 г. въ крѣпостяхъ состояло: каторжныхъ 833; всегдашнихъ арестантовъ 1349, срочныхъ 7700 (въ томъ числѣ 2 т. бродягъ), всего 9882 человѣка. При такомъ накопленіи и смѣшеніи каторжныхъ съ арестантами дисциплинарными и даже простыми бродягами конечно придешь и къ замѣнѣ низшаго наказанія высшимъ. Во время революціи накопленіе привело даже къ смертной казни.

Вмѣсто всѣхъ изощреній (стр. 179 и слѣд.) отдѣлить неисправительныхъ арестантовъ и бродягъ, хотя въ особыхъ неотдаленныхъ крѣпостяхъ поименовать ихъ въ законѣ, и не предоставляя военному Министерству, подраздѣлить виды крѣпостныхъ работъ по порочности и строгости на степени не удержать всѣ виды каторги—думаю я—будетъ ближе къ дѣлу.

Размѣры наказаній, понижаемые до $^1/_3$ и даже до $^1/_4$ весьма широки и въ рукахъ хорошихъ судей это много будетъ способствовать соотвѣтствію взысканій. О раздѣленіи наказаній и о тѣлесномъ въ особенности я поговорю по подробнѣе,

Вотъ первое впечатлѣніе произведенное на меня чтеніемъ записки г. Кашгера.

Послѣ побѣдъ при Монтебелло, Маджентѣ и Сольферино и послѣ свиданія въ Вилло-Франкѣ, постановленъ миръ въ Ванеджіо. Подъ пред-

сѣдательствомъ Папы учреждается союзъ Итальянскій. Ломбардія отходитъ передается изъ рукъ въ руки Сардиніи, Венеція входитъ въ союзъ. Итальянская кампанія кончилась,—нѣтъ, она только начинается. Озлобленный противъ всѣхъ, Францъ-Іосифъ уступилъ Ломбардію завоевателю, сила ломитъ и завоеватель учреждаетъ свои порядки. Гдѣ же тутъ европейское право, гдѣ народное? Наполеонъ перепугался и Нѣмецкой коалиціи и революціонныхъ надеждъ и собственнаго отсутствія изъ Франціи. Австрія поступила ловко: удержать Ломбардію она не могла и едва ли хотѣла. Она ее бросила, и сблизясь съ сильнымъ поставила въ ложное положеніе и Россію и Пруссію и даже Англію. Теперь Наполеонъ, если внутри не будетъ связанъ, начнетъ помышлять объ отмщеніи Пруссіи. Памятны ему и возгласы лордыхъ. Да, но стоила-ли игра свѣчъ? Какія страшныя пожертвованія людьми и деньгами, настоящимъ и будущимъ? Что это за союзъ съ Папою и Императоромъ, съ Сардиніей, втрое ихъ сильнѣйшей, и со всѣми этими мелкими герцогствами, протестующими противъ самовольныхъ распорядковъ? Согласится ли Австрія на Конгрессъ, что̀ будетъ дѣлать этотъ конгрессъ съ дѣломъ рѣшеннымъ безъ Европы и безъ Италіи? Промолчатъ-ли великія державы, согласясь на измѣненія территоріи? Гдѣ свобода «до Адріатики»? Вы, г. Кавуръ, вы, принцъ Наполеонъ, найдете-ли вами счеты?

Я вижу тутъ; паденіе, паденіе и паденіе. Уменьшается Австрія, дѣлается зависима Сардинія, упадаетъ Франція.

Подозрительный народной партіи и монархіямъ, ненавистный высшимъ представителямъ въ самой Франціи, Наполеонъ терзается, безпрестанно вскакиваетъ, безпрестанно опускается, играетъ могуществомъ и покоемъ Европы и измѣняетъ надеждамъ и обѣщаніямъ. Ни чести, ни достоинства, ни даже постоянства въ предательствѣ. Зачѣмъ разбудилъ онъ этихъ Коссутовъ, Мадзини, Клинка, Гарибальди, къ чему это неблаговидное сближеніе съ Россіей и война противъ Австріи?

Грустно смотрѣть. Монархіи отживаютъ. Право готово преобразоваться.

Дорого достается свобода и при самыхъ искреннихъ европейскихъ пожеланіяхъ, и трудно достигаются цѣли при самыхъ благопріятныхъ побужденіяхъ, если нѣтъ или еще нѣтъ необходимыхъ для этого элементовъ, если мнимое назовутъ дѣйствительнымъ. Я говорю не о крѣпостномъ вопросѣ, который поглощаетъ все наше вниманіе; я говорю о вольныхъ людяхъ, изданныхъ учрежденіемъ гр. Киселева. Тяжело читать разсматриваемое мною дѣло объ отдачѣ въ работы крестьянъ неплательщиковъ. Татарское это правило существовало давно, но оно развито и возведено изъ фискальной въ хозяйственную мѣру съ того

времени какъ, подъ вліяніемъ понятій объ общинѣ, ограждаемой попечительствомъ, у насъ узаконенъ и распространенъ порядокъ поземельныхъ надѣловъ и общинной, круговой отвѣтственности, непрепятствуя впрочемъ ни накопленію огромныхъ недоимокъ, ни произвольному обложенію общественныхъ и мірскихъ сборовъ, ни отобранію земель, которыми владѣло общество, волость или такъ называемая община. Дѣло идетъ о западныхъ Губерніяхъ, гдѣ съ уничтоженіемъ аренды и самыхъ фермъ люстрація взялась опредѣлить доходность земель и умѣренный податной процентъ. Кромѣ общихъ правилъ о назначеніи къ работы по уставу о податяхъ (т. V ст, 619 и др.) Министерство съ 1841 г. преподавало наставленіе и формы къ устраненію злоупотребленій и огражденію крестьянъ, но злоупотребленія продолжались и повременныя ревизіи обнаруживаютъ и обнаруживали вопіющіе безпорядки. Въ Маѣ 1857 г. при командированіи ревизоровъ новаго Министра (см. выше), одному изъ нихъ, Плансону, я особенно говорилъ о кабалѣ работъ, и представленныя свѣдѣнія, подтвердили основательность заботливаго описанія Министерства. Въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской несчастные крестьяне терпѣли не менѣе негровъ плантаторовъ. Подъ предлогомъ недоимокъ ихъ тысячами гоняли на работы и циркуляры Министерства 19 Декабря 1841 г. 16 Октября 1842, 17 Декабр. 1844 и проч. и нормальные контракты не только не предупредили стѣсненій, но даже утвердили ихъ, такъ что попечительство обратилось въ эксплуатацію, а безъ попечителей жиды и спекуляторы привели къ кабалѣ. Изъ Виленскаго и Свенцянскаго округовъ выслано было, въ теченіе 10 лѣтъ, болѣе 11 т. рабочихъ въ отдаленныя мѣста, и изъ нихъ 2,805 умерло на работахъ, 546 въ годъ возвращенія; 25 человѣкъ шли цѣлый годъ въ городницинскій сахарный заводъ и заработали 56 р. 22 к. Изъ 42 умерло 12, бѣжало 14, пришло домой 16. На бѣду крестьянъ въ западномъ краѣ производились и производятся обширныя работы. Вліяніе попечительства приводитъ и къ такимъ послѣдствіямъ: по Ковенской губерніи палата нашла цѣны на дорожные работы низкими и въ 1846 г. запретило заключать контракты; томимые голодомъ, по случаю неурожая въ Поневѣжескомъ уѣздѣ, 586 крестьяне вышли на работы, съ подложными паспортами, подъ именемъ крѣпостныхъ помѣщика Войтвиллы, началось дѣло и въ 1857 г. по указу Сената приказано крестьянъ наказать розгами, а Войтвиллу лишить правъ и сослать въ Сибирь. Здѣсь попечительство пошло далѣе нужнаго, а гдѣ оно нужно, при огражденіи крестьянъ въ слѣдующей уплатѣ, тамъ, изъ вѣдомостей палаты видно, что крестьяне ищутъ и уже въ общихъ судахъ.

По губерніямъ:

Гродненской	9918 р.	начиная съ	1841 г.
Волынской.....	7362 »	»	» 1847 »
Виленской	5872 »	»	» 1845 »
Минской	5661 »	»	» 1841 »
Могилевской.	5166 »	»	» 1842 »
Витебской	9011 »	»	» 1823 »

Мруть какъ мухи, удовлетвореніе получаютъ ничтожное или ищутъ его съ 1823 г. Любознательность будущаго изслѣдователя найдетъ много пищи въ нашемъ управленіи, но если оскорбится человѣческое его чувство, да не подумаетъ онъ, что мы были равнодушны къ этому состоянію несчастныхъ крестьянъ. И при своемысліи генерала Муравьева, исключительно занятаго бездоимочной податью, возвышенной имъ на 5 м. р., мы мы не остановились въ выраженіи порицательнаго мнѣнія нашего вообще объ этой мѣрѣ, доводящей до послѣдствій возмущающихъ душу.

Статсъ-секретарь Валуевъ въ прошедшемъ Январѣ представлялъ министру: отмѣнить (т. 2, ст. 5081 и соотвѣт.) право обществъ отдавать въ работы, предоставивъ его, по просьбѣ обществъ, въ необходимыхъ случаяхъ, чинамъ управленія подъ личною ихъ отвѣтственностію.

Я съ этимъ согласиться не могу. Это еще болѣе развяжетъ руки управителямъ, которые нынѣ, по крайней мѣрѣ, прикрываются хотя мнимыми, но подлежащими учету и обличающими дѣйствіе приговорами. Держась общаго правила улучшать, а не отмѣнять законъ, я думаю развить то предположеніе, которое изложено въ донесеніи моемъ 18 Октября 1857 г. о мѣрахъ взысканія, и допуская отдачу въ работы, обставить это *крайнее* средство законными условіями, при которыхъ оно не имѣло бы нынѣ замѣчаемыхъ недостатковъ, и исчисливъ преподанныя для понужденія плательщиковъ мѣры, развить правило, выраженное въ §§ 323 и 324 Инструкціи о переложеніи податей, т. е. отбирать земли и общинное управленіе замѣнять хозяйственнымъ, и сверхъ того назначать въ работы, съ дозволенія палаты, такихъ злостныхъ неплательщиковъ, о которыхъ общество разсуждало и постановило приговоры за 6 мѣсяцевъ до послѣдняго срока.

Окружимъ этими формальностями, и надѣюсь сократить дѣйствіе закона и устранить произволъ управителей, входящихъ въ сдѣлки съ жидами и жидовствующими.

Я не знаю какъ смотритъ на Божій свѣтъ кн. Орловъ, гр. Панинъ и tutti quanti, читая: 1) обличительную литературу, 2) поло-

женіе дворянскихъ комитетовъ и собраній и 3) мнѣніе губернаторовъ о преобразованіи управленія (уѣздные начальники, мировые судьи и проч.). Точно прорвалась плотина и вода хлынула и топитъ все, безъ разбора, безъ приготовленій, безъ толку. Честь и слава правителямъ, доведшимъ и писателей, и сословія, и самое управленіе до такого положенія. Грустно, тяжко и досадно. Но не менѣе грустно и то что въ этихъ самихъ проявленіяхъ, дерзкихъ до цинизма, столько незрѣлаго, произвольнаго и русско-татарскаго, прикрывающагося европейскимъ навыкомъ, что исполненіе всѣхъ желаній и проектовъ развѣ увеличитъ безпорядокъ, а не устранитъ злоупотребленія существующаго.

Обличительная литература, родившаяся отъ натуральной школы, началась преимущественно съ «Очерковъ» Салтыкова-Щедрина, и дошедшая до идеаловъ «тысячи душъ» Писемскаго и «Обломова» Гончарова, начинаетъ умолкать. Она пошла далѣе сатиры и, послѣ пасквилей пришла къ явнымъ извѣтамъ и клеветѣ, указывающихъ на необходимость вмѣшательства полицейской защиты. Достаточно указать на дѣла Иллюстраціи—о жидахъ, Нефедовскаго—о Кокоревѣ, Хрущова—о поборахъ. Были грубыя попытки торговать гласностію, безкорыстно—въ Русс. Днев. о столоначальникѣ управы, и корыстно — Любимова и Нефедова о Кокоревѣ. И многое другое. Литература кончила свое дѣло. Она совершила его усердно, но безуспѣшно «коть Васька—воръ» мало обращалъ вниманія на слова. Она была неопытна и не умѣла и не могла отличить зла, которое для нея недоступно по тайнѣ, глубинѣ или высотѣ.

Дворянскіе комитеты составлены изъ лучшихъ представителей дворянства, хотя имена многихъ изъ нихъ звучатъ докторами, аптекарями и управителями. Всѣ губерніи (кромѣ Московской, желавшей, въ адресѣ, улучшить быть согласно съ мѣстными условіями) получили благоволительные рескрипты. Ни въ одной не было ни желанія, ни искренней готовности не только вызваться, но даже согласиться на вынужденную мѣру. Въ положеніяхъ комитетовъ, большею частію несистематическихъ, хотя писанныхъ по данной программѣ, часто малограмотныхъ, (напр. Пензенскаго) и даже въ лучшихъ, принадлежащихъ меньшинству, выражается одно изъ двухъ: или восхваляется жертва, самопожертвованіе или необходимость. Почти всѣ ссылаются на недостатокъ свѣдѣній и на краткость срока. Почти всѣ обошли многіе существенные вопросы. Ни одинъ не согласился съ литературою въ хозяйственной пользѣ реформы. Разсужденія собраній отличались эксцентричностію, даже дикостію. Но на серьезный протестъ не рѣшился никто; въ губерніи, въ имперіи и слѣда нѣтъ духа корпораціи. Въ массѣ, въ большинствѣ мѣстностей никто не вѣритъ дѣйствительной исполни-

мости мѣры. Никто не далъ себѣ отчетливаго о сознанія въ важности и послѣдствій ея; всѣ, и правительство, и владѣльцы руководимы страхомъ, недовѣріемъ, личными взглядами. Многіе, разорившись, ожидаютъ поправленія своихъ дѣлъ. Немногіе надѣятся получить значеніе англійской аристократіи.

Главный недостатокъ комитетовъ — отсутствіе представителей крестьянъ. Потомъ разорительность реформы для мелкопомѣстныхъ и непримѣнимость ея къ дворовымъ людямъ. Безсрочность великой мѣры есть великій порокъ оной.

Комитеты правительственные многочисленны. Одинъ подъ предсѣдательствомъ гр. Адлерберга—объ уравненіи крестьянъ. Онъ сдѣлалъ кой-что, уравнявъ удѣльныхъ съ казенными, но очень боится дать имъ въ собственность земли. Удѣлъ сольется съ казною. Другой, въ министерствѣ имуществъ, еще ни чѣмъ не разрѣшился. Многоразличные виды крестьянъ остаются тѣже. О земляхъ поминаютъ, но съ сохраненіемъ прогрессивнаго оброка. Третій, и это теперь важнѣйшій, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ—административный, подъ предсѣдательствомъ Левшина, и потомъ Милютина. Этотъ комитетъ начерталъ общія черты, по совѣтамъ Ростовцева и Муравьева и по мыслямъ Левшина, общія начала полицейскаго управленія и мироваго разбирательства. Основанія сіи были сообщены губернаторамъ и представленныя ими свѣдѣнія разобраны и соображены чиновниками: Милютинымъ, Жандровымъ, Лодэ, Калмыковымъ, Соловьевымъ, Шульцомъ, Колошинымъ и др. и выводы ихъ внесены въ коммиссію, и затѣмъ кн. Орловъ, согласно съ этими соображеніями, объявилъ 25 Марта высочайшую программу новаго управленія. Она заключается въ слѣдующемъ:

1. Городская и земская полиція соединяются въ полицейское управленіе подъ начальствомъ уѣзднаго исправника (VII кл. 1500 р. содерж.) съ помощникомъ (VIII кл. 1000 р.) и становыми приставами (которыхъ въ 45 губерніяхъ, въ 465 уѣздахъ,—всего 1257, и изъ нихъ круглымъ числомъ на станъ приходится народу въ Архангельск.— 7165 человѣкъ, Олонецк. — 8377, Витебск. — 9180, а въ Воронеж.— 28603; Симбирск.—30982, Саратов.—36797).

2. Слѣдственная часть отдѣляется отъ исполнительной и поручается слѣдственнымъ приставамъ.

3. Опредѣленіе и увольненіе всѣхъ представляется начальнику губерніи.

4. При введеніи крестьянскаго положенія и вообще опредѣлить случаи, когда начальники губерній могутъ дѣйствовать именемъ государя.

5. Для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами, учреждаются *мировые* судьи и уѣздныя *расправы*. Мировые судьи

избираются крестьянами изъ кандидатовъ по составленному дворянствомъ и утвержденному губернаторомъ списку и утверждаются губернаторами. Они получаютъ отъ 500 до 1000 р. Должность не имѣетъ класса. Изъ нихъ губернаторъ избираетъ въ предсѣдатели уѣздной расправы, гдѣ присутствуютъ и засѣдатели, избранные выборщиками изъ крестьянъ. Всѣ выбираются на 3 года.

6. И проч. предположеніе объ инструкціяхъ и разграниченіяхъ.

Все это хорошо. Теперь собраны дѣльные люди и заняты составленіемъ положеній,—но 1) развѣ это улучшитъ чиновниковъ, увелича неномѣрно число ихъ? Нѣтъ. Дайте служебный уставъ. Безъ него ни конституція, ни гласность не помогутъ произволу; но 2) вся рѣчь о дворянствѣ и его предводителяхъ, а гдѣ это дворянство? Оно празднолюбиво, мало образовано, бѣдно, любитъ нажитки, потеряло крѣпостное право и живетъ на огромныхъ пространствахъ, гдѣ споряшихъ мирить и виновныхъ судить надо вдругъ въ 10 мѣстахъ; но 3) выборы, выбираютъ—да развѣ вамъ неизвѣстно, что такое выборы?

Очевидно, что писали чиновники и при томъ удаленные отъ дѣйствительныхъ нуждъ краевъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КАСТОРА НИКИФОРОВИЧА ЛЕБЕДЕВА [1]).

1859.

Я опять былъ въ деревнѣ, побывавъ въ Калугѣ, Орлѣ и Тулѣ и наконецъ привезъ семейство сюда послѣ 15 мѣсячнаго пребыванія его въ деревнѣ[2]).

Запишу мои хозяйственныя замѣтки по крѣпостному вопросу.

Вопросъ этотъ идетъ все попрежнему плохо. Владѣльцы опасаются за собственность, крестьяне боятся подчиненія. Безъ этихъ двухъ причинъ дѣло давно бы уладилось. Помѣщики готовы отказаться отъ крѣпостного права,—безвозмездно, даже безропотно: такъ оно не естественно по понятіямъ современнаго образованнаго общества. Крестьяне, уже мало повинующіеся и очень дурно и лѣниво обрабатывающіе землю, совершенно отказались бы отъ повиновенія, если бы знали, что́ ихъ ожидаетъ. Иногда и призывъ станового пристава не помогаетъ: поселяне не довѣряютъ ему. Въ имѣніи сосѣдей нашихъ, Елагиныхъ, послѣ явнаго неповиновенія помѣщику, когда начинщиковъ сковали и хотѣли везти въ станъ, крестьяне разбили подводы и отняли арестантовъ. Къ сожалѣнію, владѣлецъ, Славянофилъ, братъ Кирѣевскихъ, во уваженіе къ учрежденію «міра» (крестьяне дѣйствовали скопомъ) пожелалъ замять дѣло. Помѣщики вообще лавируютъ.

Обработка у насъ всегда была небрежная. Теперь еще хуже. Запоздалые посѣвы на плохой пахотѣ, запоздалая уборка при большой засухѣ, варварская молотьба—все это удесятерилось при крѣпостномъ вопросѣ и опасливомъ управленіи оплошнаго хозяйства. «Я далъ по копѣйкѣ за снопъ», говорилъ священникъ, «а они, помощные работники, сдѣлали мнѣ убытка по 4. Птицы небесныя воспользуются зернышками».

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1897. II, 633.

[2]) Селѣ Рябинкахъ Орловскаго уѣзда, принадлежавшихъ брату супруги К. Н. Лебедева.

Я выѣхалъ изъ деревни 6 Августа и видѣлъ еще множество неубраннаго озимаго. Для выручки небольшой суммы братъ продалъ 100 четвертей въ Карачевъ по 3 р. 60 к. Цѣна роскошная, какъ бы въ Декабрѣ неурожайнаго года, а многіе урожаемъ недовольны.

Не могу я понять обширнаго фермскаго хозяйства на обширныхъ господскихъ запашкахъ, ни значенія ничтожнаго хозяйства крестьянскаго при соперничествѣ господскаго, выдающагося монополіей. Прежнее отношеніе исчезнетъ, и нуждающійся крестьянинъ будетъ въ большей зависимости отъ освобожденнаго арендатора; онъ будетъ спекулировать на дорогую продажу тому же крестьянину, котораго по *закону* онъ питалъ своимъ хлѣбомъ, сберегая его силы къ рабочей порѣ.

Въ деревнѣ я занимался: работою сенатора Капгера о военно-уголовномъ уставѣ, работою вице-директора Рудницкаго о пожалованіи земель. Дѣло важное въ томъ отношеніи, что если Русскіе государи, по словамъ И. А. Остермана (Отеч. Записки 1825 г. ч. 25, стр. 236), «охотнѣе жаловали своихъ вельможъ 1000 крестьянами нежели 10 т. рублями», то при такой малоцѣнности недвижимой собственности степной Имперіи пожалованіе имѣній и земель представляется расточеніемъ государственныхъ имуществъ. Съ первыхъ вѣковъ государства земли отдавались или въ помѣстья, въ кормленіе людямъ служилымъ, или въ оброкъ людямъ тяглымъ. Независимо отъ помѣстныхъ верстаній земли продавались: въ 1572 г. Іоанномъ IV-мъ, съ однимъ условіемъ не отдавать ихъ въ монастыри; въ 1628 г. царемъ Михаиломъ, безъ всякаго ограниченія, что̀ подтверждено и Уложеніемъ Алексія,—по рублю за двѣ четверти, но съ запрещеніемъ, въ 1644 г., продажи въ Московскомъ уѣздѣ. По Уложенію продажа сравнивается съ отдачею въ помѣстье. Помѣстья продавались въ вотчину. Въ 1676 г. излишнія земли продавались, какъ и примѣрныя по писцовымъ книгамъ, владѣльцамъ, у которыхъ открывались.

Петръ Великій соединилъ помѣстья съ вотчинами, и съ того времени начались пожалованья имѣніями, достигшія при Екатеринѣ II-й колоссальныхъ размѣровъ, послужившихъ основаніемъ великихъ современныхъ владѣній. Екатерина, независимо отъ этихъ пожалованій, начала, сперва при межеваніи, а потомъ въ финансовыхъ видахъ, продавать казенныя земли еще въ 1762 г. Продажа пріостановилась въ 1778 г. по мѣрѣ обмежеванія земель, началась снова въ 1794 г., сопровождаемая большими злоупотребленіями, и прекращена Павломъ, 1796 г., при которомъ, вмѣсто продажи, начало правительство раздавать земли: въ надѣлъ крестьянамъ, подъ хозяйственныя заведенія, и *служащимъ людямъ*. Въ нужное время, въ 1810 году, продажа земель

обращена на погашеніе долговъ. Продано (Ж. М. Г. И. въ статьѣ, составленной по Неволину и дѣловымъ свѣдѣніямъ) 107.566 десятинъ, оцѣненныхъ въ 2.304.342 р. за 3.896.635 р. (противъ оцѣнки на 1.592.342 р. болѣе), преимущественно въ губерніяхъ: Воронежской на 677 т. р., Казанской на 175 т. р., Калужской—557 т. р., Московской—134 т. р., Саратовской—205 т. р., Симбирской—370 т. р., Смоленской—266 т. р., Тульской—38 т. р.

Пожалованіе земель служащимъ началось съ 1797 г. По изысканіямъ г. Рудницкаго, до 1857 г. *) всего пожалованій было 980.

Пожаловано	2.398.400 дес.	27 саж.	
Изъ нихъ отведено	1.999.348 »	1.510 »	
Выкуплено выдачею денегъ или арендъ	153.715 »	» »	
Потеряли право по закону давности	74.765 »	» »	
Затѣмъ подлежитъ отводу	170.723 »	» »	
Скуплено правъ скупщиками	241.650 »	» »	и

изъ нихъ отведено 194.381, слѣдуетъ отвести 47.268 дес.

Безпорядки по этой части давно извѣстны, и давно принимались мѣры къ ихъ устраненію. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что вся эта операція сама по себѣ существенно недостаточна. Недостатки эти заключаются въ томъ: 1) что пожалованный чиновникъ не знаетъ, что дѣлать съ землями. Казна вѣроятно предполагала, что онъ, чиновникъ, живя въ Петербургѣ, заведетъ хозяйство, фермерство въ Астраханскихъ степяхъ или Вятскихъ лѣсахъ, или, не имѣя ни души, переселитъ туда своихъ крестьянъ. 2) Казна сама не знала и не знаетъ своихъ земель и даетъ жалованнымъ на выборъ, т. е. вмѣсто награды осуждаетъ чиновника на расходы при отысканіи, весьма часто невознаградимые, и на мытарство по округамъ и палатамъ, въ которыхъ хожденія, безъ денегъ, покроются давностію. 3) Ограничивъ выборъ въ четырехъ сѣверныхъ губерніяхъ, казна постановила при этомъ такія условія о лѣсахъ и рѣкахъ,—столь въ нихъ обильныхъ,—что дозволеніе равняется запрещенію. Чиновнику оставалось одно: продать право, и онъ продавалъ его, и скупщики (Дубенскій, Нарышкинъ и тесть его кн. Долгорукій, Бенардаки, гр. Коновницынъ, Дурасовъ и проч.), округляя свои дачи, дѣйствовали совокупно. Генералъ Бибиковъ продалъ назначенныя ему дачи прежде отвода, а онѣ съ 1844 понынѣ ему не назначены; д. с. с. Ушаковъ продалъ дачи прежде пожаловашія и, взявъ деньги съ купца

*) Свѣдѣнія эти очевидно недостаточны. Такъ я помню пожалованіе кн. Куракинымъ 20 т. дес., генералу Задонскому 3 т. дес., а этихъ пожалованій здѣсь нѣтъ. Количество скупленыхъ земель совершенно не точно. Скуплено болѣе половины, и скупъ сдѣлался промысломъ.

въ 1844 г. удостоенъ пожалованія, и то по ходатайству сослуживца, гофмейстера Хрущова, въ 1857 г.

Я надѣюсь обозрѣть и представить это дѣло въ видахъ огражденія царской милости, сколько возможно, не подводя его подъ давность, и частной пользы, освободя ее отъ зависимости выбора и мытарствъ по инстанціямъ.

Третья работа, занимавшая меня въ деревнѣ, были проекты крестьянскихъ комитетовъ, изъ которыхъ многіе замѣчательны. Я дамъ объ нихъ подробный отчетъ.

Итальянскія дѣла переведены въ Цюрихъ. Францъ-Іосифъ опять обѣщаетъ преобразованіе тѣхъ преобразованій, которыми такъ восхищались Вѣнскіе чиновники. Наполеонъ, сознавшись, что для продолженія войны нужно бы было открыто (franchement), а не тихомолкомъ, какъ онъ сдѣлалъ, соединиться съ революціей, открыто обнародываетъ общую и полную амнистію всѣмъ, кого съ 1848 г. постигли изгнаніе и проскрипція. Средне-италійскія державы вырабатываютъ и выражаютъ Наполеоновское начало народнаго избранія, низлагая своихъ князей и платя Австрійскому вліянію самыми смѣлыми порицаніями. Поддержаніе умирающаго короля въ Пруссіи истощаетъ науку. Во всей Германіи умы подвигнуты къ образованію народной центральной власти. Войска и опасенія не уменьшаются, а съ ними продолжатся и займы и чрезвычайныя смѣты. Наполеону никто не вѣритъ, и съ того времени, какъ баринъ этотъ сумѣлъ расположиться на волканѣ, никто не считаетъ себя покойнымъ.

Демократія напираетъ и открыто требуетъ признанія народнаго права. Гарибальди прямо отвергаетъ содѣйствіе дипломатовъ, какъ Фокшанское собраніе постановленія конгресса. И пора. Династическія начала не уважаются самими династами и, при развитіи общества, имъ нельзя искать другой опоры, кромѣ общности народа, а эта опора исключаетъ всѣ тѣ условія, которыми жило и живетъ династическое начало,—и кабинетъ, и дворъ, и майоратъ, и привилегіи. Парижскій баринъ все это удерживаетъ; но за то и достается ему, даже въ Русскихъ журналахъ. За статью (Іюль) С.-Пб. Академическихъ Вѣдомостей, вслѣдствіе требованія Французскаго посольства, именной редакторъ Очкинъ посаженъ на гауптвахту, а цензоръ уволенъ. Статья Русскаго Вѣстника (Май) ходитъ по рукамъ, и потому только остается безъ взысканія, какъ выразился Государь, что требованія нѣтъ. Демократія подняла голову вездѣ. Да и какъ иначе? На ней зиждется все зданіе, всякій считаетъ себя человѣкомъ, и безсмертіе души и евангельское братство требуетъ внести въ Сводъ Законовъ, въ главу о равноправіи и полноправіи.

Комиссіи Ростовцова двигаются, и если ихъ можно обвинять, то не въ медленности. Ихъ можно обвинять въ излишнемъ преобладаніи систематики, по которой члены отдѣленій выкраиваютъ проекты губернскихъ комитетовъ. Не дождавшись всѣхъ проектовъ, комиссіи въ настоящее время ограничились разсмотрѣніемъ 21, и разсматриваютъ ихъ всѣ совокупно, допуская, конечно, нѣкоторыя особенности, по особеннымъ условіямъ нѣкоторыхъ мѣстностей, въ общихъ своихъ выводахъ или положеніяхъ. Изученіе поверхностное, довольно односторонее и ни въ какомъ случаѣ не окончательное. Надобно опасаться, чтобы, и при желаніи угодить помѣщикамъ, комиссіи не возстановили противъ себя и крестьянъ, и помѣщиковъ. Хотя преобладающіе дѣятели пріѣхали изъ Москвы (Юрій Самаринъ и кн. Влад. Черкасскій), но Петербургская централизація беретъ верхъ, и положенія—раціональное, какъ Кіевское, строго-помѣщичье, какъ Черниговское, и малограмотное, какъ Пензенское,—готовы вылиться въ одну форму, для удобства столоначальника, и 100 т. владѣльцевъ получатъ законъ о достояніи и участи ихъ въ такомъ же видѣ, какъ приходитъ положеніе о разбивкѣ дорогъ или о моделяхъ фасадовъ.

Великая мѣра и начата, и продолжается, и вѣрно должна совершиться принудительно.

Засѣданія комиссій начались въ Мартѣ (4-го) и, послѣ предварительныхъ занятій, къ концу Мая окончили всѣ приготовительныя работы, такъ что предсѣдатель, въ чаду удовольствія отъ такого успѣха, размахался и разметался по Русской натурѣ во всѣ стороны, задавъ усерднымъ сотрудникамъ едва ли не цѣлое новое законодательство. Какъ будто у насъ нѣтъ законовъ о собственности, о цѣнахъ и обязательствахъ; какъ будто 150 лѣтъ государство не работаетъ надъ образованіемъ сословія казенныхъ крестьянъ; какъ будто, согнавъ дворянъ въ совѣщанія и въ комитеты, правительство нашло въ членахъ комиссій—людей, понимающихъ интересы помѣщиковъ лучше самихъ помѣщиковъ.

Очевидно, комиссіямъ надлежало, изучивъ управленіе государственными крестьянами, въ которомъ либерализмъ гр. Киселева разрѣшился опекунскимъ управленіемъ чиновниковъ и заканчивается такими мѣрами генерала Муравьева въ видахъ порядка и благоустройства (ссылка распорядительная, межеваніе безъ согласія крестьянъ, увеличеніе подати и общественнаго сбора, доктрина о необщественной собственности, обложеніе сборомъ запасныхъ земель и крестьянскихъ лѣсовъ, продажа имуществъ дворянству и т. п.),—изучивъ эту часть, постановить общія начала, начала государственныя, и подъ вліяніемъ ихъ разсматривать каждый проектъ отдѣльно, стараясь сколь возмож-

но менѣе измѣнять его, дабы соблюсти интересы существеннаго помѣщичьяго устройства въ полицейскомъ, распорядительномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, не обѣщая слишкомъ много, какъ теперь, въ журналахъ Ростовцова, получающихъ большую гласность здѣсь и по всей Россіи чрезъ начальствующихъ лицъ и предводителей дворянства, и не застращивая помѣщиковъ, для обузданія которыхъ, если бы утвержденныя положенія давали имъ много воли, можно бы поставить въ виду свободу перехода крестьянъ законную, послѣдовательную по прошествіи извѣстнаго времени. Состояніе, бытъ крестьянъ немедленно бы улучшились, хозяйство удержалось бы въ порядкѣ, и отношенія установились бы въ такомъ видѣ, что и овцы были бы цѣлы и волки сыты.

Вотъ въ чемъ заключаются спѣшныя работы и завоеванія нашихъ регламентаторовъ:

Юридическое отдѣленіе (въ которомъ засѣдаютъ д. с. с., членъ нашего совѣта, Булыгинъ, ст.-секр. Жуковскій съ ст. сов. Соловьевымъ, какъ непремѣнные члены, первый отъ главнаго комитета, а второй отъ земскаго отдѣла М-ва Вн. Д.; наконецъ, оберъ-прокуроръ Любощинскій и бывшій профессоръ Калачевъ, на которыхъ лежитъ вся работа; къ нимъ впослѣдствіи присоединился Орловскій предводитель Апраксинъ), въ докладѣ 6-го Іюня заключило: 1) Крѣпостное право, согласно выраженному желанію дворянства всѣхъ губерній *), отмѣняется при обнародованіи положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. 2) Вслѣдствіе сего, по обнародованіи положенія, прекращаются слѣдующія права помѣщиковъ (слѣдуютъ шесть пунктовъ, съ указаніемъ 1045 по 1085 ст. IX т.). 3) Вмѣстѣ съ тѣмъ, освобождаются помѣщики отъ обязанностей, означенныхъ въ 1103—1126 ст. IX т.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, «дозволяется крестьянамъ просить помѣщиковъ ходатайствовать за нихъ по дѣламъ».

Здѣсь нельзя не замѣтить: 1) что помѣщики согласились отмѣнить право не иначе, какъ на основаніи составленныхъ ими положеній;

*) Комитеты, дѣйствительно, постановили: „личное крѣпостное право прекращается“, или съ прибавкою „на дѣлѣ и въ актахъ“, или „дворяне (Витебскіе) отрекаются навсегда на личную крѣпостную принадлежность къ нимъ крестьянъ съ ихъ потомствомъ“, или „по собственному единодушному желанію всего (Полтавскаго) дворянства прекращается“, или „дворянство (Харьковское) даруетъ своимъ крестьянамъ право личной свободы безвозмездно на вѣчныя времена“. С.-Петерб. и Псковск. прибавляютъ о сохраненіи вотчиннаго права. Судя по этимъ постановленіямъ, крѣпостное право можно бы считать отмѣненнымъ, но въ юридическомъ смыслѣ едва ли это такъ. Всѣ дворянства отказываются, но не иначе, какъ на основаніи составленныхъ ими положеній, а въ положеніяхъ этихъ фраза эта выражена для огражденія другихъ, болѣе существенныхъ, правъ вотчинниковъ.

2) что прекращая дѣйствіе правъ и обязанностей немножко преждевременно; не лучше ли было юристу сказать о правахъ освобождаемыхъ и, отмѣняя 1126 ст., не предоставлять крестьянамъ смѣшное «дозволеніе просить помѣщиковъ» о возникновеніи ихъ права ходатайства? И что̀ значитъ это дозволеніе и это факультативное право? Помѣщикъ возмется и не исполнитъ. Съ постановленіемъ отвѣтственности ни одинъ не возьмется, развѣ отъ нечего дѣлать. Во всѣхъ отношеніяхъ отчуждая, законодатель не долженъ въ тоже время присвоять.

Второй докладъ неблагоразумно названъ «о правѣ собственности помѣщиковъ на земли», какъ будто и объ этомъ нужно возбуждать вопросъ и пугать боязливыхъ. 1) Помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ земли до выкупа усадьбы и пріобрѣтенія крестьянами земель, поступающихъ въ надѣлъ. 2) На эти усадьбы и земли помѣщики сохраняютъ право неполной собственности, ограничиваемое правомъ крестьянъ безсрочнаго и постояннаго пользованія усадьбами и землями, и правомъ выкупа усадебной осѣдлости. 3) На остальныя земли помѣщики имѣютъ право полной собственности. 4) Крестьянамъ предоставляется право пользованія и право собственности на усадьбы, и отведенныя въ надѣлъ земли крестьяне пріобрѣтаютъ только способами, опредѣленными общими законами и Положеніемъ.

Есть ли тутъ хотя одно слово, котораго бы не было въ законахъ, кромѣ «Положенія», для котораго пишутся эти статьи, на него ссылающіяся? А лѣса, общія угодья?

Третій докладъ—о хозяйственномъ устройствѣ имѣній и отдачѣ ихъ въ арендное содержаніе—подтверждаетъ: 1) что помѣщики имѣютъ право хозяйственнаго устройства по своему усмотрѣнію на земляхъ и угодьяхъ, состоящихъ въ ихъ владѣніи на правѣ полной собственности. (Нужно ли было это подтверждать? И, послѣ этого подтвержденія, дозволяется ли помѣщику устроивать, напр., пороховой заводъ?). 2) Усадьбами и землями крестьяне распоряжаются и пользуются въ предѣлахъ, установленныхъ Положеніемъ, а помѣщики, до выкупа ихъ, получаютъ опредѣленныя повинности. (Опредѣленныя—т.-е. по Положенію?). 3) Помѣщику предоставляется, для исполненія своихъ хозяйственныхъ предпріятій, требовать отъ крестьянъ уступки участковъ изъ состоящихъ въ пользованіи ихъ земель, съ отводомъ равноцѣнныхъ и вознагражденіемъ убытковъ, но не иначе, какъ по взаимному соглашенію, или по третейскому суду, или, наконецъ, съ разрѣшенія уѣздной расправы. (Но почему же *крестьяне* не могутъ имѣть такой же нужды?) 4) «Владѣльцы барщинныхъ имѣній могутъ отдавать безпрепятственно, по своему усмотрѣнію, въ арендное содержаніе, отдѣльно отъ барщинной повинности, принадлежащія имъ

земли и угодья, разныя заведенія и статьи—съ тѣмъ, чтобы арендаторы не имѣли права, ни по довѣренности, ни въ качествѣ управляющихъ, ни подъ другими, какими бы то ни было предлогами, распоряжаться барщинными работами, или употреблять ихъ въ свою пользу». (Что это за *барщина?* И гдѣ же будетъ эта барщина подвизаться, если земли и угодья отдадутся въ аренду? Если запрещается распоряжаться арендатору, то есть кто-нибудь, который имѣетъ право?). 5) «При отдачѣ барщинныхъ имѣній въ аренду, барщинныя повинности обращаются въ денежные оброки по Положенію, и арендаторъ можетъ быть уполномочиваемъ на полученіе съ крестьянъ оброка». Опять барщина? Что значитъ аренда оброка? Это будетъ наше западное арендаторство. 6) «Аренды заключаются отъ 1 до 36 лѣтъ, но имѣнія малолѣтнихъ до 17-лѣтняго ихъ возраста. Явку договоровъ, безъ различія суммъ, дѣлать у маклеровъ и въ надлежащихъ уѣздныхъ и губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, по усмотрѣнію. Условія по найму крестьянами участковъ на время до трехъ лѣтъ можно свидѣтельствовать въ волостныхъ правленіяхъ, и такой наемъ крестьянами и другими лицами участковъ (не свыше трехъ лѣтъ) можетъ быть совершенъ и словесно». Почему и *другія лица* не могутъ являть въ волостномъ правленіи, когда они могутъ совершить даже словесно? И къ чему тутъ различіе: помѣщиковъ и лицъ другихъ сословій? 7) При срокахъ аренды свыше 12 лѣтъ цѣну бумаги и пошлины опредѣлять по сложности 12 лѣтъ. 8) Предоставить лицамъ всѣхъ сословій и иностранцамъ брать имѣнія въ арендное содержаніе. 9) Платежи аренды болѣе чѣмъ за два года до публичной продажи имѣшія, или отчужденія его для заимодавцевъ и новаго владѣльца, признаются недѣйствительными. Арендаторъ взыскиваетъ ихъ съ владѣльца.

Мнѣ кажется въ настоящее время предполагаемая аренда слишкомъ широка, а послѣднее правило, пахнущее казуистикой, противорѣчитъ цѣли доклада, принадлежащаго скорѣе хозяйственному, нежели юридическому отдѣленію.

Четвертый докладъ—о предоставленіи крестьянамъ правъ личныхъ (по состоянію) и семейственныхъ—есть терпѣливая выписка статей III, IX, XIV и др. томовъ, кромѣ 29 §, въ которомъ опредѣляется, что къ круглымъ сиротамъ опекуны назначаются и опредѣляются обществомъ, по совѣщанію съ родственниками. Я послалъ бы юридическое отдѣленіе *совѣщаться* съ этимъ обществомъ, такъ-называемымъ міромъ. Легко писать.

Пятый докладъ,—о правахъ крестьянъ по договорамъ и обязательствамъ—есть такое же изложеніе статей Свода.

Шестой докладъ, объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ помѣщичьихъ имѣній и порядкѣ наслѣдованія въ сихъ имѣніяхъ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Состоящія при населенныхъ имѣніяхъ земли и угодья, не вошедшія въ надѣлъ, могутъ быть отчуждаемы, завѣщаемы и закладываемы, какъ вмѣстѣ съ землями, находящимися въ пользованіи крестьянъ, такъ и отдѣльно отъ сихъ земель, въ цѣломъ составѣ и по частямъ. 1107 ст. IX тома о 4½ надѣлѣ отмѣняется.

2) Земля, отведенная однимъ общимъ надѣломъ одному крестьянскому или цѣлому мірскому обществу въ пользованіе, за опредѣленныя повинности, представляетъ собою нераздѣльное имущество и подчиняется въ отношеніи залога, раздѣла, продажи и вообще отчужденія, распоряженія имъ и полученія съ него доходовъ—постановленіямъ о нераздѣльныхъ имуществахъ. Какъ исключеніе изъ сего правила, допускается раздробленіе участковъ земли при наслѣдствѣ и отдачѣ въ залогъ по добровольному и обоюдному согласію крестьянъ, пользующихся сими участками, и владѣльцевъ, которымъ участки принадлежатъ въ собственность.

3) «Не населенныя земли и угодья вообще, не исключая и тѣхъ, которыя состоятъ при населенныхъ имѣніяхъ, но не вошли въ крестьянскій надѣлъ, могутъ пріобрѣтать лица всѣхъ сословій. Земли же, на которыхъ водворены срочно-обязанные крестьяне, могутъ пріобрѣтать также и не имѣющіе права владѣнія населенными имѣніями, но съ тѣмъ, чтобы при самомъ пріобрѣтеніи имѣнія, одновременно съ совершеніемъ акта, крестьяне, въ имѣніи водворенные, получили въ собственность усадьбы, пахатныя земли и прочія угодья за выкупъ, по полюбовному соглашенію». Здѣсь нельзя не сдѣлать замѣчанія, что если для помѣщичьей земли нужны крестьяне, то не менѣе нужна и имъ эта земля, если надѣлъ ограниченъ.

Здѣсь смѣшивается постоянное положеніе съ срочнымъ.

Раздробленіе участковъ произведетъ недоразумѣніе и запутанность.

Выкупъ усадебъ и участковъ при куплѣ не-дворяниномъ, «по полюбовному соглашенію», приведетъ къ барщинѣ на разночинца.

Гораздо щеголеватѣе и шире доклады хозяйственнаго отдѣленія (въ которомъ засѣдаютъ Арапетовъ, академикъ Желѣзновъ, Милютинъ, Юрій Самаринъ, Соловьевъ, Татариновъ, кн. Серг. Голицынъ, Жуковскій, Павловъ, Петръ Семеновъ, Тарновскій и кн. Влад. Черкасскій). Въ *первомъ* докладѣ—объ основаніяхъ и размѣрѣ надѣла крестьянъ землею—отдѣленіе пришло къ убѣжденію: 1) что размѣръ надѣла

долженъ оставаться нынѣ существующій *), съ опредѣленіемъ для каждой мѣстности наибольшаго и наименьшаго размѣра. 2) Излишекъ противъ наибольшаго размѣра предоставляется помѣщику отрѣзать въ свое владѣніе, а крестьянамъ отказаться, если бы онъ былъ имъ предложенъ за новыя повинности. 3) Недостающая противъ наименьшаго размѣра земля прирѣзывается изъ угодій помѣщика, если крестьяне согласятся принять ее за повинность, и если у помѣщика за отрѣзкою останется не менѣе ⅓ владѣнія. 4) «Когда у помѣщика нѣтъ трети владѣнія, то ему до этого количества нарѣзывается изъ крестьянскихъ, съ соразмѣрнымъ уменьшеніемъ повинностей, не преступая однако при семъ ни въ какомъ случаѣ наименьшаго размѣра надѣла и разрѣшая отрѣзку только при соразмѣрномъ уменьшеніи числа поселенныхъ въ имѣніи крестьянъ».

Въ этой игрѣ словъ о трети владѣнія и размѣрѣ надѣла важны цифры, которыя еще опредѣляются. Я не знаю, дали ли гг. Самаринъ и кн. Черкасскій себѣ отчетъ въ существѣ и послѣдствіяхъ надѣла. Опредѣленіе размѣра надѣла юридически не оправдывается и ведетъ къ укрѣпленію крестьянъ къ землѣ, иногда весьма неблагодарной.

Мысль Государя, чтобы крестьяне немедленно почувствовали улучшеніе своего быта никакъ лучше осуществлена быть не можетъ, какъ 1) увеличеніемъ надѣла земли и 2) уменьшеніемъ оброка. Назначеніе размѣровъ надѣла и соразмѣреніе съ нимъ повинностей могутъ вести къ этой цѣли, но не вездѣ, и именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало земель и положеніе крестьянъ требовало бы улучшенія, правила эти едва ли примѣнимы. Помѣщики будутъ очень недовольны вынужденнымъ распоряженіемъ ихъ землею. Существенно полезно было бы распространить и облегчить переходы, обмѣны на земли казенныя и общественныя и предоставить способы переселенія. Крѣпостное право весьма неправильно распредѣляло населеніе.

Второй докладъ—объ опредѣленіи и размѣрѣ усадьбъ—въ существѣ «оставляетъ усадьбы въ нынѣшнемъ размѣрѣ, а при перенесеніи, по даннымъ правиламъ, на новомъ мѣстѣ нарѣзывается такое же пространство, но не менѣе принятаго нормальнаго размѣра, примѣрно, около 450 саж. на душу». Не совсѣмъ понятно «на душу» усадьба.

Третій докладъ—«объ угодьяхъ, поступающихъ въ надѣлъ»—опредѣляетъ statu quo о лѣсахъ.

---

*) Нельзя понять, какимъ образомъ основаніемъ раціональнаго порядка, который вводятъ наши регламентаторы, можетъ служить настоящій надѣлъ, введенный при домашнемъ господствѣ самаго нераціональнаго произвола, соображавшаго надѣлъ исключительно съ своими выгодами.

Четвертый,—объ основаніи оцѣнки и выкупѣ усадебъ,—предоставляетъ крестьянамъ «право на пріобрѣтеніе своихъ усадебъ въ собственность посредствомъ выкупа». Выраженія «пріобрѣтать, свое» невольно доказываютъ, что усадьба, при повинностяхъ, не подлежитъ выкупу. 2) Продажа усадебъ отдѣльно отъ прочихъ угодій обязательна для помѣщика въ опредѣленныхъ случаяхъ. 3) Строенія не включаются въ оцѣнку. 4) Цѣнность усадебной осѣдлости опредѣляется капитализаціей изъ 6% исчисленной для него денежной повинности крестьянъ за означенную землю. 5) Оцѣняются всѣ усадьбы въ совокупности, и при дальнѣйшей разцѣнкѣ каждой и разверстки цѣнности на крестьянъ, предоставленныхъ міру, высшій размѣръ цѣны не долженъ превышать болѣе чѣмъ втрое среднюю цѣнность усадебъ селенія. 6) Право выкупа не распространяется на улицы, дороги, площади, общіе выпуски, прогоны. 7) Земли, внѣ усадьбы, занятыя промышленными заведеніями крестьянъ, цѣнятся вдвое противъ высшей оцѣнки усадебной земли. 8) Каждый крестьянинъ имѣетъ право на выкупъ своей усадьбы по мірской разцѣнкѣ, но никакъ не ниже средней цѣны усадьбы въ селеніи (здѣсь потерпятъ бѣдные). Пріобрѣтеніе въ собственность передѣляемыхъ частей усадьбы допускается не иначе какъ съ согласія міра. 9) Выкупная сумма вносится вполнѣ и единовременно. 10) Право выкупа усадебъ предоставляется безсрочно на условіяхъ 2 пункта, и 11) независимо отъ обязательнаго выкупа онъ можетъ быть совершаемъ и по добровольнымъ соглашеніямъ.

Оцѣнка эта дорога. Предоставляя такъ много міру, законъ долженъ обезпечить его непогрѣшительность.

Въ *пятомъ* докладѣ изъясняются основанія и способы опредѣленія повинностей, и отдѣленіе «принимаетъ за исходную точку всѣхъ дальнѣйшихъ предположеній нынѣ отбываемыя крестьянами повинности какъ существующій фактъ, отнюдь не придавая ему, при предстоящемъ опредѣленіи сихъ повинностей, значенія обязательной нормы». Къ чему же онъ послужитъ? Надобно было сказать: допуская въ нихъ только уменьшеніе.

2. «Облегчить лежащія на крестьянахъ повинности въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для существеннаго улучшенія ихъ быта, съ наименьшимъ по возможности ущербомъ для помѣщичьяго хозяйства».

Очень опредѣленно!

3. Установить высшій размѣръ повинностей, соотвѣтствующій высшему надѣлу для каждой мѣстности и опредѣлить правила постепеннаго уменьшенія повинностей при уменьшеніи крестьянскихъ угодій до низшаго его предѣла.

Въ этомъ соотвѣтствіи и задача. Увеличьте надѣлъ, повинности уменьшатся, и бытъ улучшится.

Въ *шестомъ* докладѣ опредѣляется отводъ надѣла и обмѣнъ земель. Это самый практическій предметъ, по которому надобно ожидать сильныхъ возраженій со стороны депутатовъ, и здѣсь измѣненіе statu quo, даже съ надбавкою, весьма опасно.

Административное отдѣленіе, въ докладѣ «объ общемъ составѣ сельскаго управленія» «считаетъ необходимымъ положить въ основаніе своихъ предположеній дѣйствительное и полное самоуправленіе общественное», съ «возможно бо̀льшимъ устраненіемъ вліянія правительственной администраціи и сельскихъ канцелярій, сосредоточеніе власти въ лицѣ избраннаго волостію, съ придачею ему для совѣщанія прочихъ лицъ управленія, возможное отдѣленіе суда и его независимость».

Эти pia desideria нашихъ Англоомановъ, приправленныя Славянофильскимъ довѣріемъ къ общинному владѣнію и міру, отдѣленіе развиваетъ въ *другомъ* докладѣ «о сельскихъ сводахъ, составѣ ихъ, предметѣ и порядкѣ рѣшенія дѣлъ».

Все это мы слышали въ 1837 г. при сужденіяхъ объ учрежденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ. «Долговременная практика» показала, что безъ правительства дѣло это не пойдетъ. Съ такими широкими размѣрами самоуправія, широкая аренда такъ улучшитъ бытъ крестьянъ, что по примѣру возстановленія арендъ въ западныхъ губерніяхъ придется возстановлять крѣпостное право. Я нахожу, что и при такихъ предположеніяхъ положеніе и степень власти помѣщика слѣдовало бы поставить тверже и выше. Это имѣло бы вліяніе и на порядокъ, и на нравственную сторону отношеній.

Депутаты по 21 губерніямъ почти всѣ съѣхались, и на дняхъ соберутся въ залѣ 1-го Кадетскаго Корпуса. Это будетъ важнѣйшій періодъ совѣщаній, отъ котораго зависятъ и рѣшеніе главнаго комитета, и самое высочайшее утвержденіе.

*

Въ контрольномъ нашемъ мірѣ, весьма у насъ многочисленномъ, вообще весьма бѣдномъ мыслію и словомъ, очень заняты «сообщенною» въ Морск. Сборн. № 6 статьею о преобразованіяхъ государ. контроля и нѣкоторыхъ частей финансовой администраціи въ Россіи. Статья эта написана, по офиціальнымъ источникамъ, подъ руководствомъ статсъ-секретаря Татаринова, производителемъ дѣлъ Островскимъ и напечатана для того, какъ сказано въ заключеніи, «чтобы послужила поводомъ къ гласному и всестороннему обсужденію вопросовъ, касающихся примѣненія къ дѣлу высочайше утвержденныхъ началъ преобразованія, обсужденіе которыхъ одно можетъ внести истин-

ный свѣтъ въ многочисленныя и темныя стороны задачъ административныхъ».

Мы уже привыкли къ сознанію правительства о его несостоятельности при разрѣшеніи задачъ государственныхъ. Послѣ Парижскаго трактата и дарованія нѣкоторыхъ льготъ печатанію обращеніе къ гласности дѣлается безпрестанно. Но мы почти привыкли и къ несостоятельности этой гласности по той простой причинѣ, что сознаніе неискренно и неполно, а гласность, по произвольности дарованныхъ льготъ, ограничена и въ своихъ представителяхъ, и въ своемъ кругѣ дѣйствія. Конечно, утративъ Черное море и Бессарабію, мы сдѣлали обширныя завоеванія въ печати, газеты и журналы наши выросли съ скоростію паровой силы, въ особенности въ Москвѣ; но улучшеніямъ государственнымъ собственно по управленію недостаетъ существенныхъ пунктовъ опоры. До актовъ правительства касаться нельзя. Возбужденія отвѣтственности не существуетъ. Такой произволъ въ гласности, не принеся существенной пользы, только вредитъ власти, подмывая довѣріе къ ея авторитету и изъ порядка, нарушаемаго въ самомъ правительствѣ безчисленными комитетами, дѣлаетъ какое-то временное, неопредѣленное положеніе, въ которомъ замѣтно и растетъ одно стремленіе къ уновленіямъ. У министровъ голова кружится. Они болятъ. Журналисты и компанейцы лѣзутъ изъ кожи для прибытка. Общество ждетъ и терпитъ. Внѣшнее довѣріе пугается. Нѣтъ головы.

Чего вы хотите? Преобразованія контроля, счетоводства, смѣтъ?

По мысли великаго князя Константина, посланный въ Пруссію, Бельгію, Австрію и Францію (статъ-секретарь) Татариновъ въ 1858 г. возвратился въ Россію и представилъ о необходимости: 1) однообразнаго для всѣхъ управленій систематическаго составленія, исполненія и заключенія финансовыхъ смѣтъ, которыя представляли бы полныя данныя для повѣрки назначеній и для послѣдующей ревизіи оборотовъ; 2) единства кассы и 3) установленія одной ревизіонной инстанціи, которая производила бы ревизію по подлиннымъ документамъ, повѣряя при этомъ предписанія по распоряженію капиталами, предварительно уплаты денегъ. Особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ гр. Гурьева, признала необходимость этихъ преобразованій, и по высочайшему утвержденію назначена, подъ предсѣдательствомъ Татаринова, спеціальная комиссія для составленія положеній.

Изучивъ порядокъ смѣты въ другихъ государствахъ, комиссія склоняется, кажется, въ пользу Бельгіи и, обращаясь къ нашему бюджету, находитъ его во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительнымъ, отдавая справедливость улучшеніямъ, введеннымъ по морскому вѣдомству, частію въ военномъ и особенно въ городскихъ смѣтахъ.

Къ сожалѣнію свѣдѣнія эти скудны и очень напоминаютъ канцелярскую формальность. Мы знаемъ, что огромное морское управленіе, подкрѣпленное Высочествомъ, завѣдуютъ весьма небольшимъ кругомъ дѣйствія и стоитъ десятки милліоновъ, допуская молодыхъ дѣятелей къ большой безотчетности на честное слово и безъ честнаго слова *). Мы знаемъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ злоупотребленій въ распоряженіи суммами, какъ въ министерствѣ военномъ. А бѣдные наши города могли бы отличаться не одною точностію смѣтъ, позаботясь немного и о мостовыхъ, и о водѣ, которыхъ нѣтъ даже въ Петербургѣ, и о пожарныхъ способахъ, и о призрѣніи, и о полиціи, и проч. и проч.

Если этого желаетъ г. Татариновъ, то мы желали бы скорѣе безпорядка въ счетахъ и уменьшенія потребностей расхода.

Вотъ коренныя начала комиссіи, высочайше утвержденныя, о смѣтахъ.

1. Составленіе смѣтъ по системѣ однообразной для всѣхъ управленій съ приведеніемъ всѣхъ данныхъ, потребныхъ для удостовѣренія въ необходимости назначенія.

Да развѣ этого нѣтъ? Ужъ конечно не въ отсутствіи единообразія можно упрекнуть управленіе Николая I. Данныя представляются подробныя и если Совѣтъ не требуетъ болѣе подробныхъ каждый годъ, то только потому, что не нуждается. Это не вина закона.

2. Тщательное въ смѣтѣ отдѣленіе расходовъ по взиманію доходовъ (для усмотрѣнія чистой производимости послѣднихъ) отъ общихъ расходовъ государственныхъ.

Не знаю, къ чему приведетъ это канцелярское отдѣленіе, имѣющее значеніе при процентномъ вознагражденіи службы и относящееся собственно къ отчетамъ управленія, обсуживаемаго по производимости доходовъ, а не по бюджету. Да и къ какому управленію это примѣнимо?

3. Классификація расходовъ и доходовъ постоянныхъ отъ временныхъ.

Неужели и это не исполнилось и требуетъ новаго закона?

4. Одновременность разсмотрѣнія и утвержденія смѣтъ съ разсмотрѣніемъ послѣдняго отчета по государству, какъ матеріала, представляющаго для всѣхъ расходовъ постоянныхъ лучшее мѣрило назначеній послѣдующихъ.

Это заимствуется изъ Пруссіи, гдѣ отчеты отъ смѣты отдѣляются двумя годами. Я думаю, у насъ и пяти лѣтъ, даже съ сокращеніемъ нынѣшнихъ сроковъ, недостаточно.

---

*) Не мѣшало бы управленію прочесть страницу въ Полномъ Собраніи Русск. Зак. 1804 г., т. XXVIII, стр. 940.

5. Обращеніе смѣтныхъ сбереженій на недостатки по однимъ лишь второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣты, съ сохраненіемъ неизмѣняемою нормою всѣхъ главныхъ ея по предметамъ подраздѣленій.

Слѣдовало, при 3 п. о классификаціи, требовать точнѣйшаго дѣленія и подраздѣленія на категоріи доходовъ и расходовъ. Раздѣленіе на главные и второстепенные иногда совершенно невозможно, напр., по статьѣ о жалованьѣ. Да не это должно служить основаніемъ обращенія сбереженій по одной статьѣ на другую. Здѣсь свойство расхода, а не подчиненность его.

Практически мнѣ извѣстно, что раздѣленіе расходовъ на этомъ основаніи весьма затруднительно и всегда даетъ возможность произволу. Я думаю, что, воспретя рѣшительно всякій зачетъ, разрѣшить министру, подъ отвѣтственностію на особенномъ основаніи, имѣть экстраординарную сумму.

И 6. Заключеніе смѣтъ въ срокъ опредѣленный, послѣ котораго министерскіе по смѣтѣ кредиты должны быть уничтожаемы.

Безъ дополнительныхъ мѣсяцевъ къ отчетному году назначеніе срока спутаетъ и управленіе, и контроль.

Не говоря объ учрежденіи общей кассы, съ которой соединятся капиталы всѣхъ вѣдомствъ, ни о ревизіонной инстанціи (такъ какъ развитія этихъ предположеній въ статьѣ нѣтъ), я не могу не замѣтить, что г. Татариновъ и вся комиссія смотрятъ на бюджетъ немножко близоруко и не даютъ ему подобающаго значенія, какъ основанія налоговъ. Желательно бы было поболѣе обѣщаній гласности и поискреннѣе разоблаченія настоящихъ недостатковъ, подтверждаемыхъ фактами.

Наши банки преобразовываются. Сохранныя казны закрываются. Коммерческій банкъ становится на банкирскую ногу. Новые три Норма̀на, Габеръ, Ганземанъ и Мильнсъ (по выраженію четвертаго Норма̀на, Бабста) открываютъ въ 50 милліон. рубл. частный банкъ или лучше торговый домъ для устройства порядковъ въ Россіи. Неудавшіяся ренты выходятъ снова съ надбавкою 1%, итого 5. Иностранстранный заемъ совершился. Все хорошо; но нехорошо то, что все дорого, хлѣбъ по 3 к. фунтъ, и иностранный курсъ не поднимается. Отчего это? Ужъ не оттого ли, что предпріятія, усовершенствія, преобразованія, оставаясь при однихъ обѣщаніяхъ, внушаютъ опытнымъ опасеніе, а намъ неопытнымъ напряженное стремленіе, и, поглощая непроизводительно капиталы, возвышаютъ цѣнности? Или оттого, что всѣ эти Норма̀ны, пользуясь этимъ напряженнымъ посулами стремленіемъ, налетѣли и налетаютъ къ намъ только для эксплуатаціи Россіи, отлетая по полученіи денегъ и оставляя намъ на память свои

посулы съ надбавкою премій, возвышающихъ цѣнности до 100 милліоновъ. Эту, по добросовѣстному выраженію науки, ссуду Европейскаго капитала бѣдной Россіи, можно назвать финансовымъ грабежомъ. Оно можетъ привести правительство къ банкроству, а націю — къ обнищанію.

Возвышеніе ренты будетъ имѣть всѣ послѣдствія принудительной мѣры и поставитъ правительство въ открытое противорѣчіе съ начатыми и имъ гарантированными предпріятіями. Можно ожидать, что возвышенная рента остановитъ лихорадку акцій и спекуляцій; но переданныя Норманами на Русскіе капиталы всѣ эти предпріятія не ослабнутъ ли отъ недостатка этихъ капиталовъ?

Къ этому присоединяется крестьянскій вопросъ, который, съ закрытіемъ ссудныхъ кассъ, дѣлается главнымъ участникомъ предстоящей ликвидаціи поземельныхъ долговъ (около 500 милліон. рубл.); а изъ нихъ уже и теперь болѣе 100 мил. р. несостоятельны.

Къ этому присоединяется общее предположеніе, утвержденное 10 Іюля, о продажѣ всѣхъ государственныхъ имуществъ.

Что, если при обращеніи наличныхъ капиталовъ на огромныя предпріятія и при безденежьи владѣльцевъ земель, такъ дурно обрабатываемыхъ будущими вольными работниками, такая масса частныхъ и казенныхъ имуществъ, вся Россія, предлагается въ продажу; что, говорю, если Европейскій капиталъ явится на этотъ рынокъ и купитъ эти имущества? Не будетъ ли это второе, горшее, нашествіе Норманновъ?

Не думаю. Насъ спасетъ наша молодость, наше не-Европейское устройство. Революція совершается и знаменуется недугами. Мы ихъ вытернимъ и переживемъ. Но грустно смотрѣть на такой порядокъ вещей, и тяжка должна быть отвѣтственность тѣхъ лицъ, которыя незрѣлыми своими распоряженіями даютъ поводы къ такимъ, положимъ даже преувеличеннымъ, опасеніямъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КАСТОРА НИКИФОРОВИЧА ЛЕБЕДЕВА *).

1859.

Никогда господство иностранцевъ не было такъ сильно въ Россіи, какъ теперь. Наглость Колиньоновскихъ назначеній по обществу желѣзныхъ дорогъ и другихъ распорядителей по другимъ обществамъ доходитъ до оскорбительныхъ униженій. Всѣ лучшія, значительныя мѣста предоставляются полку Французовъ, а Русскіе составляютъ рабочія команды. Давайте гласность, давайте конституцію! Благосостояніе народа, честь націи, состоятельность правительства на очереди вопроса.

Дѣла университетскія начинаютъ разъясняться. Число студентовъ, въ продолженіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ, учетверилось, и частыя исторіи молодыхъ людей породили небезосновательныя опасенія, что возрастаніе этихъ корпорацій можетъ образовать силу, а съ нею противодѣйствіе, съ которымъ нужно будетъ справляться тоже силою. Полиція для этого недостаточно. Правительство приняло мѣры по примѣру Николая, но въ другомъ порядкѣ: объявивъ студентамъ, что они не составляютъ корпораціи, а подчинены общимъ постановленіямъ и распоряженіямъ полиціи, которая должна впрочемъ обращаться съ ними со всею учтивостью, правительство не заперло аудиторій, но поставило условіемъ такіе строгіе экзамены, что изъ 350 человѣкъ поступило новыхъ студентовъ, въ Петербургѣ, только 75. Прочіе должны возвратиться во-свояси или выбрать другую дорогу. Для лучшаго исполненія этой педагогической мѣры начальство ввѣрило экзамены учителямъ, которые податливѣе, безъ разсужденій, на исполненіе видовъ правительства.

Цѣль этой мѣры достигается вѣрно; но согласна ли она съ пробужденными надеждами и не безжалостно ли дѣйствуетъ противъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ Петербургъ, можетъ быть съ весьма малыми средствами? И на какую степень становятся университеты, еще такъ недавно выставлявшіе себя публичными залами гласнаго, неумытнаго слова и мысли?

---

*) См. выше, стр. 55.

Впрочемъ, я не обманывался: реакціи ожидать было надо. Я боюсь только, чтобы, сжавъ движеніе во всѣхъ направленіяхъ, реакція эта не произвела взрыва, который начнется и, при стеченіи настоящихъ обстоятельствъ, не знаешь гдѣ остановится.

Мои запутанности съ министромъ *) продолжаются. Разсмотрѣніе положенія и штата Лисинскаго лѣсничества привело къ такимъ непріятнымъ объясненіямъ, что послѣ словъ: «Совѣтъ — это вы», новыя замѣчанія въ родѣ: «Совѣтъ входитъ не въ свои дѣла, онъ вмѣшивается въ управленіе, онъ контролируетъ департаменты» и т. п. имѣютъ значеніе болѣе, нежели неудовольствіе. Министръ не можетъ переварить живой мысли, если она исходитъ не отъ него, всегда занятаго одними экспедіэнтами и фортелями, или черезъ его товарища, который и на помочахъ едва ходить можетъ. Дня не остался бы я съ такими ревнивыми начальниками, но гдѣ найти другихъ? И въ чемъ же заключаются эти живыя мысли? Совѣтъ вполнѣ сознавалъ пользу лѣсничества, какъ практическаго учрежденія, завершающаго воспитаніе Института и приготовляющаго къ предстоящей кондукторамъ и студентамъ дѣйствительной лѣсной службѣ. Положеніе составлено плохо, штатныя назначенія слишкомъ роскошны, и выставленные доводы (зимою Государь и при немъ товарищъ министра бываютъ въ Лисинѣ для охоты почти каждонедѣльно, лѣсничество готово преобразиться въ загородный дворецъ и т. д.), мало идутъ къ дѣлу и шатки; но Совѣтъ утверждаетъ ихъ, съ небольшими измѣненіями, и только считаетъ полезнымъ обратить вниманіе на слѣдующіе предметы: 1) Сумма первоначальнаго штата, 19 тыс. рубл. (1834 года, впрочемъ) возросла до 80 тыс. рубл. Ничего; но расходуйте отчетливо, по смѣтамъ и въ предѣлахъ назначеній. Общее мнѣніе то, какъ говорили мнѣ бывшій вице-инспекторъ Бульмеринкъ, частію и бывшій директоръ департамента Норовъ, и какъ я могъ видѣть по расчетамъ о постройкахъ и по смѣтамъ сверхштатныхъ расходовъ, что директоръ лѣсничества, полковникъ Б-манъ, воруетъ напропалую; а смѣнить и ограничить его не смѣютъ: онъ угождаетъ на охотѣ и пользуется высочайшимъ, а за нимъ и всякимъ другимъ вниманіемъ. 2) Для удостовѣренія этихъ расходовъ, Совѣтъ полагалъ отдѣлить хозяйственную часть, предоставя ее независимой конторѣ отъ распорядительной, оставивъ ее во всей полнотѣ директору. Предположеніе произвело бурю. Совѣтъ уступилъ, такъ какъ другого софизма для примиренія я не придумалъ; такъ заведеніе будетъ образовываться постепенно, и до окончательнаго устройства нужно единство. 3) При заведеніи полагается команда, а съ нею плохая услуга, табели, отчетность и пр. Заведеніе не смирительный домъ,

*) М. Н. Муравьевымъ (тогда еще не графомъ). П. Б.

и вольнонаемные лучше и легче команды. Новая буря. Совѣтъ опять уступилъ, такъ какъ, по объявленіямъ директора департамента, наемъ затруднителенъ. 4) За важные проступки предполагалось отдавать въ солдаты, по распоряженію Министерства. Такого закона Совѣтъ допустить не рѣшился. Наконецъ, 5) Смѣты и замѣнъ статей въ расходахъ департаментъ предоставлялъ себѣ. Совѣтъ, по закону, отнесъ это къ министру. Перемѣна принята съ молчаніемъ.

Директоръ жаловался на меня министру, и товарищъ его, обыкновенно тихій и скрытный, взялъ дѣло къ себѣ съ большимъ неравнодушіемъ.

Подобный случай былъ неоднократно. Министръ или затягивалъ дѣло справками, или настаивалъ на передокладѣ, или просто, какъ путаницу по дѣлу о Бѣловѣжской Пущѣ, приказывалъ брать дѣло назадъ. Пусть возьмутъ и это. Но къ чему же упреки и придирчивая ревность? Положимъ, Совѣтъ напуталъ; онъ *вашъ* Совѣтъ, отмѣните его положеніе, вотъ и все.

Нѣтъ, не смѣй мыслить, или вторь моимъ мыслямъ!

Что же скажутъ о моихъ другихъ работахъ, уже молча мною представленныхъ, чтобы избавиться личныхъ столкновеній: объ отмѣнѣ пожалованія земель, за которое министръ такъ крѣпко держится, какъ за регалію своего мѣста; о пересмотрѣ военно-уголовнаго устава, составленнаго Капгеромъ, съ которымъ такъ близокъ товарищъ министра? (Посылается на дняхъ).

*

Статья Монитёра о Виллафранкскомъ мирѣ производитъ общій говоръ. Она произвольно толкуетъ произвольное начало и мошенническое окончаніе войны, надсмѣханіе надъ Европейскими конгрессами, и оканчивается слѣдующими надменными словами, достойными автора Napoléon le Petit *): Le seul moyen (d'obtenir des meilleures conditions pour l'Italie) serait la guerre; mais, que l'Italie ne s'y trompe pas. Il n'y a qu'une seule puissance en Europe qui fasse la guerre pour une idée: c'est la France, et la France a accompli sa tâche».

Хорошо положеніе конгресса, заранѣе опороченнаго; хорошо положеніе Австріи, выдавшей безъ всякихъ ручательствъ Итальянскихъ своихъ феодаловъ на слово человѣку, играющему не одними словами. Хорошо и положеніе папы, теряющаго легацію за легаціей, при обѣщаніи гегемона не умалять папскаго достоинства. Итальянская война

*) Т. е. Виктора Гюго. П. Б.

есть важный шагъ демагогіи и народнаго права. Ни то, ни другое не противно Англійскимъ началамъ, но имъ противна гегемонія и устраненіе смутъ на материкѣ. Одно безсиліе Австріи отдалитъ насилія войны и принужденнаго порядка. Трудна задача и Итальянскихъ либераловъ.

*

Читаю я Смита Feldherrn-Stimmen, гдѣ нѣсколько Поляковъ и Русскихъ Нѣмцевъ напали на Паскевича и чернятъ человѣка, конечно небезукоризненнаго, особенно тѣмъ, что онъ счастливъ, а Дибичъ нѣтъ, что онъ заботился о обезпеченіи арміи (а для Толя вопросъ этотъ былъ второстепенный) и, наконецъ, что онъ не имѣлъ никакого довѣрія къ окружающимъ.

Не говорю объ ошибкахъ, о странномъ счастіи Паскевича, о запискѣ Толя, въ которой ein geheimer Verdruss mochte liegen. Я вовсе не партизанъ Варшавскаго князя; долженъ, однако, замѣтить, со словъ невольно и откровенно высказанныхъ пріятелемъ моимъ (бывшимъ дежурнымъ генераломъ Дибича, съ юности ему преданнымъ), сенаторомъ Обручевымъ, что они, Толь, Нейдгартъ, онъ, Бергъ и Ридигеръ, такъ приняли и, можно сказать, мистифицировали Паскевича, по прибытіи его 13 Іюня 1831 г. въ Пултускъ, что дружеская бесѣда эта, бывшая въ 1853 г., произвела на меня пренепріятное впечатлѣніе. Я не скрылъ его, и неосторожный разказчикъ, предъявлявшій и подлинные отпуски съ придуманныхъ, хитросплетенныхъ имъ отвѣтовъ на вопросы Паскевича, былъ сконфуженъ и оправдывалъ такую выходку штаба превосходствомъ Толя и Дибича предъ новымъ главнокомандующимъ.

Любопытная книга Смита содержитъ въ себѣ записки генераловъ Польскихъ Хржановскаго и Пронзинскаго, довольно умѣренныя, генералъ-адъютанта ***, съ примѣчаніями на поляхъ квартирмейстера Нейдгардта, письма Дибича, очень добросовѣстныя, бѣловую записку интенданта Погодина и двѣ неумѣренныя записки: желчный журналъ Толя (съ 21 Іюля, а не съ 13-го) и оправдательную Паскевича (напечатанную въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. 1859 г., ч. 1).

Книга Смита много бы выиграла въ глазахъ Русскаго, если бы не была разбавлена Нѣмецкими примѣчаніями и объясненіями, безъ которыхъ (представителей ослабѣвающаго Нѣмецкаго господства) не издается въ Германіи ни одного, даже документальнаго сочиненія о Россіи.

*

По примѣру 1834 г., вступающій въ 17-лѣтній возрастъ цесаревичъ наслѣдникъ долженъ 8-го Сентября принести присягу, и къ тор-

жеству этому дѣлаются колоссальныя приготовленія для иллюминаціи города и угощенія обѣдомъ въ Собраніи. Государю всегда удаются свѣтлые дни и, вѣроятно, этотъ праздникъ удастся, какъ всѣ другіе. Для устройства иллюминаціи выписанъ изъ Парижа императорскій декораторъ, кажется, Гобильо и, судя по сдѣланнымъ имъ приготовленіямъ, съ сотнею привезенныхъ имъ Французскихъ работниковъ, иллюминація, дѣйствительно, должна быть невиданная даже для Петербурга, гдѣ этимъ всегда занимались не менѣе нынѣшняго Парижа. Наши артисты, Роллеры, Кавосы, генералъ Константиновъ и вообще распорядители шкаликовъ и фейерверковъ, ропщутъ на это предпочтеніе, отданное Французскому антрепренёру за огромныя деньги и въ ущербъ нашимъ рабочимъ, которые косо поглядываютъ на синеблузниковъ, развѣшивающихъ свои легкія проволочныя цѣпи по Невскому, Морской и по Фонтанкѣ [1]).

Въ Парижѣ я еще понимаю крики: panem et circenses! [2]) Тамъ тѣшутъ толпу, отъ которой все зависитъ. Тамъ же и много денегъ. Но у насъ фунтъ хлѣба въ цѣнѣ удвоили, въ низовыхъ и южныхъ губерніяхъ неурожай, въ Ельцѣ и Болховѣ теперь уже четверть продается по 4 р., и для рабочихъ рукъ есть занятіе посущественнѣе; курсъ же иностранный, и послѣ займа, вмѣсто 405, стоитъ 359 сантимовъ.

Но общество ждетъ милостей, народъ ожидаетъ вольности. Даже опасаются манифестацій, и потому, говорятъ, занимаютъ сборные пункты, гдѣ толпа могла бы дѣйствовать скопомъ. Царицынъ Лугъ весь занятъ палатками, и нѣкоторые изъ нихъ съ командами; на Адмиралтейской помѣстились взводы войскъ. Все это пустые толки. Они замѣчательны только тѣмъ, что возобновляются при всякомъ празднествѣ, и потому желательно бы было поуменьшить эти поводы и пріучать народъ къ постоянному порядку.

Милостей, кромѣ наградъ приближеннымъ, не будетъ; ибо казна бѣдна, а предположенныя возвышенія доходовъ и сбереженія не осуществились. Министерство Финансовъ представляетъ, что положеніе дѣлъ хуже Австрійскаго. Вольность еще не испечена и, судя по начинающемуся повороту воззрѣній, едва ли не останется въ періодѣ броженія [3]). Дрожжи плохи, прокисли, подъемъ слабъ.

---

[1]) Ничего особеннаго не было 8 Сентября, но предосторожности были приняты. Случилось: у Полицейскаго моста свалилось въ Мойку человѣкъ 100, и человѣкъ 10 потонуло и изувѣчилось. Были пьяные крики. Но замѣчательно то, что по главнымъ улицамъ экипажей не пускали. Злые говорили: „Царь съ народомъ—и только“.

[2]) Восклицаніе древней Римской черни: хлѣба и зрѣлищъ! П. Б.

[3]) Объ этомъ смотри въ Запискахъ графа П. А. Валуева, которыхъ изданіе въ „Русской Старинѣ“, къ сожалѣнію, прервано. П. Б.

Все это похоже на комедію. Этотъ цугъ депутатовъ въ Петербургѣ, цугъ въ Царское Село и цугъ отъ станціи, въ придворныхъ экипажахъ, ко дворцу, и пріемъ ихъ тамъ, и обѣдъ ихъ тамъ, и тостъ предводителя Шувалова за здоровье Государя, все это какая-то комедія, напоминающая Версальскіе пріемы 1780 годовъ, съ тою разницею, что тамъ прорывались элементы сильные, покончившіе дѣло взрывомъ, у насъ тянутъ элементы за уши и навязываютъ, вмѣсто взрыва, фіаско, пародію, комедію. Ничему я этому не вѣрю и думаю, что шалитъ и играетъ дѣлами какая-то молодежь, можетъ быть бойкій ген.-адм. съ плеядою молодыхъ своихъ секретарей, или и *, ища популярности, или * подъ веселую руку, желая загладить несчастный миръ широкими преобразованіями.

Ничему я этому не вѣрю. Не вѣрю потому, что не вижу элементовъ. Но преобразованія, но легкомысліе, съ которымъ они предпринимаются, могутъ привести къ другому порядку. Я не предвижу другого исхода, какъ конституцію. Только она образуетъ государственныхъ людей. Безъ нея бываютъ только столоначальники и журналисты, болтуны и писаки. Я очень далекъ отъ того, чтобы не отдать справедливости нашимъ журналамъ, особенно Московскимъ. Публицистика и доктринёрство, даже широкая научность, выражаются въ нихъ превосходно; но до государственной практики, даже до публицистики Times, еще очень далеко. Наша публицистика самостоятельно выражается въ пересмѣяніи; доктринёры, восхваляющіе Англію, похожи на университетскія диссертаціи. Или и то, и другое, и ученость наша черпаются изъ иностранныхъ источниковъ. Оттого все хорошо, гладко, но мало примѣнимо къ дѣлу. Оттого и государственные дѣльцы наши разрѣшаются работами незрѣлыми и плохо прививающимися къ коренному стволу. Историческаго, прочнаго основанія нѣтъ ни здѣсь, ни тамъ. Въ литературѣ это извинительно: она жила стѣсненно, въ опалѣ, въ ежевыхъ рукавицахъ; но государство? Здѣсь этого элемента еще менѣе, ибо основаніе его—произволъ. Николай, одушевленный преданностью Клейнмихеля и его экзекуторовъ, князя Чернышова и его кантонистовъ (три его кантониста, какъ мы называли въ 1836 году Суковкина, Буткова и Пейкера), думалъ внести этотъ произволъ и въ Европейское право, расправляясь съ Турціею и распоряжаясь въ княжествахъ à la cosaque. Александръ II въ эту внутреннюю неурядицу думаетъ внести Европейскія начала современности, современности болѣе нежели переходной, насплуемой и искаженной Наполеономъ III, самымъ неисторическимъ династомъ, какого видывала исторія. И вотъ, по моему понятію, причина фіаско, котораго я ожидаю, ко-

торое уже проявлялось не разъ, и не разъ проявится еще въ самомъ непродолжительномъ времени.

*

Просвѣщенный хозяинъ, графъ Киселевъ, желая устроить рыболовство, снаряжалъ ученыя экспедиціи для обозрѣнія и изученія его на рѣкахъ, озерахъ и моряхъ, избравъ руководителемъ этихъ экспедицій академика Бэра. Ученый натуралистъ объѣхалъ главнѣйшія озера съ притоками, былъ въ Архангельскѣ, въ 1853 отправился въ экспедицію Каспійскую, для изученія важнѣйшаго рыболовства нашего въ этомъ краѣ. Ему предшествовалъ, собственно для административныхъ изученій, чиновникъ М-ва Исламинъ; его сопровождали статистикъ Данилевскій, описатель орудій Шульцъ, учитель Астраханской гимназіи Вейдеманъ и рисовальщикъ Никитинъ. Экспедиція эта, продолжавшаяся три года, стоитъ Мин—ву 15 т. р., и столько же потребуетъ богатое изданіе трудовъ ея. Дѣло весьма важное, дѣлающее честь просвѣщенному министру и обѣщающее государству большую пользу. Экспедиція убѣдилась въ томъ:

1) Что уменьшеніе рыбы вообще есть, но незначительно, и чувствительно оно только въ лучшемъ красномъ сортѣ. 2) Законъ, ограничивающій жиротопленіе (11 Ноября 1846 г.), имѣлъ самыя благія послѣдствія для увеличенія рыбнаго продукта. 3) Необходимо распредѣлить рыбныя богатства съ большею уравнительностію между верховьемъ и низовьемъ Волги, ограничивъ расширеніе ватагъ и вообще нынѣшняго состоянія рыбнаго промысла на устьяхъ ея и вообще на устьяхъ Куры, Терека, у казаковъ Урала. 4) Море и вольный ловъ въ немъ не имѣютъ большаго значенія, ибо все зависитъ отъ прѣсной воды. 5) Необходимы ограниченія, съ назначеніемъ времени лова и орудій и способовъ его производства. 6) Полезно обложить прибыльное рыболовство рѣчное пошлиною, взявъ основаніемъ оной устраиваемыя ватагами и станами помѣщенія. 7) Необходимо ограничить привилегіи Уральскихъ, Астраханскихъ и Кавказскихъ казаковъ въ срокахъ и порядкѣ лова. 8) Необходимо ввести общественный надзоръ, составивъ для сего комиссію изъ представителей, выбранныхъ отъ владѣльцевъ водъ и промысловъ: прибрежныхъ, казны, частныхъ промышленниковъ и представителей городовъ. 9) Полезно преподать наставленіе о лучшемъ соленіи, жиротопленіи и вообще приготовленіи товара (печатая бочки и ящики печатью производителя), о содержаніи плотовъ и выходовъ, пригласивъ для примѣра Голландцевъ; и 10) Начертать постановленіе и издать уставъ.

Экспедиція ставитъ себѣ въ особенную заслугу усвоеніе краемъ соленія сельдей (бѣшенки), милліонами идущихъ въ Волгу. 1.000, упо-

треблявшаяся на жиротопленіе, приносила доходу 12 к.; потомъ, съ уменьшеніемъ жиротопленія, до 35 к., а соленыя стоятъ болѣе 5 р.

Я выражу мое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, когда оно созрѣетъ и приготовится; а теперь замѣчу только, что несомнѣнная польза экспедиціи была бы еще значительнѣе, если бы начальникъ оной былъ Русскій, имѣлъ болѣе власти и средствъ и сосредоточивался исключительно на предметѣ дѣла. Нѣмецкій академикъ затруднялся обращеніемъ въ кругу людей, для него едва доступномъ; онъ встрѣтилъ противодѣйствія и пререканія и въ губернаторѣ Васильевѣ, и въ рыбной комиссіи, въ г-нѣ Каразинѣ, и даже въ новомъ директорѣ Заблоцкомъ; и онъ едва не запутался, желая удовлетворить и Мин—во, и Академію, и Географ. Общество, и опасаясь, чтобы открытія и предположенія его не похитили адмиралъ Васильевъ, представившій въ Сентябрѣ 1857 г. о вольномъ ловѣ, Ислављнъ, разсматривавшій многіе вопросы экспедиціи, рыбная комиссія, занимавшаяся составленіемъ новыхъ правилъ, и, наконецъ, Деп. Сельск. Хоз., распоряжающійся этимъ дѣломъ. Опасливость Нѣмца простирается даже на г. Данилевскаго!

Замѣчательно, что въ то время, когда комиссія занималась въ Астрахани составленіемъ новыхъ правилъ, экспедиція Бэра писала и представляла свое донесеніе; а когда это донесеніе послано въ Астрахань и тамъ начали передѣлывать проектъ, Министерство вошло въ сношеніе съ Оренбургскими и Кавказскими властями и Астраханскимъ губернаторомъ. Наконецъ, генералъ Муравьевъ приказалъ внесть все дѣло въ Совѣтъ. Дѣло!

Для меня важенъ одинъ вопросъ, за которымъ прочіе уясняются: недалеко ли идетъ экспедиція, принимая на себя лучшее распредѣленіе богатствъ моря, между верховьемъ и низовьемъ? «Осетръ или бѣлуга, доплывшіе до Саратова и тамъ пойманные, сами уже заботились о своей доставкѣ къ этому городу». Едвали это такъ; иначе придется ловить этихъ осетровъ въ Рыбинскѣ или Твери и, пожалуй, близъ устъ потребителя. Начало или законъ о распредѣленіи богатствъ, въ продолжительномъ его дѣйствіи, не согласуется съ ограниченіями, которыя иногда ведутъ къ кривымъ путямъ и искажаютъ естественный ходъ дѣла. Онъ, законъ этотъ, совпадаетъ съ свободою производства, которое укажетъ естественное, лучшее распредѣленіе богатствъ согласно съ общими выгодами. Здѣсь, противъ предположеній экспедиціи, нельзя не замѣтить, что, не смотря на значительное обложеніе приморскаго рыболовства и облегченіе рѣчнаго (неподлежащаго акцизу), первое развилось и развивается до того, что привело экспедицію къ

ограниченіямъ его, а рѣчное постепенно подчиняется его важности. Еслибы осетра выгоднѣе было ловить въ Саратовѣ, а не въ Астрахани, то вольная промышленность не преминула бы перемѣнить мѣсто. Осетра съѣдятъ въ Саратовѣ, а изъ Астрахани онъ пойдетъ въ Римъ. Естественная исторія должна указывать на устраненіе оскудѣнія, но она не въ правѣ замѣнять полицію и препятствовать свободѣ промысла, въ которымъ законъ долженъ опредѣлить право производства, а не порядокъ и мѣстность, избираемые смѣтливостію и предпріимчивостію въ предѣлахъ закона и надзора. Впрочемъ и самая свобода (вольный промыслъ) еще вопросъ.

*

Событія рвутся и тѣснятся, какъ толпа, вырывающаяся изъ душнаго подземелья. Въ нѣдрахъ общества горючіе матеріалы соединяются невидимымъ токомъ и, опасаясь быть объяты всѣ однимъ пламенемъ, прорываютъ то тамъ, то сямъ отверстія, грозящія расшириться въ огнедышущія жерла. На Востокѣ христіанство рѣшаются попрать магометанскія владычества (явленія знаменательныя на Кавказѣ, въ Марокко, на Пейхо въ Китаѣ и въ самой Индіи); въ Италіи народное право готово отстаивать себя предъ цѣлою Европою; въ Германіи открыто образуется національная партія единства и народныхъ вольностей; во Франціи говоръ о свободѣ тиснешія громче нежели когда-нибудь.

У насъ торжество совершеннолѣтія наслѣдника и съ нимъ масса пожалованій и важныхъ преобразованій.

Шамиль взятъ въ плѣнъ, и Кавказъ покоренъ до Каспійскаго моря.

Солдатству сокращенъ срокъ до 15 лѣтъ, а на морѣ до 14.

Кредитъ преобразованъ, и процентъ долговыхъ ссудъ возвышенъ до 5, а вкладовъ пониженъ на 2. Тутъ будетъ запутанность, я думаю даже несостоятельность; но пора было приступить къ регулированію операцій, еще въ 1854 г. опороченныхъ Леономъ Фошé.

Редакціонная комиссія Ростовцова вступила въ прешія съ прибывшими депутатами.

*

Сентябрь. Во Франціи власть, немножко компрометтировавшаяся въ Италіи, играетъ съ печатью какъ кошка съ мышкой и если неслыхано и невидано, чтобы мышка съѣла кошку, тѣмъ не менѣе Times замѣчаетъ, что двусмысленныя статьи Débats и Revue des deux Mondes гораздо болѣе вредятъ и безпокоятъ власть чѣмъ всѣ памфлеты и діатрибы

Брюсселя и Джерси [1]). Статьи двухъ журналовъ дѣйствительно замѣчательны и если немного говорятъ въ пользу гражданской храбрости и характера націи, еще пребывающей въ апатіи, за то много говорятъ къ чести Французскаго остроумія, блестящей пересмѣшливости и остатковъ либерализма, лучшимъ выраженіемъ которыхъ теперь является статья Вильменя (въ Courrier du Dimanche): La presse périodique devant le suffrage universel. Знаменитый писатель, со всею учтивостію Аѳинскаго горожанина, опровергаетъ двусмысленные доводы Монитёра, 8-го циркуляра 18 Августа, находя признаніе ихъ ученій порядочной безсмыслицей... C'est trop demander à la docilité du bon sens publique. Не менѣе учтиво правительственные органы опровергаютъ эти парламентскія вторженія и если болѣе любезно, нежели справедливо:

quand au *muet asservissement* dont le spirituel journaliste parle en finissant, il y a une réponse bien simple: il n'y a qu'à prier m-r Villemain de relire son articlce, ce qui sera, du reste, un châtiment bien doux,—то справедливо то, что

qu'il est beaucoup moins exact de dire que la presse a joui de la liberté sous la restauration et sous la royauté de 1830, que de dire qu'il y a eu une lutte ardente et sans relâche entre ces deux gouvernements et la liberté de la presse.

Но правъ и г. Вильменъ, говоря о неискренности мѣръ нынѣшней цензуры, долженствующей имѣть вредное вліяніе на публицистовъ, когда-то образцовыхъ: Une censure anonyme d'autant plus sévère qu'elle serait plus vague, d'autant plus redoutée qu'il faudrait la pressentir, la deviner à demi et lui obéir, avant qu'elle ne parle. Прибавьте къ этому молчаливому порабощенію молчаливость загадочнаго Цезаря, и вы поймете все страданіе ума и сердца лучшей части народа, оглушаемаго дикими восклицаніями о торжествахъ и побѣдахъ.

Въ этомъ упаданіи литературнаго и общественнаго преобладанія великой націи я вижу продолженіе реакціи народнаго элемента мѣстнаго, все болѣе и болѣе вырабатывающаго свое достоинство и свою самостоятельность.

*

На дняхъ разговаривалъ я съ Юліемъ Андр. Гагемейстеромъ о предпринятыхъ финансовыхъ реформахъ. Я говорилъ, что все это не зрѣло [2]), не благовременно и напоминаетъ механическое подражаніе

[1]) Островъ, гдѣ жилъ не признававшій Наполеона III-го Викторъ Гюго. П. Б.

[2]) Гагемейстеръ какъ бы съ удивленіемъ слушалъ, когда я говорилъ ему, что мѣра погашенія ассигнацій билетами или консолидированіемъ непрерывныхъ доходовъ, даже съ 7½%, не удалась графу Гурьеву еще въ 1817 г. Сомнѣваюсь.

западнымъ изворотамъ, особенно Австрійскому министру Бруку. Я говорилъ, что неудача внѣшняго займа, неудача внутренняго займа (непрерывныхъ 4%), неудача продажи государ. имуществъ и неудачи нашихъ промышленныхъ и торговыхъ компаній доказываютъ основательность моихъ воззрѣній. Я говорилъ, что существеннымъ дѣломъ въ настоящее время представляется лучшее учрежденіе государственной смѣты и соединенныхъ съ нею установленій, особенно экономіи въ расходахъ.

Гагемейстеръ сознавался, но относилъ необходимость предпринимаемыхъ мѣръ къ запутанности финансоваго управленія, къ настоятельности возвышенія заграничнаго курса и къ напору крѣпостного вопроса, который требуетъ и земскихъ банковъ, и новой системы податей и налоговъ *). Объ экономіи думать нельзя. Княжевичъ не имѣетъ никакого авторитета.

Такъ, но куда же приведетъ насъ эта безсистемная систематика?

Я знаю Гагемейстера съ 1856 года очень близко. Онъ писатель и спекуляторъ и при разсмотрѣніи лѣсного тарифа, состоя членомъ лѣсной компаніи, предложилъ въ тарифѣ, вмѣстѣ съ Петерсономъ, такія преобразованія, которыя, по донесенію техника, генерала Бульмеринга, соображались болѣе съ видами компаніи, нежели правительства и флота. Занимаясь учеными изслѣдованіями въ Новороссіи и на Кавказѣ, довольно безпослѣдственными, онъ перешелъ въ Мин. Гос. Им. и здѣсь, какъ и въ Географическомъ Обществѣ, не имѣлъ никакого значенія, иногда обращая вниманіе публики финансовыми статьями, въ смыслѣ проф. Вернадскаго. Я не вѣрю его финансовымъ свѣдѣніямъ и вполнѣ увѣренъ, что онъ дѣла, нашего письменнаго дѣла, не знаетъ и манипуляціи кредита на биржахъ и рынкахъ не понимаетъ. Онъ ни банкиръ, ни чиновникъ. Онъ писатель и едва ли не подставной профессора Вернадскаго, который «Экономическимъ Указателемъ» дѣйствуетъ ловко.

Меня ужасаетъ одно: все это, всѣ эти господа—спекуляторы и притомъ незрѣлые, влекущіеся за болѣе опытными, иностранными, у которыхъ Вернадскіе и Бабсты, Бунге, Тернеры и Безобразовы играютъ роль доброхотныхъ эмиссаровъ. Или все это слѣдствіе натиска

*) Какъ о безсрочныхъ вкладахъ и продолжительныхъ ссудахъ, опороченныхъ Леон. Фоше еще въ 1854 г., такъ и здѣсь, мы шагомъ не хотимъ отстать отъ Брука. См. рескриптъ на имя гр. Гарраха 7 Сентября 1859 г. (Ausb. Z. № 229). Австрія услышала объ этомъ вскорѣ послѣ Сольферино и перемирія.

отъ обилія западныхъ капиталовъ, ищущихъ болѣе выгоднаго помѣщенія?

Въ соединеніи съ такими преобразователями, Ганземаны и consors могутъ привести не только банкротство правительства, но съ обнищаніемъ народа и недовѣріемъ его ко власти рѣшительную революцію съ смутами, ломкою и кровью. Разбиваютъ кабаки, доберутся до палатъ. Но вина падаетъ и падетъ не на этихъ спекуляторовъ (они обманываютъ, не возбраняя дѣлать это и другимъ, если могутъ выдержать соревнованіе), а на то надменное властительство государственнаго Николаевскаго управленія, которое, не отвѣчая самымъ скромнымъ законнымъ требованіямъ, подмывало основанія и, вызвавъ напоръ, приготовило пути ему во всѣхъ направленіяхъ. Вина падетъ на этихъ своекорыстныхъ министровъ, которые, по выраженію Сперанскаго, считаютъ департаменты своими вотчинами и располагаютъ государственнымъ достояніемъ такъ, чтобы или себѣ захватить и откроить поболѣе или дать своимъ сынкамъ и пришлымъ. Такъ графъ Панинъ получилъ согласіе генерала Муравьева на 3 т. р. аренды Топильскому съ тѣмъ, чтобы сыну Муравьева Леониду дать оберъ-прокурорское мѣсто. Переводили об.-пр. Матюнина въ Москву, но онъ уперся; ссадили Быкова и посадили провіантнаго чиновника Леонида Муравьева, а потомъ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ дали ему 2 т. десятинъ земли. Земля эта имъ продана, говорятъ, за 60 т. р.; ибо отецъ предположилъ отвести ее на Волгѣ, въ богатомъ краю и съ хорошею пристанью. Теперь этотъ разсказъ ходитъ по городу, увы! справедливый, какъ говоритъ ст.-секр. Валуевъ, подписавшій рапортъ Сенату 8 Декабря и получившій награды 5 т. р.

Вина падетъ на этихъ ничтожныхъ магнатовъ, которые, не имѣя ничего, не зная и не понимая ничего, не имѣютъ ни надменности, ни своекорыстія и портятъ единственно потому, что коптятъ небо.

Преступно желать бѣдствій отечеству, какъ многіе желали Севастопольской катастрофы, чтобы проучить управленіе Николая. Но пусть оборвется наша наглая самонадѣянность, если отъ этого можетъ водвориться порядокъ и укрѣпиться благосостояніе!

Дѣло крестьянское разыгрывается, и сила ропота возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Поспѣшная комиссія редакторовъ, состоящихъ изъ умныхъ чиновниковъ и блестящихъ журналистовъ, кончила свои труды, по 21-й губерніи, очень произвольно сгруппированныя и, ставъ лицомъ къ лицу съ вызванными депутатами, докладомъ министра внутреннихъ дѣлъ опорочила ихъ какъ закоренѣлыхъ душевладѣльцевъ,

предписала имъ инструкціею, скрѣпленною Бутковымъ, давать вопросы на отвѣты, которые вѣрнѣе и удобнѣе могли бы быть истребованы отъ вотчинныхъ конторъ; а когда они встали на дыбы и рѣшились подать адресъ Государю, приготовленный уже и къ подписанію въ одномъ изъ собраній ихъ у предводителя Шувалова, генералъ Ростовцовъ, toujours lui, partout lui (ибо онъ внушилъ и докладъ министра, и инструкцію Буткова, и неласковый пріемъ въ Царскомъ Селѣ) вошелъ въ сдѣлку и сообщилъ депутатамъ (всегда называемымъ членами комитетовъ) работы комиссій, торопливо приглашая ихъ представить свои замѣчанія и прибыть, по желанію, для состязаній въ комиссіи. Раздраженіе депутатовъ, въ письменныхъ мнѣніяхъ и въ частныхъ ихъ собраніяхъ, не знаетъ мѣры. Теперь начинается и печатная огласка. На дняхъ изъ Парижа прислана брошюра: Lettre d'un député de comité à m-r président de la commission de la rédaction aide-de-camp général Rostovzeff, Paris, chez Guillaumin et C-ie 1859. Это письмо богатаго владѣльца графа Владимира Петр. Орлова-Давыдова. Въ немъ между прочимъ онъ пишетъ: Vous vous adressez aux seigneurs en des termes, qu'on a souvent entendus dans votre bouche: «Cédez la terre, messieurs, si vous voulez garder vos têtes»... и далѣе: Et nous mêmes, aurions-nous une tête à trancher ou un coeur à percer, si nous étions capables de reculer devant cette menace indirecte que vous nous faites?

Я не вѣрю исходу крѣпостного дѣла въ смыслѣ царскихъ рескриптовъ и работъ комиссій. Я предполагаю и здѣсь фіаско. Но я долженъ сказать, что генералъ Ростовцовъ ведетъ дѣло превосходно, я хочу сказать превосходно ловко, хитро, смышленно. Я не думаю однако, чтобы онъ удержался; дворянская партія сильна, а она близка дворской. Дворянство же, сколько можно теперь судить, принимаетъ характеръ протеста, и все заставляетъ опасаться, что по закону Русскому, шиворотъ на выворотъ, мы недалеки отъ революціонныхъ движеній въ средѣ сословія дворянскаго въ борьбѣ его съ бюрократіей, изъ которой оно вышло, и съ журналистикой, въ которой ничтожное представительство ея подавлено.

А дѣлу это не поможетъ. Оно уже испорчено. Поможетъ это конституціи? Да.

Читаю я брошюры помощника ст.-секр. Заруднаго о гражданскомъ судопроизводствѣ. Какая канцелярская работа, какая бѣдность размѣровъ, уваженій и часто самыхъ цѣлей! Старикъ графъ Блудовъ окончательно банкрутится. Вообще меня пугаютъ не преобразованія,

но орудія, лица, которыми они совершаются. Для вѣрнѣйшаго упроченія ихъ, Государь дозволилъ гласность, полемику, публицистику. Въ соединеніи съ нею, новые люди должны водворить новый порядокъ. Но кто же эти новые люди, въ какой средѣ они воспитались и выросли, въ какомъ кругѣ дѣятельности вращались и образовались, изъ какихъ чистыхъ источниковъ черпаютъ они свѣдѣнія? А гласность? А публицистика? Гласность и публицистика имѣютъ у насъ право говорить все, что̀ не вредно и не поперечитъ правителямъ. Ясное упоминовеніе оффиціальной цифры отчета приводитъ къ двумъ инстанціямъ цензуры, и всякое вѣдомство отстаиваетъ себя запрещеніемъ печатанія. А мы знаемъ, что̀ такое отчеты, мы знаемъ и то, какъ легко дать запрещеніе. По судебной части реформы проектируются г. Зарудныхъ. Прочтите его брошюры, которыя II-е Отдѣленіе и Госуд. Совѣтъ, въ увлеченіи нововведеніями, признаютъ за свою работу. По финансамъ—гг. Гагемейстеръ, Ламанскій, Вернадскій и Микшевичъ. Испытавъ неудачу во внѣшнемъ займѣ и въ 4% билетахъ, они 1 Сентября публикуютъ указъ о 5%, съ такими льготами и преимуществами, что хоть въ роть клади. Но, объявивъ это, объявивъ, что подписка на 4% дала только 13 м. р. (не говоря какихъ; все это негодныя деньги), министерство продолжаетъ эту подписку до 1860 г. на отмѣненные 4% непрерывные билеты и въ тоже время, обѣщая обмѣнъ ихъ на 5%, удостовѣряетъ, что количество этихъ послѣднихъ будетъ опредѣлено, ограничено. Мудрено имѣть довѣріе къ такимъ крайностямъ, и едва ли онѣ не предвѣщаютъ дальнѣйшее подражаніе Ф. Бруку: закладъ или продажу государственныхъ имуществъ, которымъ г. Микшевичъ посвятилъ обширную статью въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (Августъ, 1 и 2 кн.). Но что̀ это за статья? Испещренная цифрами, болѣе нежели гадательными, статья цѣнитъ наши домены въ 4,000 мил. р. и окончательно приходитъ къ выводамъ, что должно постепенно мѣнять казенныя земли на предполагаемыя къ выкупу для освобождаемыхъ крестьянъ, а остатками прибыли погасить весь или въ большей части долгъ процентный. Ну, согласно ли это съ дѣломъ? Насчитывая 4,000 м. безъ соображенія съ живою силою, которая даетъ землѣ цѣнность, и предлагая обмѣнъ съ помѣщиками, авторъ забываетъ одно (потому что ничтожная публицистика тутъ нѣма), что милліоны эти заключаются въ податяхъ, и что тамъ, гдѣ могъ бы быть обмѣнъ, у казенныхъ крестьянъ нѣтъ и 3 дес. надѣла. Но такъ или сякъ, эти 5% билеты и эти продажи страшны мнѣ тѣмъ, что ловкіе капиталисты и спекуляторы воспользуются монополіей своей силы и, перепродавъ потомъ съ высокой преміей, оставятъ всю операцію на нашихъ плечахъ, т. е. придавятъ зем-

ство и земледѣліе еще сильнѣе, а сами съ высокими преміями начнутъ новый родъ спекуляцій. Я боюсь эксплуатаціи Россіи.

*

24 Сентября, въ ¾ 12 пополудни, скончалась мать моя, на 68 году, въ Саратовѣ. Кладу крестъ и записываю это твердою рукою, но прекращаю на время мои труды. Тяжко, Господи, Твое посѣщеніе! Я остался въ неоплатномъ долгу, и послѣднія минуты святой старушки исполнены были ожиданіями, которыхъ я не могъ выполнить. Преклоняю колѣни и молюсь, Господи, за душу усопшей, за насъ ее оплакивающихъ и за себя, виновнаго предъ матерью,—виновнаго безъ помышленія.

3 Октября.

Мать моя, дочь Пензенскаго помѣщика Кожина, родилась въ 1793 году, въ селѣ Знаменскомъ, Ключищѣ тожъ, и, бывъ на воспитаніи у родственниковъ, Племянниковыхъ, въ Пензѣ, почти ребенкомъ, 13 лѣтъ, вышла замужъ за отца, только пріѣхавшаго изъ Петербурга. Она была несчастлива, и въ дѣтской моей памяти—сцена отъѣзда, когда, окруженная малолѣтними 4 сыновьями и дочерью, она истощила все терпѣніе и въ 1817 г. уѣхала со всѣми нами къ отцу своему въ Знаменское. Любившій ее страстно мужъ въ слѣдующемъ году скончался. Черезъ полтора года скончался и дѣдъ. Мать, 25-лѣтняя вдова, осталась въ деревнѣ, въ особомъ флигелѣ, и занималась нами. Она всему учила насъ и пріучала къ простой жизни и большому порядку. Старшіе братья переѣхали въ Пензу, сперва Константинъ, перешедшій съ И. И. Лажечниковымъ въ Казань, а потомъ и Леонидъ. Въ 1822 г. мы всѣ перебрались въ Пензу, и почтенный директоръ, во вниманіе къ службѣ отца, далъ намъ квартиру въ казенномъ домѣ, смежную съ своею. Мать была очень дружна съ женою Лажечникова. Не имѣя никакихъ средствъ (приданое прожито въ первые годы замужества), мать завела пансіонъ, и такъ продолжалось до 1828 года, когда я, по окончаніи гимназическаго курса, поступилъ въ Московскій университетъ.

Я живо помню эти годы, вижу мать съ ученицами, никогда не видывалъ ея утомленною, всегда доброю, всегда преданною семьѣ. Много было нужды и лишеній, но многое скрывалось. Она старалась держать насъ въ порядочномъ кругу и съ удовольствіемъ устраивала домашніе театры, на которые съѣзжалось въ нашу залу много любопытныхъ.

Въ 1824 г. я помню одинъ случай, который часто про себя повторяю. Люди дѣдовскіе, служившіе намъ, были отобраны; а няня,

Прасковья, женщина невоздержная, работала плохо. Разъ, въ Воскресенье, некому было подмести комнату, въ которой послѣ игръ и классовъ дѣтей прибрать всегда было что. Мать взяла вѣникъ и нагнувшись стала мести комнату, когда на половинѣ работы пріѣхала ея пріятельница Анна Ѳедоровна Купріянова. Не понимаю, почему я или братъ Леонидъ не избавили мать отъ этой работы. Я всегда попрекаю себя за это.

6 Октября.

Отъ сестры Евлампіи нѣтъ писемъ. Положеніе ея должно быть ужасно. 40 лѣтъ она на нѣсколько дней почти не разлучалась съ матерью; и мы, все семейство, обязаны сестрѣ успокоеніемъ нашей дорогой старушки.

Простота матери и ея скромность, доходившія до уничижительнаго самозабвенія, были слѣдствіемъ продолжительной зависимости ея отъ обстоятельствъ. Но чувства здраваго смысла и вкуса въ ней было много. По преданности ея Провидѣнію, по снисходительности къ свѣту и по любви къ дѣтямъ, это была библейская женщина. Нѣкоторыя письма ея—образецъ превосходныхъ наставленій. Въ отношеніи дѣтей (по крайней мѣрѣ, я это могу сказать про себя) она имѣла даръ провидѣнія. Я ей вѣрилъ вполнѣ и слушался безъ разсужденія.

9 Октября.

Писемъ все-таки нѣтъ отъ сестры. Зять и Мери пишутъ, но коротенько. Мнѣ бы хотѣлось знать подробности кончины. Послѣ смерти людей, близкихъ сердцу, я всегда чувствую какую-то вину за собою: или я сдѣлалъ недолжное, или должнаго не сдѣлалъ. Передъ матерью, въ дѣтствѣ, я виноватъ былъ много. По живости моего характера, я часто причинялъ ей неудовольствіе. Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее лѣтомъ 1857 г., когда, потерявъ Сашу, искалъ утѣшенія, доселѣ ненаходимаго. Я встрѣтилъ ее, какъ въ 1832, въ 40, 43, 47, 52 годахъ,—съ бьющимся сердцемъ любящаго сына. Но кто же могъ думать, что видимся въ послѣдній разъ? И какъ рѣшиться думать это и просить прощенія? Я знаю, что она меня простила и благословила, но мнѣ бы хотѣлось упасть къ ногамъ моей матери, жившей всю жизнь для семейства, любившей меня, какъ, я думаю, не любитъ и жена.

Въ 1832 г. она прокралась ночью къ дверямъ комнаты, посмотрѣть, сплю ли я. Точно также и въ 1857 г. подходила она ко мнѣ и прислушивалась, почиваетъ ли ея генералъ. А подходилъ ли этотъ кандидатъ и этотъ генералъ къ ея спальнѣ?

Молю Тебя, Боже, за упокой души ея. Благодарю Тебя, Боже, за дарованіе мнѣ такой матери. Прими мое моленіе. И ты, отстрадавшая праведница, дай мнѣ въ милости твоей успокоеніе и силу ободренія.

10 Октября.

А писемъ нѣтъ. У меня тяжела голова. Жена нездорова. Хорошо еще—дѣти веселы. Что бы сдѣлать пріятное для усопшей и облегчить тягость сердца?

Вотъ письмо отъ Евлампіи. Бѣдные! Они ѣдутъ ко мнѣ. Пріѣзжайте. Въ груди моей много любви. Я наслѣдовалъ часть материнскаго сердца. Пріѣзжайте. Миръ намъ.

*

Мы очень хвалимся нашими лѣсными богатствами; но едва ли мы такъ богаты этимъ даромъ, какъ обыкновенно думаютъ и какъ подтверждаютъ это гг. Гакстгаузенъ и Тенгоборскій. Въ кругломъ счетѣ лѣса составляютъ 27% нашей площади, доходъ въ среднихъ губерніяхъ до 11 и 9, спускаясь съ степныхъ и южныхъ до 1 к. и менѣе. Прибыль можно считать по $11^1/_2$ копѣекъ съ десятины (съ казенныхъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что мы не въ первый разъ посылаемъ изучать лѣсную часть за границей, и наше лѣсоводство, въ устройствѣ управленія и въ Институтѣ, носитъ печать Нѣмецкаго происхожденія; но, судя по даннымъ Гелдьта, едва-ли мы что нибудь можемъ оттуда заимствовать при нашихъ пространствахъ и малыхъ способахъ, и если нельзя согласиться съ Шелгуновымъ, который, примыкаясь къ воззрѣнію генерала Муравьева, рубитъ съ плеча заключеніемъ, что вся лѣсная наука есть еловая метафизика и Нѣмецкій лѣсничій—автоматъ, никуда кромѣ лѣса негодный: то и попытка, хотя отдаленная, по мнѣнію моему, должна ограничиться примѣненіемъ: 1) устройства лѣсной полиціи (разумѣется не въ смыслѣ пророковѣщаній Гунделагена-Клаупрехта); 2) введеніемъ лѣсооборота по отдѣльнымъ хозяйственнымъ участкамъ; 3) соединеніемъ охранной стражи съ рубкою отъ казны; 4) начинаніями устройства дорогъ и каналовъ и 5) установленіемъ культуры, призывая ее на помощь самовозобновленію.

Я грущу и скучаю и въ этомъ положеніи все вижу въ черномъ. Прекращеніе дѣлъ банкира Штиглица, частыя банкрутства, общій упадокъ фондовъ и курса и въ воздухѣ разлитые вертѣжъ и опасенія денежныя и крестьянскія, невольно настраиваютъ душу къ недовѣрію, всегда тягостному. Но особенно рождается это тягостное недовѣріе во мнѣ отъ постояннаго и неумолкающаго предубѣжденія ко мнѣ мини-

стра Муравьева. Сказавъ: «Совѣтъ—это вы», онъ прочелъ мнѣ такую рацею, всегда неравнодушную, о вмѣшательствѣ Совѣта въ дѣла администраціи, о замѣтной систематической оппозиціи неумѣстными инициативами (онъ разумѣлъ здѣсь предположеніе о необходимости лѣсной полиціи, имъ однако утвержденное), которыя Совѣтамъ принадлежать не могутъ и проч.

При совершенной зависимости моей, будучи не въ состояніи отказаться отъ всякой дѣятельности въ службѣ, оставить которую, взявшись за другія занятія черезъ 30 лѣтъ, нѣтъ возможности, я готовъ пойти на угодливость, на слѣпую, страдательную исполнительность, но пробовалъ, и не удалось; послѣдствія вышли противныя, не нравятся ни труды и дѣйствія мои, ни самъ я.

Я считалъ мать мою, въ искреннихъ молитвахъ ея, ангеломъ-хранителемъ и боюсь, чтобы съ кончиною ея Богъ не послалъ мнѣ испытанія и лишенія, невыносимыя для человѣка, обязаннаго семействомъ. Я люблю испытанія и лишенія, прежде я отъ нихъ росъ и развивался; теперь они меня гнетутъ. Но дѣлать нечего. Буду надѣяться на Божью правду и уступать насилію, хотя съ униженіемъ, но безъ уничтоженія.

Когда уединяешься въ себя и обозрѣваешь этотъ волнующійся міръ, въ которомъ нѣтъ уголка, гдѣ бы не кипѣли страсти, гдѣ бы опасенія не отравляли радости и удовольствій и гдѣ бы не было спора, распри, болѣзни, гибели и смерти—сердце сжимается, и умъ отказывается отъ своей силы и своего достоинства, ожидая внезапнаго чуда, возникновенія доселѣ невиданнаго и несостоятельности всего, доселѣ господствовавшаго.

Дѣло въ томъ, что историческое развитіе жизни, владѣвшее естественными ея требованіями, оканчивается и уступаетъ мѣсто раціональному, выработавшемуся опытами вѣковъ и усиліями возмужалой въ этихъ опытахъ науки.

Дѣло въ томъ, что основаніе общества, недвижимая собственность, утратило прежнюю исключительность и значеніе съ распространеніемъ движимыхъ, летучихъ и невещественныхъ цѣнностей, которыя обняли, схватили и преобразили эту собственность, такъ что неподвижность ея улетучилась и носится изъ края въ край, изъ рукъ въ руки по биржамъ и конторамъ.

Дѣло въ томъ, что общественный контрактъ народа устраняется непомѣрнымъ, притязательнымъ развитіемъ личности, и начало порядка,

на которомъ власть соединяла право и обязанность, даетъ мѣсто сознательной свободѣ, при которой общественное мнѣніе, гласность, убѣжденіе рѣшаются водворить благосостояніе всѣхъ и каждаго на основаніи нравственнаго, не менѣе обязательнаго, закона солидарности и экономическаго, вездѣ дѣйствительнаго, начала запроса и предложенія.

Дѣло въ томъ, что Европейское человѣчество находится въ ложномъ положеніи, и отъ безцѣнной короны всемощнаго императора до ничтожной котомки нищаго, всѣ чувствуютъ какую-то тягость, принужденіе, давленіе, и всѣ мало-по-малу уступаютъ, входятъ въ сдѣлки, приготовляются къ перемѣнѣ, а подъ ними и надъ ними народы мятутся, притязательность изощряется, напоръ и стремленіе усиливаются.

Великіе учители, не находя что сказать, объясняли вѣрою: L'homme s'agite, Dieu mène. Богъ нашего времени есть случай, счастіе, удача; а волнуется не человѣкъ, а толпа, и ведутъ толпу къ этому случаю другіе учители, для которыхъ волненіе есть не грѣшное посягательство, а жизнь, долгъ, необходимость. Agito, ergo sum. Бѣдность, матеріализмъ, безвѣріе нуждаются въ новомъ откровеніи.

Много говорятъ о статьѣ «Русской Бесѣды» Павла Якушкина [1]), три раза арестованнаго Псковскою полиціей по подозрѣнію, возбужденному крестьянскою одеждою, надѣтою Славянофиломъ по убѣжденію своего ученія и для удобнѣйшаго собиранія народныхъ пѣсень. Статья эта перепечатана въ «Моск. Вѣд.», въ «Русск. Газетѣ» и (съ Европейскимъ присловіемъ) въ «Русск. Вѣстникѣ» [2]). Изъ Петербургскихъ она напечатана только въ «Сынѣ Отечества»; въ редакціи другихъ министръ внутреннихъ дѣлъ послалъ, черезъ полицію, запрещеніе.

Жаль, что публицистъ далъ своей статьѣ колоритъ Славянофильской школы; это много вредитъ впечатлѣнію и оправдываетъ Псковскихъ деспотовъ, вѣроятно, и не подозрѣвающихъ существованія этой секты. Жаль также, что Славянофилъ не объяснилъ цѣли и обстоятельствъ своей миссіи, даже содержанія письма редакторовъ «Русской Бесѣды», которое онъ совалъ полицейскимъ въ оправданіе своихъ дѣйствій. Въ Петербургѣ, я это знаю и читалъ въ запискѣ Мих. Ал. Безобразова, а, вѣроятно, и въ Москвѣ, дворянская (крѣпостная) партія

---

[1]) Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, помощникъ П. В. Киреевскаго въ собираніи народныхъ пѣсенъ (лѣвый сынъ Орловскаго помѣщика) потерпѣлъ ссылку и скончался 8 Января 1872 года. П. Б.

[2]) Эти предисловія въ обоихъ журналахъ замѣчательны. „Русская Бесѣда“, обращаясь къ лицу Вал. Муравьева, надѣется, что онъ наставитъ *„своихъ* чиновниковъ“. Это „своихъ“ такъ и пахнетъ татарщиной. „Вѣстникъ“ толкуетъ о подозрѣніи.

считаетъ его эмиссаромъ народной (едва-ли не республиканской) пропаганды (?).

Это уже не первое дѣло г. Якушкина съ полиціей. И въ Москвѣ онъ, за куреніе игары на улицѣ[1]), былъ взятъ въ сибирку или арестантскую при полиціи, и Славянофилы очень роптали на гр. Серг. Григ. Строганова, когда онъ выпущеннаго и пришедшаго къ нему съ жалобой Якушкина спросилъ: «вы выпущены, такъ за чѣмъ же вы ко мнѣ пришли?» Арестъ въ Псковѣ, вѣроятно, разсказанъ не такъ. Надобно ожидать дополненій и объясненій отъ обвиняемыхъ. Болѣе нежели кто другой я знаю невѣжество, произволъ и заносчивость полиціи, особенно въ отношеніи простолюдиновъ, какимъ могъ представиться губернскій секретарь въ армякѣ и поддёвкѣ. Но костюмъ, загадочныя занятія и опасливое настоящее время могли дать основательный поводъ квартальному и частному къ аресту. Какъ не дали себѣ отчета полиціймейстеръ Гемпель (бывшій гвардеецъ и подполковникъ) и особенно управляющій губерніею [2]), понять трудно, не выслушавъ ихъ. Но для меня еще труднѣе понять, какъ правительство, читая и печатая такія статьи о своихъ чиновникахъ, не устранитъ ихъ отъ должностей, и, повидимому, одобряя оглашеніе противозаконій, какъ бы отказывается отъ прямой своей обязанности удовлетворять жалобамъ взысканіемъ съ виновныхъ, и отдаетъ своихъ агентовъ на судъ публики. Это не въ порядкѣ вещей. Гласность и публика суть послѣдняя инстанція суда, и правительство поступаетъ очень непослѣдовательно, выдавая своихъ исполнителей, т.-е. себя самого, не исправивъ причинъ порицанія, не удостовѣрясь въ виновности, даже не убѣдясь въ дѣйствительности ихъ. Еще въ 1790 году, и кто же?—Assemblée Constituante, постановило: les juges (а газетная почти повсемѣстная гласность еще важнѣе этихъ судей) ne peuvent, à peine de forfaiture, troubler, de quelque manière que ce soit, les opérations des corps administratifs, ni citer devant eux les administrateurs pour raison de leurs fonctions.

Но для меня важенъ случай съ Якушкинымъ не столько въ отношеніи обиды чиновниковъ, которые, вѣроятно, будутъ жаловаться и искать безчестія съ опубликованіемъ, ни въ отношеніи гласности, захватывающей (правда, безъ именъ) и по выше, сколько въ отношеніи стремленія гласности, партій и Славянофиловъ низвести дѣло—пѣсни, армякъ, бесѣды съ ворами, пьяницами, 3 классные вагоны, учтивость съ ундерами (вотъ гдѣ Русскій типъ сохранился) и проч. въ толпу. Хорошаго тутъ ничего нѣтъ, и фанатизмъ не оправдываетъ послѣдствій,

[1]) При Николаѣ Павловичѣ старику-доктору Гильдебрандту разрѣшено было, въ видѣ милости, куренье на улицѣ. П. Б.

[2]) Валерьянъ Николаевичъ Муравьевъ. П. Б.

тѣмъ болѣе, что фанатизму этому не вѣрять, и мелочное самолюбіе не должно забывать интересы общіе.

Должно замѣтить, что Якушкинъ родственникъ министра Муравьева и также въ родствѣ съ Псковскимъ губернаторомъ Муравьевымъ. Игра его зашла немножко далеко, и только враги правительства могутъ не видѣть въ этомъ случаѣ дѣло нарушенія общественной безопасности. Можно быть очень недовольну настоящимъ порядкомъ вещей (по моему, онъ отвратителенъ) но не честно искать его улучшеній въ «струяхъ народности», отъ которыхъ сама «Бесѣда» удалилась въ чистый потокъ общей цивилизаціи, Европейской науки, дѣлающей страницы ея интересными для всякаго просвѣщеннаго человѣка.

Дѣла запутываются все болѣе и болѣе, и финансы, и крѣпостной вопросъ, и печатаніе. Министръ Княжевичъ, послѣ неудачной попытки во внутреннемъ и внѣшнемъ займѣ, нынѣ еще болѣе затрудняемомъ отъ прекращенія дѣлъ барона Штиглица, и такой же неудачи въ продажѣ государственныхъ имуществъ, пикѣмъ изъ министровъ не принимаемой, потребовалъ учрежденія особаго комитета для обсужденія финансоваго плана. Вѣрно не въ мочь, и послѣдованіе фрейгеру Бруку, такъ прославленному въ статьяхъ гг. Гагемейстера и Ламанскаго, привело къ Австрійскимъ послѣдствіямъ. Генералъ Ростовцовъ боленъ и не будетъ присутствовать въ Главномъ Комитетѣ, гдѣ назначены дѣла, направленныя противъ его комиссій; адресъ депутатовъ требуетъ, по пересмотрѣ ими предварительныхъ трудовъ комиссій (весьма не въ полномъ видѣ и въ сжатыхъ предѣлахъ, по инструкціи Буткова) пересмотра и окончательныхъ ихъ работъ (письмо или проекты Унковскаго, Дубровина, Дм. Хрущова и др. и записка М. Безобразова, предлагающая созваніе выборныхъ и преобразованіе управленія). А между тѣмъ печатаніе книгопродавцемъ Лоскутовымъ матеріаловъ и трудовъ комиссій пріостановлено (оно предполагалось въ 20 т. экземпляровъ) и, вѣроятно, совсѣмъ отмѣнится. Раздраженіе дворянства, т.-е. вызванныхъ членовъ, чрезвычайно, и въ тонѣ ихъ замѣчаній, представленныхъ Ростовцову, слышны ропотъ, порицаніе и открытая готовность на оппозицію.

Министръ Ковалевскій не знаетъ, на какую стать ногу. Анархія цензуры грозитъ разрѣшиться противодѣйствіемъ и хотя литература, по расчетамъ притворнаго страха, кричитъ о стѣсненіяхъ, но притворство это едва ли не предчувствіе, и должно замѣтить, что нѣкоторыя и многія статьи компрометируютъ выказанную терпимость правительства. Это жаль.

Въ Харьковѣ, по глупой мести попечителя студентамъ, по исторіи Салтыкова, предупрежденный *** разсердился и раскричался въ университетѣ. Въ Кіевѣ Государь, бывшій вездѣ, въ университетѣ не былъ. По пріѣздѣ онъ далъ почувствовать министру, что молодежь разнуздывается.

Въ литературѣ свирѣпствуетъ полемика акціонерная, въ которой гласность, доходящая до площадного ругательства, наглость обвиненій могутъ оправдаться развѣ только цинизмомъ молчанія и откровенностью ошибокъ, почти равносильною сознанію. То, что̀ пишутъ Погодинъ въ «Русской Газетѣ», Воскобойниковъ въ «Русск. Вѣстникѣ», Трубниковъ въ «Журналѣ Акціонеровъ» и особенно Серно-Соловьевичъ и Стасовъ въ «С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ», во всякомъ порядочномъ государствѣ и порядочномъ обществѣ вызвало бы или изслѣдованіе или дуэль; у насъ это принимается за попытки гласности и выражаетъ еще не крайнюю степень терпимости. Давай Богъ! Грубость сотрется, недобросовѣстность призадумается, туманъ прояснится, и грязь посмоется. Лишь бы это не послужило школою и приготовленіемъ для народныхъ трибуновъ, которые всегда являются въ годы нужды и злоупотребленія сильныхъ капиталами.

*

Въ грустныя минуты мои я читалъ Шиллера, о которомъ теперь такъ много пишутъ. На дняхъ празднуется столѣтіе—29 Октября (10 Ноября) 1759 г. Я написалъ небольшую статью и послалъ ее Гречу для напечатанія въ Сѣв. Пчелѣ въ день Нѣмецкаго праздника, который и у насъ находитъ большое сочувствіе. Я люблю этого поэта и признаю его великое значеніе въ воспитаніи Германскихъ народовъ и чрезъ нихъ всего образованнаго міра. Особенно сильно дѣйствовало на насъ его либеральное направленіе, сливающееся съ идеальнымъ. Въ обоихъ отражается Антей—земной человѣкъ со всѣми современными увлеченіями и идеалами. Идеальность есть основа его таланта. Она возбуждалась дѣйствительностію и облекалась въ живые образы изученіемъ прошедшаго. Я стараюсь выразить эти три элемента его твореній и объяснить ихъ успѣхъ Кантовскимъ ученіемъ объ изящномъ: достиженіемъ цѣли безъ цѣли, т. е. чистотою, непроизвольностію, безкорыстіемъ стремленія. (Сѣвер. Пчела 1859 г. № 236).

*

Дѣло крѣпостное все болѣе и болѣе разыгрывается. Cela chauffe. Если оппозиція дошла до дерзости возражаній депутатовъ и записокъ въ родѣ Мих. Безобразова, то значитъ она сильна или сильно прижата, и строгости правительства приведутъ только къ новымъ выход-

камъ. Безобразова, говорятъ, положено исключить изъ службы, какъ неблагонадежнаго, и выслать, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы. Записка дѣйствительно дерзка. Она говоритъ, разумѣя Ростовцова, что въ объявленіи высочайшихъ повелѣній министры объявляютъ свою волю и имѣютъ такія повелѣнія, на всякій случай, въ запасѣ. Такъ 12 Сентября объявлено благоволеніе депутату Лапскому, а 11-го Государь уже выѣхалъ изъ Петербурга. Затѣмъ онъ предлагаетъ созвать выборныхъ изъ дворянъ и поручить имъ крестьянское дѣло. Записка не имѣетъ никакого значенія и, безъ желанія сдѣлать строгостію манифестацію, достаточно бы было оставить ее безъ вниманія. Кромѣ желанія манифестаціи здѣсь дѣйствовало и нерасположеніе къ Безобразовымъ. Отца, сыновей и даже дочерей вообще не любятъ, и Государь особенно.

Министерство Финансовъ все возится съ своими 5% билетами и вынуждено то пояснить, другое истолковать публикаціями въ газетахъ: такъ еще мало привыкли мы къ этимъ операціямъ и такъ туго идетъ подписка на билеты. А между тѣмъ курсъ не возвышается, всѣ обороты, особенно желѣзныхъ дорогъ, съ истощеніемъ заграничныхъ бумагъ, терпятъ убытки, внутри все дорожаетъ, всѣ въ стѣсненіи, золота, серебра и даже мѣди совсѣмъ нѣтъ, и многіе думаютъ удалиться въ чужіе края, чтобы ожидать окончательнаго устройства дѣлъ. Государь, возвратясь изъ Варшавы, очень скученъ, и въ Гатчинѣ спектакли и пикники развлекали его, а на дняхъ онъ ѣдетъ въ Псковъ на балъ, а потомъ назначены охоты въ Лисинѣ и Финляндіи. Поэтому въ піесѣ «Нарцисъ» (пропущенной III Отдѣленіемъ) публика очень аплодируетъ возгласу: «Что за времена! Золота нѣтъ, серебра нѣтъ, нѣтъ даже мѣди....» и заставляетъ повторять актера. Піеса, вѣроятно, будетъ запрещена.

*

По случаю измѣненія нѣкоторыхъ постановленій Остзейскаго торговаго устава возникли разныя, для 1860 г. довольно средневѣковыя, и между прочимъ объ обязательной въ Ригѣ браковкѣ льна и пеньки. Законъ (т. XI ст. 2345 примѣч. 1 и 2) предоставляетъ министру, по примѣру Петербурга 1844—1860 г., отмѣнить браковку и въ другихъ портахъ, если купечество будетъ просить о томъ. Рижская комиссія (подъ предсѣдательствомъ Валуева), основываясь на ходатайствѣ купечества Рижскаго и иностраннаго, проситъ удержать эту браковку; Петербургскій комитетъ и министръ финансовъ полагаютъ отмѣнить, оставя на волю покупщика и продавца.

Я недостаточно изучилъ этотъ предметъ, но склоняюсь болѣе въ пользу отмѣны, собственно въ видахъ развитія льняного производства. Хотя при нашихъ земельныхъ богатствахъ и при истощительномъ сборѣ пеньки и льна, выдергиваемыхъ съ корнемъ, мы не должны опасаться иностраннаго соперничества ни Америки, ни Египта, но по самому пространству посѣва и образованности производителей наше хозяйство еще не достигло сортовой, правильной обработки, и въ настоящее время, кажется, нужно не столько улучшеніе, сколько увеличеніе производства. Ленъ нашъ дуренъ и братъ, беретъ всегда не качествомъ, а количествомъ, и въ главномъ потребителѣ его, Англіи, цѣны его сравнительно очень низки. Тонна льна стоила: Куртрейскаго 117 Ф. стерл., а Рижскаго только 43, тогда какъ Голландскій 79 и даже Ирландскій 70 1/3 Ф. стерл. Стремленіе къ улучшенію уменьшитъ количество и, можетъ быть, не вознаградя трудъ и затраты, все-таки не достигнетъ цѣнъ даже Ирландскихъ.

Временная мѣра 1844 г. въ Петербургѣ требуетъ всесторонняго изученія, и оканчивающійся обой срокъ въ 1860 г. представляетъ тому поводъ. Купечество наше не пользуется репутаціей добросовѣстности, и бракъ могъ бы служить огражденіемъ; но въ такомъ случаѣ надобно бы браковать всѣ товары. Показанія статистиковъ о количествѣ льна едва ли могутъ послужить точнымъ основаніемъ, ибо бракъ играетъ при этомъ второстепенную роль. Принято, что главный рынокъ для льна—Рига, для пеньки—Петербургъ, а для пакли—Архангельскъ.

По Тенгоборскому, Заблоцкому, Небольсину и Тернеру:

Ленъ—съ 1822 по 1850 г. увеличился отпускомъ отъ 100 до 242% (средн. въ годъ 3,100 тыс. пуд.); съ 1846 по 1850 г., вывезено его 20,700,000 пуд. (въ годъ 4,150 тыс. на 8 милл. руб.), съ 1842 по 1850 г., отпускъ льна изъ Петербурга почти удвоился и съ 1/5 Рижскаго отпуска перешелъ на 1/3 (по выводамъ Тернера), и въ самомъ Архангельскѣ отпускъ его достигъ до 1/10 всего отпуска Россіи. По изслѣдованіямъ Заблоцкаго отпускъ льна съ 1824 по 1848 г. возросъ вообще на 49% и собственно въ періодъ времени съ 1839 по 1843 г. на 23%, но съ 1844 по 1848 г. возрастаніе это остановилось.

Пенька, по Тенгоборскому, напротивъ уменьшилась отпускомъ на 4%; съ 1846 по 1850 г. вывезено пеньки 14,107 тыс. (въ годъ 2 1/2 милл., на 6 милліон. руб.); по Тернеру вывозъ пеньки съ 1842 г. увеличивается, и въ 1850—1852 г. вывозъ изъ Риги (951 тыс.) составляетъ половину отпуска изъ Петербурга. По Заблоцкому отпускъ пеньки, уменьшившійся на 10% съ 1829—1833 г., поднялся къ 1838 г.

на 22% и затѣмъ опять уменьшился къ 1843 г. на 5%, и къ 1848 еще на 5%. Чему же вѣрить *)?

Пакля до 1830 г. составляла 5% всего волокнистаго отпуска, а съ 1847 г. уже 14.

Сѣмя—съ 1827—34 г. было въ отпускѣ среднимъ количествомъ 3,600,000, а съ 1849—1853 составляетъ—3,800,000.

*

Ноябрь. Мы все возимся со студентами и цензурой. Студенты Казанскіе, надѣлавшіе шуму аплодированіями проф. Буличу, были (сидѣвшіе на задней скамьѣ аудиторіи) выпровождаемы съ жандармами, и нѣкоторые изъ нихъ, пріѣхавъ сюда, прибитыми къ стѣнѣ, въ студенческой комнатѣ, объявленіями пригласили Петербургскихъ, и одинъ ораторъ съ каѳедры разсказалъ, какъ было дѣло и просилъ объ участіи къ несчастнымъ собратамъ. Участіе обѣщано. Богатые молодые люди (сыновья откупщиковъ) вызвались, если нужно, помочь деньгами, постоянными назначеніями. Собраніе было не шумно, но собраніе это, по выставленнымъ объявленіямъ, очень озабочиваетъ попечителя и министерство. Но они еще болѣе боялись вступительной лекціи исп. дол. экстр.-профессора Русской исторіи Костомарова, бывшей сегодня. Уже выборъ и утвержденіе Саратовскаго изгнанника были торжествомъ университета. Надобно было его отпраздновать и выразить сочувствіе политическому ученому, который, между тѣмъ, издалъ Богдана Хмѣльницкаго и бунтъ Стеньки Разина. Министръ и попечитель приняли мѣры; они пригласили и уговаривали вліятельныхъ студентовъ, откладывали лекцію, позвали на нее графа Сергѣя Строганова и многихъ изъ публики и дамъ. Костомаровъ, не отличающійся ни наружностью, ни дикціей, нашелъ въ аудиторіи болѣе 2 т. слушателей и читалъ о необходимости излагать исторію не государства, но, какъ думалъ Полевой, исторію народа. Энтузіазмъ перешелъ границы. Аплодисменты, шумъ, крикъ, стукъ покрыли все; о порядкѣ нечего было и думать. Когда профессоръ сошелъ съ каѳедры, его подняли на рукахъ и понесли по коридору съ криками ура и vivat.

При такихъ податливыхъ начальникахъ я не удивляюсь разнузданности молодежи, но удивляюсь, почему правительство какъ бы навязывается на эти исторіи и добровольно даетъ имъ поводы.

Надобно ожидать новыхъ исторій изъ Казани, куда поѣхалъ попечителемъ князь Вяземскій. По положенію настоящихъ попечителей, ко-

*) Отпускъ пеньки изъ Петербурга въ 1859 г. составитъ (1, 2 и 3 руки) 1,831,597 пудовъ.

торые не соединяютъ въ себѣ ни авторитета званія, ни личныхъ достоинствъ, исторіи эти возможны въ Москвѣ, Харьковѣ и Петербургѣ.

Иначе разыгралась цензура. Она давно озабочивала Государя, а отсталую, но сильную, партію Орловыхъ-Паниныхъ раздражала и поставляла въ самое ложное положеніе. Свобода началась съ изданія 2-й части «Мертвыхъ душъ». Обличительная литература вплась вампиромъ въ мѣста и власти. Журналистика хлестала высшія сословія и восхваляла Англійскія начала. Торжественнымъ выраженіемъ были 2 №№ Паруса Аксакова, статьи гг. Громеки (въ «Русск. Вѣсти.») и Погодина (въ «Москов. Газетѣ»), готоваго играть роль демагога, статьи Бабста, начавшаго свое поприще знаменитою Казанскою рѣчью 1855 года и Чернышевскаго, открытаго соціалиста.

Статья Погодина о поѣздкѣ въ Лавру, жалоба Филарета, статья Стасова о Главномъ Обществѣ желѣзныхъ дорогъ, жалоба управленія полуфранцузскаго, и статья Бабста объ изслѣдованіи торговли, жалоба сенатора С - ва (человѣка ничтожнаго, слабоумнаго, разсѣяннаго и пройдохи): вотъ, говорятъ, причины, которыя заставили Государя, по безуспѣшности комитета Муханова, графа Адлерберга и Тимашева, устроить особое, независимое управленіе цензуры, поручивъ его, кажется въ составѣ V Отдѣленія канцеляріи, искателю мѣстъ и денегъ, барону Модесту Корфу.

Посмотримъ, что̀ они сдѣлаютъ. Эти колебанія близки къ отмѣнѣ, какъ это было въ 1842 г. въ Пруссіи, когда я говорилъ о цензурѣ съ извѣстнымъ Гитцигомъ, занимавшимъ тогда мѣсто президента цензурнаго суда. Баронъ Корфъ не организаторъ и безъ всякихъ твердыхъ основныхъ началъ въ убѣжденіи. Онъ обставитъ себя штатами и окладами и постарается сложить отвѣтственность въ строгости и ошибкахъ на мѣстные комитеты, предоставивъ себѣ блескъ и заслугу либерализма въ разрѣшеніяхъ, въ видѣ изъятія нѣкоторыхъ частностей съ модификаціями и аккомодаціями въ типи канцелярской. Учрежденіе комитета цензуры подъ предсѣдательствомъ покойнаго Д. П. Бутурлина вызвало отставку гр. Уварова въ 1849 г. Теперешнее преобразованіе ловкій баронъ направитъ къ соединенію съ просвѣщеніемъ, если шалости студентовъ помогутъ ему устранить Ковалевскаго*).

Я попытаюсь написать барону Корфу о принятіи цензурныхъ мѣръ, подобныхъ 1842 года въ Пруссіи, которымъ, по знакомству моему съ президентомъ Гитцигомъ, я былъ свидѣтелемъ.

Ничего не вышло. Исторія покупки дома Шишмарева (на золото) низвергла новаго министра 12 Декабря.

*

*) Намъ положительно извѣстно, что баронъ М. А. Корфъ приглашалъ С. А. Соболевскаго на должность предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета. П. Б.

Тѣ, которые ревнуютъ о преуспѣяніи нашей образованности съ назиданіемъ, должны были слушать краткій отчетъ о 50-лѣтнихъ работахъ Института Путей Сообщенія, по случаю его юбилея. Хотя отчетъ, какъ всѣ отчеты, самохваленъ и не скупъ на цифры, но изъ него видны ничтожные успѣхи наши на этомъ поприщѣ, самомъ нужномъ, насущномъ для Россіи и пользовавшемся особымъ покровительствомъ государей, подъ начальствомъ то царскихъ родственниковъ, принцевъ Ольденбургскаго и Виртембергскаго, то спеціалистовъ, Французскихъ политехниковъ, Деволанта, Бетанкура и Базена, то царскихъ любимцевъ, графовъ Толя и Клейнмихеля. Замѣчательно, что въ отчетѣ, писанномъ подъ вліяніемъ Чевкина, вся слава улучшеній относится къ послѣднему десятилѣтію, т.-е. ко времени Клейнмихеля, для осмѣянія и порицанія котораго журналистика истощила всѣ намеки...

Прислушайтесь къ отчету. Съ 1809 по 1859 г. Институтъ выпустилъ 1558 человѣкъ, въ инженеры—поручиками 934, подпоручиками 112, прапорщиками 148; въ строительный отрядъ—248; въ другія вѣдомства 86. Это составляетъ по 310 чел. въ годъ. Кажется, достаточно, и есть кому работать. На лицо, въ 1859 году состоитъ 306 человѣкъ (считая въ томъ числѣ переведенныхъ изъ другихъ вѣдомствъ). Т. е. на 50 лѣтъ по 16 человѣкъ на годъ. Прочіе другіе вышли. Корпусъ вербуетъ въ другихъ вѣдомствахъ. Жалкое положеніе! Но отчего это? Оттого же, отчего у насъ нѣтъ ни землемѣровъ, ни лѣсничихъ; оттого, что выпущено изъ 1558 человѣкъ $^2/_3$ поручиковъ, тогда какъ $^2/_3$ слѣдовало, по свойству работъ, выпустить топографовъ или кондукторовъ; оттого, что изъ 306 наличныхъ 29 генераловъ и 237 штабъ-офицеровъ, тогда какъ для команды и начальства надъ работами достаточенъ и почтенный рангъ капитана. Но отчего это? Оттого, что двери Института отворены только для дворянъ, а дворянинъ въ кондукторы не пойдетъ и, идя въ офицеры, норовитъ зашибить лишнюю тысячу; воровство, взяточничество, проявляющіяся уже на школьныхъ скамьяхъ, составляютъ отличительную репутацію нашихъ инженеровъ. Но что же сдѣлали эти 1558 человѣкъ (стоимости содержанія за 50 лѣтъ не показано) въ 50 лѣтъ? 6820 верстъ шоссе, шлюзы въ Шлюссельбургѣ и Новой Ладогѣ, Верхнесвіяжскій бейшлотъ, Королевскій, Онежскій, Бѣлозерскій и Саймицскій каналы, прочные и висячіе мосты въ Нарвѣ, Новѣгородѣ, Бронницахъ, Островѣ, желѣзную дорогу въ Москву, мостъ черезъ Неву, шпицъ въ крѣпости и проч., и проч. Да,—но вы шутите что ли, исчисляя эти работы и забывая, что вы говорите о 50 годахъ и обширнѣйшей въ мірѣ Имперіи, во всемъ бѣдной, но особенно бѣдной путями сообщенія? Мно-

го ли вы сдѣлали для этого, построивъ, въ видѣ образчиковъ, десятокъ мостовъ и настлавъ 6 т. верстъ *) плохого шоссе? Проѣзду нѣтъ между главнѣйшими городами. Вы не попытались придумать національные, мѣстные способы, вы и не подумали о нашихъ путяхъ съ Ноября по Апрѣль и въ Русской земляной землѣ хвалитесь чѣмъ? Земляными работами, которыми хвалятся бездомные нищіе въ Бѣлоруссіи. Хвалитесь вашими библіотеками и музеями, прибавляя, что имъ составляются каталоги. Еще составляются!

Повторяю, и Европѣ, и намъ особенно нужно понизить діапазонъ. Вездѣ самолюбіе и своекорыстіе берутъ верхъ надъ общимъ дѣломъ.

*

Ростовцовъ боленъ, крѣпостное дѣло думаютъ затереть, и общее мнѣніе дворянской партіи назначаетъ въ составители и редакторы гр. Панина. Этотъ переходъ дѣла къ другой крайности можетъ быть полезенъ для ослабленія односторонняго его направленія; но гр. Панинъ дѣла не кончитъ. Гороскопъ его—тянуть все на справку, отлагать, выжидать, медлить. Дѣло, по крайней мѣрѣ, въ началахъ его, требуетъ разрѣшенія твердаго, яснаго постановленія, выхода изъ крѣпостного состоянія крестьянъ и безвыходнаго состоянія правительства. Я думаю, оно не минуетъ генерала Муравьева.

Съ переходомъ цензуры къ бар. Корфу, человѣку весьма гибкому, партія надѣется утвердиться и обузданіемъ печатанія. Не знаю, какъ смотритъ бар. Корфъ на печатаніе, и обнимаетъ ли онъ все могущество и достоинство этой четвертой государственной власти; но, служа видамъ котеріи, новый quasi-министръ приготовитъ смуты и образованіе дѣйствительныхъ партій, изъ которыхъ родятся броженіе, борьба, война, и за ними торжества и пораженія. Литература, журналистика сознали свое значеніе. Я писалъ бар. Корфу, предлагая освободить отъ цензуры извѣстныя сочиненія, извѣстныя корпораціи и извѣстныхъ лицъ и, напротивъ, усилить цензуру для статей и статеекъ, съ ожесточеніемъ осмѣивающихъ агентовъ правительства: ибо дѣйствія ихъ подлежатъ контролю инстанцій, а не печатанію, которое есть послѣдняя инстанція суда, и чиновники, не имѣющіе никакихъ огражденій въ служебномъ уставѣ, сдѣлаются отъ этихъ публичныхъ осмѣяній безстыдными до цинизма. Баронъ Корфъ отвѣчалъ мнѣ, благодаря за сообщеніе. И только.

Сегодня графъ Орловъ-Давыдовъ пригласилъ насъ, для выслушанія его новой (третьей послѣ Reflexions préalables и Lettre d'un député)

*) Во Франціи 36,150 километровъ и 8 т. километровъ желѣзныхъ дорогъ.

записки, подъ названіемъ «Голосъ изъ Россіи и Голоса въ Россіи». Эта первая половина: критика «Голосовъ» Герцена и неприличія сообщеній, ему дѣлаемыхъ, чиновниками, вопреки присягѣ и долгу. Вторая часть, голоса въ нашей литературѣ, въ разговорахъ, въ комитетахъ и на дворянскихъ выборахъ, есть немножко прикрытая, довольно прозрачная апологія дворянства; особеннаго тутъ ничего нѣтъ, много общихъ, иногда благородныхъ фразъ, много Англійскаго. Возражать ему было легко. Что такое у насъ дворянство? Я возражалъ мало. Сочинитель самъ не далъ себѣ отчета, что онъ пишетъ и чего онъ хочетъ. Записка назначается для Государя.

Я все-таки (старъ становлюсь) того мнѣнія, что мы въ открытіи свободныхъ путей идемъ скорѣе и далѣе должнаго. Мнѣ все кажется, что и тарифъ нашъ, и цензура наша понижены не сообразно нашему положенію, что ввозъ иностранныхъ произведеній и привозъ ихъ съ огромнымъ числомъ путешественниковъ (очень благодарныхъ за снисхожденіе Мин. Фин.) переполнили наши рынки и подкосили мѣстныхъ производителей, и что сбитое съ толку журнальными оглашеніями, общественное мнѣніе не знаетъ кого бранить, кромѣ правительства; а оно (ему должно отдать эту справедливость), прислушиваясь къ этимъ требованіямъ, составляетъ проекты за проектами, съ новымъ упятереннымъ составомъ управленія, жалуясь однако, что людей нѣтъ и, при разсмотрѣніи бюджета, останавливаясь на одномъ и томъ же, на сокращеніи настоящаго состава управленія. Точно также и въ предоставленіи разныхъ льготъ лицамъ и сословіямъ, такъ восхитившемъ насъ въ милостивомъ манифестѣ 26 Августа, имѣемъ ли мы мѣру вещи и времени? «Отмѣнить, простить, даровать», все это прекрасно и дѣлаетъ честь благороднымъ сердцамъ; но на чей счетъ эти милости? Я опасаюсь, чтобы онѣ не были на счетъ народа и на счетъ будущаго. Милости на счетъ другого дѣлать легко. Я пришелъ къ этому ропоту, слушая жалобы одного Московскаго купца на застой торговли и читая до дерзости смѣлые разборы нашихъ акціонерныхъ обществъ, бумаги которыхъ всѣхъ, всѣхъ упали, оставляя участниковъ не только безъ дивидендовъ, но и безъ надежды. Тогда какъ «Сельскій Хозяинъ» послѣ перебранокъ приступилъ къ изворотамъ скупа и перекупа, другія совершенно замолкли, а Главное Общество Желѣзныхъ Дорогъ грозитъ даже судомъ, и мой пріятель баронъ Торнау (по торговлѣ съ Персіей) на статью 20 Ноября (С.-Пб. Вѣд.) подалъ жалобу.

Молодое общество бьется и съ образованіемъ каждаго члена организма, какъ ребенокъ, то кашляетъ, то чувствуетъ ознобъ и жаръ,

то боль въ головѣ и желудкѣ. Приведенъ я къ этому ропоту и Еврейскими дѣлами. Этотъ мелочной товаръ тоже понизился въ таксѣ и готовъ наполнить наши лавки.

Я разсматриваю теперь предположенія о поселеніи ссыльныхъ Евреевъ въ Сибири. Бѣдное это племя въ совершенномъ угнетеніи, и это угнетеніе сопровождаетъ его за Якутскомъ и за Байкаломъ. Ихъ селятъ внѣ городовъ, однихъ, отбирая дѣтей 16 лѣтъ въ кантонисты, и удивляются, что эти истощенные старики не устраиваются, не пашутъ, не обзаводятся домомъ, какъ будто мало для нихъ сдѣлали: перегнали въ необитаемый край и отняли дѣтей (единственныхъ работниковъ), присовокупя и другія (мало!) ограниченія даже въ занятіяхъ. Теперь мы разсматриваемъ другое предположеніе, кажется, лорда (Зап. Сибири) Гасфорда, о воспрещеніи Еврейкамъ слѣдовать за мужьями и, не менѣе странное въ юридическомъ отношеніи, предположеніе лорда Блудова о постановленіи приговоровъ о Евреяхъ по тексту (отмѣненному) Уложенія 1845 г., не примѣняя къ нимъ новыхъ постановленій.

Мы полагаемъ подвести ихъ подъ общія правила. Пусть они пользуются ими хоть на водахъ Вавилонскихъ.

Такъ или иначе, но едва ли мы избѣгнемъ вопроса о свойствѣ владѣнія землями казенными въ юридическомъ отношеніи. Въ хозяйственномъ это общинное владѣніе есть несомнѣнное зло, и всѣ доводы въ пользу его, даже въ популярныхъ статьяхъ «Современника» и въ соціальныхъ потугахъ о необходимостяхъ вѣка, даже въ лучшихъ и благонамѣренныхъ трудахъ соціалистовъ и идеалистовъ, не лучше острыхъ софизмовъ и извинительныхъ мечтаній: ибо, и въ ихъ предположеніяхъ и по извѣстному изъ исторіи ходу земельной собственности, земля пройдетъ разныя стадіи и, между прочимъ, стадію истощительныхъ таксъ съ дохода и для бѣдныхъ, и тогда уже, подавленная напоромъ преобладающей нищеты и безкровности, сдѣлается общиннымъ достояніемъ.

Юридическое значеніе нашихъ крестьянскихъ земель всплываетъ по случаю предположенной генераломъ Муравьевымъ продажи ихъ крестьянамъ въ послѣдствіе требованія преобразованій крѣпостной зависимости.

Читая исторію нашей земельной собственности, до настоящаго времени страждущей подъ игомъ Монгольскаго воззрѣнія на землю, читатель пораженъ безпрестаннымъ повтореніемъ грозныхъ словъ власти: отобрать, отписать, взять въ казну. При множествѣ видовъ этой собственности (ее скорѣе можно бы назвать пользованіемъ), кото-

рыми Монгольское воззрѣніе дѣлилось частію своего верховнаго обладанія, твердое, постоянное владѣніе представляется тѣмъ болѣе невозможнымъ, что и границы владѣній этого Монгольскаго владѣнія были неопредѣленны, и невозбранно нарушались завладѣніями. Екатерина Великая рѣшилась привести это въ законный порядокъ, и рядомъ съ государственною собственностью, удержанною все еще по Монгольскому преданію, установить три главные вида: частный, городской и сельской. Отсюда происхожденіе Дворянской Грамоты, Городового Положенія и (не состоявшихся) сельскихъ грамотъ, которыя предназначались въ проектѣ сельскаго положенія императрицы, хранящемся въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Говоря о послѣднихъ, я убѣдился въ томъ (просматривая законы о мірскихъ оброчныхъ статьяхъ, въ которыхъ яснѣе выражается, безъ участія казны, общественное пользованіе на началахъ самоуправленія), что правительство не знало ихъ и, въ видахъ устройства земельной собственности, окончательно надѣляя крестьянъ 15-десятинною пропорціей по инструкціи 1766 г. и уступая статьи крестьянамъ на основаніи манифеста 28 Іюня 1762 г. и указа 3-го Мая 1783 года, какъ-то: мельницы, рыбныя ловли и прочія, на земляхъ ихъ существующія, указовъ 24-го Ноября 1797, 4-го и 24-го Августа 1801 (№№ 19.967 и 19.990). Это тотъ же порядокъ, который былъ принятъ въ отношеніи жалованныхъ вотчинниковъ въ указѣ 3 Октября 1797 г. (№ 18.195) и городовъ въ 139 п. Гор. Пол., и въ указѣ 16 Декабря 1797 г. (№ 18.240). Я заключаю это изъ общихъ указовъ о платѣ оброка съ земель пожалованныхъ (указъ 3 Октября 1797, № 18.195), и на *этомъ* же основаніи съ земель отчужденныхъ или отрѣзанныхъ, въ пользу разныхъ лицъ и однодворцевъ (27 Авг. 1801, № 19.990) и съ земель, предназначенныхъ въ надѣлъ крестьянамъ (6 Марта 1803, № 20.655). Изъ этихъ послѣднихъ указовъ я заключаю, что оброчныя статьи уступлены крестьянамъ на томъ же основаніи, какъ вотчинникамъ и городамъ.

Но *общинное начало* и здѣсь, въ безконтрольномъ завѣдываніи, оказалось болѣе нежели несостоятельнымъ. Ими распоряжался сельскій сходъ по точному, однако, указу объ этомъ 28 Марта 1803 года (№ 20.692) предъявляя договоры въ волостныхъ правленіяхъ и записывая въ земскомъ судѣ. Новыя обнаруженныя злоупотребленія были поводомъ къ именному указу 1805 г. (№ 21.744), который разъяснилъ порядокъ и права мірского схода, потребовавшій уже 30 Іюля 1808 г. (№ 23.188) подписанія его условій утвержденію Казенной Палаты. Порядокъ этотъ удерживался до 1837 г., когда его отстаивалъ комитетъ

губернаторовъ, опасавшійся ропота и неудовольствія крестьянъ за измѣненія, которыя, однако, приняты въ положеніи 1828 г., и такимъ образомъ *самоуправленіе*, дарованное Петромъ 30 Января 1699 за платежъ (какъ давалъ самоуправленіе выборнымъ Іоаннъ Грозный, тоже за платежи, обращая его на свое кормленіе) всѣхъ окладовъ вдвое, кончилось окладными книгами палатъ, обращеніемъ доходовъ по указанію правительства и въ пользу капиталовъ, которыми распоряжается министръ, а наконецъ, и предположеніемъ генерала Муравьева, по старому преданію, объ отборѣ мірскихъ земель и цѣлыхъ статей въ казну.

Но изъ чего эти хлопоты? Въ Западныхъ губерніяхъ и въ Прибалтикѣ, чуждыхъ общинному началу, статей этихъ пѣтъ. Указомъ 1763 объ архіерейскихъ имуществахъ и указомъ Павла 1796 объ отдѣленіи Кіева и его области отъ Малороссіи, положены начала общиннаго пользованія въ этихъ мѣстностяхъ; но мірскія статьи, вопреки ожиданіямъ отъ введенія оброчнаго порядка, образовывались такъ туго, что едва-едва, и при усиленномъ стремленіи къ тому управленія, достигли къ 1858 г. 4-хъ т. р., начавъ въ 1840 съ 200 и заключаясь преимущественно въ губершіяхъ Кіевской (110 ст. 1796 р. дохода) и Ковенской (85 ст. 2 т. р. дохода).

Въ Русскихъ губерніяхъ, по отчетамъ 1839—1858 гг., число статей и доходъ съ нихъ усиливалось постепенно и было лучшимъ предметомъ тщеславныхъ докладовъ. Начавъ съ 103 т. р. дохода, Министерство открывало статьи и увеличивало доходъ:

Въ 1840—10.000 ст., 320 т. р. дохода; 1844—20.560, 529.634 р., 1848—21.513, 661.714; 1853—22.025, до 700.000 р. У колонистовъ—528, у Евреевъ—80, у Калмыковъ—27. 1856—23.995, 848.156 руб. 93½ коп.

1) NB. А недоимка? Она простиралась:

Въ 1845 г.—236 т. р., въ 1848—331⅓ р., въ 1852 г.—361½ т. р., въ 1853—351½ т. р., въ 1854—342⅓ т. р., въ 1856—безъ штрафныхъ.

2) NB. Возвышеніе велико: отъ 100 до 300; но здѣсь, кромѣ заботливости новаго управленія и оглашенія имъ безвѣстныхъ статей, слѣдуетъ имѣть въ виду: a) общее возвышеніе цѣнностей и b) сдѣланные новые надѣлы до 3-хъ м. десятинъ земли.

*

Литература, особенно Московскія Вѣдомости, и студенты продолжаютъ свои шашни и шалости. Сынъ министра, молодой князь Г. . . - ковъ, во время лекціи богослова Палисадова, дозволилъ себѣ играть въ домино, и шумъ играющей молодежи, не смотря на два требованія, заставилъ профессора оставить аудиторію и пожаловаться начальству. Попечитель уже зналъ и приказалъ чрезъ инспектора сдѣлать Г. . . - кову внушеніе. Все это въ порядкѣ вещей. Но студенты-демократы, большинство, требовали, чтобы Г . . . ковъ извинился передъ Палисадовымъ; онъ не соглашался; не согласился явиться и на судъ студенческой сходки въ XI-й аудиторіи. Сходки повѣстками начальство запретило. Палисадову приказано, и онъ объяснился, что прекратилъ лекцію потому, что былъ не въ духѣ. Студенты остаются при своемъ и требуютъ чрезъ депутатовъ, чтобы Г . . . ковъ вышелъ изъ университета. Партіи аристократовъ и демократовъ въ университетѣ довольно рѣзки; послѣдніе не могутъ простить первымъ ихъ заносчивости и неуважительности къ начальству, разговоровъ на иностранныхъ языкахъ и отдѣльности, въ которую они допускаютъ только сыновей богатыхъ откупщиковъ. И справедливо. Но несправедливо самоуправство, и особенно постыдно это снисхожденіе начальства до извиненія студентовъ насчетъ профессора. Московскія Вѣдомости, по соблазну разсказа Якушкина и подложнаго письма Орловскаго губернатора Сафоновича, полемики графа Толстаго противъ Маслова*), ходятъ по всѣмъ рукамъ. Да. Но что же смотритъ правительство? Или оно думаетъ, что все это ничего?

Едва кончился процессъ дѣвицы Шеро, любовницы Парижскаго лавочника, которая украла ребенка судьи Гюа, чтобы мнимымъ его рожденіемъ привязать къ себѣ скучавшаго любовника (она оправдана, m-r Ляшо защитникъ), какъ начался другой процессъ, матери и дочери Lemoine, объ убійствѣ ребенка. Дѣвочка 15 л. Анжелина, воспитывавшаяся дома болѣе нежели небрежно, начитавшись Записокъ Marion de Lorme, романовъ Жоржъ-Занда и фельетоновъ La Presse, развилась преждевременно и, пользуясь свободою и фамильярностію Шалонскаго кружка, набросилась на своего кучера, ничтожнаго и глупаго парня 28 л. Фетиса. Беременность ея едва была замѣтна и скрывалась ею и матерью очень хитро, не смотря на общее подозрѣніе въ провинціальномъ городкѣ и на разглашенія Фетиса, довѣрявшаго тайну портнымъ и музыкантамъ. Цинизмъ дѣвчонки возмущаетъ душу. По примѣру одной героини Жоржъ-Зандъ: elle voulait élever jusqu'à elle l'homme qui lui était inférieur... вотъ что! Дочь оправдана; неизвѣстно,

*) Въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства графъ Толстой гласно сказалъ: „Терпѣть не могу прогорклаго масла.“ П. Б.

почему ей не опредѣлено, хотя бы путемъ чрезвычайнымъ, года три задержанія въ монастырѣ. Мать за убійство ребенка осуждена на 20 лѣтъ работъ и, не смотря на всѣ увѣщанія несчастной безчестіемъ дочери и матери, осуждена справедливо. Средства, которыя она употребляла противъ беременности до родовъ (tu viens donc me tuer, ma mère) и сожженіе ребенка, исполненныя съ твердостію безчеловѣчія, заслуживали наказанія. А того и гляди ее простятъ: такъ равнодушно было ея поведеніе въ судѣ и такъ подло на помилованіе наше время, несущее съ преступниками большую часть нашей виновности.

У насъ кончился процессъ другого рода: Крымскія грязи генерала Затлера и Комп. Общее мнѣніе то, что главнаго виновника, особенно по ходатайству разсѣяннаго князя Горчакова и считаемаго такимъ же виновнымъ Лидерса, миловать не слѣдовало. Надѣются на помилованіе и Вердеревскаго, и прочихъ.

*

Декабрь. «Царевичъ Алексѣй Петровичъ»*). Это довольно небрежное собраніе матеріаловъ, къ которому не пріучилъ насъ осторожный академикъ Устряловъ. Великій шагъ къ свободѣ печатанія. Это книга, способная произвести соблазнъ, даже посреди всѣхъ настоящихъ соблазновъ печати, какъ при дворѣ, въ кругу нашихъ аристократовъ, такъ въ духовенствѣ и въ Австрійскихъ дипломатіяхъ.

Ничтожный царевичъ не могъ быть орудіемъ даже партіи, особенно старой партіи, подлой, глупой и корыстной, и едва ли не продолженіе процесса и страшные допросы дали дѣлу значеніе государственной измѣны. Были недовольные, мстительные, но заговора не было, и все, чего заслуживалъ пьяный и безхарактерный «рабъ цезаря», «недостойный сынъ» Петра, любовникъ Афросиньюшки и преданный слуга Австрійскаго вице-канцлера—это заточенія, ссылки. Фанатики, каковъ Петръ Толстой, растравляли гнѣвъ грознаго отца. Участія Меншикова и Екатерины не видно, даже не намекается. Подобострастіе архіереевъ и сановниковъ не отвѣчаетъ вызову, сдѣланному имъ судьею-государемъ.

Разработаютъ эту книгу наши демократическіе журналы. Эта «бывшая царица» со всѣмъ монастыремъ, съ ихъ любовниками, этотъ духовный отецъ, говорящій на исповѣди царевичу: да мы всѣ ему смерти желаемъ; этотъ министръ, отзывающійся о Петрѣ, что у него церковь и таинства на свою стать, и этотъ грозный Петръ, нишу-

*) Т. е. шестой томъ Исторіи Петра Великаго. П. Б.

щій допросы и добивающій сына 26 Іюня, съ 8 до 11 часовъ въ застѣнкѣ, въ Трубецкомъ раскатѣ, гдѣ къ вечеру онъ и жизнь кончилъ, и эти казни, изувѣченія и ссылки . . . и этотъ гулъ въ народѣ и обществѣ, несущійся до сегодня въ неясныхъ догадкахъ, подозрѣніяхъ и обвиненіяхъ... Картина мрачная, впечатлѣніе глубокое, ощущенія тяжкія.

Посреди этой толпы двѣ энергическія личности поглощаютъ прочія: это Петръ Толстой и царь, хотя многое намекаетъ, что они дѣйствовали подъ чужими вліяніями, и подозрѣніе невольно останавливается на Меншиковѣ и Екатеринѣ, именно потому, что ихъ не видно, а видна колыбель третьей личности, младенца Петра. Постоянный ропотъ царевича на пьянство и пустое утомленіе, приписываемыя имъ вліянію Меншикова, и совѣтъ послѣдняго, когда Алексѣй былъ уже на пути къ побѣгу: и Афроську-то возьми съ собою, мало разработаны историкомъ. Это дурное воспитаніе была первая ошибка царя. Вторая—самое производство процесса, въ которомъ Петръ игралъ роль слѣдователя, сыщика и палача. Третья ошибка—судъ. Видна великая душа Петрова въ обращеніи къ духовному и гражданскому чину и министрамъ: «прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершить . . . клянусь самимъ Богомъ и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтесь; такожъ и не разсуждайте, что тотъ судъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына»... И осужденіе вышло голословное: судьи были невѣжды, безграмотные, подобострастные, и несчастный погибъ подъ ударами нетерпѣливой пытки, и бѣдный, почти юродивый человѣкъ, на котораго никто не полагался, котораго никто не боялся, котораго ничтожность даже стараются скрыть, дѣлается предметомъ обвиненія великаго человѣка, причиною порицанія и даже отвращенія Европейскаго общаго мнѣнія.

Петръ Толстой есть клеветъ, готовый идти до кинжала, до посягательства на этого «звѣря», который, странное дѣло, неохотно кладетъ подъ ножъ голову, опасаясь ѣхать изъ Неаполя и оставить покровительство цезаря. Разъ въ рукахъ Толстого, Алексѣй уже дѣйствуетъ не свободно, и процессъ тащутъ за волосы. Онъ кончается конфискаціей, въ которой львиная часть четвертей, дворовъ и домовъ принадлежитъ *дѣйствительному* тайн. сов. Петру Толстому. Не забыты и всѣ; не забытъ судьбою и Петръ, для котораго отселѣ начинается другая исторія: оплошность, пьянство, питриги, перевороты и вдали виднѣются казни, убійства и другія «Московитскія галантереи».

*

Конногвардейскій солдатъ, пойманный на воровствѣ и привезенный къ дежурному Семеновскому прапорщику Мазараки, просилъ осво-

бодить его и, не получивъ удовлетворенія (отказаннаго самымъ скромнымъ образомъ, говоритъ офицеръ, самымъ грубымъ, говоритъ солдатъ) ударилъ Мазараки въ лицо такъ, что онъ покачнулся на диванъ и едва опомнился. Всѣ инстанціи (въ 24 часа) осудили его на разстрѣляніе, Государь замѣнилъ прогнаніемъ сквозь строй черезъ 1500 человѣкъ, и эта замѣна теперь порицается всѣмъ городомъ, жалующимся на ослабленіе дисциплины и на грубости черни.

Гласный Малковъ, о которомъ дѣло, доведенное весьма неловко до Государственнаго Совѣта, смято... нашелъ себѣ защитника въ сенаторѣ Хрущовѣ, и защита эта, переданная въ Комитетъ Министровъ, навлекла защитнику непріятность. Публика одобряетъ потому, что не любитъ Хрущова, но желала бы добра Малкову, потому что желаетъ зла Игнатьеву и графу Панину.

Темные слухи о какомъ-то Гатчинскомъ покушеніи, о какомъ-то обществѣ «Маріанна». Такіе же слухи объ упраздненіи комиссій Ростовцова и о возложеніи этого дѣла на графа Панина.

Кавказъ покоренъ почти окончательно, и князь Барятинскій пожалованъ въ фельдмаршалы.

Дворянства, въ губерніяхъ, гдѣ назначены выборы, протестуютъ противъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, запрещающаго говорить о крѣпостномъ дѣлѣ.

Вотъ общій говоръ въ день именинъ цесаревича, 6 Декабря.

Добрый пріятель мой, сенаторъ Обручевъ, назначенъ предсѣдателемъ генералъ-аудиторіата съ оставленіемъ въ званіи сенатора въ деп-тѣ. Этотъ выборъ и это соединеніе замѣчательны. Я вижу тутъ, какъ и въ назначеніи генералъ-аудиторомъ Дмитр. Влад. Философова, вліяніе графа Панина. Онъ сдѣлаетъ изъ военнаго суда департаментъ Сената. Нельзя этого не одобрить; но солдатская юстиція такъ далека отъ настоящей, что такая дикая мысль могла прійти только при несчастномъ положеніи гражданской юстиціи.

*

Читалъ я, между прочимъ, «Записки Фонъ-Визина». Онѣ мало прибавляютъ къ извѣстному изъ 1762, 1801 и 1825 гг., но любопытны, какъ разсказъ человѣка, близкаго къ событію смерти Павла и, кажется, участника въ тайныхъ попыткахъ нашего Tugendbund'а... Попытки конституціонныхъ стремленій у насъ всегда были; но замѣчательно, что всегда являлись доносчики, лазутчики, и всегда Русскіе

При Аннѣ—Леонтьевъ и Ягужинскій, при Екатеринѣ—Бакунинъ, при Александрѣ—Талызинъ (его участіе, донось и отравленіе я узнаю изъ Записокъ Фонъ-Визина въ первый разъ), при Николаѣ—Майборода и Ростовцовъ.

Достается и редактору «Донесенія». Жаль! Эти воспоминанія ставятъ бѣднаго графа Блудова еще въ болѣе ложное положеніе: а онъ, какъ и Ростовцовъ, и безъ того мечется, какъ угорѣлый, чтобы заставить забыть свои увлеченія.

Очень недостаточно разсказаны, если сочинитель уже рѣшился разсказывать, событія 1812 года и особенно назначеніе Кутузова, Березинская оплошность, Іоркская въ Калишѣ сдѣлка. Также недостаточны извѣстія о конгрессахъ Вѣнскомъ, Ахенскомъ, Лайбахскомъ и Веронскомъ, утвердившихъ реакцію до низложенія ея въ 1830 году.

Чужіе края дарятъ насъ любопытными изданіями, но печатаніе еще очень плохо, и надобно ожидать нашихъ цензурныхъ строгостей, чтобы эта часть хорошо организовалась.

*

Конгрессъ собирается въ Парижѣ въ началѣ будущаго Января. Онъ важенъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ Европейскій соборъ, вызванный одностороннимъ вмѣшательствомъ Франціи, и какъ судъ, долженствующій измѣнить положенія конгресса 1815. И то и другое недоблестно и едва ли достойно великихъ правительствъ, изъявившихъ согласіе на участіе въ конгрессѣ. Но въ дѣлахъ положительныхъ, что̀ разъ упущено, то невозвратимо. Конгрессу остается покрыть своимъ актомъ, что̀ совершилъ Французскій императоръ. Оно такъ и будетъ. Программа уже вышла въ Парижѣ. Это брошюра, написанная, по крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ Наполеона: «Le pape et le congrés». Она написана ловко и приходитъ къ заключенію: уединить святого отца, внѣ политическихъ треволненій, въ патріархальную муниципію Рима, принявъ блескъ престола главы католицизма на международный бюджетъ всѣхъ державъ католическихъ. Желательно бы знать, какъ учредить эту патріархальную муниципію, въ которой бы были только миръ, благоденствіе и смиреніе, и согласится ли на это счастье Римъ. Потомъ желательно бы знать, какъ будетъ составляться международный бюджетъ, кто его будетъ контролировать и отвѣчать за недоборы. И наконецъ, это назначеніе жалованья папѣ съ квартирными и столовыми не поставитъ ли его въ необходимость зависимости, горшей нежели настоящая военная помощь, унизя священный характеръ папскаго

престола и всего духовенства? Папы принимали подати, вклады, пожертвованія, но на жалованьѣ они еще не были. Да и самое жалованье, въ наше время, когда рубли равны батальонамъ, при распредѣленіи на части, не дастъ ли многочисленной державѣ бо́льшее вліяніе на главу церкви и по ней на все духовенство, а за нимъ на всю Италію?

Бѣдный Пій IX! Думалъ ли онъ въ 1847 г., что благодушныя начинанія его proprio motu приведутъ къ такой развязкѣ и могъ ли онъ въ 1858 г. предполагать ее, упорно отказывая въ свѣтскихъ преобразованіяхъ, въ надеждѣ на соперничество могучихъ своихъ quasi-покровителей?

Къ чему придетъ эта секуляризація папы? Увы, время Ватикана прошло, и поэтическія созданія дипломатіи, особенно въ устахъ Наполеона, оскорбительнѣе насмѣшки. Какъ приметъ это смиренный Антонелли и не придетъ ли конгрессъ, призвавъ наитіе Св. Духа, къ Петровскому канону о Синодѣ, проявлявшемуся еще въ XII столѣтіи, дозволивъ XVIII вѣку невозбранно потѣшаться ересью.

Я не думаю, чтобы отъ этого много потеряла религіозность. Реформа Лютера этому доказательство. Но отъ этого потерпитъ монархическое начало, для котораго впрочемъ и самое конфедеративное начало есть плохая опора.

Да, но отказавшись отъ интересовъ времени, папа не можетъ ли, какъ глава конфедераціи, какъ глава духовенства, стать на сторону народовъ?

Ник. Фил. Павловъ, отличный, желчный, аналитическій Русскій умъ, предпринимаетъ изданіе «Нашего Времени». Журналъ долженъ имѣть успѣхъ: нынче желчь болѣзнь эпидемическая. Пророча этотъ успѣхъ знаменитому критику, я запишу на память нѣкоторыя положенія его программы, выражающія современную нашу мудрость. «Науки у насъ не процвѣтаютъ, говоритъ объявленіе 5 Декабря, а между тѣмъ понятія, выработанныя дѣятельностію человѣчества, требуются на каждомъ шагу. Эти требованія возникли *внезапно со всѣхъ сторонъ*... Новый вопросъ поднимается... а у васъ нѣтъ ни запаса *привычекъ*, ни запаса *воззрѣній*, ни запаса *знаній въ уровень съ неожиданнымъ* явленіемъ... Наши отсталые и передовые люди различны только въ покоѣ; но заставьте ихъ дѣйствовать, дайте *частичку власти*... и со дна ихъ души выступитъ на свѣтъ неуваженіе къ человѣческой личности... Вездѣ работа мысли предшествовала явленіямъ, *у насъ явленія опережали мысли*... Журнальной литературы, съ предлагаемыми въ ней окончательными

выводами наукъ недостаточно; если хотите, было бы существенно лучше, если бы серьезное воспитаніе успѣло серьезно ознакомить съ тѣмъ долгимъ процессомъ, которымъ эти выводы добыты; но *что же дѣлать, если жизнь не ждетъ*, если научныя положенія необходимы, какъ насущный хлѣбъ и должно, *поневолѣ*, пускать ихъ въ оборотъ *журнальными статьями?*»

Замѣчательное объявленіе эти написано смѣло и откровенно. Но выписавъ нѣкоторыя строки, я желалъ бы спросить:

Почему эти «требованія возникли внезапно?» Ужъ не искусственны ли они?

Какъ, «не имѣя ни привычекъ, ни воззрѣній, ни знаній», справимся мы съ этими «неожиданными явленіями» и, если справимся, при помощи «журнальныхъ статей», то привьются ли они къ намъ и прочно ли привьются?

Чтобы «у насъ явленія опережали мысли» —это новость, кажется и для мыслившихъ литераторовъ. Весь нашъ недостатокъ именно въ реформахъ a priori.

Я одобряю ваши стремленія; но чѣмъ они искреннѣе, тѣмъ они для меня тягостнѣе. Унизительно думать, что великая нація опредѣляется на опытъ журнальнымъ писателямъ, и народъ въ 60 милл. представляется безъ привычекъ, безъ воззрѣній, безъ знаній, а журналисты вертятъ передъ нимъ какія-то неожиданныя явленія.

Не говоря о другихъ «внезапныхъ» требованіяхъ, возьмемъ одно, можетъ быть самое многознаменательное: отдѣленіе суда отъ управленія, на которомъ кружатся всѣ головы въ Госуд. Совѣтѣ и въ министерствахъ Панина и Ланского. Теоретическая мысль эта выработалась изъ жизни и хотя неизвѣстна Римскому праву, но получила въ наукѣ почетное гражданство. Торжественное выраженіе ея началось съ 1830 годовъ и совершилось даже въ Германіи, въ ея ученыхъ судахъ, a priori—въ 1843 г. Но что же выиграла отъ этого жизнь?

Die vollständige Trennung der Justiz von der Verwaltung ist eine Errungenschaft des Jahres 1848, говоритъ Бёмертъ въ 1859 г. (онъ мнѣ попался подъ руки въ эту минуту); sie ist seit 1849 durchgeführt, mehr freilich in Anerkennung des richtigen Prinzips als weil die frühere Rechtspflege erhätliche Unzuträglichkeiten mit sich geführt oder gar eine begründete Unzufriedenheit hervorgerufen hätte. Im Gegentheil zeigte sich, dass manche theoretisch-unhaltbare Einrichtungen in der

Praxis sich lange Zeit trefflich bewahren und dem ganzen zum Segen gereichen kann.

Это говорится о наукѣ. Что же будетъ сказано о «журнальныхъ статьяхъ»? Г. Павловъ, сколько мнѣ извѣстно, особенно чуждъ наукѣ и особенно не благоволитъ ко власти (даже къ «частичкамъ власти»), которыя, повѣрьте, часто невольно приходятъ въ то положеніе, которое вы въ нихъ порицаете. Павловъ всегда и во всѣхъ положеніяхъ былъ въ противорѣчіи. Онъ въ Россіи явленіе не внезапное, и въ журналѣ его будутъ ученія, или лучше характеристики, не неожиданныя.

Все это замѣчательно и знаменательно. Демократическая партія усиливается новыми представителями гласности и готова на явный разладъ, даже вопреки очевидности. Что же дѣлаетъ консервативная? Ничего. А правительство? Оно высылаетъ М. Безобразова, запрещаетъ Влад. Безобразову писать политическія статьи (въ Р. Вѣсти.), свергаетъ Корфа съ цензурнаго м-ва и изъ дома Шишмарева, уже сторгованнаго на золото, опростаннаго и передѣланнаго, дѣлаетъ старшинѣ думы, сенатору Хрущову, внушеніе за ходатайство, чрезъ посредство Елены Павловны, о гласномъ Малковѣ или лучше противъ генералъ-губернатора; оно увольняетъ Тверского предводителя Унковскаго и готово сдѣлать тоже со всѣми дворянами, не понимающими отмѣны закона министерскими циркулярами.

Конечно, оно разсматриваетъ и положенія о судѣ, о крестьянахъ, о полиціи, о кредитѣ...

Да; а Васька слушаетъ да ѣстъ.

Послѣ процесса Мазараки, которымъ такъ недовольна гвардія, разсказывающая, какъ наказанный отворилъ самъ карету и закурилъ папиросу, теперь офицеры заняты процессомъ капитана Окулова, дерзкаго атлета, съ командиромъ полка Дараганомъ, низенькимъ формалистомъ, обвинявшимъ капитана въ нарушеніи дисциплины «угрожательнымъ движеніемъ». Хроника говоритъ, что Окуловъ, за неприличные семейные намеки, ударилъ его въ лицо. Теперь, когда дисциплина упала, всѣ говорятъ объ ней, и полковой судъ, подъ вліяніемъ общаго нерасположенія къ Дарагану, рѣшилъ отдать поступокъ на очистительную присягу и хлопочетъ объ утвержденіи приговора генералъ-аудиторіатомъ.

Конченное дѣло о покушеніи на убійство мужа своей любовницы Александра Ободовскаго, сужденнаго тоже военнымъ судомъ, едва ли заслуживало приговора въ каторгу. Онъ не злодѣй и могъ бы искупить преступленіе въ молитвѣ монастыря.

Главный недостатокъ человѣка вообще, и нашъ въ особенности, много и неопредѣленно желать, и скоро и нетерпѣливо достигать. Это наша бѣда. Если бы собрать всѣ пожеланія и предположенія нашихъ журналовъ, то едва ли бы одно не уничтожило другое, и едва ли одно изучено достаточно. Во всякомъ случаѣ, эпоха замѣчательная. Сдерживавшееся, и такъ долго, негодованіе выразилось, съ руки Гоголя, въ повѣстяхъ и комедіяхъ, переполненныхъ намековъ и личностей; потомъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же намековъ, обратилось къ обозрѣніямъ чужестранным, особенно Англіи, и, наконецъ, въ 3-мъ №№ Паруса Аксакова и въ Русской Газетѣ Поля вывело наружу наши собственныя язвы, язвы болѣе чувствительно ощущаемыя въ отдаленіи отъ двора, особенно въ Москвѣ; и цензура оказываетъ терпимость, при которой непонятно одно: терпимый современный порядокъ.

Русская Газета запрещается, 21 № Русскаго Вѣстника отбирается (Англійская статья Вл. Безобразова), Московскія Вѣдомости, Современникъ предостерегаются.

*

Работы законодательныя и финансовыя идутъ своимъ чередомъ. Можно только опасаться, что съ окончаніемъ ихъ правительство не будетъ имѣть способовъ исполненія. Упадокъ внутренняго и внѣшняго кредита идетъ все ниже и ниже; монета бѣжитъ на уплаты въ чужіе края, или скрывается богачами, едва не рѣшающимися бѣжать туда же. А лучше ли тамъ? Конечно. Но тамъ происходятъ и приготовляются событія другого порядка. Національный элементъ и демократическая партія берутъ верхъ надъ дипломатіей и династіями, и съ воцареніемъ ихъ все принимаетъ другіе размѣры и значеніе. Если прежде за Пачифико вступилось одно правительство, теперь за Мормара вступится вся Европа. Гражданское право дѣлается публичнымъ, публичное провозглашается народнымъ, естественнымъ, всемірнымъ.

Изъ Италіи пришли всѣ обновленія. Оттуда идетъ оно и теперь. Конгрессъ будетъ, но онъ постановитъ начала, враждебныя порядку 1815 года. Это было торжество династій, теперь онѣ стали на второмъ планѣ.

Очень много говорятъ и пишутъ теперь о Сибири, по поводу Пріамурскаго края и обѣщаютъ ей блестящую будущность. Я не знаю Пріамурскаго края, и сочиненіе, изданное Иркутянином Соловьевымъ, не даетъ яснаго понятія объ этомъ будущемъ; но мнѣ кажется, и я говорю преимущественно какъ криминалистъ, Сибирь нуждается не столько въ будущемъ, сколько въ настоящемъ. Прошедшее ея отвра-

тительно, и вліяніе его едва ли до сихъ поръ не тяготѣетъ надъ великимъ царствомъ. Отдаленность, малонаселенность и грубость края были, есть и вѣроятно долго будутъ, причиною важныхъ злоупотребленій управленія, недостаточности его для огражденія личностей и достояній, и дурной разработки его богатствъ, служащихъ въ настоящее время болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ подвижнаго его населенія.

Рѣдкій изъ губернаторовъ, начиная съ казненнаго Петромъ князя Гагарина, оставилъ Сибирь не подвергнувшись суду, удаленію, отрѣшенію. Жалобы края, изслѣдованныя сенаторомъ Селифонтовымъ въ концѣ прошлаго столѣтія, потребовали организаціи его: но Селифонтовъ болѣе заботился о своемъ карманѣ и своей любовницѣ, нежели о Сибири, для организаціи которой онъ, впрочемъ, не имѣлъ достаточно ни ума, ни знаній. Какъ теперь, такъ и тогда, правительство думало устроить край предоставленіемъ власти неограниченныхъ правъ, особенно высылать въ дальніе края ябедниковъ и безпокойныхъ людей. По интригамъ губернатора Корнилова, или, лучше, жены его, Фанъдеръ-Флитъ, вслѣдствіе донесенія графа Головкина, въ 1806 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ тайный совѣтникъ Пестель, никогда не бывавшій въ Сибири, гдѣ вмѣсто его всѣмъ завѣдывалъ Траскинъ, деспотъ, дерзкій и, несомнѣнно, корыстный. Траскинъ или Пестель учредили въ Сибири коммисаровъ (missi regii): мѣра, ощущаемая въ каждой мѣстности нашей обширной имперіи. Но и Траскинъ, и Пестель не избѣжали суда, и генералъ-губернаторомъ назначенъ въ 1819 г. Сперанскій, настоящій организаторъ края. Сперанскій очень вѣровалъ въ форму; ученые и поздно вступающіе въ практику люди, встрѣчаясь съ нею, всегда поражаются ея силою и пользою, и потому основаніемъ своихъ преобразованій, по памяти 1806—1811 годовъ, принялъ формальную учредительность, законность и совѣщательность. Онъ не столько ограничилъ, сколько запуталъ власть, и люди, какъ генералъ Руперть и князь Петръ Горчаковъ, всегда могли и умѣли поставить волю на мѣсто закона. Въ 1840 г. окончено положеніе о ссыльныхъ, измѣнившееся уложеніемъ 1845 г. и правилами 1859, измѣнившими уложеніе. За исключеніемъ штатовъ, вотъ, кажется, все, что̀ законодательство сдѣлало для Сибири. Въ 1842 г. графъ Панинъ думалъ дать тамошнимъ судамъ нѣкоторую независимость, предоставя прокурорамъ общія права, но князь Горчаковъ отстоялъ учрежденія Сперанскаго.

Развитіе золотопромышленности и возвращеніе ссыльныхъ по манифестамъ 1841 и 1856 гг. имѣли важное вліяніе на Сибирь; но я хочу сказать о ней въ другомъ отношеніи.

Англійскій статистикъ Феррусъ и Французскій криминалистъ Лукà хвалятъ нашу систему ссылки и поселенія въ Сибири. Было время когда мы дозволяли селить въ ней иностранныхъ преступниковъ. Я думаю, что системы наши заимствованы изъ Ботани-Бея и имѣли тѣ же три степени: съ самаго установленія ссылки, въ 1750 гг. ссылали въ Сибирь въ работы на рудники, фабрики и заводы, или поселяли, гдѣ кому хочется. Нигдѣ никому не хотѣлось, и всѣ бродяжничали. Съ 1760-хъ гг. начали заселять Барабинскую степь, по мысли и распоряженію губернатора Чичерина, и мѣра эта удалась, довольно въ короткое время. Въ 1783 г. предположено заселить дорогу отъ Якутска къ Охотску [1]), но дѣло не удалось по недобротѣ почвы. Въ 1800 г. (17 Октября 1799) предположено, по мысли кн. Гагарина, заселять Забайкальскій край, собравъ для начала 10 т. семействъ. Народъ этотъ пришелъ, но для водворенія не было сдѣлано никакихъ распоряженій, и войско это разсыпалось въ шайки воровъ и негодяевъ. Для занятій ихъ учреждена Тельминская фабрика и начатъ, вмѣстѣ съ командировкою каторжныхъ, самый трактъ, на которомъ эти работники грабили проѣзжавшихъ изъ Якутска въ Охотскъ. Поселеніе, самыя партіи въ пограничныхъ губерніяхъ—пріостановлены, и въ Сибирь командированъ, въ 1801 г., д. с. с. Лаба, и по его-то представленіямъ началась *первая* система поселеній, по распоряженію мѣстныхъ губернаторовъ, подъ вѣдѣніемъ смотрителей, и Забайкальскій край заселился преимущественно уже при Пестелѣ, въ 1807—1810 гг.

Въ 1811 г. начато заселеніе Туруханскаго тракта (Вторая система Сперанскаго, 1840 г. и третья—1859 г.).

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ (доставленнымъ Ник. Иван. Пущинымъ, командированнымъ въ 1844 г., по докладу моему, для обозрѣнія наказательныхъ учрежденій) и по обнародованнымъ въ журналахъ даннымъ, съ 1823 по 1850 г. въ Сибирь поступило 228.221 чел. поселенцевъ и каторжныхъ (изъ этого числа въ Восточную—117.436 чел.) [2])

*

[1]) Какъ этотъ путь, можно заключить изъ расходовъ, употребленныхъ на перевозку казенныхъ тяжестей: въ 1841 г. за 27 т. пудовъ—203 т. р., въ 1842 г. за 25 т. п.—185 т. р., въ 1843 г. за 23 т. п.—160 т. р. ассигнаціями.

[2]) Изъ проекта заседателя Тобольскаго приказа Угрюмовскаго (Моск. Вед. 1860 года, № 228) между прочимъ видно, что среднее годовое число ссыльныхъ 9,500 челов., и изъ нихъ задерживается въ дорогѣ 1,260, а изъ нихъ 260 умираютъ, да въ Тобольскомъ замкѣ умираетъ въ годъ 100 чел. По 3-хъ-лѣтней сложности идутъ въ Томскую губернію до 350, въ Енисейскую болѣе 2,500 и въ Иркутскую болѣе 4,600, и партіи достигаютъ до Томска въ 35 дней, до Красноярска въ 116 и до Иркутска въ 177. На нихъ каждогодно расходуется: на заготовленіе вещей 207 т. р., на выдачу кормовыхъ 158,422 р. и на содержаніе подводъ 56,250 р.; всего 422,000 р.

Вотъ и новый годъ на дворѣ. 1859 былъ простой, но очень замѣчательный. Онъ колебалъ и распатывалъ (Високосный 1860 будетъ замѣчательнѣе; онъ будетъ вырывать и ломать). Начавшись громомъ Тюильрійскаго пріема, онъ побѣдоносно довелъ пораженіе Вѣнскаго конгресса до Минчіо и, опасаясь усердія революціи, остановился; въ Ноябрѣ и Декабрѣ закончился обѣщаніями новаго конгресса, обнародовавъ и часть программы о секулярпзаціи папской области.

Демократическое начало выступаетъ все смѣлѣе и назойливѣе. Цюрихскій трактатъ подписанъ и не можетъ быть исполненъ. Венеція не хочетъ Австріи, Средняя Италія не хочетъ герцоговъ, папа не хочетъ конфедераціи, Пьемонтъ не хочетъ отдѣльнаго центра, Франція не хочетъ Вѣнскихъ трактатовъ, Англія не хочетъ Французскаго преобладанія. А чего они хотятъ, покажетъ 1860 годъ.

Франція процвѣтаетъ. Слава и матеріальныя богатства дошли до такой степени, что цезарь милуетъ враговъ, хлещетъ сотоварищей самыми произвольными распоряженіями, уздаетъ журналистику и мѣняетъ министровъ. Онъ держится войскомъ, толпою, народомъ и стремится замѣнить «Божію милость» національною волею. Сжимая бойкую націю, онъ тѣмъ не менѣе распространяетъ революціонныя (раціональныя) начала и у себя, въ массахъ, и въ Европѣ. При такой силѣ ему не страшны брошюры Монталямберовъ и Вильменей и, зная матеріальное вліяніе вѣка, онъ смѣло отдѣлывается отъ посланій епископовъ, увѣряя папу, что онъ его «fils dévôt». Серьезной оппозиціи нѣтъ, даже въ наукѣ.

Австрія исходитъ на степень второклассной державы. Она уже ищетъ покровительства Германіи и не имѣетъ никакихъ партизановъ. Фельдмаршалы и дипломаты ея говорятъ: «мы воевать не можемъ, мы можемъ только протестовать». Она все обѣщаетъ реформы, равновѣсіе расходовъ и мѣстныя соревнованія. При дѣйствіи народнаго начала существованіе ея невозможно. Reichsgesetzblatt издается только на Нѣмецкомъ языкѣ. Венеція и Венгрія готовы для осаднаго положенія. Англія вооружается, и обезоружить ее могутъ только автономія Италіи и свободная торговля.

Пруссія поставила себя превосходно. Глава Германіи, она откровенно почитаетъ конституцію и законность, идя, als natürlicher Vertretter des Strebens, durch Zweck entsprechende Institutionen die Kräfte der Nation zu heben und zusammenzufassen, so wie überhaupt durch Massregeln von wahrhafft praktischer Bedeutung die Gesammtheit der

deutschen Interessen wirkzam zu fördern, какъ сказалъ въ рѣчи своей принцъ-регентъ. Въ дѣлахъ внѣшнихъ Пруссія будетъ защищать Вѣнскіе трактаты, владѣя Польшею, съ Австріей и Россіей.

Ты, моя любезная отчизна, въ борьбѣ внутренней. Единственный прочный элементъ нашей жизни, крѣпостное право—пошатнулось и, пошатнувъ все: полицію, судъ, налоги, сословія, школы, готово пошатнуть и два другіе элемента—самодержавіе и православіе. Самодержавіе, подѣлившись властью съ мѣстными комитетами, уже въ открытой войнѣ съ дворянствомъ и подмываетъ существенные столпы своей силы, опираясь на администрацію, на чиновничество, на журналистику свою и иностранную. Православіе, уже столкнувшееся съ газетами, основываетъ новые органы своего противодѣйствія и, благословляя священниковъ освящать обѣты трезвости, готово столкнуться съ администраціей и какъ тамъ, такъ и здѣсь, выступая на свѣтъ, потеряетъ много своей силы, сильной таинственностью.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА [1]).

Начало моего экзамена. Каченовскій, три вопроса: Вѣнчаніе и мvропомазаніе государей Русскихъ, Евреи, Малороссія. Давыдовъ: изложить догматически о похвальныхъ словахъ и обозрѣть оныя исторически. Ивашковскій: двѣ главы изъ Лукіанова: какъ должно писать современную исторію. Снегиревъ: изъ Саллюстія и de Senatu eiusqe habitu. Надеждинъ: о сужденіяхъ, вкусѣ, категоріяхъ и исторіи искусствъ у Грековъ, по главнѣйшимъ эпохамъ. Погодинъ: Исторія-наука; ходъ философіи Исторіи и исторія Франціи, по главнѣйшимъ эпохамъ.

Я никакъ не ожидалъ, чтобы экзаменъ былъ такъ снисходителенъ. Только у Давыдова я смѣшался о томъ предметѣ, о которомъ писалъ ему въ студенчествѣ разсужденіе. Приношу искреннюю благодарность всѣмъ. Слава Богу, что начало хорошо. Въ надеждѣ кончить мой экзаменъ хорошо. Это было 26-го Генваря [2]). Можно подумать, что я предугадывалъ или предчувствовалъ неуспѣхъ моего экзамена.

Мнѣ объявлено, что факультетъ признаетъ меня въ нѣкоторыхъ предметахъ, а именно въ Латинскомъ, слабымъ, почему, не отказывая въ экзаменѣ, отлагаетъ оный. Не такъ, не то: я ничего здѣсь не понимаю. Изъ Латинскаго мнѣ дано было перевести строкъ семь, изъ Саллюстія и вопросы изъ Древностей *de Senatu*. Не понимаю рѣшенія факультета.

Моя драма „Разводъ“ почти кончена. Я пишу ее для княгиня Катер. Семеновны Гагариной. Мнѣ кажется, въ ней главнѣйшая погрѣшность есть недостатокъ дѣйствія, и потому я скорѣе назову ее драматическою

---

[1]) Выдержки изъ этихъ Записокъ относящіяся къ позднѣйшему времени, помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1888, 1889 и 1893 годовъ. (См. по Росписи) Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ р. 1812 † 21 Мая 1876. Отецъ его Никифоръ Дмитріевичъ, докторъ медицины, далъ сыну многостороннее образованіе. П. Б.

[2]) 1834 года. П. Б.

картиною. Княг. Голицына находитъ, что Гагарина никогда не согласится играть ее; надобно много учить, хотя положеніе гонимой жены ей очень нравится и въ ея амплуа.

Нынче И. Дав. говорилъ объ музыкѣ. Не понимаю, какъ онъ самонадеженъ, что не взялъ въ расчетъ понятія слушателей. Предубѣжденіе въ наше время безсильно. Юноша размышляетъ... и на его слова, которыя отецъ слушалъ, кажется, не безъ вниманія, сынъ, бывшій въ другой комнатѣ, смѣялся отъ чистаго сердца. И. И. самый ложный человѣкъ, какого я только знаю.

Подъ Москвой и подъ Петербургомъ жизнь провинціальная, деревенская измѣняется, но различіе подмосковной отъ подпитерской очень ясно. Подъ Москвою живутъ работники, кормилицы, зажиточные, подъ Петербургомъ извощики. Подъ Москвою деревни, подъ Петербургомъ мызы, тамъ болѣе фундаментальнаго, здѣсь—болѣе дѣятельности, тамъ клети, здѣсь ямы. Москва и Петербургъ—это два государства. Въ Москвѣ—Западъ на Востокѣ, Петербургъ—Востокъ на Западѣ; въ Москвѣ Иванъ Великій, въ Петербургѣ шпицъ адмиралтейства; въ Москвѣ мѣщанинъ, въ Петербургѣ—воинъ и придворный. Между Москвою и Петербургомъ стоитъ Тверь, губернскій городъ съ дворцомъ. Здѣсь жизнь просторная, тамъ сжатая; здѣсь связи фамильныя, тамъ личныя, здѣсь домъ и дворъ, тамъ домъ и домъ, здѣсь жизнь для себя, тамъ жизнь для другихъ, здѣсь отдыхъ, тамъ дѣло, здѣсь фракъ, тамъ мундиръ, здѣсь балъ, тамъ парадъ, здѣсь жизнь семейная, тамъ публичная, здѣсь залъ, тамъ площадь. Вникнувъ въ Петербургъ, вы увидите, что жизнь его совершенно гражданская; кажется, и встрѣчный и поперечный все чиновники, класные, штатные. Вотъ вы на улицѣ, вотъ вы на Адмиралтейской площади. Все колосально, величественно, обширно. На площади ѣдутъ, идутъ, стоятъ, сидятъ, войска, обозы, извощики, чиновники, купцы, торгаши, говорятъ объ дѣлѣ, всѣ спѣшатъ, всѣ заняты, больше пѣшкомъ; вотъ кареты съ красными кучерами, съ швейцаромъ съ перьями; народъ кланяется, караульные выбѣгаютъ, стукъ, крикъ, колесы, трубы, барабанъ, пальба; вотъ парная карета извощика, вотъ сани, въ нихъ чиновники съ портфелями, модистка съ картономъ, солдатъ съ провіантомъ; вотъ Ванька съ облагороженными полостью санями везетъ съ Крестовскаго въ Обуховскую за гривенникъ; вотъ рядъ служащихъ въ галошахъ, съ зонтиками, вотъ Нѣмецъ. Снуютъ съ товарами,—шагъ, и передъ вами часовой; шагъ—передъ вами бѣлое перо, красная лента на шеѣ, въ петлицѣ, колонна дамъ безъ лакея, взводъ солдатъ, идущихъ на караулы; эти дамы жены

служащихъ, эти люди служащіе, дѣлающіе... Нѣтъ-ли празднолюбца? Нѣтъ. Отъ чего же онъ не пріѣзжаетъ сюда прошататься, или негдѣ? Не съ кѣмъ. Заверните на право—Невскій проспектъ, налѣво—Нева: и тамъ и сямъ жизнь кипитъ, но не для потѣхи, а для дѣла. Вотъ Исакій—циклопическая работа, вотъ Казанскій—неразвитая мысль огромной колонады... Смотрите черезъ Неву, на другой берегъ, на версту разстоянія... Академія, Крѣпость, Андреевскій Соборъ и Монастырь; по водѣ боты, у берегу лодки, садки, и всѣ берега выложены гранитомъ, и на рѣку смотрятъ превосходныя зданія и вмѣстѣ рѣшетка лѣтняго сада.

Образованность Петербурга поразительна. Вотъ столица, вотъ резиденція государственной жизни, вотъ городъ пребыванія Русскаго Императора. Степень гражданственности, степень развитія мыслительнаго, образъ, средства и удобства жизни доведены, сравнительно съ Москвою, до высокой степени. Въ Петербургѣ нѣтъ обычаевъ, которые бы не имѣли основою достаточную причину, нѣтъ существа безъ значенія, нѣтъ значенія безъ усилія, нѣтъ усилія безъ опредѣленнаго стремленія. Я въ немъ только четыре дня и въ короткое это время, занятый по уши, я могъ только утвердиться въ моей всегдашней мысли: совершенствованіе открывается въ образованіи, образованіе есть улучшеніе, развитіе жизни во всѣхъ ея частяхъ. Вотъ что я думаю о Петербургскомъ образованіи.

Я не зналъ Иваненка, но видывалъ его. Выраженіе лица его представляло кротость и умъ; не было ни быстроты взгляда (онъ носилъ очки), ни быстроты рѣчи; ни въ понятіяхъ, ни въ сужденіяхъ я не замѣчалъ ничего необыкновеннаго. Я не удивляюсь, когда слышу, что тотъ или другой убился, сошелъ съ ума: въ наше время это неудивительно.

Гедеоновъ (Степанъ), молодой человѣкъ съ превосходными средствами, съ хорошими познаніями и съ прилежаніемъ, обѣщаетъ большія надежды. Мнѣ кажется, онъ ихъ исполнитъ не вполнѣ, потому что любовь его къ наукѣ до сихъ поръ ограничивается ученьемъ тетрадокъ, основана на соревнованіи и своего рода честолюбіи, а не на истинномъ признаніи благодати науки. Если онъ бываетъ часто у меня, то это конечно потому, почему и другіе: ради пользы въ настоящихъ дѣлахъ. Онъ просилъ меня указать ему сочиненія, въ которыхъ бы была обнята вся Всеобщая Исторія, безъ дробностей, въ полнотѣ и цѣлости.

Нѣтъ ничего тягостнѣе какъ требованіе любви, которой вы не чувствуете, требованіе отъ женщины съ прекрасною душой, но съ легкимъ,

хотя и благороднымъ, характеромъ. Вы не можете питать къ ней почтенія, потому что вы выше ея; вы побѣдитель, любите ее, но она требуетъ страсти, умиляетъ своимъ несчастіемъ, вашимъ великодушіемъ, проситъ одного слова на честь, на совѣсть, хоть для обмана... Опасайтесь дать его: оно будетъ отравою для несчастливицы... Вмѣсто почтенія и любви вы чувствуете къ ней участіе... другими словами, одно средство: бесѣда съ разсужденіемъ, убѣжденіе и тишина. Если вы не можете дать ей своего чувства, подѣлитесь своимъ умомъ и будьте искренними знакомыми, если не друзьями и не родственниками.....

Я оскорбилъ ее, я обидѣлъ женское сердце, я слишкомъ круто поворотилъ дѣло, на страсть отвѣчалъ холодностью, на мечты скукою; я положилъ себѣ непремѣнно возстановить господство разсудка, показать непрочность любви и дать опредѣленнѣйшее понятіе о жизни и цѣляхъ; но я слишкомъ строго училъ ее. Она плакала, она ничего не слушала, не хотѣла понимать.... Мы разстались, я съ сожалѣніемъ, она—растерзанная; мы холодно пожали другъ другу руки, назначивъ завтра часъ свиданія...

Это—благо, это истинное счастіе! Она перемѣнилась; дай Богъ, чтобы не на одинъ день! Она прекрасна, умна, разсудительна; она опять женщина съ милымъ разсужденіемъ, съ женскими качествами; она уже все объяснила себѣ, ей все кажется естественнымъ. Этого мало: она уже считаетъ правою и великодушною себя, а мнѣ оставляетъ одинъ умъ безъ чувства и великодушія. Мы ходили долго, болтали весело; я съ сожалѣніемъ прекратилъ нашу прогулку. Я ее увижу скоро, она опять занимательна. Прекрасная перемѣна!

Чѣмъ утверждается дружба и даже любовь? Ужъ конечно не взаимнымъ потворствомъ. Мы сѣли въ лодку и отправились въ Екатерингофъ. Путешествіе было вовсе не такъ пріятное и романическое, какъ я представлялъ себѣ. Я жалъ ея руку, былъ какъ-то разсѣянъ, говорилъ неладно и сердился на встрѣчавшіяся помѣхи. Мы пріѣхали и прошли правую половину. Перешли дорогу и сѣли на другой сторонѣ. Здѣсь, па единѣ, въ десять часовъ ночи, я поцѣловалъ ее; но теперь, когда я записываю этотъ день, поцѣлуи забыты, и я почти раскаеваюсь... Удовольствіе не въ совершеніи, а въ достиженіи... одинъ шагъ оставался до того, чтобы я презиралъ ее, и этотъ шагъ былъ близокъ, потому что я могъ дѣлать все. Обязанности должны быть священны, и преступленіе ихъ есть преступленіе, которое я не оправдаю самымъ благороднѣйшимъ чувствомъ, потому что соблюденіе своихъ обязанностей есть также благороднѣйшее чувство...

Это не любовь, это совсѣмъ не любовь. Если не видать ея мнѣ чувствительно, то это отъ того, что она умна, добра. Вѣдь любовь не разсуждаетъ, она слѣпа. Мнѣ кажется, эти строки писаны юношей въ 20 лѣтъ, который сомнѣвается въ своемъ чувствѣ. Неужели есть случаи, когда мы бываемъ непроизвольно дѣти, обдумываемся и раскаеваемся, желаемъ и дѣлаемъ обѣты?.. Во всякомъ случаѣ, я не влюбленъ.

Мнѣ приходитъ странная мысль въ голову: что̀, если мои „Дни и Труды“ попадутся въ руки надзирателей образа мыслей и дѣйствій? Неужели весь этотъ сбродъ будетъ читанъ и перечитываемъ, и по нескладности цѣлаго станутъ судить о молодомъ человѣкѣ? И можетъ быть, неосторожное выраженіе, порочное слово, мысль наведутъ какую нибудь тѣнь сомнѣнія или подозрѣнія? Что̀ ни было бы, говорю какъ думаю. Образъ мыслей моихъ оригиналенъ и несходенъ съ современнымъ, знаніе дало мнѣ отличное воззрѣніе на все, даже на притѣсненія, если только власть можетъ притѣснять (въ чемъ, по моему, она не имѣетъ никакой нужды, а имѣетъ невыгоду); но власть и необходимость гражданской и общественной іерархіи, какъ равно необходимость исключенія, случайности, преимущества... Если бы я имѣлъ несчастіе подпасть подозрѣнію и строгому розысканію, я бы почелъ это счастіемъ: тогда моя карьера была бы открыта и обширна; я ни въ чемъ такъ не убѣжденъ, какъ въ искренности моего желанія быть преданнымъ и вѣрнымъ.

О юноша красный! Ты въ цвѣтѣ и силѣ, ты жизнь начинаешь.
Душа молодая ясна и свѣтла, какъ роскошный день Мая,
Порокъ, предразсудокъ и опыты лѣтъ до нея не коснулись.
Свободна отъ узъ, налагаемыхъ временъ и свѣтомъ,
Она произвольно летаетъ, витаетъ, гдѣ любо, гдѣ лучше;
Невинна и полная чувства, она откровенно и быстро
Дастся на слово, не вѣря въ коварство, не требуя клятвы.
О юноша красный! Храни непорочность невиннаго сердца;
Люби что̀ ты истинно любишь и словомъ для шутки не тѣшься;
Правдивъ будь и вѣрой, обманомъ играть не пускайся посвѣтски,
Не смѣй расточать свои мысли и гибкій свой умъ въ обольщеньи,
Не смѣй лицемѣрить и слабость другаго считать своей цѣлью.
Бѣги того мѣста, гдѣ взоры тобой нелюбимой узрѣли
Тебя и зажглись непризванною страстью, минутно, невольно.
Не дай разгораться огню, коль въ тебѣ нѣтъ взаимности сердца:
Огонь обойметъ всю несчастную жертву, а ты соглядатаемъ будешь!
Не жми, другъ, коварно руки и біенія сердца не чувствуй.
Лобзанья... о юноша добрый! Лобзанье не слово, а дѣло!
Лобзанье—преступное дѣло. Объятія! Другъ благородный,
Ты тонешь въ объятіяхъ,—тонешь въ забвеньи души непорочной.
О вырвись! Объятія..... шагъ, и все кончено, все: ужъ не тайна,

Не тайна, что въ сердцѣ твоемъ нѣтъ святаго и чести;
Не тайна, но горшее, горшее зло ожидаетъ тебя по свершеньи.
Какими глазами ты взглянешь? Жмешь руку—не бьется ужъ сердце!
Кладешь поцалуй на уста—онъ не жарокъ! Въ объятіяхъ—тѣсно,
Душа все черствѣе, черствѣе и чувство...

Надо будетъ кончить. Я жалѣю, что свободный ходъ моихъ мыслей былъ прерванъ приходомъ, не знаю кѣмъ-то.

Погодинъ послѣ завтра ѣдетъ въ чужіе края—объѣхать въ четыре мѣсяца всю Германію, чрезъ Швейцарію и Сѣверную Италію возвратиться назадъ. Онъ ѣдетъ съ женою—гулять... Мнѣ въ сто разъ пріятнѣе видѣть двухъ супруговъ, кажется, истинно счастливыхъ, съ расположеніемъ благороднѣйшимъ.

(Іюля 27). Онъ (братъ Константинъ) уѣхалъ, проживъ 6 дней. Я сей часъ провожалъ его. Какое-то смутное, неопредѣленное чувство любви и сожалѣнія, желаніе передать ему свой взглядъ, свой образъ чувствованій, свои знанія, свои манеры, все это толпилось и тѣснилось и при живости желанія, при горячности любви, сказывалось въ прямыхъ, рѣзкихъ выраженіяхъ, въ замѣчаніяхъ на все, что̀ мнѣ не нравится, безъ вниманія къ короткому свиданію. Я торопился высказать ему, но и не думалъ, принимается ли это къ сердцу или съ сердцемъ... Что̀ за неправильность въ жизни, что̀ за инстинктуальность въ дѣйствіяхъ, неопрятность, опустѣніе, облѣнивость, какая-то просительная преданность и вѣра въ необыкновенное, отсутствіе любознательности... Да и самая любовь ко мнѣ есть привычка, а не святая обязанность братства. Я думалъ, что онъ прекрасной души человѣкъ; совсѣмъ нѣтъ: онъ не мягокъ, а просто лѣнивъ, онъ поддается для того, чтобы не толковать; сознается онъ рѣдко. Для этихъ господъ лучшее дѣло вспоминать, какъ мы бѣгали за яблоками, какъ шалили въ юности, какъ и что̀ сказали смѣшного... Удивительное дѣло! Дай Богъ, чтобы поѣздка ко мнѣ была для него не безъ пользы...

При желаніи сказать оригинально и странно, немудрено, что придетъ кому нибудь въ голову опредѣлять Исторію „представленіемъ сліянія завоевателей и родичей“, сліянія и постепеннаго распространенія первыхъ. Такъ начались всѣ Европейскія государства. Отъ перваго вторженія до минуты, въ которую я пишу эти строки, завоеватели и родичи спорятъ между собой, роды съ родами, поколѣнія съ поколѣніями, преданія и дѣйствительность.

В. А. Каратыгинъ человѣкъ съ необыкновенными средствами, данными природой и развитыми искусствомъ: онъ не зарылъ своего таланта, онъ далъ ему направленіе сходственное съ существомъ его.

Г. Каратыгинъ одинъ изъ прекрасныхъ актеровъ, талантный и образованный. Здѣсь, какъ вездѣ, надобно различать данное природой и данное искусствомъ. Природа дала г. Каратыгину прекрасный, стройный, высокій ростъ, величавую наружность и огромный голосъ; она дала ему глубокое чувство и ту нервичную раздражительность пылкой страсти, которая граничитъ съ самозабвеніемъ, сумашествіемъ. Искусство дало ему знаніе представляемыхъ имъ лицъ, сценическія положенія, жестикуляцію и измѣненіе тона. Г. Каратыгинъ *изучаетъ* свою роль. Вы замѣтите иногда, то онъ ея не понимаетъ или понимаетъ да не такъ; но вы всегда увидите исполненіе вслѣдствіе принятой идеи, а не просто, не какъ нибудь. Это происходитъ отъ недостатка положительныхъ знаній. Роль Отелло исполняется имъ хорошо, но совершенно не исторически: онъ играетъ Венеціанца подъ маской Мавра, а не Мавра въ Венеціи. Роль Ляпунова иногда просто смѣшна, но здѣсь вина сочинителя драмы, хотя г. Каратыгинъ переломилъ и самаго сочинителя. Это отъ недостатка положительныхъ знаній. Второй порокъ Каратыгина: онъ утрируетъ; маломальски есть поводъ, и онъ приходитъ въ самозабвеніе, воспламеняется до высочайшей степени и переходитъ слишкомъ быстро къ обыкновенному состоянію. Этотъ порокъ отъ излишней аффекціи, а она у г. Каратыгина видна въ голосѣ, въ выраженіи лица и въ жестахъ; за то, гдѣ самозабвеніе умѣстно, онъ исполняетъ роли геніально: самозабвеніе есть его сфера, и вотъ почему онъ необыкновенно хорошъ въ Гамлетѣ. Аффекція (видимое усиліе) есть признакъ неподложнаго образованнаго таланта, но вмѣстѣ и доказательство отсутствія генія. Иные говорятъ: въ немъ болѣе искусства, нежели природы, въ немъ все изучено, приноравлено... Да развѣ г. Каратыгинъ не на сценѣ? Развѣ онъ точно царь, игрокъ, Тассъ? Это самое пошлое сужденіе, котораго нечего и опровергать. Идя въ театръ, я хочу смотрѣть, какъ будутъ *представлять*, а не какъ живетъ и дѣйствуетъ Ричардъ, Іоаннъ... Странно было бы увѣрять себя и дойти до той дѣтской простоты, чтобы думать видѣть не актеровъ, а самыя лица. Все противъ этого: и неточность костюма, и знакомство актеровъ, и дурная игра второстепенныхъ лицъ и наконецъ театръ, публика, ночь. Толпа способна еще вѣрить этому на минуту, но я—никакъ; я участвую въ актерѣ и чтобы доказать справедливость этихъ словъ, я васъ спрашиваю: какова игра нелюбимаго вами актера? Будь пренесчастный, онъ смѣшонъ; будь онъ превеликодушный, онъ просто дуренъ.

Хорошій актеръ даетъ вамъ лучшее, живое понятіе объ искусствѣ, но вмѣстѣ съ симъ дѣлаетъ васъ и взыскательнѣе. Мѣркою служатъ отличныя мѣста его исполненія, и вы требуете: будь же всегда таковъ!

Въ нѣкоторомъ смыслѣ хорошій актеръ не можетъ быть дуренъ, потому что онъ хорошъ; но если на него навалили роль несообразную съ его привычками и наклонностями, если въ *его* роли авторъ не всегда правъ и не всегда уменъ, если всѣ внѣшнія обстоятельства, житейскія и мірскія не мѣшаютъ игрѣ... вѣдь это искусство которое имѣетъ свой алтарь: приближайся къ нему запятнанный и безпокойный, дерзкій и непосвященный; выдержи искусъ, изучи и будь введенъ въ предверіе; тутъ, исполненный своею цѣлью, со страхомъ переступай въ святилище, гдѣ горитъ неугасимый огонь искусства, и онъ, геній, слетитъ на тебя невидимо, но чувствительно, и ты, одушевленный имъ, иди на сцену и давай наслажденіе пришедшимъ для развлеченія, отвлекай ихъ отъ прозаическихъ отношеній жизни и внушай понятіе, чистое и высшее о твоемъ искусствѣ, котораго (надобно признаться) нѣтъ выше и сильнѣе. Актеръ—рабъ поэта, но геній-актеръ покоряетъ себѣ поэта: онъ властелинъ, онъ двигаетъ перомъ писателя по своей волѣ, и авторъ—я говорю о средственномъ—слѣдитъ талантъ актера въ его полетѣ, въ его отличительныхъ свойствахъ, даже въ его недостаткахъ. Г. Каратыгинъ однообразенъ, но я не видалъ артиста лучшаго и не могу сравнить его ни съ кѣмъ. У него есть пріемы, тоны, жесты, которые всегда въ дѣйствіи; жаль, что эти пріемы не такъ просты и благородны, чтобы они могли пройти безъ вниманія. Величайшій недостатокъ нашихъ актеровъ—и Каратыгиныхъ—это: ils se donnent trop de peine*). Вотъ мое мнѣніе. Можетъ быть, узнавъ актера короче, я долженъ буду перемѣнить его и прибавить къ нему, но я вѣрю первымъ впечатлѣніямъ.

Я не желаю видѣть картинъ Аполлодора, Полигнота, Зевсиса и Апелесса; я не предполагаю въ нихъ ничего удивительнаго. Кромѣ того, что техника ихъ не совершенна, оптическая перспектива не точна, сліяніе свѣта и тѣни примѣтное, линейное, въ нихъ только и возможенъ контуръ, правильность рисунка... но кого же правильность рисунка можетъ удивить послѣ картинъ Рафаэля? Въ нихъ нельзя искать колорита уже потому, что средства (краски) были ограничены; нельзя искать выраженія. Древняя живопись есть пластика на холстѣ. Все состояло въ правильности формъ, колоритъ былъ дуренъ, выраженіе остолбенѣлое. Нельзя, однако, не сказать, что въ Апелессѣ живопись дошла до высочайшей степени, до какой могла дойти: онъ, мало того, что имѣлъ идеалы, онъ думалъ написать мысль, идею, олицетворить цѣлую поэму, а до него не было группъ; если были, то безъ сплетенія, отдѣльны. Онъ задумалъ изобразить бурю, какъ явленіе природы и аллегорическое олицетвореніе; жаль, что мы не знали подроб-

*) Они черезъ-чуръ трудятся.

ностей плана (Филостратъ, 1. 14. говоритъ мало и неопредѣленно), но въ этой смѣлости видно уже совершенство искусства.

Я сегодня ходилъ по Эрмитажу. Вотъ имена, которыя смѣшанно удержались въ памяти (въ Эрмитажѣ надобно быть сто разъ): Рафаэль (его двѣ картины: Юдиѳь и Святое Семейство), Мюрилло, Вандейкъ, Вернетъ, Рембрандтъ, Теньеръ, Леонардо-да-Винчи, Тиціанъ, Рубенсъ, П. Перуджини и вся Римская галлерея, особенно тирановъ. Все это старые знакомые, всѣхъ я ихъ зналъ въ школѣ; но жаль, что эта школа была не подлѣ Эрмитажа... Я боюсь говорить себѣ. Вѣдь Рембрандтъ, Вернетъ, Клодъ-Лоренъ, Корреджіо,—вѣдь это такіе геніи, возлѣ которыхъ стой и удивляйся, къ которымъ подходишь съ предубѣжденіемъ... И какъ много наслажденія въ самомъ созерцаніи! Боже мой! Отчего Рафаэлю не дался колоритъ... вѣдь рисунокъ его—это чудо, истинно чудесное. Рембрандтъ говорилъ: картины ничѣмъ не пахнутъ, не подходите близко, смотрите издали... И что за смѣлость кисти, какая быстрота! Онъ, кажется, творилъ по одному слову, въ одну минуту. Не подходите къ его картинамъ, удивляйтесь имъ издали... А это небо Клодъ-Лорена!

Оставляю до отчетливаго и внимательнаго пересмотра. Не надобно мнѣ указателя, я найду самъ; прекрасное укажется само собою... Но при изученіи узнаётъ человѣкъ, какъ впечатлѣнія мѣняются по степени развитія спеціальнаго смысла.

Фредегонда необыкновенная женщина своего времени. Она не была наложницею Хильперика, но своей хитростью прямо сдѣлалась его женою. Вотъ эта хитрость. Супруга родила дочь, Хильперикъ былъ въ отсутствіи, въ набѣгѣ. Государыня спрашиваетъ у своей горничной: Надобно ли крестить ребенка?—Надобно: государь пріѣдетъ и разсердится, если онъ не будетъ крещенъ. Становятся у купели; нѣтъ крестной матери. Подержите своего ребенка вы сами, государыня: это ничего. Такъ и сдѣлалось. Когда пріѣхалъ Хильперикъ, Фредегонда вышла къ нему навстрѣчу и сказала: Ave rex felicior. Deus tibi filiam dedit; sed cum qua dominus rex dormiet hac nocte, quia domina mea regina commater tua est de filia tua Childerinda? Онъ отвѣчалъ: Si cum illa dormire nequeo, dormiam tecum... Фредегонда просила о сестрѣ; Хильперикъ вмѣсто того, чтобы найти ей достойнаго мужа, женился на ней самъ. Фредегонда отвѣчала: quod bonum videtur in oculis domini mei, faciat: tantum ancilla tua cum gratia regis vivat*). Хильперикъ

*) Здравствуй, счастливый царь. Богъ далъ тебѣ дочь. Но съ кѣмъ государь-царь будетъ спать эту ночь, такъ какъ государыня моя тебѣ кума по дочери твоей Хильдериндѣ. Если съ нею не могу спать, то буду спать съ тобою.—Что хорошо въ очахъ моего Государя, то пусть онъ дѣлаетъ, лишь бы служанка твоя жила въ милости царской.

женился на Готской принцессѣ Галесвиндѣ. Фредегонда осталась служанкой; Галесвинда, которая переѣзжая Пиринеи, рыдала на груди матери и говорила: Богу такъ угодно, надобно покориться, Галесвинда была удушена. Фредегонда стала опять царицей, но теперь она начнетъ царствовать.

1835 г.

Когда мы возвращались въ дилижансѣ изъ Царскаго Села, на Сѣнной площади экипажъ нашъ задавилъ женщину; я сперва слышалъ глухіе, невнятные крики, но когда карета проѣхала, задавленная кричала громко и болѣзненно. Кучеръ, по глупости, думалъ ускакать; сто голосовъ поднялось на улицѣ, бѣгутъ, скачутъ, наконецъ часовые, хожалые хотятъ остановить, не могутъ; преслѣдуютъ экипажъ въ догонку до самой квартиры, которая была недалеко. Солдатъ сдернулъ кучера съ сими словами „и не остановится!“ Виновный отведенъ въ будку и конечно до изслѣдованія дѣла много потерпитъ за то, что не остановился и заставилъ бѣжать небойкаго стража... „И не остановится“, не сказалъ же: „задавилъ женщину“. Долженъ ли дилижансъ останавливаться? Но и я похожъ на часового, спѣшу прибавить: дай Богъ задавленной быть здоровой; быть, какъ мнѣ часто случалось видѣть, мнимо задавленной.

*

Неужели всѣ эти земли, всѣ эти моря, всѣ эти народы составляютъ одну націю? Одну державу, подъ однимъ скипетромъ подданныхъ Русскаго государя.

Чрезвычайное протяженіе Россіи изумительно; но здѣсь тѣмъ болѣе бы вѣрно удивляться разноплеменности обитателей и различію климатовъ и мѣстностей. Этого не было въ исторіи.

Римская имперія зависѣла отъ своихъ провинцій: Египетъ давалъ хлѣбъ, Греція—ученіе, Азія—золото, Сѣверъ—солдатъ, Африка—рабовъ; всѣ провинціи были отдѣльны, платили дань за покровительство, иногда сохраняли своихъ владѣтелей, свой порядокъ, свои законы. Римъ никогда не думалъ о единообразной системѣ управленія, онъ былъ глава (городъ Римъ) между союзниками и употреблялъ во зло свое первенство. Если посылались въ провинцію войска, то для держанія оной въ повиновеніи или защиты отъ нападенія стороннихъ; но вводить порядокъ въ управленіе государствомъ и финансами его, но понимать и удовлетворять нуждамъ страны, заводить, поощрять промышленность, образованіе, давать направленіе мысли и дѣлу—этого Римъ и не думалъ и не хотѣлъ дѣлать. „Да говорятъ всѣ по латыни“, приказываетъ Сенатъ, какъ будто это возможно?.. Но съ другой стороны: Ликійскій

посланный, гражданинъ Римскій, пріѣхалъ въ столицу просить о помилованіи возмутившихся и (Dio Cass. LX.) не умѣлъ ни слова говорить по латыни. Неронъ поставилъ „Splendidum virum, graciae provinciae principem, virum latini sermonis ignarum (Sveton-Claud. 16) Римскимъ правителемъ важнѣйшей области. Но и самый языкъ можетъ ли быть достаточнымъ средствомъ сліянія общественнаго, средствомъ возможнымъ въ первые годы соединенія?

Обстоятельства, въ которыхъ былъ Римъ, совершенно различны отъ современныхъ намъ; состояніе понятій и странъ, требованіе общества и цѣль закона все измѣнилось, все кажется противъ разнороднаго соединенія. Однако Россія не вымыселъ, и сомнѣніе неумѣстно.

Здѣсь должны быть рѣшены два вопроса:

1.—Странами или обитателями владѣетъ Россія?

2.—Совершенно ли это владѣніе, т. е. по всѣмъ ли формамъ обозначена эта принадлежность и приноситъ ли она выгоды, какихъ въ правѣ ожидать владѣтель отъ своей собственности? (я не говорю объ общественномъ сліяніи, для этого еще идетъ время; я говорю о томъ, въ какой мѣрѣ способствуютъ страны и народы государственной жизни и общественному благу?)

Рѣшеніе этихъ вопросовъ не такъ легко: есть страны, необитаемыя никѣмъ, слѣдовательно вольныя; есть народы, совершенно принадлежащіе, но не владѣющіе землями, какъ должно; есть народы отдѣльные, не выкупающіе заботъ правительства (расходовъ), есть страны, которыхъ уничтоженіе принесло бы болѣе пользы, нежели владѣніе ими.

Россія, слово политически номинальное, заключаетъ подъ своимъ необъятнымъ кровомъ тысячи племенъ. Сильная и славная, она даетъ имъ свое имя, и это имъ служитъ защитою и ручательствомъ, даетъ имъ своего правителя, не ожидая наградъ за свои дѣйствія; мало по малу благодѣтельное вліяніе принесетъ плоды, племена сдружатся, и номинальная держава сдѣлается дѣйствительною, и попеченія правительства увѣнчаются полнымъ и достойнымъ успѣхомъ.

При Алексѣѣ Россія была необъятна, но каковы были финансовыя средства и административное устройство? Теперь Корякъ и Ярославлянинъ оба Русскіе, но сколько тотъ и другой платятъ подати?

Римской имперіи не было, это названіе существовало только въ лѣтописяхъ. Imperator Romanus или Romanorum нельзя сказать, государи просто назывались цезарь, какъ у Персовъ-царь, βασιλεὺς безъ всякаго прилагательнаго; но Императоръ Всероссійскій есть титулъ, употребляемый внѣ и внутри государства, какъ названіе: Россійская Имперія.

Всѣ подвластные Риму народы были старше его въ гражданской и умственной образованности; даже Галлы, Германцы, Бритты имѣли вліяніе на военное устройство Римлянъ. Совсѣмъ другое представляетъ Россія: если исключить наши Остзейскія губерніи, Финляндію и Польское царство, всѣ прочія страны, по гражданственности, ниже Россіянъ, всѣ образованы Россіянами: Сибирь, Уральскія земли, Кавказъ, Крымъ, даже Малая и Бѣлая Россія гражданскимъ бытіемъ своимъ обязаны Россіи: только со времени присоединенія ихъ начинается тамъ стройный порядокъ дѣлъ.

Римъ дѣлаетъ преобразованія, но изъ корыстныхъ, односторонніхъ видовъ; онъ пилъ кровь изъ своихъ подданныхъ (subditi), мѣста начальниковъ продавалъ съ аукціона. Лучшее время настало при первыхъ императорахъ, но провинціи уже не что иное, какъ оброчныя помѣстья, правители—сборщики, а потомъ, при слѣдующихъ государяхъ, провинціи—отдѣльные лагери, съ военнымъ управленіемъ, съ своими силами, средствами, цѣлями... Посмотрите, какъ долго сохраняется этнографическая самобытность провинцій. Провинціи Рима были безъ права гражданства; уже послѣ, когда это право ничего не значило, они получили его... Въ Россіи совсѣмъ другое, въ Римѣ были subjecti, въ Россіи subditi.

*

Посреди всѣхъ своихъ собратій-лѣтописцевъ нашъ Несторъ одинъ говоритъ туземною рѣчью: вліяніе Запада, Римскаго двора, не простиралось на Кіевъ. Все это такъ. Но отчего же въ Латинскомъ Западѣ сохранились такъ многіе памятники литературы, поэзіи на языкѣ народномъ, тогда какъ у насъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, или почти нѣтъ? Мы укажемъ на пѣсни, на сказанія, большею частію позднѣйшія и то характеризующія нравственныя понятія человѣка, а не вѣкъ, одну личность, а не всеобщее направленіе; мы такъ бѣдны, что изъ *памятниковъ* ничего не знаемъ (до XV ст.) ни о жизни, ни о занятіяхъ, ни объ устройствѣ; есть отрывистыя извѣстія мѣстныхъ писцовъ, есть неопредѣленные намеки, но большая часть нашего представленія основана на предположеніяхъ, сравненіяхъ a priori.

Вотъ что значитъ жить уединенно, огородиться религіей и языкомъ и имѣть сосѣдями еще грубѣйшихъ народовъ. Но поэзія непремѣнно должна быть поэзія, и если ея нѣтъ, вина въ недостаткѣ письменности, которая у насъ никогда не была такъ распространена, какъ на Западѣ; а впрочемъ можетъ быть и откроютъ экспедиціи и комиссіи, поиски и изслѣдованія... дай Богъ намъ Иліаду, хоть въ переводѣ Третьяковскаго.

*

Я всегда занимался учеными предметами, чисто-учеными: и поэтому, можетъ быть, въ обыкновенномъ разговорѣ, въ обыкновенномъ письмѣ не могу найтись въ самой малости. Усвоивъ себѣ предметъ, я способенъ былъ передать его въ томъ смыслѣ и тѣмъ тономъ, какой о немъ имѣю, безъ всякаго отношенія къ лицу, и можетъ быть уроки мои дѣтямъ были иногда выше ихъ понятій. Я бѣденъ искусствомъ, я чувствовалъ самъ, что иногда въ принаровкѣ терялъ ровность, приличіе тона и постепенность въ ходѣ изложенія; я чувствовалъ, что сбивался, иногда мысль опережала слова, иногда нечаянно вырвавшееся слово нарушало принятую методу, и для оправданія этого нечаяннаго, видимо несходственнаго выраженія я восходилъ на другую степень и запутывался... Поправиться въ словахъ не такъ легко какъ поправляется ораторъ въ извѣстной фигурѣ; впадешь въ необузданность, не остановишься и испортишь все, ясность изложенія, достоинство предмета и самое счастливое впечатлѣніе... Въ разговорѣ, чисто-ученомъ, для меня было легче, но и здѣсь нерѣдко впадалъ я въ схоластицизмъ или мистицизмъ. Я неровенъ, я больше чувствую, нежели знаю.

*

При вступленіи моемъ въ Д-тъ*) приложеніе моихъ знаній къ моему дѣлу, было повидимому ничтожное; хоть бы ничего не знать—все равно; но развитіе моихъ душевныхъ силъ, общее образованіе, знаніе языка, были для меня чрезвычайно полезны. Я скоро понялъ дѣло, ходъ его и цѣль, но тутъ же на первыхъ порахъ увидѣлъ необходимость учиться дѣловому формальному, обрядному слогу и, что особенно трудно, правительственному тону: это въ правительственномъ Д-тѣ. Что я бы сталъ дѣлать, не будучи переписчикомъ въ Комитетѣ Министровъ? Формы, условленныя выраженія (весьма необходимыя) я выучилъ скоро, но вставить въ эти формы существо дѣла, справку, мнѣніе, но умѣстить въ эти формы, положимъ, два предложенія разнородныя, было не легко, было наукой; это формы. Труднѣйшимъ пунктомъ былъ тонъ: я сбивался или принимая Д-тъ за лице, дѣло казенное за частное, и позволялъ себѣ предполагать въ лицѣ чувство, сердце, могущее сердиться и участвовать въ дѣлѣ, какъ въ частномъ, распоряженія произвольныя, не ограниченныя никакими формами, лишь выгоднымъ и прекраснымъ исполненіемъ. Я думалъ имѣть дѣло съ людьми и идеями, я никакъ не вѣрилъ однимъ вещамъ и формамъ. Съ перваго раза колегіальность, что шагъ, то актъ, то бумага, меня удивили, и я по неопытности думалъ, что это принадлежитъ юности и что со време-

*) Въ Департаментъ (Министерства Юстиціи).

немъ вся эта строгая формальность уступитъ мѣсто дѣйствію болѣе свободному и независимому (я и теперь отъ этого не прочь, да не въ наши дни, а черезъ нѣсколько лѣтъ); я отчаявался, что буду имѣть случай употребить въ дѣло свое умѣнье, котораго кто же въ себѣ не предполагаетъ? Я думалъ, что вѣкъ буду подъ тяжестью формъ, при спискахъ съ старыхъ дѣлъ.

Наконецъ я сталъ писать бумаги, и ни одинъ писарь не писалъ такъ дурно! То что̀ въ сношеніяхъ съ лицемъ было бы умѣстно, то здѣсь, при формахъ, чрезвычайно пестро и неловко. Я кинулъ все, взялъ старое, старался только выкидывать пустошное и иногда выпускалъ довольно важныя обстоятельства, а писалъ такъ дурно, какъ формальный подъячій.... Подъяческій слогъ состоитъ въ *неопредѣленности*, сдѣлай такъ или сякъ; но сдѣлаешь ты хорошо, это дѣло къ предписанію; сдѣлаешь дурно, тамъ тебя предостерегали: пиши такъ, чтобы бумага прилагалась ко всѣмъ, хорошимъ исполненіямъ, чтобы въ общихъ словахъ они представляли всѣ возможныя средства, и эти бумаги идутъ изъ года въ годъ послѣдственно, наростаютъ только общія выраженія, хотя въ самомъ дѣлѣ есть много фактовъ, которые необходимо должно бы было поставить на видъ предводителю....

Мое начальство поступало со мной снисходительно: оно не называло мнѣ мои несообразности и должное. Нельзя сказать, чтобы эти причины не огорчали самолюбія, но я замѣчу для себя, что сознаніе всегда было во мнѣ; если ни въ первую минуту, то черезъ часъ, я передѣлывалъ бумагу, и она шла въ ходъ. Впрочемъ не всегда я былъ виноватъ. Главное—въ тонѣ. Я никакъ сперва не могъ отдѣлить личности отъ мѣста.

*

Въ нашихъ курсахъ словесности страницы двѣ посвящается дѣловому слогу, но я не знаю какъ нѣтъ курса дѣловой словесности, которая во сто разъ нужнѣе всѣхъ пошлостей нашихъ теорій. Я не знаю, какъ при Русскомъ правовѣдѣніи нѣтъ формы ученія, не тѣхъ практическихъ занятій, которыя дѣлалъ покойный Н. Н. Сануновъ, но формоученія теоретическаго, которое непремѣнно будетъ стройно съ первой поры своей, потому что стройно учрежденіе нашего правленія. Если не достаетъ ума составить философическую теорію à priori, то пусть раздѣлятъ такъ: часть государственная, часть губернская, часть уѣздная. Въ государственной, по отдѣламъ; бумаги Государя, Совѣта, Комитета Министровъ, Департамента и проч. Но есть начала вѣрнѣйшія, условія болѣе существенныя. 1. Правительственное лице

и правительственное мѣсто. 2. Дѣло обнимающее всю Имперію или часть ея. 3. Дѣло новое, дѣло обновляемое, дѣло повторяемое. 4. Инстанція лицъ и мѣстъ. 4. Образъ дѣла: излагательный, обсудительный и заключительный. Отсюда легко будетъ вывести слѣдующія формы: а) Манифестъ, дарственная грамота сословію, рескриптъ. б) Указъ. в) Предписаніе, предложеніе, запросъ, требованіе, приказъ. г) Донесеніе, Записка (докладная) и Мнѣніе. д) Отношеніе, сообщеніе, запросъ, вѣдѣніе е) Положеніе, уставъ, учрежденіе (къ мѣсту или ж) Инструкція (лицамъ) з) Циркуляръ.... Я такъ смѣшалъ все, что нашелъ самую плохую теорію. Книга М. Л. Магницкаго положила начало, которое можно усовершенствовать.... Мнѣ мерещутся категоріи.....

*

Не слишкомъ ли скоро назвали крестовые походы слѣдствіемъ легковѣрія и невѣжества? Робертсонъ и Гердеръ, какъ судьи, не правы. Я не знаю, всталъ-ли бы кто въ наше время отъ ополченія противъ невѣрныхъ, если бы могущество и отношенія Турковъ были инаковы, если бы голосъ папы былъ силенъ, если бы, просто, произошло ополченіе. Кромѣ религіознаго чувства, которое въ насъ слабѣе нежели въ XI и XII столѣтіяхъ, кромѣ славы, любопытства, дѣятельности, одно воззваніе, торжественное и громкое, возваніе къ освобожденію гроба Спасителя, невольно принимается душою и заставляетъ забыть другое для дражайшаго, святыя обязанности семейства для святѣйшаго, плотское для духовнаго, міръ для Спасителя міра. Попробуйте сдѣлать это воззваніе, и крестовые походы повторятся, но это не будетъ уже то разнородное скопище бродягъ и вѣнценосцевъ, отшельниковъ и разбойниковъ, которые кормились опустошеніемъ, ограждались смертью, выкупались вѣроломствомъ; теперь явится ополченіе стройное, обезпеченное съ увѣренностію на силу, а не на чудо съ цѣлью—Св. Гроба, а не убійства невѣрныхъ...

Крестовые походы по замыслу и по слѣдствіямъ не заслуживаютъ такихъ упрековъ, какими подвергаютъ ихъ Робертсонъ и Гердеръ. То вспыхнувшее религіозное чувство, которое указало человѣку настоящее его значеніе, то направленіе, которое получило отъ сего чувства молодое рыцарство, то братство крестоносцевъ, которое было не только въ понятіяхъ, но въ самой дѣйствительности, братство родившее впервыя мысль о человѣчествѣ какъ приложеніе христіанства къ свѣту, наконецъ тысячи чувствъ ощущеній, знаній, опытовъ,—все это неужели не достойно никакого вниманія?

Я вѣрить не хочу, чтобы крестовые походы были слѣдствіемъ личныхъ видовъ Папы. Папа ни въ какомъ случаѣ не выигрывалъ,

напротивъ тратился, подрывалъ собственные доходы, даже собственное мнѣніе; я не могу вѣрить, чтобы это было глупое, инстинктивное влеченіе. Говорить, что Папа произвелъ Крестные походы, тоже что̀ Лютеръ произвелъ революцію. Напротивъ, я вижу въ этомъ огнѣ, въ этомъ рвеніи чистѣйшее религіозное чувство, побужденіе сильное и безсмертное, цѣль высокую и прекраснѣйшую. Папа далъ средства, но средства мірскія. Первый походъ Герфрида есть истинно святое полчище, одушевленное святымъ обѣтомъ, осѣненное крестомъ и ликомъ архангела: онъ удался. Далѣе начинаются походы для другихъ, второстепенныхъ цѣлей: для искупленія своихъ грѣховъ, для пріобрѣтенія права свободы, или другихъ какихъ, для рыцарской потѣхи, часто по глупости; но первый походъ и частію второй—не легковѣріе, не невѣжество; такой походъ возможенъ въ наше время. Я первый готовъ терпѣть всѣ нужды, всѣ препятствія, лишь бы преклонить колѣно предъ гробомъ Христа и возвратить это святилище христіанскихъ преданій, вѣрованій и ученій настоящимъ владѣтелямъ.

Я нѣсколько разъ говорилъ о неприличіи судить и приговаривать въ Исторіи: иногда одно искаженіе доводовъ, одна краснорѣчивая строчка увлечетъ молодое вниманіе. Я до сихъ поръ не читалъ хорошаго начертанія Крестныхъ походовъ; вездѣ они какъ снѣгъ на голову, по Папскому слову, которое было сказано *насильно*, которое было такъ сказать освященіемъ общаго мнѣнія, выраженіемъ общаго желанія. Рѣчь Урбана слышали десятеро, а не вся Европа. Его, можетъ, не имѣли и тѣ десятеро, которые слышали. Кому приказать, кто въ правѣ, кто можетъ однимъ словомъ спасти или погибнуть на вѣки? Папа. Папа долженъ былъ и утвердить народную волю, ибо безъ папы народъ не рѣшался вѣрить ни въ дурное, ни въ хорошее.

Состояніе тогдашняго общества понятно и безъ всякихъ разсужденій, если вы два или три факта сумѣете выбрать къ мѣсту; а то посмотрите, какъ близорукъ Гердеръ (часть II, книга 20, глава III). Здѣсь всего яснѣе, что у почтеннаго философа дозволяются всякія вставки и выпуски, pro и contra. Здѣсь къ случаю я замѣчу, что II часть Гердера полезнѣе первой; но въ ней уже нѣтъ той свободы, иногда глубины мысли, которою отличается общая часть, первый томъ его твореніа. Вообще, сочиненіе это чрезвычайно рано задумано. Гердеръ болѣе предчувствовалъ и предугадывалъ.

*

Одно изъ превосходнѣйшихъ учрежденій Имперіи есть Комитетъ Министровъ. Надобно прочесть два или три важныя дѣла Комитета,

чтобы видѣть пользу и вліяніе его на правильнѣйшій ходъ управленія и подробнѣйшее развитіе отношеній и назначеній. Лучшей службы, по моему мнѣнію, нѣтъ нигдѣ, какъ быть управляющимъ дѣлами Комитета; но едва-ли можно хорошо приготовиться на этотъ постъ, если его не ограничивать одной бумажной работой. Онъ слишкомъ обширенъ.

*

Если въ древнемъ мірѣ взорамъ испытателя представляется разнообразіе формъ, самобытность (оригинальность) и полнота спхъ формъ, то нельзя, однако, не видѣть уединенія, разъединенія древнихъ обществъ, отдѣльности, особенности ихъ бытія и однообразія въ ихъ развитіи. Образованность древняго міра была мѣстная, соприкосновенія начались въ дряхлѣющемъ возрастѣ, подъ конецъ, и какое соприкосновеніе? Нашествіе разнородныхъ полчищъ, соединенныхъ наймомъ, война, грабежъ. Какъ прозелиты, какъ пилигриммы, плаваютъ у береговъ корабли и караваны Филипійскіе и Карѳагенскіе, плаваютъ скрытно, хитро, единственно изъ выгодъ мелкой торговли, привозятъ обманъ, мѣняютъ забавы на благосостояніе и, поощряя невѣжество, налагаютъ на всю землю запрещеніе подъ опасеніемъ смерти!

Одна только давность времени, обольщая насъ оптически, представляетъ древній міръ въ томъ свѣтѣ, въ которомъ видитъ его напряженное вниманіе изслѣдователя. Сколько миѳическихъ сказаній, толкованныхъ и перетолкованныхъ доброхотною ученостью, пріобрѣли достоинство событій, сколько предположеній, намековъ, передаваемыхъ и распространяемыхъ разбирателями и судьями, окоренились и превратились въ факты, сколько дѣтское удивленіе среднихъ вѣковъ къ мудрой древности утвердило пристрастное воззрѣніе на классическій міръ и сдѣлало его для себя и для позднѣйшаго потомства главнѣйшимъ, единственнымъ предметомъ изученія, примѣромъ, образцомъ, канономъ жизни и мысли, письменности и гражданскаго устройства! Преимущество изученія Исторіи не принадлежитъ ни одному вѣку, ни одному народу: она должна быть изучаема въ общности, безъ исключеній; но если принимать ее въ одностороннемъ, прикладномъ, значеніи, какъ школу нрава, права, нравственности и гражданскаго постановленія, если дѣлать изъ науки средство, орудіе, конечно благородное: то древность всего менѣе, менѣе среднихъ вѣковъ, соотвѣтствуетъ предположенной цѣли. Вглядясь пристально въ существо жизни древняго міра, нельзя не признать, что начала оной совершенно противоположны съ нашей: мѣстная образованность, выработанная обстоятельствами, враждующая съ наукою, отсутствіе идеи человѣчества, идеи всемірнаго Бога, идеальной религіи и господство личности, господство частности, господство формы и обрядовъ, исключительное гражданское общество

и униженіе женскаго пола и всѣхъ домоводныхъ занятій, эгоизмъ демагоговъ и цѣлыхъ обществъ, подчиненіе духовнаго умственнаго практическому гражданскому, пренебреженіе воспитанія и людкости,—что тутъ образцоваго для нашего времени, гдѣ тутъ школа нравственности, на чемъ основано безусловное преимущество? Нѣтъ человѣка, есть гражданинъ, нѣтъ общества, есть площадь, нѣтъ жены—есть раба, нѣтъ хозяйства, есть угнетеніе и насиліе, нѣтъ религіи, есть вѣщанія и обряды, нѣтъ искупленія, есть судьба, нѣтъ христіанства, нѣтъ духовной благодати, нѣтъ Бога...

Напротивъ для Исторіи въ такомъ прикладномъ значеніи Средніе вѣка гораздо важнѣе, какъ начала и основа бытія нашего, какъ наше зарожденіе, въ которомъ еще видимы, еще ощутительны стихіи христіанскаго, нашего міра.

Столько вѣковъ, столько головъ писали и изучали, украшали и искажали древнее человѣчество; мудрено ли, что и въ наше время обращаютъ на него преимущественное вниманіе? Въ самомъ же дѣлѣ, понятіе о жизни древнихъ для насъ такъ чуждо, такъ трудно, что для приблизительнаго, гадательнаго знанія надобно всю жизнь провести въ любовномъ, неотступномъ чтеніи древней письменности, въ созерцаніи древнихъ памятниковъ, въ отчужденіи современности, въ катакомбахъ, въ архивахъ. Нѣтъ ни одной книги, въ которой бы не упоминалось о древнихъ; но одинъ изъ ста говоритъ объ нихъ по убѣжденію, одинъ изъ милліона имѣетъ основательное понятіе и, можетъ быть, ни одного, который бы обнялъ въ кругу своихъ занятій и тѣ остатки, какіе пощадило для насъ время, остатки, неполные, переломанные, приправленные, нечистые, смѣшенные изъ лжи и правды.

*

Напротивъ, знаніе Среднихъ вѣковъ явилось недавно, еще юное, безъ мудрствованій, безъ предразсудковъ и предубѣжденій, знаніе, едва возраждающееся, непочатое, прежде пренебрегаемое и, слѣдовательно оставшееся безъ умышленнаго и неумышленнаго искаженія, знаніе родное, живое, продолжающееся въ самой дѣйствительности, можетъ быть, до настоящаго дня. Одинъ взглядъ Шлегеля, одна страница Лудена, одинъ романъ Вальтеръ-Скота сколь представляетъ предметовъ глубочайшаго, назидательнаго изученія? А этотъ сборникъ народныхъ преданій, а этотъ свитокъ старыхъ хартій? Они полны ученія и дѣлъ намъ кровныхъ, они притягиваютъ вниманіе ваше, какъ ваше достояніе, въ нихъ буквы, мысли, дѣла тѣ самыя, которыя вчера образовались вполнѣ, исполнились, возродились, въ нихъ имена, фамиліи существующаго семейства, въ нихъ жизнь, продолжающаяся нашимъ

поколѣніемъ, въ нихъ наше вчерась, наши дни юности, и мало этого! въ нихъ человѣчество, а не Грецiя, въ нихъ христiанство, исключающее всякое мѣстное содѣйствiе, въ нихъ всеобщность, міръ, а не берега Средиземнаго моря.

Черпайте знаніе древности изъ непосредственныхъ, первыхъ источниковъ, познавайте Средніе вѣка изъ грамотъ и поэзіи, но отриньте всѣ толки коментаторовъ на классическихъ писателей и не вѣрьте лѣтописцамъ, дивящимся Римской образованности.

*

За очарованіемъ слѣдуетъ разочарованіе, за страстью—холодность, за горячкой—лихорадка. В. Гюго отказывается отъ романтизма, В. Гюго находитъ въ народности простонародность, В. Гюго признаетъ начала и правила; онъ пренебрегаетъ современностью, онъ отвергаетъ мелочность обыкновенной жизни. Если это правда, то очень жаль, что мои чтенія о словесности, мое опроверженіе романтизма, мое опредѣленіе народности, мое „стремленіе въ высшему, всеобщему въ поэзіи“ и, наконецъ, „характеры Шекспира родовые или видовые“, „завязки драмъ Шекспира и Шиллера“ не были публикованы въ свое время, когда мы слушали ихъ въ дружеской бесѣдѣ съ А. и на вечерахъ княгини Е. С. Гагариной и Б. В. Голицына, очень жаль! Но неужели это таки сбывается, оправдывается? Я боялся тогда за свои мнѣнія, я считалъ ихъ оригинальною новостью. Теперь я поздравляю! Но это не похоже на Гюго.

Возможность эпопеи въ наше время, кажется, совершенно отвергнута: до сихъ поръ не явилось ни одной поэмы, достойной сего названія. Байронъ отказывается; кто же осмѣлится послѣ творца Донъ-Жуана и Чайльдъ-Гарольда? Итакъ, предположеніе Монтескье вѣрно, оправдано. Но почему же? Не потому ли, что исчезла вѣра въ чудесное и нѣтъ махины эпическому событію? Нѣтъ Олимпа,—это правда, но есть Богъ и чудеса Божіи. Неужели религіозное чувство изсякло и нѣтъ вѣры въ *чудеса* силы, правды и благодати? И самые романы, не эпопеи ли? Другой тонъ, нѣтъ ни „пою“, ни призванія, писаны прозою, много мелочей, много не поэтическаго, не идеальнаго, но все это второстепенныя обстоятельства. Эпопея можетъ существовать со всѣми махинами, со всѣми чудесами; не говорю о чистой Исторіи, напримѣръ, герцоги Бургундскіе, Венецiя, Іоаннъ Грозный; укажу на оперы: при всей простотѣ и грубости содержанія иногда чувствуешь боязнь, вѣришь чародѣйству, слышишь адскую тревогу; укажу на самое естественное и народное явленіе: спасеніе отъ вѣры, преданность предразсудку, исполненіе предчувствія. А Исторія, развѣ не эпопея? Возьмите

папство: здѣсь рожденіе, завязка, борьба, торжество, паденіе; а Крестовые походы, а Колумбъ, Лютеръ,—а этотъ Наполеонъ, которому наши потомки не повѣрятъ?

До сихъ поръ говорилъ мнѣ полк. А. Ѳ. Мосоловъ, до сихъ поръ гремятъ въ ушахъ моихъ слова строгаго, но разсудительнаго и умнѣйшаго отца моего, когда я изъ Семеновцевъ былъ переведенъ въ армію: „Я зналъ, до чего можетъ дойти гордая молодежь, когда ей дадутъ свободу. Ты сбился съ дороги. Если душа твоя чиста, ты еще можешь поправить свою участь. Благородный и образованный, ты долженъ приняться за службу съ страстью, съ постоянствомъ и убѣжденіемъ.... Тогда припомни слова отца“. Полк. Мосоловъ одинъ изъ образцовыхъ людей по службѣ. „Моя жестокая любовница“, говоритъ онъ обыкновенно о своей службѣ...

*

Нѣтъ ничего пагубнѣе для науки, какъ умышленное принаправленіе ея началъ къ дѣйствительному порядку общества. Она теряетъ тогда свое достоинство и мѣняетъ съ обществомъ свое высшее значеніе; тогда жизнь дѣлается правиломъ, а наука толковательницею этого правила. Особенно должно разумѣть это о наукахъ отвлеченныхъ и Исторіи. Когда философія боролась съ принятыми формами, общество, какъ посредникъ, могло быть свидѣтелемъ и цѣнителемъ, могло извлекать пользу, видя недостатки. Когда наука представляетъ высшій порядокъ вещей, *идеалъ дѣйствительной жизни*, польза ея для себя и для общества не столь чувствительна, за то прочна и обширна.

Иной говоритъ: „я намѣренъ примирить религію съ философіей“; другой: „я намѣренъ подтвердить настоящее состояніе теоретически“: это вѣрный знакъ софистики.

Въ человѣческомъ тѣлѣ есть центръ, къ которому сходятся всѣ жизненныя силы. Я это чувствую. Вся физическая система сосредоточивается въ немъ. Блаженъ хранящій цѣломудріе!

Если вы встрѣтите человѣка съ болѣзненными глазами, съ лицемъ осунувшимся, безъ яркаго румянца, руки морщиноватыя, всѣ члены зыбкіе, волосы рѣдкіе и къ этому еще осторожность въ пищѣ, постоянное утомленіе, дохлый голосъ, затхлый духъ изъ рта, нетвердость походки, одышка, неправильность взгляда, непослушаніе языка, съ характеромъ запальчивымъ, раздражительнымъ, нетвердымъ и непостояннымъ... Это сладострастные. Можетъ быть; онъ уже и раскаивается, что зашелъ такъ далеко, можетъ быть, онъ уже дѣлаетъ сильныя напряженія къ противодѣйствію.... но поздно! Ребенокъ проситъ

книгу, проситъ тысячи, нельзя же удовольствовать его игрушкой или мелочью.

*

Я о бракѣ думаю юридически. Бракъ есть соединеніе одинаковыхъ особъ на неразрывное сожительство. Соединеніе тѣлесное, гражданское и духовное, предполагающее общность взаимной отвѣтственности и имущества. Одинаковость опредѣляется: по возрасту, государственному или общественному состоянію и по нравственному образованію.

Бракъ непремѣнно долженъ быть равный.

При этихъ условіяхъ поводы къ разводу будутъ рѣже и слѣдовательно въ законъ входить не должны.

Все это—бракъ по закону. Бракъ по политическимъ видамъ можетъ допустить слѣдующія изъятія изъ общихъ правилъ:

1. Бѣдный на бѣдной не женится.

2. Родные во второй и третьей степени могутъ жениться.

3. Для брака долженъ быть опредѣленъ возрастъ и состояніе или способы. Бракъ не есть дѣло домашнее, но гражданское и даже политическое или государственное.

*

Я веду жизнь прозябательную: служу, ѣмъ, гуляю и сплю. За то, никуда не гожусь.

*

Ничто не дѣйствуетъ такъ сильно на расположеніе души какъ музыка: есть какая-то тайная гармонія между звуками и религіозными чувствами. Я не говорю о концертахъ, тѣмъ менѣе объ операхъ. Надобно быть слишкомъ преданну музыкальному искусству, слишкомъ отчужденну отъ свѣта, чтобы душевно наслаждаться и чувствовать смыслъ звуковъ на сценѣ; надобно твердо знать, что̀ играютъ и при каждой мелодіи имѣть опредѣленное понятіе, чтобы вполнѣ предаться оркестру. Я говорю о музыкѣ домашней, одинокой, уединенной. Она истинно голосъ души, чистой, смиренной, довольной. Случится ли горесть или радость, самые обыкновенные звуки западаютъ глубоко въ сердце. Радость и горе, буйныя и безнадежныя, умиряются, уравниваются, очищаются. Это всякому извѣстно. Случится, что голова полна прозаическими мыслями, или пуста, страдаетъ, мечтаетъ, лѣнится, дурачится; возмите аккордъ, простой, обыкновенный: душа откликнется на этотъ аккордъ, она забудется. Играйте, играйте пѣсни, фантазіи, романсы, концертъ—душа васъ слушаетъ. Ей пріятно разгадывать непонятные звуки, она слышитъ въ нихъ небесное пѣніе, хвалебный гласъ. Когда Христосъ возносился на небо, силы небесныя встрѣчали Его святою

пѣснію; на небѣ сонмы херувимовъ и серафимовъ славили Божіе имя. Мы, люди, стоявшіе на землѣ, слышали эти божественные звуки, не слыша словъ. Это—музыка.

Она можетъ вдохнуть храбрость, любовь, боязнь, грусть, радость, ужасъ, но никакая музыка не можетъ возродить никакого порочнаго порыва, тѣмъ еще менѣе непріятнаго, звѣрскаго чувства. Я понимаю басню объ Орфеѣ; я вѣрю Гуфланду, но думаю, что такая впечатлительность есть болѣзнь.

*

Мнѣ кажется, что точно есть люди геніальные.

Я читалъ свою драму „Русская Иностранка", въ которой мнѣ искусство не было главнымъ, а просто предлогомъ: мнѣ хотѣлось польстить современному ужасомъ Жидовскаго мщенія и Русскимъ характеромъ въ противуположность иностранному. Драма—какъ говорятъ обыкновенно авторы—драма плоха, но ее слушали (24 Марта) двѣ дамы весьма для меня замѣчательныя, особенно въ этомъ случаѣ княгиня К. С. Гагарина. Кто ея не знаетъ лично, а только по слуху, тотъ ея не знаетъ.

*

Я гдѣ-то говорилъ о государственномъ единствѣ. Оно должно служить главнымъ основаніемъ административнаго раздѣленія государства. Однихъ географическихъ условій не достаточно, надобно непремѣнно обращать вниманіе на историческія и этнографическія, не потому, что симъ будетъ сохранено единство, но и потому, что единство этнографическихъ и историческихъ свойствъ тѣсно связано съ общностью администраціи, которая въ однородныхъ, общихъ элементахъ отправляется и съ бо̀льшимъ удобствомъ, и къ вѣрнѣйшему достиженію.

*

Раздача пенсі́й заслуженнымъ есть одно изъ благотворительныхъ воздаяній, оказываемое государствомъ сынамъ своимъ. Но пенсія службѣ похожа на дань Исторіи. Можно всѣ государственные доходы отдать въ пенсіяхъ. Государство воздаетъ за дѣйствительную службу, награждаетъ по мѣрѣ пользъ, ему принесенныхъ. При опредѣленіи пенсій должно имѣть въ виду число лѣтъ и степень мѣста. Мнѣ кажется, пенсіи должны собираться изъ жалованья служащихъ и даваться за всякое время, по числу сдѣланнаго вычета. Нынѣшнія пенсіи чрезвычайно недостаточны. Высчитайте больше, но и давайте больше. Вообще классъ чиновниковъ въ плохомъ положеніи. Не надобно забывать, что въ Россіи чиновникъ не наемникъ, а слуга. Онъ долженъ быть обезпеченъ даже потому, что онъ награждается чинами и орденами. Или конституція (народъ) или управленіе (чиновники).

Указы 1834 г. Іюня 25 и 1835 Ноября 20 опредѣляютъ классы мѣстъ и сроки производить въ классы, по различію образованія служащихъ. Важность этихъ указовъ чрезвычайна. Это почувствуютъ скоро, лѣтъ черезъ 10; это чувствуемъ даже мы, служащіе подъ сими указами.

Но занятіе мѣстъ, условленное правомъ класса, соразмѣрено-ли съ срокомъ происхожденія и одинаково ли должно быть право класса одного вѣдомства во всѣхъ вѣдомствахъ? Докторъ медицины можетъ ли быть признанъ безъ экзамена докторомъ всѣхъ наукъ, начальникъ отдѣленія въ № министерствѣ можетъ ли занять это же мѣсто въ другомъ министерствѣ?

Занятіе мѣстъ, я не перестану говорить, есть важное дѣло. Право, оно не должно предоставляться произволу правителей. Занятіе мѣстъ должно быть строго-іерархическимъ. Я говорю о судномъ и административномъ порядкѣ. Геніальныя способности—которыя обыкновенно приводятъ въ возраженіе—служатъ только предлогомъ къ тысячи злоупотребленій. Они могутъ быть употреблены въ дѣло и безъ назойливыхъ скачковъ и безъ преждевременныхъ наградъ. Право, это важное дѣло. Не равняйте насъ съ чужестранцами: мы получаемъ чины и кресты, а съ чинами и крестами у насъ связаны важныя, существенныя преимущества.

*

Я прочелъ нѣсколько страницъ изъ Конисскаго. Я ожидалъ бо̀льшаго. Положительныя познанія общества, исторіи и основной нравственности весьма обыкновенны. Въ проповѣдяхъ я не встрѣтилъ ни одной замѣчательной глубокой мысли; я по слухамъ ожидалъ отъ него гораздо болѣе. Завтра мнѣ обѣщались принести рукопись его Исторіи Малороссіи, но я не думаю, чтобы онъ былъ хотя хорошимъ лѣтописцемъ*); изъ всего мною прочитаннаго не замѣтилъ я тѣни понятія о жизни человѣка, о существѣ общества, о развитіи человѣчества въ цѣломъ. Дай Богъ, чтобы я обманулся.

*

Мнѣ кажется въ нѣкоторыхъ описаніяхъ свѣтскихъ сценъ упущенъ изъ виду дипломатическій тонъ и та шутливость, которая сейчасъ готова обратить важный разговоръ, важное дѣло въ забаву, а забаву въ важное дѣло. Видите ли вы нѣжныхъ или злыхъ супруговъ высшаго круга, лучшаго общества, ихъ сердечное изліяніе, ихъ горь-

*) Много позднѣе окончательно дознано и доказано Г. Ѳ. Карповымъ, что „Исторія Малороссіи“ есть поддѣлка, сочиненная въ Безбородкинской канцеляріи и приписанная архіепископу Могилевскому Георгію Конисскому. П. Б.

кое объясненіе имѣютъ свои формы, свои выраженія. Опредѣлительность, рѣзкость, полная искренность, нагая истина возможна только въ дѣтяхъ; а свѣтская женщина, будь она въ 17 лѣтъ, такъ много говорила, слышала, что привычки ея и въ юномъ возрастѣ тверды и крѣпки, какъ предразсудки въ старости. Дипломатическій тонъ есть элементъ свѣтской бесѣды, откровенная шутка въ серьезномъ дѣлѣ есть ея правило. Дѣло другое—сельскіе жители, скромныя семейства, родительскія узы, семейное бѣдствіе.

*

Я заставилъ ее разочароваться. На что это похоже? Она задумала объ идеалахъ, о любви внѣ условій, о дружбѣ, о короткости безъ вниманія къ требованію общества. Какъ легко зайти за грань принятыхъ обычаевъ, если мы взросли внѣ этихъ обычаевъ, и если теперь ихъ господство кажется намъ новымъ, незаконнымъ, страшнымъ! Она просто разлюбитъ меня. Тогда я встану на ногу пріятеля и не буду сбиваться при другихъ, какъ сказать—ты или вы, поцѣловать въ щеку или руку, отвѣчать или молчать. Женщины всегда впереди мущинъ. Скороспѣлки! Желалъ бы я знать, что̀ она думаетъ о моемъ измѣненіи.

*

Мнѣ не удалось съѣздить въ Москву. Я этого не предвидѣлъ, не предугадывалъ, не предчувствовалъ. Однако это такъ! А отъ сколькихъ надеждъ долженъ я поэтому отказаться?

Я получилъ журналъ Пушкина „Современникъ“. И стоило ждать его три мѣсяца?

Онъ хотѣлъ быть оппозиціей монополіи Греча и Сенковскаго.

*

„Сына Отечества“ онъ превзойдетъ; его литературное слово всегда будетъ сильнѣе словъ Греча и Булгарина; но чтобы встать противъ Сенковскаго, надобно имѣть побольше средствъ и побольше обдуманности. Что̀ такое 1-й № „Современника?“ Кое-какіе стишки, кое-какія статейки, кое-какія повѣсти, кой-какіе разборцы. Замѣчательнаго только „Риѳма“ б. Розена и о „Журналистикѣ“ самого издателя, да развѣ еще учебный разборъ Annuaire'а Парижскаго. Что̀ хочетъ сказать издатель? Коротенько описать журнальную дѣятельность, въ общихъ, всему Божьему міру извѣстныхъ, фразахъ? Немного же. И онъ думаетъ остановить безличное направленіе нашей литературы! Не такъ должно было приниматься за дѣло; не шуточно-литературный, не просто-литературный долженъ быть „Современникъ“. Наше время повыше этого. Онъ долженъ быть литературно-ученый. Нынче учености не боятся и дамы. Къ чему этотъ тонъ домашняго разговора? Не бойтесь,

г. издатель, мы васъ поймемъ и въ дидактической формѣ. Мы не желаемъ односторонности журнальнаго ученія; мы, напротивъ, просимъ многосторонности. Изъ журналовъ не учатся, ими повторяютъ и развиваютъ собственное мнѣніе, сужденіе, знаніе. Кто бы не согласился быть сотрудникомъ Пушкину? Издатель долженъ бы былъ взять во вниманіе, что журналъ литературно-ученый имѣетъ двѣ части: общую—искусство и теорію, и частную: критику и библіографію. Издатель долженъ бы былъ знать, что начало всегда должно быть положительное: мало сказать, что-то другое не хорошо, надобно показать хорошее. А онъ началъ свое ученіе критикой, и какой критикой! Скромненькой, боязливой, неопредѣленной, несвязной, ничего не значущей. Нѣтъ, здѣсь надобно побольше положительныхъ свѣдѣній, побольше теоріи, побольше выразительности. Странное дѣло! Пушкинъ, человѣкъ съ необыкновеннымъ поэтическимъ талантомъ, и пишетъ критики и библіографійки. Критика—элементъ отрицательный, вашъ талантъ—положительный. Зачѣмъ вы пренебрегли этимъ? Посмотрите: что вы помѣстили въ 1 №? Повѣсти г. Гоголя: ну можно-ли помѣщать такія повѣсти? Путешествіе въ Арзрумъ; ну не совѣстно-ли занять половину книги почтовымъ дорожникомъ? Библіографія: намъ ужасно интересны упомянутыя тамъ книги; говоря о Погодинѣ, вы не съумѣли оцѣнить даже сочиненій своего пріятеля.

Посмотримъ на способы издателя. Онъ самъ—неизчерпаемый источникъ. Если чувствуетъ, что поэтическій жаръ остылъ и стихъ непослушенъ, ему остается два дѣла въ первой части журнала: отдать намъ отчетъ въ прежнихъ своихъ твореніяхъ и тѣмъ довершить выраженіе своего лица, какъ поэта, и второе—дать намъ теорію, плохую или хорошую, но всегда для насъ важную, и тѣмъ выразить свой умъ, свою мыслительность основательную. Во второй части ему еще большій кругъ дѣйствія: объяснить намъ нашихъ лучшихъ писателей; онъ хвалится, что знаетъ ихъ; объяснить не такъ, какъ онъ это сдѣлалъ съ Георгіемъ Конисскимъ, а отчетливо, обдуманно. А то г. издатель пришелъ съ прогулки, написалъ статейку о Конисскомъ и думаетъ, что сдѣлалъ много; напротивъ, вы сдѣлали меньше нежели ничего. Въ библіографіи къ чему эти нелитературныя книги? Для полноты,—да онѣ не всѣ, и вашъ журналъ не каталогъ. Означайте учено-литературныя книги хотя въ такомъ видѣ, какъ это дѣлалъ П. И. Кеппель, если уже не хотите такъ, какъ это дѣлается въ Revue de la quinzaine. А главное, помните, что журналъ, имѣющій притязанія, долженъ быть непремѣнно положительный. Таланту Пушкина мало того, чтобы показывать недостатки, онъ въ состояніи уличить ихъ собственными образцами.

Ошибка состоитъ въ томъ, что авторъ „Полтавы“ и „Бор. Годунова хочетъ увѣрить себя и другихъ, что онъ историкъ. Rien moins que cela*). Это совершенно ошибочное мнѣніе. Со временемъ скажу объ этомъ еще подробнѣе.

*

Отчего не проходитъ ни одной ночи, въ которую бы я не видѣлъ пяти, десяти, пятнадцати сновъ! И еще какіе сны? Какіе видятъ непокойный духъ, непокойная совѣсть. Прежде, въ дни моей деревенской жизни, я считалъ иные сны видѣніемъ, даже откровеніемъ; иногда я спѣшилъ ложиться спать и ложился съ тѣмъ, чтобы увидѣть сонъ о томъ предметѣ, который занималъ меня, который я хотѣлъ знать, и нѣсколько разъ мнѣ удавалось видѣть задуманный сонъ, большею частію въ томъ видѣ, въ которомъ я представлялъ его на яву, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ—хотя очень рѣдко—совсѣмъ въ противуположномъ видѣ, и сонъ сбывался. Такъ бываетъ время, когда я вѣрю снамъ. Это—грубый предразсудокъ, я знаю; но иногда обстоятельства жизни приводятъ къ вѣрѣ въ предразсудки и повѣрья. Оправданный предразсудокъ есть обновленный залогъ и всегда выше случайности. Какъ мнѣ не вѣрить сбывающемуся сновидѣнію? Но нынче я потерялъ концы. Какъ! Десять сновъ одинъ одного хуже. Почти всегда о такихъ предметахъ, какіе нѣкогда мнѣ приходили въ голову.

*

Вотъ уже второй годъ, какъ померъ кн. В. П. Кочубей. Онъ 21 года былъ д. с. с. и вскорѣ былъ посланникомъ въ Константинополѣ; 26 лѣтъ былъ тайнымъ совѣтникомъ, вице-канцлеромъ. Наконецъ достигъ первыхъ степеней гражданскихъ чиновъ. Теперь объ немъ едва помнятъ; тѣ, которые еще не забыли, едва говорятъ: нѣтъ повода помнить, нѣтъ предлога говорить объ немъ. Между тѣмъ нельзя не сказать, что хотя его служба была быстра, достоинства его были положительны: онъ до самой кончины удержалъ за собою сильное вліяніе, расположеніе Государя и свѣдѣнія въ дѣлахъ.

Скоро погаснетъ и память его имени. Отчего? Оттого, что достоинство его было основано на двухъ началахъ: на родственныхъ связяхъ съ Безбородкою и на фамильной знаменитости, и на угодливости людямъ, т. е. на ловкости и познаніи требованій. Была ли въ немъ творческая сила, которая такъ могущественна, что заставляетъ говорить о себѣ всѣхъ? Было ли въ немъ то правдолюбіе, стремленіе къ истинному, которое колетъ глаза всѣмъ и всѣми уважается? Нѣтъ. Онъ думалъ о себѣ: отвязывался отъ безпокойныхъ, удовлетворяя ихъ, и сдерживалъ

*) Это всего менѣе.

таланты, не уважая ихъ. Не ему, а Куракину, мы обязаны за Сперанскаго. Сравните его съ П. И. Шуваловымъ. Шуваловъ живетъ: онъ такъ силенъ, что заставляетъ жить съ собою и брата своего И. И.; сравните его съ Макаровымъ, который читалъ цыфры и былъ цыфирный геній. Знали князя Кочубея, но знали по мѣсту. В. П. почти никому не былъ извѣстенъ, и за то нѣтъ ему вѣчной памяти.

Ему мы обязаны введеніемъ ревизій посланцами изъ Петербурга и установленіемъ выборныхъ предсѣдателей въ судебныхъ палатахъ. Онъ охранялъ права Малороссіи.

*

Забавная случайность! Получивъ новое изданіе Гиббона и Монтескье, я занимался перестановкою книгъ въ моей библіотекѣ. Тогда какъ я перебиралъ Исторію Европы (Герена и Укерта), раздались выстрѣлы Что такое? Сегодня 28 Іюня 1836 г. ботикъ Петра Великаго перевозили въ Кронштадтъ и стрѣльба, мною слышенная, была при его спускѣ! Я подумалъ: ботикъ Петра Великаго переворотилъ Исторію Европы.

Но погода была дождливая, вѣтренная, самая неблагопріятная для такого знаменательнаго празднества Русскаго флота.

*

Въ 2 № Современника помѣщенъ отрывокъ изъ Записокъ (корнета Александрова) Н. А. Дуровой. Онъ содержитъ бѣглое описаніе 1812 и 1813 г.: Смоленскъ, Москву, Модлинъ, Голштинію. Можно думать, что слогъ „Русской Современницы“ исправленъ опытною рукою. Чтеніе отрывка въ высочайшей степени занимательно.

Вы беретесь за книгу съ предубѣжденіемъ, вы заранѣе исполнены самымъ снисходительнымъ расположеніемъ, а прикованы интересомъ лица къ каждой строчкѣ Записокъ. Точно или мнимо, но вездѣ видна женская душа, прекрасная, чистая, поэтическая, женская душа подъ полетомъ улана, женская нѣжность на военныхъ бивакахъ, женская цѣломудренность въ разгульной бесѣдѣ, женская любезность въ походныхъ нуждахъ и холостыхъ разговорахъ. По одному отрывку я полюбилъ корнета и готовъ расцѣловать его ручки, готовъ идти къ нему въ денщики, въ унтеръ-офицеры, въ солдаты.

Сцены съ Кутузовымъ умилительны юношескою откровенностію корнета и родительской заботливостью фельдмаршала. Но тамъ гдѣ г-нъ корнетъ отступилъ отъ описанія дѣйствій и высказываетъ свои чувствованія, любовь къ прекрасному сердцу дѣлается дружбою. Особенно понравились мнѣ сцены: подъ Смоленскомъ стр. 78, съ Кутузовымъ—96, подъ Лаишевымъ. Но и въ Голштиніи (122—132) забавны фуражировки, переправа и ночлегъ послѣ контузіи. Прекрасно все. Корнетъ именуетъ Кутузова и Коновницына. Отчего по пріѣздѣ изъ

Казани, она, корнетъ, не упоминаетъ ни слова о Коновницынѣ, корый зналъ ее, какъ самаго исправнаго ординарца.

Не понимаю, почему имена пишутъ одними заглавными буквами, а не такъ, какъ водится нынѣ (стр. 311) въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ. Съ чрезвычайнымъ любопытствомъ ожидаю выхода всѣхъ Записокъ. Можетъ быть здѣсь я найду женскую душу, и „вторую половину души человѣчества". Я познакомился потомъ съ г-жею Дуровою и въ депщики къ ней не пойду.

*

Римъ торжествовалъ свое могущество, обливался кровію въ междуусобныхъ войнахъ и составлялъ кодексъ управленія всѣмъ міромъ. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что изъ за Альпъ притекли тучи народовъ, дикія, ужасныя полчища; эти-то разлились по прекраснымъ долинамъ Роны и Рейна и, послѣ явныхъ побѣдъ, сдѣлали предложеніе консулу: „пусть Римляне уступятъ намъ какую нибудь изъ своихъ провинцій, мы будемъ имъ служить своимъ оружіемъ". Имъ не дали, ихъ хотѣли побѣдить. „За Альпы, въ Италію", кричали пришельцы. Они перешли и сошлись съ консулами Манліемъ и Цеціемъ. Битва была рѣшительная. Извѣстіе привело весь Римъ въ оцѣпенѣніе. Тогда явился Марій. Кромѣ его трудно было найти консула. Сила уступила искусству, но сила возметъ свое. Можно въ одну битву покорить десять царствъ Азіи и въ десять лѣтъ не завоевать, ни побѣдить малочисленнаго племени народа Европейскаго. Съ этихъ поръ до послѣднихъ лѣтъ Траяна Римъ не переставалъ бороться съ Германцами, и наконецъ послѣ превратныхъ судебъ, то побѣдоносный, то хитрый, то вѣроломный, то мудрый, онъ наконецъ долженъ былъ уступить варварамъ, какъ уступаетъ сила, истощаясь и исчезая въ противодѣйствіи. Сила приняла въ себѣ искусство, искусство не могло принять въ себѣ силу. Этотъ взаимный обмѣнъ есть одно изъ назидательныхъ явленій Европейской исторіи.

*

Если вы знаете Петербургъ, то совершенно не знаете Россіи. Онъ ей противуположенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Воинственный его видъ, строгая дисциплина, служба, искательство, трудная жизнь, занятое общество, присутствіе Государя, дворъ—все это дѣлаетъ Петербургъ не-Русскимъ городомъ, гдѣ обыкновенно царствуютъ просторъ, болтовня, довольствіе, жизнь спустя рукава, больше препровожденія чѣмъ занятій, больше разговоровъ чѣмъ дѣла. Центръ и представительница Россіи есть Москва. Въ ней Русская жизнь облагораживается и соединяется съ наукою. Отъ этого,—что ни говорили бъ о нашей древней столицѣ наши новые мыслители,—Москва имѣетъ сильное вліяніе на образова-

ніе и развитіе нашей жизни. Однимъ словомъ, Москва есть глава оппозиціи Петербурга, слѣдовательно правительства, котораго онъ есть средоточіе и вершина. Странное дѣло! Эти провинціалы, которые такъ просты, такъ малодушны, эти старосвѣтскіе помѣщики живутъ, только тѣмъ и дышутъ, чтобъ судить и рядить о дѣйствіяхъ правительства, о нашихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, и все это въ невыгодную сторону. Отъ нихъ нельзя ожидать буйныхъ дѣйствій, они сознаются въ своемъ безсиліи, они даже откажутся отъ своего мнѣнія, отъ своего образа мыслей какъ скоро пригрѣетъ ихъ какое нибудь вниманіе или помѣстится подлѣ нихъ голубой мундиръ; но тѣмъ не менѣе масса народа на ихъ сторонѣ. Петербургъ есть колонія, лагерь. Онъ держитъ въ себѣ силу державную, онъ даетъ законы, но онъ комплектуется изъ Москвы. Каждый молодой человѣкъ привозитъ съ собою запасъ новыхъ Московскихъ мнѣній. Онъ ихъ мѣняетъ на Петербургскія, но обманъ не бываетъ полезенъ. Ученье Петербурга сливается съ Московскимъ, и верхъ беретъ теперь первое, но впослѣдствіи возметъ то, которое правильнѣе. Если бы сопоставить два поколѣнія: 1825 г. и 1835—разница чрезвычайная! Но 1825 г. юность, молодежь буйная, рьяная, философствующая, юность Чацкая. Она хочетъ произвести переворотъ, основываясь на самыхъ гадательныхъ положеніяхъ. Она безпокойна, нетерпѣлива, горда. Сейчасъ оставляетъ службу, повинуется, осуждая, заводитъ дуэли, бредитъ идеалами. Молодежь 1835 г. уже не та: она благонравна, терпѣлива, умна. Она утѣшаетъ себя въ несбывшихся надеждахъ и въ неисполненныхъ желаніяхъ чувствомъ долга, она не волнуется и даже терпитъ, любя порядокъ. Но и въ этой молодежи много прежняго. Главное, что въ ней еще мало утверждено чувство обязанности и признаніе авторитетства. Грядущее поколѣніе (1845 г.) будетъ одно изъ прекрасныхъ, но за то отношенія его измѣнятся, средства достиженія будутъ труднѣе, кругъ расширится, таланты будутъ многочисленнѣе.... Кто знаетъ, не ждетъ ли его историческое время?

Такимъ образомъ правительство наше (присутственныя мѣста и лица) имѣетъ двухъ оппонентовъ. Провинціалы готовы разметать всѣ мѣста по камню, молодежь готова согнать всѣхъ директоровъ и управляющихъ. И этакое расположеніе при государѣ, съ его умомъ, проницательностью, характеромъ, съ его силою и огромными средствами.... Что будетъ послѣ него?

*

Я читалъ письмо полковника Чаадаева (1829 г. Декабря 1 день изъ Некрополя), писанное на Французскомъ къ одной дамѣ, княгинѣ Зинаидѣ Волконской и помѣщенное въ переводѣ, въ Телескопѣ 1836 г. Это письмо надѣлало много шуму: журналъ запрещенъ, цензоръ отста-

вленъ, авторъ—говорятъ—долженъ былъ заявить, что писалъ его въ помѣшательствѣ. Толковъ множество всякихъ; какъ бы то ни было, вреда много. Трудно найти № журнала, въ Москвѣ я думаю еще труднѣй. (Запрещеніе у насъ распространяетъ извѣстность и смыслъ). Сочинитель бесѣдуетъ о вліяніи религіи на совершенствованіе общества. Бесѣда происходитъ, кажется, съ иллюминаткой: авторъ почти прямо убѣждаетъ ее надѣть ликъ ангельскій и искать отраду, утѣшеніе въ религіозномъ созерцаніи. Догматическая часть письма для дамы темная и отзывается какимъ-то католическимъ ученіемъ. Онъ говоритъ, что исторія религіи составляетъ ея философію и ея догматику.

Все письмо имѣетъ свойство парадокса, какъ напр. невыгодно установлять мнѣнія, но мнѣнія порождаютъ выгоды. Много непослѣдовательнаго, много полемическаго и особенно много выходокъ противъ Россіи. Россія есть главное основаніе; религіозное совершенствованіе служило только предлогомъ. Письмо писано на Французскомъ, къ дамѣ, которая вѣроятно по русски ничего не знаетъ. Она—какъ видно изъ нѣкоторыхъ словъ—жаловалась на пустоту Русскихъ обществъ, въ которыхъ, можетъ быть, не играла первой роли, что̀ при такъ называемомъ религіозномъ направленіи дамы должно быть тайною и главною цѣлью. Письмо писано г. Чаадаевымъ, пріятелемъ генер. Орлова (Михаила) и прочихъ, памятныхъ по своему уму, образованію и подозрѣнію въ 14-мъ Декабрѣ. Это ропотъ на современность, выраженный главою порицателей. Ума въ авторѣ много, мысль нова и опредѣленна, выраженіе увѣренно. Тонъ и послѣдовательность письма не выдержаны; явно, что онъ писалъ въ страстномъ (озлобленномъ) состояніи къ особѣ, которая предварительно согласна съ нимъ въ мнѣніи о Россіи. Вотъ содержаніе письма, сколько я могу припомнить послѣ бѣглаго чтенія. № журнала рвутъ по рукамъ. То, что̀ у другихъ народовъ правило жизни, принятое всѣми и давно, у насъ есть теорія, положеніе строгое, которое надобно показать и доказать.

Въ самомъ взглядѣ (глазахъ) нашемъ есть что-то холодное, низкое, дикое. Мы дѣлаемъ все кое-какъ, какъ угорѣлые, какъ потерявшіеся. И вездѣ есть потерявшіеся, но тамъ они исключеніе, у насъ общее свойство. Петръ Великій разостлалъ мантію цивилизаціи, но мы не коснулись этой мантіи; Александръ провелъ насъ отъ Москвы до Парижа, чрезъ всю Европу, но мы вынесли оттуда одно поверхностное, одно полуобразованіе глупое; въ насъ царствуютъ безпечность, нехотѣніе, отсутствіе энергіи и опытнаго дѣйствованія. Мы имѣемъ недостатки младенчествующихъ народовъ, не владѣя способами образованныхъ. Наша физическая храбрость есть какое-то минутное, неусвоенное чувство. Въ крови нашей есть что-то отталкивающее любовь къ совер-

шенствованію, и Русская нація въ книгѣ разумѣнія составляетъ пробѣлъ.... и проч.

Авторъ ищетъ причинъ въ Исторіи. Чтобы переиначить, преобразовать насъ, надобно переиначать воспитаніе человѣчества (переиначить исторію міра). Мы какой-то опытъ, который черезъ нѣсколько вѣковъ будетъ назидателенъ для человѣческаго рода, какъ неподвижное, несчастное племя, осужденное Верховнымъ Умомъ на бѣдственную участь. Здѣсь сочинитель, изыскивая причины, дѣлается темнымъ и сбивчивымъ. Главною причиною онъ полагаетъ наше религіозное отчужденіе, отчего мы не приняли участія ни въ какихъ выгодахъ христіанства. Тогда какъ Германія и Латинскія племена составляли одно семейство-христіанство, имѣвшее значеніе и въ публичномъ Европейскомъ правѣ, тогда какъ они въ одинъ часъ молились и праздновали однимъ языкомъ, одни торжества, одного Бога, одинаковыми обрядами, тогда какъ они разработывали наслѣдство, завѣщанное древностью, обобщали и дѣлались братьями между собою, вмѣстѣ внимали буллamъ Ватикана, вмѣстѣ шли ко Гробу Спасителя, вмѣстѣ ратовали противъ Папъ, мы, Русскіе, получили идею религіи отъ растлѣнной, презираемой Византіи, отдѣлились чрезъ это отъ человѣчества, лишились всѣхъ выгодъ, предлагаемыхъ прошедшимъ, а чрезъ это и самой будущности, которая есть слѣдствіе прошедшаго.

Не думайте, чтобы я преувеличивалъ, говоритъ сочинитель. Я сказалъ еще слишкомъ мало; а говорятъ, что онъ сознался, будто писалъ письмо въ помѣшательствѣ! Я этому не вѣрю. Если достану, то спишу нѣкоторыя страницы слово въ слово. А между тѣмъ скажу нѣсколько словъ о запрещеніяхъ.

Что они запрещаютъ? Явись какая нибудь книга, статья, стишонки, не по нраву, не по вкусу нѣкоторыхъ людей, сейчасъ запрещеніе. Чрезъ это: 1) Хорошая и дрянная вещь пріобрѣтаетъ знаменитость, ее ловятъ, добиваются, читаютъ, переписываютъ, затверживаютъ; не будь запрещена она, ея десятая бы доля не знала и не замѣтила, прочитавшіе прочли бы съ равнодушіемъ и не сказали бы объ ней ни слова; 2) Правительство навлекаетъ неудовольствіе за строгость цензуры, за притѣсненіе; за этимъ толки, пересуды, ропотъ, чѣмъ запрещеніе суровѣе—тѣмъ ропотъ громче; 3) Несчастіе авторовъ, изъ которыхъ иные, можетъ быть, благонамѣренные и добрые люди, дѣлаются неблагонамѣренными и лишаются всякой карьеры. Да и что онѣ запрещаютъ?

Ложь? Не запрещайте, она сама обличится; вы бойтесь ея дѣйствій? Такъ опровергайте, раскритикуйте, скажите правду благородно, прямо, достойно. Истину? Нечего запрещать. Хоть вы учредите заклю-

ченіе, инквизицію и костры,—истина всегда возметъ свое, и чѣмъ больше настроятъ лѣсовъ и подпорокъ, тѣмъ появленіе ея надѣлаетъ больше шуму и ломки.

Но скажутъ: истина полезна въ извѣстный періодъ народной жизни. Хорошо. Такъ запрещеніе будетъ имѣть тѣ неудобства, которыя я сказалъ выше; а главное, оно противорѣчитъ собственнымъ видамъ правительства, дѣлая извѣстнымъ и заставляя обращать бо̀льшее вниманіе на то, что̀ безъ запрещенія прошло бы тихомолкомъ. Но возразятъ: не запрети одного, начнутъ постепенно увеличивать свободу, и Богъ знаетъ до чего дойдетъ. О! это другое дѣло. Послѣдовательная цензура—вредна, но предупредительная полезна. Дай потачку цензорамъ, опредѣли хорошенько предѣлы ихъ вниманія и выбирай въ эти обязанности людей достойныхъ. Тогда запрещеніе будетъ предупреждено. А съ напечатанными статьями и книгами я бы совѣтывалъ поступать такъ. Пусть скажутъ автору (да скажутъ люди умные): вы написали то и то, цензура пропустила по неосмотрительности. Правительство, не желая пускать въ оборотъ важное и неприличное, могло бы законфисковать ваше твореніе и предать васъ закону, но оно предполагаетъ въ васъ гражданина благонамѣреннаго и достойнаго, и ваше сочиненіе считаетъ слѣдствіемъ неточнаго понятія предмета, неправильнаго ученія, поспѣшностью молодости. Вы написали вздоръ—вотъ почему вы написали неприличное, вотъ почему извольте опровергнуть самаго себя и загладить ошибку полюбовно. Авторъ согласится. Ужъ какъ бы онъ ни вертѣлся, но онъ согласится. Если же нѣтъ, то заставьте кого нибудь написать опроверженіе, написать съ толкомъ, по совѣсти, заставьте такого человѣка, который бы имѣлъ довѣріе публики.... а вы запрещаете, и при томъ что̀ запрещаете! Сколько я знаю, сочиненія бо̀льшею частію нестоящія запрещенія или незаслуживающія его.

Запрещали—Горе отъ ума: Горе отъ ума слушали наизустъ. Напечатали Горе отъ ума—издатель полно выручилъ-ли издержки. Прежде цитаты Чацкаго были произносимы торжественно, какъ апофегмы, теперь они пошлы и повторяются развѣ въ шутку, и то въ провинціяхъ. Запретили сказки Луганскаго (первую часть). Всѣ кинулись за сказки, экземпляры вздорожали. Я досталъ на третій годъ и ничего не помню, что̀ было поразительнаго въ этихъ сказкахъ. Запретили введеніе въ философію Сидонскаго: есть ли десять человѣкъ, которые читали это введеніе? Потомъ разрѣшили продажу, и сочиненіе читаютъ еще менѣе. Запретили Европейца, журналъ, изданіе Кирѣевскаго, за статью о литературѣ, гдѣ въ развитіи теорій найдено было какое-то приложеніе къ различнымъ системамъ правленія. Я читалъ статью прежде запрещенія. Мнѣ показалась она студенческою диссертаціею, гдѣ въ

развитіи теорій изложены ученія и новѣйшихъ мыслителей; но мысли тамъ слѣдуютъ не однѣ изъ другихъ, а однѣ за другими нанизаны, наставлены. Статья могла быть читана, но слегка, какъ легко была обдумана и написана. Послѣ запрещенія, я еще разъ прочелъ ее, и мнѣ показалось дѣйствительно, что тутъ есть какое-то приложеніе, хотя въ ней всѣ главныя основанія взяты и составляютъ общее достояніе всѣхъ Германскихъ теорій. Не будь запрещенія, я бы никакъ не подумалъ объ этомъ приложеніи и теперь его совсѣмъ не вижу. Запретили „Телеграфъ“. Это было самое страшное запрещеніе. Давно бы надобно было прекратить это назойливое изданіе, гдѣ вздоръ говорили съ такою дерзостію и гдѣ порицали всякій трудъ, всякое положительное знаніе; но запретить его за критику на драму г. Кукольника, которую я не читалъ и которую, начавъ читать послѣ запрещенія „Телеграфа“, не могъ кончить—этого я до сихъ поръ не понимаю. Между тѣмъ сколько было толковъ, и не они ли способствовали рѣшительному непредставленію драмы, которая безъ этого, можетъ быть, удержалась бы на нѣсколько времени изъ приличія, если это было нужно для правительства? „Телеграфъ“ надобно было убить, но не тѣмъ орудіемъ, которымъ вооруженъ Булгаринъ и помассивнѣе барона Дельвига.

А сколько мелкихъ пьесъ запрещено и потомъ переписанное выучено наизустъ! На дняхъ мнѣ давали читать какую-то драму. Ея не пропустила цензура. Я сталъ было читать, но не могъ! Глупое созданіе изъ самой драматической эпохи (Самозванцы) и при томъ такъ скучно, такъ декламаторски! А были люди, которые умоляли дать имъ прочесть эту запрещенную драму. Вотъ что значитъ запрещенный плодъ! Не запрещайте, всѣ откажутся отъ него какъ отъ пошлаго. Запретите людямъ ѣсть на утренней зарѣ куриныя сырыя яйца: завтра же на яйца поднимется цѣна, и завтра же будутъ тысячи человѣкъ переступившихъ это постановленіе. Я не говорю уже о запрещеніи естественнаго, свойственнаго.

*

„Ревизія не меньше, что̀ и экономія, и у насъ она только именемъ, а на самомъ дѣлѣ счетовъ никакихъ нѣтъ“, сказано въ указѣ 1827 года. Если исчислить содержаніе контроля, расходы по его дѣйствіямъ и взысканіямъ, то положительно его польза будетъ гораздо менѣе употребляемыхъ для него суммъ, хотя отчеты и вѣдомости гремятъ цыфрами. Нашъ контроль, можно сказать, повѣряетъ правильность книгъ, а не правильность расходовъ; онъ сличаетъ, а не контролируетъ. Есть случаи, когда онъ думаетъ контролировать; но они и рѣдки, и при томъ основаны на такихъ неточныхъ данныхъ (какъ напримѣръ справочныя цѣны), что лучше бы не терять времени и

ограничиться однимъ сличеніемъ книгъ и документовъ. Правила контроля такъ еще не совершенны, самая формальность отчетности представляетъ столько лазеекъ, что изъ ста сомнительныхъ статей въ ученыхъ реестрахъ девяносто пять непремѣнно объяснятся, а по остальнымъ пяти заведутся дѣла на десять лѣтъ и болѣе.

*

Говорятъ, что Надеждинъ, издатель „Телескопа", сосланъ въ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ Вологодской губерніи. Онъ всю бы жизнь свою провелъ между посредственной неизвѣстностью: вотъ ему даютъ историческое достоинство. Я никогда не любилъ и не уважалъ Надеждина, какъ человѣка малодушнаго и падкаго; вѣроятно онъ задумаетъ въ уединеніи написать что нибудь дѣльно; но скорѣе, что физическая нужда заставитъ его роптать на свою бѣдственную участь. Да и Богъ знаетъ, можетъ ли онъ написать что нибудь цѣлое, дѣльное. Онъ много нахваталъ; углубляться въ совершенное ученіе онъ не имѣлъ времени, въ немъ больше способностей нежели дарованій; семинаристъ по натурѣ, онъ лѣзетъ въ свѣтскіе и беллетристы.

*

Я еще бываю въ лихорадкѣ при радости и боязни; слѣдовательно я молодъ. Мнѣ часто хочется идя по улицѣ перепрыгнуть черезъ дроги; слѣдовательно я молодъ. И еще чаще мнѣ случается перерывать разсужденія преждевременнымъ возраженіямъ,—я молодъ. И еще чаще обидѣться и отвѣчать насмѣшкой,—молодъ, молодъ!

*

Я вчера былъ у Кожина (В. Ф.) и встрѣтился съ семействомъ баронессы Розенъ: мать лѣтъ за сорокъ и три молодыя дочери двѣ какъ бы вчерась изъ монастыря, изволятъ проводить вечера у молодого (да еще провинціальнаго) человѣка. Это странно. Надобно узнать дѣло. Въ нихъ нѣтъ ничего наглаго, даже ничего двухсмысленнаго, есть даже благовоспитаніе, благородство, скромность. Говорятъ по-французски и по-нѣмецки. Одѣты, одна игравшая на фортепіано, по-домашнему хорошо, причесаны и стянуты какъ слѣдуетъ, я съ ними познакомлюсь непремѣнно.

*

Еще годъ, я желалъ бы обозрѣть прошедшее, дай Богъ не считать мнѣ время годами. Я опять встрѣчаю Новый Годъ 1837-й въ уединеніи, и это уединеніе мнѣ нравится; я перечитываю Дни и Труды мои какъ Нарцизъ смотритъ въ ручей на свой обликъ.

*

Я провелъ вечеръ (3-го Января) у Ставицкихъ. Съ сыномъ (конноніонернаго эскадрона поручикомъ) я познакомился случайно въ Департаментѣ, въ чемъ-то помогъ ему. Провелъ вечеръ пріятно въ искренней бесѣдѣ. Но я на каждомъ шагу чувствую недостатокъ образованности моей. Если иногда попадешься въ кругъ, явно видишь, что̀ надобно бы имѣть и какъ это легко было бы пріобрѣсти и какъ пріятно было бы теперь. Вывозятъ кое-какой умъ, смѣтливость и кое-какія понятія. Вотъ что значитъ измѣнить предположенное направленіе жизни!

*

Мѣсто графа И. И. Шувалова по управленію Академіи Художествъ занялъ въ послѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ—генералъ, поручикъ и кавалеръ И. И. Бецкій, мужъ религіозный, образованный, просвѣщенный и опытный. Онъ мало извѣстенъ у насъ и едва ли не по одной рѣчи при его погребеніи. По волѣ Императрицы онъ написалъ Наставленіе о воспитаніи (№ 12, 785; кажется, это наставленіе названо Екатериною „Генеральнымъ учрежденіемъ всѣхъ училищъ во всей имперіи“. Я думаю, что другое, именно докладъ 1764 г. Март. 14). Здѣсь изложены главныя основы физическаго воспитанія, избранныя изъ лучшихъ (Французскихъ) авторовъ и дополненныя собственными наблюденіями автора, которыя онъ имѣлъ случай собрать въ продолженіи своего путешествія по Европѣ. По мысли, плану и уставамъ Бецкаго учреждены и распространены: Воспитательный домъ, училище при Академіи художествъ, при Вознесенскомъ (Смольномъ) монастырѣ, сама Академія, Кадетскій Шляхетный Корпусъ (12. 741. №.) и др. Но для меня драгоцѣнны его доношенія (1764 г. Март. 14) о воспитаніи юношества въ Россіи. Это основной камень нашего образованія. Оно дышетъ кротостію и великодушіемъ Великой Екатерины, оно написано по ея наставленіямъ. Я бы желалъ написать двѣ біографіи: графа П. И. Шувалова и генер. Бецкаго; послѣдній много уступаетъ первому, но въ первомъ государственный умъ, геніальность и вѣрность подданнаго облечены были въ формы вельможнаго боярина и не развились до того изящества, которое имѣлъ Бецкій. Можетъ быть, это отъ того, что Шуваловъ обнималъ слишкомъ много, а Бецкій ограничился однимъ дѣломъ народнаго образованія. Одно мнѣ странно: по нѣкоторымъ раболѣпнымъ выраженіямъ И. И. Шувалова сдается какая-то неблагородная лесть. Онъ и вообще Шуваловы были чрезвычайно богаты. Бецкій представляется благороднѣйшимъ человѣкомъ.

*

Дѣла Канкрина идутъ плохо. Когда-то онъ явно не хотѣлъ имѣть товарища; когда-то говорили о немъ, какъ творцѣ финансовъ въ Россіи.

Теперь заговорятъ иначе. Министерство финансовъ всегда считалось хлѣбнымъ, въ немъ получались мѣста, какъ аренды. Судить о состояніи его можетъ знающій; учрежденіе, ученіе его въ главныхъ очертаніяхъ должно быть извѣстно всякому. Доходовъ у него множество, зато велики поборы; найдены ли средства неотяготительности налоговъ, дано ли направленіе промышленности, соотвѣтственное ея свойству,—этого не видно. Особенно въ плохомъ состояніи государственное имущество и изъ нихъ въ самомъ плохомъ государственные крестьяне. Ихъ не возможно сравнивать съ помѣщичьими; подумаешь, что свобода казенныхъ крестьянъ есть причина ихъ празнолюбія—пьянства, зависимости отъ перваго писаря, бѣдности и наживы для управителя, откупщиковъ и всякаго нàбольшаго. Если Канкринъ упадетъ то порà: слишкомъ давно сидитъ. Шутка ли, кажется съ 1822 года онъ засидѣлся, застоялся, онъ можно сказать навѣрное отсталъ отъ современнаго образованія. Иные говорятъ, что это есть слѣдствіе партій Киселева, который еще въ 1835 году оторвалъ частичку крестьянъ и готовъ былъ (и есть) взять весь департаментъ имуществъ. Иные говорятъ, что причиною или поводомъ супруга почтеннаго министра. Это говорила мнѣ одна дама. „Графиня такъ малодушна, такъ влюбчива, какъ дѣвченка въ шестнадцать лѣтъ“. Въ самомъ дѣлѣ она многихъ изъ своихъ фаворитовъ вывела въ люди, хоть и фаворитовъ у нея не такъ много; сколько будетъ, неизвѣстно. Разсказываютъ, что графиня, опредѣляя чиновниковъ, брала взятки (уже разумѣется въ пропорціи) и что записки ея есть даже при дѣлахъ канцеляріи. Сумма, отпускаемая на содержаніе канцеляріи министра, на половину берется графинею. Все это толки, а сколько толковъ еще будетъ, когда новое солнце взойдетъ выше, а старое зайдетъ и скроется! Я не могу простить графу Канкрину двухъ вещей: откуповъ и подушной подати въ смѣтѣ и всегдашнюю готовность найти государю деньги. Послѣднее избаловало царя, и онъ въ самой расточительности доходитъ до роскоши.

*

Я видѣлся съ авторомъ „Новика“ и „Ледяного дома“; онъ извѣстенъ мнѣ съ 1823—24 года, когда я былъ еще въ уѣздномъ училищѣ, а онъ директоромъ гимназіи. Послѣ въ 1828 году, когда онъ былъ управляющимъ имѣніемъ графа Остермана, я жилъ у него, бѣдный аспирантъ до студента университета, видѣлся съ нимъ въ 1830 году, когда онъ писалъ „Новика“, видѣлся 32—33, когда онъ писалъ „Ледяной домъ“, наконецъ вижусь теперь 37 года, онъ пишетъ что-то изъ времени Іоанна Третьяго и думаетъ писать „Колдуна на Сухаревой Башнѣ“ изъ временъ Петра. Иванъ Ивановичъ человѣкъ высочайшей степени добрый, откровенный, совѣстливый, нѣжный, слѣдовательно пылкій,

слѣдовательно не упорный, слѣдовательно способный для идеальныхъ впечатлѣній. Но онъ былъ, кажется, подъ вліяніемъ болѣе впечатлѣній, нежели созданій.—Записки его трудъ молодости. „Новика“ я читалъ лѣниво, первая часть показалась мнѣ утомительно скучна своими описаніями. „Ледяного дома“ я не читалъ, можетъ быть, прочту; вообще я сознаю въ себѣ важный недостатокъ—стремленіе къ вѣрному, положительному; для меня поэзія (это преимущество творческаго искусства) есть дѣло второстепенное, болѣе страждущее, болѣе невольное, нежели творящее, свободное, сознательное. Это недостатокъ моего понятія. Оттого-ли что я не имѣлъ возможности узнать ни одного настоящаго поэта, который отдалъ бы мнѣ отчетъ, полный отчетъ, въ своихъ историческихъ идеалахъ и воплотилъ въ меня идею идеала неземного, мнѣ все это кажется мелкимъ, слишкомъ поверхностнымъ: мало объема, мало глубокаго понятія. Надобно познакомиться съ Пушкинымъ. Мы толковали объ эпохахъ его романовъ. Видишь, слышишь, что человѣкъ читалъ о лицахъ, о времени, но не чувствуешь, что онъ жилъ съ этими людьми; онъ какъ будто разсказываетъ по наслышкѣ, прибавляетъ соображаясь какъ бы и что̀; толкъ для него исторія, образецъ для него аналогія. Мы много говорили о вздорѣ, бесѣда была пріятна; я люблю этого человѣка, и кромѣ любви я имѣю къ нему чувство благодарности и привожу на память пріятныя воспоминанія моего дѣтства, которыми, къ моему несчастію, я очень бѣденъ.

*

Пушкинъ убитъ, одного изъ талантливыхъ Всероссійскихъ людей не стало. Говорятъ, онъ имѣлъ дуэль съ поручикомъ Дантесъ. Не слухи, а толки; я взволнованъ ими какъ бы участвуя лично, но чортъ или дьяволъ, хоть самъ сатана, вмѣшались въ это дѣло, потеря тѣмъ не менѣе чувствительна; отсутствіе Пушкина будетъ чувствительно, какъ юности въ здоровомъ тѣлѣ. Онъ выразилъ идею искусства, какъ только можетъ быть выражена молодымъ народомъ; теперь явится преувеличеніе его таланта. Можетъ быть, дождемся и его оцѣнки.

Пушкинъ умеръ 27 Января въ исходѣ 3-яго часа пополудни; на другой день тѣло выставлено было въ передней комнатѣ передъ кабинетомъ. Тотъ часъ послѣ смерти Государь приказалъ Жуковскому и Дупельту запечатать кабинетъ его. Парадныя двери были заперты, входили и выходили въ швейцарскую дверь, узенькую, вышиною въ полтора аршина; на этой дверкѣ написано было углемъ: Пушкинъ. Съ 30 Января по 2 Февраля Петербургъ прощался со своимъ знаменитымъ поэтомъ. Я былъ два раза, поутру и вечеромъ 31-го Января. Въ 2 часа поутру, по моему обыкновенію, я пошелъ гулять съ цѣлію проститься съ

незабвеннымъ. Отъ Главнаго Штаба (куда зашелъ я въ библіотеку генерал. штаба, чтобы посмотрѣть портретъ Государя въ коннопіонерномъ мундирѣ), я пошелъ по Мойкѣ. Толпа народа, множество экипажей стояли у воротъ дома (княгини Волконской), гдѣ жилъ Пушкинъ. Я вошелъ на крыльцо; изъ маленькой двери выходилъ народъ; тѣснота и восковой духъ, тишина и какой-то шепотъ невольно пробудили во мнѣ мысли о живыхъ и мертвыхъ. У дверей стояли полицейскіе солдаты. Я взошелъ по узенькой лѣстницѣ; посѣтителей было множество, всѣ шли въ шубахъ, шинеляхъ, много дамъ, были даже молоденькія дѣвушки и купцы. Во второй комнатѣ стояли ширмы, отдѣлявшія входъ въ комнаты жены; диванъ, столъ, на столѣ бумага и чернильница. Въ слѣдующей комнатѣ стоялъ гробъ, въ ногахъ читалъ басомъ и продолжительно чтецъ въ черной ризѣ, въ головахъ живописецъ писалъ мертвую голову. Тѣснота. Трудно было обойти гробъ. Я посмотрѣлъ на трупъ, онъ въ черномъ сюртукѣ. Черты лица (не предубѣжденіе ли?) рѣзки, сильны, мертвы; онъ былъ какъ долженъ быть мертвый Пушкинъ; мнѣ показалось, что мускулы его были сильнѣе, нежели я предполагалъ. Жилы на лбу напрыжились, кисть руки большая, пальцы длинные, къ концу уже; видна только одна рука. Я ушелъ. Вечеромъ я снова былъ (вмѣстѣ съ Протасьевымъ); толпа была также велика. Я обошелъ кругомъ гробъ. Дома, ложась спать, когда погасилъ свѣчу, образъ Пушкина не давалъ мнѣ заснуть, и сердце трепетало какъ бы въ боязни. Я мучился, перевертывался съ боку на бокъ, хотѣлъ велѣть подать мнѣ огню и не велѣлъ, боясь, чтобы это не было малодушіемъ, я не спалъ до четвертаго часа. На билетахъ было сказано въ церкви Исаакія, а въ самомъ дѣлѣ въ Конюшенной. Народъ раздѣленъ былъ на два стада, стеченіе было чрезвычайное Вся церковь кинулась прощаться, и всѣ хотѣли нести гробъ усопшаго. Я не былъ и пишу со словъ.

Сегодня, 15 Февраля, П. П. Архиповъ и Генріета Леонтіевна фонъ-Дёбнеръ сочетались бракомъ въ церкви святой Екатерины. Архиповъ третьяго дня сказалъ мнѣ: буду ли счастливъ, не знаю; но я жизнію отвѣчаю, что жена моя будетъ моимъ счастіемъ. Такъ, можетъ быть, женимся и мы.

*

(Пишу дрожащею рукою). Я былъ сегодня 17 Февраля въ Павловскомъ, и ѣздили мы на паровозахъ; объ этой игрушкѣ я давно сказалъ свое мнѣніе. Мы проѣхали два раза или три, я, Протасьевъ, Кронебергъ, (какой-то) Белюстинъ, князь Багратіонъ, Фріезъ (у котораго сгорѣли фракъ и шинель). Выпили семь бутылокъ Шампанскаго.

Написано множество стиховъ на смерть Пушкина, они ходятъ по рукамъ. Лучшіе принадлежатъ Норову, вотъ они:

Погасъ лучъ неба, свѣтлый геній,
Великій бардъ полночныхъ странъ,
Чья слава въ сонмѣ поколѣній
Взростетъ со славой Россіянъ.
Найдутъ въ исторіи далекой
Средь лавровъ царскаго вѣнца
Вплетенный миртъ тому, чье око
Хранило бурный вѣкъ пѣвца;
Кто, занимаясь съ нимъ какъ съ сыномъ,
Отходный далъ ему совѣтъ
Безъ скорби перейти въ тотъ вѣкъ
И умереть христіаниномъ.

И еще много читаются стихи Лермонтова; они мнѣ не нравятся. Послѣднія строки „къ потомкамъ, бичамъ свободы, таланты генія, наперстникамъ разврата, окружающимъ престолъ“, стоили автору дорого: онъ, корнетъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, выписанъ прапорщикомъ въ какой-то драгунскій полкъ, расположенный на Кавказѣ. Изрядно сказано о Дантесѣ. Издалека подобно сотнямъ бѣглецовъ на ловлю счастія и чиновъ закинутъ къ намъ по волѣ рока. Пустое сердце бьется ровно, въ рукѣ не дрогнулъ пистолетъ. Надменно презиралъ чужой страны языкъ и нравы, не могъ понять въ сей мигъ кровавый, на что онъ руку подымалъ и проч. и проч.

Лермонтовъ еще молодъ; я помню его по университету. Наказаніе справедливо, это негодующее изліяніе болѣе памфлектъ нежели дань сердцу умершаго поэта. Не понятно, какъ могъ военный и притомъ гвардеецъ написать такое странное посланіе, но аномаліи эти въ порядкѣ вещей современныхъ. Мы товарищи по Московскому университету, но ни на лекціяхъ, ни въ кавалькадахъ мы не могли сойтись съ Лермонтовымъ. Въ то время мы и не знали, что онъ поэтъ.

*

Вчера, 13 Марта, я выпилъ 3 стакана Шампанскаго и просидѣлъ съ половины 8-го вечера за картами до 5-ти часовъ утра; это было у В. Н. Вер., домой воротился въ 6 часовъ. Такой продолжительный дебошъ въ первый разъ въ жизни. Я день ото дня становлюсь пошлѣе и пошлѣе.

Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ Мемуаровъ есть улика нашей низкой до сихъ поръ дипломатіи. Не стыдно ли до сихъ поръ представителямъ священныхъ особъ переписываться канцелярскими увертками, когда эти увертки день ото дня изгоняются даже въ депар-

таментскихъ сношеніяхъ и едва терпимы въ приказныхъ и подъяческихъ стряпняхъ? Не безчестно ли силѣ, державной силѣ, источнику права, вымышлять предлоги и прикидываться оскорбленными, когда власть даетъ имъ право и возможность дѣйствовать благородно? Будемъ равнодушнѣе. Ябеда, крючки уничтожаются въ судахъ съ образованностію и съ изданіемъ положительныхъ законовъ; хитрая, дикая дипломатія уничтожится съ опредѣленіемъ политическихъ правъ государствъ. Дипломатія нашего времени компрометирована Мемуарами; она будетъ изгнана убѣжденіемъ, что хитрость и сплетни не вѣрны, не продолжительны и потому вредны. Не царское дѣло трудиться надъ минутными взглядами. Цари постановлены Богомъ, а Его царство вѣчно и безпредѣльно.

Талейранъ умеръ. Ему было восемьдесятъ четыре года, онъ служилъ Людовику XVI-му, Національной Конвенціи, Директоріи, Консулу, Императору, новымъ королямъ и наконецъ гражданскому королю и всегда выходилъ чистъ и побѣдителемъ. Онъ имѣлъ славу необыкновеннаго дипломата, умнѣйшаго человѣка и осторожнаго хитреца; онъ могъ, оставляя свѣтъ, сказать Европѣ: хорошо ли я сыгралъ свою роль? И Европа должна была наградить его неумолкаемыми рукоплесканіями. Талейранъ имѣлъ умъ, въ высочайшей степени ловкій, холодный, расчетливый, зналъ обстоятельства и людей своего времени, понималъ, куда кто идетъ и придетъ и, ведя страдальческую жизнь исполнителя, велъ повелителей по своему усмотрѣнію. Талейранъ былъ геній, но геній не творческій; въ немъ, кажется, не было души, не было сердца и, не смотря на блестящее поприще, онъ, кажется, на зналъ счастія. Ему не доставало прямоты, благородства, патріотизма, самоотверженія; онъ не имѣлъ священныхъ минутъ восторга народной любви, благодарности человѣчества. Новѣйшая дипломатія есть его созданіе; онъ жилъ восемьдесятъ четыре года—цѣлый вѣкъ и имѣлъ несчастіе видѣть потомство. Онъ читалъ свои біографіи и исторіи своего управленія. Какъ онъ ни уменъ, но время умнѣе его, и всеобъемлющій умъ имѣлъ горестную участь пережить свою силу.

*

У меня сидѣлъ Александръ Агѣевичъ Абаза, толковалъ о поприщахъ службы. Съ 1837 года онъ перемѣнилъ четыре плана и теперь снова приступилъ къ первому. Непостоянство его происходитъ отъ своеволія, которое къ несчастію дано отцомъ, какъ ему, такъ и всѣмъ его братьямъ. Воспитаніе его стоитъ дорого, но оно непрочно, поверхностно и суетно. Я не думаю, чтобы онъ пошелъ въ прокъ; онъ испорченъ, потому что до сихъ поръ росъ безъ присмотра; онъ не можетъ равнодушно трудиться, потому что отъ многихъ отсталъ и

получилъ уже три отказа; онъ не можетъ любить истиннаго достоинства. По теперешнему состоянію онъ говоритъ: буду учиться, но онъ не будетъ учиться, или покрайней мѣрѣ ничему порядочному не выучится. Такъ было и со старшимъ братомъ. Говорите послѣ этого, что отцы не властны надъ участью своихъ дѣтей.

*

Когда миновалъ героическій, творческій періодъ нашей литературы, Державинъ, Дмитріевъ, Батюшковъ, Крыловъ, герои наши, умолкли, когда не стало историка нашего Карамзина, сфера литературы увеличалась, читающіе, пишущіе умножились, знанія и школы распространились, языкъ и формы рѣчи улучшились; но тѣмъ не менѣе великое раздробилось, геніевъ нѣтъ, и вмѣсто творческихъ умовъ явились писатели второстепенные. Остатки прежнихъ лѣтъ уцѣлѣли въ поэзіи Жуковскаго и особливо въ смѣломъ, ретивомъ нашемъ Пушкинѣ, послѣднемъ героѣ нашей молодой жизни. Теперь не то. Намъ тяжела ученость какого-нибудь Веланскаго, Павлова, Кронеберга, Галича, Остроградскаго; намъ скучны положительныя знанія Купфера, Френа, Кеппена. Намъ надобны ученыхъ, какъ Давыдовъ, для котораго знаніе есть орудіе, ученость—маска; людей безъ любви къ наукѣ, безъ уваженія къ идеѣ, людей безъ призванія, но ловкихъ, уклончивыхъ, вкрадчивыхъ, хитрыхъ; намъ надобны Булгаринъ и Гречъ, люди безъ творчества, льстецы господствующихъ недостатковъ, замаскированные въ права учителей, досмотрщиковъ и направителей молодыхъ дѣятелей. Намъ надобенъ Полевой, лишенный всякаго систематическаго ученія перемѣтчикъ и искатель счастія на всѣхъ путяхъ жизни, мелкій торговецъ и неумолчный враль, историкъ, поэтъ, водевилистъ и критикъ, ученый, свѣтскій, веселый и желчный безъ характера, безъ достоинства, обманщикъ и сплетникъ. Намъ надобенъ Кукольникъ, стихотворецъ, прибирающій строчку къ строчкѣ, рифму къ рифмѣ, слово къ слову, сцену къ сценѣ, безъ всякого одушевленія, безъ глубокаго чувства, безъ знанія сердца. Намъ надобенъ наконецъ Сенковскій, который все осмѣиваетъ, все ругаетъ и хвалитъ только то, что̀ состоитъ подъ покровительствомъ полиціи, человѣкъ безъ души, но съ умомъ, безъ чувства, но съ знаніемъ, но низкій, черный и готовый на все, что̀ не защищено полиціею. Стыдъ!

*

Докторъ К. А. Майеръ довѣрилъ 100,000 руб. купцу Александровичу, въ обезпеченіе исправнаго продовольствія Варшавскаго госпиталя за 70%; по несостоятельности Александровича, при хозяйственномъ довольствіи дѣлаются ужасныя передачи; по количеству ихъ докторъ можетъ опасаться потерять весь капиталъ, въ которомъ, кажется, 40000 руб. принадлежатъ его брату. Положеніе добраго док-

тора очень тягостно, онъ поскакалъ въ Варшаву для спасенія чего можно и теперь пишетъ самыя неблагопріятныя извѣстія. Я принялъ живое участіе въ его дѣлѣ и какъ въ Петербургѣ, такъ и на дорогу далъ ему искренніе и добрые совѣты. Мнѣ пріятно помнить, что я оказывалъ К. А. не мое малое содѣйствіе, но еще нашелъ случай помочь доброму человѣку. По ходу дѣла должно предполагать важныхъ потерь. По моему предположенію остаются два пути: или просить о принятіи убытковъ на счетъ казны, такъ какъ возвышеніе цѣнъ произошло отъ независимыхъ обстоятельствъ, или, если этого не уважитъ правительство, просить объ обращеніи убытка въ доли съ разсрочкою платежа на 37 лѣтъ по примѣру несостоятельныхъ откупщиковъ, на обыкновенныхъ банковыхъ правилахъ. Бѣдный отецъ опасливъ, теряетъ духъ и перемѣтчивъ, какъ слабый человѣкъ въ минуту опасности. Жена его Софья Ивановна, добрая, любезная дама, какъ должно предполагать Лютеранка и заправская Нѣмка, но въ ней очень мало Нѣмецкаго. Сыновья: Карлъ лѣтъ восьми, Вильгельмъ шести, говорятъ по-русски, едва знаютъ нѣсколько Нѣмецкихъ словъ.

Въ отсутствіи К. А. я бываю у нихъ на дачѣ и искренне полюбилъ добрую Софью Ивановну, можетъ быть оттого, что она любитъ семейный бытъ и вѣритъ моему дружескому расположенію къ ея мужу.

*

Въ южныхъ губерніяхъ голодъ, говорилъ одинъ откупщикъ, цѣны возвышаются, скотъ продается за ничто, мѣстное начальство затрудняется въ сборѣ повинностей и опасается за спокойствіе края. Ничего, отвѣчалъ К. Э., Государь пошлетъ своихъ адъютантовъ: они наварятъ каши, и всѣ будутъ сыты.

*

Я познакомился съ Василіемъ Матвѣевичемъ Перевощиковымъ. Онъ учился въ Казанскомъ университетѣ, въ первомъ курсѣ по открытіи, опредѣленъ учителемъ въ Пензу, гдѣ служилъ съ моимъ отцомъ, сдѣланъ адъюнктомъ въ Казани, переведенъ въ Дерптъ и теперь, лѣтъ шестидесяти, живетъ въ отставкѣ со своимъ семействомъ на Васильевскомъ островѣ въ пятой линіи, въ домѣ Бекмана. Я былъ предупрежденъ М. М. П., что это человѣкъ святой, благочестивый и самодержавный. Мы сидѣли втроемъ: я, учитель мой М. М. П. и В. М., его учитель: три поколѣнія. Не доставало четвертаго, моего ученика; мы могли бы служить представителями современной эпохи. Разговоръ былъ искренній и не равнодушный; говорили особенно мы со старикомъ: двѣ крайности. Поповъ, juste milieu, болѣе молчалъ или мирилъ наши разногласія. Дѣло шло о настоятельности и умѣренности преобразованій, объ искорененіи и терпимости недостатковъ, о неотлагательствѣ

и выжиданіи мѣръ лучшаго устройства, о человѣческомъ умѣ и времени, объ участіи ихъ въ дѣлахъ жизни.

*

В. М. человѣкъ прекрасной души, скромный, вѣрующій, любящій. Опытъ лѣтъ склонилъ его на сторону безропотной терпимости, наука сохранила теплоту чувства и ясность мысли, непрерывность занятій и знакомства еще связываютъ его съ дѣйствительностію, строгая жизнь поддержала въ немъ крѣпость силъ и отчетность впечатлѣній. Онъ вѣритъ въ лучшее и откровенно отдаетъ преимущество новому предъ старымъ, но оканчивая свое поприще, переживя буйныя времена преобразованій, онъ удаляется съ ристалища и, не надѣясь на свои способы, измѣряя всѣхъ по своему аршину, онъ опасается за другихъ и со страхомъ смотритъ на смѣлые порывы молодого человѣка, въ которомъ скрытность и осторожность были бы преступнымъ притворствомъ. Надобно познакомиться со всѣмъ его семействомъ, которое, говорятъ, все такого же прекраснаго свойства.

*

Правительство есть умъ народа. Правленіе есть его право. Повиновеніе ему есть обязанность народа; ни одинъ народъ не можетъ быть безъ правительства, онъ отдѣляется отъ него, когда лишится надежды, или потеряетъ терпѣніе, или потеряетъ довѣренность; здѣсь вина не народа, но правительства. Правительство не должно забывать при своихъ учрежденіяхъ: 1) Что все неестественное требуетъ принужденія. 2) Что всякое принужденіе стѣснительно. 3) Всякое стѣсненіе тяжко. 4) Что природа человѣческая постепенно стремится къ освобожденію себя отъ этого стѣсненія и такимъ образомъ дѣлаетъ невольное преступленіе. Всякое невольное преступленіе есть вина правительства.

Неестественное учрежденіе требуетъ на свое поддержаніе и неестественныхъ мѣръ, онѣ усиливаютъ неповиновеніе, раздражая его на каждомъ шагу постояннымъ принужденіемъ; неповиновеніе порождаетъ съ одной стороны строгость, доходящую до крайности, съ другой хитрость, придумывающую средства освободиться отъ принужденія и обмануть бдительную строгость. Всякое злоупотребленіе права ведетъ къ потерѣ его; злоупотребленіе монархіи кончается анархіей, анархія деспотизмомъ.

*

Петръ В. завелъ Академію Наукъ, на что она ему? Академія до сихъ поръ ничего не сдѣлала. Народъ смотрѣлъ на духовенство, какъ на учителей своихъ. Почему Петръ В. не воспользовался этимъ довѣріемъ и не положилъ въ основу своего преобразованія нравственное ученіе духовенства? Онъ имѣлъ средства держать духовенство въ рукахъ;

говорить же, что ученіе духовныхъ способно только къ аскетикѣ и схоластикѣ въ наше время нельзя: мы знаемъ Лютера у реформатства и Боссюета у католиковъ. Петръ зналъ нелюбовь Русскихъ къ иностранцамъ и на зло этому призвалъ полчища иностранцевъ. Для чего это? Теперь Русскіе въ своей землѣ, не потому что правительство имъ покровительствуетъ, но потому что соревнованіе для насъ было и есть неблаговременно, преждевременно. Петръ зналъ нашу торговлю съ Востокомъ и устремился къ нашей торговлѣ съ Западомъ. Принесло ли намъ это ожидаемыя выгоды? По-моему, правительство нынѣшняго Государя вѣрнѣе и надежнѣе, увѣреннѣе и смѣлѣе, потому что производитъ учрежденія не изъ подражанія, но изъ положительныхъ требованій народной жизни.

*

Я веду кочующую жизнь: четыре дня на Каменномъ островѣ, два на Черной рѣчкѣ, день въ Царскомъ, три въ Павловскѣ. Живу для здоровья и чувствую себя лучше. На Черной рѣчкѣ познакомился съ К. А. Г. и съ soit disant ея племянницею Лис. Алек. Старушка повидимому добрая женщина, радушная и искренна въ пріемѣ и разговорахъ, но любопытнѣе ея племянница. Она лѣтъ тридцати пяти и не хороша собою: смугла, болѣзненна и приняла роль пожилой независимой дамы, которая позволяетъ себѣ кокетство въ свободномъ, вольномъ разговорѣ, злословіе въ кругленькихъ фразахъ, разочарованіе въ общихъ словахъ о ничтожествѣ женщинъ. Дѣвушка очень интересная, она прекрасно говоритъ по-французски: жаль только, что, зная это, слишкомъ примѣтно щеголяетъ своимъ языкомъ и по несчастію, несмотря на свой возрастъ, не отказалась отъ претензіи и не достигла той степени, когда вольность непредосудительна и намеки, ахи и ахи безъ предубѣжденій. Я непремѣнно сойдусь покороче съ этой женщиной и разберу ее, какъ равнодушный наблюдатель. Она стоитъ этого, въ ней много опытности, навыку, любезнаго болтовства, а можетъ быть чувства; она остра и заносчива.

*

Устряловъ издалъ брошюрку о системѣ прагматической исторіи. Не понимаю, какъ можно такъ легко трактовать столь важный предметъ и представлять такое незначительное, поверхностное сочиненіе на степень доктора философіи. Дѣленіе исторіи у него лучше другихъ; но почему же не развита мысль о необходимости западной Руси или исторіи восточной Руси? Что Литовское княжество составилось изъ Русскихъ, это возможно, что тамъ большая часть жителей Славяне, это несомнѣнно; но что западная Русь принадлежала къ системѣ Польши, это выраженіе, которое не упомянуто въ сочиненіи докторанта. Польша, а *слѣдова-*

тельно Литва, должна принадлежать Россіи: вотъ политическое положеніе, на которое намекаетъ господинъ Устряловъ.

*

Я сейчасъ изъ Большого театра, зрителей тысячи, аристократія, звѣзды, блескъ и красота, все что есть въ Петербургѣ. Давали „Смерть за Царя", Ивана Сусанина, національную оперу, музыка Глинки, слова барона Розена съ прологомъ и эпилогомъ. Маленькая опера, написанная какъ бы для удавшихся мотивовъ, съ желаніемъ сказать, пропѣть нѣсколько Русскихъ апофегмъ для Петрова*), особенно для него. Созданія нѣтъ никакого. Есть, и множество, мотивовъ Русскихъ пѣсень. Авторъ возметъ начало напѣва, прибавитъ конецъ и составитъ партицію. Сусанинъ въ лѣсу и именно арія на зарѣ выполненъ Петровымъ превосходно; но Петровъ все выполняетъ превосходно. Обставка блестящая, декорація Роллера. Кажется, авторъ имѣлъ въ своемъ понятіи о національной Русской музыкѣ (онъ изъ нея явился) три начала: Русскія пѣсни—онѣ, онѣ у него или цѣликомъ, или перебиты, или пополамъ съ его фантазіями; церковное пѣніе—всего болѣе въ хорахъ, и ту характерестическую черту у человѣка, которая явно и сильно выражается въ нашихъ пѣсняхъ: горе и радость, торжественность и разгулье, плавность и быстрота. Онъ употребилъ эти средства; знатокамъ судить, хорошо ли? Но всѐ это признаки, а не самая вещь. Молодо, зелено! Это ребенокъ, который говоритъ „медвѣдь, медвѣдь", а это медвѣжья шуба.

*

П. М. Позенъ, голова и выскочка, вчера въ обществѣ своихъ ѣздилъ на свою дачу (въ Декабрѣ!) погулять. Оно бы ничего, поѣзжай, но въ числѣ гостей былъ В. В. Е. Что за чортъ, когда это бывало? Я думаю, что ровня неохотно знается съ П., такъ онъ уже беретъ въ комплектъ В. Но съ этимъ не сдобровать: это можетъ прибавить разгульнаго товарища, но убавить добраго мнѣнія, которое для выскочки должно быть очень дорого. Я этого не понимаю, надобно доискаться резона.

Скажи мнѣ, человѣкъ Божій, что̀ находишь ты пріятнаго въ этой жизни? Хорошее мѣсто, хорошее состояніе или хорошую жену? И то, и другое, и третье. Будетъ одно, будетъ и прочее. Нѣтъ, Божій человѣкъ, не будетъ. Хорошее не дано тебѣ, дано худое, да возможность лучшаго. Но что̀ теперь привязываетъ тебя, изъ за чего ты бьешься? Чтобъ жизнь промаить какъ нибудь? Такъ ты выбралъ плохое средство.

*

*) Знаменитый тогдашній пѣвецъ. П. Б.

Французы готовы отвѣчать головою, что, рано или поздно, повсюду будутъ приняты конституціонныя правительства, представительное правленіе. Въ такое короткое время, говорятъ они, и уже столько народовъ приняли конституцію. Весь Западъ Европы, часть Германіи, нѣкоторыя государства на Югѣ и два королевства на Сѣверѣ, и все это съ быстротою электричества. Правда, примѣръ Франціи подѣйствовалъ на многихъ. Въ пятнадцатомъ-двадцатыхъ годахъ всѣ государи были согласны на введеніе представительнаго правленія. Такъ крѣпко дѣло народовъ держало умы и послѣ эпохи народнаго деспота. Теперь думаютъ иначе, понятіе очистилось. Французы могутъ проспорить, (Изъ нихъ одинъ романистъ и виконтъ сказалъ: le bonheur des nations ne se donne pas, il s'en pose *). Добрые Баварцы, учредя конституцію, въ первое засѣданіе преставителей, жаловались на публичность мнѣній и пересуды. Французы, чтобы подкрѣпить свои выводы историческими показаніями, противорѣчатъ самимъ себѣ. Отчего въ древности не видно конституціи? „Всѣ древнія націи занимали малыя пространства", это несправедливо, а если и справедливо, то не существенная причина; главное въ томъ, что древніе не дошли до этой степени и не могли дойти. Если вникнуть хорошенько въ ученіе древнихъ объ обществѣ, эти великія націи представятся намъ младенческими. У нихъ была общая опасность, но не было общаго интереса, постояннаго и основаннаго на общихъ постоянныхъ нуждахъ, да и всѣ народы древности жили по нѣскольку лѣтъ: въ продолженіи пяти столѣтій, съ пятисотаго года по первой составлялись и разрушались три имперіи. Эти имперіи составлялись изъ самыхъ разнохарактерныхъ племенъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго; это не имперія Карла Великаго, образованная изъ Германскаго племени; не имперія Карла Пятаго, соединенная общимъ интересомъ вѣры, опасенія и торговли. Древніе достигли до этой степени, потому что они успѣли; новѣйшіе народы могутъ успѣть и должны успѣть, но могутъ и, можетъ быть, должны будутъ измѣнить конституціонныя формы, ибо онѣ не составляютъ еще верха совершенства, ни потому, что ихъ усвоили Французы (которымъ Богъ судилъ пройти всѣ фазы измѣненій), ни потому, что онѣ въ исторіи являются послѣднимъ звеномъ общественнаго устройства. Конституціонныя формы родились въ Англіи, оттуда перешли и усовершенствовались во Франціи. Англія и Франція, два блестящія созвѣздія нашего горизонта, по своему положенію должны были жить дѣятельно, живо, многосторонне. Странное дѣло! Эти двѣ первенствующія державы всего болѣе одолжены случайности, временнымъ обстоятель-

*) Счастіе не дается народамъ, оно налагается.

ствамъ, человѣческой слабости. Разберите ихъ исторію; на чемъ основаны у нихъ всѣ главнѣйшія основы ихъ правленія, всѣ ихъ хартіи и коренныя постановленія? Англія и Франція преимущественно образовались a posteriori, изъ жизни, изъ опыта; конечно, у всѣхъ народовъ преданіе имѣетъ дѣятельное участіе въ развитіи жизни, это законъ человѣческаго развитія, но преданіе есть отрицательный движитель. Прошедшее важно какъ фактъ изученія, какъ подтвержденіе теорій, а не какъ составная часть жизни. Жизнь нова: чѣмъ обновленіе всестороннѣе, тѣмъ меньше въ немъ преданія. Въ Англіи и Франціи дѣйствительность такъ подавляетъ теорію, что до сихъ поръ тамъ нѣтъ ни одного геніальнаго систематика, а искусство—забава. Выводя теорію изъ жизни, Французы естественно должны были писать законы на толкучемъ рынкѣ, гдѣ раздаются тысячи голосовъ, съ ихъ временными, мелкими и односторонними видами; съ того времени какъ законы пишутъ въ такой сумотохѣ, во Франціи нѣтъ законовъ, есть какія-то временныя положенія, принятыя большинствомъ интереса. Но, скажутъ, тѣмъ лучше: эти временныя положенія ближе къ нашему бытію, которое есть временное, и слѣдовательно способнѣе дать благосостояніе. На время, согласенъ, но не забудьте, что здѣсь одно положеніе противорѣчитъ другому; каждое положеніе сопровождается бурею, отъ малаго предмета возстаетъ весь рынокъ, отъ крика къ брани, отъ брани къ дракѣ. Убійство, бунтъ! Въ 1791 году сколько было конституцій! Вы думаете, они обошлись дешево? Эта жизнь мысли, пылъ страстей льстятъ человѣческому самолюбію, кровь кипитъ, голова горяча, вниманіе въ напряженіи: развѣ это естественное состояніе человѣческаго общества? „образумятся“—такъ возьмите напримѣръ законъ о книгопечатаніи, главную опору конституціоннаго управленія. Чего съ нимъ не дѣлали?

*

Сенковскій обругалъ и сочинителя и сочиненіе А. Б. В. Г., всю Русскую азбуку. Неужели можно говорить печатно о книгѣ что̀ хочешь, вѣдь книга товаръ. Что̀ же дѣлаетъ М. Н. П.*. Позволятъ ли мнѣ напечатать: у господина Н. всѣ товары дрянь? Ей Богу, г. г., это дозволеніе есть злоупотребленіе. Ну ужъ положимъ, лицо ругать нечего, лицами не дорожатъ, но книга товаръ, это подрываетъ и книжную торговлю, и авторскій кредитъ. Право, этимъ надобно заняться.

*

Читайте публичную и домашнюю жизнь Лютера, хоть въ Запискахъ изданныхъ Мишле, и увѣрьтесь, что не великіе люди производятъ рефор-

*) Т. е. Министерство Народнаго Просвѣщенія, вѣдавшее цензуру. П. Б.

маціи и что эти люди вовсе не велики событіями. Сынъ крестьянина, монахъ, докторъ, реформаторъ, Мартынъ Лютеръ былъ наравнѣ со своимъ вѣкомъ, но къ формальному знанію онъ присоединилъ идеальное, къ духовному свѣтское, къ отвлеченному положительное; это дало ему уваженіе Меланхтона, Гуттена и даже Эразма. Состояніе мнѣній было таково, что злоупотребленія Рима могли быть признаны офиціально. Лютеръ написалъ формальный рапортъ епископу, жалуясь на обманъ и наглость Тецеля. Здѣсь виденъ монахъ-попъ. Епископъ приказалъ монаху смириться и замолчать; изъ за монаха показался докторъ, профессоръ Витембергскаго университета. Когда и профессору приказали перестать, является реформаторъ, фанатикъ, назойливый, вспыльчивый и честолюбивый. Это уже не попъ и не докторъ, это крестьянинъ Мюнцеръ, Іоаннъ Лейденскій, Карлъ Остадтъ. Чтобы не смѣшаться съ этими низкими людьми, онъ подчинилъ ученіе буквальному смыслу Евангелія, а церковь безусловному повиновенію власти. Дѣло вѣры сдѣлалось дѣломъ политики, дѣломъ философіи, дѣломъ экзегетики. Онъ скоро это почувствовалъ, и самъ онъ сталъ писать противъ папы, чорта и государей. Онъ скоро увидѣлъ, что его реформа, хотя онъ и предпринялъ ее во имя Бога, приняла совсѣмъ другое направленіе: явилось безвѣріе, не было теплоты въ сердцѣ, даже въ женѣ его Екатеринѣ, даже въ его собственномъ. Старое вѣрованіе отложено, къ новому еще не привыкли, неопредѣленность отношеній организаціи и значенія церкви дала поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ и отпаденіямъ. „Реформа церкви, пишетъ Лютеръ, есть дѣло не наше, а государственное; что же не войдетъ въ государственное дѣло свѣтская власть?“ И именно такъ: сдѣлай Лютера генералъ-суперинтендентомъ, дай ему въ помощь исполнительную власть и придай ему совѣтъ, гдѣ бы онъ имѣлъ голосъ президента! Онъ уже втроемъ дѣлалъ нѣчто подобное, но вѣроятно прекратилъ по запрещенію власти. Власть всегда должна входить въ дѣло преобразованія, если не хочетъ быть обойдена и ослаблена. Лютеръ готовъ былъ отъ души прекратить реформу; этого мало: ратовать противъ нея, лишь успокойте его, помиритесь съ нимъ. Въ реформаторѣ выдавался человѣкъ съ нуждами и желаніями, постоянство его поддерживалось необходимостью. Онъ долженъ былъ идти по открытой имъ дорогѣ, хотя это не соотвѣтствовало его цѣли; онъ ратуетъ болѣе на реформаторовъ нежели на папистовъ, онъ неравнодушно терпитъ недостатки и тщеславится своимъ добрымъ дѣломъ. Подъ конецъ жизни и еще раньше, онъ сталъ желать насильственной смерти (и это всегда бываетъ съ людьми недовольными и не управляющимися съ дѣломъ) для запечатлѣнія новаго ученія, а не желалъ благоденствія для утвержденія и распространенія своего ученія. Преобразованіе опередило его, и ему въ жизни не остава-

лось ничего доблестнаго. Понятія Лютера о правѣ пошлы и спутаны. Манифестъ крестьянъ (написанъ умно, но слабо) обнималъ реформу обширнѣе и ближе. Лютеръ это чувствовалъ и въ отвѣтныхъ памфлетахъ своихъ къ царямъ и крестьянамъ является нерѣдко дипломатомъ: прикажите ему опровергнуть манифестъ, но обѣщайте ему за это награду. Есть несомнѣнные намеки на готовность реформатора оставить дѣло, если за это дадутъ ему хоть кардинальскую шапку. Съ крестьянами князь, съ князьями крестьянинъ, Лютеръ не имѣлъ опредѣленнаго дѣйствованія, и мнѣ кажется, онъ просто былъ орудіе новыхъ мыслителей, которые не пускались на арену, пока не объяснится, гдѣ вѣрнѣе побѣда и гдѣ ближе достиженіе. Лютеръ, какъ всякій невеликій человѣкъ, не выразился вполнѣ, и надъ его могилою можно выразить общую подпись: C' est un homme manqué*).

Кальвинъ былъ Лютеръ Французскій; онъ уступаетъ великому реформатору въ силѣ генія, но превосходитъ его въ положительныхъ свѣдѣніяхъ и особенно въ умѣніи прилаженія. Но тотъ и другой имѣли умъ болѣе отрицательный и разрушительный, нежели творческій, имѣли болѣе нетерпѣнія, нежели ожиданія, болѣе убѣжденія, нежели вѣрованія. Но въ Лютерѣ болѣе силы и прямоты, хитрый же Швейцарецъ любилъ и насиліе.

*

Вчера (21 Іюля 1837) я былъ на аукціонѣ въ библіотекѣ покойнаго графа Аракчеева. Книги довольно плохи, хорошія отобраны для Новгородскаго корпуса; вещи великаго человѣка продавались съ молотка, покупались безъ участія къ лицу или по крайней мѣрѣ безъ любви, а развѣ изъ любопытства, точно ли онъ былъ великій человѣкъ? Власть его была велика, взглядъ его былъ обширенъ, соображеніе сильное; но ему не доставало познанія неизмѣнныхъ началъ жизни и законовъ развитія нравственнаго тѣла, каковымъ можно назвать государство: онъ слишкомъ потакалъ временнымъ, мѣстнымъ обстоятельствамъ.

*

Я былъ въ Москвѣ отъ 8-го по 20 Сентября 1837 года для больной сестры моей. Но семейственное дѣло, хотя главное, занимаетъ здѣсь второе мѣсто. Я свидѣлся съ Москвой послѣ 3-хъ лѣтъ отсутствія (съ 1-го Марта 1835 года), послѣ 3-хъ лѣтъ Петербургской гражданской службы. Въ Москвѣ началась моя жизнь. До 1828 года все мое прошедшее такъ плохо, такъ неосновательно и безсмысленно, что лучше бы его не было. Въ Москвѣ я началъ учиться, въ Москвѣ я узналъ состояніе гражданина, требованія общества, достоинство человѣка. Семь

*) Человѣкъ не удавшійся.

лѣтъ въ Москвѣ—вотъ мое прошедшее, о которомъ я хоть что нибудь могу сказать самому себѣ. Какія мысли, какіе планы толпились въ головѣ молодого студента, гдѣ они? Я отъ нихъ не только отказался, но даже отвыкъ, я даже забылъ ихъ и даже осуждаю ихъ; но они смѣлы, благородны, они противорѣчатъ обстоятельству, но онѣ согласны и свойственны молодой душѣ, еще непреклоненной подъ уровень человѣческихъ устроеній; они расширяли душу, тѣснили дыханіе и давали юному взгляду нѣкоторый даръ предвѣдѣнія; но ихъ нѣтъ и уже не будетъ. Каково было взглянуть на мѣста и лица, посреди которыхъ родились и жили молодые помыслы? Горько. Это не было разочарованіе: оно было ранѣе; это не были упреки, они преслѣдуютъ меня и въ Петербургѣ; это было воспоминаніе о томъ, что̀ было хорошаго и что̀, можетъ быть, потому и хорошо, что не исполнилось: воспоминаніе о прошедшихъ надеждахъ, въ замѣнъ которыхъ теперь толпятся другія надежды, можетъ быть, тоже несбыточныя! Опыты жизни можно назвать капиталомъ, надежды оборотами, воспоминанія о нихъ банкротствомъ. Живетъ воспоминаніе только то, что̀ удалось: то, что̀ совершилось обращается въ опытъ, въ капиталъ, въ жизнь. Я повторяю, въ Москвѣ надпись на гробницѣ почти всякаго человѣка: homme manqué, и не почти, а непремѣнно всякаго. Кто весь выразился, тотъ не раскаевается передъ концомъ.

Можетъ быть поэтому, не смотря на свиданіе съ моей любимой сестрой и искренними людьми, Москва мнѣ не понравилась. Я уѣхалъ до срока, и безъ дѣла еще не поѣду. Отдаленіе отъ Москвы и Москвитянъ отъ Петербургской жизни едва ли не больше замѣтно, чѣмъ отдаленіе провинціи отъ Москвы. Москва модная провинція. Какое-то тайное чувство униженія проскакиваетъ въ разговорѣ Москвича съ Петербургскимъ, какое-то назойливое, умышленное неуваженіе къ общимъ гражданскимъ понятіямъ, какая-то неувѣренность въ несомненномъ довѣріи къ сомнительному, безалаберный порядокъ въ поступкахъ и мысли. Въ Москвѣ много Русскаго, но не чистаго національнаго Русскаго; тамъ смѣшано съ Французскимъ и Нѣмецкимъ; но изъ трехъ этихъ ученій Русское—главное, Русская нація, Русскій умъ на той степени развитія, когда чувствуютъ необходимость знанія (еще для цѣли, а не для самаго знанія), когда начинаютъ думать о нуждѣ, но когда еще живутъ, чтобъ только жить, занимаются, чтобы выиграть, хвалятъ, чтобы обмануть, наживаются, чтобы расточать или скряжничать, молятся о даяніи, знаютъ по слуху, учатся по книгамъ, учатъ по заказу. Статистика нашихъ сословій представляетъ начало развитія; образованность не ввела еще общихъ понятій, минутное соединеніе общихъ видовъ не мѣшаетъ рѣзкому отдѣленію одного класса отъ дру-

гого, одной профессіи отъ другой. У насъ еще нѣтъ прошедшаго, можетъ быть оттого, что, судя по настоящему, наше будущее слишкомъ велико; теорія нашей жизни измѣняется, *чисто авось* и еще чаще подражаніе; это мѣшаетъ и опыту, который при зыблемости теорій не имѣетъ постояннаго положенія.

Можетъ быть, и эти строки пишетъ Москвичъ. Въ Москвѣ Нѣмецкое вліяніе, соединенное съ Французскою суетностію, сдѣлало изъ мыслящихъ людей оппозицію правительству; тамъ столько теорій, и всѣ такъ готовы къ теоріи, что не удивительно, если посторонній скажетъ: отчего же здѣсь нѣтъ никакой положительной теоріи?

Москва дрожжи Русскаго затора.

*

Тальони на Петербургской сценѣ, я ее видѣлъ въ Баядеркѣ и въ Востаніи. Въ первый разъ я не понялъ ея, сидѣлъ далеко и видѣлъ плохо; мнѣ казалось, по сценѣ скользитъ, и летаетъ, и кружится какое-то легкое, летучее, прозрачное существо. Во второй разъ я разсмотрѣлъ ее хорошо. Это женщина немолодыхъ лѣтъ, высокаго роста и около стана, который гибокъ какъ можетъ быть гибокъ станъ человѣческій, худощава, но сильна, тверда и легка какъ пухъ. Она свободна и почти не чувствуетъ утомленія. Совершенство физическаго ея состава описать трудно, ноги ей послушнѣе, нежели намъ руки. Нѣтъ ни прыжковъ, ни пируэтовъ; во всѣхъ движеніяхъ простота, скромность и благородство, къ этому формальному совершенству дана ей граціозность, о которой трудно имѣть понятіе, не видавъ Тальони. Посмотрѣвъ ее разъ, вы получаете совершенно другое понятіе объ искусствѣ.

*

У меня былъ Головкинъ Иванъ Алексѣевичъ, товарищъ и одинъ изъ лучшихъ кандидатовъ по университету. Я зналъ его какъ исправнаго студента, но далѣе этого я въ немъ не видалъ; мнѣ казалось, что онъ принималъ науку за тетрадь, знаніе за книгу, въ немъ было стремленіе къ безотлагательному ученію, въ немъ не было цѣли усовершенствованія, однимъ словомъ, я смотрѣлъ на него какъ на человѣка средней руки. Теперь я его увидѣлъ снова послѣ пяти лѣтъ: онъ опытнѣе, онъ подъ дѣйствіемъ человѣческой существенной жизни; онъ прямо нападаетъ на теорію, онъ признаётъ, что всякій секретарь (его слова) лучше профессора, по опредѣленности и пользѣ занятій, чѣмъ не можетъ похвалиться ни одинъ учитель (онъ вѣроятно разумѣлъ нашихъ). Это плохо, это показываетъ, что понятіе мое, какъ о студентѣ было справедливо. Съ другой стороны, мы уже различны съ нимъ и потому, что я въ Петербургѣ, а онъ въ Москвѣ; но Головкинъ добрый, благородный человѣкъ, которому дай Богъ хорошаго пути и достиженія

степеней, гдѣ такъ мало истинно-добрыхъ и благородныхъ людей. Вопросъ: не дѣлаютъ ли эти степени всѣхъ людей такими, какими мы ихъ видимъ? Нѣтъ, измѣненіе по степенямъ есть признакъ посредственности. Не врожденны ли эти измѣненія въ человѣческой природѣ или не есть ли извлеченіе, измѣнчивость нѣкоторыхъ? Но истинные люди есть тоже извлеченіе, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ состояніи.

*

Я ничего не имѣю написать въ „Дняхъ и Трудахъ“ моихъ; мой весь вечеръ провелъ у кн. Н. Д. О. Такъ иногда ничтожна самая продолжительная методическая скучная бесѣда. Эта святая княгиня, и больна, и несчастлива.

*

Образуется новое Министерство Государственныхъ Имуществъ, оно еще измѣнится; жалко видѣть эту огромную часть въ такомъ ничтожномъ видѣ. По направленію рутины превосходительнаго канцеляриста все что̀ ни будетъ, будетъ лучше. Киселевъ не показалъ себя великимъ художникомъ, но онъ уменъ, ловокъ и дѣятеленъ. Заведите машину, она найдетъ дальнѣйшій ходъ, укажетъ средства, обновленная жизнь найдетъ лучшее направленіе. Мы это видимъ по Удѣльному управленію. Что̀ будетъ, то будетъ, но хуже бывшаго не можетъ быть. Что̀ если бы теперь преобразовать Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, эту огромную кучу всякой дряни, преобразовать полицію, особенно земскую, ввести болѣе правильный способъ раскладки и сбора повинностей, поставить болѣе независимый образъ дворянскихъ, городскихъ выборовъ, измѣнить порядокъ гражданскихъ службъ. Боже мой! Да мы поклялись бы тогда и за правнуковъ нашихъ не думать о конституціи. Это было бы такое великое дѣло, какого Петръ не произвелъ со своими преобразованіями и ужасными средствами. Теперь все въ зародышѣ; время разовьетъ, способы созрѣютъ. Дай Богъ, чтобы энергія и независимость характера нашего Царя продлились долго, долго.... Никто такъ не дѣйствовалъ рѣшительно и самостоятельно и никто такъ много не сдѣлаетъ какъ онъ, первоначальникъ національной жизни, истинный государь вполнѣ монархической власти.... Но, Ваше Величество, болѣе искренности, болѣе безпристрастія, и еще болѣе независимости, еще болѣе самовластія... Чтобы угодить вамъ, не надобно угождать никому, даже себѣ. Богъ не себя любитъ, а всѣхъ.

*

Сегодня четырнадцатое Декабря 1837 года, ровно двѣнадцать лѣтъ бунту молодыхъ людей, сдѣлавшихся жертвою безотчетнаго предпріятія. Малая опытность должна была предупредить, что въ этой мысли не

достаетъ главнѣйшаго для проявленія въ жизни: готовности въ народѣ и недостатка средствъ. Мысль частная, принадлежащая нѣкоторымъ головамъ, которыя не принадлежали къ народу, мысль слишкомъ идеальная, и потому не созрѣвшая даже въ предположеніяхъ начинателей, эта мысль не удалась и не могла удасться, даже и тогда, когда бы бунтовщики имѣли за себя весь Петербургъ, потому что народъ не совершаетъ преступленія, а всякая революція, вышедшая не отъ правительства, есть преступленіе; потому что не было повода къ подобной реформѣ, и наконецъ потому, что общество не готово принять въ себя подобную мысль, взятую изъ книгъ и несовмѣстную съ Русскою имперіею. Нѣкоторые говорятъ, что бунтъ четырнадцатаго Декабря осуждается потому, что онъ не удался; да, и по этому: удача есть вѣрный признакъ правильности, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ, гдѣ случайность имѣетъ наименьшее вліяніе, именно въ дѣлахъ цѣлаго общества. Въ историческомъ отношеніи бунтъ четырнадцатаго Декабря чрезвычайно важенъ, въ политическомъ онъ не стоитъ и картечи. Я не могу понять, какъ могла подобная мысль имѣть хоть какое-нибудь вѣроятіе, если не объяснить попытку эту нашими Византійскими годами 1730, 1740, 1762 и 1801. Во всякомъ случаѣ конституція погубила бы силу, величіе и славу Россіи. Безъ просвѣщенія нѣтъ свободы, безъ свободы нѣтъ общаго мнѣнія, а безъ него нѣтъ конституціи.

*

Вечеромъ семнадцатаго Декабря я довольно поздно ѣхалъ отъ Клеопатры Др. домой. Было большое зарево, и толпился народъ, когда я былъ на Адмиралтейской площади; видно было, что пожаръ усилился и что онъ въ зданіяхъ зимняго дворца. Вся площадь покрыта народомъ, по улицамъ бѣжали полки солдатъ, дымъ покрывалъ небо, и площадь, великолѣпныя палаты Русскаго императора были объяты пламенемъ. Тысячи народу, вся полиція, полки гвардіи и все это могущество великаго государя, стояло и смотрѣло, какъ огонь пожиралъ колоссальное зданіе, наслѣдственный дворецъ державныхъ царей, въ которомъ цѣлый вѣкъ копились и стекались драгоцѣнности свѣта, расположенныя изящнымъ вкусомъ и оберегаемыя милліономъ передворцевъ. На другой день по утру, часу во второмъ, я прошелъ мимо пожарища; пламя было внутри. Вечеромъ зрѣлище представляло ужасную картину. Темная ночь, огни караулень, цѣпи солдатъ и волны народа по краямъ: зарево было далеко, дымъ шелъ къ верху. Это громадное зданіе, обгорѣвшее и неподвижное, освѣщенное пламенемъ среди ночного мрака, къ всеобщему удивленію казалось какимъ-то очарованнымъ чуднымъ замкомъ, гдѣ давался блестящій балъ волшебною силою. Но не было никого на этомъ пиру; изумленные зрители смотрѣли со

страхомъ на шумную пустоту, на это невидимое присутствіе духа-истребителя. Для меня это зрѣлище было какимъ-то символомъ могущества. Интердиктъ [1]), чтобы остановить потокъ огня, тогда какъ тысячи готовы отстаивать каждый шагъ съ пожертвованіемъ жизни, тогда какъ всѣ силы власти и образованности могутъ двинуться по одному мановенію. Стой, могущество человѣческое! Ты строило дивный храмъ сто годовъ, я истреблю его въ сто минутъ; ты собирало сокровища со всѣхъ краевъ, я пожру ихъ въ одно мгновеніе. Эти залы, гдѣ красовались владыки и великіе міра, сдѣлались пепелищемъ; эти стѣны, украшенныя ликами геніевъ, превращены въ развалины. Что же ты можешь, человѣкъ? Этотъ дворецъ не принадлежалъ царю, но царямъ, не имени, но достоинству, не времени, но вѣчности. Неужели, Государь, не было средствъ спасти его? Неужели точно сгорѣлъ зимній дворецъ? Говорятъ много, но много говорятъ глупаго.

*

Неужели статьи Полевого („Сынъ Отечества“) будутъ читаны съ тѣмъ же легковѣріемъ, какъ и прежнія его въ „Телеграфѣ“, писанныя очертя голову, хотя искренно. Все достоинство ихъ—смѣлость, иногда переходящая въ брань, и почти всегда нетерпѣливое, самолюбственное умничанье дерзкаго, если не нахальнаго, журналиста; жаль, что ни онъ, ни публика не поумнѣли съ того времени, а послѣднія кн. „Телеграфа“, кажется, обѣщали болѣе осмотрительности со стороны издателя и болѣе строгаго требованія со стороны читателей. Подлый тонъ въ „Библіотекѣ“ помѣшаетъ этому.

*

Когда народъ жалуется на правительство, онъ говоритъ о государѣ: oh, s'il savait! Когда толпа наводняетъ дворецъ и въ ярости своей встрѣчаетъ государя, она говоритъ: on vous trompe [2]). Слѣдовательно, есть убѣжденіе въ націи, что государь желаетъ добра подданнымъ, что все зло отъ окружающихъ. Если бы министры дѣйствовали съ тою прямотою и безразличіемъ, какія свойственны государямъ, никогда не было бы ни волненій, ни беззаконій. Нація любитъ государя, она никогда не возропщетъ на его власть; царская власть священна, тяжела власть подчиненныхъ. Это убѣжденіе есть уже сильная причина законности монархіи и естественности неограниченнаго правленія. Одинъ важный пунктъ представляется затрудненію, какъ уничтожить злоупотребленіе правительствъ, кого избрать посредникомъ между царемъ и исполнителями. Никого: всякое посредничество будетъ оппо-

[1]) Запрещеніе.

[2]) Если бы онъ зналъ!—Васъ обманываютъ.

зиціею. Надобно, чтобы исполненіе соотвѣтствовало волѣ, цѣли; надобно, чтобы отправленіе обязанности было строго совѣстливо; для этого не нужно посредничествъ; для этого нуженъ только болѣе вѣрный способъ выбора исполнителя, а это такая трудность, что я не осмѣливаюсь сказать ни слова. Тутъ кажется одно средство: гласность, публичность, назначенія по извѣстности, по мнѣнію общества и публичности служебныхъ дѣйствій.

*

Въ Комиссаріатскомъ Департаментѣ былъ подрядчикъ Одесскій купецъ Маркусъ Борисовичъ Розенбергъ, Еврей, человѣкъ скромный, терпѣливый, предпріимчивый, человѣкъ съ большимъ довѣріемъ, пользующійся уваженіемъ своихъ согражданъ; изъ всѣхъ Евреевъ онъ оказался честнѣйшимъ. Въ концѣ прошлаго года онъ подкупилъ цѣновщиковъ дома въ Одессѣ; подкупъ былъ открытъ по доносу жандармами, назначенные другіе цѣновщики сдѣлали новый подкупъ, новая соразмѣрная оцѣнка. Въ это время, по странному стеченію обстоятельствъ, началась въ Петербургѣ передѣлка съ Жидами. Изъ нихъ человѣкъ шесть отдано въ солдаты, многіе высланы, нѣкоторые сосланы, въ числѣ высланныхъ былъ купецъ Черноморскій, старикъ семидесяти шести лѣтъ, зажиточный и почитаемый. Онъ высланъ по этапамъ въ походъ на тысячу верстъ. Въ числѣ сосланныхъ былъ Бромбергъ, котораго Евреи называли великій Бромбергъ, „ходатай за Божьяго народа“, выхлопотавшій Еврейскимъ солдатамъ святую субботу. Еврей дерзкъ, наглъ, строптивъ и обманщикъ, сколько можно судить по толкамъ и слухамъ; онъ сосланъ въ Вятку; отданные въ солдаты назначены въ арестанскія роты: это замѣненіе Сибирской каторги. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ (началась передѣлка, кажется, съ дворцоваго пожара) перебрали Жидовъ, кажется, человѣкъ сорокъ. Въ это-то время открылось злоупотребленіе Маркуса Розенберга, которое почти было обычаемъ и которому поводомъ могла служить чрезвычайно несоразмѣрная оцѣнка домовъ въ Таганрогѣ, дававшая огромныя средства многимъ подрядчикамъ и особенно В. И. Бетхеру. Розенбергъ извѣстенъ государственнымъ людямъ, и арестъ его возбудилъ большое участіе; по высочайшему повелѣнію онъ долженъ былъ просидѣть три мѣсяца въ крѣпости, опубликованъ какъ человѣкъ неблагонамѣренный и высланъ въ мѣстожительство съ запрещеніемъ выѣзда въ обѣ столицы; это послѣдовало, кажется, 9 Февраля. Всѣ эти дѣла должны теперь потерпѣть сильное измѣненіе; можетъ быть, онъ не разорится, но во всякомъ случаѣ довѣріе его упадетъ. Дѣло было рѣшено безо всякаго суда. Можетъ быть, оно и судилось, но въ корпусѣ жандармовъ или въ Третьемъ Отдѣленіи; можетъ, оно рѣшено и справедливо но, великіе

міра сего, высшіе исполнители воли Государя, Ваше Величество, неужели на этомъ основывается благосостояніе любимой вами и любящей васъ націи? Неужели, отходя ко сну, вы спокойно закрываете глаза свои и въ уединенной бесѣдѣ съ совѣстью не чувствуете и окруженные безчисленными караулами не тревожитесь внутреннимъ голосомъ, и усыпляетесь притворною лестью вашихъ окружающихъ.

*

Четверть новаго года (я пишу 31 Марта 1838 года) политическая Европа начинается историческими событіями. Первое это есть борьба началъ монархическаго и демократическаго, возбужденная Іюльскою революціею и склоняющаяся постоянными мѣрами государей на сторону монархизма, умѣреннаго, законнаго, это правда, но чистаго, самостоятельнаго. Въ Англіи Канадское дѣло, на Перинейскомъ полуостровѣ междоусобіе, во Франціи измѣненіе Іюльскихъ мнѣній, въ Пруссіи Кёльнскій вопросъ, въ Россіи и Австріи систематическое преобразованіе, въ Ганноверѣ новая конституція, въ Греціи утвержденіе правительства, въ Турціи и Египтѣ нововведенія и вопросъ объ отложеніи, всюду желѣзныя дороги, новыя оперы, усиленіе началъ въ дѣйствіяхъ, положительное знаніе, а съ ними и промышленность идутъ своимъ чередомъ.

*

Сегодня мой человѣкъ Іоаннесъ Думкопфъ объявилъ мнѣ, что оставляетъ меня. Причиною такого внезапнаго отказа мое неудовольствіе. Я какъ-то сказалъ ему, впрочемъ въ десятый разъ, что онъ говоритъ и отвѣчаетъ, смотритъ и ходитъ не по человѣчески, что онъ всегда такъ дурно одѣтъ и такъ звѣрски обращается, что я стыжусь за него, что всѣ замѣчаютъ это, что онъ срамитъ себя и, наконецъ, что онъ долженъ измѣниться, если хочетъ остаться при мнѣ. Я нанялъ его въ 1836 году въ Августѣ за 300 руб. въ годъ, помогалъ ему, наконецъ въ Сентябрѣ или въ Августѣ 1837 года прибавилъ ему 120 руб. И всетаки у него жена и сынъ, получаемаго жалованья ему недостаточно, къ тому же онъ Нѣмецъ, самолюбивъ до крайности, своенравенъ и высокаго о себѣ мнѣнія, поэтому онъ былъ дурной камердинеръ, но честный и здравомыслящій человѣкъ, портной и совѣстливый исполнитель. Этихъ качествъ трудно найти въ Русскомъ слугѣ. Посмотрю, но мнѣ очень жаль моего Dumkopfa. 23 Августа 1838 года.

*

Вчера былъ у меня Александровъ, товарищъ по гимназіи, бѣдный медикъ, прибывшій изъ Мезени искать мѣста. Онъ не имѣетъ ни квартиры, ни приличнаго дневного пропитанія. Я наговорилъ ему множество о затрудненіяхъ, о моемъ незавидномъ положеніи, обѣщался

просить за него д. с. с. Майера, но себя потѣшить не захотѣлъ, братски съ нимъ моей сотни не раздѣлилъ, придти ко мнѣ обѣдать не пригласилъ. Я и теперь нахожу это невозможнымъ, хотя занимаю четыре комнаты, не чувствую большой нужды и искреннимъ участіемъ могъ бы облегчить его недостатки, хотя бы въ небольшомъ размѣрѣ. Это эгоизмъ, начало умѣнья жить, и вотъ демонія, причина безцвѣтности моей жизни и, можетъ быть, зародышъ порчи, которую въ свѣтѣ называютъ обтершеюся опытностью. Предохрани меня, Боже! Я еще скрываю отъ самого себя многое, что̀ несомнѣнно доказываетъ мой эгоизмъ, но я не испорченъ. Точно ли я не испорченъ?

*

По случаю ревизіи уголовныхъ законовъ подъ вѣдѣніемъ М. М. Сперанскаго и Д. В. Дашкова, ему поручено заняться критическимъ обозрѣніемъ проэктовъ уголовныхъ уложеній 1753 и 1813 годовъ и сообразить, въ какой мѣрѣ могутъ быть полезны преобразованія, въ этихъ проэктахъ предположенныя. Обозрѣніе перваго сдѣлалъ онъ самъ, обозрѣніе второго проэкта поручилъ мнѣ.

Проэктъ 1753 года, приготовленный къ высочайшему утвержденію, замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ; онъ составленъ послѣ неудачныхъ попытокъ полнаго уложенія съ упоминаніями соборнаго 1648 года, новоуказанными статьями, согласными съ ними генеральными рѣшеніями и заимствованіемъ въ отношеніи судопроизводства и администраціи изъ уложенія Шведскаго, а въ отношеніи правъ владѣнія изъ постановленій губерній Отзельскихъ.

*

Дѣло доктора Майера кончилось совершеннымъ успѣхомъ; оно принадлежитъ къ тому разряду, гдѣ представленіе дѣлается въ двухъ видахъ и при безмолвномъ утвержденіи толкуется въ пользу той стороны, которая хлопочетъ. А Энгельгардтъ сказывалъ мнѣ, что залоги, гибнувшіе у Александровича, принадлежатъ графу Чернышеву и дѣло обработано Якобсономъ въ этомъ смыслѣ.

*

Божусь вамъ Богомъ, что мы люди добры, но мы слабы. При недостаткѣ силъ крѣпость сообщается порядкомъ. Порядокъ есть душа жизни въ частномъ лицѣ, въ семействѣ и въ государствѣ.

*

Я безпрестанно попадаю въ бѣду и почти всегда по неосторожности, добровольно. Вотъ еще новый долгъ по милости князя Дмитрія Петровича Оболенскаго, и нѣтъ средствъ выплатить его, и ни одинъ изъ друзей и доброжелателей не хочетъ выручить меня изъ этой ничтожной, но для меня важной запутанности. Спасибо князю Дмитрію

и друзьямъ, и доброжелателямъ, это наука; но пригодится ли она къ чему нибудь? Какъ бы мнѣ хотѣлось сказать друзьямъ и доброжелателямъ: я былъ въ бѣдѣ, а вы меня не выручали. Я не хочу мстить или оскорблять ихъ за равнодушіе, но мнѣ хотѣлось бы сказать имъ это, чтобы избавить другого, можетъ быть, отъ такого же стѣсненія и хоть нѣсколько подавить это равнодушіе, которое, къ несчастію, съ развитіемъ круга дѣятелей и многостороннихъ нуждъ, все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ приверженцевъ. Равнодушіе есть порча нашего счастія; всѣ несчастія наши были бы рѣже, меньше, если бы люди принимали другъ въ другѣ участіе. Я не заслужилъ равнодушія ни отъ кого, ссуда моя сдѣлана болѣе по излишней готовности, нежели по неосторожности, еще менѣе по моей волѣ. Но это частный случай. Я говорю не о себѣ: я выпутаюсь.

*

Въ 66-мъ нумерѣ „Сенатскихъ Вѣдомостей“ (Вторникъ, Ноября 15 дня 1838 года) распубликовано высочайше утвержденная сентенція генералъ-ауторіатора о ссылкѣ на каторгу дѣйствительнаго студента Александрова по извѣстному дѣлу о покушеніи на жизнь Яковлева, чтобы получить отъ отца его два милліона рублей. Генералъ-ауторіатъ вошелъ въ разсмотрѣніе такихъ обстоятельствъ изъ преступной жизней несчастнаго, которыя вовсе суду не подлежатъ. Александровъ дѣйствительно извергъ, заслуживаетъ смертную казнь, но обратите вниманіе на побудительныя причины его злодѣйскаго замысла. Александровъ имѣлъ цѣлью обогащеніе. Онъ, по словамъ его, совершалъ злодѣянія безъ злого намѣренія, а единственно для того, чтобы взвести на себя важныя преступленія и черезъ то быть представлену лично Государю Императору, для открытія извѣстной ему тайны. Александровъ незаконнорожденный сынъ, два раза вступалъ въ университетъ, два раза въ полкъ, зимой провелъ ночь на плацу, дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи и наконецъ рѣшился подъ видомъ фельдъ-егера и съ подложнымъ высочайшимъ повелѣніемъ испугать старика Яковлева осужденіемъ сына его за заговоръ и предложеніемъ выпроводить мнимаго преступника за заграницу вынудить отца на пожертвованіе двухъ милліоновъ рублей. Товарищъ Александрова донесъ обо всемъ полиціи, и несчастный былъ схваченъ, къ счастію не совершивъ преступленія. Товарищъ переведенъ въ канцелярію Государя. Старикъ Яковлевъ прислалъ ему довольно значительную сумму, все дѣло рѣшено такъ, что сослали Александрова на каторгу. И только? (Александровъ сидитъ, кажется, по жизнь въ Александровскомъ равелинѣ). Нѣтъ, это дѣло важнѣе, нежели думаютъ генералъ-аудиторіатъ и семинаристъ писавшій его сентенцію. Рѣчь идетъ не о потерѣ убѣжденія въ святость христі-

анской религіи: Александровъ имѣлъ религію, онъ предпринималъ такое злодѣяніе, которое Русскій человѣкъ предпринимаетъ окрестя голову. Рѣчь идетъ не объ извергѣ человѣческаго рода; эти слова сказаны въ отчаяніи полоумнымъ студентомъ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы обогатиться, о томъ, какъ удостоиться личнаго представленія Государю. Отчего явились эти желанія? Не отъ одной испорченности сердца Александрова. Отчего онъ рѣшился привести умыселъ свой въ исполненіе? Правительство знало объ умыслѣ, правительство не должно было ожидать покушенія и потомъ награждать Галлера. Разберите эти желанія, не допустите несчастнаго до приступа: вы найдете, что эти побужденія, какъ они ни преступны, имѣютъ своимъ источникомъ пагубные примѣры быстраго обогащенія, иногда счастливыми и смѣлыми предпріятіями. чаще глупою случайностію, иногда даже не совсѣмъ благородными путями. Остановите этого заблудшаго несчастливца, отнимите отъ него поводъ и возможность къ злодѣянію. Онъ, можетъ быть, раскаялся бы, и генералъ-аудиторіатору не пришлось бы декламировать. Я не правъ, я можетъ быть даже преступникъ въ мнѣніи нашихъ великихъ судей, имѣя такія понятія; но я внутренне убѣжденъ въ нихъ и если Богъ позволитъ мнѣ достигнуть какой-нибудь степени, я готовъ пожертвовать жизнію, чтобы искоренять или по крайней мѣрѣ уменьшать эти случайные способы обогащенія, такъ противорѣчащіе политической нравственности. Благодарность за обнародованіе приговоровъ.

*

Вчерась мнѣ возвращены мои письма („Русскія Письма“) отъ статсъ-секретаря Максима Брискорна. Кирѣевскій[1]) передалъ мнѣ, что Брискорнъ хотѣлъ доложить графу[2]), что онъ автора сихъ писемъ не считаетъ полезнымъ для службы, какъ чиновника занимающагося отвлеченными предметами. Сочиненіе можетъ быть издано, но въ случаѣ какихъ бы то ни было замѣчаній, вся отвѣтственность должна упадать лично на автора и министръ не можетъ дать своего согласія на ихъ напечатаніе. Я было хотѣлъ объясниться съ Брискорномъ, но подумалъ: можетъ быть, Кирѣевскій лжетъ (за нимъ это водится), а потомъ, не ровѣнъ часъ: можетъ быть, угожу на гауптвахту или получу вмѣсто отвѣта указъ о моемъ увольненіи. Пусть же мои Письма остаются до времени подъ спудомъ.

*

Въ 1832 году.... графъ Александръ Никитичъ Панинъ офиціально приглашалъ меня занять мѣсто въ Харьковскомъ университетѣ по

[1]) Это не изъ Московскихъ Кирѣевскихъ. П. Б.

[2]) Графу А. Н. Панину (человѣку, къ которому по безхарактерности его нельзя имѣть довѣренности).

каѳедрѣ словесности и учителемъ исторіи въ тамошней гимназіи. Въ 1838 году въ Ноябрѣ мнѣ предлагаютъ мѣсто совѣтника губернскаго управленія въ Курскѣ, гдѣ военнымъ губернаторомъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (человѣкъ, которому по безличному его характеру тоже нельзя имѣть никакого довѣрія). Я отказался и отказываюсь. Можетъ быть, мнѣ придется кончить карьеръ добрымъ столоначальникомъ: прекрасная преспектива, богатые виды!

*

Для меня понятны средніе вѣка. Я представляю ихъ въ видѣ Миланскаго собора: колоссальное зданіе, пестрое, дробное, все въ отдѣленіяхъ, въ корпораціяхъ. Дробность эта можетъ быть подведена подъ законъ, выраженный въ 31 и 32-мъ положеніяхъ моихъ Русскихъ Писемъ.

*

Скажите мнѣ, любезный Семенъ Мартыновичъ, чтоже вы дѣлали? Неужели вы не знали, что кромѣ Ксенофонта, кромѣ Грековъ и Латиновъ, есть еще люди? Неужели вы думали, что свѣтъ весь, молодой и старый, только и дѣлаетъ, что учится по-гречески, по-латыни, и также откровенны, какъ ваша Эллинская литература, также снисходительны какъ ваши нѣмыя книги. С. М. Ивашковскій родился около 1768 года въ Смоленской губерніи, учился въ гимназіи при Московскомъ университетѣ, изъ котораго вмѣстѣ съ Мерзляковымъ вышелъ, кажется, баккалавромъ, поступилъ учителемъ, сдѣлался докторомъ-профессоромъ и 1835 году уволенъ за штатомъ съ пенсіей по старому положенію. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы похлопотать о своемъ Греческо-Россійскомъ словарѣ и объ изданіи другихъ трудовъ своихъ. Ему обѣщали покровительство и вѣроятно ничего не сдѣлаютъ. Труды его добросовѣстны, но не соотвѣтствуютъ настоящему состоянію школъ и педагогіи. Жалкій человѣкъ, вытертый изъ своей колеи, не понимающій ни свѣта, ни отношеній и, какъ прежде, человѣкъ самый несамостоятельный, хотя простой и добрый.

*

1839 добрая княжна Наталья, кажется, выходитъ замужъ за сенатора князя А. П. Оболенскаго, бывшаго губернаторомъ въ Калугѣ. Не знаю, каковъ женихъ (онъ долженъ быть за пятьдесятъ пять лѣтъ), но княжна въ состояніи доставить истинное счастіе всякому, какъ прекрасная женщина, умный другъ и кроткая жена. Многіе, которые съ улыбкою будутъ говорить объ этомъ бракѣ, позавидуютъ ему, если узнаютъ княжну, а можетъ быть и князя.

*

Новый графъ М. М. Сперанскій прислалъ къ директору департамента Министерства Юстиціи П. И. Дегаю довольно толстую тетрадь и планы работъ по составленію проэкта законовъ наказательныхъ. Д-ръ Дегай написалъ по каждому отдѣленію докладъ (свои замѣчанія) и препроводилъ все къ М. М. К-у*), отъ котораго взялъ все я для прочтенія. Это важное дѣло, это труды нашихъ законодателей.

*

Мнѣ надо бы написать что нибудь о себѣ. Я забываю это очень часто, занятый моими дѣлами и семействомъ; мнѣ кажется, я теперь переживаю время перелома. Мнѣ двадцать шесть лѣтъ. Погодите, мои прекрасные годы, я чувствую, что я не стою васъ. Тѣло мое отцвѣтаетъ прежде времени, не узнавъ даже преждевременныхъ наслажденій. Развѣ жизнь моя была не довольно строга, чтобы сохранить къ этому времени и крѣпость мышцъ, и силу темперамента? Отчужденный отъ семейства, при малыхъ средствахъ, съ горечью въ сердцѣ, въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, я видимо отстою отъ возвышенныхъ желаній и благородныхъ чувствъ, поддаюсь необходимости и не вѣрю уже случаю; скоро не буду ничему вѣрить и, охолодѣвъ къ идеаламъ, сживусь съ посредственностью. Богъ мой! Пошли мнѣ силъ, я слабѣю, я робѣю, я не довѣряю себѣ. Зачѣмъ же эти слезы, эта дрожь? Зачѣмъ же я такъ любилъ, что̀ долженъ разлюбить, и готовился къ тому, чего нѣтъ для меня и не будетъ? Зачѣмъ же ты покидаешь меня, Минерва моя, мои Шеллинги, Гердеры, Асты, Эшенмайеры? А, я смѣняю васъ на Руамера, на Сея, на своды; я самъ измѣнилъ вамъ.

*

Уничтоженіе кнута не было своевременно, но его долженъ присуждать одинъ Сенатъ и даже Государь. Полумѣра 1753 года могла быть только въ то время; но общее правило: никто не можетъ быть наказанъ кнутомъ, не будучи наказанъ тѣлесно. Введеніе столба позорнаго несовмѣстно съ нашимъ судопроизводствомъ и даже съ духомъ государственнаго права. Опубликованіе, подраздѣленное на степени есть важное средство. Исключеніе сословія отъ тѣлеснаго наказанія даже должно быть по многимъ отношеніямъ: городскіе обыватели не наказываются тѣлесно первый разъ, но при вторичномъ преступленіи плети. Сохраненіе гражданскихъ правъ при ссылкѣ допускается, но по мованіи опредѣленнаго срока. Работы должно раздѣлять на три степени, какъ по степени тяжести ихъ, такъ и по времени продолженія. Общія правила: высшее наказаніе постепенно уменьшается до minimum; ни одно вѣчное и долговременное наказаніе не должно быть одинаково.

*

*) Корніолинъ-Пинскому. П. Б.

Командиръ Гренадерскаго Корпуса генералъ Набоковъ въ отвѣтѣ своемъ (15 Апрѣля 1834 года № 1974), г.-л. Шипову, который составлялъ проэктъ положенія о перевозкѣ воинскихъ тяжестей, сообщая требуемыя свѣдѣнія и исчисленія, прибавляетъ: „Главнымъ отягощеніемъ для жителей внутри Имперіи, при передвиженіи войскъ, есть самопроизвольное почти взиманіе обывательскихъ подводъ несравненно болѣе противъ указнаго положенія. Совершивъ неоднократно таковыя передвиженія, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Россіи, я могъ удостовѣриться, что въ первой странѣ таковыя злоупотребленія почти никогда не бываютъ, ибо за подводы платятъ прогонныя деньги и безъ оныхъ никто не имѣетъ права ихъ взимать; между тѣмъ какъ, напротивъ, въ послѣдней, всякій частный начальникъ при малѣйшей настойчивости беретъ столько подводъ, сколько ему заблагоразсудится. Проходъ войскъ весьма справедливо почитаютъ гибельнымъ нашествіемъ". Я полагаю ограничить положеніе о перевозкѣ воинскихъ тяжестей одними полками и командами, при которыхъ есть обозъ и подъемныя лошади; прочія команды требуютъ ближайшихъ соображеній, а въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

*

Графъ М. М. Сперанскій умеръ, бывъ болѣе сорока лѣтъ государственнымъ человѣкомъ и нѣкоторое время первымъ человѣкомъ въ Имперіи. Онъ оставилъ по себѣ славу преобразователя учрежденій, опытнаго законодавца и составителя Свода Законовъ; онъ не успѣлъ довершить своего поприща: ревизія законовъ осталась въ первыхъ начаткахъ. Сперанскій принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ необыкновенныхъ выходцевъ, которые могутъ являться только при неровномъ образованіи націи и которые теперь становятся рѣже и рѣже. Онъ имѣлъ необыкновенный природный умъ, которому не доставало теорическихъ знаній и строгой логики; онъ все принаровлялъ и ко всему принаровлялся. Если бы образованіе его было дипломатическое, онъ сдѣлался бы Талейраномъ Восточной Европы. Но онъ не могъ быть ни Меттернихомъ, ни еще менѣе лордомъ Чатамомъ. Скрытный и уклончивый, онъ дѣйствовалъ рѣшительно только тогда, какъ былъ увѣренъ въ заступленіи власти, а не по убѣжденію въ истинѣ; стремясь къ почестямъ, онъ всегда остерегался произносить свое мнѣніе вполнѣ и выжидалъ запутанностей, чтобы разинуть ротъ, работалъ темно и двусмысленно, чтобы не оскорбить никакой партіи и приготовить новый поводъ къ своей необходимости при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Но по своей опытности, по своему навыку, онъ принадлежитъ къ тѣмъ національнымъ гигантамъ, которые сосредоточиваютъ на себѣ общее народное мнѣніе и потому, правъ или виноватъ, многое къ

славѣ, многое и къ безславію получалъ на свою долю изъ нововведеній и улучшеній. Какъ всѣ проискатели, отказавшіеся отъ положительнаго характера, но одаренные сильною сообразительностію и долговременнымъ изученіемъ, онъ много имѣлъ завистниковъ и преслѣдователей, былъ всѣми уважаемъ и никѣмъ не любимъ. Какъ бы то ни было, но, и при этой черной сторонѣ его исторической жизни, онъ оставляетъ по себѣ вѣчную память. Говорятъ, мѣсто его займетъ въ Министерствѣ Юстиціи Д. В. Дашковъ, котораго я совершенно не знаю. Различные слухи не отвергаютъ въ немъ большого ума, усидчивости и теоретическихъ познаній, но вмѣстѣ приписываютъ ему и такіе недостатки, которые не вяжутся съ достоинствомъ законодателя и государственнаго человѣка. Мѣсто Дашкова долженъ занять Д. Н. Блудовъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ съ присоединеніемъ военныхъ поселеній, внутренней стражи и иррегулярныхъ войскъ, говорятъ, будетъ П. А. Клеймихель.

П. А. Клеймихель сынъ генерала, бывшаго директоромъ кадетскаго корпуса. Онъ служилъ плацъ-майоромъ и обратилъ на себя вниманіе покойнаго Государя и Аракчеева, при которомъ онъ былъ начальникомъ штаба по военному поселенію. Теперь онъ дежурный генералъ Главнаго Штаба Е. И. В., директоръ департамента поселеній, начальникъ строеній въ Петербургѣ и перестроеній губернскихъ городовъ, начальникъ телеграфной линіи и пр. и пр.; трудно исчислить всѣ обязанности отправляемыя имъ съ изумительною дѣятельностью и успѣхомъ. Онъ пользуется самымъ невыгоднымъ мнѣніемъ въ администраціи и обществѣ. Причиною этого, кажется, его поспѣшность и нетерпѣливость, его строгость и неувѣренность въ себѣ. Онъ никѣмъ не дорожитъ и считаетъ дѣло и удовольствіе Государя выше всего, выше закона, выше человѣчества; онъ могъ бы все это сдѣлать и безъ пренебреженія закона и человѣчества, и вѣроятно удовольствіе Государя тогда было бы еще признательнѣе. Что о немъ ни говорили бы, но ему, кажется, суждено быть однимъ изъ сильныхъ правителей, и конечно новое назначеніе распространитъ кругъ его дѣйствія и вліянія и дастъ ему возможность устроить ввѣренныя части проще, стройнѣе и въ ихъ отправленіяхъ односложнѣе и быстрѣе; но надобно съ дѣятельностью соединять терпѣливость и быть вмѣстѣ строгимъ и кроткимъ. Я его знаю мало, но желалъ бы служить при его личности: мнѣніе и слухи меня не пугаютъ.

*

Я читалъ романъ Лажечникова „Бусурманъ“. Зачѣмъ онъ взялъ опять историческій предметъ? Наша исторія еще слишкомъ молода для того; но этотъ романъ хуже двухъ первыхъ и притомъ изъ поспѣшной и неровной обработки, писанъ на заказъ. О правописаніи

и говорить нечего: это провинціальная оригинальность*); впрочемъ послѣднія части не безъ занимательности.

*

Статсъ секретарь А. Н. Мордвиновъ отставленъ отъ управленія Третьимъ Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи. Говорятъ, что причиною немилости оплошное дозволеніе напечатать подъ портретомъ Марлинскаго: А. Везстужевъ. Я не думаю, что при этомъ не было другой важнѣйшей причины, но и эта (если онъ только позабылъ) не простительная ошибка: преступникъ, даже тотъ, которому позволено было издавать сочиненія, не долженъ имѣть преимущества народной картины; одно снисхожденіе на даетъ право для публичной привилегіи. Мордвиновъ престранной наружности и образа жизни; ни одинъ человѣкъ не отзывался о немъ съ хорошей стороны, всякій боялся его по занимаемому имъ мѣсту, онъ считалъ себя неколеблемымъ, какъ хранитель тайнъ, которыя, право, гроша не стоятъ. Прошу покорно теперь расчитаться; на страшнаго человѣка всякій наплюетъ, многихъ ожидаетъ подобная участь. Это человѣкъ холодный и презрительный.

*

Сегодня цѣлый вечеръ сидѣлъ у меня полковникъ Николай Васильевичъ Аракчеевъ, двоюродный братъ графа, бывшій адъютантъ Милорадовича, съ которымъ онъ дѣлалъ кампаніи Аустерлицкую, Молдавскую, Отечественную и Заграничную. Онъ много разсказывалъ мнѣ о Кутузовѣ, Ермоловѣ, Михельсонѣ, Прозоровскомъ и др. Такъ какъ онъ разсказывалъ очень много, то вѣроятно много говорилъ неправды. Этотъ Аракчеевъ, бывшій нѣсколько разъ въ кабинетѣ у Императора, украшенный четырнадцатью крестами, живетъ теперь въ бѣднѣйшей квартирѣ, едва имѣетъ чѣмъ жить, ругается на чемъ свѣтъ стоитъ и ищетъ благосклоннаго знакомства вашего покорнаго слуги. Онъ хлопочетъ о назначеніи ему содержанія, если нельзя уже передѣлать несправедливое по его мнѣнію распоряженіе по духовной графа. Такова судьба свиты временщика, который въ своемъ родѣ былъ, кажется, послѣдній.

*

На дняхъ застрѣлились графъ Тормазовъ и г.-м. Обрадовичъ, какъ полагаютъ, за оскорбленное честолюбіе. Графъ Тормазовъ 32-хъ лѣтъ, богатъ, знатенъ; генералъ Обрадовичъ 52-хъ лѣтъ, отецъ, мужъ. Оба передъ смертью составили завѣщанія, слѣд. причина ихъ самоубійства должна быть другая, а не безуміе; впрочемъ честолюбцы были и будутъ вездѣ и всегда. У насъ они должны быть рѣже, нежели гдѣ-нибудь: ни одно правительство не имѣетъ такихъ способовъ, какъ наше.

---

*) „Басурманъ“ Лажечникова напечатанъ безъ буквы ъ. П. Б.

*

Положеніе мое не улучшается, данныя мнѣ деньги на время освободили отъ нужды меня, невѣстокъ, мать и брата. Здоровье мое лучше прежняго, но лѣта идутъ, планы рушатся, развитіе совершается медленнѣе, ничтожныя свѣдѣнія не замѣняютъ недостатка опытности.

*

„Кремневъ, Русскій солдатъ“ оригинальное драматическое представленіе, сочиненіе Русскаго инвалида Скобелева. Это не Кремневъ, это самъ генералъ Скобелевъ, побасенщикъ, балтунъ, хвастунъ и задира, это онъ! Всѣ прочія лица Скобелевъ; Скобелевъ Владиміръ, Скобелева Настя; генералу, кажется, хочется быть солдатомъ-дядькою Русскаго царевича. Ему дали крѣпость.

*

Актриса всегда будетъ актрисой, назовите ее княгиней, постригите ее хоть въ монахини. Я пишу эти строки послѣ длиннаго разговора съ княгинею Гагариной, бывшею Семеновой; надобно заставить ее разсказать свою біографію, конечно, замѣчательную во многихъ отношеніяхъ: она была въ связи съ Императоромъ Александромъ. Но вотъ бѣда: актриса и здѣсь будетъ актрисою, навретъ и перевретъ, какъ я замѣчалъ это въ самыхъ ничтожныхъ разговорахъ съ нею. Попробуемъ. Она очень добра и любезна со мною, послѣднее время она, кажется, имѣла на меня виды: послѣдняя дочь ея Александра пѣвица и музыканша (она, кажется, простуха) 17 лѣтъ, я знаю ее какъ ребенка, не подававшаго никакихъ надеждъ, не получившаго хорошее воспитаніе, съ дурными привычками и, par dessus le marché—артистка!

*

Я вызывалъ Н. И. Греча на изданіе „Практическаго Словаря Дѣйствующихъ Законовъ“ обѣщаясь взять на свою отвѣтственность по крайней мѣрѣ четвертую часть статей. Для переговоровъ я былъ у него. Гречъ положительно отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, отзываясь удаленіемъ своимъ отъ всѣхъ спекуляцій и неумѣніемъ обращаться съ подобными предпріятіями. Гречъ вралъ. Онъ совѣтывалъ мнѣ обратиться къ восхваляемому имъ Булгарину; словомъ, къ нему нельзя имѣть довѣрія, но попытка не шутка, спросъ не бѣда. Булгаринъ отличается столько же своею дѣятельностью, сколько перемѣнчивостью мнѣній.

*

Говорятъ, что въ зимнемъ дворцѣ отъ усиленной топки и новой штукатурки при Суворовской его отдѣлкѣ, Великая Княгиня на балу, на другой день послѣ брака, не могла снять шали: такъ искусали ее придворныя блохи.

*

1839 года тяжекъ и неудаченъ, хуже прежнихъ годовъ, хотя и тѣ были не легки и не счастливы. Я говорю не о физическихъ нуждахъ по случаю неурожая, не о пожарахъ и народныхъ волненіяхъ, не о возвышеніи цѣнъ, не о неблагоразрѣшенномъ измѣненіи монетной системы, не о политическихъ дѣлахъ запутанныхъ духомъ партій и варварскою дипломатіею: я говорю о семьѣ Государя, о самомъ Государѣ. Что-то не ладится, не клеится въ начинаніяхъ его: жена, наслѣдникъ, дочь и самъ онъ часто больны; сгорѣлъ дворецъ, выстроили дурно, надо перестраивать. Государыня видимо измираетъ; наслѣдникъ, влюбленный, какъ говорятъ, въ фрейлину Калиновскую, не хочетъ и слышать о принцессѣ Дармштадской, притомъ простоватъ и не твердъ, болѣзненъ и не надеженъ; свадьба старшей дочери не одобрена ни однимъ царственнымъ родственникомъ: вздумали учить учить зятя по-русски, выборъ учителя палъ на глупого Тимковскаго.

Царевичъ Константинъ выходитъ изъ послушанія, его бьютъ, сѣкутъ и тѣмъ, можетъ быть, приготовляютъ строптиваго принца; князья Николай и Михаилъ едва не умерли; красавица Ольга страдаетъ; все семейство какъ будто заражено материнскою болѣзнію, сухоткой, чахоткой, слѣдами испуга четырнадцатаго Декабря. Ни одного поступка Императора не оставляютъ безъ охуленія, иногда довольно открытаго, разумѣется подъ именемъ правительства и министровъ. Преобразованное государственное имущество—неловко; начатое размежеваніе не исполнено; измѣненъ денежный курсъ—неудовольствіе; написанъ приказъ: „ребята“—насмѣшка; розданы великія милости—ревность, зависть, клевета. А эти высокіе торги съ ужасными надбавками на счетъ народной нравственности, съ ужасными наградами на счетъ будущихъ недоимокъ, а эти огромные расходы на дворцы и спектакли, на вояжи и маневры, а эти парады, разводы, ученья, мундиры, кантики, петлички, а эти внезапныя возвышенія и униженія, произвольныя рѣшенія, поспѣшныя мѣры, неосновательныя преднамѣренія, растрата финансовъ, бездѣйствіе земской полиціи, пренебреженіе правосудія.... Куда все это ведетъ и приведетъ насъ? Государь! Вы такъ высоки, что до Васъ не достигаютъ нужды наши; Вы такъ безкорыстны, что вполнѣ вѣрите въ пользу Вашихъ дѣйствій; Вы такъ тверды, что преодолѣете всѣ препятствія; Вы говорите: я хочу, и по Вашей волѣ все возникаетъ: дворцы, арміи, праздники, конгрессы, системы. Но, Государь, Вы человѣкъ, слѣдовательно подвержены ошибкамъ. Но, Государь, исполнители Ваши министры, люди со страстями, интересами и пороками. Государь, устройте Ваше правительство такъ, чтобы оно во-первыхъ рѣже и меньше ошибалось, во-вторыхъ не оскорбляло націи произвольными поступками; въ третьихъ не угнетало ея скрытными и явными злоупотребленіями. Если Вы считаете

себя неограниченнымъ, а министровъ Вашихъ достойными, умными и благонамѣренными, оставьте неограниченность Вашу во всей полнотѣ и неприкосновенности, но устройте правительство и дайте настоящую, а не на однихъ словахъ силу этого благоустройства. Никто не ропщетъ на Вашу власть, но можно ли не роптать на легіонъ властолюбцевъ дѣйствующихъ беззазорно подъ прикрытіемъ Вашего имени? Государь, Вы можете умереть, а наслѣдникъ Вашъ далеко не можетъ выполнить великихъ Вашихъ обязанностей; Вы можете приказать, исполнители Ваши переиначить, и въ видахъ Вашего личнаго интереса, Вашего величія и славы, уваженія и довѣрія къ Вашимъ предначертаніямъ, надобно постановить какой нибудь непреложный законный порядокъ и утвердить Вашу власть, Вашу правду общимъ мнѣніемъ. Это не конституція, не хартія, не ограниченіе, но добровольное съ Вашей стороны повиновеніе даннымъ Вами законамъ. Государь, Ваши Сенатъ и Синодъ трактуютъ дѣла въ докладахъ и подписываютъ рѣшенія приготовленныя, Вашъ воинскій штатъ давитъ націю своимъ расходомъ, своими насиліями и своею исключительностью. Ваша администрація отдѣляетъ общую пользу отъ казенной и подъ предлогомъ послѣдней стѣсняетъ частную на счетъ личной. Ваши суды суть торжища, Ваши награды беззаконія любимцевъ. Государь, законодательство покоится на умѣ и опытѣ; войско есть только второстепенное орудіе внутренняго порядка и внѣшней безопасности; администрація наша Русская есть распоряженіе общимъ добромъ, а не казеннымъ; суды суть ручательство правосудія и внѣшняго благосостоянія. Государь, дайте законамъ больше извѣстности и всѣмъ актамъ больше публичности, дайте войску опредѣленное значеніе. Дайте администраціи уставъ служебный, дайте судамъ болѣе достоинства и закону болѣе дѣйствительности. Государь, бываютъ времена, когда мы каемся въ нашихъ ошибкахъ, но уже поздно, поздно; когда мы со слезами просимъ: все исполню, чего хотите, но уже ничего не просятъ, а только мстятъ, отплачиваютъ, казнятъ. Зачѣмъ, Государь, Вы не упрочите Вашей славы и силы любимой Вами Россіи?*)

*

Я было хотѣлъ предаться сатанѣ, но не предался, потому что не нашелъ дороги. Откроется; можетъ быть, предамся. Но я или пере-

*) Этимъ напоминается полвѣка позднѣе писанное И. С. Аксаковымъ:

Ваше царство пасть готово,
Ваше благо вредъ и ложь,
Вашъ законъ пустое слово,
Ваша дѣятельность тожъ.

См. его Стихотворенія, изданіе посмертное. П. Б.

маню сатану, или проведу его. А если напротивъ? Но укрѣпи меня, Господи!

*

Мы очень ошибаемся, думая, что Луи-Филиппъ король-гражданинъ и подъ исключительнымъ вліяніемъ либераловъ, которые безпрестанно мѣняютъ его министровъ. Луи-Филиппъ правитель самостоятельный и въ своихъ мнѣніяхъ совершенно независимый, подчиняясь (и то принужденно) формамъ конституціи только въ отправленіи своихъ прерогативъ. Ему нужны не министры, не совѣтники, но орудія, слѣпые исполнители его воли, которые бы покрывали его виды или историческимъ именемъ, какъ маршалъ Сультъ, или ораторскимъ талантомъ и ловкою діалектикой, какъ Тьеръ, или наконецъ личною привязанностію, какъ Монталивье; онъ швыряетъ ими какъ слугами и требуетъ для своего совѣта авторитетъ имени и отсутствіе непремѣнныхъ началъ. Луи-Филиппъ не нарушаетъ хартіи 1830 года, но онъ дѣлаетъ все, что̀ можетъ умѣрить его ограниченіе, укротить либеральное стремленіе и распространить независимость его власти. Луи-Филиппъ монархъ самодержавный и характерный.

*

Мнѣ хочется написать „лѣтопись современнаго царствованія“, написать ее сперва вкратцѣ безъ лести и декламаціи, по моему понятію объ историческомъ изложеніи, безъ искусственной систематики, въ четырехъ отдѣленіяхъ: 1) Пребываніе Государя. 2) Дѣла внутреннія (по вѣдомствамъ и общимъ событіямъ). 3) Дѣла внѣшнія и 4) Литература и искусство. Лѣтопись должна обнимать время съ Декабря 1825 по 1 Января 1840. Я не знаю, исполню ли я это предпріятіе, т. е. найдется ли издатель. Все сочиненіе можетъ быть въ тысячу страницъ безъ приложеній и кончиться въ продолженіе двухъ лѣтъ и даже го̀да, смотря по способамъ. Нельзя ли привлечъ къ нѣму высокихъ покровителей подъ предлогомъ благотворительной цѣли съ нашей стороны и преданности современному царствованію съ ихъ стороны, напр. графа Бенкендорфа, а еще бы лучше герцога Лейхтенбергскаго или Наслѣдника?

*

Вотъ уже года два какъ я бьюсь съ моею графинею Сальясъ и все безъ толка. Мнѣ хочется написать въ родѣ Адольфа, но не такъ сухо, и Валеріи, но не такъ страстно*), какъ Валерія; представить молодую особу, вышедшую или отдавшуюся замужъ за стараго гене-

*) „Адольфъ“ романъ Бенжамена Констана, не задолго передъ тѣмъ вышедшій у насъ въ переводѣ князя П. А. Вяземскаго, а „Валерія“, давнишнее сочиненіе баронессы Крюднеръ. П. Б.

рала, который не могъ доставить ей счастія любви, но доставилъ ей имя, родство и состояніе, съ которыми *новая* графиня вступила въ другія отношенія, противуположныя съ ея прежними. Она хочетъ имѣть физіономію въ безличномъ свѣтѣ и дорожитъ своею самостоятельностію и свободою въ томъ кругу, гдѣ приличія и условія связываютъ каждаго по рукамъ и по ногамъ. Она бросилась въ политику и хочетъ имѣть силу; она запутывается, и неудачи заставляютъ ее отказаться отъ политики и испытывать притѣсненія; она обращается къ литературѣ и хочетъ быть талантомъ, но это поприще для нея тѣсно и не избавляетъ ея отъ прежнихъ гоненій; тутъ узнаётъ ее молодой человѣкъ и дѣлается ея другомъ. Онъ требуетъ любви, она боится потерять свободу. Она высылается изъ Парижа и пр. пр. Но я до сихъ поръ не улажусь ни съ развитіемъ характеровъ, ни съ обстановкою. А мнѣ хочется что нибудь написать.

*

3 Ноября 1839 года въ Гюлистанскомъ кіоскѣ, въ присутствіи военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ чиновъ Оттоманской Порты, дипломатическаго корпуса и большого стеченія народа, молодой султанъ Абдулъ-Мешитъ приказалъ обнародовать важный гаттишерифъ объ управленіи государства. Полагая надежду нашу, сказано въ немъ, на покровительство Всевышняго, на обѣтованіе Пророка, мы признали за благо дать нашей имперіи посредствомъ новыхъ установленій правильныя управленія. Сіи установленія должны заключать въ себѣ 3 главныя основанія: 1) Условія для охраненія жизни, чести и имущества нашихъ подданныхъ. 2) Правильный порядокъ опредѣленія и сбора налоговъ. 3) Правильный порядокъ рекрутской повинности и продолженія военной службы. Поэтому, дѣло всякого виновнаго отнынѣ будетъ судимо публично, сообразно съ нашимъ божественнымъ закономъ, послѣ слѣдствія, разсмотрѣнія, и безъ правильнаго суда никто не можетъ ни секретно, ни публично казнить другого, ни отравленіемъ, ни другимъ наказаніемъ. Никто не имѣетъ права оскорблять честь какого-то ни было лица. Всякій будетъ владѣть и располагать своимъ имуществомъ совершенно свободно, такъ напр. невинные наслѣдники преступника не будутъ лишены ихъ законныхъ правъ, и имѣніе преступника не подлежитъ конфискаціи. Эти преимущества распространяются на всѣхъ подданныхъ имперіи безъ всякаго различія вѣроисповѣданія. Въ залогъ обѣщанія, по положеніи этого акта въ залѣ ризъ Пророка, султанъ, призвавъ въ свидѣтели Бога и Магомета, въ присутствіи улемовъ и чиновъ имперіи, клялся сохранять эти установленія. Улемы и высшіе чины повторили клятву. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта тѣнь конституціи есть дѣло западной политики и противодѣйствія Русскому вліянію въ

Турціи. Актъ составленъ и написанъ поспѣшно, не въ духѣ Востока и, какъ кажется, съ принужденіемъ правительства. Толку не будетъ. Что̀ скажетъ объ этомъ Мехметъ-алй, что̀ напишетъ Русскій посланникъ?

*

Генералъ-адъютантъ Перовскій, отправляясь въ экспедицію противъ Хивы, издалъ декларацію, въ которой, исчисляя оскорбительные поступки Хивинскаго хана, опредѣленно говоритъ, что отрядъ войска идетъ для установленія въ ханствѣ надлежащаго порядка и возвратится въ Оренбургъ по достиженіи этой цѣли: это значитъ, мы завоюемъ Хиву и оставимъ тамъ свой гарнизонъ, возвѣстимъ о безопасности пути всей внутренней Азіи и установимъ непосредственное и постоянное сообщеніе съ Бухарой и даже съ Индіей; да знаютъ объ этомъ Азія и Англія! Перовскій выступилъ 21 Ноября. Доброжелатели знаменитаго генералъ-адъютанта распускаютъ, что на другой день термометръ Реомюра показывалъ въ Оренбургѣ 30°; гадаютъ объ неудачѣ предпріятія и о ничтожныхъ послѣдствіяхъ его въ случаѣ самой удачи. Во-первыхъ, Перовскій не изъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ очертя голову, и конечно взвѣсилъ свои способы, узналъ мѣстность и увѣренъ въ успѣхѣ. Это рѣшительный и твердый начальникъ, любимецъ Царя, умный, славолюбивый и самостоятельный. Онъ не уважаетъ секретарей министровъ, имѣетъ много враговъ, завистниковъ и не предприметъ ничего ко вреду своей репутаціи и данныхъ обѣщаній. Во-вторыхъ, важность экспедиціи не подлежитъ никакому сомнѣнію, даже въ случаѣ неполнаго успѣха и даже въ совершенной безуспѣшности. Хива богата, разбои и плѣны ея дѣйствительно оскорбляютъ достоинство Имперіи и вредны для нашей Азіатской торговли. Можно бы было сказать нѣсколько словъ объ избранномъ пути: почему экспедиція не отправлена съ Восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, откуда войска могли бы дойти въ полмѣсяца къ Хивѣ и гдѣ торговая дѣятельность чрезъ Трухменцевъ была прежде очень значительна? Но вѣроятно Перовскій имѣлъ свои резоны; ему нуженъ чистый путь изъ Хивы въ Оренбургъ; во-вторыхъ, на Каспійскомъ морѣ нѣтъ достаточныхъ судовъ для перевозки десанта, и въ третихъ высадка войскъ на этомъ мѣстѣ могла бы возбудить безпокойство и опасеніе во всѣхъ прибрежныхъ племенахъ даже до Персіи.

*

Сидя дома и больной капризомъ, въ перемѣнныхъ размышленіяхъ объ избраніи рѣшительнаго пути по службѣ, то по V-му, то по II-му Отдѣленію, то наконецъ по Министерству Юстиціи, гдѣ съ графомъ Панинымъ ожидаются необходимыя преобразованія, я съ отчаяніемъ въ успѣхѣ снова обращаюсь къ мысли: писать исторію, брося службу,

уединясь въ деревнѣ и запасясь хорошей библіотекой. Мнѣ кажется, я напишу исторію, исторію въ моемъ смыслѣ, безъ разсужденій, безъ воззрѣній, исторію полную, основанную на первыхъ источникахъ, обработанныхъ великими писателями, исторію обширную во всѣхъ видахъ и отношеніяхъ народной жизни. Но мнѣ не достаетъ знаній, не достаетъ деревни, не достаетъ библіотеки. Чувствованіе недостатка есть одинъ изъ первыхъ признаковъ посредственности. Геніальная голова имѣетъ все въ себѣ. Хоть бы написать монографію.

*

1840. И еще новый годъ провожу я одинъ-одинехонекъ, но мнѣ уже не грустно, даже не странно, даже не замѣтно. Пріучишься! Я буду идти прежнимъ мирнымъ шагомъ, по прежнему ожидать, по прежнему убивать себя въ бездѣйствіи и глупыхъ надеждахъ. Укрѣпи меня, Господи, примири меня съ дѣйствительностью и вразуми въ идеалы!

Я имѣлъ отъ Пинскаго практическую работу—разсмотрѣніе уголовнаго дѣла Стаховскаго и Липскаго. Моими соображеніями онъ былъ совершенно доволенъ. Мы сидѣли за полночь и говорили о дѣлѣ, о бездѣліи, обо мнѣ. Онъ снова обѣщался устроить мою службу по Министерству Юстиціи, при графѣ Панинѣ. Это была бы хотя одна надежда, похожая на сбыточное, я много ожидаю отъ этого молодого министра, но не желаю представиться ему по одной рекомендаціи графа Александра*). Безъ рекомендацій!

*

Я сейчасъ съ лекціи Греча. Публики много и большая часть хорошей. Гречъ говоритъ дурно, читаетъ еще хуже и, отставъ въ понятіяхъ и самомъ выраженіи отъ современности, докучаетъ чтеніемъ своей грамматики и похвалами общими и безсмысленными нашихъ Корифеевъ. Вторая часть его состоитъ изъ чтеній о литературѣ.

*

П. Корсаковъ (цензоръ, братъ попечителя здѣшняго университета) и морской офицеръ Бурачекъ предприняли изданіе неопредѣленнаго журнала „Маякъ“, котораго теперь вышло нѣсколько книжекъ. Издержки принялъ на себя книгопродавецъ Поляковъ. Изданіе замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: по искренности и добросовѣстности мнѣній и сужденій и по простотѣ, даже простонародности, изложенія философско-практическихъ и критическихъ статей, которыя писаны, кажется, Бурачкомъ. Искренность хороша, но въ ребенкѣ; во взрослomъ, въ журналистѣ она должна быть соединена съ глубиною понятія и проницатель-

*) Т. е. графа Александра Никитича, старшаго брата молодому министру. П. Б.

ностью во взглядѣ, чтобы быть поучительною, а не забавною, даже смѣшною. Что мнѣ въ вашей искренности, если я ничего не могу извлечь изъ нея, если она такъ обыкновенна, такъ тѣсна, что повтореніе ея дѣлается пошлымъ, скучнымъ, невинно-глупымъ. Добросовѣстность всегда похвальна, но она въ „Маякѣ“, сколько я могу судить, очень подозрительна, по крайней мѣрѣ не всегда выдержана; критическія статьи наполнены преувеличенными похвалами, простота изложенія соединена съ какимъ-то шуточнымъ простонароднымъ тономъ, который болѣе вредитъ достоинству предмета и впечатлѣнію его, нежели упрощаетъ понятіе и сближаетъ ученыя идеи съ общественнымъ разумѣніемъ. Есть что-то юмористическое; но въ предметахъ ученыхъ и особенно нравственныхъ юморизмъ похожъ на шута, который приторенъ и надоѣдливъ въ серьезныя минуты. Вообще въ Бурачкѣ мало опытности. Но „Маякъ“ добросовѣстнѣе всѣхъ нашихъ журналовъ.

*

Съ назначеніемъ графа Протасова оберомъ-прокуроромъ Св. Синода началось преобразованіе духовнаго управленія, во-первыхъ, тѣмъ, что оберомъ-прокуроромъ сдѣланъ лейбъ-гусарскій полковникъ и при немъ за столомъ три камергера: Муравьевъ, извѣстный писатель духовныхъ книгъ, Скрипицынъ, успѣшно производившій слѣдствія о раскольникахъ, и Войцеховичъ, которому отдана въ исключительное завѣдываніе канцелярія Синода. Во-вторыхъ, учреждена канцелярія оберъ-прокурора (съ директоромъ, очень умнымъ человѣкомъ, Сербиновичемъ и вице-директоромъ Франкомъ), хозяйственное управленіе съ контролемъ (директоръ Новосильскій) и преобразована комиссія училищъ въ духовно-учебное управленіе (директоръ Карасевскій). Въ третьихъ, составлено новое положеніе о консисторіяхъ; въ четвертыхъ, изданы законы церковные или Кормчая Книга и приготовляется Историческая догматика, и въ пятыхъ, вездѣ вводится лучшій порядокъ, и православіе, принявъ въ себя унію, значительно распространяется и утверждается. Графъ Протасовъ пользуется очень невыгоднымъ мнѣніемъ и значитъ что-нибудь, потому что онъ зять едва-ли не единственнаго Русскаго боярина Д. В. Голицына. Но выборъ людей графомъ оспариваетъ это мнѣніе; онъ возвысилъ Синодскую службу и даже предполагаетъ печатать свои отчеты. Публичность есть первый признакъ хорошаго состоянія части, хотя бы отчеты имѣли такой видъ и ходъ, какъ вообще всѣ наши публичные акты.

*

Начальникъ уголовнаго отдѣленія обезпеченъ: онъ въ центрѣ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ въ Имперіи, онъ докладываетъ министру. Я этого-то и искалъ. Одно опасеніе работы меня задавитъ. Пинскій не

откажется помочь мнѣ, но мнѣ бы хотѣлось обойтись безъ чужой помощи, и неужели я не преодолѣю? Прямота много вредила мнѣ, но теперешнее назначеніе развѣ не за прямые труды, а я измѣнюсь вотъ въ чемъ: буду не такъ искрененъ, не такъ довѣрчивъ, какъ прежде.

*

9 Января (1841 года) я вступилъ въ управленіе Отдѣленія и имѣлъ докладъ у графа Панина, не совсѣмъ удачный, можетъ быть потому что ничтожный. Графъ очень благосклонно слушалъ меня, довѣрчиво подписывалъ бумаги. Государь Императоръ, подчинивъ департаментъ Государственныхъ Имуществъ управленію временнаго Совѣта, высочайше повелѣлъ произвести по дѣламъ ревизію на основаніи составленной для этого инструкціи. Ревизія возложена на сенатора Болгарскаго и ген.-адъютанта барона Делингсгаузена, на мѣсто котораго впослѣдствіи назначенъ ст.-секретарь князь Голицынъ, и по представленіи послѣдствія ея Государю, приказано истребовать отъ управлявшаго департаментомъ тайнаго совѣтника Дубенскаго объясненій. По представленіи сихъ объясненій черезъ министра государственныхъ имуществъ Государю, приказано препроводить ихъ къ министру юстиціи для предложенія Правительствующему Сенату. Графъ Киселевъ очень деликатно сообщалъ требуемыя Сенатомъ свѣдѣнія. Это дѣлаетъ честь его ловкости. Но замѣчательно, что впослѣдствіи онъ отказался. Не попадетъ ли процесъ Дубенскаго ко мнѣ въ руки? Дамъ ли я ему новое значеніе и направленіе? Можетъ быть. Дѣло Дубенскаго поручено мнѣ.

*

Вчера я обѣдалъ и провелъ замѣчательный вечеръ у А. В. Абазы: генералъ Дёстремъ, графъ Бобринскій, баронъ Мейндорфъ, путешествующій двѣнадцать лѣтъ по Америкѣ Кремеръ, полковники Мельниковъ и Языковъ, академикъ Гессе, все техническіе люди собрались у радушнаго хозяина поговорить, и прекрасно говорили о душѣ сообществъ, esprit des associations, оспариваемомъ отчасти Мейндорфомъ и совершенно Кремеромъ. Защищали Гессе и особенно Бобринскій. Это былъ цвѣтъ нашихъ промышленныхъ теоретиковъ, и разговоръ ихъ на Французскомъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, какъ еще ново, незрѣло и подражательно это знаніе въ нашемъ обществѣ.

*

Мнѣ очень нравится вице-директоръ В. П. Пальчиковъ; это превосходный человѣкъ, умный, чувствительный и образованный, но онъ не законникъ. Я, судья, не могу судить другого по моимъ убѣжденіямъ и дѣлать ихъ для него правилами, это было бы произволомъ. Для суда

даны законы, обязательные для судьи и подсудимаго. Не знаю, постоянен ли графъ въ своихъ расположеніяхъ, но въ теперешнемъ его вниманіи, и даже признательности, я могу опасаться только собственной вины, а не его перемѣнчивости. Много хорошаго можно ожидать отъ его прилежнаго и дѣятельнаго управленія. Графъ занятъ съ утра до ночи, онъ весь день въ работахъ.

*

Я читалъ сегодня записку на Французскомъ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, представленную Государю о крѣпостномъ правѣ и его отмѣненіи, важную по автору и лицу, которому она представлялась. Это Французская декламація, гдѣ, разумѣется, есть хорошія мысли, особенно хорошія фразы. Сколько я понялъ изъ бѣглаго чтенія, авторъ, хотя находитъ, что право это, существующее de facto, не имѣетъ точнаго судебнаго основанія, но тѣмъ не менѣе составляетъ одно изъ основныхъ началъ Русской жизни. Указы Ѳедора Іоановича, Годунова и Шуйскаго онъ называетъ spéculations d' antiquaire. Неограниченная власть и прочное учрежденіе крѣпостного права, ей соотвѣтствующее, утверждены Петромъ. И тому и другому Россія обязана быстрымъ развитіемъ своего могущества, о которое раздробилось величіе Наполеона. Г. Уваровъ признаетъ отмѣненіе крѣпостного права невозможнымъ безъ потрясенія власти. Надобно ожидать всего отъ времени. Крѣпостное право неправомѣрно—это несомнѣнная истина; оно должно быть отмѣнено—противъ этого никто не споритъ; но и то, и другое, будучи истинами теоретическими, не должны проявляться въ жизни безъ приготовленія. Чтобы народъ могъ получить свободу, надобно, чтобы онъ ею пользовался и былъ приготовленъ къ тому (г. министръ хочетъ сказать, что законъ объ освобожденіи крестьянъ de jure можетъ и долженъ быть, когда это освобожденіе совершится въ самой жизни, de facto); истинная свобода есть правосудіе, хорошее управленіе, добрая паства и просвѣщеніе. Явно, что г. Уваровъ не имѣлъ юридическаго воспитанія. Таковы журнальныя сужденія нашихъ государственныхъ людей! Говорятъ, что записка Уварова не понравилась Государю, и онъ въ нынѣшнемъ комитетѣ не участвуетъ.

*

Много ожидаютъ шестнадцатаго Апрѣля (1841 г.), дня бракосочитанія Наслѣдника съ княжною Дармштадскою. Хотя Государь нашъ одинъ изъ такихъ людей, для которыхъ достоинство власти и правительства есть святое дѣло, но нельзя, чтобы ожидаемыя милости не были подчинены двумъ конькамъ нашего времени: больше обѣщать, нежели исполнить, больше сказать, нежели сдѣлать, обѣщавъ и сказавъ громко и пышно, сдѣлать мало существеннаго, внутренне-хорошаго, а

болѣе мнимаго и наружнаго, по очень ясной причинѣ, по строгости мѣръ политическихъ и недостатку средствъ денежныхъ. Разумѣется, будутъ значительныя пожалованія, чинами, орденами и достоинствами, будетъ прощеніе ничтожныхъ (неполитическихъ) преступниковъ, складка небольшихъ долговъ и недоимокъ, богатѣйшая иллюминація, роскошные спектакли, праздники и парады, трата денегъ и еще болѣе забвенія о важнѣйшихъ требованіяхъ народа. Молодая цесаревна вступила въ царственную семью нашу, дай Богъ имъ счастія! Дай Богъ счастливаго царствованія Государю и подданнымъ. Милостей множество общихъ и личныхъ. Изъ первыхъ замѣчательны всепрощеніе преступниковъ неважныхъ и освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія всѣхъ безъ изъятія, прощеніе податей за половину 1840 года неурожайнымъ губерніямъ и взысканій, какъ въ манифестахъ прежнихъ. Изъ вторыхъ пожалованіе въ князья графа Чернышева, въ свѣтлѣйшіе князья Д. В. Голицына и въ первый классъ князя А. Н. Голицына. Графъ Панинъ тайнымъ совѣтникомъ и утвержденъ министромъ. При этомъ обнародована общая благодѣтельная мѣра о новой оцѣнкѣ имѣній. Пора бы давно и еще болѣе возвысить цѣну; кажется, можно бы было, увеличивъ размѣръ, раздѣлить губерніи не на три, а по крайней мѣрѣ на двѣнадцать классовъ, это было бы основаніе ко введенію кадастраціонныхъ оцѣнокъ. Вообще самъ манифестъ есть мѣра благодѣтельная въ томъ отношеніи, что очиститъ суды отъ безчисленнаго множества дѣлъ уголовныхъ по взысканіямъ и недоимкамъ. Положеніе объ устройствѣ безсрочно-отпускныхъ въ казенныхъ селеніяхъ есть тоже важная мѣра. Жалѣютъ, что ничего не сдѣлано для политическихъ преступниковъ, особенно несчастныхъ четырнадцатаго Декабря. Ожидали, что что-нибудь сдѣлаютъ для дѣтей ихъ.

*

Графъ В. Н. Панинъ принадлежитъ къ числу немногихъ даровитыхъ и владѣющихъ теоретическими и практическими свѣдѣніями государственныхъ людей нашихъ*): онъ имѣетъ превосходный многообъемлющій умъ, вѣрный взглядъ и характеръ въ высочайшей степени независимый. Присоедините къ этому его любовь къ труду, желаніе все сдѣлать, видѣть, знать самому, его отчетливость и почти тщеславность въ резолюціяхъ на важнѣйшіе доклады, и вы будете имѣть понятіе о молодомъ генералъ-прокурорѣ. Служба моя во всѣхъ отношеніяхъ превосходна.

---

*) Обучался въ Іенѣ подъ завѣдываніемъ Гёте, который получалъ за то деньги изъ Москвы съ Б. Никитской, отъ графа В. Г. Орлова (слышано отъ М. И. Топильскаго). П. Б.

*

Сосланный въ Сибирь чиновникъ Г. Д. Штромъ, опредѣлившійся тамъ впослѣдствіи на службу и снова отъ нея удаленный (М. М. Сперанскимъ), сообщилъ разныя замѣчанія о неудобствахъ учрежденія въ нынѣшнемъ ея управленіи. Замѣчанія сіи, разсмотрѣнныя министрами Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи, вообще признаны не заслуживающими уваженія, но нѣкоторыя обратили на себя вниманіе и приняты въ соображеніе.

Графъ В. Н. П. говорилъ со мною о предоставленіи тюремнаго надзора во Франціи духовнымъ конгрегаціямъ. Это естественно привело насъ къ разговору о религіи въ народѣ. Графъ полагалъ, что привычка въ этомъ случаѣ есть первое основаніе нравственности; я же находилъ, что привычка можетъ быть дѣйствительна въ отношеніи низшаго класса, доколѣ онъ не просвѣщенъ, и служить основаніемъ предубѣжденій и самыхъ предразсудковъ. Графъ приводилъ католическія государства Германіи, я—Францію. Мы не совсѣмъ условились о чемъ говорили: я о религіозномъ чувствѣ, о нравственности, а графъ думалъ о христіанствѣ; мы говорили безъ приложенія нашихъ понятій къ какому-либо народу. Графъ приводилъ примѣры. Нѣтъ, я жалѣю, что высказался, но еще болѣе, что выразилъ не вполнѣ мысль мою. Графъ могъ подумать, что я атеистъ или по крайней мѣрѣ пантеистъ, тогда какъ, признавая христіанство чистѣйшимъ выраженіемъ нравственности, я полагаю только, что не форма и обряды (привычка) могутъ наставить душу человѣка къ дѣламъ богоугоднымъ, но убѣжденіе въ достоинствѣ и пользѣ нравственнаго ученія.

*

Судъ надъ Дубенскимъ кончился, и онъ подведенъ подъ манифестъ и уволенъ отъ званія сенатора; о земляхъ и лѣсахъ приказано войти въ соображеніе. Онъ опороченъ и едва ли воскреснетъ; онъ умѣлъ удержаться въ директорахъ при двухъ министрахъ, взять множество наградъ и нажить состояніе. За что онъ преданъ суду? Знаетъ Государь. Но ревизія, особенно назначеніе Болгарскаго, передача ея прямо въ Сенатъ и судъ его, сенатора, въ департаментѣ, а не въ общемъ собраніи, суть нарушеніе, къ сожалѣнію поспѣшное и вовсе не нужное. Судъ надъ Дубенскимъ былъ мой дебютъ на судебномъ поприщѣ. Я обработалъ предложеніе, принятое Сенатомъ и послужившее потомъ основаніемъ къ окончательному его осужденію въ Совѣтѣ; я выставилъ два важнѣйшихъ обвиненія: объ отдачѣ Онежскихъ заводовъ и пріобрѣтеніи земель. По послѣдней статьѣ нельзя было иначе постановить, какъ въ моемъ проэктѣ, отобрать земли, что̀ и принято Совѣтомъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА[1]).

1841.

Въ Георгіевской залѣ Зимняго дворца упалъ потолокъ. Я не говорю о томъ, что̀ скоро, то не здорово, ни о томъ, какъ великъ убытокъ отъ этого разрушенія; я говорю о томъ, какой отвѣтственности подлежатъ эти осыпанные милостями строители? Ну, если бы это случилось, когда императорская фамилія, когда бы Царь находился въ залѣ! Надобно отнять у нихъ всѣ награды, предать суду по крайней мѣрѣ. Потомъ, какое должно быть нравственное впечатлѣніе отъ этого ужаснаго происшествія? Нельзя не войти въ положеніе Государя: дѣлаютъ не то, что̀ и какъ онъ хочетъ. Вѣроятно, скроютъ отъ императрицы. Это срамъ, это непонятно! Государя вовсе не берегутъ.

*

Я снова увидѣлъ княжну[2]). Княжна уже княгиня. Князь А. П. О. сенаторъ Московскихъ департаментовъ, человѣкъ прекрасный, добрый и мягкосердный, есть вмѣстѣ одинъ изъ тѣхъ анахронистовъ, которыхъ такъ много въ Москвѣ и которые, сидя въ курульныхъ креслахъ, представляютъ собою опозицію совершающагося передъ ними движенія народной жизни и управленія. Онъ не противъ самаго движенія, онъ противъ двигателей и не по зависти или оскорбленному честолюбію, а по личнымъ отношеніямъ, стало быть человѣкъ какъ всѣ. Впрочемъ онъ бѣденъ, и потому не вельможа; государственнымъ человѣкомъ онъ никогда быть не могъ. Итакъ, лучшее въ немъ есть его жена, моя старинная знакомая (1828 года), женщина превосходная во всѣхъ отношеніяхъ. Она принадлежитъ къ тому незабвенному семейству, въ которомъ пять сестеръ, въ противоположность братьямъ, милыя, добрыя и умныя столько же, какъ и образованныя, поддерживали и блескъ и достоинство знаменитаго дома. Изъ всѣхъ сестеръ я зналъ двухъ, Вар-

---

[1]) См. выше стр. 333.

[2]) Княжну Наталью Петровну Оболенскую, сестру Декабриста. П. Б.

вару и Наталью и изъ двухъ, въ дѣтскихъ тайныхъ впечатлѣніяхъ моихъ, сперва отдавалъ преимущество Варварѣ; остаюсь вѣренъ своему мнѣнію, никому болѣе какъ бывшей княжнѣ Натальѣ. Она устарѣла въ княжнахъ и имѣетъ вовсе не ту участь, которую бы должна имѣть. Выйдя за стараго князя, старая княжна сдѣлалась молодою княгинею. Она вездѣ найдется. О, старое время, моя добрая юность! Нѣтъ, княжна, я не перемѣнился, я также люблю васъ.

*

Въ послѣднее время толки о желѣзной дорогѣ въ Москву сдѣлались такъ общи въ Петербургѣ, что можно было думать объ общемъ убѣжденіи въ ея пользѣ или по крайней мѣрѣ ея исполнимости. Я не сомнѣваюсь въ возможности построить желѣзную дорогу даже въ Одессу, но по моему всякое подобное предпріятіе (Всероссійское) преждевременно. Ни промышленность, ни сообщительность не нуждаются въ немъ; это доказано разсчетами самихъ антрепренёровъ, основывающихъ свои выкладки на умноженіи проѣзда и провоза, а не на суммѣ ихъ въ настоящее время. Итакъ, надобно сперва умножить производительность и потомъ уже думать о желѣзномъ пути. Здѣсь естественно рождается вопросъ: можно и полезно ли усиленное умноженіе производительности и сообщительности? Положительно, нѣтъ; ибо всякое умноженіе должно быть основано на требованіи, имъ вызываться, ему соотвѣтствовать. Во вторыхъ, мы для этого имѣемъ доказательство положительное не въ пользу предполагаемаго умноженія: упадокъ цѣнности товаровъ и возвышеніе цѣнности денегъ отъ значительнаго усиленія въ послѣднія десять лѣтъ производительности, зачѣмъ естественно слѣдовали несостоятельность и банкротство промышленниковъ. Что касается до умноженія сообщительности, я вижу въ этомъ болѣе вреда, вреда политическаго и нравственнаго, нежели пользы, какой-нибудь пользы. Потомъ, у насъ есть дороги, шоссе и каналы, они недавно устроены, стоили огромныхъ суммъ, не окупились и должны упасть. Въ третьихъ, для желѣзной дороги нужны капиталы, матеріалы, строители, а у насъ есть только земли и работники. Если же скажутъ, у насъ есть капиталы и строители, я скажу: употребите ихъ не на столичный путь, а на развитіе благосостоянія мѣстнаго, на улучшеніе способовъ естественныхъ, къ которымъ еще не коснулась рука человѣческая, а не на способы искусственные, въ которыхъ нація не должна бы собственно никогда нуждаться, или только въ такомъ случаѣ, когда народонаселеніе и требованія его превышаютъ силы данной ему земли, какъ это въ Англіи, Бельгіи, Франціи и Голландіи. Куда мы торопимся? Къ собственной гибели. Нѣтъ, я не защитникъ желѣзной

дороги. Это скачокъ, а я люблю постепенность[1]). Всѣ чудеса наукъ, все это развитіе матеріальныхъ силъ и природы и человѣка, усиливая жажду желаній, умножаетъ несчастіе; ибо не въ силахъ земля удовлетворить всѣмъ усиленнымъ требованіямъ и, привлекая людей къ предметамъ наслажденія и наслажденія матеріальнаго, основаннаго на разсчетахъ, на выигрышѣ, на обманѣ, отвлекаетъ взоры его отъ Неба и самосозерцанія, удаляетъ отъ дружбы, любви и искренности и заставляетъ нерѣдко забывать честь, добродѣтели и самое достоинство человѣка.

*

Я провелъ нѣсколько вечеровъ у фрейлины Н. Я. Плюсковой. Это вѣчно заведенная говорящая машина, знающая многихъ, думающая знать все, презирающая тщеславіе, въ которомъ взросла и которому предана, въ ней много опытности, но для нея приложенія; въ ней есть и чувство, но нѣтъ для нея наслажденія. Она всегда одѣта, всегда занята, всегда ровна, тихонько смѣется, легонько ропщетъ, понемногу сердится. Она двадцать лѣтъ жила въ Шепелевскомъ дворцѣ, она болѣе сорока лѣтъ фрейлиной; ей подъ шестьдесятъ лѣтъ, но она молода, терпѣлива и интересна. Я непремѣнно долженъ быть у нея чаще.

*

Перваго Октября (1841 года) я переѣхалъ на казенную квартиру въ казенный домъ, отдѣланную по моему вкусу, по моему средству.

Мнѣ разсказывали объ очень остроумной карикатурѣ на графа Канкрина, присланной къ нему, когда онъ сидѣлъ втроемъ съ Гессе и Кранигфельдомъ. Министръ представленъ съ зонтикомъ въ халатѣ и на с...ѣ, кругомъ его огромное блюдо съ червонцами, онъ глотаетъ ихъ пригоршнями, и изъ него сыпятся ассигнаціи и билеты[2]). Къ этому молва прибавляетъ, что карикатура такъ понравилась старику, что онъ вызвался дорого заплатить ея автору, и на другой день авторъ, прислалъ письмо, прося увѣдомить, какими деньгами угодно будетъ графу выдать награду: тѣми ли, которыя онъ пожираетъ или тѣми, которыя изъ него выходятъ.

---

[1]) Тѣхъ же соображеній, въ запискахъ поданныхъ императору Николаю Павловичу, держались министры Канкринъ и Толь. Сей послѣдній признавалъ полезною только желѣзную дорогу отъ Москвы до Севастополя, на который, писалъ онъ, прежде всего обратится зложелательство Западной Европы. (Слышано отъ его сына). П. Б.

[2]) Тогда ходили стихи Соболевскаго:

Канкрину Россія вѣритъ,
И несутъ ему сребро;
Онъ за Русское добро
Депозитомъ такъ и вѣтъ. П. Б.

*

По пріѣздѣ В. Н. Вердеревскаго (бывшаго съ С. П. Шиповымъ въ Варшавѣ) я очень любопытствовалъ о положеніи края, о центральномъ, областномъ и повѣтовомъ управленіи и наконецъ о національности правителей. Я не могъ получить удовлетворительнаго отвѣта. Не смотря на отмѣненіе конституціи послѣ бунта и военное охраненіе тишины и порядка, надобно полагать, что судъ и полицейское вѣдомство остались въ прежнемъ видѣ. Въ манифестѣ отъ 25 Января 1831 г. объявлено было, что „и по возвращеніи Россіи мгновенно отторгнутаго отъ него мятежниками края, будущая судьба его будетъ устроена на прочныхъ основаніяхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей Имперіи, и положенъ навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи". По завоеваніи Варшавы и Польши дѣйствительно приняты были мѣры ко введенію въ недвижимое владѣніе государственныхъ земель окатоличенныхъ майоратовъ, къ образованію главнаго и областного правительства по примѣру Русскаго и къ замѣщенію правительственныхъ мѣстъ не Поляками. Приняты мѣры къ введенію и распространенію Русскаго языка, Русской системы народнаго просвѣщенія и наконецъ общей монеты. Важныя сіи преобразованія, въ ряду которыхъ, учрежденіе Варшавскаго Сената, обѣщаютъ, съ новыми уложеніями суда, единообразное во всей Имперіи правосудіе. Я предоставляю себѣ заняться на досугѣ рѣшеніемъ вопроса: могутъ ли сіи преобразованія слить два племени, или образованнѣйшее должно по непремѣнному закону историческаго развитія, взять верхъ, и почему отъ всѣхъ Русскихъ въ Варшавѣ слышались жалобы, что Поляки имѣютъ преимущество и если не de-jure, то de-facto. Нельзя однако не припомнить, что еще при возстановленіи Польши въ независимое государство въ 1814 году умный дипломатъ *) частію предвидѣлъ несообразность конституціоннаго учрежденія Польши, о которомъ такъ сильно просили Поляки на Вѣнскомъ конгрессѣ; предлагалъ порядокъ и мѣры устройства, къ которымъ нынѣ принимаемыя имѣютъ нѣкоторое отношеніе.

*

Замѣчательно мнѣніе Сперанскаго (въ 1822 году, послѣ Сибирскаго генералъ губернаторства) о самовластномъ Сибирскомъ генералъ-губернаторѣ. „Власть личная удобно перерождается въ злоупотребленіе и всегда почти имѣетъ видъ самовластія. Дѣйствуя безъ публичныхъ законныхъ участниковъ и по причинамъ ей давно извѣстнымъ, она не

*) Поццо-ди-Борго. П. Б.

можетъ, даже при самой чистотѣ намѣреній, огородить себя отъ подозрѣній. Въ Сибири, гдѣ не было и нѣтъ еще публичнаго мнѣнія и гдѣ по недостатку дворянства и быть оно долго еще не можетъ, подозрѣнія сіи дѣйствуютъ сильнѣе. Самое разстояніе усиливаетъ ихъ, ибо предполагается, что до высшей власти ничто не доходитъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ не доходитъ многое. По продолжительному навыку къ симъ подозрѣніямъ и по многимъ послѣдствіямъ самовластнаго, личнаго распорядка, вообще люди тамъ думаютъ, что зависятъ отъ произвола начальника. Одинъ способъ защиты и противодѣйствія былъ въ Сибири до 1819 года: жалобы и доносы. Если бы личная власть и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами, то и тогда, бывъ удалена отъ надзора и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ самовластіе. Довѣріе къ личнымъ свойствамъ тутъ не защита, ибо въ самовластіе впадаютъ постепенно, нечувствительно и не всегда съ худыми намѣреніями. Напротивъ, при намѣреніяхъ самыхъ лучшихъ, по самому усердію къ добру и желая дойти къ нему кратчайшею дорогою или избрать рѣшительнѣйшія мѣры, увлекаются въ заблужденія, сперва для сокращенія нарушаютъ формы маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣйшимъ, наконецъ касаются и существа дѣла; и такимъ образомъ, поступая всегда по добрымъ побужденіямъ, испровергаютъ порядокъ и, дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противозаконно". Такъ отзывался онъ въ отчетѣ о ревизіи Сибири въ 1819 году, по которой обнаружено 630 человѣкъ виновныхъ въ злоупотребленіи власти, и представлялъ начертаніе правилъ къ будущему устройству Сибирскаго управленія, по разсмотрѣніи въ особомъ комитетѣ высочайше утвержденное въ Іюлѣ 1822 г. Нельзя не отдать справедливости этому обширному практическому уму. Образованіе управленія стройно опредѣлено и соотвѣтственно для своего времени. Теперь не мѣшало бы убавить нѣсколько власти судебной у лицъ исполнительныхъ, дать побольше независимости власти блюстительной и усилить способы полиціи особенно зимой, облегчая ея заботы лучшимъ устройствомъ и порядкомъ водворенія ссыльныхъ. Обширный и богатый, новый край Сибирскій требуетъ еще значительныхъ преобразованій; можетъ быть, удастся узнать его. Вообще бы мнѣ очень хотѣлось и нужно попутешествовать. При важности работъ по мѣсту мнѣ поручаемыхъ, это необходимо и имѣло бы для меня большую пользу. Иногда толкуешь о томъ, чего въ жизнь свою не видывалъ. Прямое опредѣленіе меня на мѣсто начальника Уголовнаго Отдѣленія можетъ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, какъ трудно занимать высшія мѣста, не занимавъ низшихъ, и контролировать палаты и Сенатъ, не зная точно обрядовъ

даже ратушъ. Съ удовольствіемъ побывалъ бы я въ губерніяхъ Западныхъ, на Кавказѣ и въ Сибири.

*

Графъ В. Н.*) часто недоволенъ, требователенъ, хотя все это не мѣшаетъ намъ грѣшнымъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Это неудовольствіе и требовательность происходятъ сколько оттого, что мы, кажется, не въ состояніи выполнить его желаній, а самостоятельному уму хотѣлось бы все (имѣть) по своему, хорошо, отчетливо; столько и оттого, что молодой министръ и при томъ человѣкъ съ свѣтлыми понятіями, обширными свѣдѣніями и ревностью, съ самаго начала въ Комитетѣ и Совѣтѣ встрѣчалъ, какъ это бываетъ обыкновенно, на противорѣчіе противодѣйствіе, такъ что и тамъ и сямъ его постановленія подрываются, весьма часто измѣняются и даже отмѣняются. Такъ напр. о святотатцахъ, о Поповѣ, о 228 ссыльныхъ въ Комитетѣ; о контробандѣ, о Смигельской, о Лобыревѣ въ Совѣтѣ. Это по моему отдѣленію. Такая же участь, кажется, ожидаетъ и Л. А. Перовскаго. Старые министры не легко уступятъ первенство молодымъ и, дозволяя ломать старую колею, на каждомъ шагу затрудняютъ новый путь. Нѣкоторыя встрѣчи графа Панина съ гр. Бенкендорфомъ напр. о Зимицкой рѣшались довольно рѣшительно. Я ожидаю подобной встрѣчи при разсмотрѣніи свода степныхъ законовъ, который Совѣтомъ предварительно расхваленъ и расписанъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ, что̀ называется, въ грязь втоптанъ. Посмотримъ.

*

Вотъ инструкція штабъ-офицерамъ корпуса жандармовъ:

„Стремясь выполнить въ точности Высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли Государя Императора и отеческому его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, я поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

1) Обратить особенное ваше вниманіе на могущія произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

2) Наблюдать, чтобъ спокойствіе и права̀ гражданъ не могли быть нарушены чьей либо личной властью или преобладаніемъ сильныхъ лицъ или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

*) Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, министръ юстиціи.

3) Прежде нежели приступить къ обнаруживанію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично списаться и даже предварять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или судовъ, или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны; ибо цѣль вашей должности должна быть прежде всего предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла. Напр., дойдутъ-ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и другихъ поступкахъ молодыхъ людей, предварите о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ доброму и довести ихъ на путь истины прежде нежели обнаружить гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

4) Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила несомнѣнно должны вамъ пріобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ истинной своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству. Въ васъ всякій увидитъ чиновника, который черезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго, безгласнаго гражданина немедленно поставить подъ высочайшую защиту Государя Императора.

Сколько дѣлъ, сколько беззаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредничествомъ вашимъ прекратиться могутъ! Сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностію ближняго, устрашатся приводить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству Е. И. Величества!

На такомъ основаніи вы въ скоромъ времени пріобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ; ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего Государя.

5) Вы безъ сомнѣнія даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные или сирые, служащіе безкорыстно вѣрой и правдой, немогущіе сами снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ, о каковыхъ имѣете доставлять ко мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія мнѣ возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю Е. И. Величества отыскивать и отличать скромно и вѣрно служащихъ.

Вамъ теперь явно открыто, какую ощутительную пользу принесетъ точное и безпристрастное выполненіе вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительной цѣли дѣйствія, то конечно нѣтъ мѣры наказанія, какому подвергается чиновникъ, который, чего Боже сохрани и чего я даже и помыслить не смѣю, употребитъ во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ разрушитъ предметъ сего отеческаго Государя Императора учрежденія.

Впрочемъ нѣтъ возможности поименовать здѣсь всѣ случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться, но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ."

Нельзя не признаться, что учрежденіе корпуса жандармовъ, слѣдствіе обстоятельствъ въ началѣ царствованія, могло быть и дѣйствительно иногда полезно. Значеніе его въ первые годы было очень высоко; нельзя также не замѣтить, что главные начальники, графъ Бенкендорфъ, А. Н. Мордвиновъ и всѣ чины корпуса въ секретной полиціи люди честные, благонамѣренные и дѣятельные. Но значеніе это, по волѣ Государя, мало-по-малу стало уменьшаться, и нынѣ вліяніе жандармовъ едва замѣтно. Самъ Государь не любитъ этого корпуса; медленность наградъ, общее отвращеніе отъ голубыхъ мундировъ и непривлекательность службы въ сущности ея суть причины невступленія въ корпусъ людей достойныхъ. Вначалѣ необыкновенное значеніе его подрывало мѣстную власть; всѣ шли, жаловались, клеветали на жандармовъ, которые вмѣшивались въ управленіе, въ судъ, даже въ дѣла духовныя, дѣла семейныя. Сибирскій генералъ-губернаторъ жаловался на униженіе ими главной власти. Московскій генералъ-губернаторъ, сколько могъ, противодѣйствовалъ имъ. Нѣкоторыя поспѣшныя распоряженія въ дѣлахъ цензуры, о взяточникахъ, о Жидахъ, любовныя интриги графа и Дубельта, вліяніе женщинъ, и наконецъ слабость шефа, коимъ руководили, какъ хотѣли, начальники Третьяго отдѣленія, были причинами нравственнаго упадка этого учрежденія. Очень часто шефъ вмѣшивался въ дѣла юстиціи и не рѣдко испрашивалъ, по дѣламъ гражданскимъ, такія повелѣнія, которыми явно нарушались коренныя правила и формы, какъ напр. о пересмотрѣ дѣлъ, между прочими дѣла Зимницкой, о которомъ графъ Панинъ входилъ къ Государю съ новымъ докладомъ. Лучше ли стали люди и не боятся надзора, или жандармы стали хуже; усилились ли другія управленія или ослабѣло высшее жандармское управленіе, достовѣрно то, что Третье Отдѣ-

леніе и штабъ занимаются не политическими дѣлами, а благотворительными, и думаютъ не о томъ общемъ благѣ, о которомъ писано въ инструкціи, но объ интересахъ частныхъ.

Крѣпостное право болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе правительства. Всякое дѣло о злоупотребленіи помѣщичьей власти останавливаетъ на себѣ министра и Государя. Иногда мѣра наказанія усиливается (какъ напр. Осмигельскій) до чрезвычайной степени; но до сихъ поръ это право составляло предметъ сужденій большею частію въ уголовномъ отношеніи, въ договорномъ по штрафамъ и несостоятельности. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ личность крѣпостныхъ имѣетъ нѣкоторыя въ законѣ опредѣленія, имъ недостаетъ только прочнаго огражденія. Недавно разсматривалось въ Министерствѣ любопытное дѣло по жалобѣ бывшаго крѣпостного графини Остерманъ-Толстой переселенца Невѣрова*). Онъ управлялъ имѣніемъ, но безъ довѣренности дѣлалъ съ крестьянъ сборы и занимался оборотами; помѣщикъ сослалъ его въ Сибирь. Недвижимое имущество ему не отдано (до ста т. р.). Придя на поселеніе, онъ прислалъ въ уѣздный судъ просьбу о возвращеніи ему его капиталовъ. Судъ отказалъ. Невѣровъ жаловался во всѣхъ инстанціяхъ, получилъ отказъ. По разсмотрѣніи дѣла въ общемъ собраніи и на консультаціи, одни полагали предоставить ему право иска, другіе нѣтъ. Министръ принялъ послѣднее мнѣніе, но редакція предложенія требовала большихъ усилій, даже изворотовъ. Графъ не хотѣлъ положительно сказать, что Невѣровъ не имѣетъ права иска по закону, какъ бывшій крѣпостной, но потому, что распоряженіе о немъ помѣщицы основано не на одномъ произволѣ (какъ пишетъ Невѣровъ), а на дѣйствительномъ злоупотребленіи имъ властію управителя незаконными сборами, кои удостовѣрены губернскимъ чиновникомъ. Я полагалъ основать отказъ на томъ правилѣ, что графиня Остерманъ имѣла право разсудить и рѣшить дѣло между Невѣровымъ и его одновотчиниками какъ помѣщикъ, которому законъ предоставляетъ подобную расправу между крѣпостными. Но все это извороты, показывающіе, что законъ не хорошъ и требуетъ измѣненія. Эдакіе законы подмываютъ и право, и учрежденіе. Замѣчательныя слова Невѣрова, что помѣщики будутъ держать крѣпостныхъ до шестидесяти лѣтъ, пользоваться ихъ услугами, а потомъ отберутъ все, что они могли нажить своими трудами, и въ преклонномъ возрастѣ сошлютъ ихъ на прокормленіе и погребеніе снисходительнаго правительства. Повторяю: крѣпостное право требуетъ точнѣйшихъ опредѣленій. По-

*) Жаль, что не означено его имя. Не отецъ ли онъ достопочтеннаго Януарія Михайловича Невѣрова? П. Б.

пытки освободиться отъ него являются не рѣдко, желаніе не ново и, можетъ быть, самые помѣщики частію приготовлены. При общемъ стремленіи опредѣлить все законами, облечь формами и отчетливостью, эта масса непремѣнно должна имѣть хотя какую нибудь организацію. Помѣщики господствуютъ, а не управляютъ; они пекутся, но не обезпечиваютъ. Имъ не дано даже права представительства, а дано полное право распоряженія. Власть ихъ ограничена, а крестьяне не имѣютъ права жалобы, ни суда, ни иска. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ этотъ будетъ возбужденъ еще нѣсколько разъ. Трудно, опасно оставлять его въ настоящемъ видѣ, хотя еще опаснѣе приступать къ рѣшительному, какъ думаютъ многіе, освобожденію столь многочисленнаго, не образованнаго и не устроеннаго народонаселенія, болѣе двадцати милліоновъ. Нельзя не замѣтить, что этотъ классъ и винные откупа мѣшаютъ должному благоустройству столь же многочисленнаго класса государственныхъ крестьянъ.

*

Мать справедлива: мнѣ еще рано жениться, надобно побольше ума и опытности, побольше обезпеченія и какое нибудь значеніе. Если бы она знала мою суженую и ея семейство, она еще болѣе бы задумалась надъ моимъ вопросомъ. Нельзя не вѣрить матерямъ: матерямъ иногда дается провидѣніе. Но неужели и эта надежда должна разрушиться? Если не повѣрятъ, что это больно, повѣрятъ, что это досадно. Я далеко зашелъ и могу повредить молодой особѣ, но я сумѣю сгладить и оставить дѣло въ ожиданіи, не мѣшая другимъ, не отступая самъ.

*

1842. Новый Годъ нашелъ меня не въ старомъ положеніи, я выросъ и постарѣлъ: приходятъ чести и почести, уходятъ здоровье и наслажденіе. Меня поздравляютъ съ праздникомъ, я долженъ сидѣть и сидѣть, не жалѣя о разъѣздахъ. Ни одинъ годъ не приносилъ мнѣ такихъ существенныхъ выгодъ; мнѣ остается благодарить Бога за то, что̀ есть, и стараться удержать занимаемое мною положеніе. Если министръ исходатайствуетъ мнѣ хотя тысячу рублей серебромъ, я рѣшусь оставить все и всѣхъ и уѣхать въ Эмсъ или Карлсбадъ.

*

Я поправился отъ болѣзни и непримѣтно забылъ „Дни и Труды“ мои такъ, что нить ихъ перервалась, и я въ затрудненіи найти конецъ. Дѣло въ томъ, что положеніе мое противъ министра и моей министерши по видимому измѣнилось, и измѣнилось къ худшему. Въ душѣ я увѣренъ, что я войду въ свои права и стану твердою стопой. Такія временныя перемѣны весьма полезны для того, кто не хочетъ

играть жизнію и ждать смерти или спасенія отъ случая, ошибки или недоразумѣнія. Впрочемъ причиною этой перемѣны, болѣе нежели другой кто, самъ я. Обиліе занятій требуетъ исключительнаго посвященія имъ времени, а важность ихъ особенной внимательности. Прибавьте къ этому редакцію министерскихъ бумагъ, деликатность отношеній и неопредѣленность въ ней докладовъ, и никто не усумнится, что нѣкоторыя удачныя работы мои, неумѣстная самонадѣянность и при ней поспѣшность должны были измѣнить къ худшему то выгодное положеніе, которое я незаслуженно занялъ при вступленіи въ министерство. Я это зналъ и видѣлъ. Я началъ сверху, а слѣдовало начать снизу, но къ чести моей долженъ сказать, что я не упалъ духомъ отъ этой перемѣны и увѣренъ, что она послужитъ къ существенной мнѣ пользѣ. Я служу восьмой годъ, служилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ провіантскомъ департаментѣ, гдѣ почти ничего не дѣлалъ, потомъ комисаріатскомъ, гдѣ совсѣмъ ничего не дѣлалъ, и наконецъ въ департаментѣ юстиціи, гдѣ заваленъ работою. Такимъ образомъ я началъ службу, началъ учиться писать обрядныя; ничтожныя бумаги, будучи сдѣланъ Богъ знаетъ какъ и за что начальникомъ уголовнаго движенія; можно подумать, что я или имѣю большую протекцію, или знаменитый искатель. Посредственные люди говорятъ, что я пойду далеко; если бы они знали ходъ моей службы, они сказали бы: кто началъ службу начальникомъ отдѣленія, тотъ долженъ кончить ее по крайней мѣрѣ министромъ. Логика посредственности считаетъ ступени іерархіи сроками.

*

Я наконецъ посѣтилъ Русскій спектакль; я хотѣлъ видѣть персоналъ, котораго не видалъ около двухъ лѣтъ съ половиною, и посмотрѣть пьесу Полеваго, котораго совершенно потерялъ изъ виду. Персоналъ тотъ-же. Мартыновъ совершенствуется, не оставляя впрочемъ грубыхъ фарсовъ, которые такъ любитъ Русская публика. Новая актриса Самойлова 2-ая обѣщаетъ прекрасную милую артистку. Тоже новая Дюръ можетъ сдѣлаться отличною драматическою актрисою; она создана прекрасно, но мало выдержана, мало образована, въ ея движеніяхъ замѣтна Русская баба. Что касается до Полевого, онъ мало перемѣнился: уменъ, добръ, чувствителенъ, но при этомъ мало глубины, больше остроты, мало знанія, больше подражанія, мало изученія сцены и характеровъ, больше блеску и эффектовъ. Впрочемъ четвертый актъ Глинской имѣетъ эстетическое достоинство. Я не могу и здѣсь не сдѣлать замѣчанія, что Русская драма прежде была Французскою, а нынче грубою. При дворѣ господствовалъ строгій церемоніалъ, и необузданность бояръ имѣла мѣсто въ частныхъ пирушкахъ,

много-много въ думскихъ, каверзныхъ спорахъ, но ни въ какомъ случаѣ не предъ царскими очами.

*

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій снова безпокоитъ Государя о дозволеніи ему жить свободно, пріѣзжать и останавливаться въ столицахъ. Безъ сомнѣнія и эта просьба, даже подкрѣпленная ходатайствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, останется безъ послѣдствій. Замѣчателенъ этотъ человѣкъ своимъ безпокойнымъ характеромъ и страстью къ сплетнямъ и интригамъ, своимъ разнообразнымъ умомъ и наконецъ своею перемѣнчивою судьбою. Онъ происходитъ изъ извѣстной дворянской фамиліи, родоначальникомъ которой считается математикъ временъ Петра Перваго. Сперва онъ служилъ въ гвардіи, потомъ преобразованіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, начальникомъ отдѣленія и здѣсь сблизился со Сперанскимъ, черезъ котораго въ скоромъ времени былъ назначенъ ст.-секретаремъ въ Государственный Совѣтъ; занимаясь „учрежденіемъ большой дѣйствующей арміи“, имѣлъ личный докладъ и, говорятъ, докладывалъ прекрасно. По страсти къ интригамъ и близкимъ связямъ со Сперанскимъ онъ долженъ былъ раздѣлить его опалу и былъ отправленъ въ Вологду, отсюда опредѣленъ вице-губернаторомъ въ Воронежъ, а потомъ губернаторомъ въ Симбирскъ. Искательство привело его самого въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ назначенъ членомъ Комиссіи Училищъ и вскорѣ потомъ попечителемъ Казанскаго округа, въ этомъ качествѣ онъ ревизовалъ Пензенскую гимназію въ 1824 году, гдѣ я видѣлъ его лично, бывши ученикомъ перваго класса. Онъ произвелъ необыкновенное впечатлѣніе на двѣнадцатилѣтняго школьника; въ физіономіи его, казалось, было множества ума и могущества, въ движеніяхъ и положеніи свобода и даже вольность господина. Я какъ сейчасъ помню выразительное лицо его. Въ 1826 году онъ высланъ былъ изъ Петербурга въ Казань, а изъ Казани переведенъ въ Ревель. Въ 1834 году я видывалъ его въ Москвѣ. Это уже былъ не Магницкій 1824 года, но старецъ добрый, сильный, съ эпиграммой на современника, съ сердцемъ на прошедшее и еще съ надеждою на будущее. Отсюда онъ переѣхалъ въ Одессу и наконецъ въ Херсонъ. Вездѣ этотъ человѣкъ порождалъ ссоры и неудовольствія, вездѣ искалъ господства пронырствами и вмѣшательствами, обносилъ и чернилъ, чтобы выказать свою дѣятельность, былъ жестокъ, чтобы показаться правосуднымъ. Онъ не разлученъ съ системою наушничествъ и оклеветаній. Вездѣ не любимый, не оставивъ нигдѣ добрыхъ слѣдовъ, онъ постоянно вопіялъ противъ злоупотребленій, роптalъ на недостатокъ способовъ и жаловался на враговъ; друзей онъ никогда не могъ имѣть. Ученое обра-

зованіе имѣлъ онъ поверхностное, но отлично образовался практикой, и я вѣрю, что онъ былъ прекрасный редакторъ и докладчикъ.

*

Очень много говорятъ о свободѣ крестьянъ. Говорятъ, что этого твердо желаетъ Государь; говорятъ, что нынче, 30 Марта, даже назначено для этого въ его присутствіи засѣданіе Совѣта. Думаю, что слухи, какъ всегда, преувеличены; по мнѣнію моему, не осторожно давать даже поводъ подобнымъ слухамъ. Масса крѣпостныхъ и есть безсмысленная чернь, которая такъ ничтожна, что всякая перемѣна, хотя бы путемъ преступленія и наказанія, для нея есть выигрышъ, пріобрѣтеніе высшихъ правъ. И вотъ наконецъ (2-е Апрѣля) вопросъ этотъ разрѣшился высочайшимъ указомъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ для обязанныхъ крестьянъ, увольняемыхъ изъ крѣпостного права безъ земли. Находятъ, что странный этотъ указъ, разосланный при еще болѣе странномъ циркулярѣ, есть мѣра не осторожная, надѣлаетъ болѣе шума, нежели пользы и удобнѣе могла бы быть приведена въ исполненіе простымъ формальнымъ поясненіемъ статьи Свода въ Сенатскомъ указѣ. Я не совсѣмъ согласенъ съ этимъ. Слухи о предположенномъ освобожденіи крестьянъ были общіе и довольно громкіе. Безъ сомнѣнія предположеніе, давшее поводъ къ симъ слухамъ, было обширнѣе нежели этотъ указъ, состоявшійся послѣ двухъ засѣданій въ Государственномъ Совѣтѣ, въ присутствіи Государя. Слухи и толки эти должны быть разрѣшены высочайшимъ указомъ, а не сенатскимъ, котораго бы никто не замѣтилъ. Во-вторыхъ, сенатскій указъ никогда бы не имѣлъ такого вліянія на дѣло, какъ этотъ именной, въ которомъ опредѣленно выражена цѣль правительства и притомъ воля Государя, непосредственно имъ самимъ объявленная, во всеобщее свѣдѣніе. Въ третьихъ, указъ этотъ, какъ ни ограниченно содержаніе его, въ существѣ своемъ оглашаетъ важныя начала въ нашемъ законодательствѣ и, можетъ быть, приготовляетъ къ мѣрѣ рѣшительной, но за симъ указомъ, не столь уже рѣзкой, какъ показалась бы она безъ сего указа, именно увольненіе крестьянъ не по волѣ помѣщиковъ, но непремѣнно въ извѣстные сроки, на извѣстныхъ условіяхъ. Вольная мѣра теперь легко можетъ быть сдѣлана обязательною, если не прямо, то сперва съ нѣкоторыми поощреніями, какъ напр. уменьшеніемъ казеннаго долга, а по незаложеннымъ имѣніямъ выдачею нѣкоторой возмездной суммы. Стóитъ только начать какому-нибудь Бобринскому, Воронцову, стóитъ только составить условія опредѣлить новое положеніе крестьянъ и отношенія земской полиціи, мѣра эта двинется быстро, распространится, разовьется и сама собою легко можетъ сдѣлаться общею такъ, что прави-

тельство будетъ въ необходимости придать ей этотъ характеръ. Подождемъ *).

*

Много смѣшного говорятъ о наградахъ, особенно о синей лентѣ директора театра Гедеонова (битъ давно, все краснѣлъ и посинѣлъ только нынче) и о графствѣ Д. Н. Блудова, отъ котораго у Хитрова и Уварова на сердцѣ кошки скребутъ.

*

Моя поѣздка, кажется, рѣшена. Министръ согласился, и нынче послано въ Комитетъ представленіе. Мнѣ назначается вспоможеніе 600 руб. сер. и отпускъ на четыре мѣсяца. Кажется, можно будетъ устроить поѣздку. Какъ я предполагаю путешествовать въ маленькихъ городкахъ и по нижнимъ слоямъ, то надѣюсь съ этими деньгами, съ займомъ у моего Димпнера, совершить поѣздку даже роскошно. Прощай же мое великое отечество! 22 Іюня 1842 г. Понедѣльникъ.

*

22 Октября 1842 г., стало быть ровно черезъ четыре мѣсяца, я возвратился въ Петербургъ, объѣхавъ почти всю Европу. Здравствуй же, мое великое отечество! Я нашелъ все въ хорошемъ положеніи. Министръ, директоръ и отдѣленіе даже обрадованы моимъ пріѣздомъ.

*

У Перевощикова умерла старшая дочь Пистолькорсъ, и старикъ глубоко пораженъ своимъ несчастіемъ. Жаль мнѣ добраго человѣка Василія Матвѣевича, онъ не удачно провелъ жизнь свою и несчастливъ въ семействѣ. Когда и гдѣ я родился? Перевощиковъ подарилъ мнѣ нѣкоторыя письма моего отца. Въ одномъ изъ Валяевки, 12 Іюня 1812 г. отецъ пишетъ: „я пріѣхалъ въ Пензу 12 Іюня прошедшаго года, пожившъ мѣсяца четыре съ тестемъ.... (это въ Знаменскѣ); коль вы любопытны, скажу вамъ, что у меня три сына: Константинъ Мурашевскій, Леонидъ Миритиницкій, Касторъ Знаменскій, всѣ молодцы, честные и собою хорошенькіе". Изъ этого я долженъ заключить, что я родился въ Знаменскѣ въ Іюнѣ—Сентябрѣ 1811 года.

*

Какъ усильно работаетъ надъ подмостками, подставками и подпорками наше правительство. Оно какъ бы задачу себѣ задало, придумать администрацію и судъ, запутаннѣе котораго и быть нельзя. Ин-

*) Замѣчательно, что иностранные журналы столкнулись въ толкахъ объ этомъ указѣ съ нашею чернію, а можетъ быть и съ правдой. Народъ утверждаетъ, что Государь хочетъ дать вольность, да дворяне не хотятъ и что указъ писалъ Государь, а объявленіе (циркуляръ) Перовскій.

станція надъ инстанціею, ручательство за ручательство; инстанціи парализуютъ ходъ дѣлъ, а ручательства парализуютъ истину. Дѣла волочатся, судъ умничаетъ: такъ трудно поддержать несправедливое, ложное положеніе. Не скоро подобный механизмъ можетъ быть, развитый до высочайшей степени, доведенъ до нѣкотораго совершенства; но это будетъ тогда, какъ въ него потеряютъ всякую вѣру. Теперь его терпятъ въ надеждѣ, тогда его бросятъ отъ досады и скуки. Матеріально вредно это для государства, ибо стоитъ огромныхъ суммъ; вредно нравственно, ибо лишаетъ правительство довѣрія. Мы имѣли въ послѣдніе годы большіе общественныя несчастія: холера, пожары. Что дѣлалъ народъ, къ кому обращался онъ? Онъ буйствовалъ, терзалъ невинныхъ; не повиновался правительству. Въ Кузнецкѣ почти осадили судъ, въ Симбирскѣ бросили въ огонь помѣщиковъ и исправника, рвали Жидовъ, медиковъ, въ Старой Руси перебили офицеровъ. Бунты эти ничтожны, неопасны: въ Кузнецкъ пошлютъ Перфильева, въ Симбирскъ проѣдетъ Комаровъ, въ Старую Русь прискачетъ самъ Государь; но бунты эти доказываютъ, что къ правительству не имѣютъ довѣрія. Ваши инстанція и ручательства тутъ не помогутъ, вы и сами отмѣняете ихъ: давай военно-судебныя комиссіи, давай экзекуцію! Эти бунты нынѣ являются чаще и подъ незначительными предлогами. Тамъ отъ принужденнаго посѣва картофеля вы издаете повелѣніе сѣчь не сѣющихъ картофель; тамъ отъ введенія запасныхъ магазиновъ и общественной запашки вы усиливаете мѣры строгости, а тамъ отъ пожаровъ или поджоговъ вы приказываете судить военнымъ судомъ и выставляете строй шести тысячъ. Какая-то потѣха видна въ этихъ волненіяхъ, какое-то отчаяніе видно въ вашихъ строгихъ мѣрахъ. Хуже. Прежде шумѣла и бурлила чернь, теперь волненіе принимаетъ болѣе правильный видъ, и вамъ уже актами доказываютъ, что не имѣютъ къ вамъ довѣрія, что, если вы не сведете сами вашихъ предпоставленныхъ, ихъ сведутъ. Такъ въ Казани и Перми свели полицеймейстеровъ. Въ Перми собралось общество купцовъ и гражданъ и постановило актъ объ удаленіи полицеймейстера. Хуже. Прежде народъ, не имѣя довѣрія къ временнымъ властямъ, искалъ подпоры и утѣшенія въ Небѣ, у властей святыни. Вы хотите поставить православіе, прежнее терпимое православіе краеугольнымъ камнемъ и въ глазахъ этого православія обдираете католицизмъ, чистите унію и душите раскольниковъ въ Иргизѣ, въ Кременчугѣ, у Дерпта. Ни католикъ, ни уніатъ, ни раскольникъ не имѣютъ свободы совѣсти. Ксендзы притворствуютъ, епископы—подличаютъ, храмы Божіи перекрещаются. Самый православный въ виду такого соблазна теряетъ вѣру и къ своей церкви, смотря какъ изъ нея сдѣлали пьедесталъ мірского могуще-

ства. Я не скажу этого, это слишкомъ рѣзко. Я скажу, что и по моему мнѣнію есть важныя уклоненія отъ пути добраго, настоящаго; но я скажу также, что виною этого не Государь, а его министры. Ансельмъ сказалъ, и сказалъ справедливо, что монархіи погибаютъ не отъ царей, а отъ министровъ. Надобно, чтобы министры не были государями, чтобы губернаторы не были министрами, чтобы секретари не были губернаторы; наконецъ, чтобъ всѣ они не были машины, гербовыя бумаги, титулъ, по закону, кому слѣдуетъ, отъ сего дѣла особо, справка,—а въ самомъ дѣлѣ буква, придирка, вымогательство.

*

Я довольно долго говорилъ съ М. П. Позеномъ о дѣлахъ. Говорятъ, что онъ перекрещенный Жидъ. Онъ женился на сестрѣ какого-то квартальнаго и былъ очень бѣденъ. Служилъ по департаментамъ просвѣщенія, разныхъ податей сборовъ и тогда уже мелкій чиновникъ, по выраженію покойнаго Карнѣева, мѣтилъ въ министры. Случай свелъ его съ Чернышевымъ, онъ перешелъ къ нему, и прекрасному уму открылся широкій путь. Скоро онъ взялъ въ свои руки законодательную часть Военнаго Министерства изъ 1852 года, въ качествѣ старшаго чиновника военно-походной канцеляріи, пріобрѣлъ обширное вліяніе, сдѣлался извѣстенъ Государю, бралъ по пяти наградъ въ годъ и преобразовалъ составъ и военное хозяйство. Онъ работалъ много и работалъ прекрасно; свѣтлый умъ обнималъ скоро и вѣрно, опытная рука излагала отчетливо и изящно. Военное Министерство многимъ ему обязано. Говорятъ, что онъ нечистъ; эти слухи могли быть впрочемъ разглашены завистью. Несомнѣнно однако, что теперь онъ очень богатъ. Распространившіеся слухи объ участіи его въ провіантскихъ операціяхъ и даже жалобы на эти операціи дошли до Государя. Поздно немного. Онъ опустился и примѣтно показываетъ удаленіе, впрочемъ мнимое, отъ дѣлъ и вліянія. Его поднялъ Кавказъ. Теперь онъ статсъ-секретарь по дѣламъ Закавказскаго края. Онъ потерялъ въ обширности круга дѣйствій, но выигралъ въ самостоятельности. Онъ сидитъ съ министрами и думаетъ, какъ бы самому быть министромъ.

*

Я читалъ Чичикова или „Мертвыя Души“ Гоголя. По содержанію и связи повѣсти или поэмы, это вздоръ, сущій вздоръ, небылица; но по подробностямъ, по описанію портретовъ, это замѣчательное произведеніе; вѣрность ихъ несомнѣнна. Это Русскіе люди, Русскіе привычки, манеры и рѣчи подмѣченныя острымъ, зоркимъ умомъ Русскимъ. Типъ за типомъ, картина за картиной; слогъ очень небреженъ, но это послѣднее дѣло, читается не отрываясь. И тепло, и плотно, я не могъ до сыта нахохотаться, читая о Селиванѣ, Ноздревѣ, Коробочкѣ,

Собакевичѣ,—эти провинціальныя сплетни, этотъ губернаторскій балъ и этотъ разсказъ о Копѣйкинѣ. Вѣрно, умно. Но нельзя не замѣтить скрытной мысли автора: онъ пародируетъ современный порядокъ, современный классъ чиновный, онъ не совсѣмъ правъ и мѣстами немного дерзокъ. Это портитъ вкусъ. Къ сожалѣнію, подобные пародёры мало знаютъ наше управленіе и еще менѣе причины его недостатковъ; они говорятъ: мы не знаемъ, отчего это дурно. Жаль. А знай, они могли бы принести пользу своими критиками.

*

6 Декабря 1842 г. Вотъ вышелъ новый наказъ главному Закавказскому управленію. Году не прошло, какъ понадобилось новое положеніе, оно тоже работы Позена и носитъ на себѣ слѣды, хотя весьма немногіе, мѣстнаго обозрѣнія; но оно важно многими измѣненіями. Главныхъ два: усиленіе власти главнокомандующаго и обращеніе вниманія на мѣстныя особенности. Обязательность общихъ законовъ и общихъ мѣръ въ краю не опредѣлена, отношенія гражданскаго начальника къ главноуправляющему и положеніе директора спутано и сбивчиво. Но въ этомъ наказѣ довольно ясно выражено прекрасное правило, чтобы въ управленіи полицейскомъ и вообще гражданскомъ и при сборѣ податей было какъ можно менѣе чиновниковъ. Иногда наказъ трактуетъ главное управленіе, какъ школьниковъ, запрещая вдаваться въ тщетныя умозрѣнія или стѣсняться принятыми въ Европѣ системами. Вообще онъ носитъ печать поспѣшныхъ соображеній, ловкой самостоятельности и звонкой редакціи.

Кончается годъ замѣчательнымъ для меня путешествіемъ по Европѣ. Положеніе мое не измѣнилось, оно утверждается. Дай Богъ міру мира. Россіи устройства, Царю здоровья и всѣмъ временъ лучшихъ. 29 Декабря 1842 года.

*

Важныя измѣненія готовятся въ нашемъ отечествѣ, правительство серьезно начинаетъ думать о народныхъ нуждахъ, хотя до сихъ поръ (и можетъ быть, къ будущему благу) подчиняетъ эти нужды государственному единству. Отъ сюда два господствующія начала нашей государственной жизни: соглашеніе такъ называемыхъ, особыхъ правъ съ общимъ и усовершеніе общихъ правъ учрежденій точнѣйшимъ ихъ развитіемъ, опредѣленіемъ и расширеніемъ. Если бы послѣднее начало было первымъ, успѣхи были бы быстрѣе и общѣе. Соглашеніе общихъ правъ и сближеніе автономическихъ провинцій съ Имперіей продолжается. *Финляндія* осталась одна неприкосновенною, одно обстоятельство—это уравненіе служебныхъ правъ Финляндцевъ съ нашими. По порядку суда и расправы особыя правила очень похожи

на конвенцію. Въ системѣ народнаго просвѣщенія, части регальной и коммерческой продолжались прежнія мѣры; сколь ни слабы онѣ, особенно относительно другихъ странъ, они постепенно сближаютъ жителей, чему въ особенности способствуетъ близость столицы и квартированіе войскъ въ Великомъ Княжествѣ. Но Финляндія все еще смотритъ Швеціей, молчаливый характеръ обитателей сохраняетъ свою оригинальность и, не смотря на смежность, сношенія производятся все еще чрезъ министровъ и помощниковъ генералъ-губернатора. Здѣсь нельзя не замѣтить, что Финляндія не рѣдко служитъ мѣстомъ ссылки. *Остзейскія* губерніи провинціи, незаслуженно пользуются особыми правами; они пріобрѣли ихъ по капитуляціямъ, они рѣшительно потеряли ихъ при Екатеринѣ Второй; они пользуются ими подъ условіемъ, что сіи права не противуположны основнымъ законамъ Имперіи. Во всякомъ случаѣ нашъ Сводъ имѣетъ силу помогательнаго права. Но Остзейцы такъ давно пользуются своими правами, высшій классъ такъ отличенъ отъ Русскихъ, и вообще Нѣмецкое вліяніе такъ сильно, что особыя права эти укоренились и, за недостаткомъ неопредѣленности, подробности и увѣренности, установились въ своихъ формахъ. Послѣднее время три замѣчательныя попытки были сдѣланы, или предположены: Русская грамота усилена, владѣніе крестьянами, такъ называемыми вольными, оказалось не такъ хорошо, какъ думали, и значительные переходы изъ Остзейскихъ деревень показываютъ неудовлетворительность крестьянскаго положенія. Неопредѣленность закона потребовала составленія свода. Не знаю, почему, этотъ сводъ до сихъ поръ не издается. Между тѣмъ Остзейцы не перестаютъ роптать на нарушеніе ихъ правъ, просятъ объ учрежденіи собственнаго высшаго суда, собираются на сеймѣ въ Ригѣ и по выраженію императрицы Екатерины все въ лѣсъ смотрятъ.—*Польша*, можно сказать существуетъ на прежнемъ положеніи. Европейская образованность въ ней такъ усилилась, что завоеватели должны были поддаться завоеваннымъ. Русскій языкъ въ Польшѣ сдѣлалъ менѣе успѣховъ нежели можно было бы предполагать по двѣнадцатилѣтнимъ усиліямъ. Многое приняло Русскія названія, Сенатъ, обводы, станы, всѣ высшія мѣста заняты Русскими, сношенія начинаются, мѣстъ и лицъ непосредственныя, по-русски и по-польски, уголовное уложеніе составляется въ Петербургѣ, Поляки ссылаются въ Сибирь, ксендзы образуются въ Петербургѣ, гдѣ ихъ главное управленіе католицизма.

*

Въ Государственномъ Совѣтѣ есть особый департаментъ для дѣлъ Царства, нельзя чтобы Русское вліяніе не имѣло дѣйствія, какъ не сильна польская особенность, но качество здѣсь должно уступить коли-

честву. Поляки и Европа ропщутъ на стѣсненія и гоненія католицизма, здѣсь собственно приняты были три правила. Для единства дѣйствій пресѣчены непосредственныя сношенія съ папой и религіи наименѣе оставлено политическаго значенія, особенно послѣ революціи 1830 года, въ которой духовенство принимало сильное участіе, во-вторыхъ, гражданское значеніе католицизма подчинено православію—это смѣшанные браки; и въ третьихъ, имущества католической церкви подведены подъ одно управленіе съ имуществами церкви господствующей. Возсоединеніе уніею было тоже мѣрою политическою, стало быть дало поводъ къ новому ропоту.—Губерніи западныя удерживаютъ такія особенности, на мѣстѣ которыхъ и общія права сдѣлались бы особенными. Тоже губерніи *Малороссійскія* и *Новороссійскія*, введеніе общаго порядка въ губерніяхъ западныхъ безъ сомнѣнія произвело много путаницы, разборъ шляхты, подлоги въ актовыхъ книгахъ, требовали новыхъ усиленныхъ распоряженій. Въ минувшемъ году состоялись положенія о заставныхъ листахъ и о городѣ Ригѣ, о записяхъ въ губерніяхъ Литовскаго Статута и о Господарскихъ грамотахъ въ Бессарабіи. Кавказъ до сихъ поръ не усмиренъ.—Великое царство Сибирское доселѣ сохраняетъ положеніе, написанное Сперанскимъ, оно требуетъ немногихъ, но существенныхъ дополненій. Тамъ теперь два генералъ-губернатора. Князь Горчаковъ человѣкъ умный, но заносчивый, онъ взялъ себѣ за правило отражать министерства и охранять неприкосновеннымъ положеніе 1822 года. Правда онъ его жарко защищаетъ, да немного въ томъ толку. Другой генералъ-губернаторъ Рупертъ. Имъ вообще чрезвычайно недовольны. Сибирское управленіе дополнено положеніемъ 12 Іюля 1840 года. Говорятъ, что оно очень дурно.

*

Что вы ни выдумываете мудрые люди, все это не прочно, не вѣрно и потому только хорошо, что выдумано впопадъ, къ стати. Основа, начало и конецъ были и будутъ въ природѣ. Изъ естественнаго общества сдѣлали искуственное, и для поддержанія этого выдуманнаго искуственнаго порядка придумываемъ порядокъ фиктивный. Часто въ газетахъ печатается: въ такомъ-то имѣніи или тамъ-то отпускаются въ услуженіе люди крестьяне и пр., говорятъ, что подъ этимъ предлогомъ люди продаются, хотя законнымъ порядкомъ, продажа эта и не можетъ совершаться. Надобно узнать, какой актъ служитъ огражденію пріобрѣтателю. Едва-ли. Это продажа вмѣсто рыночной отмѣненной Александромъ, и продаютъ на выборъ. Со мною въ домѣ на Сѣнной случилась такая исторія у Каленковскаго. Говорятъ, что можно какимъ-то окольнымъ путемъ пріобрѣсти крѣпостного отдѣльно отъ семейства, хотя законъ это положительно запрещаетъ. Отдача въ услу-

женіе безъ контракта и безъ паспорта, невольная кабала. Часто помѣщикъ отпускаетъ человѣка по оброку, человѣкъ нанимается и довольно выгодно въ года, помѣщикъ требуетъ его къ себѣ и этимъ требованіемъ вымогаетъ отъ него какую-нибудь сумму, сдѣлывается и отмѣняетъ требованіе.

*

Бываютъ минуты, хочется бросить все, удалиться и отказаться даже отъ прекрасныхъ полезныхъ занятій моихъ. Скучно, грустно! Медленность убиваетъ интересъ занятій, недостатокъ довѣрія и ходъ по инстанціямъ раздражаютъ душу, холодность къ важному дѣлу уменьшаетъ охоту, теперь же мнѣ данъ вице-директоромъ Михаилъ Акимовичъ Рюминъ. Человѣкъ прекрасный, мягкій и добросовѣстный, но мягкій и медленный до чрезвычайности, его поражаетъ не ложь и не истина, а странность, случайность, онъ къ ней привяжется, забудетъ главное и подъ предлогомъ поясненія или возбужденія придуманнаго имъ вопроса, упуститъ настоящее дѣло. Графъ имѣетъ прекрасную привычку, подробно и самостоятельно разсматривать дѣла. Желательно бы было видѣть эту привычку вмѣстѣ съ различеніемъ дѣлъ, важныхъ отъ ничтожныхъ. Впрочемъ онъ, кромѣ независимаго и подозрительнаго характера, связанъ по рукамъ и по ногамъ, жалъ мнѣ разстаться съ такою умною головою. А скучно, иногда очень скучно! Вздоръ, малодушество тяготиться временными неудобствами, когда есть надежда и увѣренность, что труды полезны и впослѣдствіи пройдетъ и самая скука. Графъ много сдѣлалъ для меня. Буду терпѣть!

*

На возвратномъ пути изъ Варшавы, и ѣхавши въ дилижансѣ, познакомился я съ Французскимъ путешественникомъ Charles Rollina, это молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, хорошо образованный, умный и даже ученый, не дуренъ собою, съ пріятными талантами, много видѣвшій и ѣздившій. Мнѣ онъ понравился, по положительнымъ свѣдѣніямъ въ Латинскомъ, Греческомъ и даже въ наукахъ естественныхъ, онъ не такъ болтливъ, менѣе другихъ суетенъ, довольно обстоятеленъ въ системахъ и серьезенъ по характеру. Мы съ нимъ сошлись и знакомство наше до сихъ поръ продолжается. Не понятно только было мнѣ, зачѣмъ онъ ѣдетъ; изъ многихъ разговоровъ, замѣтилъ я, что онъ не безъ хвастовства, очарованный моимъ отечествомъ, я рѣдко найду человѣка, который бы сталъ со мною въ томъ спорить, и Rolline соглашался со мною въ этомъ не потому, что и онъ такъ думаетъ, но для того, чтобы не спорить и (какъ говорятъ у нихъ) не выводить дурака изъ заблужденія, по нѣкоторымъ словамъ его я замѣчаю, что онъ ищетъ мѣста при какомъ-нибудь вельможѣ—секретаря, частнаго секре-

таря или учителя съ огромнымъ содержаніемъ, или компаніона, или наконецъ искренняго друга старика, старухи или молоденькой дамы— онъ ищетъ по-моему пустого мѣста. Во Франціи, вообще на Западѣ имѣютъ о насъ мелочное понятіе. Они убѣждены, что мы готовы очень дорого платить за вздоръ, за удовольствіе, за иностранцевъ и въ иностранныхъ земляхъ, это было, но этого теперь уже нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ той степени, какъ было прежде. Они думаютъ, что у насъ нѣтъ закона: все дѣлаютъ, государь и вельможи. Такъ думалъ и Charles Rollina можетъ быть онъ одумается.

*

По дѣлу о дворянинѣ Страдомскомъ (1842 года № 11697), замѣчательна пасквильная записка, названная „Истинный видъ нынѣшняго времени", обличающее сотерическое воззрѣніе Русскаго грамотея. „Грѣхъ скончался, правда—сгорѣла, благость вышла изъ свѣта, искренность спряталась, правосудіе въ бѣгахъ, добродѣтель ходитъ по міру, благодѣяніе подъ арестомъ, помощь въ домѣ сумасшедшихъ, истина погребена, кредитъ сдѣлался банкрутомъ, совѣсть съ ума сошла, судья правосуденъ на безмѣнѣ, вѣра осталась въ Іерусалимѣ, надежда съ якоремъ на днѣ, любовь больна простудою, вѣрность у аптекаря на вѣсахъ, честность вышла въ отставку безъ мундира, кротость при дракѣ всегда на съѣзжіи, законъ на пуговицахъ въ Сенатѣ. Терпѣніе скоро лопнетъ, 9 Мая 1840 года". Подсудимый отозвался, что пасквиль этотъ оставленъ у него дьячкомъ Чернышевымъ. Жаль, что объ этомъ не разыскано.

*

Нельзя не порадоваться назначенію Перовскаго министромъ и предпринятымъ имъ преобразованіемъ по важнѣйшему министерству. Онъ взвѣсилъ хлѣбъ, далъ волю мелкой торговлѣ, оцѣнилъ гроба, принимается за аптеки, преобразовалъ управу, ревизуетъ губернаторовъ, пробирается къ земской полиціи, разсматриваетъ городскіе доходы и пр. Принимаемыя имъ мѣры просты и прямы, происходящая отъ нихъ польза ощутительна. Дай Богъ ему продолжительной жизни, терпѣнія, удачи и хорошихъ сотрудниковъ.

*

Бывшій директоръ канцеляріи и правая рука военнаго министра князя Чернышева, ст. секретарь Брискронъ назначенъ товарищемъ государственнаго контролера—вывѣрять собственные свои (какъ правители дѣлъ военнаго совѣта) и прежняго начальника своего дѣйствія и счеты по милліоннымъ операціямъ военнаго министерства. Говорятъ, что это сдѣлали графъ Клеймихель, чтобы удружить Чернышеву и князь А. Ѳ. Голицынъ, чтобы избавиться опаснаго соперника. Я ду-

маю, что это сдѣлалъ самъ Государь: Хитровъ старъ, Карнѣевъ у него умираетъ, контроль плохъ. Можетъ быть впрочемъ при этомъ были въ виду и князь Чернышевъ и ст. секретарь Позенъ и самыя способности Брискорна.

*

Н. И. Пущинъ принадлежитъ къ хорошей Русской фамиліи, сынъ генералъ-лейтенанта, (кажется изъ морскихъ) умершаго въ 1842 году сенаторомъ; онъ учился въ Морскомъ корпусѣ, гдѣ съ братьями своими заключилъ прочную дружбу съ Безстужевыми и другими. Моряки дружны, постоянны и прямы. Я узналъ его ближе за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Министерствѣ Юстиціи. Съ перваго шага Н. И. Пущинъ не оставилъ выказать главное правило своихъ дѣйствій и образа мыслей: я служу потому, что нужно жалованье, я частный человѣкъ и для службы, для правительства не намѣренъ жертвовать ни моими убѣжденіями, ни моими привычками, ни моими связями. Такъ какъ онъ говоритъ это часто, при всякомъ удобномъ случаѣ, повидимому онъ не измѣняетъ силѣ правиламъ, но едва-ли это вполнѣ такъ. Въ Іюлѣ 1842 года, ему дано было важное порученіе обозрѣть наказательное учрежденіе въ Сибири. Прежде онъ докладывалъ дѣла на консультаціи и участвовалъ въ кое-какихъ дѣлахъ при слѣдствіи, ревизіяхъ и пр. Я ничего не знаю изъ работъ его, а изъ словъ его узнаешь мало. Отличную сторону его характера составляетъ прямота, благородство и отвращеніе отъ всякихъ мелочей. Л. А. Перовскій видѣлся съ нимъ по пріѣздѣ его изъ Сибири, слушалъ его разсказы и (какъ говорилъ мнѣ Н. И.) предлагалъ ему мѣсто губернатора въ Сибири. При недостаткѣ административной практики, едва-ли въ немъ будетъ довольно ловкости, расторопности и рѣшительности. И едва-ли не лучше ли ему быть членомъ коллегіи.

*

Я часто ропщу на неудовлетворительное положеніе нашего уголовнаго правосудія. Я нахожу, что я правъ въ одномъ: у насъ нѣтъ *правосудія*, а есть судъ, постигающій тѣхъ несчастныхъ, которыхъ предаютъ въ сердцахъ, не нарочно отъ нечего дѣлать. Настоящихъ мерзавцевъ судъ постигаетъ рѣдко, и если постигаетъ рѣдко, имъ не удается вывернуться, а что касается до низшаго класса, то едва ли для него существовать можетъ правосудіе и наказаніе въ настоящемъ смыслѣ словъ сихъ. Нельзя собственно право судить ихъ: они въ ложномъ неестественномъ положеніи; нѣтъ дѣйствительныхъ наказаній, ибо участь ихъ едва ли не хуже той, какая ожидаетъ ихъ по наказаніи. О, мой Богъ, мой Богъ, какое у насъ правосудіе! Не могу ни замѣтить при этомъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ правосудій самое

худшее Австрійское. Наше хуже даже Австрійскаго, хотя имѣетъ съ нимъ общее то, что инстанціи парализуютъ одна другую. Мнѣ напоминаетъ это лгуна, который, поймавъ какого-нибудь простячка крестьянина или шляхтича, вретъ ему всякій вздоръ, несетъ околесную и чтобы прикрыть ложь и обманъ, путаетъ его сторонними разсказами. Останавливается, уходитъ, приходитъ и кончаетъ, когда простякъ или шляхтичъ, не выдержавъ убѣжалъ и сгинулъ. Я серьезно думаю отказаться отъ мѣста. Надобно служить съ пользою, а здѣсь я никакой пользы принести не могу.

*

Замѣчательны свѣдѣнія о Государственныхъ крестьянахъ Устьсысольскаго уѣзда, Вологодскаго уѣзда. Нераспорядительное начальство другой годъ попускаетъ буйствовать и смѣяться своему безсилію ничтожныя селенія, подстрекаемыя крестьянами поповыми. Я почти увѣренъ, что Государю происшествіе это представлено въ другомъ видѣ, оно ничтожно, но оно замѣчательно, по очевидной недостаточности сельскаго управленія и безсилію мѣстнаго начальства.

*

Это почти непонятно, я третій день безъ копѣйки и бьюсь какъ рыба объ ледъ. Но, повѣрятъ ли этому мои Саратовскіе? А это такъ и такъ по моей не расчетливости.

Графиня Юрія Петровна Строгонова желала поручить мнѣ управленіе дѣлами С.-П.бургскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ; мнѣ хотѣлось бы хорошо и поближе узнать членовъ этого Совѣта, и я изъявилъ согласіе, но графъ В. Н. Панинъ разсудилъ иначе и рѣшительно запретилъ брать стороннее занятіе, находя, что и своихъ довольно и предполагаетъ дать нѣкоторыя законодательныя работы, впродолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ. Жаль, что не удалось мнѣ сблизиться съ графинею, но не удалось мнѣ, графъ правъ: едва ли бы дамскій Совѣтъ не увлекъ и не отвлекъ меня отъ министерскихъ занятій.

Сегодня 26 Мая 1843 г. пріѣхала ко мнѣ сестра Евлампія. Стало быть надо поразвлечься и потѣшить мою милую Саратовку.

Графъ сказалъ мнѣ: составленіе уголовнаго уложенія приняло хорошее направленіе, графъ Блудовъ согласился на представленіе его и представилъ министру юстиціи сдѣлать на оконченную часть (о преступленіяхъ и наказаніяхъ) свои замѣчанія, до внесенія въ Государственный Совѣтъ. Министръ прибавилъ, что онъ настоялъ на этомъ для того, чтобы поручить разсмотрѣніе уложенія мнѣ, послѣ собственнаго его обозрѣнія, которымъ онъ займется во время отпуска (въ Августѣ). Совершенно не понимаю, за что такая честь мнѣ, надобно приготовиться и предварительно изучить уложенія иностранныя послѣднихъ годовъ.

Сегодня 3 Іюня 1843 г., я проводилъ сестру мою. Какая-то пустота вокругъ меня и какая-то тоска въ сердцѣ.

*

И Римляне, позднѣйшихъ временъ, Нѣмцы и Французы прошедшаго и текущихъ столѣтій говорили о невыгодномъ условіи женщинъ въ обществѣ и наконецъ о неудовлетворительности условія брака, теперь эта тема сдѣлалась общею и можетъ быть введеніе въ ея убѣжденіе поведетъ къ совершенному отмѣненію формъ этого важнаго, религіознаго и гражданскаго акта. И семейства и государство должны противодѣйствовать этому пагубному ученію и найти болѣе важныя ограженія соотвѣтственности браковъ и средства устронять тѣ недостатки, подъ предлогомъ которыхъ охуждается обрядъ или таинство брака.

Я нынче (20 Іюня 1843 г.) опять не имѣю денегъ на обѣдъ, такая безрасчетливость!

*

Сегодня графъ В. Н. Панинъ (30 Іюня) рекомендовалъ меня своему товарищу, бывшему здѣшнему губернатору д. с. с. Василію Александровичу Шереметеву. Нынѣ я и узналъ о его назначеніи, которое безъ сомнѣнія многихъ поразило. Думаю, что онъ назначенъ по представленію или по крайней мѣрѣ съ согласія графа. Это похоже на его выборъ, на его систему. Шереметевъ человѣкъ хорошей фамиліи съ хорошимъ состояніемъ, дѣятельный, умный и—аристократъ. Сколько я могъ замѣтить, графъ взялъ себѣ на умъ пріостановить по возможности развитіе и напоръ выходцевъ, втирающихся въ служебную аристократію, стараясь занимать ее аристократами рожденными, ихъ привлекаетъ онъ въ министерство, имъ даетъ мѣста, ихъ посылаетъ въ Сибирь. Онъ хочетъ, чтобы, наученные и испытанные, они крѣпко и умно держали въ народѣ власть Государя, устраняя своими личными преимуществами и знаніями ропотъ умныхъ разночинцевъ на незаслуженное покровительство и удовлетворяя требованіемъ общества своимъ отчетливымъ и опытнымъ управленіемъ. Безъ сомнѣнія это хорошо, хотя немного своекорыстно, немного тѣсно и немного поздно принимается эта система. Буду имѣть случай узнать Шереметева. Любопытно видѣть, какъ они сладятся съ графомъ, съ которымъ трудно раздѣлить что-нибудь. Какъ человѣкъ большого ума, графъ любитъ господствовать. Мнѣ кажется, что онъ способенъ выжать меня, какъ лимонъ, и бросить. Смѣшно думать такъ послѣ всѣхъ видимыхъ отличій, которыми онъ поощряетъ трудную службу мою; но я таковъ: безъ прямоты и довѣрія, безъ искренности и добросовѣстности я въ спутники не гожусь.

*

Если бы Государь вначалѣ царствованія далъ другое направленіе и повелъ иначе, цѣня, какъ Петръ I-й, болѣе личность, нежели наслѣдственность, болѣе дѣло, нежели слово, конечно послѣ этого многое измѣнилось, но тѣмъ не менѣе направленіе дано, и Екатерининскаго епатріархальнаго учрежденія быть уже не можетъ. Явилось высшее дворянство новое, которому чужды и инстинкты и преданія стараго, оно не можетъ съ ними слиться и ведетъ своихъ приверженцевъ; 14-й классъ умножается до милліона, образованность обобщаетъ понятіе, газеты даютъ извѣстность, толкуютъ объ огражденіяхъ и ручательствахъ и, думая, можетъ быть, пустить пыль въ глаза, знакомятъ съ этими понятіями и утверждаютъ требованія. Многое готовится въ наше время по видимому спокойное, беззаботное. Не нравится мнѣ одно: у насъ начинаетъ пахнуть какими-то интригами, есть какой-то гордый произволъ при видимой терпимости, какія-то уловленія при наружной откровенности. Что̀ касается до меня, мнѣ очень бы хотѣлось узнать провинцію и отдохнуть тамъ тѣломъ и духомъ. Во всякомъ случаѣ я не измѣнюсь и буду идти прямо; авось исполнится, что я всегда утверждалъ, что прямота рано или поздно возьметъ свое и что государство вознаграждаетъ добросовѣстную службу. Не удастся—кто будетъ въ проигрышѣ?

Нынѣ 4 Іюля Б. К. Данзассъ навѣстилъ меня, чтобы объявить о пожалованіи меня кавалеромъ Станислава второй степени. Я очень благодарилъ его за личное ко мнѣ участіе. Я не слишкомъ радъ этой наградѣ. Надобно написать матери.

*

Я читалъ книгу о Маркиза Кюстина La Russie en 1839. Бѣглый взглядъ Европейца на нашу Россію выраженъ въ ней вѣрно. Къ сожалѣнію онъ мало былъ у насъ, и оттого большая часть его замѣчаній передаетъ или общее, давно извѣстное мнѣніе, или наглядное наблюденіе маркиза, не нашедшаго у насъ удобствъ другихъ Европейскихъ столицъ, не усвоившаго себѣ нашего положенія и завистливо смотрящаго на наше роскошное могущество. Есть въ книгѣ и сплетни, заведенныя господиномъ маркизомъ еще ва пароходѣ, есть черты вѣрныя. Надобно долго пожить съ нами, чтобы узнать насъ и признать необходимость многихъ учрежденій и обыкновеніе нашихъ, кажущихся съ перваго взгляда странными и противными. Во всякомъ случаѣ никто не усумнится, что развитіе наше въ ходу, что главный двигатель его самъ Государь и что западные наклики о революціи въ Россіи порождаются частію завистью, частію одностороннимъ воззрѣніемъ. Чѣмъ меньше мы будемъ принимать Европейскаго, тѣмъ постепеннѣе и прочнѣе будутъ наши успѣхи. Но принимая Европейское въ одномъ

или сверху, надобно принимать его и въ другомъ или снизу. Теперь это не совсѣмъ такъ, и во многомъ замѣчается чувствительное противорѣчіе. Со времени Екатерины, еще болѣе Александра и особенно нынѣ царствующаго Государя (учрежденіе о губерніяхъ, работы Сперанскаго и сводъ) правительство старается ввести порядокъ, основанный на законѣ. Пишутъ законы, блюдутъ за ихъ исполненіемъ, ограничиваютъ произволъ, стараются внушить націи довѣріе, но это идетъ не успѣшно: законы пишутся людьми мало свѣдущими, законы не хороши; исполненіе и соблюденіе ихъ безотчетно и потому исполняется и соблюдается одна форма, произволъ (это хитрый и тѣмъ худшій произволъ) облекается законностью. Довѣрія нѣтъ къ закону, ибо онъ не хорошъ, да притомъ хорошъ или худъ его, не знаютъ, потому что его издаютъ безъ совѣта и спроса: законъ въ дѣлѣ, а дѣло канцелярская тайна. Спрашиваютъ: законъ. Вамъ даютъ чиновника, безконечныя инстанціи, необъятную переписку. Законъ въ рукахъ чиновниковъ, а чиновники и лично и по содержанію не имѣютъ никакого достоинства, лично, потому что мало образованныхъ и слишкомъ велика зависимость ихъ дѣлъ и самаго общественнаго мнѣнія отъ высшихъ, по содержанію, потому что его мало и пополняется оно взятками. Противорѣчіе важное, послѣдствія котораго тѣмъ опаснѣе, что они не примѣтны и развиваясь тихомолкомъ, могутъ обнаружиться только тогда, когда, подмывъ основаніе разрушатъ зданіе съ громомъ и ломомъ, какъ въ пожарахъ, въ Кузнецкѣ, Перми, Казани, какъ въ буйныхъ шайкахъ крестьянъ нашихъ Восточныхъ провинцій.—Второе противорѣчіе—это введеніе просвѣщенія, нравственнаго равенства въ разъединенное чинами и сословіями наше общество. Наше время идетъ скоро, все развивается и распространяется быстро. Не движенія и движенія желаю я, но я желаю введеніе органовъ, посредствомъ которыхъ бы законъ составлялся и наблюдался осмотрительно и существенно, я желаю открытія путей, которыми бы недостатки и злоупотребленія обнаруживались и удостовѣрялись лучшіе. Такъ ли сякъ ли, но я надѣюсь достигнуть этого. Государь не попрепятствуетъ подобнымъ мѣрамъ. Остается желать, чтобъ какой нибудь опытный и безкорыстный совѣтникъ напомнилъ объ этомъ, сталъ между народомъ и правительствомъ (разумѣется на время), иначе будетъ діархія. Управленіе и судъ, ограниченные огражденіями, невольно устроятся лучше. И безъ совѣтника это сдѣлается, только позже и, къ сожалѣнію, уступка тогда будетъ вынуждена, а всякое вынужденное согласіе лишено за ранѣе существеннаго качества дѣйствія—добросовѣстности. Безъ добросовѣстности необходимы интриги, ухищренія, пронырства и уловленіе, съ которымъ тѣсно связаны козни и подлости.

Я видѣлъ огромный парадъ въ Красномъ Селѣ, передъ выходомъ войскъ изъ лагеря, я слышалъ громогласную команду Государя, я любовался зрѣлищемъ восьмидесяти тысячъ войска, проходившаго мимо ставки Императрицы.

Любя всѣхъ, я никого не люблю особенно и оттого никѣмъ не любимъ; я не знаю человѣка, котораго самолюбіе не было оскорблено мною или похвалою, или порицаніемъ или насмѣшкой. Съ низшими тонъ покровительства, съ высшими противорѣчіе. Кто меня полюбитъ, кто обо мнѣ пожалѣетъ!

Въ то время какъ мы торжествуемъ рожденіе сына Николая у Цесаревича Наслѣдника, и изъ Пруссіи, изъ Позена получено извѣстіе о сдѣланномъ покушеніи на жизнь Государя. Я не могу безъ содроганія думать о послѣдствіяхъ подобнаго несчастія. Государь такъ силенъ волею и вліяніемъ нравственнымъ, восемнадцатилѣтнее могущественное царствованіе такъ глубоко запечатлѣлось въ Европейской дипломаціи и народныхъ умахъ, что отсутствіе государя какъ бы не былъ хорошъ его наслѣдникъ, непремѣнно произведетъ колебаніе, опасенія и самыя безпокойства. Но я совершенно не понимаю Познанскаго дѣла, надобно ожидать сплетенъ и вранья въ иностранныхъ газетахъ и если правда, что Государь просилъ прекратить всякое изысканіе, едва ли можно надѣяться на открытіе истины, а она важна и даже необходима въ дѣлѣ, которое могло имѣть столь великія послѣдствія и которое можетъ быть въ связи съ другими настоящими и будущими. Государь и Государыня съ Княжнами и Наслѣдникъ въ Москвѣ (26 Сентября). Благодарятъ ли они Бога за избавленіе отъ Познаннскаго покушенія или за рожденіе сына—внука, неизвѣстно. Я думаю и то и другое.

*

Не знаю, говорилъ ли я въ „Дняхъ и Трудахъ“ моихъ о молодомъ человѣкѣ Павлѣ Петровичѣ Хрущевѣ, это цвѣтокъ молодого разсадника. Онъ сынъ дворянина весьма хорошей фамиліи, племянникъ генералъ-адъютанта Бибикова, имѣлъ небольшое состояніе, былъ всѣми любимъ и, готовый вступить на блестящее поприще, на дняхъ внезапно скончался. Миръ праху твоему, мой молодой и прекрасный другъ!

Вы ропщете на Кюстина, Вы называете его лжецомъ, сплетникомъ и невѣжею. Конечно маркизъ виноватъ въ томъ, что много наболталъ и нерѣдко вымышленными и приправленными разговорами съ Государемъ и царскою фамиліею старался придать видъ истинный своему описанію. Конечно поверхностный наблюдатель, запоздалый маркизъ много написалъ суетныхъ, шаткихъ теорій, мудрствуя по-

своему и бросая памфлеты Парижскимъ своимъ недругамъ. Да, вы, кажется, не обратили вниманія, что въ сущности сочиненіе его носитъ печать внутренней глубокой ненависти къ современному порядку къ Россіи и особенно къ Государю и что эта ненависть принадлежитъ не временному гостю, а закоренѣлому аристократу, уязвленному въ самое сердце. Пишетъ Кюстинъ, но въ душу ему дуетъ Русскій, ренегатъ, освистанный честолюбецъ. Взгляните съ этой точки и вы легко отдѣлите сплетни и легкомысліе Француза отъ ядовитыхъ замѣчаній его внушителя. Въ особенности рѣзки черты нашей администраціи, какъ напр. о законности по однимъ формамъ, а законности формъ по одному произволу, а смертная казнь, существующая на самомъ дѣлѣ, о вліяніи Царскихъ словъ на толпы, въ особенности слуховъ о свободѣ крѣпостныхъ, объ уваженіи или страхѣ питаемомъ къ власти и пр. Въ самыхъ анекдотахъ, переданныхъ маркизу уязвленнымъ аристократомъ, видна личная ненависть Государю, приправленная завистью самого француза къ Россіи, таковъ напр. разсказъ о смерти Пушкина и совершенно искаженная сплетня, въ которой молодой поэтъ вовсе не мнилъ о славѣ къ затмѣнію славы самодержца, а просто на просто, неосторожно и съ глупою дерзостію разругалъ клевретовъ трона, слишкомъ глупыхъ, чтобы понимать государство и при томъ такое, какъ Россія. Ненависть Француза видна въ поверхностномъ мнѣніи о Пушкинѣ, но, пристрастіе въ сторону, нельзя не отдать справедливости образованному путешественнику: въ основаніяхъ упреки его справедливы. Желательно, чтобы какой нибудь государственный умъ Западнаго края пожилъ у насъ подолѣе. Многое въ Россіи есть слѣдствіе необходимости, многое не удобопонятно для завистника и вообще иностранца, но многое дурно и должно быть измѣнено. Повторяю, въ описаніи маркизъ правъ, и книга его есть услуга важная.

*

Мы имѣемъ прекрасную итальянскую оперу, лучше которой едва ли есть что нибудь на свѣтѣ: Рубини, Гарсія и Тамбурини, но эта опера мнѣ какъ бѣльмо на глазу. Смотря на наше общество и недостатки, я всякое преобладаніе иностраннаго считаю новымъ препятствіемъ для нашего развитія. Смотря на грубость нашего народа, я не могу понять, неужели запретительная система въ торговлѣ необходима, а для нравственнаго и художественнаго образованія необходимо порто-франко. Господа, вторженіе Нѣмцевъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія отдалило наше развитіе, поколебало кредитъ и сдѣлало тысячи банкротствъ.

*

Великій князь Михаилъ Павловичъ возвратился изъ путешествія и, говорятъ, не нахвалится Англіею, даже упряжь Англійская нравится ему болѣе Русской. Нельзя при этомъ не замѣтить, что мы переживаемъ новую эпоху, которую хотятъ называть Русскою. Подражая и заимствуя въ продолженіи полутора столѣтія, мы хотимъ поворотиться назадъ и развивать элементъ Русскій. Прежде брали и хорошее и дурное, потому что оно иностранное; нынче мы не хотимъ даже хорошаго, потому что оно иностранное. Не поздненько ли? Не держаться ли прежняго, и при томъ искреннѣе? Не ввести ли общины, центральныя власти, не ввести ли какую нибудь палату? Мнѣ кажется это соединимо съ самодержавіемъ и даже съ централизаціею.

Еще не стало одного молодого человѣка, полнаго надеждъ и богатаго талантами. Баронъ Раденъ, чиновникъ второго отдѣленія Императорской канцеляріи, внезапно скончался. Онъ отличался быстротою и смѣтливостію ума, принималъ дѣятельное участіе въ составленіи свода Остзейскихъ провинцій и въ кратковременную службу пріобрѣлъ довѣріе графа Блудова, который всегда поощрялъ труды его. Молодой человѣкъ былъ единственною опорою семейства.

*

Опасенія мои на счетъ Министра начинаютъ сбываться. Встрѣтя сильное противодѣйствіе и не имѣя никого искренне съ нимъ связаннаго дружбою или единствомъ плана, онъ много имѣлъ непріятности въ Совѣтѣ, онъ такъ возстановилъ противъ себя стать секретарей (даже такихъ, какъ Гаврилъ Степановичъ Поповъ), что непріятности эти продолжались и съ назначеніемъ, повидимому пріятеля графу Панину, Н. И. Бахтина. Я опасался, что министръ откажется отъ министерства и, найдя ничтожный предлогъ уѣдетъ въ чужіе края или въ деревню. Опасеніе это сбылось въ половину: министръ сложилъ съ себя управленіе уголовнымъ правосудіемъ, избравъ себѣ товарища, оппозицію встрѣтилъ онъ всюду, въ старой и новой аристократіи: въ старой, потому что, изъ молодыхъ ранній, онъ не уважалъ въ другихъ ни старости, ни заслугъ. Князь Д. В. Голицынъ, графъ Воронцовъ и всѣ пожилые сановники знали графа мальчикомъ, а онъ дѣйствуетъ самостоятельно и даже указываетъ имъ. Въ новой аристократіи, потому что онъ въ душѣ преданъ старой и терпитъ или сноситъ новую какъ необходимость, зная ее только въ дѣлахъ службы. Товарищемъ себѣ онъ избралъ аристократа, но В. А. Ш. слишкомъ внезапно попалъ на это мѣсто, и потому иногда въ дѣлахъ государственныхъ имѣетъ воззрѣніе губернское, чрезвычайно тѣсенъ въ своемъ кругозорѣ, а, какъ человѣкъ новый, чрезвычайно робокъ въ своихъ сношеніяхъ, однимъ словомъ, человѣкъ наименѣе способный замѣнить графа и

наиболѣе можетъ показать его необходимость. Можетъ быть, полагая, что составленіемъ уголовнаго уложенія во второмъ отдѣленіи Императорской канцеляріи, часть эта, отнятая такимъ образомъ у министерства, будетъ окончательно устроена, графъ думаетъ заняться частію гражданскою, которую онъ всегда считалъ выше уголовной, и привести ее въ лучшее состояніе. По моему мнѣнію, министерству слѣдуетъ заняться устройствомъ наказательныхъ учрежденій, это дало бы возможность ввести ихъ въ наше вѣдомство, и спросить соизволеніе Государя на командировку для обозрѣнія главнѣйшихъ учрежденій наказательныхъ въ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи, Бельгіи и Польши и потомъ обозрѣть на мѣстѣ и точнѣе наши учрежденія и составить планъ постепеннаго устройства ихъ. Порученіе это я желалъ бы исполнить самъ, я взялся бы обозрѣть Европейскія учрежденія въ теченіе года и даже восьми мѣсяцевъ, начавъ Польшею и кончивъ Италіею. Для этого мнѣ нужно около трехъ тысячъ серебромъ. Потомъ въ столько же времени обозрѣть учрежденія наши. Для этого мнѣ нужно столько же. Я составилъ бы планъ и обработалъ бы это дѣло съ большимъ удовольствіемъ. Отчетъ мой, говорятъ не войдетъ въ записку, представляемую Государю, потому будто бы, что состояніе уголовнаго правосудія изображено въ немъ ужасными красками. Вопросъ: справедливо ли или преувеличено это изображеніе? Если справедливо, то министръ обязанъ представить государю; если не справедливо я долженъ, написать другой. Нѣтъ, у насъ всегда ограничатся полумѣрами и сейчасъ найдутъ справку (ревизія Сибири сенаторомъ Толстымъ), а потомъ мы будемъ роптать, что для насъ ничего не дѣлаютъ, тогда какъ скорѣе, слѣдовало бы сказать, что мы ничего не требуемъ. Я посмотрю, чѣмъ разыграется эта исторія.

*

Еще годъ прошелъ. Дай Богъ памяти вспомнить и записать что нибудь о 1843-мъ наканунѣ 1844 г. Ничего, почти ничего, кажется, время и отношеніе, вырванныя изъ историческаго лона событіями, 1789—1815 гг. начинаютъ устанавливаться. Броженіе, колебанія прекращаются и образуется мало-по-малу новое историческое право, порядокъ вещей раціональный. Еще слышны отголоски революціоналныхъ волненій въ Испаніи и при Дунайскихъ земляхъ, въ Греціи и нѣкоторыхъ республикахъ Американскихъ, еще видимы воинственныя попытки завоеванія Востока. Но тишина видимо и прочно водворяется въ правительствахъ, Французскомъ доктриною Гизо, ароціональное право и учрежденіе вырабатываются изъ туземныхъ элементовъ Германіи и Россіи. Утвержденіе законности требуетъ усовершенія и развитія законовъ. Направленіе это такъ сильно, что даже въ Пруссіи не сомнѣваются въ назначеніи нашего вре-

мени къ законоположеніямъ. Развитіе совершается снизу вверхъ, а не съ верху внизъ, какъ прежде. Почти во всѣхъ государствахъ составлены и изданы новыя уголовныя уложенія. Оградя личность, примутся за собственность. У насъ эти года замѣчательны обнаруживаніемъ недостатковъ внутренняго управленія, въ особенности полиціи и суда, ввѣренныхъ д. с. с. Перовскому и графу Панину. Л. А. Перовскій началъ свои дѣйствія распорядительными мѣрами въ столицѣ. Онъ немного переступилъ полицейскіе предѣлы и зашелъ съ одной стороны въ вѣдомство торговли, а съ другой въ вѣдомство судное назначеніемъ шпіоновъ и особыхъ комиссій. Въ концѣ года онъ составилъ проэктъ, учрежденіе губернскихъ правленій. Жаль, что онъ хочетъ сдѣлать ихъ палатами М. В. Дѣлъ и что онъ началъ преобразованіе сверху внизъ. Многіе охуждаютъ выборъ его губернаторовъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ поступаетъ съ ними немного по наѣзднически.—Графъ В. Н. Панинъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ графомъ Блудовымъ. Ошибку или путаницу эту началъ еще Сперанскій, когда, по примѣру Прусскаго учреждено у насъ нѣчто въ родѣ законодательнаго министерства. Эта мѣра у насъ (гдѣ вовсе нѣтъ еще исторической почвы) была преждевременна: у насъ рано думать объ уложеніяхъ, надобно вырабатывать законы, а не улагать ихъ, надобно сочинять, постановлять и развивать законы, а не пересматривать ихъ. Графъ Панинъ все еще думаетъ, едва ли на что нибудь рѣшится; онъ вполнѣ убѣжденъ, что наше время еще зыблется и начала не установились. 1843-й годъ замѣчателенъ предположеніемъ о введеніи поземельной вмѣсто подушной подати, измѣненіемъ общаго губернскаго управленія, составленіемъ уголовнаго уложенія, ограниченіемъ производства, чиновниковъ третьяго разряда, введеніемъ порядка наградъ крестами по мѣстамъ, новымъ уставомъ цензуры, новыми касками, новыми деньгами, новыми операми. Въ нынѣшнемъ же году намъ сказали великую истину, что у насъ есть каталоги и этикеты, есть даже переплеты, но дѣлъ, вещей, листовъ нѣтъ, что мы передразниваемъ, но не перенимаемъ, что мы, вопреки природѣ и прошедшему, приняли наружность не свойственную намъ. Въ самомъ дѣлѣ, формальность, очистка, поверхность подавляютъ у насъ существо, и такъ какъ это противорѣчіе внѣшняго съ внутреннимъ производитъ ложное положеніе, то у насъ почти все не добросовѣстно, не искренно и мелочно.

*

Трудно представить, до чего доходятъ голодъ и жажда злата. Наши высшіе сановники дѣлаются пронырами, скупщиками, ростовщиками въ откупахъ, подрядахъ и особенно въ золотопромышленности. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательно извѣстныя мнѣ дѣла Тита Зотова и

Голубкова съ Рязановымъ. И у того, и у другого хотятъ отнять пріиски и прежде нежели отняли у перваго, Наслѣдникъ проситъ участокъ своему адъютанту Паткулю, графъ Орловъ, сенаторъ Безобразовъ просятъ себѣ части, а Титъ Зотовъ, чтобы имѣть защиту, взялъ въ половину графиню Толстую, сестру Л. А. Перовскаго. У второго еще не отняли, а между тѣмъ статсъ-секретарь Карнѣевъ вошелъ съ Рязановымъ въ сдѣлку, выхлопоталъ черезъ комиссію прошеніе повелѣній о пересмотрѣ и принялъ на себя ходатайство.

*

Поѣздка моя въ Нѣмецкія наши губернія (Гельзингсфорсъ, Ревель, Ригу и Митаву) продолжалась съ 28 Іюля по 15 Сентября; она началась пріятнымъ пребываніемъ въ Финляндіи, кончилась непріятнымъ пріѣздомъ въ Петербургъ, гдѣ я засталъ брата. Наблюденія и замѣчанія мои собраны въ особой тетрадкѣ. Теперь я не имѣю ни головы, ни досуга, чтобы заняться выводомъ общихъ результатовъ и въ особенности обработкою моей бѣглой ревизіи тюремъ, съ которою соединяется предположеніе объ устройствѣ суда и расправы надъ Русскими, слишкомъ подчиненными Нѣмецкимъ правамъ и обычаямъ.—Можно съ достовѣрностью предполагать, что графъ Панинъ не хочетъ быть министромъ. Онъ желаетъ главнаго завѣдыванія законодательною частію. Можетъ быть, ему даже передано объ этомъ отъ Государя.

*

Одинъ злой языкъ сказалъ, 6 Декабря, что министръ в. д. въ этотъ день печетъ губернаторовъ, а весь годъ потомъ ихъ допекаетъ, что въ этотъ день обыкновенно выходитъ новый прейскурантъ не распроданнымъ дряннымъ винамъ: Г. N. N. въ генералы, Г. А. А. въ полковники и такъ дальше.—Особенно смѣшны извѣстія съ Кавказа. Тамъ Шамиль, говорятъ, на оцѣнку головы его генералу Нейгарту отвѣчалъ, что онъ не цѣнитъ головы генерала, потому что она ничего не стоитъ и чтобы не прислали вмѣсто нея другой, которая во всякомъ случаѣ будетъ умнѣе и слѣдовательно, для горцевъ опаснѣе. Между тѣмъ (смѣхъ въ сторону) перемѣщенія и производства и отдѣльныя наши управленія требуютъ серьезнаго размышленія. Мы такъ подчинили нашему произволу главныя мѣстныя начальства, что они потеряли всякое достоинство, не могутъ отвѣчать за завтрашній день, не могутъ обѣщать поощренія за самую полезную заслугу. Бѣдный Кавказъ не находитъ себѣ управляющаго; говорятъ, предлагаютъ А. П. Ермолову, который и будто бы соглашается съ условіемъ, чтобы въ случаѣ отозванія мѣра эта принята была не иначе, какъ по истребованія объясненія.

*

Я читалъ „Разысканіе о убіеніи Евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ“, напечатанное по приказанію г. м. в. дѣлъ 1844 г.“ Не знаю, кто писалъ этотъ бѣглый обзоръ (можетъ быть, В. И. Даль или генералъ-маіоръ Каменскій) и для чего напечатано это во многихъ отношеніяхъ поверхностное разысканіе о столь важномъ предметѣ, въ которомъ соединяются интересы народные, религіозные и юридическіе. Можетъ быть, Левъ Алексѣевичъ, поборая государственное единство, думаетъ, принявъ энергическія мѣры, очистить отъ Евреевъ наши Западныя губерніи. Памятны имъ гоненія, воздвигнутыя въ Велижѣ 1823 г. и въ Мстиславлѣ по контрабандному дѣлу 1844 г. Брошюра замѣчательна по своему предмету, но бѣдна содержаніемъ, лишена безпристрастнаго взгляда, не имѣетъ достоинствъ ученаго изслѣдованія и даже полнаго собранія свѣдѣній. Не ищите здѣсь ни точныхъ источниковъ, ни вѣрныхъ указаній, ни оцѣнки событій. Это бѣглое изложеніе свѣдѣній, почти всеизвѣстныхъ, направленное къ тому, чтобы доказать, „что убіеніе христіанъ Евреями для полученія крови существуетъ; что обрядъ сей извѣстенъ и исполняется сектою Хасидовъ или Хасидымъ, и что понынѣ являются между Жидами фанатики и кабалистическіе знахари, которые съ этою двоякою цѣлію посягаютъ на мученическое убіеніе христіанскаго младенца и употребляютъ кровь его съ мистическп-религіозною и мнимо-волшебною цѣлію. Польша и Западныя губерніи наши, служащія со времени среднихъ вѣковъ убѣжищемъ закоренѣлаго и невѣжественнаго жидовства, представляютъ и понынѣ самое большое число примѣровъ подобнаго изувѣрства, особенно губернія Витебская, гдѣ секта Хасидовъ значительно распространилась. Можетъ быть, все это правда; но я повѣрю тому не прежде, какъ получу убѣжденіе, котораго не можетъ мнѣ дать это разысканіе. Весьма легко, сидя въ кабинетѣ, разсуждать о виновности лицъ, освобожденныхъ судомъ отъ отвѣтственности, какъ напр. по Велижскому дѣлу: не трудно признать эту виновность и будучи въ составѣ временной комиссіи, но трудно постановить приговоръ судебный, когда человѣческое убѣжденіе не подкрѣпляется тѣми доказательствами, которыя преподаны судьѣ для успокоенія его совѣсти и при которыхъ всякая кара не вполнѣ доказаннаго преступленія есть въ свою очередь преступленіе, угрожающее виновному и невинному.

*

1845 г. И. В. Капгеръ назначенъ и. д. директора нашего департамента на мѣсто Б. К. Данзаса. Данзасъ, говорятъ, сынъ князя Дмитрія или Бориса Владимировичей Голицыныхъ, учился въ Лицеѣ стараго времени, онъ имѣетъ слѣдовательно энциклопедическія свѣдѣнія, которыя впослѣдствіи развились чтеніемъ и свѣтомъ, имѣющимъ въ Дан-

засѣ преданнаго сына. Я знаю его съ 1841 г. и два года работалъ съ нимъ постоянно. Отдавая справедливость разнообразію его свѣдѣній, быстротѣ понятій и памятливости случайностей (три превосходныя качества въ дир. д. М. Ю.), я долженъ также упомянуть о трехъ недостаткахъ его: излишняя преданность свѣту, и особенно аристократіи, къ которой онъ думаетъ принадлежать, на которую онъ надѣется и которая его обанкротитъ, непривычка къ письму, ставящая его въ зависимость по работамъ съ нами, и упорство въ частностяхъ, которыя онъ взялъ себѣ въ голову. Идя всегда подъ покровительствомъ князя Голицына, онъ мало знаетъ нашъ классъ малыхъ чиновниковъ, не имѣетъ дисциплинарнаго дара начальника и, при всей благонамѣренности, часто несправедливъ. Недостатки сіи постановили его въ совершенно ложное положеніе, особенно съ назначеніемъ товарищемъ В. А. Шереметева. Ложное положеніе повело къ другимъ, даже въ мелочахъ, къ ложнымъ дѣйствіямъ, и этотъ благонамѣренный отъ природы человѣкъ невольно низошелъ до сплетень, развѣдываній и повѣреній. Мнѣ жаль было его и я почти радъ, что онъ вышелъ изъ департамента, хотя сомнѣваюсь, чтобъ онъ могъ выдти изъ ложнаго положенія. Вести преимущественно лицеистовъ, способствовать опредѣленію молодыхъ людей лучшихъ фамилій, имѣть приглашенія и пожатіе руки вельможъ, поспорить съ министромъ, чтобы показать свою независимость и соперничать съ М. М. Карніолиномъ-Пинскимъ: вотъ главное его правило, по которому я никакъ не могъ сблизиться съ нимъ. Когда-то онъ преставлялся чистымъ и прекраснымъ. Необходимость сломила его. Дай Богъ, чтобы онъ поправился.

И. В. Капгеръ совсѣмъ другой человѣкъ. Такъ какъ онъ былъ подо мною, я знаю только о его недостаткахъ и потому удерживаюсь отъ рѣшительнаго заключенія, но не могу не упомянуть о прекрасномъ качествѣ, это скромность. Онъ всегда былъ далекъ отъ всякихъ искательствъ, еще болѣе отъ всякихъ интригъ. Трудно найти человѣка, который былъ бы лучше носящагося о немъ мнѣнія. Положеніе мое нисколько не измѣнилось, и я по прежнему остаюсь съ М. А. Рюминымъ, который, къ вящему вреду его мѣста, теперь женатъ.

*

Графъ М. С. Воронцовъ назначенъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ на Кавказѣ. Можетъ быть, хромающее управленіе этимъ краемъ въ Петербургѣ кончится; можетъ быть даже онъ иначе поведетъ и военныя дѣла, которыя такъ запутаны. Генералъ Ермоловъ отвѣчалъ о себѣ: я старъ, а горцы поумнѣли. Это умно и основательно. Назначеніе намѣстника есть живое убѣжденіе въ недостаткѣ нашей централизаціи: широка и велика Россія для Французскаго со-

средоточенія въ управленіи. Между тѣмъ какъ генералъ Нейгардтъ (самый формальный исполнитель изъ всѣхъ главноуправляющихъ) ходатайствуетъ о разрѣшеніи дѣла или освобожденіи арестанта, подсудимые перемерли, ссорящіеся помирились или передрались снова. А ходатайствуетъ онъ потому, чтобы министръ сказалъ о немъ доброе слово и чтобы не получить упрека за нарушеніе спасительныхъ Европейскихъ формъ въ Кавказскихъ провинціяхъ. Для меня весьма любопытно будетъ смотрѣть на дѣйствія нашего южнаго вице-короля, назначеніе котораго произвело во всѣхъ самое выгодное впечатлѣніе. Опасаюсь я этихъ г. г. Чернышевыхъ и Позеновъ, которые готовы запутать новаго намѣстника. У насъ тоже двуцарствіе и управленіе хоть брось. Не понимаю я цѣли этого равнодушія графа Панина, роняющаго достоинство цѣлаго вѣдомства. Боже мой! И всѣ эти продѣлки существенно связаны съ важнѣйшими интересами государства, подчиняются личнымъ видамъ. Это почти не понятно въ наше время и при такихъ умныхъ людяхъ, какъ Государь и графъ Панинъ.

*

Величайшее послѣдствіе Французской революціи есть торжество событій: ихъ принимаютъ по необходимости за право и сколько можно стараются облечь въ формы законности условнаго, писаннаго права. Остается одинъ шагъ до того, чтобы всякое событіе признать законнымъ, потому что оно совершилось. Неограниченная и сосредоточенная королевская власть была противодѣйствіемъ дробныхъ многихъ властей феодальныхъ. Революція была противодѣйствіемъ королевской власти и есть собственно возвращеніе прежнихъ феодальныхъ (властей) раздробленныхъ до безконечности въ каждомъ гражданинѣ. Имперія была противодѣйствіемъ этой анархіи или возвращеніемъ королевской (restauration), постоянными правилами (constitution), реакція конституціоннаго учрежденія обнаруживается въ хитростяхъ ограниченнаго короля и въ противоборствѣ неограниченныхъ напр. Прусскаго, Датскаго. Революція разливала огонь и пламя во имя свободы народовъ; Наполеонъ разрушалъ царства и династіи во имя свободы народовъ. Союзники поборали Европейскаго диктатора тоже во имя свободы народовъ. Три системы, различныя въ существѣ, пользовались однимъ орудіемъ, и какъ революція развела до нельзя кровопролитіе внутреннее, такъ Наполеонъ раздражалъ честолюбіе и славолюбіе до того, что не достало пищи. Онъ довелъ неуваженіе къ существующему до неуваженія самого себя, а союзники распалили народную гордость до той степени, что, едва достигнувъ цѣли, стали уже думать объ удержаніи и охлажденіи воспламененнаго ими стремленія. Въ этой-то игрѣ противоположностей, говорятъ, и состоитъ жизнь и умѣніе политики и власти.

По мнѣнію моему, умѣніе состоитъ въ томъ, чтобы не пробуждать и избѣгать крайности. Талейранъ, Меттернихъ, Кастлре и Гарденбергъ, по низверженіи Наполеона, вызвали начало прежней законности. Начало это не устояло, его уже нѣтъ, ни во Франціи, ни въ Испаніи, ни въ Бельгіи, ни въ Польшѣ. Старое начало не вяжется съ новыми формами. Нѣтъ, доколѣ въ основаніи нашихъ дѣйствій нѣтъ Бога и правды Его, дотолѣ невозможно ожидать счастливаго управленія. Опасайтесь всякихъ мудрствованій человѣческихъ систематиковъ, ибо явятся другіе съ другими системами и поборятъ васъ, и въ этой борьбѣ прольются слезы и кровь и не будетъ счастія, котораго по праву отъ васъ ожидаютъ.

*

Назначеніе графа Воронцова Кавказскимъ намѣстникомъ, принятое всѣми съ такимъ радушіемъ, имѣло послѣдствіемъ между прочимъ увольненіе Мих. Пав. Позена. Талантливый человѣкъ этотъ не по силамъ хотѣлъ помѣриться съ могущественнымъ графомъ и долженъ будетъ безъ боя уступить ему и вскорѣ уступитъ съ позоромъ для себя, какъ школьникъ, котораго приводили на очную ставку и изобличили во лжи и заносчивости.

Много вреда сдѣлало незаслуженное быстрое возвышеніе Позена, нажившаго себѣ значительное состояніе такими способами, которые во всякомъ случаѣ неблаговидны для государственнаго человѣка, какимъ думалъ быть Позенъ. Я считалъ его сбившимся съ пути, когда, оставя Военное Министерство, онъ началъ выдѣлывать себѣ независимое мѣсто и засѣлъ рядомъ съ людьми, какъ напр. гр. Панинъ, гр. Блудовъ, Перовскій, которые головою выше его во всѣхъ отношеніяхъ. Не имѣя большихъ свѣдѣній и всеобъемлющаго ума, онъ, въ новомъ положеніи, не могъ имѣть того самостоятельнаго значенія, которое онъ имѣлъ въ управленіи хозяйственною частію Военнаго Министерства, гдѣ онъ обнялъ предметъ, для настоящаго времени, вполнѣ, обработалъ его отчетливо и установилъ стройно и скоро. Съ Кавказомъ онъ уже не могъ справиться: неизвѣстность мѣстности, множество и разнообразіе предметовъ разсѣяли его и, хватая одни вершки, онъ не зналъ что̀ писалъ, пріѣхавъ послѣ ревизіи съ княземъ Чернышевымъ *) въ Закавказскій Комитетъ. Надобно видѣть зыблемость, неопредѣленность вѣдомства и власти и вялость дѣйствій этого Комитета, чтобъ убѣдиться въ слабости души его, которою

*) Въ Колхиду ѣдетъ вновь Язонъ.
Руно же привезетъ не онъ,
А—Позенъ.
Тогдашняя острота С. А. Соболевскаго. П. Б.

долженъ былъ быть Позенъ. Связавъ главноуправляющаго отчетностью какъ провіантскаго коммисіонера, онъ до того стѣснилъ его своими запросами и дозорами, что главнокомандующій долженъ былъ отписываться въ назначеніи или повышеніи какого нибудь участковаго засѣдателя. Безсиліе, а за тѣмъ и вѣроятное упраздненіе Комитета было слѣдствіемъ съ одной стороны безсилія и мелочной привязчивости управляющаго Отдѣленіемъ, и съ другой— ничтожности производителей дѣлъ, гдѣ между незнающими людьми самый знающій былъ Бутковъ, имѣющій одинъ навыкъ къ работѣ, безъ всякихъ другихъ основныхъ средствъ. Можетъ быть, Позенъ опять всплыветъ на верхъ (трудно); можетъ быть, отставъ отъ марша фаланги, останется внизу. Въ этомъ случаѣ человѣкъ этотъ по прямотѣ взгляда и быстротѣ соображеній будетъ и въ частномъ быту замѣчателенъ. Я совѣтую ему приняться за хозяйство и наковать милліоны, къ чему онъ имѣетъ такъ много наклонности, умѣнья и счастья.

*

Авторъ книжки: la Russie envahie par les Allemands (которымъ несправедливо считаютъ бывшаго директора Вигеля) между многими замѣчательными разсужденіями и свѣдѣніями, сообщаетъ слѣдующій анекдотъ объ императрицѣ Екатеринѣ II-й: Un jour, obligée d'être saignée et présentant courageusement le bras à Rogerson, son médecin anglais, elle lui dit: „saignez, saignez moi bien, afin qu'il ne reste plus une seule goutte de sang allemand dans mes veines“ *). Это похоже на великую Государыню, которая, введя въ Остзейскія губерніи общія учрежденія, писала въ инструкціи генералу-прокурору (кн. Вяземскому), что провинціи эти все въ лѣсъ смотрятъ.

И нынѣ у насъ много Нѣмцевъ, партія Остзейская весьма сильна въ Совѣтѣ и Комитетѣ. Отдѣльность и отвращеніе этихъ губерній отъ насъ очевидны, но господства Нѣмецкаго уже нѣтъ, и преимущества уровнялись съ общими, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ и внутреннихъ губерніяхъ. Невольно добираются до старыхъ установленій Остзеи, и невольно принимаютъ они нашу печать и наши улучшенія.

*

Содержатель сборовъ въ Бессарабіи, бывшій директоръ д. м. ф. по этой части, потомъ попечитель Одесскаго Учебнаго Округа Княжевичъ, за прошедшее пятилѣтіе имѣлъ убытку до милліона рублей. Самъ онъ разорился немного, но разорилъ многихъ залогодателей. Не

---

*) Однажды, когда ей понадобилось пустить кровь, она бодро протянула руку Рожерсону, своему Англійскому врачу, и сказала ему: пускайте, пускайте побольше, чтобы въ жилахъ у меня не оставалось болѣе капли Нѣмецкой крови.—Книжечка, изъ которой это взято, написана Ф. Ф. Вигелемъ. П. Б.

помогли ни сотоварищи, ни братья, ни прежніе сослуживцы. Недовольствуясь этимъ, казна, при новыхъ откупахъ, ввела въ условія особый § о сборѣ откупщикомъ акциза съ вина продаваемаго помѣщиками, не имѣющими собственныхъ заводовъ. Откупщикъ Абаза поддалъ болѣе милліона, и этимъ очевидно нарушаетъ мѣстныя права тамошнихъ помѣщиковъ безъ сношенія съ главнымъ начальствомъ и безъ всякаго вѣдома помѣщиковъ. Начались тяжбы, ходатайства. Откупщикъ угрожаетъ разореніемъ, помѣщики жалуются на стѣсненія и нарушенія правъ, главное начальство представляетъ объ упадкѣ земледѣлія. Дѣло длится третій годъ, томы растутъ, недоимки пополняются. Да отъ чего же все это вышло? Что всего страннѣе, это именно то, чего не хотятъ замѣтить, отъ чего это произошло. Такъ дѣлаются у насъ всѣ дѣла.

*

Сегодня, 17 Марта 1845 г., крещеніе В. К. Александра Александровича и множество милостей: князю Васильчикову—маіоратъ, кн. Волконскому 400 тыс., Принцу Ольденбургскому—Импер. Высочество, графу Нессельроде—канцлерство; генералъ-лейтенантовъ, шефовъ еще болѣе. Трудно согласить ропотъ на награды, особенно Волконскому и Нессельроде. Чины и вообще награды болѣе и болѣе теряютъ цѣну. Это жаль. Умно употребленное орудіе это прекрасный двигатель правительственныхъ видовъ и средствъ пріобрѣтенія замѣчательныхъ талантовъ.

*

Графъ нынче въ шутку сдѣлалъ мнѣ весьма строгое замѣчаніе за отзывы мои, безъ должнаго уваженія, о трудахъ гр. Д. Н. Блудова. Это несовсѣмъ несправедливо. Между тѣмъ (прибавилъ онъ) вчерась, при слушаніи представленія о моей наградѣ, графъ Блудовъ отозвался Комитету съ самой лучшей похвалою о моихъ способностяхъ, о моихъ трудахъ и познаніяхъ. Это мнѣ не совсѣмъ ясно. Я былъ весьма часто различнаго мнѣнія со Вторымъ Отдѣленіемъ, часто для того, чтобы противорѣчіемъ—при безмолвномъ и безусловномъ согласіи моихъ сочленовъ и начальниковъ—выиграть что нибудь въ важномъ дѣлѣ, миновавшемъ рукъ нашихъ. Я всегда уважалъ прекрасныя качества души и быстроту взгляда гр. Блудова. Онъ богобоязливъ, снисходителенъ и имѣетъ многостороннее образованіе; но я всегда замѣчалъ и по выше упомянутой причинѣ не скрывалъ, что труды его, въ полномъ смыслѣ добросовѣстные и просвѣщенные, имѣютъ недостатокъ въ практическомъ примѣненіи и, такъ сказать, не по плечу намъ, слишкомъ явно носятъ печать теоріи и отвѣтствуютъ требованіямъ

болѣе будущаго, нежели настоящаго. Я бы желалъ имѣть случай отблагодарить гр. Блудова за его обо мнѣ мнѣніе.

*

Я читалъ небольшое сочиненіе: La Russie en 1844. Système de législation, d'administration et de politique, par un homme d'etat russe. Если бы не нѣкоторыя грубыя ошибки, то можно бы было дѣйствительно повѣрить, что оно писано Русскимъ. Во всякомъ случаѣ участіе Русскаго очевидно какъ изъ весьма вѣрныхъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о нашихъ отношеніяхъ, такъ и изъ частныхъ извѣстій о мелкихъ событіяхъ и личностяхъ.

Я читалъ „Тарантасъ“ графа Влад. Сологуба. Это сочиненіе имѣетъ большой успѣхъ, написано легко и широко, заключаетъ въ себѣ много Русскаго и должно имѣть полезное вліяніе на насъ, въ томъ сознаніи, что требуетъ вызова. Часто оно напоминаетъ Мертвыя Души Гоголя и излагаетъ въ видѣ путевыхъ разговоровъ и впечатлѣній то сдѣлавшееся почти пошлымъ ученіе о народныхъ элементахъ жизни, которому такъ много поборниковъ, особенно въ Москвѣ, въ пріѣзжающихъ на время и въ недовольныхъ нашихъ путешественникахъ. Я съ ними не совсѣмъ согласенъ; я думаю, что время народности есть періодъ переходный, и потому нечего надъ нимъ долго пріостанавливаться. По мнѣнію моему надобно стремиться къ тому, чтобы положить въ основаніе жизни тѣ общія условія человѣчества, которыя остаются навсегда или по крайней мѣрѣ на долгіе годы. Не могу однако не замѣтить, что ученіе это—естественная реакція иноплеменнаго вліянія съ начала XVIII столѣтія, пробудившееся особенно послѣ 1812 г., довольно распространено и распространяется. Особенно сильна привязанность къ нему въ новомъ поколѣніи, которое быстро растетъ и быстро подвигается поощреніемъ правительства въ видахъ искорененія зла людей прежняго покроя. Не удивлюсь я, если ученіе это проявится и въ актахъ правленія и законодательства. Оно уже и проявляется. Сводъ нашихъ законовъ показалъ и показываетъ неполноту и неудовлетворительность нашихъ учрежденій и постановленій. Пересмотръ законовъ (мысль, заимствованная изъ Пруссіи) дѣлается уже подъ вліяніемъ этого ученія: обращаются къ памятникамъ, ищутъ повѣрки мѣстной, стараются сблизить законъ съ требованіемъ массы.

Нельзя не замѣтить, что, живя подъ иноплеменнымъ вліяніемъ около 140 лѣтъ, живущее поколѣніе должно будетъ сдѣлаться жертвою этой реакціи, какъ терпѣло въ первые годы иноплеменнаго вліянія поколѣніе современное. Итакъ все терпѣть и терпѣть, да въ этомъ-ли назначеніе государства?

*

Я уѣзжаю въ отпускъ къ моей матери, а между тѣмъ здѣсь, въ министерствѣ, готовятся, по видимому, важныя перемѣны. Если вѣрить невѣрному моему сотоварищу, министръ тяготится своимъ товарищемъ, называя его „портретомъ“ приколоннымъ и убраннымъ для живописца. Онъ отпустилъ его до 15 Іюня, по письму своего правителя канцеляріи отсрочилъ ему даже до 24, между тѣмъ нынче 29, его нѣтъ, а графу надобно ѣхать въ чужіе края. Вчерась посланъ курьеръ въ погонъ: если нынче въ 5 часовъ товарищъ не будетъ, подносится указъ объ управленіи министерства сенаторомъ А. Ѳ. Веймарномъ. Надобно признаться, выборы удачны.

Третье путешествіе мое къ матери въ Іюлѣ 1845 года. Я былъ у матери въ 1832 г. по окончаніи курса въ Университетѣ, въ 1840 г. по смерти брата Леонида и въ 1845 г. Запишу это время. Я отправился 29 Іюня. Въ Москвѣ едва успѣлъ видѣться съ А. Е. Кашкиною и В. П. Прончищевою—прекрасною женщиной, какую я когда либо зналъ и видѣлъ. Два-три часа, проведенные съ нею, сблизили насъ душевно, и я полюбилъ ее какъ душу чистую и испытанную, головку хорошенькую и живую, сердце нѣжное и откровенное. Мнѣ кажется, я женился бы на ея дочери, если бы хоть одна совершенно на нее походила.

Взявъ сестру и племянницу-дочь, я поѣхалъ въ Нижній и пріѣхалъ 4 Іюля, упалъ въ ноги и обнялъ мою старушку. Благодарю Бога за это свиданіе, исполнившее душу мою чувствомъ семейнаго кровнаго удовольствія. 8 Августа пріѣхали Константинъ и Клавдій съ женою. И такъ я видѣлъ все мое семейство. Добрая мать моя видимо стала старѣе и слабѣе. Благодаря содѣйствіямъ А. В. П., я думаю о ея устройствѣ. Мать не знала какъ сѣсть, взглянуть и сказать, чтобы угодить своему сыну. Меня это трогало и мучило. Я и она были связаны и въ постоянномъ спорѣ предупредительности. Прекрасное сердце ея часто вздыхало о братьяхъ; взглядъ Мери напоминалъ невозвратную потерю. Милая Евлампія сдѣлала все, чтобы успокоить меня. Я не могъ безъ глубокой признательности видѣть усилія ея сократить пылкость своего характера и—признаюсь—въ этомъ отношеніи пребываніе мое было для нея даже полезно. Она здорова и чувствительна.

Въ Москвѣ я провелъ время съ 11 Августа по 4-е Сентября. Москва снаружи улучшается, строенія чище, бульвары разрослись, лавки очистились, Кремль громоздится, въ противень ему масса—храмъ и черезъ рѣку два моста. Иное пріятно, другое жаль. Кремлевскій садъ очень хорошъ, но Спаса на Бору взяли ко двору. Мануфактура быстро успливается, но она груба, потребители имѣютъ мало вкуса. Площадь, напр. Петровская, обстраивается въ прекрасный

фрунтъ, Кремль весь изъ отличныхъ зданій, но все это томно, скучно и вяло. Можетъ быть, несправедливо говорятъ, что Московскія дамы:

Дурно одѣваются,
Дурно говорятъ по-французски,
Весь день въ блузахъ
Порядочно цинични въ сальныхъ разсказахъ.

Вообще въ Москвѣ много и даже слишкомъ много нараспашку. Прическа, а мужикъ, пестрые панталоны, красная рубашка, блуза и пальто, праздность и болтовство, порицаніе и самоувѣрянность въ большомъ употребленіи. Обманъ и раззореніе еще болѣе. Развратъ. Я пріѣхалъ въ Москву, чтобы видѣть ее. Она были довольно пуста. Небольшія связи мои едва давали мнѣ средства узнать Московское общество. Я его и не узналъ. Послѣ обычныхъ визитовъ я хотѣлъ видѣться съ Московскими учеными: я былъ у М. П. Погодина. Эти люди по прежнему готовы на обветшалые возгласы: Россія необозрима, могущественна, просвѣщеніе льется, поощренія дешевы, народъ-молодецъ. Это не только скучно и глупо, но даже преступно. Возгласы эти вскружили голову, и ѳиміамъ такъ сдѣлался обыкновеннымъ, что требуютъ уже не словъ, а дѣйствій, не похвалъ, а работпства. Я желалъ поговорить съ Московскими учеными о вредномъ вліяніи поощреній какъ ученыхъ или умственныхъ, такъ и промышленныхъ или матеріальныхъ. Поощреніе есть—въ глазахъ моихъ—нарушеніе естественнаго порядка, послѣдовательнаго развитія, а всякое нарушеніе ведетъ къ смѣшенію. Мы дошли до этого времени и слѣдовательно пришли къ противодѣйствію, къ ограниченіямъ. Въ Москвѣ мало видятъ это. Они не знаютъ, что манифестъ о дворянствѣ есть только одна изъ числа многихъ мѣръ, составляющихъ сѣть ограниченій. Я не знаю, скоро ли кончится ребяческое соревнованіе государствъ и народовъ нашего образованнаго міра. Дерзость, напыщенность и близорукое самолюбіе публицистовъ, истребляя личныя достоинства, раздражаютъ это соревнованіе и вредятъ высшимъ христіанскимъ интересамъ человѣчества. Я вѣрю, что это должно помниться, и что тѣмъ вѣрнѣе и обширнѣе будетъ достиженіе, чѣмъ упорнѣе сопротивленіе. Соревнованіе это въ видахъ развитія, даже полезно, выработывая внутреннія силы, національные элементы націй; но для меня прискорбно видѣть злобу этого соревнованія, видѣть, какъ тѣсныя системы стѣсняютъ отношенія частныя и, сторожа о государствѣ, не брегутъ ни человѣка, ни человѣчества. Соревнованіе это начинается тѣмъ, что всякая нація прилагаетъ себѣ эпитетъ „великой“. Такимъ образомъ великая Французская нація, Англійская, Нѣмецкая, Польская, даже Датская и т. п., и всякая великая нація забываетъ о другихъ, съ нею сросшихся,

пренебрегаетъ сосѣдей, ищетъ первенства, образуетъ исключительное свое единство—политическое, административное, церковное, ученое, торговое. Я считаю настоящее положеніе, по преимуществу, переходнымъ. Идея національнаго единства, развившись и вполнѣ отразившись, разольется на всѣ сродныя части, какъ скоро интересы обозначутся, и идея, теорія, сдѣлается цифрою и очевидностію. Назадъ тому лѣтъ 10 никто не думалъ о національной учености, нынѣ даже и объ этомъ думаютъ вопреки всѣмъ явленіямъ общей образованности. Правительства, не говоря объ этомъ, прямо, стремятся къ осуществленію ея косвенно путемъ образованія юношества по министерской программѣ. Мѣра половинная и мысль мелкая! Строя дороги и пароходы, пересылая журналы, книги и учителей, вы хотите учредить національное образованіе! Нѣтъ, для этого нужна національная атмосфера, границы на моряхъ и въ воздухѣ, или первобытные вѣка и Китайскія стѣны. Вы не учредите національнаго образованія, а стѣсните мѣрами своими частную жизнь. Стѣсненіе частной жизни колеблетъ семейственныя основанія и портитъ общество, а чрезъ это изсушаетъ чувства привязанности, которыхъ никогда не вдохнетъ напыщенная декламація публицистовъ и систематистовъ, ласкающая національную гордыню. Молю Бога образумить насъ и просвѣтить предъ очами нашими тѣ высшія цѣли человѣческаго стремленія, которыя составляютъ конечное назначеніе и къ которымъ лучше теперь же стремиться, нежели противодѣйствовать имъ: ибо, рано или поздно, онѣ возмутъ свое, а лучше получить раньше то, что̀ во всякомъ случаѣ назначено на общую и неизбѣжную долю.

*

Сегодня была рѣчь о моемъ вице-директорствѣ. Съ удовольствіемъ желалъ бы я вполнѣ показать мою дѣятельность и доказать, что измѣнить и улучшить настоящее неудовлетворительное наше вѣдомство вовсе немало трудно, какъ думаютъ.

Всякій разъ, когда я бѣгаю между людьми, я возвращаюсь къ себѣ менѣе человѣкомъ. Легче совсѣмъ молчать, нежели не говорить излишняго; легче укрываться отъ сообщества, нежели блюсти себя въ немъ какъ должно. Никто безопасно не говоритъ, если не любитъ молчать.

*

Прочтя о Вашингтонѣ, я въ часъ отправился въ маскарадъ. Толпа и болтовня. Царь, Наслѣдникъ и Герцогъ*) гуляли съ масками. Я пробылъ полчаса времени и удалился. Третью ночь у меня нѣтъ сна.

*

*) Зять Государя, Максимиліанъ Лейхтенбергскій. П. Б.

Мы разсматривали проэктъ „положенія о прокурорскомъ надзорѣ“, составленный молодымъ начальникомъ отдѣленія Романовскимъ. Этотъ незрѣлый трудъ составлялся около двухъ лѣтъ, приготовленія были медленны, исполненіе поспѣшно и небрежно. Министръ приказалъ разсмотрѣть его на консультаціи—очевидно, чтобы остановить. Разсмотрѣніе походило на шутку. Трудъ этотъ требуетъ совершенной переработки. Я не знаю что̀ уже и сказать, если онъ приметъ рѣшительный ходъ и не знаю что̀ и подумать, если онъ будетъ утвержденъ.

*

Сегодня разсказывали мнѣ о двухъ карикатурахъ. Одна представляетъ коляску, заложенную архіереями, попами и дьячками; въ ней сидитъ оберъ-прокуроръ гр. Протасовъ; на козлахъ, съ длиннымъ бичемъ, сидитъ митрополитъ Антоній. Баринъ приказываетъ кучеру: „погоняй скорѣе, получишь Андрея“. Это по случаю пожалованія Андреевской ленты Антонію. Угодливый митрополитъ не совсѣмъ нравится своею готовностью на взысканія, въ которыхъ священство и народъ не замѣчаютъ монастырской строгости. Другая карикатура представляетъ продавца конопляннаго масла на Сѣнной площади. Онъ расторопно отвѣшиваетъ на безмѣнѣ четвертушку, а Л. А. Перовскій съ большимъ вниманіемъ смотритъ и повѣряетъ правильность продажи, будучи занятъ исключительно этой сценой, а позади его стоятъ гербы разныхъ губерній съ подписями: поджогъ, убійство, грабежъ, разбой, нищета, самоуправство, голодъ. Министръ внут. дѣлъ не обращаетъ вниманія на эти гербы и подписи, занимаясь исключительно мелочною продажею коноплянаго масла. Вообще дѣятельность Перовскаго была поводомъ множества забавныхъ анекдотовъ, и купечество, которому достается по карману, съ неудовольствіемъ смотритъ на мѣры торговой полиціи. Нельзя при этомъ не замѣтить общаго направленія государственныхъ нашихъ правителей: это—желаніе искоренить злоупотребленія. Въ народѣ твердо убѣжденіе въ томъ, что начальники дѣлаютъ по докладу секретарей, а секретаря или мелкіе чиновники дѣлаютъ все изъ взятокъ. Убѣжденіе это, имѣющее несомнѣнно основаніе, раздѣляютъ Государь и даже Европейскіе журналы, возстающіе на бюрократію. Съ этимъ убѣжденіемъ вступаютъ министры въ управленіе и начинаютъ тѣмъ (какъ гр. Панинъ), что берутъ всѣ дѣла къ себѣ и, устроивъ секретарей, тонутъ во множествѣ, или (какъ Перовскій) наряжаютъ сыщиковъ и ловятъ мелкихъ мошенниковъ. До вступленія они имѣютъ планы улучшеній и преобразованій. Занявшись подробностями и зайдя въ лабиринтъ канцелярскихъ формъ, они оставляютъ эти планы, опасаясь послѣдствій въ ихъ исполненіи и оттого—какъ въ ветхомъ кораблѣ—замазываютъ одну скважину, а вода течетъ по-

токомъ въ другія. Нѣкоторые, отказавшись отъ мелочныхъ поправленій, принялись за личный составъ, полагая уменьшить злоупотребленія уменьшеніемъ злоупотребленій чрезъ лучшее назначеніе мѣстныхъ правителей. Здѣсь взяли правиломъ: назначить людей образованныхъ и сколь возможно независимыхъ по состоянію и дорожащихъ значеніемъ своимъ въ обществѣ. Такихъ людей, во первыхъ, немного; во вторыхъ, они не прочны, ибо соскучась бѣгутъ, а въ третьихъ—это таже исторія предсѣдателя и секретаря. Принявшись за дѣла, новый правитель убѣждается, что онъ дѣлъ не знаетъ. Не обращаясь къ подозрительнымъ секретарямъ, онъ, какъ и министръ его, рѣшается все дѣлать самъ. Тутъ кромѣ труда и скуки представляется новое обстоятельство: побужденіе и наложеніе взысканій того же министра, и измѣненіе отношеній, по мѣсту, къ тѣмъ лицамъ, которыя прежде были въ равныхъ и даже въ отношеніяхъ угодливости и покровительства. Охотникъ бросаетъ охоту, а дичи является еще болѣе.

Не понимаю, какъ не хотятъ убѣдиться въ томъ, что употребляютъ службу во зло оттого, что, по произволу начальства, она отдается во временное пользованіе, какъ бы на аренду (кто не захочетъ ею пользоваться?) и что для привлеченія благоразумныхъ хозяевъ для этой аренды и предупрежденія своекорыстныхъ, иногда наглыхъ, извлеченій выгодъ, надобно сдѣлать службу фондомъ, постоянною собственностью. Тогда мнѣ не для чего и грабить. По нѣкоторымъ вѣдомствамъ нынѣ воздѣлываютъ служебное поприще, съ круговымъ ручательствомъ. Служебный уставъ есть первая необходимость. Чтобы актъ былъ не мертвая буква, надобно, чтобы онъ исполнялся и чтобы точное исполненіе его было выгоднѣе злого употребленія; а для этого нужны исполнители, увѣренные въ поощреніи постепеннымъ возвышеніемъ въ мѣстахъ и окладахъ за добрую службу. „Въ маломъ былъ вѣренъ, надъ многимъ тя поставлю“.

*

Сегодня (12 Мая 1845 г.) я присутствовалъ при торговой казни. Молодой преступникъ 25 л., за убійство своего господина и ограбленіе его, подвергнутъ наказанію кнутомъ, чрезъ палача, 30 ударами. Дѣйствіе этой драмы производилось поутру, въ 9-мъ часу, на конной площади, при большомъ стеченіи народа, стоявшаго на возахъ, на перилахъ, на скамьяхъ и доскахъ, поставленныхъ мелкою промышленностью. Мѣсто казни окружено солдатами и жандармами.

*

Общія мѣры улучшенія государственныхъ служащихъ у насъ не совсѣмъ удачны. Теперь распространилось довольно сильно то правило, чтобы сажать молодыхъ и ученыхъ, вмѣсто старыхъ неученыхъ.

Мнѣ кажется, при этомъ забываютъ важное начало служебнаго міра: общественное достоинство, или важность значенія, умственная серьезность, свѣтская выдержка, которыя всегда и вездѣ привыкли соединять съ почетными постами. Наши высшіе чиновники похожи на школьниковъ. Это забвеніе достоинства умаляетъ уваженіе къ мѣстамъ и лицамъ и—самое довѣріе къ правительству. Преобразователи немного должны бы подумать объ этомъ обстоятельствѣ, которое рядомъ съ системою ограниченій грозитъ весьма вредными послѣдствіями.

*

Я до сихъ поръ не могу понять, какъ живы и свѣжи мои впечатлѣнія и чувствованія и какъ мало опытъ умирилъ ихъ раздражительность. Есть много хорошаго въ этой прямотѣ, въ этой выразительности, но есть много и дурнаго, особенно для успѣховъ по службѣ. По пріѣздѣ моемъ я нашелъ директоромъ оберъ-прокурора Карніолинъ-Пинскаго, съ которымъ я давно знакомъ и (какъ многіе несправедливо думаютъ) знакомъ близко и искренно. Кажется, я его знаю. Мы служимъ невмѣстѣ, но успѣли уже раза три столкнуться и вѣроятно столкнемся не три раза. Я увѣренъ, что выдержу эту борьбу, но желалъ бы лучше не имѣть ея.

К.-Пинскій человѣкъ съ большою энергіей, не признаетъ величій, любящій значеніе для свѣта, въ которомъ до сихъ поръ онъ такъ мало значилъ. По этой причинѣ онъ крикливъ и заносчивъ, но мало увѣренъ и трусливъ. Недостатокъ образованія и теоретичность знанія дѣлаютъ его неловкимъ и грубымъ въ поступкахъ и работахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ зазнается, оскорбитъ самолюбіе другихъ и—по прежнему обычаю—съ увеличеніемъ круга отношеній увеличитъ число недовольныхъ. Несмотря на откровенность со всѣми, онъ ни съ кѣмъ не друженъ. Года три тому назадъ онъ принялъ систему покровительства воспитанниковъ Училища Правовѣдѣнія, что пріобрѣло ему любовь молодыхъ людей и покровительство Принца Ольденбургскаго. Это дало ему политически благовидный предлогъ—распространить свою извѣстность гоненіемъ людей стараго времени.

Замѣчаю это для дальнѣйшихъ наблюденій. Онъ былъ въ ежевыхъ рукахъ бѣдности, но онъ забываетъ нужду. Онъ не уважаетъ несчастія и опасности дружбы, онъ завистливъ и увлекается собою до лжи. Безъ графа Панина онъ пойдетъ быстрѣе, но, не имѣя творческаго таланта, онъ не ознаменуетъ себя никакими полезными мѣрами. Мнѣ кажется, онъ обанкрутится.

*

Я читалъ Dreizig Iahre in Russland von Edward Rudolff, 2 части въ Цюрихѣ. Сочиненіе очевидца, но во всѣхъ отношеніяхъ ниже

сочиненія Кюстина. Много фактовъ позднѣйшихъ, но мелкихъ; по всему видно, что это писалъ человѣкъ, знающій Россію, но знающій ее съ самой невыгодной стороны, бѣдный иностранецъ, застрявшій въ дѣлахъ по паспорту съ квартальнымъ писаремъ или не разъ надутый гостинодворцемъ. Замѣчанія его добросовѣстны, но онъ не знаетъ ихъ источника, а еще менѣе—путей улучшенія. Нѣкоторыя страницы написаны съ сердцемъ, еще пылающимъ кровью. Между Нѣмцами сочиненіе это должно произвести глубокое впечатлѣніе.

*

Государь уѣхалъ въ чужіе края для сопровожденія Императрицы въ Неаполь, въ Палермо. Говорятъ, что онъ останется тамъ довольно продолжительное время. Намъ объявлено высочайшее повелѣніе о представленіи дѣлъ Наслѣднику, который будетъ разрѣшать ихъ принятымъ порядкомъ (т. е. именемъ Государя), излагая: назначенія на мѣста, о которыхъ подносятся указы къ подписанію, сверхсмѣтные расходы кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ и новыя законоположенія. О разрѣшаемыхъ дѣлахъ посылаются Государю вѣдомости.

Злые языки болтаютъ о томъ, что не та пора, чтобы ѣхать въ Палермо, что Государь ѣдетъ туда надолго для Нелидовой, что поѣздка эта стоитъ огромныхъ суммъ, а между тѣмъ даже войску не даютъ жалованья, что и безъ того наши визиты считаются нивочтò и остаются безъ уплаты....

Или избалованность наша слишкомъ велика или есть неумолчный внутренній голосъ, требующій непреложныхъ убѣжденій, или наконецъ данныя открытыя нами и вѣрованія не для всѣхъ и не вполнѣ удовлетворительны; должно же быть что нибудь, какая нибудь причина, какой нибудь поводъ этому повсемѣстному религіозному броженію въ народахъ Западной Европы. Броженіе это сильно и, переходя въ дѣйствительную жизнь, гибельно: изъ книгъ оно переходитъ въ аудиторіи, въ собранія, въ митинги и изъ отвлеченнаго вопроса дѣлается правиломъ поступковъ, изъ внутренняго убѣжденія требованіемъ внѣшняго права.

Приходитъ время и въ Россіи для дѣйствительности началъ и практическаго примѣненія ученій. Время важное, трудное, требующее большой проницательности нашихъ правителей.

Наши иностранные учители и порицатели ни одинъ не обратили вниманія на три важные и бросающіеся въ глаза недостатка нашего управленія:

Назначеніе представителей власти безъ всякаго вниманія къ довѣрію и уваженію, къ лицу ихъ общества. Назначеніе ревизіи, унижающее достоинство власти и стѣсняющее ея дѣйствія. Нерѣдко эти ревизіи компрометируютъ и самую власть высшую. Безсиліе и ограниченіе

правъ мѣстной власти въ поощреніи и взысканіяхъ, въ постановленіи правилъ и въ принятіи побудительныхъ мѣръ къ ихъ исполненію. Хотя это весьма полезно въ видахъ централизаціи, но неопредѣленность закона въ семъ случаѣ, по настоятельности рѣшительныхъ дѣйствій, ведетъ и приводитъ къ произволу губернаторовъ и городничихъ. И чѣмъ дробнѣе законъ, тѣмъ онъ податливѣе.

Надобно удивляться, какіе успѣхи вездѣ и у насъ сдѣлала свобода сужденій и свобода печатанія. Кажется, монархическое начало подмывается въ самомъ основаніи. Противодѣйствіе его конечно довольно сильно, но оно знаменуется путями закона, развитіемъ и утвержденіемъ государственнаго права, а мѣра эта въ самой себѣ заключаетъ ограниченіе власти: распространяя свое вліяніе, государственное право соприкасается съ массою и въ каждомъ пробуждаетъ самосознаніе, вводя вмѣстѣ съ тѣмъ въ свой распространенный кругъ болѣе и болѣе своихъ исполнителей, которые, соревнуя другъ другу, необходимо должны опираться на законъ и со временемъ необходимо сдѣлаются, въ очевидный подрывъ власти, исполнителями и представителями закона. Такъ непримѣтно развитіе силы, дробясь и распространяясь, теряетъ самостоятельную выразительность и постепенно слабѣетъ, какъ разлитіе рѣки, оплодотворяющей луга и поля своими неглубокими водами.

*

Мы имѣли продолжительный и довольно неравнодушный разговоръ съ М. М. Карн.-Пинскимъ. Я сдѣлалъ изъ него три заключенія: 1, Что ему хочется весь составъ департамента имѣть изъ своихъ людей, безусловно ему преданныхъ; 2, Онъ полагаетъ, что гр. Панинъ не воротится; въ упрекахъ своихъ онъ безпрестанно повторялъ: Вы съ Панинымъ... что̀ сдѣлали, что̀ исправили; и 3, Онъ желаетъ всѣми мѣрами прямого подчиненія моего отдѣленія, можетъ быть для того, чтобы употребить право репрезалій, можетъ быть—чтобы сосредоточить дѣла, а можетъ быть и потому, что въ кругѣ нынѣшнихъ занятій ему скучно. Формальный человѣкъ этотъ очень желченъ.

Я давно узналъ и убѣдился, что на извѣстной высотѣ начальства доброта не должна идти впередъ справедливости. Доброта можетъ имѣть мѣсто въ личныхъ пожертвованіяхъ, но не въ дѣйствіяхъ власти, принадлежащей мѣсту, а не лицу. По этому, при всемъ желаніи моемъ достигнуть высшаго значенія, я опасаюсь, чтобы любовь моя къ ближнему и уваженіе несчастія не имѣли вредныхъ послѣдствій. Надобно быть равнодушну къ бѣдности и бѣдствіямъ, надобно признать какую-то необходимость въ неравенствѣ жителей и отказаться отъ общаго улучшенія личными усиліями. А мнѣ кажется это совершенно невозможно. Бываютъ ребяческія минуты, когда я хотѣлъ бы разор-

ваться на части, чтобы утолить голодныхъ или исчезнуть эфирною мыслію въ постоянныхъ помыслахъ о благѣ ближнихъ или наконецъ сразиться открыто и на смерть съ поборникомъ противныхъ мыслей. Я приписываю это моему слабому здоровью и раздражительности нервъ.

Сцена Прусскаго короля съ магистратомъ представляетъ новое явленіе. Драма идетъ и приближается къ развязкѣ. Публичность дѣйствій приведетъ къ публичному праву.

По мнѣнію моему, замѣчательно мѣсто о присягѣ членовъ Импер. Дома въ установленіи закона 1797 г. о наслѣдіи престола. Основатель его призналъ нужнымъ укрѣпить его присягою. Каждый членъ Дома можетъ въ свою чреду, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, достигнуть престола, стать самодержцемъ. Что̀ можетъ обязать волю самодержца? Одна совѣсть, одинъ судъ Божій, присяга.

Замѣчательны слова молитвы, которую Государь произноситъ съ колѣнопреклоненіемъ по совершеніи коронованія: „Буди сердце мое въ руку Твоею, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово“.

Общія историческія свѣдѣнія изложены одностороннимъ образомъ. Образованіе знаменитостей: родовой при переходѣ по гражданству,—церковной, вызванной уваженіемъ къ духовенству и политическими видами государей,—промышленной, образовавшейся въ городахъ,—служебной, заимствующей силу свою отъ власти, и наконецъ ученой, выдвинутой на сцену политическихъ дѣлъ силою обстоятельствъ и произшествій—должно приписать постепенному развитію государства. Родовая аристократія (потомственная) и церковная находятъ пользу въ *сохраненіи* пользы другихъ аристократій, личныхъ.—Движеніе.

*

Я сегодня видѣлъ отличную актрису Арюу-Плесси. Она замѣчательно умно выдержана и что̀ всего лучше—имѣетъ все, чтобы еще усовершенствоваться: лѣта такія и голосъ. Какъ ни дорого она стоитъ намъ, но пребываніе подобныхъ артистовъ полезно; оно распространяетъ хорошій вкусъ и улучшаетъ нашихъ. Арюу-Плесси не молода, не красавица и изъ среднихъ талантъ первостепенный. Набодно впрочемъ поближе узнать ее.

*

Теперь обстоятельства нашего министерства очень запутаны. Графъ Панинъ уѣхалъ въ чужіе края, „на нѣкоторое время“. Мы находимся въ нерѣшительномъ положеніи: думаемъ, что министръ воротится, а слухи носятся, что онъ не воротится. Первое подтверждается нѣкоторыми нерѣшительными мѣрами настоящаго начальства, второе распо-

ряженіеми графа при отъѣздѣ. Можетъ быть, министерство выиграетъ съ назначеніемъ новаго начальника; но едва ли выиграю я. Поэтому мнѣ серьезно хотѣлось бы устраниться отъ управленія, въ которомъ сидитъ умный и полезный человѣкъ, но въ которомъ (опасаюсь я) отразится его жесткій характеръ, его завистливость и его неуваженіе къ несчастію. Излишній формализмъ много бы еще вреда не надѣлалъ.

Такъ измѣнчивы назначенія наши. Неужели это такъ, и я этому вѣрю?

Какъ часто человѣкъ, сбившись съ дороги, попадаетъ на худшую, желая поправить свою ошибку. Я ищу источникъ этого зла въ человѣческой хитрости: она сбиваетъ насъ, или въ человѣческой гордыни: она ослѣпляетъ насъ, или въ человѣческой ненасытности: она толкаетъ насъ. Счастливъ руководимый огненнымъ столпомъ божественнаго свѣта въ пустотѣ нашего міра, обуреваемаго страстями и неизвѣстностью.

Я прочелъ романъ Eugène Sue le Juif errant. Не смотря на политическую цѣль романиста, картина его широка, мѣстами прекрасна, почти всегда одушевленная. Эта зависимость творчества отъ предпоставленной цѣли нерѣдко обнаруживается въ неестественности, преувеличеніи и неопредѣленности. Часто думаешь, что герои дѣйствуютъ такъ, а не иначе потому, что согласились съ сочинителемъ, и событія случаются потому, что такъ нужно автору. Живо дѣйствіе, ярки краски и рѣзки черты, но по прочтеніи романъ теряетъ весь интересъ, портреты превращаются въ скелеты, романистъ дѣлается утопистомъ или памфлетистомъ. Для меня большого бы стоило труда прочесть въ другой разъ—одному эту книгу.

*

Государя (говорятъ) ожидаютъ въ Римъ. Длительность личныхъ сношеній уничтожаетъ дипломатическій корпусъ, величества нисходятъ на кресла министровъ въ конференціяхъ, и поставленные лицомъ къ лицу съ дѣломъ взаимныхъ требованій, не опасаясь униженія, вступаютъ въ пренія. Государи становятся людьми. Не знаю, пришла ли для этого пора въ другихъ земляхъ, но у насъ еще нѣтъ. Наше величество еще должно быть тождественно съ идеей источника торжественной правды и намѣстника Божія.

Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь болѣе и болѣе, что мнѣ совершенно неизвѣстенъ свѣтъ и люди: такъ часто я попадаю въ просакъ, такъ мало я изучаю характеры, виды и положенія. Очарованный службою при молодомъ министрѣ, я принялся со рвеніемъ (даже излишнимъ) и, трудомъ поставя себя въ выгодное положеніе, нисколько не обратилъ вниманія, что для дальнѣйшаго успѣха мнѣ необходимо было узнать людей, сдерживать свои мнѣнія и сглаживать шерохова-

тость, чтобъ не толкаться, не напирать и не затягиваться. Глупо быть разувѣрену въ своемъ убѣжденіи, еще глупѣе думать все передѣлать по своему и при томъ вдругъ, круто поворачивая порядокъ, къ которому привыкли и не принимая во вниманіе мнѣнія другихъ, которые также о себѣ думаютъ, какъ и самъ ты. Труды и способности не составляютъ полнаго условія успѣха, какъ обнаженный станъ не можетъ служить идеаломъ прелести. Надобно умѣнье, нужно облаченіе. А я до сихъ поръ, какъ школьникъ, думаю объ истинѣ, не считаю времени, не разбираю людей и, завязываясь съ каждымъ шагомъ, отъ новаго напряженія вязну еще болѣе. Какъ новичекъ въ игрѣ, я каждую минуту все ставлю на карту. Ужъ перемѣнюсь ли я когда нибудь? Ужъ не благословить ли судьбу, пославшую на мою отвѣтственность участь матери, сестры, дочери, безъ которыхъ живость моихъ чувствъ и впечатлѣній давно бы еще болѣе разстроила меня съ людьми и обстоятельствами. Защитникъ постепенности,—я, самъ для себя, первый нарушитель ея.

Мнѣ очень тяжко мое положеніе, но едва-ли виною этого не самъ я. Что̀ будетъ, то будетъ; молю Бога, посылающаго испытаніе, чтобы опытъ не помрачалъ во мнѣ свѣтлой цѣли—благосостоянія ближнихъ, и глубокаго чувства—любви къ правдѣ и снисхожденія къ слабостямъ, заблужденію и несчастію.

Я серьезно обдумываю, какъ бы мнѣ удалиться изъ Петербурга и отъ этой безпокойной службы. Я серьезно думаю просить о мѣстѣ предсѣдателя, наприм. въ Саратовѣ. И если бы мнѣ дали прогоны, хотя небольшой подъемъ и получаемое нынѣ содержаніе, я, кажется, могъ бы успокоиться. Перемѣнить ли это предположеніе?

*

Графъ Мечиславъ Потоцкій, владѣтель Тульчина, одинъ изъ богачей Западныхъ губерній, женился на Емиліи Швейковской, бѣдной дочери полковника Польскихъ войскъ, отягощеннаго долгами. Графъ не молодъ и не старъ, но не сошелся съ своею красавицей. Униженія и лишенія, которыя она переносила, не принудили однако Емилію, какъ она описываетъ, согласиться на предложеніе Мечислава—признать законными двухъ дочерей его побочныхъ, воспитывающихся гдѣ-то во Франціи. Ссора дошла до того, что онъ прибѣгнулъ къ насилію и даже рѣшился, изъ ненависти, отравить ребенка-сына и едва не задушилъ его, выхватя изъ рукъ матери. Тутъ, по жалобѣ Емиліи, дѣло дошло до правительства, при содѣйствіи генерала Фези, бывшаго свидѣтелемъ бѣдствій угнетенной супруги. По докладу Государю, Потоцкій посаженъ въ Кіевскую крѣпость, а для производства изслѣдованія посланъ

флигель-адъютантъ Скарятинъ, по словамъ злыхъ языковъ, любовникъ Емиліи Швейковской.

Сестра Мечислава, графиня Киселева пріѣхала въ Петербургъ и, по преданію Польскихъ магнатокъ, сдѣлавшихся Русскими барынями, громко ходатайствовали за брата, роптала и укоряла, особенно посылку Скарятина. Мечиславъ, по высочайшему повелѣнію, сосланъ въ Саратовъ. На дняхъ получено изъ Палермо (докладъ былъ по корпусу жандармовъ) повелѣніе о немедленной высылкѣ графини Киселевой съ запрещеніемъ ей въѣзжать въ обѣ столицы и жить вмѣстѣ съ Мечиславомъ. Цесаревичъ-наслѣдникъ, подъ личною отвѣтственностью, дозволилъ ей, для сборовъ, остаться нѣсколько дней въ Петербургѣ. Это произвело замѣчательное впечатлѣніе въ нашей публикѣ.

*

Сегодня, 4 (5) Декабря, горѣлъ домъ дворянскаго собранія. Замѣчательно, что старикъ графъ Строгановъ, живущій объ стѣну, не зналъ и не слыхалъ ни шуму, ни суеты. Завидное положеніе полу-слѣпаго и полу-глухого старца.

Я читалъ еще сочиненіе объ нашей Россіи: „Die Mysterien Russlands, aus den Manuscripten eines Diplomaten, verfasst von Friedrich Lacroix".

Это довольно серьезное сочиненіе, предпринятое въ видахъ разобличенія внутренней слабости, ужасныхъ мѣръ противъ присоединенныхъ провинцій и безнравственной политики Россіи. Авторъ все преувеличилъ. Впрочемъ сочиненіе носитъ печать искренности, и потому должно имѣть впечатлѣніе на всякаго читателя. Нѣкоторыя стороны схвачены удачно. Конечно, мѣры нашего правительства, олицетворяемаго въ Государѣ, иногда сильны, часто рѣзки, всегда обширны. Если бы состояніе наше и пространство имперіи, требующей единства, управлялись общими Европейскими мѣрами, то едва ли бы имперія сохранилась въ цѣлости и спокойствіи. Государю конечно нѣтъ нужды и нѣтъ охоты ни дѣлать несчастливыхъ, ни возбуждать неудовольствіе. Онъ дѣйствуетъ по необходимости, по убѣжденію. Это одинъ изъ тѣхъ великихъ характеровъ, которые признаютъ свой долгъ—посланіемъ свыше, и свою власть—уполномочіемъ Божіимъ. Мѣры эти жестки, быстры—вините наше время. Быстрота его превосходитъ всякое описаніе. Впрочемъ, независимо отъ личныхъ чувствъ и дѣйствій Государя, многія мѣры требовали другаго основанія и инаковаго исполненія. Многія обратятся ко вреду, и я не знаю, о Боже мой, почему нынѣшнее поколѣніе есть жертва будущаго, къ которому устремлены эти мѣры, и потому поколѣніе будущее такъ мало воспользуется жатвою, для нея посѣянною!

*

Митрополитъ Антоній разбитъ параличемъ. Это добрый первосвященникъ, уживающійся со властью безъ униженія, поддерживающій достоинство безъ самонадѣянности и добродушный безъ большаго притворства. Правда, всѣ эти качества отрицательныя, но не менѣе правда и то, что для положительнаго характера, который бы умѣлъ и могъ медлить и учредить упавшее духовенство наше, еще не пришелъ часъ. Наши пресвитеры—чиновники съ тою только разницею, что для нихъ нѣтъ Свода Законовъ и ихъ взятки дозволены. Замѣчательно, что, говоря о болѣзни митрополита, Петербургская публика спрашиваетъ: кто-то будетъ встрѣчать мощи Николая Чудотворца, купленныя у Неаполитанскаго короля съ согласія Папы? Я не думаю, чтобы митрополиты назначались для встрѣчъ и чтобы мы нуждались и находили спасеніе въ мощахъ изъ Неаполя и отъ Папы, хотя не ручаюсь, чтобы и то и другое, въ нашъ вѣкъ неправды, было неправда.

*

Я удивляюсь, какъ Головинъ рѣшился издать свою книгу. Она, по ничтожности своей, вовсе не соотвѣтствуетъ придаваемому имъ себѣ значенію, и нисколько не соотвѣтствуетъ ожиданію, по небрежности и поверхностному знанію, съ которыми она написана. И почему это la Russie sous Nicolas I-er? Очевидно, что выписки изъ Свода и переводы стиховъ Пушкина, Языкова и Баратынскаго были приготовлены прежде. Первыя главы написаны въ дни и минуты перваго негодованія. Прочія статьи написаны и внесены для полноты. Жаль, что молодой человѣкъ не созрѣлъ и не вполнѣ развился въ отечествѣ; еще болѣе жаль, что онъ началъ писать противъ правительства и писать ложь и сплетни. Онъ и при раскаяніи уже не найдетъ счастія. Грустная ошибка молодости!

*

Сегодня, 16 Декабря, я послалъ отчетъ за 1845 г. по управленію уголовнымъ правосудіемъ. Это безцвѣтныя страницы, къ которымъ я приложилъ только свою подпись. Дамъ отчетъ себѣ.

Теченіе дѣлъ, сколько отъ меня зависитъ, весьма быстро. Просители ходатайствуютъ о рѣшенныхъ дѣлахъ. Нынче, съ Октября, число дѣлъ уменьшилось; управляющій департаментомъ, отдѣливъ для меня одинъ день, заставилъ рѣшать дѣла прямо исполнительными бумагами. Это недурно, но это не въ порядкѣ. Очень дурно, по моему мнѣнію и къ моему сожалѣнію, то: а) что частныя дѣла, по жалобамъ и просьбамъ, всегда почти разрѣшаются отказомъ или формальнымъ предписаніемъ, за урядъ, наблюсти и ускорить; б) что законодательные вопросы избѣгаются, и при нынѣшнемъ управленіи мѣстныя начальства даже опасаются входить съ представленіемъ, а между тѣмъ неполнота

и неточность постановленій и разнообразное понятіе и примѣненіе ихъ замѣчаются повсюду. При покойномъ Д. В. Дашковѣ принято было строгое правило примѣнять законъ буквально и не допускать, чтобы законъ былъ недостаточенъ. Важнѣйшія дѣла разсматриваются не съ должнымъ тщаніемъ, особенно обширныя производства о наказаніи болѣе 9 человѣкъ. Это такія грубыя массы писаной бумаги, для разбора которыхъ нѣтъ ни времени, ни охоты.

Часть законодательная обновилась изданіемъ Выс. утвержд. 15 Августа Уложенія о наказаніяхъ. Оно съ 1 Мая войдетъ въ дѣйствіе. Я ожидаю отъ него уменьшенія дѣлъ въ судахъ отдѣленіемъ многихъ въ полицейское и помѣщичье вѣдомства и большей опредѣлительности во многихъ случаяхъ; но составленное болѣе теоретически и съ излишнею подробностію, иногда многословіемъ, Уложеніе во многихъ случаяхъ даетъ возможность подбирать статьи или возбуждать споры и пререканія. Безъ хорошаго закона о подсудности оно непремѣнно произведетъ смятеніе, и потому я опасаюсь на первое время отягощенія дѣлами. По министерству дано уже 4 циркуляра—доказательство неполноты Уложенія, при всей его подробности. Изъ частныхъ постановленій замѣчательно о Польской шляхтѣ. Я раскаяваюсь, что предложилъ дѣло въ тѣсныхъ размѣрахъ.

Наблюденіе за дѣлами, по недостатку средствъ, въ нынѣшнемъ году упало противъ прежняго. При настоящемъ порядкѣ управлять, оно упадетъ совершенно. Часть эта—важнѣйшая, и настоящая обязанность министерства требуетъ усилій и вовсе не такого воззрѣнія, какое имѣетъ на нее М. М. Пинскій, утверждая, что исправность и правильность установляются строгостію взысканій.

Замѣчательно собраніе свѣдѣній о содержащихся подъ стражею. Въ теченіе года ихъ 105 т. человѣкъ самаго лучшаго народонаселенія. Число ужасное, если принято въ соображеніе, что изъ этого числа и $^1/_3$ не признается дѣйствительно виновною и около 18 части подвергаются уголовнымъ наказаніямъ. Невнимательное и медленное производство дѣлъ и легкость арестованія весьма дорого обходятся казнѣ (по 3 к. ср. 1,155,000 р. србр.), дорого обходятся странѣ, отнимая руки столь значительнаго числа лучшаго рабочаго, дорого обходятся и нравственности, распространяя порчу сообществомъ людей порочныхъ. Изъ 105,652 человѣкъ содержались:

За воровство	35,885 ч.
За убійство	9,250 ч.
За разбой и грабежъ .	2,675 ч.
Противъ вѣры.	2,293 ч.
За бродяжество	31,202 ч.

За нарушенія Уст. Казен. 9,264 ч.
За поджоги . . . . . 2,235 ч.
Противъ правительства. 2,692 ч.

Воровство, бродяжество и блудодѣяніе существуютъ у насъ вездѣ и почти до цинизма. Я не помню дѣла, въ которомъ бы ихъ не было какъ придаточныхъ. Воруютъ особенно въ уѣздахъ—лошадей, въ городахъ, чиновники, деньги. Конокрадство и растраты суммъ, можно сказать, сдѣлались промысломъ. Въ губерніяхъ западныхъ разборъ шляхты произвелъ новый родъ промысла: составленіе и продажа документовъ на дворянство. Довчяно, Іогъ, Петрикевичъ производили это по фабричному. Въ городахъ—мошенничество купцовъ, отставныхъ и мелкихъ чиновниковъ.

Убійствъ—умышленныхъ немного, хитрыхъ еще менѣе. Большая часть въ дракѣ, въ запальчивости, дѣтей. Въ губерніяхъ восточныхъ и южныхъ убійство нерѣдко соединяется съ грабежами и разбоемъ. Довольно часто оно соединено съ возстаніемъ противъ власти помѣщиковъ. Большая часть убійствъ производится тупымъ или грубымъ орудіемъ. Отравленіе бываетъ болѣе по неосторожности и по невѣжеству, при лѣченіи отъ Венерической болѣзни. Были случаи убійства изъ ревности. Чаще всего убійство совершается въ пьяномъ состояніи. Въ послѣдніе годы являются самоубійства.

Поджоги не рѣдки, особенно съ 1842 г., когда имъ дали особенное значеніе, по случаю усиленія ихъ въ Волжскихъ губерніяхъ. Съ того времени и неосторожные и подозрѣваемые въ случайныхъ поджогахъ заключаются подъ стражу. Поджигаются барскія усадьбы отлученными отъ семейства крѣпостными, поджигаетъ сосѣдъ сосѣда изъ мщенія за ссору, но поджигаютъ и деревни, чтобы дать знать себя за попытку поимки или для лучшаго ограбленія. Впрочемъ пожары такъ часты, что трудъ поджога излишенъ.

Преступленія противъ вѣры—это ереси и расколы и—въ послѣднее время—совращеніе изъ Православія. Значеніе этихъ преступленій получило такую важность, что надобно ожидать его ниспаденія. Скопцы и совратители особенно многочисленны, первые на Югѣ, вторые на Западѣ.

Бродяжество есть наша дымящаяся рана. Ихъ больше нежели 31 т. Они разсованы въ арестантскія роты, они безпрестанно въ переходахъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Ихъ надобно полагать болѣе 60,000. Это мѣщане и казенные крестьяне, убѣгающіе рекрутства или проживающіеся на счетъ ближняго; это крѣпостные, ищущіе лучшей участи; что болѣе, это рекруты, солдаты и безсрочные. Бывали примѣры бродягъ дворянъ. Примѣры эти потому рѣдки, что они доходятъ до суда, когда сдѣланъ

подлогъ. Причина бродяжничества есть безъ сомнѣнія бѣдность. Вторая—тягость состоянія крѣпостныхъ и солдатовъ; третья—недостатокъ присмотра; сюда относятся ссыльные и каторжные, которыхъ почти всегда встрѣтите, коль скоро есть шайка. Вообще—удобство бродяжничать по безлюднымъ пространствамъ и снискивать пропитаніе воровствомъ, милостыней, поденщиной или мелкими грабежами. Женщинъ бродяжничаетъ немного, но шайка и пара бродягъ уже непремѣнно имѣютъ свою дульцинею. Главнѣйшая причина бродяжества—есть незавидная доля и отсутствіе привязанности къ бѣдной мѣстности и холоднымъ связямъ семейства.

Нарушенія уставовъ казеннаго управленія—корчемство и порубки. Дорого веселье и морозно время у насъ, а забыть горе и обогрѣться нужно было бѣдному человѣку. И тѣ и другія преступленія заслуживаютъ снисхожденія. Преступленія противъ правительства рѣдко обнаруживаются въ городахъ, въ ссорѣ и дракѣ съ часовыми и нарядными на гуляньяхъ. Во время пожаровъ въ Перми, Казани, Симбирскѣ и Кузнецкѣ неповиновенія возрастали до открытаго возстанія и самоуправства и даже до легальной оппозиціи, но это была случайность, строй сбился съ такта, не болѣе. Сопротивленіе и своеволіе у насъ являются въ черныхъ массахъ, въ крестьянахъ казенныхъ—по случаю введенія новаго управленія, по посѣву картофеля, по слухамъ обращенія казенныхъ въ удѣльные или въ приданое къ султану, по заведенію общественной запашки или по попыткѣ кадастра, а между крѣпостными по поводу дѣйствительныхъ или—большею частію—мнимыхъ злоупотребленій власти растлѣніемъ дѣвокъ, отягощеніемъ работами или жестокими наказаніями. Въ Казанской и Вятской губерніяхъ казенные крестьяне образовали, такъ сказать, регулярныя толпы и схватки съ войсками, стоили жизни нѣсколькимъ десяткамъ. Причиною этихъ неустройствъ—невѣжество, а поводомъ,—слухи, подтверждаемые дурными распоряженіями мѣстныхъ начальствъ.

Общее мнѣніе у насъ самое непостоянное и невѣрное. Оно переходитъ отъ Воронцова къ Тимофѣеву, отъ Фейгина къ Позену, отъ Бехтера къ Бернардаки; оно мирится съ Чернышевымъ, Орловымъ. Бенкендорфомъ, коль скоро компаніи и подряды имъ дадутъ милліоны; оно ссорится съ Злобинымъ и Варгинымъ, если они ошибутся въ расчетѣ; оно косится на Демидова и Юсупова, если онъ не кормитъ и не упояетъ. Отъ высшаго до низшаго все стремится пріобрѣтать поболѣе денегъ, чтобы курить фиміамъ суетности. Особенно поощряетъ это казна и изъ казны—Военное Министерство. Здѣсь воровство не то что въ Юстиціи—преступленіе: здѣсь оно служба, видъ дѣла, выгода казны. Третью причину должно искать въ томъ, что у насъ

многое *лежитъ* на этихъ обширныхъ пространствахъ; лѣнивый и неловкій легко нарубитъ лѣсу, нажнетъ хлѣба, угонитъ табунъ. Что легко достается, то равнодушно и берется: надобно видѣть, какъ эти люди сыпятъ деньгами, бросаютъ цѣнностями, истребляютъ безъ жалости. Подумаешь, они имѣютъ и тратятъ не свое и даровому коню въ зубы не смотрятъ, а хлещутъ его, какъ воровской, не думая объ убыткѣ. Тѣсно съ этимъ связана переходчивость нашихъ сословій. Движимость политическаго значенія мобилизировала достоянія.

Напрасно говорятъ, что мы отличные мошенники. Нѣтъ. Французы и Итальянцы въ этомъ гораздо выше насъ. До Евреевъ мы никогда не дойдемъ. Я не помню ни одного замѣчательнаго дѣла по мошенничеству. Тотъ продалъ не то, хромавшую лошадь, гнилое сукно, унесъ шубу мнимаго барина, на грошъ собралъ подписку, принесъ рекомендательное письмо. Мошенничество грубое, основанное на простодушіи грубаго. У насъ просто крадутъ. Собственно Русское мошенничество—это сборы съ казны. Здѣсь преступленіе доведено до степени терпимой сдѣлки. Нажиться службою у насъ есть наука. Устранить эти причины можетъ и то едва ли можетъ скоро—только мощная власть и установленіе общественнаго мнѣнія введеніемъ нѣкоторой гласности.

Любодѣяніе происходитъ отъ раздраженія физическихъ требованій, на удовлетвореніе которыхъ вызываются солдатки, оставленныя жены, несчастныя замужества и отстутствіе религіозности въ брачномъ союзѣ. Обиліе преступленій произвело новое поощреніе его—безнаказанность. Нѣтъ дѣла безъ блудодѣянія; сколько же этакихъ дѣяній, по которымъ дѣлъ нѣтъ? Я говорю собственно о блудодѣяніи. Оно очевидно происходитъ отъ принужденныхъ и неровныхъ браковъ. Семейство и основаніе его—бракъ въ нашъ вѣкъ подрываются въ существенныхъ ихъ условіяхъ, а между тѣмъ даже и нѣкоторые существующіе законы болѣе и болѣе ветшаютъ и даже осмѣиваются. Союзъ семейственный находится въ открытомъ противорѣчіи съ системою общественнаго воспитанія, общественной службы и въ различіи значенія по возрасту и по власти. Справедливо, условія брачнаго союза должны быть инаковы. У насъ они еще тѣмъ стѣснительнѣе, что зависятъ отъ родства въ весьма отдаленныхъ степеняхъ.

Я не знаю ни одной мѣры, принятой правительствомъ для предупрежденія и искорененія бродяжничества. Напротивъ, издавались постановленія, поощряющія этотъ безпрерывный переходъ людей съ мѣста на мѣсто. Сюда я отношу прощеніе пришельцевъ въ Новороссійскій край, прощеніе бродягъ въ Западныхъ губерніяхъ и подобную мѣру, принятую по губерніямъ Сѣвернымъ. Эти льготы существовали на

время, но въ народной памяти оставались онѣ весьма долго послѣ ихъ прекращенія, и всякая льгота была поводомъ къ значительному увеличенію бродягъ. Въ Сибири бродятъ цѣлые народы. Почему бы не подтверждать объ этомъ отъ времени до времени, чрезъ земскую полицію, чрезъ чтеніе на базарахъ и въ церквахъ, почему не попугать съѣздить въ какую нибудь деревню или волость и не объявить о послѣдствіяхъ открытія чрезъ губернскія вѣдомости; почему не назначить награды за обнаруженіе безпаспортнаго, возложа это не на становыхъ и не на военныхъ или горнозаводскихъ, которые войдутъ въ сдѣлки, а на всякаго—да объявить объ этомъ всѣмъ и каждому, чтобы знали. Еще управлявшій Министерствомъ Вн. Д. графъ Строгановъ настаивалъ о клейменіи бродягъ. При разсмотрѣніи въ Совѣтѣ Уложенія Л. А. Перовскій предлагалъ тоже. Тогда, по моему мнѣнію, клейменые бродяги сдѣлались бы открытыми разбойниками.

*

Четыре человѣка, бывшіе сегодня у меня, принесли мнѣ четыре или шесть новостей: Министромъ Юстиціи назначены кн. П. П. Гагаринъ. Назначенъ Дмитр. Петр. Бутурлинъ. Назначенъ баронъ Модестъ Андреев. Корфъ. Назначенъ Никол. Михайлов. Лонгиновъ.

И всѣмъ этимъ людямъ очень нужно знать это, еще нужнѣе врать и всего нужнѣе повторять враки. Но эти толки очень ужъ скучны. На каждомъ шагу чувствуешь отсутствіе хозяина. Я не думаю, что бы Государь пропустилъ это безъ вниманія. Недостатокъ-ли кредита, непріятность-ли личныхъ столкновеній или неполученіе Александровской ленты заставляютъ графа Панина удаляться отъ управленія: не подлежитъ сомнѣнію то, что это удаленіе весьма вредно. Многіе говорятъ, что министръ юстиціи вреднѣе. Такъ измѣнить учрежденіе судебной части. Въ настоящемъ его видѣ министръ юстиціи есть глава, а не прокуроръ общаго собранія. В. А. Шереметевъ, открыто отзывающійся, что, какъ вѣрноподданный и благородный человѣкъ, онъ не приметъ министерства, справедливо замѣчаетъ, что для поднятія судебной части въ мнѣніи и для устройства ея безъ помѣхи отъ другихъ и съ пріобрѣтеніемъ довѣрія Государя, надобно назначить министромъ юстиціи графа Орлова, графа Клейнмихеля и т. п.

Государь прислалъ изъ Неаполя одинъ журналъ (по дѣлу о сопротивленіи крестьянъ Саратовской губерніи при посѣвѣ картофеля) на которомъ написалъ: хочу знать, отъ чего это дѣло производилось такъ долго, между тѣмъ наказаніе виновныхъ требовало немедленнаго при-

мѣра. Неужели Государь замѣтилъ медленность только по этому дѣлу, или это предупрежденіе министра юстиціи, который видѣлся съ нимъ въ Неаполѣ?

*

Къ новому году у насъ вышли награды. Я долженъ въ сотый разъ повторить, что награды вредны, доставляя удовольствіе весьма малому числу и неудовольствіе большему или всѣмъ, даже награжденнымъ завистливымъ. Въ подобныхъ наградахъ есть всегда несправедливость, и надобно быть очень высоку, очень осмотрительну и справедливу, чтобы уменьшить (не скажу предупредить) поводы къ ропоту. Награда есть воздаяніе труду, а трудъ долженъ быть равенъ. Уравняйте трудъ. Награда есть отличіе таланта, знаменуемаго доблестнымъ дѣломъ,—а доблесть утверждается мнѣніемъ всѣхъ или многихъ. Дайте таланту соотвѣтствующее значеніе и кругъ дѣйствія: вотъ ему награда на служебномъ поприщѣ. Я думаю, что у насъ всего болѣе должно награждать постоянное усердіе. Извѣстное число лѣтъ на одномъ мѣстѣ, удовлетворительно отправляемомъ, должно давать право на награду, которая бы обезпечивала будущую участь. Награды сіи должны быть соразмѣрены (по извѣстнымъ срокамъ лѣтъ 10. 15. 20. 25. 30) съ занимаемыми должностями. Это имѣло бы полезное вліяніе на солидность, усердіе и честность чиновниковъ, значительно уменьшило происки и произвольныя милости.

*

Путешествіе Государя продолжается. Изъ Палермо въ Неаполь, изъ Неаполя въ Римъ (6 Декабря, день Николая, на пути во Флоренцію). Журнальныя колонны наполнены извѣстіями о его пребываніи, о его прекрасной наружности, щедрости, обходительности съ народомъ и о быстротѣ его переѣздовъ. Въ Неаполѣ и Римѣ сдѣланы большіе заказы, роздано много вспомоществованій, осмотрѣны замѣчательные виды, зданія и коллекціи. Охуждаютъ злые языки, что все какъ-то пусто, что не уловишь словечка, отвѣта достойнаго великаго Государя и что вездѣ идетъ рѣчь о нарядахъ, роскоши и развлеченіяхъ. Я не знаю, можно ли тутъ сказать что нибудь вѣрное, хотя нельзя подумать, что вся эта поѣздка восточнаго властелина на Западъ, связь съ Неаполитанскимъ королемъ (трактатъ), свиданіе съ Папой, должны имѣть значеніе въ общемъ мнѣніи Европейскаго общества, должны оставить глубокіе слѣды въ художественномъ мірѣ и поколебать разные слухи, такъ громко разнесшіеся въ послѣдніе годы. Съ другой стороны я даже радъ тому, что Государь взялъ продолжительный отдыхъ. Освѣжившись, онъ пріѣдетъ съ новой энергіей, съ новыми предположеніями и,

можетъ быть, иное кончитъ, какъ напр. Остзейское дѣло, другое упрочитъ, какъ напр. отношенія крѣпостныхъ, а третье начнетъ. Можетъ быть, замѣчательное устройство судебной части въ Неаполитанскомъ королевствѣ дастъ ему мысль объ улучшеніи ея въ Россіи, мысль родитъ приказъ: „повелѣ и создашася“. Что̀ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.

Не сомнѣваюсь я, что общія, коренныя преобразованія въ уголовномъ правосудіи въ Европѣ занесутъ и къ намъ эти мысли. Юность зрѣетъ, почва приготовляется, время посѣва благопріятно. Я не знаю государства, въ которомъ бы не возникало вопроса объ этомъ важномъ дѣлѣ. Рѣшительныя и совѣщательныя собранія представителей преимущественно и иногда исключительно заняты имъ. Изустность, гласность и присяжные въ каждой рѣчи и голосѣ. Виртембергъ сдѣлалъ попытку; Баденъ еще шагъ впередъ; въ непродолжительномъ времени надобно ожидать подобнаго въ Баваріи, Венгріи, Брауншвейгѣ, Голштиніи, Пруссіи. Существенные предметы споровъ: составъ низшихъ инстанцій—одноличное или коллегіальное; форма производства—обвинительная или слѣдственная; орудіе изслѣдованія—инквиритъ или слѣдственный судья по требованію прокурора; производство суда—гласное или условное или негласное, письменное, изустное или пополамъ; введеніе или невведеніе присяжныхъ; теорія доказательствъ субъективная, объективная или обоюдная, отрицательная, апелляція общая, или ограниченная, или кассація.

*

Я не понимаю суда присяжныхъ безъ участія въ опредѣленіи наказаній и при назначеніи въ законѣ видовъ и мѣры наказаній. Это судъ народный, выраженіе демократическаго начала, учрежденіе болѣе политическое, нежели судебное. Тамъ гдѣ для проявленія жизни не будетъ другихъ органовъ, другихъ путей легальной оппозиціи, тамъ судъ присяжныхъ будетъ игралищемъ, неприличнымъ поприщемъ борьбы общества съ правительствомъ. Я не совѣтую вводить его даже въ аристократическихъ республикахъ и сомнѣваюсь, чтобы Женева нашла свои выгоды въ этой попыткѣ. Франція недовольна своими присланными. Въ Прусскихъ Рейнскихъ провинціяхъ хвалятъ судъ потому, что его нѣтъ въ самой Пруссіи. Въ Баваріи объ немъ молчатъ. Одна Англія можетъ быть имъ довольна.

*

Я забылъ помянуть въ Дняхъ и Трудахъ моихъ недавно умершаго Русскаго человѣка, сдѣлавшагося почти иностранцемъ: А. И. Тургенева. Онъ принадлежалъ къ талантливому поколѣнію и пользовался

славою отлично-яснаго и быстраго ума. Нѣкоторые изъ трудовъ его по службѣ въ Министерствѣ духовныхъ дѣлъ и Государственномъ Совѣтѣ, нѣкоторыя изрѣченія его, до сихъ поръ живутъ въ памяти. Сколько мнѣ извѣстно, ему не доставало терпѣнія и постоянства. Въ послѣднія годы онъ, какъ выбитый изъ сѣдла, немного растерялся и, не надѣясь получить значеніе (значеніе политическое) впалъ въ manie de protéger *). Образованность и легкая, любознательная привязанность къ наглядному изученію дали ему обширное знакомство въ чужихъ краяхъ; въ Россіи онъ поддерживалъ старыя связи. Послѣ исторіи брата онъ большею частію жилъ за границею; продолжительное пребываніе свое онъ оправдалъ собраніемъ иностранныхъ источниковъ нашей Исторіи. Такъ умны и важны самыя междудѣльныя занятія этого человѣка. Я его совершенно не зналъ. Что мнѣ извѣстно изъ его работъ показываетъ начитанность и знаніе, какихъ не имѣли его сослуживцы. Его хоронилъ Филаретъ. Общее участіе слѣдовало за прахомъ. Онъ умеръ въ Москвѣ.

(Дальше будетъ).

*) Страсть покровительствовать.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА [1]).

Государю очень нужны деньги, и едвали не для Вюртембергской свадьбы. Вчерась В. А. Ш. пересказывалъ мнѣ о перепискѣ по этому предмету съ министерствомъ. Изъ 300 т. р. ср., которые мы имѣемъ въ распоряженіи, взять, кажется, много нельзя. У м-ра вн. дѣлъ взято 500 т., изъ свѣчныхъ сунодскихъ 8 т. Толки по городу до невѣроятности дерзки. Одинъ смѣльчакъ (это генералъ Кавелинъ) сказалъ даже: говорятъ, что Государь утвердилъ имѣніе въ пользу д. с. с. Войцеховича (дѣло объ имѣніи), потому что гр. Протасовъ нашелъ возможнымъ дать свѣчныя деньги. Дерзость языковъ и ропотъ неудовольствія съ нѣкотораго времени дошли до неслыханной прежде степени гласности.

У насъ, по имянному указу, взято 200,000 р. серебр. И за то спасибо!

Мои дѣла запутываются. Мы съ Пинскимъ объявили другъ другу войну, и мнѣ надобно ожидать увольненія. Тутъ рождается вопросъ: что предприму я? Я обращусь къ гр. Блудову, попрошу его принять меня на первый разъ хотя безъ жалованья. Трудъ пріобрѣтетъ довѣріе, и время можетъ быть, сравняетъ этотъ трудный для меня промежутокъ. Я опасаюсь В. А. Ш.: онъ скоръ и, рѣшившись, обдумываетъ не о томъ какъ согласить виды просителя, но какъ бы усилить дѣйствіе своего рѣшенія. Главное безпокоитъ меня то, что это разстройство почувствуетъ все мое семейство.

Я читалъ въ Сѣверной Пчелѣ статью П. И. Дегая о Баденскомъ судопроизводствѣ. Статья эта короче титуловъ автора, и я не знаю, тому или другому должно болѣе удивляться.

Сегодня, 3 Февраля, я зашелъ къ Сергѣю Муравьеву [2]). Семейство, жена и 4 дочери приготовлялись идти обѣдать къ бабушкѣ. Квартира

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1910 года, книга II, выпускъ 7-й, стр. 333 и выпускъ 8-й, стр. 465.

[2]) Это младшій братъ графа М. Н. Муравьева Виленскаго. П. Б.

наполнена. Въ домѣ нѣтъ ни копѣйки. „Ни крошки табаку“, сказалъ онъ мнѣ. Морозъ 20°. Холодъ и голодъ вовсемъ смыслѣ этихъ словъ господствуютъ въ этомъ несчастномъ семействѣ, хотя все скрывается приличіемъ болѣе нежели умѣреннымъ. Со мною было рубль мелочи, и на эту огромную сумму купили табаку, говядины, хлѣба... Какъ мнѣ припомнило это сумѣ изъ романа Поль-де-Кока—Moustache. Я не могъ долго сидѣть отъ холода. Завра пошлю сколько-нибудь женѣ, которая, съ малютками, заслуживаетъ участія. Но чтоже дѣлаютъ братья?

*

Макіавелли могъ бы сказать, и я не осудилъ бы его: „Лучше, по времени и въ извѣстныхъ, даже во многихъ, даже вообще останавливать дѣйствіе закона, нежели терпѣть его отсутствіе въ законодательствѣ“. Это весьма важно. Конечно въ строгомъ смыслѣ это несовсѣмъ справедливо, но справедливость, входя въ сферу отношеній положительныхъ, неминуемо должна подчиняться требованіямъ мѣста и времени. Но представительница права, государственная власть, для своего достоинства и въ глазахъ другихъ, не должна давать повода къ упреку въ отсутствіи закона. Она можетъ найти оправданіе въ требованіи обстоятельствъ относительно допускаемыхъ ею частныхъ или общихъ изъятій, но она не найдетъ извиненія въ томъ, что этого закона нѣтъ, что мѣра, требуемая правосудіемъ, ею не принята. Конечно законы пишутся для ихъ исполненія; но надобно замѣтить, что законъ, въ дѣйствительномъ его примѣненіи, касается весьма немногихъ лицъ; для большей части, для всей массы онъ есть стражъ, успокаивающій умы, онъ есть обѣтъ правосудія, къ которому прибѣгнутъ десять человѣкъ, но о которомъ думаютъ всѣ. Не должно здѣсь принимать въ соображеніе низкую степень образованности общества: законъ долженъ предупреждать развитіе государства; всякое государство во всякомъ обществѣ должно думать о своемъ достоинствѣ; притомъ же дѣйствія его въ виду другихъ, и оно не должно вызывать нарѣканій, умаляющихъ довѣріе; въ самомъ этомъ обществѣ есть, и конечно немало, лицъ, имѣющихъ высокое образованіе, а правосудіе должны быть для всѣхъ.

*

Я читалъ любопытныя статьи о Нѣмецкомъ таможенномъ союзѣ. Написанныя Французами и при томъ путешественниками, статьи эти неточны, часто поверхностны, но онѣ выражаютъ общее—самое выгодное для союза—мнѣніе Германіи и представляютъ дѣло довольно безпристрастно. Несомнѣнно то, что союзъ далъ свободу обращенія, крѣпче соединилъ соплеменныхъ, усилилъ производительность и много уменьшилъ поводы къ рискованнымъ предпріятіямъ и контрабандѣ. Я

не вѣрю, чтобы Пруссія дѣйствительно терпѣла убытки: цифры повинуются нашимъ сложеніямъ, и Прусское участіе въ союзѣ очень достаточно для того, чтобы восполнить эти убытки. Еще съ 1842 г. говорили мнѣ, что несмотря на выгодный балансъ правительствъ, напр. Саксонскаго и Баварскаго, благосостояніе народное въ сихъ земляхъ примѣтно умалилось, а ропотъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и торговыхъ домовъ удостовѣряется нерѣдкими банкротствами. Впрочемъ надобно надѣяться, что торговое единство уровняетъ выгоды и невыгоды и преобладаніе одного члена, пробудя соревнованіе въ другихъ, будетъ способствовать развитію и утвержденію положительныхъ началъ политическихъ и нравственныхъ.

Низведеніе ассоціацій до недѣлимыхъ есть задача человѣчества.

*

Какой-то глухой слухъ разнесся о бунтѣ, вспыхнувшемъ въ Краковѣ, Лембергѣ и Познани. Что это такое, къ чему это приведетъ, насколько еще усилитъ реакцію, въ свою очередь поддерживающую скрытное и тѣмъ болѣе опасное противодѣйствіе? Много нужно ума и воли, чтобы во время захватить эти явленія болѣзни и привести въ здравое, нормальное состояніе.

Я все остаюсь при томъ мнѣніи, что хитрость вредитъ хитрецу—malum consilium consultori pessimum—не въ наше время можно надѣяться на притворныя мѣры. Мы тщеславимся покровительствомъ просвѣщенія, мы назойливо выдаемъ себя за прямыхъ и безкорыстныхъ хотя тутъ много лжи и эгоизма, но тѣмъ не менѣе въ тщеславіи мы пропускаемъ многое, не замѣчая, и въ большинствѣ о многомъ проговариваемся, не разсуждая. Въ общемъ ходѣ развитія противодѣйствіе полезно, но оно полезно для будущаго, для настоящаго оно всегда гибельно. Я это знаю.

Краковское дѣло имѣетъ видъ важнаго явленія. Волынь и Подолія объявлены въ военномъ положеніи; приняты общія мѣры по военному вѣдомству поставленіемъ войска на военную ногу. Много говора. Но я прочелъ въ газетахъ, что это дѣло начато коммунистами. Секта коммунистовъ еще такъ далека отъ дѣйствительности, что тутъ трудно предполагать постоянство и прочность. Въ самомъ нелегальномъ дѣлѣ—каковымъ должно считать всякое возстаніе—это есть заблужденіе и притомъ заблужденіе теоретическое.

*

Сего 1846 г. 22 Февраля умеръ извѣстный литераторъ Николай Алексѣевичъ Полевой. Участіе, оказанное его семейству Государемъ и общее участіе пишущаго и читающаго свѣта обнаружились несомнѣнно и благородно. Нельзя не порадоваться этой признательности къ таланту

замѣчательному, чувству сильному и трудамъ многолѣтнимъ. Мы дѣйствительно лишились заслуженнаго человѣка. Миръ праху твоему, усопшій согражданинъ. Память о тебѣ надолго останется въ насъ и въ дѣлахъ нашихъ. Н. А. Полевой началъ свое литературное поприще въ 1820 годахъ, а литературную славу и вліяніе съ 1825, съ изданіемъ Телеграфа. Въ 1832—1835 г.г. онъ достигъ той степени, какой только могъ достигнуть. Въ этомъ 1835 г. онъ былъ выбитъ изъ сѣдла, растерялся, хватался за соломинку на право и на лѣво и постепенно нисходилъ, упадалъ и умиралъ, пока наконецъ не дошелъ до горькой участи притворнаго разсказчика, газетнаго сотрудника и бѣдствующаго пенсіонера. Онъ не имѣлъ высокаго творчества, онъ признавалъ убѣжденіе за личину, онъ не углубился ни въ одинъ предметъ, мысль о которомъ, какъ звѣзда путеводная, спасла бы его при крушеніи. Литераторъ въ полномъ смыслѣ, публицистъ, критикъ и библіографъ, онъ лучше всѣхъ умѣлъ понимать массу читающей публики, любилъ этотъ средній классъ и былъ любимъ имъ, возвысилъ его Европейскими статьями своего журнала и возвысился самъ на степень оракула и протектора. По переѣздѣ въ Петербургъ, Полевой, не имѣя самостоятельности, жилъ и трудился изъ насущнаго хлѣба. Здѣсь онъ уже взялся за лесть, сперва власти, а когда она не удовлетворила видамъ писателя, взялся за лесть толпѣ и наконецъ унизился до спекуляцій на вкусъ торговцевъ и даже назвалъ себя Московскимъ купчиною. Что дѣлать, семья ѣсть проситъ. Но и здѣсь, по воззрѣнію, по выраженію вездѣ видѣнъ былъ Полевой, съ открытою душою, съ чувствомъ достоинства и съ свободою рѣчи, часто небрежной, но всегда бойкой и нерѣдко превосходной. Любя разоблачать мнимыя знаменитости и пріучивъ не признавать авторитета, кромѣ личнаго убѣжденія, Полевой самъ подрывалъ основаніе литературнаго своего могущества. Поэтому неудивительно, если послѣ первыхъ порывовъ суетнаго общества къ изліянію своего уваженія, Полевой вполнѣ будетъ оцѣненъ только со временемъ какимъ-нибудь добросовѣстнымъ историкомъ литературы, а въ нашу эпоху его будутъ хвалить, чтобъ унизить другого или омыть себя отъ прежнихъ личностей.

*

Много толковъ о д. с. с. Александрѣ Павловичѣ Величко. Его отставили отъ службы за неприличные званію поступки и посадили въ исправительное заведеніе. Зная Величко, я не сомнѣваюсь, что онъ могъ дать поводъ къ такимъ мѣрамъ: злой языкъ, при оскорбленномъ самолюбіи, дерзкія рѣчи и праздная жизнь въ изысканіи средствъ поддержать свое состояніе, совершенно разстроенное займами и безуспѣшностью предпріятій, все это могло привести къ поступкамъ неприлич-

нымъ его званію и къ заключенію въ исправительное заведеніе. Онъ давно уже не платилъ долговъ. Но на все есть порядокъ и форма. Онъ могъ быть уволенъ и безъ публикаціи въ газетахъ, онъ могъ быть посаженъ въ долговую тюрьму и безъ особаго повелѣнія. Величко имѣетъ теперь право жаловаться, а какъ жаловаться некому, онъ будетъ роптать. Ропотъ всегда вреденъ. А. П. Величко, какъ весьма многіе, испытываетъ мщеніе времени за старое.

Повиновеніе безъ уваженія, подчиненіе безъ повиновенія и наоборотъ есть безнравственность. Мнѣ очень дорого и мое достоинство и честь вѣдомства, а потому я употреблю всѣ усилія, чтобы перемѣнить мѣсто.

*

Воспитатель Наслѣдника Цесаревича генералъ Кавелинъ помѣшался. По городу ходятъ престранные анекдоты, изъ которыхъ нѣкоторые разсказаны мнѣ очевидцами и между прочимъ М. И. Топильскимъ. Это какая-то раздражительность, экзальтація въ высочайшей степени. Онъ ругаетъ всѣхъ въ глаза и за глаза. По увольненіи его изъ генералъ-губернаторовъ при прощальномъ представленіи чиновниковъ онъ началъ губернатору, оберъ-полиціймейстеру, предсѣдателямъ и всѣмъ вычислять—тоже въ глаза—кто воръ, кто не воръ. Наглость, извиняемая развѣ однимъ помѣшательствомъ. О причинахъ сумасшествія говорятъ различно. По общему отзыву оно должно быть приписано неудовольствіямъ по службѣ отъ министра внутр. дѣлъ и оберъ-полицеймейстера и противорѣчію, въ которомъ находился довѣренный человѣкъ Государя подъ распоряженіями министерства внутреннихъ дѣлъ. Особенно изливается неудовольствіе его на директора Лекса и на корпусъ полиціи, на слѣдственныхъ приставовъ. Не одно это событіе требуетъ вниманія. Сумасшествіе есть признакъ дурныхъ соковъ въ общественномъ организмѣ.

*

Я прочелъ трагедію или драму Степана Гедеонова: Смерть Ляпунова. Видна свѣжесть таланта, но небольшаго; много романтическихъ разительныхъ противуположностей, больше подражательности; весьма мало изученія, еще менѣе оконченности въ отдѣлкѣ. Это картины, а не драма. Марина съ Волынскимъ напоминаетъ Андромаху съ Орестомъ. На сценѣ должно быть много эффектовъ отъ игры Каратыгина, для котораго, кажется, написана вся пьеса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть много бородачей и простонародности.

*

Я снова (почти послѣ 10 лѣтъ) увидѣлся съ Закревскимъ. Онъ взросъ и укрѣпился въ томъ, что̀ началъ. Подъ наружностью легкости,

шутовства и актерства—умѣнья сходиться съ людьми, узнавать ихъ слабости, отыгрываться отъ требованій и не забывать себя или думать о себѣ. Комфортъ сдѣлалъ изъ него совершенную гору. Желалъ бы я знать мысли о немъ жены его. Я не думаю, чтобы былъ человѣкъ, который бы могъ обидѣть его, такъ онъ необидчивъ, но не думаю также, чтобы кто нибудь искренно любилъ его.

*

Государь случайно взглянулъ въ списокъ гражданскихъ чиновниковъ и приказалъ удалить всѣхъ, кто не имѣетъ опредѣленнаго мѣста. По военному вѣдомству подобная переборка уже была. Думаютъ о сокращеніи штатовъ, думаютъ поуменьшить чиновный классъ и нравственно улучшить его. Высочайше повелѣно представлять послужные списки отъ 14 до 1 класса въ собственныя руки. Хотятъ учредить высшій нравственный контроль. Спекуляторы, какъ откупщики, въ открытой опалѣ. Успѣхи высшихъ дворянскихъ фамилій, какъ представляющихъ надежное ручательство нравственности и достоинства, идутъ быстрыми шагами. Начинаются преобразованія систематическія, въ началахъ, всеобъемлющія. Общее неудовольствіе вызываетъ общее требованіе, общія мѣры. Толкуютъ, хлопочутъ, тревожатся... Дай Богъ, чтобы изъ этого что нибудь выработалось. Дай Богъ поменьше жертвъ.

*

У меня очень долго сидѣлъ и говорилъ о Сибири возвратившійся съ ревизіи восточной ея половины М. А. Безобразовъ. Ревизіонная коммисія (какъ видно) не имѣла главы. Молодежь иногда сама не узнавала себя въ новомъ положеніи. Вообще, по постоянному отзыву, надобно думать, что въ Сибири господствуетъ неблагонамѣренный произволъ власти и монополія капиталистовъ. Раздѣленіе инстанцій исчезаетъ, всякая высшая поглощаетъ низшую, и все сливается въ генералъ-губернаторѣ, который тѣмъ отличается отъ отдаленной централизированной власти, что надъ нимъ нѣтъ контроля, нѣтъ даже соревнованія отдѣльныхъ вѣдомствъ, которое нерѣдко вводитъ въ границы забывчиваго министра. Соперничество министровъ и отдѣльность вѣдомствъ, столь вредныя въ другихъ краяхъ, у насъ есть прекрасное огражденіе порядка. Мы весьма часто ратуемъ за справедливость, чтобы помѣшать другому. Общее мѣсто „общая польза“ мало по малу пріобрѣтаетъ право гражданства. Въ Сибири еще не то. Тамъ нѣтъ соревнованія вѣдомствъ, тамъ мы видимъ колонію и назначаемъ туда проконсуловъ. Тамъ еще отыгрываются фразой: „требованіе мѣстности“, а что такое эта мѣстность Канская, Камчатская, ее впрочемъ самъ генералъ-губернаторъ знаетъ не болѣе дюка-де-Ришилье.

Очень охуждаютъ учрежденіе М. М. Сперанскаго, превозносятъ распоряженія Трескина. На чемъ свѣтъ стоитъ, ругаютъ управленіе настоящее. Не должно ли видѣть въ этомъ страсть къ оригинальности, къ похвалѣ противнаго и то общее стремленіе порицать не нами сдѣланное, которое такъ обыкновенно въ нашъ аналитическій вѣкъ? Я всегда защищалъ пользу и необходимость мѣстной власти, но я всегда былъ противъ *главной* мѣстной власти. Это раздробленіе централизаціи есть очевидное противорѣчіе. Отъ Якутска и Охотска Иркутскъ немного ближе Петербурга, и Пестель управлялъ Сибирью съ Англійческой набережной. Мѣстная власть (не главная), постоянная современная отчетность и немнимый контроль: вотъ начала нашего управленія, по моему мнѣнію. Ни скучной дробности инстанцій, ни элемента представительнаго, ни ранней гласности. Всѣ эти Европейскія формы не по нашему огромному и голому стану. Они стѣсняютъ благонамѣренность, гнѣздятъ вымогательство и выводятъ изъ терпѣнія. Но— желая быть Европейцами, надобно желать искренно. Мы до сихъ поръ смотримъ волками, и потому Европейцу едва ли ужиться съ нами.

*

Сегодня, 6 Мая, погребена Е. Ѳ. Ребиндеръ молодая женщина, жена молодого мужа, всѣми любимая и достойная любви. Она довольно давно сдѣлалась болѣзненною, испытывала разныя методы леченія, разстраивалась, поправлялась, но постоянно страдала. Кончилось тѣмъ, что она упорно отказывалась отъ всякой пищи и потому (грустно вымолвить) смерть ея должно приписать самоубійству. Еще жертва, еще много будетъ жертвъ. Помилуй насъ, Господи! На дняхъ померли два брата Иванъ и Петръ Веймарны, всѣми любимые и уважаемые, благонамѣренные и свѣдущіе. Ихъ искренно сожалѣютъ всѣ, кто зналъ, и надобно замѣтить, что это сожалѣніе не притворно.

*

Молодой про-императоръ нашъ, Цесаревичъ при какомъ-то случаѣ выразился на счетъ службы Нѣмцевъ и Русскихъ: Нѣмцы служатъ намъ, а Русскіе, какъ они говорятъ, государству*). Не говоря о несправедливости этого подраздѣленія и самой мысли различнаго служенія, особенно въ Россіи, царскому дому и царству, я сомнѣваюсь, чтобы даже молодой царевичъ позволилъ себѣ такъ неполитически выразиться. Хотя мнѣ пересказывалъ объ этомъ сановный старецъ, но я думаю. что это выдумка противниковъ Нѣмецкой партіи, постепенно слабѣющей послѣ смерти почетныхъ ея защитниковъ. Партія эта, по личной преданности всякой царствующей власти, весьма важна, особенно въ виду

*) Уже тогда проявлялись Нѣмецкія сочувствія Александра Николаевича, погубившія его; это вліяніе бабушки. П. Б.

партіи собственно Русской, высшей аристократіи, всегда своенравной и нерѣдко заносчивой. Партія Нѣмецкая была очень могущественна, всегда откровенно предана монархическому чистому началу, и уничтоженіе ея было бы вредно, въ настоящее время болѣе вредно, нежели когда нибудь. Всякая односторонность рано или поздно приводитъ къ необходимости, ибо вращается въ одномъ и томъ же. Нѣмецкая партія устраняетъ эту необходимость, противупоставляя Русскому упрямству Нѣмецкую добросовѣстную исполнительность даже такимъ повелѣніямъ, которыя найдутъ оправданіе развѣ въ одной минутной необходимости. Нѣмцы этимъ всегда брали и всегда возмутъ; въ этомъ отношеніи Русскіе Нѣмцамъ никогда не составятъ оппозиціи; они никогда не рѣшатся на иниціативу и въ виду Русскихъ, какъ пришельцы, всегда будутъ отличаться вѣрноподданическою, безусловною исполнительностію. Коль скоро чистое монархическое начало въ Россіи поколеблется, Нѣмцамъ жить будетъ нельзя. Исчезновеніе Нѣмецкой партіи будетъ явнымъ признакомъ ослабленія самодержавія. Надобно замѣтить, что Нѣмецкій умъ силенъ однимъ терпѣніемъ, онъ никогда не выдержитъ соперничества съ Русскимъ. Какъ пришельцы и въ незначительномъ количествѣ, Русскіе Нѣмцы, послѣ Цыганъ и Евреевъ, составляютъ сотню гостей, которые никогда не будутъ въ состояніи показать умъ самостоятельный, умъ хозяина, хотя не просвѣщеннаго, даже малообразованнаго, но знающаго гдѣ что̀ лежитъ, гдѣ что̀ положить. Онъ не можетъ развить своего, ибо онъ чужой; онъ едва справляется съ Латышемъ, ибо дѣйствуетъ озираясь посреди иноплеменныхъ, въ видахъ власти, въ ожиданіи личныхъ видовъ, въ землѣ, которая ему не родная. Екатерина II справедливо говорила о Нѣмцахъ, какъ ихъ ни корми, они все въ лѣсъ смотрятъ. Но, повторяю: партія эта полезна для самодержавія, и зло, отъ нея происходящее, едва ли будетъ или лучше едва ли уже можетъ быть такъ велико, какъ было и какъ велико можетъ быть отъ односторонняго развитія партіи Русской, стремящейся утвердиться въ видѣ поземельной аристократіи.

*

На дняхъ я прочелъ въ двухъ-трехъ журналахъ о какой-то *натуральной* школѣ, главою которой считаютъ Гоголя и о которой я хочу сказать нѣсколько словъ. Натуральная школа говоритъ правду, что есть грязь и золото, грубость и утонченное образованіе. Натуральность эта отличается отъ дѣйствительности тѣмъ, что въ ней нѣтъ пошлости, удѣла посредственности. Это справедливо. Но, за симъ, различіе натуральной школы будетъ состоять въ томъ, что она описываетъ событія и предметы изъ сферы и класса низшаго слоя общества, не идеалы, но оригиналы, доходящіе нерѣдко до преувеличенныхъ

каррикатуръ. Я не могу согласиться съ мнѣніемъ о превосходствѣ и пользѣ этой школы. Образованность, литература есть соль народной жизни. Она должна выражать въ положительныхъ наукахъ—понятія народа о правдѣ и истинѣ; въ поэзіи, въ творческихъ изданіяхъ поэтическаго таланта—понятія народа объ идеалѣ, о лучшемъ. Тогда только поэзія есть вдохновеніе и благородное орудіе народнаго развитія.

Народная натуральная школа есть сатира, облеченная въ господствующую нынѣ форму романа или разсказа, какъ прежде она облекалась въ форму оды, воззванія, посланія. Я очень люблю читать Гоголя, Гребенку и другихъ, но я никогда въ натуральныхъ ихъ картинахъ не испытывалъ высокаго наслажденія, которое доставляли мнѣ сочиненія Пушкина, Марлинскаго (не смотря на его кудреватость), Жуковскаго, Карамзина, Загоскина, Вельтмана и мн. друг. Натуральнѣе Гоголя Загоскинъ въ народныхъ сценахъ, Грибоѣдовъ въ Горе отъ ума, Крыловъ въ своемъ мірѣ.

Какъ прежняя школа нерѣдко переходила въ приторность даже подъ перомъ Шатобріана, тамъ и натуральная школа, едва ли не чаще, переходитъ въ уродливость. Всякая изнемогательность дурна; но по моему мнѣнію уродливость хуже приторности, а если она, какъ у Гюго, при томъ имѣетъ значеніе политическое, она вредна, вредна нравственно, потому что воспламеняетъ дурныя страсти, вредна естетически, потому что пріучаетъ къ формамъ грубымъ, пресыщаетъ наслажденіями грязными, представляетъ воображенію оригиналовъ безобразныхъ. Если Гоголь оснуетъ школу, она будетъ очень дурна. Гоголь хорошъ безъ школы, безъ продолжателей, безъ подражателей, одинъ. Рядомъ съ другими, онъ скученъ. Я всегда читалъ его послѣ обѣда.

*

Въ Мартѣ мѣсяцѣ крестьяне бывшей графини Юліи Павлов. Самойловой, вышедшей замужъ за Француза Пери, подали Государю жалобу на неправильную ихъ продажу шляхтянкѣ Заливской, вмѣстѣ съ собственными ихъ землями, до 1000 десятинъ, и въ нарушеніе сдѣлки и выкупѣ ихъ на волю, учиненной ими съ 1844 г. съ управлявшимъ имѣніями гр. Самойловой, д. с. с. Сабуровымъ. Государь передалъ жалобу министру госуд. имуществъ, который словесно доложилъ, что это не его дѣло и что тутъ едва ли можно что̀ нибудь сдѣлать. Государь сдѣлалъ надпись: „поручаю вамъ это неслыханное мошенничество разобрать и купчую уничтожить сей часъ“ и послалъ прошеніе крестьянъ къ управляющему министерства юстиціи. Началось разбирательство. Изъ собранныхъ свѣдѣній оказалось: что имѣніе графини Самойловой, Московской г. Коломенскаго уѣзда село Мягково и деревня Санино, болѣе 1000 душъ, узнавъ о покупкѣ

въ казну другаго имѣнья той же помѣщицы, Тверск. губерн. села Кимры, рѣшилось просить о обращеніи ихъ въ казенное вѣдомство. Имѣнье продано не шляхтянкѣ, но женѣ штабъ-ротмистра Заливской, которая и прежде этого имѣла болѣе 1000 душъ въ Московской губерніи. Эта Заливская—дочь купца Сычкова, бѣжавшая отъ отца и вступившая въ бракъ съ поручикомъ Заливскимъ въ 1838 г. Земли крестьянскія, какія есть, остаются во владѣніи тѣхъ же семействъ, за которыми были и прежде.

Сдѣлки о выкупѣ никакой не было, и предположеніе объ этомъ остановилось по несостоятельности крестьянъ въ сборѣ денегъ. Итакъ просьба крестьянъ совершенно не подтвердилась. Мы теперь въ затрудненіи: какъ уничтожить купчую. Продолжительные переговоры кончились тѣмъ, что Цесаревичъ Наслѣдникъ самъ взялъ записку для представленія Государю Императору по возвращеніи его изъ за границы.

*

Можетъ быть, никогда не было такъ много желающихъ видѣть Парижъ и Францію какъ нынѣ; можетъ быть, никогда общественное вліяніе Французскаго свѣта, языка, моды, изданій не было такъ сильно и въ самой Франціи развито до этой степени, какъ теперь, въ наше время, особенно послѣ 1830 года, и—замѣчательно!—никогда политическое значеніе этого государства не было такъ малозначительно, какъ въ современныхъ вопросахъ общихъ дѣлъ Европы. Значеніе это потеряло даже преданіе прежняго значенія. Разборъ дѣлъ Бельгіи, Польши, Востока—можно сказать—совершался безъ Франціи, вопреки Франціи. Чему приписать это? Развитію. Франція дѣйствительно потеряла много мускульной силы, той энергической силы, 1790 годовъ, сосредоточившейся въ Наполеонѣ до высшей степени, силы единодержавной, которая затруднялась подъ ярмомъ конституціи съ 1815 года и совершенно раздвоилась въ 1830 году. Теперь думаютъ не о томъ, какъ бы пріобрѣсти авторитетъ въ Европѣ, но о томъ какъ бы справиться народному величеству съ королевскимъ, палатскому съ министерскимъ, зажиточному съ бѣднымъ. Соревнованіе привело къ озлобленію, хитростямъ, односторонности, и въ этихъ мелочахъ гибнетъ настоящій геній величія, постоянно осѣнявшій умную, безкорыстную и прекрасную эту націю.

Развитіе внѣшнее. Войны республики и Наполеона перенесли Францію почти во всѣ страны Европы, униженіе и нужда пробудили въ сихъ странахъ сознаніе собственнаго достоинства, быстрота и удобства сообщеній, разлившееся повсюду просвѣщеніе, безпрерывное явленіе неутомимыхъ честолюбцевъ и исключительныхъ стремленій уронили идеалы Французскаго государства, въ которомъ прежде спѣшили

учиться и совершенствоваться. Безплодные толки и крики парламентовъ и журналовъ разрушили кредитъ къ обѣщаніямъ и угрозамъ. Какъ прежде было одно государство, а въ этомъ государствѣ одно величество, тамъ теперь это величество разсыпалось въ огромной аристократіи, а образцовое государство проявилось въ 10 или 15 государствахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это великій шагъ въ развитіи человѣчества; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что съ этимъ шагомъ Франція потеряла прежнее всемірное свое значеніе, и ни король ея, ни сама она не можетъ сказать: je le veux*). Но общественное значеніе, по существу своему, едвали не сильнѣе и едвали не доблестнѣе утерянаго, принужденнаго значенія политическаго. Я такъ думаю.

Умеръ Папа. Для нашихъ католиковъ это весьма важное событіе, потому что Государь, при свиданіи съ покойнымъ старцемъ, лично увѣрилъ его въ прямомъ желаніи устройства католической церкви въ Россіи и дружескихъ сношеній съ Римскимъ дворомъ. Гр. Д. Н. Блудовъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ. Все это теперь остановится и, можетъ быть, отношенія къ преемнику будутъ инаковы. Святой отецъ былъ добрый человѣкъ, иногда даже съ энергіей, но чаще съ молитвою. Григорій VII теперь совершенно бы разрушилъ папскій престолъ и догму католицизма.

*

5-го Іюня, на пароходѣ, пріѣхалъ гр. Панинъ. Толки прекратятся, многія ожиданія рушатся, многіе откажутся отъ своихъ и прилепятся къ другимъ.

Читая Макіавелли, во многомъ измѣняешь общее о немъ мнѣніе, сдѣлавшее изъ него наставника іезуитскаго притворнаго поведенія. Онъ не совѣтуетъ прямоты, онъ не проповѣдуетъ братской откровенности, христіанскаго смиренія и благороднаго самопожертвованія— это правда. Онъ пишетъ не курсъ христіанской философіи, а наставленія свѣтской политики; но онъ и не учитъ тѣсному своекорыстному обману. Озлобленный на людей „большею частію мелкихъ, злыхъ и порочныхъ“, онъ признаетъ необходимость и, предполагая болѣе дурного нежели хорошаго, болѣе зависти нежели участія, онъ излагаетъ правила политики практической, оборонительной, отрицательной и едвали идетъ, на этомъ пути, до той степени политическаго притворства, какая видна въ дѣйствіяхъ самыхъ главныхъ правительствъ. По моему мнѣнію Макіавелли, писатель XV—XVI столѣтія, не достигъ великихъ, несомнѣнныхъ положеній опыта, пріобрѣтеннаго испытаніями послѣдующихъ столѣтій: что цѣль не облагораживаетъ

*) Я этого хочу.

средствъ, что достиженіе не доказываетъ правды, что мнимое или притворное непремѣнно со временемъ разоблачится, и что прочное счастіе и благосостояніе получается неиначе какъ путями обыкновенными.

Политикъ, секретарь, распорядитель, Макіавелли вѣруетъ въ событіе, въ фактъ, и едвали во всемъ сочиненіи его встрѣтится хоть разъ слово „право“. Онъ исключительно говоритъ о происшествіяхъ и пользѣ; теорія и начала правды для него вещи второстепенныя; самая истина—понятіе шаткое, относительное орудіе; самъ Богъ-провидѣніе—коронуетъ успѣхъ и умное пользованіе.

Острый наблюдатель, Макіавелли можетъ быть полезенъ для всякаго и каждаго, но онъ мелокъ для геніальнаго принца, онъ слишкомъ приковываетъ свободу ума и воли къ обстоятельствамъ и къ положительнымъ способамъ, онъ слишкомъ предупрежденъ противъ свѣта, и предупрежденіе его, дѣлаясь предубѣжденіемъ, стѣсняетъ дѣйствіе и—для отличнаго ума—невольно заставляетъ терять лучшіе способы, счастливѣйшее обстоятельство въ приготовленіяхъ ненужныхъ, въ опасеніяхъ неосновательныхъ. Онъ похожъ на крѣпость, вооруженную со всѣхъ сторонъ, между тѣмъ какъ нападеніе происходитъ только съ одной, и со всѣхъ прочихъ нѣтъ приступа.

Макіавелли объясняетъ многія современныя намъ событія, совершившіяся по волѣ и планамъ лицъ. Ни одного событія, вызваннаго обстоятельствами и естественными развитіями обществъ, нельзя объяснить изъ его сочиненій. Силы, каковы духъ времени, требованіе справедливости, условія мѣстности, сообщительность, гласность, ученіе ему неизвѣстны. Ученики его, какъ и самъ онъ, очень ошибутся, принявъ внѣшнее за истое, временное за непремѣнное и успѣхъ за правду.

*

4-го у насъ, въ Петербургѣ, по случаю прибытія Государыни, была богатая иллюминація. Особенно хорошо было освѣщеніе у гр. Шереметева, Нарышкина, Сухозанета, мин. вн. дѣлъ, Вольфа, Англійскаго магазина.

Какъ въ другихъ государствахъ, такъ и у насъ есть партіи охранительная или историческая и преобразовательная или раціональная: консерваторы и либералы. Главою первой считаютъ гр. Блудова и Панина, представителями второй—гр. Киселевъ и Л. А. Перовскій. Все это еще болѣе имена, болѣе заграничное подражаніе, но все это не безъ вліянія. Преобразованія двухъ послѣднихъ встрѣчаютъ оппозицію, но противодѣйствіе ея не смѣло, не прямо и не дружно: оттого преобразованія мало по малу совершаются и входятъ въ жизнь: особенно важны реформы въ управленіи обширнаго класса государственныхъ крестьянъ, обѣщающія со временемъ плоды несомнѣнно полезные.

Какъ въ высшемъ управленіи, такъ обозначаются эти партіи и въ литературномъ, книжномъ обществѣ. Профессора старые или люди ловкіе, ожидающіе наградъ и благоволеній, превозносятъ все что̀ есть; молодые люди, всѣ, не имѣющіе ничего терять, не надѣющіеся что либо пріобрѣсти, рубятъ съ плеча, намекаютъ на несообразности, пишутъ памфлеты и даже пасквили и иногда сидятъ на гауптвахтѣ, иногда высылаются въ Пермь или Вятку, а иногда подвергаются запрещенію печатанія.

Все это довольно смѣшно, довольно дурно и часто весьма вредно. Оппозиція въ высшемъ управленіи производитъ смѣшеніе, запутанность, соревнованіе, унижающее одно вѣдомство передъ другимъ; нерѣдко очевидно разстройство отъ несоотвѣтствія разныхъ частей одной машины. Оппозиція мелкихъ людей вызываетъ искры, обузданіе и пресѣченіе которыхъ (какъ, это всегда бываетъ при борьбѣ противуположностей) переходятъ предѣлы должнаго и кончаются жертвами, которыя того не заслуживаютъ и которыя своимъ пожертвованіемъ не приносятъ пользы, соразмѣрной потерѣ. Все это показываетъ юность, молодость и неопытность. Мелкій либерализмъ—вреденъ, это правило. Опытъ людей, опередившихъ насъ, указываетъ на другой, лучшій способъ дѣйствія: это развитіе оградительныхъ формъ для ума, личности и имѣнія. Здѣсь стремленіе не имѣетъ свойства оппозиціи и нарушенія, ведетъ къ цѣли вѣрнѣе и приведетъ путемъ мира къ тому же, къ чему приводятъ самыя сильныя революціи, къ огражденію свободы. Это стремленіе найдетъ соучастіе въ обществѣ, изъ котораго оно исходитъ, и въ самомъ правительствѣ, которому оно поможетъ.

Стремленіе это возможно только въ чиновномъ классѣ. Вотъ его значеніе, этого класса, который такъ презираютъ, такъ дерзко осмѣиваютъ и—вопреки старому порядку—исключаютъ изъ высшаго сословія государства. Съ образованіемъ аристократіи, главами которой охранители, чиновный классъ дѣлается вреднымъ сословіемъ. Для него остался входъ чрезъ статскаго совѣтника, но и онъ можетъ скоро затвориться. Время болѣе и болѣе, яснѣе и яснѣе опредѣляетъ его мѣсто. Положеніе важное, требующее заботливыхъ помышленій, особенно со стороны тѣхъ, которые его придумали и на которыхъ выгоды и невыгоды его должны обрушиться.

Правительство есть соль, умъ націи, ядро государства. Отдѣленіе представителей сего правительства отъ высшаго класса государства, по мнѣнію моему, есть противорѣчіе. Успѣхи и добрая память о прежнихъ царствованіяхъ покоятся именно на этомъ соединеніи государства и общества, правительства и дворянства. Доселѣ дворянство у насъ было ступень, теперь оно почти каста.

Отъ класса чиновниковъ должна начаться реакція. Они составятъ ядро, къ которому прилѣпятся либералы мелкіе. Они (занимая среднее положеніе и будучи ближе къ массѣ, къ народу) выработаютъ, опредѣлятъ и утвердятъ эти охранительныя формы, которыя такъ незамѣтно ограничиваютъ дѣйствіе власти и обуздывая по видимому свободу злоупотребленій и уклоненій, въ самомъ дѣлѣ удостовѣряютъ свободу частную и стѣсняютъ свободу произвольную власти и ей двигателей.

Въ чемъ заключаются эти охранительныя формы? Это требуетъ нѣсколько подробнѣйшаго разсмотрѣнія. Выше я сказалъ, что онѣ относятся къ уму, личности и имѣнію. Въ другой разъ скажу болѣе.

*

Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ уголовное правосудіе дѣйствуетъ подъ Уложеніемъ 15 Августа 1846 года. Мнѣ болѣе нежели кому нибудь видно и ощутительно это дѣйствіе. Оно еще опасливо, шатко, ошибочно. Ученая система новой книги еще не понята, многоразличныя условія виновности и наказанности не усвоены, не усмотрѣны, не улеглись въ памяти. Я не видѣлъ еще ни одного опредѣленія Прав. Сената, которое было постановлено согласно съ Уложеніемъ. Непремѣнно путаница. Иное понято и примѣнено не такъ, другое пропущено, третье невпопадъ прибавлено. Что̀ должно думать о судахъ второй степени, о судахъ уѣздныхъ, надворныхъ, земскихъ? Важна отвѣтственность тѣхъ, которые должно наблюдать за введеніемъ Уложенія. Послѣдній въ роду ихъ, я, предугадывая объ этомъ еще въ прошломъ годѣ, представилъ мысли мои и мѣры къ устраненію запутанностей, въ Апрѣлѣ 1846 г.; что̀ съ ними дѣлаютъ, я не знаю. Я убѣжденъ сильнѣе прежняго въ ихъ пользѣ и необходимости.

Всѣ суетятся и приготовляются къ праздникамъ свадьбы В. К. Ольги. Я суечусь и приготавливаюсь оставить Петербургъ, можетъ быть на долго, можетъ навсегда. Я оставлю Петербургъ безъ сожалѣнія. Оно, говорятъ, придетъ послѣ. Отдыхъ дастъ мнѣ новыя силы для терпѣнія, удаленіе придастъ интересъ привычкѣ. Такъ ли это будетъ?

*

Le prêtre, la femme et la famille Мишле, есть программа, по которой умный пропагандистъ наскажетъ очень много важнаго, но едвали много полезнаго. Главное въ томъ, что новые доказываютъ невыгоды стараго или существующаго порядка частностями, а выгоды предлагаемой системы общими разсужденіями. Бракъ духовенства—да почему же профессоръ не сказалъ откровенно, что̀ духовенство Протестантское и Грекороссійское лучше Католическаго? Общества, ими руководимыя, лучше южныхъ и западныхъ? Утвержденіе семейства:—

но развѣ семейства, общества, народы не человѣчество? Какъ согласить это уединеніе съ общественностію! Но я, какъ прежде думалъ, такъ и теперь вполнѣ раздѣляю мысль Мишле о военномъ бытѣ и священствѣ.

Самолюбіе есть единственное спасеніе отъ партій и кастъ. Оно, спасая отъ пошлости, разнообразитъ, двигаетъ общество. Оно—несчастіе только для самолюбца; для другихъ оно благо. За что его гонятъ, за что его не любятъ? Безъ него деспотизмъ котерій, единообразіе до скуки и вялость жизни дошли бы до крайности.

*

Порученіе дается мнѣ на довольно продолжительное время, въ 4 губерніи, хотя безъ особыхъ правъ и съ довольно тѣсною инструкціею. Ѣду узнавать наши суды и нашу провинцію. Между тѣмъ, оставляя управленіе Отдѣленіемъ моему помощнику, я не могу не пожалѣть о молодыхъ моихъ сослуживцахъ, на которыхъ такъ злобится управляющій департаментомъ. Онъ сдѣлаетъ все, чтобы оскорбить ихъ и опорочить мою рекомендацію, мои постоянно одобрительные о нихъ отзывы. Онъ докажетъ (говоря его словами), что они люди малодаровитые, безграмотные, непонимающіе своихъ обязанностей и распущенные. Онъ покажетъ, что помощникъ мой человѣкъ ничтожный.

И по дѣломъ мнѣ! Я во многомъ виноватъ передъ этимъ самолюбивымъ и неблаговоспитаннымъ человѣкомъ. Больно мнѣ будетъ узнать о непріятностяхъ чиновниковъ; можетъ быть, многое разстроится такъ, что и исправить будетъ невозможно; но дѣлать нечего; отъ непріятностей и непріятныхъ людей надобно быть по дальше. Можетъ быть многое перемѣнится, можетъ быть измѣнимся и сами мы. За праваго—Богъ, и на Его сторонѣ—непремѣнная побѣда.

Приготовляясь къ отъѣзду во внутреннія губерніи, я уже предчуствую губернскія мелочи, сплетни и толки. Они начинаются съ самаго отъѣзда: просьбы искателей, ропотъ прежде тамъ обиженныхъ, жалобы нынѣ живущихъ, предупрежденія, наушничество, намеки. Пріѣдешь, знакомъ уже съ полгородомъ; посмотришь, не вѣрь половинѣ разсказовъ; поживешь, самъ будешь отголоскомъ или покрайней мѣрѣ предметомъ отголосковъ. Я и тутъ не оставлю моей дороги: идти прямо, не предполагать рытвинъ, вѣрить словамъ до повѣрки дѣла, дѣйствовать путемъ откровенной снисходительности и болѣе указывать нежели настаивать, помогать, а не требовать.

Прочелъ я, Руссо, твою исповѣдь, за разъ, отъ начала до конца, съ интересомъ, съ живымъ участіемъ и уваженіемъ къ твоему таланту.

Несовсѣмъ откровененъ и достовѣренъ ты, пламенный философъ, можетъ быть оттого, что писалъ не своевременно и въ Сентябрѣ видѣлъ Май. въ минуты оскорбленнаго чувства считалъ обидою случайное

стеченіе обстоятельствъ. Несчастливъ тотъ, кому нечего ѣсть; но у тебя пища—Европейская слава; несчастливъ тотъ, кто долженъ скучать покоемъ, а твой огонь не давалъ тебѣ ни минуты покоя; несчастливъ тотъ, кто, презрѣнный или ничтожный, не заслуживаетъ ни любви, ни ненависти, а тебя любили, у тебя были полки завистниковъ, на тебя злобились деревни, полиціи, города и цѣлыя правительства. Въ свойствѣ генія возбудить кругомъ себя волненіе, какъ паденіе массы, колеблющее всю окружность. Нѣтъ, Руссо, ты никогда не былъ несчастливъ. Самый опытъ дался тебѣ дешевле, нежели многимъ другимъ, самыя неудачи были болѣе послѣдствіемъ твоей собственной неразсудительности. Руссо писалъ свою исповѣдь слишкомъ поздно для того, чтобы помнить, и слишкомъ рано для того, чтобы забыть мелочныя и еще неостывшія огорченія, которыя вредятъ свѣтлости представленія. Передъ смертію Руссо было бы терпѣливѣе и потому справедливѣе.

*

8 Іюля я выѣхалъ. 15 Октября, въ часъ, я возвратился. Я видѣлъ суды и дѣйствіе новаго Уложенія, бѣгло, но мѣтко. Неудивительно. Я нашелъ себѣ невѣсту, скоро, но, надѣюсь, здорово. Благослови, Боже!*)

*

11 Ноября была моя свадьба, 10 Декабря я пріѣхалъ въ Петербургъ съ женою. Мнѣ бы хотѣлось, теперь (31 Декабря, вотъ какъ праздны „Дни и Труды“ мои!) передъ новымъ годомъ, дать отчетъ себѣ, какъ это случилось, опредѣлить что̀ я былъ до этого времени и что̀ послѣ, но не могу, не хочу. Пусть оправдаютъ событія.

Я обдумываю, въ моемъ бездѣйствіи, планъ и исполненіе движенія моего по обозрѣніи судовъ въ губерніяхъ Тульской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской и Калужской. Я слишкомъ поверхностно дѣлалъ это обозрѣніе, предпринятое единственно для побѣга изъ Петербурга.

Я почти совершенно забылъ „Дни и Труды“ мои, а между тѣмъ есть такъ много не сдѣланныхъ замѣтокъ. Я же третій мѣсяцъ какъ женатъ и безпрерывно благодарю Бога за милость, пославшую мнѣ въ участіи моей подруги. Деликатность и чуствительность возвышаютъ цѣну всякому знаку вниманія. Какъ бы мнѣ хотѣлось, въ особенности теперь, ускорить служебное мое положеніе, а оно, какъ на зло, идетъ поперекъ и не двигается. Такъ-то правда, что тише ѣдешь, дальше будешь, и постепенность, замедляя, соразмѣряетъ достиженіе.

---

*) К. Н. Лебедевъ женился на Александрѣ Александровнѣ Бабарыкиной, дочери Орловскаго помѣщика. П. Б.

У насъ теперь главный предметъ государственныхъ занятій: чиновники и чины. Гонятъ первыхъ, уничтожаютъ вторые. Гоненіе или улучшеніе чиновниковъ дѣло не безполезное. Заботливость о представителяхъ правительства есть долгъ правительства, и во многихъ отношеніяхъ долгъ этотъ былъ неоплатнымъ. Но принятыя мѣры я нахожу несоотвѣтствующими. Вопервыхъ, онѣ—полумѣры. Учрежденіе Инспекторскаго Департамента идетъ врозь и всторону. Неполное само по себѣ, оно безпрестанно колеблется, обрѣзывается, сомнѣвается и едвали въ окончательномъ результатѣ не сойдетъ на герольдію въ новомъ составѣ, на печатный приказъ. Наблюденіе за точнымъ назначеніемъ не имѣетъ мѣста. Во вторыхъ, онѣ—полумѣры и потому что не представляютъ ничего постояннаго: все относится къ лицамъ, а положеніе (служебный уставъ) остается тоже. Оно даже искажается. Такъ напр. частное правило о непринятіи въ службу уволенныхъ и бывшихъ подъ судомъ произвело то, что нынче менѣе предаютъ суду (какъ будто это должно зависѣть отъ произвола) и даже въ тѣхъ мѣрахъ, когда должно предать суду. Въ третьихъ, не предусмотрѣно, что̀ дѣлать съ этими отставными. Они безъ средствъ и должны или бѣдствовать или ябедничать или искать способовъ жизни въ преступленіяхъ. Въ четвертыхъ мѣра сія весьма часто лишаетъ вѣдомство людей спеціальныхъ, которые, при хорошемъ надзорѣ, могли бы съ бо̀льшею пользою оставаться при своихъ мѣстахъ, нежели новобранцы, которыхъ ручательство часто состоитъ въ томъ, что они замѣстили исключенныхъ.

Измѣненіе, коренное измѣненіе служебнаго устава—вотъ необходимая мѣра.

Уничтоженіе чиновъ совершенно невозможно. Уменьшеніе ихъ и отдѣленіе чина отъ дворянства, я думаю, есть единственный предметъ размѣренія. Чины по мѣстамъ и униженіе первыхъ произведутъ смѣшеніе вторыхъ, а смѣшеніе мѣстъ приведетъ къ произволу, который есть главный двигатель демократическаго, грубаго начала и деспотизма.

До сихъ поръ мало обращаютъ вниманія на то, что исключительныя права, предоставленныя наукѣ, чрезвычайно способствуютъ развитію демократическаго начала, котораго представительство есть молодость.

*

30 Января я подалъ министру рапортъ о моихъ обозрѣніяхъ. Рапортъ поспѣшный. незрѣлый и слишкомъ короткій для предметовъ содержанія.

А обыкновенный ропотъ все тотъ же: людей нѣтъ.

Я этого не скажу. У насъ людей только опредѣляютъ, гонятъ и отставляютъ, а нѣтъ,—чтобы вразумлять ихъ, изъявлять имъ затрудненія и подвергнуть дѣйствія ихъ учету и отчету. Люди есть и люди умные. Бывши свидѣтелемъ ихъ работъ, ихъ нуждъ и ихъ оставленія, я смѣло могу удостовѣрить, что заслуги ихъ, при недостаткѣ уставовъ, при недостаткѣ содержанія и уравнительныхъ поощреній, въ полной мѣрѣ достойны вниманія. Предполагая засадить суды молодыми людьми хорошихъ фамилій, мы напрасно ожидаемъ отъ нихъ спасенія. Дайте уставовъ, дайте содержаніе. Въ ожиданіи новыхъ замѣщеній недобросовѣстно ожидать лучшихъ временъ для изданія лучшихъ положеній. Времена всѣ плохи, и наше дѣло улучшить ихъ.

Когда издадутъ уставы и болѣе достаточные штаты, заслуги молодыхъ или новыхъ дѣятелей никакъ не будутъ такъ обширны какъ грубые труды этихъ несчастныхъ, которыхъ держутъ на подножномъ корму и порочатъ за то, что они побираются.

Или Государю совершенно неизвѣстно, что лучшій листъ его вѣнца—правосудіе—продается на алтыны, или министръ не хочетъ улучшить своего вѣдомства. Не можетъ быть, чтобы гр. Панинъ не зналъ что дѣлаетъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для опредѣлительнаго замѣчанія о томъ: соотвѣтствуетъ ли правосудіе своему назначенію. Нельзя однако не замѣтить того, что ропотъ на правосудіе общій, покажитесь только, и васъ засыпятъ жалобами, и что Государь не имѣетъ никакого довѣрія къ судамъ. Надобно надѣяться, что онъ до него доберется и приметъ рѣшительныя мѣры. Дай Богъ. Это моя молитва и самые теплые обѣты.

Министръ поручилъ мнѣ, чтобы дать какую нибудь работу, составить общія соображенія о предстоящемъ пересмотрѣ устава объ уголовномъ судопроизводствѣ. Предметъ особенной важности и весьма меня затрудняющій.

Безпрестанно крадутъ деньги. Въ деп. в. пос. украли у пріемщика до 14 т. р., въ Сиротскомъ Судѣ 20 т.; въ Управѣ Благочинія 160 т. р. серебр. и послѣднее, говорятъ, учинено предсѣдателемъ Клевецкимъ. Стыдъ и срамъ! Потомъ, въ другихъ мѣстахъ, въ Тамбовѣ, въ Симбирскѣ, въ Твери, въ Москвѣ, и все это въ значительныхъ суммахъ, и все это съ такою наглостію, что не знаешь кого обвинять: время-ли, вызывающее подобные поступки, или людей, рѣшающихся на открытую гибель себя, своихъ и сослуживцевъ, или наконецъ формы, очевидно недостаточныя для предупрежденія подобныхъ расхищеній. Стыдъ и срамъ!

*

Сегодня, 24 Февраля, погребали предсѣдателя Госуд. Совѣта кн. Илларіона Васильевича Васильчикова. Участвовали Государь, Наслѣдникъ, князья и принцы, генералитетъ, Совѣтъ и министерства. По отпѣтіи Государь скомандовалъ войскамъ и верхомъ проводилъ гробъ отъ Преображенія до Невскаго проспекта; тѣло повезли въ деревню. Это былъ прекрасный и благородный человѣкъ, но малосвѣдущъ въ дѣлахъ и не государственнаго ума. Каковъ бы онъ ни былъ, но въ настоящее время весьма трудно найти кого нибудь, на котораго бы остановились довѣріе и уваженіе. Ни одного. Болѣе прочихъ, и то только по своей честности, пользуется уваженіемъ гр. Блудовъ. Говорятъ о В. Кн. Михаилѣ, о Левашовѣ, о Чернышовѣ, даже о Меньшиковѣ. Мнѣ кажется, всего лучше сдѣлать предсѣдателемъ Наслѣдника.

Кн. Васильчикову, увѣряютъ, принадлежитъ мысль о знакомствѣ министерствъ съ мѣстными управленіями на самыхъ мѣстахъ, чрезъ постоянныя ревизіи и обозрѣнія. Мысль хорошая, дошедшая въ настоящее время до крайности, и потому сдѣлавшаяся вредною и ничтожною. У насъ ожидаетъ предсѣдателя Совѣта заслуга важнѣйшая: учрежденіе контроля за министрами. Его можно найти только въ Совѣтѣ.

*

Командиръ корпуса внутр. стражи генералъ Тришатный уволенъ. Онъ столкнулся съ Воронцовымъ и не выдержалъ. Говорятъ даже, что онъ виноватъ. У насъ уволенъ оберъ-прокуроръ Дмитріевъ *), и разсортировали весь 4-й департаментъ. Говорятъ, всѣ чиновники виноваты. Виноваты, виноваты; но чтоже вы, начальники, смотрѣли и сложа руки допустили всѣ эти безпорядки? Гр. Панинъ и его товарищъ Шереметевъ столкнулись и расходятся. Государь, пожаловавъ Шереметеву Бѣлаго Орла, изъявилъ согласіе на его увольненіе, за болѣзнію, но при представленіи ему указа написалъ „повременить“, и вотъ изъ этого выходитъ цѣлая исторія. Гр. Панина вообще не любятъ, и предложенныя имъ мѣры всюду заслуживаетъ порицанія. Чѣмъ это кончится? Шереметевъ проигралъ, но, можетъ быть, выиграетъ или уже выигралъ тѣмъ, что избавился Панина.

Вопросъ о предсѣдательствѣ Совѣта все еще неразрѣшенъ. Толки и слухи ходятъ по прежнему. Между тѣмъ какое-то общее подозрѣніе виситъ надъ каждою головою, и всякій только опасается за старое, за настоящее, не зная, правъ ли онъ будетъ или виноватъ. Безъименные доносы, особенно по хозяйственнымъ управленіямъ, многочисленны, запросы о пріобрѣтеніи имѣній безпрестанны. Государь недоволенъ и сердитъ, гнѣвъ его иногда громокъ и потрясающъ. По поводу толковъ о предсѣдательствѣ Совѣта многіе замѣтили уже обнаруженную Госу-

*) Михаилъ Александровичъ, отецъ Ѳ. М. Дмитріева. П. Б.

даремъ наклонность назначать не стѣсняясь ни чиномъ, ни старшинствомъ. Я этого не понимаю. Конечно есть начало раціональное, и всего желательнѣе бы было видѣть начало это въ истинномъ его значеніи. Но возможно ли это у насъ? Во всякомъ государствѣ всякое право и значеніе должны имѣть внѣшнее, формальное опредѣленіе, безъ котораго нѣтъ вѣры къ указанной способности, и произволъ оскорбляетъ ошибкою. Раціональное начало (способность) должно имѣть свое опредѣленіе въ общемъ мнѣніи, а мнѣніе опираться на гласность. Безъ сихъ условій способность есть нерѣдко личная благосклонность. Мы требуемъ субординаціи къ старшимъ и обходимъ стороннихъ по способностямъ. Мы не имѣемъ гласности и принимаемъ начало способностей. Мы установляемъ дворянство по чинамъ и отмѣняемъ чины. Мы всячески уничтожаемъ достоинство представителей и не позволяемъ даже сомнительнаго знака неуваженія къ нему. Что̀ за хаосъ и чѣмъ онъ кончится? Мы хотимъ уничтожить единственное въ государствѣ нашемъ конституціонное начало—достиженіе дворянства чрезъ чины, независимо отъ власти. Мы хотимъ уничтожить единственное въ искусственномъ устройствѣ нашемъ естественное начало—старшинство. Посреди всего ирраціональнаго мы хотимъ установить начало раціональное. Какъ много противорѣчій, и когда и какъ они примирятся?

*

Все это время я чувствовалъ необыкновенную тоску души, сопровождавшуюся безсонницею и слабостію глазъ. Иногда находитъ какое-то онѣмѣніе мыслей, бездѣйствіе воли и отвращеніе къ труду; иногда пробуждаются упреки, раскаяніе или униженіе, похожее на стѣсненное самолюбіе или сжатое мщеніе. Какъ много благодаренъ я другу женѣ моей за постоянное ея участіе, за безропотное дѣленіе со мною этой жизни! Говѣя (16—21 Марта), я читаю проповѣди Филарета. Мнѣ почти стыдно признаться, какъ мало я нахожу въ нихъ пищи: такъ велико предубѣжденіе наше къ этому знаменитому іерарху. Учености много, познаніе текста писанія, кажется на всѣхъ языкахъ, удивительное; но ученіе сухо, примѣненіе къ жизни слабо, и нерѣдко онъ старается въ толкованіяхъ своихъ изъяснить смыслъ текста, согласіе его съ другимъ изрѣченіемъ, а не вывести законъ жизни или наставленія сердцу. Какъ казались мнѣ слабы самыя ученыя толкованія его на Іоанна: въ началѣ бѣ Слово! Но, ссылаясь потомъ, что въ немногомъ что̀ онъ сказалъ, уже много дерзновенія для немощи его слова, онъ прекрасно сравниваетъ благовѣстіе Іоанна съ громомъ, возвѣщающимъ величіе Божіе. Искалъ я въ Филаретѣ изъясненія и утоленія современныхъ требованій: нѣтъ, я не нашелъ ихъ. Вообще, какъ я сказалъ, примѣненія къ дѣйствительности весьма мало. Говоря о Крестѣ

(тяжесть понесенныхъ грѣховъ) о гордости и проч., Филаретъ такъ изображаетъ нашъ вѣкъ: „легкомысліе и законопреступныя утѣхи юности, закоснѣніе старости, забвеніе Промысла въ счастіи, ропотъ въ несчастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ трудолюбіи, медленность въ исправленіи, многократныя паденія послѣ возстанія, безпечность и бездѣйствіе, свойственныя владычеству роскоши, своеволіе вѣка, надменнаго мечтою просвѣщенія“.... но всѣ эти „потоки беззаконія“ не составляютъ отличительнаго характера вѣка. Есть въ немъ преобладающія стремленія—это честолюбіе. Объявляя ему войну (въ 18 словѣ) и опровергая притчу: „худой тотъ воинъ, который не желаетъ быть военачальникомъ“, Филаретъ, по мнѣнію моему, недостаточно доказалъ и смыслъ текста: „иже высокъ творитъ свой домъ, ищетъ сокрушенія“ (Притч. XVII 16). Я, думаю потоки беззаконія нашего частію и большею частію происходятъ отъ поощреній. Я занимаюсь разрѣшеніемъ этой мысли, но говѣя, хочу изучить нашего церковнаго мыслителя. Въ словѣ о молитвѣ Филаретъ говоритъ, „что она можетъ и язычниковъ содѣлать истинными христіанами, можетъ ввести въ истинное богопознаніе и богопочитаніе, хотя бы оно и неизвѣстно было“. Разумѣетъ-ли здѣсь митрополитъ общую, всемірную истину, доступную и досягаемую и безъ Откровенія? Еще выше, въ семъ же словѣ, Филаретъ говоритъ, что „Богъ и въ омраченныхъ сердцахъ язычниковъ оставляетъ нѣкоторыя искры Своего свѣта, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ и котораго тьма не объемлетъ.

*

Государь принялъ правиломъ не поручать главнаго управленія никому изъ Императорской фамиліи. Польза или справедливость этого правила видна даже по тѣмъ немногимъ изъятіямъ, которыя непремѣнно въ немъ допущены. Не говоря объ управленіяхъ военныхъ, я укажу на наше Училище Правовѣдѣнія, которому покровительство Принца Ольденбургскаго дало необыкновенныя права преимущества. Юноши и дѣти этого заведенія, поколѣніе прежнихъ чиновниковъ и судей, отправляютъ наше правосудіе, можетъ быть, не совсѣмъ дурно, но весьма неправильно. Молодые люди, нерѣдко до 20 лѣтъ, садятся на мѣста, которыя по самому значенію своему должны принадлежать возрасту зрѣлому и знанію опытному. Занимая эти мѣста и вытѣсняя предмѣстниковъ, они невольно налагаютъ печать неспособности, неблагонамѣренности или покрайней мѣрѣ (прекрасное слово! неблагонадежности, заграждающія имъ пути поступленія на другія поприща. Этого мало. Они большею частію занимаютъ такія мѣста, на которыхъ нѣтъ никакой или нѣтъ большой отвѣтственности: секре-

тарей въ Сенатѣ, товарищей предсѣдателей въ губерніяхъ. И этого мало: не смотря на все это, молодые люди сіи пользуются преимущественнымъ правомъ наградъ. Въ настоящее время, когда при министрѣ докладчикомъ оберъ-прокуроръ Пинскій, поощреніе правовѣдовъ распространяется еще далѣе. Я не противъ поощренія правовѣдовъ, но противъ несправедливостей, которыми оно сопровождается, и противъ исключительности этого поощренія. Несправедливость ляжетъ на совѣсть виновныхъ: объ ней нечего и говорить. Исключительность ведетъ далѣе; она, намъ всякое незаслуженное право, повлечетъ къ злоупотребленіямъ и со временемъ окажетъ весьма вредныя послѣдствія. Вредъ для вѣдомства, ибо ослабляетъ внутреннія его силы, которыхъ не можетъ быть въ молодыхъ предшественникахъ; ибо ослабляетъ достоинство и довѣріе, которыхъ нельзя требовать къ неопытнымъ голышамъ. Вредъ для государства, ибо, поручая важное дѣло суда молодости, поощреніе это вводитъ въ сію обитель безпристрастія молодыхъ людей въ самомъ пылу страстей и невольно приготовляетъ себѣ самому, власти, оппозицію, оппозицію въ массѣ, которая можетъ затруднить свободное дѣйствіе (примѣровъ частныхъ сему было много). Но я не могу умолчать здѣсь о мнѣніи, распространившемся въ этой молодежи изъ книгъ и, журналистовъ о публичномъ судопроизводствѣ. Мнѣніе это ими необдуманно и явилось едвали не отъ лѣни къ труду, являющейся всегда при незаслуженномъ достиженіи. Вредъ для самихъ молодыхъ людей. Хвастовство, заносчивость, какой-то цинизмъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ молодыхъ людей доходятъ до неимовѣрности. Я не говорю о тысячѣ частныхъ случаевъ, которые ознаменовали эту систему, возбуждающую противодѣйствіе въ самыхъ адептахъ ея. Время покажетъ, правильно-ли я говорю и твердо-ли систематическое, а priori, дѣйствіе министерства. Аресты, остановки, увольненія, розыски, суды и опасенія все еще продолжаются. Не возникнетъ-ли изъ этого хаоса какое-нибудь учрежденіе, правильное и послѣдовательное?

У насъ назначенъ новый товарищъ министра—Илличевскій. Пинскій произведенъ въ чинъ и утвержденъ (пора!) директоромъ. Я ничего не понимаю ни въ назначеніи товарища, ни въ утвержденіи директора. Если—какъ говорятъ зависть и злоба—гр. Панинъ хотѣлъ имѣть подъ рукою послушника, то я думаю, онъ не имѣетъ въ немъ нужды. Я думаю, онъ этого не имѣлъ и не ищетъ. Я думаю, что упорный этотъ умъ стремится къ другому посту и хочетъ оставить настоящій въ соотвѣтственномъ своему положенію, или назначеніе Илличевскаго послѣдовало съ согласія будущаго преемника. Что касается утвержденія директорства вмѣсто сенаторства, то это полезно для начатаго преобразованія личнаго состава и для удержанія стараго чинопроизводства.

Развитіе системы замедленія проявляется все болѣе и болѣе; стремленія не прерываютъ, но его хотятъ ослабить терпѣніемъ. Немногіе вытерпятъ это, правда, но многіе-ли изъ вытерпѣвшихъ будутъ дѣйствительно достойнѣйшіе? Вотъ вопросъ. Не поведетъ ли это къ небывалому у насъ раздѣленію правительства и общества, такъ вредному даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ оно выражено и высказано? Тогда на сторонѣ перваго будутъ опытность и заслуженность, а на сторонѣ второго—выразительность и способность.

Опасны положительныя мѣры для управленія народными развитіями. Здѣсь могутъ быть только мѣры оградительныя. Всякая положительность необходимо связана съ исключительностію, а исключительность къ одностороннему отвлеченію, къ накопленію, порывамъ и боренію. Все это удовлетворяетъ временнымъ цѣлямъ, а въ наше время онѣ удивительно шатки и перемѣнчивы. Уменьшеніе дворянства, учрежденія майоратовъ, возвышеніе чиновъ, сокращеніе просвѣщающихся—все это прекрасно, все это поддержится; но гдѣ же истокъ замедляющагося стремленія? Мы ближе къ Пруссіи, нежели къ Австріи, болѣе нежели мы чуждой западнаго вліянія.

Больно мнѣ думать о томъ, что мѣры эти не обойдутся безъ жертвъ. Уже и теперь, когда хотятъ утвердить достоинство правительства, тысячи остаются безъ обезпеченія: чтоже будетъ, если захотятъ и будутъ вынуждены поддерживать силу правительства? Во всякомъ случаѣ это подрываетъ основанія самодержавія и стремясь къ внутреннему отвлекаетъ отъ внѣшняго, которое (для единства) еще нуждается въ мѣрахъ вещественныхъ.

Я остаюсь въ совершенномъ бездѣйствіи по службѣ. Мнѣ какъ бы хотятъ доказать, что я не только не необходимъ, но даже лишенъ, что мнѣ не находятъ дѣла, что меня не замѣчаютъ, что мною тяготятся и что если меня не просятъ выдти, то единственно, потому чтобы не быть съ собою въ противорѣчіи. Или это такъ или не такъ, но положеніе мое очень дурно.

Я бы оставилъ министерство, но не оставляю, во первыхъ потому, что бы оставленіемъ не утвердить въ другихъ и въ себѣ предположенія о справедливости неудовольствія ко мнѣ министра; во вторыхъ, что бы не утвердить его въ мысли о связи моей съ Шереметевымъ; въ третьихъ, чтобы дождаться гр. Блудова, съ которымъ могутъ быть переговоры; въ четвертыхъ—я хочу побыть въ этомъ положеніи, чтобы поиспытать себя; въ пятыхъ—я все-таки въ зависимости отъ службы, которая даетъ мнѣ содержаніе, столь необходимое теперь женатому.

Въ этомъ бездѣйствіи занимаясь чтеніемъ, я думаю написать слѣдующія журнальныя статьи.

1. Общія законоположенія Пруссіи: составленіе уложенія Картеромъ, времена Штейна и Гарденберга, министерства Кемпца и Мюллера. Напоръ западныхъ началъ до 1817 г., когда наступилъ поворотъ послѣ Ахенскаго и Карлсбадскаго сеймовъ. Пересмотръ законовъ и дѣйствіе западныхъ началъ на изустность, гласность и порядокъ доказательствъ.

2. Уголовныя уложенія отъ дѣловаго, Прусскаго, до отвлеченнаго, Баварскаго. Я хочу показать постепенное образованіе права подъ вліяніемъ Римскаго ученія и несоотвѣтствіе современнаго порядка уложенія законовъ, допускающаго слишкомъ много уловленій, и усовершенія законовъ, идущаго (неестественно) сверху внизъ и подчиненнаго вліянію науки и общественнаго мнѣнія.

3. О двухъ могуществахъ новаго времени: наукѣ и общественномъ мнѣніи. Я хочу показать, что они обуреваютъ могущество власти. Наука слишкомъ много на себя принимаетъ, думая обнять жизнь и найти всему разгадку и удовлетвореніе и даря между тѣмъ выводы недостаточныя, указанія неудовлетворяющія. Общественное мнѣніе не имѣетъ правильныхъ орудій: въ началѣ представительности общества недостаетъ точныхъ познаній, въ началѣ гласности—нѣтъ никакого пути соединенія. И тамъ и сямъ гордыня, своекорыстіе и стремленіе къ отличію. Я думаю опредѣлить точнѣе порядокъ ихъ дѣйствія, какъ вспомогательныхъ орудій власти.

4. О развитіи, его огражденіи и поощреніи. Я хочу развить, что поощреніе—своего рода гордыня и самолюбіе—вредитъ развитію, нарушая стройность и переступая ступени, постепенность и преемственность которыхъ есть первое условіе законности развитія. Поощреніе, по моему мнѣнію, есть главный источникъ противорѣчій и недовольствія современнаго общества. Оно несогласно съ значеніемъ власти, съ назначеніемъ общественнаго союза и съ самимъ Христіанствомъ.

О силѣ опредѣленныхъ доказательствъ и личныхъ убѣжденій. Я пришелъ къ этой мысли очевиднымъ ослабленіемъ первыхъ и переборкою чиновниковъ, которыхъ очищаютъ непрямыми путями надзора и отвѣтственности. Франція, дѣлами городовыхъ чиновниковъ и дѣломъ генералъ Кюбьера, доказываетъ, что гласность не уничтожаетъ возможности злоупотребленій. Пруссія переходитъ къ доказательствамъ по нравственному убѣжденію; у насъ гр. Панинъ дѣлаетъ тоже. Мы какъ будто уже не вѣримъ достаточности оградительныхъ обрядовъ: важный успѣхъ государственной власти! На этотъ разъ довольно. Не знаю, успѣю ли исполнить.

Какъ развивается представительное учрежденіе Пруссіи? Когда я былъ въ Берлинѣ, изъ обыкновенныхъ разговоровъ, изъ вѣдомостей и

сочиненій, особенно напечатанныхъ внѣ королевства, видно было рѣшительное направленіе умовъ противорѣчить правительству, и мнѣ казалось, что наплывъ образованности держалъ власть за горло: непремѣнно надобно было открыть истокъ. Король открылъ: отмѣною надзора сочиненій обширныхъ, введеніемъ гласности въ судѣ и учрежденіемъ сейма. Все это открыто, по видимому, довольно постепенно, но немного поздно и послѣ довольно продолжительныхъ ожиданій, а главное—невполнѣ, въ видѣ какихъ-то полумѣръ. Это производитъ то, что возбужденныя ожиданія (еще въ пространство времени Штейна и Гарденберга до 1818 г.) не удовлетворены, и требовательные крики, получивъ болѣе свободное поприще, сдѣлались громче и невольно образовались въ бой стѣны на стѣну. Это недостатокъ всѣхъ полумѣръ.

Король открылъ сеймъ съ довѣріемъ къ сословіямъ, но съ насмѣшкою надъ хартіями и съ жалобою на повременныя изданія. Въ минуту открытія это было довольно торжественно; на другой день это было уже предметомъ порицанія. Кончился сеймъ шумными спорами, неоткровенными требованіями и открытымъ неудовольствіемъ.

Король даже не удостоилъ самъ закрыть сеймъ, уѣхавъ за чѣмъ-то въ Бреславль, и рѣчь его уполномоченнаго гремитъ уже угрозою.

Такая полумѣра привела къ послѣдствіямъ непріятнымъ, къ обоюдному неудовольствію и взаимному недовѣрію. Я всегда видѣлъ въ Пруссіи большую непослѣдовательность. Государство составилось необыкновенно (распространеніями на счетъ другаго) и должно прибѣгать къ необыкновеннымъ путямъ. Недостатокъ вещественнаго единства требуетъ установленія по крайней мѣрѣ единства мыслительнаго, и Пруссія обратилась къ военной силѣ и къ наукѣ. Великій Курфирстъ началъ, Фридрихъ Вильгельмъ I-й довершилъ крѣпость военную, которая при Фридрихѣ II уже посягнула на самостоятельность даже сильнѣйшихъ сосѣдей.

Фридрихъ II далъ общее законодательство и, по моему мнѣнію, уронилъ мѣстныя. Эта мѣра можетъ быть изъяснена столько же побужденіями правосудія, сколько и видами политики: установить единство. Оно не совсѣмъ удалось, ибо наука не дозволила уничтожить мѣстность и сплела сѣть ученій, въ которой общее право запуталось.

Времена переворотовъ грозили распаденіемъ, и приверженность подданныхъ такъ была слаба, что Рейнскія области и Вестфалія съ радостію приняли чужеземные законы. Государство прибѣгнуло къ прельщеніямъ и тайнымъ наущеніямъ: это времена Штейна и Гарденберга. Миновала опасность, началось противодѣйствіе; за что прежде хвалили, теперь стали порицать и наказывать, что̀ обѣщали—не дали. Наконецъ требованія такъ были сильны, что надобно было удовлетворить, и

вотъ прибѣгнули къ полумѣрамъ: законъ 1823 г. Новый шагъ, тоже полумѣра—законъ 1847 г. Я не могу понять такой шаткости и не могу представить себѣ, какъ покойный король, пережившій года царствованія съ 1797 по 1840 г., могъ смотрѣть прямо и не чувствовать своихъ ошибокъ, увлеченій, обнаруженныхъ ухищреній. Теперешнему королю приходится распутывать. Честное монархическое начало потрясено въ своихъ основаніяхъ, и полумѣрныя уступки только раздражаютъ противодѣйствіе. Я думаю, что это непремѣнно, и въ непродолжительномъ времени, приведетъ къ чистой представительности. Чтобы жить покойно, надобно дѣйствовать откровенно.

Гр. Панинъ, говоря о принимаемыхъ мѣрахъ къ улучшенію личнаго состава и вообще о положеніи министерства и государства, назвалъ настоящее время переходнымъ. Слово—безличное и способъ отыграться обыкновенный. Всякое время было переходное, потому что все шло, идетъ и всегда пойдетъ. Мы стремимся къ цѣли, которой не знаемъ, а если знаемъ, то боимся опредѣлить и въ этой боязни принимаемъ мѣры нерѣшительныя, но тѣмъ не менѣе преобразовательныя. Я съ своей стороны думаю, что настоящее время есть ограниченіе распространенія демократическаго духа, вызваннаго на бой и побѣду Наполеона. Мы стремимся оградить государство отъ дѣйствія этого разрушительнаго для монархіи начала. Замѣчательно, что почти каждое столѣтіе, каждый замѣчательный писатель называетъ свое время переходнымъ. Я не охуждаю этого названія, но охуждаю дѣйствія лицъ, которыя, смотря на свое время, какъ на переходъ къ какому-то неизвѣстному положенію, заботятся не объ удовлетвореніи своему времени, а о мѣрахъ приближающихъ къ будущему неизвѣстному положенію. Я бы желалъ знать: кто изъ сихъ господъ дождался ожидаемаго времени и чѣмъ искуплены лишенія поколѣній настоящихъ для блага будущихъ? Весьма часто переходностью покрываются безпечность, неразумѣніе и ошибочность. За чѣмъ предупреждать время и принимать на себя неподлежащія обязанности къ тому что̀ будетъ, не ограничиваясь предоставленнымъ человѣку—что̀ есть?

*

Графъ Адлербергъ. „Трудно понять за что сдѣланъ онъ графомъ“, сказалъ я. Но нельзя не прибавить, что В. Ѳ. Адлербергъ не имѣетъ завистниковъ, ни зложелателей, ни порицателей. Онъ постоянно волочится, любитъ Государя, несетъ безъ ропота и затрудненій возлагаемыя на него части, положеніемъ своимъ обезоруживаетъ раздражительность другихъ, никому не мѣшаетъ и готовъ на добро, если оно ему ничего не стоитъ. О графствѣ его говорятъ мало. Только пораспустили крылышки его орлята и его орлица.

*

Я написалъ окончательно двѣ статьи и, приблизясь къ настоящимъ временамъ Пруссіи, невольно остановился. При чтеніи Berlin. Ernst Dronke, 1846 г., я былъ пораженъ сходствомъ нашихъ мѣръ съ Прусскими. Я не могу тутъ свободно работать для общаго свѣдѣнія. Я не знаю, могутъ-ли пройти и эти статьи. Странное дѣло! Запрещеніе ведетъ къ противуположнымъ послѣдствіямъ: къ утвержденію и распространенію запрещаемаго вліянія, между тѣмъ какъ разрѣшеніе дало-бы болѣе свободы нашему туземному воззрѣнію. Только этимъ запрещеніемъ можно объяснить себѣ ничтожность нашей литературы и огромное количество ввоза иностранныхъ книгъ, чтеніе которыхъ распространилось во всѣхъ сословіяхъ и ученіе которыхъ, не согласное съ нашею дѣйствительностью, противорѣчитъ видамъ правительства и отзывается недовольствіемъ. Мнѣ хочется вывести на сцену это обстоятельство.

Я читаю теперь сочиненіе Николая Тургенева: La Russie et les Russes, Paris 1846 г. три части: 1, Mémoires d'un proscrit, 2, Tableau de l'empire и 3, Pia desideria. Сочиненіе любопытное, но менѣе нежели я думалъ. Очевидно, что бывшій высшій чиновникъ, удалясь отъ дѣловаго круга занятій, входитъ болѣе въ разрядъ тѣхъ общественныхъ ходатаевъ, которые болѣе желаютъ нежели могутъ и болѣе предполагаютъ возможности, нежели она дѣйствительно есть.

Служебная жизнь Тургенева была весьма дѣятельна и особенно безпокойна. Онъ принадлежитъ къ тому поколѣнію Европейскаго общества, которое, получивъ лучшее въ то время образованіе, хотѣло перестроивать зданіе по указаніямъ науки, по неизслѣдованному опыту другихъ и по требованію собственныхъ убѣжденій, порожденныхъ благомысліемъ, самолюбіемъ и тщеславіемъ. Тургеневъ былъ впрочемъ изъ нихъ лучшій. Онъ служилъ при общемъ управленіи союзныхъ государей, бывшемъ въ завѣдываніи прежняго Прусскаго министра Штейна, высоко имъ уважаемаго, потомъ чиновникомъ при гражданскомъ управленіи въ занятыхъ Французскихъ областяхъ (въ Нанси) и по пріѣздѣ въ Россіи исправлялъ должность статсъ-секретаря, завѣдывалъ кредитною канцеляріей М. Финансовъ, въ 1824 г. уѣхалъ въ чужіе края и съ того времени, осужденный по дѣлу 14 Декабря, не возвращался въ Россію, влачась въ Англіи, Франціи, Швейцаріи и опять тамъ же. Въ службѣ онъ имѣлъ мало доброжелателей; противорѣчіе и своемысліе его дали о немъ невыгодное понятіе, какъ о человѣкѣ опасномъ по своимъ стремленіямъ и безпокойномъ по своему самолюбію. Онъ много говоритъ о своихъ работахъ и вліяніи по дѣламъ, впрочемъ болѣе косвеннымъ. Изъ работъ его замѣчательнѣйшія: печатное—о порядкѣ налоговъ, не подушномъ, а поземельномъ, и

непечатныя: объ освобожденіи крѣпостныхъ. Послѣднее неизвѣстно; первое, по своему времени, было замѣчательно. Нельзя безъ участія смотрѣть на скитаніе этого даровитаго человѣка и не пожалѣть, что изгнаніе и это скитаніе не усовершенствовали пылкаго стремленія, которому постоянная дѣловая дѣятельность могла дать прочность и лучшее направленіе, а напротивъ изъ своенравнаго производителя дѣлъ превратили въ самоувѣреннаго рѣшителя и смѣлаго изслѣдователя сдѣлали нетерпѣливымъ порицателемъ. Это жаль. Вина въ обстоятельствахъ, и такое сильное вліяніе ихъ, впрочемъ, показываютъ не совсѣмъ сильную волю, имъ поддавшуюся. Оправданія Тургенева противъ слѣдственнаго донесенія (Блудова), кажется, основательны, и судъ объ этомъ будетъ строгъ. Я не соображалъ обстоятельствъ, но думаю, что Тургеневъ правъ въ томъ, что донесеніе, въ судебномъ смыслѣ, изложено неточно, а сдѣланные выводы неопредѣленны и непослѣдовательны. Тургеневъ правъ, что осужденіе постановлено не по всей строгости судейскихъ основаній; но онъ неправъ, отрицая всю связь и всякое средство бунта съ замыслами предшествовавшихъ обществъ. Бунтъ былъ дѣйствіе, которому поспѣшность и случайность не дали собирательнаго направленія и значенія. Здѣсь есть разные роды преступниковъ, но предшествовавшіе тѣмъ не менѣе въ глазахъ власти преступники, люди вредные, опасные и требовавшіе мѣръ предупрежденія.

Если признательность къ Штейну и профессору Геде дѣлаетъ честь Тургеневу, то предосудительны отзывы его о Метернихѣ, о Талейранѣ, отзывающіеся бранью, и еще болѣе предосудительны отзывы о Куракинѣ и особенно о Сперанскомъ. Сдѣлавшись простымъ гражданиномъ, бѣдный изгнанникъ въ первомъ видитъ недостижимаго для него боярина, а во второмъ статскаго семинариста, какъ Карамзинъ видѣлъ въ немъ ученика-секретаря. Сперанскій далъ образованіе дѣлопроизводству и, по моему мнѣнію, это важно: хорошая обрядность совершенствуетъ содержаніе. Не должно забывать, въ какихъ обстоятельствахъ работалъ Сперанскій, обуреваемый завистью и неопытностію собственною. При томъ же и четвертой доли предположеній Сперанскаго не приведено въ исполненіе.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ изображеніе Имперіи. Оно довольно кратко, довольно бѣдно содержаніемъ и писано съ неравнодушіемъ, которое можетъ быть извинено развѣ бѣдствіями изгнанія. Разность сужденій и предначертаній писателя лишаютъ ихъ довѣрія въ умѣ читателя. Весьма основательныя сужденія о преобразованіяхъ Петра и Екатерины имѣютъ свое достоинство; но изложеніе и сужденіе современнаго поверхностны, кромѣ части финансовой, въ которой Тургеневъ имѣетъ особенныя познанія. Упрекая насъ въ недостаточномъ

пользованіи трудами Екатерины, Тургеневъ не дѣлаетъ упрека сводителямъ, за несовершенною работою которыхъ прекрасные эти источники имѣютъ нынѣ только историческую цѣну. Но гдѣ бы ни былъ, что̀ ни дѣлалъ бы, Тургеневъ всегда думаетъ о крѣпостныхъ. Или онъ дѣйствительно апостолъ ихъ, или изгнанникъ, потерявъ поприще, хочетъ соединить имя свое съ этимъ событіемъ, вызвавъ его снова къ жизни. По моему мнѣнію крѣпостное право должно изглаживать, а не отмѣнять. Приложенія, нѣкоторыя, весьма любопытны: письма Поццо-ди-Борго, записка о Польшѣ Карамзина; но мы ихъ знали.

Третья часть гораздо лучше, обдуманнѣе, спокойнѣе и исполнена весьма многихъ счастливыхъ сближеній. Я думаю, что она написана гораздо послѣ двухъ первыхъ и нетолько по совѣтамъ, а при содѣйствіи, но и изъ источниковъ брата сочинителя, А. И. Тургенева, и другихъ Русскихъ путешественниковъ. Къ сожалѣнію весьма мало говорится о послѣднихъ годахъ, когда начались болѣе опредѣленныя мѣры предположеннаго правительствомъ порядка. Третья часть содержитъ въ себѣ будущность Россіи. Тургеневъ излагаетъ: 1. Необходимость участія въ общемъ образованіи Европейскомъ, охуждая пристрастіе къ старому, негодующее на Петра, смѣшавшаго впрочемъ существенное и неважное, и охуждая правительство, предполагающее дать свое, народное образованіе мѣрами скрытными и огражденіемъ отъ мнимыхъ вредныхъ ученій. Laissez aller и laissez faire*) должно быть принято прямымъ правиломъ, потому что образованіе одно, недѣлимо и непремѣнно. Тургеневъ съ своей стороны признаетъ въ Россіи два препятствія на пути къ образованности: крѣпостное рабство и Польшу. Первое есть преходящее и должно въ небольшемъ времени уничтожиться; второе, Польша, представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ непреодолимыя затрудненія. Они могутъ быть частію уменьшены смягченіемъ взаимной ненависти. Сочинитель очевидно находится въ недоумѣніи и, кажется, останавливается на мысли о предоставленіи Польшѣ самостоятельности, скрывая, что тогда Польское государство обоймет̀ъ всѣ Славянскія земли. Въ вознагражденіе за Польшу Россіи предоставляются земли южныя. Какія, не сказано; вѣроятно Турція. Второе отдѣленіе этой части есть собственно Pia desideria и заключаетъ въ себѣ сужденіе о необходимости преобразованій, которыя составляютъ отличительное свойство нашего времени. Преобразованія нетрудны, коль скоро они созрѣли, и вообще опасеніе ихъ неосновательно, если предположена добрая цѣль: полезность облегчаетъ достиженіе. Тургеневъ совѣтуетъ по примѣру Штейна сгладить взаимную зависть сословій.

*) Дайте идти и дайте дѣйствовать.

Онъ не одобряетъ мѣръ, стремящихся къ установленію единства народности, вѣры и языка. По мнѣнію его эти условія второстепенныя и не препятствуютъ общему, человѣческому образованію подъ одною державою. Преобразованія должны исходить отъ власти обдуманно и постепенно, и Русскій народъ имѣетъ на это права, жившія и живущія въ преданіяхъ. Здѣсь, между прочимъ, Тургеневъ сообщаетъ современныя свѣдѣнія объ условіяхъ, поднесенныхъ Аннѣ въ 1730 г., и выписки изъ работъ Сперанскаго по государственному устройству, съ 1804 по 1810 г. предпринятыхъ. Это предначертаніе представительнаго порядка правленія, изъ сословій высшаго дворянства (аристократія или собственность, управляемая по закону), средняго (таланты и заслуги) и работающаго. Судъ и управленіе. Всѣ выборные раздѣляются на 4 степени, по выборамъ четырехъ думъ: дума общинная, уѣздная, губернская и государственная. Они составляютъ листы лучшихъ гражданъ (въ родѣ нотаблей Сійеса) и избираютъ судей и совѣты. Государственная Дума состоитъ изъ высшаго сословія и избираетъ высшій судъ (Сенатъ), гдѣ докладъ дѣлъ производится открыто по предварительномъ сообщеніи записокъ участвующимъ сторонамъ. Рядомъ съ Думою и Сенатомъ—министры, подвергаемые отвѣту Думою и судимые, какъ и другіе сановники, до губернаторовъ, въ особомъ высшемъ судѣ. Надъ всѣми учрежденіями стоитъ Государственный Совѣтъ Монарха.

Мнѣ кажется этотъ замѣчательный трудъ есть подражаніе Французскому и предпринятъ былъ не для исполненія, а по желанію молодаго Государя видѣть, какъ эти мысли и рамы могутъ примѣниться къ Россіи. Это было изученіе, забава. Гораздо важнѣе, по моему мнѣнію, финансовый планъ Сперанскаго, въ 1810 г., его обвиненіе, записки Розенкампфа и Армфельда и письмо изъ Перми 1813 г.

Тургеневъ не имѣлъ этихъ бумагъ, когда такъ рѣзко осуждалъ Сперанскаго въ первыхъ частяхъ и теперь измѣняетъ свои отзывы. Многія изъ основныхъ мыслей Тургенева, о крѣпостномъ правѣ, о подушной подати, о деньгахъ и билетахъ и друг., давно возбуждены и уяснены Сперанскимъ. Въ отношеніи обвиненія Сперанскаго нельзя не согласиться, что онъ могъ дать справедливый поводъ, если (что болѣе нежели вѣроятно) дозволилъ себѣ—и это въ то время, когда правительство, распространившее неудовольствіе въ сословіяхъ, ожидало войны и нуждалось въ общественномъ довѣріи, дозволилъ себѣ такой отзывъ: „que les éléments de l'état actuel de l'empire étaient si mauvais qu'on ne pouvaient y remédier: que tout était parvenu au point qu'il fallait attendre les événemens, et que ce n'était que par les grands malheurs

qu'un meilleur orodre de choses pouvait être produit“ [1]). Это или почти это говоритъ Сперанскій и въ своемъ письмѣ, въ Январѣ 1813 г. изъ Перми. Сперанскій вскружилъ голову молодому Государю и начатками преобразованій хотѣлъ сдѣлать себя необходимымъ. Онъ много переворочилъ, не создавъ ничего цѣлаго и во многихъ случаяхъ обрядность смѣшивалъ съ существенностію. Обвинительная записка доказываетъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, какъ эти члены и предсѣдатели боялись его и безъ изслѣдованія (какая простота!) принимали все что̀, онъ ни скажетъ, cet être calme et profondement dissimulé, possédant l'art de la parole et de la rédaction joint à des formes très agréables [2]) и проч. Сперанскій далъ поводъ, но онъ не былъ и не могъ быть виноватъ. Подробности преобразованій Тургеневъ раздѣляетъ на совмѣстныя съ самодержавіемъ и съ представительностію. Изъ первыхъ *предварительныя* суть: *вольность* крѣпостныхъ безъ земли, съ опредѣленными условіями и съ землею, по силѣ вознагражденій, которыя онъ не признаетъ непремѣнно должными. Онъ полагаетъ предоставить крестьянамъ дворъ и огородъ съ правомъ перехода и безъ всякаго возмездія владѣльцу, обязавъ помѣщиковъ приступать къ условіямъ подъ опасеніемъ, въ назначенный срокъ, подчиниться условіямъ, какія предпишетъ правительство. Или вольность съ $^1/_3$ земель; здѣсь можно допустить вознагражденія. Превращеніе подушной въ поземельную подать и проч. мѣры второстепенныя, какъ то выдача квитанцій за перевозку, должествующихъ имѣть цѣнность взамѣнъ податей и проч. Преобразованія *послѣдующія*—это законодательство и управленіе. Къ первому Тургеневъ относитъ codification, перемѣшивая собраніе, сводъ и усовершеніе законовъ, судебную часть, съ присяжными, но безъ обвинителей, съ повременными судами. Все это поверхностно и сбивчиво. Онъ возстаетъ противъ тѣлесныхъ наказаній. Къ управленію Тургеневъ относитъ собственно управленіе, сколь можно менѣе сосредоточенное, воспитаніе—сколь можно доходящее до низшихъ сословій и открытое для всякихъ истинъ и свободу печатанія, безъ политики, богослуженіе, совершенно свободное, терпѣніе исповѣданій, войско—съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній и сокращеніемъ сроковъ, финансы, печатаніе и внѣшняя политика. Кромѣ послѣдняго (политики) гдѣ видѣнъ Европеецъ и даже мечтатель о Нѣмецкой и Итальянской стихіи на Востокѣ, все прочее коротко и неполно. Давайте свободу, учите и сводите съ иностранцами:

[1]) Начала современнаго состоянія Имперіи были до того худы, что ихъ нельзя было исправить: во всемъ дошло до того, что надлежало только ждать событій, и ходъ дѣлъ могъ быть улучшенъ не иначе какъ черезъ великія бѣдствія.

[2]) Этотъ человѣкъ спокойный и глубоко скрытный, владѣвшій даромъ слова и изложенія, въ добавокъ очень пріятнаго.

вотъ общее значеніе. Преобразованія по устройству *представительности* развиты съ бо́льшею опредѣлительностію, но не съ большимъ удостовѣреніемъ пользы и примѣнимости. Виды правленія суть только средства достиженія общественнаго благосостоянія и личнаго совершенства. Лучшій видъ есть представительный. Основной Русскій законъ—la Rousskaya Pravda—долженъ освятить: 1, равенство передъ закономъ, 2, свободу слова и печатанія, какъ лучшее огражденіе правильныхъ дѣйствій; 3, свободу совѣсти соревнованіемъ расколовъ; 4, судомъ равныхъ, избираемымъ изъ сословія судимаго; 5, представительность можетъ имѣть двѣ палаты или думы, лучше одну (народную думу), составленную вопервыхъ изъ представителей разныхъ занятій (ученыхъ, служащихъ, промышляющихъ) и изъ владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній опредѣленнаго размѣра. Это избиратели, изъ которыхъ не исключаются ни духовныя сословія, ни иностранцы, подходящія подъ условія. Избираемые не подчиняются никакимъ условіямъ. Предоставя право избирать, власть за тѣмъ должна доставить избранію полную свободу. 6. Исполнительная власть должна изникать изъ верховной и заключаться въ министрахъ, отвѣтственность которыхъ опредѣляется точными постановленіями, возбуждается народною думою, но назначается общимъ высшимъ судомъ. 7. Независимость судей и начало управленія, сколь возможно мѣстнаго (décentralisation). Представительное правленіе полезно всѣмъ и каждому кромѣ ничтожныхъ и лѣнивыхъ, прозябающихъ подъ тѣнію и во мракѣ неограниченной власти. Говоря о разныхъ бѣдствіяхъ и удрученіяхъ человѣка, Тургеневъ такъ оканчиваетъ свое сочиненіе: Pourquoi, juste Ciel, à tant de calamités ajouter encore le fléau d'un mauvais gouvernement *).

Дѣло не въ томъ, какой видъ правительства лучше, а въ томъ, подъ какимъ правительствомъ жить лучше. Франція и Пруссія выразили въ своихъ учрежденіяхъ, первая—начало общественности, вторая—ученія или науки. По моему мнѣнію и то и другое удалены отъ естественности и сопровождаются бореніемъ, раздраженіемъ и пробужденіемъ неудовлетворимыхъ требованій. Они количество принимаютъ за качество, законность или обрядность за справедливость и мнимое за дѣйствительное. Чѣмъ ближе законность будетъ приближаться къ естественности, тѣмъ болѣе благосостоянія. Будетъ меньше блеску, за то меньше и зависти; меньше выразительности, за то меньше ошибокъ и ухищреній соревнованія. Естественныя условія тѣмъ лучше другихъ, что, не будучи въ силахъ и волѣ человѣка, они для всѣхъ равны, и

*) Праведный Боже, зачѣмъ къ столькимъ несчастіямъ присоединять еще бѣдствія плохаго управленія?

обязательность ихъ не возбуждаетъ ропота. Я выражаю естественность началами возраста, давности и постепенности.

Какая отвратительная картина Французскаго переворота представляется даже въ описаніи Ламартина. Сердце возмущается отъ насилій, низости и подлости то изверговъ, подчиняющихъ все своекорыстію, то изувѣровъ, ломающихъ все по своемыслію, по неумолимой требовательности омраченнаго самозабвенія. Это настоящій переворотъ, въ нѣсколько пріемовъ выбросившій разныхъ представителей власти, адвокатовъ, журналистовъ, писцовъ, наконецъ привратниковъ, цирюльниковъ, сторожей. Слой за слоемъ поднимается общественная нива, отверзая низшихъ и погребая высшихъ. Выворотившись до дна, человѣчество убѣдилось только въ томъ, что невозможно совершенство и что достиженіе нѣкоторыхъ степеней его возможно не иначе какъ постепенно, съ терпимостію и съ искреннею доброю волею и безкорыстіемъ. Стòитъ для этого убѣжденія столько мученій, волненій и жертвъ! Что-то скажутъ въ свое оправданіе эти губители, ставъ лицомъ къ лицу съ своими жертвами предъ судомъ Вышняго? Вѣрованіе въ свои убѣжденія ихъ не оправдаетъ. Есть убѣжденіе высшее, человѣку данное, въ откровеніи вѣры. Необходимость обстоятельствъ и теперь ихъ не оправдываетъ: душегубцы гнали казни, увеличивая число жертвъ. Мщеніе прошедшаго? Но кто далъ имъ мечь отмщенія и суда въ своемъ собственномъ дѣлѣ, и какъ эти мстители понимали божественное ученіе, чуждое мщенію. Благо будущаго? Но кто далъ этимъ благодѣтелямъ право жертвовать поколѣніемъ настоящимъ для будущаго и чтò сдѣлали они для этого будущаго? Какія огражденія благосостоянія, какое ручательство спокойствія? Не въ свое дѣло вмѣшивается человѣкъ, думая направлять развитіе, и низко назначеніе его, если онъ полагаетъ его въ отмщеніи прошедшему.

Переборка чиновниковъ у насъ и во Франціи все еще продолжается. У насъ взяли другой путь: увольняютъ и отставляютъ безъ суда, даже за такія дѣянія, которыя навлекаютъ бóльшее взысканіе. Очевидно, что здѣсь или не полагаются на суды или не надѣются доказать виновность; и то и другое обнаруживаетъ рѣшительную неудовлетворительность правосудія. Когда Ахенскій, Карлсбадскій съѣзды полагали основанія къ подавленію вольномыслія и противодѣйствій строгими мѣрами и вмѣшательствомъ внѣшнимъ, поприще мышленія естественно пустѣло болѣе и болѣе, и стремленіе бросилось на службу. Тѣснота этого поприща обратила къ выгодамъ не славы, но богатства. Богатство привело ко взяткамъ, къ подкупамъ и обманамъ. Торгуютъ совѣстію и присягою, вымогаютъ властію и угрозами. Эта гражданская безнравственность въ Испаніи, Португаліи, Франціи и Англіи дошла до край-

ности. Франція представляетъ странное явленіе. Министерство Гизо довело вліяніе свое до рѣшительнаго большинства и доведя, обезсилило собственное нравственное достоинство: засадивъ палату преданными, но мало способными представителями, оно цѣлый годъ (1847) переливало изъ пустаго въ порожнее. Оппозиція не стѣсняется никакими названіями. Когда, по одному дѣлу, министръ юстиціи съ негодованіемъ сказалъ: надобно различать, что̀ говоритъ министръ и что̀ преступникъ, одинъ представитель отвѣчалъ: теперь различить это трудно.

*

Генералъ-лейтенанты Тришатлый и Добришинъ разжалованы въ рядовые. Острастка это или правосудіе? Надобно отказаться отъ успѣха оградительныхъ правилъ хорошаго управленія, чтобы вмѣсто правосудія призвать острастку. Все это временное, частное, и за нимъ зло идетъ и пойдетъ своимъ чередомъ. Оградительныя правила лучше всякой гласности, и мнѣ искренно жаль, что, по примѣру другихъ, слѣдующихъ Франціи, мы мало ими занимаемся. Частыя злоупотребленія привели къ престранному убѣжденію или лучше предубѣжденію въ неискоренимости зла предупредительными мѣрами. И вотъ раздается громъ. Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится,—правда: но правда и то, что крестъ не вѣра и не всѣ боятся грома. Г. Тришатлый, замѣтить надобно, былъ вообще не любимъ.

*

Прочелъ я и VII часть Тьера „Консульство и Имперія“. Бойкій писатель называетъ это исторіей! Лямартинъ (Girondins) написалъ нѣчто среднее между исторіей и записками, и вышелъ просто разсказъ занимательный, но безъ достоинства; а Тьеръ написалъ нѣчто среднее между разсказомъ и реляціями, и вышло описаніе съ достоинствомъ, но безъ занимательности. А между тѣмъ какіе богатые источники въ его распоряженіи! Искаженіе исторіи въ наше время превосходитъ всякое вѣроятіе. Общественныя, церковныя и ученыя исключительныя ученія коверкаютъ событія, а алчная корысть и работу о всякихъ предметахъ превращаетъ въ какое-то торговое предпріятіе. Книги Тьера писаны какъ будто машинами-писарями.

*

По предположенію гр. Панина д. студенты, до 10 въ годъ, могутъ опредѣляться въ судебныя палаты, съ жалованьемъ до 300 р. ср. въ годъ съ преимущественнымъ правомъ на занятіе вакансій столоначальниковъ. Гр. Панинъ предполагаетъ вербовать канцеляріи изъ университетовъ, а присутствія изъ Училища Правовѣдѣнія. Эти касты наборовъ вытекаютъ изъ общей системы министра, желающаго оградить любимую его стихію—дворянство. Но здѣсь-ли корень этой стихіи?

Сегодня приходилъ ко мнѣ прощаться Клеоникъ Артемовскій-Гулакъ. Этотъ молодой человѣкъ началъ у меня службу, послѣ меня исправлялъ должность г. стр. угол. дѣлъ и теперь посылается въ Кишиневъ совѣтникомъ. Его не хотѣли терпѣть помощникомъ столоначальника, и вотъ куда ведетъ сосредоточенность: посылаютъ на высшее и самостоятельное мѣсто въ отдаленной области. Это молодой, добрый малый, слабый въ познаніяхъ, разсѣянный и любящій искусство.

Если вѣрить словамъ Пинскаго, Гевлича и Топильскаго, какая глубоко порочная душа въ огромномъ тѣлѣ гр. Панина. Впрочемъ я не знаю *ни одного* человѣка, *ни одного*, который бы выгодно отозвался объ немъ. Я всегда видѣлъ въ немъ большое могущество воли, упорнаго ума, проницательнаго и широкаго. Если онъ устоитъ долго, онъ введетъ порядокъ, опредѣленныя начала дѣйствія, хотя я сомнѣваюсь, чтобы этотъ порядокъ соотвѣтствовалъ времени. Охранитель, онъ введетъ борьбу, которая будетъ тѣмъ открытѣе, что доселѣ быстрая наша подвижность вызвала, его голосомъ, слишкомъ рѣзкія ограниченія. Но на немъ всегда будетъ лежать упрекъ въ томъ, что онъ не рѣшился улучшить судебную часть, между тѣмъ какъ это вовсе не такъ трудно, какъ онъ полагаетъ. Если онъ не повѣрилъ моему донесенію (въ Январѣ 1847), то пусть онъ повѣритъ хотя посланнымъ имъ членамъ консультаціи.

*

Я прочелъ: Das Wesen der freien christlichen Kirche, von Johannes Ronge, Hambourg, 1847., и сдѣлалъ обширныя замѣчанія. Ученіе это пойдетъ въ ходъ, потому что проникнуто общенароднымъ направленіемъ; но пользы отъ него я не ожидаю и не думаю даже, чтобы оно могло осуществиться. Ему недостаетъ существенныхъ качествъ учрежденія, и поэтому оно легко примется за основаніе борьбы и можетъ служить поводомъ къ явленіямъ, подобнымъ сенсимонизму, соціализму, съ которыми оно имѣетъ много общаго.

Думаю я начать „Сборникъ“. Помоги, Господи! Работа трудная, въ предполагаемомъ мною смыслѣ, трудъ полезный. Если я совершу его, это должна быть настольная книга для всякаго читающаго и занимающагося. Я думаю изложить въ ней: прошедшее и настоящее, собственно исторію и статистику, въ простыхъ означеніяхъ и съ приложеніемъ подлинниковъ или актовъ.

*

Министръ присылалъ ко мнѣ вице-директора Топильскаго, чтобы предупредить о назначеніи меня за оберъ-прокурорскій столъ съ штатнымъ, уменьшеннымъ противъ настоящаго, содержаніемъ. Я согласился, скрѣпя сердце. Мы уже разсуждали объ этомъ съ женою. Я радъ вы-

браться изъ моего ложнаго положенія, хотя и предстоящее мѣсто само по себѣ довольно неопредѣленно и слѣдовательно ложно. Все шагъ впередъ. Искренно благодарю гр. Панина.

*

Новый годъ. Сверхъ чаянія многіе пріѣзжали повидаться со мною, вѣроятно въ чаяніи поздравить съ какимъ-нибудь назначеніемъ.

Несчастливъ прошедшій годъ по смутамъ на Западѣ, особенно съ того времени, какъ намѣстникъ Христа вмѣсто истинъ Евангелія сталъ проповѣдывать о реформахъ. Это окончательное разрушеніе католическаго авторитета и непремѣнно должно имѣть для самого папы важныя послѣдствія и вообще низведеніе волненій въ сословіе духовенства. Теряя или уступая свѣтскую власть, папа поплатится и властію духовною, особенно уваженіемъ, которое къ нему имѣютъ, какъ къ святѣйшеству. Можно раздѣлить власть, но не лицо. По моему мнѣнію папѣ слѣдовало совершенно отказаться отъ свѣтской власти, такъ много вредящей церкви и главѣ ея, и остаться духовнымъ правителемъ католицизма. Смиреніемъ монахъ выигрываетъ. Для блага Запада я бы желалъ, чтобы тамъ утвердилось какое нибудь, хоть демократическое, начало. До какой наглости доходилъ радикализмъ, до какой низости доводитъ консерваторство, мы видимъ въ Швейцаріи и Франціи. Гизо стремится утвердить династію.... Охъ эти человѣческіе виды въ дѣлахъ человѣчества! И скоро ли угомонится это движеніе и волненіе, не пора ли остановиться или по крайней мѣрѣ отдохнуть? Много грѣха на душѣ 1789 г. Отреченіе отъ Бога и казнь Его помазанника поколебали въ основаніяхъ вѣрованія и убѣжденія.

У насъ очень много дѣятельности и въ особенности ревизій. Это не безъ пользы, но почему все это не постоянно, не послѣдовательно? Отъ чего бы эти летучія искры не сдѣлать постоянными и не учредить окружныхъ инспекторовъ? Неужели не очевидно, что централизація неудовлетворительна? А между тѣмъ и у насъ, особенно въ молодежи, бродятъ безпокойныя мысли и мало по малу образуется негласная и замаскированная оппозиція или укорительница. Дай Богъ ума-разума нашимъ правителямъ.

Сегодня министръ былъ у Государя, и гуляя я узналъ о моемъ переименованіи. Сегодня же пріѣхалъ деверь мой А. А. Боборыкинъ. Надобно сойтись и намъ поближе Это прекрасный человѣкъ, съ кротостію души, преданной Провидѣнію, которое въ понятіяхъ его управляетъ и нашими мелкими дѣлами, независимо отъ человѣческаго произвола. Я ничего не могъ добиться отъ него и оставилъ все до письма его изъ Москвы, отъ котораго впрочемъ я ничего не ожидаю опредѣленнаго. Запутанность дѣлъ, кажется, очень велика, и всего хуже то,

что Александръ льстится зыбкими надеждами и едва ли самъ знаетъ о дѣлахъ своихъ.

*

Сего дня, 20 Февраля, разнесся слухъ о низверженіи Орлеанской династіи, о третьей Февральской революціи во Франціи. Событіе важное, глубоко поразившее меня лично потому, что оно совершилось съ нарушеніемъ порядка, основаннаго на свободѣ и огражденнаго усовершенствованными формами парламентскаго управленія. Какое вѣрно огражденіе, если и государственная свобода не защищена отъ насилія? Или большинство палатъ не ручается за согласіе націи, или это большинство есть только мнимое, законопродавцы, подкупленные мѣстами, орденами и деньгами? Я нахожу, что самая главная причина состоитъ въ несообразности представительныхъ учрежденій. Представительность есть изобрѣтеніе сосредоточеннаго управленія и по существу своему есть мнимое замѣненіе мѣстности. Мнимое никогда не укоренится, и средоточенное вѣдомство рано или поздно должно разбиться на свои естественныя части. По мнѣнію моему, чистое монархическое начало рѣшительно невозможно во Франціи; смѣшанное—угрожаетъ постоянными спорами, смутами и борьбою. Надобно быть какимъ-нибудь сорванцемъ Луи-Наполеономъ, чтобы рѣшиться принять титулъ въ странѣ, гдѣ всѣ титулы въ третій разъ отмѣняются и безъ всякаго уваженія. Одно начало возможно—республиканское, но если и при немъ сохранится какая-нибудь двойственность, борьбы не перестанутъ. Эта двойственность, взятая изъ Англіи, рѣшительно основаніе неправильное. Если наконецъ удержатся централизація и представительность, порядка и спокойствія не будетъ. Только начало давности и мѣстности представляютъ условія естественныя и слѣдовательно постоянныя и прочныя.

Открытыя возстанія во Франціи начались съ 1789 г. Безъ оппозиціи министровъ и парламента не было бы поводовъ къ вмѣшательству толпѣ, которую схватили неблагонамѣренные честолюбцы, ею же въ послѣдствіи низвергнутые и уничтоженные. Областное раздѣленіе замѣнено общимъ, разнообразное управленіе уступило мѣсто единообразному, мѣстные интересы перенесены, чрезъ представителей, въ сосредоточенные. Преобразованіе это стоило жизни цѣлому поколѣнію, двумъ. Между тѣмъ въ существѣ оно, логическое по ученіямъ схоластиковъ, есть насильственное или покрайней мѣрѣ неестественное, противъ котораго протестовали всѣми ясно выраженныя мнѣнія объ отдѣльныхъ республикахъ, Ліонской, Марсельской, Вандейской, облитыхъ кровію, оружіемъ поборниковъ сосредоточенности. Если бы прежніе парламенты уцѣлѣли и получили (обыкновеннымъ путемъ улуч-

шеній) надлежащія преобразованія, нужда 1789 г., устраненная легально, не привела бы къ ужаснымъ революціоннымъ временамъ, начавшимся казнію короля и твердого вѣрованія, и продолжающимся до нынѣ. Послѣдніе перевороты 1830 и 1848 г.г. низвергли самое (канцелярское) начало законности. Теперь путаница пойдетъ далѣе: законъ о регентствѣ устраненъ кѣмъ и какъ? Министры разбѣжались, палаты распущены кѣмъ и какъ? Виновные будутъ судимы кѣмъ и какъ? А между тѣмъ самыя смѣлыя ученія, давно ходящія по свѣту, втираются въ жизнь и требуютъ неслыханныхъ доселѣ установленій. А мы тщеславимся съ гг. Гизо и Дюшанелемъ своею государственною предусмотрительностію!

Вышелъ указъ о собственности крѣпостныхъ. Или это очевидное противорѣчіе, маленькій шагъ къ возбужденному вопросу, или это узаконеніе мѣры, которая всегда была терпима. Замѣчательно, что всѣ эти мѣры начались съ дѣла о крестьянахъ, проданныхъ отъ бывшей графини Самойловой, убѣжавшей съ какимъ-то Французикомъ. Но я частію радъ этой мѣрѣ: она приведетъ или можетъ привести къ мѣрѣ болѣе полезной—къ улучшенію нашего правосудія, для котораго у насъ ничего не сдѣлано и безъ котораго нельзя ожидать никакихъ преуспѣяній. А между тѣмъ какъ можно бы подвинуть его, ничего не ломая, никого не обижая. Улучшить составъ введеніемъ требованій по крайней мѣрѣ средняго образованія для выборныхъ членовъ, увеличить содержаніе, уменьша число, облегчить дѣлопроизводство по примѣру прочихъ учрежденій, отмѣнивъ повторительную переписку и грубую формальность, издать суды внѣ зависимости губернаторовъ, назначивъ особыхъ окружныхъ начальниковъ для посредства съ сосредоточеннымъ вѣдомствомъ и улучшить, хоть немного, судопроизводство. А главное—служебный уставъ! Это самый существенный недостатокъ нашего устройства и главная приманка всѣхъ произвольныхъ назначеній.

Первое и послѣднее слово крестьянъ, приглашенныхъ на волю: „заступы не будетъ, начальниковъ много, суда не найдешь“. Улучшеніе мѣстныхъ и уѣздныхъ управленій имѣло бы самое дѣйствительное вліяніе на освобожденіе крестьянъ. Только мало толку вижу я въ этомъ освобожденіи: благоустройство помѣщичьей власти есть, по моему мнѣнію, самое лучшее и вѣрнѣйшее средство благосостоянія крестьянъ.

При представленіи моемъ 13 Фев. министру онъ казался озабоченъ уменьшеніемъ моего содержанія съ назначеніемъ за оберъ-прокурорскій столъ. Я говорилъ объ этомъ съ шуриномъ моимъ и просилъ его увѣдомить о помощи, на которую мы можемъ считать отъ него. Получивъ его увѣдомленіе, что мы можемъ надѣяться на

присылку до 4000 р. въ годъ, я написалъ объ этомъ къ гр. Панину и заключилъ мою записку глубокою признательностію къ его вниманію. Нынѣ вице-директоръ Топильскій, по порученію министра, передалъ мнѣ, что графъ искренно благодаритъ меня за это увѣдомленіе и увѣряетъ, что повышеніе мое и увеличеніе моего содержанія онъ принимаетъ на себя.

*

Сегодня, 14 Марта, обнародованъ манифестъ, которымъ Государь даетъ знать народу о безпорядкахъ на Западѣ, манифестъ сильный и громкій. Можетъ быть, исполнится мое желаніе: Россія станетъ во главѣ монархическаго начала и, отстоявъ его, водворитъ порядокъ силою, если опытъ и убѣжденіе не помогутъ. Страшна эта борьба, но едва ли можно будетъ обойти ее и начавъ едвали можно будетъ оставить безъ окончанія. На Австрію и Пруссію надѣяться нечего. И такъ мы будемъ одни. Мы весьма сильны, но не въ борьбѣ за начало и не въ войнѣ наступительной. Итакъ остается охранять себя, охранить западную границу и эту Польшу, которая, безъ имени и положенія, все смотритъ какою-то незаконною дочерью великаго Славянскаго племени. Если дѣло дойдетъ до крайности, до защиты нашей независимости, я иду въ военную службу. Дай Богъ, чтобы голосъ нашъ не раздражалъ противъ насъ еще болѣе народы Запада и чтобы нынѣшній переворотъ былъ послѣдній для человѣчества къ пути улучшеній мирныхъ и постепенныхъ. Дай Богъ, чтобы это испытаніе Божіе утвердило по крайней мѣрѣ въ той мысли, что одно прямое дѣйствіе прямо ведетъ къ цѣли и что ухищренія умовъ, хотя бы эти умы были первостепенные, приводили къ неожиданнымъ концамъ и къ непредвидѣннымъ разрѣшеніямъ. Политика сгубила политическія власти. Государственныя дѣла болѣе сопрягаются съ народными, и распространеніе демократическаго начала совершается съ неимовѣрною быстротою, проникнувъ даже въ Венгрію и Германію. Ужасно смотрѣть на это повсемѣстное преобразованіе напоромъ, быстро, дерзко и безъ достоинства. Можно думать, что всѣ торопятся, опасаясь пожара, наводненія или общаго возстанія.

Франція вся на ногахъ и не переводитъ духа, ожидая рѣшенія отъ народнаго собранія. Временное правительство безпрестанно переступаетъ предѣлы своего призванія и смѣлыми мѣрами и несбыточными обѣщаніями старается предупредить возможность всякой монархіи. Я недумаю чтобы Наполеонъ (военный диктаторъ) тамъ могъ являться или явясь удержаться. Республиканское правленіе одно совмѣстно съ настоящимъ расположеніемъ умовъ ея. Теперь это правленіе еще аристократическое: аристократія талантовъ Араго, Лямартина, Луи-Блана

и адвокатовъ; но это не продолжится: масса демократовъ нахлынетъ, и правительство изъ бѣлыхъ рукъ перейдетъ въ черныя.

Испанія—въ политическомъ отношеніи страна самая деморализированная—не удержится, тѣмъ болѣе, что у Изабеллы нѣтъ дѣтей, сама она скучаетъ, а Монпансье и по самому имени не можетъ имѣть прочной надежды. Съ утвержденіемъ республики во Франціи утвердится она и въ Испаніи.

Испанія уже готовится къ новому порядку вещей. Ловкій Карлъ Альберъ думаетъ сосредоточить на Сѣверѣ обширную Итальянскую монархію. Если это возможно, то на самое короткое время. Нынѣ ловкость ненадежна, а Карлъ Альберъ не представляетъ другихъ ручательствъ. Либералъ по необходимости, онъ много имѣетъ противъ себя въ прошедшемъ, и оно сгубитъ его будущее.

Неаполь уже раскаялся. Учрежденіе республики и успѣхъ ея на Сѣверѣ превратитъ и Неаполь въ республику, теперь король силенъ тамъ по ненависти Неаполитанцевъ къ Сицилійцамъ. Соперничество это можетъ долго продолжиться, но развитіе правъ Сициліи потребуетъ тогоже и въ Неаполѣ, и власть только именовательно будетъ монархическая.

Белгія—самая безхарактерная въ народномъ отношеніи нація—слишкомъ близка и сродственна Франціи, чтобы не подвергнуться полному ея вліянію; но мнимая монархія здѣсь возможнѣе нежели гдѣнибудь, хотя Леопольдъ, какъ зять Филиппа, и потому уже монархъ непрочный. Голландія не оставитъ короля и не вспомнитъ своихъ республиканскихъ временъ штатгальтерства, но она обрѣжетъ его и уровняетъ свои вольности съ Белгійскими.

Въ Германіи монархическое начало сильно, но убѣжденія, газеты и памфлеты такъ подмыли и подмоютъ его, что это монархическое начало дойдетъ до крайняго развитія конституціоннаго. Теперь въ Германіи повсюду конституціи; въ самомъ непродолжительномъ времени онѣ достигнутъ крайняго развитія. Единство Германіи есть химера; какое можетъ быть единство въ странѣ изполосованной національностями и такими вражескими какъ Нѣмецкая и Славянская? Хотятъ Славянъ принять въ общій представительный сеймъ; этого не будетъ. Голштинія-Шлезвигъ отложится отъ Даніи, Славянскія земли отойдутъ отъ Нѣмецкихъ.

Это поводъ къ самому важному вопросу, къ вопросу о Польшѣ. Если его не разрѣшитъ Государь самъ, онъ останется источникомъ ненависти Запада къ Востоку.

Англія непремѣнно подастся. Она не удержитъ Ирландію.

Наступило время національностей. Сложные составы разложатся на простыя части, и отдѣльность, при сліяніи сродственныхъ частей, произведетъ совокупность.

Надобно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что монархическое начало изчезаетъ и что представители его должны заботиться о обезпеченіи своей участи и добровольномъ отступленіи.

Какое время и какія событія! Есть-ли въ нихъ прочность и ручательство будущаго?

Военная сила уступаетъ мѣсто силѣ печатной. Послѣдняя пойдетъ далѣе, потому что возможность ея обширнѣе. Но скоро ли и къ чему приведетъ человѣка это новое испытаніе? Буди, Боже, милостивъ!

Министръ, за ревизію мою въ Августѣ и Сентябрѣ 1846 г. въ бумагѣ отъ 1 Апрѣля 1848 г. изъявляетъ мнѣ признательность за добросовѣстный и полезный трудъ мой. Время! Изъ любопытства я справлялся: точно, донесеніе мое разсматривалось и распоряженія по немъ дѣлаются только теперь, черезъ 22 мѣсяца. Я просматривалъ докладъ; это почти перифразъ моего донесенія съ искаженіями. Я разбиралъ предположенныя распоряженія; это противорѣчія и путаница. Министру вникать въ подробности некогда, а директоръ вѣрно почіетъ на лаврахъ. Но неужели таки ни шагу, ни на унцію не сдѣлаютъ для бѣднаго правосудія?

Слухъ все хуже и хуже о дѣлахъ Запада. Но что скажутъ, когда воздвигнется трибуна до 900 представителей? Такъ-ли сякъ-ли, а эта Польша введетъ насъ въ соприкосновеніе тяжкое, потому что оно потребуетъ денегъ, опасное—потому что число недовольныхъ очень обширно. Событія Запада, какъ и слѣдовало предвидѣть, производятъ у насъ реакцію: усиленіе надзора неосторожными, усиленіе строгости цензуры. Современникъ и От. Записки, за Апрѣль, являются уже пусты и пошлы; усиленіе крѣпостнаго права; уже изданъ и посланъ циркуляръ, отрицающій всѣ возбужденные толки. Но приведутъ ли къ цѣли эта поспѣшность и незаконность? Нѣтъ. Надзоръ изощритъ хитрость и бо́льшую тайну неблагонамѣренности: цензура усилитъ вліяніе иностранное, отрицательство породитъ недовѣріе, и все это только умножитъ число недовольныхъ.

Сегодня былъ у меня человѣкъ солидный, И. П. Липранди. Говоря о губернаторахъ, онъ между прочимъ повторилъ общее мѣсто: „назначаютъ дураковъ, какъ кн. Васильчиковъ, кн. Трубецкой или кн. Урусовъ. Теперь перваго перемѣщаютъ въ Житомиръ, нашли человѣка!“ Боже мой! Да чтоже это за правители, если о нихъ такъ отзываются солидные люди и притомъ близкіе къ высшему правительству? Хоть бы поскорѣе установилась эта кутерьма, можетъ быть, Госу-

дарь принялся бы за устройство гражданское. Неужели правъ В. А. Шереметевъ, что внутри, въ губерніяхъ, жить нельзя?

Странная вещь! Осмотрѣвъ шесть губерній, я нашелъ въ высшихъ лицахъ произволъ вопіющій, особенно въ Тамбовѣ, Воронежѣ и Курскѣ, а въ низшихъ—безпечность безстрашную. Не понимаю, не могу представить себѣ, какъ не найдется ни одного человѣка, который бы, хотя бы подъ страхомъ опалы, рѣшился сказать Государю правду?

Каратыгинъ м. на вопросъ, когда братъ его отправится за границу, отвѣчалъ: куда же ему ѣхать теперь, когда Европа вышла изъ границъ? Государь, узнавъ объ этомъ, передалъ вел. кн. Михаилу Павловичу, который отвѣчалъ: Oui, depuis que les Francais ont perdu Louis (l'oui), ils ne peuvent plus s'entendre. Трудно представить какъ смутны понятія у насъ о событіяхъ Запада, и каламбуры не препятствуютъ серьезно пообдумать о нихъ. Для государей пришло время тяжкое, время ужасное.

Во Франціи еще ничего опредѣленнаго. Можно ожидать, когда и кто выберется и что̀ начнутъ выборные и въ какой мѣрѣ департаменты (мѣстность) окажутъ противодѣйствіе произволу партера (средоточію). Противодѣйствіе едвали возможное, при засѣданіяхъ посреди Парижскихъ реформаторовъ, а при томъ трудное уже и потому, что временное правительство, Богъ знаетъ кѣмъ выбранное, такъ много приняло радикальныхъ мѣръ, такъ много сдѣлало положительныхъ распоряженій и возбудило такіе вопросы, что поворотъ отъ республиканскаго начала, безъ новаго переворота, рѣшительно не возможенъ. Вѣрно, что это правительство желаетъ республики и при томъ демократической, въ которой бы лесть и обѣщанія могли проложить путь олигархамъ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствія временнаго правительства и его коммисаровъ односторонни, своекорыстны и преступны.

Какъ бы то ни было, опытъ 60 лѣтнихъ волненій и обманчивыхъ довѣрій остановитъ на опредѣленномъ началѣ республиканскомъ; но какъ оно выработается—покажетъ время. Конфедераціи Парижъ не допуститъ. Остается ожидать единства во множествѣ. Я думаю, остановятся на представительствѣ въ широкомъ размѣрѣ, т. е. на собраніи законодательномъ или конгрессѣ, гдѣ президенство будетъ избирательно, потомъ на собраніи блюстительномъ, постоянномъ или Сенатѣ, избираемомъ изъ среды конгресса и наконецъ на министерствахъ, дѣйствующихъ подъ наблюденіемъ Сената. Сокращеніе налоговъ отъ сокращенія содержанія всѣмъ чиновникамъ и отъ уменьшенія постоянныхъ линейныхъ войскъ. Учрежденіе министерства труда или работъ (этотъ фронтиспись новой революціи) можетъ имѣть, въ томъ видѣ какъ должно предполагать его значеніе, важныя послѣдствія: увеличеніе расходовъ

на устройство ассоціацій и работъ и упадокъ мануфактуръ и вообще производительности, угрожающей обнищаніемъ всей страны. Франція богатѣла отъ того, что была во главѣ образованности и вкуса. Если равная свобода утвердится въ Германіи и вообще во всей Европѣ, соперничество съ Франціей сдѣлается совмѣстнымъ и балансъ ея упадетъ; упадетъ онъ уже и потому, что въ настоящее время перерывъ сношеній и сдѣлокъ обратитъ другія государства къ своимъ собственнымъ способамъ и отсѣчетъ многія требованія. Гордая и надменная нація изъ первой сдѣлается равной и даже меньшей. Нѣтъ сомнѣнія, что мы измѣнимъ нашъ тарифъ и наши реестры книгъ и журналовъ. Дай Богъ только, чтобы строгость не перешла предѣловъ и излишними мѣрами не произвела внутренняго противодѣйствія тайнаго, которое тѣмъ опаснѣе, что, идя изворотами, низко и подло, оно непримѣтно подмываетъ основныя начала и приготовляетъ незапное ихъ разрушеніе.

Настоящія событія представляютъ новыя доказательства несоотвѣтственности централизаціи, которая и безъ деспота, какъ Наполеонъ, такъ деспотически вертитъ бѣднымъ государствомъ, не внимая и не слушая мѣстности. Мѣстность, провинціализмъ нелегко отстанутъ отъ монархіи, но она не избѣгнетъ борьбы, въ которой достоинство монархіи потеряетъ много своего значенія и выведетъ наружу недостатки, скрывающіеся теперь въ сѣтяхъ централизаціи, вызоветъ начало національности, связанной теперь поощреніями сосредоточенія.

Какъ ни опасно нынѣ изданіе серьезныхъ статей, я вовсе не раскаеваюсь въ напечатаніи моихъ статей о Прусскихъ законахъ и Германскихъ уложеніяхъ. Они писаны въ Маѣ—Іюлѣ 1847 г., и я почти радъ, что успѣлъ высказать мои мнѣнія до начала, даже до предвѣщаній, тѣхъ событій, которыя начинаютъ новую исторію. Прочтутъ ли ихъ наши правители или нѣтъ, но я сказалъ. Другіе скажутъ лучше.

Очень безпокоитъ меня мать. Послѣднія письма ея, исполненныя ропота, требуютъ объясненій. Какъ бы успокоить мою старушку? Не въ правѣ-ли она обвинять меня въ недостаткѣ любви и дѣйствительно не виноватъ-ли я въ этомъ?

Старикъ Протасьевъ скончался. Упокой Господи душу его и сотвори ему вѣчную память! Еще одно имя въ дневныхъ поминаньяхъ моихъ родныхъ и благодѣтелей.

Протасьевъ, какъ я знаю отъ него, былъ искреннимъ знакомымъ моего отца, въ 1800 годахъ, и на этомъ основаніи, по семейному преданію, я отыскалъ его въ Москвѣ въ 1828, когда поступилъ въ Московскій университетъ, и принятъ былъ, какъ въ свое семейство.

Сожительство наше продолжалось до 1835, возобновилось въ 1837, знакомство наше продолжалось до 1848 г. И такъ 20 лѣтъ взаимной дружбы, искренней дружбы, любви, споровъ и обязаній. Я зналъ этого человѣка лучше нежели кто другой. Онъ такъ много сдѣлалъ для меня, хотя и не возродилъ того глубокаго чувства любви, которое я желалъ бы имѣть къ нему. Это былъ человѣкъ прошлаго столѣтія, самостоятельный, твердый, либералъ противъ высшихъ, деспотъ противъ низшихъ, презирающій мелочи почестей и чуствительный, если онѣ ему оказываются, человѣкъ убѣжденій сильныхъ, разсужденій точныхъ. Нынѣ немного такихъ твердыхъ характеровъ и съ такими опредѣленными правилами. На поприщѣ наукъ онъ былъ бы строгій мыслитель, въ службѣ онъ былъ бы положительный учредитель, въ обществѣ онъ не могъ быть ничѣмъ: раздраженіе отъ столкновенія мнѣній заставляло и его и другихъ уклоняться, и такъ какъ онъ чуждъ былъ наукѣ и оставилъ подчиненность службѣ, онъ ударился въ нажитки и съ этими цѣлями, постоянно и не торопясь, посвятилъ себя семейной жизни. Богъ далъ ему прекрасную жену и родню, въ которой онъ былъ оракуломъ расчетовъ. Думаю я, что въ прежніе годы, 1832—1840, ближе меня къ его сердцу никого не было. Онъ любилъ меня и даже иногда подчинялся мнѣ, несмотря на разность нашихъ мнѣній, обнаружившуюся въ 1831 году. Я любилъ его сильно. Но разность мнѣній невольно начинала отдалять насъ. Когда въ 1840 г. онъ нашелъ жениха своей дочери, мы разошлись еще болѣе. Съ того времени мы уже отчуждались, и было сближеніе съ его стороны, но не съ моей. Его ошибка сдѣлала его менѣе откровеннымъ. Или, можетъ быть, я сталъ хуже.

Дѣти его Василій, Петръ и Евгеній начали со мною грамоту. Я опредѣлилъ ихъ въ заведеніе, я способствовалъ поступленію ихъ на службу. Они и дочь Анна были его надеждою, его лучшими цѣлями. Онъ ничѣмъ не насладился и чѣмъ болѣе жилъ, тѣмъ болѣе терпѣлъ и страдалъ. Тѣсная система эгоизма его сгубила, исключительное направленіе по положительнымъ слѣдамъ сдѣлало изъ жизни его трудъ, работу, а потомъ, въ старости, лишило его тѣхъ прекрасныхъ наслажденій, которыя даютъ высокое чувство и высокая мысль. Бракъ дочери не удался, сынъ Петръ умеръ 21 года какою-то неестественною смертію, женитьба Василія была источникомъ горестей и безпрерывныхъ раздраженій. Евгеній, по свойству своему, не могъ доставить ему утѣшенія, хотя до самой смерти остался лучшею его надеждою. Если вѣрить Василью, послѣднее время старика было отравляемо сценами, опасеніями и самымъ явнымъ разочарованіемъ. Умирая, онъ могъ сказать дѣтямъ: оставляю вамъ хорошее состояніе. И только.

Неприлично мнѣ, обязанному, произносить строгій судъ о умершемъ; но, произнося его въ послѣдній разъ, я творю молитву о упокоеніи души усопшаго и пишу эти строки какъ бы въ покаяніе передъ Судіею Высшимъ за умершаго грѣшника, да будетъ Всевѣдящій къ нему милостивъ и изливъ гнѣвъ на его лице, да упрочитъ состояніе и счастіе дѣтей его.

*

Я разсматривалъ дѣло о бывшемъ Тамбовскомъ губернаторѣ Корниловѣ. Какихъ вопросовъ не сдѣлаешь при внимательномъ изученіи подобныхъ дѣлъ, этой мертвой, но вопіющей массы фактовъ о губерніи, пространство которой равняется царству?

Во первыхъ, о ревизіи. Она началась по поводу порубокъ. Если бы не пострадали лѣса, страданія народонаселенія остались бы безгласны. И кто ревизовалъ, по какой инструкціи, съ какими способами? Ревизіи случайны, сенаторы недостаточны, инструкція неудовлетворительна, способы малы и рѣдко исправны.

Во вторыхъ, о мѣрахъ ревизіи. Онѣ несвоевременны и такъ недѣйствительны, что въ 1846 (послѣ 1843—1844) я нашелъ судную часть въ губерніи въ совершенномъ разстройствѣ.

Въ третьихъ, о послѣдствіяхъ. Ищи виновныхъ, а ихъ и слѣдъ простылъ. 44 человѣка преданы суду, три губернатора подвергнуты отвѣту. Но посмотрите на дальнѣйшій ходъ: подсудность раздробилась, отвѣтчики оправдываются:

То неполнотою законовъ, которые дѣйствительно неполны. Письма тьма, все тонетъ въ формахъ и обрядахъ, уловить неблагонамѣренность, изворачивающуюся безчисленными предлогами, нѣтъ никакой возможности.

То отвѣтственностію централизаціи, которая все забрала къ себѣ, ничего не дѣлая, или хочетъ дѣлать да не можетъ. Централизація есть наша гибель.

То неправильностію донесеній сенатора, который въ самомъ дѣлѣ коротенекъ, опрометчивъ и голословенъ.

Я бы желалъ, чтобы, читая мою бумагу, министръ подумалъ объ этомъ.

При разсмотрѣніи ея въ департаментѣ возникло важное затрудненіе, потребовавшее моего вызова: прежде или послѣ фразы слѣдуетъ поставить „24 Сентября“.

Я читалъ сегодня отчетъ Дома трудящихся Демидова. Это просто богадѣльня съ женскою школою, а вовсе не то что̀ я думалъ, вовсе не домъ, въ которомъ ненаходящій работы можетъ имѣть работу. А между тѣмъ подобное заведеніе было бы существенно полезно.

При развитіи требованій въ наше время централизація привела къ соперничеству, которое дало капиталу власть почти монополіи, привиллегіи. Для уравновѣсія выгодъ капитала и труда, въ видахъ улучшенія быта неимущаго, трудящагося сословія, государство, какъ представитель выгоды всѣхъ и особенно большинства, должно оказать здѣсь безмездное свое содѣйствіе. Содѣйствіе это могло бы быть оказано тремя путями: учрежденіемъ въ обширномъ размѣрѣ работъ отъ правительства съ назначеніемъ урочнаго положенія и minimum заработка для всякаго кто пожелаетъ. Это уровняло бы цѣну частнаго найма.

Назначеніемъ обработки, во всѣхъ губерніяхъ, свободныхъ земель, чтобы возвысить трудъ земледѣлія и поощрить полезный классъ поселянъ. Это назначеніе выгодно бы было съ явнымъ убыткомъ для казны. Ибо нѣтъ богатствъ прочнѣе земледѣлія для государства.

Устройствомъ ремесленныхъ школъ, дабы облегчить участь такъ называемыхъ учениковъ (молодыхъ рабовъ) предоставленіемъ имъ возможности учиться ремесламъ не у Нѣмецкаго хозяина, который нерѣдко хуже всякаго барина, а у наставника отъ правительства. Тогда мальчикъ не будетъ рабомъ, а вступитъ прямо работникомъ на извѣстныхъ условіяхъ.

Невѣжество, неимущество—вотъ настоящее рабство. Государство обязано стремиться къ его уничтоженію.

Теперь во Франціи безпечность въ этомъ дѣлѣ привела государство къ крайностямъ и такъ какъ прежде не хотѣли сдѣлать немногаго, нынѣ раздраженіе требуетъ уже слишкомъ многаго. Да не вотще будутъ для насъ уроки исторіи!

Сегодня день ангела Александры. Чѣмъ бы потѣшить ее? Хотѣлось бы мнѣ вдохнуть ей увѣренность въ мою любовь, постоянство въ расположеніи, твердость въ понятіяхъ. Всего болѣе хотѣлось бы мнѣ дать ей здоровья и потомъ начать ту строгую, самостоятельную жизнь, которая не удручается лишеніями, независима отъ требованій и полна собственными силами для достиженія прямыхъ цѣлей.

Еще шагъ, еще успѣхъ, и мы станемъ твердою ногою и, оживя все вокругъ насъ, улучшимъ состояніе и наше и нашихъ и зависящихъ и окружающихъ насъ. Я болѣе и болѣе схожусь съ мыслію, что уменьшеніе требованій увеличиваетъ благосостояніе и что лишеніе ничтожно, если цѣль возвышенна.

Мало обращаемъ мы вниманія на силу времени: это существенная стихія жизни, какъ мѣра развитія и условіе прочнаго достиженія.

Видѣлся я съ старухою С. И. Штеричъ и гр. А. Н. Панинымъ. Замѣчательны для меня одинаковыя ихъ восклицанія о современныхъ

событіяхъ: но вѣдь это не можетъ продолжится, не правда ли что это должно перемѣниться? Одна пріѣхала изъ Берлина, другой—изъ Москвы.

Я читалъ „Фонъ-Визина“ кн. П. А. Вяземскаго. Сочиненіе замѣчательное по предмету, относящемуся къ знаменитому вѣку, въ которомъ окончательно выразился періодъ личнаго государственнаго развитія, и по сочинителю, на которомъ уцѣлѣли едва ли не послѣдніе слѣды прежняго умнаго общества, сглаживаемаго всеобъемлющимъ вліяніемъ Запада. Сочиненіе замѣчательно и по содержанію многихъ документовъ, писемъ и современныхъ свѣдѣній. Фонъ-Визинъ род. въ 1744, ум. въ 1792 г., служилъ при гр. Ник. Ив. Панинѣ, написалъ двѣ комедіи: Бригадира и Недоросля, Посланіе къ слугамъ, рѣчь по случаю выздоровленія Наслѣдника, письма изъ заграницы, о словарѣ, переводы, замѣтки и проч. Онъ погнался за двумя зайцами и менѣе поймалъ, нежели успѣлъ бы, ограничась однимъ. Ума замѣчательнаго, съ наблюдательностію острою и съ исключительною способностію высмотрѣть все комическое, Фонъ-Визинъ былъ бы отличный писатель комическій, но онъ захотѣлъ быть сановникомъ и при этомъ, отъ бездѣлья или въ видѣ средства фавёра, сочинителемъ. Двойственность разбила его. Сановникомъ онъ не сдѣлался, остался домашнимъ человѣкомъ Паниныхъ, изъ высокаго званія писателя онъ взялъ себѣ сатиру въ разговорахъ, комедію съ цѣлію, поучительную, государственную или полицейскую. Но при всемъ томъ это поприще прославило его гораздо болѣе нежели политическое. Какъ чиновникъ, Фонъ-Визинъ былъ дѣятель посредственный, ничтожный. Переводчикъ, потомъ секретарь при министрѣ Панинѣ „общемъ милостивцѣ“ своихъ подчиненныхъ, Ф. Визинъ занимался коммисіями частными и особенно перепискою и сообщеніемъ бумагъ и новостей брату министра гр. Петру И. Панину, жившему въ подмосковной. хлопоталъ по дѣламъ посланниковъ нашихъ, продавалъ домъ Зиновьева, не покровительствовалъ своимъ братьямъ и вообще извлекалъ изъ своего положенія свои и своихъ пріятелей выгоды. Въ письмахъ его нѣтъ ни одной обширной мысли, ни одного плана, ни даже возвышенности въ общемъ смыслѣ этого слова. Тѣснота взгляда и зависимость въ самомъ выраженіи, ниже своего вѣка, меньше современниковъ! Преимущественно ожидая всего отъ службы, онъ и знаменитыя комедіи свои написалъ въ видахъ правительства или, лучше, въ видахъ великой Императрицы. Подъ этимъ вліяніемъ порицалъ онъ и чужіе края, гдѣ всякое столкновеніе съ умными людьми долженствовало обличать отсталость его въ наукахъ и мысляхъ. Развиваясь и дѣйствуя свободно, Ф. Визинъ могъ бы быть писателемъ высокихъ достоинствъ. Подобострастіе уничтожило санов-

ника, чиновникъ умалилъ литератора, сочинитель стѣснилъ зиждущій геній.

Что̀ сказать о трудѣ кн. Вяземскаго? Онъ любопытенъ, очень полезенъ, даже очень полезенъ; но любопытенъ и полезенъ онъ потому, что мы бѣдны исторіей. Десять лѣтъ и, при новыхъ обнародованіяхъ и изученіяхъ, книга испарится, исчезнетъ. Она написана болѣе нежели неудовлетворительно: недостойно и недобросовѣстно. Начавъ мелкую статью въ 1825 годахъ для предисловія, кн. Вяземскій пополнилъ ее потомъ случайно, принялся снова и снова оставилъ. Въ 1835 г. онъ кое-какъ слѣпилъ цѣлое, подумалъ и оставилъ. Съ того времени начала такъ называемая натуральная школа господствовать, и біографъ еще разъ остановился. Нельзя быть равнодушну къ ничтожеству современной нашей литературы, барышничество которой также отвратительно, какъ скаредность и цинизмъ въ юношѣ. Потерявъ терпѣніе, кн. Вяземскій пересмотрѣлъ свою книгу, перелилъ въ нее свое неравнодушіе, пополня выходками и намеками и эту связку журнальныхъ статей издалъ въ видѣ довольно толстаго тома. Драгоцѣнны въ книгѣ приложенія, драгоцѣнно умное и ясное изложеніе, нѣкоторыя частныя замѣтки и остроты, но изученія Ф. Визина и его времени тутъ нѣтъ: отступленія, смѣшенія предметовъ, зарапортованій—множество. Жаль. Кн. Вяземскій свѣтскій человѣкъ, отлично умный; полгода уединенія и изученія, и мы могли бы имѣть прекрасную книгу. Но надобно благодарить и за это, благодарить въ особенности за откровенность, съ которою сочинитель рѣшился поговорить о современности. Многіе прочтутъ книгу, многимъ она будетъ любопытна, но немногіе будутъ ею довольны.

*

Какое любопытное зрѣлище открывается во Франкфуртѣ и Парижѣ! Благо тебѣ, Россія, поучаться опытами другихъ и постепенно и нечувствительно вырабатывать учрежденія, которыя бы ограждали развитіе безъ жертвъ и потрясеній. Молю Бога, чтобы у насъ утвердилось вѣрованіе въ развитіе, и утвердилось при нынѣшнемъ Государѣ, способномъ дать ему неспѣшный ходъ и вѣрное огражденіе.

Сенаторы Пещуровъ и графъ Завадовскій говорили со мною о ходячемъ предположеніи, о назначеніи меня на мѣсто гр. Толстого въ 1-е отдѣл. 5 департ. Это слухъ, которому я не вѣрю. Гр. Панинъ иначе понимаетъ вещи, не измѣнятъ разъ принятаго имъ намѣренія и не назначитъ меня именно и даже потому, что всѣ это считаютъ должнымъ или возможнымъ. Еще не время. Я боюсь, чтобы онъ не разсердился на меня.

Въ виду великихъ событій на Западѣ у насъ не сдѣлано явныхъ распоряженій никакихъ, ни временныхъ, ни постоянныхъ, а тайно замѣчается большая дѣятельность. Перемѣна генералъ-губернаторовъ кн. Щербатова и Головина давно признавалась необходимою. Только не совсѣмъ одобряютъ выборъ гр. Закревскаго, порядочнаго фронтовика, которому была и, говорятъ, будетъ гибельна холера, и кн. Суворова, перемѣщеннаго изъ Польской Костромы въ новоправославную Лифляндію. Говорятъ, разбирая смуты, популярный начальникъ выразился довольно громко о „sacré Православіи“. Перемѣщеніе губернаторовъ въ Западныхъ областяхъ, движеніе войскъ къ границѣ и непомѣрная строгость въ Польшѣ, гдѣ число солдатъ доходитъ до 300 т.: встрѣча, если она должна быть приготовлена. Все это для Польши. Для Польши мы приносимъ всѣ униженія отъ Нѣмцевъ и особенно отъ Прусаковъ; для сосредоточенія и утвержденія силъ мы не помогаемъ Даніи, хотя рѣчь идетъ о наслѣдственномъ герцогствѣ. По этой же причинѣ мы болѣе нежели осторожны въ княжествахъ Дунайскихъ. Кромѣ Польши второй предметъ заботъ—литература. Она стѣсняется и, по моему мнѣнію, весьма неосновательно. Полезно оградить общество отъ вліянія западныхъ вторженій и увеличить таксу и усилить цензуру книгъ и журналовъ; но мало послѣдовательности въ стѣсненіяхъ Русской литературы. Ее ограничиваютъ не только въ духѣ и въ ученіяхъ, но даже въ формѣ. Эти непослѣдовательныя и осязательныя стѣсненія, послѣ прежняго возбужденія требованій, пробуждаютъ невыгодныя чувства и приготовляютъ незапныя послѣдствія.

Я слишкомъ удаленъ отъ общихъ правительственныхъ предначертаній, и потому не знаю, получатъ-ли онѣ какія нибудь измѣненія; но я не знаю ни одного, *ни одного* человѣка, который бы отзывался выгодно и благосклонно о современномъ у насъ порядкѣ вещей. Отзывы эти такъ общи и такъ иногда гласны, что—говоря языкомъ Запада—успѣхъ на этомъ отрицательномъ пути у насъ замѣчателенъ. Ропотъ, охуленіе—на дневной очереди. Это жаль, больно. Люди, предпоставленные властію, принимаютъ тяжкую отвѣтственность, если не за то, что не дѣлаютъ лучшаго, то за то, что оставляютъ все въ такомъ дурномъ положеніи. Оно дѣйствительно дурно, особенно по части полицейской, судебной и народнаго хозяйства.

*

Какъ ничтожны доводы Лямартина о пользѣ невмѣшательства! Это софистъ-краснобай. Нѣтъ ни послѣдовательности, ни достоинства и не смотря на громословіе и общія фразы въ видѣ общихъ истинъ,—нѣтъ твердости и возвышенности въ самыхъ основаніяхъ и началахъ. Мы ждемъ! Да чего вы ждете? Чтобы люди перерѣзались? Или вы

признаете начало—тогда дѣйствуйте и не унижайте себя опасеніями, выжиданіями, но отвѣчайте сперва на вопросъ: по какому праву вы признаете начало? Или вы, не дѣйствуя, не признаете начала—тогда выразите мнѣніе ваше ясно и отвѣчайте: зачѣмъ же вы нравственно поддерживаете возстанія и питаете рѣзню и зачѣмъ собираете резервные и наблюдательные батальоны?

Неопытность палатъ Парижской и Франкфуртской такъ смѣшна, что возбуждаетъ даже досаду и жалость. Ни рѣшительности, ни умѣнья, ни характера. Даже Берлинскій сеймъ представляется болѣе выдержаннымъ и съ бо́льшимъ достоинствомъ. Не по силамъ возбуждены вопросы и питаніе преждевременно снятымъ плодомъ производитъ болѣзнь. Грустно смотрѣть на эти представленія. Это какая-то игра.

*

Липранди разсказывалъ и читалъ мнѣ дѣла: о купцѣ Тарасовѣ, обманувшемъ подрядчиковъ А. Вердеревскаго и кн. Оболенскаго, и о купцѣ Мясниковѣ, обманутомъ разными лицами. Уши вянутъ отъ необыкновенной дерзости, съ которою мошенники овладѣли нагло значительными суммами. Нельзя не быть снисходительну къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, которыя принялъ Л. А. Перовскій, выведшій эти дѣла изъ общаго порядка. Судъ продолжилъ бы только обманы, и формы его прикрыли бы виновныхъ.

*

Мнѣ читали содержаніе письма Юрія Самарина изъ Риги о дѣйствіяхъ генералъ-губернатора кн. Суворова въ Остзейскомъ краѣ. Я видѣлъ край этотъ на мѣстѣ и хотя привержень къ историческому праву, но находилъ, что смѣшеніе устарѣвшихъ учрежденій съ новыми представляетъ явленіе довольно пестрое, чтобы не сказать смѣшное и безсмысленное. Внесенное чужестранцами историческое право здѣсь менѣе нежели гдѣ имѣетъ прочное и разумное основаніе. Пришельцы овладѣли землею, ввели христіанство, самоуправное законодательство, Римское право, Нѣмецкій языкъ и наконецъ Лютерово ученіе. Екатерина II, льстя Русскому, ввела общія учрежденія; Павелъ I, противодѣйствуя матери, возстановилъ мѣстныя: затѣмъ въ Петербургѣ усилилась партія Нѣмецкая. Нынѣ хотѣли обрусить этотъ край и приступили къ этому двумя путями: введеніемъ Русскаго языка въ предметы школьнаго ученія (мѣра совершенно законная и полезная: къ сожалѣнію, введеніе ея было нѣсколько поспѣшно и назойливо въ соединеніи съ довольно произвольными распоряженіями). Второй путь—введеніе Православія. По моему мнѣнію эта мѣра во всѣхъ отношеніяхъ несоотвѣтственна и обѣщаетъ плоды вредные. Кн. Суворовъ, повидимому, думаетъ снискать народность и идетъ нѣсколько на перекоръ или по

мелочному самолюбію или полагая приноровиться къ настоящимъ временамъ. Онъ, говорятъ, сказалъ исправнику, говорившему съ нимъ по-русски: почему вы не говорите по-нѣмецки? Онъ сказалъ sacré Православіе, онъ посѣтилъ пасторовъ прежде архіерея, онъ съ нетерпимостію обошелся съ раскольниками, побранился съ Нѣмецкими товарищами, пренебрегаетъ Русскими чиновниками и проч. и проч. Не знаю, правда-ли это; но если правда, то хороша послѣдовательность и достоинство правительства! Говорятъ, князь Суворовъ вызывается сюда.

*

Я еще разъ прочелъ старую книгу—Système de législation, d'administration et de la politique de la Russie par un homme d'état russe. Paris 1844. Книга весьма хорошо, добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла написанная. Я помню, что сочиненіе ея приписывали то Тургеневу Николаю, то покойному кн. Козловскому, то Соболевскому. Она писана человѣкомъ дѣловымъ и, можетъ быть, кн. Друцкимъ-Любецкимъ. Взглядъ на предметы точенъ, но тѣсенъ. Многія преобразованія недальновидны, многія замѣчанія ошибочны, многія предсказанія обманчивы. Лучшее замѣчаніе—это о необходимости улучшеній управленія, безъ которыхъ улучшеніе личнаго состава не поможетъ дѣлу. Изъ частныхъ замѣчаній основательно о кредитныхъ учрежденіяхъ, которыя, по неправильной оцѣнкѣ имуществъ, исключительностію своею препятствуютъ развитію частнаго кредита. Всего менѣе удовлетворительны разсужденія о военныхъ учрежденіяхъ. Сочинитель очевидно не изъ военныхъ, и въ немъ замѣтны какія-то личности къ министрамъ юстиціи и финансовъ.

*

Все это время я былъ занятъ коммисіей о самозванствѣ Варшавскаго помѣщика коллежскаго секретаря Павла Петрова Попова. Пустѣйшее дѣло, если мы не обмануты.

Вотъ какъ я объ немъ думаю по разсмотрѣніи обширнаго его производства. Сынъ мелкаго чиновника, Поповъ занимался ходатайствомъ по дѣламъ и свелъ знакомство съ домомъ богатаго помѣщика Черепова и особенно съ женою его, Катериною Владимировною, рожд. княжною Щербатовою, родственницею кн. Ал. Ник. Голицына. Будучи въ связи съ нею, онъ помогъ ей, чрезъ крѣпостнаго Аверьяна Богданова, обокрасть мужа и скрывать бѣглеца Богданова отъ преслѣдованій; въ 1825 г. по смерти Черепова онъ женился на вдовѣ его и имѣлъ въ это время отъ нея дѣтей, трехъ дочерей: Александру, Елену и Катерину. Въ 1827 г. ходатайствомъ и происками онъ получилъ орденъ Владимира 4 ст. за спасеніе отъ пожара, началъ дворянствовать и сдѣлался богатымъ человѣкомъ.

Но вся жизнь этого человѣка состояла изъ подлости. Служа въ минист. юстиціи, онъ подписался подъ руку министра Трощинскаго, при полученіи креста онъ назвался „изъ дворянъ“. Не имѣя права давать Богданову паспорты, въ 1845 г. сдѣлалъ подлогъ по откупнымъ залогамъ Грека, въ 1846 ѣздилъ по подложной подорожной. Ростовщикъ и пройдоха, вся жизнь его составлена изъ искательствъ, хлопотъ, низкой лести и изворотовъ. Сокрытіе преступленій Богданова былъ первый шагъ, добытіе законности дочерямъ—главная цѣль. Зависть и привлеченіе лихоимства сдѣлали остальное.

Поразительно въ дѣлѣ то, что оно началось въ Декабрѣ 1829 г., и къ началу и продолженію нѣтъ ни малѣйшаго основательнаго повода. По случаю драки въ питейномъ домѣ крестьяне помѣщика Марина съ винопродавцемъ Богдановымъ первые, въ объявленіи своемъ, упомянули, что Богдановъ будто бы называлъ Попова арестантомъ Звѣревымъ, бѣжавшимъ изъ острога. Богдановъ отъ этого отрекся, объясняя, что это говорилъ Маринъ. Началось дѣло, шло медленно и не кончалось, я думаю, для того, чтобы защищать прочія дѣла Попова, которыхъ у него множество.

Суворовъ, временно управляя въ Костромѣ, испросилъ (какъ настаивалъ Поповъ) перевести дѣло въ Петербургъ. Государь приказалъ назначить коммисію, членами которой я и полковникъ Петръ Иван. Назимовъ, а предсѣдателемъ Иванъ Петр. Липранди. Коммисія съ самаго начала сдѣлала обыскъ въ домѣ, захватила переписку (сплетни и хлопоты, весьма невыгодныя для чиновъ 3-го Отдѣленія, Дубельта и особенно Александра Небольсина). Дѣйствія коммиссіи были нерѣшительны и слабы. Я не хотѣлъ противорѣчить, чтобы не прослыть за безпокойнаго. Воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, Коммиссія посадила Попова въ секретную Ордонансъ-Гауза и вошла въ сношенія о дочеряхъ.

Съ перваго взгляда я принялъ дѣло за ничтожное и вымогательное.

Коммиссія просила министра объ освобожденіи Попова. Онъ отказалъ. Коммиссія начинала подробныя объясненія, министръ потребовалъ дѣло къ себѣ. Я бы желалъ оставить эту коммиссію.

*

Въ Европѣ все еще никакого порядка. Повсюду безначаліе въ полномъ смыслѣ слова; нѣтъ ни началъ, ни начальствъ. Особенно грубо и безстыдно это безначаліе въ Австріи. Съ непривычки несчастные перепились и смѣшиваютъ свободу съ безчинствомъ. Всѣ стремятся достигнуть вольностей, а достигнувъ и не удовлетворясь, спрашиваютъ себя: „да изъ чего же я столько трудился и бѣсновался?“ Такъ-то справедливо, что свобода есть добросовѣстность, вошедшая въ привычку.

Во Франціи безхарактерность дошла до смѣшного. Во главѣ всѣхъ собраніе, которое не узнаетъ само себя, боится толпы, требующей денегъ безъ труда или труда по выбору; потомъ—исполнительная коммисія, которая, за собраніемъ и министрами, не знаетъ что̀ дѣлать и уже на первыхъ порахъ стѣснена коллегіальными обрядами; наконецъ—министры или soit disant tels, которые, въ средѣ переломанныхъ началъ, ходятъ ощупью и пользуясь крайнимъ положеніемъ предлагаютъ на удачу законы, крича: urgence! Не можетъ быть, чтобы такое смѣшеніе, такое гражданское развращеніе было временное, преходящее состояніе; нѣтъ: оно предшествуетъ новому порядку, и этотъ порядокъ долженъ родиться.

Гр. Панинъ совершенно сбиваетъ меня съ толку: не могу понять его, не могу согласить самыхъ робкихъ моихъ ожиданій съ его дѣйствіями и думаю, что я ничего не дождусь или я несправедливъ въ моихъ ожиданіяхъ. Я колеблюсь въ этомъ, хотя первое—безнадежность—признается всѣми и такъ открыто, что кромѣ себя, я не знаю ни одного человѣка, который бы съ нѣкоторою терпимостію отозвался о графѣ Панинѣ и не прибавилъ, въ видѣ выраженія общаго мнѣнія, что онъ дѣйствуетъ по своемыслію и въ пристрастныхъ видахъ богатыхъ владѣльцевъ, къ очевидной невыгодѣ общества. Ни одного. Я обдумываю, какъ бы мнѣ оставить судебное вѣдомство безъ ссоры и безъ оскорбленія.

Орелъ весь выгорѣлъ, пожары во Владимирѣ, въ Ярославлѣ и въ 8 другихъ городахъ. Нельзя не предполагать здѣсь злоумышленія, и подобное бѣдствіе, при развитіи эпидеміи, требуетъ всевозможныхъ мѣръ предупрежденія. Неужели опять въ отвѣтѣ Жиды и Поляки? Все это случилось въ то самое время, какъ во всѣхъ газетахъ напечатано, что по волѣ Государя, около 150 т. челов. призвано изъ за сохи къ оружію... Изъ сего громаднаго числа... изъ всей этой вновь созданной арміи, со времени ея призыва, отлучился только одинъ человѣкъ, и не было ни одного происшествія, требовавшаго взысканій... А между тѣмъ говорятъ, что поджоги сдѣланы безсрочноотпускными и уволенными чиновниками! Нельзя понять, какъ достаетъ духу такъ нагло льстить, тогда какъ изъ всякаго уголовнаго дѣла о поджогахъ и возмущеніяхъ выглядываетъ безсрочный, и всѣ помѣщики жалуются на ихъ безпокойное пребываніе. Богъ судья нашимъ обманщикамъ.

А между тѣмъ въ Петербургѣ обнаружилась холера и увеличила толки и слухи. Все старая пѣсня: Поляки отравляютъ, народъ морятъ.

Всѣ мы ходимъ подъ Богомъ, и къ Нему обращаюсь съ молитвою о милости. Въ жизни или смерти я всегда признаю Его святую волю и приношу покаяніе въ вольныхъ и невольныхъ моихъ прегрѣшеніяхъ.

*

Прусскій генералъ Пфуль пріѣхалъ къ намъ—или съ просьбою о защищеніи престола (сомнѣваюсь), или съ предположеніями Араго въ Берлинѣ о возстановленіи Польши (это скорѣе), но предложеніе рановременное и едвали обдуманное.

Нашимъ Москвичамъ, Славянофиламъ, вообще мечтателямъ, какъ кн. Одоевскій, кажется, что Россія—свой собственный міръ, которому принадлежатъ будущность, могущество и слава, какихъ никто не имѣлъ. Но на чемъ же это основано? Будущность конечно принадлежитъ намъ, ибо мы вступаемъ на гражданскую чреду. Но на чемъ утверждается наша особенность? Надобно отказаться отъ человѣческаго достоинства, чтобы предположить какое-то Русское достоинство. И чѣмъ мы разнимся отъ Европы въ стихіяхъ жизни: языкъ, вѣра, семейство, собственность, власть—у насъ совершенно Европейскія. Намъ недостаетъ развитія, но оно придетъ. Мы Европейцы со всѣми ихъ пороками и добродѣтелями, и только цензурный уставъ заставляетъ говорить и писать иначе. Ужъ нашимъ мечтателямъ лучше бы было обратиться къ Магометанамъ, у которыхъ коммунизмъ нетолько въ догматахъ, но и въ учрежденіяхъ. Это было бы по крайней мѣрѣ ново.

*

Сегодня, по случаю назначенія меня къ исправл. д. об.-прок., вице-директоръ, по порученію министра, объяснялся со мною о двухъ предметахъ: во первыхъ, о томъ, что въ нѣкоторыхъ мысляхъ и выраженіяхъ моихъ замѣчается „не то чтобы либерализмъ, а что-то либеральное“. Мнѣ кажется это обвиненіе немного либерально. Можно упрекнуть меня за свободу, за вольность выраженій; но этотъ недостатокъ вызывался подобострастіемъ другихъ, вреднымъ достоинству власти и дѣлу. Во вторыхъ—о томъ, что я строгъ съ подчиненными. На это я могу дать одинъ отвѣтъ: съ 1840 г. я не вытѣснилъ ни одного чиновника, ни одного не обошелъ въ моихъ представленіяхъ и ни съ однимъ не поссорился. Требователенъ я, это правда, можетъ быть даже строгъ, въ этомъ смыслѣ, но жестокъ, неучтивъ, золъ—никогда.

Управленіе 2 отд. 5 департ. ввѣряется мнѣ на время. Надобно исполнить порученіе добросовѣстно, хотя недостатокъ средствъ меня очень стѣсняетъ. Я радъ этому назначенію, какъ занятію. Авось оно продолжится и не прекратится.

Но объясненіе это не выходитъ у меня изъ головы. Оно заключаетъ какое-то косвенное, тайное обвиненіе, которое въ Россіи, и при томъ въ настоящее время, важнѣе всякаго преступленія, а потомъ—обвиненіе это дѣлается такимъ лицомъ, отъ котораго зависитъ моя участь и выше котораго только одинъ Государь. Я объ этомъ подумаю.

Мнѣ непремѣнно надобно объясниться съ министромъ и разрѣшить мое недоумѣніе. Давно уже замѣчаю я перемѣну ко мнѣ гр. Панина. Теперь раздумье мое нѣсколько проясняется; но если раздумье получаетъ видъ убѣжденія въ основательности перемѣны, мой долгъ разсмотрѣть эти основанія и потребовать возвращенія прежнихъ правъ, если я доложу, что основанія не справедливы, или оставить министерство, если гр. Панинъ не захочетъ выслушать моихъ доказательствъ или, выслушавъ, не захочетъ воздать должнаго. Это касается не однихъ правъ чиновника, но общихъ правъ гражданина. Но не должно торопиться и быть пристрастну.

Надобно было вступить въ управленіе департаментомъ Сената, чтобы видѣть всю несообразность, все смѣшеніе, всю безтолочь сенатскаго производства, всю безсмысленную громаду переписки, запутанной отчетности, тысячи поводовъ къ безпечности дѣльцовъ, безсиліе оберъ-прокурора въ движеніи дѣлъ, раздѣльность отвѣтственности, уничтожающую всякую заботливость, безчисленныя мелочныя обрядности, останавливающія разрѣшеніе всякой ничтожной бумажонки. Законный порядокъ доведенъ до того, что надобно нарушать его, чтобы былъ порядокъ.

Я вступилъ въ управленіе въ концѣ Іюня и нашелъ непропущенными опредѣленія за Январь 1848 и даже отъ прошлаго года. Опредѣленія за Мартъ даже не были составлены. Какъ это двинуть? Исправить, или, уже не исправляя, пропустить и исполнить, нѣтъ никакой возможности. Сенаторы разъѣхались, жди ихъ возвращенія. Дѣла останавливаются, арестанты сидятъ. Попробуй что нибудь исправить, перечитай, переписывай листы журналовъ и опредѣленій; а тамъ смотришь какой нибудь сенаторъ переведенъ, уволенъ, умеръ.

Какъ еще я изворачиваюсь деньгами, понять трудно. 5 Іюля у меня оставалось всего на всего 75 коп., которыя и отданы повару. Въ 2 часа я получилъ жалованье и опять отдохнулъ на нѣсколько сутокъ. Впрочемъ я всегда могу найтись въ деньгахъ. Другія требованія для меня необходимѣе. 7 Іюля 1848 г.

Надобно же однако, чтобы современныя событія нашли свое оправданіе, разгадку или по крайней мѣрѣ объясненіе въ чемъ-нибудь. Что значитъ Февральскій переворотъ, отдавшійся во всѣхъ концахъ Европы, что значатъ стачки 15 Мая въ Парижѣ, Неаполѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, что значитъ наконецъ Парижское побоище 26 Іюня и учрежденіе общей временной власти въ Германіи; что значитъ наконецъ этотъ восточный токъ, холера, идущій на встрѣчу западному току, перевороту? Мелокъ умъ человѣческій, чтобы обнять и растолковать эти явленія, незапно, безъ спросу обнаруживавшіяся отъ одной искры

и вскружившія наши слабыя головы, еще вчерась занятыя ничтожными расчетами себялюбія.

И въ какое время разразились эти событія? Когда ни одного человѣка нѣтъ, который бы нетолько могъ, но рѣшился управлять ими. Было два человѣка, вращавшіе дѣлами: кн. Меттернихъ, представитель монархическаго начала (начало это, поддерживавшееся уваженіемъ и преданіемъ, потонуло въ подрывистыхъ ученіяхъ науки) и Гизо, представитель династическаго начала подъ руководствомъ Луи-Филиппа (начало это, поддерживавшееся 17 лѣтъ подкупомъ и обманами, изчезло въ смутныхъ кликахъ толпы).

Причину всего этого я ищу въ удаленіи отъ естественныхъ началъ въ общественныхъ учрежденіяхъ: церковь въ противорѣчіи съ жизнію: святая проповѣдь сдѣлалась краснобайствомъ, святое ученіе пытатливымъ символомъ. Никто не исполняетъ Евангелія, и всякій пытаетъ слова его, чтобы добиться своего толку. Законъ свѣтскій отсталъ отъ жизни, доведенной суетными поощреніями своекорыстія до непомѣрнаго напряженія, и въ своекровной мечтѣ законодателей вздумалъ управлять ея развитіемъ. Наука, оставя опыты сей зависимой жизни, ударилась въ среду возможнаго, смѣлаго и невоспретимаго; а искусство, отвратясь отъ этой мирной жизни, задумало искать привлеченія въ искаженіяхъ, лести и въ несбыточномъ. Вѣра—буква, законъ—форма, наука мечта, а искусство—сказка.

Какой продолжительности и дальнѣйшей жизни ко благу можно было ожидать отъ такого порядка? И онъ сокрушился. Крушеніе началось по поводу нищеты; нищета пришла съ злоупотребленіями, злоупотребленіе порождено ослабленіями ученій вѣры, недостаткомъ закона, противоположностію науки и развращеніемъ искусства. Все это приготовило то ужасное явленіе, котораго мы несчастные свидѣтели: вспыхнула искра, и все, бывшее подъ пепломъ, объято пламенемъ.

Во Франціи обрисовывается Кавеньякъ, въ Германіи эрцъ-герцогъ Іоаннъ. Я не думаю, чтобы они были способны овладѣть и учредить новый порядокъ, но думаю, что они могутъ замедлить напоръ и умалить тамъ безпорядокъ.

Зрѣлище ужасное, какъ пожаръ, но также увлекательное для отдаленнаго свидѣтеля, какъ великая картина пожара. Кавеньякъ будетъ стремиться оградить формы республики, эрцъ-герцогъ Іоаннъ — оградить права королевскихъ домовъ. Оба они видятъ, что рѣчь идетъ о томъ, что толпа хочетъ лучшаго распредѣленія богатствъ и даже коммунизма; но ни тотъ ни другой не рѣшается взять этотъ путь, особенно послѣ несчастій, ознаменовавшихъ первые шаги новаго порядка.

Циркуляры гр. Нессельроде о Германскихъ дѣлахъ и о вступленіи войскъ въ Валахію очень похожи на защищеніе оподозрѣннаго: такъ много пустословія, такъ мало достоинства, такъ много какого-то нецарственнаго, не-Николаевскаго изумленія и почти страха. Кажется, эти Нѣмчики вовсе не вошли въ мысль Государя и пишутъ объявленія, какъ писали бы они, будучи министрами Липпе, Альтенбурга и подобныхъ. Это жаль; значеніе, которое выпадаетъ Россіи въ настоящее время высоко и доблестно, но для этого нужны самостоятельность и добрая воля къ общему благу. Въ Государѣ все это есть, но нѣтъ мѣры, которую бы не обезсилили министры. Вотъ я и съ ропотомъ демагога: такъ непріятно было мнѣ читать неловкія объясненія нашей внѣшней политики.

Князь Чернышевъ болѣнъ; говорятъ, съ нимъ былъ второй ударъ, пускали кровь. Заняты предположеніемъ о замѣщеніи, которое дѣйствительно затруднительно. Я полагаю, что всеобщій кандидатъ гр. Клейнмихель не будетъ назначенъ; назначеніе это было бы противъ общественнаго мнѣнія, которое очень неблагопріятно знаменитому строителю и которому нынѣ противорѣчатъ (если противорѣчатъ) менѣе. Мнѣніе это, неточное и неполное, есть часто выраженіе зависти. Есть что-то выше мнѣнія, это естественныя условія. Мнѣніе это очень возставало на Д. Г. Бибикова за взятки секретаря его, Писарева: Писаревъ перемѣщенъ въ губернаторы въ Олонецкъ. Какъ ни странно повидимому это удовлетвореніе, но оно есть, секретарь господствовалъ въ 4 губерніяхъ, наживая сотни тысячъ: Олонецкій губернаторъ—постъ довольно скромный и едва ли надолго заманчивый для избалованнаго временщика. Усидитъ-ли безъ Писарева Бибиковъ? Это было бы несогласно съ его характеромъ.

Комедія Февральскаго переворота болѣе и болѣе разоблачается. Кто его произвелъ, почему, за чѣмъ—никто не зналъ и сказать не могъ. Толпы въ Мартѣ и Маѣ ясно говорили зачѣмъ ихъ не слушали; они объявили войну, ихъ разсѣяли. Кто выигралъ въ переворотѣ? Никто; эта путаница должна же чѣмъ нибудь развязаться. Событія говорятъ, что переворотъ произведенъ бездомными работниками; они схватили десятокъ журналистовъ, провозгласили ихъ правителями и разграбили дворцы. Народные правители выразили цѣль переворота: независимость рабочихъ отъ гражданъ, труда отъ капитала—garantie du travail; выразя, они приступили къ исполненію: учрежденіе народныхъ мастерскихъ для рабочихъ, налогъ 45 с. для платы, отобраніе дорогъ въ казну для занятій. Приступя къ исполненію, они возстановили противъ себя все общество, что нибудь имѣющее. Избранъ представитель гражданъ Тьеръ. Министерство нравственно разрушилось. Желая

согласить крайности, оно приступило къ ограниченію мастерскихъ, къ смягченію сбора 45 сантимовъ, къ сдѣлкамъ по отбору желѣзныхъ дорогъ. Это отложило отъ него многочисленный классъ рабочихъ. Они возстали. Кровь и разрушеніе. Миръ возстановленъ мечемъ. Когда все немного смолкло, Прудонъ внесъ предложеніе о налогѣ съ доходовъ. Толпа выразилась въ систематикѣ, крамола взошла на каѳедру. Все собраніе возстало; Тьеръ написалъ опроверженіе. Назначенъ разборъ поединкомъ, рѣшительнымъ, окончательнымъ, который долженъ разбить и похоронить соціализмъ, коммунизмъ, и т. п. Но что же значитъ вашъ переворотъ безъ соціализма? спрашиваетъ Прудонъ съ простодушіемъ. Вы шутите, господа. Вы можете осмѣять, заболотировать, уничтожить меня, но не начало, которое дало вамъ жизнь и смыслъ и безъ котораго весь переворотъ есть вздоръ, комедія. Ужасны эти слова, но ужаснѣе то, что на нихъ ничего положительнаго не отвѣчали! Это горько до отчаянія. Тьеръ и новый министръ, Гудшо, ограничиваются полумѣрами, не оспариваютъ начало, но колеблятся въ примѣненіи. Тьеръ исказилъ основанія и мысли!

Прудонъ говоритъ: что вы пугаетесь моего предложенія? Я вывожу его изъ вашихъ дѣйствій и изъ значенія событій, отдѣляющихъ насъ отъ вчерашняго, подъ вліяніемъ котораго вы находитесь. Вы обѣщали дать и оградить *право на работу*—вотъ задача. Вы этого не можете исполнить; я предлагаю: оградить работу увеличеніемъ потребленія, которое усилитъ требованіе пониженіемъ цѣнностей и будетъ всегда отвѣчать спросу. Увеличеніе потребленія (которое безконечно, особенно во Франціи) теперь невозможно, потому что обращеніе произведеній затруднено. Оно затруднено значеніемъ денегъ и скопомъ остатковъ, служащихъ основаніемъ собственности. Я предлагаю *кредитъ даромъ*. Кредитъ даромъ—вотъ обѣщанное вами право работы, труда. Съ этимъ кредитомъ трудъ выдержитъ соперничество съ капиталомъ, понизитъ цѣнности, на возвышеніи которыхъ основанъ скопъ остатковъ и, усиля потребленіе, разольетъ общее благосостояніе. Скопъ остатковъ замѣнится взаимнымъ обмѣномъ.

*

Въ какомъ я опять затрудненіи въ домашнихъ расходахъ! Ѣду начальствовать въ Сенатъ и беру у жены послѣдній двугривенный. Это хуже поденщины, а я, кажется, не могу сказать: je ne fais rien, je suis travailleur aux ateliers nationaux. Надобно же однако привести мнѣ въ порядокъ дѣла, сократить расходы, безъ увеличенія приходовъ и не привыкать къ поденной жизни, очень поощряющей безпечность и какое-то невниманіе къ достоинству. 4 Авг. 1848 г. Занялъ у Данзаса 600, а черезъ три дня братъ прислалъ 300 р. србр., и нужда отлегла.

*

Графъ Панинъ приготовляетъ законъ о назначеніи предсѣдателей судебныхъ палатъ отъ правительства. Какъ всѣ предположенія его неблаговременны и неудачны! Подумаешь, что задалъ себѣ задачу сколько возможно ограничивать и стѣснять права и преимущества. Это какая-то зависть, слабость самолюбія государственной его милости. Мѣра эта небезполезна, но она уже существовала, ибо министерство, рѣдко утверждая выборы, назначало своихъ; она только раздражаетъ еще болѣе дворянское сословіе, и безъ того мало льнущее къ правительству. И въ этихъ-ли мѣрахъ нуждаемся мы? Служа восемь лѣтъ по уголовному правосудію, человѣкъ можетъ заболѣть и помѣшаться: такъ оно отвратительно дурно.

Или у меня или у другихъ, но голова кружится. И что всего безуспѣшнѣе, это то, что нѣтъ въ виду ни одного человѣка, который бы рѣшился и умѣлъ указать на истинныя нужды. Встрѣнутся потомъ, да уже поздно; бухнутъ цѣлою книгою, цѣлыми уложеніями, и начнется путаница. Такъ-ли должно развиваться и усовершаться историческое право? Какое мы беремъ направленіе?

*

Сегодня 31 Августа померъ отъ холеры Пав. Матв. Муравьевъ. Миръ его праху! Онъ ошибся въ расчетахъ женитьбы, ошибся въ женитьбѣ и въ послѣднее время потерялъ всякое достоинство самостоятельнаго человѣка, будучи разстроенъ по дѣламъ и по службѣ и не имѣя никакого удовольствія въ семействѣ. Человѣкъ добрый, христіанинъ искренній, онъ былъ услужливъ, искателенъ и сходчивъ. Послѣ него остаются, вдова Анна Андр. 24 л. и три дочери: Катерина 5, Лисавета $2^1/_2$ и Надежда—по 2-му году. Болѣзнь его была почти безпомощна, смерть—почти уединенна. Послѣднія слова его были обращены къ Василью Никитичу: „безсчастны мы съ тобою, Василій, прощай“.

Случай этотъ незапностію своею поразилъ меня, и я ѣздилъ на Волково, на могилу брата.

Сегодня же, 31 Авг., городъ иллюминованъ по случаю бракосочетанія Великаго Князя Константина. Молодой человѣкъ этотъ долженъ современемъ занять важное положеніе, къ которому призываютъ его и отличныя способности и ожиданія общественнаго мнѣнія, которое такъ для него выгодно.

Сегодня, 9 Сентября, въ ночь умеръ отъ холеры сенаторъ Михайловскій-Данилевскій. Это замѣчательный военный историкъ, не столько по вѣрности истинѣ, преклонявшейся у него современнымъ любимцамъ, столько по обилію и важности источниковъ, которые были открыты

ему и которые онъ могъ имѣть самъ по своему прежнему и настоящему положенію и по обширнымъ сношеніямъ. Къ сожалѣнію онъ имѣлъ двѣ слабости: вино и карты. Онѣ отдалили его отъ высшаго поприща, а отдаленіе сдѣлало его падкимъ къ лести. Какъ сенаторъ, онъ совершенно незамѣчателенъ и въ Сенатѣ бывалъ весьма рѣдко, значась по другимъ занятіямъ. Разъ, въ 11 часовъ утра, онъ пріѣхалъ очень пьянъ. Съ нимъ сдѣлалось дурно, подали воды; онъ успокоился на креслахъ и уѣхалъ. Замѣчательно еще и то, что. при рѣдкихъ завѣщаніяхъ, онъ чрезвычайно строго судилъ оскорбителей родительской власти.

Говорятъ, очень больны Левашевъ и Клейнмихель. Мои старики острятъ „что за нихъ опасаться нечего; они безсмертны“. Странная вещь! Эти старики, полуразрушенные и всегда малоразумѣющіе, удивительно какъ любятъ позубоскалить надъ другими, особенно М. М. баронъ Таубе, который въ лицѣ своемъ, въ лишайной личности, есть явное осмѣяніе.

Я надѣюсь, что къ новому году составъ департамента измѣнится къ лучшему.

Безначаліе въ Австріи и Пруссіи, кажется, достигло крайнихъ предѣловъ, и безпрерывные бунты обезсиливаютъ самыхъ отчаянныхъ возмутителей. Противодѣйствіе (отъ войскъ), потерявъ терпѣніе, осадитъ заносчивыхъ говоруновъ и установитъ насильственный порядокъ, хотя надобно сказать—разсуждающій Нѣмецъ, считая его contradictio in adjecto, мало къ тому способенъ. Надобно замѣтить и то, что Нѣмецъ менѣе другихъ способенъ и къ самоуправству. Онъ безнравственъ ибо не имѣетъ прочныхъ началъ ни въ вѣрѣ, ни въ власти, но безнравственъ добросовѣстно.

Какой теперь день новаго мірозданія? Или еще духъ созданія носится надъ стихіями?

*

Я разсматривалъ уголовное дѣло о смерти дѣвицы, дочери подполковника, Маріи Павлов. Пятницкой, въ селѣ Коревѣ (помѣщика Плат. Энгельгардта) Порѣчскаго уѣзда, Смоленской губерніи.

Дѣло въ томъ, что бѣдная дѣвушка, 18 л., дочь дурной матери, явно оглашенной въ пьянствѣ и развратѣ, жила въ Коревѣ и при томъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ помѣщикомъ. холостымъ и довольно богатымъ. имѣя сперва и пребываніе въ его домѣ, а потомъ у бабки своей, жившей черезъ дорогу, подпоручицы Тимоховичевей. Сколько можно судить, это была дѣвушка безъ воспитанія, незастѣнчива, любила быть въ гостяхъ, любила страстные стишки и какъ оказалось по врачебному осмотру была нецѣломудренна и имѣла частое

сообщеніе съ мужчинами. Дядя ея показалъ, что она жила у него въ городѣ и вела себя неприлично. 18 Ноября 1841 г. Марія Пятницкая, въ день именинъ Энгельгардта, провела у него день и вечеръ съ двумя молодыми людьми, купцомъ Николаемъ и чиновникомъ Петромъ Сорокинымъ. Играли въ карты, ужинали и разошлись, а ночью, около 12 ч., М. П. найдена у угла дома, близъ кухни, съ смертельною раною, и по входѣ въ избу разсказала, будто бы, что выстрѣлила въ себя изъ пистоннаго ружья въ пунѣ *) и оттуда дошла до дома и изнемогши упала.

Вотъ начало дѣла, продолжающагося и теперь послѣ пяти изслѣдованій и представляющаго для разрѣшенія важныя затрудненія.

По первому изслѣдованію, начатому въ 4-й день, все показывало, что смерть произошла отъ самоубійства. Хотя Смоленская Палата возбудила нѣкоторыя сомнѣнія, но существо обстоятельствъ неизмѣнилось, и дѣло рѣшено такъ. Но въ 1843, по разнымъ сплетнямъ, мать убитой подала прошеніе губернатору, и дѣло приняло другой оборотъ. Когда оно дошло до меня изъ Сената, я думалъ видѣть въ немъ повтореніе Ширковскаго. Разъ дѣлу придали особенную важность, оно пошло ходить, и слѣдствіямъ не было конца. Мы назначили трехъ: Бѣляева, Орлова (Московск. товарища) и Міотійскаго (Калужск. прокурора). Мы забыли, что разъясняя одно (стремленіе было къ открытію виновнаго въ Энгельгардтѣ) мы множествомъ и повтореніемъ показаній замѣняли другое. Послѣднее слѣдствіе озлобило Пятницкую и наконецъ вызвало справедливый ропотъ Энгельгардта въ прошеніи Сенату.

Теперь, когда я разсматриваю дѣло по разногласію, въ качествѣ оберъ-прокурора, самый затруднительный вопросъ представляется въ томъ: убита или убила себя М. П? Я думаю, что она вовсе не была въ пунѣ. Пуня слишкомъ далеко отъ дома и ближе къ жилищу бабки, куда раненая скорѣе могла дойти. Трудно повѣрить, чтобы послѣ такого удара изнеможенная могла протащиться 180 шаговъ по новому слѣду, черезъ канаву и по дощечкѣ. Я думаю также, что она убита: ибо ударъ не могъ быть, кажется, нанесенъ самою, изъ пистоннаго ружья и безъ всякаго повода. Мнѣ подозрительны что-то Татьяна-ключница и Анна-служанка. Послѣдняя отлучалась именно въ то время, какъ совершилось событіе, а первая, какъ говоритъ бабка, съ вечеру была въ неудовольствіи и слишкомъ вертелась при застрѣленной.

Я полагаю дать предложеніе, чтобы снова истребовать заключеніе медицинскаго совѣта по свѣдѣніямъ, собраннымъ послѣдними слѣдствіями. Министръ рѣшилъ, что она сама себя убила. Этого окончанія я уже никакъ не ожидалъ. Умолкнетъ-ли дѣло?

---

*) Пунею въ Смоленской губерніи называется чуланъ или сарай. П. Б.

Двухъ недѣль нѣтъ, какъ умеръ П. М. Муравьевъ, а нынѣ молодая вдова весь вечеръ, въ десятый разъ, болтала о новомъ замужествѣ, и выборъ падаетъ на встрѣчнаго поперечнаго, Иван. Павл. Василевскаго, котораго я такъ часто охуждалъ за дурное леченье, который, можетъ быть, весьма хорошій человѣкъ, но который вовсе не пара. Боже мой! Трупъ остыть не успѣлъ. Впрочемъ многое извинительно, и молодая женщина безъ опоры и съ шаткими правилами и дурнымъ мнѣніемъ въ скорости выигрываетъ.

Вотъ умеръ и директоръ, сенаторъ Ник. Порф. Дубенскій, когда-то громкій правитель государств. имуществъ, человѣкъ большаго ума. Онъ нажилъ большое состояніе особенно скупомъ жалованныхъ земель. Послѣдніе годы (1840—1848) были для него тяжки: оставленный, опороченный онъ едва освободился отъ суда по манифесту, и освобожденіе это хуже наказанія. Умеръ Розенъ, умеръ Левашевъ, умираетъ....

*

Какъ все еще играютъ обстоятельства на Западѣ: въ Баденѣ, послѣ Франфуртскаго возстанія, въ Голштиніи и Венгріи. Искренно-ли дѣйствуетъ Елагичъ и если да? искренно-ли помогаетъ ему Вѣна? И въ томъ и въ другомъ сомнѣваюсь. Сомнѣваюсь я въ Елагичѣ, потому что онъ много обязанъ Вѣнѣ и потому не можетъ быть совершенно преданъ народу, а народъ скорѣе можетъ получить выгоды отъ Венгріи нежели Австріи. Венгрію я считаю совершенно потерянною для Вѣны. Сомнѣваюсь я въ Вѣнѣ, потому что напоръ уже слишкомъ силенъ, перемѣна такъ незапна, что трудно вѣрить искренности. Вѣна смотритъ на Славянъ, какъ на орудіе; при такихъ цѣляхъ орудіе дѣлается обоюдоострымъ.

Я почти обрадовался, прочтя повелѣніе Прус. короля объ уничтоженіи министерства пересмотра законовъ, какъ намекалъ я въ небольшой моей статьѣ 1846 г. Желалъ бы я этой участи и нашему 2-му отдѣленію, особенно теперь по случаю перемѣщенія гр. Блудова въ предсѣдатели Совѣта. Это лишняя и потому вредная степень законодательства: вредная для министерства, которое имъ связано въ своихъ предначертаніяхъ къ улучшенію, вредная для Совѣта, который имъ стѣсненъ въ разсмотрѣніи законовъ.

Говорятъ, Государь отмѣнилъ всѣ предварительныя военныя мѣры. Это вздоръ, я никогда не повѣрю. Продать запасныхъ лошадей конной гв. артиллеріи не значитъ отмѣнить, особенно когда извѣстно, что гренадерскому корпусу приказано подвигаться къ Динабургу. Если мы будемъ въ необходимости вмѣшаться или начать войну Европейскую, мы внесемъ съ нею много Европейскаго въ Россію и, настоящее поколѣніе будетъ въ открытомъ противорѣчіи съ своимъ порядкомъ. Избави

Боже этой войны: она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полезна, и сомнительно, чтобы даже была успѣшна.

Ужасныя Октябрскія событія въ Австріи ускоряютъ развязку. Надежда на подвиги Радецкаго, Виндишгреца и Елачича дала смѣлость односторонним видамъ Нѣмецкой династіи въ Австріи и пробудила двойное опасеніе зазнавшагося германизма во Франкфуртѣ, опасенія за отдѣльность Австріи, низводимой на степень подчиненной имперіи, опасенія за возстаніе народностей Славянскихъ, опекаемыхъ Нѣмцами. Если бы импер. Фердинандъ могъ думать, что̀ подумалъ бы онъ о дѣйствіяхъ дворцовой своей канцеляріи въ 1847 г. напр. въ Богеміи, наприм. по поводу предложеній князя Ауерсперга, графа Лацанскаго и всей этой Богемской оппозиціи, которой мнѣнія выражены въ голосѣ князя Ламберга 27 Мая 1847 г. Справедливая уступка тогда много отвратила бы несправедливыхъ уступокъ теперь. Гордость тогдашней Вѣны не привела бы теперь орды къ стѣнамъ столицы, готовыя стереть ее съ лица земли. Что изъ этого выдетъ? Выдетъ то, что велитъ порядокъ вещей: Славянское начало въ Австріи возьметъ верхъ надъ Нѣмецкимъ и отдѣлится въ видѣ самостоятельнаго государства, а двѣ Австріи и Тироль соединятся, подъ особою главою, съ Германіей. Императоръ Славянскій можетъ не подчиняться Нѣмецкой Имперіи и соединить съ собою Венгрію, или отказаться отъ нея. Австрія и Венгрія всегда были врагами Славянъ. Потерявъ числительность, императоръ выиграетъ въ крѣпости: народное Славянское единство скоро окрѣпнетъ, выработаетъ свой общій языкъ и сойдется на своемъ сеймѣ.

Что̀ такое теперешній Сеймъ въ Вѣнѣ? Могутъ-ли любить его Нѣмцы, когда оно на $^2/_3$ Славянскій; могутъ-ли любить его Славяне, когда онъ въ Вѣнѣ и говоритъ по-нѣмецки? Въ Австріи, Пруссіи и почти во всей Германіи, точно также какъ во Франціи, оппозиція низвергла противника, но потомъ хвостъ опередилъ голову. Страмъ, страмъ!

*

Приверженцы и противники гр. Сергѣя Строгонова соглашаются въ томъ, что онъ человѣкъ отлично умный и образованный и что съ благородствомъ сердца соединяетъ выразительность и твердость правилъ, не поддаваясь произволу власти министра и не раболѣпствуя предъ лицами, удостоенными общественнаго довѣрія. Но противодѣйствіе Уварову и пренебреженіе, оказываемое имъ знаменитымъ въ университетѣ преподавателямъ, не есть ли послѣдствіе своенравія, мелкой зависти и купеческаго дворянства? Я не могу простить гр. Строгонову двухъ распоряженій: стѣсненія поступленія въ университетъ бѣдныхъ и извѣта о коммунизмѣ нашихъ бѣдныхъ журналовъ. И та и другая мѣры

полезныя, но ихъ слѣдовало привести въ дѣйствіе иначе. Тогда утолилось бы и стремленіе богача-аристократа и польза въ постепенномъ развитіи просвѣщенія осмотрительнаго.

Вотъ и еще дѣло полуслужебныхъ мошенничествъ: злоупотребленія по обществу громоздкихъ вещей, учрежденному лицами, пользовавшимися властію по положенію своему и довѣріемъ генераловъ Кавелина и гр. Бенкендорфа, Оводовымъ и Килчевскимъ, къ которымъ выгоды привлекли и другихъ лицъ, не менѣе значительныхъ: вездѣ встрѣчаемый Дубельтъ, банкротъ Кусовъ, предпріятель Гр. Эссенъ-Штенбокъ Фермеръ, акуторъ Шольцъ и сенаторъ Боровковъ. Любопытно читать, какъ эти лица, запутавшись въ мошенничествахъ, вертятся въ своихъ объясненіяхъ и какъ умные люди прекрасно пишутъ о низкихъ дѣйствіяхъ. Я полагаю (и тѣмъ болѣе мое мнѣніе на консультаціи) не только направить дѣло къ уголовному суду, но и прибавить о мѣрахъ огражденія обществъ участіемъ въ ихъ постановленіяхъ независимаго чиновника отъ правительства. Общественность и гласность здѣсь ничего не помогаютъ. Директоры открыто говорятъ, что печатные отчеты были обманъ для завлеченія, и сами винятся въ употребленіи въ свою пользу суммъ общества, въ выдачѣ двойныхъ №№ акцій, въ подставкахъ, подлогахъ и умышленной запутанности отчетности. Компанія пишетъ, что готова скрыть эти преступленія, лишь пополня недостатки.

Дѣла все болѣе и болѣе запутываются въ Германіи: она переживаетъ свои 90-е годы и въ этихъ смутахъ и волненіяхъ отвыкая отъ стараго порядка, невольно и незамѣтно пріучается къ новому, между тѣмъ какъ этотъ новый порядокъ уже опредѣленно выражается хотя въ поспѣшныхъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ постановленіяхъ и въ Вѣнѣ и Берлинѣ и въ Франкфуртѣ и Бернбургѣ. Феодальныя учрежденія уничтожены. Нельзя не замѣтить, что они уничтожены съ потрясеніемъ и ущербомъ права собственности. Сколь ни важно это уничтоженіе, имѣющее свою даже хозяйственную пользу въ раздробительности имуществъ и умноженіи самостоятельныхъ гражданъ, оно на первое время, довольно продолжительное, появится въ осязательно невыгодныхъ послѣдствіяхъ: въ обѣдненіи и въ упадкѣ образованности, которой такъ необходимы довольство, даже роскошь со всѣми ея принадлежностями. Обѣдненіе приведетъ къ простотѣ и скромности. Все это еще далеко, а до сихъ поръ—раздраженіе, бой и кровь. Преобразованія 1848 г. пошли далѣе 90 года: какое-то стоглавое мщеніе поднялось и вопіетъ вездѣ противъ ограниченій. Стремленіе, запальчивость подмываютъ самыхъ скромныхъ. Жаль только того, что пройдя десятки лѣтъ и повидимому достигнувъ желаемаго, стремительное поколѣніе, ища уто-

ленія, въ своекорыстіи,—какъ и всегда и вездѣ—придетъ къ вопросу: какъ, только-то? Любовь, чистая любовь въ добротѣ сердца,—вотъ единственный утоляющій источникъ.

Сегодня, 20 Октября, пріѣхала вел. Княгиня Ольга изъ Штутгарта. Наша красавица, говорятъ, похудѣла и при свиданіи въ рыданіяхъ бросилась на грудь отца, крѣпость котораго теперь крѣпче всей Европы. Княгиня пріѣхала на короткое время, вѣроятно отдохнуть отъ безпрестанныхъ опасеній. Говорятъ, что она такъ понимаетъ свое положеніе и такъ привыкла къ мысли о требовательности, что удивляется тѣмъ, которые ей удивляются.

*

Вотъ рѣшился вопросъ нашъ о предсѣдателѣ. Назначенъ военный министръ кн. Чернышевъ. Это въ порядкѣ, кстати и намъ къ лицу. Особеннаго ожидать ничего нельзя. Кн. Чернышевъ много сдѣлалъ для военнаго министерства, но тамъ у него работали Клейнмихель, Брискорнъ и Позенъ, и тамъ отдѣльность вѣдомства развязывала руки. Здѣсь не то. Но, какъ вездѣ, и при настоящемъ назначеніи не обошлось безъ особенности: членомъ Совѣта сдѣланъ генералъ Анненковъ, Ник. Никол., человѣкъ, по общему отзыву, совершенно ничтожный. Ошибкою онъ былъ предсѣдателемъ о безчиновномъ комитетѣ товарищей министровъ. Теперь—продолженіе этой ошибки.

Но говорятъ, и я этому вѣрю, о постоянномъ порядкѣ, обратномъ Западному. Желалъ бы я знать однако, у кого станетъ силы и смѣлости, чтобы установить что нибудь обратное порядку общепринятому? Установленіе Англійской аристократіи у насъ рѣшительно невозможно, ограниченіе умноженія класса выходцовъ и средняго сословія совершенно не въ Русскомъ духѣ. И то и другое идетъ быстро, и уже теперь многія учрежденія несогласны съ общепринятыми убѣжденіями. Лучшая политика и предусмотрительность должна быть правда и уваженіе правъ естественныхъ, правъ человѣческихъ, которыя неотчуждимы и незаглушимы.

Между тѣмъ какъ въ Саксоніи палата и министерство плачутъ и горячатся о казни Роберта Блюма, называя его святымъ мученикомъ свободы, Саксонскій посланникъ баронъ Зеебахъ простудился и получилъ отъ тестя рецептъ d'une guérison sûre et garantie: le général Wrangel est entré à Berlin à la tête q'une armée, et lo chambre dissoute, Robert Blum est fusillé à Vienne, occupée pur le prince Windischgraetz: levez-vous! И это называютъ откровенными дѣйствіями и отъ этого ожидаютъ прока и спокойствія!

А между тѣмъ событія изъ Вѣны перешли въ Берлинъ и здѣсь могли повториться, если бы ученое начало Пруссіи и ея короля не

превратило эту государственную борьбу въ соперничество писакъ и правовѣдовъ. Здѣсь борьба болѣе открытая, и собраніе рѣшительно возстало противъ правительства. Кромѣ ученаго начала, борьбѣ, по примѣру Вѣны, мѣшаетъ и невозможность отложиться отъ Франкфурта. Событіе это и въ послѣднемъ отношеніи весьма важно: оно или утвердитъ или окончательно уронитъ общую власть, и въ первомъ случаѣ Австрія поплатится за пренебреженіе, оказанное Германіи. Я полагаю, что министерство Бранденбургъ-Мантейфель не удержится, а перемѣна его будетъ знакомъ слабости, которая образуетъ и въ новой палатѣ сильное противодѣйствіе правительству. Самое послѣдованіе требованію Франкфурта не принесетъ много пользы. Франкфурту недостаетъ внутренней силы: рѣчи знаменитыхъ его ораторовъ рѣдко имѣютъ положительность и всегда заражены одностороннимъ, пристрастнымъ духомъ. Рѣчь Вельнера, послѣдняя, тяжела и натянута, какъ ученая статья, рѣчь Ф. Финка слаба, какъ необязательное разсужденіе. Онъ думаетъ, что онъ на сеймѣ 1847 г. Рѣчь Бассермана есть скрытое раскаяніе отсталаго вольнодумца, который перепуганъ послѣдствіями прежнихъ своихъ начинаній и который въ этомъ расположеніи прибѣгаетъ даже къ искаженію событій.

Въ Пруссіи много кричатъ, еще болѣе пишутъ. Иногда дерутся, чаще грозятъ. Король ищетъ правовѣда, чтобы объяснить его права. Магистратъ, для уличнаго объявленія, пишетъ воззваніе—книгу: есть охота и время писать и читать! Потрясеніе единодержавнаго начала таково, что одинъ сорванецъ, начавъ съ Италіи, можетъ произвести общій переворотъ, воспользовавшись недовольными, число которыхъ увеличивается самыми побѣдами. Недалеко ушла образованность, если положеніе ея можетъ зависить отъ одного сорванца!

*

Дѣла мои по Сенату идутъ хорошо. Я съ удовольствіемъ сознаюсь, что работаю безкорыстно, съ пользою и неутомимо. Но испытаній доброжелательному стремленію много. Главное—дрязги переписки. Можно положительно утверждать, что она терпится для отвлеченія отъ предметовъ полезнѣйшихъ: меньше будутъ писать, больше будутъ разсуждать.

Отношенія къ старикамъ сенаторамъ просты: они ничего—ничего—не знаютъ и слѣдовательно всему вѣрятъ. Довѣріе ко мнѣ подрывается зависимостью ихъ отъ канцеляріи, по карандашу которой они пишутъ заключенія. Горько и возмутительно. Довѣріе канцеляріи подрывается или нечистыми видами, какъ г. Благочевъ, или самолюбіемъ, какъ г. Гауеръ. Довѣріе это однако и вредно: съ нѣкотораго времени я

замѣчаю безпечность, происходящую отъ надежды, что „онъ замѣтитъ и поправитъ“.

Отношенія съ министерствомъ несовсѣмъ пріятны. По двумъ моимъ представленіямъ данныя разрѣшенія совершенно перепортили примѣненіе.

*

Грамоты нашего Государя Радецкому, Вандишгрецу и Іелачичу замѣчательны. Вторая по-русски обнародована не въ томъ видѣ какъ по-нѣмецки (Рг. 31 Сент. 1848 № 209), а третья (№ 207) совсѣмъ по-русски. Она и напечатана, а между тѣмъ въ ней признаются „достохвальныя стремленія къ уравненію правъ разныхъ племенъ“ и пр.

*

Сего дня умеръ митрополитъ Антоній. Ни духовные, ни свѣтскіе объ немъ не жалѣютъ. Орудіе видовъ, онъ уронилъ значеніе сана въ глазахъ святошъ и кощуновъ; ни жизни, ни учености, ничего въ немъ не было замѣчательнаго. Улыбающееся лицо, большая борода, проворная рука и какая-то неприличная намъ свѣтскость домоустройства. Онъ погребенъ подъ иконостасомъ въ Лаврѣ. Преемникъ ему назначенъ Никаноръ, тоже изъ Варшавы. Въ Москвѣ старѣютъ два народные человѣка, Филаретъ и Ермоловъ; ни тотъ ни другой не всплывутъ надъ ничтожествомъ; есть у насъ какое-то неодолимое развитіе ничтожныхъ правителей. Порядокъ вещей возметъ верхъ. и какъ удивятся правители эти, когда увидятъ, что сила ихъ уже не властвуетъ надъ силою напершихъ обстоятельствъ!

Мнѣ приходится часто разбирать жалобы чиновниковъ на неуплату долговъ; я выговариваю, усовѣщеваю: какъ это не хорошо, что лучше перетерпѣть нужду, что это вредитъ въ мнѣніи начальства; а между тѣмъ судья дѣлаетъ хуже подсудимыхъ: онъ беретъ деньги у своего казначея. Нужда велика. Я не знаю только, отъ чего гр. Панинъ желаетъ держать меня въ этой нуждѣ, предоставляя богатымъ богатое содержаніе.

*

Вотъ по немногу проясняется и кругозоръ Германіи: въ Австріи Фердинандъ отказался: этого мало—отказался и прямой наслѣдникъ Францъ-Карлъ и вступилъ на престолъ Францъ-Іосифъ, юноша 18 лѣтъ. Въ Пруссіи король наконецъ распустилъ палату; этого мало—онъ удержалъ и министерство Бранденбургъ-Мантейфеля, но онъ составилъ свое государственное положеніе въ видѣ опыта до Февраля. Что это значитъ? Уступки, уступки и уступки. Новое сопряженіе обстоятельствъ. удаляющее правильное и естественное положеніе дѣлъ. Почти открытое противодѣйствіе Франкфуртскимъ началамъ. Что такое юноша импе-

раторъ, когда и стариковъ не уважаютъ? Что такое государственное уложеніе въ видѣ повелѣнія, когда и согласныя рѣшенія сеймовъ оспариваются? Это полумѣры, которыя только раздражаютъ противныя стороны и, раздразнивъ нарушеніемъ обряднаго порядка, дадутъ поводъ къ основательному возраженію.

Изъ Ольмюца пріѣхалъ эрцгерцогъ Вильгельмъ. Государь чрезвычайно радъ и веселъ; но не новая-ли для насъ опасность въ государствахъ Славянскихъ, намъ сродныхъ и сопредѣльныхъ? При установленіи порядка эти сосѣди, съ ихъ вольностями, будутъ прямыми нашими противниками, и самая связь ихъ правительствъ съ нами не прочна и обратится къ бо́льшему раздраженію недовольныхъ. Чѣмъ далѣе мы отъ бездны, тѣмъ уравнительнѣе будетъ наше развитіе и тѣмъ болѣе и прочнѣе наше благоустройство.

6 Декабря прошло безъ большихъ милостей. Князь Воронцовъ получилъ портретъ и, кажется, по слѣпотѣ долженъ удалиться. Кто вмѣсто его? Если бы Аргутинскій былъ не молодъ въ государствѣ, онъ, кажется, былъ бы лучшимъ начальникомъ. Назначаемый мнѣніемъ гр. Киселевъ человѣкъ не для войны и не для горцевъ. Генералъ Шульгинъ получаетъ пятую награду, Александровскую ленту. Что за роскошь? Онъ долго былъ въ опалѣ.

Выборъ Луи-Наполеона, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Право его—имя, твердость его ожиданія. Хотя il est fait du bois, dont on fait les rois, но надобно многимъ пожертвовать въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобы вѣрить прочности подобнаго порядка. Луи-Наполеонъ будетъ или въ зависимости министровъ или, отвергнувъ зависимость, долженъ сдѣлаться головорѣзомъ и въ смутахъ искать утвержденія славою. Онъ не можетъ быть прочнымъ и потому, что ожиданія толпы несбыточны, а обѣщанія его неисполнимы. Нѣтъ, это не представляетъ ручательства прочнаго порядка. Впрочемъ возбужденные общественные вопросы такъ обширны и такъ глубоко проникаютъ во всѣ мелкія отношенія жизни и государства, что и великій умъ поколеблется предъ порядкомъ, долженствующимъ оскорбить лучшую часть народонаселенія и образованность.

Я видѣлъ нѣсколько разъ Фанни Эльснеръ, соперницу М. Таліони. Нѣтъ, это не Таліони, это отличная танцорка не болѣе. Нѣтъ ни благородства первой, ни ея выразительности мускуловъ, ни ея могущества, ни ея летучести. Ципочки и ципочки—вотъ конекъ Эльснеръ. Впрочемъ нѣтъ и тѣни того удивленія, которое нашла у насъ Таліони. Или мы тогда были моложе и впечатлѣніе было первое, или дѣйствительно Тальони неподражаема, только въ то время не видать было бы для меня лишеніе, а видѣть теперь небольшое удовольствіе. Нѣкоторыя изъ дѣвочекъ нашихъ иногда не хуже Эльснеръ; въ нихъ недо-

стаетъ выдержки и твердости ногъ, т. е. въ нихъ не достаетъ продолжительныхъ упражненій по любви къ искусству.

Нѣсколько дней толковъ о рѣшеніи дѣла Клевенскаго, похитившаго изъ управы деньги графини Браницкой. Общее мнѣніе то, что судъ былъ Шемякинъ. По моему мнѣнію судъ произнесенъ справедливо, сколько справедливость могла быть въ этомъ запутанномъ дѣлѣ. Картежниковъ можно изобличать въ мошенничествѣ, но не въ воровствѣ, а здѣсь главное—воровство.

Меня поздравляютъ съ разными назначеніями и между прочимъ съ вице-директорствомъ. Назначеніе, кажется, я долженъ получить, но вице-директорство (всегдашнее мое желаніе) едва ли согласно съ предположеніемъ директоромъ—Быкова. Я думаю, меня оставятъ здѣсь, во 2 отд. 5 деп.; это сообразнѣе принятому гр. Панинымъ порядку. Не хотѣлось бы мнѣ оставаться въ этомъ департаментѣ: онъ скученъ, дуренъ и тяжелъ, но разъ основавшись, я устрою его и конечно буду полезенъ, хотя въ министерствѣ, съ независимымъ управленіемъ уголовною частію, могъ бы быть полезнѣе. Впрочемъ я думаю, что окончательное мое назначеніе еще подождетъ. 24 Декабря 1848 г.

Вотъ и конецъ страшнаго 1848 года, значеніе котораго рѣзко будетъ въ вѣкахъ прошедшихъ и будущихъ. Онъ начался бранью короля Луи-Филиппа и кончается вынужденнымъ насиліемъ военной власти короля Прусскаго и императора Австрійскаго. Дай Богъ, чтобы 1849 г. привелъ къ примиренію, чего я не ожидаю и не пойму, если бы оно случилось. Завоеванія народа слишкомъ велики, чтобы уступившая имъ сторона могла имѣть достаточныя огражденія прочнаго порядка. Обуреваній, можетъ быть, менѣе шумныхъ, обѣдненія, ослабленія достоинства, узъ и законности—вотъ чего надобно ожидать отъ всплывшихъ на поверхность ученій. Время грустное и безутѣшное, ибо нѣтъ никакого убѣжденія, никакого вѣрованія, на которыя бы слабость гражданина и человѣка могла опереться. Раздраженіе соперничествующихъ сторонъ такъ сильно, разномысліе ихъ такъ противуположно, что сближенія ихъ ожидать еще нельзя, а безъ сближенія невозможно выработаться общему опыту.

Нельзя не сознаться, что 1848 годъ есть новый, болѣе обширный кругъ 1790 года. Менѣе жестокости и казней по закону. Жестокости и казни случались какъ исключенія и при томъ съ обѣихъ сторонъ: к. Лихновскій во Франкфуртѣ, Роберъ-Блюмъ въ Вѣнѣ. Игра и своемысліе областныхъ мѣстностей во Франціи 1790 г. повторялась въ соперничествѣ народныхъ мѣстностей во всей Европѣ; Итальянская. Нѣмецкая и Славянская выставились и выразились довольно опредѣленно.

Отнынѣ это начало будетъ дѣйствующимъ даже тогда, если бы о немъ не упоминали въ договорахъ и учрежденіяхъ.

Но между тѣмъ какъ въ Европѣ совершается преобразованіе этихъ вещественныхъ началъ, во Франціи начинается другой, высшій, порядокъ развитія: новое ученіе, извѣстное подъ наименованіемъ соціалистовъ и коммунистовъ, грозитъ страшнымъ распространеніемъ. Оно подрываетъ собственность и семейство со всѣмъ цвѣтомъ настоящей образованности, со всѣми благодѣяніями ея, неуравнительно распредѣляемыми. Ученіе прилипчивое по множеству неимущихъ, которымъ оно обѣщаетъ обезпеченіе, ученіе удобопріемлемое, потому что, низложивъ всѣ власти, время дастъ право гражданства началу встрѣчному и поперечному.

Если это знаменуетъ новый порядокъ жизни, надобно ожидать общаго упадка, своего рода дикости, какъ это обыкновенно бываетъ въ началѣ новаго порядка.

Изъ государствъ устояли только Швеція, Англія и Пиринейскій полуостровъ (если только онъ стоялъ); но въ Англіи были такія явленія, какихъ никогда не бывало и едвали не слѣдуетъ ожидать важныхъ преобразованій. Въ Швеціи и Норвегіи царствующій домъ слишкомъ мало имѣетъ, а неимущія сословія слишкомъ мало могутъ. Всѣхъ болѣе потрясена старая Австрія. Пренебреженіе, которое лежало на ней въ общемъ мнѣніи и особенно въ Германіи, такъ озлобило народъ, что онъ почти забылъ свое Нѣмецкое достоинство и готовъ былъ броситься хотя въ Венгерскія или Славянскія объятія, которыя его задушатъ. Напоръ такъ все поколебалъ, что ни народъ, ни власть образумиться не могутъ и, кажется, долго еще не приложатъ головъ, какъ бы выдти изъ этого положенія. Безъ единства не можетъ быть власти, а единство это рѣшительно невозможно, ибо орудія прежняго принужденія не существуютъ. Въ пылкой Франціи преобразованія смѣнялись по днямъ и часамъ. Въ чаду волненій самолюбивый народъ не замѣчаетъ, что первенство его рушилось. Въ этомъ смыслѣ упадокъ государства обнаружится несомнѣнно, и Французское тщеславіе, въ безсиліи между сравнявшимися, будетъ глодать само себя. Страшное орудіе—новое ученіе—не можетъ удовлетворить этому тщеславію. Возвратится-ли монархія? Согласится-ли кто занять ее? Нѣтъ и нѣтъ. Удержится ли Наполеонъ? Нѣтъ. Явится-ли сильный учредитель? Нѣтъ. Государство это должно долго, долго быть поприщемъ соперничествъ мелкихъ, судейскихъ, нерѣшительныхъ. Смѣлѣе другихъ Ледри-Роллень, но онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ. Опредѣлительнѣе всѣхъ Распаль, но ученіе его еще на значеніи разбоя.

Всего грустнѣе смотрѣть на Пруссію. Не за грѣхи ли предшествующія казнится эта умная страна? Представители вѣка Пій IX и Фридрихъ Вильг. IV сдѣлались его мучениками и въ правѣ обвинять подданныхъ въ черной неблагодарности. Можетъ быть, виною этого неполная искренность; по моему мнѣнію, просто негеніальность ихъ: они не умѣли предвидѣть, что событія опередятъ ихъ начинанія.

Грустно смотрѣть на людей, призванныхъ руководить своими согражданами. Старые ли грѣхи или новость положенія, но всѣ они впадаютъ въ двѣ крайности: робки до слабости, назойливы до одуренія. Во Французскомъ собраніи лучшіе замараны предъидущимъ временемъ, худшіе избалованы неожиданнымъ успѣхомъ. Палаты Австрійская и Берлинская подражаютъ конвенціи стараго времени. Изъ личностей отдѣляются: Кавельякъ, которому страхъ неожиданностей съ Іюня по Декабрь подчинилъ все собраніе. Самъ онъ стоитъ на перепутьи между началами, которымъ надобно-бы быть, но которыхъ онъ не въ силахъ ни выразить, ни примѣнить, и событіями, которыя онъ признаетъ, охуждая, и попускаетъ, не управляя. Тьеръ становится какимъ-то общимъ ходатаемъ. Маррастъ—вмѣсто предсѣдателя играетъ преподавателя, Ледрю-Роллель—желающій мутить, мутить и только мутить, а что̀ изъ этого выработается, Богъ вѣсть; Лямартинъ—болѣе чувствующій, нежели понимающій, Лямене—болѣе понимающій, нежели чувствующій. Все прочее второстепенно до обыкновеннаго.

Собранія Австрійское и Прусское бѣдны. Первое по непривычкѣ, второе по истощенію выборами 1847 и выборами для Франкфурта. Для освоеннаго съ преніями Французскими и Англійскими собранія эти представляются ничтожными.

Лучшіе представители во Франкфуртѣ, но здѣсь не менѣе замѣтны двѣ крайности: исключительность отвлеченій, доведшая до того, что они едва встрепенулись о особенномъ составѣ и положеніи Австріи, и вторая крайность—какое-то студенческое обращеніе съ властію, оскорбляющее и ея достоинство и должное приличіе.

Въ виду этихъ событій еще величественнѣе представляется наше великое отечество. Молитвою о ея твердости и о низпосланіи мудрости правительству и доброй совѣсти народу оканчиваю я послѣдній часъ этого года. 31 Декабря 1848 года.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1849.

Я провелъ вечеръ уединенно. Хотѣлось бы мнѣ подумать и передумать о себѣ, побранить себя и испытать свою твердость; но я давно знаю мои слабости и уже нѣсколько лѣтъ ищу руководительнаго начала въ словахъ Сирянина, ежедневно прося у Господа и Владыки живота моего духъ цѣломудрія, смиренія и любви. Весь этотъ годъ я не былъ здоровъ, но не былъ и болѣнъ.

Важныя дѣла внѣшнія немного потеряли занимательности по привычкѣ къ нимъ и по застою ихъ. За то внутреннія мелочи пріобрѣли болѣе участія, и въ послѣднее время особенно четыре случая обратили на себя вниманіе.

1. Окончаніе дѣла Клевенскаго. Генералъ-Аудиторіатъ рѣшилъ его (говорятъ) по шемякински. Не совсѣмъ такъ. Оно рѣшено не юридически, но ладно: Клевенскаго—въ арестантскія роты и потомъ въ Сибирь; съ игроковъ, Глинки, Болотнова и Либрехта, взыскать по 30 т., съ Трубачева 14 т. и со всѣхъ штрафъ по Уложенію. Остальную часть съ г.-а. Коломнина, членовъ Управы и М-ва Внутр. Дѣлъ. Прочимъ игрокамъ сдѣланъ строгій выговоръ, членамъ коммисіи (Липранди и др.) замѣчаніе. Валовой расчетъ конечно не имѣетъ законнаго основанія въ распредѣленіи, и вообще судебной истины тутъ недостаетъ; но, повторяю, рѣшено ладно, и всѣмъ сестрамъ досталось по серьгамъ. Дѣло это разыграется, если можно, и если Л. А. Перовскій захочетъ ввести его въ порядокъ. Очевидно, что хотѣли замарать М-во В. Д., и цѣль эта видна во всемъ изложеніи приговора.

2. Шалость львицъ княгинь Юсуповой, Урусовой и графини Орловой-Денисовой. Развеселившись на маскарадѣ, онѣ захотѣли поужинать

*) См. выше, стр. 183.

у Дюссо; здѣсь шумъ привлекъ полицію, и шалуньи попали въ исторію. Молва увеличила шалость, и говоръ далъ такую гласность дѣлу, что, говорятъ, Орлова просила Государя о защитѣ, а Урусова..... выместила все на мужѣ.

3. Строжайшій выговоръ со внесеніемъ въ списокъ сенатору А. Н. Пещурову. Здѣсь, по судебному взысканію несудебнымъ порядкомъ, сдѣлано нарушеніе, но тоже, говорятъ, не безъ основанія. Г. Пещуровъ взялся защитить зятя, ст.-сов. Окунева, безъ права и безъ должнаго повода. Но я думаю, что здѣсь паны дерутся, а у хлопцовъ губы трясутся. Вел. Князья Наслѣдникъ и Михаилъ, въ Совѣтѣ, хотѣли уколоть гр. Клейнмихеля, къ которому присоединился гр. Панинъ. Государь велѣлъ прекратить дѣло объ Окуневѣ, но вмѣстѣ кончилъ дѣло и о Пещуровѣ.

4. Безпорядки въ III Отдѣленіи Имп. Канцеляріи. Это не новость. Жаль только, что это случилось по Отдѣленію М. М. Попова, человѣка отлично благороднаго, и что слѣдствіе было возложено на ст. секр. кн. Голицына, человѣка очень невыразительнаго. Впрочемъ гр. Орловъ, какъ ближайшій изъ сильныхъ, не допустилъ бы до несчастій, а право пора бы г. Дубельту прекратить свои шашни.

Я очень опасаюсь за будущность молодаго человѣка Вас. Андр. Головинскаго: прекрасный, воспріимчивый мальчикъ попалъ на руки г. Карн.-Пинскаго и, пользуясь его покровительствомъ и вредною терпимостію, привыкъ къ такой свободѣ, для которой малѣйшее стѣсненіе, особенно обрядное, имѣетъ видъ гоненія или глупости. Это заставило его избрать ученое поприще. Я думаю, что, замѣтя въ юношѣ бойкую свободу, г. Карн.-Пин. отъ него оттолкнулся, и этотъ разрывъ тяжело обходится Головинскому. Онъ прилѣплялся прежде къ друзьямъ Пин. и теперь всѣми ими оттолкнутъ; онъ держалъ себя въ независимости и теперь долженъ искать опору, которой ему не хотятъ дать иные изъ боязни директора, другіе изъ боязни смѣлаго юноши. И вотъ молодой человѣкъ совершенно въ ложномъ положеніи. Это его гнететъ и, я думаю, убиваетъ. Сколько могу, я стараюсь поддержать въ немъ твердость направленія, ибо искренно люблю мягкость его сердца, открытаго ко всему доброму, и живость ума, часто заносчиваго, но всегда убѣждательнаго. Изъ него вышелъ бы прекрасный чиновникъ, если бы значеніе это не было искоренено въ глазахъ его П—кимъ, открытымъ порицателемъ всякой власти. Изъ него вышелъ бы прекрасный ученый, если бы лучшее время не прошло безъ прочныхъ изученій. Теперь всѣ хотятъ препятствовать ему на ученомъ поприщѣ, и я думаю, дѣлаютъ дурно. Слѣдовало бы поощрять и тѣмъ склонить

его къ постоянному труду. Не много времени нужно, чтобы убѣдиться въ словахъ моихъ. 30 Января 1849 г.

До Государя дошло, что генералъ Бѣлоградскій, Турокъ, членъ Ген.-Аудиторіата, преданъ содоміи, и его отставили отъ службы, а комендантъ генералъ Скобелевъ, другъ его, до того разсердился на стараго грѣшника, что нынче, 19 Февраля, оставилъ свѣтъ. Такъ умеръ этотъ замѣчательный человѣкъ, возвысившійся изъ простыхъ казаковъ до высокой степени извѣстности, любви Государя и общественнаго довѣрія. Онъ былъ глубоко Русскій и хорошо зналъ солдата, преданъ вѣрѣ и Государю и хорошій другъ своихъ друзей. И. С. Горголи разсказывалъ мнѣ, какъ онъ, бывъ частнымъ приставомъ, въ 1812 г. на колѣняхъ просилъ уволить его въ ополченіе (начало военнаго его поприща) при свѣтлѣйшемъ. Замѣчательный солдатскій и вообще народный писатель, онъ много льстилъ и высшимъ, но безъ подлости. Нѣкоторые изъ его приказовъ исполнены чувствъ и мыслей. Жизнь этого выходца чрезвычайно любопытна, и надобно ожидать, что по смерти его мы получимъ болѣе полныя его сочиненія. Замѣчательно, что кромѣ солдатовъ его любили и заключенные и что зависть не пощадила его, не смотря ни на лесть его высшимъ, ни на связи съ высшими по женѣ и чину, ни по простотѣ его, которая въ послѣднее время была непритворная.

Чаще нежели когда нибудь, независимо отъ холеры, случаются нынѣ рѣзкія болѣзни и незапныя смерти. Причину должно искать въ нравственномъ расположеніи вѣка, въ высочайшей степени стремительнаго и честолюбиваго. Можетъ быть, страсти эти расширяютъ до крайности извѣстные органы, и нить жизни лопается съ нарушеніемъ естественнаго состоянія постояннымъ напряженіемъ. Особенно способствуетъ незапности скрытность этихъ стремленій, по невозможности проявиться или по препятствіямъ соревнованія. Расширеніе сердца и жилъ и боль спинной кости у насъ на дневной очереди.

Какъ еще далеко все отъ устройства! Вмѣшательства въ Трансильваніи и въ Италіи показываютъ большой успѣхъ правительственныхъ властей, такъ упавшихъ въ 1848 году. Мы не далеки отъ того, что сила закроетъ и Франкфуртскій сеймъ—гнѣздо противодѣйствующаго начала, и войдетъ въ порядокъ прежней законности. Это желательно, ибо иначе могутъ быть продолжительныя и обширныя бѣдствія. Но трудно представить, чтобы возвратившаяся сила удержалась на золотой серединѣ. Гласно, а еще хуже негласно, она будетъ стремиться къ возстановленію прежнихъ правъ и вызоветъ новое противодѣйствіе. Хорошо, если бы всѣ министерства дѣйствовали, какъ Мантейфель, сильно, но благоразумно, съ отчетливостію и терпимостію. Другіе—

нѣтъ. Шварценбергъ пошелъ подалѣе, а Одиньоль-Барро еще далѣе, а другіе—еще, еще далѣе. Изъ всѣхъ дѣятелей благороднѣе думаетъ, пишетъ и дѣйствуетъ король Прусскій. Исторія отдастъ справедливость этому уму, къ сожалѣнію немного затемненному ученіями apriori, такъ много повредившими государственному дѣлу.

Въ Училищѣ Правовѣдѣнія шалуны Бѣлиновичъ и кн. Гагаринъ попались, и изъ ребяческой шутки сдѣлали важное событіе. Ученики этого заведенія, по излишеству поощреній, чрезвычайно заносчивы, вольнодумны и своенравны. Это ихъ главный недостатокъ, а не республиканизмъ, который, даже въ ихъ глазахъ, не имѣетъ смысла. И въ этомъ виновны не школьники, а начальство и—главное: излишество поощреній. Можетъ быть, теперешняя маленькая исторія, умаля эти поощренія, будетъ не безъ пользы для этого весьма полезнаго заведенія, отъ котораго до сихъ поръ кромѣ вреда еще ничего не видно. Надобно ожидать противодѣйствія и при томъ—военнаго. Весьма можетъ статься, что вмѣсто слабаго кн. Голицына вступитъ какой-нибудь генералъ и такъ далѣе, но хорошаго отъ этого ничего не будетъ: эти генералы или раздражаютъ юношество, которое открыто начинаетъ не повиноваться, или унижаютъ заведеніе, которое удерживаетъ одно имя. И то и другое, независимо отъ вреда цѣлому поколѣнію и семействамъ, чрезвычайно вредно въ государственномъ отношеніи.

Государь, домъ, дворъ и часть гвардіи ѣдутъ въ Москву. Тамъ готовятся торжества, праздники народные и милости. Эта демонстрація конечно не безъ цѣли. Она Государю не нужна и только этою цѣлію объяснима. Что̀ за цѣль?

Нынче много толкуютъ о молодомъ человѣкѣ Юріѣ Самаринѣ. Начавъ службу у насъ, этотъ баричъ и баловень Московскій, съ замѣчательными способностями и познаніями, перешелъ въ М. В. Д. по содѣйствію зятя Віельгорскихъ Веневитинова и былъ командированъ въ Балтійскія области. Здѣсь онъ, Ханыковъ, Валуевъ, Гагаринъ, Барановскій окружили бѣднаго Головина и запутались при назначеніи князя Суворова. Юрій Самаринъ, какъ министерскій чиновникъ, охуждалъ дѣйствія новаго начальника и въ это время написалъ нѣсколько писемъ о краѣ, которыя ходили по знакомымъ и въ отличномъ переплетѣ представлены Веневитиновымъ Л. А. Перовскому. Въ письмахъ этихъ, при открытомъ нерасположеніи къ Нѣмцамъ нашимъ, Самаринъ, между прочимъ весьма многимъ, говоритъ, что эти области, какъ Мадьяры въ Австріи, лежатъ къ Государю, дрожа за свои исключительныя права, но не лежатъ къ Россіи, и ей на нихъ надѣяться нельзя, и что, пользуясь дворянствомъ у насъ вездѣ, они не даютъ намъ своего дворянства, ни права на земельную собственность въ

своихъ краяхъ, такъ что, по строгости говоря, не они присоединились къ намъ, а, какъ господа, насъ присоединили къ себѣ, и проч. О письмахъ этихъ зналъ Государь и конечно знали Петербургскіе Нѣмцы. При одной встрѣчѣ съ кн. Суворовымъ Государь спросилъ, знаетъ ли онъ ихъ. Суворовъ отвѣчалъ, что нѣтъ, потому что м.-вн. дѣлъ ему не рѣшился сообщить ихъ. „Такъ онъ сообщитъ ихъ мнѣ“, и письма были вытребованы. 6 Марта фельдъегерь взялъ Самарина и отвезъ, говорятъ, въ крѣпость. Случай этотъ получилъ болѣе важное значеніе, нежели онъ стоитъ. Молодого человѣка слѣдовало пожурить и тѣмъ кончить. Нынѣ не время нападать на народы, не время впрочемъ и давать видъ гоненія за вольность мысли. Жаль, что дѣло поворотилось круто, и бойкому молодому преобразователю дали личину жертвы; но еще болѣе жаль, если этотъ случай не оставитъ никакого слѣда въ томъ, отъ котораго зависитъ многое для уравненія насъ, Русскихъ, съ гг. Нѣмцами, пользующимися господствующимъ правомъ въ отношеніи господствующаго племени. Нѣмцы не составляютъ и $^1/_7$ части края, гдѣ они хотятъ ввести и удержать и языкъ, и вѣру, и выжимательную Нѣмецкую разсчетливость.

Потомъ Юрій Самаринъ освобожденъ и съ большими почестями, такъ что вольномысліе иногда и не безполезно!!

Догадливые люди такъ выражаютъ полушуткою мнѣніе свое о гр. Панинѣ: онъ высокъ да не хорошъ, ученъ да не уменъ, богатъ да не тороватъ, упрямъ да не стѳекъ. Онъ взялъ три правила: Англійское, Прусское и Австрійское и перемѣшалъ ихъ. Изъ Англіи онъ взялъ ничего не измѣнять; здѣсь его безпрестанно сбиваетъ неусидчивый Блудовъ. Изъ Пруссіи—унижать сословіе чиновниковъ: здѣсь онъ постоянно обманывается своими со-министрами и, уронивъ достоинство правительственныхъ представителей, заслужилъ проклятіе всѣхъ крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ. Изъ Австріи онъ взялъ три правила: а) онъ сказалъ о судахъ—будутъ меньше писать, будутъ больше разсуждать, и топить правосудіе въ письмѣ и перепискѣ, въ возвращеніи и пересылкѣ дѣлъ; б) поощрять преимущественно людей посредственныхъ и особенно скромныхъ, чтобы они не терли глазъ и довольствовались тѣмъ чтѳ есть, и наконецъ в) установить дворянство, предоставивъ ему высшее значеніе правительственное и ограничивъ сколь возможно поступленіе новыхъ дворянъ чрезъ чины и старыхъ чрезъ герольдію. Въ послѣднемъ случаѣ онъ держался того, что лучше обидить, нежели переполнить, и что у кого будетъ, есть, у того и преизбудетъ: богатому полная чаша, бѣдному остатки. Шутка эта не безъ смысла; но графъ Панинъ очень ошибается, если думаетъ, что правила эти нѳ суть своемысліе, которое никогда не можетъ быть основаніемъ общества.

Полученное свѣдѣніе о разбитіи генер. Бемомъ отряда Скарятина въ Германштадтѣ произвело непріятное впечатлѣніе. Мы пришли въ Трансильванію незваные и потерпѣли этотъ срамъ, не достигнувъ цѣли вступленія и будучи выданы Австрійцами, будто не знавшими о движеніяхъ непріятеля. Я желаю, чтобы это не раздражило и не повело къ отмщенію вступленіемъ цѣлой дивизіи. Вмѣшательство это, можетъ быть, дастъ возможность облегчить Австрію для дѣйствій внутри и въ Италіи, но оно можетъ открыть рядъ войнъ и пробудить снова крики, которые надобно усыплять, а не пробуждать. Какъ Славянское государство, Австрія не можетъ быть нашей союзницей: она всегда останется непріятная сосѣдка.

Почти современно пришли знаменитыя новости. Разбитый Карлъ Альбертъ отказался отъ престола въ пользу сына: не поздно-ли? Франкфуртскій сеймъ избралъ Прусскаго короля въ императоры—не поздно-ли? Русскія войска оставили Трансильванію—ужъ не поздно-ли? А Австрійскій корпусъ, сдавленный Бемомъ, принятъ нами въ Валахіи. Да какой же смыслъ во всемъ этомъ? И не пора ли созвать общій Европейскій сеймъ для пересмотра Вѣнскихъ договоровъ, или уже поздно? Неужели есть и какой смыслъ всего этого броженія? Благородно ли попускать его? Вѣрно то, что броженіе кончается новымъ пивомъ, и старый порядокъ безповоротно долженъ быть оставленъ.

Продѣлка Юрія Самарина повторилась съ Славянофиломъ Аксаковымъ, молодымъ человѣкомъ весьма даровитымъ, изъ Училища Правовѣдѣнія. Этому дѣлу дали менѣе значенія, и смѣлый мыслитель просидѣлъ дней пять въ III Отдѣленіи, на допросѣ у М. М. Попова. Отвѣты (по поводу статьи его 700-лѣтіе Москвы, нѣкоторыхъ сочиненій и перехваченныхъ писемъ) были представлены Государю, который „не усумнясь въ чистомъ намѣреніи“ г-на Аксакова, нашелъ нѣкоторыя выраженія его слишкомъ дерзкими и поручилъ графу А. Ѳ. Орлову пожурить, успокоить и отпустить молодого писателя.

*

Сего дня, 31 Марта, я видѣлъ обрядъ омовенія ногъ въ Казанскомъ соборѣ. Когда и кѣмъ введенъ въ наше служеніе этотъ обрядъ, я не знаю; но вѣроятно онъ въ тѣсной связи съ народными таинствами (mystères), которыми поучали богобоязливое общество. Въ наше время значеніе подобныхъ обрядовъ удалилось отъ своей пользы и едва-едва составляетъ предметъ любопытства. Многіе смѣялись надъ почтенными апостолами. Почтенный старикъ потрудился довольно. Въ церкви было не тѣсно, время дурно; обрядъ исполнялся вяло и безъ торжественности.

Князь Чернышевъ, старѣйшій, какъ предсѣдатель Совѣта, вѣроятно будетъ представлять намѣстника. По крайней мѣрѣ повѣстки зовутъ на Пасху ко двору. Что это значило бы? Чтобы не отвыкали отъ принятаго порядка.

Прусскій король „поморщится немножко, какъ пьяница предъ чаркою вина“ и, соблюдя видимый обрядъ соглашенія, приметъ, приметъ, обойдя собраніе, на которое смотрѣть нельзя безъ сожалѣнія: такъ обманулось оно въ могуществѣ нравственного своего вліянія.

Но эта имперія будетъ мнимая. Она подкоситъ мѣстныя власти, будетъ служить опорою ихъ оппозиціямъ и, пріуча къ постоянному безвластію, приготовитъ республику. Франкфуртское собраніе есть выраженіе новаго порядка и, съ распущеніемъ его, ученія разольются по школамъ и дневнымъ листамъ, разольются такъ, что непримѣтное въ началѣ противодѣйствіе или раздробитъ ихъ совокупность и раздробя въ мелкія мѣстности, приготовитъ сѣть, въ которой власть будетъ безсильна.

Вмѣшательства мы не хотимъ и вмѣшиваемся: Скарятинъ и Энгельгардтъ заняли Германштадтъ и Кронштадтъ. Застигнутые врасплохъ и побитые, мы оставляемъ Трансильванію и возвращаемся съ цѣлымъ корпусомъ, разбиваемъ Бема и все таки вмѣшательства не хотимъ. Хотя это и полумѣра (говорятъ, по личному настоянію Государя, принятому исполнителями, кн. Чернышовымъ и гр. Нессельроде), но вмѣшательство открытое, и странно думать, что Франція оставитъ это sans conséquence. Итакъ мы заняты здѣсь. Теперь мы обязались помогать Даніи, мы обязаны сдерживать Польшу. Достанетъ-ли насъ? Согласно-ли все это съ нашими объявленіями о невмѣшательствѣ и не поведетъ-ли это къ новому ряду событій? Почему въ нашихъ объявленіяхъ нѣтъ прямоты, истиннаго достоинства, а въ нашихъ мѣрахъ полноты праваго дѣла? Смыть срамъ неопытнаго полковника еще не даетъ права занять чужую землю; здѣсь должна быть другая причина. Время довольно опасное. Вмѣшательство Франціи—и все въ пламени. Стало быть, порча общества глубоко пустила корни, если другой годъ взволнованное море не можетъ найти береговъ. Нерѣшительность продолжается, неустройство и продолженіе его, гибельное само по себѣ, сдѣлается еще гибельнѣе отъ поздняго противодѣйствія.

Царскій домъ весь въ Москвѣ. Самыя баснословныя розсказни ходятъ по городу о встрѣчѣ, о привѣтствіяхъ, о милостяхъ. Говорятъ, что въ чаду благоволенія пожалованы богатыя назначенія барону Боде, графство Перовскому, графство даже будто бы Вронченкѣ. Удивительно, по обидчивости или по зараженію, какъ недовѣрчиво смотрятъ на всѣ дѣйствія Государя. Графъ Панинъ говоритъ справедливо: всякая демон-

страція, если она не по нуждѣ, есть или испытаніе или тщеславіе и потому вредна, ибо ослабляетъ довѣріе. Введены слова: графиня съ Невскаго, Мѣщанская улица—графская. Менщиковъ сказалъ: Государь смѣется и хочетъ, чтобы вся Россія хохотала. Графъ Вронченко одинъ, но много у него графинь (Гречъ). Въ самомъ дѣлѣ, если поѣздка въ Москву не соединена ни съ какимъ дѣломъ сближенія власти съ народомъ, она безполезна и уже всѣми охуждается. Неужели Государь думаетъ о необходимости пробудить и утвердить этимъ народную привязанность, въ которой сомнѣваться не было никакого повода? Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы послѣ этой поѣздки въ учрежденіяхъ нашихъ было поболѣе Русскаго, противузападнаго, и чтобы хотя Московскіе толки подвигли Государя къ улучшеніямъ болѣе прочнымъ и менѣе мнимымъ.

Никогда выраженіе „уже поздно“ не было такъ прилично какъ въ наше бѣдное время. Выраженію этому, громко сказанному въ 1830 г., суждено много повториться и долго повторяться. Разумѣется, по злоупотребленію науки, вина слагается на ученыхъ и преимущественно на университеты, въ Германіи и за тѣмъ у насъ. Строгіе судіи, какъ Д. П. Бутурлинъ, открыто называютъ ихъ гнѣздами вольномыслія. Толки эти вызвали двѣ мѣры, частную статейку въ 3 № „Современника“ и измѣненіе положенія гимназій. Статья писана, по приказанію министра просвѣщенія, говорятъ, И. И. Давыдовымъ. Она служебная (это не подлежитъ сомнѣнію), написана довольно смѣло для Русскаго читателя, но недостаточно для важности предмета. Говорятъ, что есть опроверженіе представленнаго генераломъ Я. И. Ростовцевымъ предположенія о закрытіи университетовъ. Въ ней много общихъ мѣстъ и очень неприличный выводъ о духовномъ званіи, всегда мирномъ, и выводъ неправильный о дворянствѣ, единственномъ сословіи, отъ котораго можно ожидать противодѣйствія. Статья надѣлала много шуму, перепечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и поэтому уже болѣе вредна, нежели полезна. Преобразованіе гимназій съ раздѣленіемъ курсовъ университетскихъ (Латинскій и Греческій языки) и служебныхъ (законовѣдѣніе) и съ предоставленіемъ права на XIV классъ, но съ исключеніемъ лицъ податнаго состоянія до исключенія изъ онаго, очевидно имѣетъ цѣлію отвлечь притокъ молодыхъ людей къ университетамъ. Мѣра въ этомъ отношеніи полезная, но едва-ли могущая остановить притокъ: сословія многочисленны, требованія возбуждены сильно, и политическое поощреніе (очевидно несправедливое) остается въ своей силѣ.

Тогда какъ я читалъ книжку Гизо Démocratie en France, мнѣ пришли сказать что бойкій мальчикъ Головинскій за участіе въ какомъ-то

сборникѣ какого-то г. Петрашевскаго взятъ вмѣстѣ съ другими 60 человѣкъ въ III Отдѣленіе. Признаюсь, я не ожидалъ такого явленія молодыхъ нашихъ вольнодумцевъ. Сборища, и постоянныя, уже это слишкомъ далеко. Хорошо сдѣлаютъ, если обратятъ вниманіе на это явленіе. Оно обнаружилось скоро послѣ Самарина и Аксакова и едва ли не нарочно для того, чтобы имѣть счастіе попасться въ руки допрощиковъ. Все это неразумно и дурно. Жаль мальчика, но впередъ наука, и дай Богъ (въ чемъ однако сомнѣваюсь) на пользу.

Городъ очень занятъ задержаніемъ молодыхъ людей (Петрашевскій, Головинскій, Достоевскій, Пальмъ, Ламанскій, Григорьевъ, Михайловъ и много другихъ), которыхъ, говорятъ, до 60 человѣкъ и число которыхъ должно увеличиться открытіемъ связи съ Москвою и другими городами. Дѣло это точно важно, не по себѣ, но потому что оно могло случиться. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь было вліяніе пропаганды и конечно не безъ Поляковъ, этихъ новыхъ жидоватыхъ Іезуитовъ. Сколько извѣстно (а извѣстно очень мало), у молодого человѣка, бывшаго лицеиста Петрашевскаго сбирались любители разсужденій и ораторы, говорившіе то о крестьянскомъ вопросѣ, то о преобразованіяхъ въ разныхъ вѣдомствахъ, то о смутахъ Западныхъ по отношенію къ намъ. Говоруны записывались предварительно и такимъ образомъ представляли нѣчто въ родѣ клуба. Говорятъ, назначена слѣдственная коммисія, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Набокова, изъ кн. В. А. Долгорукова, Л. В. Дубельта, И. П. Липранди, кн. П. П. Гагарина, А. Ѳ. Голицина (разбираетъ бумаги). Чтò-то пестро. Говорятъ, Государь хочетъ дать дѣлу ходъ строго по законамъ—судъ. Это что-то невѣроятно. Подобное дѣло обнаружитъ три вещи: неосновательность и заносчивость молодежи, получившей плохое воспитаніе отъ иностранныхъ ученій; бездѣйствіе правительства, терпящаго большіе недостатки и вызванное этимъ бездѣйствіемъ желаніе пылкихъ молодцовъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ, какъ это обыкновенно бываетъ при неудовлетворительности правительственнаго дѣйствія. Но все это извѣстно и переизвѣстно. Важнѣе дѣла на Западѣ. Нашъ манифестъ 26 Апрѣля, Удинò въ Римѣ, подтопленіе Франкфуртскаго сейма, отказъ Нидерландовъ (въ войнѣ съ Даніей), затрудненія въ перемиріи съ Сардиніей, вымогательство Виртемберга, рѣшительный выступъ Пруссіи, закрытіе всѣхъ палатъ и рѣшительное противоборство народовъ и правительствъ. Печать и словà дѣлаются открытыми силами. Бунтовщицкій сборъ въ Венгріи окруженъ со всѣхъ сторонъ, и борьба противодѣйствій въ полномъ развалѣ.

Государь ѣдетъ въ Ковно и Варшаву; не выпадетъ-ли на его жребій остановить потокъ и сжать разлитіе безначалій, чтобы новый

порядокъ (который непремѣнно долженъ быть) начался стройно, безъ пожертвованій и безъ вынужденныхъ хитросплетеній. А между тѣмъ я побаиваюсь. Не хочу грѣха таить, я во многомъ охуждаю существующій порядокъ. Иногда мнѣ чудятся голубые люди, и я прячу мои листки.

Вчерась, 2 Мая, Государь уѣхалъ на Западъ съ канцлеромъ Несельроде. Много надеждъ соединено съ этой поѣздкой. Надежды преувеличенныя. Вотъ какъ я предполагаю разрѣшеніе дѣла: революціонныя волненія, смятыя вездѣ и теперь стекшіяся въ Венгріи, будутъ подавлены, Венгерцы не устоятъ; но подавленныя, волненія эти сожмутся, распространятся въ тиши и образуются въ болѣе стройное противодѣйствіе, обезоруженіе котораго потребуетъ новыхъ уступокъ. Австрія отчуждится отъ Германіи, и Славянскій ея составъ получитъ болѣе твердости, ослабя Германскій и открыто возставъ противъ насъ за своихъ соплеменниковъ Поляковъ. Если государи думаютъ рѣшить дѣло на общемъ сеймѣ, то должны выждать и приступить къ этой мѣрѣ, когда утомленные неустройствами народы убѣдятся, что необходима власть и что, при этой необходимости, вопросъ объ источникѣ власти можетъ быть второстепенный.

А быстры успѣхи паденія, не смотря на сильное противодѣйствіе. Толпа ломитъ и гнетъ. Взятіе Палермо и Рима, а тамъ взятіе Песта, бунтъ въ Штутгартѣ, Дрезденѣ, Пфальцѣ.

Носятся слухи, что наши войска встрѣтились съ Венгерцами и увлеченныя ихъ хитростію, попались и потеряли много людей. Удивительно, какъ мало сочувствія въ обществѣ этой войнѣ. Нужда заставляетъ роптать на издержки, не-любовь къ Австріи ослабляетъ удовольствіе помощи и успѣха, а боязнь Западной заразы находитъ вмѣшательство рѣшительно вреднымъ. Слухи о заговорѣ дерзкой молодежи все увеличиваются и придаютъ дѣлу важность, которой оно, кажется, не имѣетъ. Говорятъ, что осквернѣніе церковныхъ обрядовъ и посягательство на царское семейство постановлены опредѣлительно и что мальчики разобрали себѣ самыя роли правителей и предсѣдателей. Безуміе и ребячество!

Наслѣдникъ идетъ въ походъ (жаль, говоритъ старикъ Пещуровъ, государствомъ ничего не занимается). Государь уже въ Варшавѣ и, по разсказамъ Сологуба, вмѣстѣ съ Австрійскимъ императоромъ. Я ни того, ни другого понять не могу. За чѣмъ идти Наслѣднику и съ кѣмъ оставить высшее управленіе? Не надобно забывать, что броженія мыслей у насъ нѣтъ и что всѣ мѣры строгости, въ особенности въ отсутствіе Государя принимаемыя, и вялы и какъ-то не вполнѣ законны и произвольны и потому рождаютъ ропотъ. Если бы война была народная, участіе Цесаревича было бы лучше, а то война

такова, что народъ и понять ее не можетъ или понявъ увидитъ, что война противъ соплеменныхъ Славянъ. Второе—присутствія Франца-Іосифа я не ожидаю. Уже просьба о помощи, которая могла бы быть поскромнѣе, взбунтовала всѣхъ Нѣмцевъ и вызвала даже объясненіе Елачича, а личное свиданіе, вовсе не необходимое, просто потеряетъ молодого человѣка въ мнѣніи значительнаго числа вѣровавшихъ въ его призваніе и твердое намѣреніе ввести вольное и отвѣтственное правленіе. Графъ Сологубъ говорилъ о удовольствіи Государя, который будто бы нашелъ въ молодомъ сосѣдѣ человѣка умнаго и рѣшительнаго. Я думаю объ этихъ вѣстяхъ, что шаръ катится и накатывается. Нѣтъ, точно: Францъ Іосифъ былъ въ Варшавѣ четыре дня, и Государь писалъ объ немъ, что онъ „молодъ, но ловокъ". Наслѣднику приказано не ѣздить, а оставаться здѣсь. А между тѣмъ въ Германіи безначаліе доходитъ до крайности, и назначеніе Детмольда во Франкфуртѣ сближаетъ къ открытому возстанію сосредоточеннаго сейма.

Послѣ четырехлѣтней разлуки свидѣлся я съ прежнимъ сослуживцемъ моимъ, С. П. Полуденскимъ. Кромѣ пріятности свиданіе это было для меня любопытно и по свѣдѣніямъ молодого человѣка, проведшаго за границею около трехъ лѣтъ. По словамъ его все дышетъ тамъ низверженіемъ существующаго порядка, ненавистію къ Россіи и открытымъ подозрѣніемъ всякой власти въ ухищреніяхъ и своекорыстіи. Невозможно представить себѣ монархіи во Франціи и какого-нибудь соглашенія съ нею въ Германіи. Слуги и кучера прямо и гласно порицаютъ королей и грозятъ низложеніемъ. Молодой человѣкъ знаетъ дѣла конечно по вѣдомостямъ и вообще увеличиваетъ, но раздраженіе и подозрительность толпы должны быть въ высшей степени, это понятно. И я не понимаю, почему мы вмѣшались не прежде, до полнаго разлитія или не послѣ, давъ перегорѣть этому раздраженію. Вмѣшательство наше (я опасаюсь) можетъ остановить напоръ и тѣмъ приготовить взрывъ, подобный Февральскому во Франціи или прямо поворотить его къ такому времени, какое въ V-мъ вѣкѣ было въ государствахъ Эллинскихъ. Замѣчательно мнѣніе, что личность и собственность во Франціи, въ Парижѣ, ограждены болѣе нежели въ другихъ странахъ. Нынче же Н. А. Оленинъ разсказывалъ, что князь Гр. Волконскій совершенно ограбленъ въ Римѣ.

Выскочки, какъ г.г. Брокъ, Бутковъ, еще иногда удачны; но не могла-ли эти удача быть вмѣстѣ съ справедливостію безъ обиды другимъ? Государь никого не знаетъ и назначаетъ кого представятъ. Представители, ища огражденій, находятъ ихъ въ смѣнахъ и перемѣнахъ, въ раздѣленіяхъ и спорахъ. Не зная, Государь иногда назначаетъ такихъ гусей, особенно въ сенаторы, что уже и журавли заговорили. А. Н.

Мордвиновъ и гр. Ив. Петр. Толстой разсуждали о сенаторѣ Чебышевѣ: это такой глупецъ, какихъ первый въ жизнь свою не видывалъ, а второй и представить себѣ не могъ. Въ это время назначенъ сенаторомъ ген.-лейт. Батуринъ. Сенаторъ Чебышевъ отозвался объ немъ, что у Батурина одинъ важный недостатокъ: очень глупъ и необразованъ. Я не знаю, гдѣ остановится это нисхожденіе и какого достоинства можно ожидать правительству отъ такихъ представителей власти.

Говорятъ, Государь, не ограничиваясь распространеніемъ гимназическихъ правъ, къ сокращенію прилива въ университеты, приказалъ ограничить число студентовъ 300. Трудно понять, кто даетъ ему эти совѣты, которые кромѣ того, что способны возбудить толки, порицанія и самый ропотъ, вовсе не принесутъ никакой пользы въ предполагаемыхъ видахъ. Государь уничтожилъ частное воспитаніе, предполагая дать соотвѣтственное видамъ своимъ направленіе воспитанію общественному, а теперь преграждаетъ и общественное: подмывъ семейный бытъ, общественное воспитаніе и государству не дало хорошихъ сыновей. Такъ-ли-сякъ-ли наука протрется: сократите университеты, она дастъ значеніе ихъ гимназіямъ; убавьте гимназіи, она перейдетъ въ частныя заведенія. Разъ введенная, она уже не выдетъ. Грустно то, что все сокращаютъ, все ограничиваютъ, тогда какъ слѣдовало бы идти другимъ путемъ и не затруднять себя преждевременными поощреніями.

Какъ ни громки слухи о царскихъ Московскихъ милостяхъ, но не подлежитъ сомнѣнію то, что Государь очень недоволенъ Московскимъ духомъ. Замѣчательно, что немедленно по пріѣздѣ изъ Москвы отданъ приказъ о бородахъ, „носимыхъ въ подражаніе иностраннымъ затѣямъ“, что въ Москвѣ графиня Растопчина была выгнана изъ дворца за стихи про Закревскаго:

Ты не молодъ, не глупъ, и ты не безъ души.
За чѣмъ же въ городѣ и толки и волненье,
За чѣмъ же роль играть Россійскаго паши
И объявлять Москву въ осадномъ положеньи?
Ты нами править могъ легко на старый ладъ,
Не тратя времени въ безсмысленной работѣ:
Мы люди старые, не строимъ баррикадъ,
И всеподданнѣйше гніемъ въ своемъ болотѣ.
Что жъ въ насъ нехорошо, къ чему весь этотъ шумъ
Все это странное употребленье силы?
Безъ гвалту могъ бы здѣсь твой дѣятельный умъ
Бумаги не щадить и проливать чернилы.
Какой же учреждать ты думаешь законъ.
Какіе новые установлять порядки?

Ужъ не мечтаешь ли, гордыней ослѣпленъ,
Воровъ перевести, иль посягнуть на взятки?
За это не берись, остынетъ грозный пылъ
И сокрушится власть подобно крупной стали:
Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ Русскихъ жилъ.
Вѣдь это на груди мы матери сосали.
Но лишь за то скажу спасибо я теперь,
Что кучеръ Беринга не мчится своевольно
И не реветъ уже, какъ нѣкій лютый звѣрь,
По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной,
Что Берингъ самъ не зналъ величія предѣлъ,
Закутанный въ шинель ужъ онъ съ отвагой дикой
На дрожкахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ
Несомый бурею на лодкѣ Петръ Великій.

Былъ Берингъ, когда-то правитель канцеляріи Московскаго оберъ-полиціймейстера. Я помню его сына и помню, какъ онъ раздавалъ записки къ балаганщикамъ, показывавшимъ звѣрей и восковыя лица. Злая графиня выбрала довольно вѣрное имя. Это человѣкъ ловкій и способный и при томъ братъ Меропы, еще болѣе умной и ловкой. Этотъ Берингъ полицмейстеръ.

Это тамъ, въ Москвѣ, остановилась мысль на преобразованіи университетовъ и рѣшена отставка (впрочемъ строгаго) попечителя Голохвастова.

Эти бороды, эти стихи и эти преобразованія приводятъ къ грустнымъ думамъ. Нападки на бороды вызовутъ стихи еще болѣе желчные, а преобразованія приведутъ къ неудобствамъ важнѣйшимъ. А всего хуже то, что подобныя мѣры болѣе и болѣе пробуждаютъ подозрительность, съ которой несовмѣстна довѣренность, безъ которой нѣтъ единодушія правительства и общества.

Все еще облачно и грозно на Европейскомъ кругозорѣ. Одна искра, и общая война вспыхнетъ съ разсерженнымъ ожесточеніемъ: одна побѣда, и снова общественныя основанія поколеблятся до рѣшительныхъ измѣненій порядка настоящаго. Больно сказать, а между тѣмъ грозное ученіе о собственности, о всеобщности участія, о бракѣ, о духовенствѣ, о работѣ такъ и ломится осуществить свои требованія. Война съ бунтующими началась. Вмѣшательство наше, манифестъ Государя, рескриптъ Франца Іосифа князю Паскевичу отгласились въ иностранныхъ листахъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ, и мы, противъ желанія, даемъ новый поводъ къ возгласамъ противъ насъ.

Какая однако участь выпала Государю съ самыхъ первыхъ дней царствованія! Несмотря на видимое могущество, блескъ и обиліе, какъ много послано ему испытаній! Да не охладится сердце его въ борьбѣ съ ними. Бѣда! Государю Русскому, прежде ума, нужно сердце.

*

Сегодня былъ у меня одинъ старикъ, доведенный до совершенной крайности переводами по службѣ. Никита Васильев. Гордѣенко. Онъ началъ службу, кажется, въ 1800 годахъ и изъ секретарей скоро достигъ совѣтника г. правленія. Здѣсь онъ оставался около 20 лѣтъ и, перейдя въ судебное вѣдомство (уже отецъ большаго семейства), началъ искать счастія. Его назначили въ 1842 г. къ исправленію должности въ Воронежъ. Здѣсь оказалась какая-то ошибка въ послужномъ спискѣ, и его удалили отъ мѣста. „Переѣздъ въ Воронежъ съ семействомъ разорилъ меня"; изъ Воронежа въ Петербургъ онъ пріѣхалъ на деньги, вырученныя за вещи. Здѣсь ему жить было нечѣмъ и когда я зашелъ къ нимъ, мать бросилась цѣловать меня въ плечо, дѣти плакали. Положеніе крайне затруднительное, старикъ неоднократно съ рѣшительностію говорилъ: напишу письмо и брошусь въ Неву, пусть семейство осиротѣетъ и найдетъ кровъ призрѣнія. Наконецъ ходатайствами и докучливостію удалось ему выпросить мѣсто товарища предсѣдателя въ Ковно. Какъ онъ переѣхалъ, не знаю. но былъ доволенъ, потому что ему обѣщали немедленно повышеніе. Онъ былъ въ Ковнѣ годъ. предсѣдательствовалъ, ибо предсѣдателя не было. и я долженъ сказать. палата была исправная, всѣ рѣшенія вообще удовлетворительны. Назначенъ новый предсѣдатель, и бывшій прокуроромъ Гордѣенко не захотѣлъ оставаться товарищемъ и пріѣхалъ въ Петербургъ ходатайствовать. Министръ назначилъ его товарищемъ предсѣдателя въ Ярославлѣ; старикъ совершенно упалъ духомъ, заболѣлъ и рѣшительно не хотѣлъ ѣхать никуда, ни въ Ковно, гдѣ было семейство, ни къ новому мѣсту. Наконецъ министръ назначилъ ему вспомоществованіе 270 р., и онъ, отправляясь за семействомъ, приходилъ ко мнѣ прощаться.

Сегодня встрѣтился я въ пассажѣ съ И. П. Липранди, и онъ, довольно свободно, завелъ рѣчь о нашихъ дѣтяхъ-заговорщикахъ въ крѣпости. Онъ началъ это дѣло, и ему оно извѣстно какъ члену коммисіи. Дѣло. по его мнѣнію, чрезвычайно важно и должно кончиться казнями. Это ужасно. Я не ожидалъ въ немъ ничего зрѣлаго и положительнаго. Завтра я обѣдаю у Липранди, и онъ обѣщалъ мнѣ дать подробную записку. Посмотримъ. Никто такъ не преувеличиваетъ цѣну ничтожнаго открытія. какъ самъ открыватель. Горе. горе, если это увеличеніе представится Государю не въ хорошій часъ: но горе отъ Бога и тѣмъ, которые разсчитываютъ на это. Зная двухъ, Николеньку Кашкина и Васеньку Головинскаго, я (повторяю) не могу вообразить ничего зрѣлаго и приписываю все шаткому увлеченію.

Былъ я и видѣлъ обвиненія, читалъ списки и копіи съ захваченныхъ бумагъ и все таки не нахожу той важности, которую хотятъ

придать этому дѣлу. Прикосновенныхъ очень много: болѣе всего Петрашевскій и Спѣшневъ. Первый учредилъ общество, изъ котораго многіе посѣтители жили въ его домѣ, за Покровомъ въ Коломнѣ; второй написалъ собственноручно обязательство вступленія о повиновеніи исполнительному комитету по призыву его дѣйствовать огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, распространять число членовъ и т. п. Потомъ слѣдуютъ: Катеневъ, Ястрежембскій, Толь, Тютчевъ, Толстой, 2 Кузминскіе, Григорьевъ лейбъ-гренадеръ, Григорьевъ мѣщанинъ, Моберле. Ханыновъ, Львовъ, Достоевскій, Плещеевъ, Бернадскій, Пальмъ, Филатовъ (учитель Рождественскаго училища), Дестунисъ, Плещеевъ. Андреевъ, Коломинъ, Кашкинъ, Головинскій, Барановскій, Михайловъ, Толбинъ (бродяга). При дворянскихъ выборахъ въ 1845 г. Петрашевскій сдѣлалъ предложеніе (и литографировалъ) о дозволеніи всѣмъ сословіямъ пріобрѣтать населенныя имѣнія и этимъ путемъ отмѣнять исключительность права и самое право. Предложеніе это обратило общее вниманіе, возбудило удивленіе, порицаніе и негодованіе. Съ того времени Липранди сталъ наблюдать и открылъ, что у Петрашевскаго сбирается сходка. Два подсыльныхъ втерлись въ этотъ кругъ и напали на слѣдъ, какъ сказано, постояннаго заговора. Въ концѣ Марта предлагалъ Липранди захватить сходку на самомъ мѣстѣ. Исполнено это въ концѣ Апрѣля. Но я во всѣхъ бумагахъ видѣлъ глупость, школьничество, мелкія остроты. Я пораженъ былъ замѣчаніями, какъ напр. „правовѣды вообще замѣченные и прежде въ антиадминистративномъ направленіи“, или „стремиться возбудить неудовольствіе къ правительству“ или „распространеніе соціальныхъ идей разглашеніемъ“. Посмотрю еще. Липранди обѣщалъ показать послѣдующія „открытія“.

Вотъ и Московскій Универс. объявляетъ, что пріема не будетъ. Рѣзкая мѣра эта многими принимается очень горько. Сегодня былъ у меня Псковскій учитель Симанскій, который видѣлъ впечатлѣніе на мѣстѣ, въ Псковѣ и здѣсь, куда онъ переведенъ. Впечатлѣніе молчаливое, но очевидное. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, впрочемъ одинъ-два, принимаются на казенное содержаніе. Многіе ѣдутъ въ Горыгорецкую школу; другіе поступаютъ въ военную службу.

Сегодня мы были на выставкѣ произведеній: много прекраснаго, много успѣха; но много, говорятъ, обмана. Желаніе медалей понижаетъ цѣны *выставленнымъ* вещамъ, которыя дѣйствительно сходны. Пріятно было видѣть хорошіе холсты и полотна, но я напрасно искалъ хорошей бумаги. Очень замѣчательны вещи изъ войлока Попова и истинно художественныя вещи Сизикова; но сукна, низшіе сорты, очень плохи. Не замѣтилъ я обуви и шляпъ простыхъ. Много машинъ: эта часть и у насъ очень распространяется. Народу много. Расположеніе тѣсновато

и для многихъ вещей невыгодно. Лучшее на выставкѣ—комнаты, въ которыхъ отдыхала Императрица.

Сегодня, 9 Іюля, министръ, по поводу объясненій о вѣрноподданическихъ чувствахъ, приказалъ мнѣ, списавъ записку, передать ее, тѣмъ же порядкомъ, оберъ-секретарямъ съ тѣмъ, чтобы они дали списать ее секретарямъ, которые, не давая списка, прочли ее своимъ подчиненнымъ. Записка эта слѣдующая: „Каждый начальникъ отвѣтствуетъ за своихъ подчиненныхъ и потому долженъ удостовѣряться въ ихъ благонамѣренности и внушать имъ надлежащій образъ мыслей относительно пространства ихъ обязанностей. Въ настоящее время къ устраненію пагубныхъ заблужденій и къ предупрежденію ихъ распространеній недовольно того, чтобы въ нихъ самому не участвовать и противиться изъявленію чувствъ несогласныхъ съ долгомъ присяги, но должно, при всякомъ обнаруженіи подобнаго образа мыслей, опровергать заблужденія, обнаруживать вредныя ихъ послѣдствія и поощрять каждаго и всѣхъ къ ревностному и единодушному исполненію вѣрноподданническихъ обязанностей“. Нѣтъ сомнѣнія, что это выраженіе наставленія, сдѣланнаго Государемъ при свиданіи съ министрами. Трудно разъяснить, что̀ такое „надлежащій образъ мыслей“ и „пагубныя заблужденія“. Еще труднѣе „опровергать“ и „обнаруживать вредныя послѣдствія“. Это заведетъ въ споры, и немудрено, что иной подчиненный опровергнетъ своего начальника.

Не хотѣлъ бы я быть въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Въ нихъ и вообще въ не-русскихъ нашихъ краяхъ желаніе дѣйствовать правосудно (т. е. по обрядамъ закона) и невольное вліяніе и вторженіе Русскихъ началъ (Православія, училищъ и чиновниковъ), соединяясь съ заимствованнымъ у Римлянъ divide et impera, производитъ такое несчастное состояніе, которое тягостно и Русскимъ и не-Русскимъ. Можетъ быть, въ государственныхъ видахъ, со временемъ, изъ этого выдетъ что нибудь хорошее, но настоящее поколѣніе, въ настоящее время, можно сказать пожертвовано. Пріѣзжіе (прокуроры и предсѣдатели) жалуются на непріятность положенія между Поляковъ, и при томъ въ губерніяхъ близкихъ, напр. Виленской, даже Кіевской. А что̀ скажутъ Поляки? Всего страннѣе это то, что Русскіе тамъ не укореняются. До насъ, до суда, мало доходитъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя принимаются главнымъ начальствомъ, но у меня бывали въ разсмотрѣніи дѣла̀: много Евреевъ, судимыхъ за оскорбленіе величества (ругаются они, особенно Еврейки, за измѣненіе покроя платья). Крѣпостныхъ, доносящихъ на помѣщиковъ, недавно, о сокрытіи оружія, о бродягахъ и подозрительныхъ людяхъ. Эти мѣры (обнаруженіе неизвѣстныхъ и оружія) приняты въ 1848 г. О неправильномъ владѣніи.

генералъ Бибиковъ распорядился о повѣркѣ правъ владѣнія, и статья эта говорятъ, даетъ оброкъ. Divide et impera хорошо, но на время. Оно лишаетъ довѣрія и благородства, безъ которыхъ нѣтъ приверженности и уваженія, безъ которыхъ нѣтъ прочности и увѣренности. Можетъ быть, этому надобно приписать вообще неудовольствія и иногда довольно нескрытый ропотъ на правительство, не смотря на то, что богатства наши обильны, хлѣба много, въ крѣпости милліоны, вездѣ побѣды, три царевны беременны.

Князь М. С. Воронцовъ пріѣхалъ и (говорятъ) принятъ самымъ лучшимъ образомъ. Много онъ дѣлаетъ на Кавказѣ, но нельзя не замѣтить, что *все* онъ дѣлаетъ *для* Кавказа и ничего для имперіи, которой Кавказъ стоитъ дороже прежняго. Въ кн. Воронцовѣ мало Русскаго: онъ похожъ на Англичанина въ Россіи и на опальнаго боярина въ отдаленномъ краѣ; онъ безкорыстенъ и ищетъ народности. Уважая Государя, онъ вовсе не уважаетъ его министровъ. Въ немъ много молодечества и желанія польстить своему краю, хотя бы эта лесть краю и несовмѣстна была съ выгодами Имперіи. Всего хуже то, что, поставленный въ исключительное положеніе по имени и состоянію своему, онъ едва ли, безъ затрудненія, можетъ имѣть преемника. Имъ назначаютъ ему Н. Н. Муравьева, конечно лучшаго, но едва-ли не слишкомъ преданнаго военной строгости изъ школы А. П. Ермолова.

Докторъ Маркусъ, любимецъ Московскихъ дамъ, послѣ удачнаго леченія Императрицы, переселенъ въ Петербургъ съ сохраненіемъ выгодъ своей практики (7 р. серебр.) Нашъ воздухъ вдохнулъ въ медика желаніе значенія политическаго. Медицинская извѣстность, нѣчто въ родѣ ремесленной, ему была уже не достаточна въ кругу царедворцевъ. Онъ занялся законами и съ помощію бойкаго мальчика, Ник. Калайдовича, сдѣлалъ извлеченіе изъ Свода. Трудъ ученическій, но онъ и былъ плодомъ чтенія медикомъ Свода Законовъ. Ближній врачъ царицы г. Маркусъ сдѣлался предсѣдателемъ совѣта медицинскаго и написалъ, на Французскомъ, о сосредоточенномъ управленіи медицинскою частію. Здѣсь есть сравнительныя свѣдѣнія полезныя, но сочиненіе не дало мысли о учрежденіи медицинскаго министерства, мысли полезной и, можетъ быть, необходимой по обширности вѣдомства обширной Имперіи. Кажется, докторъ не такъ взялся или взявшись такъ, не потрафилъ. Сочиненіе слишкомъ не значительно, чтобы могло родить министерство или стоило пожалованія въ министры. Наконецъ, въ 1848 г., г. Маркусъ издалъ соціальное сочиненіе: étude sur l'état social actuel.

Такъ почтенный медикъ возвышался отъ предмета къ предмету. Послѣднее сочиненіе состоитъ изъ выписокъ и извлеченій о соціалистахъ, но столь отрывочныхъ, что развѣ одно тщеславіе писателя могло рѣшиться на ихъ изданіе. Собственныя разсужденія, въ видѣ ріа desideria, такъ поверхностны и неопредѣленны, что мнѣ, неопытному уму, г. Маркусъ кажется соціалистомъ. Ни одно изъ этихъ сочиненій не имѣло успѣха. Прекрасный дамскій врачъ напрасно берется за тяжелое перо мыслителя. Для этого въ немъ нѣтъ никакихъ стихій, и самая стихія жизни его этому препятствуетъ.

Венгерскія дѣла разыгрываются и „хоть наша беретъ, а рыло въ крови“. По видимому бьютъ жестоко, и наши дѣйствуютъ на угадъ. Соединись Гёрги съ Дембинскимъ и Бемомъ, побоище будетъ ужасное. Молодой генералъ Скарятинъ убитъ, старый генералъ Куприяновъ безъ ноги. Это начальникъ штаба и корпусный начальникъ. Далеко же пробираются ядра; а простыхъ солдатъ, по донесеніямъ, убито то 1, то 5, то 20. Это что-то не такъ. Паскевичъ явно жалуется, что нѣтъ возможности имѣть лазутчиковъ: все привержено Гёрги. Граббе блуждаетъ, Зассъ ошибается, а Лидерсъ не знаетъ, гдѣ непріятель, на право или на лѣво. Онъ былъ подъ носомъ. Изъ всего заключать должно, что война—если не народная, то находитъ въ народѣ большое сочувствіе и что это свойство она приняла особенно со времени нашего вмѣшательства. Не рѣчь Пальмерстона возмущаетъ меня: меня возмущаетъ бѣдствіе страны, опустошаемой оружіемъ, тревожитъ и мысль, что мы, Русскіе, на дѣлѣ деремся за Gleichbereichtigkeit и это чуждо звучащее начало не останется безъ вліянія на воспріимчивый Русскій умъ, хотя въ армію и не пускаютъ молодежи. Избави Боже отъ торжества Венгерцовъ, послѣдствія неисчислимы и вредъ неисправимъ. Европа и мы поколеблемся въ основаніяхъ. Но торжество наше не подлежитъ сомнѣнію. Въ какомъ положеніи учредится Венгрія? Я думаю другого порядка быть не можетъ какъ statu quo до Іюля 1848 г., но съ уравненіемъ Славянскихъ земель съ прочими государствами Имперіи, т. е. мѣстный сеймъ, свой языкъ и представительство на общемъ сеймѣ. Кажется, одно не подлежитъ сомнѣнію: восторжествуй или покорись Венгры, въ накладѣ будутъ Славяне южные, истинные спасители Имперіи въ Октябрѣ и bête noire сильныхъ сторонъ Нѣмецкой и Венгерской.

Венгерскія побѣды. Гёрги, съ главными силами, сдался *Русской* арміи. Паскевичу императорскія почести, гр. Ридигеру Андрея, Лидерсу втораго Георгія. Рескриптъ Паскевичу подписанъ: „другъ вашъ,

Николай". Торжество большое; полагаютъ, что война кончена. Наслѣдникъ отправился съ извѣстіемъ въ Вѣну и, какъ выразился новый Суворовъ: „Венгрія у ногъ Вашего Величества".

Но такъ-ли? Что Венгрія не могла устоять, это ясно. Но чтобы Венгрія была въ ногахъ—это сомнительно. Венгрія ждетъ отъ великодушія Государя сохраненія правъ ея Австріею, правъ всѣхъ, правъ надъ соединенными Славянскими землями по прежнему. Умаленіе Славянскихъ свободъ не непріятно намъ. Кажется, на это мы и подадимся; но еще мелкая война продлится, антипатія въ Австріи къ намъ, особенно при покровительствѣ Венгровъ противъ Славянъ, усилится и вся эта война и торжества, пробудивъ зависть, обойдясь намъ дорого и людьми и деньгами, поласкаетъ наше самолюбіе и не принесетъ никакихъ прочныхъ и политическихъ выгодъ. Вообще войны полезны только Наполеонамъ. Но дай Богъ скорѣе порядка, стройности. Теперь побѣдители дѣлаются устраивателями. Гдѣ ожидать противодѣйствія?

Мало по малу утихаютъ бури и волненія. Какимъ-то сномъ кажутся событія 1848 г. Сонъ, теорія, мечта, идеалъ; но этотъ сонъ уже сдѣлался событіемъ, и никакая власть не уничтожитъ его въ лѣтописяхъ, годъ же былъ не невѣжа, записалъ все, на память лицамъ и народамъ. Все это случилось въ то время, когда, по отсутствію всякихъ твердыхъ началъ, господствовало дикое правило: acceptez les faits, въ силу котораго многое изъ совершившихся событій уже принято основаніемъ и должно идти, идти и распространяться.

Все это время я проводилъ съ Шереметевою, рожд. Мартыновою, съ Чернышевою, рожд. Тепловою, и съ Еленою Тепловою, пріѣхавшими изъ Италіи, гдѣ первая провела 10, а послѣднія 3 года. Милыя, добрыя и прекрасныя, особенно Чернышева, онѣ слишкомъ свободны, даже грязноваты съ своими папиросами, особенно Шереметева. Мнѣ это такъ бросается въ глаза, что я понять не могъ, что̀ это за женщина. На дняхъ я прислалъ ей одного ходатая для выручки экипажа; прихожу, она сидитъ и куритъ папиросы. Но это женщина умная, смѣлая, образованная, и я не удивляюсь, что она умѣла такъ сблизиться съ Кат. Чернышевою, существомъ добрымъ, воспріимчивымъ и глубокопризнательнымъ. Главная вина Чернышевой та, что она (впрочемъ ребенкомъ) вышла за ссыльнаго Захара Чернышева и потому не можетъ имѣть мѣста въ кругу, въ которомъ бы хотѣлось, а Шереметевой та, что она, Мартынова, вышла за Шереметева, и Мартыновой не даютъ мѣста, которое хотѣла бы и должна имѣть Шереметева, а оставшись вдовою 22 лѣтъ, она уже не хотѣла перемѣнить на другое

свое новое имя, которое въ Россіи и внѣ Россіи звучитъ богатствомъ. Мнѣ кажется Чернышева est une existance manquée, а Шереметева, сверхъ того, fera manquer à ses enfants. Нужно попасть въ ложную колею, потомъ заберешься и затянешься. Шереметева очень дурно воспитываетъ сына. Дочь миленькая дѣвочка. Замѣчательно, что у нея же живетъ и племянникъ, сынъ сестры, брошенной повѣсою Леономъ Гагаринымъ.

В. Князь Михаилъ разбитъ параличемъ. Извѣстія разногласныя приходятъ и кружатся. Говорятъ—умеръ, говорятъ—лучше. Начинаетъ сердиться и браниться, значитъ входитъ въ нормальное состояніе. Ударъ начался съ рукъ, оттого что руки связаны. Вся правая сторона онѣмѣла. Паскевичъ разбилъ Венгровъ, а параличъ разбилъ Князя. Остротъ не оберешься. Князь любилъ самъ острить. Но нѣкоторые, думая о преемникѣ, сожалѣютъ, если князь оставитъ постъ свой.

Вотъ и Венеція сдалась. Власть порядка восторжествовала повсюду, но тѣмъ необходимѣе теперь упрочить его.

Нынче напечатаны рескрипты грфф. Нессельроде и Орлову, нынче возили трофеи по улицамъ, нынче (говорятъ) пріѣхали Государь и Наслѣдникъ въ Царское и пришло извѣстіе о смерти В. Кн. Михаила. Время торжествъ и время дурное. Гордость могущества и равенство несчастія. Что̀ значатъ эти напыщенные рескрипты, приписывающіе намъ славу устройства Европейскихъ дѣлъ, болѣе нежели когда нибудь неустроенныхъ? Что̀ значатъ эти огромныя награды лицамъ, не бывшимъ на войнѣ? Какое великое дѣло мы совершили, побѣдивъ Венгерцевъ, въ союзѣ съ Австріей и въ то время, когда бунтующія стихіи улеглись и присмирѣли? Доблестна война, но она очевидно была не равная, и послѣдствія ея важны во всякомъ случаѣ, только для Венгріи и Польши—частное дѣло Австріи съ Россіей. Европа не поддалась бы вліянію Венгріи и побѣдоносной. Франція вводитъ у себя порядокъ и даже осмѣливается на двусмысленныя вмѣшательства. Испанія взяла верхъ надъ Карлистами; Радецкій уже такъ усилился въ Италіи, что пошелъ на великодушіе. А Англія, Швеція и Пруссія въ полномъ развитіи силъ.

Преобладающая страсть Государя—надменная самостоятельность. Силою Россіи, заключающеюся въ ея обширности и отдѣльности, Государь доведенъ до какого-то самозабвенія, при которомъ нѣтъ никакого вниманія къ образованности другихъ, къ высшимъ цѣлямъ чело-

вѣчества и дѣйствительнымъ нуждамъ своего народа. Донесеніе Паскевича, рескрипты и приказы Государя исполнены этого чувства и писаны не для того, чтобы удовлетворить благородному чувству могущественной Имперіи, но для того, чтобы выраженіемъ, словечкомъ зацѣпить Француза или Франкфуртца и польстить мелкимъ страстямъ личной гордыни. „Русскій Богъ, святое призваніе, оплотъ противъ безначалія“ и т. п. Ругаютъ нынѣшнее, ругаютъ Поляковъ прежнихъ, ругаютъ даже Наполеона... Къ чему все это? Не видна-ли здѣсь раздражительность уязвленнаго самолюбія, ропотъ неудачъ при видимомъ торжествѣ? Ограничивать развитіе умственное внутри и оскорблять достоинство лицъ и народовъ внѣ,—вотъ все, что̀ придумало гордое славолюбіе. Тутъ ни капли нѣтъ христіанства, и посмотрите, какъ карается это несчастное славолюбіе! Въ Россіи управленіе не сдѣлало ни шагу прочнаго и основного успѣха: учрежденія хуже Екатерининскихъ, благонамѣренности и въ поминѣ нѣтъ у правителей. Вмѣсто развитія просвѣщенія, оно ограничено, обрѣзано, подавлено, и мы, Русскіе, по неволѣ должны искать его во Французскихъ книжныхъ лавкахъ. Жатва этихъ сѣмянъ обѣщаетъ много дурного. Въ семействѣ царя—несчастіе за несчастіемъ. Военная сила давитъ и истощаетъ насъ: Кавказская война губитъ цѣлые корпуса, Венгерская война обошлась очень дорого, безпрестанные поборы истощаютъ земледѣльцевъ; военная смѣта поглощаетъ $^2/_3$ общей смѣты государства. Недовольные разсыпаны по всѣмъ угламъ, въ крѣпости сидятъ заговорщики; никто, даже Австрійцы не скажутъ добраго словечка.

Не подозрѣваю я пристрастія и своекорыстія; но я вижу во всемъ не христіанскую самонадѣянность, которая угрожаетъ горшимъ зломъ, вижу нетерпимость и раболѣпство совѣтниковъ, вижу увлеченіе забывшейся личности и какую-то мстительность. Самозабвеніе опасно, ибо совѣтники получаютъ выгоды, льстя слабостямъ его, ибо непрерывающееся развитіе народа скоро можетъ подмыть могущество этой самозабывшейся личности...

Не много—десятокъ лѣтъ—нужно времени, чтобы убѣдиться, какъ вредно такое поведеніе. Дай Богъ сердцу Цареву кротости и терпимости, а намъ твердости и терпѣливости.

Я было хотѣлъ прекратить мои замѣтки, опасаясь какихъ нибудь поисковъ и желая перегодить это скверное время подозрѣній и дознаній. Я не боялся обличиться преступникомъ, но не разсчитывалъ на совершенную безопасность. Крѣпостное дѣло разыгрывалось, а въ крѣпости

сидятъ мальчики, въ бумагахъ котораго есть мои, впрочемъ ничтожныя, записки. При томъ же мнѣ хотѣлось вникнуть и сколько нибудь понять направленіе современныхъ распоряженій, отзывающихся удивительною незрѣлостію и противорѣчіями. Существенныя мѣры, разумѣется, относятся къ наукѣ и учебнымъ заведеніямъ. Принято-ли здѣсь какое нибудь болѣе обширное и прочное начало нежели строгость просмотра печатанія и введеніе военнаго порядка въ лицеяхъ и училищахъ—сказать трудно; несомнѣнно то, что принятыя мѣры ограниченія возбуждаютъ общее порицаніе, не внушая ни малѣйшей довѣренности и повидимому преграждая стремленіе образованности, направляютъ его къ скрытнымъ путямъ, иногда совершенно независимымъ отъ благовиднаго надзора. Въ отношеніи вопроса о крѣпостномъ правѣ, кажется, теперь рѣшительно поворачиваютъ назадъ, и знаменитый Грузинскій законъ отмѣненъ новымъ положеніемъ объ описи и продажѣ имуществъ, которое такъ поспѣшно, такъ дурно составлено, что сами составители (какъ выражается одинъ изъ нихъ, ст. секр. Н. Н. Новъ) написали его, чтобы передѣлать. Вопросъ о дворянствѣ развивается: сокращеніе его есть общее правило и въ порядкѣ признанія родовъ и въ пожалованіи. Скоро оно распространится во всей силѣ на чиновниковъ, стѣсненіе которыхъ очень замѣтно и чувствительно даже для тѣхъ, которые стѣсняютъ, ибо они не могутъ не видѣть, что дѣла идутъ дурно и что хорошіе люди—сила правительства—готовы оставить служебное поприще.

Учебныя заведенія преобразовываются. Военныя стараются поддержать совершенно въ томъ видѣ какъ при В. К. Михаилѣ, въ память его попеченій. Въ память его попеченій надобно бы объ нихъ поболѣе позаботиться и, уменьшивъ число предметовъ, которымъ иногда числа нѣтъ, озаботиться основательнымъ ученіемъ, котораго вовсе нѣтъ.

Увольненіе министра гр. Уварова послѣдовало по болѣзни и по случаю исключенія его, министра, изъ совѣщаній о преобразованіяхъ. Жалѣть объ Уваровѣ много нечего; но надобно сказать, что онъ много оказалъ пользы умноженіемъ училищъ, учащихся и учителей. Можно охуждать его за хвастовство, особенно въ отчетахъ, за неправильное начало содержанія училищъ, за поощреніе поверхностнаго ученія облегченіемъ достиженія ученыхъ степеней и за введеніе полуученыхъ преподавателей изъ молодежи, получившей разсѣянное образованіе въ чужихъ краяхъ. Ходили слухи, что вмѣсто Уварова назначается графъ Протасовъ. На листкѣ объ этихъ слухахъ, Государь, говорятъ

написалъ: „Вздоръ... Я!“ Этому можно вѣрить, это въ свойствѣ Государя, особенно въ настоящее время, когда вездѣ продирается такъ называемое *личное* управленіе.

Крѣпостное дѣло о школьникахъ разыгрывается. Послѣ изслѣдованія назначено новое собраніе изъ членовъ Госуд. Совѣта: В. А. Перовскаго, Н. Н. Анненкова и сенаторовъ кн. И. А. Лобанова, А. Ѳ. Вейдарна и Ѳ. А. Дурасова. Этому собранію предлежало повѣрить слѣдствія, отдѣлить достовѣрное отъ недосказаннаго, важное отъ мнимаго и постановить предметы обвиненія для опредѣленія наказанія въ высшемъ военномъ судѣ. Это новый порядокъ суда. Я говорилъ съ Ѳ. А. Дурасовымъ, и онъ довольно откровенно объясняетъ мнѣ, что дѣло не имѣетъ придаваемой ему важности, но важность оно имѣетъ какъ по буквѣ закона, такъ и по современной язвѣ вѣка. Не было ничего основательнаго, но дурнаго, злого много. По именному указу изъятъ отъ слѣдствія и суда главный и важнѣйшій изъ виновныхъ— Толстой. Я этому не вѣрю. Государю нѣтъ выгоды освобождать этого виновнаго. За нимъ слѣдуютъ: капитанъ Моск. полка Моберли, чиновникъ Петрашевскій и неслужащій Спѣшневъ. Вина ихъ ведетъ на каторгу. Особенно превозносятъ способности послѣдняго и при чистомъ его раскаяніи полагается, что онъ пойдетъ отслуживать преступленіе на Кавказѣ. Головинскій порицается за упорство и противорѣчія. Главная его вина въ желаніи и стремленіи къ освобожденію крестьянъ. При допросахъ кн. П. П. Гагаринъ вошелъ съ нимъ въ споръ, и почтенный членъ слѣдственной коммисіи проговорился, назвавъ эту мѣру преждевременною. Потомъ Головинскій обвиняется въ недонесеніи слышаннаго. Менѣе прочихъ обвиняется Кашкинъ Николенька. Онъ возмечталъ, что онъ мудролюбъ и что Богъ есть токмо отвлеченное, условное понятіе. Можетъ быть, обоимъ этимъ молодымъ людямъ придется поучиться гдѣ нибудь въ дальнихъ краяхъ, въ Оренбургѣ. Всего судимыхъ до 25 человѣкъ. Думаю я однако, что Генералъ-Аудиторіатъ усилитъ наказанія и дастъ возможность изъявленію милости въ смягченіи мѣры и самаго вида. Государь любитъ прощать. Онъ уже простилъ шалуновъ моряковъ. Подождемъ, дѣло должно скоро разрѣшиться. Все мнѣ кажется, на него не такъ смотрятъ.

Министръ предполагаетъ назначить меня въ 6 деп. Это съ перваго раза поразило меня. Но не то теперь время. Надобно подчиниться. Я всегда желалъ пріобрѣтать права на заслугу и съ котораго времени радъ имѣть ихъ, не имѣя наградъ. Приведя въ отличный порядокъ 5 деп., я постараюсь привести въ порядокъ и 6-й. Онъ въ совершенномъ разстройствѣ.

14 Декабря я объяснялся съ министромъ. Онъ удивился перемѣнѣ въ моемъ лицѣ и моей слабости. Онъ и не зналъ, что департаменты исправляются на счетъ здоровья. Говорилъ объ отличномъ положеніи моего департамента и, сжалясь надъ мною, предоставилъ просить отпускъ, предупредя только его или П. Д. Илличевскаго. Говорилъ о соціализмѣ и коммунизмѣ, о разговорѣ своемъ съ крѣпостными выпущенными (кн. Андр. Оболенскій и Глѣбовъ), которые узнали обо всемъ изъ газетъ. Я упомянулъ, что слова эти сдѣлались предметомъ злоупотребленія и что въ существѣ они тотъ же такъ называемый либерализмъ и къ намъ вовсе не примѣнимы, но что обнаруживаемые безпорядки и толки, кажется, важнѣе нежели ихъ принимаютъ. Особенно заслуживаютъ вниманія два замѣчанія: молодежь, обязанная службой, различаетъ отношенія свои по службѣ и внѣ службы и, считая себя въ послѣднемъ случаѣ внѣ подчиненія и самостоятельною, дозволяетъ себѣ явно порицаетъ современный порядокъ, не смотря на то, что какъ лица правительственныя они облечены передъ общественнымъ мнѣніемъ и отвѣтственностію за порицаемый ими порядокъ. Это скороспѣлое сужденіе умаляетъ достоинство правительства и указываетъ на необходимость достовѣрнѣйшаго указанія недостатковъ существующаго порядка. Не знаю, понялъ-ли меня министръ. Онъ отвѣчалъ: да, къ сожалѣнію это видно и въ лицахъ высшихъ. Вообще графъ по прежнему холоденъ, малодоступенъ и по прежнему своемыслію полусообщителенъ.

Здѣсь, съ отъѣздомъ въ Москву, прекращаются мои замѣтки. Онѣ возобновятся въ Петербургѣ въ Январѣ 1852 г.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1860.

Вчерась скончался генералъ Ростовцовъ, и весь Петербургъ и вся Россія говорятъ объ этомъ какъ объ историческомъ событіи. Государь глубоко огорченъ потерею привязаннаго слуги, который въ 1825 г. молодымъ человѣкомъ доказалъ преданность фамиліи, описанную бар. Корфомъ, и съ того времени постоянно находился до 1847 г. при лицѣ вел. кн. Михаила, а съ того времени при нынѣшнемъ Императорѣ. Онъ готовился быть первымъ министромъ, совершителемъ крестьянскаго дѣла и преобразователемъ управленія. Объ немъ жалѣютъ либералы, литераторы и начальники военно-учебныхъ заведеній. Для дворянъ смерть его есть торжество и удачная случайность. Крестьяне потеряли въ немъ услужливаго друга, но едва ли искренняго. Государство ничего въ немъ не потеряло: онъ подобострастно былъ преданъ, не имѣлъ ни въ чемъ достоинства самостоятельности и введеніемъ исключительности дворянства и внѣшности, съ прибавкою ложной патріархальности и настоящаго непотизма, довелъ военно-учебныя заведенія до того состоянія, которое, при малѣйшей возможности, вызывало открытыя порицанія и осмѣянія въ печатныхъ статьяхъ Морского Сборника и въ повѣстяхъ бывшихъ воспитанниковъ. Въ послѣднее время, сдѣлавшись временщикомъ, онъ рѣшился взяться за крѣпостное дѣло и въ самообольщеніи, окуряемый прославленіями экспертовъ, мечталъ о

---

*) Записки сенатора Кастора Никифоровича Лебедева „Труды и Дни“, какъ называлъ онъ ихъ, поступали къ намъ для изданія не сразу; отъ этого они сначала (по 1849 годъ включительно) появлялись въ нынѣшнемъ году „Русскаго Архива“, тогда какъ разсказы о времени съ 1853 по 1859-й годъ помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888—1897 годовъ. П. Б.

преобразованіи государства, о которомъ ни практически, ни теоретически онъ не имѣлъ понятія.

Но онъ былъ чистъ, не воръ; онъ былъ безъ предубѣжденій касты, не гаситель; онъ былъ прогрессистъ даже при Николаѣ, хотя въ сферѣ довольно невинныхъ стремленій, и это уже важно: онъ открыто обличалъ Еврейскія интриги посла (въ позднѣйшее время). Онъ, видѣвшись съ Шереметевымъ во Франкфуртѣ, не открыто, но откровенно отзывался о генералѣ Муравьевѣ: „ему ни въ чемъ вѣрить нельзя, онъ нехорошій человѣкъ; онъ вамъ родня: я бы сказалъ болѣе". Онъ, изъ популярности и гонора, поощрялъ науки и привелъ дѣло къ ученымъ учебникамъ, въ родѣ грамматики Буслаева, подчиня и ученіе, и программы канцелярскому порядку и какъ въ заведеніяхъ, такъ и въ учебникахъ и программахъ довольствуясь одною формальностію, фронтисписомъ, фронтомъ.

Миръ праху твоему, слабый человѣкъ! По мѣрѣ силъ, ты совершилъ болѣе, нежели многіе, болѣе сильные, и въ этомъ твоя заслуга и наша признательность. Ты сдѣлалъ менѣе зла нежели могъ, и твое отрицательное добро далеко выше тѣхъ положительныхъ усилій превратности, своекорыстія, закоренѣлыхъ предразсудковъ и сытой оплошности. Будетъ-ли твоимъ преемникомъ гр. Панинъ (ибо реакція необходима) или генералъ Муравьевъ (такіе фортели и экспедіенты нынче въ ходу), ст.-секр. Валуевъ (съ которымъ Государь говорилъ, пригласивъ его и Муравьева къ обѣду, о крестьянскомъ дѣлѣ) или ст. секр. Булгаковъ, прямой помощникъ по редакціоннымъ коммиссіямъ, все равно: твои труды и данная имъ гласность будутъ имѣть вліяніе и авторитетъ на самаго Панина, и участь крестьянина и 20 милліоновъ воспользуется благими запутанностями рескриптовъ, которые могли быть объяснены по Русскому обычаю толкованіемъ разума законовъ, и въ смыслѣ противуположномъ смыслу главныхъ дѣятелей, Н. Милютина, Ю. Самарина и кн. В. Черкасскаго. Миръ праху твоему! Да будетъ тебѣ легка мать-земля и благосклонна милость милосердаго Бога! 8 Февраля.

*

По случаю разныхъ преобразованій (какъ въ началѣ Александра I) обращеніе къ планамъ и работамъ Сперанскаго вызвало напечатаніе нѣкоторыхъ (теоретическихъ) работъ его, далеко для современности не научныхъ, и біографіи знаменитаго государственнаго человѣка, изъ которыхъ одна, Мих. Лонгинова, напечатана въ 19 и 20 №№ „Русскаго Вѣстника" 1859 г., а другая, барона Корфа, передана Государемъ гр. Блудову. При существующей свободѣ цензуры Московская біографія изобилуетъ любопытными объясненіями, и въ ней изложено не только содержаніе знаменитаго письма (изъ Перми 1813), но изложенъ и актъ

обвиненія и партіи и ихъ интриги, кажется, по сочиненію Н. Тургенева. Лонгиновъ не совсѣмъ исчерпалъ предметъ и не пользовался общеизвѣстными актами. Такъ напр. онъ и не приводитъ указовъ 3 Апрѣля 1812 г. (по Полн. Собр. № № 25.073 и 74), въ которыхъ, по мнѣнію моему, актъ обвиненія въ запутанности финансовъ подтверждается несомнѣнно.

Цензура поворачивается. Говорятъ, что съ преобразованіемъ ея личнаго состава бар. Медему, въ Петербургѣ и сенатору Щербинину, въ Москвѣ, приказано постепенно обуздывать всякое стремленіе и отдаленные намеки, клонящіеся къ ослабленію власти верховной и вообще правительства, уваженія къ высшимъ сословіямъ и твердости властей мѣстныхъ, осмѣяніе которыхъ дошло до личностей, до пасквиля, не только въ „Искрѣ“ (гдѣ много шуму надѣлалъ зять Васильчиковыхъ Лужинъ за Харьковскую статью „изъ Нерчинска“ о Грязевѣ, Артеміи Гулянинѣ (бывшій ректоръ Артемовскій-Гулакъ), панъ Иванъ (Лужинъ) и пани Наталка (жена). Онъ сдѣлалъ обыскъ у студентовъ и нашелъ книги и листки Герцена, о которыхъ студенты отозвались, что получили отъ профессоровъ. На „Искру“ злятся давно, но и на статьи въ журналахъ и дневныхъ газетахъ.

Реакціи ожидать надо. Она, во первыхъ, въ порядкѣ вещей; во вторыхъ, литература невольно зашла далеко; въ третьихъ, либеральная партія слабѣетъ, особенно отъ безуспѣшности ея начинаній. Я думаю, она проявилась бы и ранѣе въ Ковалевскомъ министрѣ, если бы не совался тутъ гр. Панинъ, котораго Ковалевскій, министръ и братъ его Егоръ, предсѣдатель широкозадуманнаго „общества вспомоществованія бѣднымъ литераторамъ“ терпѣть не могутъ. Но толку тутъ мало, и непослѣдовательность, въ настоящее время, безъ наказанія не остается.

Есть какой-то фатализмъ въ стеченіи событій, и я боюсь гнѣва Немезиды въ отмщеніе за одностороннее и своекорыстное правленіе императора Николая, которое было для Россіи тѣмъ гибельнѣе, что оправдывалось, повидимому, событіями предыдущими, оправдываясь и внѣшнею стороною настоящихъ, и истекало изъ личнаго убѣжденія, доходившаго до религіозной самоувѣренности. Я полагаю, что мы на канунѣ революціи, и революціи несчастной, т.-е. не благовременной, не удачной, не совершимой: ибо, при огромныхъ матеріалахъ разрушенія, нѣтъ элементовъ созиданія, и потому жертва, которая необходима и будетъ, будетъ напрасна. Болѣе нежели когда нибудь намъ нужны преобразованія, но прежде преобразованій нужно сильное правительство, а сильнаго правительства нѣтъ, ибо полновластные наши министры такъ мало могутъ расчитывать на постоянство Государя и такъ много должны уступать напору общаго мнѣнія, что въ дѣйствіяхъ ихъ глав-

ное качество—нерѣшительность, второе—оградить себя и третіе—опрометчивость. За этими побочными цѣлями самообезпеченія, они не видятъ настоящей. А событія не останавливаются, кругъ порицателей расширяется, сопротивленіе слабѣетъ, матеріальныя средства истощаются и несостоятельность существующаго порядка, въ правленіи и управленіи, объявляется яснѣе и общепонятнѣе.

Ходятъ черныя тучи. Слышны зловѣщія птицы.

Всенеобходимо, настоятельно, страшно-нужна—конституція.

Что сдѣлаетъ гр. Панинъ? Онъ въ 20 лѣтъ ничего не сдѣлалъ. Онъ презираемъ аристократами и либералами, онъ ненавидимъ демократами. Онъ уменъ, характеренъ, безкорыстенъ и свѣдущъ; но имя его пробуждаетъ предубѣжденіе, но взглядъ его одностороненъ, но его понятіе о законности чисто-формальное. При обсужденіи дѣла объ усиленіи губернаторской власти онъ пошелъ далѣе всѣхъ министровъ и головою отдалъ товарищей прокуроровъ во власть губернаторовъ. Руководствуясь Англійскими принципами, онъ готовъ, въ необходимости, на уступки радикальныя; но бѣда въ томъ, что эти уступки, эта готовность не искренни, и это его погубитъ. Я его знаю. Фортели и экспедіенты теперь недостаточны, а гр. Панинъ исключительно вѣритъ формальности, ожидаетъ улучшеній отъ манифестацій и всегда ограничивается полумѣрами, страшась мѣръ прямыхъ и предоставляя времени высказаться.

Все говоритъ о крѣпостномъ вопросѣ, и недовольные пріемомъ гр. Панина депутаты отъ дворянства, и члены коммиссій, предвидя всѣ затрудненія въ работахъ неприступнаго предсѣдателя, желали бы удалиться и снять съ себя отвѣтственность, которая вѣстями изъ губерній и высокими цѣнами растетъ въ ужасающей пропорціи. Унковскій и Европеусъ сосланы въ Пермь, Вятку. Все говоритъ о цензурѣ, допускающей соблазнъ смѣлости противъ правительства и пасквиль личностей до самозабвенія барышническихъ расчетовъ. Въ Совѣтѣ Министровъ шла рѣчь, по поводу энергическихъ статей противъ акціонерныхъ обществъ, о постановленіи болѣе положительныхъ правилъ въ огражденіи чести и кредита.

Говорятъ объ исторіи Харьковскихъ студентовъ. Тамъ съ 1855 г. образовалось какое-то общество политическое, нечуждое связи съ Польскими тенденціями Волыни и Подола, перешедшее въ 1857 г. въ оппозицію правительству и управленію, путями писанной литературы, особенно пасквилей. Губернаторъ Лужинъ, разсерженный пасквилемъ въ „Искрѣ“, напалъ на слѣдъ и донесъ сюда. Гр. Панинъ нарядилъ оберъ-прокурора Путилова для производства слѣдствія; но, кажется, Совѣтъ

призналъ удобнѣйшимъ привезти виновныхъ въ Петербургъ, и 12—15 человѣкъ препровождаются сюда.

Графъ Муравьевъ-Амурскій принятъ Государемъ очень дурно. Объ немъ очень много трубили, особенно в. князь Константинъ. Вѣсти, идя отъ Амура, росли непомѣрно, и изъ генералъ-губернатора сдѣлали создателя, реформатора и просвѣтителя. На дѣлѣ говорятъ совсѣмъ не такъ. Муравьевъ ввелъ или усилилъ старый произволъ, нетерпѣливое пристрастіе и самонадѣянную опрометчивость. Общее мнѣніе то, что онъ не возвратится въ Иркутскъ, и въ обвиненіи его насчитываютъ: дружбу съ родственникомъ его, Нѣмецкимъ диктаторомъ, ссыльнымъ Михаиломъ Бакунинымъ, который, будучи обязанъ жить въ Западной Сибири, свободно пріѣзжалъ въ Иркутскъ и на балахъ и обѣдахъ игралъ первенствующую роль. Это доносъ жандармскій.

Убійство любимцемъ Муравьева Беклемишевымъ другого, павшаго любимца, Неклюдова, брата Замятниной, которая, будучи близка къ Императрицѣ по Николаевскому институту, подняла на ноги мужа (товарища гр. Панина), и убійство, совершенное въ насильственной дуэли, признано судомъ, и теперь Беклемишевъ и всѣ подобострастныя креатуры подъ стражею, не смотря на покровительство и ходатайство Ник. Ник. Муравьева. Генералъ Венцель, въ управленіе котораго это случилось, посаженъ въ Сенатъ.

Сотоварищъ Петрашевскаго, Спѣшневъ, поступившій съ каторги въ издатели „Иркутскихъ Вѣдомостей“, не имѣлъ права выѣзда, а Муравьевъ привезъ его съ собою въ Петербургъ.

Да, но все это какія-то личности и мелочи, за которыя организаторъ края не долженъ бы оставлять поприще, на которомъ государственныя заслуги дали ему и громкую извѣстность, и графское достоинство. Вина его, говорятъ, другая. Соревнуя другому графу, адмиралу Путятину, гр. Амурскій открылъ „Морской Сборникъ“ и слухъ его покровителя, Константина Николаевича, статьямъ и запискамъ декабриста Завалишина, который доказываетъ, что Амурское дѣло есть темное пятно царствованія Александра II, что управленіе гр. Амурскаго есть сцѣпленіе несообразностей, расхищеній, обнищанія Забайкалья, презрѣнія всякой независимости. Обвиненіе это другого порядка. Я не записываю его, въ ожиданіи обстоятельнаго разсмотрѣнія документовъ, которые мнѣ обѣщаны. Здѣсь могутъ имѣть мѣсто и зависть, и личность, и месть, и предубѣжденіе.

*

При воцареніи демократіи, а съ нею и начала народностей, самое недемократическое и ненаціональное государство, Австрія, совершенно выбилась изъ колеи, потеряла тактъ и сбилась съ голоса. Мѣняя кон-

ституціи и первыхъ министровъ, наслѣдница Священной Римской Имперіи совершенно не знаетъ, какою формою сплотить эти разнохарактерныя народности и, не смотря на похвалы и прославленія своихъ чиновниковъ Глюнека, Чернига и под., остановилась на совѣщательномъ представительствѣ въ составѣ Государственнаго Совѣта. Ему же поручаетъ она и финансы, для которыхъ едва ли и самыя рѣшительныя представительства могутъ что нибудь сдѣлать. Запутавшись внутри, Габсбурги съ тѣмъ же головокруженіемъ дѣйствуютъ и во внѣшней политикѣ. Цесарская гордость не могла согласиться съ безцеремонностію своего Русскаго брата, принявшаго роль опекуна и покровителя, и оставя Россію и Пруссію, съ которыми связываютъ ее и сопредѣльность и сходство прошедшаго, она отдалась однако, по конкордату, Папѣ, вассалу Франціи, и соединилась съ западными державами то для того, чтобы сторожить Балканы и за это быть покойною за Альпы, то для того, чтобы бросить подозрѣніе на Пруссію и за это подчиниться дружеству Франціи, воевавшей за Піемонтъ, заклятаго врага Австріи. Какъ отозвались ей эти превратности и предательства, очевидно изъ современныхъ событій и если бы не соревнованіе Англіи и Вюрцбургскія интриги, одиночество Священной Имперіи низвело бы ее на степень мелкаго государства.

Все это пришло мнѣ на мысль при чтеніи ноты гр. Рехберга 14 Февраля, въ которой Австрія, заключавшая на дняхъ трактатъ съ Сардиніей, съ обычными увѣреніями, отзывается объ этой державѣ какъ отзывалась въ Февралѣ 1858 г.

Если дипломатическія преданія изглаживаются даже въ Австрійской канцеляріи, то гдѣ же искать ихъ? Нота гр. Рехберга написана умно и благородно, но тѣмъ явственнѣе обличаетъ она смѣшеніе началъ и вторженіе новаго порядка вещей, въ которомъ раціональность, народность и естественность вытѣсняютъ и Божію милость, и историческую династичность, и обязательность трактатовъ. Монархіи чистыя невозможны, и самыя смѣшенныя подмываются въ основаніяхъ и поддерживаются личностями. Государь! Дайте Россіи конституцію. Все измѣнится въ Россіи и въ Европѣ, когда великая восточная держава утвердится и развернется на законномъ поприщѣ. Я знаю, что въ настоящее время диктаторской необходимости парламентное управленіе едва ли совмѣстно; ходъ крѣпостного дѣла и измѣненіе несостоятельнаго порядка Николаевскаго управленія требуютъ исполнительности смѣлой, Русской; но возраженіе это, вездѣ дѣйствительное, къ Россіи не примѣняется. Развитіе наше такъ слабо, что борьба партій и участіе толпы и печати у насъ обуздать гораздо легче нежели предупредить неудачи и ошибки, которыя уже допущены въ крѣпостномъ дѣлѣ, въ

преобразованіяхъ управленія и въ критикѣ. Тогда бы не посмѣли гг. министры тревожить націю самовольными распоряженіями; тогда бы не упалъ нашъ рубль на 350 сантимовъ, и довѣріе банкировъ и биржи избавило бы насъ отъ содѣйствія банкротовъ: тогда и Австрія и Пруссія знали бы чего держаться,—и вся страна съ Нѣмцами и Поляками составила бы одно цѣлое, свободное, развитіе котораго уничтожило бы опасенія ребяческихъ и зрѣлыхъ заговоровъ, притязаній и противодѣйствій. Тогда бы и этотъ Французскій брандонъ и брульонъ не выдавался бы, не пятился безнаказанно, а дѣйствовалъ бы осмотрительно и послѣдовательно хоть хочется и колется, не играя вмѣшательствомъ, не мѣняя системъ и не подчиняя участи народовъ капризамъ Имперіи и ожиданіямъ всякихъ случайностей, въ которыхъ газеты забавляютъ разсказами: перехитритъ-ли тонкій Итальянецъ или загадочный Французъ.

Мы еще далеки отъ преобразованій, таскаемыхъ въ разныхъ коммиссіяхъ и комитетахъ; но вотъ уже начинаются широкія дискреціонныя мѣры, и положеніе Комитета Министровъ 12—24 Января о безсрочно отпускныхъ, напоминающее указъ 1817 г., заключающееся собственно въ томъ, чтобы „безъ слѣдствія и суда“ высылать ихъ въ команды, лишать нашивокъ и общей отставки по однимъ удостовѣреніямъ городничихъ, исправниковъ, окружныхъ начальниковъ и даже удѣльныхъ приказовъ (съ правомъ ареста), очень напоминаетъ осадное положеніе, которое наши публицисты такъ охотно порицаютъ въ Венеціанскихъ владѣніяхъ. Куда же мы пришли и куда мы идемъ? Раздраженіе личностей, терпимость къ извѣтамъ, наглость ихъ свободы и равнодушіе ко всякому дѣлу характеризуютъ нашу матеріальную эпоху, для обузданія которой нѣтъ ни силы воли, ни силы знанія.

Графъ Панинъ, при пріемѣ депутатовъ, ошельмовалъ предводителя дворянства, графа Шувалова, доктринально приглашая дворянъ не бывать у него, ибо тамъ могутъ ихъ *завлечь*. Говорятъ, Шуваловъ подавалъ въ отставку и остался.

Въ городѣ ходятъ самые дикіе слухи о причинѣ вооруженія городовыхъ револьверами, о безсиліи блюстительной власти въ надзорѣ за сходбищами, объ оргіяхъ царскихъ, на которыхъ генералъ Герцдорфъ мошеннически выигралъ 200 т. р. въ банкъ „подъ пьяную руку“. Ослабленіе надзора и достоинства власти въ заведеніяхъ доходитъ до того, что въ военныхъ заведеніяхъ начальники ведутъ себя за панибрата, а въ Николаевскомъ институтѣ разсказываютъ исторію о хорошенькихъ кандидаткахъ, за банкетомъ, въ которомъ студенты, сыновья начальницы и даже мужъ, товарищъ министра, случайно встрѣтились въ темныхъ коридорахъ съ веселыми красавицами, а матушка будто бы въ это время занималась наставленіемъ дочкѣ, готовящейся для

высокаго ложа, и учитывала свѣчи и мыло и прочіе матеріалы, на которые, со времени назначенія г-жи Замятниной, расходъ удвоился. Директриса бросилась Императрицѣ въ ноги, умоляя не погубить семейства.

Разсказы о дочери богача Вебера, родившей и сжегшей ребенка, разсказъ будто бы распущенный отказаннымъ ею женихомъ и по жалобѣ отца теперь арестованнымъ, дуэль барона Ѳедора Корфа, избившаго жену въ первую ночь брака и дравшагося на дуэли съ братомъ ея Набоковымъ, разсказъ о Псковскомъ попѣ, который будто бы перегрызъ горло и искусалъ по волчьи отставного солдата, чтобы ограбить его и оставить мертваго въ лѣсу (дуэль богача Демидова съ бар. Мейендорфомъ, убійство бар. Вреде, отравленіе въ Кронштадтѣ). При поворотахъ событій, съ усиленіемъ стремленій, нравы и позывы дичаютъ, и я записываю эти слухи не какъ факты, но какъ возможныя явленія эпохи, болтающей, если не творящей, подобныя дѣянія. И литература и жизнь не хотятъ знать границъ. Коснувшись основной основы—улучшенія быта—правительство обняло все государственное зданіе, и существенное основаніе, порядокъ, сдѣлалось тоже вопросомъ. Болтливый баронъ А. Мейендорфъ, посѣщающій высшія гостинныя, разсказывалъ мнѣ, что Императрица неоднократно выражала опасеніе за безопасность своей фамиліи, при раздраженіи дворянства, для успокоенія котораго назначеніе гр. Панина сдѣлано слишкомъ поздно, назначеніе, которое не примиритъ съ дворянствомъ и разведетъ съ народомъ.

Вотъ скоро годъ (замѣчательное явленіе) съ 16 Апрѣля 1859 г. у насъ нѣтъ ни займовъ, ни ссудъ, ни банковъ. Бѣдное государство не нуждается въ кредитѣ! Вся наша недвижимая собственность обходится безъ займовъ. И все сваливаютъ на крестьянскій вопросъ. Назначены коммиссіи и начертаны проэкты, а ссудъ нѣтъ. Правительство пріостановилось, частные люди не рѣшаются, даже Ганзеханы и Габеры стихли, и частная предпріимчивость не хочетъ барышей, иностранный курсъ не хочетъ повыситься, безденежье повсюду, дороговизна въ полномъ развалѣ.

А министръ финансовъ, кажется, сдѣлалъ все. Онъ назначилъ нѣсколько коммиссій и между прочимъ Коммиссію—Гагемейстеръ Безобразовъ и Комп. Но какъ же изворачивается бѣдный собственникъ? Куда вы, богатые банки, употребляете дѣлаемые взносы? Вамъ заложено 44.166 имѣній, населенныхъ 7,107,184 ревизскими душами въ $425^1/_2$ милліоновъ рублей (съ недоимкою 15 т. р. или точнѣе 14,736,115 р.). Вамъ еще не заложено около 4 м. душъ съ землями, т. е. принимая средній размѣръ (70 р.), вы могли бы еще выдать (а желали многіе, если не всѣ) 280 мил. р.—ну, положимъ половину 140 м. р. и, давъ

способы улучшенія, развитія и усовершенія народныхъ цѣнностей, пріобрѣсти выгоды, дѣйствительность которыхъ подтверждается тѣмъ, что вы отказали въ займахъ имѣніямъ самымъ состоятельнымъ, которыя не имѣли нужды въ займахъ.

Есть банда, котерія, партія. Дайте, Государь, конституцію. On vous trompe, on vous trompe кричала толпа въ 1788 году во Франціи; кричу и я: on vous trompe!

Въ самомъ дѣлѣ, читая эти вялыя, повторяющіяся объясненія коммиссіи гг. Гагемейстера и Безобразова, невольно спрашиваешь себя: неужели въ нихъ наше спасеніе? Охулили, разбранили наши кредитныя учрежденія и что же предлагаютъ? Общія мѣста.

Но, порицая, надо было отдать и справедливость. Принимать вклады за 4% теперь нельзя, если мы хотимъ, чтобы капиталы не спали, а безъ вкладовъ не можетъ быть и ссудъ. Все это правительство должно было передать сословіямъ и частнымъ лицамъ. Но немедленно-ли и вполнѣ-ли? Я думаю, нѣтъ и полагаю, что правительство должно было, не измѣняя установленій, постепенно вводя въ нихъ участіе частныхъ лицъ и распространяя банкирское дѣйствіе, приготовлять ихъ къ окончательному переходу на коммерческое положеніе.

Вообще блестящія ожиданія новой эпохи до сихъ поръ оправдываются очень плохо, и самые довѣрчивые оптимисты приходятъ къ тому убѣжденію, что частная предпріимчивость у насъ требуетъ, при дѣйствіи ея акціонерными обществами и даже безъ акцій, но на большихъ пространствахъ,—бдительнаго надзора правительства.

Въ самомъ дѣлѣ, поспѣшное провозглашеніе свободною литературою свободной частной предпріимчивости привело къ печальнымъ послѣдствіямъ. Всѣ акціи упали, и по низкимъ цѣнамъ покупка совершенно остановилась, довѣрія къ предпріятіямъ никакого. Недовѣріе къ самымъ важнымъ (какъ главное общество желѣзныхъ дорогъ и общество пароходства и торговли) возбуждено литературою до такой степени, что можно сомнѣваться въ благопріятномъ ихъ исходѣ.

Тоже будетъ и съ поземельными банками.

Земли у насъ имѣютъ цѣнность мѣстную, и она теперь колеблется и должна установиться съ устройствомъ земледѣльцевъ и правильными оцѣнками. Ограниченіе закладныхъ листовъ извѣстной территоріей ограничитъ и случайности сдѣлокъ, при которыхъ они могли бы расчитывать на разные шансы.

Годовая администрація приводитъ непремѣнно къ годовому убытку, и хорошо бы было если бы только къ годовому.

Назначеніе въ продажу (и нынче очень затруднительную) уронитъ цѣнность. Я остаюсь при томъ убѣжденіи, что правительству не слѣ-

довало уступить посредничество между кредиторами и заемщиками, но надлежало озаботиться болѣе производительнымъ употребленіемъ вкладовъ, чему теперь, при развитіи обширныхъ предпріятій, гарантируемыхъ правительствомъ, недостатка, кажется, не предстоитъ, во вторыхъ— распространить кругъ дѣйствія какъ приказовъ, переименовавъ ихъ въ губернскіе банки, такъ и ссудныхъ кассъ, и въ третьихъ, для лучшаго обезпеченія взноса процентовъ и погашенія, ввести или ручательства или разсроченные платежи, или сословную гласность разбирательства.

*

Духовенство возмутилось и отвергло соборнѣ легенду, приведенную Погодинымъ въ Поѣздкѣ его къ Сергію, напечатанной въ (запрещенной съ 1860 г.) „Русской Газетѣ“ Поля. Но оно—и съ нимъ наши высшія молельщицы—не находятъ словъ для порицанія книги Аѳанасьева (изд. Солдатенкова) „Русскія легенды“, пропущенной 4 Декабря Московскимъ цензоромъ Наумовымъ. Здѣсь черноватая фантазія народа дѣйствительно разыгралась съ Христомъ, Петромъ, Ильею, Николою и др. такъ панибратски, что ловкій чтецъ представитъ святыхъ въ забавномъ видѣ, и народныя убѣжденія, записанныя г.г. Далемъ, Якушкинымъ, Зыряновымъ, и др. разольютъ понятія, враждебныя церкви и доброму просвѣщенію. Книга стоитъ 1 р., а теперь ея и за 10 не достанешь. Запрещена. А тамъ, въ Лондонѣ, начинается изданіе перевода Библіи, и духовенство, такъ неудачно выступившее съ переводомъ Византійскихъ историковъ, конечно не лучше поступитъ и съ начатымъ академіями переводомъ Св. Писанія. Духовенство наше, прежде всего, прежде крѣпостнаго права, требовало бы преобразованія. Легенды и пословицы о немъ выражаютъ самое презрительное понятіе народа о служителяхъ Божіихъ. Служеніе Богу есть призваніе, а не повинность сословія. Отвертѣть молебенъ или свадьбу, вынудить плату, обойти, объѣсть и обпить приходъ при обрядахъ, требахъ и праздникахъ не водворяютъ, а роняютъ церковь, а съ нею и вѣру и служеніе алтарю.

*

Крестьянское дѣло двигается скоро. Оно обработывается съ двухъ концовъ: въ коммиссіяхъ гр. Панина и въ дворянскихъ собраніяхъ гр. Шувалова. Гр. Панинъ, послѣ пріема депутатовъ, пригласивъ ихъ не ѣздить къ гр. Шувалову, гдѣ ихъ могутъ завлечи, не ѣздить и къ нему, гр. Панину, чтобы не сказали, что онъ подъ ихъ вліяніемъ, и торопиться дѣломъ, такъ какъ, по долговременному его опыту, нѣтъ такого государственнаго дѣла, которое бы нельзя было кончить въ 14 дней (оригинальное привѣтствіе!), не такъ однако торопится съ дѣломъ и докладывалъ Государю о возмутительной и еще траурной страницѣ

Отеч. Записокъ, на которой Краевскій объявилъ о смерти Ростовцова и выразилъ надежду на окончаніе дѣла къ Сентябрю. Гр. Шуваловъ уполномоченъ пересмотрѣть проэктъ положенія 1853 г. и надѣется выговорить трехлѣтній срокъ для добровольныхъ соглашеній, а между тѣмъ, по возбужденію предводителя Платонова, постановляетъ адресъ Государю объ огражденіи дворянскихъ правъ отъ посягательствъ полицейскаго (Милютина) комитета, отвергающаго избирательность земскихъ и мировыхъ начальствъ.

Редакціонныя коммисіи не нахвалятся терпимостію и либерализмомъ гр. Панина (такъ говорили мнѣ Любощинскій и Булыгинъ). Дворянскія собранія напротивъ очень шумны, и здѣсь каждый вопросъ дѣлается предметомъ взаимнообвиненій, сомнѣній и баллотированій.

Прочелъ я, для развлеченія моего Souvenirs et correspondance, m-me Récamier и Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres, изданныя обожателями ихъ. M-me le Normand, племянница мужа Récamier, усыновленная знаменитою красавицею, а второе—де Фаллю, другомъ Русской ультрамонтанки. Воспоминанія о м-ме Рекамье читаются легко, интересно и увлекательно. Это картина эпохъ, лицъ, положеній самыхъ разнородныхъ, начиная съ директоріи до 1848 г. Съ 13 лѣтъ до старости, въ богатствѣ, торжествѣ, изгнаніи и бѣдности Рекамье была идоломъ, передъ которымъ преклонялись и старые, и малые, и демократы, и аристократы, и поэты, и министры, и ханжи, и безбожники. Перечитывая обширную корресподенцію, въ которой женщины—и какія женщины: м-ме Сталь, Свѣчина!—едвали не преданнѣе курятъ ѳиміамъ этой плѣнительной художницѣ общежитія нежели мужчины—и какіе мужчины: Бернадотъ, Баланшъ, Монморанси, Августъ Прусскій, Шатобріанъ!—удивляешься одному: почему объ ней всѣ говорятъ, а отъ нея самой уцѣлѣли едва мелькомъ встрѣчающіеся отрывки о впечатлѣніяхъ, почти всегда легонько набросанныхъ, и въ самыхъ письмахъ, дышущихъ какою-то теплою признательностію, говорится много объ удовольствіи сообщества, о дружбѣ, и ни слова объ умѣ, весьма мало о чувствахъ, иногда объ отвѣтахъ, выражающихъ какую-то нѣжную кротость, страдательное участіе. Часто видишь сдержанность, нерѣдко женскую суетность, иногда безотчетный недостатокъ, недомолвку сочувствія. Почему эти отрывки собственныхъ ощущеній такъ коротки, а обширная корреспонденція, даже записка гр. Нессельроде о колескѣ, сохранялась, уцѣлѣла и хронологически сложена и напечатана, хотя многое не мѣшало бы и пріудержать? Я объясняю себѣ постоянное торжество Рекамье, въ теченіе болѣе полувѣка, красотою, врожденною граціей, побѣдившей Баланша, Лагарпа, Давида, Канову и Шатобріана, побѣдившей и дамъ, Криднеръ, Ляваль, Гортензію, и наконецъ

благороднымъ, безстрастно расчитаннымъ и холодно-самосозерцающимъ кокетствомъ. Она не имѣла никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій и съ необыкновеннымъ тактомъ принимала всѣ партіи, всѣ оттѣнки партій, ничего не порицая, ничему не предаваясь.

Разъ овладѣвши салономъ, граціозная красавица ловко воспользовалась модою, которая въ Парижѣ выше приверженности и оппозиціи, а продолжительное поприще воздержной Аспазіи, всѣмъ пользовавшейся въ мѣру и во время, никогда не открывавшейся и всегда привязывавшей ожиданіями открытія, сдѣлало изъ моды привычку, съ которою такъ легко сближаются и старость, и суетность, и утомленіе. Справедливо замѣчаетъ Гервинусъ (и онъ не первый), что въ движеніи эпохи часто принимаютъ участіе не тѣ дѣятели, которыхъ имена записываетъ исторія. Вліяніе Рекамье было въ этомъ отношеніи обширно и плодотворно, но—грустно подтвердить это сознаніе—довольно посредственно. Мода и привычка привлекали подъ ея знамя тщеславіе, исканіе извѣстности, упадающее величіе, недовольствіе и индеферрентизмъ вѣка. Въ этомъ отношеніи Рекамье далеко уступаетъ нашимъ Русскимъ, доселѣ болѣе извѣстнымъ: Крюднеръ и Свѣчиной.

Свѣчина—сильная натура, питомица Деместра и питательница ультрамонтанизма, заслуживаетъ болѣе близкаго знакомства, нежели то, которое можно получить изъ Lettres et opuscules графа Іосифа, двухъ томовъ министра Фаллю и статей завистливой и бѣглой въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Евгеніи Туръ (односторонней) и натянутой, полуфанатическаго „нашего времени“ гр. Дм. Толстаго. Я дамъ о ней особый отчетъ.

Пріятно встрѣтиться съ такими типами; но, полюбовавшись Рекамье, успокоивъ душу предъ этою безукоризненною граціей, съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаешься подолѣе на Свѣчиной и изучаешь характеръ, волю, систему. Свѣчина была умна, учена, начитана до скуки, до педантизма, и самая доброта ея сердца облекается въ изученыя формы, и самая оригинальность чувства и мысли выражается въ придуманыхъ или заученыхъ фразахъ. Эта Русская Француженка могла бы сохранить побольше и силы, и энергіи; но, обратясь въ католицизмъ, она отъ этого ложнаго положенія перешла къ сентиментальности и девотизму и сдѣлалась ультрамонтанкой, возлѣ которой собирались услужливые кавалеры и аббаты, а для глазъ ихъ перебѣжчица, независимо отъ ея достоинствъ какъ свѣтской женщины, имѣла прелесть завоеванія.

*

Прошло это періодическо-лихорадочное время вскрытія Невы, Пасхи, тезоименитствъ (3—17 Апрѣля), наградъ и поздравленій, время, которое я не желалъ бы проводить въ Петербургѣ, которое воз-

мущаетъ душу раутами въ церквахъ, на площадяхъ и въ переднихъ, невоздержаніемъ, болѣзнями и неудовольствіями награжденныхъ и ненагражденныхъ. Нервическое разстройство у меня очень сильно. Впечатлительность такъ раздражена, что духъ занимается, и иногда мнѣ кажется, что земля трясется, зданія валятся и люди бѣгутъ и спѣшатъ къ пропасти.

Не читалъ бы иностранныхъ журналовъ, гдѣ загадочный Французъ предательски дружится и ссорится, дѣлая все возможнымъ, невѣрнымъ и неожиданнымъ, и гдѣ Австрія и Турція представляютъ картину разрушенія, подмываемаго вѣроломствомъ и воровствомъ въ самыхъ высшихъ слояхъ управленія, а обезсиленная власть при этомъ хватаетъ какого нибудь Венгра или Босняка и судорожно ломаетъ и душитъ несчастнаго.

Не читалъ бы и нашихъ газетъ, гдѣ, послѣ обличеній администраціи, начинаются обличенія мошенничества въ прославленныхъ обществахъ, подрывая кредитъ, затрудняя предпріятія и шельмуя директоровъ. Не знаешь, какъ могли быть такіе явные безпорядки, неблаговидные извороты и преступныя увлеченія, а убѣждаясь въ этихъ (ибо печатаютъ на весь міръ факты) не понимаешь, какъ эти....., Новосильскіе, Байковы, Веймарны, Палибины смотрятъ прямо на этотъ міръ, и міръ этотъ терпитъ ихъ въ средѣ своей.

Эксплуатируютъ Россію и неопытную довѣрчивость такъ, что кредитъ не существуетъ, акціи отъ премій на 10% упали въ капиталѣ на 10 и болѣе, Министерство Финансовъ не знаетъ что̀ дѣлать и отъ неудачныхъ 4% непрерывныхъ переходитъ къ 5%, завлекши прежде такою же гарантіею капиталы въ частныя предпріятія, отъ неудавшейся продажи имуществъ приступаетъ къ бильонной монетѣ, по 10 копѣекъ на каждую душу народонаселенія (6 м. р.) и имѣя серебра только 2 м. р. и не имѣя и для этихъ 2 м. машинъ на монетномъ дворѣ. А денегъ нѣтъ, цѣны возвышаются. А въ кабакахъ, на площадяхъ, на прогулкахъ, въ театрахъ, въ салонахъ, роскошь не знаетъ мѣры, и потребленіе и заработки платятся такъ высоко, что слово сбереженіе въ казначействѣ государства, въ кассахъ обществъ и въ карманахъ изчезло и забыто.

Роскошь эта, это—распродажа остатковъ, это—расхищеніе казны во время пожара. Не знаешь, что̀ честному человѣку дѣлать посреди этихъ хватокъ; такъ и думаешь, что завтра революціонное сокращеніе лишитъ тебя, поденщика, насущнаго хлѣба, и Митя, и Тата иди хоть по міру! Я оробѣлъ, я глубоко огорченъ, осквернень, убитъ этими продѣлками, возведенными въ систему и сдѣлавшимися общими. Когда я узналъ, 26 Марта, программу расточеній одного изъ отъявлен-

ныхъ расточителей, генерала Муравьева, моего министра, я написалъ записку къ гр. Панину, пользуясь поводомъ изложить мое воззрѣніе на крѣпостной вопросъ и желая оставить этого господина, возвышающаго подати, чтобы расточать капиталы. Гр. Панинъ не понялъ меня. Онъ прислалъ ко мнѣ своего Топильскаго, чтобы получить свѣдѣніе объ общинахъ.

Всѣ мы, 3—17 Апрѣля, завалены наградами. Кромѣ звѣзды, мнѣ обѣщаны или деньги, или земля. На чины и ордена никто не обращаетъ вниманія. Я понимаю, какъ дѣлаетъ это Государь. Онъ окруженъ людьми, которые личные грѣшки искупаютъ государственными, и онъ добръ, сытъ и слабъ. Но я не понимаю, какъ терпитъ это народъ? Caeterum censeo—конституція. Conditio sine qua non, даже въ настоящее время, которое я считаю революціоннымъ и которому не полезенъ, не нуженъ, даже не необходимъ, но неизбѣженъ реформаторъ, который бы выпуталъ насъ изъ запутанности, развращенія и разграбленія. 17 Апрѣля.

Трезвонная литература внутренняя (всѣ журналы, даже и „Сѣверная Пчела“, и всѣ общества, ученыя, хозяйственныя и особенно акціонерныя) и внѣшняя (Герценъ, Н. Тургеневъ—le dernier mot, кн. Петръ Долгорукій La vérité sur la Russie, и неизвѣстнаго „Депутаты и редакціонныя коммисіи“ *) и мног. друг.) сильно занимаетъ общество и не даетъ никому спать, ни партіи одушевленія, волнующейся отъ радости разоблаченія нашихъ грязныхъ и вонючихъ дѣяній, ни партіи унынія, подавляемой этими новостями. Съ непривычки нѣтъ нигдѣ ни мѣры, ни такта. Надъ всѣмъ господствуетъ реформа, и въ главѣ ея крестьянское дѣло. Чудится какое-то видѣніе, слышится какое-то тяжело-грядущее могущество, какая-то новая стихія жизни, и всѣ присмирѣли, оробѣли, говорятъ и дѣлаютъ не впопадъ. Сдается сильная сила въ этомъ говорѣ, широкая натура въ этихъ увлеченіяхъ, и все предвѣщаетъ какъ бы новую эпоху,—непремѣнно распаденіе стараго, непремѣнно недочеты и обольщенія, все прервано ожиданіями. И я ожидаю—fiasco.

Никто лучше насъ не съумѣетъ ни унизить, ни испортить, ни опошлить все хорошее, ни придумать и вызвать препятствія и затрудненія этому хорошему, не употребить во зло это хорошее, не придать видъ благонамѣренности дурному, не забыть или не знать, что никакая несправедливость, никакая ошибка безнаказанно не проходитъ и пройти не можетъ, что законъ солидарности исключеній не допускаетъ и что Богъ и истина, служеніе имъ и добросовѣстность, какъ право и обязанность, какъ существо и форма безразличны. Такъ тяжело сознаться!

*) Должно быть при содѣйствіи Рязанскаго депутата Ѳ. С. Офросимова.

Первое правило благоустройства жизни есть добросовѣстность. Она вырабатывается временемъ въ нуждѣ, просвѣщеніи и соревнованіи; гдѣ ея нѣтъ (у насъ ея нѣтъ, и долго не будетъ), тамъ ее надобно привести силою управленія, а управленіе сильно конституціей. 17 Апрѣля.

Крѣпостное дѣло Харьковскихъ студентовъ двигается медленно и, къ удивленію многихъ, получаетъ важное значеніе, котораго въ немъ, судя по либеральности нашего времени, по отдаленности Шевченко-Костомарова-Кулѣшскаго общества и по назначенію кн. Голицына (Алекс. Ѳедор., статсъ-секретаря) и не предполагали. Голицынъ взялъ себѣ въ помощь генералъ-майора Ив. Анненкова, человѣка умнаго, благороднаго и мягкаго, и д. с. с. Столповскаго, правовѣда, занимавшагося и уголовными дѣлами въ Училищѣ и въ Сенатѣ. Теперь они снимаютъ допросы, а потомъ будутъ судить. Но я убѣжденъ, что дѣло не имѣетъ придаваемаго значенія, даже и потому, что средства и способъ ихъ дѣйствія (пасквили, политическія записки, связь съ Волынскими Полячками) очень слабы въ средѣ современныхъ водоворотовъ и при завоеванной терпимости къ гласности. Я убѣжденъ, что дѣло кончится mezzo termino.

Гораздо важнѣе новѣйшія преобразованія, и въ числѣ ихъ всепоглощающій вопросъ крестьянскій. Онъ приближается къ окончательнымъ работамъ. Гр. Панинъ исходатайствовалъ дозволеніе депутатамъ 2 призыва (для 1-го, не смотря на всѣ искательства, дано сего не было) собираться и разсуждать всѣмъ вмѣстѣ, и эти собранія выработали большинство 36 (изъ 43) членовъ, которые, за общимъ подписомъ, представили возраженіе противъ проэктовъ редакціонныхъ коммисій и рѣшительно настаиваютъ на томъ, что *коммунистическіе* эти проэкты разорятъ дворянства, не послужа на пользу крестьянамъ и не согласны ни съ требованіями теоріи, ни съ заявленными видами правительства, ни съ положеніемъ хозяйства. Особенно сильно ратуютъ депутаты Западные, для которыхъ понятія о правѣ и о собственности тверже и отчетливѣе, нежели для насъ, восточныхъ, и которые, говоря, по малознанію Русскаго, на Французскомъ языкѣ, хотя не устояли, въ лицѣ богатыхъ своихъ представителей, гр. Платера, гр. Тизенгауза, противъ діалектиковъ нашихъ кн. Черкасскаго, Самарина и Соловьева, но тѣмъ не менѣе постановили 15 пунктовъ своего заключенія, требуя начала взаимныхъ соглашеній въ теченіе трехъ лѣтъ, начала добровольнаго выкупа земель правительствомъ при посредствѣ ходячихъ облигацій и начала свободнаго устройства крестьянъ, въ случаѣ безуспѣшности соглашеній, на казенныхъ земляхъ. Я полагаю, что это предположеніе еще болѣе будетъ имѣть вредныя послѣдствія.

Министръ, генералъ Муравьевъ, по докладу министра, генерала графа Адлерберга, получилъ 20 т. десятинъ земли изъ Башкирскаго участка на Волгѣ, въ Самарской губерніи съ тѣмъ, чтобы онѣ были куплены въ удѣлъ. Безстыдники! Надобно замѣтить, что Башкирская дача недавно предназначена, недавно отыскана для раздачи и теперь, какъ сынъ и отецъ получили, вѣроятно запрется. Надобно замѣтить, что правила оцѣнки, весьма эластическія, составлены недавно. Наконецъ надобно замѣтить, что начальникъ земель при отводѣ, при оцѣнкѣ и при покупкѣ, все тотъ же генералъ Муравьевъ. Безстыдники! Въ городѣ говорятъ, что земля дана по условію съ гр. Адлербергомъ и Миной Ивановной. Невѣроятнаго тутъ нѣтъ; но несомнѣнно то, что награда огромная, и по зависти, по злобѣ и злорадству говоръ объ ней общій въ городѣ и самый невыгодный для министровъ и Государя.

Замѣчательно, что это расточеніе земель дѣлается въ то время, когда такъ затруднительно разрѣшается общій поземельный вопросъ.

Земель у насъ достаточно. Ихъ будетъ еще болѣе. Желающихъ переселиться, даже на Амуръ, множество. Съ Кавказа и изъ Крыма народъ бѣжитъ тысячами. Удивительно, какъ нераціонально, непредусмотрительно распоряжаемся мы землями. Казна можетъ затопить ими частную собственность. Какъ отчинница, эта госпожа самая не экономическая хозяйка. Владѣя 100 мил. десятинъ, она или несоразмѣрно много даетъ въ надѣлъ своимъ крестьянамъ (отъ 8, 15 и даже 17 десятинъ на ревизскаго человѣка) или дробитъ ихъ на 21 т. оброчныхъ статей, по которымъ по 1860 г. терпитъ недоимки около 4 м. р. и изъ которыхъ нѣкоторыя приносятъ дохода по 2 или 20 коп. съ десятины. Неустройство и неурядица поразительныя! И много надобно времени и усилій, чтобы ввести здѣсь какой-нибудь порядокъ. Масса письменности, сложность распоряженій и убыточность оборотовъ явно говорятъ противъ казеннаго обладанія. Не говоря о Сибири, гдѣ теперь преподаны облегчительныя мѣры раздачи земель, не говоря и о сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ, какъ въ юго-восточныхъ солончакахъ, никто брать земель не соглашается, я возьму въ примѣръ Новороссійскій край, начавшій заселяться со второй половины прошлаго столѣтія и гдѣ безпорядки въ раздачѣ такъ часто вызывали запрещеніе (въ Мартѣ 1817, въ 1835 (№ 8288) и въ 1840) пожалованій. Позднѣйшее разрѣшеніе, въ нынѣшнемъ году, относится къ поселенію Евреевъ, которыхъ поселеніе въ губерніяхъ Западныхъ прекращается. Заселеніе (правильное) Новороссіи начала Екатерина по плану 1764 г. Марта 22. Это было поселеніе нѣсколько-казацкое, военное, по табели, участками отъ 26 до 30 дес. на человѣка. а земли для заселенія бери сколько хочешь, до 48 участковъ, а если свыше, то по заселеніи „вольно ему продать“.

По завоеваніи Крыма раздача и заселеніе земель начались, по распоряженію кн. Потемкина, въ огромныхъ размѣрахъ. Колонисты, изъ заграницы, переселенцы изъ внутреннихъ губерній, бѣглые и бродяги отовсюду притекали и занимали земли, захватывая у мурзъ и Татаръ, какъ адмиралъ Мордвиновъ, и въ наше время купцы Крымтаевъ и Лампси, отрѣзывали даже у колонистовъ, которые бѣгали, оставляя земли имъ данныя, не смотря на строгія мѣры правительства (въ 1811 г. № 24, 745) и для удовлетворенія которыхъ генералъ Инзовъ уже въ Іюлѣ 1818 г. (№ 27, 401) требовалъ землемѣровъ, и у крестьянъ казенныхъ, которые уже въ 1806 году не могли имѣть 15 десятинной пропорціи (указъ 1806 г. № 22090). Кн. Потемкинъ и мѣстныя власти раздали земель 7,652,425 десятинъ (въ томъ числѣ неудобной 625,425 дес.) съ тѣмъ, что, если владѣльцы въ теченіе 10 лѣтъ заселятъ ихъ по 30 десятинъ на душу, то получатъ документы на вѣчное и потомственное владѣніе землею, съ платежемъ въ казну по 5 денегъ ($2^1/_2$ коп. ассигнац. или $^3/_4$ к. серебромъ). Въ раздачѣ этихъ земель допускались большіе безпорядки, вызвавшіе доносъ императору Павлу одного изъ помѣщиковъ коллежскаго ассесора Чунихина. Строгій вотчинникъ, остановившій продажу земель (указъ 1797 г.) и установившій слѣдственное судопроизводство (указъ 1799), назначилъ ревизію управленія края, и сенаторы Кушелевъ и Алексѣевъ, въ 1800 г., нашли, что доносъ Чунихина, будто бы „изъ розданныхъ земель не заселено и третьей части, а прочими пользуются тамошніе жители, безъ всякихъ правъ, а паче судьи, долженствовавшіе имѣть о томъ наблюденіе“—не подтвердился. Изъ всѣхъ земель (7,600 тыс.) а) 4,378,75 десят. удобной и 474,654 дес. неудобной заселены 160,950 душами и платятъ $2^1/_2$ к. за десятину; б) незаселенныхъ, которымъ миновали льготные годы, но которыя оплачиваютъ $2^1/_2$ к. удобной 578,329 и неудобной 64,026 десятинъ, но владѣльцы имѣютъ въ другихъ мѣстахъ края заселенныя земли; и в) незаселенныхъ и послѣ льготныхъ лѣтъ и неоплачиваемыхъ земель: удобной 299,750 и неудобной 12,642 десятины. Объ этихъ 300 т. д. Новороссійское Губернское Правленіе представило (будто бы до доноса Чунихина) Сенату объ отобраніи ихъ въ казну. Наконецъ, земель, которымъ не миновали льготные годы, удобныхъ 1,558,930 и неудобныхъ 69,809 дес. отведенныхъ по рангамъ, на основаніи плана 1764 г., удобной 13,586 и неудобной 11 десятинъ. всемилостивѣйше пожаловано особыми указами: удобной 192,069 и неудобной 2,179, на которыхъ поселено 552 души.

Замѣчательно, что объ отобраніи 300 т. въ Министерствѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и должно полагать, что статья эта отнесена къ общему дѣлу о размежеваніи земель Новороссійскаго края. по прави-

ламъ, утвержденнымъ въ 1820 г. (27 Февраля), которое продолжается до сихъ поръ и разработывается властями во вредъ правительству и Татарскому населенію.

Третья раздача земель производилась между Днѣстромъ и Бугомъ съ 1792 г., и роздано ихъ (удобныхъ) 824,374 десят. на общихъ правилахъ, но и въ 1804 г. поселено тамъ было только 6,740 душъ, и правительство (31 Декабря № 21,581) вынуждено было, сверхъ прежняго 12 лѣтняго, назначить новый срокъ въ 4 года для заселенія въ 30 десят. пропорціи на человѣка, и предоставить право продавать земли правительству по 30 к. за десятину.

Четвертая раздача земель была въ Бессарабіи.

Послѣ такихъ (неудачныхъ) раздачъ начались разселенія, сопровождавшіяся еще бо̀льшими безпорядками. Такъ въ 1794 г. (указъ 28 Авг.) выведены изъ Таврической области въ Маріупольскій уѣздъ Греки, Грузины, Армяне и Волохи, и по сложеніи съ нихъ недоимки около 600 т. р. дано имъ земель по 30 дес. на человѣка (тогда какъ казеннымъ Русскимъ предоставлено только по 15 десят.), на основаніи грамоты 21 Мая 1779 г. съ платою, послѣ 10 льготныхъ лѣтъ, по 5 копѣекъ. Но порядокъ отвода былъ таковъ, что при докладѣ графовъ Паниныхъ значилось въ планахъ 1779 года 1,237,000 десятинъ, а въ 1817 г. (№ 26,863) только 669 т. десят.

Въ 1806 г. (11 Апрѣля, № 22,090) сдѣлано общее распредѣленіе земель Новор. края и по тремъ губерніямъ: Екатериносл. съ 105 т. казен. крестьянъ, Херсонской 69 т. и Таврическ. съ 24 т. душъ. Изъ всего количества земель, на 201 т. казен. крестьянъ числившихся, 3,704,073 десят. признано пустопорожнею, свободною (въ Екатерин. 140 тыс., въ Херсонск. 684 т. и Таврическ. 1,500,721 дес.) всего 2,324,741 дес., и она распредѣлена:

1. въ вѣдомство конторы колонистовъ . . . . 530 тыс. дес.
2. въ надѣлъ крестьянамъ . . . . . 92 „ „
3. для образованія особыхъ селеній. . . . . 517 „ „
4. для вольнаго скотоводства въ Таврич. губ. 727 „ „
и 5. для раздачи частнымъ лицамъ. . . . . 462 „ „ (въ Херсон. 258 т. и Тавр. 203 т. дес.).

Замѣчательно, что и при этомъ распредѣленіи по Екатеринославской губерніи уже не доставало въ 15 десятинную пропорцію надѣла 23 т. десятинъ.

Я сдѣлалъ эти краткія выписки изъ „Собранія Законовъ“ по случаю разсмотрѣнія дѣла о земляхъ, перешедшихъ изъ Новороссійскихъ въ Харьковскія, въ уѣздахъ Изюмскомъ и Зміевскомъ, при раскассированіи Екатеринославской губерніи въ 1797 г. Земель этихъ—оплат-

ныхъ—числится (165 т.) дес. и изъ нихъ, по удостовѣренію, 23 т. заселены вполнѣ, но когда, всѣ въ совокупности или отдѣльно по владѣнію, неизвѣстно. 67 т. заселены въ 15 десят. на человѣка пропорціи, 62 т. не заселены и не оплачиваются съ 1800 г., 11 т. не заселены и платятъ подать; 16 т. владѣются по купчимъ и не платятъ. Съ 1818 и особенно съ 1822 г. идутъ розыски, кому и когда розданы эти земли, и Казенная Палата въ 1818 и 1835 и Палата Г. Имуществъ 8 Сентября 1840 г. предполагали отобрать незаселенныя и неоплачиваемыя земли. Наконецъ Зміевскій судъ представилъ вѣдомость о 3 т. земляхъ помѣщика Замятнина, а Изюмскій, въ Декабрѣ 1846 г., доносилъ, что такихъ земель въ уѣздѣ вовсе нѣтъ.

Мы рѣшили, что такъ какъ плата прекратилась и не обжалована казною въ теченіе нѣсколькихъ земскихъ давностей, то прекратить всякіе розыски, снесясь съ Министерствомъ Финансовъ, чтобы избавить отъ платежа и 11 т. дес., если условія 780 ст. V. Т. Уст. о Подат. (NB требующей для освобожденія населенія въ 15 дес. пропорціи, вопреки приведенныхъ подъ этою статьею источниковъ) исполнены. Произволъ при обиліи земель въ раздачѣ ихъ великъ, и доносчикамъ Чунихинымъ пищи много; но для меня казалось важнѣе упрочить право владѣнія, прекратить безплодную вѣковую переписку и отрѣзать эту статью, разрабатываемую мелкимъ людомъ въ Русскихъ фискальныхъ видахъ.

*

Начались преобразовательныя разсмотрѣнія. Государь приказалъ до каникулъ (15 Іюня) окончить разсмотрѣніемъ проэктъ уѣздныхъ учрежденій. Крѣпостное дѣло, по колеѣ Ростовцова, идетъ и двигается.

Преобразованія финансовыя „Труды коммисіи“ встрѣчены журналами весьма неблагопріятно.

Цензура дѣлается строже, и статьи, и цѣлые отдѣлы исключаются съ объясненіемъ: не могли быть напечатаны по независящимъ отъ редакціи причинамъ. Говорятъ, Государь лично приказалъ предсѣдателю комптета въ Петербургѣ „смотрѣть попристальнѣе: журналы зазнались, и въ этомъ я виноватъ“.

Общества и особенно „Главное (желѣзныхъ дорогъ) обносятся самыми наглыми разоблаченіями. Биржа въ застоѣ. Курсъ ниже 370. Дѣла политическія еще хуже. Представитель Пьемонтской пропаганды, по примѣру Валькера, снарядилъ экспедицію въ Сицилію и пожалуй назовется „Президентъ Гарибальди“. Ляморисьеръ пожалуй изберется въ папы. Восточный вопросъ поднимается съ тяжелой руки министра князя Горчакова, и Турція посылаетъ на мѣста слѣдственныя коммисіи, чтобы удовлетворить требованію и отвести вмѣшательство.

Выходки Ганноверскаго министра Бирриса и сопротивленіе Даніи Союзу вызвали въ Германіи манифестаціи національной партіи. Въ Австріи министры умираютъ и рѣжутся. Въ Испаніи не удаются и слабые успѣхи династическихъ началъ. Венгрія, Сербія и соединенныя княжества готовы отстаивать самостоятельность окончательную.

Опять броженія. Надобно мнѣ описать эти этапы развитія демократическаго начала, подвигающагося къ тронамъ, церкви и собственности.

Общества умѣренности у насъ или умолкли, или изворотились, или достигли своей цѣли: пониженія откупщицкой цѣны. По свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ 7 № „Русскаго Вѣстника“, въ 30 Великороссійскихъ губерніяхъ, вмѣсто 16,503,533 ведеръ обязательной пропорціи, въ 1859 г. перебрано 19,838,225 ведеръ, такъ что за исключеніемъ Пермской (гдѣ былъ недоборъ 44,345 ведеръ на пропорціи въ 757 т. ведеръ) и Архангельской (гдѣ тоже не добрано 16,302 в. на пропорціи 121 т.), а также и Петербургской, гдѣ противъ назначенной пропорціи 1,819,300 ведеръ, ни перебора ни недобора не было, вездѣ пьянство усилилось, и процентъ увеличенія доходитъ, въ Ставропольской, до огромной цифры 111,74%, т. е. вмѣсто 427 т. выбрано 905 т. ведеръ, въ Оренбургской 51%, Самарской 48%, Воронежской 47, Псковской 26, Тамбовской 15, Московской 9, Смоленской 3. Трудно объяснить такое распредѣленіе переборовъ, но нельзя не замѣтить, что откупа идутъ хорошо и что при такомъ переборѣ откупщики, не требуя вознагражденія за огромныя надбавки на торгахъ, могли бы продавать вино лучшее и сходнѣе.

Въ Главный Комитетъ, минуя редакціонныя коммиссіи, внесенъ проэктъ уѣздныхъ учрежденій, проще: мѣстной полиціи. Это работа Николая Милютина, и разсмотрѣнія этого начала преобразованій ожидали какъ пробы воззрѣній Комитета на крестьянское дѣло, съ которымъ оно въ тѣсной связи. Ожиданіе было напряженно и предвѣстія неблагопріятны.

1. Распорядителемъ явился гр. Панинъ, и онъ не безъ умысла направилъ дѣло въ Комитетъ, минуя коммиссіи, куда оно назначено было еще въ Декабрѣ 1858 г. и гдѣ конечно большинство было бы въ пользу проэкта.—2. Недавно былъ обѣдъ депутатовъ второго призыва, и въ городѣ разнеслись слухи, что послѣ трехъ тостовъ: за свободолюбиваго Царя, за успѣхъ освобожденія крестьянъ и за споспѣшествующихъ помѣщиковъ, будто бы статсъ-секр. Булгаковъ предложилъ четвертый: въ память перваго эманципатора, Эмиліана Пугачева. 3. Поспѣшность разсмотрѣнія: Государь, въ концѣ Мая, приказалъ все кончить до 15 Іюня.—4. Извѣстія о бунтахъ или неповиновеніи крестьянъ въ восточныхъ губерніяхъ.—И 5, товарищъ министра вн. дѣлъ Милютинъ сломалъ себѣ руку.

Впечатлѣніе проэкта на членовъ было самое невыгодное. Комитетъ полагалъ отвергнуть en bloc. Но осторожные обдумались, и отвергая существенное, рѣшились разобрать и принять менѣе важное. Говорили о значительномъ увеличеніи должностныхъ лицъ, говорили о значительномъ расходѣ на жалованье (будто бы до 8 т. р.); но главная причина та, что проэктъ распространяетъ дѣйствіе мѣстныхъ полицій на всѣхъ безъ различія сословій. „Какъ! И на генераловъ, на архіереевъ и на простыхъ поселянъ?“ Это, столь обыкновенное, правило поразило, спутало и смяло нашихъ реформаторовъ, и возраженія генерала Муравьева (я въ нихъ не участвовалъ и даже не читалъ ихъ) и графа Панина (весьма умѣренныя), разославшаго заранѣе вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію, были приняты, не смотря на защищеніе зыбкаго графа Блудова и безотчетнаго и слабоватаго С. С. Ланскаго.

Начались толки и пересуды. Говорили, что проэктъ отложенъ, что Булгакову, подъ рукою, приказано выйти въ отставку, что вмѣсто дѣлопроизводителя, ст.-секр. Жуковскаго, назначенъ другой, ст.-секр. Черноглазовъ.

Общій говоръ такъ великъ и гласенъ, что явленіе реакціи едва ли не необходимо, и искусное воззваніе къ ней такими хитросплетеніями сдѣлано мастерски-предательски. Да; но кого же, во всемъ этомъ, обманываютъ? И почему такая вѣра въ долготерпѣніе? Что доказываетъ самая возможность такихъ дѣйствій?

Одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ государственныхъ людей (если не замѣчательнѣйшій) графъ Пав. Дм. Киселевъ есть живое доказательство тому, какъ трудно у насъ сдѣлать что нибудь полезное, простое, при самыхъ искреннихъ и чистыхъ желаніяхъ. Я не считаю существенною заслугою его образованіе управленія 1833 года. Управленіе это, стѣснивъ сельское населеніе напрасными формальностями, ослабило мірской элементъ (единственная форма управленія, возможная въ широкомъ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ) и, не опредѣливъ свойства земельнаго владѣнія, не могло способствовать развитію земледѣльческой дѣятельности. Оно огласило, оградило и умножило казенную собственность, но безъ особенной пользы, а напротивъ притязательною системою отысканія казеннаго достоянія колебало частную собственность и останавливало благодѣтельныя мѣры раздѣловъ и размежеваній. Я не считаю существенною заслугою и приращеніе доходовъ, ибо приращеніе это послѣдовало бы и по одному умноженію народонаселенія, даже въ большей степени, при подушной лично-оброчной подати; а заслуга кадастра, какъ попытка подоходной системы налоговъ, умаляется ошибками кадастраціи и введеніемъ въ оную промысловаго сбора, гибель-

наго для начинающагося развитія промысловъ въ селеніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію то, что при новомъ управленіи усилились сборы (общественный и мірскіе), и главная заслуга гр. Киселева заключается въ образованіи изъ этихъ сборовъ значительныхъ капиталовъ, которые при оставленіи гр. Киселевымъ министерства, въ Августѣ 1856 г., превышали 20 мил. руб. сер. Онъ копилъ и сберегалъ ихъ какъ собственность въ предупрежденіе самодержавныхъ распоряженій, высочайше перекрестилъ ихъ въ наименованія: общественные, крестьянскіе, солдатскіе и даже неприкосновенные, пріучивъ Государя и Государственный Совѣтъ смотрѣть на нихъ какъ на особые источники, предназначенные для особыхъ расходовъ, по особымъ, лично докладываемымъ смѣтамъ и представленіямъ.

Въ прошедшемъ Апрѣлѣ, по докладу Коммиссіи устройства кассоваго и ревизіоннаго порядка (ст.-секр. Татаринова) приказано капиталы эти (главнѣйшіе изъ нихъ) передать въ Министерство Финансовъ. Какъ ни вертѣлся генералъ Муравьевъ, отстаивая ихъ и правами сословными, и особыми назначеніями, неприкосновенностію, но деньги взяты и взяты, можетъ быть, именно потому, что ихъ отстаивалъ генералъ Муравьевъ, возбуждающій зависть своею министерскою расточительностію. При настоящемъ положеніи казначейства милліоны эти потонутъ въ самое короткое время. Что же останется заслугою гр. Киселева? Ошибка, важная ошибка—накопленіе непроизводительныхъ капиталовъ, самовластно изъятыхъ изъ производительнаго обращенія ихъ въ бѣдномъ населеніи (обобранномъ и обираемомъ, по началу попечительства въ тѣхъ видахъ, какъ повторяетъ генералъ Муравьевъ, чтобы крестьяне не пропили денегъ и не спились). Время укажетъ, что накопленные капиталы, вѣрные назначенію, могли бы быть употреблены съ дѣйствительною и бо́льшею пользою для крестьянъ. Я уже не говорю о томъ, что запутанное счетоводство по этимъ капиталамъ не дѣлаетъ чести контролю министерства. Я думаю, что придетъ время, когда историкъ, болѣе любознательный и пытливый, нежели тайн. сов. Калашниковъ, приступитъ къ изслѣдованію о сихъ капиталахъ и, съ трудомъ добравшись до нашего времени, не пойдетъ далѣе, потому что далѣе чертъ ногу переломитъ.

Остряки утверждаютъ, что Ростовцовъ убился, вопросъ остановился, Милютинъ разбился, а Булгаковъ проговорился. Но едва ли время теперь смѣяться. Многое предвѣщаетъ реакцію въ великомъ дѣлѣ, и по началу его, я думаю, никто не сомнѣвался въ этой реакціи. Такъ маячить нельзя. Въ Остзейскомъ клочкѣ освобожденіе въ ходу съ 1765 г. но и черезъ сто лѣтъ, по послѣднему положенію 1856 г., отчужденіе земель не возбуждалось ни на одномъ ландтагѣ, и дворян-

ство (кажется, особенно Курляндское) оспариваетъ свободное отчужденіе даже казенныхъ земель, которыя, для округленія управленія, предположено нашими Остзейскими директорами продать въ собственность. Эстляндскія имѣнія куплены всѣ дворянствомъ. Общее мнѣніе то, что графъ Панинъ затянетъ дѣло.

Наши иностранные министры, гр. Нессельроде и кн. Горчаковъ, поютъ общую Русскую пѣсню: авось, кое-какъ, безъ постоянства, безъ самостоятельности, безъ преданія. Гр. Нессельроде велъ нашу политику по пути консерватизма, съ признаніемъ совершающихся событій и законности, по Австрійскимъ толкованіямъ. Событія отняли у насъ берега и воды Чернаго моря и Аландскаго тока. Кн. Горчаковъ, хотя объявилъ (Сентября 2-го 1856), что Россія собирается съ мыслями, а между тѣмъ выдается и суется (20 Іюня 1860 г.), чтобы показать, что и мы живы. То онъ предложитъ конгрессъ, который, помазавъ по губамъ, не состоится, то, собравъ посланниковъ, предложитъ Европейское слѣдствіе въ Турціи о бѣдствіяхъ тамъ христіанъ, которыя достигли до невыносимаго состоянія. Это особаго рода логика. Если кн. Горчаковъ знаетъ (какъ трубятъ и Русскіе журналы), что бѣдствія такъ невыносимы, то слѣдствіе должно имѣть цѣлію не обнаруженіе уже обнаруженныхъ и такъ гласныхъ бѣдствій, а доказательства несостоятельности Турецкаго правительства. Разумѣется, предложеніе не примется. Оно не логично, односторонне и самоуправно. Вообще, по немногому мы опять втираемся въ чужія дѣла и особенно въ дѣла Турецкихъ Славянъ. Гр. Протасова и кн. Васильчикова дѣлаютъ постоянные сборы въ ихъ пользу въ Петербургѣ, гофмейстеръ Бахметевъ въ Москвѣ. Я не знаю, почему бы этимъ статсъ-дамамъ и гофмейстерамъ не обратить своего сострадательнаго содѣйствія нашему несчастному крестьянству. Если голова торговаго города Болхова (какъ пишетъ въ „Странникѣ“ протопопъ Остромысленскій) на вопросъ знаменитаго Макарія о символѣ вѣры отвѣчалъ: „этого, то есть, не знаемъ, а *вотчу* можемъ (вотча—„Отче нашъ“), то, и не нуждаясь въ указаніяхъ „Землед. Газеты“, „Журн. Сельск. Хозяйства“ (ст. Лашкарева) и „Сел. Благоустройства (пристрастныхъ Славянофиловъ), истинное доброжелательство найдетъ обширное поприще духовнаго назиданія такого невѣжественнаго класса, обрѣтающагося въ грязи и подъ опекою правительства и подъ опекою помѣщичьею, нищенствующаго и бродячаго, до 20 разъ призрѣваемаго столичными комитетами и пьянствующаго такъ, что мысль о воздержаніи прививается развѣ только у католическаго костела въ Вильнѣ и Ковнѣ. Зачѣмъ же ходить въ Боснію и Сербію?

Вчерась было общее собраніе главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Партія Русская разбита и потонула въ массѣ голосовъ нашихъ

и Парижскихъ Французовъ. Темные и раздражительные слухи ходятъ по городу. Бой былъ шумный, задорный и безтолковый. Члены совѣта Данзасъ, Абаза, кн. Оболенскій торжествуютъ. О Перейрѣ и Колиньонѣ этого сказать нельзя. Но какъ ни велико торжество Французской партіи, дѣло проиграно. Оно проиграно тѣмъ, что уже одни пренія на Французскомъ языкѣ возстановили Русскихъ, а пораженіе Русской оппозиціи, тогда какъ она per fas et nefas оглашала безпорядки и невѣжество управленія во всѣхъ журналахъ и газетахъ, озлобитъ еще болѣе молодую полемику, для отраженія которой нѣтъ равносильныхъ органовъ. Оно проиграно и тѣмъ, что линіи до Ѳеодосія и Либавы едвали могутъ быть окончены послѣ построекъ до Коломны и Риги и послѣ проэкта генер. Кербедза къ Одессѣ и особенно послѣ сосредоточенія капиталовъ въ 5% рентѣ. Г-да Перейры не согласятся рисковать въ предпріятіяхъ такого общества, акціонеры котораго не только забываютъ всякое приличіе, но готовы ругаться и драться, пожалуй.

Спрашивается теперь: достаточно-ли денегъ для окончанія дорогъ въ Нижній, Варшаву и къ Пруссіи? Нѣтъ. На чей счетъ принять расходы на изслѣдованіе линій, теперь оставляемыхъ? Я думаю, на счетъ правительства. Оно утвердило широкій статутъ 1857 г. Оно выпустило 5% билеты. Оно дурно обезпечило постройку сѣти, которая такъ важна, что (по крайней мѣрѣ на 10 лѣтъ) могла бы получить монополію. Ошибки были съ обѣихъ сторонъ и если потерпятъ предприниматели, то и правительство, государство и народъ очевидно обманутся въ своихъ ожиданіяхъ.

Бѣдному Колиньону (даровитому администратору) не позволили сказать слова. Бѣдный предсѣдатель, бар. Мейендорфъ уступилъ роль вице-президенту Абазѣ, который неловкою рѣчью и словомъ „недобросовѣстная полемика“ возбудилъ бурю криковъ. Кричать-то мы мастера! Говорили Ѳед. Устряловъ о подрядахъ безъ соревнованія и Воскобойниковъ о недостаткѣ техническихъ работъ; но говорили дурно. Говорятъ, что будто бы Перейра опирался на участіи въ 14 милл. своихъ капиталовъ, на возгласы о Русскихъ капиталахъ; но я знаю, что на всѣхъ биржахъ міра Русскій рубль стоитъ $^{14}/_{16}$. Дѣло, пожалуй, приметъ международный характеръ.

Не думаю, чтобы, нынѣшнее управленіе могло устоять долго и безъ вреда дѣлу; не думаю, чтобы новое могло быть ему болѣе полезно. Если въ этомъ обществѣ нѣтъ такихъ гадостей какъ въ другихъ, въ „Сельскомъ Хозяинѣ“, водопроводахъ и tutti quanti, то и въ немъ, какъ въ другихъ, образовались личныя партіи, вплелись мелочныя притязанія, люди перессорились, перебранились и распротестовались, такъ что „все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно“.

А грустно особенно современнику Русскому. Думали ли, при общемъ одобреніи въ началѣ 1857 г., что дѣло пойдетъ такъ, и что въ самомъ непродолжительномъ времени великое предпріятіе потребуетъ новыхъ великихъ привилегій? Я такъ думалъ и думаю. Я находилъ и нахожу, 1, что все дѣло слѣдовало держать правительству и отдавать по частямъ; 2, что дѣлу не должно придавать международный характеръ, для насъ невыгодный, и 3, что продолжать его слѣдовало медленнѣе, дабы не возвысить цѣнности и дать время выразиться способамъ и требованіямъ.

*

Князь Дмитрій Оболенскій, братъ извѣстнаго Евгенія, въ 1828 году за какую-то шалость выписанъ изъ Пажескаго корпуса въ рядовые и послѣ разныхъ Финляндскихъ скитаній, въ 1830 годахъ, пріѣхалъ въ Москву, сошелся и подружился со мною, тогда честнымъ студентомъ. Въ 1834 г. онъ женился на бѣдной дворяночкѣ, Александрѣ Аѳремовой и послѣ чужекрайной поѣздки въ 1839 г. у нихъ родилась дочь, моя настоящая гостья, Варвара. Въ 1841 я въ первый разъ увидѣлъ этого ребенка, смугляночку, не по лѣтамъ умную, не по лѣтамъ болтливую и сосредоточивавшую на себѣ всю нѣжность семейства, особенно отца, человѣка въ высшей степени добраго и мягкаго. Онъ проживалъ тогда послѣднее состояніе и довольно терпѣливо слышалъ, какъ бойкій ребенокъ, со словъ матери, называлъ его fanfaron. Ребенокъ не говорилъ иначе какъ пофранцузски. Черезъ пять лѣтъ, въ Іюлѣ 1846 г. я пробылъ сутки въ имѣніи Жадочъ и нашелъ Варю семи лѣтъ. Она мнѣ нравилась по своей естественности и еще потому, что, не смотря на вниманіе всѣхъ ко мнѣ, семилѣтнее дитя совершенно мною не занималось. Я гулялъ съ нею, говорилъ объ урокахъ и ловилъ рыбу. Послѣ я не видѣлъ ея, хотя очень хорошо помнилъ и упоминалъ часто въ перепискѣ съ отцомъ, вслѣдствіе разговоровъ моихъ съ нимъ въ Петербургѣ, въ 1848 г., когда я жилъ на Садовой, въ домѣ Мюнстера (противъ сада Юсупова). Наконецъ я увидѣлъ Варю въ Августѣ 1857-го года въ Тулѣ. Это была дѣвушка во всемъ цвѣту. Она походила на отца и тетку Наталью, очень граціозна, съ свѣтскою выдержкою, и взглядъ на нее перенесъ меня въ 1830 годъ, когда отецъ былъ моимъ товарищемъ, а тетка героинею. Я пріѣхалъ въ Тулу изъ Калуги и былъ уполномоченъ княгинею Натальею принять участіе въ семействѣ, которое, послѣ смерти отца, въ 1855 г., было ограничено самыми небольшими средствами. Поѣздку 1857 г. я дѣлалъ для развлеченія послѣ смерти Саши, и настроеніе моего духа, особенно послѣ говѣнья въ Оптиной пустынѣ, было религіозное, мечтательное, насколько я способенъ при моей положительности. Сблизясь съ семействомъ, подъ этимъ вліяніемъ грусти и прошедшаго, я долго вглядывался въ эту

новую Наташу, сравнивалъ ее съ кузинами, припоминалъ разговоры отца ея, въ проѣзды мои черезъ Тулу въ 1846—1856 годы, и во мнѣ родилось искреннее, живѣйшее участіе къ интересной Варичкѣ, и я не знаю, видѣла ли она, чувствовала ли она, когда въ избыткѣ этого участія я бралъ ее за руку и цѣловалъ въ лобикъ. Если бы пребываніе мое продолжилось, и я узналъ покороче это сердце и эту головку, нѣтъ сомнѣнія, что я готовъ былъ назвать ее дочерью и со всею искренностію доброжелательства заняться ея воспитаніемъ, помочь дѣломъ и словомъ и выиграть ея довѣріе. Главное я находилъ, что она не получила солиднаго образованія и что самое воспитаніе ея совершается въ средѣ мелочей, близорукихъ и тѣсныхъ требованій. Я не замѣтилъ въ ней и тѣни кокетства или провинціальнаго интересничества. Она говорила мало, всегда скромно и умно, подавалась на совѣты, соглашалась учиться, просила дозволить ей читать нѣкоторыя повѣсти, занималась живописью, жила уединенно, любимая матерью и родными. Мнѣ она очень понравилась, и я полюбилъ ее какъ милую родную. Потомъ разъ, два и болѣе мы видѣлись каждый годъ проѣздомъ черезъ Тулу съ Рябинки. Особенно понравилась она женѣ и шурину моему въ послѣдній проѣздъ нашъ черезъ Тулу въ Августѣ 1859 г., и я признаюсь, едва-ли сердце отца порадовалось бы болѣе моего этому прекрасному впечатлѣнію молодой дѣвушки на людей мнѣ близкихъ, уважительныхъ и знающихъ свѣтъ. Съ Іюня эта милая Варя со мною. Я опредѣлилъ ея положеніе ко мнѣ, какъ племянницы къ дядѣ, стараясь сблизиться съ нею до фамиліярности ближайшаго родственника и до нѣжнаго участія преданнаго друга. Она пробыла у насъ до 21 Августа, и я хочу дать отчетъ о ней и записать для памяти и повѣрки. Она очень умна, находчива, уживчива и способна. Но это уже не ребенокъ, и развитіе ея окончательно выразилось во вкусахъ, привычкахъ и стремленіяхъ. Огромная начитанность новѣйшихъ Русскихъ повѣстей (Тургеневъ и гр. Л. Толстой ея идеалы) препятствуетъ впечатлѣнію всякаго серьезнаго чтенія, и эта умненькая головка не признаетъ никакой другой мудрости кромѣ повѣстей, стиховъ Лермонтова и проч. и критики Бѣлинскаго. Говорить, спорить, болтать—страсть ея. Она неистощима и безъ устали. Она не любитъ женщинъ и особенно писательницъ и всегда говоритъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ заранѣе принятыхъ понятій своихъ писателей. Она занималась и музыкой и рисованьемъ, но и самое качество любительницы доходитъ у нея до предпочтенія общеизвѣстныхъ отрывковъ изъ оперъ, романовъ и пѣсень. Особенно она любитъ небольшой кружокъ молодыхъ друзей, мясной столъ и раза три-четыре въ день крѣпкій чай. Провинціализмъ со всѣми его увлеченіями отразился на ней вполнѣ. Поразительны

мнѣ въ ней три черты: нелюбовь къ Тулѣ. Она въ началѣ Іюня уже открыто говорила, какъ непріятно ей будетъ туда возвратиться; я думаю, что молодая дѣвушка чѣмъ нибудь себя компрометировала. Потомъ: безцеремонность, съ которою она принимаетъ подарки. Она къ нимъ привыкла до того, что̀ все что она имѣетъ, подарено ей. Третіе, по моему мнѣнію, важнѣйшее, это, какъ говоритъ ей мать и какъ раза три говорила сама она, недостатокъ сердца, недостатокъ участія, теплой любви и религіознаго чувства. Вотъ почему я со страхомъ смотрю на будущность этой милой дѣвушки и не вижу залоговъ счастія. 28 Іюня я долго говорилъ съ ней объ этомъ, когда изъ многократныхъ разговоровъ получилъ убѣжденіе, что въ Тулѣ и Калугѣ, съ кузиной Туту и теткою Варварою Самсоновною, онѣ постоянно заняты влюбленіями, живописными позами и жестами и стишками, и въ виду незавидной будущности предложилъ ей опору моей дружбы, помощь искренней преданности семейству, которому я такъ много обязанъ. Молю Бога, чтобы это предложеніе ограничилось одною благодарностію и чтобы опасенія мои были опровергнуты до очевидности. Я первый этому порадуюсь. 21 Августа.

*

Министръ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, по обыкновенію, принималъ насъ и съ восторгомъ выражалъ впечатлѣнія утонченной образованности Запада, о нашей отсталости, о возможности примѣненія чужихъ успѣховъ къ нашимъ нуждамъ, о бездѣйствіи нашего правительства въ послѣднія 30 лѣтъ. Особенно распространялся онъ о контрметрахъ, для водворенія у насъ ремесленныхъ школъ, изученіе которыхъ поручено имъ г. Булычеву, о геодезическихъ сѣткахъ и картографіи и пр. Я рѣдко видѣлъ человѣка, который, будучи наименѣе всего поэтомъ, увлекался и обольщался бы такъ легко, какъ генералъ Муравьевъ, желающій образованности и не терпящій основныхъ началъ и условій ея. Я полагаю, что это не увлеченіе, а отвлеченіе, маска, ложь.

*

Крѣпостное дѣло подвигается. Въ концѣ Сентября оно будетъ внесено въ Главный Комитетъ. Я предвижу три препятствія для его успѣха.

1. Мнѣніе, рвеніе Русское въ этомъ дѣлѣ гадательной необходимости поостыло и встрѣтилось, по крайнѣй мѣрѣ равнодушнѣе съ реакціей, въ которой нѣтъ недостатка, которая уже показала и показываетъ себя въ Полицейскомъ Уставѣ и разныхъ полумѣрахъ.

2. Политическія событія отвлекаютъ Государя и правительство и могутъ отвлечь и наши бѣдные финансы, которыя, очертя голову, берутъ на себя всѣ возможныя гарантіи и безъ которыхъ дѣло освобожденія не разрѣшится.

и 3. Самое производство этого дѣла. Я обозрѣлъ его (и послѣднюю книгу, финансовой коммисіи, о выкупѣ). Я долженъ подтвердить то мнѣніе, что централизація всегда проводитъ бюрократовъ, хотя бы въ ней засѣдали и свѣжія головы, Самарины, Черкасскіе, Галаганы и пр.; формализмъ и техника берутъ свое, и общія идеи невольно укладываются въ обрядныя статьи, таблицы. Редакторы довели свои работы до схоластическихъ мелочей, и великая мѣра затрудняется подробностями. Существенные вопросы о надѣлѣ и выкупѣ развиты такъ неясно или такъ недостаточно, что для приложенія данныхъ правилъ необходимы инструкторы.

Главная ошибка столоначальниковъ редакціонныхъ коммисій заключается въ томъ, что они многаго, гораздо болѣе должнаго, ожидаютъ отъ регламентаціи. Она у нихъ на каждомъ шагу. Эта регламентація оппозиціи нашихъ акціонерныхъ обществъ остановила преуспѣяніе большей части ихъ, какъ она же препятствуетъ возникновенію земскихъ банковъ и всегда и во всемъ радикально поперечитъ началу, такъ громко высказываемому на словахъ, началу автономіи.

Другая ошибка регламентаторовъ состоитъ въ томъ, что, имѣя дѣло съ живымъ существомъ, они трактуютъ о немъ, какъ о тарифѣ въ молодой торговлѣ или о таксѣ въ нужное время, постановляя сроки, періоды, изъятія, пріоритеты и т. п. и забывая здѣсь, въ самой высшей степени, что законъ общенія или солидарности долженъ имѣть первое мѣсто.

Наконецъ, третья ихъ ошибка—это, если можно такъ выразиться, литературная обработка дѣла, на которомъ нельзя не замѣтить явныхъ слѣдовъ вліянія и при томъ преобладающаго вліянія, тереотиковъ, журналистовъ, писателей, напористо ополчающихся противъ комитетовъ и депутатовъ, часто нераціональныхъ, часто малограмотныхъ, но исполненныхъ своекорыстной предусмотрительности, мѣстнаго знанія и практическаго смысла.

Если предсѣдатель графъ Панинъ не задумываетъ обойти вопросъ дипломатически и убить опутавшее его большинство въ коммисіяхъ, то, зная гр. Панина, я удивляюсь вліянію современной торопливости на его тористскій характеръ и увлеченію его въ литераторскія умозрѣнія, научныя подраздѣленія и незрѣлыя канцелярскія работы. Онъ не думаетъ быть первымъ министромъ, и безъ внѣшняго толчка нельзя ожидать, чтобы наши министры искренно не думали о рѣшительныхъ реформахъ. Легко принимать гарантіи, какъ наканунѣ банкротства, еще неважное дѣло.

Настоящее время прогресса и гласности, самообольщеній и надуваній замѣчательно для меня и въ другомъ, или лучше, въ третьемъ

отношеніи. Отъ новаго Государя, особенно при извѣстной добротѣ его, и послѣ манифеста 26 Августа ожидали такъ много, поворотъ журнальныхъ идей, при ограниченіи цензоровъ, и желательныя измѣненія въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ были такъ незапны, что убѣжденія и привычки не успѣли выровняться и, столкнувшись съ новыми порядками, выразились въ невольномъ раздраженіи, дикими поступками, увлеченіями и уклоненіями, которыхъ не могло бы быть при нормальномъ состояніи общества. Это не дѣлаетъ чести и славы нашимъ правителямъ, но они сами такъ были огорошены манифестомъ 26 Августа и рескриптами 20 Ноября 1857 г., что не отойдутъ до сихъ поръ и никогда не могутъ быть искренними и потому полезными служителями новаго времени.

Любопытно бы было собрать всѣ соблазны и отвращеніе возбуждающія продѣлки нашихъ спекуляторовъ, но не менѣе любопытны и тѣ случаи, которые оскорбляютъ молодыя ожиданія и уже теперь рѣзко бросаются въ глаза, покрайней мѣрѣ намъ, западникамъ и литераторамъ.

*

Умеръ нашъ комикъ Мартыновъ. По Русской охотливости изъ него хотѣли сдѣлать великаго артиста. Я видѣлъ его много разъ и хотя видѣлъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ, но не считалъ его великимъ. Ему недоставало существеннаго: наружности и голоса. Онъ часто бросался въ пошлости, фарсъ и, пріучивъ насъ къ нимъ, представлялся очень смутно въ роляхъ серьезныхъ, за которыя онъ взялся въ послѣднее время. Замѣчательный талантъ этотъ развился бы прекрасно, если бы онъ вышелъ не изъ среды, почти лакейской, если бы онъ получилъ болѣе солидное образованіе, а не перепрыгивалъ изъ декораторовъ въ танцоры, изъ танцоровъ въ фарсёры и если бы наконецъ усиленный голосъ похвалъ не удалилъ его отъ серьезнаго изученія искусства, которому онъ могъ служить съ отличною славою. Бѣдность и положеніе Русскаго актера давили его, а толпа и обѣды и заздравные стихи и пѣсни не могли привести его къ тому положенію, въ которомъ актеръ понимаетъ высокое свое достоинство и не смотритъ сучкомъ въ порядочномъ обществѣ. Говорятъ, онъ пилъ. Похороненъ съ шумомъ. Говорятъ, онъ оставилъ семейство въ бѣдности. Дочь его уже дебютировала*).

---

*) Встрѣча Мартынова въ Москвѣ на желѣзной дорогѣ и похороны его 13 Сентября были тріумфальны. Я вижу въ этомъ явленіи два важныя стремленія: усиливающуюся гласность газетъ, по обольщеніямъ которой собрался этотъ народъ, хотя и городовые отвѣчали: хоронятъ генерала Мартынова, и исканіе личностей въ нашемъ общинномъ государствѣ, національныхъ людей въ нашей землѣ, гдѣ все принадлежитъ

Этапы новаго права слышатся все ближе и ближе. Династическое начало едва осмѣливается возвысить голосъ. Самая законность ищетъ опоры въ согласіи и признаніи. Францискъ II оставилъ королевство, оставленный всѣми; Наполеонъ не посмѣлъ настаивать на обѣщанное имъ возстановленіе законныхъ герцоговъ, Неаполь и папа падаютъ при совершенно хладнокровной страдательности Австріи. Гарибальди идетъ и входитъ по заранѣе обнародованной программѣ, становясь загадкою не только для Франціи, отобравшей его родную Савойю, но и для Сардиніи, стоящей во главѣ новаго права. Англія несомнѣнно и громко, Германія органомъ своего національнаго союза въ Кобургѣ, выражаютъ ему сочувствіе. Цари и государи съѣзжаются въ Баденѣ, Вирцбургѣ, Теплицѣ. Теперь слабѣющему началу нужна крѣпкая помощь Россіи и Государя. Съѣзжаются въ Варшавѣ. На престолѣ Русскомъ теперь не Николай, это правда; но и съ либеральными начинаніями Русскій царь и самъ Русскій народъ, не соединенный съ Европою ни образованностію, ни преданіями, еще долго будутъ въ глазахъ западныхъ національностей символомъ матеріальной силы, произвола и своекорыстія. Съѣздъ Варшавскій повредитъ династическому началу болѣе, нежели завоеваніе Венеціи.

Европейскія дѣла принимаютъ такой оборотъ, что испуганные короли не видятъ конца разлитію новыхъ началъ, представители которыхъ съѣхались и окружили Гарибальди въ Неаполѣ. Народное начало такъ говоритъ громко, что не даетъ спать не только въ Вѣнѣ, но и въ Парижѣ. Оно поступаетъ такъ увѣренно, что назначаетъ дни переходовъ и освобожденіе Савойи и Венеціи. Созрѣло ли это начало до такого могущества, сомнѣваюсь; но думаю, что этотъ громъ и эта увѣренность зашли слишкомъ далеко и поспѣшно и повредятъ успѣху, даже въ самой Италіи. Окруженный разнохарактерными Мадзини, Кошутъ, В. Гюго, Ледри-Роллень, Шварцъ и проч. и проч. управится-ли Гарибальди съ ихъ разногласіями, особенно въ присутствіи согласныхъ между собою, въ дни общей опасности, государей, къ которымъ по необходимости присоединяется и le roi galant homme. Столкновеніе двухъ началъ неизбѣжно и если побѣдитъ монархическое, сила и достоинство народнаго возвысятся уже и тѣмъ, что оно рѣшилось съ такимъ противникомъ столкнуться. За побѣдой послѣдуетъ реакція, она еще сообщитъ внутренней силы и внѣшняго развитія

хану. Это водвореніе гласности и начатки общественнаго участія есть заслуга современныхъ литераторовъ, и конечно много смѣлости нужно, чтобы противупоставить имъ Николаевскіе запреты въ виду Европейскаго развитія, но тѣмъ не менѣе заслуга несомнѣнна и достохвальна.

побѣжденнымъ, и при новомъ столкновеніи (не отдаленномъ) народное начало возметъ верхъ окончательно.

Мы, совершенно чуждые созрѣвшимъ партіямъ западныхъ народовъ, мы, во всѣхъ нашихъ журналахъ и газетахъ (во всѣхъ) принимаемъ и выражаемъ живѣйшее участіе къ Гарибальди и его успѣхамъ. Непонимаю, какъ правительство не хочетъ видѣть въ этой аномаліи вопіющаго противорѣчія существующему порядку и какъ наши консерваторы (они у насъ есть) не подумаютъ основать свой органъ, хоть въ родѣ „Землевладѣльцевъ“ Желтухина. Говорятъ, была попытка, по программѣ Тимашева и Адлерберга, но не состоялась: доказательство, что воцаряющееся народное начало ослабляетъ самыя убѣжденія, съ нимъ невмѣстныя. Если присоединить къ этимъ соображеніямъ столкновенія на Востокѣ и довольно равнодушную помощь соревнующихся троновъ избиваемымъ христіанамъ, то мы найдемъ объясненіе развѣ только въ матеріализмѣ вѣка, подмывающемъ и собственность, и семейство, и индивидуальное достоинство. Но счастливы мы, живя въ этомъ вѣкѣ и благодаримъ Бога за честь пріобщенія насъ къ совершающимся событіямъ, въ которыхъ проявляется все таже великая, вѣковѣчная истина Божія. Amen.

*

Мы думаемъ преобразовать лѣсную стражу. Расхищеніе лѣсовъ производится систематически. Внесенный ко мнѣ проэктъ, составленный довольно жалко, какъ почти всѣ работы ослабленнаго новобранцами нашего управленія, предполагаетъ учредить стражей и объѣздчиковъ съ жалованьемъ или доходомъ отъ земельнаго надѣла, первымъ отъ 50 до 75, а вторымъ отъ 100 до 120 рублей и съ усадьбой. Я нахожу, что Курляндская система эта могла бы быть примѣнена у насъ къ офицерамъ и кондукторамъ, но при значительной числительности корпуса стражей надѣлъ ихъ такими большими участками будетъ разорителенъ и дастъ поводы къ злоупотребленіямъ. Самый размѣръ малъ: что̀ за обезпеченіе 50 и даже 120 р.? При разсмотрѣніи дѣла мнѣ удалось провести эту мысль, что стражники не должны считаться военными и что они, какъ служащіе, должны быть изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній за проступки и имѣть надежду хотя на небольшой пансіонъ. Министръ, по предварительнымъ объясненіямъ, не раздѣляетъ этого воззрѣнія. Я считаю главною порчею у насъ эполеты: эта фронтовщина все сводитъ къ дисциплинѣ, къ пассивному повиновенію и всякой терпимости. Я надѣюсь отстоять эти начала и думаю, что они возвысятъ значеніе стражниковъ, которые нынѣ имѣютъ положеніе деньщиковъ у лѣсничихъ. Но боюсь, что генералъ Муравьевъ, и согласясь, не рѣшится приступить серьезно къ исполненію этого. Я замѣ-

чаю, что съ нѣкотораго времени онъ все останавливаетъ и, будучи сытъ и даже пресыщенъ, довольствуется докладомъ Государю, что подати и сборы возвышены, поступаютъ исправно и улучшеніе управленія несомнѣнно. Бѣдный Государь всему вѣритъ и какъ напуганный со всѣмъ соглашается. Это положеніе всѣхъ реформаторовъ, увлекаемыхъ вѣкомъ.

Въ Рязанской губерніи, 23 Сентября, умеръ извѣстный Славянофилъ и замѣчательный литераторъ А. С. Хомяковъ. Если бы онъ скончался въ Москвѣ, его похоронили бы какъ національнаго человѣка, какъ Гоголя и Грановскаго. Это дѣйствительно былъ замѣчательный любитель наукъ, поэтъ и собесѣдникъ Московскій. Его погубили многообразіе занятій и исключительность направленія. Онъ во всемъ желалъ казаться мастеромъ, техникомъ, спеціалистомъ и всегда старался стать на свою точку зрѣнія. Для свѣта богословскія, историческія и даже хозяйственныя свѣдѣнія его были поразительны. Имъ удивлялся и энциклопедическій министръ гр. Блудовъ. Изъ сочиненій его „Ермакъ“ и „Дмитрій Самозванецъ“ замѣчательны своею историческою невѣрностію, Германской идеализаціей. Мелкія стихотворенія его, по мысли, по глубинѣ и блеску, впрочемъ, превосходны. Въ послѣднее время, въ статьяхъ и рѣчахъ, онъ пустился въ полемику и публицистику, и онѣ ему не удались. Ему недоставало возвышенности спокойнаго созерцанія, безъ котораго нѣтъ безпристрастія и довѣрія. Пристрастіе его сдѣлало изъ воскресшаго „Общества любителей Россійской словесности“ какую-то ложу единомышленныхъ Славянофиловъ. Но онъ былъ прекрасный человѣкъ, какъ семьянинъ и пріятель. Я видывался съ нимъ въ 1850 г. у А. Е. Шиповой и М. П. Погодина. Мнѣ не понравился онъ безусловнымъ порицаніемъ Европейскихъ заимствованій и всѣхъ дѣйствій правительства, о которыхъ онъ не имѣлъ даже приблизительно точныхъ свѣдѣній. Вообще онъ былъ діалектомъ и отличался отрицательнымъ умомъ, въ чемъ соперникомъ ему въ Москвѣ, между многими, былъ Чаадаевъ. Какъ матка Славянофиловъ и полигисторъ, Хомяковъ былъ одною изъ замѣчательностей нашей древней столицы. Надобно ожидать изданія полнаго собранія его сочиненій. Они будутъ поразительны своимъ разнобразіемъ и отрывочностію.

Сегодня я былъ на выставкѣ Вольнаго Экономическаго Общества, которая расположена въ Михайловскомъ манежѣ, съ его задними дворами. Такъ какъ эта выставка должна быть Русскою—преимущественно сельско-хозяйственною,—то въ Петербургѣ, въ Октябрѣ, она превратилась въ какое жалкое, худенькое Европейское собраніе, въ которомъ главную роль играютъ машины, выписанныя нашимъ министерствомъ и доставленныя Англичанами и Французами. Для публики играетъ

оркестръ музыки. Порядочно темно, сыро и даже грязно. Я еще раза два посѣщу ее для ближайшаго ознакомленія, а теперь записываю только непріятное впечатлѣніе, которому впрочемъ много способствовали толки, программы, комитеты и раззорительные расходы министерства. На двѣ преміи (есть что поощрять!) министерство ассигновало 20 т. р.: мало, для поощренія сельскаго хозяйства въ Россіи, но непомѣрно много для бѣдной выставки Михайловскаго манежа. Но должно замѣтить, есть экземпляры произведеній достойные большаго вниманія.

Государь, отправляясь на Бѣловежскія охоты и Варшавское свиданіе, приказалъ гр. Панину внести 10 Октября въ главный комитетъ крестьянское положеніе, составленное редакціонными коммисіями. И такъ дѣло двигается.

Читаю я Записки И. В. Лопухина, во 2 ч. Чтеній Москов. Общ. Истор. 1860 г. Любопытный документъ. И это былъ лучшій, благороднѣйшій и образованнѣйшій членъ знаменитаго общества, Овидій между Скиѳами; а между тѣмъ, устраните масонскія воззрѣнія, цѣликомъ взятыя съ Французскаго, какое младенчество понятій, знаній и— самыхъ желаній! Какой недостатокъ самостоятельности Русской даже въ виду этого Татарскаго порядка графовъ Брюсовъ, кн. Прозоровскаго, могущественнаго брадобрѣя Кутайсова, сыщика Шешковскаго и ловкаго взяточника Безбородки и многихъ. Но двѣ строчки Лопухина заставляютъ любить Репнина. Хотя я его знаю по прежнимъ источникамъ и особенно по Запискамъ гр. Я. Е. Сиверса, но мнѣ хотѣлось бы поближе узнать этого друга, дружбою котораго благородный человѣкъ хотѣлъ прославиться въ человѣчествѣ.

Слушая отчетъ объ Уваровскихъ наградахъ за лучшія драматическія произведенія, невольно подумаешь, что академія наша намѣрена отказаться отъ всякихъ теорій à priori и à posteriori и идти за хвостомъ Александринскаго театра.

Упадокъ ученаго достоинства, правда, немного педантическаго, нашего ученаго сословія, со времени Русскаго его направленія при гр. Блудовѣ и секретарѣ Веселовскомъ, весьма ощутителенъ, особенно въ лицѣ послѣдняго, какъ главнаго его представителя. И Фуссъ и Миддендорфъ были не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, но Веселовскій не имѣетъ за себя даже и правъ спеціальности.

Justitia конечно не должна быть ни теоретическою, ни (увы!) Евангельскою истиною. Дѣйствительность имѣетъ свои верховныя права. Политика уже довольно вліятельна на законодательство; если же она будетъ втираться и въ правосудіе, гдѣ будетъ истина юридическая, третья истина послѣ Откровенія и математики, и гдѣ огражденіе права и обязанности? Читая преміи Нѣмецкихъ юристовъ на

Берлинскомъ съѣздѣ, выслушивая даже Римское предложеніе Левальда, практика, опытъ дрожатъ за эту истину и это огражденіе. Требованія лучшихъ людей еще не доказываютъ нужды многихъ и всѣхъ, и въ увлеченіяхъ доктринъ и партій она, эта практика, не можетъ искать ручательствъ по крайней мѣрѣ того сноснаго безпорядка, который именуется современнымъ порядкомъ.

Сидя эти два дня дома, я прочелъ, между прочимъ, романы г-жи Кохановской, автора „Послѣ обѣда“, „Изъ портретной галлереи“ и „Гайки“. Эта талантливая писательница имѣла большой успѣхъ, и дѣйствительно описанія положеній и картинъ а иногда и типовъ, замѣчательны по ширинѣ, наблюдательности и мѣткости разсказа. Видна какая-то незрѣлость въ преувеличеніи, нерѣдко изъисканность положенія, но кисть ложится смѣло, колориты богаты, и отгѣнки, покрайней мѣрѣ въ частностяхъ, нерѣдко поразительно вѣрны. Она любитъ природу, преимущественно степи, любитъ патріархальный бытъ въ противорѣчіи со втирающеюся образованностію и Русскую могучую натуру въ хорошихъ ея проявленіяхъ. У г-жи Кохановской принципы, тенденціи, даже характеры едва замѣтны, самое развитіе событій торопливо, и нѣтъ-нѣтъ да и вернетъ скачкомъ или перемежится описаніемъ. Разговоръ всегда естественъ, но болѣе по тону, по говору, по выраженію; дѣйствіе слабо. Картины всегда прекрасны, языкъ вообще чистъ, хотя обороты оригинальны, и читается легко. Мужчины у нея всегда лучше женщинъ, довольно безцвѣтныхъ; мужчины молодцы, удальцы. Въ послѣдней повѣсти о Гайкѣ замѣтно какое-то вліяніе Тургенева и въ свободѣ Мины есть что-то отъ Елены, а въ паниводшѣ—бабушки-Лизы. Молодцоватые типы какъ-то напоминаютъ прошлое время, и сочетаніе этихъ наѣздниковъ съ новыми Бѣлорусскими имѣетъ свою долю интереса. Нѣтъ сомнѣнія, что г-жа Кохановская молодая женщина и что, при изученіи и зрѣлости мысли и навыка, талантъ ея обѣщаетъ усовершенствоваться и подаритъ насъ еще лучшими произведеніями.

Только и слышишь: Государыня-мать умираетъ, Государь застрѣлилъ въ Бѣловѣжѣ пять зубрей, Викторъ-Эммануилъ вступилъ въ Неаполь, крѣпостной вопросъ вступаетъ въ главный комитетъ и, думаютъ, выдержитъ осадное положеніе. Цари съѣзжаются въ Кобленцѣ и Варшавѣ, Австрія даетъ конституцію. Какія событія! А важнѣе всего для меня слова манифеста Неаполитанскаго короля: ma politique ne sera peut être pas inutile pour reconcilier en Europe le progrès des peuples avec la stabilité des monarchies. Такъ-ли это, вотъ вопросъ, а не слѣдуетъ ли вмѣсто monarchie сказать unité, а вмѣсто stabilité—opportunité. Удивляюсь какъ примѣръ Англіи не убѣдитъ царей (народы уже убѣж-

дены) что личность правительства умаляетъ власть и что постоянство основывается на необходимости, а необходимость на пользѣ, выражаемой поголовными цифрами.

Утвердится-ли Австрійская монархія съ своимъ представительнымъ совѣтомъ и самоуправленіемъ провинцій? Зачѣмъ государи ждутъ необходимости, чтобы подчиниться контролю, когда дѣла дошли до крайности? Мы поступимъ также.

Между тѣмъ какъ въ нашемъ крѣпостномъ дѣлѣ элементы законности и самоуправленія играютъ такую важную роль, какую едвали и либеральный Киселевъ рѣшался ввести въ крестьянахъ казенныхъ, въ управленіи этими крестьянами много указаній, которыя, по крайней мѣрѣ, не подтверждаютъ стремленія нашихъ редакціонныхъ реформаторовъ. Въ отношеніи самоуправленія я говорилъ о колоніи потомковъ Сусанина, которымъ Николай I далъ автономію, утвержденную совершеннымъ устраненіемъ полиціи и губернскаго управленія. Колонія эта въ такомъ упадкѣ, что едвали для спасенія ея не нужно усилить надъ ними власть станового пристава.

Не менѣе поучительное явленіе представляютъ половники. Вскорѣ по учрежденіи М-ва Имуществъ гр. Киселевъ приступилъ къ устройству и этого движимаго имущества, пребывавшаго въ батрачествѣ у помѣщиковъ изъ половины прибыли, и 10 Апрѣля 1840 г. издано положеніе о переселеніи ихъ, какъ вольныхъ людей, на казенныя земли, съ разными пособіями и льготами, и утверждены обязательныя для помѣщиковъ условія, на которыхъ половники могли оставаться въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Половниковъ, по 9 ревизіи, считалось (1517 семействъ), 5570 человѣкъ (у Кеппена показано только 3217), и на нихъ болѣе 40 т. недоимки въ подушной и земской подати, хотя послѣдняя къ нимъ вовсе не относится. Мѣра переселенія и законности отношеній по формальнымъ условіямъ совершенно не удалась. Такъ какъ препятствіемъ признавалась недоимка, то 1 Іюля 1845 г. вся недоимка сложена. Но и за симъ, не смотря на пособія деньгами, скотомъ и лѣсомъ и на льготы, переселеніе удалось едва въ половину, и по отчетамъ, черезъ 15 лѣтъ, показано переселенными 2291 душа. Такъ трудно устраивать сельскихъ обитателей, и едва ли казна и половники выиграли отъ этой мѣры, конечно добровольной, но данной правительствомъ, вліяніе котораго всегда, соединено съ стѣсненіемъ, злоупотребленіемъ и принужденіемъ, всегда если его не просятъ, а оно само напрашивается. Дайте жизни свободу развитія, т. е. устраняйте препятствія, но не дерзайте регламентировать ее, особенно въ нашей раздольной Россіи, гдѣ такъ дики привычки и такъ шатка регламентація, не говоря уже о другихъ ея качествахъ. Вологодскіе половники,

какъ Тулузскіе переселенцы въ Тавридѣ, составляютъ видъ крѣпостнаго права, ибо половина недѣли или половина прибыли разницы немного.

Австрія успокаиваетъ свои народы конституціею и проситъ свиданія съ Россіею. Россія отсылаетъ своего посланника изъ Турина и приглашаетъ въ Варшаву Пруссію. Нота кн. Гагарину 10 Октября (28 Сентября) замѣчательна своею опредѣлительностію. Англія пишетъ Пьемонту: повремени, поберегись. Пруссія отвѣчаетъ нотою, послѣ свиданія Регента и Королевы и ихъ министровъ, въ Кобленцѣ, 25 (13 Октября), и эта нота, первый актъ, рѣшившійся опровергнуть ученіе (memorandum) новаго права, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Я нахожу, что онъ съ начала до конца представляетъ несостоятельность прежняго, дѣйствующаго права и, выражая слабыя основанія его защиты, осуждаетъ ихъ тѣмъ сильнѣе, что, не удовольствовавшись отрицательными и благородными доводами министровъ Франциска II-го, актъ Прусскаго правительства, по Нѣмецкому обычаю, пускается въ общія разсужденія, которыя безобидно можно назвать общими мѣстами. Мы внушаемъ слишкомъ много довѣрія, вѣры, и этимъ вредимъ успѣху, какъ вредитъ образованности, т. е. преуспѣянію, первобытно принятая вѣра, вѣра на вѣру, которая, дѣйствуя на одни чувства, оставляетъ умъ въ невѣжествѣ, а сердце въ невѣдѣніи или невозможности отдѣлиться отъ предчувствій и предубѣжденій.

Обскурантизмъ митрополита Григорія, кажется, продолжится, а безъ знанія вѣрованіе безсильно и противорѣчитъ вѣку. Близорукіе защитники, какъ мелкая помощь и слабыя подпорки, только упрочиваютъ паденіе и не внушатъ продолжительности. Изданіе Русскаго Евангелія, переводовъ книгъ Библіи и множество повременныхъ сборниковъ, съ колоритомъ довольно свѣтскимъ, показываютъ уступку важную и со стороны правительства, и со стороны духовенства; но пользы нельзя ожидать, а развѣ той, что византійство церкви нашей ослабитъ и вторженіе протестанскаго духа усилитъ. Недовольствуясь формализмомъ и обрядностію, правительство, со временъ Петра, готово ввести въ церковныя учрежденія и элементъ фрунтовой, назначая Ягужинскаго, гр. Протасова, гр. Толстого, котораго даже сочли нужнымъ повысить чиномъ лейтенанта при назначеніи. Я полагаю, что кн. Сергѣй Урусовъ много бы выигралъ съ подобнымъ повышеніемъ.

Скончалась Императрица-мать или кончается. Она прервала Варшавское свиданіе, и это ея послѣдняя заслуга. Ни малѣйшаго сожалѣнія ни при дворѣ, ни въ городѣ. Охаютъ старыя директриссы, классныя дамы и окружающіе. Надобно ожидать литературнаго манифеста, большой помпы, небольшихъ наградъ и завтрашняго дня, послѣ кото-

раго, не говоря объ оффиціальномъ траурѣ, не будетъ и помину о старушкѣ. Объ ней впрочемъ мало говорили и при жизни. Она любила наряды до страсти, любила танцовать до упаду, и внѣшность заведеній и миловидность ихъ воспитанницъ поглощали все ея вниманіе. Роптали на поощреніе ею роскоши, на заграничныя поѣздки и на ежечасную суетность ея обыденной жизни. Но и ропотъ не отвергалъ въ ней много вкуса въ костюмахъ, граціозности манеръ и отсутствія даже попытокъ политическаго вмѣшательства. Она терпѣла Варвару Нелидову и не терпѣла Елену Павловну. Съ 1855 г. ложное положеніе ея вызывало неудовольствія, и она переживала ихъ въ Ниццѣ, почти оставленная дочерьми и сыновьями. Говорятъ, что 14 Декабря 1825 имѣло на нее потрясающее дѣйствіе, но почти всѣ сыновья и меньшая дочь родились послѣ этой эпохи. Говорятъ, что кротость ея имѣла вліяніе на жесткій характеръ ея мужа, но вѣроятно это имѣло мѣсто въ какихъ нибудь мелкихъ и частныхъ случаяхъ любимцевъ и прислуги двора. Въ династическомъ отношеніи она не имѣла никакого значенія. Должно обвинять время, когда она родилась и выросла: она не имѣла никакого просвѣщенія и характера и если отличалась хорошими семейными качествами, то такими, которыя исходитъ изъ ничтожества и пріятны деспоту. Смерть старухи должна развязать руки молодой Императрицѣ, и надобно ожидать, что съ преобразованіемъ IV Отдѣленія начнутся преобразованія женскихъ учебныхъ заведеній, которыя процвѣтали въ pendant военнымъ.

Наше безвыходное крестьянское дѣло, вступивъ въ новую стадію и готовясь къ окончательной развязкѣ, ошеломило нашихъ государственныхъ людей. Внеся въ среду свою научный элементъ въ степени болѣе нежели нужно, государственное управленіе наше, какъ на Западѣ, подняло такіе вопросы, въ которыхъ и теоріи предлагаютъ десять обходовъ, не указывая прямого исхода, и которые, превосходя силы управленія и насильствуя дѣйствительность предупрежденіемъ ея требованій, вносятъ въ жизнь запутанность, столкновеніе и часто безвыходное положеніе. Въ этомъ положеніи теперь мы, хотя сдѣланныя противъ рескриптовъ 1857 г. измѣненія нѣсколько облегчили задачу. Всѣ это чувствовали, многіе знали и говорили; но важность дѣла явилась во всей полнотѣ своей только теперь, когда изготовленные проэкты представлены для утвержденія.

Дѣйствительно, впечатлѣніе этихъ громадныхъ работъ, совершенныхъ въ губернскихъ комитетахъ и особенно въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, поразительно, и едва ли когда нибудь было столько толковъ, жизни и трудовъ какъ въ это время по этому всеобъемлющему вопросу. Но при краткости времени, очевидно, все это шло поспѣшно, слѣдо-

вательно опрометчиво и при раздражительности увлеченій, односторонне. Надобно удивляться смѣлости редакторовъ, и ничего не будетъ удивительнаго, если послѣдствія ихъ предначертаній не оправдаются на дѣлѣ. Что̀ за осадное положеніе, и отчего эта поспѣшность? Генералъ Ростовцовъ уже во всеподданнѣйшихъ письмахъ назывался на редакціонную работу. Въ Февралѣ 1859 г. учреждены редакціонныя коммиссіи, когда не было ни одного губернскаго положенія, и 4 Марта приступили къ работамъ, когда поступило только 6. Дождавшись коекакъ 21, въ числѣ которыхъ Астраханская, Черниговская, Вятская, Витебская и даже Минская и др., коммиссіи заключили свой первый періодъ 5-го Сентября, не имѣвъ ничего цѣлаго, не имѣя возможности остановиться на чемъ нибудь окончательномъ. Самый важный трудъ этого періода, составленіе и разсмотрѣніе возраженій вызванныхъ изъ губерній членовъ, совершено съ 25 Августа по 5 Сентября. Едва ли работалъ такъ и Юлій Цезарь. Надобно было отложить: ропотъ депутатовъ былъ общій. Второй періодъ работъ съ 5 Сентября 1859 по кончину генерала Ростовцова обнималъ остальныя 22 губерніи и особенныя мѣстности. При графѣ Панинѣ, съ 6 Февраля, нѣкоторое время работы продолжались подъ руководствомъ г.г. Булгакова и Милютина и когда вступилъ новый предсѣдатель, ему доложили, что почти все кончено и если что осталось, то это особенные мѣстные вопросы или спеціальные предметы, разсмотрѣніе послѣднихъ мнѣній членовъ втораго вызова и кодификація. Гр. Панинъ, разъ заявивши Государю объ окончаніи работъ, приказалъ все это вести *параллельно*. Попытки его поколебать прежнія, принятыя, положенія были встрѣчены огромною оппозиціею, и тогда знаменитый предсѣдатель оконченныхъ работъ, воспользовавшись поѣздкою Государя въ Варшаву, доложилъ и потомъ объявилъ повелѣніе: „закрыть редакціонныя коммиссіи 10 числа сего Октября и передать всѣ неоконченныя работы въ вѣдѣніе и распоряженіе государственнаго секретаря“. Оппозиція предчувствовала этотъ исходъ, и поспѣшныя работы пошли еще поспѣшнѣе, отсрочка отнесена на счетъ корректуры. Коммиссіи постановили: „наблюденія за тщательною корректурою записокъ, проэктовъ и приложеній возложить на членовъ и по отпечатаніи оныхъ представить предсѣдателю. Гр. Панину оставалось подчиниться. Но къ чему вся эта поспѣшность? Къ чему эти крючковатые извороты при Ростовцовѣ, съ депутатами, и послѣ смерти его, съ Панинымъ? Надобно теперь заняться разборомъ составленныхъ положеній. Уже и бѣглое ихъ чтеніе объясняетъ то поразительное впечатлѣніе, которое выразилось при самомъ приступѣ Главнаго Комитета къ дѣлу. Такая сложность, систематическая дробность, формалистика со всѣми вѣрованіями въ ея огражденіе и мало

усвоенная редакція—все это носитъ несомнѣнные слѣды вліянія Московскихъ ученыхъ, съ ихъ разсужденіями объ искомой осѣдлости, чуждой племеннаго наслоенія, о счастливой возможности для Россіи обнять сразу весь предстоящій путь отъ перваго приступа къ дѣлу до окончательнаго выкупа земель и о самоуправленіи и пр., и вліянія Петербургскихъ чиновниковъ и ихъ мирнаго посредника съ ихъ формальнымъ довѣріемъ къ незаконнымъ сходкамъ міра и къ удостовѣреніямъ мирнаго порядка и полиціи и т. п. и вліянія нашихъ, Русскихъ, министровъ, изъ которыхъ одинъ выкупаетъ повинности за землю, другой дозволяетъ выкупъ земель по Нѣмецкой оцѣнкѣ ихъ (таксація), а третій предписываетъ правила оброчнаго пользованія, какъ напр. въ Крыму; четвертый же, какъ наприм. по горному вѣдомству, затрудняется въ предоставленіи и личной свободы.

Я очень занятъ пріостановленнымъ мною дѣломъ о Каспійскомъ рыболовствѣ. Оно огромно, и я намѣренъ подвергнуть его всестороннему разсмотрѣнію, если окажутся достаточными современные матеріалы, довольно обширные.

Оптимизмъ—пессимизмъ: все равно, безотчетное вѣрованіе; и оно всегда жалко, пріобрѣтаемъ-ли право гражданства или обманываемъ себя и другихъ. Я не лучшаго понятія и о Стоикахъ. Цицеронъ правъ, говоря Долабеллѣ: гоняясь за лучшей республикой, не потерять бы намъ и той, какая есть. Все временно въ этой временной жизни. Пессимисты и оптимисты являются въ эпохи разслабленія и оплошности, какъ вѣрованіе въ случайность и всякую ловкость удали, въ порчи. Справедливъ знаменитый поборникъ свободы (liberty), говоря: для управленія грубымъ народомъ настоящая форма есть господство власти, если оно имѣетъ цѣлію его усовершеніе и оправдываетъ достиженіе этой цѣли дѣйствительными послѣдствіями. Свобода, какъ начало, непримѣнима къ тому порядку вещей, который предшествуетъ времени, когда люди дѣлаются способными усовершаться силою свободныхъ и мирныхъ убѣжденій. И я бы желалъ подчиниться этой власти.

Анархія большая во всемъ. Потеряно равновѣсіе силъ, и центропетельная затянулась и слабѣетъ во всемъ, въ наукѣ, въ управленіи, въ нравахъ, въ дисциплинѣ, въ стремленіяхъ, въ обыденныхъ понятіяхъ. Эксцентричность не въ модѣ, но въ безвозбранной свободной волѣ она сильна, особенно въ прежнихъ страдательныхъ положеніяхъ. Дѣвицы, дамы, старухи выражаютъ свободу фактически. Молодежь развертываетъ знамя самостоятельной и отчетливой дѣятельности. Убѣжденія въ освобожденіи національностей, въ потрясеніи права собственности, даже въ торжествѣ крестьянскаго кулака и т. п. передаются столь же открыто, сколько и легкомысленно. У насъ, при нашей не-

образованности, нельзя разсчитывать на обузданіе путемъ проповѣди духовенства, которое едва ли не хуже всѣхъ другихъ сословій и при которомъ (только при немъ) могли родиться и ходить въ народѣ такія „Легенды“, „Стихи“ и „Пѣсни“. Мы способнѣе другихъ выказывать цинизмъ.

Меня разсердилъ разсказъ объ увольненіи воспитателей Наслѣдника (генераловъ Зиновьева, Гогеля и Казнакова) и донесеніе о дѣйствіяхъ нашихъ въ Крыму, съ Татарами. Къ этому присоединилось и объясненіе съ товарищемъ мин-ра по дѣлу о производствѣ ожидаемаго рекрутскаго набора (Дѣло 1-го д-та III отдѣл. 3 стола 1859 г. № 264). Какъ мы поступаемъ съ народомъ! Но есть и пріятная вѣсть: назначеніе П. А. Валуева на мѣсто Суковкина. Это выборъ прекрасный, и желательно видѣть его и въ другихъ частяхъ, напр. въ финансахъ, гдѣ несчатные реформаторы не знаютъ куда склонить голову: долговыя обязательства уплачиваются займами, а обязательства увеличились до 40 м. Въ послѣдніе годы, кредитный рубль упалъ и возвысилъ всѣ цѣнности; ни хорошая, ни дурная монеты не держатся, все прячутъ или везутъ за границу. Въ запискѣ 26 Ноября, внесенной въ финансовый комитетъ, министръ требуетъ продажи казенныхъ имуществъ, усиленія производительности и ограниченія расходовъ. Валуевъ этого не поправитъ, но онъ уменьшитъ непотизмъ, шлендріанъ и фаворитизъ, на которые въ министерствѣ курсы поднялись и понизили всѣ цѣнности до крайности.

Кончается старый и наступаетъ новый годъ, 1861-й. Тяжелъ, важенъ и грозенъ былъ старый годъ, но въ движеніи идей и событій онъ шелъ смѣлѣе, и оттого послѣдовательнѣе; онъ былъ счастливѣе и оттого умѣреннѣе. Воцареніе демократіи совершилось, и съ нимъ началось разложеніе мѣстностей, корпорацій, наслѣдственности и династій. Мѣстности заполнились національностями, корпораціи компаніями, наслѣдственность—способностями. Династическое начало въ самомъ ложномъ положеніи. Представителемъ національности является Гарибальди, душа добрая, умъ предпріимчивый, правдивость самоувѣренная. Развитіе компаній дошло до того, что накопленные Западомъ капиталы такъ наводнили Востокъ своими предпріятіями, что въ Россіи и Турціи расходы на производство превзошли ихъ матеріальныя средства и, подорвавъ кредитъ, потребовали гарантій едва-ли исполнимыхъ. Въ Россіи министръ финансовъ сознается, что нечѣмъ платить процентовъ, а о займахъ нечего и думать; въ Турціи отданы въ залогъ доходы, другими словами, назначена администрація или опека. Въ Россіи господствуетъ Перейра, въ Турціи—Миресъ. Надобно ожидать, что слишкомъ натянутыя струны лопнутъ, и оскорбленное національное

достоинство—уже замѣтное и въ Сирійскихъ побоищахъ и вообще въ пробужденіи Мусульманской и Московитской дикости, возстанетъ и приступятъ къ учету. Способность доселѣ находитъ своихъ представителей въ журналахъ и газетахъ. Вліяніе ихъ ростетъ съ демократіей и подмываетъ науку и власти. Представителемъ династическаго новаго начала, съ того времени какъ Наполеонъ долженъ былъ сказать Италіи nec tecum nec contra, te является Викторъ Эммануилъ, стремящійся примирить „Божію милость“ съ требованіями развивающагося человѣчества, и какъ положеніе его вынужденно, то очевидно, что онъ въ зависимости и что господствующее начало другое. Назовемъ его по имени: республиканское. Для служенія ему теперь въ Европѣ полновластіе народа въ suffrage universel и полновластіи парламента, которое не допустило Гарибальди низложить Кавура, которое готовится разразиться надъ лордами въ Англіи и которое привело къ уступкамъ владыкѣ Франціи. Полновластія требуютъ Германія, Австрія, Венгрія и—до Черногоріи. Замѣчательно одно явленіе. Въ двухъ величайшихъ имперіяхъ, въ Сѣверной Америкѣ и въ Россіи, предлагаются законы, въ первой—объ узаконеніи и огражденіи невольничества, во второй—объ отмѣнѣ крѣпостного права. Попытки несовмѣстныя съ существомъ двухъ имперій. Другая атмосфера вѣетъ надъ свободными штатами, и отдѣленіе южныхъ не запретъ воздухъ, а лишась поддержки (конечно, довольно слабой, въ судѣ и конгрессѣ) только ослабитъ безчеловѣчное право плантаторовъ. Не созрѣли условія свободы и собственности въ Россіи, чтобы могло приняться и водвориться свободное сельское сословіе такъ быстро, такъ круто, какъ предполагаетъ Петербургская доктрина.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1861-й годъ.

Королева Шведская умерла во время представленія комедіи; король Прусскій—свободный князь свободнаго народа—умеръ въ идіотизмѣ. Въ прокламаціи Вильгельма I-го „моему народу“ такъ мало искренности, отчетливости и сочувствія, что, при неожиданномъ оборотѣ вещей, Пруссія можетъ передвинуться ко временамъ 1847 г. Слабость Нѣмецкаго элемента въ Австріи, усиленія котораго нельзя ожидать и отъ программы Шмерлинга, и раздробленность этого элемента въ мелкихъ Германскихъ государствахъ даютъ Пруссіи значеніе великой державы, которое она получила по милости Польши, въ раздѣлѣ которой она участвовала и слѣдовательно выравнялась съ Россіей и Римской Имперіей. Только это географическое положеніе и разрозненность Германскаго единства приподняли 16 милліонное королевство на линію великихъ державъ, съ которыми оно, при совершенномъ отсутствіи морскихъ силъ, всегда впрочемъ будетъ на второмъ планѣ и въ дѣлахъ восточной войны, и въ дѣлахъ частой осады. Въ мнимомъ покровительствѣ либеральнымъ учрежденіямъ и Нѣмецкому генію Пруссія конечно должна уступить Бадену и Баваріи, и Берлинскій университетъ никогда не скрѣпилъ бы Рейна, Помераніи и Познани; но ея крѣпость въ историческихъ событіяхъ, и они же могутъ, по новому Тильзитскому миру, привести ее къ состоянію, въ которомъ Саксонія и Вюртембергъ иначе отзовутся о Гогенцолернахъ и Бранденбургскихъ маркграфахъ. Опора и сила Пруссіи не

*) См. 12-й выпускъ „Русскаго Архива“ 1910 года.

въ соперничествѣ и первостепенности, а въ лучшемъ учрежденіи союза и его представительства. Здѣсь Пруссія дѣйствуетъ односторонне и недалеко время, когда она въ этомъ раскается, и раскается она въ томъ, что поздно ввела конституцію, поздно потому, что возможное и удобно въ 1815 годахъ единство монархіи теперь рѣшительно невозможно, и не только мѣстности, но и интересы сословные, столь дорогіе Герлахамъ и Фридрихамъ IV-мъ, такъ окрѣпли и такъ мало стремятся къ центру (имъ не привычному) что Прусскій патріотизмъ понятенъ и возможенъ только какъ увѣренность въ защитѣ матеріальныхъ выгодъ. Безпрестанно повторяя о требованіяхъ важности и достоинства Пруссіи (пустыя предъявленія, требующія повтореній). Пруссія должна бы вспомнить, что она ничего не сдѣлала для Германіи, не отстояла даже Невштателя, не помогла Голштиніи, выдала Австріи головою Ломбардіи и (можно быть увѣрену) равнодушно будетъ смотрѣть на уступку Венеціи, и пойдетъ развѣ только къ Рейну, потому что иначе народъ потащитъ ее силою. Вѣ время данная конституція упрочиваетъ величіе и крѣпость государства и династій. Вильгельмъ I-й взвѣшиваетъ слово, но онъ не достаточно взвѣшиваетъ тяжести элементовъ и требованій современной жизни.

Какое ужасное положеніе сестры! Она не говоритъ, но я чувствую, что она ропщетъ на меня и готова звать Бога на судъ. Это обыкновенно. Мы или просимъ и торгуемся съ Богомъ „помилуй, подай, Господи“ или зовемъ Его на судъ: Ты зачѣмъ, Господи, отнялъ у меня сына? Я не говорю о милости, я прошу правосудія. Накажи меня, мнѣ 40 лѣтъ, но за чѣмъ же безвозвратно наказывать юношу?“ И справедливо. Не справедливо то, что призываютъ Бога къ отвѣту, пріучивъ людей видѣть въ правосудіи милость, въ милости одно милосердіе. Несправедливо это особенно потому, что при такихъ убѣжденіяхъ ни характеръ, ни добросовѣстность, ни достоинство человѣка ничего не выигрываютъ. Я бы немедленно поскакалъ къ несчастной матери, но самъ дурно себѣ чувствую, и холода стоятъ ужасные. У насъ до 23°, въ Москвѣ ртуть замерзла.

Въ Крыму столкнулись генералъ военный, Тотлебенъ и генералъ гражданскій Гернгроссъ, сражаясь съ Татарскимъ вопросомъ. Татары бѣгутъ, ихъ выселилось болѣе 100 т. ревизскихъ человѣкъ. Петербургъ радуется, генералъ-губернаторъ поощряетъ выходъ, Крымъ пустѣетъ, губернаторъ ищетъ помощи въ запрещеніяхъ, два раза представляетъ ограничить выпускъ 10% собравшихся, и не получаетъ отвѣта; а генералъ Муравьевъ, радуясь возможности заселять край Русскими, спрашиваетъ его, черезъ четыре мѣсяца, ограничилъ ли онъ

выходъ $10^0/_0$? и сдѣлалъ кличъ по Курской губерніи о переселеніи крестьянъ на полуостровъ, написалъ правила о поселеніи ихъ на владѣльческихъ земляхъ и ассигновалъ деньги на дешевую покупку Татарскихъ земель въ казну по 3 р. за десятину. Желающихъ переселиться нашлось довольно, и партія въ 600 семействъ двинулась и прибыла къ Перкопи, заявивъ тутъ же: на владѣльческія земли ни за что не согласны. Жалобы и крики владѣльцевъ опустѣвшихъ земель и садовъ были громки и дошли до Государя. Въ это время обозрѣвалъ укрѣпленія въ Крыму Тотлебенъ, и ему Государь, по телеграфу приказалъ удостовѣриться въ причинахъ побѣга Татаръ, а между тѣмъ министерство для направленія дѣла послало Гернгросса, директора 1-го д-та м-ва. Здѣсь началась катавасія, выразившаяся въ двухъ запискахъ, представленныхъ Государю и одобренныхъ имъ. Если жалка роль, которую играетъ въ обѣихъ гр. Строгановъ, то самая жалкая роль, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Государю. Тотлебенъ описалъ, какъ тиранили Татаръ сперва чиновникъ Максимовичъ, потомъ генералъ баронъ Корфъ и отрядъ его и наконецъ распоряженія Петербургскія, во время войны, а теперь губернаторъ (генер. Жуковскій) и Гернгроссъ, объявившіе, что правительство (что Государь) считаютъ переселеніе Татаръ „счастливою случайностью *возстановленія будущаго* благоденствія Крыма“ (и все это передавалось волостямъ, самимъ Татарамъ). Тотлебенъ заключилъ, что нужно, съ 15 Декабря, остановить выходъ Татаръ, открыть владѣльцамъ кредитъ, разсрочить долги, дать широкія льготы Русскимъ и иностраннымъ (особенно Нѣмцевъ желаетъ мѣстное правительство) переселенцамъ и оказать имъ, землевладѣльцамъ, всевозможное содѣйствіе.

Гернгроссъ написалъ свой отчетъ. Онъ пересказывалъ мнѣ (самымъ смѣшнымъ образомъ) представленіе свое Государю. Разумѣется, все выставляется иначе, и распорядитель дѣлается жертвою эгоистическихъ намѣреній землевладѣльцевъ, тогда какъ онъ—устроилъ до 8 т. переселенцевъ, поправилъ оставленные дома, накупилъ 17 т. десятинъ земли, приготовилъ дрова и капусты и вытребовалъ поповъ для освященія Татарскихъ пепелищъ.

Тяжело читать, какъ Русское управленіе, даже въ лучшихъ представителяхъ своихъ (Гернгроссъ—хорошій человѣкъ) поступаетъ съ племенемъ, съ народомъ, отзывающимся на вопросы Тотлебена: „бѣжимъ, Воронцевъ умеръ, Татаринъ пропалъ“ и представляющимъ грустную картину побѣга подданныхъ въ страну деспотизма и бѣдности. Записки Тотлебена поверхностны, но благородны своею простотою и военною откровенностію. Самостоятельныя записки Гернгросса написаны

бойко и рельефно. Какъ на первой, такъ и на второй Государь написалъ въ „Комитетъ Министровъ“. Государь теперь на охотѣ. Я узнаю, что̀ сказалъ Комитетъ. Но раціонально-ли этакое заселеніе? Что̀ значитъ этотъ скупъ земель казною? Славянофилы (Гильфердингъ) совѣтуютъ заселять Славянами; въ Америку бѣгутъ Нѣмцы и Ирландцы; многіе владѣльцы тяготятся крѣпостными. Мало-ли элементовъ!

Записка министра финансовъ*) „О настоящемъ положеніи государственныхъ финансовъ“. Затруднительное положеніе гос. казн-ва, при недостаточности обыкновенныхъ ресурсовъ онаго на покрытіе расходовъ, требуетъ изысканія способовъ къ устраненію дальнѣйшаго разстройства финансовъ и къ поддержанію государственнаго кредита. Въ 1845 г. сумма долговыхъ обязательствъ гос. каз-ва составляла 1,251 мил. а нынѣ простирается до 2,310 мил. т. е. болѣе на 1 т. милліоновъ, а именно:

	къ 1845 г.	15 Нояб. 1860 г.
	милліоновъ	рубл.
Внѣшнихъ долговъ	268	430.
Долговъ гос. казнач-ва кредитнымъ установленіямъ	166	310.
Билетовъ $5_0^{\prime 0}$ банковыхъ	„	275.
Билетовъ $4^0/_0$ непрерывнаго дохода . . .	„	102.
Билетовъ госуд. казнач-ва	21	108.
	455	1,225 мил. руб.
Годовыхъ платежей по этимъ долгамъ . .	31	70.
Долговъ кредитныхъ установленій	564	366.
Кредитныхъ билетовъ 122, депозитныхъ 18, ассигн.	522—232	719.
всего вообще	1,251	2,310 мил. руб.
При размѣнномъ фондѣ, въ звонкой монетѣ	59	84.
Обыкновенныхъ доходовъ по росписи . .	282	„

Сверхъ того правительство приняло на себя гарантію процентовъ на капиталы, затраченные по сооруженію разныхъ желѣзныхъ дорогъ и должно будетъ разрѣшить, подъ своею отвѣтственностію, выпускъ процентныхъ выкупныхъ билетовъ для облегченія развязки крестьянскаго дѣла.

*) Записка эта ходитъ по рукамъ и въ Англійскомъ переводѣ имѣется во всѣхъ посольствахъ. Мнѣ разсказывалъ это сочинитель, стас. секрет. Гагемейстеръ, которому предсѣдатель комитета финансовъ, канцлеръ гр. Нессельроде дѣлалъ за это упреки. Я получилъ ее сперва отъ экзекутора Герке, который имѣлъ ее отъ столоначальника Рогальскаго. Она читана и списана мелкими чиновниками разныхъ вѣдомствъ въ то время, какъ посылалась изъ финансоваго комитета къ членамъ.

Изъ выше изложеннаго обзора видно, что правительство постоянно увеличивало свои долговыя обязательства, такъ что сумма годовыхъ платежей по однимъ процентнымъ долгамъ возрасла въ теченіи 15 лѣтъ на 39 мил. р., тогда какъ приращеніе обыкновенныхъ доходовъ составляло только 82 мил. р., безпроцентный же долгъ, заключающійся въ кредитныхъ билетахъ, увеличился въ тоже время на 487 мил. р. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ огромнаго выпуска бумажныхъ денегъ было паденіе цѣнности кредитнаго рубля, проявившееся въ повсемѣстно возрастающей дороговизнѣ на всѣ вообще предметы, которая гнететъ торговлю, останавливаетъ развитіе промышленности, потрясаетъ хозяйственное положеніе всѣхъ классовъ народа и увеличиваетъ расходы казны во всѣхъ ея операціяхъ, тогда какъ источники государственныхъ доходовъ, по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, приходятъ въ истощеніе. Къ этимъ пагубнымъ послѣдствіямъ разстройства нашей денежной системы присоединился еще переводъ за границу иностранныхъ капиталовъ, между тѣмъ какъ потребность въ привлеченіи ихъ оказывается болѣе и болѣе настоятельною, въ настоящее время, для распространенія желѣзныхъ дорогъ, для учрежденія земскихъ банковъ, для выкупа крестьянскихъ земель и для устройства помѣщичьихъ хозяйствъ на вольномъ трудѣ. Но доколѣ наша денежная система будетъ оставаться въ настоящемъ ея положеніи, нельзя ожидать прилива къ намъ иностранныхъ капиталовъ: никто не рѣшится переводить ихъ въ Россію, пока бумажныя деньги не будутъ обращаться на равнѣ съ звонкою монетою. Такимъ образомъ отъ возстановленія достоинства кредитнаго рубля существенно зависитъ преуспѣяніе всѣхъ источниковъ народнаго богатства и съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность увеличенія государственныхъ доходовъ.

Между тѣмъ приведеніе нашей денежной системы въ надлежащее устройство встрѣчаетъ затрудненія не только по недостатку потребныхъ для того финансовыхъ рессурсовъ, но и потому, что ежегодный вывозъ изъ государства звонкой монеты на заграничные платежи далеко превышаетъ количество добываемаго у насъ золота и серебра. Въ 1859 г. переведено за границу:

1. по внѣшнимъ займамъ	9.716,274 р.
2. На расходы по содержанію эскадръ	1.009,710 р.
3. По казеннымъ заказамъ	1.774,652 р.
4. На командировку и др. чрезвыч. расходы	948,446 р.
5. На содержаніе миссій и консульствъ, аренды и пенсіи	1.510,100 р.
	14.959,182 р.

Къ сему слѣдуетъ присовокупить: на платежи процентовъ и погашеніе по новымъ 3% и 4½% займамъ	3.250,000 р.
На переводъ за границу процентовъ по акціямъ, и облигаціямъ Гл. Об. жел. дорогъ (4,479,610 р.), а такъ же по акціямъ Рижско-динабургской и Саратов. дор. (900 р.)	5,379,610 р.
Вывозъ звонкой монеты въ Азію не менѣе .	7.000,000 р.
Отъѣзжающими за границу вывезено по меньшей мѣрѣ:	20.000,000 р.
Итакъ сумма золота и серебра, выходящая изъ Россіи ежегодно, простирается уже до	50.000,000 р.[1]).

Количество же золота и серебра, добываемое въ Сибири и на Уралѣ, по сложности 1857—1859 гг. составляло только 23 мил. р. въ годъ[2]). Посему на покрытіе заграничныхъ платежей недостаетъ до 28 мил. руб. Разность эта не покрывается перевѣсомъ отпуска нашихъ произведеній надъ привозомъ иностранныхъ товаровъ, если принять въ расчетъ контрабанду, не говоря уже о томъ, что при существующей у насъ потребности въ огромномъ количествѣ машинъ, пароходовъ и всякаго рода принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, отпускъ нашихъ товаровъ, остающійся въ нормальномъ положеніи, не можетъ быть достаточенъ на покрытіе платежей за всѣ эти предметы, которые Россія, по необходимости, должна выписывать изъ чужихъ краевъ, гдѣ приготовленіе рельсовъ, паровыхъ машинъ и другихъ механическихъ снарядовъ достигло высшей степени развитія и совершенства, тогда какъ производство ихъ у насъ, по дороговизнѣ чугуна и желѣза, обходится несравненно дороже.

Въ прежнее время наши заграничные платежи могли быть покрываемы отпускомъ нашихъ произведеній; ибо во 1-хъ, привозъ иностранныхъ товаровъ былъ гораздо менѣе нынѣшняго, а потому отпускъ нашъ значительно превышалъ привозъ; во 2-хъ, по малочисленности Русскихъ подданныхъ, пребывавшихъ за границею, переводъ туда денегъ былъ не великъ; въ 3-хъ, внѣшній долгъ былъ, за 15 лѣтъ передъ симъ, на 162 мил. менѣе нынѣшняго, и въ 4-хъ, на соору-

[1]) По отчету „Биржевыхъ извѣст.“ Трубникова о торговлѣ за 1859 г. сказано, что золота и серебра вывезено въ Европу 23.765,484 р., въ Азію 4.893,009 р., а привезено изъ Европы 2.797,182 р. изъ Азіи—51,173 р. Итого вывозъ превышаетъ 25.810,138 р.

[2]) Золота добыто въ Сибири, въ 1852 г.—900 пуд. 11 ф., въ 1859—1114 п. 7 ф., въ 1860 г. 1053 п. 8 ф., въ 1861—1063 п. 34 ф.

женіе теперь устраиваемыхъ желѣзныхъ дорогъ потребовалось уже понынѣ до 120 мил. рублей, проценты за которые уплачиваются большею частію за границею, посредствомъ перевода туда купоновъ вслѣдствіе упадка нашего вексельнаго курса.

До сихъ поръ дефициты въ заграничныхъ платежахъ были покрываемы внѣшними займами и вывозомъ звонкой монеты, имѣвшейся во внутреннемъ обращеніи, но за то размѣнный фондъ, составленный къ 1 Янв. 1855 года 161 мил. р., уменьшился до 84 мил., звонкой монеты вышло изъ Россіи не менѣе 150 милліоновъ, *внѣшній долгъ*, какъ выше сказано, увеличился на 162 м. р., кредитныхъ билетовъ прибавилось на 487 м.; цѣны всѣхъ вообще предметовъ поднялись на 25%, и достоинство кредитнаго рубля въ вексельномъ курсѣ упало бы настолько же, если бы правительство не поддержало его искуственными мѣрами, а именно внѣшними займами для производства платежей по старымъ долгамъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ новые внѣшніе займы, судя по ходу двухъ послѣднихъ займовъ, въ настоящее время едва ли возможны и послужили бы лишь къ тягостному для государства увеличенію и безъ того уже слишкомъ обременительныхъ, заграничныхъ платежей. Равнымъ образомъ нельзя разсчитывать и на займы внутренніе, потому что вслѣдъ за пониженіемъ въ 1857 г. банковаго процента, значительная масса капиталовъ затрачена въ фонды и акціи; за тѣмъ часть обращена, а часть еще должна поступить въ 4 и 5% билеты, всего до 347 м. р., остальные же свободные капиталы находятъ себѣ гораздо выгоднѣйшее помѣщеніе во внутреннихъ оборотахъ сравнительно съ тѣмъ, какое они могли бы найти въ государственныхъ займахъ. — Наконецъ, увеличеніе финансовыхъ ресурсовъ посредствомъ возвышенія существующихъ и введенія новыхъ налоговъ повело бы только къ вящшему оскудѣнію средствъ народа, сбереженіе коихъ въ настоящее время нужно болѣе чѣмъ когда либо, для благополучной развязки предстоящаго переворота въ экономическомъ быту многочисленной части сельскаго населенія. Возвышенію государственныхъ доходовъ можетъ конечно со временемъ способствовать улучшеніе системы податей и пошлинъ, посредствомъ правильнѣйшаго и слѣдовательно менѣе тяжкаго для плательщиковъ распредѣленія налоговъ, что и составляетъ нынѣ предметъ занятій особой при м—вѣ фн. коммисіи, но едва ли возможно будетъ достигнуть этимъ путемъ мгновеннаго и значительнаго приращенія государственныхъ доходовъ, такъ какъ повсемѣстный опытъ уже доказалъ, что ближайшимъ послѣдствіемъ измѣненія податной системы обыкновенно бываетъ скорѣе уменьшеніе, нежели увеличеніе сборовъ.

Все вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что въ настоящемъ затруднительномъ положеніи финансовъ изысканіе способовъ къ устраненію этого кризиса должно имѣть цѣлію:

во 1-хъ, устройство денежной нашей системы,

во 2-хъ, ограниченіе, по возможности, перевода за границу денегъ на разные расходы и увеличеніе средствъ на покрытіе необходимыхъ платежей въ чужихъ краяхъ

и въ 3, доставленіе государственному казначейству способовъ къ выполненію нынѣшнихъ и вновь предстоящихъ его обязательствъ. При настоящемъ положеніи нашихъ финансовыхъ ресурсовъ нельзя нынѣ помышлять о какихъ либо рѣшительныхъ мѣрахъ къ улучшенію денежной системы, и при томъ самый успѣхъ ея устройства зависитъ существенно отъ уменьшенія нашихъ заграничныхъ платежей, которые изтощаютъ и будутъ изтощать денежныя средства государства, доколѣ никакихъ мѣръ не будетъ принято къ ограниченію этихъ расходовъ. Почему слѣдуетъ обратиться предварительно къ ограниченію, по возможности, перевода за границу денегъ на разные расходы и къ увеличенію средствъ на покрытіе необходимыхъ заграничныхъ платежей.

Въ сихъ видахъ полезны бы были слѣдующія мѣры:

1. При возрастающей у насъ потребности въ иностранныхъ машинахъ, пароходахъ и принадлежностяхъ желѣзныхъ дорогъ, на что переходятъ за границу огромныя суммы, поощрить разработку желѣзныхъ рудъ на каменномъ углѣ и развитіе нашего машиностроительнаго дѣла и рельсоваго производства всѣми зависящими отъ правительства способами.

2. Посредствомъ раздачи казенныхъ земель, вызова колонистовъ и разныхъ льготъ содѣйствовать распространенію воздѣлыванія такихъ продуктовъ, которые могутъ родиться у насъ успѣшно, но за которые до сихъ поръ переводятся огромныя суммы за границу. Къ продуктамъ этого рода принадлежатъ въ особенности свойственные нашему Закавказскому краю, какъ то: хлопчатая бумага, шелкъ, марена и проч.

3. Облегчить сбытъ нашихъ произведеній въ иностранныя земли скорѣйшимъ устройствомъ усовершенствованныхъ путей сообщенія, допустивъ, по мѣрѣ возможности, употребленіе войскъ для работъ по этимъ сооруженіямъ, дабы они могли быть устраиваемы съ наименьшимъ пособіемъ иностранныхъ капиталовъ.

4. Поощрить развитіе золотаго промысла въ Сибири, для увеличенія у насъ добычи золота, какъ средства къ покрытію нашихъ

заграничныхъ платежей, и для сего предоставить частнымъ лицамъ право на развѣдки и на разработку золотоносныхъ песковъ во всѣхъ частяхъ Сибири и Уральскаго хребта.

5. Ограничить, хоть временно, чрезвычайные расходы за границею на заказы, командировки и т. п.

6. Возвысить таможенныя пошлины на предметы роскоши и ограничить безпошлинное водвореніе оныхъ подъ видомъ пассажирскихъ вещей, а также усугубить мѣры для преслѣдованія контрабанды.

и 7. Умѣрить стремленіе къ безграничнымъ путешествіямъ, увлекающее изъ государства огромныя суммы на проживаніе въ чужихъ краяхъ.

Осуществленіе большей части изъ вышеозначенныхъ мѣръ, необходимыхъ для развитія источниковъ государственнаго богатства, не можетъ однакоже быть достигнуто безъ пожертвованій со стороны казны; но какъ по изложеннымъ выше причинамъ нельзя искать финансовыхъ ресурсовъ ни въ займахъ внѣшнихъ или внутреннихъ, ни въ увеличеніи налоговъ при настоящемъ разстройствѣ экономическаго состоянія всѣхъ классовъ народа: то для доставленія госуд. казначейству средствъ къ выполненію нынѣшнихъ и предстоящихъ его обязательствъ усиліе финансовыхъ ресурсовъ представляется возможнымъ лишь двоякимъ путемъ: во 1, чрезъ постепенную продажу нѣкоторыхъ казенныхъ имуществъ, и во 2, чрезъ сокращеніе текущихъ расходовъ.

Министръ финансовъ, вмѣняя себѣ въ священную обязанность повергнуть соображенія сіи на Высоч. Вашего И. В—ва благоусмотрѣніе, пріемлетъ долгъ присовокупить, что въ случаѣ, если бы вышеозначенныя предположенія удостоились Высочайшаго вниманія, то предварительное обсужденіе, какъ и самое приведеніе оныхъ въ исполненіе, не можетъ подлежать вѣдомству лишь министерства финансовъ, а требуетъ совокупнаго участія и содѣйствія всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій".

Государь написалъ: „обсудить въ Комитетѣ Финансовъ". Княжевичъ помѣтилъ Царское Село. 26 Ноября 1860 г.

И въ Комитетѣ Финансовъ положили потребовать заключеній министровъ по принадлежности указываемыхъ въ запискѣ мѣръ и предметовъ. Вотъ этотъ compte rendu нашего Неккера.

Не говоря о смѣшеніи предметовъ въ самомъ докладѣ, направленномъ къ пораженію, *къ устрашенію Государя*, нельзя не замѣтить, что изъ предлагаемыхъ мѣръ почти всѣ министръ могъ принять самъ или по сношенію съ другими, кромѣ работъ войсками, возвышенія тарифа и за-

граничныхъ паспортовъ, что же касается продажи имуществъ, то это уже разрѣшено и не одинъ разъ, а сокращеніе расходовъ есть первая обязанность министра. Но, положимъ, что все это нужно было докладывать, положимъ, что все это одобрено, что все утверждено и пошло къ исполненію. Чего же ожидать?

Кризисъ не изчезнетъ и не уменьшится.

Я полагаю, что главная причина есть масса бумажекъ и бумагъ. Для уничтоженія ихъ я полагалъ бы принять нынѣ же слѣдующія мѣры:

1. Округленіе податей, пошлинъ (возвышеніе тарифа) и всякихъ сборовъ. Самое незначительное въ податяхъ: сдѣлать ихъ *личными*.

2. Отчужденіе казенныхъ имуществъ, начавъ съ домовъ, въ столицахъ, и съ цѣнныхъ оброчныхъ статей, отчужденіе не посредствомъ продажи, при которой нельзя ожидать большаго соревнованія, а посредствомъ лотереи. Только этимъ путемъ и соберешь деньги.

3. Пересмотръ смѣты на слѣдующихъ основаніяхъ:

а. Установленіемъ нормальныхъ штатовъ и отнесеніемъ экстраординарныхъ превышеній на особые источники, сокративъ расходы постоянные и отложивъ временные.

б. Пріостановленіемъ расходовъ на такія учрежденія и установленія (мосты, дороги, училища, субвенціи), которыя вполнѣ и невполнѣ нынѣ же или въ послѣдствіи могутъ существовать собственными средствами при незначительномъ сборѣ съ лицъ и строгихъ изъятіяхъ.

в. Всѣ расходы на ремонтъ, освѣщеніе и отопленіе (кромѣ помѣщеній нижнихъ чиновъ) отнести на обязанность квартирующихъ.

г. Осуществить единство кассъ во всей полнотѣ и строгости.

д. Уменьшить расходы на войско и флотъ введеніемъ конскрипціи и изъятій за выкупъ, въ количествѣ и въ суммѣ по назначенію военнаго министра, образовавъ изъ выкупной суммы военный капиталъ.

и е. Пріостановитъ всѣ расходы, не требуемые крайнею необходимостію.

NB. Въ послѣдствіи пересмотра смѣты возстановить пенсіи въ нормальныхъ ихъ по закону назначеніяхъ и учредить особый совѣтъ о пенсіяхъ.

Я полагаю, что эти революціонныя мѣры дадутъ правительству до 200 м. р. въ годъ и, обуздавъ расточительность, возвысятъ цѣнность денегъ, а съ постепеннымъ уменьшеніемъ бумажекъ минуетъ внутренній кризисъ, привлекутъ капиталы.

Если Гарибальди не республиканецъ, то онъ самый искренній врагъ монархіи. Читая переписку Мадзини и Гарибальди, удивляешься

не смѣлости и могуществу слова, но возможности существованія монархическаго въ присутствіи ихъ порядка. Это очевидные главы другого порядка. И порядокъ этотъ идетъ, онъ увѣренъ въ себѣ и оттого говоритъ громко и ясно, прямо указываетъ цѣль, назначаетъ время, опредѣляетъ дѣйствія. Онъ можетъ ошибиться, пропасть даже, но онъ уже вызванъ къ жизни, стоитъ на своихъ ногахъ и никогда не забудетъ чѣмъ онъ былъ и что онъ можетъ. Ну если онъ дѣйствительно соберетъ милліонъ и, занявъ Римъ, пойдетъ на Австрію и потребуетъ естественныхъ границъ для Итальянской имперіи?

Монархію можетъ спасти Итальянская бѣдность. Но богаты-ли монархіи и могутъ-ли онѣ дозволить себѣ такую роскошь какъ война? Либеральная партія въ Англіи представляетъ Пальмерстону о необходимости сокращенія расходовъ. Должно ожидать сильныхъ возраженій на бюджетъ, какъ во Франціи, если пренія получатъ свободу, такъ и въ Пруссіи, гдѣ прибавка 8 т. талеровъ вѣроятно потребуетъ 50 т. франковъ за Рейномъ. Россійскія богатства мы знаемъ, а что касается Австріи, то о внѣшнихъ займахъ ей думать нечего, объявленный же внутренній, 30 т. гульд., не смотря на свою недостаточность, найдетъ опору развѣ въ церковномъ конкордатѣ. Священники убѣдятъ подписчиковъ проповѣдью. Католики способны низойти и до этого.

Не смотря на общія опасенія, доходящія до пожаровъ и убійствъ (я иду до голоднаго времени отъ дороговизны), до войны изъ національностей и до банкрутства отъ недостатка монеты, у насъ безпрестанные праздники, обѣды и юбилеи. Замѣчательно, что эти торжества устраиваются уже новымъ поколѣніемъ, и что, независимо отъ противорѣчія этихъ праздниковъ нашему будничному положенію, они почти всегда сопровождаются безпорядками или безчинствами, которые напоминаютъ о незрѣлости нашей общественности. Московская Коммерческая Академія, въ лицѣ новыхъ дѣлателей, гг. Киттары, Бабста и Бутовскаго, такъ расхвалила себя по случаю 50 лѣтняго юбилея, что подумаешь: сословіе нашего купечества достигло Европейской степенности и не даромъ вызвало упреки прежнихъ воспитанниковъ, въ которыхъ и слѣда нѣтъ привязанности и признательности къ самодовольному заведенію. Эта признательность громко выразилась на юбилеѣ Училища Правовѣденія, хотя и здѣсь дѣло не обошлось безъ грубыхъ выходокъ, долетавшихъ до Ольденбургскаго высочества (по неловкой провокаціи Сущова). Здѣсь и принцъ, и молодые статсъ-секретари много говорили объ успѣхахъ по службѣ, но никто—и даже лучшій изъ нихъ, Побѣдоносцевъ—не коснулись вопроса: имѣя монополію, явную и оскорбительную, что сдѣлали правовѣды для юстиціи въ теченіе этихъ 25 лѣтъ,

и не по ихъ-ли лѣности и высокомѣрной, самоувѣренной небрежности, она доведена до того положенія, въ которомъ нельзя винить однѣ формы, какъ бы онѣ безобразны ни были, а всю тяжесть отвѣтственности должно возложить или на бездарность, всегда присущую исключительности сословія, или на безпечность, всегда сопровождающую неоправдываемое обезпеченіе мѣстъ и повышеній, или наконецъ къ духу корпораціи, носящей девизъ respice finem и укрѣпляемой братствомъ болѣе сословнымъ, нежели школьнымъ, которое обѣщаетъ развиться еще болѣе по предложенію князя Оболенскаго о составленіи общества взаимнаго поддержанія?

На юбилеѣ Московской годовщины (12) громко раздались „40 лѣтъ лежавшіе подъ спудомъ“ стихи Пушкина, и „старый школяръ“ и молодшій (Назаровъ) еще громче высказали бы похвалы достоинству и благонамѣренности, если бы за тѣмъ же столомъ школьники не произвели шума и безчиній, напоминающихъ дѣйствія „Калужскихъ прогрессистовъ“, рѣшающихся оправдываться и послѣ бича „Нашего Времени“ въ статьѣ его желчнаго редактора, или поступки Харьковскихъ студентовъ въ маскарадѣ, гдѣ Страховъ и товарищи схватили за ногу и, послѣ полученной пощечины, сорвали маску съ одной „граціозной иностранки“, потому что она „модистка“. Юность и вообще юная нація разнуздалась. Почти вездѣ проявляется духъ строптивости, ложнаго самолюбія и тщеславнаго молодечества. Громкая исторія Инженерной Академіи (начатая Никоновымъ и Лебедевымъ), оглашенная (и очень неудачно) во всѣхъ газетахъ приказомъ великаго князя Михаила, ожидаетъ цѣнителей и подражателей. Они не замедлятъ. Да и могло ли быть иначе, при такихъ назначеніяхъ начальствующихъ лицъ, вовсе не приготовленныхъ къ своему посту и потому удерживающихся снисхожденіемъ (чтобы имѣть популярность), мелкими сдѣлками, чтобы не вынесли сора изъ избы, и либеральными, т. е. расточительными наградами, чтобы зажать рты и достигнуть минутнаго примиренія[1])?

Нынѣ былъ юбилей министру финансовъ Княжевичу, для котораго 600 подписчиковъ собрали болѣе 15 тысячъ р. Тостамъ и адресамъ не было конца. Ну есть-ли тутъ какой нибудь смыслъ, и что могли сказать ему даже наглая лесть и ложь? Его могли похвалить его друзья, Гречъ и К°, его чиновники, его милостивцы, даже иностранныя биржи

[1]) Куда привело это снисхожденіе начальствующихъ (реакція энергической системѣ Николая) въ полкахъ, заведеніяхъ, канцеляріяхъ, мастерскихъ и экономіяхъ, видно изъ общихъ жалобъ на упадокъ дисциплины, изъ „безчисленнаго рода безпрестанныхъ жалобъ хозяевъ Ремесленной Управѣ и изъ разнузданныхъ нравовъ уличныхъ, общественныхъ и литературныхъ“.

и гости; но народъ, но государство, его похвалить не могутъ, не смотря на его мягкость и либеральность. Промышленность и торговля упали, ни внутренняго, ни внѣшняго кредита нѣтъ, въ обращеніи недостаетъ даже бумажекъ, цѣны возвысились чрезвычайно, безпорядокъ въ распоряженіи суммами ростетъ и усиливается, неосновательныя начинанія въ работахъ разныхъ коммисій только раздражаютъ любопытство. Повидимому все обстоитъ благополучно, но ничего хорошаго нѣтъ.

Константинъ Боборыкинъ думаетъ ѣхать консуломъ въ Ургу, въ Монголію. Это всѣхъ насъ огорчаетъ. Мы всѣ искренно его любимъ и не можемъ надивиться, что̀ гонитъ его въ степь, въ Монголію. Счастливый исходъ Китайскихъ переговоровъ генер. Н. Игнатьева и (товарища Константина) флигель-адъютанта Балюзека могъ быть поводомъ, средствомъ, но не основаніемъ и не цѣлію. Окончивъ курсъ въ 1848 г. въ артиллерійскомъ училищѣ—слѣдовательно съ образованіемъ весьма посредственнымъ—онъ началъ службу въ арміи и дѣлалъ Венгерскую кампанію. Семейное разстройство, за которымъ отецъ не жилъ съ матерью, второй братъ застрѣлился, сестра несчастливо вышла за мужъ, братья опредѣлены въ корпуса, множество сестеръ безъ перспективы, все это держало его далеко отъ родного дома. Онъ занимался разговорами, писаніемъ и переѣздами, стремясь то примирить отцовъ, то потѣшить сестеръ. Во время Восточной войны онъ попалъ въ адъютанты къ хорошему человѣку, Крыжановскому и, по окончаніи войны, къ генер. Баранцову, начальнику штаба. Въ это время онъ пытался писать въ Артиллерійскомъ Журналѣ, въ обличительномъ родѣ, и окончательно примкнулъ къ партіи литераторовъ и либераловъ, въ стремленіяхъ которой ничтожная его служба и безцѣльность карьеры, требовавшей бо́льшей научности, отразились и гнели его еще болѣе. Въ Октябрѣ 1859 г. онъ предпринялъ продолжительное путешествіе по Испаніи, Франціи и Англіи, сдѣлался дилетантомъ, подружился въ Лондонѣ съ Герценомъ и Огаревымъ и воротился, въ концѣ 1860 г., либераломъ отъявленнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что заграничная его жизнь извѣстна правительству, и положеніе его, давно уже ложное, сдѣлалось еще болѣе тяжкимъ, особенно при Баранцовѣ, для котораго вѣрноподданическая пассивность есть первый долгъ и залогъ успѣха. Въ это время воротились Игнатьевъ и Балюзекъ, Константинъ похоронилъ отца, артиллерійская карьера опротивила, другія поприща не давались. Азіатскимъ Департаментомъ завѣдываетъ Егоръ Ковалевскій. И вотъ Константинъ Боборыкинъ отправляется въ Монголію. Поколебалъ-ли я его моими доводами, не знаю: но съ его здоровьемъ, съ его сердцемъ и характеромъ Монгольское уединеніе кажется мнѣ болѣе нежели несвойствен-

нымъ. Онъ такъ плѣненъ Римомъ, онъ такъ любитъ вращаться въ говорѣ товарищей, что я и представить себѣ не могу его уединеніе въ степяхъ Монголіи.

Сегодня, 28 Янв., я зашелъ въ Казанскій соборъ, чтобы попросить Господа Бога о счастливой развязкѣ крестьянскаго дѣла, которое внесено въ Государственный Совѣтъ и нынѣ начато разсмотрѣніемъ подъ предсѣдательствомъ Государя. Я не ханжа, но я долженъ былъ сдѣлать этотъ актъ раскаянія, какъ бы испросить прощеніе, потому что съ самаго начала дѣла, съ Ноября 1857 г., былъ противъ этого дѣла, т. е. противъ способа его начала и совершенія. Молодая нація, молодое правительство, мы слишкомъ поспѣшно и слишкомъ много захватываемъ и потому не успѣваемъ и не можемъ обнять всего. Я полагалъ, что до перехода въ совершенно-свободное состояніе и въ вѣдомство общаго права, намъ слѣдовало установить законность крѣпостнаго права и патримоніальный судъ, предоставя выходъ изъ сего порядка окончательный не всей массѣ, а индивидуально, мѣстно, въ видѣ пріобрѣтенія свободнаго достоинства заслугами труда лицъ, семействъ или обществъ. Я и теперь такъ думаю. Придумали иначе.

Засѣданіе кончилось въ 6 часу. Оно было не совсѣмъ удовлетворительно. Государь привыкъ мало ожидать отъ Совѣта, а Совѣтъ вздумалъ заняться серьезно, и при этомъ столкновеніи видно было какое-то нерасположеніе, холодность и раздраженіе.

Предположивъ расширить власть и кругъ дѣйствій Сената и законодательнаго собранія (24 Ноября), Наполеонъ такъ выразился передъ своими совѣтниками: Ce qui nuit à mon gouvernement, c'est l'absence de publicité et de contrôle. C'est là ce qui favorise la calomnie et engendre les préventions. Je ne veux que le bien, je n'ai dans le coeur que les intentions honnêtes, mais je puis me tromper. C'est pourquoi je veux connaître l'opinion du pays par l'organe de ses députés après qu'ils auront examiné mes actes". Искренное-ли это желаніе или мѣра необходимости напирающихъ событій? Въ тронной рѣчи Императоръ поясняетъ: vous le savez, en politique on ne croit guère à une démarche purement désintéressée. Вѣрнаго здѣсь только то, что есть клевета „и предубѣжденія". Думаю я, что вѣрно еще и то, что конституціонное учрежденіе Франціи слишкомъ односторонне, искуственно и отзывается вліяніемъ порядка временнаго, переходнаго, реакціонернаго. Какая свобода мнѣній при нынѣшнемъ порядкѣ выборовъ (исключительно правительственномъ), при нынѣшнихъ законахъ о журналистикѣ, совершенно произвольныхъ, при нынѣшнихъ обычаяхъ вознагражденій и отличій, преимущественно имѣющихъ въ виду прославленіе, лесть и личную

преданность? Императоръ дѣйствуетъ ловко, въ этомъ должно сознаться. Но сѣть или цѣпи, которыми онъ сдерживаетъ вольное движеніе бойкой націи, стѣсняютъ свободный ходъ развитія нравственныхъ и умственныхъ интересовъ, и нынѣ уже нельзя не замѣтить, что уровень личнаго достоинства чувствительно понизился даже въ тѣхъ людяхъ, которые выросли въ эпохи предъидущія. Что будетъ съ людьми настоящаго времени? Матеріализмъ въ убѣжденіяхъ, навыкъ окружающей среды въ стремленіяхъ и доводахъ и равнодушіе къ средствамъ достиженія. И это будутъ лучшіе.

Крѣпостное дѣло поглощаетъ все и всѣхъ. Послѣдній завалъ, послѣднюю дверь осталось отворить, чтобы выпустить на свѣтъ Божій засыпанное глыбами насилія и привычки семейство меньшихъ братій. Сердце дрожитъ при одномъ представленіи этой картины, этой гражданской реформаціи, бывшей вездѣ (кромѣ Англіи) послѣдствіемъ религіозной и политической, намъ неизвѣстныхъ. Я боюсь ослабленія производительности, злоупотребленія вольности, нуждъ, несчастій и преступленій. На роду намъ написано: „путаница и неудача“. Четвертый годъ мы вольнодумствуемъ, говоримъ и пишемъ, а ничего не выработали. Движеніе и улучшеніе есть, это безспорно. Болтовня и скандальцы газетъ и журналовъ иногда щиплятъ чувствительно, но—не больно, и то провинціальныхъ распорядителей. Выработали мы судебныхъ слѣдователей, но какихъ, но сколько? Ни полиціи, ни кредита, ни хозяйства нѣтъ. Госуд. Совѣтъ продолжаетъ усиленныя засѣданія. Никто не осмѣливается представлять о кореннныхъ перемѣнахъ. Гр. Панинъ поддерживаетъ проекты Ростовцова. Государь заявилъ свое воззрѣніе и мысли. Многіе думаютъ—и думаютъ лукаво—соглашаются, но съ отсрочкою исполненія на два года, полагая, что въ эти годы пояснительные указы, къ которымъ пріучилъ насъ нашъ Правительств. Сенатъ, успѣютъ утвердить безобидную доктрину, какую онъ установилъ въ отношеніи захватовъ земель у Каспійскаго и Чернаго морей и по Уральскому хребту, и ввести формальности, какія введены по учрежденію вольныхъ хлѣбопашцевъ. Но я не понимаю, можно ли такъ невозбранно поступать съ народомъ. Да и власть, освобождая личность отъ приписки къ личности, не только не устроитъ, но скорѣе разстроитъ государство, ибо государство-то это все приписано къ личности, а отъ него отдано въ кормленіе, въ ленъ, дворскому сословію, т. е. дворянству. Служба, кредитныя учрежденія, высшія лучшія заведенія учебныя, все принадлежитъ имъ. А что это за сословіе? Проходимцы и пройдохи, отличившіеся темными заслугами и воспитанные въ праздности и незаслуженныхъ успѣхахъ. Стыдно до униженія становится, читая „La

cour de Russie il y a cent ans“ или современныя записки. Тоже продолжается и теперь. Учебныя заведенія военныя дошли до того, что вынуждены обращаться къ студентамъ и гимназистамъ. 25 лѣтъ существуетъ Училище Правовѣдѣнія и 20 лѣтъ исключительно отправляетъ наше правосудіе—и каково оно? Сто лѣтъ кредитуется дворянство, а если бы не противузаконныя льготы, то $^2/_3$ имперіи слѣдовало бы продавать съ молотка. Какова у насъ служба и нравственность служащихъ—и говорить нечего.

Вотъ что: государство надобно эманципировать, а не чернь. Надобно, чтобы реформы исходили сверху, а не снизу,—а потомъ уже и народъ. Я порицаю идолопоклонство личностямъ и исканіе, по неимѣнію, этихъ личностей въ какихъ нибудь мелкихъ дѣятеляхъ, но не извинить этого нельзя. Много надобно силы и тягучести воли, чтобы сохранить зависимость и достоинство личности. Всѣ такъ, уши за хвостомъ. Всѣ держатся милостивцевъ, имѣющихъ прочное положеніе, съ ними и за ними говорятъ, поддакивая или хитро внушая имъ другія мысли.

Трудно себѣ представить, подъ какимъ гнетомъ совершается крѣпостное дѣло. Еще труднѣе представить постоянную твердость Государя, обыкновенно мягкаго и податливаго. Но напряженіе умовъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, такъ велико, что оглашеніе рѣшенія необходимо настоятельно. Пріѣзжіе говорятъ, что въ глуши объ немъ мало знаютъ,—можетъ быть; но несомнѣнно то, что въ ожиданіи его все остановилось, и все, при данной гласности, представляется обветшалымъ и требующимъ радикальныхъ реформъ. Остановиться въ этихъ реформахъ, какъ при Александрѣ I, нельзя. Гласность и общественность не дозволятъ; примѣры Австрійскихъ обмановъ на нашихъ глазахъ, да и зашли слишкомъ далеко. А многіе думаютъ иначе!

Сегодня, во время акта*), по случаю отмѣны рѣчи профессора Костомарова въ Университетѣ произведенъ студентами такой гвалтъ, что многіе, по первымъ впечатлѣніямъ, называютъ его открытымъ бунтомъ. Молодежь, болѣе 1000 человѣкъ, кричала, топала, ломала стулья и требовала ректора. Измученный чтеніемъ отчета Плетневъ явился въ толпу. „На каѳедру!“ Нельзя, заставлена столами. „Полѣзайте черезъ столы“. Плетневъ полѣзъ; говоритъ, какъ можетъ. „Громче“, „Громче“. Рѣчь не читана, потому что опасались утомить публику. „Вздоръ, большинство публики мы“.—Передъ вами виноватъ Костомаровъ, ему

*) 8 Февраля.

слѣдовало предупредить васъ. „Вздоръ, не слѣдовало отмѣнять“. Все это происходило, когда митрополитъ, товарищъ министра и попечитель, при начавшемся гвалтѣ, успѣли кой-какъ пробраться изъ залы. Удалился и Плетневъ. Тогда начали митингъ, закурили папиросы и пошли предложенія: итти къ Костомарову и привести его; явиться къ Делянову и потребовать отъ него объясненія, процессіей отправиться къ министру и пожаловаться и проч. Кончилось ничѣмъ. Что́ скажетъ правительство, покаравшее такъ грозно Инженерную Академію за объясненія поручиковъ Никонова съ преподавателемъ и Лебедева съ инспекторомъ Паукеромъ? Примѣръ объ этомъ встрѣченъ и въ публикѣ съ большимъ неодобреніемъ. Тамъ кругомъ виноваты инспекторъ и начальникъ училища Кауфманъ (братъ начальника штаба в. к. Николая). А здѣсь? Впрочемъ, въ наше щекотливое время неповиновеніе въ воздухѣ. Хорошо еще (полно хорошо-ли?), что Государь на охотѣ, въ Лисинѣ, куда еще вчерась уѣхалъ и товарищъ министра *).

Не смотря на общій страхъ отъ ожидаемаго 19 числа, обнародованіе манифеста о свободѣ, страхъ доходящій до соглашеній о соединеніи въ этотъ день нѣсколькихъ семействъ вмѣстѣ, до перемѣны замковъ и запоровъ и до заготовленія оружія на случай нападенія (какъ передавали мнѣ товарищи Булыгинъ и Половцовъ), веселости и въ залахъ и на улицахъ продолжаются едвали не лучше прежняго. Общество въ такомъ веселомъ настроеніе духа, что и на гробѣ сочиняетъ каламбуры. Сегодня хоронили извѣстнаго картежника, генерала Сухозанета (Ивана Онуфр.), и за гробомъ шли Государь, князья и члены Совѣта, такъ что выходило, что сперва шли казаки съ *пиками*, потомъ попы съ *крестами* и музыканты съ *бубнами*, и наконецъ тѣло съ *червями*, а за ними всѣ тузы.

Въ Варшавѣ бунтъ. Намѣстникъ предполагаетъ объявить городъ въ осадномъ положеніи. Убито на „Старомъ Мѣстѣ“ 16 человѣкъ и въ томъ числѣ два изъ духовенства. Этотъ телеграфъ прилетѣлъ намъ какъ снѣгъ на голову посреди нашихъ треволненій крестьянскимъ дѣломъ. Дѣло это, говорятъ, отложено до поста, и послѣ завтра, 19, его не обнародуютъ. Напрасно. Ожиданія такъ напряжены, что можно опасаться невольныхъ, невинныхъ манифестацій, которыя въ такихъ дѣлахъ всегда важны и преступны. Въ городѣ толкуютъ, что дворянство хочетъ представить адресъ о „дарованіи конституціи“, что вел. кн.

*) Въ ночь на 19 Февраля 1861 года обходила Зимній дворецъ съ иконою и молитвою монахиня Дивеевской Серафимовой пустыни. Припомнимъ, что всего четыре мѣсяца назадъ, мантіею Серафима исцѣлена отъ смертной болѣзни великая княжна Марія Александровна, а умиравшая бабушка которой клала себѣ на грудь эту мантію. П. Б.

Константинъ совершенно овладѣлъ братомъ и, говоря рѣчь 28 Генваря при открытіи Совѣта, въ которой слышны были даже слова: „самодержавіе установило крѣпость, оно же должно и уничтожить ее“, вел. князь превозносилъ ясность, силу и красоту оратора, твердость его характера и хитрое различеніе обстоятельствъ и личностей, а слухи говорятъ, что самую рѣчь написалъ вел. князь съ секретаремъ своимъ кн. Дмитріемъ Оболенскимъ. Это слухи и толки. Они не безъ основанія, но все таки откладывать манифестъ не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что онъ, говорятъ, уже написанъ митрополитомъ Филаретомъ и подписанъ 19 числомъ.

Возстанія въ Польшѣ слѣдовало ожидать. Вопросъ о Польской національности былъ главнымъ предметомъ переговоровъ прошлогодняго съѣзда въ Варшавѣ, хотя дипломатамъ и сообщили Французскій memorandum о положеніи великихъ державъ въ отношеніи къ Италіи. Польскій вопросъ на очереди и вмѣстѣ съ Венгерскимъ и другими Славянскими. Съ національностями связанъ и вопросъ династическій. Не знаю лучшаго времени для утвержденія нашей династіи дарованіемъ правильнаго управленія. Безправіе Австріи губитъ ее. Погубитъ и насъ, если и мы приступимъ „уже поздно“.

Крѣпостной вопросъ конченъ, манифестъ подписанъ, положеніе печатается, полки флигель-адъютантовъ, въ помощь губернаторамъ, распредѣлены, губернскія и уѣздныя (?) присутствія избраны. Чего же болѣе? Генералъ-губернаторы здѣсь и въ Москвѣ публикуютъ и объявляютъ дворникамъ, что 19 Февраля никакого распоряженія не будетъ по крестьянскому дѣлу. Находятъ, что это объявленіе неловко. Призываютъ редактора Усова и на другой день припечатываютъ, что распоряженіе послѣдуетъ въ день „поста и молитвы“. Говорятъ, въ первое Воскресенье постомъ, т. е. 12 Марта, въ день св. Григорія Двоеслова и церковной анаѳемы. Ужъ не отложатъ-ли? А откладываютъ (странно, стыдно сказать), опасаясь послѣдствій первой радости въ разгульные дни масляницы (26 Февраля—5 Марта), для потѣхъ которой балаганы переведены съ Адмиральтейской площади на Марсово поле, къ Лѣтнему саду. Великому акту міроваго значенія даютъ мелкіе люди значеніе неожиданности, полицейской мѣры, какого-то подарка за послушаніе и благонравіе. Толки общіе. Опасенія, неизвѣстность, стѣсненія повсюду. Но со времени окончанія дѣла въ Совѣтѣ, лихорадка нѣсколько ослабла, самыя пренія тише.

Масляница настала въ прежнемъ видѣ. Чернота, пьянство, неприличіе простого народа видны на каждомъ шагу. Мы шли съ женою по Фонтанкѣ; стыдно идти. Сегодня читаютъ манифестъ въ Сенатѣ при

закрытыхъ дверяхъ. Думали опредѣлить о поднесеніи благодарственнаго адреса, но, давши согласіе на это приказанное предложеніе первоприсутствующаго Лубяновскаго, сенаторы (кромѣ А. М. Безобразова) разъѣхались, не составивъ адреса. Нынче же студенты Поляки и кадеты служили въ Католической церкви панихиду по убіеннымъ въ Варшавѣ и пѣли національный гимнъ: „Наша Польша не погибла“ и когда замѣтили, что полковникъ Константиновскаго училища Рощишевскій записывалъ кадетовъ, то вытолкали его изъ церкви и палками провожали по улицѣ.

Вообще чтеніе глупой статьи Погодина, какъ приметъ народъ вольность (въ Сѣв. Пчелѣ) и обнародованіе Варшавскихъ событій, энергическаго письма или прошенія, доставленнаго чрезъ митрополита Фіалковскаго, и блѣднаго, слабаго отвѣта Государя, написаннаго министромъ Горчаковымъ, производятъ грустное впечатлѣніе. Ушамъ и глазамъ не вѣришь, что̀ видишь и слышишь. Разнузданность общества, шатаніе государственнаго организма и безпечность мѣстнаго порядка поразительны. Точно съ похмѣлья, послѣ оргіи. Не понимаю, какъ это могло и можетъ быть терпимо. Точно будто виновность желаетъ изгладиться послабленіемъ, напряженная дисциплина Николая уступаетъ мѣсто оробѣвшему безсилію. Посмотримъ. Будемъ крѣпки въ вѣрѣ и искренни въ преданности. Сегодня, 5 Марта, читанъ въ церквахъ манифестъ 19 Февраля о вольности народа. Да возрадуются и возвеселятся люди и ангелы! Великій день. Начинается наша новая исторія. Помолимся и обдумаемся.

Манифестъ написанъ дурно, многословно и вяло. Говорятъ, писалъ Филаретъ. Онъ обнародованъ какъ бы украдкою и не произвелъ никакого впечатлѣнія. Но, можетъ быть, такъ и подобаетъ явиться великому дѣлу. До 10 Марта онъ огласится во всей Имперіи. 5-го было только въ столицахъ. Я прочелъ его моимъ людямъ. За обѣдомъ пилъ съ ними Шампанское и прибавилъ къ жалованью по 50 к. въ мѣсяцъ. Гуляя, по обыкновенію, я не видѣлъ никакой перемѣны въ физіономіи города. Кажется, было менѣе пьяныхъ. И такъ дѣло кончено. Я до времени оставляю его, чтобы вникнуть въ сложныя, многочисленныя Положенія. Онѣ продаются въ съѣзжихъ домахъ и во всѣхъ лавкахъ. Говорятъ, продано здѣсь и въ Москвѣ 25 т. Мои люди уже не нашли.

Засѣданіе Французскаго Сената и Законодательнаго Собранія при разсмотрѣніи проэкта адреса замѣчательны въ высшей степени. Нація разучилась говорить. Десятилѣтнее безмолвіе, при природной Французамъ болтовнѣ, разрѣшилось пустословіемъ. Нація разучилась говорить не только въ лицѣ своихъ представителей, избранныхъ подъ одно-

стороннимъ вліяніемъ раболѣпныхъ правителей, но и въ лицѣ главныхъ своихъ руководителей, министровъ Бильо и Бароша. Даже оппозиція—Ляроша-Келена и Жюль Фавра не выдерживаетъ оцѣнки хорошей трибуны. Даже братъ императора, Plon-plon, потерялъ всякое достоинство, всякую сановитость. Государство не знаетъ своей политики, оппозиція забрасываетъ одними вопросами. Большинство, огромное большинство, покрываетъ и министерскую неопредѣленность, и оппозиціонную запальчивость и задыхающійся фанатизмъ ультрамонтанцевъ. On constate et on attend,—вотъ и все. Вѣрнаго ничего.

Вѣрнаго только то, что, куда бы ни вмѣшался этотъ новый властитель стараго порядка, вездѣ онъ производитъ путаницу. На Востокѣ положеніе христіанъ не имѣетъ никакого обезпеченія, въ Италіи нѣтъ мѣста ни законности, ни невмѣшательству. Вся Европа состоитъ съ оружіемъ и выжидаетъ. Покоя нѣтъ ни въ одномъ языкѣ.

Императоръ отвѣчалъ адресной депутаціи: Etre de son époque, conserver du passé tout ce qu'il avait de bon, préparer l'avenir en dégageant la marche de la civilisation des préjugés, qui l'entravent vu des utopies qui la compromettent, voilà comment nous léguerons à nos enfants des jours calmes et prospères. Malgré la vivacité de la discussion, je ne regrette nullement de voir les grands corps de l'état aborder les questions si difficiles de la politique extérieure. Le pays en profite sous bien des rapports. Ces débats l'instruisent sans pouvoir l'inquiéter. Je serai toujours heureux, croyez le bien, de me trouver d' accord avec vous. Issus du même suffrage, guidé par les mêmes sentimens, aidons nous mutuellement à concourir à la grandeur et à la prospérité de la France".

Да. Но, слѣдуя мысли дяди въ учрежденіи конфедерацій, вы вызвали къ единству государство въ 24 м. и отчуждили отъ Франціи католицизмъ, а (что всего важнѣе) не могли воспрепятствовать утвердиться началу, которое Англія поддерживаетъ въ Капрерскомъ гербѣ.

Едва мы прочли неловкій, запутанный и грубоватый отвѣтъ на адресъ Польскій, какъ вотъ обнародованъ и статутъ, учреждающій государственный, губернскіе и уѣздные совѣты съ преобладаніемъ Польскаго элемента, но безъ точнаго опредѣленія порядка и круга дѣйствій и степени правъ. Едва ли организація эта довершится. Думаю, что Польша потребуетъ другого. Дадутъ другого—третьяго. Повторится Австрійская исторія, съ тою только разницею, что болѣе податливый Александръ II-й поспѣшитъ удовлетворить требованіямъ. Но это ни на что не похоже. Это приведетъ, on vous trompe. C'est trop tard. Государь постоянно на охотѣ. Постоянно со всѣмъ соглашается. Оплошность

дошла до крайности. Конь скоро чувствуетъ сѣдока. Воровство въ управленіи дѣлается законно. Мошенничество акціонерныхъ компаній не вызываетъ преслѣдованій. Манифестаціи студентовъ покупаются уступками. Грязь на улицахъ, безчинство и пьянство народа, общій разгулъ переходитъ и въ литературу, гдѣ слова: ложь, клевета, обманъ, низость бросаются прямо въ глаза. Безстыдство Пермской Клеопатры Толмачевой, спросившей: „кто купитъ цѣною жизни ночь мою?“ находитъ хвалителей, особенно когда она объяснила въ глаза всему Пермскому обществу: „не всякій-ли день видимъ мы, что молодыя дѣвушки и женщины продаютъ ночи свои, всю жизнь свою богатымъ старикамъ?“ Особенно несчастливы назначенія. При общей несостоятельности нашихъ учрежденій и при такихъ назначеніяхъ, какъ гг. Денъ—въ Курскѣ, кн. Оболенскій въ Ярославлѣ, Муравьевъ—въ Рязани, гр. Левашевъ въ Орлѣ—удивляемся: какъ еще идетъ управленіе: ужъ не созрѣло ли общество для самоуправленія?

А между тѣмъ срывками, незапно, видна и строгость: такъ архим. Ѳеодора, за неправославныя статьи, сослали въ Переяславль. За присяжный судъ студентовъ, судившихъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Спасовича, студента Бутчика за растрату 1500 р. изъ кассы бѣдныхъ, приказано: виновныхъ подвергнуть взысканію. Ссылка, взысканіе, а между тѣмъ разнузданность на каждомъ шагу, дерзость въ каждомъ словѣ, противорѣчіе, пасквиль—въ родѣ статьи о Суковкинѣ и Гвоздевѣ (въ Библіот. для Чтенія) или „Переходное время“ (замѣчательная желчь А. Жемчужникова, въ Русск. Вѣстн.) при каждомъ случаѣ. Раздраженіе интересовъ, страстей и выраженій все растетъ. Сословія перемѣшиваются. Авторитетъ падаетъ. Но что происходитъ внутри? Какъ понимается и примѣняется манифестъ 19 Февраля? Какіе предназначаются посредники? Крестьяне еще ничего не понимаютъ. Дворовые боятся за завтрашній день, вотъ во многихъ домахъ, уже 6 Марта, отказываются отъ повиновенія. А финансы? А частный кредитъ? А размѣнныя деньги? Я не вижу другого исхода, какъ дать конституцію, конституцію широкую, которая бы вела народъ и способна была не сокращаться, а развиваться.

11 Марта скончался въ Москвѣ князь Константинъ Оболенскій, братъ Декабрьскаго Евгенія и моей старой пріятельницы Натальи, дядя моей милой Вари. Я въ пріязни съ нимъ болѣе 30 лѣтъ и всегда порицалъ въ немъ матеріализмъ и шаткость правилъ. Евгеній, послѣ крестинъ новорожденной своей дочери, пріѣхалъ хоронить своего молодшаго брата въ Москву и плакалъ какъ ребенокъ. Замѣшанный въ дѣло 14 Декабря Константинъ, сдѣлавшись праздным игрокомъ и

членомъ Англійскаго клуба, заслужилъ репутацію шпіона гр. Закревскаго въ кругу Московскихъ либераловъ и жилъ набивною фабрикою, которую онъ оставилъ, какъ говорятъ, любимцу своему, камердинеру Василью. Вообще это личность незавидная и въ настоящія времена возможная только для мѣщанскихъ посредственностей. Ничто ему не удавалось. Все это семейство изчезаетъ и отъ дѣда, апостольской наружности, старца-Петра до внуковъ, которыхъ теперь на лицо шестеро, можно полагать надежду развѣ на Сибирскихъ переселенцевъ, Ваню и Петю, которые родились въ Ялотуровскѣ. Семейство это было богато женщинами, и изъ нихъ богаче другихъ головою, но не счастіемъ княгиня Наталья, сестра ея, Варвара, это типъ женщины, какъ дѣлаетъ ее наше общество. И та и другая пишутъ мнѣ о Константинѣ. Я отвѣчалъ имъ. Но миръ праху твоему, бѣдный человѣкъ. Да будетъ тебѣ легка земля. Всего болѣе я боюсь за впечатлительность Вари. Она любила дядю, онъ баловалъ ее и помогалъ имъ, ей и матери, дѣлясь роскошными своими остатками.

Звонятъ колокола и гудитъ вѣсть о свободѣ народа и слышенъ шумъ и говоръ толпы, точно просыпающейся передъ зарею стаи птицъ, готовящихся къ полету. Къ этому примѣшивается и крикъ Польскій, и все это покрывается народными голосами Европы, и въ воздухѣ летаютъ атомы заразы, и въ ушахъ перекрещиваются мысли и теоріи, а безсильныя учрежденія шатаются со стороны на сторону, а осажденныя личности вертятся въ недоумѣніи, кому угождать, кому противодѣйствовать. Смѣлые не знаютъ, куда идти, робкіе—на кого надѣяться. Все выходитъ изъ своего положенія, и въ общемъ уровнѣ, кромѣ величинъ математическихъ, господствуетъ такое нравственное и политическое безразличіе, при которомъ слабѣютъ самыя обыкновенныя убѣжденія. Это ложный путь. Но безнаказанно и безвозбранно такія ошибки не проходятъ, и уклоненія отъ разумнаго направленія требуютъ жертвъ, очищенія, мщенія. Если онѣ не знаменуются эпохами крови, тѣмъ не менѣе онѣ совершаются то душевными недугами, то изнурительными болѣзнями, то самоубійствами, а всего чаще сжатымъ оскорбленіемъ, томительнымъ недовольствіемъ и горькими слезами.

Въ Варшавѣ бунтъ. Убиты и ранены, въ войскахъ и обывателяхъ. Полилась кровь. Военной силы много, но мало рѣшимости, а народа еще болѣе, и революціонное начало въ полномъ развалѣ. Возлѣ Русскаго правительства образовано имъ же народное, почти во всѣхъ городахъ. Правители, по требованію, перемѣняются; новые ищутъ своего признанія въ народѣ. Если фактъ права останется на сторонѣ военной силы, доселѣ называвшейся правительствомъ, народу останется

прекратить взносъ податей. Петербургское начальство способно на полумѣры и не рѣшится удовлетворить Польскимъ требованіямъ изъ боязни вызвать Русскія, которыя, подавляемыя крѣпостною реформою, готовы выразиться едва ли не смѣлѣе партіи гр. Замойскаго. Министры, дорожа своею властію, будутъ удерживать Государя до нельзя, будутъ уступать въ крайней необходимости, доколѣ не порвется эта обветшалая нить уступокъ, и фактъ не возьметъ силу надъ правомъ. Онъ уже беретъ ее. Онъ готовъ взять ее. Петербургскіе правители уже ограничиваются пальятивами и экспедіентами. Раздраженій у насъ едва-ли не болѣе, нежели въ Польшѣ. И тамъ и здѣсь правительство дурно дѣлаетъ то, что отчуждаетъ отъ себя дворянство. Торопливость нашихъ преобразованій по крѣпостному дѣлу изумительна. Точно мы, какъ въ Варшавѣ, находимся въ осадномъ положеніи. Вѣсти изъ губерній двусмысленны, слѣдовательно дурны. Недоразумѣнія приведутъ къ несогласіямъ, отъ нихъ недалеко до раздоровъ и ссоръ и явнаго неповиновенія. А начинается рабочая пора. Всюду посылаются флигель-адъютанты въ родѣ Левашева, Черткова, Дена; мы близки къ дискреціоннымъ генералъ-губернаторамъ. Не было печали, да....

Полуоффиціальный журналъ „Patrie“ продолжаетъ настаивать, que les soldats français ignoraient, en traversant Alma qu'ils portaient dans leurs gibernes l'émancipation des serfs russes. Если журналъ хочетъ сказать, что Крымская кампанія насъ пробудила отъ самоувѣренности и что правительство желало либеральными уступками ослабить говорливый ропотъ посрамленія, то онъ правъ. Но не болѣе. Видѣть въ этомъ намекѣ вліяніе иностранное на наши жизненныя преобразованія было бы еще горшее посрамленіе.

Я очень занятъ дѣлами государства и Европы и особенно дѣлами министерства. Послѣднее, особенно въ это время, стоило мнѣ много трудовъ и—странное дѣло—труды эти не только не имѣютъ желанныхъ мною послѣдствій, но даже приводятъ къ результатамъ совершенно противуположнымъ. Ослабленное управленіе дѣлаетъ дѣла плохо. Мнѣ остается опровергать, отрѣзывать, переиначивать. Директоры сердятся, жалуются, ропщутъ. Министръ не принимаетъ моего доклада. Я слышу отъ него только неудовольствія, что я „умничаю“, что „связь дѣлъ требуютъ исключеній“, что „идеологія и юридика рѣдко понимаютъ хозяйство“, и что „Лебедевъ (очень честный и благонамѣренный человѣкъ, я это говорилъ и говорю) самолюбивъ и высокомѣренъ“.

Да, за государствомъ и министерствомъ не мѣшало бы мнѣ подумать и о семьѣ, и объ этомъ Митѣ, и объ этой Татѣ, которые такъ мнѣ дороги, которые такъ много счастливятъ насъ и которые завтра

могутъ остаться безъ крова и дневнаго пропитанія. Да. Но какъ подумать? Отказаться отъ прошедшаго? Переломить себя? Въ 50 лѣтъ! Посмотримъ. Я вѣрю въ Бога и Его святую истину. Я довѣряю благородству чуствованій, постоянству характера и чистотѣ намѣреній. Въ Россіи—говорятъ—безъ протекціи нельзя. Пусть попрутъ эту протекцію. Я не отступлю ни шага. Ты ропщешь, Митя; ты ропщешь, Тата: но ваше несчастіе—вашъ отецъ, если вы будете несчастны. Требуйте отчета уже не отъ меня. Такъ мнѣ грустно, такъ мнѣ тяжко думать о вашей необезпеченной участи!

Читаю—продолжаю читать—сочиненіе Бокля: Исторія образованности въ Англіи. Это вовсе не противень книгѣ Гизо, задумано и исполняется на иныхъ началахъ и по другому плану. Здѣсь нѣтъ доктрины, и положенія выводятся изъ фактовъ по Баконовской методѣ. Бокль скорѣе слѣдуетъ мысли „идей" Гердера, съ которымъ у него общаго огромная начитанность, но съ которымъ онъ совершенно расходится въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и поэтической формѣ. Шлёцеръ сказалъ: Исторія есть продолжающаяся статистика. Бокль берется вывести законы развитія образованности на непреложныхъ данныхъ статистики (à la Quételet). Едва-ли это воззрѣніе не поуже стариковскаго Шлецерова. Но во первыхъ: гдѣ эти *непреложныя* данныя? Кетле вѣритъ имъ, какъ orfèvre m-r Josse, а я имъ не вѣрю. Не вѣрю потому, что подробно разобравъ (едва ли не единственную) уголовную статистику Франціи за 25 лѣтъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что почти всякая цифра, и безусловно всякая средняя, имѣетъ значеніе относительное, приблизительное, необходимое. Пиѳагоръ сказалъ: числа управляютъ міромъ, Гёте измѣнилъ значеніе этой математической истины: числа показываютъ, какъ управляютъ міромъ. Согласенъ, но осмѣлюсь выразиться точнѣе: благосостояніе, цѣль бытія, познается цифрами долговѣчности, и то въ среднихъ числахъ, и то въ продолжительные періоды. Здоровье тѣла и духа. Но страницы книги Бокля могутъ служить доказательствомъ моего внимательнаго чтенія.

Министръ посылаетъ меня подробно обревизовать управленія въ Владимирской губерніи. Не принимая отъ меня докладовъ, несмотря на то, что многія дѣла ждутъ его разрѣшенія и что важныя дѣла должны вступить въ Совѣтъ, онъ командируетъ меня въ эту маленькую губернію. И прежній управляющій (Калачевъ) и нынѣшній, мой протежѐ (Шиллингъ) люди вполнѣ благонадежные, и оттуда нѣтъ никакихъ извѣстій, ни доносовъ, ни донесеній о злоупотребленіяхъ. Я и товарищи мои удивлены этимъ назначеніемъ, и я объясняю себѣ это удаленіе предположеніемъ о какихъ нибудь реформахъ, которыя онъ заду-

мываетъ провести, ворочаясь съ затрудненіемъ надъ сельскимъ комитетомъ в. кн. Константина. Я не ропщу, я поѣду, я даже радъ командировкѣ. Мнѣ нужно обвѣтриться послѣ смерти Александра Горбунова. Мнѣ любопытно и посмотрѣть одну изъ Русскихъ губерній при введеніи вольности и новаго порядка работъ и управленія.

Умеръ Ермоловъ, утромъ 11 Апрѣля. Онъ родился въ 1774 г. съ 1 Января 1792 произведенъ въ офицеры и получилъ при Екатеринѣ Георгія и Владимира съ бантомъ и майорскій чинъ. Это былъ самый старшій изъ военныхъ оберъ, штабъ и генераловъ-майоровъ (16 Марта 1808 г.), лейтенантовъ (31 Октября 1812 г.) и полныхъ генераловъ (20 Января 1822 г.). Ума въ высшей степени дѣятельнаго, онъ дѣятельно служилъ и отличался. Едва ли кто нибудь имѣлъ такую популярность въ Россіи, пріобрѣтенную преимущественно незаслуженною немилостію въ 1826 г. и хитрою злою колкостію. Сложенія и здоровья колоссальнаго, онъ 35 лѣтъ сидѣлъ сиднемъ (буквально, ибо онъ никогда не любилъ ходить и просидѣлъ нѣсколько деревянныхъ стульевъ и половицъ подстольныхъ, какъ сказывалъ и показывалъ мнѣ самъ въ Августѣ 1857 г.), ничего, рѣшительно ничего не дѣлая, принимая всѣхъ съ распростертыми объятіями, съ льстивымъ словомъ, величая всякаго по имени и отчеству и прибавляя повидимому неумышленную колкость, хулу или насмѣшку. Память, разумъ, свѣдѣнія, опытность, характеръ—все было у этого *Русскаго* человѣка. Но я не думаю, чтобы его кто нибудь любилъ и даже уважалъ. Я не думаю, чтобы онъ былъ хорошій военачальникъ и администраторъ. Часто видаясь съ нимъ и иногда бесѣдуя долго, я не думаю, чтобы онъ имѣлъ умъ, прославленный противниками его немилости. Я не помню отъ него ни одной иниціативы; я не помню, чтобы онъ когда нибудь самый серьезный разговоръ не пересыпалъ шуточками и колкостями; я не помню, чтобы онъ сдѣлалъ, вызвался сдѣлать, гласно выставилъ какое нибудь доброе, благородное и доблестное дѣло. Изъ напечатанныхъ историческихъ сочиненій его близкихъ сверстниковъ едва ли кто нибудь отозвался о немъ съ похвалою. Все, что слышали и повторяли отъ него, это анекдоты о Нѣмцахъ. Но десятилѣтнее управленіе Кавказомъ останется славнымъ его памятникомъ.

Раздраженіе умовъ очень сильно, напряженное вниманіе готово всему вѣрить, испуганныя ожиданія не видятъ исхода, и все сдѣлалось чѣмъ-то временнымъ, случайнымъ и независимымъ. У насъ Польша и крестьянскій вопросъ съ разными другими болѣзнями и Европою, а въ Европѣ національности и Гарибальдійскіе перевороты. На дняхъ, приписанный къ министерству кол. ассес. Дворжицкій явился въ залу

министра Муравьева и, упрекнувъ его въ томъ, что безъ мѣста ему нечего ѣсть, назвалъ подлецомъ и казнокрадомъ. Люди умные и хорошіе сходятъ съ ума и на дняхъ помѣщены въ заведеніе умалишенныхъ д-ра Штейна: генер.-лейт. Броневскій, гофмейстеръ Хрущевъ (свѣжая и крѣпкая голова, бывшій товарищъ м-ра Шереметева) и д. с. с. Струговщиковъ (переводчикъ Гёте).

Всѣ рѣшаются понести ущербъ $^1/_3$ дохода отъ крестьянской реформы; многіе думаютъ, что обнищаніе дворянства, уменьшеніе производительности и общая нужда неизбѣжны. Многіе опасаются убійствъ и пожаровъ, и изъ разныхъ мѣстъ приходятъ вѣсти о схваткахъ. Въ Могилевѣ стрѣляли и положили двухъ, въ Казани—семьдесятъ. Губернаторы оставляютъ мѣста, вновь назначенные не ѣдутъ (въ Орлѣ съ 5 Марта ожидаютъ гр. Левашева, а онъ себѣ веселится въ Петербургѣ), или оставляютъ управленіе вице-губернаторамъ (какъ гр. Бобринскій, уѣхавшій въ Парижъ къ женѣ на 4 мѣсяца); генералъ Веймарнъ, находившійся представителемъ въ Витебскѣ, по случаю оказавшихся вакансій, уѣхалъ въ Петербургъ.

Несостоятельность настоящаго правительства бросается въ глаза на каждомъ шагу. Не только частная гласность бросаетъ грязью въ его представителей (правда, некрупныхъ), но самыя высшія управленія, министерства, сознавая свое неумѣнье и бездарность своихъ жалованныхъ членовъ, обращаются къ публикѣ и просятъ совѣта и помощи. Частныя лица, за именными подписями, обличаютъ продѣлки и злоупотребленія чиновниковъ предъ судомъ публики, точно будто бы другаго суда и нѣтъ. Акціонерныя общества, какъ напр. „Балтійская компанія“, „Сельскій Хозяинъ“, въ печатныхъ отчетахъ описываютъ такія дѣянія директоровъ и распорядителей; „Главное Общество желѣзныхъ дорогъ“ выказываетъ такую расточительность, что во всемъ этомъ Русскія „невозбранность и безнаказанность“, пожалуй, вызовутъ вмѣшательство власти иностранной, чтобы запятнать этотъ цинизмъ соблазна и назвать вещи своимъ именемъ, подвергнувъ отвѣтственности.

Московскій прокуроръ оффиціально выражается, что „преобразованія по личному усмотрѣнію правительства, зависящія отъ личнаго настроенія составителя ихъ, безпрестанныя измѣненія сего дня того, что было издано вчера, появленіе цѣлыхъ томовъ положеній и уставовъ, сочиненныхъ въ глубокой тайнѣ и часто безъ всякой необходимости, все это возбуждало естественное недовѣріе; *невозможность имѣть какое либо сужденіе* обратила недовѣріе это въ совершенное равнодушіе“...

Въ Москов. Вѣдомост. № 87 напечатанъ протестъ ректора и всѣхъ профессоровъ Московскаго университета противъ Домашней Бесѣды Аскоченскаго, святотатственно оскорбившаго ученое сословіе въ лицѣ профессора богословія священника Сергіевскаго, предавъ его суду церковному и отлученію отъ церкви (за слово его, напечатанное постомъ въ Православномъ Обозрѣніи, № 1); это не только злокачественное обвиненіе и оскорбленіе чести могло бы дать право формальному иску, но и поруганіе честныхъ правилъ требовало бы немедленно предъявленія обвинительнаго акта. Здѣсь недостаточно „довести до свѣдѣнія публики“. Скоро общество совершенно рѣшится отказаться отъ этого слабаго и бездарнаго правительства и внѣ ея іерархіи установитъ свою власть.

И по дѣломъ. Ничтожные люди эти, занятые исключительно окладами, землями и арендами, такъ мало соотвѣтствуютъ выдвигающемуся порядку, что правительству остается просить, какъ проситъ безсильный банкрутъ или расточитель-опекунъ: презирай, но пощади старика!

Близко я вижу это правительство въ лицѣ моего министра и сказалъ бы конечно: и презираю и не пощажу, если бы главный отвѣтчикъ не былъ, такъ или сякъ, одушевляемъ лучшими намѣреніями, которыя отравляются неспособнымъ антуражемъ, убаюкиваніемъ журналистики и личною безхарактерностію.

Не могу понять, какъ держится общество при такихъ презрѣнныхъ учрежденіяхъ и какъ до сихъ поръ не явится новая власть, чтобы внести какой нибудь порядокъ въ этотъ хаосъ, въ которомъ ловятъ рыбу и грѣютъ руки одни мерзавцы.

Я скоро готовъ буду вѣрить, что дѣйствительно существуетъ партія разрушенія умышленныхъ иниціаторовъ, потакателей и провокателей. А пора бы сказать смѣлое слово. Иначе и мнѣ скажутъ: ужъ поздно!

Дождь и градъ повышеній, перемѣнъ и наградъ по случаю свѣтлаго праздника и тезоименитства Государя. 1580 орденовъ изъ Капитула, 72 т. десятинъ земли и болѣе 50 т. арендъ. А еще говорятъ, что у насъ чины въ чести, а еще боятся, что у насъ земель мало, а еще кричатъ, что у насъ денегъ нѣтъ. Однимъ приказомъ произведено и уволено 58 генераловъ, другимъ приказомъ надѣлано столько-же новыхъ. Въ пользу уволенныхъ остряки наши придумываютъ концертъ во дворцѣ, гдѣ министры будутъ пѣть. Княжевичъ: ужъ я золото хороню, хороню; Чевкинъ: не одна-то не одна во полѣ дороженька, не одна не пролегала, Ланской (уволенный): я въ пустыню удаляюсь, а

министерша Сухозанетъ и столь же старая графиня Разумовская: мы Цыганки молодыя, и проч. и проч.

Но надобно же заняться и дѣломъ. Смѣнили Ланскаго, его сдѣлали графомъ и оберъ-камергеромъ, смѣняютъ просвѣщеніе Ковалевскаго, думаютъ смѣнить Княжевича и Панина.

Изъ важнѣйшихъ назначеній должно отмѣтить Валуева. Это человѣкъ прекрасныхъ формъ, весьма гибкій, ловкій и представляетъ придворную, Шуваловскую партію, представляя, когда дѣло шло о достиженіи и партію либеральную. Выборъ прекрасный. Я знаю Валуева близко. Онъ умѣетъ себя поставить и при самостоятельномъ положеніи съумѣетъ повести дѣло. Сколько я могъ замѣтить, онъ не любитъ подробныхъ занятій и недостаточно цѣнитъ выборъ людей. Онъ не отстаиваетъ никакой системы и любитъ болѣе проводить данныя мысли, нежели учреждать свой порядокъ. Человѣкъ въ полномъ смыслѣ Европейскій, онъ вполнѣ проникнутъ мыслію, что безъ угожденія двору никакое положеніе не прочно и лавировать полезнѣе для дѣла и лицъ, нежели отстаивать. Вслѣдствіе-ли несчастныхъ обстоятельствъ или по рожденію и по организаціи, онъ очень холоденъ.

А крѣпостной вопросъ едва доходитъ до мѣста и почти вездѣ порождаетъ недоразумѣнія. Въ Спасскомъ уѣздѣ, Казан. губерн., въ имѣніи Мусина-Пушкина, с. Безднѣ, открытое неповиновеніе, подстрѣкаемое раскольникомъ Антоновымъ и при церковномъ колоритѣ, потребовало вооруженнаго вмѣшательства, и генералъ Апраксинъ положилъ на мѣстѣ 52 человѣка и ранилъ 90; въ Пензѣ—160. Для меня важнѣе этихъ схватокъ и недоразумѣній раздраженіе дворянства. Оно очень натянуто, и исходъ этого напряженія тѣмъ болѣе долженъ озабочивать правительство, что дворянскіе интересы не имѣютъ органовъ. Ихъ слѣдовало бы создать.

И не смотрѣлъ и не слушалъ бы всѣ эти гадости и мерзости, разсказанныя мнѣ директоромъ К. И. Рудницкимъ. Товарищъ министра N. N., будучи въ связи съ старою сиреною Бартоломей, запутался въ Балугьянскихъ и всѣмъ этимъ Бартоломеямъ, Капгерамъ и Дараганамъ раздастъ награды, такъ что плѣшивый сенаторъ, получивъ 6 т. дес., шесть мѣсяцевъ таскался по столамъ оброчнаго и межеваго отдѣленія и выбиралъ себѣ лучшіе участки. Такъ-же, но немного иначе, поступилъ и самъ Муравьевъ, получившій 20 т. д. съ прибавкою при отрѣзкѣ 2 т. д. Вмѣсто его выбралъ земли Самарскій управляющій Протопоповъ, уже услужившій начальнику при отводѣ земель сыну его Леониду. Протопоповъ выбралъ Муравьеву 22 т. изъ оброчнаго участка въ 48 т. д., отдававшагося по 65 к. за десятину.

Земли Муравьева, по распоряженію чиновника м-ва Крогіуса, пошли (сперва 13 т.) по 2 р., но за то остальныя земли участка пошли не по 65, а по 5 к. Наградивъ себя, своихъ и сына, Муравьевъ доложилъ, по прежнимъ примѣрамъ, чтобы министры не представляли къ наградѣ землями. Изъятіе—конечно не послѣднее—сдѣлано для немногихъ: Зеленаго, Гедеонова, Стенбока, Гернгросса, Невѣровскаго и—Протопопова, которому назначено 3 т. дес. Такъ платитъ и покупаетъ этотъ господинъ усердныхъ подчиненныхъ. Передаю, какъ получилъ. Я ожидаю всякой черноты отъ Муравьева.

Итакъ я ѣду во Владиміръ. Я оставляю Петербургъ въ самое интересное время. Но едва ли не важнѣе оно въ губерніяхъ, гдѣ организуется наше хозяйство и гдѣ льются потъ и кровь. Я увижу крестьянское дѣло на мѣстѣ и конечно всмотрюсь въ него. Но для меня любопытно и наше управленіе. Въ губерніи, преимущественно промышленной, съ 1856 г. введенъ кадастръ, т. е. мнимая подоходная подать. Промысловый налогъ и измѣненія тарифа должны оставить очевидные слѣды на многочисленномъ классѣ ремесленниковъ и фабричныхъ. Потомъ поучительно вникнуть и въ послѣдствія нашего фискальнаго направленія и бумажнаго наводненія. Въ нынѣшнемъ году въ губерніи совершается преобразованіе волостей и отмѣняется инстанція сельская, которой отсутствіе, послѣ 20 лѣтъ существованія, должно неминуемо произвести запутанность, особенно въ хлѣбныхъ запасахъ и капиталахъ. Я недоволенъ этою неблаговременною командировкою, но я сдѣлаю ее не безъ пользы для себя и для дѣла. Жаль одно: я попалъ на губернатора и управляющаго, людей столь посредственныхъ, что не могу расчитывать на ихъ содѣйствіе.

Едва ли когда нибудь я такъ много объѣздилъ. Успокоившись и обозрѣвъ положеніе, я желаю дать себѣ отчетъ въ моихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ. Время переживаемъ мы важное, и едва-ли оно не опередило насъ, по крайней мѣрѣ едва-ли обязательныя учрежденія не соотвѣтствуютъ теоріи, чѣмъ дѣйствительности. Реформа опередила и средства и привычки и самыя нужды.

Мнѣ нужно было освѣжиться послѣ тревогъ и волненій сердца и головы отъ незапной смерти Сашеньки Горбунова и непріятностей служебныхъ. Мнѣ хотѣлось ѣхать на Каспійское море, гдѣ изученіе рыболовства обѣщало и развлеченіе и пользу и Югъ и море; министръ придумалъ Владиміръ. 6 Мая я выѣхалъ, нѣсколько дней пробылъ въ Москвѣ, 12—19 во Владимірѣ и губерніи, 20 у Жукова, 23 въ Пензѣ, 24—28 въ Саратовѣ, у моей несчастной сестры, а потомъ черезъ Аткарскъ, Кирсановъ, Шацкъ и Елатьму, 31, снова во Влади-

мирской губерніи, въ волости Домнино. Отъ сюда, черезъ Рожновъ боръ (богатая устроенная дача въ 28 т. дес.) я началъ поѣздку по губерніи по округамъ и волостямъ, въ Муромѣ, въ Чаадаевѣ, въ замѣчательной Багратіоновской волости, гдѣ народъ встрѣчалъ меня какъ принца крови, толпами выходя на дорогу за 15 и 10 верстъ и толпясь тысячами у моей квартиры. Изъ Озоблиново (волость чистослесарную) черезъ бѣдныя Сергіевы Горы я проѣхалъ изъ Вязниковъ въ Ковровъ, весь полный рабочими желѣзной дороги, и за тѣмъ въ богатую, бунтующую (она не составляетъ раскладочныхъ приговоровъ по кадастру съ 1856 г.) волость Алексино, гдѣ и пробылъ двое сутокъ. 11 Іюня, въ ужасный Троицынъ день, я пріѣхалъ въ Шую и видѣлся, 12, съ головою и городничимъ (капит. Купріяновъ), отправившись, чрезъ Пупки, въ знаменитое Иваново. Здѣсь пробылъ сутки въ домѣ Е. П. Гаршина, осмотрѣлъ двѣ фабрики и, обревизовавъ отдаленное Курьянова, тѣмъ же трактомъ поѣхалъ, чрезъ Лежнево, въ Суздаль, гдѣ едва нашелъ помѣщеніе. Посѣтивъ соборъ и Спасскій монастырь, послѣ ревизіи волостей Городищенской и Яневской, я чрезъ Юрьевъ прибылъ въ Ильинское, а оттуда, чрезъ Симы, въ Елизарово, Вретболу и наконецъ въ Никитскій монастырь къ архимандритамъ Нифонту и Ѳеодору, у которыхъ и говѣлъ до 27. Отсюда, чрезъ Александровъ, я поѣхалъ въ Воскресенскую волость, а потомъ въ Сергіевскую Лавру, Скитъ, пещеры, Виѳанію, Пустыньку Ананія и въ Махру, гдѣ меня встрѣтили по ошибкѣ съ колокольнымъ звономъ и гдѣ я остановился въ домѣ пономаря Святухина, разсказавшаго мнѣ дивныя вещи о нашемъ Византійскомъ духовенствѣ. 29-е посвятилъ осмотру Алексина Бора и потомъ въ Анниной волости, 4 т. дачи погорѣлаго лѣса, и 30 вечеромъ пріѣхалъ къ Шиповымъ, въ Воспушку, изъ которой чрезъ Воршино, богатое Ставрово, 6 Іюля пріѣхалъ во Владиміръ и оставался въ Палатѣ до 25-го. 27-е былъ уже въ Тулѣ, а 29 съ моими въ Рябинкахъ, поѣхалъ на Козельскъ, чтобы быть въ Калугѣ 5 Августа. Прибылъ въ Москву 6, въ Петербургъ 8 Авг. во Вторникъ и былъ въ Совѣтѣ. Что я видѣлъ и что я нашелъ?

Я видѣлъ вездѣ дурно производимыя работы полевыя, вездѣ слышалъ ропотъ на правительство, способный поколебать даже дѣйствительную привязанность къ династіи и отчизнѣ. Введеніе посредниковъ и учрежденіе обществъ убавили страховъ и точно содѣйствовали внѣшнему порядку, но это потому, что страхи были слишкомъ велики, и подъ ихъ вліяніемъ соглашались на всякія убыточныя сдѣлки. Не говоря объ обществахъ, которыя не будутъ же лучше казенныхъ, я долженъ, сказать, что дѣйствія посредниковъ, облеченныхъ de facto

дискреціонною властію, въ большей части, весьма односторонней и только при явной преклонности ихъ въ пользу крестьянъ, могутъ расчитывать на довѣріе ихъ и тѣмъ снискать популярность, къ которой въ нашъ вѣкъ такъ падки и самые посредники.

Крестьянъ драли или били въ Аткарскѣ и Кирсановѣ, въ Моршанскѣ и во Владимирѣ; но не подлежитъ сомнѣнію то, какъ мнѣ объявляли Д. П. Князевъ, А. В. Шереметевъ, С. П. Шиповъ, Н. А. Бутурлинъ и др., что посѣвы противъ прежнихъ, а съ ними и доходъ,— уже не говоря и неурожаѣ отъ засухи—уменьшены значительно, и что жнитво и уборка производятся небрежно. Большіе владѣльцы, по преданію обычнаго авторитета, еще находятъ послушаніе въ крестьянахъ и вниманіе у начальствъ; но что̀ сказать о мелкопомѣстныхъ, о Малороссійскихъ хуторкахъ?

Дурное право, такъ абсолютно и незапно отмѣненное, мститъ за прошедшее, и иногда назойливость дѣвки или буфетчика таковы, что вывороченный порядокъ отношеній перепуталъ въ старыхъ головахъ всѣ понятія, и я видѣлъ собственными глазами, какъ старики, обѣщавшіе долгую жизнь, терялись, упадали духомъ и тѣломъ и когда-то осанистые и гордые, клонились до́лу, думали и говорили о могилѣ.

Я не видѣлся съ гг. министрами и не знаю, понимаютъ-ли они, что предназначенные два года есть послѣдній срокъ законности, правомѣрности и огражденій хозяйственности быта, послѣ котораго всякое соглашеніе, при невѣжествѣ народа, будетъ принужденіемъ и всякая сдѣлка—уступкой. Парализировавъ власть помѣщичью, не образовавъ и не назначивъ новой, правительство много повредило и вредитъ порядку и хозяйственному быту, не преподавъ хорошей инструкціи (какъ думали и говорили) посредникамъ, которые теперь поставлены въ необходимость искать популярности, чтобы заслужить довѣріе массъ, невольно внушающихъ опасеніе.

Должно удивляться одному: какъ до сихъ поръ мало возвысились цѣны и какъ въ настоящее время есть покупщики на земли (впрочемъ не населенные). Изъ этого простой выводъ тотъ, что дѣла еще вовсе не такъ плохи, какъ говорятъ, думаютъ и предполагаютъ, особенно предполагаютъ Петербургскіе дѣльцы. Невозвышеніе цѣнъ объясняется рѣдкостію денегъ.

Я впрочемъ мало былъ досуженъ для изученія этого вопроса. Я былъ занятъ ревизіей губерніи и долженъ сказать объ этомъ съ нѣкоторою подробностію. Говоря въ шутку, Владимирская губернія—южная

половина—живетъ воровствомъ, а сѣверо-восточная—мошенничествомъ. Тамъ лѣсъ, здѣсь миткаль. Но говоря безъ шутки, благоденствующая губернія въ переходномъ состояніи, и истребленіе лѣса и развитіе пароваго производства грозятъ промысламъ упадкомъ. Только усиленная производительность уровняетъ интересы.

Управленіе государственными имуществами отличается исправностію денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, народъ дѣятеленъ, управленія бдительно „выбиваютъ“ подать, и мѣстныя заработки весьма прибыльны. Но за тѣмъ отдѣльное наше вѣдомство—status in statu—обходясь весьма дорого, для народа не только безполезно, но даже вредно.

Главный недостатокъ, который обнимаетъ всѣ прочіе, это водвореніе огромной письменности въ средѣ безграмотнаго народа. Писарямъ и головамъ изъ писарей—это раздолье. Подтверждая однако, что развитіе письменности дѣлается для поборовъ (по Питерской замашкѣ), я долженъ подтвердить и то, что прежде поборы дѣлались и безъ этого, слѣдовательно успѣхъ состоитъ въ томъ, что для взятки уже нужна законность, формальность, бумага. Впрочемъ поборы производятся и другими путями, и главнѣйшихъ причинъ этому три: 1, неопытность вообще плохаго личнаго состава управленія, 2, неопредѣленность податей и повинностей и 3, сверхсмѣтные сборы.

Бывшій управляющій Калачовъ, помѣщикъ изъ военныхъ, окриленный полномочіемъ министра, объѣзжалъ губернію и какъ хозяинъ замѣтилъ разныя несообразности; здѣсь нѣтъ училища, нуженъ магазинъ, необходима церква, а здѣсь, тамъ (мѣстахъ въ 200) полезно бы распланировать селенія и перенести усадьбы. Можно себѣ представить, какой погромъ произвело это во всемъ населеніи. Я былъ атакованъ жалобами. Денегъ ни на училища, ни на церкви крестьяне не даютъ. Но ихъ строютъ, точно также какъ и магазины, и строютъ и работаютъ, особенно по лѣснымъ неугодамъ не смотря на то, что работы по мѣстнымъ дорогамъ чрезвычайно возвысили цѣны, и безъ того мелкія въ промышленной губерніи. Неблаговременныя затѣи эти обходятся крестьянамъ по крайней мѣрѣ 50% дороже обыкновеннаго времени. Вообще личный составъ набранъ по протекціи, а новый управляющій слабъ, болѣзненъ, малосвѣдущъ и тупъ. Есть чиновники изъ морскихъ офицеровъ, изъ саперовъ, даже изъ артиллеристовъ, даже изъ медиковъ. Почти вся канцелярія Палаты изъ семинаристовъ. Должно однако замѣтить, что и такъ приготовленные дѣльцы и блюстители сидятъ на мѣстѣ годъ и менѣе. Удивляешься, какъ еще управленіе и такъ идетъ, какъ идетъ.

Въ дѣлахъ Палаты совершенный застой. Расквитавшись съ ревизіей въ лѣто 1857 г., когда министръ проѣхалъ по большой дорогѣ и въ сутки обревизовалъ все управленіе, Палата дѣлами пріостановилась, а начала мѣнять чиновниковъ и вводить новые порядки.

Къ довершенію этого застоя и моего раздраженія, я нашелъ управленіе въ преобразованіи, и при замѣщеніи 55 (вмѣсто 27) волостей кой-какъ набранные писаря и головы еще такъ мало привыкли къ дѣлу, что мнѣ приходилось, какъ говорится, учить ихъ азбукѣ. И это управленіе существуетъ съ 1838 г., и такъ оно ведется въ лучшей губерніи, и вотъ кто распоряжается государственнымъ имуществомъ!

Въ губерніи съ 1856 г. введена подоходная система податей, по которой въ нѣкоторыхъ волостяхъ Вязниковскихъ, Ковровскихъ и Покровскихъ подать съ промысловъ доходитъ до 50 и до 100%. Жалобы на нее общія. Обширная Алексинская волость (52 деревни) отказывается составлять раскладочные приговоры. „Мы будемъ платить по приказу, но не по своей раскладкѣ“. Они этимъ выражаютъ свою оппозицію.

Ни количество, ни пространство ни земель, ни лѣсовъ не извѣстны, и назначенный въ 1858 г., учетъ земель производится полоумнымъ топографомъ Каверинымъ черезъ пень-колоду, такъ что конца предвидѣть нельзя, ибо здѣсь вмѣшались рекогносцировки (мѣстныя повѣрки въ натурѣ) и содѣйствіе землемѣровъ, которые и своего дѣла не кончаютъ, а можно предвидѣть развѣ одну запутанность въ плановомъ архивѣ, ибо по данной министерствомъ инструкціи раздѣленіе разрядовъ означено сбивчиво. Палата не имѣетъ понятія объ этомъ дѣлѣ и въ немъ не участвуетъ.

Зло заключается въ томъ, что Петербургъ ничего не знаетъ о мѣстности, а мѣстные чины, противъ которыхъ никто не споритъ, лѣсничіе-спеціалисты болѣе нежели сомнительной честности. Они, эти лѣсничіе, назначаютъ лѣсосѣки гдѣ хотятъ, лишь поболѣе выручить. А изъ этой выручки казна едва-ли получаетъ половину стоимости. Произвольное назначеніе лѣсосѣкъ дѣлается потому, что управленіе не знаетъ пространства лѣсовъ и назначаетъ ихъ по сдѣлкамъ съ мѣстными торговцами. Управленіе руководствуется двумя таксами. Одна для собственнаго обихода, другая для отвода Петербургскихъ блюстителей, съ поддѣлкою 25%. По многимъ лѣсосѣкамъ проданная площадь не составляетъ и половины вырубленной, и здѣсь въ сдѣлкахъ лѣсничихъ участвуютъ съ лѣсничими и стражники. Торги назначаются для проформы, за мѣсяцъ, за недѣлю дѣлается публикація. Иногда мѣстные лѣсничіе не знаютъ гдѣ назначена рубка.

А какой глухой гулъ отдается изъ Россіи въ Петербургъ! И какъ напряжено вниманіе и слухъ и воображеніе всего правительства при каждомъ событіи, при малѣйшемъ шумѣ и говорѣ! Вы просите конституціи—вотъ вамъ конституція. Уступчивости, снисхожденію конца нѣтъ. Польша и Финляндія протестуютъ, сдѣланныя уступки уже не удовлетворяютъ ихъ. Въ западныхъ губерніяхъ учреждены для манифестаціи особыя коммисіи (по мысли Валуева, но глупую преамбулу писали чиновники канцеляріи Комитета Министровъ) и дана воля мѣстнымъ начальникамъ объявлять гдѣ нужно военное положеніе. А оно тамъ нужно. Народъ толпится какъ въ Варшавѣ, и какъ тамъ толпа смѣется войску и начальству, поетъ патріотическіе гимны и бьетъ стеклы. Предводитель дворянства гр. Тышкевичъ далъ пощечину генералу Назимову, когда-то любимому въ Литвѣ за дѣло Конарскаго. Канцелярія Комитета изготовила и общій (кажется временной или предварительный?) наказъ полиціи, придавъ это названіе просто на просто простому порядку требованію военной силы. Къ этому присоединяется еще затрудненіе: безпрестанно являются подметныя печатныя воззванія. Я читалъ два: Великороссамъ—небольшое и невыразительное, напечатанное плохо, кажется, въ ручной типографіи, и большое, въ два листа, напечатанное кѣмъ нибудь изъ изданной Будущности или Колокола. Это воззваніе, содержащее подробный разборъ нашего положенія и доказывающее необходимость перемѣны правленія и правительства, надѣлало много шуму и, несмотря на наши привычки, произвело общій говоръ, страшные розыски, строгія угрозы. Впечатлѣніе его знаменательно. Многіе относятъ его къ великому князю Константину, отправившемуся къ Герцену въ Англію, другіе—къ дворской партіи, желающей устранить Государя, третьи (большинство) видятъ въ немъ емисаровъ тайнаго общества, соединившагося съ крамольствующими Поляками. Направленіе воззванія соціалистское, а иногда виднѣются въ немъ то Огаревъ, то Славянофилъ, написавшій въ 1854 г. „Русскому народу“. Эра, начатая Наполеонами и развиваемая Гарибальди, вторгается и къ намъ. Уступчивое правительство пойдетъ на уступки. Требованіе между тѣмъ разольется и подниметъ голову. У страха глаза велики, а у виноватаго всегда страхъ. Я полагаю, что конституція состоится; но я не умѣю себѣ представить, какъ она совокупитъ Финляндію и Польшу. Ихъ слѣдуетъ оставить при своемъ.

Меня поразилъ упадокъ духа министровъ Валуева и Муравьева, особенно послѣдняго. Онъ „боится, что безначаліе вездѣ и что мы близки къ раздробленію, что слабость власти обнаруживаетъ не только безсиліе, но и неумѣнье, что совмѣстное управленіе почти всѣхъ корен-

ныхъ учрежденій запутываетъ ходъ дѣлъ и даетъ поводы анархіи". Министръ Княжевичъ озабоченъ неудачными торгами на вино въ Пензѣ и Курскѣ, сколько можетъ быть озабоченъ этотъ сытный начальникъ.

Меня поразило отсутствіе властей въ Петербургѣ. Все разъѣхалось по Россіи (никто однако не поѣхалъ на Западъ). Государь съ семействомъ въ Крымъ (и, говорятъ, ѣдетъ на охоту въ Кутаисъ), гр. Панинъ въ Кострому и въ Нижній, Княжевичъ на Югъ и на Востокъ, Наслѣдникъ до Казани съ самымъ явнымъ намѣреніемъ снискать популярность простонародья и молодаго поколѣнія. Онъ вытаскиваетъ хлѣбы лопатою, солитъ огурцы и строгаетъ кожи, посѣщая клети и харчевни, братаясь съ толпою и сидя на лавкахъ студентовъ. Для чего ради гибель сія бысть? Не вызовутъ-ли всѣ эти мѣры болѣе нежели требуетъ дѣло? И удовлетворится-ли оно этими манифестаціями, если оно требуетъ?

Я немного завертѣлся. Представляющіяся впечатлѣнія съ 6 Мая кружатъ меня, и мнѣ кажется, что со мною кружится весь свѣтъ. Я всегда, давно находилъ, что преобладающее господство идей, началъ, при всѣми признанной необходимости въ послѣдовательности, въ логикѣ, не оправдало ожиданій, пробужденныхъ въ массѣ, и не подтвердилось въ дѣйствительности, которой разнообразіе опережаетъ теоріи.

Утвержденіе демократическаго начала обнимаетъ много, но обнимая такъ много, оно въ приложеніи, при логической послѣдовательности, ломитъ, давитъ и рѣжетъ. Оно требуетъ уничтоженія неравенства, оно отвергаетъ преданіе, оно не терпитъ наслѣдственности. Какъ же согласить его съ аристократіей крови, таланта, капитала? Какъ согласить его съ вѣрою, съ Божіею милостію, съ привычками? Какъ сопоставить его съ семействомъ, съ собственностію?

Къ нему же теперь примѣшался элементъ другаго порядка—національность. Не должно забывать, что начала, какъ и люди, имѣютъ страсти и не могутъ довольствоваться однимъ созиданіемъ (созиданіе для нихъ даже второстепенная цѣль): они разрушаютъ, пересоздаютъ и мстятъ, мстятъ даже прошедшему, могиламъ. Страсти началъ разнятся отъ людскихъ страстей только тѣмъ, что не имѣютъ никакого чувства, ни уваженія, ни признательности, ни состраданія, которыя мы видимъ въ самыхъ отчаянныхъ представителяхъ, въ Маратѣ и въ розыскѣ застѣнкомъ.

Я не знаю, не на томъ ли склонѣ пути нашего развитія находимся мы, бросивъ широкую волю массѣ. Обѣщайте меньше, давайте больше. Трудно себѣ представить, какъ натянуты отношенія и положеніе нашего великаго сословія послѣ незапнаго перехода отъ крѣ-

пости къ волѣ собственниковъ. Не говоря о повсемѣстномъ затрудненіи уставщиковъ грамотъ, не говоря о спорахъ Авдія Шипова съ гг. Селифонтовымъ и Моложцами, достаточно указать на сознаніе открытыхъ сторонниковъ и дѣятелей новаго порядка, напр. письма Безобразова (въ „Вѣкѣ“)[1]), чтобы удостовѣриться, что новый порядокъ вводится безъ приготовленія, наобумъ, фантазируетъ и шутитъ. Съ массами шутить нельзя. Это неблагоразумно, это недостойно. Если право и люди дозволяютъ, то Богъ не попуститъ, чтобы невозбранно и безнаказанно легкомысліе, своекорыстіе и увлеченія творили правду и неправду по своему, а не по законамъ опыта и посильной предусмотрительности.

Младшая изъ государственныхъ силъ (литература) и младшіе изъ молодаго поколѣнія (студенты) продолжаютъ напирать на власть и шлютъ депутацію (Краевскаго, Громеку и гр. Кушелева), чтобы защитить литератора Михайлова, арестованнаго по дѣлу о прокламаціяхъ, а студенты представляются генералу Филипсону и требуютъ отъ него вступительной рѣчи и оставленія студентской кассы въ распоряженіи студентовъ[2]). Общество—довольно закрытое и сомкнутое—принимаетъ на себя пособлять бѣднымъ литераторамъ, общество же устраиваетъ концерты и спектакли, чтобы пособить студентамъ, число которыхъ Комитетъ (гр. Строгановъ, гр. Панинъ и кн. Вас. Долгорукій) думалъ сократить денежными взносами, безусловно обязательными. Столкновенія общественнаго мнѣнія съ правительствомъ безпрестанны, и достаточно назвать кого нибудь генераломъ, губернаторомъ, чтобы его назвали дуракомъ и негодяемъ. Безцеремонность выраженій приходитъ въ лучшія гостинныя.

Выборъ губернаторовъ исключительно падаетъ на военныхъ. Я не знаю мыслей Валуева, но думаю, что это дѣлается подъ вліяніемъ опасенія земскихъ замѣшательствъ. Если съ этими господами можно ожидать тишины, то не думаю, чтобы они водворили законность, а она теперь нужнѣе всякаго полицейскаго усмиренія. Теперь, при

---

[1]) Студенты очень недовольны установленіемъ для каждаго факультета особыхъ билетовъ, безъ которыхъ посѣщенія лекцій не дозволяется. Ропщутъ также и на обязательность платы. Университетъ закрытъ.

[2]) Какъ мало сохранился прежній хозяйственный порядокъ, смотри „Письма съ дороги“ Мельгунова и письмо помѣщика Кисловскаго въ С.-Пбргск. Вѣдомостяхъ въ Августѣ—Октябрѣ 1861, письмо Бездомнаго въ Москов. Вѣдом. 3 Октября № 214. Письмо г. Чижевича, въ Московск. Вѣдом. 14 Октября 1861 № 224. Письмо Калужанина въ С.-Пбргск. Вѣдомост. 4 Ноября 1861 № 245. Возвращеніе домой. Моск. 31 дня 1861 г. № 249. С.-Птрб. Вѣд. 14 Декабря 1861 № 277, о барщинѣ 1861 г. А. Роопа.

переходномъ срокѣ, даже желательно бы было вызвать и разобрать недоразумѣнія порядкомъ законнымъ, а не военнымъ. Въ 1863 году убѣжденія будутъ упорнѣе. Главное дѣло въ томъ, что съ гласностію несовмѣстенъ авторитетъ власти, съ этою гласностію несогласный. Правительство шагъ за шагомъ теряетъ довѣріе, и личность Государя не внушаетъ никакой увѣренности.

Поразительно мнѣніе Гентца о лучшихъ людяхъ Вѣнскаго конгресса, эпохи 1815 года.

Демократъ всегда готовъ сдѣлаться Эпикурейцомъ, даже безъ m-lle Elsner; но дѣло въ томъ, что при такихъ дѣятеляхъ могъ-ли порядокъ 1815 года—de jure продолжающійся даже до сего дня—ожидать другого, какъ выразились событія по мѣрѣ развитія поколѣній, черезъ 15 лѣтъ, въ 1830 г. еще поколѣніе, въ 1848,—еще поколѣніе—въ 1860. Паровой вѣкъ уменьшаетъ сроки. Да, но г.г. Гентцы, такъ свысока смотрящіе на правителей міра, не несутъ-ли за нихъ и за себя двойной отвѣтственности за свою двойственность, за безсиліе убѣжденія, за своекорыстныя стремленія и матеріальныя цѣли, которымъ они служили до самоуничтоженія?

А вы, господа Огаревы („Къ молодому поколѣнію“) и Герцены („Что нужно народу“ Колоколъ, листъ 102), такъ легко порицающіе людей правительства и такъ полновластно организующіе Русское царство, не несете ли и вы двойной отвѣтственности, разсылая по всѣмъ вѣтрамъ возмутительные листы, выражающіе болѣе ваше личное негодованіе, нежели долго и добровольно обдуманную мысль патріота?

Прокламаціи эти, во множествѣ экземпляровъ, привезены изъ заграницы и, несомнѣнно, перепечатываются и здѣсь. Надобно стать во главѣ движенія, но для этого нужно его опередить. А на чемъ же остановиться, опередя движеніе?

Сегодня былъ „бунтъ студентовъ“. Еще вчерась они сходились и выломали двери, вызвали ректора (Срезневскаго), требуя представительства его объ отмѣнѣ платы, объ отмѣнѣ билетовъ, объ оставленіи кассы въ ихъ распоряженіи. Сего дня, прійдя въ университетъ, они нашли его запертымъ и на дверяхъ объявленіе, что вслѣдствіе повторившихся безпорядковъ лекціи прекращаются впредь до дальнѣйшихъ распоряженій начальства. Молодежь собралась на дворѣ и держала рѣчи. Особенно отличился ораторствомъ одинъ изъ офицеровъ, вольный слушатель. Положили идти къ попечителю и просить объясненія. Толпа уже собиралась у воротъ зданія. Колонна молодыхъ людей, числомъ до 3 или 4 сотъ человѣкъ, двинулась, къ ней присоединились два курса

Медикохирургической Академіи, нѣсколько офицеровъ, статскихъ и главное—любопытныхъ, такъ что процессія заняла весь Невскій Проспектъ и, идя къ Владимирской, въ Колокольный переулокъ, гдѣ квартируетъ генералъ Филипсонъ, увлекала съ собою встрѣчныхъ и поперечныхъ, разросшись до 5 тыс. человѣкъ. Полиція уже приняла свои мѣры, оповѣщены войска, явилась пожарная команда, батальонъ стрѣлковъ и когда студенты подошли къ дому, ихъ ожидалъ полицмейстеръ, и молодая фаланга окружена была вооруженною силою. Попечителя не было дома, онъ отправился было въ университетъ, но воротился и сказавъ, что здѣсь не мѣсто объясняться, сталъ во главѣ колонны, вмѣстѣ съ оберъ-полицмейстеромъ Паткулемъ, и тою же дорогою повели ее въ университетъ. Туда же прибылъ генералъ-губернаторъ. Отъ студентовъ истребована депутація, и начались переговоры въ сѣняхъ университета. Окончательно генералъ Филипсонъ отвѣчалъ, что прекращеніе лекцій признано нужнымъ, чтобы имѣть время сдѣлать нужныя приготовленія, но что онъ надѣется открыть университетъ 2 Октября.

Если эта исторія не имѣетъ ничего общаго съ дѣломъ о прокламаціяхъ, въ привозѣ и распространеніи которыхъ арестованный литераторъ Михайловъ уже сознался, то не подлежитъ сомнѣнію, что молодежь дѣйствовала по вліянію Польскихъ студентовъ, составлявшихъ большинство шумной процессіи.

Есть-ли это искуственное возбужденіе страстей или подражательное пробужденіе духа общественности, сказать нельзя. Я думаю и то и другое вмѣстѣ, соединившись съ броженіемъ преобразованій, начатыхъ и исполняемыхъ на выворотъ. Деморализація общества дурнымъ правительствомъ дошла до того, что общество не имѣетъ никакого уваженія и никакого довѣрія къ правительству, готовое бросить въ него грязью за всѣ бездѣльные поступки, выдвинутые на свѣтъ Божій тайною и явною гласностію, а вороватое правительство, при сознаніи этихъ поступковъ, не можетъ имѣть ни достоинства, ни энергіи и основывается только на правѣ силы, всегда слабой въ схваткахъ съ массами. Всѣ обвиняютъ Путятина и Филипсона.

Анархія доходитъ до того, что правительственныя лица посылаютъ статьи Герцену и кн. Долгорукову въ Колоколъ и Будущность, и что правительственныя типографіи печатаютъ памфлеты на правительство, какъ напр. „Для тѣхъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ“. Брошюра напечатана здѣсь въ почтовой типографіи, по распоряженію чиновника Чанова. Писана она, кажется, Арсеньевымъ. Выражая сочувствіе къ Польшѣ, она самымъ безцеремоннымъ образомъ порицаетъ бездарныхъ

и дикихъ Русскихъ правителей, описывая всѣ униженія, которымъ подвергается наша власть въ Варшавѣ и западныхъ губерніяхъ.

Сегодня же вечеромъ я былъ у министра Валуева и нашелъ его чрезвычайно озабоченнымъ. Онъ выражалъ весьма ясно нетвердость своего положенія, ропталъ на интриги Буткова.

Не начать-ли мнѣ „исторію революціи, où elle a pu encore être dirigée?“

Всѣ винятъ правительство. Всѣ видятъ одинъ исходъ—дарованіе конституціи, и всѣ готовы признать законность переворота и необходимыхъ жертвъ, лишь бы безъ крови.

Сего дня сидѣлъ у меня д-ръ Французъ-русскій, Адольфъ Шрекенфельсъ-Шаковъ, нашъ родственникъ. Онъ провелъ 5 лѣтъ на Кавказѣ, и объ немъ была рѣчь продолжительная. Что̀ это должно быть за управленіе! Лѣность, безпечность, непотизмъ, фаворитизмъ и безотчетный произволъ въ распоряженіяхъ и въ расходахъ. У Князя огромная власть, личная дружба Государя и личная самоувѣренность, для которой, въ Кавказскихъ его окружающихъ, нѣтъ возможности и тѣни противорѣчія. Узда вообще нужна не для того, чтобы сдерживать и останавливать, но чтобы править. Конь, и не Русскій степной и не Кавказскій горный конь, безъ узды, увлечется невольно въ даль, въ безвыходныя ущелья и увлечетъ за собою весь табунъ. Я вѣрю, что тамъ должно быть управленіе еще хуже нашего, а наше я знаю въ Петербургѣ и въ губерніяхъ. Особенно оплошно оно въ настоящее время. Когда подняли крѣпостной вопросъ, атмосфера наполнилась испареніями весьма неблаговонными, и всѣ готовы были, зажавъ носъ и уши, бѣжать, а кто не могъ бѣжать, сталъ думать какъ бы себя обезпечить, чтобы въ случаѣ нужды можно было тоже убѣжать. Едвали когда нибудь чрезвычайныя награды деньгами были такъ часты, велики и жирны, какъ съ 1857 года. Время важное, конечно, и наградъ сто́итъ. Реформы дѣлаются превосходныя, только дѣлаются онѣ дурно. Одинъ крѣпостной вопросъ и гласность обнимаютъ преобразованіе цѣлой революціи и такъ обширны и способны на дальнѣйшее развитіе, что, при лучшемъ правительствѣ, мы безостановочно и мирно дошли бы до всѣхъ завоеваній 1791 года.

Личный характеръ Государя есть первая и главная вина слабости нашего правительства. Онъ кончитъ конституціей и будетъ жалѣть, что не ею началъ. Безотвѣтственность власти увлекаетъ насъ въ безвыходную даль и дебри. Съ крѣпостнымъ вопросомъ и гласностію едва устоять и твердому правительству, не только нашему, а наше—ни въ полиціи, ни въ судахъ шагу не дѣлаетъ, тогда какъ требованія далеко

опередили возможность, одушевили все молодое поколѣніе, поднимаютъ его въ университетахъ и академіяхъ, далѣе въ полкахъ и канцеляріяхъ и проникаютъ въ массы. Какъ и чѣмъ ихъ сдержать безъ судовъ и полиціи?

Аресты студентовъ продолжаются. Студенты подчинены исключительно городской полиціи; университетское начальство прекратило съ ними всякое сношеніе. До 7 Октября они имѣютъ подавать прошенія о выдачѣ имъ матрикулъ чрезъ городскую почту безплатно. Черезъ городскую почту они получатъ отъ ректора и отвѣтъ. Молодые люди положили: не подавать прошеній. Съ 5-го Октября университетъ (ректоръ П. Плетневъ) распорядился, чтобы стипендіаты обращались за стипендіями въ общую полицію по частямъ и кварталамъ города. Униженіе это, упадающее преимущественно на бѣдныхъ, глубоко оскорбляетъ студентовъ, и они положили сдѣлать складчину для стипендіатовъ. Въ канцеляріи Сената, въ министерствахъ дѣлаются подписки въ пользу студентовъ для оказанія имъ денежнаго пособія и для выраженія имъ сочувствія. Солдатъ и полицейскихъ замучали нарядами. Они злятся на бунтующихъ. 2 Октября весь день былъ разведенъ мостъ дворцовый, и ропотъ на затрудненія въ сообщеніяхъ обращаютъ къ тѣмъ же бунтующимъ. Дѣятельность Игнатьева, Паткуля и гр. Шувалова, а за ними и комендантовъ и полиційместеровъ такъ велика, что при сборищахъ и по ночамъ арестовано студентовъ, офицеровъ и чиновниковъ болѣе 200 человѣкъ. Много освобождено, много снова взято. Многіе однофамильцы и схваченные случайно, какъ коноводы, посидѣли и выпущены; другихъ отыскиваютъ, подозрѣвая связь съ дѣломъ о прокламаціяхъ и съ Поляками. Мнѣ всего прискорбнѣе здѣсь то, что Шуваловъ и Паткуль отзывами солдатамъ о студентахъ возстановляютъ толпу противъ высшихъ сословій, и дѣйствіями грубой полиціи оскорбляютъ благородныя чувства молодежи.

Я прочелъ „Жизнь М. М. Сперанскаго“ бар. Корфа. Что сказать? Мои послѣдовательныя замѣчанія видны на поляхъ и въ концѣ главъ книги, но сказать-ли? Я былъ поглощенъ этимъ чтеніемъ, хотя знаю, что тучи уже гремятъ за представленіе моей ревизіи (по лѣсному управленію Владимирской губерніи), ищу, ропщу и допрашиваю біографа о томъ, о другомъ и о третьемъ—и не нахожу отвѣта. Отвѣта нѣтъ. Баронъ Корфъ не писатель, а съ претензіями писателя. Это не ученое сочиненіе, а литературное, журнальное, и въ этомъ значеніи книгѣ недостаетъ художественной отдѣлки; богатые матеріалы едва приподняты, воззрѣнія біографа, вообще гуманныя и довольно возвышенныя, робки, часто опираются на неопредѣленные авторитеты и

особенно не отчетливы въ вопросахъ спеціальныхъ. Безпрестанно перерывъ, черта, цифра, безпрестанно анекдотцы, характеристики; ненужныя выписки нарушаютъ цѣлость и спокойствіе вниманія. Видѣнъ иногда вкусъ фразера, замашки беллетриста. Жаль! Но вообще книга въ высшей степени интересная, и баронъ Корфъ заслуживаетъ отличной за нее благодарности, какъ за трудъ біографа, такъ (и особенно) за сообщеніе многихъ свѣдѣній большой важности. При лучшемъ изданіи и съ дополненіями и коментаріями книга эта будетъ дорогимъ источникомъ для просвѣщенія историка первой четверти XIX ст. нашего правительства. И въ Кочубеѣ (разговоръ его съ Масальскимъ послѣ ссылки Сперанскаго) и Гурьевѣ (въ письмахъ въ Пензу и Иркутскъ) и Аракчеевѣ (всегда) видно много татарщины, какъ и въ самомъ управленіи, даже въ самомъ героѣ (въ надменности его до ссылки, въ письмахъ изъ ссылки, Пензы и Сибири); но видна и геніальная Русская натура въ одномъ изъ ея представителей, младшихъ изъ того сословія, которое, послѣ крестьянства, наиболѣе сохраняетъ туземный элементъ народа. Благодарность М. А. Корфу. Онъ затронулъ многія стороны и вопросы времени. По окончаніи чтенія (5 Октября за полночь) я долго не могъ успокоиться отъ душевнаго волненія. Меня тяготили мысли о правленіи и правительствѣ, въ которыхъ, по словамъ императора Александра, министровъ Кочубея, Гурьева и Канкрина, и судя по жизни самого Сперанскаго, гибнутъ, упадая и мельчая, лучшія натуры народа, и о слабости человѣческой, которая проявляется и гнететъ, въ этой средѣ, даже геніальныхъ людей.

Точки..... Богу угодно..... Но ты сказалъ, юноша, что Богъ непосредственно не промышляетъ о человѣкѣ..... Данъ разумъ.... Ломоносовъ осмѣливается и Богу не повиноваться, доколѣ этотъ разумъ Имъ не отнятъ.... Разумъ.... Что̀ есть Истина?.... Что̀ есть Разумъ?... Мнѣ было тяжело и грустно. Сперанскій родился на 1 Января 1772 г. Умеръ 11 Февраля 1839. Житіе его было 66 л. и 43 дня. Изъ нихъ 20 л. онъ учился, 10 лѣтъ въ изгнаніи, тоже учился. Итого 30, а 36 посвящены служенію государственному съ величайшею пользою, какой не принесли ни В. Голицынъ, ни Меншиковъ, ни Бестужевъ-Рюминъ, ни Шуваловъ, ни Потемкинъ и Безбородко, ни Аракчеевъ. Этотъ семинаристъ (баронъ Корфъ преслѣдуетъ его такимъ именемъ съ колыбели до гроба) былъ колоссальныхъ способностей, и я сдѣлаю очеркъ его многоплодотворной исторической дѣятельности. Если бы онъ жилъ въ государствѣ зрѣломъ, въ правительствѣ и обществѣ установившихся, то нѣтъ сомнѣнія, что необыкновенныя его дарованія нашли бы болѣе благодарное поле дѣятельности,

и организаціонный умъ его, болѣе покойный и сосредоточенный, создалъ бы порядокъ вещей прочный и усвоенный мѣсту и обстоятельствамъ. Онъ не имѣлъ бы такого широкаго поприща и такого разнообразія въ занятіяхъ, ни такой свободы въ выборѣ и примѣненіи ихъ, но за это стоялъ бы тверже, дѣйствовалъ съ терпимостію и достигалъ цѣли вѣрнѣе. Три эпохи въ жизни Сперанскаго выразились рѣзко и систематически. Еще студентомъ, онъ записалъ въ календарѣ своемъ въ 1799 г. „Богъ непосредственно о человѣкѣ не промышляетъ. Ему данъ Разумъ“. Этотъ матеріализмъ во Владимирскомъ семинаристѣ того времени изумителенъ своимъ величіемъ. Потомъ, пройдя служительскую-писарскую должность государственный секретарь докладываетъ Императору о прекращеніи „самовластія“. Онъ почти сказалъ „самодержавія“. Это было въ 1810 г. Наконецъ, по возвращеніи изъ Сибири, поклонникъ Французскаго бюрократизма, пришелъ къ убѣжденію: удостовѣрять личную власть совѣтами т. е. коллегіальностію. Это было въ 1820 годахъ. Во всемъ этомъ много самообольщенія. О „разумѣ“ Сперанскій уже упоминаетъ рѣдко и въ послѣдствіи все или все почти относитъ къ случайностямъ, превратностямъ и милосердію Провидѣнія. О „самовластіи“ онъ уже не упоминаетъ, она проявляется на каждомъ шагу. Естественно, что при немъ „совѣщательность“ далеко не отвѣчаетъ заданнымъ ожиданіямъ. Совѣтуютъ что̀ велятъ и хотятъ. Какъ въ 1810 годахъ, Сперанскій опередилъ поколѣнія, поднявъ вопросы, едва ему извѣстные, и (хотя очень узко) практически выразившіеся въ указахъ 1809 г. и другихъ видахъ, изъ которыхъ впервыя манифестъ 1810 г. и общій наказъ заговорили о гласности (даже бюджета) и отвѣтственности, такъ въ 1822 гг. Сперанскій отсталъ отъ современнаго поколѣнія, которое, познакомясь съ Европою (тогда какъ онъ былъ въ Азіи) думало уже о дѣйствительномъ прекращеніи самовластія, о дѣйствительной гласности, т. е. о конституціи. Заслуги Сперанскаго по „собранію и своду законовъ“ безъ Николаевской поспѣшности, могли бы быть гораздо плодотворнѣе, но онѣ велики, хотя отсутствіе юридическаго образованія государственнаго дѣятеля лишило эти заслуги славы Камбасерса, Кармера и Фейербаха. Во всякомъ случаѣ это былъ великій человѣкъ Россіи.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1861-й годъ.

(Октябрь—Декабрь).

Студентскій шумъ не утихаетъ. Борзо разгорается Польскій. Царство объявлено на военномъ положеніи. Прокламацію намѣстника читать грустно. Униженіе власти и противодѣйствіе правительству дошли до крайности. Говорятъ, намѣстника и генералъ-губернатора прибили на улицѣ, и послѣдній болѣнъ, Герштенцвейгъ умираетъ. Толпа осаждаетъ города, и войско посреди народа едва въ состояніи сохранить себя отъ нападеній. Оно въ осадѣ. Массы постоянно на улицахъ, обижаютъ полицію, смѣются запретамъ, вызываютъ новыя сборища. Особенно дѣятельны женщины и ксёнезы. Церкви обратились въ скопища. Молитвы замѣнены гимнами возстанія. Теперь костелы заперты, и всякій домъ сдѣлается каѳедрою крамольнаго священника. Нѣтъ сомнѣнія, что мы много дѣлали ошибокъ при управленіи Царствомъ (Паскевичъ, князь Горчаковъ); несомнѣнно, что мы и теперь ихъ дѣлаемъ. Что̀ можетъ придумать графъ Ламбертъ, человѣкъ совершенно неопытный, хотя онъ католикъ, иностраннаго прозванія и любитель женщинъ? Но я объясняю себѣ возстаніе Польши тѣмъ же пробужденіемъ духа народности, который такъ сильно вездѣ предъявляетъ права свои, и слабостію характера Государя, отражающейся на всѣхъ дѣлахъ его. А потомъ—и это главное—неурядицы происходятъ отъ неустройства нашего правительства, которое доселѣ сохраняетъ учрежденіе и формы дворской конторы, тогда какъ общество давно уже измѣнилось и жизнь бродитъ, и заговорили въ массахъ. Пора! Пора!

Я сказать не могу, какъ озабоченъ я моею ревизіей. Генералъ Муравьевъ дѣлаетъ изъ нея все что̀ только можно сдѣлать „скверная“,

*) См. 12-й выпускъ „Русскаго Архива“ 1910 года.

ненавистнаго для меня и для личнаго состава Владимирскаго управленія, чтобы тамъ возопили на мое донесеніе. „Уволить, упразднить, инквизировать“, вотъ его слова, а по моему вина всему—онъ.

Я сказать не могу, какой оборотъ примутъ мои отношенія съ министромъ. По прочтеніи моего отчета о лѣсномъ управленіи, онъ послалъ во Владиміръ генерала барона Штакельберга, вице-инспектора Симонова и слѣдственную коммисію, угрожая всѣхъ предать суду. Рапортъ мой весь перечертилъ своими размашистыми отмѣтками. Директору Невѣровскому онъ сдѣлалъ такой пріемъ, что угодливый подчиненный для сохраненія достоинства не отвѣчалъ ни слова. Слушая мой докладъ, онъ трясся и заикался, и разрѣшенія состояли въ томъ, что то передать одному, то другому, то третьему. Онъ отобралъ отъ меня всѣ дѣла, даже дѣло о Каспійскомъ рыболовствѣ. Избѣгая разговора объ отчетѣ, онъ однако два раза повторилъ: „но все что написано надобно доказать“. Точно, изъ ревизора я дѣлаюсь обвинителемъ. Жалкое существо! Жалкое именно по своему ослѣпленію: онъ полагалъ, что у него все въ порядкѣ. Я войны не хочу. Я хочу, чтобы мнѣ не запрещали, въ дѣлѣ государственномъ, говорить правду, даже не всю правду, но безъ лжи. Но если пойдутъ далеко, я пойду далеко. У меня есть семейство, Митя и Тата, но я согрѣю ихъ отъ холода у груди моей и буду голоденъ, но ихъ накормлю. Есть предѣлъ терпимости. Есть подлость не только въ снисхожденіи, но и въ недостаткѣ доброй воли. Какое это управленіе! Одинъ не перемѣнишь; но развѣ, это оправданіе? Досаднѣе всего то, что всѣ директоры на меня окрысились. Наименѣе, кажется, Невѣровскій; но онъ отъ рѣчей министра, сказанныхъ разумѣется на первыхъ порахъ, считаетъ себя оскорбленнымъ. Предупрежденіе: далеко идти не надо. Я пойду дальше*). Этакъ людямъ скоро дышать будетъ нельзя. Слова не смѣй сказать. Запуганы мы какъ рабы. Пусть будетъ что будетъ. Я рѣшился.

Студенты сговорились сжечь матрикулы, согласиться, но въ стѣнахъ и за стѣнами продолжать оппозицію; дождаться Государя и подать просьбу. Канцеляріи министерствъ и Сената выразили сочувствіе и

*) Я буду слѣдить за развитіемъ строгихъ распоряженій и уже теперь не могу не протестовать, что по двумъ главнѣйшимъ безпорядкамъ посылаются причастныя лица: по учету земель и плановому—Штакельбергъ, а онъ-то и писалъ запутанныя инструкціи и повѣрялъ представленія Палаты, а по лѣсной части Симоновъ, который въ концѣ 1860 г. ревизовалъ Владимирское управленіе и нашелъ въ порядкѣ. Бар. Штакельбергъ не поѣхалъ, а возвратился изъ Москвы сюда для полученія наставленій. Онъ отправлялся во Владиміръ на двое сутокъ и подтверждаетъ мои донесенія объ учетѣ земель и лѣсовъ, но находитъ, что нужно усилить средства только канцелярскія. Министръ приказалъ сдѣлать губернскому лѣсничему выговоръ и лишить его добавочнаго содержанія. Потомъ онъ отмѣнилъ послѣднее, а на другой день отмѣнилъ и выговоръ.

сдѣлали подписки, предполагая поднести адресъ Государю. Въ Сенатѣ оберъ-секр. Стасовъ собралъ подписки 50 человѣкъ и, что̀ всѣми порицается, подписка на бѣломъ листѣ. Топильскій однако не могъ захватить ихъ; онѣ были изорваны. Стасовъ посаженъ въ бастилію. Въ деп. мин. юстиціи хлопоталъ редакторъ Арсеньевъ. Онъ уволенъ отъ службы или исключенъ. Но эти аресты и продолжительность замѣшательствъ только распространяютъ крамолу и непримѣтно связываютъ ее съ побочными и сторонними.

Важнѣе дѣла въ Царствѣ. Туда вызываютъ Лидерса. Ламбертъ занемогъ, отказался и даже уѣхалъ уже. Герштенцвейгъ умираетъ. Временно дѣло замкнули Сухозанетомъ. Несостоятельность правительства въ явѣ, вочію, осязательна. Западныя губерніи (собственно города) слѣдуютъ за Царствомъ. Экіе плоды пожинаемъ мы послѣ мудрыхъ сѣятелей! А какъ хороши были эти сѣятели, исторія поименуетъ ихъ. Говорятъ даже, что вмѣсто Назимова назначается генералъ-майоръ Зеленый.

Еще важнѣе дѣла внутреннія. Крѣпостной вопросъ готовъ разыграться, какъ не думали великіе двигатели. Не соглашаясь на условія (всегда выгодныя) уставныхъ грамотъ, крестьяне ждутъ срока, срока полной свободы и усвоенія земли. Несомнѣнно то, что правительство сгибается подъ тяжестію поднятыхъ вопросовъ, и всякій авторитетъ парализированъ слабостію и непослѣдовательностію Государя.

Обѣдалъ у меня „заточенный, одичалый“ Гавр. Степ. Батеньковъ, воскресшій отъ 20-лѣтней смерти въ Петропавловской крѣпости. Декабристъ этотъ едва ли не единственный дѣловой человѣкъ изъ дѣятелей того времени. Онъ встрѣтился со Сперанскимъ въ 1820 г. въ Тобольскѣ и съ того времени находился при немъ и занимался Сибирскими учрежденіями. Какъ всѣ декабристы, на мои глаза онъ не отвѣчаетъ ожиданіямъ. Въ дѣльности его много угловатаго, „одичалаго“. Есть какая-то притязательность, желаніе рельефности, несоединимыя съ серьезнымъ и скромнымъ его видомъ. Говоря о современной эпохѣ, онъ съ какимъ-то самодовольствіемъ отвѣчалъ мнѣ: „мы уже прошли подобную эпоху еще болѣе смѣлую и шумную. Императоръ Александръ, въ 1803 г., провозгласилъ типографіи вольными фабриками, и цензуры не существовало“. Когда Величко сдѣланъ правителемъ дѣлъ Сибирскаго Комитета? спросилъ я. „Послѣ моей смерти“, отвѣчалъ онъ самымъ натуральнымъ образомъ. Батеньковъ живетъ съ адмираломъ Матюшкинымъ, съ которымъ познакомился въ 1820 г. въ Иркутскѣ. Я немногое могъ узнать отъ него о Сперанскомъ и о событіяхъ 14 Декабря. Онъ молчаливъ (будешь!), а деликатность не позволяетъ любопытства. Особенно хотѣлось мнѣ знать о настоящемъ значеніи заговора

1811 г.[1]) и объ участіи Сперанскаго въ дѣлѣ 1825. Сперанскій—судя по книгѣ Корфа—не удостоивалъ Батенькова особеннымъ отзывомъ, говоря, что въ Сибири онъ былъ „одинъ съ Цейеромъ“. Сперанскій и въ Петербургѣ имѣлъ при себѣ Батенькова, какъ другихъ чиновниковъ[2]).

Вотъ Прусскій король и короновался, и возложилъ на себя „Божіею милостію“ корону, учредилъ орденъ „королевской короны“, произнесъ нѣсколько рѣчей о священности монарха. Вѣрно. все это начали забывать, если Вильгельмъ I счелъ нужнымъ объ этомъ напомнить и иллюминовать свои понятія средневѣковымъ церемоніаломъ въ старинной королевской крѣпости. Въ добрый часъ! Да будетъ это къ добру! Но мы не совсѣмъ понимаемъ всѣ эти старые лѣса при возводимомъ новомъ зданіи. Эти понятія уже въ 1840 г. и въ томъ же Кёнигсбергѣ отдались едва слышнымъ отголоскомъ и едва ли не усилили стремленій, такъ мало заслуживающихъ „Божіею милость“ и такъ противуположныхъ священной королевской коронѣ. Листъ Staatsanzeiger' а 22 Октября, сію миниту мною полученный, содержитъ цѣлый лексиконъ герцога, графовъ, фрейгеровъ, дворянъ и кавалеровъ всѣхъ степеней, но въ этомъ спискѣ принуждены были и въ исчисленіи именъ принять порядокъ алфавитный. По историческому Божьему праву (при всей Его милости) не было никакой возможности составить этотъ списокъ. Матеріальное препятствіе знаменательно, и въ нашъ матеріальный вѣкъ это обстоятельство требовало бы уваженія болѣе знаменательнаго, нежели всѣ эти фразы, расчитанныя на вѣроятіе лѣтописей и историіографовъ. Лѣтописей уже нѣтъ, онѣ упразднились съ монастырями, а историіографы не находятъ матеріаловъ, видя, что явленія, событія принадлежатъ не лицамъ, а массамъ. Прусскіе короли очень любятъ говорить, особенно потому что имъ мало дѣлать. Внутреннія Нѣмецкія разбирательства не удовлетворяютъ новую великую державу, которой бы хотѣлось играть роль и въ Ломбардіи, и въ Скандинавіи, и въ Крыму. Но, говоря много, короли немного сказали, и изо всѣхъ рѣчей покойнаго и нынѣшняго королей право, наука, общественность выжмутъ намёки, громкія фразы и пошлыя сентенціи.

---

[1]) Объ этомъ заговорѣ для устраненія Александра Павловича имѣются доселѣ въ печати лишь темные слухи. П. Б.

[2]) Это не вѣрно: Гаврила Степановичъ жилъ въ Петербургѣ у Сперанскаго. Въ Москвѣ, въ 50-хъ годахъ, я встрѣтился съ нимъ у А. П. Елагиной, съ мужемъ которой онъ былъ однополчаниномъ и закадычнымъ другомъ. Батеньковъ сказывалъ, что единственную дочь свою Сперанскій сажалъ на хлѣбъ и на воду и запиралъ, понуждая къ браку съ родственникомъ графа Кочубея Фроловымъ-Багрѣевымъ: такъ сильна была у геніальнаго кутейника жажда знатности. П. Б.

Либералы этого не простятъ. Все это не спасетъ Пруссію отъ разливающагося демократизма и то, что она считаетъ своею цѣлію—Нѣмецкая имперія—ускоритъ это разлитіе, т. е. избравъ императора, учредятъ республику. Вѣкъ не признаетъ ни „Божіей милости“ безъ особыхъ заслугъ, ни наслѣдственности въ этой милости, по одному праву представленія. Вѣкъ хочетъ ѣсть и убѣдился, что если этимъ можно питаться, то нельзя быть сыту. Строить лѣса для возведенія органическаго зданія государства немыслимо и невыносимо: организмъ ростетъ самъ собою, а лѣса отстаютъ; будучи же надстраиваемы, падаютъ. Такія манифестаціи только раздражаютъ мнѣнія.

Письмо 10 Октября о Кларендонѣ. Замѣчательная, полная искреннихъ чувствъ удовольствія исторійка эта продолжается. Но какъ сильно воображеніе этой головки и какъ далеко идетъ увлеченіе сердца. Колѣни, мольбы, слезы, отчаяніе, а она и не замѣчаетъ, что съ письмомъ 20 Августа перемѣна совершилась, и для Кларендона наступили другіе помыслы. Онъ требуетъ supériorité intellectuelle. Сердцу больно слышать такія просьбы и жалобы, но поворотъ былъ необходимъ. J'aime les positions franches, et je suis profondement persuadé qu'il n'y a du bonheur que dans les voies communes. Плачь и рощи: твое счастіе для меня выше твоего горя. Горе стихнетъ, привычка вернетъ свое, и ты оставишь мысль, которую лелѣешь и отталкиваешь, которая невозможна съ твоимъ счастіемъ и которая ставитъ обоихъ въ положеніе ложное и предосудительное. Не думай, чтобы это дорого стоило тебѣ одной. Ты живѣе чувствуешь, за то скорѣе и примѣнишься къ другому положенію. Довольно. Да. Но отчего это раздирающее письмо читалъ онъ десять разъ? Нравилось ему смотрѣть на это плачущее сердце, на эту поникшую голову и слушать крики: „сжальтесь, не покидайте. единственное мое счастіе—ваша дружба, безъ нея я жить не могу, простите меня, пощадите меня, я не виновата, но прошу прощенія“. Что, развѣ это льститъ самолюбію? Или слова эти откликаются тѣмъ же чуствомъ въ собственномъ сердцѣ? Или изученіе страсти имѣетъ свое увлеченіе? Не знаю. Знаю, только, что онъ начиналъ три, пять писемъ, два дня былъ задумчивъ и оставался въ уединеніи, на третій совершилъ аутодафе и остался при своемъ. Я не думаю, чтобы это было жестокосердіе или твердость. Скорѣе это можно объяснить любовью, любовью благородною. Она готова на жертвы *).

Михайловъ и Костомаровъ, за распространеніе возмутительныхъ воззваній, какъ государственные преступники, преданы суду Прав.

*) Что это такое, недоумѣваемъ. Кларендонъ въ старинной Англіи былъ поклонникомъ королевской власти. П. Б.

Сената. Сего дня былъ собранъ весь Сенатъ и прочитаны какъ повелѣніе, такъ и приложенныя къ дѣлу прокламаціи. Послѣднее чтеніе, вовсе неумѣстное и подлежащее вѣдѣнію только того суда, гдѣ будетъ дѣло, придумано для назиданія Адлербергова и Муравьевыхъ. Имена этихъ господъ, расточителей казны, упоминаются безпрестанно, и сенаторы, разсказывавшіе мнѣ о впечатлѣніи при этомъ чтеніи, прибавляютъ о Михайловѣ „не ошибся“. Вотъ нравственность нашего правительства въ высшихъ его представителяхъ.

Государь очень недоволенъ студентами. Онъ возвращается, и въ Москвѣ и Петербургѣ приняты мѣры, чтобы тревожная молодежь не обезпокоила усталаго Монарха. Какъ въ Москвѣ, такъ и здѣсь дѣло дошло до схватокъ, и изъ студентовъ многіе изувѣчены. Полиція говоритъ двое (Лебедевъ и Посыпкинъ), слухъ говоритъ 14. Государь вызвалъ къ себѣ (на дорогу?) Чевкина и Шувалова (жандарма), чтобы узнать положеніе и подробности дѣла.

Петербургъ чрезвычайно взволнованъ, и студентская исторія, перешедшая частію и въ народъ, служитъ только предлогомъ возгласовъ, вызываемыхъ безпокойными вѣстями изъ деревень. Шереметевъ читалъ мнѣ письма сына, который, празднуя медовый мѣсяцъ съ красавицей Софьей Петрово-Соловово, распоряжается имѣньями и не знаетъ что̀ дѣлать съ упрямствомъ крестьянъ, лишающимъ богатыхъ владѣльцевъ необходимыхъ для жизни доходовъ, такъ что мать и отецъ, пробывъ два года въ чужихъ краяхъ, выпрашиваютъ у Буткова изъ Совѣта жалованья за это время. Должно знать, что Шереметевъ, со времени назначенія 17 Апрѣля 1857 г., ни разу не былъ въ Совѣтѣ, куда посаженъ изъ министровъ съ придачею чина 2 класса. Жалованье его 7500 р.

Изъ всѣхъ страстей сребролюбіе есть самое сильное и самое распространенное. Нельзя безъ отвращенія смотрѣть на эти голодающіе въ пресыщеніи аппетиты. До безстыдства, до наглости! А что̀ въ Царствѣ, Вильнѣ и Кіевѣ? Если не скажешь съ сенаторами „не ошибся“, то конечно пожелаешь, чтобы Государь подумалъ объ этомъ и вникъ. Я не вижу другаго исхода, какъ дарованіе конституціи. Она создастъ единство и укрѣпитъ правительство. Опираясь на палату, правительство найдетъ законность, будетъ дѣйствовать увѣреннѣе и располагать средствами, какихъ теперь не имѣетъ. Бываютъ времена, когда и могучій произволъ не достаточенъ, какъ бываютъ обстоятельства, когда безсильна законность. Полицейское, ненародное и дворское правительство такъ давно и заносчиво распоряжается націей, что пора ему подумать и обдуматься. Своекорыстіе и личность (что̀ все равно) мелки, тѣсны и узки не только для Россіи, но и для Саксоніи. Только при понятіи

о всѣхъ интересахъ и объ интересахъ всѣхъ власть получаетъ надлежащее значеніе. Министры съ этимъ не согласны, но государи должны согласиться, если они не желаютъ сдѣлаться смѣнными и премѣнными какъ министры.

18-го. въ Середу, я получилъ въ 4 часа телеграмъ, что семья моя выѣзжаетъ изъ Орла въ 11 часовъ. Съ того времени я слѣжу ихъ мысленно и до настоящей минуты, 23, не имѣю никакихъ извѣстій. Съ дѣтьми ѣзда медленна, но какъ же не на писать изъ Тулы? Вездѣ телеграфы. Въ Тулѣ моя Варя. Рукой подать. Не знаю, чему приписать эту медленность и это молчаніе!

Пріѣхали сегодня. Все благополучно. Митя и Тата прекрасны какъ ангелы.

Вышелъ № 3 „Великоросса“ и при немъ адресъ Государю. Адресъ написанъ съ достоинствомъ и въ существѣ предлагаетъ уступку Польшѣ и дарованіе конституціи. Я думаю, судя по общественному говору, что это общее мнѣніе, и что содержаніе, тонъ и форма адреса не оскорбляютъ ни величества, ни правды. Но я не согласенъ на указываемый способъ: собрать депутатовъ. Этотъ способъ оторветъ насъ отъ дурнаго, правда, но привычнаго историческаго хода, окончательно броситъ насъ на путь назойливыхъ требованій и кончится переворотомъ и бѣдствіями. Этотъ путь и по существу дѣла не представляетъ никакихъ ручательствъ успѣха; ибо, по губернскимъ крестьянскимъ комитетамъ мы видѣли, что мѣстные депутаты совершенно чужды объема интересовъ государственныхъ. По моему мнѣнію надобно разсмотрѣть причины настоящаго порядка и обсудить ихъ въ установленномъ порядкѣ. Причины эти: недостатки, безпорядки и злоупотребленія управленій. Ихъ надобно предать суду. Порядокъ этотъ: Верховный Судъ, Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ. Но сборъ этихъ инвалидовъ далеко не отвѣчаетъ задачѣ. Его надобно усилить назначеніемъ новыхъ членовъ, и ему необходимо дать самостоятельность уничтоженіемъ вліянія канцелярій. Эта épuration крайне нужна и доставитъ правительству людей умныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ государственныхъ и самостоятельнаго мнѣнія. Я опасаюсь, что и политическій вопросъ рѣшится какъ крестьянскій и, будучи рѣшаемъ послѣ крестьянскаго, я боюсь, чтобы рѣшеніе не началось мщеніемъ: дворянство дышетъ ненавистью къ Государю и династіи. Оно, раззоренное, уже забываетъ, что преданіе, наслѣдственность, династія суть религія порядка, и что безъ нихъ произволъ, произволъ толпы не связывается даже формальностію и инстанціями и громко запоетъ: „я пойду, пойду косить“.

„Великоссъ“ № 3 такъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, что откровенно высказываетъ планъ и способъ своихъ дѣйствій въ 1863 г. Я не думаю,

чтобы онъ оказывалъ услугу такимъ разглашеніемъ своей собственной партіи, и сомнѣваюсь, чтобы дѣло ея было такъ вѣрно, чтобы твердость порядка не выдержала напора неорганизованныхъ полчищъ. Порядокъ доселѣ подмывается неспособностію правителей и несообразностію учрежденій. Только при нихъ возможна такая свобода, такая дерзость пропаганды.

Прочелъ „Тысящелѣтіе Россіи“ профес. Павлова, напечатанное въ календарѣ 1862 г. Сочинитель имѣетъ знаменитость по гоненіямъ за либерализмъ. Статья эта, конечно демократическая, не дала бы и не прибавила бы этой знаменитости. Предполагая быть современнымъ выраженіемъ науки послѣ (лестно упомянутыхъ) разнородныхъ изысканій, статья выразила, кажется, только мысль о системѣ федеративности и централизаціи, а въ изложеніи и оцѣнкѣ фактовъ далеко не представляетъ ничего новаго, содержа напротивъ много неточнаго и неправильнаго, и вообще не далеко отходя отъ направленія и изложенія Кайдановской школы,—другой краски. Не понимаю, почему сочиненіе это удостоилось обнародованія во Всероссійской ручной книгѣ. Для чтенія она длинна, для поученія пуста.

По высочайшему (мнѣніе Госуд. Совѣта) повелѣнію 22 Марта 1860 г., дабы возвысить духъ арміи, отмѣнена отдача въ солдаты лицъ, осуждаемыхъ за пороки, проступки и преступленія (кромѣ несовершеннолѣтнихъ изъ высшихъ сословій) и приказано согласить съ этимъ постановленіемъ прочія статьи Свода Законовъ, опредѣляющія отдачу въ солдаты за дурное поведеніе, проступки, нераденіе къ должности и хозяйству и неизбраніе жизни, распорядительнымъ порядкомъ т. е. по приговорамъ обществъ, Евреевъ и колонистовъ, и по распоряженіямъ палатъ, правленій и конторъ. Предполагая воспользоваться этимъ случаемъ, я представляю докладъ и склоняю заключеніе къ тому, чтобы совсѣмъ отмѣнить право управленія распоряжаться такимъ крѣпостнымъ порядкомъ, а ограничить его исключеніемъ, лишеніемъ преимуществъ ad hoc. Не знаю, удастся-ли мнѣ. Генералъ Муравьевъ исповѣдуетъ право силы и дискреціонной власти. Вообще я постоянно замѣчаю, что мнѣ *проводить* мои намѣренія никогда не удается. Впрочемъ законодательство наше здѣсь такъ грубо, что и съ такимъ генераломъ время наше можетъ расчитывать на смягченіе.

Послѣ чтенія моего во время уединенной жизни въ Бремболѣ (въ 2 верстахъ отъ Переславля) я говѣлъ, съ веригами, у Николы Столпника, и бесѣдовалъ съ отцами архимандритами Ѳеодоромъ (ссыльнымъ за „Православіе и современность), съ Нифонтомъ и архіепископами (Іустиномъ, здравымъ и прямымъ Византійцемъ, и Павломъ, извѣстнымъ по своей карьерѣ).

Мнѣ всегда нравилось положеніе, которое, со времени Наполеоновскаго демократизма, взяла себѣ наука во Франціи, т. е. академіи и институты. Она стала теченію поперекъ. У насъ они, Академія и профессора, становятся по вѣтру. А между тѣмъ и философія, и богословіе требуютъ внимательнаго и благороднаго изученія. И наука и религія падаютъ. Сблизясь, соединясь съ жизнію, наука запутывается въ положительныхъ выводахъ повтореніемъ случайностей и теоретическимъ осуществленіемъ возможности.

Если судить о нашихъ оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ преобразовательныхъ работахъ (о контролѣ, подъ руководствомъ ст.-секр. Татаринова, о земскихъ банкахъ Безобразова и Шиля, о податяхъ Гундобина и др.), то часъ преобразованій очень далекъ: такъ они многословны, пустопорожни и поверхностны.

Я сей часъ кончилъ докладъ о земскихъ повинностяхъ. Существеннаго въ немъ то, что государственныя повинности слѣдуетъ перенести въ общую роспись, а сословныя отдѣлить, предоставя разсмотрѣніе ихъ тому присутствію, которое *будетъ* образовано. И весь многословный докладъ составленъ по указамъ Полнаго Собранія. Дѣло въ томъ, что, по примѣру Франціи, намъ давно бы слѣдовало (какъ и заявлено въ 1811 году) снять главнѣйшія повинности (не однѣ государственныя) на государство. Дѣло въ томъ, что главнѣйшую повинность (дороги и мосты) надобно выкупить. Теперь, это пустая трата денегъ. Ихъ сбираютъ, крадутъ или употребляютъ дурно. Болѣе ста лѣтъ производятся эти сборы, а ни дорогъ, ни мостовъ нѣтъ. Капитализируйте этотъ расходъ, вы давно имѣли бы шоссе и мосты каменные, не безпокоя земства ни сборами, ни нарядами. Я видѣлъ эти мосты и дороги.

Конечно, безъ мѣстныхъ сборовъ не обойдешься; но надобно: 1, чтобы они были непремѣнно смѣтные, никогда произвольные или чрезвычайные; 2, чтобы они, соединяясь съ выгодами, разлагались по мѣрѣ выгодъ уравнительно и входили удобно; 3, чтобы составленіе смѣтъ принадлежало мѣстнымъ учрежденіямъ, а раскладка не зависѣла ни отъ душъ, ни отъ сословій; и 4, чтобы контроль и гласность не были пустыми словами. Здѣсь болѣе нежели гдѣ нибудь безсмысленна эта круговая порука, contrainte solidaire, которая напоминаетъ дикое населеніе и юность администраціи.

У насъ, въ казенномъ управленіи, денежные сборы чрезвычайно разнообразны и очень велики. Разнообразіе, множество это въ рукахъ какого нибудь генерала Муравьева даетъ такую свободу непримѣтно возвышать ихъ, что при обозрѣніи мною Владимирскихъ управленій крестьяне, во многихъ мѣстностяхъ, жаловались на тягость податей.

Въ Заколѣсной волости (Меленковскаго уѣзда) жаловались на несоразмѣрность оброчной подати при дурномъ качествѣ земель, истощеніи лѣсовъ и упадкѣ промысловъ. Въ Багратіоновской волости (Муромск.) представляли, что они несутъ тяготу больше, нежели при помѣщичьемъ управленіи, и сборы постоянно возвышаются. За троичныя стойки вносили они по 35 к., а въ 1861 г. (по предписанію о однообразномъ сборѣ) 50 к. Въ Сергіевской волости (Гороховск.) объясняли, что не смотря на сокращеніе управленія (сельская инстанція), общественный сборъ не уменьшился, а увеличился; а въ Алексинской волости (Ковровск.) единогласно роптали на высокую и незаконную оцѣнку промысловъ. 4500 крестьянъ (офени) съ 1856 г. отказываются отъ составленія раскладочныхъ приговоровъ, протестуя этимъ противъ незаконности налога. Въ Елизаровской волости (Переславск.) и въ Кудыкинѣ (Покровск.) жаловались вообще на отяготительность сборовъ по недостатку земель. Вообще подати, сборы (повторяю) очень велики, и я привожу здѣсь жалобы тѣхъ волостей, гдѣ масса народа единогласно роптала на нихъ. Круглымъ числомъ приходится на душу, на человѣка—8 р. Для большой семьи это тяжело. Я говорилъ и утверждаю, что сборы, всѣ, податные, общественные, земскіе и даже мірскіе, должны быть приведены въ единообразіе, съ совершенною отмѣною повинностей натуральныхъ и сборовъ сверхсмѣтныхъ и безсмѣтныхъ.

Университетскія исторіи пріутихли, но не прекратились. Предсѣдателемъ коммиссіи о Петербургскихъ студентахъ назначенъ, по имени, т. е. Николай Пущинъ, носящій декабристское имя и рѣшительно неспособный на дѣло и въ дѣлахъ вообще не свѣдущій. Профессора лучшіе выходятъ въ отставку: Костомаровъ, Кавелинъ, Стасюлевичъ, Спасовичъ, любимцы студентовъ. Другіе приготовляются выйти. Лекціи существуютъ по имени, какъ и открытіе университета. Въ Москвѣ новый профессоръ Борисъ Чичеринъ читалъ на дняхъ вступительную лекцію о государственномъ правѣ, дѣлающую много шуму и тамъ и здѣсь. Чичеринъ очень бойко и съ блескомъ началъ свое поприще „Областными Учрежденіями“, гдѣ критика доходила до осмѣянія. Книга написана умно, остро и широко, но носитъ печать односторонней полемики, закрывающей научную сторону. Смѣлый изслѣдователь пообдумался и подался назадъ. Онъ издалъ мелкія свои статьи и въ пространномъ предисловіи выразился консерваторомъ. Еще болѣе это направленіе развито въ письмѣ къ Герцену, напечатанному въ Колоколѣ. И за то и за другое досталось молодому ученому. Онъ замолкъ. Болѣе смѣлости и требовательности видно въ настоящей его лекціи, но профессоръ неоднократно старается отдѣлить изученіе отъ увлеченій, чтеніе отъ говора, среду университетскую отъ внѣшней жизни и въ

заключеніи, послѣ обращенія къ Грановскому, приглашаетъ слушателей не предаваться шумнымъ манифестаціямъ. Какъ отзовется молодежь на эту лекцію и удержитъ-ли Московское начальство свой университетъ въ должныхъ предѣлахъ послѣ того, какъ студентовъ, по тщеславному объявленію полиціи, народъ самъ собою ловилъ и вязалъ на площади, гдѣ найдены кинжалы и палки, и послѣ того какъ Петербургскій генералъ-губернаторъ увольняется (я думаю—нѣтъ). Развѣ начальство уступитъ по привычкѣ и по безсилію. Привычка отъ необходимости и ложнаго правила—claritudo obsequiis protegenda. Безсиліе—отъ того, что, не желая дѣйствовать мѣрами à la Nicolas, начальство въ обществѣ и корпораціяхъ встрѣчаетъ противодѣйствіе. Генералъ Милютинъ могъ разбить гр. Путятина въ Совѣтѣ Министровъ, но не могъ избѣжать пораженія въ своихъ военныхъ судахъ. Артиллеристы Энгельгардтъ, Богдановичъ, Семевскій и Странденъ, преданные суду, не признаны виновными, такъ какъ почтенный комендантъ, генералъ Зальца, донося о присутствіи этихъ офицеровъ въ толпѣ и неповиновеніи ими внушеніямъ его, не представилъ законныхъ свидѣтелей. Извольте видѣть, старику не вѣрятъ, а онъ въ суматохѣ и забылъ, что будутъ смуты и что для судебнаго изобличенія, въ случаѣ нарушенія, нужны классическіе свидѣтели. Замѣчательно, что и старикъ Зальца и полицмейстеръ Злотницкій, на вопросъ суда, отказались отъ своихъ обвиненій, разъяснивъ, что они въ одномъ могли ошибиться, имъ такъ показалось, а въ другомъ—что они не приказывали, а совѣтовали. Умно.

Сдѣлавъ важныя уступки 24 Ноября 1860 г. народному представительству, Наполеонъ 10 Ноября этого года дѣлаетъ новую уступку. Онъ отказывается отъ права разрѣшать дополнительные и чрезвычайные расходы. Если прошлогодняя уступка была вызвана возраставшимъ преобладаніемъ народной партіи въ Италіи, то нынѣшняя едва-ли не служитъ сознаніемъ запутанности финансовъ, въ которыхъ безотчетныя назначенія требовали обузданія тѣмъ болѣе необходимаго, что ничто такъ не извинительно, какъ увлеченіе въ расходахъ полезныхъ. Этакихъ кредитовъ императоръ дозволялъ себѣ до 250 милліоновъ въ годъ. Можетъ быть, онъ увлекался далѣе необходимаго и за предѣлы полезнаго. Бюджетъ росъ. Свобода расходовъ пугала своихъ и чужихъ. Бюджетъ всегда представлялся съ излишкомъ въ приходѣ и завершался съ значительнымъ превышеніемъ расхода. Несмотря на богатство страны, постепенное возрастаніе цифры грозило недостаткомъ. Наполеонъ, по совѣщаніи съ банкиромъ своимъ Фульдомъ, рѣшился на уступку, чтобы наконецъ уравнять приходъ съ расходомъ, ибо онъ увѣренъ, что подкупъ его партіи равняется желаемой твердости его династіи. Но обуздать себя трудно, даже въ расходахъ безполезныхъ. Ми-

нистры, отказываясь отъ кредитовъ дополнительныхъ и чрезвычайныхъ, думаютъ установить болѣе солидарности съ законодательнымъ собраніемъ, въ обновленномъ его видѣ, но они не отказываются отъ полезныхъ расходовъ и надѣятся на зачеты и перечисленія однихъ статей бюджета въ другія—les virements. Изъ дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредиты пожалуй сдѣлаются постоянными. Чѣмъ шире будетъ предусмотрительность, тѣмъ свободнѣе дѣйствіе правительства. Мы не сомнѣваемся только въ одномъ: и при этой неискренней реформѣ отчетность выиграетъ въ своевременности. Что же касается до вліянія этой мѣры на уменьшеніе вооруженій другихъ державъ, то мы въ этомъ сомнѣваемся.

Что еще принесутъ намъ торжество Итальянское, движеніе Славянъ и упорство національ-ферейна въ Германіи? Еще новыя нарушенія правъ народныхъ, правъ церкви и установленнаго порядка? Или покажутся начатки новаго созиданія новыхъ правъ, церкви и порядка, съ которыми если не примирятся, то войдутъ въ сдѣлку всѣ эти голодные аппетиты, дичающіе инстинкты и избалованныя потворствомъ самолюбія, честолюбія и сребролюбія,—всѣ возможныя любія, кромѣ любви христіанской?

Разбираю я дѣло о Печерско-Обскомъ краѣ, гдѣ подвизались пытливые слѣдователи Латкинъ, Крузенштернъ и Боровскій. Еще въ 1859 г. я желалъ содѣйствовать предпріятію Крузенштерна, хотя оно было и плохо усвоено, и мало обдумано, и неопредѣленно очертано. Лѣса тамъ не только ничего не приносятъ, но гибнутъ, горятъ, валятся и гніютъ. А ихъ тамъ до 20 мил. десятинъ и лучшаго качества. Край совершенно пустынный, неизвѣстный и безъ рукъ и капиталовъ. Министръ согласился: онъ податливъ вообще на смѣлыя предпріятія. Но въ Госуд. Совѣтъ явился бывшій у насъ директоромъ Заблоцкій; къ нему присталъ одобрившій въ М-вѣ Финансовъ проэктъ Крузенштерна д. т. с. Бронъ, и Совѣтъ, который всегда радъ побить Муравьева, отвергнулъ представленіе. Я не защищаю Крузенштерна: онъ человѣкъ непрактическій, много зависѣлъ отъ Нѣмца Газе, самъ мало занимается и слишкомъ довѣряетъ одной возможности; но, повторяю, всякое предпріятіе въ безвѣстномъ, отдаленномъ, пустынномъ краѣ есть шагъ въ наукѣ, промышленности и управленіи. Я почти былъ увѣренъ, что предложеніе не исполнится и въ опредѣленный срокъ привиллегія рушится; но шагъ былъ бы сдѣланъ. Теперь Крузенштернъ представилъ другой проэктъ, обрѣзанный, сокращенный, и прежнихъ цѣлей нѣтъ и въ помину. Г. Заблоцкій можетъ порадоваться.

Такъ у насъ прекрасныя, важныя предпріятія обусловливаются личными вліяніями, и ихъ не чужды лучшіе люди, къ которымъ.

конечно, должно приписать Андр. Парѳ. Заблоцкаго-Десятовскаго, озлобленнаго гоненіями Муравьева.

Изъ Польши нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и о особытіяхъ Варшавскихъ не говоритъ ничего наша гласность. Разсказываютъ, что Лидерсъ объявилъ жителямъ о повелѣніи бомбардировать городъ, если смуты будутъ продолжаться. За то гласность наша много говоритъ о Польской національности, особенно Московскій Славянофилъ „День“. Гласность уступаетъ Западныя губерніи до Кіева и Смоленска. Въ странномъ—что̀ бы не сказать безсмысленномъ—находимся мы положеніи. Правительство говоритъ и дѣлаетъ одно, а общество говоритъ другое. Только и остается, чтобы оно начало дѣлать, что̀ говоритъ, и при значеніи современныхъ понятій о народѣ и народности, приступило къ преобразованію этого правительства въ учрежденіе народное. Сила вещей этого требуетъ, и это будетъ. Партія многочисленна, понятія сильны, логика идей, подкрѣпляемая гласностію, увлекательна, а въ стремленіи и стремительности вѣка недостатка нѣтъ.

Баронъ Петръ Мейендорфъ, занимающійся съ гр. Путятинымъ пересмотромъ цензурнаго устава и университетскаго положенія, обратился ко мнѣ за совѣтомъ. Какъ ни незапно было это требованіе, я далъ почтенному, отлично умному и образованно ученому посланнику отвѣты довольно категорическіе:

1. Уставъ in corpore не измѣнять. Поправить, дополнить, но въ смыслѣ преимущественно регламентаціи, а не ограниченія.

2. Собраніямъ высшихъ ученыхъ учрежденій и съ согласія членамъ ихъ дозволить печатаніе безъ цензуры.

3. Изучить дѣла главнаго управленія и двухъ комитетовъ и преподать цензорамъ инструкцію. Камъ мѣра распорядительная, инструкція эта, по мѣрѣ опыта, могла быть возобновлена, уясняема и измѣняема.

4. Въ цензурѣ книгъ ученыхъ предоставить бо̀льшую свободу. Сочиненіе свыше 15 листовъ можетъ быть напечатано безъ цензуры, но съ предъявленіемъ до выпуска за 5 дней въ цензуру.

5. Оградить личность, добрую вѣру и уважительную тайну независимо отъ отвѣтственности цензора, отвѣтственностію редактора и автора.

6. Мѣры взысканія развить, назначивъ мѣру наказанія мягче, штрафъ въ размѣрахъ и преимущественно денежную.

7. Что̀ касается университетовъ, то нынѣ существующіе образовать, въ настоящемъ ихъ составѣ, за немногими измѣненіями, въ высшія училища (въ родѣ бывшихъ университетскихъ пансіоновъ и нынѣшнихъ лицеевъ), а факультеты образовать въ мѣстностяхъ болѣе удобныхъ для исключительныхъ ученыхъ занятій, а не въ столицахъ,

гдѣ усиленная общественность невольно сообщаетъ многочисленному собранію молодежи свои развлеченія, тревоги и требованія. Я имѣю при этомъ другіе виды *).

Я не думаю, чтобы эти предположенія не были существенно полезны, и цензурѣ, и наукѣ, и порядку.

Насильно сдержанная, особенно грубо, нагло и порывисто (1825, 1830, 1848 г.г.) зануздываемая, нація пробуждается къ возстанію, къ обвиненію и начинаетъ *мстить*. Мщеніе она еще до сихъ поръ выражаетъ обличеніемъ, осмѣяніемъ и клеветами мелкими. Состояніе не нормальное и исполненное недобрыми ожиданіями. Правительство бросается въ преобразованія также грубо, нагло и порывисто, и какъ бы предчувствуетъ свое банкротство. Нація требуетъ самоуправленія и, не находя нужныхъ элементовъ, согласныхъ съ Европейскими требованіями, готова сознаться въ своей несостоятельности.

Мнѣ бы хотѣлось взять положеніе посредствующее.

Я это обдумываю и въ „думкѣ“ моей, до усталости, прихожу къ крайностямъ: или возстановить во всей цѣлости полицейскій порядокъ Николая, умѣривъ его безличностію, т. е. подробнѣйшей регламентаціей, или установить на широкихъ размѣрахъ гласное управленіе, основанное на выборномъ началѣ. Переходную мѣру я думаю найти въ общемъ собраніи Совѣта и Сената, съ принятіемъ мѣръ къ ихъ улучшенію (épuration). Для этого достаточно уничтожить канцеляріи. Ничтожные люди уйдутъ: для замѣщенія ихъ лучшими можно принять условія не рѣзкія, но дѣйствительныя.

Студенты еще подъ арестомъ. Три коммисіи: здѣсь, въ Кронштадтѣ, въ Москвѣ представили свои заключенія и по разсмотрѣніи ихъ въ особомъ комитетѣ, гр. Панинъ возилъ докладъ къ Государю 28 Ноября. Приказано доложить въ Совѣтѣ Министровъ сего дня, и при самомъ докладѣ пришло извѣстіе, что 30 студентовъ засѣли въ зданіи, читаютъ какія-то прокламаціи и грозятъ пустить пулю въ лобъ, кто захочетъ нарушить ихъ засѣданія. Помощники проректора растерялись. Да. Но

*) Виды эти заключаются въ томъ, чтобы выше университетовъ учредить академіи: юридическую, въ Европейской половинѣ, напр. въ Грузинѣ, и академіи естественныхъ наукъ (и математическихъ) въ восточной половинѣ, гдѣ нибудь близь Волги, гдѣ наука Русской природы найдетъ богатое поле, и для всѣхъ царствъ природы, и для всѣхъ головъ математическаго склада. Филологическій факультетъ можно соединить съ Академіей Наукъ. Это улучшитъ университеты, низведя ихъ, при недостаточномъ уровнѣ нынѣшнихъ занятій и преподаванія, на степень высшихъ училищъ, и парализируетъ лицеи и Училище Правовѣдѣнія. Послѣднее положительно вредно. За симъ оставалось бы учредить въ университетахъ приготовительный курсъ и уничтожить 7 классъ гимназій, отдѣливъ отъ нихъ 1 и 2 классы и давъ имъ характеръ преимущественно школъ реальныхъ.

не придумано и не приготовлено-ли все это для устрашенія? Министры наши играютъ дѣломъ. Я увѣренъ, что они напутаютъ. Не такъ повели дѣло съ начала, не такъ ведутъ и теперь. Молодежь легко обуздать путемъ законности. Исключительныя мѣры обличаютъ безсиліе законнаго порядка и уполномочиваютъ оппозицію. Изъ министровъ на сторонѣ молодыхъ людей—военный, Милютинъ. Я на той сторонѣ, что пора дѣло это кончить, и давно, давно слѣдовало уменьшить его размѣръ.

Я назначенъ членомъ коммисіи объ улучшеніи системы податей. Это едва-ли не важнѣйшая задача послѣ вопроса о крѣпостномъ правѣ. Дѣло мнѣ не неизвѣстное, и польза моего въ немъ участія, думаю, будетъ та, что поспѣшность и радикальность задуманныхъ преобразованій найдутъ во мнѣ по крайней мѣрѣ немолчаливаго одобрителя. Составъ коммисіи и ходъ работъ ея напоминаютъ редакціонныя засѣданія Ростовцова. Общее направленіе и особенная дѣятельность принадлежатъ молодому экономисту Тернеру, Соловьеву и Безобразову. Предсѣдатель Гагемейстеръ не слышенъ. Членовъ множество. Вызываютъ еще экспертовъ изъ губерній, отъ земства и городовъ.

Я едва успѣлъ ознакомиться съ существомъ работъ коммисіи изъ напечатанныхъ въ газетахъ записокъ ея и изъ небольшой брошюры Тернера о общихъ основаніяхъ. Все это коротенько, скоренько и очень поверхностно. Вообще нельзя похвалиться систематикою и послѣдовательностію пріемовъ въ занятіяхъ коммиссіи. Отсутствіе хорошаго распорядителя чувствуется даже тѣми, которые распоряжаются. Нужно бы назначить довѣренное лицо съ авторитетомъ положенія и знанія дѣла, напр. Гурьева (боленъ), бар. Мейендорфа (старъ), Бахтина, пожалуй—Бобринскаго, Мальцова—кого нибудь, но не директоровъ министерства. Дѣло съ приглашенными экспертами уже выходитъ изъ круга финансоваго управленія. Да и работы должны идти иначе. Теперь о земскихъ повинностяхъ пишетъ Соловьевъ, а управляющій ими, Прутченко, даже не бываетъ въ собраніяхъ; о соляномъ доходѣ соображаетъ Гирсъ, а управляющій горною частію Гернгросъ не присутствовалъ и при совѣщаніяхъ. Такъ дѣло не ведутъ, и такъ оно не пойдетъ.

Кажется принята система Киселева—переложить подати съ душъ на доходы. На доходы отъ земли и промыслы. Промыслы въ 1859 г. Муравьевъ назвалъ усадьбою. Наша коммиссія называетъ ихъ дворомъ. Распорядителями у насъ, и Гагемейстеръ, и Рейтернъ, и Заблоцкій и, Бутовскій, и Соловьевъ. Но я ни въ одномъ не вижу элементовъ хозяина дѣла. Я, я желаю немногаго: во первыхъ—отмѣны круговой поруки, во вторыхъ отмѣны или значительнаго сокращенія промысловой—усадебной или подворной подати съ крестьянъ, и наконецъ—уменьшенія расходовъ.

Но среди всѣхъ этихъ событій, при которыхъ, и министръ, и министры готовы ожидать и ожидаютъ, какъ адвокатъ кн. Долгорукова въ процессѣ съ памятью Русскаго *лорда*, переворота въ Россіи à la 1789 г., ничтожно думать о единицѣ, о личности. Но я объ ней думаю. Извиняюсь. „Дурень думкой богатѣетъ", говоритъ Малороссъ. Положимъ, это дурно. Но дурень, господа, „о Господи" виноватъ. Онъ виноватъ не передъ собою, а передъ тѣми, которые зависятъ отъ моей службы. Я очень, глубоко разсердилъ министра моимъ донесеніемъ о Владимирскомъ управленіи. Сегодня, при докладѣ дѣла о Шеферѣ (дѣйствія министерства по отдачѣ ему Горы-Горецкаго хутора наивно непредусмотрительны), онъ прямо выразился, что я изыскиваю случаи выставить ошибки управленія и что вся моя ревизія имѣетъ это направленіе, поставляя себѣ цѣлію задѣвать личности.

Можетъ быть, донесенія мои (ихъ, записокъ, 9-ть) имѣютъ цвѣтъ или желчь мщенія, но не личнаго. На столько личностей меня бы не хватило. Я золъ на всѣхъ, на все управленіе. Оно невѣжественно, оно недобросовѣстно, оно своекорыстно. Опредѣленіе лицъ по родству и протекціи, распоряженія, дѣлаемыя исключительно для выставки заслугъ предъ государствомъ, безъ всякой пользы, даже съ вредомъ для народа, и всевозможное извлеченіе выгодъ личныхъ то мѣстами, то орденами, но всего болѣе деньгами и землями,—вотъ управленіе генерала Муравьева. Оно отражается въ губернскомъ управляющемъ, въ окружномъ начальникѣ и въ волостномъ писарѣ. Я не скрылъ этого. Я не скрывалъ и служа въ М-вѣ Юстиціи, когда представилъ, въ 1846 г., донесеніе о шести губерніяхъ и въ 1851 г. о положеніи 6-го д-та Сената. Я уже съ того времени удивляюсь, какъ я не въ крѣпости. Отправляясь на ревизію и посылая изъ Владимира донесеніе 25 Іюля, я зналъ, что не служу угожденію. Я высказался вполнѣ, рѣшительно, представляя записку „объ учрежденіяхъ и личномъ составѣ Владимирскаго управленія". Можно дѣлать все невозбранно, но—въ этомъ убѣдитесь—небезнаказанно. Тогда бы не было ни правды, ни Бога, Онъ же есть правда. За праваго—Богъ. Мы посмотримъ, чѣмъ рѣшится эта распря. Я не вѣрю случайности, я не поклонникъ успѣху. Думаю и исповѣдаю, что есть Богъ.

Въ средѣ опасеній за уменьшеніе производительности и за неминуемый финансовый кризисъ и даже при немалыхъ страхахъ въ ожиданіи буйства, грабежа и самой рѣзни, общее вниманіе деморализуется до такой степени, что не только смѣны министровъ (особенно просвѣщенія, изъ нихъ трое посажены въ Совѣтъ и каждый знаменуетъ побѣду надъ правительствомъ) остаются какъ бы незамѣченными, не только оглашенія скандаловъ случайныхъ не возмущаютъ сословную стыдли-

вость, но и односторонняя хроника мировыхъ крестьянскихъ учрежденій и открывающіеся дворянскіе выборы какъ будто не имѣютъ того интереса, котораго отъ нихъ ожидали. Самыя существенныя условія дворянскаго быта измѣнились. Остается ждать его изнуренія, по истощеніи проживаемыхъ запасовъ, и его безсильныхъ напряженій, всегда малообдуманныхъ и неувѣренныхъ. Кромѣ дворянства, незавидно положеніе и дворовыхъ. Исхода событій должно ожидать отъ этихъ классовъ. Къ нимъ присоединятся другіе, ибо довольныхъ нѣтъ ни одного. Не довольны даже дармоѣды, сановитые чиновники, потому что щедрость банкротствующей казны ихъ не успокоиваетъ, а званіе ихъ, давно сдѣлавшееся предметомъ посмѣянія, готово сдѣлаться посмѣшищемъ толпы, угнетеніе которой накопило массу мстительной желчи. Выдвинутое демократическое начало рветъ слабыя нити ошеломленныхъ правителей, и ни нынѣшніе суды и полиція, ни воинскія команды не сдержатъ этой постоянно возрастающей массы. Самая конституція, отъ которой правительство можетъ ожидать силы, только дастъ дѣлу видъ законности, не устраня безпорядковъ. Самая Николаевская энергія только на время отдалитъ ихъ явленіе и ближайшія послѣдствія. Предвѣстники этихъ безпорядковъ уже показались. Четыре мѣсяца правительство возится съ студентами. Ему достаточно выразить какіе нибудь слухи, чтобы общество и журналы выразили и стали развивать другіе. Анархія въ цензурѣ, возстаніе національностей, соревнованіе, зависть сословій, смѣлость, дерзость общественнаго говора и особенно выразительность молодаго поколѣнія не находятъ въ нашихъ правителяхъ ничего кромѣ манифестацій, обѣщаній и полумѣръ, при которыхъ анархія все ростетъ, завоевываетъ шагъ за шагомъ поле битвы, и съ каждымъ шагомъ становится шире, сильнѣе и требовательнѣе.

Много толковъ производитъ процессъ князя Семена Воронцова и князя Петра Долгорукова поводу статьи Courrier du Dimanche о попыткѣ на подкупъ послѣдняго или о поддѣлкѣ *замѣтки* фельдмаршаломъ княземъ Воронцовымъ для вынужденія Долгорукова поддѣлать генеалогію Воронцовыхъ, „не имѣющихъ ничего общаго съ древними Воронцовыми“. Адвокаты Матьё и Марі не скупятся въ обвиненіяхъ и часто очень фамиліярныхъ объясненіяхъ о Русскихъ князьяхъ и о Россіи и ея порядкахъ. По мнѣнію моему, Долгоруковъ виноватъ. Политическихъ козней автору „Правды о Россіи“ въ процессѣ, срамящемъ насъ, никакихъ нѣтъ. Что-то скажутъ прокуроръ и судъ?

Новый министръ, П. А. Валуевъ задумалъ издавать отъ министерства ежедневную газету „Сѣверная Почта“, газету оффиціальную, политическую и литературную. Я не одобряю программы, она обѣщаетъ болтливость. Органъ правительства есть циркуляръ; а все, что

сверхъ того, выходитъ изъ сферы его вѣдомства и служитъ для него чаще затрудненіемъ, нежели орудіемъ вліянія. Особенно это должно сказать о насъ и особенно въ настоящее время, когда нужны не слова, а дѣло, и когда самыя распоряженія правительства встрѣчаютъ открытую оппозицію, иногда весьма смѣлую и дѣйствительную. „Сѣверную Почту“ заклюютъ. Я такъ думаю. Валуевъ всегда слишкомъ много придавалъ значенія внѣшнему, рѣчи, слову.

Дѣло моей ревизіи проясняется. Сегодня сдѣлались извѣстны данныя награды. Министръ разсыпалъ деньги, земли и чины. Я не получилъ ничего. Трое изъ директоровъ извинялись передъ мною, одинъ—даже письменно. Я это предугадывалъ, и скупость такого щедраго раздавателя меня нисколько не тронула. Я это зналъ, отъѣзжая на ревизію и, въ Октябрѣ, объяснившись съ женою, я представилъ отчетъ и ожидалъ не награды, но открытой немилости, въ которой я надѣялся не на одинъ духъ времени ослабшаго правительства, но и на всегдашнюю мою опору—на правду. Содѣйствіе общей пользѣ мнѣ стократъ пріятнѣе, нежели личное удовольствіе. Въ запискѣ моей „объ учрежденіяхъ и личномъ составѣ управленія“ я высказалъ генералу Муравьеву столько прямыхъ истинъ, что вопросъ объ отношеніяхъ моихъ былъ рѣшенъ окончательно. Интересы мои были въ сторонѣ. Теперь меня озабочиваетъ другое: въ интересахъ правды и порядочнаго управленія не пошелъ-ли я далѣе дѣйствительнаго и должнаго? Можетъ быть. Увлеченіе здѣсь тѣмъ легче, что основаніямъ моей критики нечуждо личное отвращеніе отъ этой своекорыстной личности, которая представляется тѣмъ еще преступнѣе, что, при огромныхъ познаніяхъ и способностяхъ, онъ могъ бы, особенно въ настоящее время, принести большую пользу. Какъ быть! Постараемся выдержать.

Мы продолжаемъ пошаливать: четвертый министръ просвѣщенія и на этотъ разъ наименѣе свойственный и наименѣе приготовленный. Головнинъ, статсъ-секретарь и личный секретарь Вел. Кн. Константина. Обращеніе къ партіи Константина показываетъ большое безлюдіе. Общее убѣжденіе молодежи то, что и Головнинъ не усидитъ. Она желаетъ Пирогова. Головнинъ пользуется большимъ довѣріемъ Вел. Князя и проводилъ его либеральныя идеи въ управленіи. Гр. Путятинъ не нашелъ симпатіи ни въ комъ и не имѣлъ ни къ чему. Головнинъ долженъ будетъ удариться въ либерализмъ. Въ управленіи этого недостаточно. Головнину нужно пріобрѣсти имя и авторитетъ. Все это должно имѣть до назначенія; иначе назначеніе будетъ шалость, капризъ, опрометчивость. Но сдѣлайте и Пирогова, будетъ тоже. Дѣло въ томъ, что нужно дать конституцію. Школьники—задирщики шумятъ (и особенно послѣ крѣпостного сидѣнія), потому что знаютъ, увѣрены, что за ними идетъ

цѣлая, плотная партія. Всѣ смѣлы, потому что Государь не имѣетъ характера, а нравственно чувствуютъ за собою пушокъ на рыльцѣ и потому чужды энергіи.

Процессъ Долгорукова кончился. Онъ признанъ виновнымъ. И такъ доказано, что князья Воронцовы не древніе Воронцовы и что древній Долгоруковъ нанимался сдѣлать ихъ древними. Стоило для этого таскаться въ Парижъ и раскладывать на весь свѣтъ наши мелкія притязанія и наши грубыя мерзости?

Кончился этотъ вольный, размашистый и въ особенности переходный 1861 годъ. Онъ будетъ памятенъ, онъ будетъ эпохою по отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи. Онъ знаменателенъ и для Европы по Гарибальдійскимъ вліяніямъ. Онъ замѣчателенъ и въ Азіи вторженіемъ въ Китай и въ Америкѣ расторженіемъ великаго союза Сѣверныхъ Штатовъ. Доктрины прежнія, въ теченіи его, развивались и утверждались. Идея національностей водворяется и расширяется все далѣе и глубже. Она не только требуетъ географическихъ измѣненій, но хочетъ завоевать и возвратить самоуправленіе, довольствуясь сдѣлками съ началами династическими и съ централизаціей. Она на этомъ не остановится. Республиканскія формы не составляютъ секретной цѣли. Она давитъ право, администрацію, подать и самую науку. Отъ suffrage universel до Volksrecht и Wissenchafft, она демократизируетъ все.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1862-й годъ.

Привилегіи, исключительности, монополіи почти нѣтъ мѣста, и перепуганныя, онѣ разсыпаются въ искательствахъ (obsequiis protegenda). Грубѣютъ мысль и идеалы, нисходя въ плотные слои народа и, разливаясь въ этихъ полудикихъ натурахъ, возвышаютъ ихъ, и понижаютъ натуры высшія, нивеллируя уровень, ломая учрежденія и личности, вырабатывая гражданина и человѣка.

Два явленія особенно тяжко отозвались на народахъ: задолжаніе правительствъ и вздорожаніе цѣнностей. Исключая Англіи и Пруссіи, гдѣ откровенный парламентизмъ спасаетъ отъ увлеченій, и не говоря объ Австріи и Италіи, изъ которыхъ одна не сложилась, а другая разлагается, мы упомянемъ о Франціи и Россіи. Задолжаніе ихъ приближаетъ къ банкрутству, и правительства обѣихъ державъ, можетъ быть, поздно обратились къ обществу. Во Франціи, по докладу Фульда, измѣнены и расположеніе, и разсмотрѣніе бюджета. Въ виду Ноябрьскаго декрета уступка не велика, но уступка есть. Тамъ нація и природа богаты, и государство поправится. У насъ совсѣмъ другое. У насъ—страшно сказать—нѣтъ денежной единицы. Императоръ Николай, начавъ войну не по средствамъ, велъ ее на бумагѣ. Бумага говорила ему о составѣ арміи и распорядительности командующихъ, бумага платила продовольствіе и жалованье. Эта бумажная система вытѣснила дѣйствительную и съ того времени царствуетъ безвозбранно. 1861-й годъ ее ослабилъ, и это его заслуга. Мы серьезно думаемъ о кредитѣ, мы только въ крайности обращаемся къ займамъ. 1861-й годъ убѣдилъ, что внѣшній

*) см. выше стр. 216.

заемъ для насъ невозможенъ, а внутренній роняетъ курсъ и увеличиваетъ дороговизну. Остается пожелать, чтобы мы убѣдились въ необходимости отчета, гласности и учета. Мы чрезвычайно расточительны и непроизводительны, а между тѣмъ думаемъ о возвышеніи податей.

Крѣпостной вопросъ еще вполнѣ не выразился. Онъ грозитъ обнищаніемъ, и съ 1861 года оно уже началось, хотя прежніе запасы еще даютъ роздыхъ. Едва-ли когда нибудь общество бывало въ такомъ открытомъ разладѣ съ правительствомъ. Три мѣсяца высшая власть возилась со студентами. трехъ министровъ просвѣщенія видѣлъ одинъ годъ. Участіе общества къ студентамъ выразилось повсемѣстно. Публицистика отъ обличеній и личностей возвысилась до вводныхъ статей, которыя въ прямыхъ и довольно смѣлыхъ выраженіяхъ развиваютъ мысли о конституціи. Смѣлость этихъ статей въ „Сѣверной Пчелѣ“, иногда и въ „Инвалидѣ“, но особенно въ „Днѣ“ Аксакова доходитъ до дерзости. Должно однако замѣтить, что съ окончаніемъ крѣпостного вопроса статьи прежнихъ доктринъ, возстановлявшихъ сословіе противъ сословія, почти прекратились. Точно это дѣлаемо по системѣ. Уменьшилась лихорадка обществъ и журналовъ. Цѣна на хлѣбъ, противъ 1854 г. (1 к. фунтъ) удвоилась и даже утроилась ($2^1/_2$ к.).

У насъ теперь очень много говорятъ и пишутъ о реформахъ въ правосудіи. Дѣйствительно, безъ нихъ всѣ другія улучшенія не полны и едва-ли даже состоятельны. Но не далеко-ли идутъ наши требованія? Не хотимъ ли завоеваніемъ гарантій ослабить силу правительства, отъ котораго много терпѣли, и дать поприще талантамъ и краснорѣчію, которые были сдавлены произволомъ? Я думаю, что, ища ограженій въ гласности и адвокатахъ, мы только переносимъ, перемѣняемъ одну зависимость на другую. Эта госпожа гласность и эти господа адвокаты дѣлаются новыми могуществами, которыя не чужды произвола, но которыя стоятъ очень дорого. Они любятъ деньги. Процессъ князей Воронцова и Долгорукаго былъ обставленъ всѣми аттрибутами зрѣлища, и адвокаты и прокуроръ потратили краснорѣчія на десятки тысячъ франковъ, а современный ему процессъ шайки между Самброй и Мозелемъ прошелъ смирнехонько, безъ всякихъ краснорѣчій, но кончился осужденіемъ десяти человѣкъ на смертную казнь.

Я не отвергаю важности этихъ ограженій. но думаю только, что отъ нихъ ожидаютъ болѣе нежели они даютъ и что не здѣсь должно искать кореннаго улучшенія. Гарантіи эти важны въ соціальномъ отношеніи. Завоеватели сдѣлались законодателями. установили свои суды. свою полицію, свои батальоны, крѣпостные и тюремные замки. Эти-то завоевательныя правительства были что-то враждебное массѣ народа, а между тѣмъ надобно было постоянно. навсегда и покойно оставаться

въ средѣ этого народа. Начало зла—въ отчужденіи права отъ жизни, въ мудреномъ пониманіи и толкованіи этого права. Дѣло въ томъ, что житейская мудрость, законодательство, сдѣлались ученою мудростію и для народа недоступны. Существо улучшенія въ упрощеніи правосудія, упрощеніи правовѣдѣнія и законодательства. Мы выбрали другой путь: мы ищемъ улучшенія въ обширной регламентаціи, въ развитіи положительнаго законодательства, въ изысканіи и заимствованіи лучшихъ ея теорій изъ Англіи, Франціи и Германіи, и въ учрежденіи факультетовъ, училищъ и гимназическихъ классовъ права и законовѣдѣнія, т. е. мы ищемъ улучшенія въ умноженіи и усиленіи тѣхъ причинъ, которыя наиболѣе тому препятствуютъ.

Право и законовѣдѣніе существуютъ для народа и какъ бы ни были обширны и усилены орудія ихъ распространенія и усвоенія, адепты ихъ всѣхъ родовъ, считая и искусныхъ и не искусныхъ, всегда составятъ 1 на 10,000 народа; ибо массѣ они всегда останутся недоступны, потому что масса эта все свое время отдаетъ труду и нуждѣ, при которыхъ юридическое воспитаніе невозможно. Мы очень озабочены судами губерній, судами милліона войска и 20 т. флота, это прекрасно, это достохвально; а знаете-ли вы, что 40. болѣе. 60 милліоновъ народа, въ самыхъ насущныхъ своихъ нуждахъ, въ повседневныхъ требованіяхъ не имѣютъ суда и расправляются или въ кабакахъ, сдѣлками чрезъ общую попойку, или на основаніи кулачнаго права. Что значитъ ваша морская капля наряда въ виду этихъ несудныхъ милліоновъ всего народа? И все это въ Россіи не туземно, всѣ эти Французскія и Нѣмецкія теоріи и формулы, протоколы, ревизіи, кассаціи и апелляціи*). Но мы имѣемъ и увѣнчиваемъ превосходныя сочиненія „Объ уликахъ“ по Нѣмецкимъ учебникамъ и „Освобожденіе крестьянъ“ въ какомъ-то Голштинскомъ уголкѣ Германіи, а порядочнаго изслѣдованія о судопроизводствѣ Русскомъ до-Петровской реформы мы не имѣемъ, не вызываемъ и вѣрно не желаемъ.

Къ упрощенію правосудія, по мнѣнію моему, ведутъ слѣдующія, встарь намъ нечуждыя, начала: 1, избирательность личнаго состава; 2, соединеніе разныхъ судей при совокупности подсудностей; 3, возможная устность; 4, широкая власть въ выборѣ наказаній—штрафы. аресть, тѣлесныя наказанія, и 5, своего рода гласность общаго начала. Все это. конечно, въ самомъ несовершенномъ состояніи. Все это, подъ вліяніемъ другаго общаго начала: судья кормился судомъ. Если-бы эти на-

*) Замѣчательно, что лучшія мнѣнія, данныя о (Французскомъ) проэктѣ морскаго суда (г. Глѣбова), даны не юристами, напр. Буцковскимъ, воспитавшимся въ инженерномъ училищѣ, Громеки, изъ военно-учебныхъ заведеній.

чала постепенно и постоянно вырабатывались, мы имѣли бы, можетъ быть, судопроизводство менѣе неудовлетворительное и во всякомъ случаѣ имѣли бы менѣе нужды и привычки мѣнять его и при всякихъ перемѣнахъ обращаться къ образцамъ иноземнымъ.

Предположеніе капитала Крузенштерна о разработкѣ Печерско-обскаго края, вслѣдствіе нерасположенія Государственнаго Совѣта, не принято и. по обыкновенію, затянулось. Ему велѣно предложить иныя условія, и на основаніи ихъ онъ, т. е. Нелидовъ и Латкинъ, его товарищи, измѣнили прежній планъ и ограничились одними торговыми видами. Ихъ прежній планъ имѣлъ цѣлію водвореніе и развитіе населенія и промышленности въ этомъ пустынномъ краѣ, заведеніе тамъ техники, введеніе общежитія и учрежденій управленія, путей сообщенія. плаванія и безопасности. Теперь они просятъ 360 т. деревъ, отъ 8 до 30 арш., въ теченіе 12 лѣтъ, по уменьшенной платѣ и только въ Печерскомъ краѣ. Я не могъ согласиться при этомъ на то, что̀ такъ прежде отстаивалъ: на предоставленіе имъ *исключительности* рубки. Крузенштернъ заслуживаетъ поощренія. Гласные отзывы (Ж. М. Госуд. Им. Декабрь) приписываютъ ему честь открытія Печорскихъ устьевъ, Болванской гавани для иностранныхъ кораблей и первой продажи Печорскаго лѣса. Онъ изучилъ и изслѣдовалъ край, какъ аматёръ и ученый. Онъ сдѣлалъ затраты и положилъ много труда. Но во 1-хъ, затраты не такъ велики и о цифрѣ ихъ нѣтъ рѣчи; во 2-хъ. ему уже два раза предоставлялась рубка безденежно; въ 3-хъ, ему и нынѣ предоставляется рубка по уменьшенной цѣнѣ противъ таксы уже пониженной Палатою; въ 4-хъ, ему извѣстна мѣстность, и ему принадлежитъ сподручность мѣстныхъ способовъ, и въ 5-хъ, должно полагать, что онъ дѣйствовалъ по указаніямъ и при содѣйствіи „иностраннаго агентства“, которое зафрахтовывало корабли для нагрузки Печорскаго лѣса въ Болванской гавани. Это выставляетъ новый предпріятель, Сальковъ, предлагая совершать операціи по Печорѣ и Оби на общихъ условіяхъ и съ платою всей цѣны по таксѣ.

По этимъ соображеніямъ я отступился отъ прежняго мнѣнія и, не давая товариществу права исключительности, полагаю однако предоставить ему рубку по уменьшеннымъ цѣнамъ палатской таксы. Я согласенъ, что исключительность въ дикомъ Печерскомъ краѣ, въ продолженіи 12 лѣтъ, не составила бы монополіи и не думаю, чтобы вызовъ Салькова представлялъ опасеніе относительное. но полагаю, что Крузенштернъ, получивъ что̀ могъ, не имѣетъ права на исключительность, предполагая дѣйствовать въ однихъ коммерческихъ видахъ товарищества.

А вотъ и указъ о возвышеніи податей*). Какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня, члена коммиссіи объ улучшеніи системы податей, гдѣ я заявилъ письменно, что и существующія подати, въ соединеніи съ разными сборами и поборами, не легки для народа: онъ проситъ убавки. Тяжесть подати явствуетъ уже и изъ того, что въ поступленіи ея всегда оказывается недоимка—этакъ милліоновъ въ 240 франковъ, и что подать, по выраженію мѣстныхъ начальствъ, „выбивается". Ни круговая Татарская порука, ни Муравьевскій Татарскій способъ взысканія, не помогаютъ. А мы увеличиваемъ подать, исчисляемъ, публикуемъ огромный листъ во всѣхъ газетахъ. Какое впечатлѣніе произведетъ это на массу публики? Не стѣснитъ-ли это законныя сдѣлки не любящія дорогого штемпеля? Не спутаетъ-ли это оклады и безъ того запутанные? Если справедлива пословица: не бойся суда, а бойся судьи, то не менѣе справедливо и то, что и при нетяжкихъ сборахъ тяжелъ сборщикъ. Да и много-ли выиграетъ казна отъ этого возвышенія? Говорятъ, 7 милл. Я думаю, гораздо болѣе; но и большая цифра, что̀ это значитъ? Поправитъ-ли она наше денежное разстройство? На какія-такія государственныя нужды недостаетъ вамъ денегъ? Неужели расточительность не должна остановиться у крайнихъ предѣловъ? Или возвышеніе ваше не велико—къ чему же вы тревожили народъ? Или оно велико,—тогда на что̀ вы расчитываете? Есть мнѣніе, что настоящій указъ устраняетъ подать на имущества землевладѣльцевъ (земли и усадьбы) помѣщиковъ; но на чемъ же это мнѣніе основывается?

Нашъ молодой финансистъ Ламанскій разослалъ записку о мѣрахъ къ устройству денежной системы (курса и монетной единицы). Надобно бы составить записку о мѣрахъ водворенія у насъ здраваго смысла. Непримирима татарщина съ европеизмомъ. Безъ послѣдняго мы бы давно исчезли или распались какъ многія, подобныя намъ Азіатскія монархіи. Прежде насъ соединяла вѣра, теперь централизація.

Новый министръ просвѣщенія, Головнинъ дѣйствуетъ въ самомъ либеральномъ духѣ. Онъ предполагаетъ дать преподаванію и печати широкую свободу, дозволивъ публичное чтеніе вездѣ и всѣмъ и ограничивъ сочинителей и издателей репрессивною цензурою. Все это прекрасно, но видна какая-то канцелярская замашка въ этихъ широкихъ мѣрахъ. Свободу чтенія онъ основываетъ на правилахъ 1841 г., а свободу печати на отсутствіи цензуры предупредительной даже въ

*) Дѣло это началось и кончено въ Комитетѣ Финансовъ, гдѣ дѣльцами великій князь Константинъ и ст.-секр. его Рейтернъ. Оттуда оно внесено въ общее собраніе Совѣта, гдѣ писанъ и самый указъ.

Австріи. Конечно. Но все это примѣнимо при иныхъ формахъ; при нашихъ учрежденіяхъ свобода преподаванія и печати есть явный подрывъ порядка и власти. Вообще мы потеряли и хозяйственный, и правительственный порядокъ и финансовую, и политическую единицу. Отъ деспотизма единоличнаго мы готовы перейти къ деспотизму вселичному и думаемъ о возможности ихъ совмѣстности.

Не совсѣмъ основательно оставляемъ мы безъ всякаго вниманія (сколько мнѣ впрочемъ извѣстно) учрежденіе папою Піемъ IX восточной пропаганды. Это учрежденіе совершенно новое, хотя ему и дается видъ прежняго, старой конгрегаціи. Въ настоящее время, при религіозномъ равнодушіи, при безсиліи правительственнаго начала и особенно при возрастающемъ свободномъ распространеніи идей, знаній и мнѣній, партія Гагарина-Печерина и проч. можетъ имѣть такое же вліяніе, какъ и Лондонская партія Герцена, а у насъ религіозное движеніе возможнѣе, нежели гдѣ нибудь, какъ по низости уровня нашего вообще нравственнаго развитія, такъ въ особенности и по безжизненности нашихъ Византійскихъ ученій, при господствѣ которыхъ гр. Толстому, кн. Урусову и другимъ отцамъ церкви не сидится, и отъ так. наз. „*Православнаго Обозрѣнія*“ богослововъ Московской церкви. Булла папы 6 Января встрѣчена и огласилась въ Петербургѣ безъ всякаго впечатлѣнія.

Записка Евген. Ламанскаго „Причины разстройства денежной кредитной системы и средства къ ея востановленію“ ходитъ по рукамъ и возбуждаетъ толки. Если наша финансовая мудрость прежде состояла въ томъ, чтобы возвышать подати и налоги, печатать ассигнаціи и занимать, то теперь она начинаетъ проявляться пугаломъ банкрутства, упадкомъ курса, лишеніемъ кредита. Чиновники министерства только и трубятъ о томъ, что мы пропали. Немудрено, что курсъ не поднимается и займы невозможны. Правительство не оглашаетъ бюджета (который оглашается уже и въ Турціи), а только пишетъ и печатаетъ записки о предстоящемъ кризисѣ, банкрутствѣ. Поневолѣ повѣришь: За чѣмъ бы ему лгать на свой счетъ! А между тѣмъ если оно не лжетъ, то несомнѣнно, весьма преувеличиваетъ опасность, и зловѣщіе глашатаи находятъ въ этомъ свою пользу.

Мѣры, предлагаемыя Евг. Ламанскимъ, существенно заключаются въ томъ: 1) чтобы прекратить выпускъ бумажныхъ денегъ, объявя объ этомъ торжественнымъ манифестомъ, 2) открыть обмѣнъ кредитныхъ билетовъ въ опредѣленные сроки и 3), равновѣсіе денежнаго рынка возложить на государственный банкъ, сдѣлавъ его общественнымъ и освободивъ отъ всякой зависимости и вліянія отъ финансоваго управленія.

Мнѣ кажется, что гг. Гагемейстеры и Ламанскіе увеличиваютъ кризисъ. Дороговизна вещей доказываетъ, что деньги дешевы, а дешевы онѣ отъ непомѣрнаго выпуска кредитныхъ билетовъ. Но причину безденежья, остановку въ движеніи сдѣлокъ, торговли и вообще рынка должно искать въ событіяхъ, какихъ не видывалъ свѣтъ и къ которымъ Россія не была приготовлена: общія реформы и въ ряду ихъ колоссальное крѣпостное дѣло и непомѣрное развитіе акціонерныхъ компаній. Первое стращаетъ кредитъ неопредѣленными ожиданіями, второе собрало деньги и бросило ихъ въ народъ. Капиталы демократизовались. Трудъ и все вздорожало. Производительность измѣнила направленіе, а при единовременности и срочности требованій на трудъ, онъ не только вздорожалъ, но и часто тратился и ошибался. По мнѣнію моему лучшій, если не единственный способъ исправленія нашихъ затрудненій, это экономія и постепенное изъятіе билетовъ до равновѣсія съ монетою, а потомъ, конечно, обузданіе правительства отъ увлеченій въ выпускѣ билетовъ замѣною ихъ билетами отвѣтственнаго банка.

„Сѣверная Почта“ Валуева, возбудившая большія ожиданія первымъ нумеромъ, не отвѣчаетъ этимъ ожиданіямъ, и я остаюсь при томъ мнѣніи, что она представитъ въ будущемъ еще болѣе поводовъ къ толкамъ и даже затрудненія для правительства. Въ литературномъ отношеніи она слаба, въ политическомъ безцвѣтна, а въ правительственномъ скучна. Канцелярскіе столбцы о спискахъ и о сокращеніи переписки едва ли и въ канцеляріяхъ найдутъ читателей. Двѣ статьи обратили вниманіе: о крестьянахъ Владимира Ржевскаго, о значеніи дворянства и о толкахъ его собраній, самаго Валуева. Современная печать и господствующія мнѣнія не удостоятъ ихъ сочувствія. Да и едвали здѣсь не болѣе словъ, нежели системы, не болѣе бѣглыхъ воззрѣній, нежели опредѣленныхъ, остановившихся убѣжденій. Замѣчательны послѣдующія статьи въ № 10 *о дворянствѣ*. Это отвѣтъ на 13 № „Дня“ Аксакова, который за эту статью о самоуничтоженіи дворянства подвергся было запрещенію, но Головнинъ его отстоялъ. Статью въ № 18 о мировыхъ посредникахъ подписалъ К.; здѣсь такой укоръ журналамъ („навѣрное примутъ сторону той же толпы“), что можно вызвать ихъ ополченія. „Сѣверная Почта“ разовьетъ у насъ партіи. Въ статьяхъ ея, по вліянію эпохи, много личнаго.

А вотъ и бюджетъ нашъ обнародованъ. Онъ изъ 19 № „Сѣверн. Почты“ перепечатанъ во всѣхъ газетахъ, и за распродажею всѣхъ экземпляровъ 19 № министръ распорядился напечатать табель эту отдѣльно по 5 к., чтобы удовлетворить напору любопытства и любознательности. Фактъ замѣчательный. Послѣ напечатанія табели на 1861 г. въ „Колоколѣ“ въ Лондонѣ, обнародованіе табели на 1862 г. не представляетъ,

по крайней мѣрѣ для насъ. никакого интереса. Но обнародованіе важно какъ огласка, какъ шагъ, и конечно, и независимо отъ контрольныхъ преобразованій, къ улучшенію по крайней мѣрѣ формы, въ настоящемъ видѣ до крайности грубой. Но что же обнародовано? Страница, заключающая въ себѣ голый перечень. Столько мы знали и изъ Нѣмецкихъ и Французскихъ сборниковъ и даже изъ Готскаго Альманаха.

Существенное дѣло въ томъ, что и при усиліяхъ къ поощренію дѣятельности въ народѣ и при возвышенныхъ (30 Декабря) податяхъ, посреди мира, расходъ въ 310 м. р. не покрывается усиленнымъ приходомъ на 14,757,899 р., $72^1/_4$, и они отнесены къ „чрезвычайнымъ суммамъ изъ послѣдняго $4^1/_4$ займа“. Положеніе незавидное! Цифра расхода. 310,619,739 р. огромна; но ей можно вѣрить. Израсходуютъ и болѣе! Но я нахожу, что цифра прихода, 295,861,339 р. $27^1/_4$ к., еще огромнѣе, и сомнительно. чтобы она вошла сполна. Предусматриваемая недоимка въ сборахъ на 4 м. р. учетверится, если не удесятерится. По статьямъ: подушной подати 28 м., оброчной 25 м., питейной пошлины, 124 м., таможенной, 32 м., актовой и патентной, 17 м. р. нельзя не ожидать значительныхъ недоборовъ; ибо при дороговизнѣ, упадкѣ курса, общемъ стѣсненіи, и продажи, и купли, и всякія сдѣлки сократятся, а сборъ прямыхъ налоговъ у насъ всегда требовалъ особыхъ понужденій. Понужденія эти теперь слабы, и при безсиліи полиціи, общей и сельской, диктаторская власть посредниковъ едвали наляжетъ на крестьянъ, поблажкою которымъ она теперь преобладаетъ.

Нужна экономія по крайней мѣрѣ на deficit. Въ платежѣ долговъ, 54 м., кажется, экономія невозможна. По вѣдомству двора, до 8 м. р., сокращеній ожидать нечего. Но по военному вѣдомству крупная цифра 132 м. р. несомнѣнно можетъ сократиться. Одинъ флотъ стоитъ болѣе $20^1/_2$ м. р., и по его же требованію номинальная плата тремъ обществамъ доходитъ до болѣе 2 м. р. Министерство Финансовъ съ своими операціями требуетъ 26,732,217 р., а пенсіи возросли за 13 м. р. Министерство имуществъ стоитъ $2^1/_2$ м. р., гарантіи желѣзныхъ дорогъ $5^3/_4$ м. р. Какъ тутъ не найти экономіи!

Правительство сдѣлало прекрасно, обнародовавъ табель; но оно поступило очень неловко, обнародовавъ ее въ такомъ грубомъ видѣ, и въ этомъ-то грубомъ видѣ обнародовало, не пересмотрѣвъ ее хорошенько. Если оглашеніе сдѣлано для возстановленія заграничнаго кредита, то еще болѣе важный кредитъ внутренній отъ того не укрѣпится, а подкрѣпиться ему нужно, и возвышеніе податей ведетъ не къ этой цѣли.

Пріятно жить въ эпоху подобныхъ преобразованій; но еще было бы пріятнѣе находить разумность и осмотрительность въ начинаніяхъ и сочувствіе, даже безъ особеннаго успѣха, къ мѣропріятіямъ.

Возвышеніе податей и обнародованіе бюджета завершаютъ финансовый циклъ нашъ стараго порядка, и онъ требуетъ смѣны. Старый Княжевичъ оставляетъ министерство. И пора! Оно имѣло самую незавидную репутацію. Это мѣсто открытыхъ взятокъ и явныхъ взяточниковъ. Молодой человѣкъ, ст. секр. Рейтернъ принимаетъ управленіе*). Надобно ожидать преобразованій если не отъ него, то отъ вліянія великаго князя Константина. Я не думаю, чтобы преобразованія эти удались, поспѣшность предположеній не обѣщаетъ ручательства; но они приведутъ къ лучшему, ибо измѣнятъ настоящій составъ, введутъ гласность и приблизятъ кризисъ, который развяжетъ узелъ. Онъ душитъ.

Не думаю однако, чтобы это поправило наше финансовое положеніе. Рейтернъ ни прежде, ни теперь не отличался ни способностями, ни знаніемъ. Ему особенно не доставало характера. Онъ никогда не имѣлъ положенія ни въ администраціи, ни въ свѣтѣ, ни въ литературѣ; онъ ничѣмъ не заявилъ себя. Онъ вышелъ и держится великимъ княземъ. Занимался бумагами старика Нессельроде, завѣдывалъ эмеритурою флота и обработывалъ положеніе 30 Декабря о возвышеніи податей и штемпельнаго сбора.

Дворянскія собранія, съ утратою политическаго значенія дворянства, получили огромное значеніе общественное, и пренія ихъ, болѣе нежели когда нибудь безпорядочныя, смѣлыя и неумѣренныя, распространяютъ въ обществѣ идеи гласности, представительства и конституціи. Другого толка я въ нихъ не вижу, ибо предложенные имъ министрами вопросы о банкахъ, о земскихъ повинностяхъ, о выборной службѣ, о выкупѣ, не подвинулись и не могли подвинуться посреди этихъ односторонніхъ, законныхъ толковъ, въ которыхъ отражаются оскорбленіе, полуобразованность и безтактность сословія, перестающаго существовать даже именовательно. Дворянство дѣлается служивымъ сословіемъ, не болѣе. Какъ бы ни поддерживалъ его Валуевъ („Сѣверн. Почта“ № 7 и 10), Павловъ и Чичеринъ („Наше Время“, Январь), но мысль Славянофиловъ-демократовъ („День“, № 13 и друг.), Аксакова, Краевскаго („СПбр. Вѣдом.“) Усова, („Сѣверная Пчела“), въ основаніи остается неопровергнутою. Правительство можетъ сдѣлать изъ него что

*) Всѣ убѣждены, что здѣсь была интрига. Толкая всюду своихъ, великій князь довелъ Рейтерна въ самое непродолжительное время до статсъ-секретарства и помѣстилъ членомъ совѣта министерства финансовъ, приготовляя въ министры. Княжевичъ сопоставилъ ему скромнаго Гагемейстера, улучивъ минуту сдѣлать и его ст.-секретаремъ. Въ Комитетѣ финансовъ вел. князь и Нессельроде забраковали Гагемейстера, назначивъ туда Рейтерна, а во время поѣздки въ Англію и Вѣну обвинили Гагемейстера въ нескромныхъ отношеніяхъ и сдали его въ Сенатъ.

хочетъ, какъ дѣлаетъ оно города и даже столицы; но это значеніе будетъ основано не на природѣ и порядкѣ вещей, а на временныхъ соображеніяхъ политики, которыя завтра могутъ измѣниться и измѣнятся.

Корифеемъ Московскаго и Петербургскаго собраній былъ, въ дворянскомъ смыслѣ, д. с. с. Николай Безобразовъ. Онъ имѣлъ бы въ средѣ своей еще болѣе успѣха, если бы не былъ сыномъ стараго сенатора Александра Михайловича Безобразова и племянникомъ князя Орлова, да еще и зятемъ Сухозанета—лицъ, къ которымъ общественное мнѣніе всегда относилось съ явнымъ пренебреженіемъ. Осмѣянный въ Петербургскомъ общественномъ управленіи (отъ котораго онъ не хотѣлъ принять домовой данной, полагая, что это относится къ людямъ „средняго рода“), осмѣянный въ литературѣ за его брошюры, изданныя въ Берлинѣ, Безобразовъ уже самою личностію своею доказываетъ, что, съ отмѣною крѣпостнаго права, дворянство, дворъ, дворня и весь старый помѣщичій, дворскій порядокъ отжили свое время, и такіе защитники, какъ Безобразовъ, гр. Орловъ-Давыдовъ, графъ Вас. Бобринскій, Николай Жеребцовъ и tutti quanti его не поддержатъ.

Компанія эта желаетъ немногаго: междуусобной войны. Они желали бы пересмотрѣть положеніе 19 Февраля на основаніи Дворянской Грамоты, въ которой ни слова не упоминается о крѣпостномъ правѣ. Да кто же оспариваетъ прочіе пункты грамоты?

Прочелъ я Дармштадтскій процессъ о типографщикѣ Якоби, судимомъ за отравленіе жены. Отрава не подлежитъ сомнѣнію. Слѣдовательно (это слѣдовательно очень смѣло) Якоби виноватъ. Присяжные осудили, и судъ приговорилъ его къ смертной казни. Отвратительно, легкомысленно и глупо было поведеніе Якоби послѣ смерти жены, и при безусловномъ заключеніи медицинской науки виновность его не могла подлежать сомнѣнію; но я не рѣшился бы подвергнуть его смертной казни. Смерть есть предѣлъ человѣческаго наказанія, а въ виновности Якоби есть мѣсто сомнѣнію, а въ преступности его есть мѣсто градаціи.

Сенаторъ Веймарнъ, генералъ Кривцовъ и бар. А. Икскуль, акціонеры разныхъ страховыхъ обществъ, спрашивали меня, не соглашусь-ли я принять на себя званіе юрисконсульта обществъ по дѣламъ, въ которыхъ интересы ихъ сталкиваются съ полицейскими и судебными мѣстами. Отъ чего нѣтъ? Они сообщили мнѣ отчеты и нѣкоторыя дѣла обществъ, предполагая выбрать меня, если есть акціи, ревизоромъ. Это и разговоры съ ними дало мнѣ нѣкоторое, поверхностное, понятіе о внутреннемъ, канцелярскомъ ходѣ дѣлъ нашихъ Петербургскихъ обществъ, и это понятіе убѣждаетъ меня въ томъ, то здѣсь гнѣздятся самое явное равнодушіе къ интересамъ акціонеровъ, незнаніе дѣла директорами, про-

изволъ сановниковъ и своекорыстіе управляющихъ и агентовъ. Я отлагаю выразиться опредѣленнѣе до ближайшаго ознакомленія съ дѣлами, но опредѣленно думаю, что если нельзя слишкомъ увеличить дивидентъ, всегда довольно удовлетворительный, то весьма можно уменьшить страхъ и страховку лучшею оцѣнкою, лучшимъ употребленіемъ городскихъ и казанныхъ вычетовъ и строгимъ преслѣдованіемъ поджоговъ. Для такой цѣли и при моей свободѣ я готовъ принять обязанность почти безмездно. Игра стоитъ свѣчъ. Но не думаю, что̀ я былъ бы persona grata для распорядителей и для полка̀ ихъ исполнителей, пожирающихъ едвали не всѣ проценты основныхъ капиталовъ. Такъ велики расходы и такъ дорого департаментное учрежденіе управленій!

Я изучилъ взаимное страхованіе крестьянъ, которое желаютъ распространить и на города, въ 1857 г. и въ прошломъ году во Владимирской губерніи. Я находилъ, въ 1857 г., что премія въ $^3/_4{}^0/_0$ недостаточна. Ее возвысили до $1^0/_0$. Во Владимирѣ я нашелъ, что и этого мало. Казна понесла убытка въ одинъ годъ 2 м. р., но это не отъ недостатка цифры, а отъ безпечности и явныхъ подлоговъ въ оцѣнкѣ убытковъ*). И лучшее нежели наше управленіе государственныхъ имуществъ не приведетъ къ другимъ результатамъ. Казна самый дурной управитель и блюститель интересовъ. Изъ двухъ золъ въ выборѣ юридическихъ личностей остается выбрать менѣе злое: общество, общество на акціяхъ. Сѣть застрахованія можетъ обнять всю имперію. и я думаю, что дѣло пойдетъ лучше теперешняго.

Дѣло въ томъ, что пожары—наша хроническая болѣзнь. $^1/_4$ Россіи горитъ каждогодно. 10,000 пожаровъ въ годъ можно принять нормою, и на каждый пожаръ по 5 домовъ. Число пожаровъ *можно* уменьшить: уменьшатъ образованность и уменьшеніе лѣсовъ, такъ дешево расхищаемыхъ; но уменьшеніе объема пожаровъ *должно* быть при лучшемъ управленіи застрахованія, т. е. при лучшей распланировкѣ селеній и городовъ, сдѣлавшейся оброчною статьею мѣстныхъ распорядителей, и при лучшемъ устройствѣ пожарныхъ учрежденій, содержаніе которыхъ сто́итъ во всякомъ случаѣ дороже прибыли отъ премій взаимнаго страхованія. Конечно общинное владѣніе землею у насъ ведетъ къ тому, что и взаимное страхованіе селеній и городовъ должно принадлежать вѣдомству казенному, но повторяю: изъ двухъ золъ надобно выбирать наименьшее. Акціонерное общество лучше казеннаго управленія. Я бы

*) Въ частныхъ пяти обществахъ прибыль (конечно при высшей преміи) далеко превосходитъ расходы. По всѣмъ обществамъ по 1860 г. поступило премій 41,885,460 р. 10 к., а заплачено пожарныхъ убытковъ 23,451,459 р. 96 к. Роздано дивидента 14,475,714 р. $28^1/_2$ к. См. подробности въ № 38 „Сѣв. Почты“ 16 Февраля 1862 г. Еще болѣе подробное обозрѣніе въ той же „Сѣв. Почтѣ“ 27 Февраля № 44.

даже рѣшился отдать страховой сборъ съ торговъ на откупъ, постановивъ условіемъ соревнованія процентъ преміи, во всякомъ случаѣ, для жилыхъ и холодныхъ зданій, не выше 1%. Операціямъ дать всевозможную гласность не одну періодическую, но современную, еженедѣльную, даже ежедневную, если день стоилъ дорого*).

Нельзя не замѣтить, что демократическая партія въ Европѣ вообще притихла. Кошута, Мадзини, Гюго, Ледрю-Роллень, даже Гарибальди почти не слышно. Вліяніе „Колокола" Герцена и въ Петербургѣ едва замѣтно. Но это потому, что уступки, мирно имъ сдѣланныя и дѣлаемыя, такъ велики, что едва ли и болѣе значительныя достиженія, при бунтахъ и жертвахъ, могли быть завоеваны въ такое короткое время, и особенно потому, что демократія чувствуетъ, сознаетъ свою силу и, сильная своимъ правомъ или quasi правомъ, спокойно ожидаетъ послѣдствій. И она дождется. Дождется прежде соглашенія Нѣмецкихъ правительствъ. Они и журналы много шумятъ, но мало дѣлаютъ.

По просьбѣ управляющаго Министерствомъ Юстиціи Замятина я теперь разбираю дѣло по обвиненію дворецкаго, Австрійца Зальцмана, въ причиненіи ему въ грудь пистолетомъ раны княземъ Львомъ Кочубеемъ. Оно рѣшено въ 5-мъ департаментѣ и по прошенію Кочубея пересмотрено въ общемъ собраніи. Дѣло важное, и сенаторы разбились

---

*) Въ 30 и 31 №№ „Сѣверной Почты" помѣщена любопытная статья „объ общественныхъ пожарныхъ командахъ", въ которой значатся слѣдующія числа: Страховая премія составляетъ отъ 1 р. 50 к. до 4 р. 80 к. (съ 1000 р. оцѣнки) съ каменныхъ и отъ 5 до 9 р. съ деревянныхъ строеній. Съ 1847 г. установленъ сборъ съ застрахованныхъ имуществъ по $^{3}/_{10}{}^{0}/_{0}$ или 75 к. съ тысячи и въ круглыхъ цифрахъ этого сбора поступило: въ 1847 г. 75 т. р., въ 1848—167 т., въ 1849—173, въ 1840—193, въ 1851—199, въ 1851—212, въ 1853—225, въ 1854—229, въ 1855—236, въ 1856—251, въ 1857—275, въ 1858—345, въ 1859—427, въ 1860 въ 1861 . Всего по 1 Января 1860 г. поступило 2,706,460 р. и изъ нихъ израсходовано 1,415,130 р. и находилось въ остаткѣ—1,291,330 р. Расходовалась эта сумма на пожарную и полицейскую части сперва тѣхъ городовъ, въ которыхъ собиралась, а въ 1850 г. сумма сбора распредѣлялась вообще между городами, начиная преимущественно съ губернскихъ и торговыхъ. Но замѣчательно, что $^{2}/_{3}$ страховаго имущества доставляли двѣ столицы и Одесса, гдѣ пожарная часть содержится на счетъ города, и нѣкоторые уѣзды (въ Московск. губерніи въ 1858 г. застраховано на 3,550,000 р.) давали болѣе чѣмъ города, а пользоваться сборомъ не могли. На эти деньги устроена пожарная часть въ 54 городахъ и содержится въ 33. Средняя цифра единовременнаго пособія городу составила 9,360 р., а ежегоднаго около 3,500 р.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, уменьшивъ страховой сборъ, предполагаетъ, отмѣнивъ его совершенно, предоставить пожарную часть обществамъ, по примѣру Осташкова, Либавы, Митавы и др. Остзейскихъ городовъ. Я въ этомъ сомнѣваюсь. Маленькій Осташковъ не примѣръ, и тамъ это дѣло ведется семействомъ Савиныхъ, а мѣщане наши ничего не имѣютъ общаго съ бюргерами и автономіей Остзейцевъ.

на три группы: 10 человѣкъ признаютъ обвиненіе вымышленнымъ и совершенно освобождаютъ Кочубея отъ дѣла. 9 человѣкъ соглашаются съ рѣшеніемъ департамента, который не подвергаетъ Кочубея отвѣтственности по недостатку доказательствъ, и предаетъ Богоявленскаго, его повѣреннаго, суду за ложный извѣтъ на Зальцмана въ причиненіи раны самимъ имъ для обвиненія Кочубея. 8 человѣкъ находятъ невозможнымъ, по нарушенію законовъ слѣдователями, постановить рѣшительное заключеніе, которое изъ обвиненій правдоподобно. Судопроизводство этого дѣла представляетъ всѣ недостатки нашего уголовнаго процесса, и сенаторы противорѣчатъ другъ другу на каждомъ шагу, находя одни, что это такъ, а другіе, что это не такъ. Смѣшеніе старыхъ понятій съ новыми (инструкція судебнымъ слѣдователямъ, 1860 г.). Вѣрованіе въ обрядность и проявленіе необходимости въ нравственныхъ убѣжденіяхъ. Событіе заключается въ томъ, что Зальцманъ 13 Іюня 1853 г. явился въ часть съ дымящеюся на груди (возлѣ сердца) раною и объявилъ, что въ него выстрѣлилъ князь Левъ Кочубей. Кочубей, его управляющій и всѣ люди объявили, что Зальцманъ съ Кочубеемъ не видался и что онъ, на площадкѣ лѣстницы, нанесъ себѣ рану самъ. Слѣдствіе производилось съ преклонностію къ Кочубею, и обвинитель сдѣлался не только отвѣтчикомъ, но и подвергнутъ аресту, а обвиняемый даже не спрошенъ обстоятельно, не былъ на очныхъ ставкахъ и самое дѣло поручилъ вести управляющему своему Богоявленскому. Этотъ Богоявленскій такъ тянулъ и путалъ дѣло, что оно едва рѣшено въ 1858 г. и теперь пересматривается. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что рана есть, рана, по удостовѣренію (которое не дѣлаетъ чести судебной медицинѣ отсутствіемъ точности) медиковъ, въ числѣ которыхъ и Буяльскій, и особенно по отзыву знаменитаго хирурга Пирогова, весьма важна и опасна, будучи на 8 ребрѣ, глубиною въ $1^1/_4$ дюйма. Не могъ же человѣкъ нанести себѣ такую рану для обвиненія въ томъ другаго! Да и рана имѣетъ направленіе отъ правой стороны къ лѣвой; развѣ Зальцманъ дѣйствуетъ лѣвшой? Но и Зальцманъ не внушаетъ къ себѣ довѣрія. Пройдоха этотъ назывался Австрійскимъ лейтенантомъ, не бывъ никогда въ службѣ, основывая ее на актахъ, которые будто бы посланы въ Нанси. Ничего этого не подтвердилось. Самая претензія въ неуплатѣ ему Кочубеемъ 875 р. не имѣетъ точнаго основанія и опровергается формальными расписками. Замятнинъ просилъ меня разсмотрѣть это дѣло, потому что оно очень громко, и конечно рѣшеніе обнародуется въ „Колоколѣ“ Герцена. Онъ уже и теперь называетъ Кочубея не иначе, какъ *стрѣлокъ*.

Не понимаю дѣйствій Кочубея и Богоявленскаго, если они правы, но рѣшительно выражусь по изученіи дѣла. Одного однако не могу не

замѣтить: въ продолженіи всего дѣла Зальцманъ ни разу не далъ показанія, котораго бы потомъ не дополнилъ или не измѣнилъ. Ему вѣрить нельзя. А съ другой стороны, повѣренный князя Кочубея, чиновникъ Богоявленскій дѣлаетъ все, чтобы замедлить и запутать дѣло, и подаваемые имъ кляузные извѣты принимаются судами и Сенатомъ и волочатъ дѣло до 1859 года. Теперь его можно разсматривать покойно; Зальцманъ въ Парижѣ, Кочубей въ Диканькѣ, прошло восемь лѣтъ.

*

Крамола всюду, инстинктивная, добросовѣстная и безсовѣстная. 20 Февраля принцъ, братъ Наполеона, наговорилъ столько вызывающихъ дерзостей, столько непослѣдовательностей, что рѣчь его назвали знаменемъ младшей линіи противъ старшей. Здѣсь полезнаго только то, что императоръ не будетъ въ отвѣтѣ за журнальныя увлеченія своего родственника.

Жалки пренія Французскаго Сената. Оробѣвшіе и униженные ораторы парламента не въ состояніи возвысить свободнаго голоса, не въ силахъ подняться надъ мелочными расчетами партій, живущихъ одной памятью и изощряются въ восхваленіяхъ императора, который, чувствуя напоръ, готовъ бы выразить удовольствіе, если бы поднести ему и менѣе рабскій адресъ. Незавидное положеніе государственнаго смысла между дерзостію и подобострастіемъ.

Этого не видно ни въ Германіи, ни у насъ. И въ Германіи и (сколько можно) у насъ демократическое направленіе выражается яснѣе, могущественнѣе и шире. Такъ вопросъ о дворянствѣ, возбужденный въ Москвѣ,—гдѣ „День“ приглашалъ его къ самоуничтоженію à l'instar de 4 Août, а „Наше Время“ придавало ему мнимые элементы, органъ правительства „Сѣверная Почта“ объявилъ о самоуничтоженіи и неимѣніи политическаго значенія, что „не таковъ взглядъ на это правительства“. А теперь, 17 Февраля, „СПбргскія Вѣдомости“, въ ст. 1-й выражаютъ категорически, что и на основаніи мнѣнія Б. Чичерина (въ „Нашемъ Времени“) дворянство, какъ сословіе, не существуетъ, и существованіе его было бы только препятствіемъ развитію стройнаго порядка. Эту статью приписываютъ внушенію в. князя Константина и перу Головнина. Хорошо. Но за чѣмъ же правительство тутъ? И кто же его опровергнетъ? Другое правительство?

Журналъ „День“ такъ и называется на запрещеніе. Вообще печать такъ мало сдержана и спокойна, что, узнавъ объ этомъ изъ Парижа (Revue de deux Mondes*), Русскіе князья и княгини въ зимнемъ дворцѣ

*) Книжка 15 Января 1862. La Russie sous l'emp. Alexandre II par Charles de Masade. Статья обстоятельная, справедливая и безъ увлеченій. Для насъ новаго въ ней ничего нѣтъ. Сочинитель недостаточно выразилъ слабость правительства и не объяснилъ

повторяютъ: voilà ce qu'on écrit chez nous! А между тѣмъ, въ настоящее время желательно бы было поменѣе поводовъ раздраженія, ибо и безъ нихъ крестьянская вольность принимаетъ такой оборотъ, что можно отчаяваться въ способностяхъ нашихъ виляющихъ министровъ устроить дѣло, какъ желали и предполагали. Работы идутъ дурно, доходы уменьшились, порядокъ покоится на уступкахъ мировыхъ посредниковъ и дворянство—или soit disant telle—едва свѣдало по счетамъ, что оно обобрано, должно узнать, что оно уничтожено. Немудрено, что оно начинаетъ крамольничать и въ адресахъ собраній выражаетъ желанія, которыя, будучи непріятны правительству, весьма можетъ статься, что вредны будутъ и дворянству.

Сегодня привезли и посажены въ крѣпость Бакунины съ преданіемъ суду Сената, мировые посредники (братья Лондонскаго агитатора) и 12 др. Тверскихъ дворянъ за какое-то буйное постановленіе, и слѣдствіе о немъ возложено на госуд. контролера Анненкова, при которомъ посланы оберъ-прокуроръ Семеновъ и секретари Сената.

*

Сегодня на литературномъ вечерѣ въ пользу недостаточныхъ литераторовъ (за кулисами, говорятъ, ссыльно-каторжнаго Михайлова), поэтъ Некрасовъ читалъ свое стихотвореніе и стихи своего друга (Михайлова), а профессоръ Павловъ—„Тысячелѣтіе Россіи“. Чтеніе Павлова исключительно было расчитано на эффектъ и на самопожертвованіе. Я очень сомнѣваюсь въ учености г. Павлова и потому понимаю, что онъ гоняется за популярностію и при непрочности ея у насъ переходитъ отъ одного неуспѣха къ другому. Говорятъ, что онъ уже арестованъ и ссылается въ Устьсысольскъ: поспѣшность и крайность въ обычаяхъ нашего слабаго правительства. Изгнаніе развило Костомарова, изгнаніе будетъ полезно и Павлову. Если здѣсь умѣстно сказать, что цѣль не оправдываетъ средствъ, то нельзя не сказать и того, что Павловъ достигъ желаемаго. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ могъ онъ имѣть въ виду, рѣшаясь говорить рѣзко, дерзко, слушателямъ, между которыми по крайней мѣрѣ половина, т. е. 1000, ожидали услышать чтеніе литературное или ученое? Въ наше время подобныя явленія не рѣдкость. Но правительству не должно забывать, что въ наше время желаютъ законности и что Николаевскія ссылки и заключенія изъ частныхъ случаевъ выро-

---

причинъ этой слабости. Правительство Николая зазналось и сдѣлало великую ошибку: оно, не приготовясь, бросилось въ войну и постыдно проиграло восточное дѣло. Отъ посрамленной дерзости и постыднаго пораженія оно бросилось въ уступки: ослабило дисциплину (цензуру), издало манифестъ 26 Августа и рескрипты 20 Ноября 1857 (19 Февраля 1861). Избравъ столько путей, оно естественно не можетъ идти по всѣмъ и остановилось въ раздумьѣ, а событія идутъ, толкая и сбивая его.

стаютъ въ общія, такъ что я вовсе не удивлюсь, если за Тверскихъ посредниковъ заступится все Тверское дворянство, а за Павлова всѣ Петербургскіе литераторы. Начнутся манифестаціи, протесты.

Правительство, и очень давно, озабочено составленіемъ цензурнаго устава. Головнинъ и Валуевъ предполагаютъ ввести цензуру репрессивную. Едва-ли они знаютъ что̀ предполагаютъ. Репрессія или произволъ (если хотите ей дать въ основаніе законность) есть невозможность. Правительство предоставило литературѣ и журналистамъ свободу преждевременно. Ему слѣдовало сперва организовать управленіе, внести въ него сперва элементъ гласности и независимости, потомъ открыть дорогу гласности частной. Оно сдѣлало на оборотъ и вошло теперь въ такое безвыходное положеніе, что исходъ возможенъ только предоставленіемъ конституціи или безпрестанными смутами. Да и надобно бы подумать объ организаціи гласности. Это—сила, которая безъ организаціи дѣйствуетъ или безплодно или разрушительно. Здѣсь необходима дисциплина, необходимо сосредоточеніе, необходимо управленіе, т. е. самоуправленіе, совѣтъ гласныхъ отъ науки, литературы, журналистики, книгопродавцевъ и типографій. Цензъ ввести здѣсь не трудно: условія осязательны. Я написалъ объ этомъ князю Д. Оболенскому, который въ переговорахъ съ Головнинымъ*).

*

Внутреннія и внѣшнія дѣла развертываются все шире и напористѣе. Гарибальди началъ свои тріумфальные объѣзды и организацію народныхъ стрѣлковъ, а Русскіе мужички и дворяне продолжаютъ свои притязанія. Въ имѣніи Пушкина, с. Безднѣ, опять бунтуютъ. Бунтуютъ, говорятъ, вездѣ, гдѣ генералы усмиряли въ лѣтс 1861 года. Бунтуютъ всѣ. Правительства безпрестанно мѣняются, династіи запасаются удѣлами. Доселѣ власть спасалась уступками и незапною строгостію. Плохой признакъ. Демократія отличается требовательностію и постоянствомъ цѣлей. У насъ она пріобрѣтаетъ сильнаго заступника въ лицѣ великаго князя Константина, который de facto первый министръ и по болѣзни Блудова начальникъ законодательства. Онъ сажаетъ министровъ, своихъ статсъ-секретарей; онъ предсѣдатель всѣхъ комитетовъ и совѣтовъ, и

*) Я читалъ печатную записку чиновника М. В. Д. Влад. Фукса о цензурѣ, составленную по актамъ и съ проэктомъ новаго устава въ смыслѣ карательной или репрессивной системы. Записка очень поверхностна, а могла бы быть чрезвычайно любопытна, если бы извлеченіе представило факты и тѣ усилія, съ которыми боролась и пробивалась наша бѣдная литература. Любопытна и замѣчательна записка (въ приложеніи) литераторовъ. Должно полагать, что ее писали Краевскій и Кавелинъ. Они требуютъ исключительной отвѣтственности редакторовъ и приводятъ забавные факты, особенно о цензорахъ спеціальныхъ.

въ народѣ и въ большой публикѣ онъ настоящій правитель государства. Тѣ, которые видѣли въ немъ Орлеанскую линію, должны немного разувѣриться; ибо, неся бремя правленія, онъ несетъ и отвѣтственность. Путь либеральныхъ реформъ, имъ избранный и проводимый, заслуживаетъ признательности; но дѣло въ томъ, что я здѣсь вижу болѣе игру, интересъ личности, нежели живое сознаніе права и справедливости. Онъ, по отцу, преданъ идеѣ внѣшняго порядка, законности исключительной. При малѣйшемъ противорѣчіи онъ оборветъ, какъ умѣютъ и могутъ обрывать только Европейскіе, изощренные деспоты; при малѣйшей неудачѣ онъ способенъ на реакцію, если при этомъ личность князя не утрачивается. Да, если будетъ конституція, то, конечно, онъ готовъ разыграть и Орлеана.

Гласность наша еще продолжается. Головнинъ сдѣлалъ еще шагъ— отмѣну особенныхъ цензоровъ разныхъ вѣдомствъ. Министерство иностранное, снимая съ себя отвѣтственность солидарности, тѣмъ предоставляетъ журналистамъ всякую свободу, и наши политическія статьи конечно ею пользуются. Я понимаю свободу теорій въ политикѣ, даже въ администраціи, въ наукахъ и идеалахъ. Правительство обновляется и подняло преобразованіе общественнаго быта народа; но я не понимаю свободы скандала и цинизма, которыхъ выраженіемъ служитъ журналъ „Современникъ“ и во главѣ его Чернышевскій. Не то чтобы эгоизмъ и интересъ денежный въ глазахъ моихъ не были достаточнымъ основаніемъ къ объясненію того или другого скандала, искаженія, брани и ругательства. Сенковскій давно пріучилъ насъ къ этому, и Аскоченскіе и Старчевскіе и „Искры“ и „Гудки“ и проч. и проч. меня нисколько не удивляютъ. Меня занимаютъ увѣренность, смѣлость, дерзость личная, индивидуальная, себя именующая, какого нибудь Чернышевскаго, который не обинуясь катаетъ и валяетъ, приписывая себѣ и степень значенія, и долю вліянія на литературу, на общество, на государство. Стало быть, партія сильна, если возможна такая увѣренность. Такая же увѣренность проявляется и въ Славянофильской партіи „Дня“, которая отъ доктрины соціалистовъ отличается тѣмъ, что собственно не имѣетъ никакой доктрины. Всему виною анархія.

Я прочелъ „Отцы и Дѣти“ Тургенева. Прекрасный, мягкій умиряющій талантъ видѣнъ въ новомъ романѣ во всемъ блескѣ. Но едва-ли правильно выражены и отцы съ ихъ принсипами и дѣти съ ихъ принципами. И отцы и дѣти выставлены пустоватые и глуповатые. Особенная угловатость Евгенія Базарова и кой-какія выходки автора заставляютъ думать, что цѣль его представить въ смѣшномъ видѣ молодое поколѣніе, готовое все отрицать и ломать, одержимое лихорадочною жаждою дѣла. Но краски переложены, и Базаровъ не только не вну-

шаетъ ни любви, ни ненависти, которую онъ породилъ въ Англоманѣ Кирсановѣ, но возбуждаетъ негодованіе, отвращеніе къ пошлостямъ, дикости и цинизму его, такъ что, допуская возможность овладѣнія имъ прекрасной натурой Аркадія и высокимъ характеромъ Одинцовой,— спрашиваешь: ужъ вѣроятенъ-ли этотъ типъ? Не пересолилъ-ли плохой любитель эмансипаціи портреты его, Ситникова, Кукшиной и ея Гедельбергскихъ студентовъ. Симпатичны старики Базаровы и Катя. Особенно хороша мать, допытываясь у мужа о болѣзни сына: „да что съ нимъ?“ Граціозна и Катя, думая про себя, что Аркадій будетъ у ея ножекъ. Отдѣлка романа мастерская; но нельзя не замѣтить, что отецъ Кирсановъ иногда сдается на Манилова, а дуэль Англомана—на Ал. Дюма.

Графъ Толстой, рекомендовавшій гр. Панину Топильскаго, рекомендовалъ ему въ 1856 г. и молодого своего сотрудника по ополченію, правовѣда Н. Сущова. Онъ находилъ, что у него самая „консервативная логика“. Назначенный въ правители канцеляріи, Сущовъ сталъ твердо, дѣйствовалъ ловко и пріобрѣлъ такое вліяніе, что товарищъ министра, не исполнивъ обѣщанія о какомъ-то назначеніи, отозвался: „что жъ мнѣ дѣлать, Сущовъ не хочетъ“. Сущовъ женился на дочери генерала Козлова, родственницѣ Зиновьевыхъ и нашелъ себѣ опору у Креза и при дворѣ. Онъ жилъ роскошно и получилъ значеніе не только въ министерствѣ, но и на дворянскихъ собраніяхъ и въ Обществѣ пароходства и торговли. Я его совершенно не знаю и слышалъ только ропотъ и жалобы на его пристрастныя и произвольныя дѣйствія отъ прежнихъ сотоварищей оберъ-прокуроровъ. Сегодня или вчерась гр. Панинъ приказалъ ему оставить министерство. До сіятельнаго графа дошли свѣдѣнія о какомъ-то предосудительномъ поступкѣ Сущова въ Одесской конторѣ Общества, напоминающемъ поступокъ К. М. Полторацкаго въ Ярославскомъ приказѣ (того самаго Полторацкаго, котораго имѣніе, оцѣненное въ 2 т. р., продавалось на удовлетвореніе долговъ его въ 200 т. р.). Я ему не удивляюсь: своекорыстіе, воровство, захваты, все это въ наше время на дневной очереди. Я не удивляюсь и тому, что мошенничаютъ правовѣды. Молодежь эта совершенно не выдержана и скоро, не находя средствъ къ удовлетворенію непомѣрно возбужденныхъ притязаній, бросается на смѣлыя и не совсѣмъ законныя предпріятія. Такъ поступилъ Байковъ „увлекшійся въ кассѣ общества „Сельскій хозяинъ“, такъ кн. Оболенскій въ Волжской дорогѣ, такъ подъ руководствомъ Анненкова (еще государственнаго контролера!) поступили фонъ-Дервизъ и Жакелень въ Саратовской дорогѣ, такъ поступили вѣроятно Гаспарини и Сущовъ по пароходству и торговлѣ. Я этому не удивляюсь, ибо понимаю; но я удивляюсь, какъ гр. Панинъ остается

при прежней, замкнутой своей системѣ, тогда какъ несостоятельность ея обнаруживается на каждомъ шагу, передъ его глазами.

Говорятъ, Филаретъ Московскій, оканчивая восьмой десятокъ, удаляется на покой, чтобы исключительно посвятить себя молитвѣ за спасеніе Россіи. Въ прошломъ году, замѣтивъ матеріалистическое ученіе въ „Современникѣ", въ 9 книгѣ „Свѣточа" „Петръ I, какъ юмористъ", гдѣ „литература вдругъ оскорбляетъ, и религію, и нравственность, и царскій домъ...." и въ „Сѣверной Пчелѣ" № 256, гдѣ сочинитель находитъ, что „въ точныхъ словахъ Христа Спасителя нѣтъ логичности мысли", знаменитый іерархъ нашелъ и предписалъ Московской церкви: „понеже умножились грѣхи наши и наипаче требуется покаянная и умиленная молитва", почаще читать извѣстную молитву „о еже милостиву и благоувѣтливу быти благому и человѣколюбивому Богу нашему, отвратити всякій гнѣвъ на ны движимый и избавити насъ отъ належащаго и праведнаго Своего прещенія и помиловати насъ". Объясненіе это напечатано въ Январской книжкѣ „Душеполезнаго Чтенія".

А вотъ въ Дуэ и процессъ „мошенника" Миресъ. Я буду слѣдить его. Это одинъ изъ обыкновенныхъ и тѣмъ болѣе замѣчательныхъ симптомовъ вѣка, который, и съ правомъ гласности, вопитъ о правѣ огражденія болѣе дѣйствительнаго. Хорошо огражденіе, допускающее такое наглое мошенничество. И странное дѣло, мошенничество это можетъ найти, находитъ и найдетъ, если не оправданіе, то снисхожденіе, соглашеніе, сдѣлку съ совѣстью, съ убѣжденіями, съ правдой. Дѣло въ томъ, что дѣйствующее право уступаетъ новому, а это новое не организовано, не опредѣлено, не положительно. Но надобно же уважать дѣйствующее. А Дуэ его попираетъ, смѣшивая залогъ, довѣріе съ отчужденіемъ и оправдывая мошенничество пріемами (будто) обычая *).

Нѣтъ вѣроятности, нѣтъ неправдоподобія, которому бы не вѣрили. Старѣющій графъ Блудовъ уходитъ. Предсѣдателемъ дѣлается в. князь Константинъ, и съ нимъ, по выраженію двора и помѣщиковъ, восходитъ партія красныхъ, готовая на самыя крайнія преобразованія. И представительность, и равноправіе передъ закономъ, и гласность. Все разрабатывается теперь и все будетъ готово къ празднованію тысячелѣтія 26 Августа. Смотря на дѣло раціонально, едва-ли и можно ожидать положительной пользы частныхъ улучшеній. Но есть-ли элементы для этихъ учрежденій? Главный нашъ недостатокъ—бѣдность и необразованность третьяго сословія. Правда, оно увеличивается и довольно

*) Я надѣялся, думалъ, но не ожидалъ, что министръ юстиціи вступится и перенесетъ дѣло, въ видахъ закона и нравственности, въ кассаціонный судъ. Онъ перенесъ. См. его предписаніе и реквизицію Дюпель, полную сарказмовъ, въ Іюньскихъ номерахъ журналовъ.

быстро; правда, въ средѣ его есть молодежъ развитая, просвѣщенная, но все это во первыхъ такъ мало, что едва достаточно для столицъ, и во вторыхъ все не сословіе, ибо не имѣетъ ни постоянства, ни преданія, и потому такъ шатко, такъ мало освоено съ практическою жизнію и съ государствомъ, что отъ вліянія этого класса (или лучше, этого поколѣнія) можно ожидать всякихъ увлеченій, даже проказъ. Молодость и новыя личности любятъ оригинальничать и геніальничать. Молодая гласность и литература наша служатъ тому доказательствомъ. Онѣ пробавляются скандаломъ и цинизмомъ. Тоже вѣрно и въ учащемся юношествѣ, въ которомъ шалости принимаютъ отвратительный видъ, какъ напр. въ 11-й гимназіи, гдѣ ученики осквернили алтарь, забравшись на престолъ съ папиросами. Главный недостатокъ нашихъ преобразованій незрѣлость, непослѣдовательность и отрывочность. За примѣрами ходить не далеко. Я не буду говорить ни о крѣпостномъ правѣ, ни о тарифѣ 1857 г. Я сойду пониже, къ дѣламъ болѣе спеціальнымъ. Въ 1860 г. учреждены судебные слѣдователи, въ 1861 г. полицейскіе судьи для политическихъ манифестацій. Не надобно было дара пророчества, чтобы предсказать не только ихъ безуспѣшность въ ожидаемой степени ихъ пользы, но даже запутанность. Я это говорилъ и указывалъ Стояновскому и Гауеру. И что же? Корпусъ слѣдователей далеко не оправдываетъ возложеннаго на нихъ довѣрія. Я видѣлъ ихъ и дѣла ихъ во Владимирской губерніи. Циркуляръ Московской палаты доказываетъ, что тамъ (да не только тамъ) превратно толкуется сила присяжныхъ показаній. Но теперь Государственная Канцелярія идетъ далѣе: она въ существѣ измѣняетъ положеніе 1860 г. и изъемлетъ слѣдователей изъ состава и зависимости судовъ. Полицейскіе суды такъ начали хозяйничать, что генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ циркулярно огласилъ, что они осуждаютъ и заочно и безъ доказательствъ.

Въ этихъ видахъ назначеніе великаго князя Константина нельзя не назвать важнымъ событіемъ, если онъ установитъ единство и послѣдовательность. Этого можно ожидать. Окруженный *своими* министрами: Головнинымъ, Рейтерномъ, Оболенскимъ, Мансуровымъ, Милютинымъ и проч., онъ можетъ дать единство—по крайней мѣрѣ—воззрѣніямъ.

По городу ходятъ самые дикіе слухи. На улицахъ, въ полкахъ и въ самомъ Зимнемъ дворцѣ подкидываютъ „Великоросса“ съ самымъ возмутительнымъ воззваніемъ противъ династіи, правительства и дворянства. Государь у заутрени былъ грустенъ и мраченъ. Обѣщаютъ новыхъ воззваній къ купечеству о возвышеніи цѣнъ и къ крестьянству о прекращеніи работъ. Принимаютъ мѣры, чтобы и вино дорожало. Разсказываютъ, что Штиглицу удалось заключить заемъ по 7%, но съ тѣмъ, чтобы, подобно Турціи, мы признали право надзора за его упо-

требленіемъ. О добродушіи Государя, о его охотахъ и оргіяхъ обращаются сотни анекдотовъ. Говорятъ, открытъ „Великороссъ". Статьи „Акціонера", „Дня", „Современника" въ усъ не дуютъ власти. Разговоры не обращаютъ вниманія даже на присутствіе лицъ. Иностранные памфлеты и пасквили ходятъ невозбранно. Воззванія „къ офицерамъ" разосланы по городу, подкинуты въ Зимнемъ дворцѣ, въ Свѣтлую заутреню.

Сегодня, 9 Апрѣля, умеръ Шереметевъ, Василій Александровичъ, д. т. с., членъ Государственнаго Совѣта, бывшій товарищъ министра юстиціи и министръ государственныхъ имуществъ. Дамъ себѣ отчетъ о немъ. Онъ имѣлъ вліяніе на мое служебное поприще. Онъ родился въ концѣ прошлаго столѣтія, кажется въ 1793 г., учился дома и поступилъ въ лейбъ-гусары, когда ими командовалъ Левашевъ. Назначенный въ адъютанты къ гр. Петру Александр. Толстому, онъ дослужился до штабсъ-ротмистра и вышелъ въ отставку, женился на богатой фрейлинѣ Юліи Шереметевой и сталъ хозяйничать. Крѣпостной хозяинъ онъ былъ образцовый. Мценскій предводитель дворянства, онъ скоро былъ выбранъ въ губернскіе, успѣлъ проѣздомъ Государя Николая принять и угостить его и Марью Николаевну блестящимъ баломъ и назначенъ губернаторомъ въ Харьковъ, потомъ въ Черниговъ, потомъ въ Петербургъ и изъ губернаторовъ (когда онъ не ладилъ съ министромъ Перовскимъ, т. е. съ директоромъ Оржевскимъ и боялся сумашедшаго генералъ-губернатора Кавелина), графъ Панинъ выбралъ его себѣ въ товарищи. Это было въ Маѣ 1843 г., и отсюда мое съ нимъ знакомство. Все дальнѣйшее записано въ этихъ тетрадяхъ. Рѣшительный ударъ нанесенъ этому человѣку и необширнаго ума, и очень ограниченнаго образованія, Положеніемъ 19 Февраля 1861 г. Это его давило постоянно. Смерть жены 14 Января еще болѣе усилила это давленіе, а холодность сыновей оставляла его въ какомъ-то безпомощномъ состояніи. При немъ жила одна бѣдная Орловская дворяночка и собиралась сего дня уѣхать по желѣзной дорогѣ. Прощаясь съ ней, онъ расплакался, съ нимъ сдѣлался ударъ, и онъ не перенесъ его. Болѣзни и уединеніе его мучили. Въ себѣ самомъ, кромѣ чтенія новостей въ газетахъ, онъ не имѣлъ никакого ресурса. Незапность нашихъ преобразованій дѣлаетъ многихъ пережившими свое время. Русскій баринъ, Шереметевъ былъ ему живымъ противорѣчіемъ. Онъ же былъ такъ честенъ и благороденъ, что не скрывалъ своихъ убѣжденій, не приноровлялся къ господствующимъ и не думалъ о реакціи. Практическій смыслъ его, при началѣ войны въ 1853 г., видѣлъ ея послѣдствія, раздробленіе имперіи. Въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ ожидалъ грабежей и убійствъ въ народныхъ смутахъ. Онъ меня „любилъ и уважалъ", особенно послѣднее время. Миръ праху твоему, честный человѣкъ; Да будетъ Богъ милостивъ къ страдальцу!

Вотъ и заемъ заключенъ по 94 за 100, и по 5% съ условіемъ, въ теченіе 20 лѣтъ, не погашать и не уменьшать. Дѣло сдѣлалъ Штиглицъ съ Ротшильдомъ (получающимъ за коммиссію $2^1/_4$%), и всѣ признаютъ его выгоднымъ для обѣихъ сторонъ: для Европейскихъ капиталистовъ, которымъ Американскія событія закрыли многія помѣщенія, и для Россіи, въ которой монетная единица подверглась измѣненіямъ, влекущимъ значительныя утраты во всѣхъ внѣшнихъ сдѣлкахъ. Едва-ли это такъ. 20 лѣтнее обязательство выбираетъ Ротшильдамъ (изъ 15-ти ф. стерл. они взяли 5 на себя) весь капиталъ, а по 5% на 94 такой огромный процентъ для западныхъ дѣлъ, производимыхъ на раціональныхъ основаніяхъ, что капиталисты могутъ болѣе нежели равнодушно смотрѣть на Американскія междоусобія. Заемъ выгоденъ былъ бы и для насъ, но едва-ли въ настоящихъ обстоятельствахъ. Всѣ эти 90 или $91^3/_4$ мил. уйдутъ въ чужіе края, оставя у насъ только 5 мил. въ бюджетъ ежегодной уплаты. Монетная единица опять упадетъ, и капиталисты готовы будутъ ссудить намъ новую сотню. Дѣло въ томъ, что намъ угрожаютъ, и уменьшеніе производительности, и еще большее, противъ настоящаго, уменьшеніе отпуска. Нашъ вольный трудъ съ Европейскимъ соперничествовать не можетъ, а недостатокъ путей сообщенія еще болѣе увеличиваетъ цѣнность, такъ что, кромѣ собственнаго употребленія, едва-ли какъ не въ убытокъ обработка земли нашей. О мануфактурахъ, безъ сильнаго покровительства, и говорить нечего. Наши фабрики должны забиться въ Шую и въ Иваново, чтобы спастись отъ контрабанды и расчитывать на надбавку цѣны за перевозку. Вообще, по моему мнѣнію, пересмотръ тарифа 1857 г. и проложеніе пути къ Одесскому и др. Черноморскимъ портамъ—требованіе первой необходимости.

Государь былъ на охотѣ въ Лисинѣ. Онъ пріѣхалъ во Вторникъ на ночь и, поужинавъ, отправился на зарѣ и убилъ—торжество охотниковъ!—двухъ глухарей. Потомъ спалъ до часу и, вставъ и подкрѣпившись, охотился въ звѣринцѣ, гдѣ убилъ четырехъ кабановъ и четырехъ оленей. Онъ остался очень доволенъ поѣздкою и благодарилъ министра Зеленаго, обѣщавшись: „пріѣду къ тебѣ со всей семьей“. Вотъ нашъ Государь и зеленые министры.

Такъ дѣлу идти нельзя. Придется, пожалуй, призвать Варяговъ.

А между тѣмъ дѣла всплываютъ важныя, невольно возбуждаются вопросы объемистые. Финансы de jure преобразованы. Бюджетъ обнародованъ. Выпускъ ассигнацій предоставленъ банку. Установленъ размѣнъ и установляется монетная единица. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ кокетничаетъ и либеральничаетъ, желая угодить и дворнѣ, и великому князю, теперь всемогущему. Министерство Юстиціи передается

этому же князю. Преобразованія судебныя въ большомъ ходу и совершаются въ смыслѣ учрежденій Французскихъ. Я просилъ дозволенія представить мои замѣчанія и, изготовивъ ихъ на дняхъ, отсылаю къ предсѣдателю департамента законовъ, князю П. П. Гагарину. Спѣшная работа это должна показать, какъ недостаточны источники и матеріалы нашихъ законодательныхъ работъ и какъ мало элементовъ въ нашемъ обществѣ для усвоенія ему учрежденій Европейскихъ. Послалъ 3 Мая. и записка напечатана.

*

Вотъ и мои уѣхали. Я сейчасъ проводилъ. Экая пустота! Экое оставленіе! Точно отъ меня убѣжали, какъ отъ зачумленнаго. Ребячество: слезы такъ и льются. И странное дѣло: у меня вертятся въ глазахъ только дѣти. Пріѣхали въ Москву—письмо. Еще день проводятъ тамъ. Выѣзжаютъ въ Воскресенье. У Таты моей глазки красны. Пишутъ оба.

Получилъ письмо изъ Тулы. Все благополучно. 12 Мая въ Орлѣ.

Ходятъ темные слухи. Въ Варшавѣ разстрѣлены 4 офицера, подговаривавшіе солдатъ не препятствовать народу. На телеграфной линіи разстрѣлянъ офицеръ Александровъ, не такъ и (умышленно не такъ) передавшій депешу въ Варшаву. Въ Петербургѣ пойманъ подстрекатель, склонявшій кавалергарда къ подкидыванію и распространенію прокламацій. Князь Барятинскій произвелъ рядового въ унтеръ-офицеры и далъ сто рублей. Генералъ Бутурлинъ (онъ самъ мнѣ это передалъ) послалъ ему еще 100. Арестовано множество. А между тѣмъ прокламаціи продолжаются, и источника ихъ не находятъ.

Читалъ les Misérables Вик. Гюго. Соціальный романъ, ратующій за несчастія, порождаемыя бѣдностію, зависимостію женщины и невѣжествомъ въ дѣтствѣ. Первая часть—епископъ Міріель и каторжный Вальжанъ—добрый и злой духъ, написана хорошо, съ увлеченіями и антитезами à la Hugo, съ идеализаціей существенности, доходящей до невѣроятнаго. Вторая часть—Фантина и Маделенъ,—поэтъ испарился, ослабѣлъ; это приторно, ложно, растянуто, вяло. особенно плохи главы, гдѣ Фантина борется съ бѣдностію изъ любви къ Козеттѣ, и Вальжанъ, М. Маделенъ торгуется съ собою: допустить или не допустить погибнуть обвиненнаго подъ его именемъ. Да, но когда я прочелъ (насилу, насилу прочелъ IV—V, съ ихъ прескучными эпизодами), то мною овладѣло такое отвращеніе, такое презрѣніе къ романической наглости, особенно послѣ мелодрамы Вальжана въ гробѣ и на кладбищѣ, что я никакими силами, физически, матеріально не могъ заставить себя взяться снова за книгу. и V и VI (Marius) томы, можетъ быть лучшіе, остались и остаются неразрѣзанными. Вѣкъ просить другихъ изображеній, и спекуляція плодовитости страницъ самая худшая.

*

Аресты, суды, подметанья, раздраженья, продолжаются и все сильнѣе и сильнѣе. Я не вижу тутъ ничего Русскаго и думаю, что все это Польское. Есть люди, которые видятъ въ этомъ Константина Орлеанскаго. Но дѣйствительно дерзость подметчиковъ загадочна безъ сильнаго систематическаго покровительства. Константинъ пріобрѣлъ огромное вліяніе и какъ ни поддѣлываются къ этой личности Панины и Валуевы, но онъ не остановится дать имъ преемниковъ изъ своей, морской партіи. Онъ никогда не повѣритъ ихъ искренности. Либерализмъ впрочемъ такъ далеко зашелъ и такъ напористо дѣйствуетъ, что я удивляюсь, какъ до сихъ поръ не выработается оппозиція, реакція въ партіяхъ дворскихъ, которыя ужъ очень присмирѣли. Поговариваютъ о преобразованіи главнаго управленія въ Польшѣ. Эта работа маркиза Віелопольскаго. Поговариваютъ о назначеніи намѣстникомъ Царства великаго князя Константина (прежде говорили о Михаилѣ). Для этого формируется цѣлое министерство, вызванъ Николай Милютинъ. Да; но если это есть благовидное удаленіе, то не дорого-ли оно обойдется?

Въ Комитетѣ финансовъ разсудили и положили: возвысить подушную подать на 25%. Это составитъ до 6 м. р. Въ время! Два основанія, кажется, служили этому возвышенію: *во первыхъ* ожидаемый deficit въ 1863 г. оттого: *а*, что сборъ 130 м. р. съ виннаго акциза подлежитъ сомнѣнію; что таможенные сборы уже и теперь противъ 1861 г. облашаютъ недоборы (по 15 Мая) до 1 м. р., и *б*, что вообще предвидятъ болѣе расходовъ, напр. теперь удовлетворяются отъ казны мировыя учрежденія и т. п., нежели прихода. *Во вторыхъ*, весьма выгодныя заработки народа отъ многихъ общественныхъ предпріятій. Желѣзныя дороги давали крестьянину до 80 к. сер. въ день. Все это прекрасно. Но желаю, чтобы правительство всегда выслушивало такое „Но“—но, *во первыхъ*, въ время-ли вы увеличиваете налоги? Они такъ недавно увеличены. *Во вторыхъ*, система податей пересматривается, и увеличеніе подати, особенно подушной, рѣшительно отвергаемой теоріями, по крайней мѣрѣ, непослѣдовательно. *Въ третьихъ*, ожидаемый deficit не есть-ли послѣдствіе невѣрныхъ расчетовъ? Указаніе на винный акцизъ и таможенные сборы это подтверждаетъ. *Въ четвертыхъ*, обнаруживающійся deficit не лучше-ли покрыть сокращеніемъ расходовъ? Они такъ велики, такъ разнообразны и такъ непроизводительны. Не мѣшало бы назначить enquête parlamentaire для изслѣдованія расходовъ на управленіе. Огромнымъ окладамъ, синекурамъ конца нѣтъ. Деньги сорятся, земли раздаются, а народъ видитъ только увеличеніе налоговъ. Это къ добру не приведетъ. Я понимаю новаго министра: онъ рѣшился установить монетную единицу и сдѣлалъ заемъ, а обезпечить заемъ (5 м. р.) рѣшается

новымъ возвышеніемъ подати. Такъ управляться легко, но нелегко государству. *Въ пятыхъ*, расчетъ на заработки надобно понизить и понизить значительно. Брошенные предпріятелями капиталы съ 1856 г. разошлись, и фонды ихъ оскудѣли. Нынче заработки далеко не такъ повсемѣстны и прибыльны какъ въ прежніе годы. Конечно подати у насъ, сравнительно, не велики, но народъ бѣденъ, производительность слаба, капиталовъ нѣтъ.

Я не знаю, чему удивляться. Анархія все растетъ и усиливается, и чѣмъ смѣлѣе враги, тѣмъ слабѣе дѣйствіе правительства. Уже оберъ-полиціймейстеръ „обратилъ вниманіе“ полиціи на распространеніе прокламацій; теперь обращаетъ на эти прокламаціи и министръ внутреннихъ дѣлъ, составивъ правила для типографій. А между тѣмъ прокламаціи продолжаются, аресты продолжаются, опасенія и страхи обнимаютъ всѣ слои общества. Къ прокламаціямъ присоединяются теперь подметныя письма. Обѣщаютъ жечь, указываютъ на мѣстность, и мѣстность эта горитъ, и весь городъ на ногахъ. Сей часъ горитъ вся Фонтанка отъ Чернышева до Семеновскаго моста, М-во Внут. Дѣлъ, Апраксинъ, Щукинъ и Толкучій рынки, Пажескій корпусъ, Загородный проспектъ. Надъ городомъ огненное небо, всѣ улицы полны дымомъ и пепломъ. Вся набережная, вся Фонтанка завалены, всѣ спѣшатъ, бѣгутъ, скачутъ. Кто это, что это? *)

Такая же анархія и въ экономическомъ быту государства. Сгорѣли три рынка, но вѣдь такой пожаръ составляетъ разстройство на 50 милліоновъ! А застой въ торговлѣ, внутренней и внѣшней, поразителенъ. Никто не сомнѣвается въ поджогахъ. Одни говорятъ, студенты, другіе—отпущенные дворовые, третьи—эмиссары по соглашенію съ Поляками. Я не вѣрю ни первому, ни второму, ни третьему. Можетъ быть, систематическое дѣйствіе въ прокламаціяхъ и въ подметныхъ письмахъ, но не въ поджогахъ. Оробѣвшія власти видятъ, слѣпо слѣдуя толпѣ, поджигателей. Я приписываю это анархіи, непостепенной свободѣ и слабости въ огражденіи порядка. Все разнуздалось. Заботливости мало, отвѣтственности также, энергіи—никакой. Оберъ-полиціймейстеръ объявляетъ: „обращаю вниманіе полиціи, что по улицамъ курятъ“. Законъ не дѣйствуетъ, потому что у власти руки опустились.

Анархія (и это важнѣе прочаго) въ литературѣ и журналистикѣ. Всѣ газеты, кромѣ „Сѣверной Почты“, самаго яркаго демократизма. „День“ не упускаетъ случая и неразборчивъ въ выраженіяхъ, осмѣи-

*) Въ это время, по мысли В. А. Кокорева, все бумажное въ Волжско-Камскомъ Банкѣ производилось вдвойнѣ. На случай пожара, банковыя книги отсылались ежедневно на храненіе въ Петропавловскую крѣпость, а списки произведенныхъ дѣлъ оставались въ Банкѣ. П. Б.

ваетъ „оффиціальность“ и правительственныя распоряженія; „Акціонеръ“ называетъ тарифъ 1857 „дѣтски составленнымъ и нерѣдко съ отсутствіемъ здраваго смысла“; Чернышевскій въ „Современникѣ“ доказываетъ, что „университетскія правила“ Августа 1861 г. составлены исключительно съ цѣлью отнять у большей части студентовъ (бѣдныхъ) возможность учиться.

Если мы поднимемся повыше, то и въ министерствахъ и въ совѣтахъ усмотримъ тоже анархическое разложеніе, спѣшность, смѣшеніе, противорѣчіе, переступленія, увлеченія минуты, ненаходчивость. Посредственность, громадность и сложность сплетеній крѣпостного вопроса ошеломили всѣхъ, и общее исканіе выхода перепутало пути и цѣли.

И это такъ въ Петербургѣ. Какъ такая анархія отдается въ государствѣ, гдѣ такъ натянута централизація и такъ мало извѣстна самостоятельность? Если насъ что̀ спасетъ, то это малолюдность, бездорожье и грубое невѣжество народа, хотя эти ограженія могутъ послужить и нашей гибели.

Какая незрѣлость въ нашихъ государственныхъ людяхъ! Вотъ проэктъ Валуева о подоходномъ налогѣ. Дѣло въ томъ, что, воспользовавшись застоемъ капиталовъ въ Европѣ, мы сдѣлали заемъ, и на уплату процентовъ непремѣнно нужно $5^1/_2$ милл., а бюджетъ съ изъяномъ, и ему угрожаетъ большой недоборъ въ винномъ акцизѣ и въ таможенномъ сборѣ. Рейтернъ, въ попыхахъ, предложилъ увеличить подушный сборъ (23 милл.) на 25%. Валуевъ, платя дань господствующему духу, въ цвѣтистой рѣчи, всегда притязательной и порядочно педантской, выставилъ, взамѣнъ подушной, подоходную подать, такъ какъ народъ и безъ того платитъ много, а зажиточные классы платятъ мало или ничего. Валуевъ думалъ уничтожить молодого министра и стать въ краю угла. Уголъ этотъ—либерализмъ, а края его—демократія. Предположеніе Рейтерна я нахожу не совсѣмъ искреннимъ, но по крайней мѣрѣ опредѣленнымъ. 25% обезпечатъ долгъ. Предложеніе Валуева и не искренно, и не опредѣленно. Выведенный партіею дворскою, онъ не могъ и по личнымъ убѣжденіямъ стать на сторону демократіи и, будучи распорядителемъ земства, онъ не могъ не знать, что слово „доходъ“ въ Апрѣлѣ 1862 г. есть понятіе болѣе нежели относительное.

Да, но съ чего же берется подать, наша, всякая подать какъ не съ „дохода“? Ужъ не съ капитала-ли? Можетъ быть. Но тогда не расчитывайте ни на благосостояніе, ни на производительность.

Если бы управлять финансами страны было такъ легко, что „вотъ прибавлю 25%“ или „вотъ вамъ подоходная подать, я набросалъ ее сегодня послѣ обѣда; ее слѣдуетъ развить“: тогда не нужно бы было

ни науки, ни опыта. Изъ всѣхъ классовъ Валуевъ насчитываетъ дохода: землевладѣльцы по 450 р. и купцовъ по 1000 р. 76 милл., собственность горожанъ—17,500,000 р. государств. фондовъ 22,500,000 р. т. е. 45 милліон., капиталовъ разныхъ акцій 8 м., служебныхъ окладовъ 12 м. р. Всего 193,800,000 р. дохода, а считая податной процентъ въ 2½, сборъ составитъ въ годъ 4,800,000 р. Изъ всѣхъ этихъ классовъ едвали который похвалится доходомъ, особенно если онъ будетъ показываемъ на слово. *Землевладѣльцы* въ самомъ затруднительномъ положеніи и могутъ по доброй совѣсти отозваться: незнаніемъ и даже неимѣніемъ дохода. Измѣненіе хозяйства грозитъ уменьшеніемъ производительности и уступкою конкурренціи другихъ странъ въ торговлѣ внѣшней. *Купечество*—да оно подавлено общимъ застоемъ въ торговлѣ, банкрутствами, Американскою войною и тарифомъ 1857 г. Это главная цифра (76 м.) проэкта Валуева, и она, независимо отъ замѣченныхъ затрудненій, относится къ сословію, отъ котораго не только цифру дохода, но и цѣну купли нельзя взять на вѣру. *Горожане*—городскія имущества—считаются только въ цифрѣ 17 м., правда; но доходность этихъ имуществъ, можно сказать, исключительно принадлежитъ столицамъ, да развѣ Одессѣ, Ригѣ и еще двумъ-тремъ городамъ. Я думаю однако, что односторонность свѣдѣній здѣсь не подлежитъ сомнѣнію. Домоводство сдѣлалось важною статьею спекуляцій, и во многихъ городахъ губернскихъ, напр. Вильнѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Казани и др. доходы съ домовъ должны быть значительны. *Фабрики и заводы* хотя считаются въ доходѣ на 7,800,000 р., но такъ какъ они въ томъ же положеніи какъ землевладѣльцы и купцы, то и на нихъ расчитывать нечего. Надобно послушать „Акціонера“, чтобы отказаться отъ фабричнаго дохода. *Государственные фонды*; но большая ихъ часть освобождена отъ налога по привиллегіямъ. Акціонерныя общества (Главное Общ. жел. дор. освобождено) едвали дадутъ ожидаемые 3 м. Общества наши щеголяютъ дефицитами, расхищеніями и ликвидаціей. Лучше другихъ идутъ страховыя, но отягощать ихъ новымъ налогомъ значило бы увеличивать процентъ страха, который и теперь препятствуетъ желаемому распространенію страховки. Каждый годъ $^1/_7$ Россіи горитъ. Наконецъ, служебные оклады. Говорятъ объ увеличеніи окладовъ, а не объ уменьшеніи ихъ вычетомъ налога. Это такъ, особенно въ настоящее время, когда жизнь все дорожаетъ, а valuta $10^1/2^0/_0$ менѣе нарицательной. Но должно замѣтить, что въ послѣдніе годы пожалованья окладныя, арендныя, долговыя, пенсіонныя, щедротныя, земельныя и др., такъ значительны, что не мѣшаетъ исполнить то, что я сказалъ выше, говоря о росписи.

*

Вотъ передо мною аллокуція Пія IX и адресъ кардиналовъ, патріарховъ и епископовъ его святѣйшеству. Это акты обвиненія вѣка, и объ нихъ стоитъ поговорить.

И такъ вотъ чѣмъ кончился вселенскій соборъ Ватиканскій, съѣхавшійся для канонизаціи Японскихъ мучениковъ. Я не буду разбирать того, что̀ говорятъ враги папства; но если папа и его кардиналы, патріархи и епископы не нашли сказать ничего болѣе того, что̀ они сказали: то вѣку поучиться у нихъ нечему. Все это говорено было прежде и лучше и громче. И прежде говорилось это съ авторитетомъ смиренія, котораго нѣтъ ни въ аллокуціи Пія, ни въ адресѣ Маттеи. Плакать на водахъ Вавилонскихъ теперь не время. Теперь время положительнаго вопроса: съ признаніемъ необходимости временной, свѣтской власти для духовной независимости папы можно-ли признать совмѣстною эту власть съ требованіями и желаніями народа, ей подчиняемаго? Положительно нѣтъ. Папа былъ орудіемъ Австріи или Франціи и безъ ихъ войскъ не могъ никогда быть независимымъ. Кардиналы и епископы говорятъ объ анархіи въ мысляхъ и дѣйствіяхъ народовъ и правительствъ. Правда; но не содѣйствовало ли духовенство этой анархіи? И не верхъ-ли анархіи этотъ адресъ духовенства, увѣряющій именемъ всѣхъ католиковъ-христіанъ въ своей преданности временной монархіи папы, которая грозитъ пролитіемъ крови? Кардиналы и епископы забыли, что они граждане государствъ и подчинены законнымъ правительствамъ, которыя дозволяли имъ ѣхать въ Римъ (и даже на казенный счетъ) вовсе не для политическихъ манифестацій и которыя вовсе не раздѣляютъ убѣжденій ихъ о свѣтскомъ положеніи папы. Бѣдствія католицизма велики. Нельзя понять, какъ можетъ быть устроенъ глава церкви, но и событіе Итальянское не менѣе велико, не столько по своему объему, сколько по своимъ основаніямъ. Это—продолженіе и знаменательнѣйшее развитіе начала народной воли, которая хочетъ господствовать de facto и de jure. Папство гнется передъ силою и подписываетъ конкордатъ 1809 г.; но это же папство, и уже черезъ 50 лѣтъ, подписываетъ конкордатъ Австрійскій, при которомъ уже Вѣна становится вторымъ городомъ папской короны. Святыя учрежденія такъ не дѣйствуютъ.

Я все еще не могу дать себѣ отчетъ о нашихъ Петербургскихъ смутахъ и пожарахъ. Слышу и вижу строгости. Намекаютъ на связь пожаровъ съ Лондонскою пропагандою. Возводятъ ее въ систему. Клеймятъ литераторовъ, и особенно ихъ клубъ (шахматный) и ихъ общество (пособія бѣднымъ литераторамъ) и ихъ сходы въ кабинетѣ библіотеки Серно-Соловьевича и въ политико-экономическихъ комитетахъ. Москва отличается преданностію. Тамъ „Современная Лѣтопись“ и „Наше время“, Катковъ и Павловъ, помѣстили архи-правительственныя статьи о связи поджоговъ

съ пропагандой. Я вовсе этого не вижу, хотя могу доводъ вести отъ пожаровъ до Великоросса, отъ Великоросса до—до Бакунина или Герцена. Дѣло (самое грустное дѣло) въ томъ, что реакція началась и только и слышишь „то запрещается, то закрывается“, а по словамъ Павлова, съ 1857 года только и слышалось „отмѣнить, открыть, освободить“. А еще болѣе то, что литература, школы, даже книжныя лавки играютъ въ этомъ болѣе нежели двусмысленную роль и легко могутъ вызвать самыя произвольныя мѣры со стороны гг. Валуевыхъ, Головниныхъ и друг., которые „корчатъ либераловъ“. Реакція такая вовсе не страшна—она идетъ противъ меньшинства и малаго и незрѣлаго и неплотнаго и несильнаго характеромъ, но она печальна, нежелаема тѣмъ, что, захватывая какихъ нибудь Безобразовыхъ (Влад.), Чернышевскихъ, Соловьевичей, она захватываетъ и широкій путь распространенія знаній, который—во время или не во время—началъ пролагаться и прививаться къ мыслямъ.

Вотъ была передряга! Перепуганная пожарами и подъ впечатлѣніемъ моихъ тоскующихъ писемъ, жена, не дождавшись отвѣта по телеграфу (онъ поломался), прискакала ко мнѣ. Сдѣлать 1000 верстъ ничего не значило этому высоко благородному, прекрасному сердцу. 14 Іюля, едва проснувшись, я увидѣлъ ее въ моей спальной и пораженъ былъ чрезвычайно. Какъ ни неоснователенъ былъ этотъ поступокъ, это былъ подвигъ и въ основаніи его лежало такое высокое чувство, которое обезоруживаетъ даже Тацитовское оскорбленіе достоинства неотплатимымъ благодѣяніемъ. Я всегда буду помнить и цѣнить эту геройскую поѣздку.

*

Мы выѣхали 17 Іюня, а 19 были въ Орлѣ и 20 поутру съ дѣтьми. Въ деревнѣ я занимался бюджетами Англіи, Франціи и Пруссіи (по Черничу) и Прусскимъ цензурнымъ закономъ 1853 г. 4-го оставилъ Рябники и 8-го, пробывъ болѣе сутокъ въ Калугѣ и Москвѣ, воротился въ Петербургъ.

Меня поразила поѣздка жены. Я не могъ понять, какъ она могла рѣшиться оставить дѣтей, особенно Митю. Тата еще ребенокъ. Мишѣ 8-ой годъ, и деликатная болѣзненная эта организація страдала все время отсутствія матери, къ которой дѣти такъ привязаны. Своенравный ребенокъ этотъ все время былъ веселъ, любезенъ и необыкновенно послушенъ. Всѣ это замѣтили, всѣ этимъ восхищались и радовались. Я думалъ и думаю иначе. Его давило отсутствіе матери, и безъ нея, чувствуя себя оставленнымъ, безсильнымъ, онъ покорился и смирился. На другой день нашего пріѣзда ребенокъ, въ разсужденіяхъ съ матерью, высказалъ ту мысль, „что когда дѣти нехороши, Богъ дѣлаетъ ихъ больными, и это

огорчаетъ papa и maman; а когда дѣти не исправляются, Богъ беретъ у нихъ maman".

Прекрасные мои ангелы дѣйствительно прекрасны. Въ нихъ много благородства, самолюбія даже слишкомъ. Всѣ ихъ любятъ, и всѣ ими заняты. Для нихъ крѣпостное право нисколько не измѣнилось, и они (это очень жаль, и я постоянно указывалъ на это гувернанткѣ) ростутъ въ барскихъ привычкахъ. А барство, боярство проходитъ. Прошло невозвратно.

Когда я посмотрѣлъ поближе на нашъ барскій домъ*), я едва узналъ его. Все расходится, разшивается, разрушается. Прислуга, столь многочисленная когда-то, пошла искать лучшаго. Лучшіе люди оставляютъ, пріискавъ лучшее положеніе. Оставшіеся небрежны, корыстны и беззаботны. Обираютъ домъ; въ домѣ, въ саду, въ кладовой, и за всѣмъ надобно наблюдать подозрительно, мелочно, раздражительно. На многое смотришь сквозь пальцы; не знаешь, какъ замѣтить, какъ взыскать, какъ приказать. Работы полевыя идутъ лучше прошлаго года, но все таки плохо, и въ сношеніяхъ и отношеніяхъ столько непривычнаго, натянутаго, что миришься съ ущербомъ, лишь бы избѣжать этихъ сношеній. Поэтому личный надзоръ и тягостенъ, и безполезенъ. Въ домѣ все падаетъ отъ буфета до подвала. Но ложное положеніе дворянства, барщиннаго, безъ власти—еще неглавное. Дворянство раззорится. Непостепенность перехода и недостатокъ средствъ и самыхъ элементовъ для новаго порядка хозяйства уменьшаютъ и размѣръ посѣвовъ и сѣвооборотъ. Нужны деньги, а ихъ нѣтъ. Надежда на выкупъ, за который честь и слава Валуеву, и нуженъ кредитъ подъ свободныя земли, за который еще никому спасиба нѣтъ. Спасибо слѣдовало бы сказать порядку, но и порядка-то нѣтъ. Оставивъ Петербургъ послѣ пожаровъ, я въ деревнѣ слышалъ отголоски выстрѣловъ въ намѣстниковъ Царства: генерала Лидерса, великаго князя Константина. Ни то, ни другое покушеніе не вызвало особыхъ мѣръ, и это молчаніе, оградившееся увѣреніемъ, что все дастся, что̀ предположено, имѣетъ видъ уступки, которая будетъ не послѣдняя. Пріѣхавъ я узналъ, что не найдено ни одного поджигателя, но что реакція Валуева-Головнина не только запретила „День" (Аксакову) съ передачею его Ю. Самарину, „Современникъ" и „Русское Слово", но, употребивъ предсѣдателя слѣдственной коммисіи Жданова, реакція эта опрокинулась и на борзописцевъ: Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и Писарева. Ихъ арестовали и бумаги опечатали.

*) Касторъ Никифоровичъ говоритъ про домъ своего тестя Александра Дмитріевича Бобарыкина, въ Болховскомъ уѣздѣ, Орловской г. П. Б.

Гвардейское начальство все перемѣнено. Вмѣсто Плаутина великій князь Николай; вмѣсто графа Баранова—графъ Бреверн-де-ла-Гарди. Правила Валуева о типографіяхъ и книжныхъ лавкахъ и здѣсь, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, привели къ сомнѣніямъ и затрудненіямъ. Въ Нижній, по случаю стеченія ярмарочнаго народа, посылается, въ видѣ временнаго ген.-губернатора, строгій и горячій генералъ Лауницъ, съ широкими правами. Я не совсѣмъ понимаю: кому честь и слава за такое положеніе государства? А не было печали, да черти накачали.

Все это время я почти исключительно занятъ соглашеніемъ супруговъ Обрѣзковыхъ: Михаила (сына Дмитрія, „что аршинъ проглотилъ“, женатаго на Натальѣ Васильевнѣ Шереметевой, и Варвары, дочери Дмитрія Коробьина, женатаго на сестрѣ Бутурлина „рыжаго“). Они ссорятся, грызутся и дерутся давно, съ 1845 г., со дня брака. У него большое имѣніе (5 т. душъ и 25 т. десятинъ), но въ большомъ разстройствѣ; у нея 500 т. серебромъ, и всѣ на лицо. Это главная причина раздора. Потомъ своеобычныя привычки, потомъ Русское великосвѣтское воспитаніе, потомъ свѣтъ. Характеры. Нужды мужа и расчетливость жены. Она мнѣ рекомендована Юліей Васильевной Шереметевой, теперь умершей, и я какъ бы исполняю ея завѣщаніе. Мнѣ чрезвычайно тяжело съ Апрѣля мѣсяца быть ихъ посредникомъ. и едва ли я успѣю. Примирить ихъ рѣшительно невозможно: согласить ихъ на условія приличнаго разъѣзда? Мужу хочется денегъ (у жены 24 т. дохода), а женѣ не хочется давать ихъ. Онъ тиранитъ и вымогаетъ, она отвѣчаетъ тѣмъ же. Ругательства непочемъ. Часто драки. Можно представить себѣ положеніе дѣтей, изъ которыхъ Дмитрію 16 лѣтъ. Хороша будущность! 25 Іюля вечеромъ, послѣ безконечныхъ толковъ и переговоровъ, десять разъ переходя изъ кабинета въ кабинетъ, мнѣ удалось согласить ихъ на предложенныя условія, и въ 12 часовъ ночи они сошлись, поцѣловались и обѣщали забыть прошедшее. Я глубоко былъ тронутъ. Защищая жену, я долженъ однако отдать справедливость мужу. Дай Богъ, чтобы это было, если не навсегда, то на долго. Какія ужасныя сцены видѣлъ я, при расчетахъ, 16 Августа. Это я едва объяснить себѣ могу. 16 Авг. Четвергъ.

*

Въ Revue de deux Mondes (15 Іюня) помѣщена вторая статья Мазада о Россіи, въ томъ же духѣ какъ и первая, написанная безъ увлеченія, съ знаніемъ дѣла и благонамѣренностію. Рѣчь идетъ объ управленіи, о министерствѣ и министрахъ. Имъ достается порядочно, и за дѣло. Особенно досталось Муравьеву и Валуеву. Валуевъ, кромѣ представительности, отмѣчается синтетическимъ воззрѣніемъ, даромъ слова и легкостію пера. Все это, въ соединеніи съ разнообразными свѣдѣніями,

выдвигаетъ его далеко изъ ряда его товарищей. Но у него есть недостатокъ—это пристрастіе къ Остзейскимъ учрежденіямъ, гдѣ очень вѣрятъ буквѣ, слову, считая его тождественнымъ съ дѣломъ. Это—притязательное краснорѣчіе, весьма хорошее при Нѣмецкихъ совѣщаніяхъ. Эта англоманія, не думающая о многихъ и любящая ширину и высоту. Головнинъ и Валуевъ много способствовали, своими неопытными распоряженіями, вызову тѣхъ затрудненій, въ которыхъ находится государство. Валуевъ, зная крамолы дворянства, придумалъ предложить его собраніямъ 5 п. п., которые могли только служить поводомъ къ выраженію убѣжденій, изложенныхъ въ постановленіяхъ Тверского дворянства и 13-ти его представителей, предводителей и посредниковъ. Валуевъ же оффиціальностію политическихъ и литературныхъ заявленій въ „Сѣверн. Почтѣ“ проложилъ пошире путь къ тѣмъ выходкамъ газетъ и журналовъ, которыя вынудили министерство къ строгостямъ, похожимъ на реакцію и возбуждающимъ неудовольствіе. Головнинъ сдѣлалъ почти тоже. Найдя университетъ закрытымъ, онъ хотѣлъ помолодецки смять этотъ вопросъ и открылъ (публичныя залы) университетъ общій, т. е. крамолу въ стѣнахъ университета перевелъ на улицу. Какъ Валуевъ, такъ и Головнинъ выборомъ и назначеніемъ лицъ заслуживаютъ тотъ упрекъ, что они ищутъ опоры въ партіяхъ и котеріяхъ, а польза дѣла для нихъ немного болѣе удачнаго фарса.

Прочелъ я 4 выпуска „Свободнаго Слова“ Московскаго кандидата правъ въ Берлинѣ Леонида Блюмера (брата Петербургской авантюристки, содержащейся въ крѣпости и Ферд. Шнейдера, книгопродавца, повидимому исключительно посвящающаго себя изданію Русскихъ книгъ). Это четвертый заграничный журналъ Русскій. Онъ задуманъ серьезно, но не серьезно исполняется. И поспѣшно, и молодо, и незрѣло. Онъ серьезнѣе „Колокола“ и „Будущности“ (Правдиваго), но мелокъ, коротокъ, бѣденъ, слабъ, тощъ. Едва-ли ему и пожить долго. На вторыхъ же страницахъ онъ оставилъ тонъ программы своей и ругается какъ „Колоколъ“, не имѣя ни его авторитета, ни его энергіи, какъ „Будущность“, не владѣя анекдотическими ея запасами. По замашкамъ сдается, что молодой редакторъ можетъ быть хорошимъ публицистомъ. Программа и пріемы его обнаруживаютъ человѣка гуманнаго, способнаго отказаться отъ крайностей и увлеченій, которыя такъ рѣзки въ Герценѣ, Долгоруковѣ и Огаревѣ. Наши выходцы были и могутъ быть полезны, но при настоящемъ положеніи они должны быть не столько радикальны, сколько просвѣщенны.

Кстати о Герценѣ. Имя его разрѣшено, упоминается, повторяется въ литературѣ. Первое дозволеніе дано Шадо-Феротти (баронъ Фиркъ), написавшему Lettres à m. Herzen, по поводу будто бы бывшаго покушенія

на жизнь Герцена. Во второй разъ упомянуто это имя при перепечатаніи рѣчи, сказанной Герценомъ въ 1837 г. въ Вятской библіотекѣ. Теперь оно упомянуто въ грозной, ѣдкой статьѣ Каткова („Русскій Вѣстникъ“ Іюнь): „Замѣтка для издателей Колокола“. Есть въ этой статьѣ что-то лишнее, мстящее, злорадостно глумящееся. Она, и послѣ тоже несладенькихъ статей „Колокола“ (1 и 2 Іюня, листъ 137) производитъ непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Перебирая дѣятельность Герцена и особенно обличительную газету его (съ 1 Іюля 1857 г.), не можешь отказать ему ни въ прямотѣ, ни въ постоянствѣ, ни въ безкорыстіи, ни наконецъ въ напряженной, обширной дѣятельности. Самая энергія, типичность рѣчи его имѣетъ даже высокое литературное достоинство. Катковъ, какъ правительственный публицистъ, не только не отдаетъ ему никакой справедливости, но видитъ въ немъ человѣка нечестнаго, который рискуетъ, увѣренный въ безопасности, топитъ другихъ, легкомысленно потчуя ихъ апоѳеозами, и готовъ пожертвовать своей личности благомъ народа. Онъ представляетъ его фразёромъ, шутомъ, который кривляется, ломается, привередничаетъ или „претендуетъ на уваженіе за то только, что онъ не нарушилъ крайней юридической нормы нравственности“, или видитъ въ немъ „старую блудницу, которая вышла плясать передъ публикой“. Намекнувъ въ „Современной Лѣтописи“: „*мы хорото знаемъ что это за люди*“, Катковъ такъ оканчиваетъ филиппику свою въ „Вѣстникѣ“: „Издатели „Колокола“ спрашиваютъ насъ, какіе они люди? Мы сказали. Честными ни въ какомъ случаѣ назвать ихъ нельзя. Отъ безчестья имъ одна отговорка—помѣшательство“. Это уже не упреки Чичерина въ „Колоколѣ“ 1858, листъ 29*).

Легонько, грубенько и мелочно. Герценъ не замедлитъ отвѣчать самъ и съумѣетъ насказать эпитетовъ не хуже Каткова. Онъ уже отвѣчалъ Чичерину въ 1860 г. на упреки менѣе ругательные. Не вчерась началъ свое агитаторство Герценъ, и развѣ только личный недоброжелатель согласится съ Катковымъ, что „доживъ до сѣдыхъ волосъ, Герценъ не далъ себѣ отчета и не имѣетъ сознанія о самомъ себѣ“. Въ Іюлѣ 1857 г. онъ писалъ о своемъ „Колоколѣ“:

Звучитъ, раскачиваясь, звонъ,
И онъ гудѣть не перестанетъ,
Пока, спугнувъ ночные сны,
Изъ колыбельной тишины
Россія бодро не воспрянетъ
И крѣпко на ноги не станетъ,
И непорывисто-смѣла—
Начнетъ торжественно и стройно,
Съ сознаньемъ доблести спокойной,
Звонить во всѣ колокола.

*) Но иногда и у Каткова встрѣчаются тожественныя съ Чичеринымъ обвиненія. Такъ послѣдній относитъ напряженность и измѣнчивость дѣйствій къ нетерпѣнію, къ темпераменту Герцена, который предпочитаетъ быстро перегорать, истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. „Истощайтесь, таковъ вашъ темпераментъ; его не перемѣнишь. Но позвольте думать, что это не служитъ ни къ пользѣ Россіи, ни къ достоинству журнала, и что во всякомъ случаѣ нечего этимъ величаться“.

Съ того времени онъ началъ открытую, систематическую войну съ Русскимъ правительствомъ за цензуру, за крѣпостное право, за тѣлесныя наказанія и за всѣ тѣ злоупотребленія управленія, которыми переполнены листы, книги и брошюры его. И что же? Звона этого слушали, его боялись, ему повиновались. Правительство исполнило его программу: цензура, крѣпость, плети отмѣнены. Но куда мы пришли? Это вина не Герцена. Правительство сочло возможнымъ сдѣлать второй шагъ прежде перваго. Оно вступило въ революціонный путь и запуталось. Герценъ въ чемъ тутъ виноватъ? Оно вынуждено обратиться къ реакціи. А развѣ Герценъ не бичуетъ его за это? Ненадобно быть несправедливу даже къ личному врагу и не забывать продолжительную дѣятельность подъ вліяніемъ впечатлѣнія дневныхъ событій. Каткову не повѣрятъ; скажутъ, что онъ, какъ Н. Ф. Павловъ, подкупленъ, и молодежь прилѣпится къ Герцену сильнѣе и плотнѣе. Реакція очень ошибается, если думаетъ опираться на такія статьи*).

Отнынѣ партія Герцена въ обществѣ и въ литературѣ дѣлается могуществомъ, признаннымъ правительствомъ, какъ это признавала молодежь давно: Б. Чичеринъ въ 1858 (вы сила, вы могущество въ Россіи) и даже Катковъ въ настоящей статьѣ. Остается разрѣшить „Колоколъ“. Мы играть любимъ. Но игра-ли это? Замѣчательно однако, что въ „Колоколѣ“ участвовали бойкіе школьники, обиженные и недовольные чиновники; но мнѣ неизвѣстно, чтобы въ немъ была хотя одна статья нашихъ аристократовъ науки, администраціи и общества. Щедо-Феротти увѣряетъ, что „Колокола“ порядочные люди не читаютъ. Это несправедливо. Его читаютъ дворъ, министры и многіе, правда, морщась.

„Сѣвер. Пчела“ порицаетъ статью Каткова, смотри № 62 1862 г. и листъ 7 Августа и 3 Смотри также „СПетербур. Вѣдом.“ и „Сынъ Отечества“ №№ 17 Августа.

*

Три-четыре покушенія въ Варшавѣ въ наше время, обильное такими покушеніями, не производятъ особеннаго впечатлѣнія. Повсе-

*) Катковъ въ сущности повторяетъ то, что написала о Герценѣ графиня Растопчина, сказавъ между прочимъ;

Легко *бѣжать съ мильономъ на чужбину*
И клеветой оттуда насъ громить,
Ложь съ истиной метать на половину,
Чтобъ нищихъ духомъ съ толку сбить.
Чужую жизнь легко перевначить,
И ближняго не трудно очернить,
Толпы трескучимъ словомъ одурачить
И даже на ходули взгромоздить.

мѣстное и частое нарушеніе порядка, народныя манифестаціи, уклончивость полиціи и слабое прещеніе уголовнаго суда доказываютъ несостоятельность существующаго порядка, который попираютъ и счастливые агитаторы Гарибальди, Кошутъ, Мирославскій и несчастныя жертвы фанатизма Орсини, Ярошинскій, въ Баденѣ, въ Греціи и на Пиринейскомъ полуостровѣ. Есть какое-то внутреннее сознаніе слабости въ представителяхъ и защитникахъ существующаго порядка. Это даетъ смѣлость противникамъ. Отъ уступокъ къ уступкамъ, слабость однихъ и требовательность другихъ дошли до того, что Царству Польскому недостаетъ почти одного своего войска, чтобы получить, безъ шумныхъ палатъ, отдѣльное, національное правленіе. Еще въ Мартѣ Джонъ-Россель объявилъ парламенту, что вѣроятно Петербургское правительство послушается совѣтовъ маркиза Велопольскаго. Въ началѣ Мая министръ Валуевъ сдѣлалъ „Виленскому Курьеру“ замѣчаніе за это оглашеніе, а въ срединѣ Мая совѣты Велопольскаго начали приводиться въ исполненіе и исполняются въ широкихъ размѣрахъ, несмотря на выстрѣлы въ Лидерса, князя-намѣстника и гражданскаго правителя. Маркизъ Велопольскій человѣкъ замѣчательный и вмѣстѣ съ митрополитомъ Фелинскимъ принадлежитъ правительственной партіи, партіи сильной Русскими штыками и слабой противъ національныхъ патріотовъ, демократа Мирославскаго и аристократа Андрея Замойскаго. Великій князь хотѣлъ согласить, совокупить всѣ партіи. Но этого сдѣлать рѣшительно нельзя безъ деспотизма, который несовременъ, или конституціи, которая преждевременна. Онъ и Велопольскій думали найти это примиреніе въ двухъ вопросахъ: въ національности, въ учрежденіяхъ народнаго просвѣщенія и въ очиншеваніи крестьянскихъ земель, вопросы либеральные и въ настоящую минуту способные возбудить признательность благомыслящаго населенія. Но не на долго. Въ недальнемъ времени либеральныя установленія обратятся (но крайней мѣрѣ большинство) къ національной демократической партіи. Будущность (и будущность неотдаленная) принадлежитъ ей. Не менѣе успѣшно и едва ли неболѣе практично дѣйствіе аристократической партіи графа Замойскаго. Она обратилась къ интересамъ матеріальнымъ, къ земледѣлію и къ путямъ сообщенія. Учрежденныя общества даютъ этой партіи значеніе замкнутой корпораціи, и значеніе это весьма сильно въ странѣ, гдѣ право собственности не ослабляется общиннымъ владѣніемъ. Во взаимнодѣйствіи этихъ партій вращается великій князь Константинъ, собственно, какъ военный начальникъ. Онъ бы непрочь искать, по-петербургски, популярности въ толпѣ и въ народѣ, либеральными выходками въ Варшавѣ и энергическими, какъ въ Россіи, мѣрами очиншеванія; но Варшавская толпа, кромѣ штыковъ, уважаетъ только Мирославскихъ и не вѣритъ

либеральнымъ аллюрамъ Высочества. Въ этой толпѣ бродятъ Кебель, Ремишъ, подмастерье Ярошинскій, Рыль, Іоанъ Ржонца и вѣроятно другіе. Что́ же касается очиншеванія, то оно никогда по-россійски идти не можетъ уже и потому, что классъ дворянства тамъ имѣетъ болѣе самостоятельности, и народъ не способенъ ни къ какой иниціативѣ. Ему нужны имена, и онъ ихъ возьметъ изъ національныхъ и преимущественно изъ Мирославскихъ.

Я не думаю, чтобы вся эта молодежь (22, 19 и 20 лѣтъ) были продажные бравй и скорѣе готовъ полагать, что національное Польское общество, не чуждое и нашимъ пожарамъ и прокламаціямъ, идетъ въ Варшавѣ на плаху изъ національнаго фанатизма по выпадающему жребію. Ярошинскій повѣшенъ 8 Августа.

Читаю Mémoires de Canler, encien chef du service de sûreté, любопытная книга о Французской полиціи съ 1820-хъ по 1850-й годы. Канлеръ очевидно мастеръ своего дѣла и, кромѣ нѣкоторыхъ прикрасъ и самовосхваленій, пишетъ правдиво. Эта правдивость подкрѣпляется фактами событій, времени, мѣста и самыхъ именъ. Порочность Парижскихъ преступниковъ и горожанъ меня не удивляетъ. Она отвратительна во многихъ видахъ, дѣлаясь ремесломъ и облекаясь, такъ сказать, въ терпимыя, какъ бы законныя, формы. Меня удивляетъ недостойное значеніе полиціи, которую правительства то употребляютъ для провокацій, то начальствующія лица на свои частныя нужды и дѣлишки, то сами полицейскіе чины для наживы и личныхъ видовъ. Я не знаю, обязаны-ли полицейскіе чиновники присяжною тайною; во всякомъ случаѣ жалко то общество, въ которомъ книги Канлера проходятъ безъ обвиненій, безъ оправданій и даже безъ возраженій. Успѣхъ сочиненія обѣщаетъ много подобныхъ публикацій и, какъ говоритъ Гёте, если все „выходитъ на солнце“, то гласность, затруднительная, безстыдная должна способствовать, усиливая черноту и преступность, уменьшать ея числительность.

Краевскій основываетъ новую газету „Голосъ“. Порицая, что „со всѣхъ сторонъ раздались голоса о несостоятельности существующаго, что мы принялись съ особеннымъ рвеніемъ отрицать старое, предаваясь этому занятію съ какимъ-то наслажденіемъ, съ любовію, и часто для словца, для красивой фразы, глумились надъ понятіями, принципами и учрежденіями, которыхъ замѣнить намъ пока нечѣмъ“, редакторъ, и заслужный редакторъ (24 года „Отечественныя Записки“ и 10 лѣтъ „С.-Петерб. Вѣдомости“) сознается, что всякое умѣренное слово, малѣйшій намекъ на осторожность клеймили мы названіемъ реакціонизма и отсталости, и, наоборотъ, всякое слово, всякій даже бредъ людей, пользующихся титуломъ передовыхъ, привѣтствовали жаркими рукопле-

сканіями, онъ, заслуженый редакторъ, сознается и въ томъ, что „теперь у насъ вся почва взрыта: если же что и уцѣлѣло фактически, то уничтожено нравственно.... Отвергнуто такъ много, созидать приходится столько, что никакимъ глазомъ не окинешь размѣровъ той силы, которая потребна на сооруженіе“... Онъ привѣтствуетъ наступившую эпоху „*согласнаго* дѣйствія сверху и снизу“, и „водворенію и упроченію этого *согласія* будетъ посвящена новая газета“. Странное дѣло! Ник. Павловъ, говорятъ (и писали), получаетъ субсидію въ 25 т. р. за направленіе „Нашего Времени“; Катковъ, говорятъ, получилъ 15 т. р. за статью противъ Герцена*), удостоившуюся особаго покровительства Головнина, ну, а эта программа à la Булгаринъ что стоитъ?

Но печатное сознаніе журналиста замѣчательно. Оно конечно не мѣшаетъ радикализму ни „Петерб. Вѣдомостей“, ни „Современной хроникѣ“, „Отечественныхъ Записокъ“, и вѣроятно не повредитъ ему и въ новой газетѣ, ибо онъ прибыленъ, а прибыль душа промышленности; но тѣмъ не менѣе, изъ прибыли или по невыгодѣ, сознаніе заслуженнаго журналиста замѣчательно и поучительно.

*

Какія грустныя мысли овладѣли мною въ эту минуту, когда я подумалъ о себѣ, о тебѣ, Митя, и о тебѣ, о моя милая Тата! Точно насъ ожидаетъ печальная участь посреди этихъ ликованій народности, демократіи и раціонализма. Я оставляю старую квартиру, гдѣ, въ тѣснотѣ, мы жили такъ счастливо, чтобы жить пошире.

Вотъ и опять поѣздка въ деревню, свидѣтельство разрушающагося помѣщичьяго быта. Дворня распустилась и разбродится, старые, малые и калѣки еще жмутся подъ общимъ кровомъ. Сады пустѣютъ, и въ нихъ встрѣчаешь гуляющихъ и скотину, для запрета которымъ полиціи нѣтъ, а нѣтъ и достаточной охраны. Но меня поразило и равнодушіе правительства къ положенію помѣщиковъ. Тогда какъ прежде правительство, по случайнымъ событіямъ, широко прощало взысканіе и недоимки, теперь оно, въ лицѣ бойкихъ губернаторовъ, налегло на нихъ и взыскиваетъ съ такими изощреніями (опека, продажа скота и даже высылка изъ имѣнія), какія и при процвѣтаніи крѣпостного права представлялись разорительными. А между тѣмъ, при недостаткѣ капиталовъ и дохода, правительство съ 1859 г. закрыло поземельный кредитъ, предоставя (это похоже на насмѣшку) открыть его въ частныхъ рукахъ. Еще бы оно удовольствовалось указаніемъ дьякону молиться о нищенствующихъ дворянахъ вмѣстѣ съ путешествующими и болящими. Это вынудило меня обратиться къ министру Валуеву и подать ему

*) Это вполнѣ несправедливо, М. Н. Катковъ никогда не получалъ пособій ни отъ правительства, ни отъ Евреевъ. П. Б.

три записки: о недоимкахъ, о порядкѣ ихъ взысканія и объ открытіи кредита подъ земли, остающіяся за надѣломъ крестьянъ.

Я встрѣтилъ въ Валуевѣ большую готовность, положительное обѣщаніе и получилъ даже благодарность за сообщеніе моихъ наблюденій. Я этому вѣрю, но вѣрю единственно потому, что хочется вѣрить, а хочется потому, что перстами моими осязалъ эти вопіющія нужды.

Оставя это, должно сказать, что крестьянское дѣло идетъ хорошо, и готовность, съ которою оно исполняется, дѣлаетъ честь и народу, и сословію, и правительству. Надобно ожидать затрудненій при разверсткѣ земель. Не торопись правительство въ 1857 и 1861 годахъ, оно достигло бы цѣли, не разстроивъ помѣщиковъ, не прибѣгая къ революціонно-диктаторскимъ мѣрамъ и не опасаясь на каждомъ шагу то бунтовъ, то злоупотребленій. Дворянство фрондируетъ на съѣздахъ и собраніяхъ и тѣшитъ себя адресами, заугольнымъ либеральничаньемъ и легкими обѣщаніями жертвы, когда жертвовать нечего. Податная часть идетъ исправно. Сборы бездоимочно и вообще идутъ свободно; кажется, съ переборомъ. Но крайней мѣрѣ дѣйствительные сборы превзошли ожиданіе поступленія. Это объясняется массою бумажныхъ денегъ, легкостію заработка при бывшихъ обширныхъ и расточительныхъ предпріятіяхъ и частію желаніемъ быть исправными въ первый годъ вольности. Иначе будетъ, думаю я, при развитіи обязательнаго надѣла.

*

Всѣ ожидали 8 Сентября (праздникъ тысячелѣтія) милостиваго манифеста. Его не было. Не было и обнародованія общихъ преобразованій, котораго тоже ожидали. Вышелъ только указъ для Польши, о прекращеніи дѣлъ по конфискаціямъ. Пора, давно пора. Польша смотритъ не то уже косо, но прямо, во всѣ глаза, и требуетъ—давай да давай! И ей дадутъ. Дворянство въ Царствѣ и Западныхъ губерніяхъ, потерявъ крѣпостное право, имѣетъ теперь (цѣлью) только пріобрѣтать. Нельзя же ему оставаться въ бездѣйствіи и ничтожествѣ, наровнѣ со всякимъ землевладѣльцемъ, бывшимъ его крестьяниномъ. Дворянство западное требуетъ присоединенія къ Царству, и дворянство Польское собирается на совѣщаніяхъ у графа Андрея Замойскаго и требуетъ возвращенія правъ, гарантированныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ. Нельзя не сказать о двусмысленной роли князя-намѣстника. Онъ всегда любилъ искать популярность и теперь въ затруднительномъ положеніи, болѣе нежели когда нибудь. Говорятъ, что всѣ эти совѣщанія дѣлаются подъ его покровительствомъ, которое дается Андрею Замойскому, чтобы избавиться отъ всеокружившей Лазенки опеки маркиза Велопольскаго. „Мнѣ всегда пріятно узнать желанія страны и исполнить ихъ, если того требуетъ большинство, и это требованіе не противорѣчитъ общимъ дѣламъ Имперіи“.

Эти слова намѣстника способны вызвать манифестаціи въ огромныхъ размѣрахъ. Великій князь помиловалъ, дозволивъ возвращеніе сотнямъ, тысячамъ; но онъ не знаетъ, что прощенные не прощаютъ.

*

Не понимаю Гарибальди. Онъ шелъ на Францію. Съ кѣмъ, съ чѣмъ? Кошутъ и Клапка его опровергаютъ. Министерство признаетъ возмутителемъ. Въ Сициліи и въ Неаполѣ законность порядка не нарушена. Здѣсь должно быть недоразумѣніе. Или министерство обмануло Гарибальди, попуская его дѣйствія, чтобы принудить Францію выдти изъ неопредѣленнаго и неподвижнаго положенія въ Римѣ; или Гарибальди обманулся, думая увлечь за собою министерство.

Положеніе новаго королевства самое ложное. Оно не смѣетъ ни отказаться отъ своей программы, ни исполнить ее; а Франція, опредѣленно и энергически выразясь противъ этой программы, признала и заставила Россію и Пруссію признать Итальянское королевство—безъ Рима. Но въ порядкѣ-ли вещей Флоренціи, Милану и Неаполю признать первенство Турина? Не выросли ли эти отдѣльно развившіяся мѣстности изъ тѣхъ годовъ, когда сліяніе возможно? Не обратиться-ли Италіи къ федеративной системѣ Наполеона? Не переходное-ли это положеніе къ федеративной республикѣ?

Жаль Гарибальди. Онъ осрамленъ, осмѣянъ, раненъ, въ плѣну, и много если не совсѣмъ потерялъ силу обаянія.

*

Введеніе казенной, вольной, вмѣсто откупа, продажи хлѣбнаго вина сопровождается опасливыми, предусмотрительными (чтобы не сказать насильственными противъ откупщиковъ) мѣрами. Чтобы они не залили 1863 годъ, имъ не хотятъ отпускать сверхнормальной пропорціи. Эта казенная продажа породила уже томы положеній и циркуляровъ и полчища чиновниковъ. Одно это не рекомендуетъ мѣры. Откупная цифра выберется безъ затрудненія, ибо пьютъ много, и съ удешевленіемъ нельзя же ожидать воздержанія. То несомнѣнно, что, отстраняя частную производительность подъ предлогомъ монополіи и злоупотребленій, правительство заявляетъ свою несостоятельность въ предупрежденіи и преслѣдованіи злоупотребленій и принимается хозяйничать. Я не сомнѣваюсь, что мы опять придемъ къ откупамъ.

А вотъ преобразованія судебной части. Обнародованіе ихъ произвело громадное впечатлѣніе, праздникъ, говоръ на улицахъ. И всѣ эти колоссальныя реформы дѣлаетъ бывшій молчаливый наслѣдникъ, Александръ II-й!

Der König Karl am Steuer saß
Und hat kein Wort gesprochen,

Er lenkt das Schiff in rechten Maaß
Bis sich der Sturm gebrochen.

Реформа колоссальная. Роскошь. Расточительность. Конституція. Кромѣ гласности, присяжныхъ, повѣренныхъ и несмѣняемости, здѣсь замѣчательно нововведеніе, которое особенно важно, потому что можетъ приняться. Это мировые судьи и ихъ съѣзды, другими словами: *судъ по совѣсти*. Законодатель совершенно отдѣлилъ его отъ окружныхъ судовъ и палатъ и отъ кассаціи. Я не думаю, чтобы законодатели понимали все пространство, всю важность такого обширнаго суда по совѣсти, въ государствѣ, гдѣ едва не повсюду существовали военныя коммисіи, полицейскія расправы, сокращенные земскіе порядки,—въ государствѣ, гдѣ совѣсть не выработалась ни контролемъ общественнаго мнѣнія, ни духомъ корпорацій, ни юридическими обычаями.

Я опасаюсь въ періодъ наклонности къ уступкамъ одного: наобѣщаютъ болѣе нежели исполнятъ, болѣе нежели могутъ исполнить и дадутъ право и поводъ роптать, упрекать и требовать*).

Программа, утвержденная 28 Сентября, вовсе и не подлежала обнародованію. Можно было заявить о ней въ общихъ словахъ, въ одномъ изъ оффиціальныхъ журналовъ, потомъ развить въ подробномъ положеніи и начать примѣнять не постепенно по мѣстностямъ, а постепенно развивая институтъ гласности, несмѣняемости, адвокатуры и присяжныхъ. Къ постепенному развитію мироваго правосудія есть и пунктъ отправленія: мировые посредники. По мѣрѣ ихъ освобожденія отъ крестьянскаго дѣла, они могли бы постепенно принимать въ свое вѣдѣніе гражданскія тяжбы, разбирательства найма, части маклерскую и нотаріальную. Я почти увѣренъ, что правительство и вызоветъ и встрѣтитъ препятствія, которыя мало по малу выростутъ въ столкновенія и борьбу.

Я послалъ Валуеву записку о цензурѣ въ Пруссіи 1840 годовъ, гдѣ описываю тогдашнія обстоятельства, мнѣ лично и подробно извѣстныя, по сношеніямъ съ Гитцигомъ, бывшимъ президентомъ оберъ-цензурогерихта. Я склоняю и убѣждаю на свободу печати и на цензуру

*) Императоръ Александръ Николаевичъ говорилъ съ митрополитомъ Филаретомъ объ измѣненіи судебнаго дѣла. „Вотъ и другое преобразованіе готовится, сказалъ онъ. Митрополитъ молчалъ. Я уже получилъ проэктъ судебныхъ уставовъ.—Митрополитъ молчалъ.—Что же, владыка, не отзываетесь? спросилъ Государь. Вѣдь это будетъ судъ не по мертвой буквѣ закона, а по человѣческой совѣсти.—Тогда Филаретъ, указывая на находившуюся въ комнатѣ икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, сказалъ: Римское правительство, Пилатъ, готово было освободить Его, но судъ народной совѣсти возложилъ на Него терновый вѣнецъ. Объ этой бесѣдѣ знали немногіе, конечно, со словъ Государя; Филаретъ же не такой былъ человѣкъ, чтобы огласить ее. (Слышано отъ В. А. Кокорева). П. Б.

исполнительную, дѣйствующую или общимъ судебнымъ порядкомъ, если преслѣдуется преступленіе или проступокъ, наказуемые по Уложенію, или чрезъ совѣтъ, который дѣлаетъ предупрежденія и запрещаетъ изданіе, дѣйствуя въ послѣднемъ случаѣ по всѣмъ формамъ учрежденія судебнаго. Чтобы избавить писателей отъ стѣсненія отъ издателей и типографій, какъ это описываетъ Прудонъ въ послѣдней книгѣ своей (De la propriété littéraire), я полагаю дозволить авторамъ, издателямъ и типографіямъ выбирать себѣ цензоровъ изъ лицъ правительству извѣстныхъ и принимающихъ въ управленіи извѣстную степень участія, напр. старшіе учители, совѣтники коллегій. Министры наши такъ заняты, что едва ли Валуевъ найдетъ время прочесть эту записку.

Меня въ нашихъ реформахъ поражаетъ одно: какъ онѣ легко дѣлаются и даются. Впрочемъ, можетъ быть, это такъ кажется вдали отъ правительственной дѣятельности, какъ нахожусь я. Но тѣмъ не менѣе легковѣріе, съ которымъ наши государственные люди принимаютъ отвѣтственность за введеніе общихъ положеній, для меня но крайней мѣрѣ, поразительно. Крестьянское дѣло, такъ спѣшно развязанное, совершалось подъ вліяніемъ либерализма Ростовцова, окруженнаго исполнителями самаго демократическаго цвѣта, „краснаго“, какъ говоритъ старая партія. Это Милютинъ, Самаринъ, кн. Черкасскій, Соловьевъ, Семеновъ и др. Дворянство было погребено „за разъ“. Оно едва опомнилось, переходъ былъ сдѣланъ незапно. Оно закрамольничало. Надобно было не гладить его противъ шерсти. Ланской уволенъ, а съ нимъ и Милютинъ. Выжившій изъ ума Блудовъ уступилъ мѣсто князю Гагарину, въ М-вѣ Внутр. Дѣлъ партія Шуваловыхъ нашла Валуева. Начались уступки. Въ порывѣ негодованія, дворянскія собранія требовали обязательнаго выкупа. Валуевъ его выработалъ. Соединившись съ гр. Панинымъ и кн. Долгорукимъ, Валуевъ рѣшился и земскую (полицейскую и хозяйственную) власть передать дворянству. Кн. Гагаринъ задумалъ тоже о мѣстной власти судебной: мировые учрежденія. Они поставили началомъ назначеніе по выбору, а цензомъ (основаніе выбора и избранія) исключительно поземельная собственность.

Я думаю, и обязательный выкупъ, и значеніе поземельной собственности не приведутъ къ желаемой цѣли. Англійскія уновленія у насъ не имѣютъ элементовъ. Мы сложились изъ демократіи и чиновничества. Мы и мировыхъ посредниковъ не могли учредить, не давъ имъ чина и жалованья. У насъ предводители дворянства просятъ жалованья. Я понимаю представительство, налоги, ревизію по поземельной собственности, и то неисключительно, но чтобы она же была условіемъ отправленія власти и исполнительной и судной; для этого нуженъ особый классъ, котораго у насъ нѣтъ.

*

Наконецъ-то я догналъ время, прочелъ накопившіеся листы и книги. Экая давка событій, экой напоръ демократіи, эдакое ослѣпленіе исключительныхъ убѣжденій! Если мы привыкли къ своекорыстнымъ видамъ Англіи, одинаково помогающей и statu quo въ Турціи, и революціи въ Италіи, если мы привыкли ничему не вѣрить въ дѣйствіяхъ Наполеона, который дѣйствительно очень можетъ быть затрудненъ что̀ выкинуть бы новенькаго, дабы терпѣливѣе держать въ цѣпи ведетовъ благородную націю, счастливя ее и демократизаціей налога, отмѣною дополнительныхъ кредитовъ, свободою слова въ Сенатѣ и Палатѣ, успѣхами оружія въ Кохинхинѣ и Мексикѣ; если мы привыкли къ этому, ибо созерцаемъ давно: то едва ли скоро привыкнемъ къ тому, что̀ дѣлается въ Италіи, Турціи и Германіи. Въ Италіи дѣйствуетъ право патріотовъ. Изъ гроба вынули какую-то куклу и кричатъ: Италія воскресла, воистину воскресла! Патріоты вербуютъ полки, Туринское правительство съ ними въ сдѣлкѣ, попускаетъ, поощряетъ, помогаетъ имъ; патріоты недовольны этою куклою и говорятъ: „ей надобно сердце, мы пойдемъ на Римъ“. Министерство отвѣчаетъ; правда, но въ Римѣ Наполеонъ „вѣрнѣйшій сынъ церкви. Мы туда пустить васъ не можемъ. вы насъ компрометируете, и не драться же намъ съ тѣмъ, кто насъ облагодѣтельствовалъ“? И за тѣмъ что же предлагаетъ Ратаци? „Если вы пойдете въ Морею или Герцеговину (чортъ васъ возьми, ступайте куда хотите, только отъ насъ подальше), то мы готовы помочь вамъ“. Да, но что̀ же это за государство, что̀ это за право, что̀ это за правильное правительство?

Франція и Англія желаютъ поддерживать statu quo въ Турціи и Греціи, а Россія, напротивъ, требуетъ революціи. Посылаютъ ноты, лелѣятъ своего Гарибальди. Панславизмъ (Славянскій Комитетъ, Русскія посланія братьевъ къ Турецкимъ Славянамъ) Сербамъ, открываетъ оффиціальную подписку въ пользу Черногорцевъ, настаиваетъ на вмѣшательствѣ Европы, говоритъ, что Турція нарушаетъ трактатъ Парижскій, что она хочетъ задавить Сербію и Черногорію. Кн. Горчаковъ въ Лондонѣ Лобановъ въ Портѣ пишутъ нота за нотой. Журналы наши, особенно „День“ и Journal de S't-Pétersbourg, разсыпаются въ протестахъ, а Омеръ-паша занялъ Черную Гору, и Джонъ Россель отвѣчаетъ: если Черная Гора независимое государство, мы и никто не мѣшаетъ ей воевать и защищаться; если она Турецкая подданная, никто не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла государства. Дж. Рессель такъ любитъ statu quo въ Греціи, съ которой по сосѣдству другая Сицилія, ожидающая другаго Гарибальди, что готовъ прославлять и правительство Оттона Баварскаго. Династіи этой не уцѣлѣть. У нея нѣтъ ни корней, ни симпатій, ни поддержки. Правительство должно быть національно.

Въ Германіи, Пруссіи и Австріи дали конституціи и не хотятъ исполнять ихъ. Поколѣніе конституціонныхъ государей еще не народилось у Нѣмцевъ. Столкновеніе палаты и короля въ Пруссіи важно тѣмъ, что Европа вѣрила Прусской конституціи и что оппозиція съ обѣихъ сторонъ ведется *систематически*. Новый президентъ Бисмаркъ-Шёнгаузенъ не примиритъ раздора. Онъ не пользуется довѣріемъ и весьма одностороненъ. Какъ въ Австріи, такъ и въ Пруссіи правительства теперь не уступятъ, чтобы потомъ уступить болѣе. Есть же, наконецъ, право обоюдно признанное. Два раза король повѣрялъ свои виды новыми выборами, и все таки упорно стоитъ за свой *личный* проэктъ военной организаціи. Личность короля, по конституціи, внѣ всякаго вопроса, и самое вмѣшательство ея есть преданіе.

*

Подольское дворянство составило, подписало и прислало адресъ, въ которомъ, прося объ административномъ присоединеніи къ Царству Польскому, обращаетъ вниманіе Государя на бѣдственное положеніе края, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни школъ, ни порядочнаго управленія. Предводители этого дворянства преданы суду во 2 отдѣленіи 5 департамента Сената. Я понимаю эту крамолу дворянства. Нигдѣ крѣпостное право не имѣло такой числительности какъ въ Подоліи. Уничтоживъ связь дворянства съ земствомъ, правительство усилило тѣмъ всегда ненавистный, особенно въ Западныхъ губерніяхъ, элементъ чиновничества, чиновничества Русскаго. Что терять дворянству?

По моему мнѣнію правительство напрасно полагается на судебное прещеніе. Судъ у насъ, и особенно Петербургскій Сенатъ, не пользуется довѣріемъ и не имѣетъ никакого вліянія. Онъ и въ дѣлахъ негораздъ. Онъ уже напуталъ по дѣлу Тверскихъ дворянъ. Онъ напутаетъ и здѣсь. Крамолъ дворянскихъ надобно было ожидать. Правительство дѣйствуетъ очень непослѣдовательно. Уничтоживъ крѣпостныхъ владѣльцевъ, оно оставляетъ собранія, избираемыя по крѣпостному цензу. Но и удерживая собранія въ этомъ положеніи, правительству слѣдовало, по опыту и внутреннихъ губерній, и Могилевской, озаботиться предупрежденіемъ подобныхъ манифестацій, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи формальной законности ихъ. Въ настоящее время надобно ожидать подобныхъ выходокъ вездѣ.

Всѣ газеты и журналы все еще полны восхищеніемъ нашихъ судебныхъ реформъ. Подлинно восхищеніемъ. Государь даетъ льготы и права съ роскошью, расточительно, невозбранно. Но восхищеніе это не совсѣмъ обдуманно. Прославляютъ реформы какъ заимствованія Французскія, добытыя опытомъ и жертвами многихъ поколѣній. Въ „Сѣверной Почтѣ“ 14 Октября напечатана моя маленькая „Нелишняя замѣтка“.

въ которой я обращаю вниманіе на одну сторону реформы, едва замѣчаемую газетами, это—судъ по совѣсти, нѣчто въ родѣ courts of equity Англіи. Правда, канцелярскіе суды не внушаютъ особеннаго довѣрія въ умахъ серьезныхъ, но осуществленіе Кантовскаго „права безъ принужденія“ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ изученія, особенно при полномъ развалѣ мудренаго ученаго права и канцелярскаго суда.

Едва-ли не одно изъ самыхъ практическихъ преобразованій: положеніе о порядкѣ составленія смѣтъ, утвержденное 22 Мая 1862 г. Правила объ этомъ, изложенныя въ счетномъ уставѣ, весьма недостаточны и дополнялись практикою, которая, въ этомъ должно сознаться, развилась раціонально, особенно въ военныхъ министерствахъ. И не въ этихъ правилахъ заключается реформа 1862 г. Достоинство ея въ единствѣ смѣтъ, требующемъ единства кассъ. Это мѣра радикальная и приведетъ къ добру. У министровъ столько было смѣтъ, сколько они хотѣли имѣть. Министерство Имуществъ составляло: а) общую смѣту, б) смѣту общественнаго сбора (болѣе 5 м. р.), в) смѣту лѣсную (около милліона), г) смѣту хозяйственную (тоже) и д) частныя смѣты по разнымъ случаямъ. Теперь надобно составлять одну. Теперь расходовъ по особымъ смѣтамъ и изъ особыхъ капиталовъ не будетъ. Это много способствуетъ стройности и единству, но, можетъ быть, это будетъ имѣть вліяніе менѣе благопріятное, на развитіе частей управленія. Общая касса небережлива, способна поглотить все и напротивъ скупа и отрѣзываетъ даже нужные расходы, когда сама въ нуждѣ, а они почти всегда въ нуждѣ. Развивающемуся управленію нужна свобода средствъ, даже для опытовъ и ошибокъ, безъ которыхъ ручательство успѣха ограничивается рутиною, бюрократизмомъ. Конечно расточители, какъ генер. Муравьевъ, и скопщики, какъ графъ Киселевъ, требуютъ обузданія, но можно обуздывать не стѣсняя, гласностію дѣйствій, употребленіемъ остатковъ, подчиненіемъ дѣйствій общей ревизіи.

Мы, въ Министерствѣ Имуществъ, заняты теперь составленіемъ и разсмотрѣніемъ смѣтъ по департаментамъ, и сего дня было у меня засѣданіе для лѣсной смѣты на 1863 г. Она, на мой взглядъ, представляется далеко не въ выгодномъ свѣтѣ. Доходовъ изчислено 3,300,000 р., расходовъ 1,700,000 р. Чистаго дохода—1.551,463 р. 17¾ к. И такъ содержаніе обходится въ 53% и даже въ 56%, если принять въ соображеніе, что лѣсныя отдѣленія палатъ содержатся на счетъ общественнаго сбора, и даже болѣе 56%, если оцѣнить сервитуду, по которой министерство беретъ въ годъ день лѣсныхъ работъ съ 2 душъ (около 5 м., дней, которые предположено выкупить за 500 т. р.).

Я не думаю, чтобы гдѣ нибудь лѣса доставляли такъ мало дохода, и управленіе ими стоило такъ дорого. Я соображалъ эту часть бюджета

съ цифрами Прусскими и Французскими и a priori пришелъ къ тому убѣжденію, составившемуся во мнѣ при ревизіи лѣсной части въ губерніяхъ, что управленіе это въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи.

Графъ Панинъ оставилъ Министерство Юстиціи послѣ 24 лѣтняго управленія. Это событіе почти Европейское, потому что въ Россіи и въ Европѣ онъ имѣлъ, и справедливо, незавидную славу. Его считали врагомъ всякихъ преобразованій, безпрекословнымъ слугою двора и пристрастнымъ служителемъ правосудія для себя равныхъ. А помню я, съ какими одушевленными надеждами встрѣчено было его назначеніе въ 1839 г., какъ легко ему было постепенно работать надъ улучшеніемъ суда и занять положеніе, къ которому призывали и его имя, и его состояніе, и его замѣчательный даръ слова и выдержаннаго порядка преній. Было время, когда онъ могъ сдѣлаться главою партіи. Это 1850 годъ, когда императоръ около 10 лѣтъ держалъ его въ немилости, и въ 1860 г. когда новый императоръ назначилъ его распорядителемъ крестьянскаго дѣла. Николаю онъ отвѣчалъ терпѣливою покорностію, Александру—самою гибкою угодливостію. И это его потеряло. Потеряло навсегда. Выбитый изъ колеи новыми реформами, онъ безпрестанно впадалъ въ противорѣчія, то управляя дѣлами и людьми какъ пашалыкомъ, то выставляясь либераломъ донельзя. Уже въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ не разъ въ день мѣнялъ свои воззрѣнія, такъ что спѣшливый президентъ комитета спросилъ его: „какого же вы мнѣнія?“ Дворянство смотрѣло на него какъ на предателя. Чиновный людъ, какъ на угодника. Процессы студентовъ и Тверскихъ посредниковъ еще болѣе уронили его. Онъ окончательно упалъ съ окончаніемъ общихъ основаній судебной реформы, въ которой онъ отстаивалъ Сенатъ (безъ гласности) и право царской санкціи по дѣламъ привиллегированнымъ. Всѣ работы переданы государ. секретарю Буткову, и графъ Панинъ обязанъ былъ исполнять только его требованія. Онъ не догнулся, выпрямился и ушелъ. Онъ давно бы ушелъ, ибо новое царствованіе въ немъ не нуждалось, и положеніе его между новыми товарищами было невыносимо; но ему помогло одно обстоятельство, сдѣлавшее въ свое время довольно шуму. По плану великаго князя Константина министромъ юстиціи долженъ былъ быть статсъ-секретарь кн. Оболенскій. Кандидатъ этотъ сдѣлалъ двѣ глупости: онъ осмѣялъ проэктъ графа Блудова, предложивъ ввести у насъ Польское судоустройство. Онъ напечаталъ у Герцена біографію гр. Панина, и въ этой біографіи, описывая недостатки министра, очень сильно наперъ на его преданность не только государю и царскому семейству, но и всѣмъ, кто болѣе или менѣе близокъ къ ней. Такой недостатокъ конечно не могъ быть основаніемъ удаленія, и гр. Панинъ, оставаясь на своемъ посту, приготовилъ себѣ преемника—сенатора Замятнина, и вышелъ изъ министер-

ства, когда положеніе его сдѣлалось не только ложнымъ, но и унизительнымъ. Думаютъ, что настоящимъ министромъ будетъ Бутковъ *).

Увольненіе гр. Панина есть торжество новаго поколѣнія и новыхъ началъ. Время переворотовъ ѣсть и стираетъ людей. Гр. Панинъ старъ, чтобы дождаться возрожденія, ему за 60 лѣтъ. Онъ не оставляетъ никакой партіи и не услышитъ никакого, ни ѣдкаго сожалѣнія; напротивъ всѣ радуются и—чего добраго—готовы выразить удовольствіе, и выразили бы его, если бы былъ приличный поводъ, т. е. если бы преемникомъ былъ не Замятнинъ, а лицо, пользующееся довѣріемъ общественнаго мнѣнія.

Сегодня я былъ у него и записался. Служба въ министерствѣ, при немъ, составляетъ лучшую часть моей служебной дѣятельности. Я много обязанъ его брату, графу Александру; много обязанъ и ему.

Вотъ уже нѣсколько разъ собирались мы въ отдѣленіи Географическаго Общества для назначенія медали за лучшее сочиненіе по части Статистики. Мы были вынуждены принять къ соисканію 8 или 9 описаній губерній офицерами генеральнаго штаба. И только. Я предложилъ переводъ „Статистики Кольба“ съ прибавленіями г. Корсака и „Крѣпостное населеніе“ г. Тройницкаго. Такъ бѣдны мы учеными трудами. Трудами мы бѣдны вообще. Легче вырабатывать, переводя готовыя начала, общія положенія. Отчего это? Гласность есть, источники доступны, читателей не недостаетъ, польза несомнѣнна. Здѣсь двѣ причины: недостатокъ постояннаго труда отъ недостатка требованій (что ни говорили бы газеты о пробудившейся жаждѣ знаній и дѣловомъ направленіи умовъ) и *второе*, удобство мелкихъ вознагражденій за статьи и статейки. Только правительство можетъ издавать въ убытокъ. Славянофилы народъ безкорыстный и въ приглашеніяхъ „Дня“ и Безсонова жалуются на равнодушіе къ изученію народнаго духа и старины Русской. Только правительство и имѣетъ работниковъ, ибо всѣ эти офицеры генеральнаго штаба и г. Тройницкій работали на службѣ и безъ того не написали и не издали бы своихъ сочиненій. Я полагалъ бы, отъ Географическаго Общества назначать задачи и выдавать цѣнныя преміи. Если для этого недостаточны средства общества, помѣщающагося теперь въ казенномъ домѣ, то надобно бы пересмотрѣть бюджетъ его. Авось бы нашлись средства.

Дѣйствія и машинъ, и обществъ зависятъ отъ мастеровъ. Я не имѣю никакого довѣрія къ нашимъ мастерамъ, какъ настоящій фактотумъ Владимиръ Безобразовъ и его патронъ Ѳ. П. Литке. Партія, съ 1861 г.

---

*) Графъ В. Н. Панинъ уѣхалъ тогда въ свою великолѣпную Гаспру, на южномъ берегу Крыма. Помню, въ Алупкѣ, князь С. М. Воронцовъ сказывалъ мнѣ, что государь Александръ Николаевичъ отозвался ему о графѣ Панинѣ: „Не могу не дорожить имъ: онъ мнѣ пожертвовалъ своими убѣжденіями“. Память о 35 лѣтней опалѣ отца должна была тяготѣть надъ этимъ воспитанникомъ великаго Гёте. П. Б.

выбрала предсѣдательствующимъ отдѣленія статистики Евгенія Ламанскаго, который вовсе не статистикъ и не имѣетъ времени быть въ засѣданіяхъ, а онъ выбралъ себѣ въ помощники какого-то г. Артемьева. И хотятъ, чтобы дѣло шло! Теперь же и не тѣмъ заняты.

Грядущій порядокъ все болѣе выглядываетъ и знаменуется. Онъ знаменуется преимущественно запутанностію отъ борьбы стараго съ новымъ, преданія съ раціонализмомъ, династическаго съ народнымъ, нравственнаго съ матеріальнымъ. Со времени побѣды правильной, регулированной революціи 2 Декабря 1851 г. надъ анархической, Европа изъ судорожнаго состоянія перешла въ оробѣвшее, разслабленное и не имѣетъ ни одного дня покоя. Куда бы ни вмѣшался этотъ регуляторъ, въ традиціонныя-ли сношенія Востока или въ анархическія волненія Италіи, онъ ничего не развязываетъ и все запутываетъ. Едва призналъ онъ Европейскую самостоятельность Турціи, какъ готовъ протестовать противъ этой самостоятельности по дѣламъ христіанъ. Едва покрылъ онъ своимъ покровительствомъ самыя наглыя нарушенія международнаго права Туринскимъ правительствомъ, какъ пишетъ ноту про обузданіе Гарибальди, а послѣ побѣды его окончательно даетъ знать, что Римъ никогда не можетъ быть принадлежностію Итальянскаго королевства. А Италія, имъ же вспомоществуемая, четвертый годъ только и думаетъ и говоритъ что о Римѣ. Онъ намѣренъ было впутаться и въ дѣла Америки; но, при всемъ подобострастіи, ни Англія, ни Россія не рѣшились отвѣчать на этотъ вызовъ. Я вижу въ правительствѣ Наполеона какую-то усталость, какое-то затрудненіе, въ которомъ изворотливость принимаетъ размѣры государственнаго дѣла, а великая политика значеніе ловкой удачи.

Управленіе юстиціею ввѣрено Д. Н. Замятнину. Никто не хотѣлъ видѣть въ этомъ окончательнаго назначенія. Говорили, что въ министры готовится В. П. Бутковъ, у котораго сосредоточены всѣ работы по судебной реформѣ. Выборъ товарища дѣлаетъ назначеніе Замятнина окончательнымъ. Н. Н. Стояновскій, молодой человѣкъ, пользующійся отличною репутаціей, имѣющій дѣловую опытность и слѣдящій за наукою. Онъ вышелъ изъ Училища Правовѣдѣнія въ 1842 г. 10 классомъ. Вскорѣ потомъ, служа въ Сенатѣ, сдѣлался преподавателемъ въ училищѣ уголовнаго судопроизводства и издалъ книгу для руководства, нѣчто въ родѣ компиляціи изъ разныхъ томовъ Свода. Хотя еще въ училищѣ онъ былъ въ связи съ Топильскимъ и гр. Панинымъ, но репутація его началась, когда онъ сдѣлался оберъ-секретаремъ общаго собранія, мастерски обработывая дѣла и излагая мнѣнія. Изъ оберъ-прокуроровъ онъ перешелъ въ Госуд. Совѣтъ и оттуда назначенъ теперь товарищемъ министра. Это новое усиленіе партіи лицеистовъ-прано-

вѣдовъ, которые подали другъ другу руки и составили замкнутый кружокъ, мòя рука руку, таща по товарищески своихъ и останавливая другихъ. Камарадерія въ полномъ развалѣ. Головнинъ тащитъ Рейтерна, Николаи и Оболенскаго. Рейтернъ докладываетъ о прибавкѣ жалованья, даетъ назначеніе Гирсу, опредѣляетъ лицеистовъ и правовѣдовъ, въ Казань, въ Одессу. Наименѣе замѣчалъ я этой камарадеріи въ Стояновскомъ. Впрочемъ въ юстиціи кромѣ правовѣдовъ уже никому служить было невозможно. Теперь директоръ и вице-директоръ правовѣды. Состояніе университетскихъ не улучшится.

Я продолжаю болѣть моею болѣзнію: я почти ничего не дѣлаю, а что̀ и дѣлаю, то механически, по привычкѣ. А между тѣмъ у меня стеклись дѣла: 1, по Совѣту смѣты и Оберлендскіе дрова, 2, по Географическому Обществу—разборъ сочиненій и просятъ согласія на выборъ въ ревизоры и 3, особенно по податной коммисіи, гдѣ вопросъ о сахарѣ, съ призваніемъ заводчиковъ, получилъ такое живое значеніе, что невольно увлекаетъ и меня. Желалъ бы участвовать и въ судебныхъ коммисіяхъ, да не ожидаю пользы. Не понимаю, отчего у меня апатія и лѣнь. Какая-то боязнь, неувѣренность, подозрительность. А жаль! Въ эти эпохи проэктовъ и реформъ нужна энергія. Да энергія слаба, и потому смѣшна. При ускоренномъ ходѣ на крутомъ склонѣ остановиться и остановить трудно, хотя Гизо все-таки правъ, что ce n'est pas le mal qui est fort, c'est le bien qui est faible. Постараюсь дать отчетъ, что̀ я могъ, могу и смогу сдѣлать хорошаго. Странное дѣло! Говоря „хорошаго“, я почти придаю ему столько пользы и истины, сколько вѣрю необходимости оппозиціи для пользы дѣла. Это еще сила, но уже второстепенная, и ей торжествовать трудно.

*

Наблюдательный и вдумчивый Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ въ рѣзкихъ чертахъ изобразилъ состояніе Россіи, наступившее вслѣдъ за раскрѣпощеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ. Живучи въ Петербургѣ, онъ зналъ много такого, что̀ не оглашалось въ печати и не распространялось. Москва тоже съ недоумѣніемъ и негодованіемъ относилась къ Петербургскимъ мѣрамъ и содѣяніямъ. М. Н. Катковъ въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ мѣтко и художественно изобразилъ добродушнаго, толстогубаго Отелло и коварнаго Яго съ тонкими чертами лица. Марціалъ нашихъ дней, С. А. Соболевскій, не придавая большого значенія толкамъ и нареканіямъ, ограничился шуточнымъ четверостишіемъ:

Wir leiden alle an dem Spleen,
Und Nichts kann uns erheutern,
Hängt man nicht auf den Konstantin
Mit Golovnin und Reutern

Конечно, это сообщено было лишь немногимъ. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1863-й годъ.

Первое Января 1863 г. И еще годъ миновалъ, и годъ знаменательный. Жизнь кипѣла со всею силою могущественной массы. Демократическое начало подошло къ берегамъ. Его нарушенія (и не при одномъ Аспромонтѣ) проходятъ безнаказанно или наказываются для вида, въ видахъ и подъ видомъ милости и милосердія. Подъ вліяніемъ страха отъ усиленія пролетаріата и пауперизма, монархическое начало стало искать ограждений порядка въ учрежденіяхъ общественныхъ, поручая имъ, подъ условіемъ имущественнаго ценза, самоуправленіе. Отъ мѣстнаго управленія до сосредоточенія его въ общемъ представительствѣ одинъ шагъ. Отъ представительства до столкновенія съ правительствомъ—другой. Третій шагъ будетъ поглощеніе правительства и проявленіе болѣе и болѣе республиканскаго порядка. Подкапываемыя въ своемъ авторитетѣ, правительства ищутъ опоры въ силѣ, въ военной силѣ, а чтобы установить, содержать и привязать ее, нужны деньги, а деньги дастъ представительство. Бюджеты ростутъ и отъ займовъ, и отъ налоговъ. Бюджеты военные чрезвычайно несоразмѣрны. Эта внѣшняя опора подмываетъ монархіи въ основаніи ихъ.

Лондонская выставка представила свѣту торжество человѣческаго искусства, которое, какъ и наука, предались промышленности, устремились исключительно къ цѣлямъ положительнымъ. Изъ искусствъ, царица искусствъ поэзія упала до „Misérables“ В. Гюго, являющагося здѣсь прежнимъ памфлетёромъ съ прибавкою устарѣлости и скуки. Наука превращается въ теорію осязательныхъ истинъ и въ самой Гер-

*) См. выше стр. 375.

маніи отдалась на службу партіямъ и днямъ, сводя на своихъ страницахъ дневные листы въ толстые сборники, часто изящные и сподручные всякому при дешевомъ пособіи фотографій и литографій. Во всемъ видно стремленіе къ естественности, къ развязности и свободѣ: въ костюмѣ, въ образѣ жизни, въ общественныхъ удовольствіяхъ, въ вѣрованіяхъ и семейныхъ отношеніяхъ, въ служеніи партій и въ критикѣ авторитетовъ. Тамъ, гдѣ эта свобода не ограничивается установившимся общественнымъ бытомъ, мнѣніемъ, тактомъ, привычкою, она переходитъ въ наглость, нахальство, въ цинизмъ. Это говорится не о какихъ нибудь Пончъ, Шаривари, Кладерадачѣ, Искрѣ, Гудкѣ и т. п. Это говорится не о канканахъ, которые въ „танцъ-классахъ“ нашихъ возмущаютъ даже рыцарей свистковъ и фельетоновъ. Я говорю о наглости въ самыхъ важныхъ отправленіяхъ общественнаго и государственнаго организма.

Усиліе Италіи есть сцѣпленіе нарушеній. Она дерзновенно взнесла мечъ надъ главою церкви. Она вѣнчаетъ возмущеніе съ законностію. Она и не знала, что ей скажутъ: не касайся Рима, назначь другихъ министровъ, порѣши съ возмущеніемъ, стрѣляй въ Гарибальди. А разбои не прекращаются, дефицитъ огромный. Владыка Франціи, въ виду усиливающейся демократіи, поступается властію; но поддерживаемый военною силою, онъ даетъ представленія въ Кохинхинѣ и Мексикѣ, возвращая бюджетъ до 2 милліардовъ и суетясь надъ примиреніемъ въ Китаѣ, Черногоріи и Америкѣ.

Австрія и Америка служатъ примѣромъ, какъ непрочны раціональныя связи, не укрѣпленныя продолжительнымъ временемъ, и какъ тягучи связи историческія, не смотря на ихъ національность. Америка разрушается, а Австрія стоитъ и хотя, при вынужденной конституціи, сходитъ на второй планъ, но не безъ силы, блеска и достоинства. Различныя условія мѣстностей и народностей связаны узломъ въ Вѣнѣ, двѣ половины Америки распадаются и какъ бы ни распались еще болѣе.

Прекращеніе вывоза хлопчатой бумаги имѣло, въ 1862 г., страшныя послѣдствія. Застой работы и застой капиталовъ. Они—и работа и руки—могли бы ринуться въ другую Америку, занятую теперь внутренними преобразованіями, но неудавшіяся попытки остановили ихъ. 1862 г. показалъ, что употребленіе капиталовъ въ Россіи есть дѣло риска, а водвореніе иностранныхъ работниковъ, безъ старыхъ правъ колонистовъ, есть раззореніе и гибель.

Дѣло въ томъ, что преобразованія наши совершаются такъ быстро, такъ смѣло и такъ малообдуманно, что нарушаютъ самый естественный порядокъ постепенности, самыя основныя права установившагося по-

рядка. Петербургъ, набравшись Европы, забылъ, что онъ въ Россіи, бѣдной, безлюдной и малограмотной. Кредита нѣтъ, трудъ дезорганизованъ, неудовольствіе общее. Прежде думали, что это дѣйствіе Константиновской партіи. Провалъ сдѣлало положеніе 19 Февраля. Когда отовсюду раздались жалобы, оробѣвшая виновность бросилась на выкупъ, и выкупается всевозможными уступками: она даетъ бо́льшую свободу журналистикѣ, которой разомножилось до 12 ежедневныхъ журналовъ въ Петербургѣ; она выработываетъ обязательный выкупъ въ Россіи и повѣрочные инвентари въ Литвѣ; она обѣщаетъ самоуправленіе въ широкихъ размѣрахъ и предначертываетъ судопроизводство, которому бы позавидовали и свободный Англичанинъ, и идеалистъ Нѣмецкій. Она уступаетъ Финляндіи и Польшѣ больше, нежели совмѣстно съ цѣлостію Имперіи. Она терпитъ въ журналистикѣ выходки о національностяхъ несовмѣстныя съ достоинствомъ правильнаго управленія. Она дошла до такихъ прокламацій „Молодой Россіи“, до такихъ школъ коммунизма, до такихъ пожаровъ, наведшихъ ужасъ на цѣлую столицу въ полномъ вооруженіи, что не было сходки, гдѣ бы не разсуждали, какъ бы обезопасить себя отъ золъ, независимо отъ правительства, и не было дворянскаго собранія, гдѣ бы не раздавались рѣчи подобныя постановленію Тверскихъ посредниковъ, Подольскаго и Минскаго дворянства. Литва и Польша въ осадномъ положеніи. Правительство отмѣнило откупъ, и имя Государя благословляется въ народѣ. Вытѣснивъ капиталы изъ банковъ и распространивъ ихъ по народу, правительство (особенно послѣ займа Рейтерна) увеличило значительно налоги. Это еще болѣе ослабитъ средства добровольнаго выкупа земель; ибо, и при прежнихъ налогахъ, поступленіе налога и выкупа было болѣе нежели невѣроятно. Выкупныя свидѣтельства и теперь упали до 90% и внутри, въ губерніяхъ, отдаются по 70%. Благостояніе и личность упали также. Мы все дѣлали, теперь придется раздѣлываться.

*

Вотъ и женѣ лучше, и дѣти хороши, а я все также недѣятеленъ, скученъ, апатиченъ. Старѣю. Слѣпну. Лѣнюсь. Точно я не выросъ до новаго порядка, точно я недоволенъ видимыми улучшеніями, точно я готовъ стать въ ряды Николая Безобразова и Петра Бланка. При ослабленіи зрѣнія или подъ этимъ предлогомъ я какъ бы избѣгаю дѣятельности, какъ аматёръ получаю пакеты изъ Парижа и Лейпцига, а кругомъ дѣйствительность такъ поворачивается, формы наполняются другимъ содержаніемъ, понятія и воззрѣнія такъ обобщаются, а мнѣ и дѣла нѣтъ, точно я застрахованъ по старой описи.

Надобно что нибудь сдѣлать. Постараюсь сдѣлать.

Но дамъ отчетъ въ занятіяхъ служебныхъ. Вотъ чѣмъ я занимался.

Смѣты министерствъ. Онѣ важны потому, что въ первый разъ составляются послѣ отобранія капиталовъ и по новымъ правиламъ (22 Мая 1862 г.). Это трудъ обширный.

Лѣсной Д-тъ	приноситъ	3,305,561 р.	68 к.	требуетъ	1,748,643 р.
1-й Д-тъ	„	4,695,996 р.	17 к.	„	4,066,315 р.
2-й Д-тъ	„	7,437,813 р.	91 к.	„	2,596,170 р.
Д-тъ Сел.-Хоз.	„	66,459 р.	88 к.	„	961,812 р.
Канцелярія	ничего не приноситъ,	а требуетъ			243,814 р.
	Итого	15,505,831 р.	64 к.		9,616,754 р.

Многое могло быть сокращено: директора, у меня собиравшіеся, соглашались. Еще болѣе могло бы быть сокращено безъ ихъ согласія, но остановились на томъ, что пусть сокращаютъ Совѣтъ и контроль. Судя по прочимъ смѣтамъ и зная наше управленіе, я нахожу, что наши смѣты есть неизвинительная роскошь.

Я теперь занятъ изученіемъ смѣтъ по нашимъ министерствамъ сравнительно съ главнѣйшими Европейскими по Чернигу и книгѣ де-Нерья (менѣе дающей, нежели обѣщающей).

Оберландскія дрова—это разборъ привиллегій герцоговъ Якова и Петра, даровавшихъ „достаточное“ количество дровъ по 3 талера за сажень. Требуется снять эту сервитуду, которая гнететъ крестьянъ и лѣса, останавливаетъ частную предпріимчивость и пахнетъ средними вѣками.

Географическое Общество наше хромаетъ, и конечно теперь не до мирныхъ ученыхъ занятій посреди реформъ и лихорадочной дѣятельности. Выбранный въ ревизоры (по большинству баловъ я предсѣдатель), постараюсь указать на слабыя стороны и установить внѣшній, матеріальный порядокъ, котораго нѣтъ. Къ общему собранію отчетъ не приготовленъ, да едва-ли онъ окончится и въ Февралѣ.

Податная коммисія работаетъ усиленно. Даровавъ свободу, мы очень налегаемъ на подати. Нужны высокіе оклады. Нужно 60 мил. однихъ процентовъ по займамъ. Особенно живо разработывался вопросъ о пошлинѣ съ привознаго и акцизѣ съ туземнаго сахара. Здѣсь фискъ столкнулся съ частнымъ интересомъ, а въ этомъ интересѣ сцѣпились рафинёры и заводчики, а въ заводахъ сопоставились огневые и паровые. Для примиренія ихъ я подалъ особое мнѣніе (мотированное бюрократіей) объ отмѣнѣ акциза и пониженіи (на столько, т. е. на 60 к.) пошлины съ пуда: вмѣсто 3 р. установить 2 р. 40 к. Въ глазахъ моихъ свеклосахарное производство есть отрасль сельскаго хозяйства, и стѣсненіе ея отзовется гибелью на богатѣйшихъ областяхъ Имперіи. Думать объ увеличеніи пошлины (дающей уже болѣе 3 т. р.) или акциза

(дающаго 500 т. р.) было бы не слишкомъ раціонально, когда въ виду правительства болѣе 23 мил. съ четырехъ губерній, 44 мил. со всѣхъ югозападныхъ свекловичныхъ губерній поступаютъ въ прямыя подати и сборы, поступаютъ исправно и даже съ переборомъ смѣтнаго назначенія. И съ другой стороны, несовсѣмъ раціонально губить огневые заводы паровыми, при такомъ акцизѣ и при такомъ учетѣ. А они погибнутъ. Этого не скрываютъ ни администрація, ни паровые заводчики. Гр. Бобринскій и А. Абаза заявили это откровенно и гласно. Изъ 420 всѣхъ нашихъ заводовъ болѣе половины, почти $^2/_3$, огневыхъ, которые воздѣлываютъ обширные посѣвы и употребляютъ до 60 т. рабочихъ въ то время, какъ общія полевыя работы прекращаются. Области эти заслуживаютъ особеннаго вниманія и потому, что послѣ Крымской войны сбытъ ихъ сельскихъ произведеній въ большомъ застоѣ, водочный акцизъ возвысился, банкрутства въ огромныхъ размѣрахъ, и политическое броженіе вздорожило работы, которымъ предстоитъ еще рядъ работъ по желѣзнымъ дорогамъ, непремѣнно тамъ ожидаемымъ.

Экое громовое извѣстіе! Въ Польшѣ Варѳоломеева ночь: Русскихъ рѣжутъ, казармы поджигаютъ, желѣзныя дороги срыты, телеграфы повреждены. Государь сегодня объявилъ объ этомъ войску. Я какъ будто испугался. Вникнемъ въ дѣло. Что такое?

Пятый день, все тѣже вѣсти, ничего не поймешь. Только и слышишь: возстаніе, только и читаешь: бунтовщики, шайки. Всѣ журналы, даже le Nord изъ Парижа (корреспонденція изъ Варшавы отъ 18 6 Января) говорили и говорятъ о сборищахъ, о прокламаціяхъ Центральнаго Комитета, о посягательствахъ на лица и на селенія; а мы задались милостями и льготами, безпрестанно прощаемъ старыхъ изгнанниковъ, хватаемъ отдѣльныя личности, открываемъ какіе-то листы, публикуя, что нашли на слѣдъ, огласили тайные статуты, дѣлаемъ пріемы и выходы съ манифестаціями, щеголяемъ публичностію суда, вызываемъ кичливую болтовню адвокатовъ, и вдругъ возстаніе, незапное, врасплохъ, набатъ, рѣжутъ, жгутъ, Варѳоломеева ночь, Сицилійскія вечерни... Да что же это за правительство? Такъ Полыни не удержать, а въ такомъ случаѣ нечего отдавать на убой несчастныхъ солдатъ.

Великій Князь Константинъ помѣшался на внѣшней популярности и ложномъ либерализмѣ. Таже спѣшность, таже путаница. Обуреваемый уновленіями и доведенный льстецами до мечты о своей геніальности, тотъ же безпорядокъ, который введенъ во флотѣ, онъ ввелъ и въ Царство. Что удалось на пустынныхъ берегахъ приморья и въ полудикомъ населеніи Имперіи, не удалось и не могло удасться въ народѣ Европейскомъ, въ странѣ, переполненной политическими происками партій. На роду этому человѣку написана неудача. Неудача потому что въ

немъ нѣтъ самоотчужденія отъ преобладанія личности, потому что нѣтъ искренней любви къ правдѣ и закону, а главное потому, что братъ Государя дѣйствуетъ безотвѣтно.

Погожу, не прояснится-ли что нибудь въ этомъ непонятномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе непонятномъ, что эмиграція не скрывала своихъ намѣреній, и даже у насъ подземная пресса такъ работала, что земля дрожала.

Полковникъ Петръ Семен. Лебедевъ, бывшій профессоръ Академіи и редакторъ „Инвалида", долженъ былъ оставить эти мѣста не совсѣмъ почетно—и принялся за ученые труды и за литературу. Не имѣя точныхъ началъ, г. Лебедевъ не пользовался прочною репутаціею, и многіе называли его военнымъ Булгаринымъ, отдавая впрочемъ справедливость и разнообразнымъ его познаніямъ, конечно неглубокимъ, и дару слова, съ которымъ онъ могъ говорить часъ и часы о всякомъ ничтожномъ предметѣ. Чтобы составить себѣ положеніе, онъ бросился въ либерализмъ, въ оппозицію. Для людей съ неопредѣленными началами средина также свойственна, какъ и крайности. Онъ началъ тѣмъ, что открылъ въ Московскомъ Сенатѣ залу депутатовъ, мастерское произведеніе и монументальное помѣщеніе коммисіи 1766 г., отданное начальствомъ на складку провіанта и потомъ для старыхъ дѣлъ. Здѣсь, въ архивахъ и въ топографическомъ депо, г. Лебедевъ отыскалъ матеріалы, разработкою которыхъ онъ и занялся для выраженія своихъ либеральныхъ воззрѣній. Послѣ нѣсколькихъ статеекъ о стрѣлковыхъ батальонахъ (кажется) при Екатеринѣ, онъ напечаталъ въ „Отечест. Запискахъ" довольно большую статью, вышедшую и отдѣльною книгою: „Графы Никита и Петръ Панины". Имена эти громки въ нашей исторіи и въ нашемъ обществѣ, и г. Лебедевъ сокрушаетъ этихъ идоловъ съ ревностію фанатика исторической истины. Расшитая и разбитная книга эта замѣчательна не этимъ фанатизмомъ, къ которому современность сдѣлала насъ довольно терпимыми, а замѣчательна она тѣмъ, что ее писалъ профессоръ. Что же напишетъ и чего не напишетъ ученикъ этого профессора, когда самъ учитель личныя воззрѣнія принимаетъ за исходное начало, догадки за доказательства и отрывки и выдержки за актъ обвиненія. Замѣчательна книга и тѣмъ, что цензура снизошла къ ней, пропустивъ разсужденія весьма незастѣнчивыя и дозволивъ напечатать акты довольно недавней эпохи (1799 г.), акты, полные интереса и заставляющіе читать плохой трудъ съ большимъ увлеченіемъ.

Желалъ бы я знать что думаетъ объ этомъ внукъ гр. В. Н. Панинъ, и неужели фамилія оставитъ распространеніе такого позорнаго сочиненія безъ опроверженія. Я думаю, дѣло критики и литературы, независимо отъ фамильныхъ соображеній, указать писателю его мѣсто и возстановить достоинство истины.

Къ усиленнымъ занятіямъ моимъ по службѣ прибавились занятія по Географическому Обществу. Ревизіонная коммисія представляетъ много затрудненій, и я едва-ли буду въ состояніи что нибудь выработать. А выработать есть что. Какъ всегда и все въ Россіи, Общество имѣло съ начала своего учрежденія эпоху процвѣтанія, дѣятельности напряженной и обширной, сочуствія общаго, покровительства отъ правительства весьма щедраго. Теперь все это прекратилось или прекращается: изъ членовъ одни лѣнятся, а другіе фантазируютъ. Участіе охладѣло. Покровительство устало. Дѣятельность замялась. Довольно постоянно выдерживаютъ два элемента: Нѣмцы и чиновники. Изъ любителей, преданныхъ изученію, едва-ли не остановишься на Веселовскомъ, Далѣ, Ханыковѣ и Семеновѣ. Если присоединить къ нимъ Данилевскаго и Безобразова, то едва-ли не изчерпанъ будетъ весь запасъ нашихъ туземныхъ изслѣдователей. Я не говорю о Кеппенѣ и Бэрѣ. Они Нѣмцы и работаютъ какъ академики. Я не говорю о Заблоцкомъ, Гр. Павл. Небольсинѣ, Евг. Ламанскомъ, Срезневскомъ: они работали, доколѣ работали, какъ чиновники. Безъ Нѣмцевъ у насъ не было бы ни одной экспедиціи. Гофманъ, Гельмерсенъ, Шварцъ, Радде, Шмидтъ и многіе другіе. Безъ чиновниковъ у насъ не было бы и карты (Россіи), о которой такъ много и уже слишкомъ много восхваленій, вовсе незаслуженныхъ. Двѣ экспедиціи, Илійская и Харасинская произведены Русскими, но онѣ—произведенныя тоже съ помощію Нѣмцевъ—до сихъ поръ не изданы. Лучшее изданіе Общества, Словарь, начатъ и обезпеченъ Кеппеномъ. Я сомнѣваюсь въ счастливомъ его исходѣ, если не будетъ работать Нѣмецъ или не введется чиновничья рутина по найму. Со своей стороны я постараюсь изложить въ донесеніи ревизіонной коммисіи всѣ *мною* замѣчаемые недостатки: и равнодушіе членовъ, и запущеніе матеріаловъ (о внутренней торговлѣ, объ этнографическихъ описаніяхъ инородцевъ, о памятникахъ языка, о картахъ Ханыкова), о недостаткѣ средствъ по невыгодности изданій, о неисполнительности задачъ на преміи, объ отсутствіи порядка матеріальнаго.

Но не должно забывать, что это общество ученое, хотя въ Россіи, и потому не-русское.

Польское дѣло разыгрывается страшнымъ образомъ; но я вижу въ немъ не Польшу, а Европу, не мѣстныя и личныя страсти, а проявленіе того начала, которое давно работаетъ въ нѣдрахъ Европейскаго общества. Демократія, павперизмъ, соціализмъ, республика, коммунизмъ, далѣе раціонализмъ (называйте, какъ хотите), это рабы и шайки Катилины Римскаго міра. Какъ ни больно сердцу за несчастныя жертвы, какъ ни грустно встрѣчать сочувствіе къ этимъ ужаснымъ сценамъ убійствъ и грабительствъ, въ нашей журналистикѣ въ убѣжденіи мно-

гихъ, невольно подчиняющихся вліянію доктрины, но мнѣ еще больнѣе тотъ страхъ, который охватываетъ сердце при мысли о нашихъ правителяхъ и о равнодушіи, съ которымъ трактуются судьбы великой Имперіи. Земля чуетъ слабаго сѣдока и готова стряхнуться. Въ XVIII вѣкѣ господствовали теорія и наука, въ наше время—доктрины и журналистика. Да, міръ идетъ впередъ. Элементы развиваются. И потомъ (конецъ концовъ) вѣдь надобно же покончить съ Польшею. Съ того времени какъ журналистика начала разбирать и отстаивать Русскую національность въ западныхъ губерніяхъ (и даже „Сѣверная Почта"), я полагаю, что въ общественномъ мнѣніи отдѣленіе Польши уже рѣшено, и вопросъ состоитъ только въ степени отдѣленія или самостоятельности. Раціонализмъ, а онъ теперь господинъ, говоритъ, что самостоятельность полная, свое управленіе, свои финансы, свое войско. Далеко-ли и до своей династіи? Тьеръ, въ 1848 г., сказалъ, что „раздѣлъ дѣло дурное, но виданное, а возстановленіе—дѣло прекрасное, но невиданное". Тьеръ обманывалъ и обманывался, говорятъ панслависты. Великій князь ускоряетъ отдѣленіе. Но исторія такъ легко не раздѣлывается. Да и самый вопросъ, удержимъ-ли мы Польшу или нѣтъ, есть уже рѣшеніе дѣла. То уже плохое право, которое требуетъ защиты и доказательствъ.

Много шуму надѣлали: статья Мазада въ Revue de deux Mondes. „Deux Polonais de notre temps (Велопольскій и гр. Андр. Замойскій) и статья министра князя Горчакова въ „Journal de St.-Pétersbourg". „La légalité nous tue", всѣми порицаемая. Она напечатана во вчерашнемъ № и вѣрно попадетъ на зубы журналистикѣ, такъ дурно организованной *).

Народъ пьетъ болѣе нежели исправно. По увѣренію всѣхъ винà въ Январѣ продано болѣе нежели при откупѣ, по крайней мѣрѣ болѣе нежели расчитывали и предполагали. Пьяныхъ видишь на каждомъ шагу и—черта замѣчательная—идетъ одинъ, идутъ двое, хвалятъ Царя: „дай Богъ ему подольше пожить, хорошій Государь: съ нимъ народу, какъ у Христа за пазухой, и волю далъ, на, поди, и дешевку далъ и бить не велитъ" и т. п. Я самъ былъ свидѣтелемъ этихъ сценъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ этой волей и съ этой дешевкой гораздо менѣе порядка, чистоты и приличія. Обыкновенныя ругательства раздаются среди дня, середи улицы. И избѣгая всякаго столкновенія, всякой тѣсноты, невольно получишь толчекъ отъ расшатавшихся гулякъ и вольныхъ ходаковъ, даже солдатовъ, даже на Невскомъ Проспектѣ, полномъ гене-

*) Перепечатаны объ статьи въ Le Nord 20 Февр. № 51., но (неосновательное) слово catholique въ „С.-Пб. Вѣдомостяхъ" замѣнено другимъ: fanatique.

раловъ и офицеровъ. Особенно затруднительно положеніе женщины. Надобно надѣяться, что съ большею свободою выработается общественное мнѣніе, приличіе, тактъ. Иначе разнузданность дойдетъ до необузданности.

Разсмотрѣніе смѣтъ нашего бюджета идетъ полнымъ разваломъ. Сообщенныя государственнымъ контролеромъ замѣчанія и соображенія министра финансовъ грозятъ огромными сокращеніями. Этого слѣдовало ожидать. Иной цѣли и быть не могло, и огромныя цифры, которыя выставили министры, лишившись капиталовъ экономическихъ, должны были вызвать стремленіе къ сокращеніямъ. Но я думаю, что бюджетная реформа далеко не достигнетъ своей цѣли, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Отобранные капиталы израсходуются скоро, а принятые на ихъ счетъ казначействомъ расходы останутся на немъ постоянно, и тяжесть ихъ скоро будетъ невыносима. Прежде, интересъ вѣдомствъ требовалъ бережливости, и потому кромѣ постоянныхъ источниковъ бережливый министръ, какъ графъ Киселевъ, накопилъ капиталы, которыхъ одни проценты давали жизнь цѣлымъ отраслямъ. Теперь источники экономическихъ капиталовъ перешли въ казначейство, а накопленіе ихъ сдѣлалось невозможнымъ Теоретически реформа права, но практически она гораздо невыгоднѣе и для казначейства и для управленій, и особенно невыгодна тѣмъ, что въ развивающемся организмѣ вводитъ такія стѣсненія въ свободѣ дѣйствій, при которыхъ остается искать надежды и огражденій въ одномъ формализмѣ. Онъ вреденъ даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ организмъ этотъ окрѣпъ. Татариновъ прельстился точностію счетовъ въ Бельгіи и даже ея предварительнымъ контролемъ. Всѣ мы сочувствовали ему, имѣя передъ глазами расточительныхъ распорядителей, какъ Муравьевъ и военные наши правители. Бюджетъ 1863 г. выросъ, по случаю реформы, на 20 милл. р.

Я работаю теперь по бюджету нашего министерства съ моимъ министромъ Зеленымъ и—Боже мой!—какъ ожидать, чтобы дѣла шли хорошо, когда и толкуешь, толкуешь, не втолкуешь этимъ господамъ, что, какъ и гдѣ. Кромѣ того, что въ нихъ нѣтъ никакого знанія, что въ нихъ нѣтъ ни любви, ни прилежанія къ дѣлу, въ нихъ нѣтъ и никакой выдержки. Вся ихъ забота, вся ихъ работа и все ихъ значеніе и могущество, это фавёръ, минутныя его минуты и ихъ минутныя уловленія. Ну можно-ли служить въ настоящее время при такихъ условіяхъ!

О Польшѣ—ничего. Частныя схватки, мелкія побѣды, безъ жалости къ числу убитыхъ и раненыхъ непріятелей; а между тѣмъ и въ Ковнѣ, и въ Гроднѣ, и въ Вильнѣ, и въ Кіевѣ военное положеніе, а между тѣмъ и Фелинскій предлагаетъ (и принято) и Велопольскій настаиваетъ

(и одобрено); да, но въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же тутъ порядокъ, откровенность и послѣдовательность? Теперь-ли думать о національныхъ требованіяхъ, о гражданскихъ гарантіяхъ и строгой обрядности?

Да, это грустно; но должно сознаться, что для счастья, по нашему строю необходимъ порокъ или такъ называемый порокъ, и что дуренъ думкой богатѣетъ. Да, но матеріализмъ (другими словами, соціализмъ) беретъ свое. И возьметъ свое. Онъ ужасенъ, но онъ логиченъ и тѣмъ обольщаетъ умы благородные и чувства великодушныя. Странныя у насъ крайности въ уновленіяхъ: то какой-то Азіатскій деспотизмъ, то Европейскія фантазіи.

Польскія дѣла вступаютъ въ новый періодъ. Въ нихъ вступаетъ дипломатія. Говорятъ. Великій Князь требуетъ конституціи. Говорятъ, и Государь согласенъ. Въ парламентахъ національность и свобода вездѣ встрѣчаютъ сочувствіе, какъ тамъ, гдѣ свобода есть, такъ и тамъ гдѣ ея нѣтъ. Конституція вытѣснитъ Россію изъ Польши. Она вызоветъ конституцію и у насъ. Я все болѣе и болѣе вижу и предвижу раздраженіе умовъ и страстей. Все дѣлается вопросомъ, никому неловко; иной хочетъ, другой ожидаетъ быть большимъ. Воображеніе же у всѣхъ болитъ. Умъ постепенно заражается колебаніями. Убѣжденія шатки и по превратности, и по новости положенія, и по искренней неувѣренности.

Противъ обыкновенія иностранная цензура пропустила (le Nord. 1 Mars) слѣдующую фразу:... Aux sentimens humanitaires de l'Europe viennent s'en joindre d'autres, auxquels les réclamations en faveur de la Pologne empruntent une valeur toute particulière: *ce sont les sentimens unanimes de la nation russe*, qui est lasse de se voir insultée chaque jour à l'étranger, de se voir attribuer un caractère opresseur contre lequel protestent tous ses sentimens les plus libéraux et les plus généreux, se s'entendre en fin reprocher *un état de choses, dont elle ne peut ni ne veut plus être rendue responsable*".

Если дозволеніе такого протеста и объясненія не есть знаменіе времени и невнимательность, то я не знаю, куда идетъ и придетъ правительство, допу́стившее настоящее состояніе Царства, за которое нація отказывается раздѣлять съ нимъ отвѣтственность.

Если бы я не удивлялся всѣмъ незрѣлымъ преобразованіямъ нашимъ, то причину этому я бы нашелъ въ понятіяхъ моихъ о нашемъ Государственномъ Совѣтѣ. Дряхлое это учрежденіе, обветшалая его организація, канцелярская его обстановка до того плохи, несамостоятельны, что оробѣвшее сословіе это неспособно ни къ серьезной оппозиціи, ни къ зрѣлой инціативѣ. Уновленія, самыя смѣлыя, самыя непрактичныя, идутъ и проходятъ скоро и гладко. Несостоятельность

Совѣта особенно явилась при разсмотрѣніи финансовыхъ смѣтъ на 1863 г. по новымъ формамъ. Я говорилъ объ этомъ съ нѣкоторыми членами Совѣта и получилъ то убѣжденіе, что они вовсе не понимаютъ въ чемъ дѣло. Канцелярія дѣлаетъ съ ними что хочетъ. Кажется, преобразованіе Совѣта должно бы быть сдѣлано прежде всѣхъ преобразованій. Желаю, чтобы ни Россія, ни Государь въ томъ не раскаялись.

Ну наконецъ я покончилъ съ Географическимъ Обществомъ, и на дняхъ мы подпишемъ наше донесеніе Обществу о ревизіи дѣйствій за 1862 годъ.

Главный недостатокъ, который я замѣчаю въ ходѣ дѣлъ Общества, это недостатокъ дѣятельности, энергіи, участія и слабость Русскаго элемента. Работаютъ Дерптскіе ученые за деньги, и только. Лѣнивый не выбирается въ члены. Ихъ дѣйствительныхъ около 500, сотрудниковъ столько же, а работъ нѣтъ. Эти члены и рѣдко ходятъ, совсѣмъ не ходятъ и денегъ не платятъ. Выберутъ ихъ въ коммиссію, они примутъ выборъ, а къ дѣлу не явятся. Мы, ревизіонная коммисія, сбирались три раза, и три раза были только я, Княжевичъ и Ивашинцовъ. Въ каждомъ отчетѣ множество похвалъ и обѣщаній, а расхваленныя предпріятія—этнографическіе матеріалы, памятники языка, инородцы, Мордва, статистическій атласъ, обозрѣніе внутренней торговли, путешествія Семенова и Ханыкова и др.—предпріятія эти не исполняются. Это бездѣйствіе и эта безпечность имѣли гибельное вліяніе на общественныя дѣла во всѣхъ отношеніяхъ: въ матеріальномъ—членскіе взносы все уменьшаются. Когда-то они доходили до 4000 р. Сбытъ изданій, доходившій до 3500 р., упадаетъ и теперь значится менѣе половины (за исключеніемъ карты, 1862 г.), а библіотека завалена старыми и новыми, особенно роскошными, никому ненужными атласами. О прежнихъ пожертвованіяхъ, при которыхъ обороты доходили до 125 т. р. въ годъ, теперь и помину нѣтъ. Вся надежда на 10 т. р. даваемыхъ правительствомъ. Но что всего грустнѣе, это то, что участіе публики охлаждается замѣтно и постепенно. Когда-то присылались рукописи тысячами, потомъ сотнями, а теперь десятками. Этого мало: и правительство вынуждено смотрѣть на общество подозрительно. Устроивъ политико-экономическій комитетъ и думая о какихъ-то соціальныхъ, этнографо-статистическихъ, бытовыхъ экспедиціяхъ, Общество готово было перенести въ свой комитетъ всѣ текущіе вопросы управленія и политики и задаться программами Риля, чтобы выработать Русскую физіологику. Правительство заставило его закрыть этотъ комитетъ, и онъ закрылся, окончившись комическою страницею отчета, прочитанною секретаремъ, напечатанною въ двухъ доставленныхъ мнѣ оттискахъ, но изъ розданнаго всѣмъ отчета выпущенною. Если Общество пойдетъ такъ, оно выродится и

сдѣлается безплоднымъ. Это была руководящая моя мысль, и это старался я выразить въ предложеніи о пересмотрѣ устава, въ усиленіи средствъ продажею залежавшихся изданій и въ изданіи сочиненій, которыя давно обѣщаны, на которыя употреблены частныя и казенныя деньги. Я сожалѣю, что не выразилъ довольно безпечное веденіе дѣлъ матеріальныхъ и довольно мечтательное веденіе дѣлъ ученыхъ. Я боялся и недовѣрія моихъ сочленовъ, и неудовольствія нынѣ дѣйствующихъ лицъ*). Изъ послѣднихъ всего менѣе отвѣчаютъ своему назначенію: вице-предсѣдатель Литке, не отличающійся гуманностію, и секретарь Безобразовъ, отличающійся гуманною суетливостію. Въ изученіи этого дѣла мнѣ очень много помогли мой сборникъ отчетовъ съ 1847 по 1862 включительно и обозрѣніе всѣхъ изданій Общества, какія у меня были подъ руками. Сочлены мои конечно не могли такъ вооружиться, и потому аматёръ явился между ними сильнѣйшимъ представителемъ.

Человѣкъ весьма часто и не подозрѣваетъ и не понимаетъ, что онъ есть механическое, непроизвольное орудіе дѣйствій въ сферѣ самыхъ нравственныхъ и отвлеченныхъ отправленій. Поэтому физическое здоровье, плотность населенія, педагогическую выдержку я считаю существеннѣйшими условіями всякой человѣческой организаціи: семейства, общины и государства.

Изъ Польши нѣтъ ничего опредѣленнаго. Слышны шайки, отряды, прокламаціи тайнаго верховнаго комитета. Шутя и не шутя говорятъ, что Велопольскій не отыщетъ этого комитета, по той простой причинѣ, что комитетъ засѣдаетъ у него и подъ его предсѣдательствомъ. Но вѣдь надобно что̀ нибудь сдѣлать, когда прекратятся эти схватки шаекъ. Дать конституцію? Это будетъ новая война. Отдѣлить отъ Имперіи? Но Царство потребуетъ границъ по Днѣпръ. И чего хотятъ Велопольскій и Замойскій, два претендента на первенствующую роль въ Русской Польшѣ? Возстановленія? Оно рѣшительно невозможно. Это значило бы идти назадъ, за 1772 годъ. Исторія не воротится. Прошедшаго не воротишь уже и потому, что его нѣтъ. Самые благонамѣренные виды Государя въ этомъ смыслѣ (какъ ласкаютъ слухъ его Русскіе и Польскіе Славянофилы) были противны благу Россіи, спокойствію Европы и твердости всего Славянскаго міра. Славянофилы это доктринёры. Въ нихъ много тягучести, потому что ихъ ученіе обнимаетъ будущее и потому что неопредѣленное тяни сколько хочешь. Практическое у нихъ то, что̀ принадлежитъ всѣмъ: это уваженіе національности, и только,

*) Особенно жалѣю, что не настоялъ на указаніи двухъ явленій: 1, безуспѣшность въ усвоеніи лучшихъ статистическихъ пріемовъ и 2, безуспѣшность всѣхъ задачъ Общества. И въ томъ и въ другомъ оно виновато.

уваженіе языка, вѣры и обычаевъ. Мечтать о какой-то конфедераціи значитъ вызывать перевороты, народную мстительность и войну партій.

Настоящія затрудненія истекаютъ изъ порядка вещей, установленнаго императоромъ Николаемъ. Отмѣнивъ конституцію, онъ 25 лѣтъ угнеталъ и въ глаза осмѣивалъ несчастную націю. Нація замолкла, и лучшіе ея представители или удалились въ свои помѣстья, или эмигрировали. Эмиграція нашла пропаганду; населеніе Царства отказывало правительству во всякомъ содѣйствіи и терпѣло его какъ непріятельское вооруженное занятіе. Эмиграція занялась организаціей и соединилась съ другими ей подобными: она писала, читала лекціи и печатала свои увлеченія, покровительствуемая журналистикой, оппозиціей и симпатіей всѣхъ, къ несчастію націи. Лекціи Мицкевича и курсъ военныхъ наукъ Мирославскаго воспаляли національное чувство. Правительство совершенно отворотилось отъ высшихъ и образованныхъ сословій и заботилось о крестьянинѣ: ему нужно было имѣть за себя массу. Свободная по кодексу Наполеона масса эта была еще крѣпка помѣщику, и правительство привязывало ее къ себѣ обѣщаніемъ свободы, а помѣщиковъ держало устрашеніемъ повторенія Галиційской рѣзни. И тѣ и другіе молчали. Суетилось и волновалось среднее сословіе, горожане. На него-то особенно начала дѣйствовать эмиграція, земство съ правительствомъ, города съ революціей. Дворянство стояло уединенно. Отъ него отдѣлилось и духовенство. Здѣсь появляются на сценѣ маркизъ Велопольскій и гр. Андрей Замойскій. Умеръ Императоръ, умеръ фельдмаршалъ Паскевичъ, и начались счеты и расчеты ихъ непредусмотрительнаго, самоувѣреннаго управленія. Продолжалъ его князь Горчаковъ, ни на что неспособный и полуразвалившійся старецъ. Велопольскій примкнулъ къ правительству, надъ которымъ имѣлъ огромное преимущество: Замойскій организовалъ земское общество, получившее авторитетъ національнаго правительства. Съ нимъ, не оставляя эмиграціи, соединились горожане (Варшавцы). Велопольскій обратился къ крестьянамъ и вырабатывалъ законъ объ очиншеваніи. Правительству угрожало остаться одному. И духовенство отъ него удалилось. Здѣсь начинаются тѣ событія, которыя совершились передъ нашими глазами. Прежде виновато было военное управленіе, оскорблявшее и народность, и законность; теперь начинается правленіе слабое, желающее искупить вину снисхожденіемъ и льготами. Революція обняла всѣхъ горожанъ. Тайныя прокламаціи, тайная организація комитетовъ и арміи адептовъ. А правительство уступало все болѣе и болѣе. Правители смѣнялись помѣсячно. Лидерсъ, Сухозанетъ, графъ Ламбертъ; ни одного порядочнаго имени, на которомъ бы остановилось общественное довѣріе. Земское общество закрылось, и національные потоки сосредоточились въ революціи.

Очиншеваніе обнародовано, Велопольскій и съ нимъ Польская администрація обезсилили и Русскую полицію, и Русское войско. Правительство осталось на мели. Тогда-то начала̀ открыто дѣйствовать революція, и Велопольскій придумалъ двѣ мѣры, чтобы удержать національные потоки отъ соединенія съ нею: онъ изгналъ гр. Замойскаго *), лишивъ земство любимаго своего представителя, и устроилъ рекрутскій наборъ, чрезъ который онъ полагалъ всѣхъ буйныхъ горожанъ изгнать въ отдаленныя мѣста Россіи. Справившись съ правительствомъ, Велопольскій хотѣлъ справиться и съ революціей. Онъ ошибся. Вспыхнулъ бунтъ. Эмиграція имъ воспользовалась и стекается со всѣхъ концовъ Европы. Духовенство перешло къ ней и увлекаетъ за собою дворянство и шляхту. Велопольскій ошибся главнѣйше въ томъ, что считалъ сильнѣйшимъ врагомъ правительство, а не революцію, и ослабивъ его слишкомъ и прежде времени, оставилъ революціи свободное поле, не взвѣсивъ, что нынѣ никакая революція невозможна иначе какъ въ смыслѣ соціальномъ. Жалкая роль выпала на долю Россіи и Великаго Князя. Я того мнѣнія, что мы уступать не должны. Но я не могу дать себѣ отчета, какимъ образомъ устроить Русское правительство послѣ всѣхъ уступокъ и послѣ того какъ управленіе Велопольскаго восторжествуетъ надъ революціей.

*

Дефицитъ оказывается значительный, но непреодолимый. Въ расходахъ большую роль играетъ контрольная реформа о единствѣ кассъ, а въ доходахъ не значатся займы; при томъ же послѣдніе, доходы, показаны въ обратномъ противъ расходовъ содержаніи, т. е. въ уменьшенномъ размѣрѣ. Не показано точно о возвышеніи податей и ожиданіи возвышенія по многимъ сборамъ.

Вообще, какъ первый опытъ, финансовыя смѣты представляютъ довольно грубый первобытный матеріалъ, въ которомъ ухищрительно вращается ловкій столоначальникъ, доказывая необходимость тѣхъ расходовъ, которые производила широкая рука какого-нибудь Муравьева, Головнина и Великаго Князя-адмирала изъ *своихъ* суммъ, изъ *особенныхъ* капиталовъ, изъ *спеціальныхъ* назначеній. Но не эта любопытная дѣятельность столоначальниковъ занимаетъ меня, сторонняго наблюдателя. Меня занимаетъ, какъ другіе столоначальники, государ. секретарь Бутковъ и его сотрудникъ Заблоцкій, исполненные желчи и личныхъ измѣщеній, обработываютъ этихъ, такъ называемыхъ, молодыхъ министровъ и какъ эти министры думаютъ торжествовать, задаваясь гнѣ-

*) К. Н. Лебедевъ не зналъ, что графъ Замойскій долженъ былъ покинуть Польское Царство по личному приказанію Государя, послѣ того какъ онъ позволилъ себѣ, въ личной бесѣдѣ, въ Петербургѣ, предъявлять Польскія права не только на Кіевъ, но даже и на Одессу, такъ какъ-де Польшѣ нельзя оставаться безъ моря. П. Б.

вомъ на новаго государственнаго контролера (Татаринова) и отыгрываясь фразами и пафосомъ противъ напористыхъ замѣчаній государственной канцеляріи. Дѣло доходитъ до брани, до ругательствъ. Канцелярія дѣйствительно командуетъ Совѣтомъ и министромъ, какъ Краббе (буфонъ), Головнинъ (рѣдкая даровитость), Зеленый (ничтожество), Мельниковъ и Замятнинъ (лёжни) и Валуевъ (красноглаголивый красавецъ). Неимѣющимъ никакого сочувствія въ средѣ сочленовъ Совѣта, или младенствующимъ старцамъ, или отставленнымъ предшественникамъ, или непризваннымъ вовремя преемникамъ, дѣйствительно приходится жутко. Они, и при помощи своихъ дѣльцовъ и литераторовъ, вертятся какъ чёрти передъ заутреней. Достаточно прочесть объясненія Краббе, Зеленаго, Головнина, Мельникова, чтобы посмѣяться какъ *недоразумѣнія* Буткова и Заблоцкаго (или ихъ необнаруженный умыселъ) заставляютъ плясать по своей дудкѣ людей, вовсе не учившихся плясамъ. Дѣло въ томъ, что это недоразумѣніе или этотъ умыселъ можетъ обойтись Имперіи очень дорого, и потому-то я записываю эту страницу.

Государственная канцелярія смѣшиваетъ два предмета: себя и смѣты. Себя она считаетъ парламентомъ, смѣты она принимаетъ за отчеты управленія. Дурнаго тутъ ничего нѣтъ, такъ какъ у насъ нѣтъ парламента и нѣтъ отчетовъ, а и то и другое очень нужны: но дурно здѣсь то, что составъ Совѣта вовсе не отвѣчаетъ этому требованію и хотя выборъ статсъ-секретарей и ихъ помощниковъ дѣлаетъ честь начальству, тѣмъ не менѣе однако, во всѣхъ замѣчаніяхъ и разсужденіяхъ этихъ господъ просвѣчиваютъ то желчь, то натянутость, то упорство и даже мстительность. Личность и парламентъ несовмѣстны. Это можетъ уронить честь управленія. Пройди смѣта путей сообщенія какъ обставилъ ее Заблоцкій, Мельниковъ потеряетъ и послѣдній вѣсъ въ своемъ вѣдомствѣ. Мельниковъ и Рейтернъ, довольные своимъ положеніемъ, помалчиваютъ, думая: пусть себѣ хорохорятся, мы сидимъ и надѣемся посидѣть и усидѣть. Головнинъ и Зеленый, уже слишкомъ довольные, не спускаютъ, а отгрызываются, думая: если бы мы и оставили мѣста — а мы ихъ не оставимъ—такъ что же? Мы не безъ средствъ. Особенно Головнинъ. Передъ вступленіемъ въ министерство онъ получилъ акціями пароходства и торговли 100 т. и можетъ расчитывать на 17 т. р. Получилъ онъ это за труды по преуспѣянію Общества, а оно правительству дивиденда не платитъ, существуетъ его пособіями и номинальною платою, и акціи его представляютъ 60 к. на рубль. Это все еще ничего. Вступая въ м-во, этотъ господинъ началъ раздавать мѣста, либеральничать и сорить деньгами. Въ мѣстахъ недостатка бы не было, если бы камарадерія не дѣлала выбора затруднительнымъ. Либеральничать онъ могъ свободно въ „С.-Пбургск. Вѣдомостяхъ“ и теперь въ

„Голосѣ“, не оставляя кольнуть Валуева (къ чести его должно сказать, что лежачихъ, Норова, Ковалевскаго и Путятина, онъ въ *журналахъ* не бьетъ; онъ бьетъ ихъ въ тихомолку, въ объясненіяхъ Государственному Совѣту). Въ деньгахъ недостатка нѣтъ. Онъ выпросилъ кредитъ, по неотложной надобности, въ 500 т. р. Это *вдвое* противъ Муравьева. И тутъ-то начинается, чѣмъ Татариновъ долженъ былъ бы завершить, закончить дѣло. Но я забылъ сказать, что при вступленіи въ м-во безкорыстный Головнинъ отказался отъ министерской квартиры, отдавъ ее подъ VI-ю гимназію и тѣмъ взваливъ на казначейство до 20 т. р. расходовъ. Въ замѣнъ *всѣхъ этихъ лишеній* Рейтернъ исходатайствовалъ ему Наполеоновское содержаніе, 21 т. р. Хорошо. Но Наполеонъ, покупая талантъ, покупалъ и совѣсть (министры его безотвѣтны); а Головнинъ могъ-ли спекулировать на эту статью? Едва-ли. Мы до этого не дошли. Какъ Головнинъ соритъ деньгами, это видно изъ употребленія чрезвычайныхъ кредитовъ. Въ 1862 г. онъ испросилъ кредитъ въ 56 т. р. на ученыя предпріятія, пособія и предпріятія. Въ 1863 г. онъ внесъ этотъ кредитъ въ смѣту. Но тутъ является контролёръ Татариновъ и просмотрѣлъ счеты. Что же оказалось? По 8 Декабря израсходовано 51,461 р. 64 к. „на пособія чиновникамъ д-та, канцеляріи и лицамъ, служащимъ при учебныхъ заведеніяхъ, на канцелярскіе расходы и на разные расходы“. Есть конечно и ученыя предпріятія. Такъ эти господа сорятъ государственными деньгами. Невольно скажешь спасибо Валер. Алексѣев. Татаринову за проведенную имъ контрольную реформу, и старику графу Гурьеву, поддержавшему эту реформу. Татариновъ велъ дѣло упорно и ловко. Ему же обязанъ и основательнымъ разборомъ бюджетъ 1863, потому что министръ финансовъ и д-тъ экономіи только повторяютъ его соображенія, прибавляя отъ себя или общія замѣчанія или мѣстныя казначейскія свѣдѣнія.

Скоро Дмитрію моему, Митѣ моему, исполнится 8 лѣтъ. Онъ еще на женской половинѣ, у матери и гувернантки. Пора бы ко мнѣ, но боюсь. Покойный Саша по 5-му году спалъ уже въ моемъ кабинетѣ. Предразсудокъ несчастнаго опыта меня отталкиваетъ. Ребенокъ очень деликатнаго здоровья, и я не прочь укрѣпить въ живомъ его характерѣ элементъ женственности. Сравнительно со мною, развитіе и ученіе его немного поотстали, но они не запущены, и въ свое время (однако не ранѣе года) систематическое образованіе можетъ быть начато свободно. Онъ будетъ подготовленъ. При впечатлительности и раздражительности его, я принялъ безусловнымъ правиломъ дѣйствовать на него мягкостью, любовью, убѣжденіемъ сердца. Я не думаю, чтобы слабость, самолюбіе отца могли идти далѣе. Я долженъ отдать справедливость прекрасному ребенку: онъ отвѣчаетъ любви нашей, и я не знаю, чего нельзя сдѣлать

изъ этого воска, размягченнаго дыханіемъ нашей нѣжной заботливости. Общій любимецъ всѣхъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, онъ очень далекъ отъ того, чтобы быть баловнемъ, и если иногда покапризится („насупится, похныкаетъ, поплачетъ, покричитъ“—техническіе термины), то развѣ отъ самолюбія, главнѣйшаго недостатка моихъ дѣтей, или забидитъ сестру, кроткую и благоразумную красавицу Тату, которую онъ любитъ какъ своего двойника. Все это не мѣшаетъ ему быть послушнымъ, исполнительнымъ и любезнымъ. Онъ пишетъ, читаетъ по русски и французски, болтаетъ съ своей Щвейцаркой Olympe Sonner, играетъ, ловокъ въ мячикъ и воланъ, поетъ до 20 романсовъ, прилеженъ, любознателенъ и уменъ. Большихъ способностей, глубокости и упорства въ трудѣ я не ожидаю. Мы благодаримъ Бога за дарованіе намъ прекрасныхъ дѣтей, составляющихъ наше счастіе.

*

Прусскій король опять придумалъ праздники и установилъ новую медаль: въ воспоминаніе „воззванія къ моему народу 17 Марта 1813 г.“ и постановленія памятника отцу своему, Фридриху Вильгельму III. За обѣдомъ на 2,500 человѣкъ король говорилъ привѣтствія мертвымъ и живымъ и молилъ Бога, да „сохранитъ храбрую армію, дабы, обновленная и усиленная, она была готова для новыхъ побѣдъ“. Королю отвѣчалъ фельдмаршалъ Врангель, величая: да здраствуетъ Unser ritterlicher Kriegsherr, der Vater seines Volks“. Русская депутація, Русскіе мундиры блистали при церемоніяхъ и на обѣдѣ. И все это Вильгельмъ I-й производитъ въ то время, когда профессора въ камерѣ прижали правительство къ стѣнѣ и систематически рѣжутъ статьи бюджета, когда Польша объята возстаніемъ, и Русско-прусская конвенція вызвала ноту Франціи съ просьбою „не ставить себя и имперіи въ затруднительное положеніе“. Я понимаю эти затѣи, если правительство хочетъ измѣнить конституцію страны; но зачѣмъ же раздражать представительство и Францію? Покойный Фридрихъ Вильгельмъ IV договорился до 1848 года. Вильгельмъ I договорится до Рейна. Наполеону представляется такая счастливая комбинація, что если онъ еще не извелся, трактаты 1815 г. окончательно рушатся; болѣе раціональное распредѣленіе государствъ дастъ ему симпатіи въ Европѣ, и неисторическое королевство Прусское останется при своемъ раціональномъ значеніи. Но Наполеонъ пресытился и пожалуй отдастъ дѣло демократіи и соціалистамъ—и пошла писать! А матеріалу много.

Революціонное движеніе въ Европѣ далеко не успокоилось и едва-ли успокоится. Оно теперь опирается на новое начало народныхъ массъ, выражающееся или въ самоправномъ установленіи у себя правительства или въ свободномъ вспомоществованіи одной массы самоправнымъ тре-

бованіямъ другой. Династическое начало окончательно упало, и Прусскія празднества Гогенцолерновъ („еще не созрѣвшихъ для того, чтобы служить украшеніемъ парламента", какъ въ Англіи) не поднимутъ его даже до той семейной искренности, которая праздновала бракъ принца Уаллійскаго въ Англіи. Значеніе Пруссіи, какъ первостепеннаго государства, есть дѣло случайное и, такъ сказать, личное. Оно основано на униженіи Саксоніи и уничтоженіи Польши. Наполеону III легче нежели дядѣ его поставить Бранденбургскую монархію на свое мѣсто. Но къ чему всѣ эти перевороты: выиграетъ-ли отъ этого человѣчество? Война—дурное средство. Служеніе личнымъ интересамъ никогда не увѣнчивалось прочнымъ успѣхомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мы идемъ къ конституціи. Хотя бы этого правительство и не хотѣло, мы придемъ къ ней: къ ней ведетъ насъ Польша, ведетъ гласность, ведутъ реформы. И объ этихъ-то реформахъ я хочу поговорить, прочтя проэкты земскихъ учрежденій.

У насъ, по западной модѣ, теперь въ ходу мысли о *самоуправленіи*. Англичане не выходятъ изъ моды, selfgovernement. Оно нигдѣ не удалось въ той мѣрѣ, какъ дѣйствуетъ въ метрополіи и какъ желали бы привить его подражатели и поклонники. Причину неудачи я вижу въ одномъ: въ недостаткѣ публичной жизни, а причину ея отсутствія въ недостаткѣ гласности. Излишняя централизація, слабость либеральныхъ учрежденій и степень образованности—въ глазахъ моихъ причины второстепенныя. Гласность не обусловливается журналистикою. Это органъ ея, но неисключительный. У насъ теперь журналистика въ большомъ ходу, но гласность слаба, а публичной жизни совсѣмъ нѣтъ. Самоуправленіе есть право, возможное и дѣйствительное при извѣстномъ развитіи общества. Прудонъ въ „La guerre et la paix" послѣ всѣхъ прежнихъ увлеченій, доходившихъ до отрицанія власти, до дикаго коммунизма, приходитъ къ разсужденію, послѣ котораго самоуправленіе на долго для Франціи было бы однимъ идеаломъ. „Что̀ *сдѣлала* бы Англія, цѣлой массой народа, если бы нарушено было право одного лица? Она возстала бы противъ нарушителя" (Мекóле), другими словами: это то, что̀ *написано* во Франціи 3 (14) Сентября 1789—1791 г. „la résistance à l'oppression". Но, увы, говорить и дѣлать, писать и исполнять, большая разница. Въ Англіи это не написано—и дѣлается, во Франціи написано, узаконено и не исполняется.

Мы теперь говоримъ и пишемъ.

Мы повторяемъ Іосифа Втораго, но я думаю, что незрѣлыя реформы наши обойдутся еще дороже. Страшно одно, что они могутъ насильственно разыграться кровавыми сдѣлками: молодые министры наши гальванизируютъ, раздражаютъ и пытаютъ Россію.

Вотъ и указъ (1 Марта, обнародованный 10-го) о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ съ 1 Мая 1863 г. въ Литовскихъ губерніяхъ и уѣздахъ. Если правительство вынуждено было принять эту мѣру, чтобы парализировать происки Польскихъ помѣщиковъ, то я опасаюсь за развитіе бунта въ Литвѣ и за усиленіе и безъ того сильной ненависти ея къ Россіи. Если это принято по донесеніямъ Назимова, я сомнѣваюсь въ ихъ справедливости. Во всякомъ случаѣ эта мѣра есть мечъ обоюдоострый, и произвольное законодательство, распоряжающееся такъ собственностію, пожалуй для вида законности, распространится и на насъ. Говорятъ, въ Совѣтѣ было *за* эту мѣру только четверо: Валуевъ, Милютинъ, Рейтернъ и Зеленый. Нашъ вѣкъ играетъ и положеніями, и фортуною, и собственностію. Нисходя къ массамъ, правительства ускоряютъ демократизацію. Всего менѣе готова для этого Россія, и всего менѣе нужно это намъ.

Въ Польшу требуются еще войска. Посылаютъ стрѣлковъ. Посылаютъ кирасировъ. Я не сомнѣваюсь, что съ весною партизанство разовьется еще болѣе, и аматёры-республиканцы, соціалисты и вся эта армія пролетаріата налетятъ со всѣхъ сторонъ. И немудрено. Франція явно поощряетъ Польскія партіи. Не только принцъ Наполеонъ, но и рѣчь Бильо исполнены симпатій и ожиданій. Французскія дипломатическія ноты присвоили себѣ право цензорства. Въ Пруссіи они требуютъ отмѣны конвенціи 8 Февраля, Россіи заявляютъ sans dissimuler *la situation pénible*, dans laquelle la France se trouverait placée si les espérances d'améliorations que le gouvernement russe avait fait entrevoir ne se réalisaient pas. Австрія, играя двусмысленную роль, получаетъ одобренія „de s'être gardée *de la faute*, dans laquelle est tombé le cabinet de Berlin en signant la convention de St. Petersbourg". Англія предлагаетъ коллективную ноту. Франція такъ мало пожала ливровъ въ Кохинхинѣ и Мексикѣ, что при малѣйшемъ успѣхѣ этихъ аматёровъ она милости наши признаетъ слабостію и обѣщаетъ народному волненію опору и содѣйствіе. Бильо и теперь хвалится сочувствіемъ Франціи къ оппозиціи Прусскихъ депутатовъ и отсрочиваетъ вліяніе Франціи на Русскій кабинетъ по случаю радикальныхъ реформъ, предпринятыхъ внутри Александромъ II. Говорятъ, рѣчь Бильо очень понравилась и въ Тюльери, и въ Зимнемъ дворцѣ. Кромѣ рѣчи Лярошжакеленя*) мнѣ ни одна не понравилась, ни этого сорванца, принца Наполеона, ни фразистаго Бильо, который не можетъ ничего сказать, не прославляя своего владыку и не порицая всѣ предшествовавшія правительства.

---

*) Матеріалы для этой рѣчи, имѣющіе характеръ конфиденціональной дипломатіи, доставлены маркизу Николаемъ Милютинымъ отъ его дяди, графа Киселева.

А у насъ, въ Польшѣ, на границѣ, что! Въ Псковской губерніи запутанность ростетъ и развивается. Потрясенные атомы, наполняющіе огромное тѣло, находятся въ постоянномъ движеніи, перемѣщеніи и броженіи и дѣлаютъ все тѣло подвижнымъ, летучимъ, ненадежнымъ. Нерѣшительность на каждомъ шагу и во всемъ. Строгость преслѣдованій и постоянныя помилованія. То назначаютъ гр. Берга, то гр. Сумарокова, то гнетутъ дворянство, то предписываютъ гминамъ и войтамъ исполнять ихъ требованія въ отношеніи крестьянъ, то даютъ указъ 1 Марта, исключительно крестьянскій. Такъ дѣло идти не можетъ. Пожалуй, принцъ Наполеонъ и правъ: „это хуже чѣмъ при Николаѣ“.

Министръ—г. Зеленый министръ—спрашивалъ меня: какую бы награду желалъ я къ этой Святой, нашему наградному сроку? Конечно землю, тысячи три десятинъ? Конечно аренду въ 1500 р.? Нѣтъ. Я просилъ—слѣдующій чинъ.

Вы упрекаете отца *семейства*, *бѣднаго* отца семейства въ суетности? Ну, нѣтъ. Суетности тутъ нѣтъ. Я объяснюсь въ послѣдствіи.

Эти денежныя и земельныя раздачи я считаю расхищеніемъ государственнаго достоянія и. не участвовавъ въ немъ прежде, я не хочу участвовать и теперь, особенно теперь. Если бы дали не спрося, я бы взялъ; но такъ какъ спросили, то счелъ приличнымъ отклониться отъ участія. У меня этихъ инстинктовъ впрочемъ никогда не было.

Польское возстаніе выясняется. Оно поддерживается заграничными симпатіями и внутренними замѣшательствами. Петербургское дворянство представило Государю адресъ преданности, изъявляя готовность на всякія жертвы. Заграничныя симпатіи мы знаемъ съ 1831 г., когда начались онѣ постоянно являться въ адресахъ Французской палаты. Онѣ довольно терпѣливы, какъ показываетъ время, и вѣроятно не потеряли бы терпѣнія и теперь, если бы въ положеніи нашемъ ничего не измѣнилось. А въ положеніи этомъ измѣнилось многое. Послѣ Крымской кампаніи мы „пріѣхали въ Парижъ, чтобы поцѣловать ту самую руку, которая насъ побила“ (какъ выразился принцъ Наполеонъ). Мы потеряли курсъ и до сихъ поръ возстановить не можемъ и терпимъ убытки. Мы потеряли рынки и, главное, мы залпомъ, заразъ приступили къ окончательнымъ кореннымъ реформамъ и если не поколебали зданія, то запутали и перепутали внутренній строй его такъ, что и сами не можемъ опредѣлить незапно вызванныхъ и искусственно созданныхъ отношеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не удовлетворя ниодного изъ пробужденныхъ инстинктовъ, сдѣлали недовольными всѣхъ, а незапность и крутость перемѣнъ породили оппозицію. Для Польши требуютъ амнистіи и конституціи. И Александръ II-й дастъ, онъ дастъ все, чего бы у него *ни потребовали*: онъ уступитъ всякому представленію, всякому препятствію. Но давая

конституцію Польшѣ, какъ же онъ не дастъ ея Россіи? Незрѣлостію отзываться нельзя. Въ Россіи вводятся учрежденія утонченной образованности. Конституція ихъ скрѣпитъ и освятитъ. Вотъ тутъ начнется настоящая борьба съ правительствомъ и—страшно сказать—начнется опять крѣпостной вопросъ. Освобожденіе крестьянъ сдѣлано, въ юридическомъ отношеніи, съ нарушеніемъ правъ дворянства, и дворянство, составляя большинство и лучшія силы представительства, заставитъ правительство дать ему вознагражденіе на счетъ казначейства.

Дѣло о раздѣлѣ братьевъ Шереметевыхъ (сыновей моего министра) мною, кажется, кончено. Говорю кажется, потому что я этимъ окончаніемъ очень недоволенъ. По требованію одной стороны прибѣгли къ жребію, и этотъ слѣпой господинъ совершенно перепуталъ дѣло, предоставивъ коренное имѣніе моему кліенту, Василью, который не хозяинъ и хозяиномъ не будетъ. Я уступилъ. Въ интересахъ моего кліента это прекрасно, но въ интересахъ дѣла и семейства это результатъ самый отрицательный. Мнѣ уступать не слѣдовало.

Журналистика захватила и разработываетъ Польско-русскій вопросъ, и должно сознаться, она. въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ свободной цензуры, развилась замѣтно, особенно подъ перомъ даровитой редакціи „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“. Говорятъ. статсъ-секретарь князь Оболенскій на дняхъ читалъ Государю и Государынѣ статьи Каткова „Русскій вопросъ“ и дополнительныя къ нему въ Вѣдомостяхъ по дѣламъ Польши. Статьи понравились и если онѣ выражаютъ общественное мнѣніе, то верховная власть готова удовлетворить требованію этого мнѣнія. Въ наше неосмотрительное время. власть, расшатавшаяся отъ собственнаго волненія, ищетъ опоры во всемъ: въ щедрости-расточительности, въ реформахъ-незрѣлыхъ преобразованіяхъ, въ милости –амнистіи незаслуженной, въ популярности, нисходящей до искательства, въ журналистикѣ и даже въ уличной толпѣ и солдатскихъ рядахъ. Какъ попъ, такъ и приходъ: Головнинъ, Валуевъ и даже Милютинъ. Бывши въ Москвѣ, Государь удостоилъ особеннаго вниманія журналистовъ, особенно Каткова. Ихъ приглашали на балы во дворецъ, имъ обѣщали всякое поощреніе. И вотъ, подъ вліяніемъ этого обаянія, Катковъ началъ разработывать политику; а когда огласилась дерзкая рѣчь принца Наполеона, наговорившаго все что только можно придумать оскорбительнаго, Катковъ дозволилъ себѣ такъ развернуться, что сталъ катать сплеча. Я вѣрю, я знаю, я вижу слабость нашего правительства, и слабыя его мѣры слабость эту еще погоняютъ. Дошли до того, что говорятъ о конституціи, о скорой конституціи, о конституціи демократической. Катковъ выставляетъ примѣръ Австріи и хочетъ, чтобы Царство Польское было въ отношеніи Россіи тоже что

Галиція къ Австріи, Познань къ Пруссіи За западныя наши области вся Россія встанетъ какъ одинъ человѣкъ, не то что въ Крымскую войну, когда народъ, сражаясь за идею, не могъ выказать всей своей силы. Катковъ порицаетъ дарованіе конституціи 1815 г. Мы уже очень расщедрились. Онъ находитъ невозможнымъ, чтобы господствующее племя въ государствѣ пользовалось меньшими правами, чѣмъ племя подвластное. Онъ намекаетъ, что общая конституція сольетъ и скрѣпитъ весь организмъ Имперіи въ ядрѣ и составныхъ частяхъ его. Можетъ быть, этому повѣрятъ. Можетъ быть, это примутъ. Слабость падка на обольщенія, и вѣкъ имъ потворствуетъ. Намъ непремѣнно хочется и колется дойти до того, чтобы мы услышали сперва on vous trompe, on vous trompe, а потомъ, когда скажутъ: мы знаемъ, мы узнали—c'est trop tard, c'est trop tard. Но въ Московской доктринѣ что ни слово, то ошибка, подражаніе, заимствованіе, plagiat. Это сказано много. Едва-ли такъ. Я постараюсь это доказать, я постараюсь показать, что если въ этомъ есть самостоятельность, то самостоятельность не публициста, а народнаго чувства, національнаго сознанія, которое дѣйствительно должно возмутиться и возмущается, читая эти ноты Англійскихъ лордовъ, Французскихъ батаровъ и даже Австрійскихъ сплетниковъ: объ устройствѣ Польши,—Польши, которая никогда не могла устроиться и для которой нѣтъ, немыслима другая участь, какъ отдѣльной провинціи великаго Славянскаго, Русскаго государства.

Польское дѣло двигаетъ свободу и волненія мысли, словъ и дѣла все болѣе и болѣе шире, глубже. Замѣчательная свобода печати, требующей то конгресса („С.-Пбр. Вѣдомости“), то общей съ Имперіею конституціи („Голосъ“ и „Моск. Вѣдомости“), то земскаго собора („День“), откровенно порицаетъ порядокъ Варшавскаго управленія, парализирующій усилія самыхъ войскъ, „кокетничая“ съ военнымъ положеніемъ. Дворянство и гражданство отовсюду шлютъ адресы; выраженія преданности и готовности на жертвы слышатся въ раскольникахъ, въ селахъ. Въ югозападныхъ губерніяхъ крестьяне формируютъ команды, заставы и объѣзды. Край истощается, гибнетъ. Будущность хуже настоящаго. Раздражительныя ноты Англіи, явныя и тайныя дѣйствія пропаганды поддерживаютъ и раздуваютъ возстаніе. Полки наемныхъ демократовъ стекаются отовсюду. Кажется, Польская эмиграція вступила въ соглашеніе съ анархистами. Правительство съ достоинствомъ отвѣчало на ноты, представленныя въ одинъ день (5 Апрѣля) и назначила почти западнаго намѣстника, извѣстнаго своею энергіей Мих. Ник. Муравьева, вѣшателя. Общее мнѣніе такъ раздражено, что одобряетъ это назначеніе. Всѣ желаютъ отозванія великаго князя Константина. безъ чего никогда не откроютъ ни тайнаго правительства, ни типографій

печатающихъ четыре газеты. Настаиваютъ на строгомъ военномъ положеніи, требуютъ возстановленія Русской администраціи.

*

Вотъ конченъ и нашъ бюджетъ на 1863 годъ. Разсмотрѣніе его все вполнѣ легло на реформатора нашего контроля, стат.-секр. Татаринова и по ограниченности сферы его обязанностей и, нерѣшительнаго, еще новаго положенія личнаго. Оно не принесло желанной пользы, а въ Министерствѣ Финансовъ и въ Госуд. Совѣтѣ оно было бѣдно и жалко. Да и что же можетъ Государств. Совѣтъ въ его настоящемъ составѣ и въ настоящемъ учрежденіи? Министръ финансовъ съумѣлъ представить фальшивый déficit и потомъ очень легко изъ него выбраться. Государст. канцелярія дѣлала выборки изъ заключеній Татаринова (А. П. Заблоцкій сдѣланъ статсъ-секретаремъ), департаментъ держался министровъ и толстыя, переполненныя смѣты утверждены почти въ первоначальной цифрѣ. Доходовъ исчислено 318,830,644 р., а расходовъ 334,535,913 р. (съ недоборомъ), 15 милліоновъ недостатка покрываются билетами казначейства, а по моему мнѣнію, они должны бы пасть на акцизъ съ вина, табаку и соли. При лучшемъ разсмотрѣніи Совѣтъ могъ бы достигнуть значительнѣйшихъ сокращеній и не только не дѣлать новаго долга, но передать остатокъ на погашеніе старыхъ.

*

Ослабленіе зрѣнія требуетъ, чтобы я посовѣтывался съ знаменитыми окулистами: Грефе, Дондерсъ и Бланше, и я завтра ѣду въ чужіе края. Какъ все можетъ случиться и я могу умереть, то считаю нужнымъ выразить здѣсь мою послѣднюю волю. Жизнь мнѣ очень дорога, потому что я очень счастливъ, и послѣднее слово молитвы моей и послѣдняя воля моя будутъ объ участи моей благородной жены и моихъ ненаглядныхъ Дмитрія и Натальи. Богъ видитъ, какъ я имъ—и этимъ крошкамъ—глубоко признателенъ.

Я не дѣлаю формальнаго завѣщанія, потому что послѣ меня останется жена, которая во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ и замѣнитъ меня. По полученіи извѣстія о моей кончинѣ прошу Леонида помѣстить коротенькую біографическую статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, чтобы по этому поводу, въ силу моей послѣдней воли, передать мою глубокую благодарность всѣмъ моимъ роднымъ, друзьямъ, знакомымъ и чужимъ, съ кѣмъ я сталкивался въ жизни, за ихъ любовь, дружбу, одолженія и благосклонность ко мнѣ и просить ихъ объ участіи къ моему семейству.

Я желаю лежать въ Рябинкахъ*) возлѣ батюшки, который мнѣ отдалъ свою любимую дочь. Я желаю лежать въ гробѣ по низшей цѣнѣ

*) Орловской губ. Болховскаго уѣзда. П. Б.

таксы. Я дарю церкви картину-копію Іоанна Богослова изъ моего кабинета и билетъ въ 100 рублей въ пользу причта за служеніе молебна 11 Ноября*).

Назначая душеприкащиками моими тайнаго совѣтника Гагемейстера, генераловъ В. А. Обручева, Ев. Ник. Норова, статскихъ совѣтниковъ Ѳ. И. Отто, А. В. Симанскаго и Н. М. Горбунова, а также Е. Н. Горбунову, В. Д. Обрѣзкову и Екат. Александр. графиню Шулембургъ (кого, по совѣщаніи, они изберутъ изъ себя) и прошу ихъ, подумавъ, обсудивъ и помолясь Богу, устроить и обезпечить положеніе моего семейства. Я прошу о милости. Гордыня моя никогда этого не знала. Надо быть очень счастливу, чтобы просить ее мнѣ. Милости, милости, Христа ради! Я прошу у генералъ-адъютанта Зеленаго и статсъ-секретаря Рейтерна назначить семейству моему получаемое мною содержаніе, по примѣру другихъ, въ пансіонъ, вычитая изъ него долгъ, числящійся за мною по книгѣ 2-го департамента. Послѣдніе годы я служилъ мало, но гр. Панинъ не откажется засвидѣтельствовать, какъ я служилъ 1840—1856 годы, да генералъ Зеленой и о послѣднихъ годахъ не лишитъ семейство отозваться, какъ говорилъ онъ мнѣ лично и докладывалъ Государю Императору. Я всегда служилъ добросовѣстно и безкорыстно. Я этимъ хвалюсь.

Долговъ я не имѣю, но могутъ быть недоплаты въ магазинахъ В. Исакова, Вольфа и Шмитцдорфа, портному Оливье и сапожнику Фохту, а также въ магазинахъ Бегрова и Вьюшина. Долгъ казенный долженъ уплачиваться изъ пансіона. Если бы этотъ долгъ и крайность семейства потребовали, то можно продать мою коллекцію оффиціальныхъ тетрадей и проэктовъ и самую библіотеку, но неиначе какъ съ аукціона и съ предварительнымъ оглашеніемъ. Въ библіотекѣ множество книгъ съ моими подробными замѣтками. Я прошу объ этомъ племянника моего Леонида Константиновича и надѣюсь, что онъ исполнитъ дѣло отчетливо. Ихъ сохранить Митѣ. Желаю, чтобы всѣ родные и друзья мои получили изъ вещей моихъ какія нибудь бездѣлки на память. Я буду жить между ними и послѣ смерти.

Второе путешествіе за границу.

Я отправился на пароходѣ 11 Мая въ Любекъ и возвратился въ Петербургъ 20 Іюня въ полночь, посѣтивъ тамъ: Берлинъ (недѣлю), Саксонскую провинцію, Магдебургъ (недѣлю), Парижъ (недѣлю), Нормандію, Руанъ, Фекамъ, Діеппъ (недѣлю) и Лондонъ (шесть дней). Я израсходовалъ 1000 рублей. Я дамъ отчетъ въ моей поѣздкѣ. Теперь я

*) Положить меня въ гробѣ, купленномъ по таксѣ цѣною въ 2 р. 80 к. Но мои служебныя отличія должны участвовать въ церемоніи.

еще убить Лондономъ и ничтожностію моего отечества въ его докахъ и даже въ гостиницахъ Парижа послѣ Парижскаго договора 1856 г. Посѣтивъ Европу черезъ 20 лѣтъ (мое первое путешествіе было въ Іюнѣ—Октябрѣ 1842 г.), я вынесъ то старческое убѣжденіе, что матеріализмъ, демократія и корысть все болѣе и болѣе берутъ верхъ, что все средоточится на политикѣ, на палатахъ, что администрація и самый судъ падаютъ и гнутъ на совѣсть, а добросовѣстность умаляется, и что вообще, замѣчая успѣхъ въ количествѣ, я долженъ засвидѣтельствовать объ упадкѣ прогресса въ качествѣ, разумѣется кромѣ матеріальныхъ интересовъ, которые съ парами и желѣзомъ вездѣ приняли колоссальные размѣры. (21 Іюня). Записываю на память.

Все дышетъ войною. Журналы, адресы, разговоры переполнены увѣреніями преданности Государю, грозными вызовами Европѣ и тягостными чувствами нескрываемаго униженія Имперіи въ Европейскомъ сеймѣ. Этого мало, что, получивъ ноты, отвѣчали назначеніемъ Муравьева въ Вильну, смѣщеніемъ Польскихъ чиновниковъ и новыми посылками войскъ, нѣтъ, хотятъ и требуютъ, чтобы всѣ 6-ть предложеній были категорически отвергнуты и отвергнуты такъ, чтобы исходомъ переговоровъ была война. А между тѣмъ перемѣна министерства, т. е. министровъ въ Парижѣ и слухи отъ отставкѣ Дж.-Росселя указываютъ, что въ Англіи и Франціи вопросъ о войнѣ далеко не рѣшенное дѣло. Да и едва-ли есть причина, скажу болѣе—поводъ къ войнѣ. Ея не было въ 1831 г. Ея никогда не было. Спорятъ два государства, изъ которыхъ одно поглощаетъ другое. Международное право не терпитъ никакихъ измѣненій. Трактаты не нарушены. Николай I въ 1832 г. отвѣчалъ на вызовы Запада: „Дѣла Польши суть дѣла внутреннія, Польша есть моя провинція. Польша Вѣнскаго договора уже не существуетъ“. Наши дипломаты, вытертые изъ прежняго положенія и желая занять его снова, не смѣютъ говорить языкомъ Николая, и застращенные поднятыми національностями и рѣшимостію Наполеоновъ и Гарибальди попрать всякіе трактаты, согласились поставить Польскій вопросъ въ сферѣ международнаго права, и тутъ начинается путаница. Россія, вызвавшись на обмѣнъ мыслей, считаетъ вопросъ однако внутреннимъ и грозитъ возстаніемъ всѣхъ городовъ и весей на Европу, если бы она вздумала вмѣшаться въ это дѣло. Европа, настаивая на исполненіи Вѣнскаго мира, предлагаетъ однако перемиріе воюющимъ, т. е. обращаетъ дѣло въ вопросъ о самостоятельной національности, а Польша вовсе не думаетъ о Вѣнскихъ статьяхъ и вовсе не согласна на перемиріе въ этомъ смыслѣ, требуя и требуя огнемъ и мечемъ и веревками ни болѣе ни менѣе какъ королевства въ предѣлахъ 1771 г. Къ этому присоединились еще двѣ путаницы: неопредѣленная система управленія Великаго

Князя-намѣстника и провинціальная система Московскихъ политиковъ. Великій Князь стоитъ на томъ, что лучшее управленіе есть просвѣщенная монархія, ограниченная просвѣщеннымъ снисхожденіемъ и искупленіемъ прошедшаго помилованіями, отмѣною конфискацій и широкою автономіею. Это привело къ анархіи и къ военной диктатурѣ. Московскіе политики требуютъ для Царства того же учрежденія, какое Австрія дала Галиціи, Пруссія Познани, т. е. сравнять Царство съ Калугой или Эстляндіей. Славянофилы требуютъ, чтобы спросить самую Польшу, чего она хочетъ. Первые желаютъ конституціи, вторые—земскаго собора. Въ журналѣ „Время“ этотъ роковой вопросъ рѣшается уступкою Польшѣ всѣхъ западныхъ губерній, такъ какъ цивилизація Царства, по изъисканіямъ Славянофила Кирѣевскаго, достигла, и давно, высшаго развитія и по всеисторическому закону должна подчинить себѣ развитія менѣе зрѣлыя. Пунктъ тяготѣнія этихъ странъ къ Варшавѣ.

Я, едва пріѣхавшій изъ заграницы, утомленъ этимъ чтеніемъ и оглушенъ этими возгласами, скажу болѣе (ибо говорю о молодомъ государствѣ) этими криками анархіи.

Всѣ хоромъ трубятъ славу Муравьёва за энергію и находчивость его въ подавленіи возстанія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Ему подносятъ адресы, пьютъ и шлютъ тосты. Я не сомнѣвался, что съ назначеніемъ его строгія мѣры, на которыя онъ очень склоненъ и падокъ безразлично и которыя онъ не остановится распространить на виноватыхъ и правыхъ, скоро подавятъ бунтъ; но временное диктаторство только и можетъ имѣть, что отрицательныя послѣдствія, и послѣдствія эти у Муравьева не только отвѣчаютъ минутѣ или настоящему, а забираются и въ будущее. Онъ не только сокрушитъ повстанцевъ, но разворитъ въ конецъ все дворянство. Онъ систематически строетъ временные притоны на все дворянство. Онъ повѣситъ и разстрѣляетъ зачинщиковъ, участниковъ и попустителей, которые давали совершаться событіямъ, дрожа отъ страха и терпя отъ этихъ событій и лицомъ и животомъ своимъ.

Придетъ время, когда бывшій министръ, дѣйствовавшій подъ исключительнымъ вліяніемъ своего Польскаго департамента (Рудницкій, Кейстутъ—Гедиминъ, Войшкунскій, Кавецкій, Саковичъ, Шакно и др.) дастъ отчетъ, въ какой степени принятыя имъ системы повѣрочной люстраціи и фермъ способствовали тому, что Польскій элементъ сосалъ казенныя имущества, и крестьяне казенные, очень равнодушные къ бунтовщикамъ, мало лежали и къ правительству, которое держало ихъ для Жидовъ и пановъ такъ фискально, что правительство не могло расчитывать на ихъ сочувствіе.

Мнѣ казалось, и я этого не скрывалъ, что систематическое фискальство въ рукахъ Поляковъ, люстраціонные и межевые чины исключительно Поляки—нисколько не соотвѣтствуетъ видамъ великой Имперіи, которая должна усвоить себѣ эти губерніи, заключающія въ себѣ элементы преимущественно не-польскіе: Литовскій и Русскій. Мнѣ казалось, что система новой люстраціи и фермъ истощаетъ народъ и ослабляетъ правительство.

Шестаковъ удаленъ отъ мѣста. Надобно выразить ему участіе. Я не охотникъ ни до него, ни до нея, но ошельмованіе, и прежде уже чувствительное, теперь такъ гласно, что оставаться въ службѣ было бы подлость. Великій Князь сдѣлалъ моряковъ деньгожадными и фрондёрами. Иванъ Шестаковъ тоже мнѣ казался такимъ. Онъ давно говорилъ мнѣ, что его назначаютъ главнымъ командиромъ, вмѣсто Новосильскаго. Его назначили помощникомъ. Теперь и изъ помощниковъ отчислили. Я бы оставилъ службу. Деньгожадность не въ моихъ вкусахъ. И. Шестаковъ не останется.

Я познакомился и все это время видѣлся довольно часто съ молодою Обручевой (Екат. Никол., рожденная Философова), которая, ребенокъ, почти одна одинехонька въ пустомъ Петербургѣ. Мнѣ она очень нравится. Величайшій ея недостатокъ это ея молодость. Едва-ли ей есть 17 лѣтъ. Не знаю почему, сдается мнѣ, что она недолговѣчна („таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ“) и что она и по привычкамъ, и по вкусамъ попала не на свое мѣсто, хотя семейство, въ которое она вошла, отличается домашними добродѣтелями. Въ этомъ кругу молодая моя пріятельница очень похожа на василекъ во ржи.

*

Дипломаты не хотятъ выпустить изъ рукъ Польскаго вопроса. Революція не стихаетъ. Грубые инстинкты доходятъ до одичалости. Какъ на первыя ноты мы отвѣчали назначеніемъ Муравьева, такъ на новыя ноты (гдѣ уже 6 пунктовъ, а есть угроза, могущая превратиться въ ultimatum) мы отвѣчаемъ отъѣздомъ Великаго Князя изъ Варшавы и Муравьевскими тамъ распоряженіями графа Берга. Мы въ нашихъ нотахъ немножко зарапортовались и, кажется, редакція ихъ отъ тостовъ и адресовъ немного подгуляла.

Въ самомъ дѣлѣ, точно-ли возстаніе есть одностороннее волненіе демократовъ и соціалистовъ, и мы съ нашими арміями и кордонами, не можемъ съ нимъ сладить, или это возстаніе обнимаетъ всѣ классы, и военное подавленіе парализируется страдательнымъ равнодушіемъ, презрѣніемъ къ нимъ всего населенія? Что такое за тайное и такое страшное правительство подземныхъ комитетовъ, которое перевѣшиваетъ наши распоряженія, организуетъ, печатаетъ декреты и издаетъ журналы?

Я сомнѣваюсь. Я полагаю, что, и признавая значительную долю вліянія космополитовъ, демократовъ и Палероялькихъ происковъ, возстаніе должно признать національнымъ, и безуспѣшность его происходитъ отъ двухъ причинъ: возстаніе, давно задуманное, не созрѣло въ своей организаціи и рано прорвалось, расчитывая на счастливый поводъ рекрутскаго набора, и во вторыхъ оттого, что крестьянская реформа поохладила приверженность низшаго класса къ гадательной мысли о самостоятельной Польшѣ.

*

Мои пріѣхали. Какъ ты похудѣлъ, мой милый Митя! Лихорадка его замучила, и опять воспаленіе въ головкѣ. Худа и Тата, плоха и мать. Польза кумыса пропала и продолжительное пребываніе въ Саратовскихъ садахъ совершенно не удалось. Но они пріѣхали, слава Богу. Гора съ плечъ!

Обязательный выкупъ Сѣверо-западныхъ губерній распространенъ и на юго-западныя. Я всегда былъ противъ подчиненія правъ собственности политическимъ соображеніямъ. Колебать все равно, политически или соціалистически. Съ указа объ освобожденіи крестьянъ съ землею, земля подъ нами заходила. Развитіе и реформы пошли такъ ненормально, ускоренно, революціонно, что надобно быть готову на все, и всѣ готовы на все. Я вовсе не удивлюсь, если обязательный выкупъ будетъ распространенъ на центральныя и прочія губерніи. Демократизмъ напираетъ сильно и, разъ найдя широкое русло, онъ не останавливается ничѣмъ и ни на чемъ. Онъ затопляетъ всѣ историческія преданія (у насъ же они такъ не сильны) и ведетъ неотступно къ матеріализму. Въ соединеніи съ соціальною собственностію онъ близокъ—онъ ближе нежели думаютъ—къ коммунизму.

Мнѣ присланы 22 сенатскія записки, для обсужденія разногласій сенаторовъ на консультаціи, куда я назначенъ членомъ. Какое тяжелое впечатлѣніе сдѣлали на меня эти обвѣтшалыя формы судопроизводства, это изложеніе механическое, многословное, это отсутствіе всякихъ выработавшихся въ практикѣ и теоріи юридическихъ началъ, этотъ слогъ, наборъ казенныхъ фразъ земско-судебнаго покроя. И все это терпится, продолжается въ виду, въ присутствіи новыхъ, утвержденныхъ и обнародованныхъ основныхъ положеній судебнаго преобразованія. И какая масса, наводненіе частныхъ дѣлъ, продолжающихся годы, предрѣшающихъ существо предмета; они вносятъ въ процессъ кляузничество, канцелярскія уловки и путаницу. Дѣло пятьдесять разъ разсматривается, суды про-

тиворѣчатъ себѣ и въ изворотахъ, по разнымъ инстанціямъ: что вошло въ законную силу, что въ срокъ не обжаловано, что взято на аппеляцію. Какую порчу должно вносить въ среду общества такое безобразное судопроизводство! И сколько пищи и взяточничеству и сутягамъ!

Другое тоже непріятное впечатлѣніе произвело на меня и новое поколѣніе судей, съ которыми я разстался съ Ноября 1856 г. По свойству нашихъ судебныхъ формъ, пріучающихъ къ усыпленію энергіи въ обрядности, или по величію современныхъ вопросовъ, отодвигающихъ текущія обязанности на задній планъ, или наконецъ въ виду реформъ суда, торжественно обѣщанныхъ и готовыхъ совершиться, я замѣтилъ такое опрометчивое, оплошное и равнодушное разсмотрѣніе дѣлъ, что всѣ эти сенаторы и секретари жуютъ и пишутъ, а про себя повторяютъ—„скучно“. Для примѣра укажу на рѣшеніе Сената о Московской коммиссіи словеснаго разбирательства. 7-й департаментъ признавалъ ее судебнымъ мѣстомъ, когда дѣло шло о мѣщанахъ Залкиндѣ, Травинѣ и под., но вотъ явилась сенаторша кн. Долгорукова, и общее собраніе рѣшило, что это полицейская инстанція, и такъ запутала подсудность коммисіи, что члены ея встали въ тупикъ. Указъ общ. собранія 9 Октября 1862 г. остановилъ дѣла. Я ничего не говорю о Сенатѣ Московскомъ, всегда падкомъ передъ сенаторшами: но что сказать о явно неправильномъ толкованіи закона, которое прошло чрезъ руки оберъ-секретарей, сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ въ д-тѣ, потомъ въ общемъ собраніи, потомъ юрисконсульта, консультаціи и генералъ-прокурора?*).

И мы, опять консультація, такъ легально рѣшили: пересмотрѣть рѣшеніе съ высочайшаго соизволенія чрезъ Комитетъ Министровъ. Признаюсь, сидѣть мнѣ въ этой компаніи несовсѣмъ ловко. Что значатъ безпрерывно испрашиваемыя гарантіи строителямъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ? Ожиданіе убытковъ не есть-ли постройка на авось? Убыточность построекъ не есть-ли доказательство дурнаго выбора мѣстности и недостатка въ развитіи оборотовъ? Чѣмъ вознаграждается приплата отъ казны, данная въ неопредѣленное или продолжительное время? У насъ всѣ дороги, кромѣ Коломенской, требуютъ приплаты.

---

*) Замѣченное мною ослабленіе юридическихъ знаній я приписываю одностороннему вліянію *партіи*, монополіи правовѣдовъ. Самонадѣянность и затѣмъ увѣренность и оплошность чрезвычайны. Мнѣ разсказывалъ оберъ-прокуроръ Семеновъ о продѣлкахъ съ нимъ оберъ-секретаря Фриде и о поддержкѣ, которую онъ, Фриде, нашелъ во всѣхъ товарищахъ и даже въ товарищѣ министра. Онъ говоритъ, что они обѣдутъ и меня. Можетъ быть, но что же въ этомъ хорошаго и какую роль играетъ Замятнинъ?

Я не клоню къ тому мнѣнію, что намъ рано строить желѣзныя дороги, но я думаю, что намъ надо ихъ строить по своему. Говоря по своему, я не хочу сказать—согласно съ геніемъ народа. Я хочу сказать: дешевле, кое-какъ, безъ затѣй. Я думаю даже съ г. Герсевановымъ—конныя. У насъ нѣтъ не только хорошихъ, быстрыхъ путей, у насъ осенью и весною нѣтъ никакихъ.

„Русскій Вѣстникъ“ (1863. Май, № 5) доказываетъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что ни въ какой литературѣ не появляется на свѣтъ, относительно, такъ много всякой мерзости. Нигдѣ общественное мнѣніе не находится въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ у насъ, и нигдѣ вслѣдствіе того общественное слово не подвергается такому злоупотребленію. Нигдѣ такъ много не пророчествуютъ, не верхоглядствуютъ, не благовѣствуютъ, какъ у насъ, нигдѣ такъ не празднословятъ, по крайней мѣрѣ нигдѣ все это не является въ такой отчаянной несоразмѣрности съ количествомъ дѣльной мысли, серьезнаго труда и разумнаго слова. Нигдѣ, наконецъ, такъ много не толкуютъ о народныхъ началахъ, о почвѣ, о самостоятельности, о заимствованной цивилизаціи, которую слѣдуетъ бросить, о самобытной цивилизаціи, которую должно начать сызнова. Все это признаки дѣйствительно неутѣшительные“. И въ заключеніи статьи (по поводу статьи „Роковой вопросъ“), г. Катковъ заявляетъ: „Такихъ роковыхъ вопросовъ можно бы набрать бездну изъ всего того, что̀ пишется и говорится у насъ“.

Конечно, это преувеличено. Люди избалованные (какъ г. Катковъ) становятся капризными и требовательными. Это преувеличено. Но, судя по дѣйствіямъ цензуры здѣшней и Московской, часть эта совершенно разлагается и не знаетъ что̀ и какъ дѣлать. Въ этомъ умственномъ курсѣ, какъ и въ биржевомъ, я вижу нехорошее предвѣстіе. Онъ показываетъ, что постоянства въ погодѣ нѣтъ и что атмосфера заражена.

Я все ничего не дѣлаю и не записываю, а дѣла̀ идутъ страшными шагами, съ ужасающею стремительностію.

Рѣчь Наполеона. Отмѣна Вѣнскихъ трактатовъ. Паденіе нашего вексельнаго курса и прекращеніе размѣна, смерть Датскаго короля и неминуемая война, основанія которой противорѣчатъ международнымъ актамъ, а предѣлы необозримы. Все такъ задвигалось, что даже Польскій вопросъ сдвинулся на задній планъ. Выдвигаются все больше и гуще народныя массы.

Для меня это понятно. Я вижу новый этапъ, къ которому подходятъ закованные колодники. Они все по немногу сбрасываютъ тяготящія цѣпи и дружнѣе и веселѣе идутъ на встрѣчу будущему. Демократическое начало, вмѣстѣ съ соціализмомъ, напираетъ все сильнѣе и сильнѣе. Оно давитъ власть, организуя и общественное мнѣніе. Оно давитъ собственность, истощевая ее налогами и всякими сборами.

Мое сенаторство наклевывается. Замятнинъ обѣщалъ назначить меня сенаторомъ. но—въ Москву. Это измѣняетъ дѣло. Такъ какъ предложеніе мнѣ сдѣлано въ видахъ пользы службы, для пополненія недостатка дѣловыхъ сенаторовъ въ Москвѣ, то я не могъ не изъявить согласія. Но я обдумаю, хотя долженъ сознаться, что въ душѣ я уже рѣшился принять сенаторство даже въ Москвѣ. Мнѣ давно уже не нравится духъ личностей Мин. Госуд. Имущ.. и по живости моего характера я опасаюсь столкновенія съ товарищемъ министра, человѣкомъ скорымъ, избалованнымъ успѣхами и самоувѣреннымъ. Прежде исхода не было. но теперь есть. Я имъ воспользуюсь. На совѣтѣ съ сослуживцами, мнѣ совѣтовали подождать, чтобы имѣть время получить аренду или землю. Но для меня эти соображенія второстепенны, и изъ за нихъ я не остановлюсь. Впрочемъ, обдумаю. Еще обдумаю.

Вотъ кончился и 1863 годъ. Я сенаторъ.

Весь годъ все было въ вопросѣ. Вопросъ Итальянскій висѣлъ надъ головами, всталъ вопросъ Польскій. за нимъ неожиданно—Датскій. Во всѣхъ громко кричитъ и сильно напираетъ демократія. и не одна туземная, но вообще соціальная. Правительства дѣлаютъ уступки за уступками; общественное мнѣніе, обуреваемое смѣлыми теоріями. поддается, массы группируются и готовы установить свои банки, свои имущества, свои повременныя сборища. свои наборныя полчища. 1863 г. съ своими вопросами двинулъ этотъ институтъ общественности чрезвычайно сильно и готовъ возвести его въ начало, въ чинъ, въ законный порядокъ. Этого должно было ожидать при дѣйствіи нынѣшнихъ такъ называемыхъ конституцій, которыя есть ничто иное какъ арена борьбы индивидуальности съ обществомъ и палатъ съ правительствомъ. въ которой видны два исхода: или Англія или Франція, т. е. или республика съ монархическими формами или диктатура съ представительными и военными корпусами пассивнаго повиновенія. Я видѣлъ лично, въ какомъ положеніи конституціонная Пруссія, которая мнѣ знакома когда еще была чиновническая.

Движеніе демократическое, выражающееся и въ народныхъ массахъ и въ дробленіи внутреннихъ займовъ и въ измельчаніи знаній, затерло

науку, возводя въ ея чинъ ремесла и искусство, и выдвинуло журналистику, сдѣлавъ ее, какъ органъ общественнаго мнѣнія, силою, властію, умѣньемъ.

И у насъ, въ Россіи, это движеніе сильно. У насъ прояснились — и если недовольно опредѣленно и зрѣло, то весьма скоро и весьма запальчиво—свои партіи: партія демократическая, самая сильная, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, съ своими органами: „С.-Пбрг. Вѣдомости“, „День“, „Современникъ“, „Русск. Слово“ и даже „Инвалидъ“ и почти всѣ сатирическія и вообще мелкія изданія. Партія дворянская, тоже весьма сильная съ своими органами: „Московскія Вѣдомости“, „Сѣверная Почта“, „Вѣсть“ и партія чиновническая, самая шаткая, бросающаяся то въ просвѣщенный деспотизмъ, то въ аристократическую республику, съ своими органами: „Голосъ“.

Антагонизмъ Москвы и Петербурга сдѣлался сильнѣе нежели когда нибудь, и „Московскія Вѣдомости“ Каткова, самое вліятельное и весьма распространенное изданіе, едва-ли не сильнѣе „Дня“, топчетъ въ грязь Петербургскіе кружки, системы и порядки. Оттѣнки оппозиціи проявляются болѣе нежели замѣтно, и я вовсе не удивлюсь, если съ открытіемъ земскихъ учрежденій не образовалась въ Москвѣ та открытая національная оппозиція, которой эти учрежденія представляютъ широкое поле дѣйствія. Они же представляютъ тому и многіе поводы, давая преобладающее вліяніе помѣщикамъ и городскимъ купцамъ, рѣшительно не одобряющимъ Петербургскихъ мѣроположеній. Мѣры эти раззорили оба класса, и конечно не раззореніе вкушаетъ и укрѣпляетъ преданность.

У насъ реформы продолжаются. Онѣ сыпятся съ роскошью невиданною и неслыханною. Точно мы отуманены, точно мы виноваты и, боясь открытія вины, задариваемъ обвинителей. Реформы эти напоминаютъ тѣ времена Петра I-го, когда на вчерашнихъ бородачей и неуклюжихъ бояръ и думныхъ дьяковъ надѣвали узкіе Нѣмецкіе кафтаны. Кафтаны лопались, бородачи оставались тѣми же Московитами.

Сущность не въ формахъ и не въ учрежденіяхъ,—хотя сила организаціи очень велика—сущность въ людяхъ. Людей образуетъ время, исторія. Мы еще молоды, слишкомъ широко живемъ. Теперь только началось многое.

*

На меня награды сыплются за наградами. Сдѣлали сенаторомъ, назначили пособіе въ три тысячи рублей, пожалована аренда, по 2 т. р.

на двѣнадцать лѣтъ. А сегодня четвертая: министерство, т. е. министръ, товарищъ его, члены Совѣта, директора и вице-директоры давали мнѣ обѣдъ. Распорядитель. Н. А. Гернгроссъ, сдѣлалъ его великолѣпнымъ; спичи служили приправою. Я искренно благодаренъ моимъ сослуживцамъ. Благодаря, за тостами, я сказалъ, что имѣлъ подобныхъ два обѣда и понималъ ихъ, а этотъ третій не понимаю и приписываю его одной благосклонности и добротѣ. Тутъ начались спичи. Отвѣчалъ Гернгроссъ: „По праву и по привычкѣ вы занимали у насъ мѣсто какъ бы генералъ-прокурора, мѣсто, какъ извѣстно и какъ гласятъ законы, для всѣхъ ненавистное. И мы и дѣла наши не пользовались вашею благосклонностію, и мы и они чувствовали на себѣ и живость и строгость контроля и оцѣнки. Но не смотря на это, на другой день, въ тотъ же день, встрѣчаясь съ вами, всегда и всякій былъ радъ этой встрѣчѣ, съ удовольствіемъ жалъ руку и всегда съ удовольствіемъ обращался за добрымъ совѣтомъ“ и проч. Шульгинъ написалъ стихи, которые оканчиваются, кажется, такъ: „Благодаримъ, благодаримъ, за добрый трудъ, за жизнь межъ нами и за этотъ день“. Вообще одушевленіе было большое, и мы разъѣхались въ 10-мъ часу.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1864-й годъ.

Сегодня, 2 Февраля, я представляюсь Государю. Послѣ сенаторовъ Пинскаго и Рашета подойдя ко мнѣ, Государь сказалъ: Благодарю васъ за вашу службу. Я надѣюсь, что и въ Сенатѣ вы будете также полезны". Да, но у меня сердце не на мѣстѣ. Въ Саратовѣ что-то нетакъ. Злоба.

Да. Но въ этотъ же день, 2 Февраля, умерла моя сестра, мой милый другъ Евлампія. Какъ это случается въ жизни? Господь вѣдаетъ. Вамъ нужна жертва, сказала она, вотъ вамъ жертва. Убили, просто убили женщину, мать семейства и душу дома. Убили хладнокровно, какъ убиваютъ зависть и злоба. Какія послѣдствія для семейства и особенно для мужа? Какой туманъ покрываетъ глаза мои? Что придумаю я? Да. Но гдѣ же правосудіе? Убить человѣка и убить такъ легко, человѣка, на которомъ лежали и обязанность, и отвѣтственность всего семейства.

Другъ мой, сестра моя, прекрасная товарка нашей прекрасной юности, осѣненной *нашею* матерью—я повергаюсь предъ тобою!

У меня видѣнія. Я вижу сестру. Я страдаю и физически, и нравственно. Я молю Бога и прошу людей прекратить это состояніе. У меня два слуха и два зрѣнія. Кто этого не испыталъ, тотъ меня не пойметъ; тотъ не повѣритъ, что я слышу и вижу чего нѣтъ, а между тѣмъ это есть; но мои чувства раздвоились. Чувства организма и чувства мысли, дѣйствительность и воображеніе. Въ самомъ дѣлѣ—когда каждоминутно пронимаетъ лихорадка, это объясняется не такъ легко. И я не знаю, какъ и чѣмъ это кончится (12 Февр. 1864).

---

*) См. въ 4-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" сего года, стр. 534.

Сегодня, при руководствѣ хранителя древностей Стефани, мы обозрѣвали новыя пріобрѣтенія Эрмитажа, преимущественно изъ музея Кампана. Пріобрѣтенія весьма важныя, замѣтно обогащающія наши коллекціи, но я нахожу, что большіе толки о царицѣ вазъ и о Венерѣ—въ родѣ Медицейской—слишкомъ много придаютъ значенія этимъ произведеніямъ древности. На мои глаза и то и другое произведенія Римскія. Начать съ формы вазы. Она хороша, но недостаточно легка и кажется непропорціональна въ отношеніяхъ середины къ верху и къ низу. Потомъ рельефныя украшенія. Они пестры и на занимаемомъ мѣстѣ не совсѣмъ на мѣстѣ. Имъ слѣдовало бы не рельефомъ и нѣсколько ниже. Что касается Венеры, то она конечно замѣчательна, но сравнивать ее съ Медицейской я не буду.

Путешествіе по Эрмитажу меня утомило. Развлеченія мнѣ не удаются. А уединенія надобно бѣжать, а послѣдовательное серьезное чтеніе невозможно.

Занятія мои съ министромъ приближаются къ концу, и мнѣ скоро придется оставить Петербургъ. Мнѣ почти хочется его оставить.

Сегодня я уѣзжаю. Оставляю Петербургъ совершенно равнодушно, точно онъ мнѣ насолилъ, какъ будто въ немъ жить нехорошо, служба не удалась, или злые враги торжествуютъ. Я знаю, Москва мнѣ не понравится, я знаю, Москвѣ и я не понравлюсь. Мои служебныя отличія ставятъ меня довольно въ исключительное положеніе, а исключительность изолируетъ. Она усиливаетъ непріязнь, прибавляя къ холодности еще долю зависти. Она умаляетъ дружбу, всегда болѣе склонную къ участію въ невзгодахъ.

Ну, прощай гордый Русскій городъ, съ деспотическими твоими властями закона, природы и людскаго гонора. Я очень мало уважалъ эти власти и очень мало терпѣлъ отъ нихъ. Петербургу принадлежатъ лучшіе годы моей жизни, но онъ ими воспользовался весьма льготно, и я не имѣю никакого права роптать на его требовательность.

Мое второе Московское сидѣнье.

Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ я сижу въ Москвѣ, но все еще не рѣшаюсь выразить гласно мои наблюденія и впечатлѣнія: такъ еще сильно чувствуется противоположность старушки Русской и щеголеватаго иностраннаго дѣятеля, иначе бюрократа. Еще погожу, подожду, пристроюсь.

Москва, общество, Сенатъ падаютъ, падаютъ видимо. Въ Москвѣ еще живетъ Филаретъ, но угасающая лампа свѣтитъ уже слабо и если къ ней обращаются съ Петербургскими бумагами, то развѣ по обычаю, и нельзя сказать, чтобы съ пользою. Въ Москвѣ есть и генералъ-губернаторъ, но его зовутъ г. Офросимовъ, нѣчто изъ армейскаго и купече-

скаго круга, который давалъ Москвѣ Скалозубовъ и жертвователей на благодѣтельныя учрежденія. Въ Москвѣ живутъ и старые тузы, но не бояры, а генералъ-адъютанты: Шиповъ, Закревскій, Н. Муравьевъ, и имъ не оказывается ни довѣрія, ни высочайшаго вниманія, ни движенія, и они не отмѣчаются даже злословіемъ. Въ Москвѣ есть и Сенатъ, конечно умирающій; но Сенатъ этотъ не только не фрондируетъ по прежнему, онъ, чувствуя приближеніе конца, ничего не дѣлаетъ, а ищетъ, заискиваетъ въ Воспитательномъ Домѣ, въ храмѣ Спасителя. Ему нужны пріютъ и спасеніе.

Журналы („Московскія Вѣдомости“ и „День“) и общественные пересуды живутъ однимъ: ненавистью къ Петербургу. Безъ нея нѣ о чемъ ни говорить, ни писать.

Замѣчаю я много разнузданности въ среднемъ и низшемъ классѣ, особенно въ классѣ слугъ. Жалобы на дурныхъ служителей общія, особенно на кучеровъ и поваровъ. Замѣчаю я менѣе опрятности и уличнаго порядка и много какой-то губернской патріархальности, которая на бульварахъ чулки вяжетъ, завтракаетъ, отдыхаетъ и спитъ, а тутъ бѣгаютъ стаи собакъ, куръ, индѣекъ и даже кошекъ.

Общественность удалилась въ клубы, и они полны. Я въ нихъ еще не членъ и не былъ. Небольшіе кружки, которые я успѣлъ посѣтить, у генерала Шипова, у д. с. с. Сушкова (фрейлина Екат. Ѳедор. Тютчева), сенатора Тимирязева и сенатора князя Одоевскаго, собираютъ людей хорошей компаніи, весьма умныхъ, но немножко фрондёровъ, немножко нелюбителей Петербургскихъ реформъ и немножко остановившихся и въ чтеніи и въ работѣ.

Трудно себѣ представить, чѣмъ интересуется Москва и какъ жадно ждетъ и принимаетъ Петербургскія новости. Перенося ихъ изъ кружка въ кружокъ, изъ дома въ домъ, молва, болтовня даетъ имъ такіе невѣроятные размѣры, что необходимы все губернское простодушіе и вся старческая довѣренность, чтобы непринять ихъ за вымыселъ и преувеличеніе. Такъ напр. разсказы о Муравьевѣ Виленскомъ, о его встрѣчѣ тысячами народа, о визитѣ ему княгини Суворовой, о дерзкомъ его ропотѣ на неоцѣнку заслугъ его и о его планѣ водворенія и утвержденія Русскаго элемента въ Западномъ краѣ. Особенно послѣднее, планъ представляетъ самую широкую канву для самыхъ фантастическихъ узоровъ. Муравьевъ хочетъ обрусить всѣхъ землевладѣльцевъ въ западныхъ губерніяхъ, Шиповъ хочетъ обрусить все Царство Польское. Имъ сочувствуютъ и Московская и частію Петербургская пресса, и все общество, довольно скорое на всякія сочувствія на словахъ и за брагою. Дѣло въ томъ, что предположено продавать казенныя и частныя имѣнія Русскимъ православнымъ и сдѣлать обязательнымъ при воспи-

таніи Русскій языкъ. Мѣры радикальныя, но едва ли исполнимыя. Императоръ Николай роздалъ майораты православнымъ генераламъ, но мѣра эта не имѣла никакихъ послѣдствій. Казенныя земли пойдутъ въ продажу, если оцѣнятъ дешево, но потомъ постепенно перейдутъ къ Полякамъ. Частныя имѣнья, за немногими изъятіями, не перейдутъ къ Русскимъ. Патріоты Замойскіе оснуютъ фондъ и не поддадутся. А что касается Русскаго языка, то мѣра эта была предписана въ Остзейскомъ краѣ, но оказалась совершенно безполезною. Не такими мѣрами притягиваютъ части къ центру. Дайте единство политическое, дайте общую конституцію, и тогда, не нарушая и не обходя закона, вы введете и Русскую рѣчь, и Русское большинство, и Русское могущество. Это двинетъ и общественную силу и политическое воспитаніе народа.

Мнѣ и сказать (не замѣтить и сознать) трудно, какъ я падаю, падаю, падаю....

Кеппенъ умеръ, академикъ, Петръ Иван. собиратель, нашъ этнографъ-статистикъ, добросовѣстный и нельзя сказать, чтобы его не оцѣнили. Я познакомился съ нимъ въ Іюнѣ 1835 г., когда онъ жилъ на дачѣ въ Павловскѣ, у тестя своего Аделунга. Онъ былъ уже кривъ и худъ и старъ, какъ при отъѣздѣ въ Крымъ, въ послѣдній разъ. Помню, что за обѣдомъ онъ мечталъ, какъ о своемъ идеалѣ, быть начальникомъ *всѣхъ*, *всѣхъ* (повторялъ онъ) архивовъ настоящихъ и будущихъ (и будущихъ—повторялъ онъ). Аделунгъ слушалъ серьезно и отвѣчалъ на этотъ довольно странный идеалъ честолюбія. „Я удивляюсь, какъ тебя не сдѣлаютъ такимъ начальникомъ. Вмѣсто того, чтобы сожигать статистическую отчетность, замѣняя ее общими и весьма неточными министерскими отчетами, какъ это дѣлается во Франціи, чтобы не подвергнуть сомнѣнію достовѣрность ихъ повѣркою съ источниками или вмѣсто того, чтобы для храненія дѣлъ назначаютъ цѣлые города (какъ въ Испаніи), я бы сдѣлалъ себя градоначальникомъ всѣхъ старыхъ дѣлъ въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ городѣ, гдѣ мы живемъ, сложенныхъ; но съ тремя условіями“. Какъ, говорилъ Петръ Ивановичъ отвѣчать, чтобъ не сгорѣли дѣла? Нѣтъ, возразилъ Аделунгъ, primo, чтобы всѣ дѣла сжигались; secundo, чтобы ты дѣлалъ изъ всѣхъ точное систематическое извлеченіе, и tertio, чтобы ты основалъ школу Кеппеновъ для дальнѣйшаго продолженія учрежденія. И, прибавилъ я, (обращаясь къ Кеппену), чтобы вы отвѣчали за всякую справку, необходимую изъ стараго дѣла. Отвѣтственность не важная: дѣла обязательно предаются уничтоженію, сказалъ мнѣ Кеппенъ, и это произвело взрывъ нашего хохота и намекомъ на Французскихъ и вообще на министровъ, сжигающихъ источники повѣрки и основанія отвѣтственности. Разговоръ зашелъ о другомъ.

Я встрѣчался съ Кеппеномъ довольно рѣдко. Въ 1844 г. мы нѣсколько времени ѣздили вмѣстѣ по Финляндіи. Раза три я присутствовалъ на его вечерахъ, гдѣ ораторствовали Ѳ. П. Лишке и Гессе. Онъ уговорилъ меня вступить въ Географическое Общество. При встрѣчахъ мы были добрые и давніе знакомые. Въ ревизіонной коммисіи 1863 г. я выставилъ его заслуги по собранію матеріаловъ для Словаря Географическаго, отъ которыхъ, заявивъ печатно, очень безцеремонно отказывались г. Семеновъ и его сотрудники. Рѣдко можно встрѣтить такого добросовѣстнаго собирателя. Даль, но В. И. Даль не прочь къ матеріаламъ прикинуть и своего печенья.

Посреди нашихъ огромныхъ реформъ, огромныхъ гражданскихъ завоеваній, оглушенные ихъ шумомъ, мы едва замѣчаемъ событія, которыя въ другое время, при нормальномъ расположеніи умовъ, были предметомъ торжественныхъ празднествъ не только правительства, но и общества, корпорацій и даже семействъ. Я говорю объ окончаніи Кавказской войны, продолжавшейся болѣе 60 лѣтъ и стоившей Россіи несмѣтныхъ жертвъ народомъ и деньгами. Событіе это какъ-то принято и проходитъ незамѣтно. Въ Петербургѣ кто-то распорядился отпраздновать обѣднями въ лагерѣ, въ соборахъ и въ церквахъ; а въ Москвѣ и въ Россіи никакого торжественнаго празднованія нѣтъ, и Синодомъ никакого распоряженія не сдѣлано. Встрѣтили это событіе съ должнымъ почетомъ только газеты, и то немногія: „Инвалидъ“ и „День“. Общество, народъ и самые органы ихъ глухи и нѣмы. Окончаніе Кавказской войны важно не только потому, что, съ замиреніемъ прекраснаго и богатаго края, мѣстная жизнь ближе становится къ гражданственности, рѣдко уживающейся съ военнымъ положеніемъ. Бюджетъ государства долженъ сократиться. Имперія не будетъ отвлекать и тратить значительныя силы къ этой отдаленной оконечности; положеніе Востока, Персіи и Азіатской Турціи, измѣняется рѣшительно и становится невольно въ отношенія покровительства. Теперь систематически можно подумать, какъ о водвореніи въ краѣ, на началахъ автономіи, хорошаго гражданскаго управленія, такъ и о развитіи производительности южныхъ произведеній, продаваемыхъ намъ такъ дорого чрезъ Балтійскій портъ: марена, хлопокъ, плоды, масло, шелкъ, ткани, и о распространеніи торговли съ сосѣдними государствами. Не знаю, кому изъ полководцевъ честь и слава, но несомнѣнно честь и слава Русскому солдату.

Боже мой, какъ я умаляюсь, уменьшаюсь, уничтожаюсь! Я это чувствую, ощущаю, вижу; болѣе—я это помню: смерть Саши. Помоги мнѣ, Господи!.... Нѣтъ, Богъ тебѣ далъ все, чтобы этого не было, и вопреки Его волѣ есть: такъ казнись и раскаивайся.

Кавказская война кончилась, а наши журналы и газеты заняты теперь, какъ вы думаете, чѣмъ? Угрозами смежнымъ государствамъ и народамъ. Укрѣпленіе нашего владычества на Евксинѣ и Каспіѣ, доскональное разрушеніе Азіи, всей Азіи! Послѣ возбужденія сепаратизма въ Финляндіи, Прибалтикѣ, Литвѣ, даже въ Малороссіи, это вторая заслуга нашей прессы. Указываютъ на третью, это—отпоръ вмѣшательства въ Польское дѣло. Да, это заслуга. Но здѣсь прессѣ помогли два-три клуба, пятокъ-десятокъ ловкихъ губернаторовъ, съ легкой руки кн. Суворова и неистовства Польскаго подземнаго правительства, при совершенно пассивномъ положеніи класса крестьянъ. Помогли и энергическія дѣйствія генерала Муравьева. Да, все это такъ, а потомъ что? Потомъ что?

У меня обѣдалъ министръ, генералъ-адъютантъ Зеленый. Я пригласилъ сенатора князя Одоевскаго, и мы порядочно потолковали о Петербургскихъ нарядахъ. Выходитъ, что наряду-то не имѣется никакого. А событія все расширяются, углубляются и ускоряются по крутизнѣ положенія. Мы еще въ эпохѣ уступокъ и дарованій. Скоро наступитъ эпоха уклоненій и переступленій. Какъ-то съ ними справятся? И справиться думаютъ съ нашими министрами! Да, мы привыкли къ безотвѣтности и безнаказанности.

У насъ въ деревнѣ пожаръ. Пожары вездѣ. Я вызываю семью. Что это такое?

Начало народной вольности ознаменовалось у насъ почти повсемѣстнымъ военнымъ положеніемъ, если не по объявленію, то на самомъ дѣлѣ. Военныя экзекуціи и схватки 1861 г. приготовляли къ тому исключительному положенію, при которомъ всѣ учрежденія порядка сводились къ двумъ властямъ: экстраординарной военной, которая судила и разстрѣливала по полевому уложенію, и экстраординарной мировой, которая судила и рѣшала по своему усмотрѣнію. Всѣ прочія власти, дисциплина, полиція и судъ опустились, ослабли и объявились несостоятельными. При поколебаніи земельной собственности почти всей Россіи поколебалось и ослабло самое понятіе о собственности. Съ ослабленіемъ учрежденій порядка естественно возбуждается опасеніе за личную безопасность. Къ этому присоединились три обстоятельства, вызванныя конечно ожиданными послѣдствіями свободы: Польское возстаніе, находящееся въ связи съ нимъ демагогическіе замыслы внутренніе и бездѣльничество дворни и рабочихъ, опьяненныхъ *дешевкою* и поощряемыхъ безнаказанностію, которую они чувствуютъ въ *отмѣнѣ* тѣлесныхъ наказаній. Польскіе ссыльные, пропагандисты внутренніе, и эти бездѣльники разливаютъ на всемъ пространствѣ Имперіи такую массу возгараемыхъ матеріаловъ, что внѣ столицъ имущества, села,

города горятъ, расхищаются, пропадаютъ, а личности ищутъ огражденій въ самоуправствѣ и уступчивости. Не будемъ говорить объ общихъ жалобахъ землевладѣльцевъ на неисполненіе работъ, на потравы и кражи; укажемъ на общія жалобы мастеровъ на работниковъ и господъ на слугъ. По улицамъ, на бульварахъ, на гульбищахъ ходить нельзя: такъ отвратительно пьянство, такъ назойлива дерзость, такъ стѣснительна самоувѣренная распущенность. Города горятъ. Общее убѣжденіе то, что поджигаютъ Поляки. Пожары принимаютъ колоссальные размѣры и сопровождаются страшными послѣдствіями: народъ хватаетъ подозрительныхъ и разрываетъ на части или бросаетъ въ огонь. Грабители грабятъ. Толпа, найдя склады вина, напивается и тутъ же на пепелищѣ засыпаетъ. А все идетъ crescendo—и странно мое ослѣпленіе! Мнѣ кажется, во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ есть система, организація, подземные распорядители. Я могу ошибаться и желаю быть изобличеннымъ въ ошибкѣ. Для изслѣдованія пожаровъ въ Казани и Симбирскѣ назначенъ генералъ баронъ Врангель и—говорятъ—мой сотоварищъ, сенаторъ Ждановъ.

Вотъ пріѣхали и мои. Пожаръ сдѣлалъ большое впечатлѣніе на Митю. Онъ до сихъ поръ припоминаетъ малѣйшія подробности. Тата утѣшала его, увѣряя, что папа пріѣдетъ и построитъ все снова. Но никакой перемѣны въ нихъ я не нашелъ. Кажется, еще похудѣли. Гувернанткою (Eugénie Duvoir) я не доволенъ. Это какая-то Московская пансіонерка, суетная и недоученая. Мы всѣ успокоились.

Обѣдалъ у меня министръ юстиціи Дмитр. Никол. Замятинъ. Мнѣ хотѣлось поподробнѣе и откровеннѣе объясниться съ нимъ, и я объяснился, просидѣвъ съ нимъ съ 5 до 9 часовъ, когда поѣхали вмѣстѣ на вечеръ кн. Юрія Долгорукаго. Я далъ ему четыре записки о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ нынѣшнихъ порядкахъ Сената, и онъ, благодаря меня за мысль, выразилъ совершенное согласіе и готовность привести мои предположенія въ исполненіе. Предположенія эти касались: назначенія первоприсутствующихъ, доли участія сенаторовъ въ наблюденіи за ходомъ дѣлъ и изложеніемъ рѣшеній, отвѣтственности оберъ-прокурора и оберъ-секретаря при пересмотрѣ департаментскихъ рѣшеній въ общемъ собраніи, и сокращенія переписки и подписей, имъ же нѣсть числа. Несмотря на положительное обѣщаніе, я не вѣрю словамъ министра, ибо изъ тона и нѣкоторыхъ вставныхъ предложеній замѣтилъ и вполнѣ увѣренъ, что на самостоятельность его расчитывать нечего и что банда правовѣдовъ окружила его и дѣлаетъ что хочетъ.

Въ виду нашихъ утонченныхъ Европейскихъ преобразованій любопытно отдать отчетъ въ элементахъ, среди которыхъ онѣ водворяются. Русскія явленія.

При общественныхъ выборахъ въ Москвѣ по новому положенію *запирали всѣ двери* богатой городской думы (въ д. гр. Шереметева), чтобы члены не ушли и оставалось ихъ необходимое число, но (замѣчаетъ газета) члены все-таки находили возможность удалиться изъ собранія („Моск. Вѣд.“ № 181). Въ „С-пб. почтѣ“ № 21, оберъ-полицмейстеръ, опровергая 10 № „Совр. Слов.“ о обязательности платежа 25 р. пожарнымъ, удостовѣряетъ: убѣжденіе въ необходимости подобнаго платежа вкоренилось такъ сильно, что *многіе* домовладѣльцы, *въ случаѣ пожара*, приказываютъ запирать ворота и не впускать пожарную команду и проч. Въ „С.-П. Почтѣ“ № 24 описано какъ на выборахъ дворянъ, 23 Января 1863 г. при повѣркѣ ящиковъ во всѣхъ оказалось различное число шаровъ: въ иныхъ не доставало, въ другихъ были лишніе. У Н. Арсеньева насчитали 148, слѣд. не доставало 12; а въ другихъ лишніе: въ ящикѣ г. Каменскаго *нашли* 108 избирательныхъ шаровъ и 115 неизбирательныхъ изъ 160 т. е. 58 лишнихъ“. Дворянство потѣшается или тишируетъ? Въ „Моск. Вѣд.“ 3 Марта № 48. Г. Милюковъ описываетъ, что въ Малоархангельскѣ, Орлов. губер. по улицамъ отъ собакъ, быковъ и свиней житья нѣтъ. Приводитъ и случаи. Въ „Очеркахъ“ и въ „Москов. Вѣдом.“ 6 Марта № 50 описано событіе 13 Октября 1862 г. о побояхъ, причиненныхъ поручику Макаревичу, въ Бобриницкомъ уѣздѣ (Херс. губер.), когда онъ, по приглашенію сосѣда своего Вешнякова, пріѣхалъ къ нему въ домъ, гдѣ находилась цѣлая компанія: Василій Келаповскій, Александръ Черба, Ник. Величковскій, Александръ Теренинъ и дьяконъ Богдановичъ. Я не помню, по уголовной моей практикѣ, такого варварскаго поступка, такой дикой перепойки, такого степнаго разбоя.

„Тобольск. Губерн: Вѣдомости“ пишутъ и „Московскія“ (19 Марта 1863 г.) повторяютъ, что въ Березовскомъ краѣ страшный голодъ и что, въ Декабрѣ прошлаго года, священникъ Лумпоковскаго прихода о. Воргуновъ формально доносилъ, что въ одномъ его приходѣ 16 человѣкъ умерли съ голода. Въ 41 № „Москов. Вѣдом.“ разсказывается и въ 71 поясняется случай, какъ въ Тульск. губерніи крестьяне согласились, за условленную сумму, обмѣняться женами, и обмѣнялись.

Въ журналѣ Донскаго войнск. присутствія 15 Ноября 1862 г. описано, какъ мировой посредникъ Егоровъ, при введеніи уставной грамоты, когда крестьяне не соглашались ни на какія условія изъ упорства, вынужденъ былъ наказать чрезъ казаковъ 15 человѣкъ, въ томъ числѣ и женщину.

„День“ 20 Апрѣля 1863, № 16, описываетъ „что при открытіи общей думы въ Москвѣ случилась небольшая непріятность, украдены чаша, назначенная для водосвятія и сукно со стола; сняты, но не

украдены часы; по слухамъ оборвана драпировка и сдѣланы неприличности неудобныя для печати". „Моск. Вѣдом." 23 Апрѣля 1863 г. № 86": Стоило иному иностранному наблюдателю немного прислушаться къ тому что̀ серьезно говорилось въ Петербургѣ, присмотрѣться къ тому что̀ тамъ дѣлалось вокругъ, чтобы вынести полное убѣжденіе въ совершенномъ разложеніи нашего общественнаго организма". „Москов. Вѣдомости", 19 Декабр. 1869 г.: „Едва ли гдѣ публичная нравственность и стыдливость охраняютъ менѣе чѣмъ въ Москвѣ".

Крики: „Край Русскій, Русскій", „усилить, развить Русскій элементъ, поднять, возвысить духовенство православное", и т. п. раздаются безпрестанно и громко. Газеты, пользуясь свободою, пишутъ гимны Русскому элементу, праздно задѣваютъ иноплеменныя народности, другія исповѣданія и вызываютъ сепаратизмъ и во всякомъ случаѣ антагонизмъ и междуусобицу. Особенно тутъ отличаются „Московскія Вѣдомости" Каткова, „День" Аксакова и „Голосъ" Краевскаго. Другой антагонизмъ—другая заслуга нашей печати—это раздраженіе сословій и постепенное низведеніе говора и споровъ въ нижніе слои, въ народъ, гдѣ мѣстные пропагандисты подготовляютъ почву, на которой могли бы выразиться желанныя притязанія демократіи, хоть по поводу предстоящихъ земскихъ собраній. Здѣсь служатъ службу почти всѣ наши газеты и журналы, но преимущественно „День" Аксакова и „С.-петербургскія Вѣдомости" Корша. Имъ помогаетъ и „Вѣсть", но, давая пищу, обноситъ помѣщиковъ, интересы которыхъ она исключительно защищаетъ. Еще пунктъ, на которомъ сходятся всѣ (всѣ демократическія) газеты и даже помѣщичья „Вѣсть", это отзывы о Наполеонѣ III. Они до того односторонни и безцеремонны, можно сказать неприличны, что едвали могутъ сравнимы, въ этомъ отношеніи, съ Англійскими. А между тѣмъ, Боже мой! Въ какомъ положеніи наши учрежденія? Въ какомъ положеніи наша учебная часть? Въ какомъ положеніи дѣтства наше общественное мнѣніе и въ какомъ упадкѣ наше хозяйство, наши финансы? Ну какая Польская, Нѣмецкая или Шведская интеллигенція подчиняется такому господствующему элементу, имѣя свои гораздо лучше? Вмѣсто того, чтобы кричать и только кричать, надобно бы учиться и учиться, догонять и стать самостоятельно и твердо.

Что̀ значитъ конвенція 15 Сентября? Примиреніе папства съ Италіей? Война Италіи съ Австріей? Путаница, для которой нуженъ *конгрессъ?* Нѣтъ. Это новая уступка демократіи.

Высокое призваніе, которое одушевляетъ Гизо во всѣхъ его дѣяніяхъ и сочиненіяхъ, и настоящее положеніе христіанской вѣры, знаменующееся индифферетизмомъ въ латинствѣ и отрицаніемъ въ протестантизмѣ, вызвали на свѣтъ новое сомнѣніе маститаго профессора-оратора:

Méditations sur l'essence de la religion chretienne. Скромное названіе оправдываетъ скромность содержанія, состоящаго изъ общихъ разсужденій, примѣненія текстовъ и выписокъ изъ другихъ, всегда прекрасно сказанныхъ, но ничего новаго не прибавляющихъ для убѣжденія невѣрующихъ и укрѣпленія слабаго вѣрованія. Отъ книги вѣетъ высокимъ гуманнымъ, но человѣческимъ духомъ. Нѣкоторыя выраженія намекаютъ на неглубокое убѣжденіе самаго Гизо. Во всякомъ случаѣ предлагаемое имъ соединеніе всѣхъ исповѣданій для сравненія напирающаго отрицанія неисполнимо, а указываемые имъ, какъ путь спасенія, ортодоксы-протестанты и либералы-католики, если бы и соединились, привели бы народы къ безвѣрію; ибо и тѣ и другіе опираются на науку, а наука-то и губитъ теплую вѣру. Вышла только первая часть „Размышленій“; подождемъ остальныя три. Гизо не изобрѣтателенъ. Онъ прекрасно выводитъ, групируетъ и описываетъ фактъ. Здѣсь требовалось другаго дара, и старикъ очевидно старъ для новаго поприща теолога.

Государь ѣдетъ въ Ниццу, гдѣ болящая Императрица проводитъ зиму. Легче было бы, если бы зима проведена была въ Испаніи или Италіи. Не любовь къ Наполеону въ Россіи общая. Мы всѣ и Европа знаемъ, что прошлогодній дипломатическій напоръ имѣлъ во главѣ Наполеона. Онъ публично выразилъ въ тронной рѣчи, что Россія попираетъ трактаты. Лучше умереть, чѣмъ искать спасенія и убѣжища у такого врага. Это имѣетъ видъ, что Россія заискиваетъ въ могущественномъ властелинѣ; это даетъ убѣжденіе, что дипломатическая война кончена послѣ секретнаго обязательства дать Польшѣ конституцію. Вообще мы неохотно читаемъ извѣстія о поѣздкѣ нашихъ государей за границу и описанія о пребываніи ихъ тамъ. Наши князья и княгини безпрестанно въ вояжахъ, точно имъ непріятно дома. Къ намъ пріѣдетъ какой нибудь принчикъ, и то на нѣсколько дней, и то по случаю охоты или коронаціи или сватьбы. Государь возвращается съ великимъ княземъ Константиномъ. Послѣдняя вѣсть горше первой.

На моихъ глазахъ Европейское общество, а потому и Русское, получили довольно рѣзкія направленія, вслѣдствіе событій, выразившихъ реакцію направленіямъ предшествовавшимъ. Событія эти были: переворотъ 1830 г., вызвавшійся реакціею направленію династическому, легитимизму и водворившій исканіе популярности сближеніемъ съ буржуазіей и свободою трибуны и каѳедры съ высшими представителями націи. Второе: перевороты 1848 г., вызванные злоупотребленіемъ свободы, популярности и парламентаризма, которые привели къ диктаторству, къ просвѣщенному деспотизму. Франція идетъ впереди, за нею идутъ другія державы, и въ концѣ ихъ мы. Императоръ Николай шелъ въ разрѣзъ съ революціей и не хотѣлъ знать ея вліяній. Только не

стало его, начались и у насъ либеральничанья, исканіе популярности и свобода ученій и преній. Трилогія Уварова (самодержавіе, православіе и народность) забыта и замѣнена конституціей, вѣротерпимостію и исключительнымъ Русскимъ направленіемъ. Первый шагъ того религіознаго направленія была свобода крѣпостнаго населенія. Власть совершенно обезсилѣла въ виду 25 м. освобожденныхъ и непривыкшихъ къ самоуправленію массъ. Всѣ орудія власти остановились, нужно было создать дискреціонную власть генераловъ и мировыхъ посредниковъ. Къ довершенію ала, въ это же время понижены проценты и удешевлена водка. Пониженіе процентовъ устремило капиталы на разныя предпріятія, бросившія въ народъ большіе заработки. Пьянство усилилось чрезвычайно. Пьютъ молодыя дѣвки, пьютъ дѣти. Къ этому подоспѣла отмѣна тѣлесныхъ наказаній, безъ которыхъ полиція не знаетъ, что̀ дѣлать съ нарушителями порядка, которые, прежде сжатые въ ежевыхъ рукавицахъ, теперь, пьяные, расходились такъ, что другимъ и ходить нельзя. На недостатокъ прислуги, на недостатокъ мастеровыхъ и рабочихъ общій плачъ. Пропаганда пришла къ намъ двумя путями: путемъ науки и путемъ Польши. Они соединились вмѣстѣ и основали школу либераловъ, состоящую изъ нигилистовъ и нигилистокъ, шахматнаго клуба, студентскихъ сходокъ и вообще молодой Россіи. Сжатые мѣрами строгости, они открыто вызываютъ революцію прокламаціями и пожарами. Какой исходъ возметъ это хаотическое состояніе, раздуваемое непрестанными реформами, Польскими эмиссарами и вызывающими газетами? Я думаю, что власть отрезвится и сдержитъ потокъ уновленій. Для водворенія и усвоенія ихъ нуженъ порядокъ, спокойствіе и постепенность.

Брошюра Шедо-Феротти еще волнуетъ наше общество. Совѣтъ университета, возвращая присланные экземпляры, выразилъ, что книга эта (Que fera-t-on de la Pologne) написана перомъ, враждебнымъ Россіи, а „Моск. Вѣдомости“ огласили этотъ отзывъ. Графъ С. Г. Строгановъ, путешествующій съ Цесаревичемъ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, выразилъ въ письмѣ къ проф. Бодянскому сочувствіе этому отзыву и просилъ передать это членамъ Совѣта. Тоже заявилъ Пензенскій губернскій предводитель отъ имени всего дворянства. Теперь затѣваютъ въ Англійскомъ клубѣ дать членамъ Совѣта обѣдъ, и вѣрно состоится. Должно замѣтить, что здѣсь бьютъ не по коню, а по оглоблямъ. Хотятъ донять не Шедо-Феротти, и даже не Головнина, котораго не любятъ, правда, и предательское дѣйствіе котораго „Моск. Вѣдомости“ выставили такъ рельефно, Москва хочетъ донять Великаго Князя Константина, двигателя крестьянскаго дѣла и ненавидимаго дворянствомъ. Въ книгѣ барона Фиркса оправдывается система, которой держался въ Польшѣ

Великій Князь до начала 1863 г. Москва хочетъ этимъ заявить и неудовольствіе свое духу сепаратизма, теперь особенно пробудившемуся по случаю реформъ и свободы цензуры. Въ Польшѣ намъ много общаго и сродственнаго. Здѣсь антипатіи болѣе историческія, сглаживаемыя событіями. Прибалтійскій край „въ лѣсъ смотритъ", потому что онъ волкъ, другое племя, другой языкъ и другая вѣра. Здѣсь сліяніе невозможно безъ исчезновенія полнаго. Въ Польшѣ сліяніе возможно при взаимномъ общеніи, при обоюдныхъ уступкахъ. Прибалтійцы считаютъ себя и край *принадлежавшими* Римскому императору, а теперь Германіи. Въ XVI ст., когда Иванъ Грозный опустошалъ этотъ край, Ливонскій орденъ и города обратились къ императору. Фердинандъ или Максиміліанъ присылалъ посла убѣдить царя, что это край имперскій, и Ливонія только по безсилію имперіи распалась и отдалась Швеціи и Польшѣ. Высшая Нѣмецкая культура самый злой врагъ нашъ. Она онѣмечитъ всю Чухландію, которая уже усвоила себѣ и вѣру и *почти* языкъ (азбуку). Русская пропаганда тамъ чрезвычайно слаба, и надобно прочесть воззваніе Рижскаго преосвященнаго, чтобы удостовѣриться, въ какомъ положеніи тамъ главный элементъ нашъ—православіе. Въ столкновеніи съ западною цивилизаціей мы должны уступать. Въ насъ нѣтъ устойчивости. Мы всесторонне и безпрерывно преобразовывались. Совершивъ, не остановимся-ли теперь?

Въ городѣ, университетѣ, въ клубахъ и въ журналахъ большіе толки все о Шедо-Феротти: que fera-t-on de la Pologne. С. П. Шиповъ и Н. В. Сушковъ, Щебальскій, Менде, Араповъ агитируютъ и приготовляютъ Каткову адресъ, письма, манифестацію. Они уговаривали меня подписаться, предоставляя измѣнить редакцію, и я на отрѣзъ отказался, не желая ни быть человѣкомъ партіи вообще, а Катковской (исключительность Русская) въ особенности, ни тащить журнальныя пренія и частныя манифестаціи въ толпу, въ народъ, на площадь. Катковъ заходитъ такъ далеко, желая величія и твердости Россіи, что перепугались всѣ окраины, порусски неговорящія; онъ такъ льститъ народному самолюбію и даетъ такую увѣренность въ политической зрѣлости общества, что за нимъ побѣжитъ и готовъ кричать весь читающій и пишущій людъ Россійскій; онъ такъ безцеремонно обноситъ Петербургскихъ администраторовъ, всю и всякую Петербургскую среду, что въ Европѣ вмѣсто „Петербургскій кабинетъ" будутъ называть „Московитское правительство". Шедо-Феротти выступилъ противъ этого направленія, и брошюра его мастерски выставляетъ исключительность, тѣсную, довольно грубую и всегда заносчивую Московскаго публициста. Онъ прижалъ его къ стѣнѣ, и я понимаю агитацію Каткова. Вмѣсто агитаціи г. Каткову лучше бы было обдуматься и удостовѣриться, что то, что онъ говоритъ

правительства дѣлаютъ не разглашая, и дѣлая, разглашаютъ то, что въ сложныхъ организмахъ представляетъ терпимость, своевременность и законность. Г. Каткову лучше бы открыть публичные курсы и подвинуть нашу интеллигенцію, которая едва справляется съ Азіатскими племенами и всегда уступаетъ Западнымъ. „Русскія“ въ Польшѣ провинціи, возвращенныя отъ нея, доселѣ называются въ Россіи „Польскими“. Смоленскъ недолго былъ въ Польскихъ рукахъ, давно въ нашихъ, а все таки вліяніе Польское тамъ доселѣ не изгладилось.

Польшѣ дадутъ самостоятельность, я заключаю это изъ поѣздки въ Ниццу, изъ свиданія съ Наполеономъ, послѣ всѣхъ выходокъ принца Наполеона и самого императора при открытіи прошлогодней сессіи. Но дадутъ тогда, когда хорошо пойдутъ наши земскія учрежденія, готовящія намъ общее представительство земства. А учрежденія эти приняты съ такимъ равнодушіемъ, порицаются такъ открыто и вообще обѣщаютъ такъ сомнительно, что политическая зрѣлость наша далеко не истина.

Земскія учрежденія наши (1 Января 1864 г.) идутъ плохо, и я находилъ и нахожу, что этотъ институтъ взялъ основанія слишкомъ односторонніе, механическія, демократическія, и при томъ вызванъ къ жизни не во время. За расходы бояться, кажется, нечего. Дворянство бѣдствуетъ, а прочія сословія всегда скупы на добровольныя обложенія. Я опасаюсь, что собраніямъ—если они состоятся—обстоятельства придадутъ значеніе политическое, и они придумаютъ разныя затрудненія правительству и поставятъ его въ необходимость распускать ихъ и удерживать старый порядокъ. Главнѣйшая обязанность, раскладка податей, можетъ привести даже къ открытой борьбѣ, и можетъ явиться такое смѣлое собраніе, которое откажется отъ раскладки, объявивъ цифру несоразмѣрною съ средствами губерніи или уѣзда.

Изъ трехъ способовъ состава законъ остановился на *выборномъ* по количеству и цѣнности земель. Нѣтъ ни постоянныхъ членовъ по имуществу или по значенію, ни правительственныхъ по опредѣленію (кромѣ удѣла и казны). Должно ожидать, что большинство выберетъ отставныхъ чиновниковъ.

Самоуправленіе вещь прекрасная, но оно требуетъ денегъ, знанія дѣла и общественнаго мнѣнія. У насъ этого нѣтъ даже въ столицахъ. Деньги есть, да и то бумажныя, только въ Петербургѣ*). Любопытно посмотрѣть на наше дворянство, какъ оно заораторствуетъ. Конечно не такъ, какъ въ комитетахъ 1858 г. Обѣднявшіе и голодные они закри-

*) Впрочемъ это самоуправленіе совершенно зависитъ отъ губернатора, министра внутреннихъ дѣлъ и Сената (несамоуправляющагося?)

чать другимъ тономъ, и въ протоколъ надобно будетъ заносить не однѣ манифестаціи.

Все это время, съ Августа, я очень доволенъ моими крошками и Митей, и Татой. Они здоровы, прилежны, много читаютъ, добры и благородны. Начинаетъ одолѣвать пытливость, особенно у Мити. Ему плохо дается математика, но очень занимаютъ вопросы о чудесахъ и Божьемъ промыслѣ, а также: какъ родятся дѣти и отъ чего узнаютъ, что тотъ мальчикъ, а та дѣвочка. На дняхъ, гуляя со мною по бульварамъ, онъ съ какою-то досадою говорилъ, что никто этого не знаетъ и ни въ журналахъ (которыхъ они получаютъ два) и ни въ какой книгѣ (у него ихъ 56) объ этомъ ничего не сказано. Прекрасныя существа! Какъ озабочиваетъ ихъ будущность при видѣ этого ничтожнаго молодаго поколѣнія, тщеславящагося какимъ-то нигилизмомъ.

Съ приведеніемъ въ дѣйствіе судебной реформы и цензурнаго устава мы, кажется, подвинемся къ Западу, и намъ не въ чемъ позавидовать Европѣ. Конституціи? Она придетъ. Государь готовъ все дать. Она придетъ, и при томъ ранѣе, нежели думаютъ и попросятъ. Нѣтъ. Есть еще чего пожелать. Во первыхъ, климата, т. е. бо́льшаго времени работы; во вторыхъ сокращенія пространства, т. е. увеличенія времени работы: въ третьихъ, монетной единицы, т. е. болѣе производительной работы. Если принять въ соображеніе всю сумму вліяній на жизнь этихъ трехъ факторовъ (атмосферы, земли и труда) вліяній повсюдныхъ, всеобемлющихъ и всегдашнихъ, то едвали не придется намъ отказаться когда нибудь выравняться съ Европейцами. А тутъ еще два обстоятельства: намъ надобно *догонять*, ибо мы очень отстали, и догонять съ малыми средствами, ибо главныхъ двигателей, капиталовъ, у насъ нѣтъ. Какое же можетъ быть у насъ Европейское устройство при такихъ условіяхъ? Баденъ, Сардинія и самая Франція, къ которымъ преимущественно обращаются наши реформаторы, совершенно въ другихъ условіяхъ. Неужели Петръ Великій не заводилъ у насъ Европейскіе порядки, а чѣмъ они сдѣлались, водворенные въ Россіи?

Должно сознаться, въ настоящее время мы преуспѣваемъ скоро, гораздо быстрѣе, нежели прежде; но это происходитъ на счетъ будущаго. Усиленный ходъ и въ государствѣ, какъ въ членахъ и мускулахъ человѣка, отзывается со временемъ усталостію, изнуреніемъ, обезсиленіемъ. Какъ мы живемъ долгами и на уплату металлическихъ процентовъ не имѣемъ собственныхъ средствъ, такъ и въ гражданскихъ преобразованіяхъ мы преуспѣваемъ на счетъ будущихъ поколѣній. Мы создали и создаемъ многое, безпрестанно создаемъ и безпрестанно пересоздаемъ, но хорошо-ли, прочно-ли, благотворно-ли? Я помню и

зналъ Пруссію въ 1842 году безъ всякихъ парламентскихъ учрежденій. Она была въ превосходномъ состояніи. Правительство было просвѣщенное, сильное и почетное. Король имѣлъ полное право сказать объ юстиціи: „so rein wie nie“. Ну что бы намъ также себя поставить? Нѣтъ, мы гонимся за либеральными учрежденіями и, не подозрѣвая того, что они подмываютъ власть, единственный цементъ нашъ, и въ окончательныхъ послѣдствіяхъ ведутъ къ сепаратизму, т. е. къ раздробленію.

Агитаціи Каткова продолжаются. Проэкты писемъ на его имя и приглашеніе Совѣта университета на обѣдъ ходятъ въ клубѣ и подписываются желающими. Слова его статьи 9 Февраля, особенно возмутившія Фиркса, говорятъ: „Отнимемъ же у нашихъ враговъ такое сильное орудіе (католицизмъ въ соединеніи съ элементомъ Польщизны), и несбыточныя мечты незначительнаго Польскаго населенія западнаго края рушатся сами собою. Пусть католики, протестанты и самые Евреи обучаются каждый своему закону по-русски, пусть въ ихъ храмахъ раздается слово проповѣдника по-русски; пусть всѣ они молятся по Русскимъ молитвенникамъ, и они перестанутъ чуствовать себя Поляками, и проч. Сторонники Каткова утверждаютъ, что въ его словахъ нѣтъ ничего повелительнаго и обязательнаго, основываясь на словѣ „пусть“, и что это есть только приглашеніе, совѣтъ, какъ имъ выйти изъ безвыходнаго положенія. Это несправедливо. Такое приглашеніе имъ дѣлается едва ли уже не сто лѣтъ. Они ему слѣдуютъ. Нѣтъ, публицистъ Московскій говоритъ: „отнимемъ же у нашихъ враговъ такое сильное орудіе“, сдѣлаемъ *ихъ* Русскими. Здѣсь *принужденіе*, обязательность. Какъ публицистъ отъ католицизма (полонизма) перешелъ къ протестантамъ и Жидамъ, объяснить можно уравненіемъ народностей.

Изъ Петербурга, съ возвращеніемъ Государя и Великаго Князя Константина, ожидаютъ къ новому году или 19 Февраля много новостей и новыхъ установленій. Добрыхъ ожидать трудно. Все дѣлается такъ скоро, небрежно и на живую нитку, все такъ плохо вяжется съ прочими порядками и дѣйствительною средою, что заранѣе можно сказать: „непремѣнно напутаютъ“. Въ 1846 г. я предлагалъ графу Панину отмѣнить законъ о предоставленіи дѣлъ уголовныхъ начальнику губерніи. Въ 1863 г. послѣдовала эта отмѣна по дѣламъ, слѣдующимъ въ Сенатъ на ревизію. И что же? Забыли, что въ рѣшеніяхъ этихъ всегда есть апелляціонныя части, подлежащія утвержденію губернатора, и мы должны или возвращать дѣла для утвержденія и объявленія на правѣ отзыва, не разсматривая ревизіонной части, или, разсмотрѣвъ свое дѣло, ревизіонное, отсылать остальныя части для утвержденія губернаторскаго и

для объявленія на правѣ отзыва, и тогда дѣло, или по несогласію губернатора или по отзыву, *опять* приходитъ въ Сенатъ. Путаница на путаницѣ, а все отъ непрактичности законодателей.

Эти дни былъ у меня два раза генералъ Шиповъ, чтобы посовѣтываться о лучшемъ способѣ оглашенія записки его (новой) по Польскому вопросу. Она написана противъ Шедо-Феротти и довольно неумѣренно. Сколько я могу догадываться, все это агитація Каткова, которому нужны всѣ орудія и пригодны всякія орудія, лишь бы какъ нибудь выпутаться (замаскироваться) изъ положенія, указаннаго ему книгою Шедо-Феротти не совсѣмъ великодушно и съ порядочною долею злорадства. Съ легкой руки псевдо-русскаго публициста, теперь иностранныя газеты, и органы весьма серьезные, разработываютъ вопросъ о Русской партіи и ея тенденціяхъ. Не думаю, чтобы Государь, правительство и покровители „Московскихъ Вѣдомостей“ были довольны сложившимся убѣжденіемъ подъ вліяніемъ обличеній, основанныхъ на точныхъ выпискахъ Русскихъ новыхъ патріотовъ. Если они не далеко зашли, то они несомнѣнно зарапортовались. Шиповъ хотѣлъ послать записку Государю, при письмѣ къ шефу жандармовъ. Я отсовѣтовалъ. Я убѣдилъ выкинуть всѣ рѣзкости, вызванныя духомъ партіи, а послать записку, довольно невинную—можно.

Съ одной стороны публицистика сильно одолѣваетъ и существующія учрежденія и дѣйствующія лица, одолѣваетъ до неприличія. Она законъ считаетъ какимъ-то проэктомъ и не только критикуетъ его по обнародованіи, какъ напр. земскія учрежденія, но дѣлаетъ даже предметомъ публичныхъ преній, какъ напр. г. Лохвицкій въ своей диссертаціи: „Губернія“; а при порицаніи управленія, она современно забываетъ, что здѣсь есть своя іерархія отвѣтственности, до подрыва всякаго довѣрія и уваженія къ закону и его исполнителямъ. Съ другой стороны и явленія въ нижнихъ слояхъ народа не менѣе знаменательны: своеволіе, безотвѣтственность, грубость, пьянство и преступленія усилились и усиливаются замѣтно простому глазу. О столицахъ я могу судить самъ, видя каждый день по этимъ улицамъ пьяныхъ, дерущихся и толкающихся мастеровыхъ и рабочихъ. О провинціи, не говоря о разсказахъ, можно имѣть понятіе по страшному употребленію вина и страшнымъ грабежамъ и пожарамъ, вызвавшимъ почти повсемѣстно полевое уложеніе съ разстрѣляніями и съ висилицами.

Единственная уцѣлѣвшая власть въ провинціи, это—мировые посредники. Оставляя въ сторонѣ Калужскую губернію, гдѣ посредники, подъ вліяніемъ губернатора Арцимовича, систематически раззорили не одного помѣщика, достаточно прочесть отвѣтъ Екатеринбургскаго исправ-

ника на обличительныя статьи въ сегодняшнемъ № „Дня“, который только скрѣпя сердце и по требованію цензурныхъ правилъ, напечаталъ этотъ протестъ полиціи противъ анархическаго направленія нашихъ мировыхъ учрежденій.

Прочелъ я 13 и 14 ч. „Исторіи Россіи“ Соловьева. Много интереснаго, хотя послѣ Устрялова трудно найти что нибудь новаго. Во всякомъ случаѣ Соловьевъ ученѣе и выше Устрялова, и потому нѣкоторыя страницы его книги, какъ развитіе воззрѣнія или системы, обрисовываютъ явленія и учрежденія эпохи замѣчательно и глубокомысленно. Но какъ Устряловъ и особенно Соловьевъ носятъ на себѣ печать нашего времени, нашего въ высшей степени смутнаго времени! Въ каждой строкѣ изложенія видишь недоработку, недоконченность и потомъ небрежную поспѣшность и безпрестанныя замашки на оригинальность. Очевидно, ни наука, ни языкъ не остановились, не установились и бродятъ по событіямъ, вводя для оригинальности любопытные эпизоды со всѣми ихъ мелочами, переступятъ годъ и, повторяя сказанное, бродитъ и языкъ то въ современныхъ неологизмахъ, то цѣликомъ въ старыхъ столбцахъ со всѣми ихъ затѣйливыми витіеватостями и грубыми оборотами рѣчи. Нѣтъ строгаго достоинства въ наукѣ, нѣтъ и чистоты языка. Соловьевъ однимъ глазомъ смотритъ на Славянофиловъ, ратующихъ за описываемую эпоху, рѣшительно несостоятельную, а другимъ—на тѣхъ борзописцевъ, которые односторонне выставляютъ только нужныя имъ явленія, съ точки зрѣнія порицанія или осмѣянія. Это исторія!

Я хочу заварить небольшую кашу. По случаю перебранокъ Каткова и Леонтьева съ 9 гласными Думы, послѣдніе въ *напечатанномъ* отвѣтѣ неуважительно выразились объ Управѣ Благочинія, какъ о мѣстѣ, пользующемся самою неблаговидною извѣстностію *). Говорить такъ объ учрежденіи дѣйствующемъ, объ органѣ правительства я допустить не могу и желаю указать министру Валуеву, что подобныя печатные отзывы могли быть допущены только поблажкою цензуры и незнаніемъ Европейскихъ порядковъ, въ которыхъ правительство и его органы никогда не могутъ быть предметомъ газетныхъ перебранокъ. Я увѣренъ, что каша моя возстановитъ моихъ мирныхъ товарищей, а мнѣ очень бы хотѣлось не идти одному въ общее собраніе. Но, если не соглашу съ собою никого, пойду и одинъ.

Прочелъ я записки Ермолова съ 1801 по 1812, изданныя въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“ и Записки 1812 г., изданныя кн. Долгору-

*) Опредѣленіе состоялось и послано было къ Мин. Вн. Дѣлъ, который его подписалъ и донесъ, что вмѣстѣ съ симъ сдѣлано подтвержденіе Цензурному Комитету о точномъ исполненіи правилъ 1862 г. Но не потерпитъ-ли отъ этого пресса? 24 Янв. 1865 г.

ковымъ въ Лондонѣ. Человѣкъ тутъ еще не весь, но изъ этого можно судить о всемъ человѣкѣ. Я же зналъ его лично; онъ провелъ двое сутокъ у насъ въ деревнѣ, я бесѣдовалъ съ нимъ много. И физическія, и умственныя силы его были колоссальны, но ему не доставало убѣжденій и правилъ поведенія, которыя незамѣнимы ни характеромъ (впрочемъ довольно своеобразнымъ и упрямымъ), ни желѣзною волею, ознаменовавшеюся преимущественно на Кавказѣ. Ему не доставало высшаго просвѣщенія, хотя онъ щеголяетъ латинскими цитатами. Ему недоставало и теплой вѣры. За этими недостатками, всѣ лучшія его качества дѣлаются чѣмъ-то страдательнымъ, отрицательнымъ, даже мелочнымъ, такъ что съ самыхъ первыхъ страницъ до послѣднихъ только и слышишь ропотъ, жалобы, зависть, колкости и насмѣшки. Нѣмцы—его главная тема. Неумѣнье цѣнить заслуги и способности его—вторая тема. Плохія ему награды—третья. Въ латинскихъ, до рабства подражательныхъ оборотахъ рѣчи, Ермоловъ преплохой военный писатель. Ни при Аустерлицѣ, ни при Эйлау, ни даже при Бородинѣ не услѣдишь ни общаго плана, ни развитія дѣйствій битвы, ни нравственнаго ихъ вліянія. Можетъ быть, въ Персіи и на Кавказѣ могущественный сардарь не измельчается выходками зависти и интриги и станетъ выше мелочей окружающей дѣйствительности (но и тамъ вѣрно есть Петербургъ), но здѣсь отсутствіе существенныхъ элементовъ воспитанія выставляетъ знаменитаго человѣка въ свѣтѣ невыгодномъ, и тотъ очень ошибется въ своихъ ожиданіяхъ, кто вознамѣрится въ этихъ Запискахъ найти славнаго Ермолова, популярнаго Московскаго богатыря на покоѣ. Просто грустно: на что̀ тратится человѣкъ!

Общій говоръ въ Москвѣ передаетъ слухъ изъ Петербурга о назначеніи министромъ финансовъ бывшаго сослуживца моего, статсъ-секретаря Заблоцкаго-Десятовскаго. Толку тутъ никакого быть не можетъ. Какой онъ финансистъ? Онъ журналистъ, статистикъ, ученый, но не министръ и особенно финансовъ и финансовъ въ Россіи и въ настоящее время, когда вексельный курсъ упалъ до 311 сантимовъ за рубль и когда попытка на новый заемъ не удалась и при усиліяхъ Штиглица. Это паденіе курса насъ ѣстъ и заѣстъ, а помощи отъ Заблоцкихъ не дождешься. Эти теоретики, эти либръ-ешанжисты ослабятъ внутреннюю производительность еще болѣе и равновѣсіе бюджета будутъ поддерживать усиленіемъ сбыта акцизныхъ питей, табаку и сахару и выпускомъ безпроцентныхъ бумажекъ, если занять нельзя. Мы страдаемъ слабою производительностію и, если противъ этого говорятъ низкія цѣны на хлѣбъ, то объясняется это безденежьемъ, на которое жалобы отовсюду. Назначеніе Заблоцкаго (Луи-Бланъ по Шереметеву, газетчикъ по Му-

равьеву) произведетъ говоръ и ропотъ въ кружкахъ Московскаго общества. Выборъ припишутъ Великому Князю Константину, котораго въ Москвѣ весьма не жалуютъ.

Секуляризація католическаго монашества въ Царствѣ Польскомъ принята, какъ и слѣдовало ожидать, въ Московскихъ кружкахъ съ радостію, какъ первый шагъ къ уравненію Царства съ западными губерніями и къ возстановленію тамъ Славянскихъ порядковъ, вытѣсняемыхъ съ давнихъ временъ пришельцами съ Запада и вліяніемъ папизма. Цесаревичъ Наслѣдникъ въ Римъ не поѣдетъ; тамъ точатъ и ядовятъ стрѣлы въ Ватиканѣ, откуда должны раздаться стоны воплей и громы порицаній и охуленій. Другія государства, уже исполнившія эту мѣру, имѣютъ право порицать развѣ радикальное измѣненіе statu quo, не болѣе. Но порицать тутъ нечего. Монастыри сдѣлались притонами революціонеровъ и сами участвовали въ возстаніи, которое безъ ихъ содѣйствія не могло бы принять такіе размѣры, ни длиться такъ долго и упорно. Но я не согласенъ съ Московскими кружками въ томъ, что это есть шагъ къ уравненію. Уравнять ихъ невозможно. Польша всегда удержитъ свою особность, и только высшая, лучшая цивилизація у насъ, въ нашемъ обществѣ, наше умственное и гражданское превосходство подчинитъ de facto Польшу Россіи. А это превосходство достигается не легко и не тѣми путями, которыми идемъ мы, не имѣя хорошей системы просвѣщенія, не имѣя порядочныхъ учрежденій, не умѣя порядочно совершать преобразованія, умѣя только кричать во всю дорогу: „Я Русскій! Этотъ край Русскій, Русскій, Русскій!“ Природа обидѣла насъ и климатомъ, и произведеніями. Самое изобиліе земель, безъ соотвѣтственнаго населенія, служитъ какъ бы препятствіемъ развитію труда и установленію правильнаго хозяйства. Мы надѣемся на преобразованія, но изъ всѣхъ этихъ преобразованій я надежду полагаю на два: гласный судъ и неограниченную гласность. Они должны ввести какой нибудь порядокъ въ частную жизнь, въ общество. Но это совершается не легко, и элементы эти, всегда и вездѣ могущественные, могутъ уродливо выразиться въ средѣ, мало воспитанной для воспринятія убѣжденій, правилъ, привычекъ, почти чуждыхъ, противуположныхъ природѣ вещей, всему прошедшему, всему настоящему нашего общества. Я боюсь, что гласность приметъ у насъ направленіе одуряющее, коммунистическое и нигилистическое и пойдетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ. На самоуправленіе я не полагаю никакой надежды.

А вотъ и указъ 20 Ноября. Судебная реформа совершилась! Если земскія учрежденія установятся, если устроятся суды скорые и правые,

то успѣхи наши въ гражданственности по истинѣ будутъ изумительны. Изумительны въ особенности потому, что достигнутся скоро и безъ усилій; изумительны и потому, что въ центрѣ Имперіи, въ господствующемъ племени новыя учрежденія установятъ порядки, какихъ нѣтъ ни въ Польшѣ, ни въ Прибалтійскомъ краѣ, ни въ Финляндіи, и въ которыхъ мы получимъ пунктъ тяготѣнія, долженствующій привлечь, привязать къ намъ эти чуждающіяся насъ окраины государства. Слова мои почти имѣютъ смыслъ гиперболы, насмѣшки, но я—и сомнѣваясь въ такихъ успѣхахъ и послѣдствіяхъ ихъ—долженъ отдать полную справедливость, что вполнѣ раздѣляю Петербургское воззрѣніе о необходимости и условіяхъ коренныхъ измѣненій всѣхъ нашихъ учрежденій. Все шло такъ вяло, такъ дурно, такъ произвольно и грубо, что только скорая и большая нажива могла привлекать въ среду нашу и западныхъ, и Русскихъ иностранцевъ. Теперь все должно пойти иначе. Остается убѣдиться, что новыя учрежденія водворятся и усвоятся въ жизни и найдутъ, по воззванію Царя, всѣ необходимые для ихъ дѣйствія элементы въ цѣломъ обществѣ и въ каждомъ гражданинѣ. Въ этомъ отношеніи Петербургъ готовъ сказать: Sit experimentum in anima vili. Вотъ тутъ-то я съ нимъ расхожусь и думаю, что эта anima vilis сдѣлаетъ отпоръ и покажетъ своего рода силу, которую теоретики никогда не подозрѣваютъ.

Что ни день, то новость. Вотъ и внутренній заемъ въ 100 милліоновъ на условіяхъ чрезвычайно, *чрезмѣрно* выгодныхъ. Эта выгодность и запутанная мотивировка указа показываютъ, что состояніе нашихъ финансовъ болѣе нежели неудовлетворительно. Подписка, разумѣется, превзойдетъ ожиданія. Вѣроятно подпишутся на 300 или болѣе. Съ началомъ реализаціи вексельный курсъ нашъ упадетъ еще ниже. Лихорадка у насъ будетъ большая. Вкусъ къ лотереямъ разовьется.

Москва ничего не имѣетъ столичнаго: большая вѣстовщица и сплетница, пересудамъ и критикамъ ея нѣтъ конца. Особенно этимъ щеголяютъ дамы; онѣ славятъ Христа, получаютъ небывалыя новости, дополняютъ ихъ, разряживаются и ѣздятъ съ визитами, хлопочутъ о бѣдномъ человѣчествѣ и собираются на бесѣды. Мужчины дѣлаютъ тоже, но здѣсь господствующая страсть—поругать Петербургъ, министровъ и Великаго Князя Константина. Какъ мужчины, такъ и женщины раздѣляются на праздношатающихся и свахъ. Первые ничего не дѣлаютъ, вторыя думаютъ, что онѣ дѣло дѣлаютъ. Къ этимъ двумъ стихіямъ съ 1856 г. присоединилась журналистика, въ лицахъ Аксакова, Павлова, Каткова. Основаніемъ этой стихіи, получившей съ гласностью, огромное значеніе, есть элементъ Русскій, по-славянофильски—Русь. Она чрез-

вычайно подозрительна и во всякомъ не-Русскомъ видитъ своего врага, который интригуетъ, говоря словами Каткова, лукавитъ и подготовляетъ торжество свое, выражаясь по-славянофильски. Катковъ требуетъ, чтобы всѣ иновѣрцы превратились въ Русскихъ, „День“ требуетъ, чтобы всѣ и всякіе Русскіе подданные были православные. Это исходный пунктъ Московской публицистики, съ которымъ паралельно идетъ антагонизмъ къ Петербургу. Здѣсь таже подозрительность, и слово „Петербургскій“ равносильно бранному. То оно значитъ: поверхностное, канцелярское, заимствованное, то не свойственное Россіи, враждебное, даже измѣнническое. Опираясь на кружки и клубы, публицистика образовала свои партіи и, въ случаѣ надобности, заводитъ агитаціи. Агитаціи переходятъ въ корпораціи, въ Думу, въ университетъ. Газеты разносятъ вѣсти объ этомъ, по дальнимъ краямъ, и тамъ пишутся письма, адресы, пьются тосты, посылаются телеграммы. Въ Москвѣ агитируютъ преимущественно празднолюбцы, а распространяютъ агитаціи—свахи. Все бы это ничего, но вотъ что важно: за этою мнимою дѣятельностію, въ этихъ агитаціяхъ забываютъ объ отчетливомъ ученіи, о дѣлѣ. Молодежь приготовляется самая ненадежная, ни о какомъ порядочномъ профессорѣ и не слышно, никакого явленія, даже литературнаго, не укажешь даже съ большимъ снисхожденіемъ, а о нигилистахъ и нигилисткахъ слышишь и даже видишь много. Агитируетъ самъ старикъ Филаретъ, съ вѣчнымъ неудовлетвореннымъ самолюбіемъ; а нѣтъ проповѣди, которая хоть сколько нибудь остановила бы страшное развитіе пьянства, нѣтъ и публициста, который бы указалъ на печальныя и неотдаленныя послѣдствія настоящаго порядка вещей, въ которомъ именно порядка-то всего менѣе. Я не боюсь агитаціи Филарета. Она неумѣстна, безъ такта, противорѣчитъ и сану, и значенію. Я боюсь агитаціи почитателей Каткова, которые тянутъ ее на площадь, на улицу.

Генералъ Шиповъ привозилъ мнѣ письмо шефа жандармовъ князя Долгорукова, въ которомъ ближайшій министръ проситъ Московскаго министра-на-покоѣ содѣйствовать съ своей стороны успѣху внутренняго займа расположеніемъ къ нему общественнаго мнѣнія Московскаго общества. Князю Долгорукову извѣстна дружба Шипова съ редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“, и потому просьба шефа жандармовъ относится косвенно къ журналисту: знаменіе нашего положенія знаменательное и, занося этотъ фактъ въ мою лѣтопись, я не безъ опасенія предвижу скорое пришествіе журнальнаго правленія и нумерическаго господства въ земствѣ и городскихъ общинахъ. Финансовое затрудненіе наше таково, что мы идемъ навстрѣчу банкротству и для покрытія дефицита дѣлаемъ новый долгъ и вносимъ въ бюджетъ новые 6 м. рас-

хода. У насъ въ правительствѣ давно господствуетъ теорія. Съ возникновеніемъ публицистики теорія эта ищетъ опоры въ журналистахъ, отъ которыхъ зависитъ общественное мнѣніе, и особенно столь ублажаемое нами мнѣніе Европы. Все это кажется не имѣетъ особенной важности; но всего важнѣе здѣсь то, что правительство теряетъ подъ собою землю и становится на такомъ основаніи, при которомъ ни твердость, ни независимость невозможны: ибо теоріи самыя новыя очень стары и всегда зыбки, а опора, предлагаемая въ дневныхъ листахъ, измѣнчива и ломка. До приведенія въ порядокъ, какой-нибудь порядокъ, денежной единицы и бюджетнаго баланса нельзя дѣлать долги: они стѣснятъ и приведутъ къ новому упадку вексельнаго курса, и чѣмъ легче достигаются, тѣмъ непроизводительнѣе употребляются.

Въ Москвѣ теперь изъ общихъ толковъ три. О судебныхъ уставахъ: ихъ раскупаютъ на расхватъ, и встрѣчены они съ большимъ сочувствіемъ, но задача введенія ихъ и дѣйствіе немалая, и сочувствіе выражается особенно потому, что нынѣшніе порядки до крайности неудовлетворительны. Противъ проектовъ и началъ 1862 г. сдѣланы два важныя въ Госуд. Совѣтѣ измѣненія: мировые судьи судятъ по законамъ, и имъ предписанъ особый уставъ о взысканіяхъ и наказаніяхъ, довольно широкій и довольно неполный. Судебное сословіе не получило предположенныхъ исключительности и независимости, и министръ сохраняетъ значительную степень вліянія непосредственно и чрезъ высочайшія утвержденія. Этого надобно было ожидать; да къ этому бы и пришли сами судьи, отрѣшившіеся отъ наградъ и милостей, раздаваемыхъ администраціей. Мнѣ кажется, должно ожидать затрудненій въ пріисканіи хорошихъ мировыхъ судей, какъ потому, что условія выбора довольно затруднительны, такъ и потому, что жалованье невелико (1500 р.), а прибавки его не дождешься отъ земства, и теперь отягощеннаго сборами. Должно ожидать большаго произвола въ первыхъ назначеніяхъ на замѣщеніе судебныхъ мѣстъ, и весьма можетъ статься, что назначенія эти совершатся самымъ одностороннимъ образомъ. Второй предметъ толковъ—это рѣчь Д. В. Скарятина въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, въ которой сторонникъ землевладѣльцевъ рѣзко обрисовываетъ жалкое состояніе производительности и банковыхъ операцій въ настоящей Россіи, особенно съ 1861 года. Третій предметъ—это очеркъ составленія положенія 19 Февраля и участіе въ немъ Я. И. Ростовцева, въ послѣдней книжкѣ (Сентябрьской) „Русскаго Вѣстника“, Н. П. Семенова, одного изъ редакторовъ. Статья, довольно плохо написанная, весьма любопытна. Видишь, какъ люди идутъ ощупью и какъ приходятъ къ результатамъ, которые прежде a priori и in principio отвергали. Семеновъ пишетъ

для прославленія Ростовцева, но услуга покойному плохая. Замѣчаетъ и сочинитель, выражаясь откровенно, что Ростовцевъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ членовъ коммиссій. Я думаю, Милютина (Николая) и Соловьева (Я. А.).

Рѣчь Скарятина должна была произвести большой эффектъ въ партіи Николая Безобразова съ товарищи. Она особенно рельефно выставляетъ прибыли по операціямъ банка: съ 1861 г. 2,400 тыс., въ 1862—1,400 тыс., въ 1863 г.—800 тыс. и убытковъ по учету векселей, въ 1818 г. 2 милліона, въ 1862 и 1863 гг. 5 милліон. *). Рѣчь очевидно гнетъ къ тому, чтобы доказать, что энергія нашей производительности ослабла отъ разстройства сельскаго хозяйства землевладѣльцевъ. Но рѣчи этой партіи недостаетъ двухъ аргументовъ: она не объясняетъ, отчего цѣны на хлѣбъ такъ низки, а главное, по моему мнѣнію, беретъ не ту исходную точку. Величайшій недостатокъ всѣхъ, при Петрѣ и при Екатеринѣ, нашихъ преобразователей—это ихъ теоритичность исхода, и отъ того непрактичность въ примѣненіи. Петръ переводитъ иностранное цѣликомъ, даже съ иностранными названіями. Екатерина читаетъ современныхъ мыслителей и дѣлаетъ извлеченія, а потомъ тетрадки свои обращаетъ въ Наказъ, а Сперанскій вводитъ эти мысли и замѣчанія въ Сводъ Законовъ.

Какая tabula rasa лежитъ предъ настоящею судебною реформою! Сколько будетъ ломки, искательствъ, мнимыхъ успѣховъ, и сколько личныхъ перемѣнъ, недочетовъ, разочарованій. Россія лично terra incognita, завоеванная непріятелемъ и устраиваемая имъ на свой строй, какъ дикія степи, способныя принять всякое устройство безъ всякой оппозиціи.

Едва начались желѣзныя дороги отъ Москвы и отъ Одессы, какъ завязалась горячая полемика о направленіи отъ Балты: на Кіевъ или на Кременчугъ? Въ Петербургѣ намѣчаютъ на Кременчугъ, Москва требуетъ на Кіевъ. Я сомнѣваюсь, чтобы она куда нибудь пошла; и думаю, что она постоитъ у Балты. Денегъ нѣтъ. Дѣлаемый заемъ пойдетъ на покрытіе текущаго и будущаго дефицитовъ и на экстраординарные расходы, которые у насъ всегда найдутся. Но конечно, если уже вести дорогу, то на Кіевъ; но вести не теперь, а современно съ

*) Это взято изъ „Торговаго Сборника“ Красильникова. Вотъ его цифры: учетъ векселей уменьшился на 40%, ссуды вообще на 33%. Въ 1861 г. векселей учтено на 87 мил., съ 1862 г. на 73, а въ 1863 г. на 63 мил. рбл. Прибыли банкомъ получено въ 1862 г.—2,713,289 р. съ 1862 г.—1,394,260 р. въ 1863 г.—878,236 р. До ликвидаціи казна получила чистой прибыли 16,949,984 р. Въ 1862 г. понесено убытку—2,194,726 р., а въ 1863 г. 5,573,883 р.

дорогою изъ Москвы въ Кіевъ; иначе Московско-Кіевскій трактъ потеряетъ и нынѣшнее значеніе, а въ политическомъ отношеніи это будетъ просто ошибка. Связь должна быть съ Москвою и ни съ чѣмъ, какъ съ Москвою, центромъ Великорусскихъ нашихъ элементовъ.

Съ возвращеніемъ Великаго Князя Константина агитаціи наши опять усиливаются, и журнальныя пренія отзываются еще сильнѣйшею желчью. Особенно рѣзки „Голосъ" Краевскаго и „СПб. Вѣдомости" Корша. Такъ стараются теперь и въ обществѣ охладить участіе къ внутреннему займу единственно потому, что мѣра эта будто бы придумана и рѣшена между министромъ Рейтерномъ и Великимъ Княземъ. Пріѣхавшіе изъ П-рга говорятъ, что общая цифра не достигаетъ и 200 м. р. Если это дѣйствительно такъ, то фіаско, новое фіаско доказываетъ прямое недовѣріе общества къ правительству. Если уже и такія *чрезмѣрныя* выгоды не могутъ привлечь желающихъ, то и большіе и малые капиталы не надѣятся на состоятельность правительства и смотрятъ на планъ займа какъ на обманъ, надуванье. Дѣйствительно, обѣщаютъ такъ много премій, выигрышей и процентовъ, что знакомый съ дѣломъ невольно долженъ предположить или совершенный недостатокъ, занимающій во что бы то ни стало, или преднамѣренное неисполненіе взятыхъ обязательствъ. Я желаю вѣрить, что подписка—хотя подписка на $^1/_{10}$ ничего не значитъ—дастъ по крайней мѣрѣ 500 м. *).

Я боленъ. По своей неосторожности, какъ всегда, напившись послѣ обѣда холоднаго пива, я почувствовалъ безпорядки въ брюшной полости и, запустивъ болѣзнь, пришелъ къ такому состоянію, въ которомъ надобно было опасаться воспаленія и которое привело меня къ самой непріятной вещи: лѣченію. Я пилъ микстуру, вытерпѣлъ 8 піявокъ и взялъ 2 ванны. Теперь, слава Богу, лучше, но я не выѣзжаю.

Германскіе негоціанты, послѣ многихъ завѣщаній, составили записку о необходимости особаго трактата цольферейна съ Россіей относи-

*) По телеграфу дано знать, что подписка простирается до 115 м. р. Это болѣе нежели фіаско. Но бояться и удручаться этимъ много не должно. Это происходитъ: во 1 отъ общаго безденежья, на которое всюду жалуются и которое посылается обстоятельствами для регулированія расходовъ мѣстной жизни, никогда не бывшей въ нормальныхъ границахъ. Во 2, отъ застоя въ нашей внѣшней торговлѣ, который тоже бѣдствіе временное, имѣющее болѣе постоянныя послѣдствія въ развитіи внутренней промышленности. Въ 3-хъ, въ недостаточности плана лотереи: а) при малочисленности конторъ слѣдовало открыть подписку во всѣхъ губернскихъ и торговыхъ городахъ; б) назначеніе срока подписки болѣе продолжительное (это и сдѣлано,—вмѣсто 4 продолжено до 15 Января 1865, но сдѣлано послѣ заключенія подписки); в) назначить уплату тоже въ болѣе продолжительные сроки, и с) избрать другое время, а не конецъ года, когда заканчиваются счеты и расчеты, и въ 4-хъ, недовѣріе къ правительству.

тельно взаимныхъ пошлинъ привоза и транзита. Записка эта, написанная, какъ говорятъ, Ѳ. Г. Тернеромъ, довольно обширная и обстоятельная, по распоряженію министра финансовъ напечатана въ газетахъ и предложена купечеству, между прочимъ, въ Нижнемъ Новгородѣ, на ярмаркѣ. На дняхъ былъ у меня предсѣдатель ярмарочнаго комитета Александръ Павловичъ Шиповъ и принесъ мнѣ рѣчь свою собранію купечества, обращенную собраніемъ въ протоколъ, какъ рѣшительное мнѣніе купечества о предложеніи Германскаго цольферейна. Это рѣшительный отказъ, даже болѣе рѣшительный нежели всѣ отказы Русскихъ торговцевъ на предложенія иностранцевъ. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ тонѣ и основаніяхъ отказа. Записка названа во первыхъ, „Запискою Нѣмцевъ“, и это презрительное выраженіе повторяется на каждой страницѣ. Шиповъ обѣщается обнять предметъ ab ovo и показать, основываясь на фактахъ и оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, постепенное развитіе и періоды упадка и процвѣтанія нашихъ мануфактуръ и внѣшней торговли. Ничего этого нѣтъ. Множество декламацій, выходокъ противъ Нѣмцевъ, противъ системы Тенгоборскаго, противъ тарифа 1857 г. и указаній на недостатокъ покровительства машиннаго производства и химическихъ издѣлій, близко касающихся самого оратора. Мнѣ понятно, что господствующіе въ Петербургѣ фритредеры могли и должны были вызвать реакцію со стороны мѣстнаго купечества. Рѣзкіе переходы, какъ тарифъ 1857 г., убиваютъ капиталы и основываютъ предпріимчивость; но зачѣмъ же эта запальчивость, почему эта голословность, послѣ такихъ богатыхъ, научныхъ обѣщаній опроверженія? Очевидно, съ нами совершается превращеніе, перемѣщеніе, и центры тяготѣнія поколебались. Я думаю, что правительство не знаетъ точныхъ результатовъ и срока исхода. Это конечно жаль, чтобы не сказать болѣе. Но разъ избравши путь либеральный, здѣсь и тамъ, правительство не можетъ же опять идти назадъ и обратиться къ тарифу 1823 г. Хорошо указываетъ ошибки финансоваго (банковаго) управленія нѣкто Красильниковъ, издатель „Торговаго Сборника“, когда-то агентъ и правитель Англійской конторы въ Лондонѣ. Всѣ эти наѣздники такъ и щиплятъ бѣдное, дѣйствительно *бѣдное*, управленіе.

Увольненіе барона Ливена и назначеніе генералъ-губернаторомъ гр. Шувалова произвело впечатлѣніе и волненіе въ кружкахъ Московскихъ. Униженія, которымъ подверглась Русская національность въ дневныхъ листахъ и научныхъ политическихъ брошюрахъ и книгахъ, пробудили національную гордость, а раздражительные споры сепаратистовъ укрѣпили это чувство до того, что—по пословицѣ: дай долю, Русскій двѣ возметъ—патріоты только и кричатъ: Русскій, Русскій!

Столкновеніе съ Остзейскими учрежденіями не нуждалось въ поводахъ. Еще прежде вызывательной проповѣди суперинтендента доктора Вальтера, вопросъ о городскомъ хозяйствѣ готовъ былъ измѣниться въ корнѣ и основаніяхъ. Его задерживала Нѣмецкая партія въ Петербургѣ, особенно гр. Блудовъ и въ послѣднее время Валуевъ. Съ положеніемъ 19 Февраля 1861 г. и земскій вопросъ поступилъ на очередь, найдя рыцарей дома и за стѣнами. Благовѣщенскій, учитель одной изъ гимназій, напечаталъ въ Дрезденѣ брошюру Der Este und sein Herr и потомъ множество подобныхъ изданій и репликъ, статьи „Русскаго Инвалида“ (весьма рѣзкія), отвѣты Петербургской Нѣмецкой газеты, особенно спокойныя и объемистыя статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ и неловкая защита учрежденій края въ „Сѣверной Почтѣ“ Валуева дали вопросу значеніе общее и поставили его лицомъ къ лицу съ сепаратистскими тенденціями и съ развитіемъ Германскаго элемента вообще и Прусской монархіи въ особенности. Но городскія и земскія учрежденія края такъ крѣпки, что выдержали напоръ и сохранили свои средне-вѣковые порядки и обстановки. Учрежденія судебныя, уже и по общечеловѣческому свойству своему, имѣютъ тѣмъ менѣе устоя, что сплоченныя изъ разныхъ лоскутьевъ, они и въ средѣ края вызывали общія требованія преобразованія. Еще въ мое время Остзейцы ходатайствовали объ открытіи у нихъ особаго департамента Сената собственно для Остзейскихъ дѣлъ, съ производствомъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Министерство и Комитетъ Министровъ отвергли это ходатайство. Капгеръ и я, бывшіе оберъ-прокурорами 2 отд. 5 д-та, менажировали ихъ особенности, проводя впрочемъ то правило, что статьи 2 ч. XV тома о ревизіи и аппеляціи для нихъ обязательны. Это было существенное. Съ обнародованіемъ общихъ основаній судебной реформы въ Имперіи Нѣмецкіе юристы края начали агитаціи и манифестаціи, подсмѣиваясь, въ печатныхъ брошюрахъ, надъ нашими реформаторами, черпающими свои познанія изъ сборниковъ и лексиконовъ. Когда приказано было примѣнить эти основанія къ учрежденіямъ въ трехъ губерніяхъ, баронъ Ливенъ какъ-то неловко предложилъ объ этомъ оберъ-герихтамъ и двумъ магистратамъ, и таившаяся мысль о единствѣ, по крайней мѣрѣ въ судебномъ отношеніи, выразилась съ восторгомъ въ учрежденіи одной общей коммиссіи въ Дерптѣ подъ предсѣдательствомъ старшаго президента барона фонъ-деръ-Ховена. Это произвело взрывъ въ національной журналистикѣ, и рѣзкіе отзывы о сепаратизмѣ заставили барона Ливена снестись конфиденціально съ Петербургомъ и по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ просить увольненія. Увольненіе его не такъ важно; онъ очень мало значилъ въ краѣ, и губернаторы, какъ фонъ-Этингенъ и попечитель университета графъ Кейзерлингъ совершенно его затирали.

Важно назначеніе гр. Шувалова. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ назначеніемъ измѣнится вся система управленія, и Русскій элементъ получитъ болѣе правъ гражданства. Не странно-ли, что еще въ Сентябрѣ 1844 г. посѣтивъ Остзейскія стороны, я представлялъ графу Панину, что въ Ригѣ Русскій человѣкъ, въ Россійской Имперіи, допрашивается по нѣмецки. Тогда съ этимъ представленіемъ согласились и графъ Панинъ, и графъ Блудовъ; доложили и Государю, и высочайше повелѣно исполнить и—вотъ 20 лѣтъ прошло, и все ничего. Не всплыветъ-ли это теперь?

Самый интересный современный вопросъ есть безъ сомнѣнія Шлезвигъ-Голштинскій и ловкая бойкая политика фонъ-Бисмарка. Положеніе герцогствъ дѣйствительно странно и загадочно. Двѣ великія державы, не смотря на подписаніе Лондонскаго трактата, ополчаются противъ маленькой Даніи, отнимаютъ герцогства и на основаніи уступленныхъ Датскимъ королемъ правъ остаются тамъ и хозяйничаютъ, не смотря на протесты во Франкфуртѣ, нисколько по видимому не заботясь о претендентахъ, которыхъ уже двое: Аугустенбургъ и Ольденбургъ. Ни права трактатовъ, ни уваженіе малосильнаго не принимаются во вниманіе. Общій голосъ приписываетъ Пруссіи намѣреніе присоединить герцогства себѣ. Всѣ удивляются умѣнью г. Бисмарка вести дѣла. Онъ счастливо выпутался изъ смутъ внутреннихъ, когда палата не дозволяла ни одного шагу правительству. Онъ счастливо покончилъ войну, возбудя народный энтузіазмъ и устроивъ Австріи подчиненное положеніе. Все это такъ или почти такъ. Но такъ дешево нынче дѣла не дѣлаются. Ни одна изъ великихъ державъ не согласится на такое измѣненіе существующаго равновѣсія силъ, хотя бы Франціи уступила лучшую границу за Рейномъ, а Австріи сдѣлали уплату, которая могла бы поправить финансы и гарантировали Венецію. Большинство Пруссіи съ восторгомъ приняло побѣдителей. Король и правители сдѣлали все, чтобы возвысить событіе и увѣковѣчить его величіе; но въ средѣ мыслящаго класса подвигъ этотъ большой важности не имѣетъ. Въ партіи демократической онъ не найдетъ и отдаленнаго сочувствія, ибо демократическія учрежденія герцогствъ должны потерпѣть чувствительный уронъ, а напротивъ усиленіе элемента правительственнаго для нея вовсе не желательно. Когда фонъ-Бисмаркъ сойдется съ палатою, это будетъ подвигъ, но здѣсь-то и ожидаетъ его пораженіе. Палата вся изъ демократовъ, и они такъ наторѣли, что борьба начнется съ первыхъ засѣданій. Три года Пруссія безъ законнаго бюджета, и нѣтъ вѣрныхъ основаній ожидать, чтобы онъ состоялся и въ 1865 г. Обѣ стороны, опираясь на военныхъ тріумфахъ, станутъ другъ про-

тивъ друга или съ бо́льшими предубѣжденіями, и оппозиція укажетъ этимъ тріумфамъ невысокое мѣсто, хотя бы отъ этого могла потерпѣть и національная слава. Демократамъ національность есть условіе второстепенное. Да и общее мнѣніе Европы не будетъ на сторонѣ Бисмарка. Гегемонія Пруссіи имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, несовременное, военное. Австрія можетъ воспользоваться обстоятельствами и стать во главѣ недовольныхъ, всѣхъ среднихъ державъ, и занять первенствующее положеніе. Выжидательность и предательская хитрость всегда были въ преданіяхъ Австріи.

Вообще и весь 1864 г. я считаю приближеніемъ къ тому порядку вещей, въ которомъ республика и соціализмъ, т. е. ограниченіе власти и собственности, будутъ оказывать все болѣе и болѣе чувствительное вліяніе, а рядомъ съ ними и индиферентизмъ и эманципація общественная все болѣе и болѣе будутъ приготовлять почву къ нарожденіямъ новыхъ видовъ, для которыхъ нынѣшнія господствующія убѣжденія и формы покажутся и слабы, и узки. За исключеніемъ Англіи нѣтъ ни одного государства, которое могло бы расчитывать на правильное развитіе и опредѣленные результаты. Можетъ быть, въ непродолжительномъ будущемъ въ Европѣ измѣнятся центры тяготѣнія. Итальянское объединеніе и стремленіе къ единству Германскихъ племенъ, радикальныя реформы въ Россіи и броженіе въ Турецкихъ христіанскихъ провинціяхъ готовятъ новый порядокъ, для котораго вырабатывается новое право. Въ настоящее время Европа истощевается бюджетами, и военные расходы растутъ непомѣрно. Доколѣ Франція не придетъ въ нормальное положеніе, всѣ вопросы: Итальянскій, Дунайскій, Венгерскій и Польскій, всѣ будутъ ожидать права гражданства, и все сдѣлаться можетъ предметомъ вопроса. Три событія оставляетъ имъ 1864 г. 1) войну въ Америкѣ, 2) папское посланіе 8 Декабря и 3) лихорадочныя реформы въ Россіи. Война Американская все болѣе и болѣе локализируется, и въ отсутствіи хлопка, даже въ Англіи, далеко не имѣетъ тѣхъ угрожавшихъ послѣдствій, которыхъ такъ опасались. Послѣдствія эти еще менѣе важны для прочихъ государствъ и особенно для нашихъ немногочисленныхъ фабрикъ. Война эта гораздо важнѣе въ теоретическомъ отношеніи. Она опровергаетъ ученіе о децентрализаціи и подтверждаетъ, что государство не есть союзъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ областей, но ограниченное цѣлое, въ которомъ всѣ части въ зависимости отъ цѣлаго. Загадочно посланіе папы. Оспаривая всѣ достиженія современной эпохи, папа вдается въ такія крайности, что въ выраженіяхъ его энциклики можно видѣть ослѣпленіе, находящее обыкновенно передъ смертью. Уже въ самый разгаръ Французской революціи, уже

и при полномъ дѣйствіи Священнаго Союза, нельзя было говорить какъ говорить Пій IX-й, и церковная опека есть насмѣшка въ глазахъ самыхъ католическихъ католиковъ. Папа расчитываетъ на фанатизмъ, но онъ не воспрянетъ, и во всякомъ случаѣ это есть, когда онъ есть, двигатель, но не опора. Должно ожидать, что съ ослабленіемъ папской организаціи, усилятся клерикальныя партіи мѣстныя и съ ними заблужденія либеральной. Дурнаго тутъ нѣтъ. Затрудненія просвѣтляютъ воззрѣнія и положенія, и нѣкоторая остановка приводитъ къ обдуманности, всегда небезполезной. Не менѣе важны этой католической реформы преобразованія, совершаемыя въ Русскомъ мірѣ. Доселѣ насъ только чуждались и обѣгали. 280,000 Русскихъ живутъ въ чужихъ краяхъ; 200,000 Татаръ бѣжали изъ Крыма; 400,000 горцевъ выселились съ Кавказа. Теперь реформы щедро, роскошно, расточительно даруются одна за другою. Изъ насъ хотятъ сдѣлать совершенныхъ Европейцовъ, съ политическими правами, со всѣми утонченными огражденіями личности и собственности. Намъ остается при благоговѣйной признательности молить Бога, да удостоитъ Онъ великую націю вступить въ новую жизнь, водворить и усвоить лучшій порядокъ и подъ Его сѣнію достигнуть благосостоянія, жизни честной и любви братьевъ, старшихъ и младшихъ.

(Продолженіе будетъ).

Поправки къ 4-й книжкѣ „Русскаго Архива“ сего года.

На 527 стр. пропущены слова: „и однажды въ Пятигорскѣ сидѣлъ онъ у“.

На 528 стр., 3-я строка сверху, надо:—„составляя маршрутъ—обстоятельство это припомнили и....“

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА[1]).

1865-й годъ.

Новый годъ, масса наградъ, масса недовольныхъ. Назначеній, чиновъ, крестовъ, наградъ и пенсій безъ счету. Особенно роскошно награждены редакторы и сотрудники судебной реформы. Дай Богъ, чтобы исполнители и народъ были довольны ихъ сочиненіями. Дай Богъ, чтобы приводить въ исполненіе было также удобно какъ переводить и перифразировать. Но это не занимаетъ дней новаго лѣта. Ихъ занимаетъ агитація выборовъ и агитація Катковская. Выборы начались сегодня, и уже въ проповѣди епископа Леонида призывались дворяне къ охраненію правъ, дарованныхъ императорами Петромъ, Екатериною, Александромъ I-мъ. Не упомянуты ни Николай, ни Александръ II[2]). Въ уѣзды уже переданы бумаги, и въ числѣ ихъ адресъ Государю о призваніи земства къ представительству нуждъ предъ Государемъ и еще проектъ адреса объ огражденіи редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ всякихъ стѣсненій. Агитація Катковская принимаетъ или раздуваетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Возвратясь изъ Петербурга, Катковъ, столкнувшись съ цензурою, хотѣлъ будто бы оставить редакцію; но его отговорили, и университетскій Совѣтъ, получивъ его просьбу, сдѣлалъ представленіе объ исходатайствованіи „вѣдомостямъ“ общаго права безцензурности, какъ было прежде и какъ существуетъ это для другихъ корпорацій. Дворянство, пользуясь съѣздомъ, приняло на себя и новое ходатайство. Генералъ Шиповъ написалъ шефу жандармовъ письмо, въ которомъ

---

[1]) См. выше, стр. 132.

[2]) Вотъ слова проповѣди: „Господь сохранитъ тебя, тебя, именитое потомство славныхъ мужей временъ Владимира, Ярослава, Димитрія, Іоанна-собирателя, Петра, Екатерины, Александра, сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое отъ нынѣ и до вѣка“ и пр., (Моск. Вѣдом.“ 1865 г. 3 Января, № 5).

„гоненія на Каткова“ называетъ причиною общаго ропота и негодованія и не въ одной Москвѣ, но во всѣхъ концахъ Россіи. Московскія свахи бьютъ въ набатъ. Московскіе юноши Англійскаго клуба ударили тревогу. Совѣтъ университетскій являлся 1 Января къ Каткову и поднесъ ему свое постановленіе. Крамольники! Крамола! И все это въ такихъ формахъ, непривычныхъ и неосновательныхъ, что такъ и видишь рѣшительное непониманіе политической жизни, неудавшейся не въ дѣйствительности, а въ конторахъ журналистовъ, въ кружкахъ празднолюбцевъ и незнающихъ народной жизни теоретиковъ. Такъ и гонять агитацію на площадь и на улицы!

Прусскія палаты открыты 2 (14) Января, и уже самая мирная рѣчь короля заставляетъ сомнѣваться въ соглашеніи палаты депутатовъ съ министерствомъ. Она какъ бы предвѣщаетъ отмѣну конституціи или по крайней мѣрѣ управленіе безъ палатъ. Цензъ палаты депутатовъ такъ эластиченъ, что и при новыхъ (третьихъ) выборахъ нельзя расчитывать на консервативный элементъ. Теперь же она вся оппозиціонная и при томъ систематически. Бисмаркъ упорствомъ и безцеремонностію напоминаетъ Полиньяка. Но трудно вѣрится въ либерализмъ Нѣмцевъ, скорѣе повѣришь въ ихъ фанатизмъ. Либералы палаты впрочемъ не демагоги и не демократы. Они настоящая интеллигенція государства и имѣютъ не только призваніе, но и аллюры учителей, мыслителей. Въ числѣ ихъ есть и спеціалисты, знатоки теоріи и дѣла; но такъ какъ они не при дѣлѣ, то теорія беретъ верхъ, и практическое примѣненіе разбивается въ отвлеченіяхъ.

Московскіе выборы кончились, сегодня подписанъ адресъ, агитація унимается, трещатъ пересуды и злобствуютъ личности. Собраніе было замѣчательное*), и представителями его, героями его, являются и посылаются къ Государю гр. Орловъ-Давыдовъ, Н. А. Безобразовъ и Д. Д. Голохвастовъ, личности дѣйствительно выдающіяся изъ нашего, даже лучшаго, Московскаго дворянства. Съ 1861 г. цѣль всѣхъ и всякихъ дворянскихъ собраній одна: оплакивать бѣдственное положеніе дворянства и бѣдственное положеніе правительства, преимущественно мини-

*) Возникало сомнѣніе въ прочности хоровъ въ большой залѣ Московскаго дворянскаго собранія: такъ много всходило туда послушать рѣчи, раздававшіяся внизу. С. А. Соболевскій сочинилъ по этому поводу, будто дворяне обратились къ Государю съ такимъ заявленіемъ:

„Скажи опричникамъ своимъ, что мы, по манію народа, сюда, подъ сѣнь гнилаго свода, сошлись и твердо здѣсь сидимъ. Или попретъ одинъ хожалый Дворянской грамоты права?! Нѣтъ, однаго на это мало!.... И вотъ является ихъ два. Быстро расходятся и не заходятъ даже въ буфетъ“.

Посѣщая ежедневно Англійскій клубъ, старый холостякъ Соболевскій знакомъ былъ съ тогдашними дворянскими затѣями. П. Б.

стерскаго управленія, „Петербургскихъ канцелярій, опричины“, какъ выразился третьяго дня Голохвастовъ. По старымъ понятіямъ, это— крамола; по новымъ, это борьба партій: оптиматовъ и правительства. Интересы класса дворянъ здѣсь даже не на второмъ планѣ. Оптиматы хотятъ имѣть политическое значеніе. Прося объ общихъ выборныхъ земли Русской, богачи просятъ и выборовъ дворянскихъ выборныхъ, вызываясь служить безъ всякихъ служебныхъ правъ, безъ наградъ и безъ жалованья, какъ служили и служатъ Орловъ-Давыдовъ, Безобразовъ и другіе. Это будетъ палата лордовъ. Лорды эти завербовали къ себѣ и дворянскую редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, взявъ ихъ своимъ органомъ, а г. Катковъ придумалъ и планъ учрежденія частнаго университета на манеръ Англійскихъ. Какъ мы близки къ кореннымъ преобразованіямъ въ нашемъ быту и въ нашемъ образованіи, такъ недавно и радикально преобразованныхъ! Господи! Какъ въ озлобленіи за крѣпостное право и въ агитаціяхъ крамолы мы близоруки, слѣпы и не въ состояніи различить сѣраго отъ бѣлаго!

Что скажутъ въ Петербургѣ? Я полагаю, что, зная все происходившее на выборахъ, Петербургъ дастъ нагоняй депутатамъ и не дастъ хода адресу, какъ содержащему въ себѣ требованіе, относящееся до всей имперіи и всѣхъ сословій. Развитіе земскихъ учрежденій дѣло раціональное и желанное, но не въ настоящій моментъ, когда кипятъ страсти и негодованія и когда національные сепаратизмы въ полномъ развалѣ. Надобно выждать окончанія реформъ и дать имъ время пріобрѣсти устой. Окрѣпнутъ общественныя гарантіи, тогда можно завершить зданіе. Мы только и знаемъ, что предписываемъ новые порядки, а порядка никакого нигдѣ нѣтъ. Разъ, съ крѣпостнымъ дѣломъ, вступя на крутой поворотъ, мы остановиться не можемъ и несемся стремглавъ. Потряслась земля подъ всѣмъ крестьянскимъ міромъ, и встревоженный, перепуганный міръ въ расплохѣ не знаетъ куда идти и гдѣ остановиться.

Особенную ненависть высказали къ Великому Князю Константину и къ Валуеву столько же, сколько къ Головнину и Рейтерну. Особенную благодарность выразили Каткову, открывъ подписку для поднесенія ему золотой чернильницы и алмазнаго пера, Безобразову, рѣшивъ поднести ему 24 пуговицы золотыя, на каждой съ именемъ дарителя, Голохвастову—золотую рамку и Наумову—золотое перо. И все это вышло какая-то комедія. Еще до начала выборовъ завязался споръ съ министромъ о примѣненіи 51 ст. Устава по выборамъ. Дворянство толковало, что если, послѣ выкупа крестьянами, помѣщикъ не имѣлъ 3 тыс. десятинъ, онъ не имѣлъ права участвовать въ выборахъ. Министръ объяснялъ, что если у помѣщика 100 душеваго и послѣ выкупа оста-

лось сколько нибудь земли, онъ имѣетъ право по закону, дѣйствующему и такъ примѣняемому въ 10 губерніяхъ. Тогда какъ 7—14 Января шла бурная недѣля постановленій и выборовъ, рѣчей и выходокъ, нескончаемаго говора и сплетень, министръ 8 Января вошелъ въ Сенатъ, прося пояснить толкованіе и примѣненіе закона. Сенатъ согласился, и отъ 13 Января (министръ медлилъ, а Сенатъ спѣшилъ, очевидно умышленно) указомъ отмѣнилъ постановленіе собранія, и генералъ-губернаторъ предложилъ закрыть собраніе, какъ недѣйствительное, со всѣми его дѣйствіями. Изъ дѣла сдѣлали игрушку, и дворянъ распустили, какъ школьниковъ. Негодованію не было бы предѣловъ, если бы не злорадость довольно большаго числа не утѣшалась этимъ ударомъ, досадуя на множество наѣздныхъ членовъ изъ Петербурга, Орлова-Давыдова и Безобразова. Особенно смѣшонъ графъ Орловъ-Давыдовъ. Впрочемъ предназначенные обѣды, каждый день, съ 14-го, продолжаются со спичами и музыкой и стоили по 13, 16 и до 25 рублей.

Дѣло Московскихъ дворянскихъ и газетныхъ агитацій усложняется. Одинъ изъ редакторовъ дворянской газеты „Вѣсть“, бывши въ Москвѣ съ покровителемъ газеты и главнымъ дѣятелемъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, Д. Скарятинъ получилъ отъ него рѣчь, сказанную въ собраніи и проэктъ разсмотрѣннаго адреса и, уѣзжая въ Петербургъ, обѣщался напечатать ихъ въ своей газетѣ, предупреждая, что газета будетъ запрещена, но онъ частнымъ путемъ пришлетъ 50 экземпляровъ. № 4-й „Вѣсти“ съ рѣчью и адресомъ вышелъ 16-го безъ цензуры и, разумѣется, остановленъ; но кромѣ того и редакторы преданы суду. Судъ назначенъ (полагаютъ), чтобы изыскать возможность, какъ-бы привлечь къ отвѣту и агитаторовъ, которые во всемъ этомъ дѣлѣ просвѣчиваются бѣлыми нитками. Теперь агитація, какъ ненаціональная, перенесется въ иностранные журналы. И агитація газетная также вошла въ новый стадій: Катковъ со всею откровенностію изложилъ затрудительность редакціи отъ воли цензорской. Откровенность эта беретъ управленіе въ схватку и требуетъ развязки. Катковъ 18-го уѣхалъ въ Петербургъ. Дворянство (оптиматы) и Катковъ, допущенный въ 1863 г. въ видѣ шумихи, считаютъ себя могуществами, надуваются, кричатъ и хоть въ бой идти. Бой неравный! Петербургскій столоначальникъ, личный врагъ дворянству и аристократизму, и въ бой не пойдетъ. Онъ перехитритъ ихъ, а не достигнетъ канцелярскою замашкою, махнетъ министерскимъ ордеромъ.

Былъ и жилъ (большою частію въ Англійскомъ клубѣ) корнетъ Ехемзенъ и наконецъ умеръ, оставя большое наслѣдство Симанскимъ и Дурновой. Вотъ проходитъ третій годъ, какъ случилась эта перемѣна въ бѣдныхъ семействахъ, и до сихъ поръ видимыя послѣдствія этой

перемѣны самыя грустныя, непомѣрная расточительность, скорая женитьба и безпрерывныя безпокойства процентовъ и искательствъ. Я постоянно имѣю передъ глазами Андрея Симанскаго, ведущаго процессъ о подлогѣ завѣщанія и потерявшаго чрезъ то служебную карьеру. Сегодня былъ у меня полковникъ Дурновъ изъ Петербурга, преслѣдующій сына, который надавалъ векселей и бѣжалъ съ какой-то камеліей, предполагая на ней жениться. Любопытно посмотрѣть на положеніе наслѣдниковъ черезъ 10 или 15 лѣтъ. Незапныя перемѣны, даже несомнѣнно выгодныя, всегда вредны и болѣе вредны, нежели полезны.

Иначе было съ другимъ, близкимъ мнѣ семействомъ, А. В. Протасьева. Сыновья еще кое-какъ идутъ, но дочь, Муравьева-Рѣзникова, окончательно гибнетъ. Старшая дочь ея тоже погибла. Ни та, ни другая мною не принимаются. Сегодня я простился съ меньшою дочерью, Лизой Муравьевой. Она ѣдетъ гувернанткой въ домъ Юматовыхъ, въ Пензѣ, и провела у меня два дня. Я былъ съ нею ласковъ, купилъ ей платье и кое-что, подарилъ денегъ и старался связать ее признательностію, объявя со всею откровенностію, что доколѣ она честныхъ трудомъ будетъ заслуживать общее уваженіе, она вполнѣ можетъ расчитывать на мою любовь и помощь дѣломъ и словомъ.

Сегодня я началъ полезное дѣло. Генералъ-губернаторъ представилъ намъ дѣло о поджигателѣ Леоновѣ, и Сенатъ полагаетъ возвратить дѣло для направленія къ порядку, указанному повелѣніемъ 1 и 6 Іюня 1862 г. Еще въ 1852 г. императоръ Николай велѣлъ судить поджигателей, дѣйствующихъ шайками, военнымъ судомъ, назначивъ и видъ наказанія: 12 разъ черезъ 1000 сквозь строя и, буде останется живъ, ссылать по смерть на каторгу. Законъ этотъ примѣняли рѣдко и узко, и по настоянію моему, конечно подчиненному, онъ не имѣлъ обратной силы. Въ 1862 г., послѣ страшныхъ Петербургскихъ пожаровъ, Государь 1 Іюня приказалъ судить за злоумышленные поджоги по полевымъ уголовнымъ законамъ, т. е. назначать и приводить въ исполненіе смертную казнь съ утвержденія главнаго военнаго начальника, а 6 Іюня того же года „разрѣшилъ всѣмъ главнымъ и начальникамъ губерній, въ случаѣ обнаруженія злоумышленныхъ поджоговъ, руководствоваться правилами 1 Іюня“. Я толкую слово: „разрѣшить“ въ смыслѣ „предоставить“, а не вмѣнить въ обязанность. Я думаю, что предоставляется или разрѣшается эта страшная мѣра при двухъ условіяхъ: 1) если были неоднократные злоумышленные поджоги, и 2) если эти поджоги были одновременны или имѣли между собою связь, и начальство, для огражденія общественной безопасности и отвращенія общихъ бѣдствій, признаетъ нужнымъ привести въ исполненіе мѣру, обыкновенно принимаемую, когда общество въ осадномъ положеніи. Меня навело на эту

мысль частное извѣщеніе газетъ о разстрѣленныхъ тамъ и сямъ, въ Нижнемъ, Саратовѣ, Казани, Симбирскѣ, Орлѣ, Одессѣ... Точно вся Имперія въ осадномъ положеніи. Особенно возмутительно это въ Москвѣ, мирной и беззаботной, гдѣ можно обнаружить шайки патріотовъ, и тѣ весьма невинныя.

Сегодня, 1 Февраля, полученъ рескриптъ отъ 29 Января, заканчивающій Московскія агитаціи дворянскихъ выборовъ. Рескриптъ опредѣлителенъ и строгъ[1]). Онъ запрещаетъ всякую иниціативу въ измѣненіи существенныхъ началъ въ государственныхъ учрежденіяхъ; онъ утверждаетъ, что это право, право вчинанія, неразрывно сопряжено съ самодержавною властію, „Богомъ мнѣ ввѣренною“. Онъ напоминаетъ, что никто не имѣетъ права предупреждать попеченія Государя о благѣ Россіи. Впечатлѣніе этого рескрипта въ Москвѣ весьма сильно, особенно въ связи съ отказомъ университету и Каткову, которые тѣсно вошли во всѣ Московскіе кружки и сплетни. Дѣло стоило рескрипта, ибо оно зашло слишкомъ далеко; но его не слѣдовало допускать, и въ этомъ виноватъ прежде всего генералъ-губернаторъ, человѣкъ ничего не понимающій[2]), и министръ Валуевъ, дозволившій собранію толковать и толковать долго, тогда какъ о самомъ составѣ собранія идутъ споры, и министръ внесъ дѣло на разсмотрѣніе Сената. Въ настоящее время кой-какія личности, только пассивно относящіяся къ дѣлу, не годятся и существенно вредятъ дѣлу, компрометируютъ власть и правительство. Унынія въ агитаторахъ нѣтъ; это народъ довольно мелкій, но положеніе ихъ ложно и чтобы скрыть смущеніе, они принуждены смотрѣть въ разныя стороны и скоситься.

Кавалерственная дама М. А. Лонгинова разсказывала мнѣ, что управляющій ея ходилъ на болото (хлѣбный рынокъ) и передалъ ей толки базарныхъ. Они разговаривали о царскомъ рескриптѣ и пришли къ заключенію, что Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ будетъ писать противъ дворянъ, которые хотѣли перемѣнить правленіе. Н. В. Сушковъ передавалъ мнѣ сужденіе коммерціи совѣтника Солодовникова,

---

[1]) К. Н. Лебедевъ не привелъ строкъ этого достопамятнаго рескрипта, въ которыхъ Государь изволилъ выразиться, что онъ не врагъ законно-свободныхъ учрежденій, и сему доказательствомъ служитъ все его царствованіе. Такимъ образомъ оправдываются тогдашнія политическія вождѣленія. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Государь вызывалъ къ себѣ Д. Д. Голохвастова, сказалъ ему, чтобы онъ берегъ въ себѣ Божественный даръ краснорѣчія и прибавилъ: „Неужели вы думаете, что я дорожу оставшимися у меня лохмотьями самодержавія? Я бы вамъ ихъ выбросилъ, если бы не былъ увѣренъ, что Россія начнетъ разваливаться“. (Слышано отъ самаго Д. Д. Голохвастова). Тоже самое сказано было Александромъ Николаевичемъ въ Петербургѣ графу Андрею Павловичу Шувалову (слышано отъ Н. Ѳ. Крузе). П. Б.

[2]) Офросимовъ. П. Б.

что „если дворянство пошлетъ адресъ, то купечество на другой день пошлетъ отъ себя контръ-адресъ". Все это Московскія сплетни, толки и пересуды. Я имъ не вѣрю, хотя при настоящей обстановкѣ и при искусственныхъ агитаціяхъ подобныя явленія возможны. Я только этого-то и боюсь, чтобы не привлекли къ дѣлу площадныхъ и уличныхъ крикуновъ, съ которыми соединится печать дневныхъ листовъ, и пошла писать! Броженіе умовъ, раздраженіе страстей и злоупотребленіе словъ и голосовъ все возрастаютъ болѣе и болѣе, и съ ними не справиться ни земству, ни двумъ палатамъ, хотя бы въ одной засѣдали Давыдовы и consort. Всего болѣе должно опасаться нужды. Случись значительный неурожай, и Имперія будетъ въ осадномъ положеніи, недоимки усилятся, потребленіе еще умалится, и общество, едва окрѣпляющееся, не будетъ въ состояніи сдержать безпорядки и обуздать своеволіе. Теперь повсемѣстныя жалобы на прислугу, на ея развратъ и преступность, на произволъ и безотвѣтность. Только это и слышишь. Это немного касается и меня, моего маленькаго дома, въ которомъ, кромѣ одного, всѣ прежніе, свои.

Масляница въ полномъ развалѣ. Въ Москвѣ она и шумнѣе, и грязнѣе. Собранія, клубы, театры, шинки и балаганы переполнены народомъ, преимущественно низшаго и средняго класса. Высшій классъ воздерживается, такъ что и недорогая сравнительно Итальянская опера едва ли не закроется. Смотря на это стеченіе и траты денегъ, съ трудомъ повѣришь безденежью, на которое жалуются со всѣхъ концовъ. Уменьшеніе доходовъ, низкія цѣны на хлѣбъ и лишеніе удобствъ домашней жизни тяжело легли на помѣщичій классъ и дѣлаютъ его равнодушнымъ ко всѣмъ политическимъ и соціальнымъ преобразованіямъ, въ которыхъ дворянству, по мнѣнію преобразователей, отдѣлялось такое широкое участіе. На земскихъ выборахъ, какъ слышно, дворянство отнеслось къ новому учрежденію съ такимъ равнодушіемъ, что изъ числа цензовыхъ членовъ едва 6-я часть принимала участіе; все прочее сидѣло по домамъ или изъ оппозиціи, или по предубѣжденіямъ и опасеніямъ, или по недостатку наличныхъ средствъ для поѣздки.

Агитація дворянская и газетная все еще продолжается. Въ отношеніи послѣдней нельзя не замѣтить, что главнѣйшій органъ ея, „Московскія Вѣдомости" довольно безцеремонно закидываютъ противниковъ подозрѣніями и упреками не только въ невѣжествѣ, въ недостаткѣ или холодности патріотизма, но прямо во враждебныхъ къ Имперіи чувствахъ и даже дѣйствіяхъ, въ сепаратизмѣ, въ полонизмѣ. Это немного напоминаетъ Булгарина, и стоило бы не однѣхъ насмѣшекъ Петербургскихъ противниковъ, и едва ли достойно публициста и такого блестящаго публициста, какъ Катковъ. Что̀ касается агитаціи дворянской въ ожи-

даніи предстоящихъ выборовъ, то она принимаетъ противуположный прежнему видъ смиренія, раскаянія и въ *этомъ видѣ* хочетъ предстать предъ Государемъ, указать картину бѣдственнаго состоянія Россіи и просить отца своего народа положить что-нибудь на мѣрѣ, какъ ему, Государю, Богъ пошлетъ. Особенно дворянство хочетъ плакаться о своихъ нуждахъ и подтвердить фактами (что говоритъ Московскій ораторъ, то есть непремѣнно фактъ, доколѣ Петербургскій столоначальникъ не перечеркнетъ его): 1) что министръ внутр. дѣлъ измѣняетъ положеніе 19 Февраля своими циркулярами; 2) что министръ финансовъ произвольно переноситъ статьи государственнаго бюджета на земскія повинности, и 3) что дворянскія дѣти, поступающія въ заведенія народнаго просвѣщенія, выходятъ оттуда нигилистами.

Раздраженіе партій и разныя агитаціи продолжаются и все усиливаются, и можно предвидѣть открытую войну дворянства съ Петербургомъ. Война разумѣется кончится побѣдою Петербурга и низложеніемъ дворянской партіи, но на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Дворянство будетъ не право, ибо идетъ противъ свѣта прогресса за темное крѣпостное право; но оно сохранитъ свои права, какъ могущественный классъ землевладѣльцевъ, какъ интеллигенція мѣстныхъ краевъ, какъ знатоки и вліятельные люди мѣстности. Успѣхъ большей части либеральныхъ преобразованій (кромѣ акциза) зависитъ отъ дворянства, и оно апатическимъ отношеніемъ можетъ парализировать всѣ Петербургскіе планы и затруднить дѣйствіе не только земскихъ учрежденій, но и судебной реформы. Раздраженіе страстей, терпимое и вызываемое, выражается и въ языкѣ, въ разговорахъ и въ литературѣ серьезной и въ рѣчи людей порядочныхъ. Къ этому затрудненію надобно прибавить и другое: безденежье, бѣдность. Апатія нравственная и недостатокъ матеріальный неспособны внушить довѣріе къ новымъ порядкамъ, а между тѣмъ и публицистика, и само правительство уничтожили всякое довѣріе къ порядкамъ старымъ. При чемъ мы останемся?

Уравноправіе, не возвыся низшихъ слоевъ до нашего уровня, низвело, такъ сказать, насъ къ этимъ слоямъ, и отъ этого сообщества мы невольно должны были ознакомиться, сблизиться, освоиться съ неумѣренностію, съ грубостію этого слоя и вести рѣчь такъ, чтобы она была и имъ нечужда, понятна, общая намъ. Какой-то хаосъ, смѣшеніе, броженіе составныхъ элементовъ общества, въ которомъ никто не знаетъ своего мѣста и всѣ мятутся: кто угорѣлъ, кто ошеломленъ, а иной пьянъ или съ похмелья. До сихъ поръ для меня загадка: кто причиною, что причиною такихъ поспѣшныхъ реформъ, такого осаднаго положенія, такого ожесточеннаго нетерпѣнія. А причина должна быть. Я думаю: мнимыя опасности и ложный страхъ.

Цензурный уставъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта возвращенъ для передѣлки. Онъ составлялся четыре года и, пройдя всѣ инстанціи, возвращается единственно для того, по плану Николая Милютина, чтобы убить работы Валуева, замѣнить котораго готовится Милютинъ. Валуевъ оконфуженъ и вовсе непрочь оставить министерство, лишь бы представился благовидный поводъ и оставили ему при новомъ назначеніи всѣ выгоды прежняго. Уставъ былъ писанъ какъ бы для созданія новыхъ мѣстъ и широкихъ окладовъ. Онъ давалъ много простора случайной свободѣ и не содержалъ существенныхъ ограженій порядка, и при томъ онъ враждебно смотрѣлъ на публицистику, въ которой преимущественно сосредоточилась вся умственная дѣятельность настоящаго времени.

Февраля 26 въ Калугѣ скончался бывшій князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, извѣстный Декабристъ, другъ Рылѣева, предводитель войскъ на Сенатской площади 14 Декабря 1825 г. Это была прекрасная душа, олицетворенная преданность Богу и ближнему. Имя его принадлежитъ исторіи, и я записываю о его смерти единственно потому, что, по дружбѣ моей съ его сестрою, княгинею Натальей, сблизившись съ нимъ, я неоднократно бесѣдовалъ о знаменитомъ событіи и, при всей подробности этихъ бесѣдъ, не могъ и не могу уяснить себѣ, какъ могли молодые заговорщики рѣшиться на открытый бунтъ, имѣя такъ мало средствъ. Евгеній обыкновенно заключалъ: перевороты зависятъ отъ случайностей; обстоятельства для насъ расположились счастливо: двѣ присяги, отсутствіе Великаго Князя Константина, и за насъ былъ народъ; онъ кричалъ намъ: идите, мы съ вами. Можетъ ли это служить историческимъ объясненіемъ дерзкой (чтобъ не сказать другаго слова) попытки 14 Декабря? По возвращеніи изъ Сибири онъ предался молитвѣ и умеръ праведникомъ. Но едва-ли жизнь его была счастлива и текла тихо. Пріѣздъ Декабристовъ вообще производилъ какое-то смятеніе въ средѣ ихъ семействъ. Рѣдкимъ изъ нихъ были рады, почти всѣ они были чужды и обществу послѣ 30 лѣтъ разлуки, и всѣ они не имѣли никакого значенія.

Опытный хозяинъ, баронъ Гакстгаузенъ, объѣхавъ Россію и обозрѣвъ наше хозяйство, пришелъ къ тому печальному убѣжденію, что хозяйство возможно только при крѣпостномъ правѣ, какъ плантаціи хлопка только при Африканскихъ невольникахъ. Убѣжденіе это повидимому оправдывается. Со всѣхъ концовъ слышны общія увѣренія, что вольное, наемное земледѣліе не окупаетъ затратъ, невозможно, въ убытокъ. Это не подлежитъ сомнѣнію, но какая этому причина? Гакстгаузенъ приводилъ климатическія условія, обширность посѣвовъ и недостатокъ удобреній. Я вижу причину нынѣшней несостоятельности, кромѣ

новости дѣла, въ обремененіи долгами и въ полной ликвидаціи казенныхъ долговъ при выкупѣ. Большая часть землевладѣльцевъ не имѣетъ оборотнаго капитала, и еще большая часть проживала болѣе нежели имѣніе могло давать. Напр. наше семейство. Оно давно въ безвыходномъ положеніи, и только при *нашихъ* Русскихъ порядкахъ суда и полиціи мы могли тянуться и откладывать. Крестьянская реформа намъ не только была не вредна, но могла устроить насъ. Оставляемыя за надѣломъ земли могли бы быть заложены, а казенный долгъ погашается выкупными актами.

Партіи наши все болѣе и болѣе обрисовываются яснѣе. Сословіе привиллегированное совершенно теряетъ подъ собою землю и шатается. Династическое и придворное услужничество, фавориты и фаворитки, исключительность правъ и т. под. образовали противъ нихъ такую сплошную оппозицію, что всѣ журналы и газеты принадлежатъ почти исключительно направленію демократическому, которое часто граничитъ съ соціализмомъ и даже явнымъ нигилизмомъ. Убѣжденія такъ сильны, что раздраженіе такъ и ломитъ, такъ и забрасываетъ крупными словами, такъ и бросается, хоть въ драку. Защитниками этого сословія (консерваторы) „Московскія Вѣдомости“, немного „Инвалидъ“ и очень много „Вѣсть“. Всѣ прочія преимущественно-демократы. Но, группируясь подъ этимъ знаменемъ, онѣ далеко не въ дружбѣ между собою и съ противниками и съ единомышленниками, ругаются на пропалую. На дняхъ явилась новая газета „Народная Лѣтопись“, демократизмъ и цинизмъ которой доходитъ до „Современника“, „Русскаго Слова“ и „Эпохи“. Свобода и раздолье!

Я не думаю, чтобы наша преждевременнная и довольно незапная свобода печати не оставила глубокихъ слѣдовъ на молодомъ поколѣніи нашего общества и на низшихъ слояхъ его, гдѣ воспитаніе такими печатными листами можетъ возростить явныхъ демагоговъ. Особенно это важно при современныхъ преобразованіяхъ, которыя даютъ этимъ слоямъ широкое участіе въ самоуправленіи. Я разсказалъ выше о толкахъ на Болотѣ. На дняхъ Ив. Аксаковъ разсказывалъ, что Коломенскіе крестьяне послали адресъ, въ которомъ, упоминая о замыслахъ Московскаго дворянства на счетъ перемѣнъ въ образѣ правленія, умоляютъ не обращать вниманія на эти замыслы и не перемѣнять ничего въ правленіи, при которомъ они чувствуютъ себя совершенно счастливыми. Если все это правда, то поступательное развитіе агитаціи можетъ скоро достигнуть своей цѣли. Можетъ быть и то, что все это ложные страхи, и кора невѣжества, разрозненность личностей и глушь земли такъ велики, что агитація и при бо́льшемъ усиліи едва коснется поверхности.

Разстройство помѣщичьяго хозяйства все болѣе и болѣе усиливается, а помощи ниоткуда нѣтъ и невидно. Вольнаго труда и фермерства нѣтъ, а гдѣ есть—невѣрны и дороги, не окупаются. Живой интересъ этого дѣла разбудилъ хозяйственные вопросы въ обществахъ и журналистикѣ, и прѣнія выразились довольно характеристично. Въ Экономическомъ Обществѣ преобладаетъ тема Н. Безобразова объ организаціи помѣстнаго труда. Ораторы гнутъ на крѣпостное право. Въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства идетъ большой разладъ и агитація. Это общество со времени реформы Кошелева шумитъ, кричитъ и только, на дняхъ предсѣдатель его, Шатиловъ, въ здравой и рѣдко такъ откровенной рѣчи, прямо выразилъ, что Общество ничего не сдѣлало и не знаетъ откуда и куда приступить, ожидая указаній и спасенія отъ судебной реформы и земскихъ собраній. Московскіе ораторы клонятъ болѣе къ мелкому фермерству и общинному пользованію. Въ средѣ общества (Клуба сельскихъ хозяевъ въ С.-Петербургѣ) люди, болѣе знакомые съ политическою жизнію, разработываютъ дѣло практичнѣе, и Москвичамъ не мѣшало бы поучиться у нихъ выбору и разъясненію вопросовъ. Клубъ этотъ удался, противъ моего ожиданія. Я пророчилъ ему бѣдную, чиновничью участь, а онъ процвѣтаетъ и играетъ въ хозяйствѣ роль авторитета. Не подлежитъ сомнѣнію, что производительность наша уменьшилась; но какъ же объяснить низость цѣнъ на хлѣбъ и отсутствіе спроса? Несомнѣнно, что общинное владѣніе (преобладающее) не допускаетъ усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ; но какъ же превратить его въ частное и чѣмъ замѣнить вліяніе общины, круговую поруку и власть схода? Потомъ: какъ, при старыхъ порядкахъ, противодѣйствовать конкуренціи иностранной, у которой и круглый годъ работы, и близость рынковъ, и легкая доставка? Признаюсь, я не понимаю, при общинномъ владѣніи, и примѣненіи кредита.

Генералъ-губернаторы и начальники военныхъ округовъ генералы Безакъ (Кіевскій) и Крыжановскій (Оренбургскій), передъ отъѣздомъ въ свои управленія, обратились къ своему зятю, сенатору Колюбакину съ просьбою познакомить и сблизить ихъ съ редакціями „Моск. Вѣд.“ и „Дня“. Это дѣльно. Общественное мнѣніе выражается газетами, а эти двѣ газеты распространены болѣе другихъ и по смѣлости и талантливости редакцій оказываютъ большое вліяніе. Безакъ видѣлся съ Катковымъ у Шипова 19 Апрѣля, и оба очарованы. Статьи „Русскаго Вѣстника“: возстаніе на Волынѣ и корреспонденціи „Дня“ изъ Кіева не давали спать генер. Анненкову; его управленіе, такъ неловко защищенное бывшимъ его губернаторомъ Гессе, было сильно порицаемо, и дѣло кончилось отозваніемъ Анненкова, весьма непочетнымъ. Итакъ вліяніе, господство журналистики водворяется замѣтно и дѣйствительно.

Не понимаю, какъ сидится Головнину. Статьи, каковы о протекціи брошюрѣ Шедо-Феротти (разосланной при запискахъ того самаго министра, который за полгода просилъ Каткова о перепечатаніи статей его о Польшѣ) и статьи о географіи Даніеля (25 Марта) до той степени зацѣпляютъ министра просвѣщенія, что надобно имѣть мѣдный лобъ, чтобы не отвѣчать на нихъ, или быть совершенно ко всему равнодушну, чтобы оставлять на мѣстѣ министра. Географію эту Ученый Комитетъ Министерства рекомендуетъ. какъ лучшую, а Катковъ, выводя ея Польскія тенденціи (въ географіи!) указываетъ, что военно-учебное управленіе и Московскій университетъ запретили ее въ своихъ вѣдомствахъ. Желательно, чтобы кто нибудь безпристрастно разобралъ эту анархическую путаницу и повѣрилъ самые цитаты Каткова, частенько произвольные, но повѣрилъ не съ тою запальчивостію, какъ это сдѣлалъ А. Жемчужниковъ въ 12 № „Дня“. выставляя „наглыя непристойности редакціи „Моск. Вѣдомостей“.

Читаю я I-й томъ Histoire de Jules Caesar Наполеона, скучнѣйшее чтеніе, написанное въ духѣ пониманія исторіи. какъ школы нравственности и исполненное сентенцій самыхъ пошлыхъ. Замѣчательнѣе всего „введеніе“ или предисловіе. Оно начинается такою пошлою нелѣпостію: la vérité historique devrait être non moins sacrée que la religion. Ну, что общаго между абсолютною истиною или откровеніемъ Божіимъ и воззрѣніемъ какого нибудь писателя, нерѣдко памфлетиста, на отдаленныя событія, извѣстныя по гадательнымъ источникамъ? Предисловіе продолжаетъ: Mais en écrivant l'histoire, quel est le moyen d'arriver à la vérité? C'est de suivre les règles de la logique“. Отвѣтъ глубокомысленъ и особенно новъ и замысловатъ. Ничѣмъ другимъ не объяснишь себѣ появленіе императорской учености, какъ ненасытимыхъ славолюбіемъ на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности. Читая книгу, невольно видишь ученика Ролленя и Боссюета, пересыпанныхъ позднѣйшими чтеніями новѣйшихъ изслѣдователей. Вѣроятно въ молодыхъ годахъ или въ уединеніи Гама Луи-Наполеонъ приготовлялъ свѣту сочиненіе о Цезарѣ и теперь выдвинулъ этотъ трудъ, пересмотрѣвъ и дополнивъ его лучшими результатами новѣйшихъ историковъ. Но и теперь видѣнъ Ролленъ съ его преобладающимъ внѣшнимъ понятіемъ исторіи.

Читая разсказъ графа Мальмсбюри въ Парламентѣ 24 Марта о мировомъ судьѣ полковникѣ Джонсонѣ (онъ, съ нарушеніемъ формъ суда, посадилъ въ сумасшедшій домъ совершенно здороваго Докналла, съ женою котораго былъ въ интригѣ), невольно обращаешься къ нашему мировому судьѣ и невольно трепещешь за участь института, для котораго у насъ, по моему убѣжденію, нѣтъ никакихъ элементовъ, особенно нѣтъ двухъ: сознанія своего долга въ обязательности его и установив-

шагося чувства законности, основаннаго на уваженіи личности и отсутствіи всякаго произвола. Джонсонъ, полковникъ, и въ Англіи, поступаетъ, какъ рыцари „Парижскихъ Тайнъ", срамитъ человѣка и доводитъ его до самоубійства. Ну чего не сдѣлаетъ нашъ судья въ захолустьѣ и при нашихъ любимыхъ инстинктахъ произвола? Во всякомъ случаѣ единоличный судъ, и еще съ такой удобной для него апелляціей, есть что-то чрезвычайное, уродливое и исключительное. Я писалъ министру юстиціи, что мировые судьи считаются въ Англіи (знаменитыми ея законниками) нарушеніемъ народныхъ отрадъ (суда присяжныхъ) и если они распространены и пользуются довѣріемъ, то единственное по личнымъ достоинствамъ джентельменовъ. Такъ представляютъ это учрежденіе Блакатовъ и Гнейстъ (см. т. I. гл. IV, стр. 230). Пруссія взяла этотъ институтъ изъ Франціи и только въ Рейнскихъ провинціяхъ. Одни мы считаемъ (себя) Англичанами или тождественными имъ. Потомъ: вынесетъ-ли всѣ эти тягости земство?

Москва точно въ несчастіи: получены устрашающія вѣсти о болѣзни Наслѣдника-Цесаревича, и Москва трубитъ, что онъ уже скончался. Очень симпатична личность молодаго князя; очень любятъ его, какъ сына добраго Государя, воспитанника Московскаго Строгонова и жениха красавицы Дагмары Даніи, такъ дерзко оборванной Нѣмцами. Самые разнообразные и всѣ нелѣпые слухи ходятъ о причинѣ болѣзни... И это говорятъ, и этому вѣрятъ не какіе нибудь Репетиловы, но люди солидные и высшихъ званій. Ненависть къ этимъ новымъ д'Орлеанамъ (какъ ихъ называютъ) чрезвычайно изобрѣтательна и раздѣляется огромнымъ большинствомъ мыслящаго общества, даже въ рядахъ купечества. Всѣ нововведенія приписываются Константину, а Москва всегда не любила нововведеній.

Наслѣдникъ въ чрезвычайной опасности. У него воспаленіе спиннаго и головнаго мозга. Сильно ропщутъ на его блюстителей, особенно на гр. Строгонова и медиковъ. Все это Московскія сплетни. Не усиленныя-ли занятія, усиленный наставительный вояжъ, безпрестанные переѣзды и перемѣна впечатлѣній? А организація слабая, субтильная. Страшно подумать о несчастіи царскаго дома и Россіи. Но надежды никакой. Молодой человѣкъ умретъ.

Свѣдѣнія одно другаго поразительнѣе. То „раздраженіе мозга усиливается, опасность возрастаетъ", то „усиленными пособіями приведенъ въ себя", и Москва не знаетъ что думать. Въ Петербургѣ, на Ломоносовскомъ обѣдѣ, тостъ „за здоровье Цесаревича" принятъ былъ съ такимъ рукоплесканіемъ и ура, продолжавшимся болѣе 5 минутъ, что многіе дамы и мужчины плакали на взрыдъ. Можно-ли умирать при такой любви? Въ Москвѣ эта любовь получаетъ особенное значеніе

потому, что Цесаревича считаютъ партіи Императрицы, а она противъ широкихъ и крупныхъ реформъ, столь ненавистныхъ Москвѣ. Но Цесаревичъ любимъ лично, особенно Москвичами. Биллетени раздаются въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера. Человѣкъ говоритъ, что народу всегда такъ много, что пробраться трудно. Послѣдній биллетень: „11 Апрѣля 10 часовъ Его Высочество пріобщается св. таинъ, окруженный августѣйшимъ семействомъ; душевное волненіе, сопровождаемое легкимъ бредомъ. Потомъ болѣе покойное состояніе, голова болѣе свободна, чрезмѣрная слабость". 12 Апрѣля въ полночь онъ скончался. Всѣ этого ожидали, и для всѣхъ извѣстіе было роковою вѣстью. Общее искреннее сожалѣніе. Въ церкви, на панихидѣ, многіе плакали. Во многихъ домахъ точно семейная утрата. Всѣ обвиняютъ безпечность блюстителей. Глухіе толки доходятъ до нелѣпости. Большое движеніе въ простомъ народѣ. Прекрасный юноша пострадалъ всю Святую и умеръ въ Ѳомино Воскресенье. Поучительное событіе для великихъ міра сего. Это могущество человѣческаго величія и предопредѣленіе судьбы, исполняющееся въ глазахъ сонма науки, любви и попеченій; это увяданіе молодой жизни въ виду южнаго моря и посреди роскошной природы Итальянской весны, этотъ „легкій бредъ", летающій между невѣстою и гробомъ, между землею и небомъ!

Странное, престранное обвиненіе! Народъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ обвиняетъ въ смерти Цесаревича Великаго Князя Константина. На дняхъ, когда онъ былъ на могилѣ отца въ крѣпости и горько плакалъ, народъ приписалъ это терзанію совѣсти. Наши Москвичи такъ и трубятъ объ этомъ. Все это нелѣпо и глупо, и все это наводитъ тоску и скуку.

Боже мой, еще смерть и какая страшная смерть, уносящая также много надеждъ и упованій. Убитъ Линкольнъ, въ театрѣ, на повалъ. Онъ убитъ посреди торжествъ рѣшительной побѣды Сѣверянъ, по взятіи Ричмонда и Питерсбурга, къ полной славѣ спасителя союза Соединенныхъ Штатовъ. Убитъ конечно по подкупу желѣзной партіи Южанъ, мстящихъ за потерю всякой надежды на сопротивленіе Сѣверу. Истый Американецъ, съ необыкновенною силою характера, съ патріархальною простотою нравовъ и съ твердою увѣренностію въ достиженіи своей цѣли, Линкольнъ соединялъ широкій политическій взглядъ, ловкій тактъ господствовать надъ партіями, терпимость и скромность въ отношеніи побѣжденныхъ. Что станется съ великимъ союзомъ? Счастливый генералъ Грантъ стоитъ во главѣ славной арміи. Не объявитъ-ли онъ себя диктаторомъ? Мнѣ кажется самая мысль объ этомъ чужда Американской почвѣ. Независимость и особенность самоуправленія штатовъ такъ могущественны, что диктатура, возможная для Вашингтона, нынѣ мате-

ріально неисполнима. Никто не имѣлъ на нее столько правъ, какъ Линкольнъ, а онъ не оказалъ и тѣни поползновеній.

Носятся въ воздухѣ смерть и отчаяніе. Раздраженіе страстей достигаетъ размѣровъ, при которыхъ жизнь забывается, и посягательство совершается въ какомъ-то изступленіи и ослѣпленіи. Блестящая эпоха наша имѣетъ свои темныя стороны. Самонадѣянность человѣка до забвенія, до отрицанія Бога, самоувѣренность ума и цивилизаціи до пренебреженія вѣры въ высшее предопредѣленіе, утилитарность, матеріализмъ затопляютъ благородные инстинкты будущаго возмездія и самой жизни по Христову ученію.

Вмѣстѣ съ Линкольномъ подвергся посягательству и правая рука его, больной Сьюардъ. Сынъ его убитъ. Теперь Андрю Джонсонъ вступаетъ въ званіи президента. О человѣкѣ этомъ имѣются самыя невыгодныя свѣдѣнія. Пьяный и крайній демократъ. Какъ развернется онъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ?

Московскія дамы, по иниціативѣ Кати Тютчевой и кн. Маріи Мещерской (рож. гр. Паниной), задумали поднести принцессѣ Дагмаръ Русское Евангеліе въ богатомъ переплетѣ Сазикова. Это немножко подражаніе Лондону (подарившему Евангеліе невѣстѣ, принцессѣ Александринѣ), но мысль хорошая. Принцесса Дагмаръ, одна изъ дочерей Скандинавской Эдды, невѣста мертваго царевича, земное счастіе которой можетъ находить утѣшеніе въ Словѣ Божіемъ. Она не нашей вѣры и не нашей рѣчи, но она изучала и то и другое и дала слово быть Русской. Про нее сложится легенда съ ореоломъ религіи, миѳа и превратностей земнаго счастія. Говорятъ она ѣдетъ къ намъ и, разъ усвоивъ, Россія ея не отпуститъ.

Министръ юстиціи требуетъ заключеній сенаторовъ на предположенія коммисіи о введеніи судебныхъ уставовъ 1864 г. Я вчерась написалъ, жена переписала, и сегодня послалъ. Но, отдавая справедливость членамъ коммисіи (8 и 4), я предложилъ и свой планъ: приготовить суды къ принятію реформы. Коммисія хочетъ создать новые; я требую удержать нынѣшнее судопроизводство, но измѣнить его и составъ судовъ такъ, чтобы новые уставы, войдя въ старую колею, покатились свободно, не нарушая ни правъ ни привычекъ. Конечно, мое предположеніе не представляетъ ничего новаго. Вмѣсто того, чтобы дробить Россію на округи, я дроблю самые уставы на существенные элементы и ввожу ихъ въ начаткахъ и задаткахъ. Я ввожу гласность передопроса, одну степень апелляціи, лучшее распредѣленіе подсудности и начатки обвиненія и защиты.

Наслѣдника вѣроятно уже привезли, и начнутся церемоніи. Русскій поэтъ встрѣтилъ его при самомъ отплытіи въ Средиземное море. Въ

стихотвореніи князя П. А. Вяземскаго „Вечеромъ на берегу моря“ есть прекрасныя строфы:

1.

Плыветъ онъ, молодой царевичъ,
Объятый непробуднымъ сномъ,
И этотъ мѣсяцъ, эти звѣзды,
Горятъ надъ царскимъ кораблемъ.

5.

Плыветъ онъ къ берегу родному,
Гдѣ онъ разцвѣлъ и возмужалъ,
Гдѣ втайнѣ подвигу святому,
Себя въ грядущемъ обрекалъ,

6.

Гдѣ былъ онъ радостью семейной,
Надеждой царства своего,
Гдѣ мать мольбой благоговѣйной
Молила Промыслъ за него:

7.

Чтобъ лучшихъ благъ хранилъ залогомъ
Онъ вѣру, мудрость, кроткій нравъ,
Чтобъ былъ и чистъ онъ передъ Богомъ,
И передъ каждымъ ближнимъ правъ.

13.

Разрознены судьбиной мрачной
Два бытія родныхъ сердецъ,
И разомъ царственный и брачный
Съ чела младаго палъ вѣнецъ.

14.

И онъ, царевичъ ненаглядный,
Услада сердца и очей,
Теперь безжизненный и хладный
Пристанетъ къ родинѣ своей.

15.

А волны вьются за волнами
Подъ смертоноснымъ кораблемъ,
А мѣсяцъ свѣтлыми звѣздами
Блеститъ на небѣ голубомъ.

16.

И мѣсяцъ, равнодушный къ горю
Корабль сіяньемъ обдаетъ,
И не сдается сыну морю,
Какую скорбь оно несетъ!

Жаль, что Вяземскій не приголубилъ Дагмаръ своимъ стихомъ. Онъ такъ граціозно воспѣваетъ женщинъ. Впрочемъ принцессѣ посвящено нѣсколько теплыхъ строфъ княземъ Николаемъ Мещерскимъ („Моск. Вѣдом.“ 22 Апрѣля), обратившихъ на себя общее вниманіе.

Теперь въ кружкахъ и въ газетахъ большіе толки о пьянствѣ и средствахъ уменьшенія его. Дѣло поправимое, но въ томъ-ли положеніи нашъ бюджетъ доходовъ, на счетъ которыхъ (другаго средства нѣтъ) предполагаютъ уменьшить пьянство. Эманципація дала свободу; дисциплина ослабла, дворы дѣлятся, бѣднѣютъ и спиваются. Но я думаю цифру въ 125 мил. р. можно принять за норму и остановиться развитіемъ пьянства шинками и штофными лавками. Пьянство губитъ сбереженія, вноситъ безпорядокъ и развратъ въ частную жизнь, матеріально портитъ человѣка и вліяетъ на будущее поколѣніе. Казна, кажется, можетъ отказаться отъ нѣсколькихъ милліоновъ въ виду такихъ страшныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что съ распространеніемъ благосостоянія умножатся другіе источники доходовъ. Можно бы возвысить патенты на распивку и штофныя лавки имѣть только въ городахъ. Еще въ 1856 г. въ комитетѣ 1-го д-та Сената, я предлагалъ уничтожить шинки и дозволять распивку только въ трактирахъ и харчевняхъ, приводя въ примѣръ Баварію, гдѣ подобный порядокъ имѣлъ очевидное вліяніе на нравственность и внѣшнее облагороженіе народа. Брокъ иронически отозвался, что объ уменьшеніи пьянства много говорено и писано, но теперь уже не говорятъ. Юристъ, сенаторъ Веймарнъ, прибавилъ: да не для того мы и призваны въ комитетъ.

Президентъ Матью Джонстонъ объявилъ, что начальники возстанія будутъ судиться, какъ виновные въ измѣнѣ, и назначилъ большія суммы за поимку Джефферсона Девиса, президента и другихъ представителей южныхъ штатовъ, присовокупивъ, что въ военномъ департаментѣ есть несомнѣнныя доказательства участія ихъ въ убійствѣ Линкольна. Есть какая-то поспѣшность, опрометчивость въ рѣчахъ и распоряженіяхъ Джонсона. Одного объявленія, что будетъ судъ и наказаніе за измѣну союзу, недостаточно. Надобно опираться на законъ. Девисъ дѣйствовалъ по волѣ народной, и слѣдовательно виноватъ въ измѣнѣ весь народъ южныхъ штатовъ. Иначе Линкольнъ и Грантъ не такъ бы поступили съ Ли, его арміей и Ричмондомъ. Борьба партій дошла до открытаго боя въ массахъ дотолѣ невиданныхъ. Лились рѣки крови, истощалась страна, жертвуя всѣмъ, удивляя міръ своимъ геройствомъ. Какая же тутъ измѣна? Это бунтъ, видъ преступленія, значительно видоизмѣненный вольною конституціею союза и широкимъ самоуправленіемъ Соединенныхъ Штатовъ. Здравая политика, при побѣдѣ, указываетъ на амнистію, съ исключеніемъ главныхъ виновныхъ, которымъ предстоитъ добровольное изгнаніе. Правительство великой республики потеряетъ въ симпатіяхъ друзей своихъ, если отпразднуетъ торжество свое казнями и такими, какими грозитъ Джонстонъ. Казнь южныхъ штатовъ состоитъ въ отмѣнѣ рабства и уплатѣ военныхъ издержекъ въ видѣ срочнаго

займа. Что же касается участія въ заговорѣ на жизнь Линкольна и министровъ, то это дѣло уже суда, и объявленіе президента представляется неблаговременнымъ. Производится слѣдствіе и начнется судъ. Завинять участниковъ не дѣло президента республики. Въ дѣйствіяхъ Джонстона сдаются какія-то личности.

Къ дѣтямъ поступила новая гувернантка Cécile Campiche, Женевка, нарочно мною выписанная по рекомендаціи департамента просвѣщенія въ Женевѣ. Къ нимъ же пріѣхала и прежняя гувернантка Olympe Sonnes погостить. Доброе и честное это существо жила у насъ три года и оставила единственно потому, что не имѣла никакого авторитета, не имѣя никакого образованія. Это-то заставило меня выписать Cécile Campiche, которая была régente d'une école secondaire. Дѣвушка молодая, хорошихъ, честныхъ понятій и правилъ и порядочная музыкантка. Дѣти ее полюбили, жена тоже, и она конечно имѣетъ *извѣстную* степень образованности. Эта образованность однако далеко не то, чего я ожидалъ и предполагалъ. Но я надѣюсь, что въ моемъ институтѣ, проведя года два (никакъ неболѣе), она усовершенствуется, лишь бы была охота. Другое не совсѣмъ мнѣ нравится въ ней: у нея нехорошъ органъ, она жуетъ и глотаетъ слова. Потомъ, она очень скора и жива въ своихъ движеніяхъ, и третье, она хотя не очень молода (ей 22 года), но любитъ развлеченія и веселость, и недостаточно сердца, чтобъ внушить дѣтямъ уваженіе къ различенію: какъ относиться къ ней въ часы игръ и какъ во время уроковъ. Я замѣчаю, что Тата менѣе охотно занимается музыкою. Впрочемъ, подождемъ. Доброй воли поддѣлаться къ намъ у нея довольно, и она, кажется, такъ очарована первыми впечатлѣніями въ незнакомомъ Русскомъ домѣ, что при взаимной оцѣнкѣ и искреннихъ отношеніяхъ дѣло пойдетъ хорошо.

Сгорѣлъ Козловъ, выгорѣлъ Витебскъ, горѣлъ и Симбирскъ, горятъ города и села. Вездѣ ищутъ Поляковъ и нигдѣ ни Поляковъ, ни шаекъ не находятъ. Оказываются вольности, дешевка и безпечность. Несчастія ужасныя. Истребленіе Козлова напоминаетъ прошлогоднее истребленіе Симбирска. 1500 домовъ, 900 лавокъ и 4 церкви, попъ въ ризахъ и 300 человѣкъ. Какое-то броженіе стихій. Въ концѣ Мая стоятъ холода. Озимыя поля перепахиваются. Нужда вездѣ крайняя. Блаженствуютъ только въ Петербургѣ, гдѣ право займовъ и ассигнацій производитъ мнимое изобиліе и маскируетъ страшное состояніе всей Имперіи.

Какую встрѣчу устроилъ Петербургъ цесаревичу Николаю! 19 онъ приближался при страшной бурѣ, которая угрожала опасностію всей флотиліи и Датскому кронпринцу и которая нагнала наводненіе на полгорода. Буря была и въ Москвѣ; я самъ видѣлъ въ Петровскомъ

паркѣ вырванныя съ корнемъ большія деревья. Вообще и Апрѣль, и Май стоятъ вѣтряные и холодные.

Исторія съ m-elle Le Tissier теперь занимаетъ и Петербургъ, и Москву. Г-жу эту вывезъ въ Россію Шереметевъ (А. В., какъ онъ самъ говорилъ мнѣ); послѣ него она перешла къ кн. Долгорукову (сыну сенатора Ю. А.) и потомъ ходила по рукамъ, пока не прибрала себѣ N.N., съ которымъ и уѣхала въ Берлинъ. Въ Берлинѣ они захвачены полиціей на желѣзной дорогѣ, разлучены, и герцогъ посаженъ подъ арестъ, исключенъ изъ всѣхъ частей службы и лишенъ Андреевской звѣзды. Эта буйная и пьяная головушка отличается энергіею, грубостію (N—а онъ, на Невскомъ, назвалъ громко дуракомъ) и любезною ему перспективою—служить у Наполеона. Очень хвалятъ Николая Лейхтенбергскаго, приписывая тщательное его воспитаніе Ребиндеру.

Стачка рабочихъ. Уже давно трудъ личный въ ссорѣ съ капиталомъ. Давно бывали и теперь бываютъ схватки между ними, и всегда капиталъ бралъ верхъ надъ нуждою, настоятельною и насущною. Въ Германіи и Франціи въ прошломъ и настоящемъ годахъ созданы по этому поводу законы и регламенты. Но все это мало помогаетъ дѣлу. Схватки и ссоры продолжаются, какъ продолжается противорѣчіе бѣдности и богатства. Сенъ-Симонъ, соціализмъ такъ и втирается въ бюджетъ, которымъ живетъ государство, и въ производительность, которою живетъ общество. Бюджетъ требуетъ подати съ дохода, промышленность вызываетъ сдѣлки рабочихъ съ хозяевами. Шульцъ-Делишъ представляется посредникомъ и предлагаетъ средства возможности терпѣливыхъ соглашеній. Можетъ быть, недалеко время, когда войдетъ въ жизнь и въ букву закона „новое право“, и человѣчество признаетъ новые догматы; но безъ права и догмата жить нельзя, и я думаю, что отсутствіе этихъ главныхъ руководителей есть главнѣйшая причина ненадежности современнаго порядка и запутанности всѣхъ предположеній, основанныхъ на самонадѣянности.

Іюнь. Я давно не писалъ здѣсь, а между тѣмъ и выставка была, мануфактурная (и весьма богатая), и въ деревню я съѣздилъ, и прочелъ 4 тома Тена объ Англійской литературѣ. Дѣло въ томъ, что я занятъ мыслію о судебной реформѣ и предвижу большія затрудненія въ осуществленіи ея согласно уставамъ. Очевидно, что Россія уже не tabula rasa Петра I, когда преобразователь вводилъ реформы a priori. Очевидно, что она накопила въ себѣ матеріалы и элементы живой организаціи, безъ разрушенія которой спросъ не найдетъ предложенія. Внутри Россіи всѣ ждутъ-недождутся этой реформы, и особенно чувствуется необходимость въ вѣрной и сильной мѣстной власти. Я разумѣю мѣстныхъ мировыхъ судей. Надобно пожить въ деревнѣ, чтобы чувство-

вать всю натянутость отношеній и всю тяжесть помѣщиковъ. Потравы и обиды безпрестанныя, а искать иногда рѣшительно не у кого: старшина безгласенъ, крестьянскій судъ безобразенъ, посредники устали.

При общей распущенности наибольшая замѣчается въ школахъ. Тамъ господствуютъ празднословіе, верхоглядство и нигилизмъ. А въ высшихъ сферахъ озабочены не этими язвами, а рѣшеніемъ спора: какія и гдѣ должны быть школы, реальныя или классическія, и послѣднія съ двумя или съ однимъ древними языками. Боже мой, да такія или сякія, все равно, но установите ученіе, возстановите дисциплину, введите порядокъ. Дайте мѣсто требованію, выдержите постепенную терпѣливость и дайте силу авторитету, хоть авторитету опыта. Какая разнузданность въ литературѣ и обученіи! Послушайте что̀ говоритъ Писаревъ въ „Русскомъ Словѣ“, что̀ говоритъ Соловьевъ въ „Отечественныхъ Записках“, что̀ говоритъ Бобровскій въ „С.-Пбургскихъ Вѣдомостяхъ“. Прислушайтесь къ педагогическимъ совѣщаніямъ въ Петербургѣ и въ Одессѣ. Кажется, здравый смыслъ отлетѣлъ отъ насъ; кажется, нѣтъ для насъ ничего вѣрнаго и положительнаго, кромѣ угожденія толпѣ и большинству, кромѣ дерзкаго отрицанія и дерзкаго исканія новаго, оригинальнаго и индивидуальнаго. Какъ ни скученъ Катковъ съ его вѣчными подозрѣніями въ интригахъ и заговорахъ сепаратистовъ, но, отстаивая здравый смыслъ и опытъ, онъ уже тѣмъ совершаетъ большую заслугу обществу и государству. Конечно онъ преувеличиваетъ и кричитъ слишкомъ громко; но какъ же не преувеличивать и не кричать громко посреди этого хаоса понятій, сужденій и явленій?

2 Сентября 1865 г. Свобода цензуры и печати. Запишемъ этотъ день. Это большой праздникъ. Мы къ нему, правда, приготовлены либеральными мѣрами нынѣшняго царствованія; но свобода печати по закону, по привычкѣ, есть институтъ столько же нравственный, политическій и воспитательный, сколько умственный и государственный. Нація признана совершеннолѣтнею, зрѣлою, достойною полнаго довѣрія и способною управлять своими мыслями, воззрѣніями и словомъ. Посмотримъ, какъ выразится и организуется эта свобода, не вызоветъ-ли она самостоятельное Русское мышленіе и не выработаетъ-ли она Европейскаго Русскаго человѣка.

Какое жалкое положеніе занимаемъ мы въ Шлезвигъ-Голштинскомъ вопросѣ! Мы умѣемъ только переуступать. Конечно, послѣ Итальянскихъ разрушеній и нарушеній, гдѣ Кавуръ явно шелъ объ руку съ шайками Гарибальди, Датская война представляется не честною, но почти законною, раздѣлъ же герцогствъ противорѣчитъ всѣмъ трактатамъ и нашимъ правамъ. Мы признали Италію, мы молчимъ передъ дерзкимъ Бисмаркомъ, который насъ не спрашиваетъ, не обращаетъ на насъ никакого

вниманія. Внутреннія преобразованія наши требуютъ сдержанности и сосредоточенія усилій дома, но эти дѣла не освобождаютъ отъ удержанія за собою подобающаго положенія и отъ защиты нашихъ правъ и политической чести и дипломатическаго приличія. Нельзя этого дѣла признать Прусскимъ и даже Нѣмецкимъ. Шлезвигъ къ Германскому союзу не принадлежалъ, и права Гольштейнъ-Готторпскаго дома соединены въ особѣ Русскаго императора.

Порицанія Пруссіи такъ общи, что вопросъ можно сказать не кончается, а вступаетъ въ новую стадію. Герцогства будутъ сожалѣть о Даніи, надѣлявшей свои земли демократическими учрежденіями. Они узнаютъ Прусскую военную администрацію и юнкерство, столь мало совмѣстныя съ желанною для герцогствъ конституціею. Германскій національ-ферейнъ подниметъ голову, заведетъ морскую силу и усилитъ пропаганду. Если и у Нѣмцевъ нѣтъ уваженія къ трактатамъ, то господство нивелирующаго духа должно быть такъ сильно, что Бисмаркъ повторяетъ Кавура, и королевская партія работаетъ на демократовъ.

Пребываніе Царской семьи въ Ильинскомъ чрезвычайно скромно. Погода ненастна, овацій нѣтъ, и ихъ не желаютъ. Москву Государыня не любитъ. Дворянская Москва не любитъ Государя. При пріемѣ Государь обошелся съ дворянствомъ очень холодно, предводителю Шипову (Дм. Павл.) сказалъ довольно жесткія слова, генералъ-губернаторомъ назначилъ (и не военнымъ, а простымъ) молодаго генералъ-лейтенанта князя Долгорукова (Владим. Андр.) вовсе Москвѣ неизвѣстнаго, а Петербургу извѣстнаго своимъ ограниченнымъ умомъ, своими спекуляціями и волокитствомъ. Москва видимо падаетъ, и хотя „Москов. Вѣдомости“ пишутъ, что въ словѣ Москва выражается цѣлая система понятій, началъ и политическихъ убѣжденій въ чисто-Русскомъ, національномъ, государственномъ смыслѣ, но Москва падаетъ. Общество рознится; Сенатъ уничтожается, о вельможествѣ и помину нѣтъ; самый Кремль застроенъ новыми зданіями, освѣщеніе дурно, воды мало, мостовая плоха, грязи и лохмотьевъ множество, нищихъ и пьяныхъ еще болѣе. Самые авторитеты митрополита и университета исчезаютъ. Даютъ еще нѣкоторый рельефъ развивающаяся фабричность и смѣлыя статьи въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ и въ „Днѣ“ Каткова и Аксакова. Для нихъ Петербургъ личный врагъ. Слово „Петербургскій“ значитъ враждебный Россіи, презрѣнный, насильно навязанный, близорукій. Но публичный судъ и свобода печати принесутъ новое значеніе Москвѣ и едва ли невысшее нежели прежнее, съ большими сплетнями и пересудами Англійскаго клуба и золотыхъ салоновъ. Москва—непремѣнная оппозиція Петербургу; но теперь оппозиція будетъ опираться на гласность и разноситься въ листахъ по всей Россіи. Петербургъ, кромѣ законовъ,

не даетъ ничего и безпрестанно требуетъ податей и рекрутовъ; его любить нельзя, его боятся, и потому слушаются. Москву любятъ, и потому будутъ слушаться. Оппозиція проберется въ суды, и Петербургскому приказу Москва противупоставитъ общественное мнѣніе. Поэтому бы съ Москвою надобно быть въ ладахъ.

Сегодня, 14 Сентября поутру, скончался сенаторъ Ребиндеръ Николай Роман.*). Онъ родился въ 1812 г., учился въ высшемъ училищѣ и началъ службу по таможенной части. Я засталъ его начальникомъ (распорядительнаго) отдѣленія въ 1840 г. и потомъ правителемъ канцеляріи министра юстиціи. Не сойдясь съ гр. Панинымъ, онъ перешелъ вице-директоромъ въ департ. иностран. исповѣданій и строилъ Римско-католическую коллегію, устроивалъ Римско-католическую академію. Это было при Скрипицынѣ, когда дѣятельность директора абсорбировала всю администрацію. Потомъ онъ потерялъ жену (Елисавету Ѳедоровну, рожден. Козляинову). Постоянно желчный, раздражительный и недовольный, разстроился еще болѣе и уѣхалъ градоначальникомъ въ Кяхту. По словамъ его, это лучшее время его жизни. Въ Сибири онъ былъ здоровъ и въ спокойномъ и даже веселомъ расположеніи. Здѣсь онъ встрѣтился съ семействомъ ссыльнаго Трубецкаго и женился на его дочери, еще при жизни ея матери, урожденной Лаваль, сестры графини Борхъ. При ихъ содѣйствіи онъ назначенъ былъ попечителемъ округа въ Кіевъ, а потомъ въ Одессу, откуда перемѣщенъ директоромъ д-та народнаго просвѣщенія и наконецъ, въ 1862 г., сенаторомъ въ Москву, въ 3-й департаментъ. Не мнѣ оцѣнивать служебную его дѣятельность. Она была чрезвычайно разнообразна, потому перемѣнчива и вездѣ кратковременна. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ вспоминалъ о Сибири. Въ Кіевѣ ропталъ онъ на преобладаніе католицизма, въ Одессѣ негодовалъ на порядки своего предмѣстника (д-ра Пирогова). Но я могу говорить о человѣкѣ. Это была личность чистая, благородная, рыцарская. Онъ никому не льстилъ и не угождалъ и ничѣмъ не стѣснялся въ возраженіяхъ за правду и въ защиту самостоятельнаго мнѣнія. Миръ праху твоему, товарищъ! Много ты перенесъ. Пора успокоиться.

Пребываніе Царя съ семействомъ въ Ильинскомъ и въ Москвѣ не имѣло и едва-ли могло имѣть какое нибудь значеніе. Все это дѣлается на скорую руку, торопливо. Некогда остановиться, некогда обдуматься. Кажется, смѣною Офросимова и холодностію съ дворянствомъ Государь хотѣлъ дать почуствовать свое неудовольствіе. Предводителю дворянства, Дмитрію Павловичу Шипову онъ положительно сказалъ: передайте

*) Небольшая біографія, написанная Ѳ. Чижовымъ (товарищемъ по ученью) въ „Днѣ“ отъ 15 Сентября, въ Славянофильскомъ духѣ.

дворянству, что если при этихъ выборахъ будутъ какіе либо безпорядки, то съ виновными будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Но все это не помѣшало ему принять ласково бывшаго оратора прежнихъ выборовъ, молодаго Звенигородскаго предводителя Дм. Дм. Голохвастова, который въ импровизаціи своей назвалъ Петербургскихъ правителей опричниками. Вообще Государь все болѣе и болѣе выказывается слабовластнымъ и непослѣдовательнымъ.

Я сей часъ прочелъ передовую статью „Москов. Вѣдом.“ 26 Сентября № 210 о субсидіяхъ газетѣ „Голосъ“. Если это патріотическій подвигъ гражданскаго долга, то редакція заслуживаетъ гражданской короны, т. е. если подозрѣнія ея о существованіи партіи, враждебной призванію Русскаго правительства, въ средѣ этого самаго правительства, основательны и подтвердятся. Но если это одни извѣты мнительнаго и подозрительнаго журналиста, хотя бы патріота и благонамѣреннаго, то редакція заслуживаетъ суда или по крайней мѣрѣ „предостереженія“. Вообще „Московск. Вѣдомости“ и „День“ выражаютъ систематическую оппозицію и только ловкими двусмысленными оборотами отклоняютъ прямое обвиненіе. Если за статью эту не послѣдуетъ предостереженія, то указываемая партія въ правительствѣ есть, и ей рано разоблачаться и выгоднѣе смотрѣть на смѣлаго бойца сквозь пальцы. Партію эту ставятъ подъ знамя Великаго Князя Константина, и вліянію ея приписываютъ поощренія сепаратизма по окраинамъ Россіи и замѣшательство дѣлъ и порядковъ внутри ея, гдѣ всѣ сословія недовольны и всѣ ропщутъ на незрѣлыя уновленія, на застой промышленности и разстройство отъ безденежья и низкаго курса. Но какая же цѣль подобной партіи? Перемѣна династіи? Ну статочное-ли это дѣло!

Статья о субсидіяхъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ предостереженія, что за нѣсколько дней „Сѣверная Почта“ предупреждала, очевидно полуоффиціальнымъ тономъ, что продолженіе подобной политики должно прекратиться. „Московскія Вѣдомости“ накинулись именно на это предупрежденіе. Скандалъ достигъ высшей степени: гласность объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что въ правительствѣ существуетъ партія, враждебная Россіи и призванію ея правительства и помогаетъ „Голосу“, который есть ничто иное, какъ „Современное Слово“, запрещенное въ 1863 г. (слѣдовало сказать 1865 г., ибо Ахшарумова газета издавалась всего 11 №№ въ нынѣшнемъ году. Или здѣсь рѣчь о газетѣ Писаревскаго). Подождемъ, посмотримъ, не заждемся.

Графъ Сологубъ такъ много говорилъ мнѣ о своихъ преобразованіяхъ въ смирительно-рабочемъ домѣ (въ Преображенскомъ, подъ Москвою), что я, не смотря на мою неудачу въ посѣщеніи такъ называемой

исправительной школы подъ Симоновымъ*), рѣшился посмотрѣть это важное наказательное учрежденіе. Особеннаго ничего нѣтъ: помѣщеніе, одежда и самое содержаніе чрезвычайно плохо, едва-ли не хуже губернскаго. Но честь и слава гр. Сологубу за водвореніе и устройство работъ артелями. Онѣ идутъ хорошо и держатся исключительно Сологубомъ, который конечно обѣщаніемъ наградъ уговорилъ четырехъ купцовъ дать инструменты и матеріалъ и установилъ довольно низкую таксу. Работаютъ мѣсяца два, а у нѣкоторыхъ, по книжкамъ, находится въ артели болѣе 10 р. Но на долго-ли потянетъ Сологуба? Я еще въ прошлый пріѣздъ министра юстиціи обратилъ его вниманіе на несообразность нашихъ наказательныхъ учрежденій и всей системы наказаній, потерявшей свой характеръ устрашенія и не выражающей, какъ въ остальной Европѣ, никакихъ даже зачатковъ начала исправленія или улучшенія преступника. Я представлялъ, что продолжительная каторга и „поселить въ Сибири навсегда“ и лишеніе правъ безъ возвращенія когда либо и безъ reabilitatio нигдѣ не существуютъ и что наказаніе не должно быть рутиною, а постепеннымъ развитіемъ исправительныхъ стадій, какъ введено въ Ирландскихъ тюрьмахъ. Замятнинъ мнѣ не отвѣчалъ, и я 10 прошлаго Сентября счелъ себя въ правѣ обратиться къ Валуеву, который на дняхъ увѣдомилъ меня (въ общихъ фразахъ), что для министерства собираются свѣдѣнія въ Бельгіи и Ирландіи.

Все это однако не мѣшало бы поправить и получше содержать существующіе тюремные замки и рабочіе дома. Достаточно посмотрѣть Московскіе, чтобы видѣть, какъ здѣсь дурно и безпечно и какъ съ малыми средстами можно было бы улучшить и помѣщеніе, и содержаніе. NB. Въ рабочемъ домѣ 6 арестантовъ обратились ко мнѣ съ жалобою на прокурора, пропустившаго ихъ въ спискѣ лицъ, удостоенныхъ Государемъ помилованія на одну степень. Помилованіе это объявлено за то, что арестанты служили молебенъ о здравіи покойнаго Наслѣдника, когда разнеслась вѣсть о опасномъ его состояніи и послали цвѣты на его гробъ, когда онъ привезенъ былъ въ Петербургъ. Научилъ ихъ сдѣлать это священникъ замка. На вопросъ мой, какъ они узнали о царской милости, арестанты отвѣчали, что читали въ газетахъ. Не въ Сенатскихъ-ли? Въ какихъ (нигдѣ не напечатано), и какъ вы ихъ полу-

*) Посѣтилъ я школу 23 Іюня и при самомъ первомъ знакомствѣ съ ея устройствомъ, послѣ всего, писаннаго о ней такъ много въ газетахъ, тотчасъ увидѣлъ всю несостоятельность этого заведенія. Бывшіе на лицо 11 мальчиковъ всѣ подъ слѣдствіемъ и безпрестанно требуются къ допросу (верстъ за 6). Желая помочь школѣ, А. Н. Стрекаловой ради, я далъ для переплета пять книгъ и потомъ два мѣсяца возился, чтобы выручить ихъ и выручилъ только при содѣйствіи полиціи. А чего не писали г. Завалишинъ и др.?

чаете? Оказалось, что нѣкоторые изъ арестантовъ замка поступили въ рабочій домъ и принесли эту благую вѣсть. Ну что бы Государю, не ослабляя правосудія, задать обѣдъ съ двумя блюдами говядины!

Нашъ климатъ и наши пространства суть главныя причины нашей бѣдности и нашей отсталости. Съ дарованіемъ разныхъ правъ и вольностей, съ освобожденіемъ печати и при усиленной дѣятельности умовъ нельзя, чтобы общій уровень народнаго сознанія своего достоинства и Русскаго самостоятельнаго воззрѣнія не поднялся противъ прежняго, очень сжатаго и очень низкаго; но бѣдность остается бѣдностію, и политическіе порядки богатыми насъ не сдѣлаютъ. Бѣдность эта теперь и чувствительнѣе, и ощутительнѣе, потому что требованія и личныя и общественныя значительно усилились и умножились. Мы жили и живемъ долгами и безъ займовъ обойтись не можемъ. Ростутъ требованія (бюджетъ готовъ съ 250 прыгнуть до 400 милліон.), ростетъ недоимка (уже къ 1 Сентября насчитываютъ 24 милл., въ томъ числѣ $^1/_4$ на акцизъ съ вина и $^1/_8$ отъ таможень. NB: Значитъ привозятъ мало, значитъ вывозятъ—тоже), ростутъ и долги. Мы скоро дойдемъ до 2000 милліоновъ, до 100 милліоновъ рублей однихъ процентовъ. Особенно бѣденъ народъ; сократить его крайне скудные расходы нельзя, а сборы увеличиваются, дешевое вино пьется легонько. Выкупные и оброчные платежи выбираются туго, и бѣдные крестьяне подвергаются аукціону. Кажется, не избѣжать и намъ пониженія оцѣнокъ и обязательнаго выкупа. Исполненные добросовѣстно они немного стѣснятъ помѣщиковъ и преимущественно помѣщицу-казну, но много облегчатъ крестьянина, ибо и немногое ему очень чувствительно. Не думаю, чтобы лучшаго распредѣленія налоговъ и повинностей дождались мы отъ земскихъ учрежденій: какъ ни либеральны они, но долго будутъ и останутся односторонними, по преобладающему элементу землевладѣльцевъ.

Еще однимъ великаномъ меньше. Пальмерстонъ скончался. Шестьдесятъ лѣтъ потрудился онъ для благоденствія и славы Англіи и до послѣднихъ дней сохранилъ могущественное вліяніе силы своего генія и огромной своей опытности. Онъ былъ исключительно Англичанинъ, и за этимъ горизонтомъ, внѣ предѣловъ Англійскихъ интересовъ, весь міръ интересовалъ его только по возможности соприкосновенія его съ этими же Англійскими интересами. Онъ былъ противъ коренныхъ реформъ и приверженность свою къ statu quo могъ, не безъ законнаго самолюбія, гордо оправдывать тѣмъ богатствомъ, тѣмъ величіемъ, какихъ Англія достигла подъ его управленіемъ. Онъ былъ открытый врагъ Россіи. Наростаетъ новое поколѣніе, и съ разширеніемъ выборнаго права (чего надобно ожидать) Англія готовится къ обновленію, долженствующему совершиться не въ смыслѣ Пальмерстоновскихъ порядковъ.

Новыя правила судопроизводства 11 Октября обнародованы для *старыхъ* судовъ. Они очень хороши и именно хороши по тремъ причинамъ: они практичны и ничего не ломаютъ; они могутъ быть введены вездѣ и немедленно, и 3-е, они согласны съ моими предположеніями, изложенными въ представленномъ моемъ мнѣніи о порядкѣ введенія уставовъ 1864 г. Ими допускаются гласность, свобода объясненій подсудимаго, и упрощаются подсудность и апелляція по уголовнымъ дѣламъ.

Читая агитаціи и споры о значеніи Русскаго языка въ дѣлахъ Остзейскаго края, я припомнилъ, что въ Сентябрѣ 1844 (22 года тому), обозрѣвъ тамошнія тюрьмы, гдѣ большинство Русскихъ и Евреевъ, я представилъ министру, что тамъ „Русскаго человѣка, въ Русскомъ государствѣ, допрашиваютъ понѣмецки“, и заключилъ о необходимости допроса на языкѣ подсудимаго, а равно и о объявленіи ему приговора на томъ же языкѣ. Я не думалъ, чтобы это могло встрѣтить какое либо препятствіе въ отношеніи Русскихъ, потому что мѣстные чиновники знаютъ порусски. Предположеніе мое было принято какъ гр. Паниным, такъ и гр. Блудовымъ, по докладу послѣдняго одобрено Государемъ и въ Ноябрѣ того же 1844 г. сообщено генералъ-губернатору. Желая узнать теперь объ участи этого предположенія, я обратился къ генералъ-губернатору, и гр. Петръ Андр. Шуваловъ увѣдомилъ меня, что предположеніе это превращено въ установленіе при судахъ переводчиковъ, вызвавшее обширную переписку съ разными сословными представительствами, и въ 1850 году, какъ дѣло рѣшеное, окончательно сдано въ архивъ, гдѣ и лежало до полученія моего письма. Нынче я послалъ записку къ министру и спрашиваю: ужъ не сдано ли оно въ архивъ и въ министерствѣ? Весьма можетъ быть. Нельзя въ этомъ винить Остзейцевъ однихъ; имъ естественно не желать вторженія Русскаго языка въ ихъ привиллегированную среду. Виноваты здѣсь Петербургскія канцеляріи и Остзелюбивые начальники. Но какъ же допрашивать, судить и осуждать Русскаго, въ Россіи, понѣмецки? Для меня не только какъ Русскаго, но просто какъ юриста, немыслимъ подобный порядокъ при закрытомъ судѣ.

Другое обстоятельство, въ которомъ я сильно столкнулся съ Нѣмецкою нашею автономіей, это въ вопросѣ объ апелляціи по дѣламъ уголовнымъ. Нѣмцы сильно отстаивали de non appellando, и гр. Блудовъ, все тотъ же гр. Блудовъ, выручилъ Нѣмцевъ. Споръ этотъ напечатанъ въ 1 т. Сборника рѣшеній Прав. Сената 1864 г. подъ № 686, на стр. 996, подъ скромнымъ заглавіемъ: объ освобожденіи членовъ оберъ-ландгерихта отъ выговора и взысканія по дѣлу Соколова. Я долженъ прибавить, что окончательное рѣшеніе вопроса de non appellando послѣдовало, когда я уже оставилъ судебное вѣдомство, и рѣшеніе это

произвело громкую радость въ добрыхъ Нѣмцахъ всѣхъ городовъ трехъ Русскихъ губерній.

Вотъ и начало гласности! Въ Московскихъ департаментахъ и общемъ собраніи присутствуетъ публика, и даже дамы, и даже княгини. Надобно полагать, что публика должна разочароваться, потому что спектаклю недостаетъ ни дѣйствія, ни характеровъ, ни даже декорацій. Секретарь или оберъ-секретарь доложитъ довольно подробно обстоятельства дѣла, публика удаляется, и начинаются дебаты, которые собственно и могли бы интересовать постороннихъ. Въ общемъ собраніи и въ 7-мъ д-тѣ (Московскія дѣла) случились повѣренные, и потому были объясненія и довольно адвокатскія. Но въ 8 д-тѣ, когда, послѣ перваго дѣла, публика вошла въ присутствіе для слушанія втораго дѣла, троихъ изъ любопытныхъ уже не было, а и всѣхъ-то было 8-мь. Въ департаментахъ это можетъ устроиться, и хорошо и съ пользою. Если допустить состязаніе сторонъ, защиту подсудимаго, то и судьи и зрители могли бы имѣть назиданіе и вѣрнѣе усвоить сущность процесса. Подождемъ. Великое начало положено. Оно разовьется и принесетъ плоды. Да здраствуетъ реформа удобоисполнимая, крайне полезная и способная усовершаться!

При дворѣ и въ обществѣ много говорятъ о сватьбѣ фрейлины Тютчевой (Анны Ѳедоровны) съ Славянофиломъ Иваномъ Сергѣев. Аксаковымъ издателемъ прекращаемаго „Дня“ *). Дѣйствительно, это немножко странно. Придворная сфера, въ которой жила Тютчева около 10 лѣтъ, какъ воспитательница Великой Княжны, какъ ближайшее лицо къ Императрицѣ, пользовавшееся вліяніемъ, не имѣетъ ничего общаго съ скромнымъ кабинетомъ редактора, правда весьма даровитаго и при томъ прекраснаго человѣка. Дядя и тетка невѣсты, Сушковы объяснили мнѣ это тѣмъ, что придворная жизнь всегда тяготила умную головку, независимый характеръ которой нисколько не согласовался съ натянутымъ этикетомъ и пустою церемонностію двора; а между тѣмъ шесть лѣтъ пламенной любви не нелюбимаго человѣка доказывали всю прочность и безкорыстіе чувства. И она рѣшилась. Другіе объясняютъ иначе, и полученное мною письмо (отъ статсъ-секретаря Гагемейстера) подтверждаетъ это иное объясненіе. Тютчева потеряла довѣріе Императрицы и видѣла, что ею тяготятся и даже даютъ ей это чувствовать. Надобно было найти выходъ, и она выходитъ за мужъ, увѣряя, что это давно было рѣшено, но что она отказывалась, желая докончить

*) Это бракосочетаніе состоялось 11 Января 1866 года, въ Москвѣ, въ домовой церкви барона М. А. Боде. Иванъ Сергѣевичъ говорилъ мнѣ, что онъ влюбился въ умъ Анны Ѳедоровны и что они оба готовили себѣ счастіе на осень дней своихъ. П. Б.

первоначальное воспитаніе Великой Княжны, а теперь рѣшается, такъ какъ Княжна должна начать серьезные классные уроки съ учителями и спеціалистами. Впрочемъ за годы воспитанія и во вниманіи къ сдѣланнымъ жертвамъ нѣсколькихъ лѣтъ фрейлина Тютчева получаетъ 5 т. р. пансіона и приданое отъ Императрицы. Я полагаю, что это придворная интрига, а бракъ съ Аксаковымъ дѣлается вѣроятно по старой памяти. Тютчевой около 40 лѣтъ, но она свѣжа и съ виду молода, а Аксакову должно быть около 42 или 43.

Итакъ гласность втирается всюду. Газеты и журналы держатъ себя хорошо, съ достоинствомъ и сдержанно. „Москов. Вѣдомости“ напали на Министерство Просвѣщенія и отдѣлываютъ Головнина, какъ говорится, на обѣ корки, отдѣлываютъ даже несправедливо, особенно въ № 235 Октября 28. Здѣсь редакція явно смѣшала мнѣнія членовъ Государствен. Совѣта съ высочайше утвержденными мнѣніями Государств. Совѣта. Я полагалъ, что будетъ „предостереженіе“, но, кажется, обошлось такъ. Но что́ же это за министръ, котораго можно обносить даже ложно? И никто за него не вступится. Редакція тоже съ напоромъ отдѣлываетъ и сепаратизмъ и защищаетъ Русскій языкъ и Русское достоинство. Нѣтъ врага злѣе для сепаратистовъ и организованныхъ инородческихъ привиллегій. Въ этомъ смыслѣ „Москов. Вѣдомости“ имѣютъ огромное значеніе и большую силу. Онѣ съумѣли стать высоко и твердою ногою и умѣютъ соединить это положеніе съ лестнымъ для Русскаго восхваленіемъ Русскаго элемента, Русскаго единства и жертвъ Русскаго народа.

Гласность суда прививается тоже хорошо; я и многіе удивлены, какъ это простое начало прилагается просто. За то паническій страхъ напалъ на храбрыхъ дивизіонеровъ-сенаторовъ, большою частію искалеченыхъ и малограмотныхъ. „Вѣдь можетъ явиться такой говорунъ, что собьетъ и насмѣется надъ нами“, говорилъ старикъ-калѣка Самаринъ. „Пройдетъ немного, и они научатся и будутъ сидѣть и распоряжаться лучше нашего брата“. Другое неудобство публичности, это наша формальная система доказательствъ, такая щедрая на „подозрѣніе“. Стороннему непонятно (какъ они не юридически выражаются) „такое легкое наказаніе“. Впрочемъ посѣтители при рѣшеніи не присутствуютъ и его не знаютъ. Третье неудобство—это наше помѣщеніе: оно тѣсно, и публикѣ отдѣляется самое незначительное пространство.

Первую публикацію въ (С.-Петербург.) газетахъ о допущеніи къ присутствію при докладѣ сдѣлалъ предсѣдатель Владим. Гражд. Палаты. Она напечатана въ объявленіяхъ перваго столбца Вѣдомостей въ № 285 Ноябр. 11 (Октябр. 30) 1865 г.

Въ настоящее время все измѣнилось, все, и мы живемъ въ средѣ общества и порядковъ, совершенно иныхъ, въ которыхъ прежняя жизнь держится только слабымъ преданіемъ и рутинною привычкою. Я не вполнѣ вѣрую въ ожидаемыя послѣдствія совершенныхъ реформъ, но не могу же я не видѣть, что онѣ дарованы великодушно и совершены добросовѣстно.

Честь и слава Государю и честнымъ исполнителямъ его воли!

Великія преобразованія такъ выворотили общество, такъ прямо обрушаются на привычки и обычаи и такъ мало приготовили для себя элементовъ усвоенія, что порождаютъ два совершенно различныя явленія: или совершенное недовѣріе, ожидающее отъ сплошной ломки какого-нибудь взрыва, или излишнюю довѣрчивость, доходящую до вѣрованія въ сверхъестественное. И то и другое явленіе столкнулись въ томъ общемъ послѣдствіи, которое можно бы назвать оплошность, выражающаяся въ апатичности однихъ и въ самоочарованіи другихъ. Главная форма нашего общественнаго быта есть анархія и перемежающаяся диктатура.

Печати дана свобода, а правительство не обращаетъ на нее никакого вниманія. Кредитный рубль нашъ упалъ, а правительство исключаетъ его изъ обращенія въ Финляндіи, которой „бѣдность не въ состояніи нести такія утраты“. Тамъ рубль по курсу. Вольное Экономическое Общество, по случаю столѣтняго юбилея, созвало землевладѣльцевъ со всѣхъ концовъ и приготовленные вопросы разработало такъ, какъ разсуждаютъ послѣ сытнаго обѣда въ кружкѣ вольныхъ собесѣдниковъ.

Въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ обнаружены очень неблаговидные поступки товарища и участіе въ банкѣ Френкеля гофмейстера Набокова, и все это прошло мимоходомъ. Въ департаментѣ таможенныхъ сборовъ сдѣлали такое изданіе тарифа въ Іюнѣ мѣсяцѣ, за которое при Николаѣ виновные пошли бы въ солдаты, а теперь это кончилось исправленіемъ ошибокъ (числомъ болѣе 70) въ циркулярѣ, напечатанномъ (экая наглость!) въ оффиціальномъ „Указателѣ“ Министерства.

Общественное мнѣніе, университеты, печать и хозяйственныя общества всѣ рѣшительно и энергично выразились противъ устава Петровской Академіи, а уставъ этотъ, изволите видѣть „начертанный по указанію Государя Императора“, утвержденъ, и участвовавшіе получили большія аренды за свои подвиги. Преступленія усиливаются и до такой степени, что Ревельское общество требуетъ примѣненія смертной казни.

Въ 1864 г. банкъ обмѣнялъ фальшивыхъ билетовъ на 700 т. р., а нынче только и слышишь, что о поддѣлкѣ, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Нижнемъ. Ужъ не постановить-ли и за это преступленіе смертную казнь?

Введеніе судебной реформы исполнено страховъ за полновластіе мировыхъ судей, для которыхъ переходныя правила уже отступили отъ текста закона. Эти мировые судьи и эти отвратительныя волостные суды, безъ апелляцій, сдѣлаютъ то, что въ уѣздѣ жить будетъ нельзя.

Все въ такомъ броженіи, что̀ остается выжидать окончательной установки, а установки этой очевидно не дождешься; ибо новое зданіе, возведенное на сторонѣ, требуетъ новой ломки для пригонки и приноровки.

Окраины Имперіи чувствуютъ, что всѣ эти преобразованія клонятся къ сліянію, и со всѣхъ концовъ раздаются протесты и возраженія, еще болѣе дѣлающіе невозможнымъ соглашеніе интересовъ, доселѣ раздѣльныхъ.

Хронику писать теперь излишнее. Она вся въ современныхъ газетахъ. Газеты выражаютъ вѣрно и самое раздраженное положеніе общества, и самыя радикально противуположныя воззрѣнія разныхъ партій и ихъ органовъ.

Ноября 8-го скончался внезапно отъ удара сенаторъ Ждановъ Семенъ Романовичъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 70, большой дѣлецъ, поклонникъ стараго поколѣнія, свой человѣкъ у министра Ланского, у кн. Орлова, съ камердинеромъ котораго онъ тщеславно выставлялъ свою дружбу, могущественный правитель канцеляріи гр. Строгонова (въ Харьковѣ) и у всѣхъ Петербургскихъ генералъ-губернаторовъ, особенно при Кавелинѣ, во время сумашествія котораго онъ былъ главнымъ начальникомъ. По вступленіи въ управленіе министерствомъ Валуева, Ждановъ долженъ былъ оставить департаментъ полиціи, сдѣлавшись членомъ Совѣта, былъ употребляемъ по разнымъ порученіямъ, и между прочимъ въ крѣпостной*) политической коммиссіи князя Александ. Ѳедор. Голицына и въ слѣдственной коммиссіи о соціализмѣ въ Петербургскихъ воскресныхъ школахъ. Счастливыя открытія въ этомъ дѣлѣ обратили на него вниманіе, и въ награду онъ назначенъ сенаторомъ въ Іюнѣ 1864 г. Назначеніе, противъ его желанія, онъ получилъ въ Москву, и высокая награда, какою ему представлено это пожалованіе, разлучала его съ домомъ и дачей въ Петербургѣ, съ семействомъ, обычною средою и совершенно его разстроила. Огромные пожары въ Симбирскѣ вызвали его снова къ слѣдственной дѣятельности, и онъ

*) Т. е. въ коммиссіи, завѣдавшей въ Петропавловской крѣпости? П. Б.

около 13 мѣсяцевъ провелъ въ Симбирскѣ, съ большою свитою, доискиваясь политическихъ поджигателей („Моск. Вѣдом“. 20 Ноября, статья Михаила Лонгинова. „Соврем. Лѣтопись“ 21 Ноября изъ Симбирска). Обѣ прославляютъ незаслуженно Жданова. (См. „Спбр. Вѣдомости“ 1865 г. 28 Декабря). Говорятъ, онъ нашелъ ихъ въ лицѣ полковника и майора Самарскаго полка и съ дѣломъ и обличеніями спѣшилъ въ Петербургъ, чтобы, за новую заслугу, добиться наконецъ перевода въ Петербургъ и соединиться съ семействомъ. Смерть постигла его на дорогѣ въ Нижнемъ. Носились общіе слухи, что онъ отравленъ Поляками. Я имѣю нѣсколько писемъ изъ Симбирска, въ которыхъ говорится, что онъ держитъ себя совершенно уединенно и постоянно жалуется на нездоровье. Ждановъ пользовался всегда плохою репутаціей. Не зная судебныхъ порядковъ, онъ никогда не могъ быть полезнымъ сенаторомъ. Это былъ дѣлецъ, юсъ, старый подъячій, какіе все болѣе и болѣе сглаживаются въ нашей скороперемѣнной администраціи.

Вотъ кончились и (вторыя) дворянскія собранія или выборы. Они продолжались два дня: доказательство важности собраній этого важнаго сословія. Князь Левъ Гагаринъ выбранъ предводителемъ, почти единогласно, и ему дали обѣдъ съ тостами и спичами. Но не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что новый генералъ-губернаторъ придумалъ и согласился съ *прочими* (а прочихъ немало: епископъ Леонидъ, редакторъ Катковъ и говоруны изъ дворянъ) сгладить, въ грязь втоптать прежнія постановленія, увѣрить, что никакой агитаціи не было, что всѣ газетныя вѣсти просто ложь и выдумка*). А настоящая-то ложь есть

*) С. А. Соболевскій вложилъ въ уста новаго генералъ-губернатора такое обращеніе къ Государю:

Наѣвшись щей, напившись квасу,
Ихъ разобралъ патріотизмъ.
Хоть въ двѣсти семьдесятъ два гласа,
Но безонасенъ сей цивизмъ.
О, царь! Исполни ихъ желанье.
Пусть въ два кружка ихъ соберутъ.
Поврѣтъ Дворянское Собранье,
Поперевретъ и Лучшій Людъ.
Съ Дворянской Думою мы сладимъ
Легко, безъ грознаго „молчи“!
Коль ихъ надеждою поманимъ
На камергерскіе ключи.
Потомъ, лишь будь уха стерляжья,
Икрой зернистой лишь корми,
Шампанскимъ глотки лишь увлажь я
И слажу съ Лучшими Людьми.

Затѣмъ князю Владимиру Андреевичу прибавлено къ жалованью нѣсколько тысячъ рублей на угощеніе Москвичей. П. Б.

нынѣшнее постановленіе дворянства, приторное повтореніе о „любви и преданности обожаемому Монарху“. Дворянство увѣряетъ, что крамольное предположеніе его „было доведено до свѣдѣнія Его Величества не отъ лица самаго дворянства, которое могло бы чрезъ своихъ депутатовъ представить въ истинномъ свѣтѣ руководившія имъ намѣренія и свидѣтельствовать предъ августѣйшимъ Монархомъ о чувствахъ безпредѣльной преданности дворянства и проч.“ Протоколъ этотъ на другой же день напечатанъ въ „Московск. Вѣдомост.“ 16 Ноября (№ 251), гдѣ напечатана и проповѣдь Леонида уже не о дворянскихъ правахъ, какъ въ Декабрѣ 1864 г., а о „смиренномудріи и кротости, долготерпѣніи, въ союзѣ мира“. На другой день, 17, Катковъ въ передовой статьѣ, насмѣшливымъ и оскорбительно-покровительственнымъ тономъ объяснилъ недоразумѣніе благими намѣреніями, плохо выраженными, и злонамѣренностію *Петербургскихъ* корреспондентовъ, всегда жаждущихъ посѣять рознь и вражду. Все это похоже на какую-то дѣтскую мистификацію, доказывающую, что мы недостаточно серьезно относимся къ самымъ важнымъ вопросамъ и что потому значеніе дворянскихъ собраній кончилось вò время. Выростаетъ земство!

Я сей часъ изъ Петровскаго-Разумовскаго, гдѣ открыта Академія сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Послѣ обѣдни и молебна мы собрались въ актовой залѣ, гдѣ генералъ-адъютантъ, министръ, А. А. Зеленый обратился къ намъ съ рѣчью, изложивъ вкратцѣ основанія и цѣль учрежденія высшаго училища „въ центрѣ промышленности и въ сердцѣ Россіи, Москвѣ“. Основаніемъ выставлена реформа 19 Февр. 1861 г., „которая, *можетъ быть*, будетъ эпохою въ Русской исторіи“. Цѣль—улучшеніе сельскаго хозяйства, устроиваемаго на свободномъ трудѣ. Зеленый заминался и откашливался. Нельзя не замѣтить, что слова: можетъ быть, будетъ эпохой—несправедливы. Эпоха есть и внесена въ исторію. Во вторыхъ, начало академіи относится не къ 1861 г., а къ Сентябрю 1857 г., когда о реформѣ и слуху не было, но когда пустой льстецъ, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, ввелъ М. Н. Муравьева въ Московское Общ. Сельск. Хозяйства и увѣрилъ тщеславнаго господина, что всѣмъ памятный отецъ его, основатель Общества, Н. Н. Муравьевъ, лелѣялъ, какъ идеалъ, мысль о сельской академіи и обѣщалъ ее Москвѣ. Тогда-то расчувствовавшійся министръ торжественно заявилъ „что пріятно сыну исполнить то, что̀ обѣщалъ отецъ“. По пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ приказано было заготовить предварительный докладъ Государю. Тутъ реформа 19 Февр. совершенно въ сторонѣ. Въ третьихъ, цѣль академіи что-то не ясна: большія хозяйства падаютъ, а къ малымъ, крестьянскимъ раціональная истина непримѣнима. Этого не объяснили ни министръ, ни говорившій или жевавшій послѣ него директоръ Же-

лѣзновъ, пробавлявшійся болѣе получаса общими фразами, сказанными по складамъ. Въ четвертыхъ, ни тотъ, ни другой не дали себѣ труда подумать, чего стоитъ казнѣ это роскошное заведеніе. Въ разговорѣ со мною министръ сказалъ „всего на все, тысячъ 700“. Но я помню, что болѣе. Неѣловъ пояснилъ, что около милліона. Я помню, что болѣе.

Дай Богъ Академіи процвѣтать и ширяться. Только я въ этомъ сомнѣваюсь: учесть процентъ ея пользы нѣтъ возможности. Она устроена на такихъ либеральныхъ началахъ, что начальство будетъ радо видѣть, какъ праздные и любопытные пріѣдутъ, посмотрятъ и уѣдутъ, обозрѣвъ въ видѣ прогулки богатыя хозяйства Академіи или выслушавъ экспериментальную лекцію Ильенки въ его обширной лабораторіи. При строгостяхъ Университета, Академія будетъ служить убѣжищемъ.

Сильные толки о нашихъ финансахъ. Общество требуетъ удаленія Рейтерна и назначенія все того же Муравьева. Чрезвычайно ропщутъ на Финляндію, отдѣлившуюся съ своими марками отъ нашей бумажной единицы. Также отдѣляется Главное Общество желѣзныхъ дорогъ, банки Френкеля и Отрѣшкова. Какой это скандалъ! Своимъ векселямъ не вѣрить. И какой этому исходъ? Бумажный рубль все падаетъ, онъ на Парижъ 326. Но не спасаетъ-ли онъ нашу производительность отъ тарифнаго либерализма, грозившаго подавить ее? Можетъ быть. У насъ, навыворотъ, все возможно.

Могущественный органъ Русской печати и Московской партіи, „Москов. Вѣдомости“, требуя коренныхъ мѣръ къ упроченію порядка и спокойствія въ Западныхъ губерніяхъ, такъ характеризуетъ нынѣшнія мѣры: „Вся сила вопроса заключается въ томъ, чтобы одною справедливою общею мѣрой упразднить необходимость прибѣгать постоянно къ мѣрамъ исключительнымъ и тяжкимъ. *Не раззореніемъ, не контрибуціями, не полицейской диктатурой, не развитіемъ чиновничества, не нарушеніемъ правъ, не стѣсненіемъ свободы, не преслѣдованіемъ людей* можно достигнуть какихъ либо благонадежныхъ результатовъ“ и проч., и вотъ важность Муравьевскихъ заслугъ, о которыхъ тѣже вѣдомости отзывались съ такими похвалами! Говоря далѣе о предположеніи Бибикова о Русскихъ майоратахъ, для водворенія Русскаго землевладѣнія, газета выражается, что „эта мѣра встрѣтила препятствія и разрѣшилась въ *позорный* результатъ“. Здѣсь намекается на нѣкоего Поляка, который занималъ одно изъ вліятельнѣйшихъ мѣстъ при гр. Киселевѣ. Это господинъ „Р—кій, твердо державшійся § 5 и 7 „Польскаго Катехизиса“. Ну можно-ли сказать, что вліяніе Поляковъ было сильно въ 1840-1841 годахъ? И можно-ли сравнить это вліяніе съ тѣмъ, какое мы видѣли при Валуевѣ и Рудницкомъ, вообще при Муравьевѣ, когда все было въ рукахъ Польскихъ чиновниковъ, и самая люстрація, и фермерство про-

изводились въ видахъ вызова неудовольствій въ казенныхъ крестьянахъ. При гр. Киселевѣ директорами 2-го д-та были: Клоковъ, Хелмскій, Шелеховъ и Рашевскій, чистые Русскіе. Былъ начальникомъ отдѣленія и вице-директоромъ Крживецъ, Полякъ и съ вліяніемъ. Кто этотъ „Р—кій", я не знаю.

Земскія учрежденія шумятъ и развиваются. Нельзя не замѣтить три стороны, свойственныя всякому молодому и нашему обществу. Это во первыхъ—чиновничья формальность, выразившаяся въ назначеніи довольно крупныхъ окладовъ и регламентаціи инструкціями; во вторыхъ—фрондёрство дворянства, которое злорадостно критикуетъ положеніе о земствѣ, дѣйствія предшествовавшей администраціи и особенно „административный произволъ", о которомъ графъ Шуваловъ сказалъ рѣчь, напоминающую времена рѣшительнаго ожесточенія партій. Какъ въ Январѣ въ Москвѣ дворяне, такъ дворяне земскіе теперь въ Петербургѣ требуютъ центральнаго представительства, и „это уже не встрѣчаетъ противодѣйствія" (замѣчаетъ крѣпостническая „Вѣсть", порѣшившая между прочимъ, что „земскія учрежденія, *въ настоящемъ ихъ составѣ*, окончательно раззорятъ Россію"). Третья сторона это—либеральническое исканіе популярности, якшательства съ крестьянами и стремленіе къ уровненію податей.

Все это не на долго. Насъ ожидаютъ банкрутство и большая нужда. Земство не выдержитъ издержекъ, мы годъ отъ года скудѣемъ и государственный deficit ростетъ, ростутъ недоборы и пошатнулись почти всѣ частныя состоянія. Страна бѣдна для содержанія Европейскихъ порядковъ. Должны выработаться свои.

Декабрь. Усиленіе преступленій все продолжается и ростетъ. Преступленія совершаются дерзкія, степныя, дикія. Огражденія полицейскія недостаточны. Мнѣ кажется, пора бы приступить къ организаціи городскихъ и сельскихъ стражъ. Доселѣ вся Россія въ военномъ положеніи часто беретъ верхъ военная подсудность, нерѣдко исполняется смертная казнь, а преступленія все ростутъ, нужда пробирается и въ достаточные слои общества. Отмѣна помѣщичьей полиціи, удешевленіе водки и ослабленіе наказаній, съ отмѣною тѣлеснаго, сдѣланы почти одновременно и разнуздали народъ. Къ этому присоединяется раннее увольненіе солдатовъ и реформы гражданскихъ управленій, требовавшія перемѣнъ, личныхъ составовъ. Я воображаю, что̀ будетъ въ старыхъ судахъ при совмѣстности ихъ съ новыми. Уже и теперь канцеляріи судебныхъ мѣстъ—жалость смотрѣть. Я, бывшій оберъ-прокуроръ 6 д-та Сената и теперь тутъ же сенаторъ, я не узнаю прежней канцеляріи. Я не узнаю и доклада и редакціи приговоровъ: такъ понизился уровень талантливости и образованія. Въ гражданскихъ, говорятъ, лучше; но я сомнѣваюсь:

правовѣды (изъ Училища) не идутъ, они выжидаютъ назначеній по новымъ штатамъ. Теперь формируются управленія контроля.

Безмѣстные чиновники усиливаютъ контингентъ преступности. А все таки чувствуешь, что живется лучше, что идемъ къ лучшему и что непремѣнно будетъ лучше. Но это лучшее врагъ хорошему, и потому надобно перейти черезъ худшее, которое, какъ переходное зло, выражается въ стѣсненіяхъ обыкновеннаго и въ лишеніяхъ привычнаго.

Возстановивъ противъ себя дворянство, правительство предоставило ему трибуну для фрондёрства и лйца лучшихъ фамилій считаютъ долгомъ на дворянскихъ выборахъ и особенно въ земскихъ собраніяхъ первымъ долгомъ считаютъ поглумиться, покритиковать правительство и заявить желаніе или сочувствіе мысли о центральномъ представительствѣ. Правительство, оробѣвшее отъ печальнаго исхода Крымской войны, бросилось задаривать всевозможными реформами, а напуганное дипломатическимъ походомъ 1863 г. оно обратилось къ помощи гласности общественнаго мнѣнія. Эти невызрѣвшія и непереварившіяся реформы и эта задористая отъ непривычки гласность привели къ такому хаосу и деморализаціи правительственныхъ органовъ, что пришлось и приходится терпѣть всякій безпорядокъ. Разстройство финансовъ приведетъ къ центральному представительству, и конституція празднуетъ канунъ своего рожденія. Общество, земля Русская чувствуетъ слабаго сѣдока; время зрѣлости, кажется, пришло, и вотъ мы получаемъ самоуправленіе. Но Боже мой, къ чему все это ведетъ? Знаю, что управленіе будетъ лучше, но оно потребуетъ невыносимыхъ для бѣдной земли расходовъ.

Представительство нужно и для нашего кредита. Не смотря на безденежье, мы не можемъ сдѣлать займа въ чужихъ краяхъ и собираемъ крошки внутри страны. И теперь думаютъ сдѣлать внутренній заемъ: нечѣмъ пополнить deficit. Но развѣ эта нормальная мѣра?

Мы все еще не въ нормальномъ положеніи, и даже не приближаемся къ нему. Учредительный комитетъ въ Варшавѣ, генералъ-губернаторы западныхъ губерній и повѣрочныя коммиссіи, все это диктаторы и диктаторство, доказывающіе какъ глубоко проникло возстаніе въ этомъ краѣ, какъ мало мы тамъ сдѣлали и какъ вообще тамъ слабы Русскіе элементы и порядки. Вотъ нынѣ вышла и коренная мѣра для ихъ водворенія тамъ: переходъ недвижимой собственности (иначе какъ по наслѣдству) Полякамъ тамъ запрещенъ. Пріобрѣтать тамъ могутъ только православные и протестанты. Какая бы ни настояла необходимость въ этой мѣрѣ, я не могу вполнѣ ее одобрить, не желая никогда, чтобы право собственности дѣлалось предметомъ административныхъ распоряженій. Западныя губерніи не за горами, и подобная революціонная мѣра, какъ и повѣрочныя работы, легко могутъ примѣниться и распростра-

ниться и на губерніи Русскія, особенно если извѣстная партія достигнетъ исключительнаго господства. Виною отчужденія этого края—дурные администраторы, назначавшіеся по военному выбору. Они ничего не сдѣлали и не могли сдѣлать ничего полезнаго въ видахъ объединенія края съ Россіей, въ видахъ распространенія Русскаго языка и Русской науки.

Я не могу опредѣлить, какія послѣдствія будутъ имѣть нынѣшнія мѣры, но послѣдствія будутъ. Безнаказанно и безслѣдно ничто не дѣлается. Произволъ оправдывается минутою, а не вѣками опасности. Тутъ нужны раціональность, послѣдовательность и постоянство, за неимѣніемъ которыхъ мы выдвигаемъ произволъ и терроризмъ со всею запальчивостію газетныхъ поддачиковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя мѣры и общинное пользованіе землями, при обязательномъ надѣлѣ, и выкупѣ едва-ли такъ легонько были придуманы и исполнены любымъ соціалистомъ на Западѣ, еслибы стоялъ во главѣ правительства.

Законъ о пріобрѣтеніи земель Поляками совершенъ не законодательнымъ порядкомъ чрезъ Государственный Совѣтъ, гдѣ онъ былъ бы не безъ оппозиціи, а составленъ въ особой коммиссіи, состоявшей изъ лицъ по назначенію.

Читаю я „Aus Reisetqgebüchern des Grafen Georg Kankrin“. Записки знаменитаго министра финансовъ, писанныя имъ во время путешествій за границу въ 1840, 41 и 43 года. Онѣ въ высшей степени интересны и добросовѣстно изданы, съ очеркомъ жизни, зятемъ его, граф. Кайзерлингомъ. Имя Канкрина упоминается теперь часто въ разговорахъ и газетахъ по поводу затруднительнаго положенія нашихъ финансовъ. „Записки“ даютъ объ немъ точное понятіе. Это была замѣчательная личность, обширнаго ума, солидныхъ, разнобразныхъ свѣдѣній и прекраснаго сердца. Онъ началъ изучать финансы, будучи генералъ-интендантомъ, и усвоилъ науку до такой степени, что рѣшился написать теоретическое сочиненіе, которое послужило потомъ программою двадцатиодногодичнаго управленія его финансами великой Имперіи. Заслуги его несомнѣнны. Но подъ конецъ своей карьеры престарѣлый финансистъ столкнулся съ новыми идеями, которыя массами всплыли послѣ революціи 1830 г. и буреломно гнали Европу къ 1848 году. Въ финансахъ у него, кажется, преобладали два правила: воздержаніе отъ займовъ и покровительство туземной промышленности. Но Записки важны и для изученія этой замѣчательной личности какъ человѣка вообще, такъ и государственнаго человѣка въ особенности. Онъ былъ врагъ конституцій и парламентаризма. Онъ былъ врагъ частныхъ банковъ и желѣзныхъ дорогъ. Онъ былъ врагъ института присяжныхъ и вообще уновленій радикальныхъ. Въ послѣднихъ годахъ сороколѣтія, когда доктрина вошла

въ большую силу, ему сидѣть было жутко, и онъ оставилъ постъ свой, засыпанный наградами, огромными капиталами и земельными пожалованіями и окруженный довѣріемъ и признательностію Государя, общимъ уваженіемъ и глубокою, сыновне-почтительною любовію подчиненныхъ. Замѣчательно, что съ большою нѣжностію отзывается онъ о своей женѣ, Екатеринѣ Захаровнѣ, рожд. Муравьевой, а она, съ своими Гёцами, Пельчинскими, Жадовскими. и др. записана въ Петербургѣ совсѣмъ въ другія Записки.

Изъ Петербурга только и слышишь что о кражахъ въ кассахъ по управленіямъ, обнаруживаемыхъ по случаю окончательнаго введенія единства кассъ, слышишь о пониженіи курса и о новыхъ законахъ, наградахъ и назначеніяхъ. Назначаются личности ультра-либеральныя, какъ Унковскій „бывшій губернскій предводитель“, сказано въ приказѣ, и даже личности революціонныя, какъ Огрызко, о которомъ въ сегодняшнемъ (30 Декабря) № „Московскихъ Вѣдомостей“, помѣщена статья, замѣчательная по своей откровенности. Довѣріе къ „Петербургскому“ управленію подмывается самымъ безцеремоннымъ образомъ. Удивляешься, какъ подобныя явленія могли имѣть мѣсто, какъ могли быть; удивляешься еще болѣе, какъ подобныя обвиненія могутъ быть терпимы, разрисовываемы и разглашаемы. Уши вянутъ. Почти вся надежда на гласность, а явленія эти совершаются посреди самой широкой гласности, и представленія обвиненія остаются неотвергнутыми и безъ всякаго возраженія.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1866-й годъ.

Новый годъ, 1866-й. Императоръ Наполеонъ съ удовольствіемъ взглянулъ на истекшій 1865-й годъ. Для Русскихъ, исключая смерти Наслѣдника, онъ повидимому можетъ назваться замѣчательнымъ годомъ, годомъ гласности въ печати и въ судилищахъ, въ собраніяхъ городскихъ и земскихъ, гдѣ довольно опредѣленно формулировано заявленіе о конституціи. Но для Европы 1865-й годъ былъ плохой годъ. Ни одного вопроса общаго не рѣшилъ онъ; рѣшилъ нѣкоторые частные, о Шведской конституціи, о Датской конституціи довольно удачно, но Шлезвигское дѣло, Прусскую внутреннюю борьбу, Австрійское единство, центральное управленіе Германіи—болѣе нежели неудачно. Итальянскій вопросъ, конвенціею 15 Сентября, рѣшенъ, чтобы пробудить ожиданія и неудовольствія; Восточный вопросъ усложняется положеніемъ Славянъ и неустройствами Греціи, а вопросъ Польскій, хотя принялъ опредѣленное направленіе, клонящееся къ объединенію польщизны, но съ другой стороны грозитъ перейти и образовать въ Россіи новый вопросъ, Нѣмецкій. Кончилась война въ Соединенныхъ Штатахъ, расширилось господство Европы и цивилизаціи на отдаленномъ Востокѣ. Вообще продолжительность и благосостояніе жизни развиваются въ неуклонномъ направленіи, но являются симптомы болѣзни, выражающіеся въ Европѣ въ вопросѣ о рабочихъ, принимающемъ значеніе общаго дѣла и силы, а у насъ въ вопросѣ о пьянствѣ и преступности.

Для меня годъ этотъ лично будетъ памятенъ процвѣтаніемъ моихъ крошекъ, нормально развивающихся и физически и нравственно, и моими болѣзнями, начавшимися отъ огорченій, до сихъ поръ меня удручаю-

*) См. выше, стр. 224.

щихъ. Памятенъ онъ и безвременнымъ, холоднымъ лѣтомъ, котораго половину я такъ дурно провелъ въ деревнѣ.

Дворянскія крамолы, послѣ Москвы, повторяются почти во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ представлялся случай, въ Тулѣ, въ Рязани, въ Орлѣ. Крамола вторглась даже въ земскія собранія, въ Костромѣ и Петербургѣ. Это дало поводъ Дм. Милютину и А. А. Зеленому вызвать вопросъ объ измѣненіи нынѣшнихъ земскихъ учрежденій въ Совѣтѣ Министровъ. Они находили, что излишнее вліяніе, предоставленное дворянству, даетъ этому сословію возможность агитировать и дѣлать предложенія, несогласныя съ мнѣніями и требованіями другихъ сословій. Изъ опасенія конституціи съ ними согласились старшіе члены. Валуевъ одержалъ полную побѣду и помѣстилъ въ „Сѣверной Почтѣ“ три превосходныя аналитическія статьи о нынѣшнихъ земскихъ учрежденіяхъ. Рязанскіе выборы дворянства кассированы, но агитація и оппозиція пробрались и въ городскія управы. Въ 4 № „Вѣсти“ напечатана рѣчь гласнаго гр. А. Строганова (отца мужа герцогини Лейхтенбергской), отличающаяся пошлою дерзостью противъ правительства, именно противъ министра финансовъ. Въ ней замѣчательна только дерзость, если содержаніе и справедливо. Я долженъ удостовѣрить, что рѣчь эта принята во всѣхъ кружкахъ Московскихъ съ большимъ сочувствіемъ. Общая оппозиція правительству въ дворянствѣ и агитація всѣхъ собраній противъ администраціи, въ настоящее время, суть общія мѣста и непремѣнное условіе. Неудовольствіе все ростетъ, оппозиція развивается, печать усиливается, и строгости управленія становятся недостаточными. Явись нужда, явятся открытая вражда порядку и безопасности.

На дняхъ провелъ у меня цѣлый вечеръ предсѣдатель слѣдственной коммисіи въ Симбирскѣ при сенаторѣ Ждановѣ оберъ-секретарь Синицкій. Онъ подробно разсказывалъ мнѣ о ходѣ дѣла, и общее впечатлѣніе на меня этого разсказа было то, что Ждановъ ничего не открылъ, а что̀ открылъ не имѣетъ ни нравственной, ни юридической точности. Повидимому, наскучивъ 14 мѣсячнымъ безуспѣшнымъ разысканіемъ, слѣдствіе ударилось на сыщиковъ, которые, подъ руководствомъ квартальнаго Розова отыскали двухъ дѣвокъ, Катерину Никандрову (Катьку) и Лисавету (Чубарову). На ихъ извѣтахъ построено все обвиненіе полковника Дудинскаго, командовавшаго батальономъ въ Симбирскѣ. Дудинскій—Русскій, православный. Показаніе дѣвокъ отличается смѣлостію и невѣроятіемъ. Лисавета, при увѣщаніи предсѣдателя (довольно неумѣстномъ) упала на колѣни и въ слезахъ созналась, что всѣ обвиненія ея есть ложь, выдуманная и внушенная ей Катериною. Можетъ быть, Синицкій, по неудовольствію на Жданова, старается ослабить силу

уликъ и распоряженій сенатора, но самыя показанія Катерины (*въ послѣдствіи* подтвержденныя деньщикомъ Дудинскаго Пыляевымъ) представляются въ высшей степени невѣроятными. Есть основанія однако полагать, что въ средѣ порочнаго класса жителей были подкупные поджигатели.

Что̀ занимаетъ и волнуетъ Москву? Праздники, туалеты, спектакли, для которыхъ явился и отличный организаторъ, графъ В. Салогубъ. Москву занимаютъ Петербургъ и новые судебные порядки. Гр. Уваровъ устроилъ художественный праздникъ, гр. Салогубъ—праздникъ артистовъ. Балъ у генералъ-губернатора созвалъ все высшее общество Москвы. Изъ процессовъ замѣчательны: о поддѣлкѣ свидѣтельствъ лотерейнаго займа Неофитовымъ и Одасовскимъ и о коллеж. сов. Кирѣевскомъ, племянникѣ графини Марьи Васильевны Адлербергъ, судимомъ за воровство-мошенничество. Первое дѣло, для спектакля, докладывалось въ залахъ Думы. Второе дѣло легло мнѣ на сердцѣ. Н. А. Кир. мой давній пріятель; мое первое знакомство въ Петербургѣ, у его матери, по рекомендаціи его тетки, княгини Вар. Вас. Голицыной. Онъ братъ преднарѣченной невѣсты моей Catherine (теперь граф. Шуленбургъ, въ Калугѣ, вице.-губерн.). И вотъ генеральскій сынокъ, Французикъ изъ Бордо, серьезный химикъ, человѣкъ хорошей фамиліи и когда-то богатой, сидитъ на скамьѣ съ однимъ Французомъ и однимъ Нѣмцемъ, обвиняемыми въ мошенничествѣ. Въ № отъ 25 Янв. „Москов. Вѣдом.“ есть поправка, что Кирѣевскій не судится за воровство, а былъ спрашиваемъ по обстоятельствамъ дѣла. Поправка эта сдѣлана вслѣдствіе затребованной мною справки, а Кирѣевскій не протестовалъ и не претендовалъ. Къ счастію, и отецъ, и мать умерли. Онъ получилъ поверхностное Французское образованіе и имѣлъ направленіе матеріалистическое. Служилъ въ конноніонерахъ и въ послѣдствіи былъ полковникомъ и адъютантомъ графа В. Перовскаго въ Оренбургѣ, гдѣ замѣчательно описалъ и разобралъ бунтъ Киргизовъ. Выйдя въ отставку и переѣхавъ въ Москву, онъ нѣкоторое время занимался редакціей „Вѣстника естественныхъ наукъ“, прекратившагося по недостатку подписчиковъ. Я только одинъ разъ встрѣтилъ его прошлаго года и приглашалъ къ себѣ. Онъ у меня не былъ. Послѣ смерти родителей, оставшись безъ средствъ, онъ вовлекся въ сообщество пройдохъ-иностранцевъ и вѣроятно сдѣлался орудіемъ ихъ продѣлокъ.

Сегодня докладывалось у насъ въ департаментѣ дѣло объ одномъ воришкѣ, котораго палата и осудила, безъ лишенія правъ, въ солдаты. Онъ лаконически апелируетъ лѣтъ черезъ 12 (порядокъ!), говоря, что я виноватъ, но мнѣ было 15 лѣтъ. Секретарь докладываетъ, что

„приговоръ представляется правильнымъ, и апелятору слѣдуетъ отказать“. Я выразилъ мое сомнѣніе, находя, что назначить въ солдаты вмѣсто рабочаго дома и неправомѣрно, и несогласно съ закономъ. Оберъ-секретарь и оберъ-прокуроръ *ссылаются на статьи* Уложенія 1845 г. и увѣряютъ, что они неизмѣнены. Я указалъ на законъ, измѣнившій этотъ порядокъ еще въ 1850, и наконецъ на ст. 152 Уложенія въ изданіи 1857 г. Тутъ возражать было нечего, и всѣ согласились со мною. Порядокъ! Я рѣчь веду не о томъ, что суды ошибаются, а о томъ, какъ грубо они ошибаются, и какъ мало внушаютъ довѣрія сенатскіе дѣльцы, всегда отличавшіеся опытностію и знаніемъ законовъ. Ни палата (порядокъ!), ни сенатская канцелярія не знали о такомъ коренномъ измѣненіи закона, имѣющаго вовсе нерѣдкое примѣненіе.

Дурное состояніе нашихъ учрежденій зависитъ отъ личнаго состава, а въ назначеніяхъ его господствуютъ произволъ, кумовство и пристрастіе. Въ настоящемъ случаѣ упадку сенатской канцеляріи много способствовало обнародованіе о скоромъ упраздненіи Сената. Порядокъ!

Обнародованіе въ „Виленск. Вѣстникѣ“ и перепечатаніе почти во всѣхъ газетахъ свѣдѣній объ Іосафатѣ Огрызко, одномъ изъ коноводовъ Польскаго бунта 1863 г., невольно ведетъ къ заключенію если не о сообщничествѣ, то о большой оплошности Министерства Финансовъ, гдѣ Огрызко имѣлъ весьма большой кругъ дѣятельности, и Польскіе бунтовщики открытый притонъ. Уже и прежде „Современ. Лѣтопись“ и „Русскій Вѣстникъ“ открыто обвиняли Министерство Госуд. Имуществъ въ открытомъ содѣйствіи бунту въ западныхъ губерніяхъ; но участіе Огрызко такъ явно, такъ сильно и такъ нагло прикрывалось служебнымъ положеніемъ, что надобно удивляться, какъ Рейтернъ и Гротъ остаются статсъ-секретарями и на мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ не оправдывается-ли общее подозрѣніе въ тайной крамолѣ Великаго Князя Константина, имѣющей цѣлію, посредствомъ внутреннихъ переворотовъ, отъ запутанности дѣлъ и отношеній, перемѣнить династію? И въ Петербургѣ и особенно въ Москвѣ его не иначе разумѣютъ, какъ крамольникомъ и не иначе называютъ какъ Орлеаномъ. Я помню, какъ на вопросъ мой о результатахъ слѣдствія о пожарахъ, министръ отвѣчалъ мнѣ: aucune, l'enquête s'arrête à la porte qui ne veut pas s'ouvrir, au Palais de Marbre. Правда, легонькіе министры наши не дорожатъ ни словами, ни отзывами; такова эпоха, такой колоброд посреди массы неестественныхъ, безпрестанныхъ преобразованій, дающихъ скорости законность необходимости, какъ во времени, такъ и въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Но всему мѣра, должна быть мѣра и легкости.

По моему убѣжденію мы идемъ къ диктаторской власти. Журнализмъ въ полномъ развалѣ, демократизмъ ищетъ въ себѣ широкаго

пути въ земскихъ учрежденіяхъ, которыя хотятъ овладѣть хозяйствомъ и имуществомъ государства, и недалеко время господства, предводимаго единичными вожаками. Нужда приведетъ къ конституціи, а нужда уже началась. На Парижъ рубль стоитъ 319, внутри обращеніе цѣнностей затруднено чрезвычайно. Случись голодъ или экстраординарная затрата, и собраніе нотаблей выразитъ все недовѣріе, все презрѣніе къ Петербургскому правительству, къ Петербургскимъ реформаторамъ, администраторамъ и педагогамъ. Повторяю: слово Петербургскій въ Москвѣ есть слово бранное.

Время раздраженія, порицаній и нетерпимости не прошло и не проходитъ. Оно возрастаетъ, усиливается и распространяется. Нѣтъ собранія, временнаго или постояннаго, въ которомъ не было бы кабалы, крамолы, сплетень или какихъ гадостей. Въ Купеческомъ клубѣ украдены деньги, въ Англійскомъ клубѣ ведетъ крамолу нѣкто Бѣшенцовъ и требуетъ на судъ старшинъ. Другое заявленіе требуетъ исключенія крамольщиковъ. Рахмановъ требуетъ копій съ переписки, чтобы вести дѣло судомъ. Въ Юридическомъ обществѣ пропали деньги. Въ Обществѣ любителей словесности является новая партія. Обществомъ завѣдывали Славянофилы, его воскресилъ Хомяковъ, его вели Погодинъ и Ив. Аксаковъ. Теперь въ него втираются нигилисты и произвели жаркіе сцены-скандальцы. Они выставили кандидатомъ въ секретари Котляревскаго и ловко сдѣлали его выборъ. Онъ оказался *подъ надзоромъ полиціи*, и Погодинъ замѣтилъ это, и Котляревскій, въ весьма ироническомъ тонѣ, отказался отъ должности, прося выбрать болѣе благонадежнаго, который могъ бы лучше пользоваться и довѣріемъ въ расходахъ, и вниманіемъ предсѣдателя. Онъ уволенъ, и все внесено въ протоколъ. Въ слѣдующемъ собраніи Чижовъ, Буслаевъ и др. требовали уничтоженія приговора и избранія Котляревскаго. Шумъ сдѣлался общій, когда С. А. Масловъ началъ читать мнѣніе о томъ, что въ члены общества и въ секретари выбирались всегда люди извѣстные, доброкачественные. Калачовъ, временный предсѣдатель, едва удержалъ собраніе, предложивъ балотировку, просить или не просить Котляревскаго. Рѣшено—большинствомъ 1 голоса просить, Котляревскій выбранъ и, по совѣту, шепотомъ сказанному Калачовымъ, отказался, извиняясь многодѣліемъ. Тогда выбранъ прежній, М. П. Полуденскій, отказывавшійся прежде единственно потому, что съ Погодинымъ работать трудно, а Погодинъ теперь отстраненъ, и ему подносятъ благодарственный адресъ. Безпрестанныя исторіи. Надобно переждать. Время выводитъ все изъ колеи.

23-го. Я познакомился съ профессоромъ богословія Сергіевскимъ, и разговоръ шелъ о его отчетѣ министру по обозрѣніямъ и совѣщаніямъ о порядкѣ преподаванія богословскихъ наукъ въ нашихъ уни-

верситетахъ. Онъ и товарищъ его находятъ его неудовлетворительнымъ, и Сергіевскій полагаетъ вновь введенныя уставомъ 1864 г. церковныя каѳедры (церковное право и церковную исторію) сгруппировать вмѣстѣ и, распространя преподаваніе богословія, предоставить 4 преподавателямъ соединяться для совѣщаній и обмѣна мыслей. Я нахожу, что это есть зарожденіе богословскаго факультета и не оспариваю полезности этой мысли; желаю только, чтобы она была выражена откровенно и могла на дѣлѣ имѣть развитіе и примѣненіе. Сергіевскій отрицаетъ мысль о факультетѣ въ своемъ отчетѣ и утверждаетъ, что сгруппированіе предметовъ только усилитъ познанія студентовъ въ богословской наукѣ, находящіяся теперь въ разсѣяніи и подъ давленіемъ массы факультетскихъ предметовъ. Это, думаю я, неболѣе какъ хитрость и неловкая уловка: церковное право и исторія въ двухъ разныхъ факультетахъ имѣютъ цѣлію не то что̀ богословіе (т. е. православіе), и обнимаютъ всѣ исповѣданія, слѣдовательно имѣютъ цѣль научную и факультетскую.

Другой предметъ спора—значеніе преданія. Сергіевскій полагаетъ, что преданіе способно развиваться, приращаться и убавляться въ условіяхъ мѣста и времени. Да, но не преданіе церковное, которое потому только и обязательно, что всецѣло и чисто передается изъ вѣка въ вѣкъ и отъ одного поколѣнія и народа другимъ. Иначе, гдѣ же предѣлъ произволу ума, вращающагося въ разныхъ условіяхъ времени и мѣста? Такъ мы придемъ къ понятію о преданіи индивидуальномъ, т. е. къ либеральному протестантизму. Я опасаюсь этого толкованія и думаю, что это придумывается для объясненія многихъ установленій православной церкви, невполнѣ согласныхъ съ первобытными преданіями: работа, стоющая обширныхъ изслѣдованій и крайне нужная. Мнѣ неизвѣстна подобная работа, и я не нашелъ ея въ чтеніяхъ о. Иванцова-Платонова, обращающихъ особенное вниманіе (и довольно безпристрастно) на развитіе папской власти и упадокъ патріархатовъ на Востокѣ.

Сергіевскій говоритъ хорошо, въ немъ мало поповскаго; но щегольство рясы и рукавчиковъ, прямолинейная походка и неискренняя строгость выраженія глазъ внушаютъ какое-то предубѣжденіе и отдаляютъ отъ убѣжденія или сердечнаго довѣрія.

Іереміады Каткова и Погодина, принимаемыя всѣми на слово, увѣряютъ всѣхъ и каждаго, что уровень нашего средняго и высшаго образованія значительно понизился и что явленіе солиднаго, ученаго труда дѣлается рѣдкимъ исключеніемъ. Министръ Головнинъ думаетъ иначе. Въ книгѣ его пріятеля Н. Ханыкова, составленной по оффиці-

альнымъ матеріаламъ и изданной въ Парижѣ: „Études sur l'instruction publique en Russie“, Головнинъ точно повторяетъ: „les grades de l'étudiant effectif et de candidat étaient facilement obtenus en 1860 et 1861 par des jeunes gens, qui auraient certainement échoué devant les examinateurs des années 1840 (годъ окончанія курса Головнинымъ) et suivantes“. Sic! Но вотъ совершена реформа, и новый уставъ университетскій утвержденъ. На другой же годъ Ханыковъ-Головнинъ пишетъ: Il serait téméraire de vouloir apprécier toute l'influence que cette nouvelle législation est appellée à exercer sur les universitets russes (погодите!); mais on serait injuste envers ce règlement, si l'on ne signalait quelques-uns des effets salutaires qu'il a déjà produits (déjà?) *Ainsi*, sans aucun doute, *le moral* des universitéts a été *favorablement* réformé (déjà?) par la nouvelle loi; les règles de discipline (ils appellent *cela* discipline!) établies par les conseils universitaires ont partout été acceptées sans opposition par les étudiants (экая милость!) et partout elles sont rigoureusement exécutées, sans provoquer ni murmures, ni plaintes (экая милость!) Les désordres, si fréquents dans les universités, il y a peu d'années, ont completement disparus. (Этого мало, погодите). Mais le résultat le plus satisfaisant de la nouvelle réforme est que, sous ses auspices, les étudiants déploient infiniment plus de zèle pour les études, que par le passé (И этого мало!). Ils visitent assidûment, dans leurs moments de loisir, les bibliothèques, les laboratoires et les cliniques, et ce retour vers les occupations serieuses, joint au calme de leur existence, permet de croire que les désordres и пр. и пр. Ожидайте!

Погодинъ и Катковъ говорили изъ мщенія.

Но вотъ профессоръ Тихонравовъ разбираетъ „Историческіе очерки средневѣковой драмы“ магистра Петра Полеваго, написанные для полученія степени доктора Русской словесности и, посмѣявшись надъ заносчивостію и невѣжествомъ школьника, на 10 страницахъ заключаетъ такъ: „Но довольно. Мы не имѣли въ виду писать разборъ книги г. Полеваго (она того не стоитъ); мы хотѣли только заявить въ Русской журналистикѣ фактъ, слишкомъ громко и рѣзко свидѣтельствующій объ упадкѣ серьезнаго ученія въ нашихъ гимназіяхъ, о печальномъ и превратномъ направленіи нашего школьнаго образованія. Не странно-ли, что одинъ изъ Русскихъ университетовъ удостоилъ магистерской степени по филологическому факультету человѣка, не умѣющаго ни склонять, ни спрягать по-латини? Не возмутительно-ли видѣть, какъ невѣжество и самозванство съ свойственными имъ нахальными ухватками судить вдоль и поперекъ о томъ, чего не только не понимаютъ, чего не въ состояніи, по своимъ средствамъ, понимать? Не прискорбно-ли думать,

что человѣкъ, снискавшій себѣ дипломъ беззастѣнчивымъ обращеніемъ съ наукою, будетъ учить съ каѳедры молодое поколѣніе тому, что Гербертъ жилъ въ XIII вѣкѣ и что qui средняго рода, а quod—мужескаго" („Русск. Вѣстн." № 1 за 1866 г.). Вотъ они, новѣйшіе успѣхи новѣйшихъ порядковъ.

Но не должно односторонне увлекаться порицаніями, всегда легкими во времена реформъ, особенно реформъ столь коренныхъ и рѣзкихъ какъ наши. Не подлежитъ сомнѣнію, что ученое и учебное развитіе ослабли и измѣнили методъ и направленіе, но не подлежитъ сомнѣнію и то, что дѣльность и истинность жизни и ея стремленій проявляются ощутительнѣе, и настоящія нужды выясняются вѣрнѣе.

Оказывается, что удавившійся казначей митрополита дѣйствительно могъ посягнуть на жизнь свою изъ опасенія отвѣтственности за деньги, которыхъ послѣ него не досчитывается болѣе или около 500 р. Митрополитъ, узнавъ о самоубійствѣ, тотъ же часъ написалъ къ генералъ-губернатору, прося его распорядиться, чтобы полиція не вмѣшивалась въ это дѣло. Кн. Долгорукій исполнилъ это желаніе, и іеромонахъ похороненъ безъ огласки. Но хорошо-ли дѣлаетъ старикъ Филаретъ, прибѣгая, въ настоящее время, къ такимъ исключеніямъ и привиллегіямъ? Въ такое болтливое время надобно дѣйствовать не только осторожно, но и открыто. Молодая гласность не только болтлива (мнимое сознаніе своего мнимаго достоинства нѣсколько сдерживаетъ языкъ) сколько дерзка, любопытна и подозрительна. Она ищетъ скандала и удовлетворяется формальностію, лишь бы оправдаться передъ формальнымъ правомъ и положить печать обличенія.

Вотъ послѣдовали и частію обнародованы назначенія на новыя судейскія мѣста. Они сдѣланы дѣльно и удачно; могли быть дѣльнѣе и удачнѣе, но трудно добраться до точныхъ основаній, по которымъ выборъ остановился именно на назначенныхъ. Почему попали въ кассаціонный департаментъ Войцеховичъ, пользующійся самою невыгодною репутаціей и пріязнію только министра Замятнина; Арцимовичъ, называемый завзятый Полякъ и никогда спеціально не занимавшійся юстиціей; Набоковъ, младшій сенаторъ и мало занимавшійся судебными дѣлами. Если Полѣновъ и Гольтгоеръ назначены старшими предсѣдателями какъ самые младшіе сенаторы, то можно бы было сдѣлать исключеніе во вниманіе къ глухотѣ послѣдняго. Особенно непонятно для меня назначенія Г. Н. Мотовилова предсѣдателемъ Окружнаго Суда въ Петербургѣ. Это самое важное мѣсто въ судебной организаціи, особенно въ Петербургѣ. Мотовиловъ человѣкъ прекрасный и велъ палату хорошо, но для довѣрія публики, по важности мѣста, необхо-

димо, чтобы постъ этотъ занималъ человѣкъ почтенный, опытный и сдѣлавшій себѣ имя въ средѣ судебной. Войцеховичъ назначенъ Замятнинымъ какъ сенаторъ, особенно занимавшійся разборомъ проэкта уставовъ. Арцимовичъ и Набоковъ назначены великимъ княземъ Константиномъ, а о Мотовиловѣ будто бы просилъ князь Суворовъ. Впрочемъ на всѣхъ не угодишь, и отступленія, допущенныя при нынѣшнихъ назначеніяхъ, еще примиримы съ хорошимъ началомъ.

Борьба демократіи вступаетъ въ новую стадію. Не говоря о неизбѣжномъ столкновеніи Соединенныхъ Штатовъ съ Европейскимъ монархизмомъ въ Мексикѣ, не говоря ни о Шведской конституціи, измѣнившей свой сословный характеръ, ни о предположеніяхъ реформы въ Англійскомъ представительствѣ, ни о борьбѣ Прусскаго юнкерства съ Шлезвигъ-голштинскимъ гражданствомъ, я очень опасаюсь борьбы соціальной въ самой Франціи и открытой кампаніи гр. Бисмарка съ депутатами Пруссіи. Палата неправа въ одномъ: она не имѣла права отмѣнять или уничтожать (неправильное, да) постановленіе верховнаго суда, но за то гр. Бисмаркъ виноватъ кругомъ. Безцеремонность, заносчивость, дерзость его перешли всѣ границы, и управленіе четыре года безъ бюджета можетъ отозваться самымъ невыгоднымъ образомъ на королевской власти и на династіи. Палаты закрыты, и въ рѣчи правительства опять слышенъ обвинительный актъ противъ палаты, затрогивающій самые важные и деликатные интересы государства. Теперь депутатамъ остается, какъ и королю, обнародовать деклараціи для оправданія себя во взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ. Иначе конституціонная жизнь и конституція въ Пруссіи будутъ считаться химерами, никогда не выработаются и приведутъ общее мнѣніе къ убѣжденію, уже распространенному между учеными и адвокатами...

Закрытіе Прусскихъ палатъ, революція въ Дунайскихъ княжествахъ и у насъ заемъ 100 мил. съ выигрышами, въ Австріи и вездѣ замѣшательства и запутанность ужъ не приготовляютъ-ли новаго 1848 г.? А срокъ 18 лѣтній насталъ, и многія дѣла созрѣли. Я говорилъ о Прусскомъ столкновеніи. Рѣчь Гнейста чрезвычайно сильно и рѣзко обвиняетъ Бисмарка въ произволѣ, котораго центральный источникъ система Наполеона III. Изложеніе кн. Іоанна Кузы можетъ произвести важныя столкновенія, если вмѣшаются великія державы. Турція должна настоять на автономіи княжествъ, хотя бы раздѣленныхъ между собою, и не допускать сношеній съ южными Славянами. Дунайскіе народы готовы соединиться вмѣстѣ, хоть бы подъ скипетромъ принца Наполеона, и основать сильную имперію или федерацію съ Венгріей во главѣ. Заемъ нашъ очевидно военный, на случай всякихъ случайностей. Желательно бы было заявить при этомъ недовѣріе правительству и не поку-

пать билетовъ, не подписываться на свидѣтельства. Такъ думаетъ довольно значительная партія въ Москвѣ, и самый постепенный выпускъ билетовъ, по приблизительно биржевой цѣнѣ, можетъ служить поводомъ къ возвышенію билетовъ 1864 г. и къ неудачѣ новаго займа.

Въ Прусской палатѣ и въ Ясской интригѣ обвиняютъ Наполеона. Странное положеніе этого современнаго гиганта въ вѣкъ массъ и пигмеевъ. Онъ вездѣ вмѣшивается и вездѣ оставляетъ за собою замѣшательства. Въ Турціи, со времени Крымской войны, восточные христіане въ худшемъ, безвыходномъ положеніи; въ Италіи папство ничего, non possumus, а Австрія съ сосѣдкой въ непримиримыхъ отношеніяхъ; внутри Франціи униженіе характера и уровня просвѣщенія и народной рѣчи возмутительны. Заносчивость завела его въ Мексику, и онъ и Максимиліанъ рѣшительно не знаютъ что̀ дѣлать. Запустилъ онъ руку въ Дунайскія княжества, и тамъ бунтъ; заступается онъ за Эльбскія герцогства, и тамъ распри. Ненависть Русскихъ къ нему понятна, но его ненавидятъ еще сильнѣе Нѣмцы; его ненавидятъ и Итальянцы, упрекающіе своихъ министровъ въ излишней уступчивости Франціи. Его огромное число ненавидитъ и въ самой Франціи, и на его низложеніе направлены взоры всѣхъ людей въ Европѣ, которые думаютъ о нормальномъ порядкѣ въ развитіи Европейской цивилизаціи. Если онъ вотрется на Дунай и на Эльбу, онъ непремѣнно напутаетъ. Корысть національная, корысть династическая и личная ослѣпляютъ и путаютъ его.

Пріѣздъ товарища министра и главнаго дѣятеля въ министерствѣ Стояновскаго нисколько не прояснилъ дѣла о назначеніяхъ на новыя судебныя мѣста. Все покрыто туманомъ, и все долго еще будетъ дѣломъ произвола и кумовства. Министерству слѣдовало предначертать точныя объ этомъ правила и обнародовать ихъ, чтобы устранить сомнѣнія и безпокойства въ лицахъ заинтересованныхъ, имѣть самому основу дѣйствій и избавить личность Государя отъ всякихъ нарѣканій. Министерство не совсѣмъ постигаетъ важность окружныхъ судовъ и помышляетъ болѣе объ окладахъ, напихивая въ Сенатъ и палаты своихъ протеже́ и пріятелей. Окружный судъ есть важнѣйшая инстанція и потому должна быть обставлена такъ, чтобы правительство, общество и присяжные и повѣренные смотрѣли на него съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, съ полнымъ довѣріемъ не потому, что это судъ, а потому, что это почтенный и вполнѣ вѣрный судъ, имѣющій свой авторитетъ опыта, знанія и положенія. Отвѣчаютъ-ли этимъ требованіямъ личности Полѣнова, Гольтгоера, Мотовилова и Люминарскаго? Сомнѣваюсь. Они имѣютъ видъ старѣющихъ холостяковъ, которые любятъ независимость и свободу и которымъ дѣйствительная жизнь

извѣстна только изъ дѣлъ. Если они не будутъ школьничать, то во всякомъ случаѣ авторитетъ ихъ не имѣетъ никакой опоры ни въ наукѣ, ни въ достоинствѣ положенія и серьезности жизни. Умѣютъ-ли наши предсѣдатели сидѣть и говорить? Сомнѣваюсь.

Низложеніе Молдо-валахскаго правителя, князя Іоанна Александра Кузы, произвело въ Москвѣ общій говоръ о войнѣ, особенно когда въ это же время объявленъ совсѣмъ неожиданный заемъ (второй) съ выигрышами. Я не вижу настоятельной причины войны и не думаю, чтобы какое государство имѣло достаточные для того способы. Развѣ Франція, чтобы заглушить оппозицію и отвлечь вниманіе отъ Мексики; развѣ Пруссія, чтобы выйти изъ открытой войны съ представительствомъ? Военные расходы будутъ, но войны не будетъ. Куза просто обокралъ казну и уѣхалъ, чтобы соединиться съ своею любовницей, кн. Марьей Обреновичъ въ роскошномъ Парижѣ и жить припѣваючи. Никакой принцъ не подается на избраніе, и изберутъ туземца. Но княжества могутъ стянуть къ себѣ всѣ христіанскія населенія Турціи и грянуть на султана, отложиться отъ него и образовать если не великое государство, то федерацію. Думаю, что для послѣдней нѣтъ въ мѣстностяхъ достаточной зрѣлости, а для первой нѣтъ героя. Россія, по доктринѣ кн. Горчакова, будетъ держаться Парижскаго трактата. Англія тоже. Но если теперь дѣло не разрѣшится войною, война все-таки будетъ. Броженіе вездѣ, и начало національности и народныхъ вольностей требуетъ измѣненія карты Европы. Оно совершается, и можетъ быть путемъ задуманнаго конгресса, и совершится насильственно. Всемірный бунтовщикъ, олицетвореніе революціи, Наполеонъ приглядывается и придумываетъ своекорыстныя комбинаціи. Жаль, если онъ впутаетъ тутъ Польшу. Вопросъ этотъ рѣшенъ. Границы 1772 г. не находимы, онѣ затерялись. Бытіе Польши между Россіей и Германіей немыслимо. Основаніе Восточной Имперіи—единственная состоятельная мысль и, кажется, событія склоняются къ ея осуществленію.

Въ короткое время, по особеннымъ обстоятельствамъ (я имѣлъ случай сдѣлать какое-то одолженіе въ 1852 г.) я очень сошелся съ генераломъ Гильденштубе, начальникомъ Московскаго военнаго округа. Онъ человѣкъ лѣтъ 64, просвѣщенный и отлично симпатичный. Мы многократно сходились и толковали о современныхъ дѣлахъ и вопросахъ, которымъ онъ сочувствуетъ болѣе нежели можно бы было ожидать по его возрасту и положенію. Здѣсь конечно есть своя доля и политики придворнаго человѣка. Онъ совершенно одобряетъ наши военныя реформы и даже отмѣну тѣлесныхъ наказаній, возбудившую (я помню) такіе крики въ Петербургѣ. Онъ особенно хвалитъ учреж-

деніе округовъ и предсказываетъ имъ блестящее приложеніе, преимущественно въ военное время или при внутреннихъ замѣшательствахъ. Онъ ожидаетъ значительнаго сокращенія въ военномъ бюджетѣ, особенно при увѣренности въ сохраненіи мира, за которое ручается пока одно только разстройство финансовъ, но которому угрожаютъ всѣ симптомы возвратной, періодической горячки. Программа 1789, умаленная трактатами 1815, возобновляется почти ровно черезъ 15—20 лѣтъ. Отъ усиленной реакціи Меттерниховой системы она прорвалась въ 1830 г. и потомъ черезъ 17 лѣтъ въ 1848. Теперь прошло цѣлыхъ 18 лѣтъ, и матеріалы для взрыва накопились огромные. Гильденштубе этого не допускаетъ. Безпорядки 1848 и 1849 г.г. повсюду убѣдили благомыслящихъ людей въ необходимости сильной и крѣпкой власти. Да, благомыслящихъ; но не объ нихъ рѣчь, не отъ нихъ исходятъ бури. Естественныя связи народовъ требуютъ преимущественнаго вліянія предъ случайными и искусственными, раціональныя соединенія берутъ верхъ надъ историческими.

Большіе толки возбудилъ указъ Сената о *несовершеннолѣтнемъ* Рязанскомъ исправникѣ Левашевѣ, который, пьяный молодой человѣкъ, 20 лѣтъ, производя розыски о бѣжавшихъ арестантахъ, дозволялъ себѣ разные беззаконные, неистовые поступки и жестокости. Преданный суду, онъ присужденъ къ домашнему аресту на $1^1/_2$ недѣли, и приговоръ палаты утвержденъ губернаторомъ. По донесенію прокурора Ланге министру юстиціи, дѣло пересматривалось въ Сенатѣ и, по предложенію министра, Сенатъ нашелъ, что Левашева слѣдовало отдать въ солдаты безъ лишенія правъ состоянія; но такъ какъ приговоръ вошелъ въ законную силу и усилить наказаніе нельзя, то Сенатъ оставилъ рѣшеніе въ своей силѣ, прибавя, въ административномъ порядкѣ, чтобы Левашева ни въ какую службу не принимать, ни въ государственную, ни въ общественную, ни къ выборамъ не допускать ни въ городахъ, ни въ земствѣ. Крики противъ назначенія въ исправники пьянаго мальчишки и противъ жестокосердія этого пьянаго юноши весьма основательны и законны. Газеты вѣроятно разработаютъ эту тему съ большою охотою и хорошо сдѣлаютъ. Рязанцы покричатъ о нелюбимомъ губернаторѣ (Стремоуховѣ), который насолилъ имъ на выборахъ. Все это въ порядкѣ вещей. Но почему же не обратятъ вниманія и на юридическую сторону указа Сената? Сенатъ *усугубляетъ* наказаніе, да такъ, что *лишаетъ* правъ (и самаго существеннаго) состоянія, и все это административнымъ порядкомъ. Самые пылкіе говоруны должны были согласиться съ моимъ замѣчаніемъ, и Левашевъ показалъ бы себя глупцомъ, если бы не потребовалъ законнаго наказанія безъ лишенія правъ.

Въ моихъ глазахъ это важно уже и потому, чтобы дать урокъ о законности и формальности Сенату и министру. Левашевъ просилъ, и Государь дозволилъ ему вступить въ военную службу. Онъ дѣйствительный студентъ Московскаго университета.

Съ 1855 г. у насъ началось исканіе и броженіе людей и именъ. Хоронили Грановскаго, хоронили Мартынова, величали Бѣлинскаго. Все какъ-то не впопадъ. Теперь, кажется, Петербургъ нашелъ національнаго человѣка: это—князь Григ. Алексѣевичъ Щербатовъ, бывшій попечитель университета и губернскій предводитель въ Петербургѣ. Онъ настоящій герой нашихъ дней и минутъ. На дворянскихъ выборахъ, отказываясь отъ предводительства, сдѣлавшагося безплоднымъ или незначительнымъ въ смыслѣ служенія обществу, кн. Щербатовъ, въ блестящей рѣчи, предложилъ дворянству (новая фаза Московской мысли) ходатайствовать, чтобы право представленія о своихъ нуждахъ съ назначеніемъ особыхъ депутацій, принадлежащее дворянскому сословію, было перенесено на земство. Это довольно раціонально и встрѣтило большое сочувствіе за исключеніемъ небольшой оппозиціи стариковъ генералъ-адъютантовъ и бюрократовъ, постепенно смолкавшей посреди почти общей аккламаціи. Но предложеніе это обставлено было такими обязательными требованіями, которыя изъ ходатайства дѣлали обязательное участіе земства въ Государственномъ Совѣтѣ. Правительство отказало, и князь Суворовъ, столь лично преданный Государю, выдалъ его, сообщивъ высочайшій отказъ и заключивъ въ свои объятія кн. Щербатова. Предводителемъ выбранъ и утвержденъ Московскій крамольникъ и ораторъ гр. Орловъ-Давыдовъ. Новое торжество! Щербатова засыпали письмами, портретами, стипендіатами и клубными выборами. Ему давали обѣдъ, на который пригласили его сына, и безконечные и многіе спичи прославляли его „гражданское мужество“. Все это продолженіе крамолы и фрондёрства; но все это и положеніе, принятое безцензурною печатью, доказываетъ такое шаткое состояніе правительства, что вовсе не удивляешься повсемѣстному разстройству дѣлъ, независимо отъ быстрыхъ, незрѣлыхъ, безпрестанныхъ реформъ, трудно усвояемыхъ дѣйствительностію. Фрондёрство продолжалъ и новый предводитель на обѣдѣ, данномъ имъ Остзейскому дворянству въ Петербургѣ. Гр. Орловъ-Давыдовъ, провозглашая въ честь ихъ тостъ, поздравилъ ихъ съ побѣдою надъ правительствомъ. Грустное явленіе: и эта побѣда, и это поздравленіе. Если эта побѣда оскорбляетъ національное Русское достоинство, то и провозглашеніе этой побѣды Русскимъ аристократомъ, сдаваясь мщеніемъ и злорадостію, обличаетъ большую слабость правительственнаго авторитета, какъ бы отказывающагося отъ подобающаго и необходимаго его значенія.

Читалъ я „La Révolution“ Едгарда Кине. Замѣчательная книга. Прежде всего это памфлетъ, но серьезный, ученый и весьма сдержанный. Почти на каждой страницѣ встрѣчаются намеки и указанія на I и III Наполеоновъ. Потомъ, это сочиненіе демократа и протестанта, для котораго форма правленія и религіи имѣютъ едва-едва второстепенное значеніе. Въ третьихъ, это систематикъ, который любитъ прибирать и гнуть событія, любитъ вертѣть ими, забѣгать и удаляться, какъ нужно для предвзятой цѣли. Прибавьте ко всему этому умъ зрѣлый, ученость и превосходный языкъ, прибавьте горечь изгнанника и слабую надежду старѣющаго республиканца, и литературное значеніе книги будетъ окончательно очерчено и оцѣнено. Значеніе книги Кине, какъ исторіи, должно вызвать много споровъ. Онъ прежде всего памфлетистъ, ему нужно уязвить Napoleona III, и аллюзіи у него безпрестанно, нерѣдки пропуски и недомолвки и часто парадоксы. Огромный парадоксъ его, на которомъ построено почти все зданіе, это то, что революція не нашла никакого историческаго элемента, на который можно бы было опереться, кромѣ рабства, и исторіи до 1789 г. какъ бы не было. Какъ? А королевская власть? А духовенство Галликанское? А парламенты, которые постоянно стремились установить судебную монархію? Второй капитальный парадоксъ—отсутствіе коноводовъ. Онъ и терроръ приписываетъ „неизвѣстнымъ“, хотя признаетъ, что онъ былъ началомъ партіи, а не послѣдствіемъ необходимости. Пожалуй, но партія приняла это начало по необходимости, по убѣжденію въ ея необходимости.

Меня ни сколько не удивляетъ, что губернаторъ кн. Оболенскій, съ своими гостями, принялъ роскошный обѣдъ въ Коломнѣ и пилъ безчисленное множество тостовъ, а потомъ сытая и веселая компанія отправилась въ женскую гимназію, гдѣ молодыя ученицы, одѣтыя въ характеристическіе костюмы, угощали высокихъ гостей характерными танцами; что въ Петербургѣ, въ клубѣ поощренія труда, дѣвочка 10 лѣтъ Петрова пропѣла предъ публикою скандалёзную пѣсню Беранже „барышня“, ударяя особенно на тѣ слова, которыя имѣли двусмысленное и прямо ясное значеніе; что оберъ-церемоніймейстеръ Двора Е. В. Захаръ Хитрово пойманъ на воровствѣ, въ Ниццѣ: на то вѣкъ свободы и льготъ, время распущенности и переходнаго свойства. Меня удивляетъ явное обвиненіе правительства въ умышленныхъ политическихъ противъ Россіи преступленіяхъ. Это бывало не рѣдко и печаталось въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Сегодня довелось мнѣ выслушать подобное обвиненіе Министерства Народнаго Просвѣщенія въ губернскомъ земскомъ собраніи, и надобно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ слушали это обвиненіе, хотя было условлено съ Долгорукимъ, что въ рѣчахъ

не будетъ ничего рѣзкаго. Правда, это была не рѣчь, а докладъ. Онъ конечно будетъ напечатанъ. Нѣтъ, меня удивляетъ не это: лѣнивый теперь не лягается. Меня удивляетъ, что все это не только остается безъ изслѣдованія и наказанія, но и безъ отвѣта. „Ругайтесь, слушаю и слышу. Я виноватъ". Да, но какое же впечатлѣніе остается въ народѣ? „Никакого?" Сомнѣваюсь.

А годъ 1863-й въ самомъ дѣлѣ былъ страшнымъ годомъ для Россіи и, перенеся его, Россія окончательно доказала свою состоятельность, свою окрѣплость и свое могущество. Это былъ годъ завершенія воли крѣпостныхъ людей, годъ почти повсюду обнаружившихся разочарованій реформами, годъ дешевки и ослабленія наказаній. На все это расчитывала центральная демагогія, которую надобно предполагать едва-ли не въ кабинетѣ его Французскаго величества. Говорю въ „кабинетѣ", потому что нельзя же приписать пропагандистамъ и Польскому комитету тотъ дипломатическій походъ, которымъ открыли нападеніе на Россію почти всѣ кабинеты Европейскіе, и нельзя отрицать, что въ связи съ этимъ походомъ были открытое возстаніе въ Польшѣ и въ Западныхъ губерніяхъ и попытки на возмущеніе въ губерніяхъ восточныхъ. Связь, солидарность тутъ очевидны.

Я теперь занятъ разработкою весьма важнаго дѣла о Казанскихъ студентахъ, вовлеченныхъ офицерами генеральнаго штаба Иваницкимъ, Мрочекомъ и Гернякомъ въ заговоръ о возмущеніи крестьянъ. Отъ 15 лѣтняго Карпова до 26 л. Орлова человѣкъ 18 поддались на Польскія хитрости и должны отвѣчать своими (почти своими) головами. Они вѣрили совершенно несбыточнымъ планамъ взятія Казани и Ижевскаго завода. Несмотря на то, бунтовщики располагали нѣсколькими сотнями рублей и десяткомъ револьверовъ. Они согласились разбрасывать самыя возмутительныя воззванія и нелѣпые манифесты, не понимая, что Полякамъ нуженъ не переворотъ для блага Русскаго народа, о которомъ мечтали и писали Казанскіе безбородые реформаторы, а просто бунтъ, замѣшательства въ простомъ народѣ, дабы внутренними безпорядками затруднить правительство и отвлечь военныя силы его съ Запада къ Востоку. Больно и грустно карать такую молодежь, такое неразуміе и даже глупость. Мысль о возмущеніи могла родиться у Иваницкаго, который съ своею ротою стоялъ въ Спасскомъ уѣздѣ, гдѣ бунтовали крестьяне и была извѣстная экзекуція въ имѣніи Мусина-Пушкина, селѣ Безднѣ. Онъ согласился съ Чернякомъ и Мрочекомъ и вовлекъ въ свой планъ студентовъ. Можно полагать, что съ студентами онъ сошелся въ домѣ вдовы Миттерманъ, Польки (она была у меня два

раза), сынъ которой Рудольфъ служилъ между ними посредникомъ. Семейство Миттерманъ считалось горячо преданнымъ Польскому дѣлу.

Нельзя читать безъ искреннаго участія показанія молодыхъ людей, не умѣющихъ вывертываться, благородно сознаваясь въ преступномъ увлеченіи и объясняя его теоретическими доводами. Особенно хорошо признаніе Лаврскаго, объяснившаго, какъ естественно было попасть имъ въ водоворотъ и какъ трудно было изъ него выйти. Мы рѣшили дѣло по 284 ст. Уложенія и ходатайствуемъ о двухъ несовершеннолѣтнихъ. Главные виновники уже разстрѣляны. Бунтъ могъ принять весьма широкіе размѣры и имѣть страшныя послѣдствія. По плану Жерома Кеневича, эмисары должны были ѣхать изъ Москвы по разнымъ направленіямъ и разбрасывать ложные манифесты и воззванія, а между тѣмъ Черняк въ Казани долженъ былъ организовать вооруженное возстаніе и взбунтовать Вятское, Пермское и Оренбургское населенія, особенно временно-обязанныхъ и заводскихъ крестьянъ. Студентъ Глассонъ (вѣроятно Жидъ) предательски выманилъ письмо отъ Иваницкаго къ Черняку и донесъ начальству. Ни бунта, ни возстанія не было. Иваницкій схваченъ, телеграфъ сталъ работать, и пошли аресты и комисіи. Глассонъ умеръ. Я думаю обратить вниманіе министровъ цензуры и просвѣщенія на гибельное вліяніе университетской распущенности и свободы обращенія подпольной литературы и доктринъ „Современника“, „Русскаго Слова“ и др. „Колоколъ“, Герценъ, „Современникъ“, Чернышевскій, Щаповъ, Великороссъ, „Земля и Воля“ и пр., запрудившіе провинціи изъ Петербурга и Москвы, повторяются безпрестанно.

Много шуму дѣлаетъ статья Мазада въ Revue des deux Mondes (15 Марта) о Россіи за послѣдніе три года Польскаго возстанія и Польскихъ реформъ. Она и стоитъ этого шума. Она направлена противъ къ называемой старой Русской партіи, органомъ которой служатъ „Московскія Вѣдомости“ и особенно направлена противъ Мишель Никифоровича Каткова. Очевидно писалъ ее Русскій; весь матеріалъ, съ сплетнями и эпиграммами, сообщенъ изъ Россіи и, можетъ быть, не изъ однѣхъ рукъ. Но она правдива и справедлива съ точки зрѣнія Француза и вообще Европейца. Дѣйствительно, мы обращаемся съ правами и съ собственностію безцеремонно, скоренько и не поримски. Національный элементъ напираетъ немножко нагло. Нововведенія и реформы, растущія какъ грибы, кружатъ головы и подмываютъ всякіе авторитеты и всякую увѣренность въ прочность и въ порядокъ. Но Европеецъ насъ судитъ по своему, а мы Европейцы несовсѣмъ.

Мы Европейцы восточные, т. е. Западные Азіятцы, у которыхъ общинное владѣніе есть исконное, коренное и почти повсемѣстное на-

чало и у которыхъ вѣра, т. е. церковь, подчинена общей власти. Потому-то, и по климату, и по бѣдности нашей, Европейскіе порядки прививаются и примѣняются къ намъ туго и, какъ всякое заимствованіе, извращаются въ одинъ формализмъ, неудовлетворяющій настоящимъ требованіямъ. И Каткову, и Милютину, и самому Государю статья Мазада должна очень не нравиться, и я понимаю, что она строго вырѣзывается. Едва-ли понравится она и Константину, хотя Мазадъ очень отдѣлываетъ Московскаго публициста. Жаждущихъ читать эту статью въ Москвѣ многое множество.

А вотъ и pendant къ статьѣ Мазада. Въ 61 № „Московск. Вѣдом.“ Катковъ приравнялъ немножко покровительствуемыя въ правительственныхъ сферахъ направленія съ тѣми, которыя проповѣдуютъ враги Россіи. Онъ говоритъ о государственномъ единствѣ, какъ о новомъ догматѣ, вѣроятно имъ открытомъ. Министръ вн. дѣлъ 26 Марта сдѣлалъ первое предостереженіе. Оно напечатано въ Сѣверной Почтѣ и во всѣхъ газетахъ. Въ сегоднешнемъ (3 Апрѣля) № „Москов. Вѣдом.“ Катковъ объявляетъ, что онъ не принимаетъ и не напечатаетъ этого предостереженія, а будетъ платить 25 р. за каждый листъ три мѣсяца и потомъ прекратитъ свою дѣятельность. Онъ указываетъ на фактъ: памфлетъ Шедо-Ферротти, покровительствуемый Головнинымъ и Валуевымъ. Статья написана смѣло, самоувѣренно и способна вызвать новое предостереженіе. Это въ свою очередь знаменательный фактъ фрондёрства и крамолы. Катковъ чувствуетъ не свою силу, а слабость Петербургскихъ администрацій, слабость отъ тѣсныхъ видовъ своекорыстія и взаимнаго ихъ разъединенія. Престранное явленіе! Журналистъ обвиняетъ министровъ, министры его караютъ; онъ повторяетъ обвиненія (едва-ли не въ десятый разъ) и журналистъ на мѣстѣ и министры— тоже. Это новый шагъ анархіи, пробивающейся на улицу, на площадь. Я увѣренъ, что выходка Каткова будетъ принята въ Москвѣ съ большимъ сочувствіемъ. Ловкій Валуевъ истощитъ его штрафами и подведетъ ко второму предостереженію. Достаточно-ли сильна журналистика, чтобы удержать за собою поле битвы? Нѣтъ, но администрація и власть достаточно непослѣдовательны. Я буду слѣдить за этимъ дѣломъ.

Московское общество, за немногими исключеніями, все за Каткова. Онъ жертва, онъ герой. Думаютъ подпискою покрыть платимые имъ штрафы. Мои сенаторы готовы разразиться на меня, не раздѣляющаго ихъ увлеченій. 4 Апрѣля измѣняетъ дѣло. Гагемейстеръ увѣдомляетъ меня, что въ Петербургѣ всѣ за Каткова и всѣ ропщутъ на главнаго начальника Щербинина, согласившагося съ (молодымъ) членомъ Совѣта на сдѣланіе Каткову предупрежденія, которое Валуевъ сдѣлалъ, сведя

счеты за прошедшее и чтобы начать когда нибудь и положить конецъ извѣтамъ и подозрѣніямъ.

И. И. Казначеевъ привезъ извѣстіе, что Государь взялъ къ себѣ бумаги и хотѣлъ самъ разсмотрѣть. Катковъ торжествуетъ. Нѣсколько сотъ студентовъ прошли передъ его квартирой „Боже, царя храни“. Они благодарили его за то (сказывалъ мнѣ Шиповъ), что онъ научилъ ихъ любить царя и Россію. Вся эта студентская процессія есть манифестація, устроенная друзьями Каткова. Настоятель Лавры Антоній разсказывалъ, что Государь отзывался, съ какимъ удовольствіемъ читаетъ онъ прекрасныя статьи Каткова о Московскихъ народныхъ манифестаціяхъ. Дѣло разрѣшилось отъ бремени довольно глупо: въ № 14 Апрѣльской „Сѣверной Почты“, министръ заявляетъ, что въ настоящее время онъ *не желаетъ* принимать мѣры взысканія. Желаетъ—не желаетъ! Что̀ такое?

Какое смятеніе во всемъ городѣ! Вчерась, при выходѣ изъ Лѣтняго сада, въ Государя сдѣланъ выстрѣлъ. Мы молились въ Чудовомъ монастырѣ, молились на площади Кремля. Преступленіе страшное! Въ телеграммѣ выражено подозрѣніе о переодѣтомъ эмиссарѣ. Всѣ озабочены мыслію: Полякъ или Русскій? Самое сомнѣніе это знаменательное: это можетъ быть и Русскій. Оно дѣйствительно заставляетъ призадуматься. Нечего и говорить, что Москва обвиняетъ великаго князя Константина. Нечего предполагать здѣсь личное мщеніе. И при личной жертвѣ здѣсь непремѣнно дѣйствуетъ партія. Какая партія? Нигдѣ нѣтъ такого раздраженія какъ въ партіи дворянской. Она въ газетѣ „Вѣсть“ даже подаетъ руку помощи Польскимъ землевладѣльцамъ. Но эта партія никогда не пойдетъ на такое гнусное дѣло; она же видитъ врага не въ царѣ, а въ братѣ его. Всего ближе здѣсь предполагать отчаяніе Поляковъ или фанатизмъ революціонеровъ, тѣхъ красныхъ революціонеровъ, для которыхъ нужны кровь, пожары и смерть. Тутъ только можно достаточно оцѣнить необходимость и важность крѣпкаго правительства, безъ котораго удержаніе порядка рѣшительно невозможно и безъ котораго анархія приметъ безграничные размѣры. Задайся народъ мыслію, что это дѣло партіи помѣщиковъ, мстящей за незапное обѣдненіе отъ освобожденія крѣпостныхъ, и могутъ быть страшныя послѣдствія. Въ Москвѣ, во всѣхъ корпораціяхъ, горячка адресовъ. Въ церквахъ, въ клубахъ, въ театрахъ живѣйшая манифестація. Мы, сенаторы, думаемъ послать адресъ. Что-то выяснится?

Въ сегодняшнемъ №. „Сѣв. Почты“ разсказаны злодѣйство и чудодѣйственный подвигъ Буйскаго крестьянина Осипа Иванова Коммисарова, но о личности объяснено (опять сомнѣніе): говоритъ по-русски совер-

шенно чисто. Русскій? Можетъ быть, но по подкупу, по наущенію вожаковъ.

Все извѣстно. И подробности сообщаемыя не говорятъ ничего опредѣлительнаго. Онъ называется различными именами. Сообщниковъ было трое; схвачено двое. Это можетъ облегчить раскрытіе темнаго дѣла, котораго не прояснили и страшные пожары. Онъ назвался „Русскимъ“, обращаясь къ толпѣ, сказалъ Государю: „Вы обманули народъ, обѣщавъ дать землю и волю“. Онъ сказалъ: „это я за васъ“. Толпа вцѣпилась въ него. „Царь обманулъ народъ“ стоитъ въ прокламаціяхъ Казанскихъ. Тамъ также расчитываютъ на сочувствіе толпы. Слова эти приписываются революціонному обществу въ Петербургѣ „Земля и Воля“, къ которому присоединилось и другое „Великороссъ“. Если это и Русскій, то—орудіе Поляковъ. Слухи ходятъ, что фамилія его *Мадзіевскій*. Другіе говорятъ—*Геллертъ*, Польскій Нѣмецъ. А въ театрѣ достается Полякамъ. „Жизнь за царя“ Глинки совершенно искажается. Итакъ цареубійца не Русскій, онъ Полякъ Ольшевскій. У всѣхъ сердце отлегло. Теперь надобно отыскать нить и развернуть этотъ страшный (клубокъ), который катается по Россіи и котораго всѣ чувствуютъ и никто не видитъ. Слѣдственныя коммисіи у насъ плохи, а потомъ, можетъ быть, и распорядители живутъ высоко. Но странно: о второмъ схваченномъ никто не говоритъ ни слова. Впрочемъ излишняя гласность можетъ повредить розыскамъ. Подождемъ еще.

Нѣтъ, не Ольшевскій. Онъ не сознается. Второй схваченный оказался какой-то больной чиновникъ, вовсе къ дѣлу непричастный *). Назначена слѣдственная коммисія подъ предсѣдательствомъ графа М. Н. Муравьева. Шефъ жандармовъ смѣненъ, назначенъ графъ П. А. Шуваловъ. Стало быть, князь Вас. Долгорукій виноватъ?

Молебствія, пѣніе хорами гимна, народныя изліянія радости и любви продолжаются, растутъ въ широкихъ размѣрахъ и вѣрно вызовутъ Государя.

Еще лучъ надежды: преступникъ (дознано) жилъ въ Знаменской гостинницѣ подъ именемъ Владимирова, сына Калужскаго помѣщика, и посѣщалъ Медикохирургическую Академію. Онъ говоритъ по-польски, и эксперты объявили, что сапоги его шиты не въ Россіи.—Назначеніе Муравьева принято въ Москвѣ съ энтузіазмомъ. Въ Петербургѣ на дворянскомъ обѣдѣ онъ сказалъ: „Я старъ, но ляжу костьми, чтобы свято исполнить возложенное на меня порученіе. Преступное покушеніе

*) 10 Апрѣля я написалъ къ министру юстиціи, что въ словахъ преступника 4 Апрѣля есть сходство съ прокламаціями Казанскими 1863 г. и что не слѣдуетъ-ли искать эту личность въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовали Чернякъ, Иваницкій и Мрочекъ.

имѣетъ далекія нити, которыя потрясаютъ общественные интересы всѣхъ сословій; но я не теряю надежды ихъ обнаружить и смѣю увѣрить, что настоящему дѣлу придана будетъ возможная гласность". Муравьеву многое должно быть извѣстно изъ этого темнаго дѣла по дѣламъ Виленскимъ и если должно замѣтить, что онъ сознательно даетъ великое значеніе своей задачѣ, то должно сознаться, что онъ не остановится ни предъ какими препятствіями и личностями. Онъ знаетъ, что въ крайности для него возможна и диктатура. Можно опасаться личныхъ мщеній и завзятыхъ убѣжденій. Страшное время!

Государя ждутъ въ Москвѣ. Вѣроятно онъ предполагаетъ провести день рожденія въ Москвѣ, своей родинѣ. Вотъ будетъ торжество народное! Надобно ожидать народныхъ петицій о перенесеніи столицы. Энтузіазмъ неразборчивъ и требователенъ. Русской партіи много пищи и большая перспектива. Я нахожу даже—*слишкомъ*. Я боюсь крайностей: онѣ вызываютъ крайности, и отчаянное положеніе можетъ вызвать, пожалуй, повтореніе. Положеніе дѣлъ чрезвычайно натянуто. Въ настоящее время это тѣмъ опаснѣе, что, при запутанности дѣлъ и раздраженіи интересовъ, правительство слабѣе новой силы общественнаго мнѣнія, дѣйствующей безъ привычки, рубящей съ плеча и опирающейся на общество, едва вышедшее изъ темнаго прозябанія и тѣмъ болѣе ревнующаго свою недавнюю независимость.

Молодой кавалергардъ Шиповъ, сегодня изъ Петербурга, сказывалъ мнѣ, что вся полиція и всѣ войска округа и гвардіи предоставлены въ распоряженіе графа Муравьева. Ничего не слышно. Въ тостахъ и газетахъ утверждаютъ съ увѣренностію, что онъ не-русскій. Что-то откроетъ Муравьевъ?

Увы! Надежда тщетная! Онъ Русскій,—Каракозовъ (Дмитрій Владимировъ), сынъ небогатаго Сердобскаго помѣщика, бывшій вольнымъ слушателемъ въ Московскомъ Университетѣ. Это напечатано въ „Инвалидѣ" и въ „Москов. Вѣдом.". Человѣкъ мой говоритъ, что народъ не вѣритъ, что онъ увѣренъ въ Польскомъ происхожденіи злодѣя.

Толкамъ (и по московски) нѣтъ конца. Провѣряютъ Татарское или Армянское происхожденіе преступника, его университетскія отношенія, его акты. Увѣряютъ, что онъ взялъ только фамилію, а въ дѣйствительности онъ другой, Полякъ. Молебны и манифестаціи продолжаются. Рабочая молодежь истаскалась, и хозяева плачутъ. Я доволенъ тѣмъ, что предположеніе мое въ письмѣ къ Замятнину подтвердилось: Каракозовъ изъ Волжскаго края, въ 1863 г. былъ въ Казанскомъ университетѣ и вѣрно знакомъ съ прочими.

Событіе 4 Апрѣля такъ поглотило всѣ интересы, что я, и безъ того довольно настроенный къ ожиданію дурнаго, до сихъ поръ и болѣе

нежели прежде, ожидаю дурнаго, подобнаго 4 Апрѣля. 10 Апрѣля я написалъ министру юстиціи, что упорствующій преступникъ долженъ быть изъ мѣстностей, гдѣ дѣйствовали Чернякъ, Мрочекъ и Иваницкій. Онъ Каракозовъ, и оказался изъ Сердобскихъ дворянъ, бывшій въ 1863 г. въ Казани. Въ дополненіе моего письма, я написалъ новое, отъ 18, и послалъ его съ моимъ племянникомъ Леонидомъ, гдѣ я развиваю общія замѣчанія о недостаткахъ политическихъ нашихъ слѣдствій, окончившихся безслѣдно, о пожарахъ, о воскресныхъ школахъ и подметныхъ листахъ. Безслѣдно, потому что обнаруженіе и полицейскій розыскъ факта въ дѣлахъ политическихъ есть начало, а не завершеніе слѣдствія; потому что всѣ эти явленія суть проявленія одной и той же силы, дѣйствующей въ центрѣ, и потому что здѣсь работаютъ не личности, а цѣлая организація, цѣлая доктрина. Я прибавилъ, что извѣстныя жертвы увлеченія и Польскихъ происковъ не исчерпываютъ всѣхъ сокровенныхъ запасовъ злоумышленія и что *при настоящемъ, совершенно ненормальномъ* состояніи общества безразсудные и легкомысленные тѣмъ легче подпадаютъ затѣмъ внушеніямъ, что расчитываютъ на возможность успѣха дерзкой рѣшимости. Потомъ я указываю на два недостатка Казанскаго слѣдствія: необслѣдованная обстановка курильной комнаты, гдѣ выкладывались прокламаціи, и не обращено вниманія на Польское семейство Миттерманъ, въ средѣ котораго Поляки знакомились съ Казанскою молодежью.

Ненормальность наша все возрастаетъ. Она дойдетъ до крайности и произведетъ крайнія, фанатическія выходки. Оскорбленные интересы мстятъ. Отравленная жизнь, мало мальски поддерживаемая сильною волею, не цѣнится въ грошъ и готова на все. Раздраженіе страстей, разгораемое свободною печатью, и теперь уже выражается рекриминаціями, борьбою партій на смерть. Достаточно прочесть передовыя статьи 20 и 21 Апрѣля „Моск. Вѣдом.“, чтобы видѣть, какъ журналистика вытаскиваетъ борьбу на улицы и площади, а здѣсь теперь безпрерывное движеніе и крики и толки массъ, торжествующихъ спасеніе царя-освободителя. Бросьте въ эту массу словечко о великомъ князѣ Константинѣ, или о барскомъ заговорѣ, или о Польскихъ правахъ, и дайте освоиться этой массѣ: послѣдствія могутъ быть страшныя.

Меня ужасаетъ наступающая нужда. Эти агитаціи ее ускоряютъ. Меня ужасаетъ и возвращеніе къ порядку: послѣ такой распущенности всякій порядокъ представляется произволомъ, стѣсненіемъ и злоупотребленіемъ. Меня ужасаетъ и то, что въ этихъ опасеніяхъ рѣзни и волненій народныхъ никому и въ голову не приходитъ, что царь умеръ. Да здравствуетъ новый царь! А наслѣдникъ совершенныхъ лѣтъ,

и нѣтъ основанія предполагать, чтобы онъ былъ неспособенъ. Объ немъ никто ни слова.

Мы присутствовали при освященіи зданій и открытіи новыхъ судовъ. Зданія хороши и приспособлены, но не совсѣмъ готовы и вообще сыры. Министръ сказалъ рѣчь, обращенную къ новымъ дѣятелямъ, и обошлось чинно. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что эти суды „послѣднее слово науки", намъ не по плечамъ, слишкомъ совершенны для наличныхъ силъ и средствъ общества и приводятся въ исполненіе совершенно непрактично. Въ печатномъ мнѣніи моемъ я предсказывалъ то, что̀ теперь сбывается. Канцелярія бѣжитъ, остается оборышъ. Новые порядки водворяются трудно. Публика разинула ротъ. Всего страннѣе то, что самъ министръ (доля эта выпала Д. Н. Замятнину) совершенно противъ такой реформы и такого введенія. Увлекъ потокъ. Такъ сложилось. Двигали дѣло великій князь Константинъ и С. И. Зарудный.

Я ожидаю перемѣнъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Перемѣны начнутся съ мировыхъ судей и потомъ присяжныхъ. Вообще неудовлетворительность всѣхъ реформъ, покушеніе 4 Апрѣля и назначеніе слѣдователемъ графа Муравьева ведутъ къ реакціи и, можетъ быть, довольно крутой. Увольненіе Головнина есть начало. Когда вникнутъ поближе, поглубже, то едва ли не остановятъ начатую ломку.

Покушеніе на графа Бисмарка! Подъ Липами, въ Берлинѣ, среди дня! Фанатикъ 22 лѣтъ, Блиндъ, сынъ заклятаго республиканца (самоубившагося). Покушеніе политическое, это несомнѣнно. Надобно было ожидать его при томъ раздраженномъ и напряженномъ состояніи общества и особенно Прусскаго, обруганнаго, ошельмованнаго Бисмаркомъ. Если Прусское правительство не достигнетъ супрематіи въ Германіи, оно погибло. Бисмаркъ опирается на матеріальную силу и на буквальную власть суда въ искаженномъ составѣ. Все это чуждо честному Нѣмецкому элементу, и Гнейсты и Унруги начнутъ, чрезъ рѣчи, лекціи и газеты подрывать династическое начало, далеко не пользующееся въ Германіи прежнимъ авторитетомъ. Вообще надобно ожидать новаго концетрическаго круга, описаніе котораго уже намѣчено многими симптомами. Демократія наступаетъ и душитъ, а за демократіей, можетъ быть и республика, можетъ быть диктатура; но во всякомъ случаѣ огрубеніе, матеріализмъ и соціализмъ.

Назначеніе гр. Дмитр. Андр. Толстаго оберъ-прокуроромъ и министромъ просвѣщенія должно вести къ весьма важнымъ преобразованіямъ. Я желаю, чтобы церковь получила свободу, пора ей эманципироваться, и чтобы учебныя заведенія, всѣ слившись въ одно вѣдомство, были нѣсколько обузданы отъ легкихъ гибельныхъ увлеченій, при которыхъ занятія, занятія серьёзныя, удалились на третій планъ. Либеральничество

гр. Строгонова и, въ подражаніе ему, кн. Гр. Щербатова въ Петербургѣ привело къ разнузданности 1860 годовъ, и автономія университетовъ по новому уставу консолидировала эту разнузданность въ общее начало, которое требуетъ отъ Совѣта и ректора либеральныхъ рѣчей, за тѣмъ качаній на рукахъ, манифестацій и процессій по улицамъ. Въ среднія заведенія пробрался нигилизмъ. Духовныя училища и семинаріи отличаются невѣжествомъ.

Московское духовенство смотритъ (Филаретъ и Леонидъ) на новаго оберъ-прокурора съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, и это по тремъ его распоряженіямъ. Онъ имѣлъ намѣреніе отдать въ аренду или продать синодальныя зданія въ Москвѣ, находящіяся на выгодныхъ улицахъ (на Никольской); во-вторыхъ, онъ прислалъ прокуроромъ конторы родственника своего Потемкина, человѣка довольно циническаго и несвѣдущаго; въ третьихъ онъ обратился къ секретарю консисторіи съ требованіемъ свѣдѣній о суммахъ. Все это очень невыгодно отозвалось на мастистомъ старцѣ, играющемъ quasi роль Всероссійскаго патріарха. И безъ патріарха, преобразованіе Синода въ независимый соборъ, безъ всякаго оберъ-прокурора, дало бы духовенству лучшее значеніе. Ослабленіе исключительности касты увеличило бы достоинство духовнаго званія.

Война или конгрессъ и миръ statu quo? Война нужна, чтобы отвлечь отъ проявленія революціоннаго движенія, вездѣ созрѣвшаго. Война нужна, чтобы дать исходъ оппозиціи, у которой нагорѣло до рѣшительныхъ дѣйствій, война нужна для усиленія правительствъ, истощающихся внутренними, постоянными напряженіями. Гр. Висмаркъ довелъ партіи до смертельныхъ посягательствъ, Наполеонъ выражаетъ (въ Оскерѣ) явную ненависть къ трактатамъ 1815 г. и съ презрѣніемъ относится къ политикѣ Европейскаго равновѣсія, такъ торжественно и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выраженной Тьеромъ, за два-три дня до Оскерской громовой манифестаціи. Италія прикидывается въ совершенной зависимости отъ патріотическихъ бандъ, готовыхъ вторгнуться въ Венецію. И замѣчательно, что всѣ они обвиняютъ Австрію, будто бы вызывающую вооруженіе завоевательными планами въ Италіи и Пруссіи! Экая продерзостная воинственность! А бѣдная Австрія не знаетъ куда голову приклонить. Внутреннія борьбы съ разноплеменностями, съ несовременнымъ примѣненіемъ конкордата, съ разстройствомъ финансовъ, а ей приписываютъ завоевательные планы въ Италіи и даже Пруссіи. Такъ это похоже на басню „волкъ и ягненокъ“. Виды Пруссіи чувствуютъ второстепенныя Германскія государства, и они ищутъ поддержки въ Наполеонѣ, какъ сосѣдѣ по Рейну, а въ Александрѣ II, какъ

родственникѣ. Когда Ольгу Николаевну просили пожить подолѣе въ Петербургѣ, красавица-королева отвѣчала шуточнымъ тономъ: „Je ne sais, cela depend de Bismark". Можетъ быть, заставятъ и насъ принять участіе въ Европейскомъ дѣлѣ. Жаль, что мы *несовсѣмъ* готовы. Южной дороги еще нѣтъ. А то пусть привлекутъ и насъ. И у насъ есть ненавистные трактаты. Для меня не подлежитъ сомнѣнію одно: вмѣшательство Наполеона не обѣщаетъ хорошихъ и прочныхъ результатовъ. Умная, логическая голова эта надтреснута, и онъ видитъ вещи въ свою призму. Повторяю: выиграетъ элементъ республиканскій и соціалистическій. Самое обширное торжество Бисмарка приведетъ къ тому, что „Гогенцолернская династія будетъ украшеніемъ Прусскаго монархическаго трона" или Нѣмецкой Имперіи. Скажу болѣе: сойдите со сцены нынѣшніе авторитеты соединеннаго королевства, самая Англія вовлечется въ треволненія наши, доселѣ ей чуждыя.

Огромный упадокъ вексельнаго курса (на Парижъ 280 сант.) всѣхъ озабочиваетъ. Дѣйствительно, при такомъ курсѣ торговыя сдѣлки почти невозможны, и матеріальныя отношенія чрезвычайно шатки. Но отъ чего онъ падаетъ? Объясняли обиліемъ ассигнацій (къ которымъ прибавилось столько подложныхъ), убыточнымъ торговымъ балансомъ и побѣгомъ капиталовъ отъ страны, объятой реформами и безпокойными ожиданіями. Бѣды особенной здѣсь не очень много, но бѣда есть. Бѣда именно та, что государство, дѣла и правительство въ напряженномъ, совершенно ненормальномъ состояніи, и своекорыстіе капиталистовъ спекулируетъ этимъ. Не только капиталы, люди бѣгутъ, боятся; не знаешь гдѣ пріютиться, чтобы оградить себя отъ опасности и убытковъ. Хочешь умалиться, чтобы тебя не замѣтили; хочешь уклониться, чтобы не взвалили лишняго, несоразмѣрнаго бремени. Причина—незрѣлыя реформы, вызывающія шаткіе порядки, обѣщающіе неудовольствіе, разстройство и опасности. У насъ, да я думаю и вездѣ, ходятъ самые невѣроятные слухи, продолжаются молебны и манифестаціи и общія жалобы. Славное время, но слабые люди.

Приготовляю жену и дѣтей къ отъѣзду въ деревню и боюсь: мнѣ кажется, въ деревнѣ, въ деревняхъ, начнутся опасности, грабежи и разбои. Преступленія усиливаются съ нуждою. Весна начинается прекрасно. Въ нѣсколько дней, можно сказать, въ нѣсколько часовъ, все позеленѣло, и термометръ въ тѣни до 20°/₀. Хорошее время и хорошій урожай отдалятъ злыя послѣдствія. Думаю рѣшиться отпустить; дѣти считаютъ деревенскую жизнь эльдорадо. А имъ нужно отдохнуть. Они эту зиму занимались много, прекрасно и съ большою пользой. Въ нихъ начинается математическая логика, и теорія величинъ, линій и звуковъ идетъ равномѣрно. На широкомъ для дѣтей изученіи языка

Русскаго (по новой методѣ, несовсѣмъ отчетливой) ложится приспособленное ученіе грамматикъ Французской, Латинской и Нѣмецкой. Послѣдній языкъ, самъ по себѣ очень трудный, дается очень туго. Органъ непривыкъ къ Нѣмецкимъ звукамъ, языкъ ломается, сказанное скоро забывается. Для практическаго ученія я взялъ гувернера-Нѣмца изъ Митавы, Кронберга. Кажется, человѣкъ хорошій, скромный и съ нѣкоторыми познаніями. Въ деревнѣ, въ 3—4 мѣсяца, дѣло можетъ подвинуться до того, чтобы дѣти говорили и понимали дѣтское чтеніе, а потомъ самоученіе довершитъ чтеніемъ. Физическимъ и нравственнымъ развитіемъ дѣтей я совершенно доволенъ. Мальчишка мой краснощекій и силенъ, и ловокъ, и строенъ. Красавица моя, моя любимица, мила по прежнему и столько же проста, сколько граціозна безъ малѣйшей мысли о нарядахъ и о желаніи нравиться. Учителя особенно отдаютъ ей справедливость, въ чемъ соглашается и братъ, сознаваясь, что имъ занимаются болѣе. Немного трудно мнѣ выносить расходы. Одни уроки обходятся въ мѣсяцъ до 120 р.; но я и жена моя готовы на всѣ лишенія, особенно теперь, когда закладывается фундаментъ и вбиваются сваи, на которыхъ будетъ строиться широкое и высокое зданіе. Благодарю Бога и молю Его о продолженіи возможности довершить это святое и великое для меня дѣло, какъ желаетъ мое сердце и придумываетъ мой искренній и крайній умъ*).

Суворовъ свѣтлѣйшій уволенъ, съ упраздненіемъ военнаго генералъ-губернаторства, очень недоволенъ и не скрываетъ своего неудовольствія. „Разругавъ (какъ мнѣ пишетъ Гагемейстеръ) царя на всѣхъ переулкахъ въ Петербургѣ“, онъ проѣздомъ дѣлалъ тоже въ Москвѣ, пробывъ нѣсколько времени у Талызиной. Онъ увѣряетъ, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, предупреждалъ Государя о задуманномъ покушеніи на его особу, но Государь отвѣчалъ: „все это вздоръ, и дѣлается, чтобы тебя морочить“. Онъ просилъ Государя дозволить ему сопровождать его на улицахъ переодѣтыми служителями. Государь будто бы сказалъ на это: если я замѣчу, то прикажу арестовать переодѣтаго и дамъ этому случаю огласку. Суворовъ много говорилъ о своей полицейской дѣятельности и прибавилъ: „но средства всѣ въ III-мъ Отдѣленіи, а тамъ распоряжается дуракъ Долгорукій“. Откланиваясь Императрицѣ, Суворовъ сказалъ, что ѣдетъ въ деревню, чтобы наблюсти за сохраненіемъ обломковъ своего дворянскаго состоянія. Деликатно и умѣстно, особенно со стороны человѣка, пользующагося славою „безпредѣльной личной преданности“.

*) Желалъ бы я, черезъ десять лѣтъ, посмотрѣть на сверстниковъ Мити: Володю Симанскаго (слишкомъ годомъ старше), Николю Толстаго (годомъ моложе), даже Алешу Елагина (двумя годами старше) и Вѣрочку Оверъ, сверстницу Наташѣ, бѣдовую дѣвочку.

Между тѣмъ Муравьевъ развиваетъ слѣдствіе въ огромныхъ размѣрахъ. Говорятъ, изъ одного Московскаго университета забрано 116 человѣкъ. Много. Но, кажется, на нить еще не попали. Должно замѣтить, что всѣ прежніе осужденные: Михайловъ (уже умершій), Обручевъ, Чернышевскій и др. не дѣлали полнаго признанія. Говорятъ, даже Огрызко многаго не досказалъ. Всѣмъ этимъ дѣламъ дано отдѣльное направленіе, и они рѣшены какъ частныя явленія. Въ этомъ важная ошибка. Вторая, важнѣйшая—это непреслѣдованіе до корней: довольствовались признаніемъ или изобличеніемъ неполнымъ. Теперь поворотить это трудно. Общее убѣжденіе то, что преступникъ не Каракозовъ, хотя и назывался въ университетахъ этимъ именемъ. И я думаю, что онъ Полякъ изъ царства или западныхъ губерній, гдѣ принимаются (по крайней мѣрѣ на бумагѣ) такія радикальныя мѣры, которыя способны довести до отчаянія, до сумасшедшаго фанатизма. Въ Русскихъ соціалистахъ такой фанатизмъ могъ бы быть напускаемъ на слабыя головы.

Газеты схватились за финансовое управленіе и подвергаютъ его строгому осужденію. „Голосъ“ упрекаетъ въ непроизводительныхъ расходахъ для умноженія синекуръ и увеличенія окладовъ высшихъ учрежденій; „С.-Петерб. Вѣдомости“ находятъ, что управленіе принесло убытку болѣе 700 мил. р. тогда какъ вся Крымская кампанія стоила не болѣе 500 м. р. Всѣ ропщутъ на Рейтерна. Всѣ предлагаютъ кандидатовъ. Я увѣренъ, что посыпятся „предостереженія“, но печать возьметъ свое, Рейтернъ уйдетъ на покой и уѣдетъ за границу. Кто будетъ его преемникомъ, назначаютъ, кто сенатора Фишера (главный агитаторъ здѣсь пройдоха сенаторъ Войцеховичъ), кто А. П. Шипова (о немъ давно уже писалъ и пишетъ братъ его, генералъ Шиповъ), кто А. А. Абазу (кандидатъ великой княгини Елены). Мнѣ кажется, никто изъ нихъ не можетъ назваться серьезнымъ кандидатомъ и не имѣетъ даже отдаленныхъ правъ. Шиповъ считаетъ авторитетомъ всякую книжонку въ протекціонномъ ученіи. Фишеръ никогда по финансовой части не служилъ и занимался ею какъ аматёръ. А заводчикъ и откупщикъ Абаза едва ли и самъ пойдетъ. Вѣроятно, сдѣлаютъ Грота или Заблоцкаго. Можетъ быть, Татаринова, человѣка серьезнаго, чиннаго и съ характеромъ; но тогда надобно будетъ измѣнить составъ министерствъ и придать Татаринову кредитъ и казначейства. Но кто бы ни былъ преемникъ, а выбраться намъ изъ трущобъ очень трудно. Шатко будущее, возбуждены неосновательныя надежды, потрачены почти всѣ интересы. Мы близки къ террору, и между тѣмъ разнузданность личностей, разслабленіе власти и неизбѣжность дефицитовъ привели общество и государственный строй въ состояніе ненормальное, лихорадочное. Я уди-

вляюсь не тому, что̀ есть и будетъ, я удивляюсь, какъ могло и можетъ быть такое безцеремонное, дѣтское обращеніе съ дѣлами, отъ вліянія которыхъ зависятъ милліоны участей и крѣпость государства.

Я познакомился съ молодымъ ученымъ Влад. Ив. Ершовымъ. Онъ въ 1862 г. учился въ Московскомъ университетѣ и по возникшимъ тогда студентскимъ продѣлкамъ долженъ былъ его оставить и отправился въ Берлинъ. Здѣсь онъ учился около четырехъ лѣтъ Римскому праву и за написанную имъ диссертацію (quatenus competat interdictum uti possidetis in servitutibus praediorum) получилъ первую золотую медаль, а потомъ, по публичному диспуту, получилъ и званіе доктора Римскаго права. Молодой человѣкъ мнѣ понравился, ему едва 21-ъ годъ, и онъ прекрасно выдержанъ заботливой матерью (Варвара Серг., рожденная княжна Вяземская). Но странное впечатлѣніе производитъ молодой докторъ. Онъ, кромѣ односторонности предмета ученія, возбуждаетъ подозрѣніе въ солидности своихъ знаній вообще, обнаруживаетъ недовѣріе къ себѣ, опасеніе держать экзаменъ (столь у насъ многопредметный) на кандидата, и теперь этотъ доблестный юноша, съ ореоломъ первой преміи и высшаго ученаго званія перваго Европейскаго университета, не имѣетъ никакихъ правъ ни по ученому вѣдомству, ни по юридическому. Я рекомендовалъ его министру юстиціи, и онъ съ большою готовностію обѣщался принять его на службу и устроить. Я не полагаюсь на Замятнина: онъ зависитъ отъ окружающихъ, а окружающіе-правовѣды держатъ себя замкнуто. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей утверждаютъ, что докторство дается въ иностранныхъ университетахъ очень легко, и въ Гейдельбергѣ достаточно угостить хорошимъ обѣдомъ, чтобы получить дипломъ на доктора. Это утверждаетъ и самъ Ершовъ, но исключаетъ Берлинскій университетъ. Непонятно для меня, что, дойдя до докторства, Ершовъ не имѣетъ никакой привязанности и влеченія къ наукѣ и не имѣлъ даже мысли о каѳедрѣ. Болѣе: онъ пожалуй не прочь и въ гусары идти. И заботливыя матери рѣдко умѣютъ хорошо оканчивать ученіе дѣтей. Я знаю это по Вар. Дм. Обрѣзковой, воспитывающей пятый годъ своихъ четырехъ дѣтей въ Гейдельбергѣ. Пожалуй, и они пріѣдутъ съ степенями ученыхъ и поступятъ въ гусары.

„Московскія Вѣдомости“ получили второе (6 Мая за 81 №) и третье (7 Мая) предостереженія и за тѣмъ пріостановлены на два мѣсяца. Въ Москвѣ это огромное событіе, и оно огласилось и громко и быстро. Ожидаютъ протестацій и манифестацій, хотя не то время: событіе 4 Апрѣля и развивающееся слѣдствіе поглощаютъ все вниманіе и озабочиваютъ преимущественно тѣ кружки, въ которыхъ наиболѣе выражались симпатіи Каткову. И я имѣю симпатію къ этому блестящему редактору передовыхъ статей и гордому представителю открытаго

національнаго знамени; но человѣкъ правительственный, я доволенъ, что министръ наконецъ рѣшился прекратить скандальную борьбу съ журналистомъ и возстановить силу закона и порядокъ, начинавшій походить на анархію. Министръ сдѣлалъ это довольно неловко, съ ужимками и не вовремя (скандалъ упреканій продолжался съ 29 Апрѣля по 9 Мая), но по крайней мѣрѣ сдѣлалъ. Я опасаюсь одного: не вовремя принятая мѣра и единовременное распоряженіе о судебномъ преслѣдованіи трехъ статей „С.-Пбр. Вѣдомостей“ (статей довольно пустыхъ) и „Вопросъ новаго поколѣнія“ напечатанный въ „Современникѣ“, не указываютъ-ли на начало реакціи? Реакція, какъ мщеніе, есть орудіе неблагородное, но, къ сожалѣнію, часто вызываемое необходимостію. Перемѣна Головнина, возрастающая важность Муравьева, увольненіе кн. Суворова могли бы вести къ мысли о реакціи; но едва-ли это такъ. При современныхъ и совершающихся реформахъ реакція невозможна. Финансовыя путаницы связываютъ правительство. Кругомъ виноватое, оно выѣзжаетъ на либерализмѣ и снисхожденіи. Впрочемъ, Муравьевъ въ душѣ явный врагъ либеральнымъ преобразованіямъ. Онъ рабъ и деспотъ durch und durch. Что сдѣлаетъ Катковъ? Онъ будетъ крамольничать.

Рескриптъ 13 Мая. Какая нелѣпость и неосторожность! И какой вздоръ и недальновидность! Не опомнишься, не умѣешь дать себѣ отчета въ такой безтактности, лишенной всякаго достоинства. „С.-Петерб. Вѣд.“ № 171 доказываютъ нелѣпость содержанія и цѣли. И весь свѣтъ и вся Европа прочтутъ съ изумленіемъ и злорадствомъ, какая порча такъ глубоко и такъ нагло охватила Русское государство! Какое довѣріе можно имѣть въ ближайшей будущности такого испорченнаго организма? Какое ликованіе для реакціонеровъ всѣхъ видовъ и степеней, и прежнихъ министровъ, и партіи „Вѣсти“ и партіи Московской, клеймившей „Петербургскихъ“ педагоговъ и администраторовъ! Какое торжество для Мазадовъ, получающихъ оправданіе ихъ преувеличеній! Какое поле для исключительнаго положенія дворянства, землевладѣльцевъ и для огульнаго презрѣнія къ просвѣтительнымъ началамъ, къ журналистикѣ и литературѣ! Это ужасный рескриптъ, основывающійся на какихъ-то (никому неоглашенныхъ) свѣдѣніяхъ слѣдственной комисіи Муравьева и клеймящій позоромъ и измѣною всѣ управленія. Кто писалъ этотъ актъ, кто совѣтывалъ обнародовать его? Реакція? Но я увѣренъ, что она такъ оробѣла отъ новыхъ порядковъ, что у нея не хватитъ силъ на борьбу, и она удовольствуется бумажными манифестаціями. Насъ спасаетъ невѣжество народа. Только невѣжество!

Общій говоръ тотъ, что въ рескриптѣ повторены обвиненія, которыя столько разъ выражались въ „Московск. Вѣдомостяхъ“, и за

которыя изданіе Каткова и Леонтьева пріостановлено. Катковъ можетъ жаловаться или просить о возстановленіи правъ.

Въ „Современной Лѣтописи“ 18 Мая помѣщена статья „Развѣ“ съ помѣтою 8 Мая изъ Тулы. М. Н. Лонгиновъ сказывалъ мнѣ, что „Развѣ“ послано *имъ* 26 Апрѣля. Статья эта написана послѣ 15-го, по прочтеніи рескрипта, ибо она очевидно на него опирается и его развиваетъ. Она начинается „гоненіемъ за мнѣнія“, чего и въ мысль не могло прійти до мысли о реакціи. Она писана Катковымъ, ибо его любимые пріемы, его пошибъ и его мысли. О смѣщеніяхъ ничего не слышно. Да едва-ли они и будутъ.

„Вѣсть“ торжествуетъ. Нельзя не видѣть нѣкоторой натянутости въ передовыхъ статьяхъ всѣхъ газетъ, занимающихся преимущественно иностранною политикою. „Москов. Вѣд.“ безъ передовыхъ статей и тощи и вялы.

Государь съ семействомъ ѣдетъ въ Москву. Приготовленія обширныя.

Обрусѣнію западныхъ губерній должна способствовать покупка тамъ имѣній Русскими, и для осуществленія этой мѣры правительство даетъ льготы и ссуды. Но, не смотря на всю суровость этой мѣры, чисто революціонной и соціалистической, осуществленіе это едва-ли возможно. У Русскихъ денегъ нѣтъ, у правительства тоже. Имѣнья раззорены, и доходность ихъ подрывается повѣрочными коммисіями. Это скорѣе усилитъ тамъ элементъ Нѣмецкій и безъ того уже довольно распространенный. Элементъ этотъ силенъ въ Царствѣ, и западные Нѣмцы между нимъ и Остзейскимъ краемъ образуютъ цѣпь, которая чрезъ Познанскую провинцію примкнетъ къ Германіи. Я долго говорилъ съ лицами, бывшими въ Кіевѣ и Ковнѣ; они не знаютъ доселѣ ни одного имѣнья, купленнаго Русскими по новымъ правиламъ. Мы любимъ шумѣть, а дѣйствуемъ плохо. Судебная реформа до сихъ поръ и не коснулась этихъ краевъ, а она представляетъ такое сильное орудіе для обрусѣнія.

Война неизбѣжна и едва-ли уже не началась, въ Голштиніи, въ Венеціи или въ Молдавіи и даже въ Силезіи. Начала соціализма и національности запутываютъ въ нашъ вѣкъ всѣ вопросы и даютъ событіямъ неподобающіе размѣры и значеніе. Если Австрія будетъ бороться съ Италіей и Пруссіей порознь, она можетъ выйти побѣдительницею и усилить свою Нѣмецкую національность, чего собственно и добиваются Габсбурги, назвавъ имперію по имени двухъ Нѣмецкихъ герцогствъ. Но если ей, Австріи, придется бороться на Сѣверѣ и на Югѣ въ одно время, то едва ли она не поплатится Венеціей и ослабленіемъ въ Германскомъ союзѣ. Послѣднее ее ожидаетъ, кажется, во всякомъ случаѣ, и казалось бы ей слѣдовало принять предложеніе

Пруссіи, ибо такъ-ли или иначе осуществляющійся народный парламентъ Германскій не допуститъ первенствующаго положенія Австріи и провозгласитъ имперію подъ короною Пруссіи. Въ Австріи прекрасное войско, превосходный генералъ Бенедекъ, большая надежда на сочувствіе второстепенныхъ державъ; но соперничество и открытая борьба Австріи и Пруссіи выдвинетъ народный элементъ, а онъ будетъ дѣйствовать въ демократическомъ смыслѣ и въ строго-національномъ единствѣ. Война безъ завоеваній и приращеній во всякомъ случаѣ есть чистая потеря, убытокъ, долгъ. При настоящемъ развитіи образованности подобныя средства (вòйны) подмываютъ окончательно династическій престижъ, и безъ того довольно слабый, и ведутъ къ парламентаризму, отъ котораго недалеко до учрежденій республиканскихъ. Программа 1789 г. постепенно осуществляется, и отъ этого всего менѣе можно ожидать пользы для Австріи, слѣпленной изъ разныхъ народностей и держащейся кое-какъ монархическими преданіями. Австрія ставитъ ихъ на карту.

Многое ставитъ на карту и Пруссія со своимъ Бисмаркомъ, отъ котораго отворачивается вся Германія. Его считаютъ способнымъ уступить Рейнъ. Вмѣшательство Наполеона можетъ измѣнить всю карту Европы. Всѣ дрожатъ.

Государь, говоря о Московской встрѣчѣ на желѣзной дорогѣ, прибавилъ, улыбаясь: „такъ приняли по-московски, что даже страшно стало“. Оно дѣйствительно страшно это одушевленіе и движеніе массъ. Онѣ чрезвычайно зыбки и, въ настоящее время безпрестанныхъ перемѣнъ, быстро перемѣнчивы. Незрѣлыя реформы принимаются дурно, противорѣчатъ привычкамъ и оскорбляютъ интересы. Сегодня сидѣла у меня Меропія Новосильцова, только воротившаяся изъ Петербурга, и описывала, въ какомъ ужасномъ состояніи былъ Петербургъ 8 Апрѣля, когда никто не зналъ, откуда выстрѣлъ и кто преступникъ. И тоже двигались и шумѣли массы, толкуя о виновныхъ. Ожидали страшной рѣзни.

Пребываніе Государя довольно уединенно и мало или ни сколько не измѣняетъ обычной Московской жизни. Рескриптъ 13 Мая коментируется въ министерскихъ циркулярахъ, которые впрочемъ удостовѣряютъ, что выраженныя въ рескриптѣ начàла всегда были исходными пунктами всѣхъ министерскихъ распоряженій. Это особенно рѣзко выражено м. в. д. (Валуевымъ). Что-то скажетъ министръ просвѣщенія, который ѣдетъ сюда, чтобы познакомиться съ Московскимъ ученымъ міромъ, обвиняемымъ въ Петербургѣ особенно въ нигилистическихъ тенденціяхъ. Говорятъ, будто корифеи наши, профессоры Чичеринъ и Дмитріевъ, оставляютъ университетъ. Но нигилизмъ гнѣздится не въ университетѣ, а въ

среднихъ мужскихъ и женскихъ заведеніяхъ. О реакціи и не слышно; правда, запрещены журналы*), но назначенъ Грейгъ. О Каракозовѣ извѣстія самыя противорѣчивыя. Говорятъ, что раскрыты сообщники: учитель Худяковъ и бывшій студентъ Макавѣевъ (Московскіе). Говорятъ, что Каракозовъ сознался: Теперь, когда открыты мои сообщники, я скажу всю правду. Да, заговоръ былъ, и жребій выпалъ мнѣ исполнить злой умыселъ. Я рѣшился исполнить, но вынувъ пулю. Вынулъ пулю слѣсарь, которому я торопливо успѣлъ сказать: выньте пулю, пятьдесятъ рублей. Вошли наблюдавшіе за мною Худяковъ и Макавѣевъ. „Удостовѣрьтесь, хорошо-ли заряженъ пистолетъ", сказалъ я при нихъ слѣсарю, и онъ понялъ дѣло. Я стрѣлялъ холостымъ зарядомъ". Говорятъ, будто указанный слѣсарь подтвердилъ показаніе, пояснивъ, что онъ предполагалъ, что дѣло идетъ о частной дуели. Москва умѣетъ выдумывать и глупѣе этого.

Я едва могъ дочитать вторую часть исторіи Юлія Цезаря, Наполеона III-го. Она написана гораздо хуже первой, начатой вѣроятно еще въ Арговіи или Аугсбургѣ. Скучнѣйшія описанія Галльскихъ народцовъ, мельчайшія подробности, утомляющія своею незначительностію. Никакой художественности въ изложеніи и слогѣ, смѣшеніе разсказа съ изслѣдованіемъ. Повторенія, обличающія работу урывками (Сравни напр. стр. 154 и 394, стр. 207 пораженіе Сабина и Котты разсказано два раза). Судя по такой работѣ, я сомнѣваюсь, чтобы поспѣлъ III-й томъ. Развѣ напишетъ другая рука. Нелишены интереса намеки на современное состояніе Франціи. Нѣкоторыя страницы (въ концѣ книги) читаются съ удовольствіемъ.

Многіе, люди серьезные, ожидаютъ реакціи. Самое назначеніе Грейга объясняютъ перемѣною системы. Грейгъ въ Августѣ будетъ министромъ. Онъ беретъ себѣ въ товарищи оратора гр. Петра Шувалова. Мѣсто Грота займетъ подобный родичъ. Лобанова-Ростовскаго (Константинопольскаго) готовятъ смѣнить Валуева. Гр. Гейденъ командующимъ Варшавскимъ округомъ съ управленіемъ гражданскою частію, которая въ высшихъ инстанціяхъ сливается съ министерствами имперіи. Реакція? Но какая же реакція при свободѣ печати, при публичномъ судѣ и при общемъ гражданскомъ равенствѣ?

Дворянская газета „Вѣсть" семенитъ и торжествуетъ. Мнѣ прислали рѣчь Калужскаго предводителя (она будетъ напечатана), въ которой дворянству требуется первенствующее вліяніе, и управленіе Арци-

*) „Современникъ" и „Русское Слово" по докладу кн. П. П. Гагарина за вредное издавна замѣченное направленіе. Это урокъ главному управленію и министру и урокъ нашимъ законникамъ. Впрочемъ и Валуевъ, и Щербининъ переварятъ.

мовича сравнивается съ началами школы и среды, изъ которыхъ вышли изверги Каракозовы. Реакціи особенно ожидаютъ отъ гр. Толстаго, министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Синода. Онъ человѣкъ желчный, личный врагъ своего предшественника Головнина, человѣкъ самолюбивый и просвѣщенный. Онъ уже смѣнилъ (говорятъ) Новороссійскаго попечителя, Арцимовича Адама, противъ котораго Москва агитировала весьма открыто. Теперь онъ ѣдетъ въ Казань, гдѣ гнѣздится Русско-Польская эмиграція, намѣревавшаяся поднять весь этотъ полудикій Приволжскій край. Дѣло въ томъ, что реакція въ воздухѣ, и нельзя ея было не предвидѣть по всегдашнимъ и непремѣннымъ послѣдствіямъ усиленныхъ и несозрѣвшихъ преобразованій.

Іюнь. Война началась и (битва при Кёниггрецѣ), пожалуй, кончается или, пожалуй, начинается (уступка Венеціи Императору и принятіе имъ посредничества) въ новыхъ, колоссальныхъ размѣрахъ. Пруссія ведетъ дѣло мастерски, счастливо и смѣло. Разбитая на голову Австрія бросилась въ объятія всегда открытой соперницы и побѣдительницы своей—Франціи. Исключеніе Австріи изъ Германіи и обращеніе ея къ Наполеону—это уже созданіе Нѣмецкой Имперіи съ столицею въ Берлинѣ, а съ Имперіей упраздненіе второстепенныхъ державъ, сепаратизма и разрозненности Нѣмецкихъ силъ. Но допуститъ-ли это Наполеонъ, стѣсненный своею программою и имѣя въ перспективѣ такого опаснаго сосѣда? Пруссія дѣйствовала противъ Австріи совершенно въ революціонномъ духѣ, и она побѣдила консервативную Имперію; но теперь передъ нею революціонный герой. Устоитъ-ли система Бисмарка? Наполеонъ выгадываетъ, какъ ловче ударить. Онъ съ Россіей и Англіей предложитъ конгрессъ и на конгрессѣ приметъ основаніемъ уже принятыя Пруссіей начала національностей и общей подачи голосовъ. При мысли о національности онъ умолчитъ о Польшѣ, чтобы имѣть съ собою Россію. Но разъ остановя расширеніе Пруссіи, онъ возвратится къ давно заявленной мысли о передѣлкѣ карты Европы и тогда рѣшится воскресить Польскую національность. Само собою разумѣется, что прежде онъ выговоритъ округленіе границъ. Думаю я однако, что демократія вырветъ дѣло изъ рукъ дипломатіи, и демократы уже готовы стать во главѣ народныхъ партій, сила которыхъ и въ Италіи и на Балканѣ, и въ Венгріи, и въ самой Пруссіи очень чувствительна. Смѣшна была бы эта демократія, если бы пропустила такой удобный случай. Впрочемъ и путемъ парламентскимъ, при общей подачѣ голосовъ, власть поплатится своимъ могуществомъ, и поплатится гораздо поболѣе нежели въ счетахъ своихъ съ Грабовымъ и к°. Я провижу развитіе демократіи, соціализма и республики. Европа зрѣетъ для этихъ учрежденій, и мнѣ кажется самое начало національностей отодвигается на второй планъ.

Война въ полномъ развалѣ. Каткову разрѣшено продолженіе редакціи. Министръ вн. дѣлъ сдѣлалъ объ этомъ „распоряженіе". Катковъ его не напечаталъ, а напечаталъ, что оно не имѣетъ основанія. Анархія во всемъ продолжается. Менѣе опасеній за безопасность, потому что новые суды, особенно мировые судьи, представляютъ гарантіи дѣйствительныя. Разрѣшеніе Каткову дано на аудіенціи 21 Іюня въ Петровскомъ дворцѣ. Москва связываетъ это разрѣшеніе съ возможностію войны. Петербургъ не видитъ возможности воевать, и говорятъ что Дм. Милютинъ уступитъ свое мѣсто болѣе воинственному Тотлебену или Потапову.

Указъ о верховномъ судѣ надъ Каракозовымъ повторяетъ рескриптъ 13 Мая.

Война продолжается, усложняется, и перемиріе мелькаетъ, но не дается. Ходъ военныхъ дѣйствій показываетъ, какъ давно готова Пруссія и какъ мало готовы Австрія и Германія. Все ведетъ къ объединенію Нѣмецкой Имперіи, и безъ этого единства немыслимо прочное устройство. Все что̀ можно сказать о Пруссіи, это то, что она дѣйствуетъ ловко, лучше нежели ея враги, которые дѣйствуютъ непонятно дурно. Не поймешь, гдѣ Баварцы, Александръ Гессенскій, Вюртембергъ? Но ловкость Прусская обоюдно остра: перестроивая раціонально, льстя народностямъ Славянскимъ и Венгерской, Пруссія, подъ обаяніемъ военной славы, умѣла ослабить и внутри легіонъ либеральной партіи въ новомъ своемъ парламентѣ, но повторяю: ловкость эта неискренна, и гр. Висмаркъ, перемѣня аллюры, не перемѣнитъ образа дѣйствій правительства, непримиримаго съ парламентаризмомъ. А ему много пищи и опоры „съ исключеніемъ Австріи" и со всключеніемъ всѣхъ краевъ Нѣмецкихъ. И въ Германскомъ парламентѣ министръ Вильгельма I-го будетъ въ меньшинствѣ. Потомъ: объединеніе Германіи прекратитъ германизацію Славянъ и вызоветъ ихъ къ болѣе самостоятельной жизни, къ тѣмъ „правамъ и преданіямъ историческимъ", которыя обѣщаютъ имъ революціонныя Прусскія прокламаціи. Въ этой войнѣ всѣ будутъ въ потерѣ, кромѣ Нѣмецкаго народа, и особенно выиграютъ народныя демократіи. Австрійскій домъ не исчезнетъ, но ослабнетъ до незначительности второстепенныхъ державъ. Сильны и численны Австрійскіе Славяне и Венгры, но совокупность, цивилизація и территорія ихъ въ какое же можетъ идти сравненіе съ Германіей, Россіей, Франціей и Италіей? Это будетъ вторая Турція.

Есть что-то личное въ мщеніи Бисмарка Франкфурту (да и всей южной Германіи). Въ Pr. Staatsanzeiger, отъ 27 Іюля № 180 перепечатана статейка о Франкфуртѣ, какъ гнѣздѣ враговъ Пруссіи, наемныхъ демагоговъ и демократіи. Статейка дышетъ грозною ненавистью

и можетъ служить программою крайняго раззоренія, уничиженія, уничтоженія Франкфурта. Слышится злорадость надменнаго, кичащагося побѣдителя. 6 милліоновъ деньгами и 2 мил. припасами недостаточны; давай еще 52 мил. гульденовъ. Это уже не вольный городъ, а вѣроятно завоеваніе въ распоряженіи побѣдителя. Да, но зазнавшійся и заносящійся мститель подобными дѣйствіями и подобными неприличными полемиками возстановитъ противъ себя всю демократію, которая очень многочисленна въ Германіи и особенно въ сѣверной, и возбудитъ журналистику, которая есть сила и сила мощная. Грустно смотрѣть на такія крайнія событія, но надобно отдать все таки справедливость Пруссіи: она дѣйствуетъ превосходно, говоритъ твердо и казнитъ немилосердно. Она истощитъ южную Германію до нельзя.

Нынѣшняя поѣздка въ деревню (21 Іюля—28 Августа) не удалась совершенно. Во-первыхъ, скучный и непріятный заѣздъ въ сторону къ имянинницѣ (22 Іюля), свиданіе въ Тулѣ (22), кончившееся разочарованіемъ, а въ третьихъ (и это самое главное) болѣзнь дѣтей, коклюшъ, испортили все время, предназначенное для отдыха. Деревня въ 40 верстахъ отъ города, и поѣздка туда, и пребываніе тамъ (съ 14 по 18-е) наскучили и изнурили меня до крайности. Тяжелымъ камнемъ легла и лежитъ болѣзнь дѣтей, особенно Наташи. Она довела ее до крайней слабости, и нельзя было смотрѣть на этого умнаго, прекраснаго и кроткаго ребенка безъ терзанія сердца и глубокаго удрученія отъ безпомощности, въ которой оставляетъ медицина дѣтей въ коклюшѣ.

Деревня постепенно падаетъ и распадается. Все ловитъ сорвать что-нибудь и уйти куда нибудь. Братъ устарѣлъ и приходитъ въ дѣтство. Приходилось ѣсть однѣхъ цыплятъ; доходило, что не было бѣлаго хлѣба. Отъ частныхъ переѣздовъ, съ подставами, лошади измучились. Все несла и несетъ на своихъ могучихъ плечахъ мать. Не знаешь, гдѣ беретъ силъ эта больная женщина. Я оставилъ ихъ 28 и пріѣхалъ въ Москву 30 Августа.

Пріѣздъ Американцевъ, смерть гр. Муравьева и казнь Каракозова, вотъ чѣмъ заняты Москва и цѣлая Россія. Второй секретарь Морскаго Министерства Фоксъ привезъ резолюцію Вашингтонскаго конгресса, выражающую радость и сочувствіе Соединеныхъ Штатовъ по поводу неудавшагося покушенія 4 Апрѣля. Честь большая—подобное заявленіе цѣлаго конгресса. Дѣло небывалое и неслыханное. За то уже и чествовали Американцевъ въ Петербургѣ, Твери, Нижнемъ, Костромѣ и опять въ Петербургѣ. Рѣчей было такъ много и въ нихъ такъ много выражалось упрековъ и вызововъ западной Европѣ, что правительство сочло нужнымъ устами вице-канцлера, на обѣдѣ въ Англійскомъ клубѣ, смягчить силу впечатлѣнія этихъ заявленій и увѣрить, что въ сближеніи

великой республики и великой имперіи не представляется ничего угрожающаго.

Смерть Муравьева приписываетъ Москва отравѣ. Онъ 70 лѣтъ, былъ боленъ, могъ умереть и безъ отравы. Смерть его важна въ томъ отношеніи, что съ отходомъ старыхъ людей (консерваторовъ) напоръ новыхъ, незрѣлыхъ порядковъ будетъ усиливаться, и отрезвленіе сдѣлается совсѣмъ невозможнымъ. Муравьевъ Польскими дѣлами возведенъ былъ на пьедесталъ народнаго министра, и поэтому и по колоссальнымъ своимъ способностямъ, характеру и опыту имѣлъ значеніе силы, могущества, авторитета, передъ которымъ умолкали всѣ представители крайнихъ направленій. Въ этомъ отношеніи онъ незамѣнимъ. Миръ праху твоему, неутомимый сокрушитель Польской справы.

Процессъ Каракозова идетъ какъ-то загадочно. Сперва не было ничего неизвѣстно, потомъ показалась статейка въ „Сѣверной Почтѣ“, слагавшая всю вину на нигилистовъ-студентовъ и гимназистовъ, наконецъ явился и приговоръ. Ничего не поймешь въ этихъ мелочахъ, сопоставляя ихъ съ громадными опасностями, о которыхъ говорится и въ рескриптѣ 13 Мая, и въ указѣ объ учрежденіи верховнаго суда. Все дѣло ведено очень неопытною рукою, и довѣріе общества все болѣе подмывается. Прибавьте къ этому умноженіе преступленій и бунты Поляковъ въ Сибири и (тоже Поляковъ) на Кавказѣ. Глазъ съ удовольствіемъ останавливается на начаткахъ судебной реформы.

Кромѣ текущихъ газетъ, исполненныхъ такого живаго интереса, я успѣлъ прочесть въ деревнѣ: 1-е, Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident Мюнхенскаго ученаго Д. А. Pichler-a. Два толстые тома, Мюнхенъ 1865—1866 г. Это трудъ обширный, по возможности безпристрастный и самъ по себѣ, и по настоящимъ обстоятельствамъ весьма важный. Какъ много было попытокъ къ соединенію и какъ близко были приглашенія, но все обрушилось „догматомъ“ о главенствѣ папы „въ Римскомъ смыслѣ“. Мнѣ кажется Галликанская церковь могла бы возбудить попытки о соединеніи въ томъ видѣ, какъ Сорбонна предлагала Петру Великому, особенно въ настоящее время, когда самое существованіе папскаго властительства подвергается колебаніямъ и сомнѣнію. Жаль, что Пихлеръ мало знакомъ съ нашею богословскою литературою и пробавляется часто Гагаринымъ, Головинымъ, Петр. Долгорукимъ и под.

Обнародованы приговоры верховнаго уголовнаго суда 31 Августа, о Каракозовѣ, а 8-го Сентября о Кобылинѣ, оговоренномъ Каракозовымъ. Остаются тайныя общества. Такъ наши государственные мудрецы удовлетворяютъ напряженнымъ требованіямъ общества черезъ часъ по ложкѣ. Вотъ тебѣ виновный въ покушеніи одинъ школьникъ,

и черезъ недѣлю — вотъ тебѣ сообщникъ этого школьника, лекарь Кобылинъ, но онъ ни въ чемъ невиненъ. А по существу дѣла, о средѣ, изъ которой вышелъ Каракозовъ, погоди. Много-ли, долго-ли, неизвѣстно, какъ разсудятъ наши мудрецы. Одиночность Каракозова поразительна. Какую цѣль могъ имѣть недоучившійся школьникъ, покушаясь на жизнь Государя? Какъ рѣшился судъ отдѣлить сужденіе о немъ отъ прочихъ, отъ главныхъ основаній дѣла? Почему отдѣлено производство о сообщникѣ имъ оговоренномъ, Кобылинѣ? И что за безграмотные приговоры! Кто это такіе: кн. Гагаринъ, гр. Панинъ, Метлинъ? Въ Москвѣ общій говоръ, что дѣлу дали такой ходъ, чтобы маскировать его важность и особенно, чтобы выгородить Великаго Князя Константина, который оставилъ Петербургъ и гуляетъ по Черному морю. Я увѣренъ, что здѣсь играетъ роль болѣе неразуміе, нежели умыселъ, болѣе оплошная небрежность, нежели какая нибудь цѣль. Я убѣжденъ, что Каракозовъ былъ членъ секретной организаціи, гдѣ преобладающее вліяніе было Польское. Впечатлѣніе этихъ публикацій очень тяжело, потому что изъ нихъ не узнаешь ничего опредѣлительнаго, и по прочтеніи невольно спрашиваешь: да что же это такое?

Всѣ газеты наполнены церемоніалами встрѣчи принцессы Дагмары Датской. Приготовленія огромныя, массы кораблей, войска и двора, больше цѣлой Даніи. Прекрасная Сѣверная Царевна, невѣста царственнаго покойника, будетъ подавлена впечатлѣніями, воспоминаніями и трепетнымъ ожиданіемъ. Подъ какою звѣздою родилась Скандинавская красавица? Что ожидаетъ ее въ будущемъ? Потерявъ одного жениха, она перенесла чувства свои на другого, брата и преемника прежняго.... Нынѣшній наслѣдникъ обѣщалъ и обѣщаетъ гораздо менѣе своего брата. Онъ, по увѣренію гр. Сергѣя Строганова, получилъ небрежное воспитаніе и очень плохое образованіе. Въ 20 лѣтъ возраста вздумали это поправить и набрали профессоровъ. Едва начали они заниматься, понадобилось ему ѣхать въ Копенгагенъ, свататься. Едва по возвращеніи, снова начались лекціи, понадобилось практически изучать Россію, и молодой человѣкъ отъ овація къ овація побывалъ по Волжскимъ городамъ до Казани и долженъ былъ воротиться въ Москву, къ манёврамъ, и въ Петербургъ, чтобы встрѣтить невѣсту. Теперь вѣроятно встрѣчи эти совершились со всею императорскою пышностію. А между тѣмъ во всѣхъ магазинахъ, въ 50-ти различныхъ позахъ, разсыпаны большіе и малые портреты принцессы, присланные изъ Даніи (Петерсена) и Петербурга.

Вотъ и новый приговоръ верховнаго суда о 34 подсудимыхъ, Ишутинѣ, Ермоловѣ, Худяковѣ и др. И опять ничего понять нельзя: такъ отрывочно изложеніе, такъ ничтожны личности и такъ произвольны

наказанія. Можетъ-ли быть, чтобы эти студенты университета и Петровской Академіи, несовершеннолѣтніе дворяне и церковники, чтобы школьники эти стояли во главѣ переворота и чтобы даже эти школьники приступили къ исполненію своихъ замысловъ, выраженныхъ такъ неопредѣленно, теоретически и безъ приготовительныхъ мѣръ и назначеній? Могли они быть наэлектризированы, чтобы безпокоить и пугать общественное мнѣніе и спокойствіе, да, но участниками они быть не могли: они, безъ имени и положенія, могли компрометтировать самый переворотъ, если бы онъ удался. Они могли играть въ реформаторы и заговорщики; серьезно приступить къ перевороту они не могли и не имѣли никакихъ средствъ. Каракозовъ очевидно изъ ихъ среды, но онъ рѣшился на покушеніе не въ слѣдствіе ихъ рѣшенія (это видно и изъ ихъ показаній), а развѣ по подговору нетерпѣливаго распорядителя въ Петербургѣ. Вотъ этого распорядителя-то не видно.

Какъ въ обществѣ (даже въ лучшихъ кругахъ), такъ и въ печати (даже въ лучшихъ ея органахъ) выраженіе мнѣній, порицаній и восхваленій выходитъ изъ всякихъ предѣловъ. Я приписывалъ и приписываю это крутымъ, радикальнымъ реформамъ, предпринятымъ безъ постепенности и хорошей подготовки. Не говоря о крестьянскомъ освобожденіи, въ которомъ интересы двухъ сторонъ противустали враждебно и имѣли огромное вліяніе на соціальныя, семейныя и личныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, я долженъ однако сказать, что противоборство это начинаетъ примиряться и сглаживаться, хотя послѣдствія для настоящаго поколѣнія останутся неизгладимыми. Я особенно долженъ указать на столкновеніе судебной реформы со старыми порядками. Подготовкою къ судебной реформѣ были двѣ мѣры: 1, Правила 11 Октября 1865 г. и 2, Свобода печати. Правила 11 Октября дѣйствуютъ недавно; свобода печати, хотя дѣйствительно узаконена въ Сентябрѣ 1865 г., но она существуетъ съ 1856 и постепенно усиливалась сама собою, слабостію высшей власти и бездѣйствіемъ оробѣвшей и напуганной администраціи. Но вліяніе печати въ Россіи едва только водворяется и до сихъ поръ очень ограничено. Движенія у насъ много, но двинуть массу народонаселенія такой Имперіи есть задача сверхъ силъ человѣческихъ. Тѣмъ не менѣе въ частныхъ кружкахъ и высшаго общества безпрестанно слышишь жалобы на новый порядокъ, вызываемыя старыми привычками. Общее неудовольствіе на безапелляціонность мировыхъ судей. Здѣсь княгиня Софья Долгорукая ропщетъ на вызовъ ея, какъ свидѣтеля, по требованію модистки, въ ряды мужиковъ и салопницъ, съ продержаніемъ $2^1/_2$ часовъ при разбирательствѣ не касающихся ея разныхъ дѣлъ довольно грязнаго содержанія. Тамъ прокуроръ находитъ, что частный, полковникъ Дренякинъ, разбиравшій,

въ присутствіи части, претензію извощика и оскорбленный отвѣтчикомъ, былъ оскорбленъ не какъ чиновникъ, а какъ частное лицо, ибо претензіи принадлежатъ мировому вѣдомству. А вотъ генералъ Загорянскій претендуетъ на судебнаго слѣдователя за неуваженіе его генеральскаго чина. Докторъ Лавровскій вызванъ съ женою и, кажется, съ дочерью по жалобѣ кучера-солдата, не имѣвшей никакого основанія. Претензій много, но онѣ улягутся и отъ публичнаго суда, и отъ свободы печати надобно ожидать (и не въ дальнемъ будущемъ) самаго дѣйствительнаго вліянія на очищеніе и облагороженіе нашей частной и уличной жизни, въ которой, надобно сознаться, много безпорядковъ и грязи. Особенно сильно ропщутъ на новые суды мои почтенные сослуживцы генералы, сенаторы, чаящіе, при напорѣ новыхъ волнъ, увольненія съ пенсіей. Они кричатъ и кричатъ громко, такъ что начали ходить даже учащенные слухи объ ограниченіи демократическаго направленія судебныхъ новыхъ учрежденій подчиненіемъ ихъ исполнительной власти въ видѣ временной пріостановки рѣшеній, впредъ до пересмотра въ высшей инстанціи. Мудренаго ничего нѣтъ; пожалуй, и ограничатъ. По моему мнѣнію главный недостатокъ заключается въ томъ, что личный составъ, особенно прокурорскаго надзора, слишкомъ молодъ. Молодежь щеголяетъ новизною и тщеславится превосходствомъ своего положенія, раздражая тѣмъ приниженные старые порядки и не внушая общаго довѣрія къ порядкамъ возникающимъ.

Торжествамъ въ Пруссіи нѣтъ конца. Блестящая кампанія имѣла колоссальные результаты и идетъ какъ по маслу. Нѣмецкая имперія, Нѣмецкое могущество слагается само собою, быстро и крѣпко. Но все это до поры и до времени. Пруссія, знавшая внутреннія и финансовыя затрудненія Россіи и Франціи, дозволяла себѣ дѣйствовать per fas et nefas. Она измѣнила карту Европы, безъ всякихъ переговоровъ съ Европою, признавъ упраздненіе и преобразованіе Германскаго Союза дѣломъ Нѣмецкимъ, предметомъ домашнимъ, внутреннимъ. Международное право игнорировано. Ручательства Вѣнскихъ трактатовъ устранены самовластно. Конечно, сильное нынѣ начало національностей много измѣняетъ дѣйствующія начала международнаго права; но начало народностей, доведенное до логической послѣдовательности, требуетъ распаденія Австріи и Турціи и возстановленія Польши. Оправившись и собравшись духомъ, Наполеонъ и Россія не допустятъ, чтобы карта Европы измѣнялась одностороннимъ образомъ, или допустятъ?

Въ виду уже имѣется протестъ Ганноверскаго короля. Протестовалъ и Франкфуртъ. Что отвѣтятъ подписавшія и ручавшіяся державы? Надобно замѣтить и то, что нынче время вовсе не законности и права, а силы и успѣха. Противодѣйствіе Пруссіи чрезвычайно усилитъ ее

въ Германіи. Нѣмцы соединятся всѣ и плотно примкнутъ къ Пруссіи. Уже и теперь голоса въ Штутгардтѣ и Мюнхенѣ требуютъ по крайней мѣрѣ военной конвенціи. Единство образовалось. Оно увлечетъ дальше, и независимость Нѣмецкихъ королевствъ будетъ скоро мнимая. Противодѣйствіе Пруссіи не поможетъ Ганноверу, но повредитъ и Саксоніи, и Дармштату, и Баваріи, и Вюртембергу. Разумѣется, Германіи противъ Франціи и Россіи не устоять; но разумѣется и то, что и этимъ державамъ единства Германіи не разрушить. Оно готово было завершиться и безъ Бисмарка. Бисмаркъ зорко прозрѣлъ это и счастливо воспользовался. Опасность Пруссіи въ развитіи демократіи и соціализма.

22 Сентября статсъ-секретарь Гагемейстеръ писалъ мнѣ, что перенесенное въ судебную палату дѣло Жуковскаго и Пыпина „Вопросъ молодому поколѣнію“, *условлено* разрѣшить въ видахъ министерства. Я не повѣрилъ, я не желалъ вѣрить. Сейчасъ получилъ „Судебный Вѣстникъ“, гдѣ описано засѣданіе Палаты 4 Октября и условленное рѣшеніе Палаты, которая, основываясь на 1040 ст. Уложенія, осуждаетъ обоихъ къ аресту на 3 недѣли и къ штрафу въ 100 р., находя ихъ виновными въ противной благопристойности брани относительно лицъ дворянскаго сословія. Замѣчательное рѣшеніе! Во первыхъ, ихъ никто въ этомъ не обвинялъ; во вторыхъ, прокуроръ штрафа не требовалъ, и судъ его не опредѣлялъ. По протесту наказаніе усилено, но протестъ объ этомъ не просилъ. Въ третьихъ, какая же это неблагопристойная брань? Очевидно, что рѣшеніе условлено, и рѣшеніе неправильно. Московскій прокуроръ Ланге перемѣщенъ. Перемѣщенъ и г. Панафидинъ, признавшій статью неоскорбительною. Остается обратиться къ кассаціи, и департаментъ вѣроятно напутаетъ не менѣе. Я прямо бы кассировалъ, объяснивъ, что здѣсь не непристойная брань, а просто опозореніе дворянскаго сословія. Впрочемъ текста приговора палаты еще нѣтъ. Посмотримъ текстъ.

Я прочелъ и вторую часть Гизо: Méditations sur l'état actuel de la religion chrétienne (слѣдовало бы прибавить en France). Вторая часть лучше первой, ибо содержитъ много историческаго и личнаго, но слаба, жидка и поверхностна. Оптимистъ довѣряетъ болѣе своимъ старческимъ надеждамъ, нежели осторожной оцѣнкѣ фактовъ и болѣе чувствуетъ, нежели убѣждаетъ. Начавъ съ конкордата Наполеона и „Генія Христіанства“ Шатобріана, онъ довольно увлекательно разсказываетъ попытки Ламене и Монталамбера и довольно неожиданно переходитъ къ протестантской церкви въ католическомъ королевствѣ, которой онъ приписываетъ непомѣрное съ ея числительностію вліяніе, и представителей которой онъ превозноситъ до почестей апостольскихъ. За этою главою (le réveil chretien en France), лучшею и главною во

всей книгѣ, слѣдуютъ шесть главъ о разныхъ системахъ; отъ *спиритуализма*, основаннаго будто Ройе-Коляромъ, *раціонализма*, измельчившаго возвышенныя чувства человѣка, *позитивизма*, основаннаго полусумашедшимъ Огюстъ-Контомъ, *пантеизма*, выразившагося въ Спинозѣ и Гегелѣ, *матеріализма*, въ которомъ онъ замѣчаетъ съ Ремюза какую-то заманчивость и для котораго главнымъ судьею выставляется Damiron: Mémoires pour servir à l'histoire de la philosophie au XVIII siécle, и наконецъ до *скептицизма*, гдѣ опять восхваляется Ройе-Коляръ. Всѣ эти критическія обозрѣнія очень коротки и большою частію содержатъ выписки и выдержки. Послѣдняя глава l'impiété, l'insouciance et la perplexité написана съ чувствомъ, но она противорѣчитъ надеждамъ первой главы. Неудача „Размышленій" Гизо происходитъ отъ того, что онъ самъ, какъ протестантъ, видитъ въ вѣрѣ или церкви или пищу человѣческаго ума, т. е. науку, или орудіе порядка, т. е. политику. Но книга читается легко и читается даже дамами.

Вотъ и у насъ возникаютъ процессы печати. Пыпина и Жуковскаго еще не кончился; Каткова еще не начался. Министръ требуетъ подвергнуть его отвѣтственности за напечатаніе сдѣланнаго предостереженія (въ Апрѣлѣ), а окружный прокуроръ, даровитый Ланге, потребовалъ высочайшаго повелѣнія, которымъ прежней редакціи дозволено продолжать изданіе вѣдомостей. Прокуроръ перемѣщенъ въ члены Палаты. Предсѣдатель (по дѣлу Жуковскаго) Панафидинъ тоже перемѣщенъ въ члены палаты. Теперь преданы суду издатель „Архива" Бартеневъ за названіе Дибича „всемогущимъ", и Дмитрій Писаревъ за матеріализмъ. Эта гласность преній, эти столкновенія болѣе вредятъ дѣлу и расшатываютъ власти, нежели приносятъ пользу печати и порядку. И на Западѣ, гдѣ есть единство министерства и въ судахъ преобладаетъ начало законности и охраненія, преслѣдованіе печати имѣетъ тысячи неудобствъ. У насъ эти тысячи усугубляются. Министръ съ другимъ министромъ не сходятся въ воззрѣніяхъ. Прокурорскій надзоръ и суды любятъ популярничать и либеральничать. Печать, выражая невольную и необходимую реакцію старымъ порядкамъ, закусила удила. Еще съ 1862 г. я говорилъ и писалъ министру Валуеву, что при двойственности министерскаго завѣдыванія, судебное преслѣдованіе не можетъ быть достаточнымъ огражденіемъ устава о печати. Она должна имѣть свой трибуналъ, въ которомъ вѣрнѣе были бы обезпечены интересы общества и правительства и интересы литературы и литераторовъ. „Совѣтъ по дѣламъ печати", составленный изъ членовъ отъ правительства, изъ членовъ отъ академій и университетовъ и изъ членовъ отъ журналистовъ, типографщиковъ и книгопродавцевъ, соединялъ бы въ себѣ, не завися отъ министра, лучшія гарантіи, нежели допускаемый нынѣ порядокъ преслѣдованія и отвѣтственности.

Управляющій межевымъ департаментомъ, приготовляя представленіе о межевой реформѣ, обратился ко мнѣ съ просьбою о сообщеніи ему моихъ соображеній и замѣчаній. Я послалъ ему сегодня краткія замѣчанія. Генералъ Гедеоновъ предполагаетъ значительно увеличить и расширить составъ межеваго управленія, учредя во всѣхъ губерніяхъ межевыя палаты, предоставя этому вѣдомству часть судебной власти и т. п. Я увѣдомилъ его, что по моему мнѣнію съ межевыми учрежденіями, какъ съ старыми судебными учрежденіями, слѣдуетъ поступить на общемъ основаніи: постепенно сокращать и наконецъ упразднить. За межевою частію остается только: приготовленіе экспертовъ или землемѣровъ и храненіе межевыхъ документовъ. Приготовленіе экспертовъ потребуетъ 2 или 3-хъ класснаго заведенія собственно и спеціально для образованія землемѣровъ, а вовсе не ученыхъ инженеровъ и астрономовъ, а межевые документы, какъ юридическіе акты, должны быть распредѣлены по окружнымъ судамъ, при которыхъ должны состоять 2 или 3 хранителя изъ землемѣровъ. Нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ нѣтъ межеваго управленія; у насъ оно выродилось изъ другаго института и развилось до размѣровъ отдѣльнаго, обширнаго министерства. Виною этого увлеченіе и кредитъ покойнаго М. Н. (графа) Муравьева. Принявъ межевую часть довольно въ скромномъ видѣ послѣ сенатора Пейкера, Муравьевъ увеличилъ ея составъ учрежденіемъ военнаго межеваго корпуса, и ввелъ разнообразныя занятія, вовсе къ землемѣрному дѣлу не относящіяся. Тогда межеванье и землемѣры въ губерніяхъ были въ самомъ жалкомъ положеніи; межевые офицеры занимались интегралами, астрономіей, дѣлали военныя съемки, опредѣляли широту мѣстностей и составляли стратегическіе атласы. Я рѣдко кого видѣлъ, кто бы такъ увлекался въ управленіи, какъ этотъ могущественный практическій умъ, видѣвшій въ дѣловой дѣятельности лучшее наслажденіе и въ своеобразныхъ реформахъ своего рода поэзію. Я не знаю, какъ взглянуть выше на межевое преобразованіе. Я совершенно убѣжденъ, что оно вышло изъ предѣловъ своего назначенія и самую собственно-межевую свою дѣятельность получало отъ суетливаго правительственнаго вмѣшательства, которому пора бы немножко и пріостановиться. Землемѣры наши только плодили кляузы и тяжбы и дѣлали это и путали земледѣліе явно въ корыстныхъ видахъ. Надобно надѣяться, что публичный судъ положитъ этому конецъ.

Увольненіе генерала Кауфмана надѣлало много шуму и толковъ. Выборъ преемника ему въ лицѣ графа Эдуарда Баранова никѣмъ не одобряется. Оффиціальныя газеты сочли долгомъ сдѣлать оговорку объ этомъ увольненіи, имѣя въ виду намѣстничество въ Галиціи Галицкаго Велепольскаго, т. е. гр. Голуховскаго. Газеты прямо заявляютъ, что си-

стема политики и управленія нисколько не измѣняется. Я нахожу главный недостатокъ именно въ этой системѣ. Муравьевъ усмирилъ крамолу исключительными и суровыми мѣрами. Эта исключительность и суровость (несправедливость) продолжаются, вотъ и вся система. Никакой прямой, ведущей къ цѣли мѣры не предпринято для сближенія, отожествленія края.

Двѣ особенно мѣры предложилъ бы я правительству: основаніе Русскаго университета (но совершенно Русскаго) и введеніе судебной реформы. Это такъ бы развило Русскую рѣчь, что скоро Польскіе звуки слышны были бы развѣ только въ семейномъ кружкѣ. Второстепенныя мѣры: казенныя безплатныя школы, православіе, какъ непремѣнное условіе государственной службы и улучшеніе служащаго (и духовнаго) класса. Да предложилъ бы я еще: болѣе справедливое, не такъ безцеремонное обращеніе съ людьми и собственностію. Принудительная продажа и поощрительная покупка имѣній есть мѣра революціонная, диктаторская. Она раззоритъ, не привлеча ни новыхъ людей, ни капиталовъ. Правительство наше всегда отличалось непослѣдовательностію. За что̀ уволенъ Кауфманъ? Какая инструкція дана гр. Баранову? Какъ измѣняются Ост-зейскіе порядки? На долго-ли удержатся новые правители? Едвали. Радикально-реформаторское время стираетъ людей скоро. Если справедливо, что увольненіемъ Кауфмана начинается реакція и что, напуганный Апрѣльскими заговорщиками, дѣйствія и распространеніе которыхъ Муравьевъ представилъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, Государь непрочь ограничить свободу и цензуры, и суда: то конечно трудно и держаться людямъ и порядкамъ.

Между тѣмъ какъ Московскія дамы возбуждаютъ вопросъ о торжественномъ выраженіи своего Русскаго сочувствія Славянамъ, а Чижовъ, Аксаковъ и купечество думаютъ основать большую газету „Москва“ для служенія ихъ же дѣлу, изъ Петербурга приходятъ совершенно другія вѣсти: тамъ, говорятъ, Польская партія поднимаетъ голову, это первое; а министръ финансовъ требуетъ огромнаго сокращенія государственныхъ расходовъ и непремѣннаго уравновѣсія ихъ съ доходами. По одному Морскому Министерству сокращеніе простирается до 5 милліоновъ, по военному до 14 (?), по управленію финансовому до 2 и Государственныхъ Имуществъ до $1^1/_2$, и проч. Хотятъ приступить къ образованію запаснаго военнаго капитала. Лучшая изъ послѣднихъ мѣръ, это—прекращеніе заказовъ за границей и исполненіе этихъ заказовъ внутри имперіи, хотя бы по возвышеннымъ цѣнамъ. Это конечно увеличитъ нашу производительность и промыслы, но не вздорожитъ-ли операціи? Рельсы и подвижной составъ изъ нашихъ матеріаловъ ускорятъ ли устройство желѣзныхъ дорогъ? Сомнѣваюсь.

Я прочелъ два сочиненія о Датской королевѣ Каролинѣ-Матильдѣ, сосланной въ Целль (Celle) за нарушеніе брачнаго союза съ королемъ Христіаномъ VII, и окончательно убѣждаюсь, что она виновата. Предполагаютъ, что король желалъ развода, а дамская партія—высылки Англичанки, внушили Струензе, за сохраненіе жизни, вмѣшать королеву; а королевѣ обѣщали, за подтвержденіе показанія Струензе, уменьшить наказаніе любимому ею графу. Здѣсь должно замѣтить: 1, Оговорилъ королеву не Струензе, а ея собственныя фрейлины, камеръюнгферы и лакеи. 2, Сколько нужно подлости оговорить невинную женщину, да и королеву, и какъ легко доказать несостоятельность такого обвиненія. 3, Обманутый въ обѣщаніи, развѣ Струензе не протестовалъ бы противъ собственнаго, ложнаго, вынужденнаго обвиненія? 4, И при виновности королевы, только страстная, слѣпая и безграничная любовь могла заставить женщину сознаться въ своемъ увлеченіи, но при невинности, ни для какой цѣли королева-женщина не могла рѣшиться жертвовать самымъ драгоцѣннымъ достояніемъ для смягченія наказанія не мужу и не сыну, а постороннему человѣку. Чего достигли и тотъ, и другой, налгавши на себя и другъ на друга? И почему королева не огласила свою невинность, живя на свободѣ въ Целле и интригуя съ Шлезвигъ-Голштинскою партіею, при помощи Англичанъ, чтобы снова достигнуть Датскаго престола? Письмо въ газетахъ, появившееся послѣ ея смерти, ничего не доказываетъ, точно такъ же какъ и слова, сказанныя пастору передъ смертію. Мы знаемъ ихъ не отъ самаго пастора, а отъ пріятеля, записавшаго сообщеніе пастора два года послѣ событія. И Каролину, королеву Англійскую, можно считать невиновною? Но факты говорятъ яснѣе предположеній. Обвиняли Марію-Аннтоанетъ, но фактовъ не нашлось, и до сихъ поръ обвиненіе не подтвердилось, и несчастная мученица прибавляетъ къ своему вѣнцу и торжество честной жизни. Процессъ Королины-Матильды, обвинительные акты и допросы оригинальны до смѣшного. И въ прелюбодѣяніи они видятъ—crimen laisai majestatis.

Жена занемогла опасно. Она желаетъ отслужить молебенъ и причаститься. И причаститься? Вотъ и молебенъ былъ, и причастилась. Кажется, смотритъ поясняѣе. Не скажу, чтобы это озабоченное состояніе поглощало меня. Я много читаю и занимаюсь дѣлами (болѣе нужно въ этомъ, такъ дурно организованномъ, Сенатѣ), но меня это изнуряетъ, разслабляетъ и умаляетъ. Я это чувствую и вижу.

„Взглядъ на мою жизнь“, Записки д. т. с. Ив. Ив. Дмитріева, изданныя его племянникомъ Мих. Дмитріевымъ“. Онъ родился въ 1760 г. и скончался въ 1837 г. Онъ былъ сержантомъ, капитаномъ гвардіи, товарищемъ министра удѣловъ, оберъ-прокуроромъ, сенато-

ромъ и наконецъ министромъ юстиціи. Но прежде всего онъ былъ Гораціанскимъ поэтомъ съ самаго дѣтства до старости. Онъ умеръ 77 лѣтъ. Онъ любилъ природу, виды, цвѣты и деревья. Онъ постоянно стремился къ покою, независимости и вольному труду. Въ любимомъ уединеніи своемъ, изъ садовой бесѣдки, изъ прогулки окрестной онъ выставлялъ на свѣтъ поэтическія картинки, превосходной отдѣлки, полныя наблюдательности и большею частію съ преобладающимъ направленіемъ сарказма и сатиры. Другъ и ученикъ Карамзина, онъ былъ открытымъ его почитателемъ; философъ, въ томъ смыслѣ, что онъ ничего не искалъ и дорожилъ своею независимостію, онъ былъ Эпикуреецъ, и съ этой холодною натурою онъ достигъ всего безъ всякихъ усилій. Онъ былъ бы еще болѣе замѣчательный писатель, съ бо́льшимъ творчествомъ нежели Жуковскій, если бы не случайность, при вступленіи на престолъ Павла I, которая поворотила его дѣятельность на служебное поприще. Какъ невинно заподозрѣнный, по ничтожному безъимянному доносу, онъ былъ арестованъ, потомъ оправданъ и по-павловски награжденъ: онъ, отставной полковникъ, назначенъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатъ, *черезъ нѣсколько дней* товарищемъ министра удѣловъ, *а мѣсяца черезъ три* оберъ-прокуроромъ Сената. Воображаю я, каковъ былъ оберъ-прокуроръ этотъ, воинъ и поэтъ тогдашняго времени канцеляризма и взяточничества! Въ Павловскую исторію узналъ его Александръ, которымъ въ послѣдствіи онъ назначенъ былъ сенаторомъ и министромъ юстиціи. Достаточно прочесть третью часть Записокъ, чтобы видѣть, какъ дѣйствовалъ министръ и какъ развязно обращались съ нимъ Сперанскіе и Молчановы. Управленіе и задача государственнаго таланта заключаются главнѣйше въ „письмоводствѣ“. Онъ удивляется обширнымъ познаніямъ въ письмоводствѣ Сперанскаго, которому подобнаго онъ видѣлъ только въ А. В. Храповицкомъ. Онъ удивлялся, какъ Сперанскій, выйдя изъ кабинета отъ доклада, присядетъ въ секретарской комнатѣ и начнетъ писать рескрипты и указы, точно онъ ихъ наизустъ зналъ прежде. Это мнѣ напоминаетъ того невзыскательнаго путешественника, въ исторіи Маколе, который, желая выставить обширность Лондона, писалъ, что куда ни взглянешь, вездѣ все домà и домà.

Записки довольно безцвѣтны для нашего времени. Онѣ бѣдны и литературными сообщеніями для лица, бывшаго другомъ лучшихъ представителей эпохи. Они еще бѣднѣе въ государственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Написаны и исправлены тщательно, но не безъ ошибокъ и обмолвокъ, впрочемъ очень неважныхъ. Есть страницы теплыя и исполненныя благородныхъ чувствъ, но вообще мало задушевности, и по краткости своей не оставляютъ глубокаго впечат-

лѣнія, не привязываютъ и не знакомятъ ни съ авторомъ, ни съ людьми, ни съ эпохой.

Къ особенностямъ нашего времени относится множество дѣлъ объ оскорбленіи служащихъ и помѣщеніи оскорбительныхъ выраженій въ бумагахъ. Щекотливость необыкновенно чувствительная, придирчивость, напоминающая лучшія времена крючковъ и приказныхъ. Здѣсь впрочемъ есть и своя хорошая сторона, и радикальность реформъ привела къ такому невоздержанію въ выраженіяхъ, что брань слышишь и въ порядочныхъ кружкахъ и въ солидныхъ органахъ печати. Пора начать умѣрять скорое слово порицанія и неучтивства. Желательно бы распространить это прещеніе и на уличныя, матершинныя изліянія, которыя такъ обыкновенны въ нашемъ простомъ народѣ. Мнѣ кажется, прогулки мировыхъ судей, съ цѣпью ихъ, по улицамъ въ городахъ и по торжищамъ въ селеніяхъ много способствовали бы облагороженію народныхъ разговоровъ. Это могло бы имѣть вліяніе и на искорененіе другаго безобразія на улицахъ и торжищахъ: пьянства, пьянства до ризъ положенія и безчувственнаго погруженія. Въ уголовныхъ дѣлахъ безпрестанно слышишь отвѣтъ подсудимаго: „не помню, не знаю какъ случилось, я былъ выпимши и пьянъ совершенно“. Къ этому явленію начинаетъ прививаться и другое, печальное: временное помраченіе разсудка. Едвали судебная медицина какой нибудь другой націи представляетъ столько случаевъ невмѣняемости дѣяній по причинѣ скоропреходящаго помѣшательства. Авось лучшая уголовная статистика новыхъ судовъ дастъ правильныя основанія и вѣрныя данныя къ изученію этого важнаго предмета.

Надо предполагать огромный запасъ ненависти къ Великому Князю Константину, чтобы объяснить тѣ слухи, разсказы и сплетни, которые ходятъ о немъ и о женѣ его въ разныхъ кружкахъ Московскихъ, и при томъ не тайкомъ, а гласно и съ какою-то злорадостію. По дѣлу Каракозова и Ишутина сенаторъ Муравьевъ, со словъ прокурора Стодольскаго (очевидца) разсказывалъ, что при передопросѣ въ верховномъ судѣ преступники прямо объявляли, что они принадлежали къ организаціи *Константиновскаго* тайнаго общества; что есть записки, въ которыхъ о замыслѣ на покушеніе 4 Апрѣля говорится: „ты знаешь, какъ это будетъ пріятно К.“ Подъ этой буквой разумѣлся Константинъ. Розсказни сенатора Казначеева о сценахъ въ Крыму, въ 1862, тоже изукрашены.

Ноябрь. Къ числу празднествъ по случаю свадьбы Наслѣдника должно отнести и поѣздку въ Москву Англійскаго и Датскаго кронпринцевъ и двухъ принцевъ Саксонскихъ. Они впрочемъ не очень интересовались старою столицею Московіи. Пріѣхавъ въ часъ 3-го,

они уѣзжаютъ сегодня, 4 Ноября, вечеромъ. На желѣзной дорогѣ они проведутъ столько же. Довольно скоренько, но довольно кавалерски. Они осмотрѣли, разумѣется, очень бѣгло, наши достопримѣчательности, пользовались большою свободою въ прогулкахъ на извозчикахъ и были у Филарета. Старецъ просилъ принца Уельскаго убѣдить *матушку* заявить сочувствіе восточнымъ христіанамъ. Принцъ отвѣчалъ, что *Англія* принимаетъ къ сердцу распространеніе христіанства повсюду. Какъ неумѣстна была просьба старика, такъ ловко данъ былъ отвѣтъ принцемъ. Генералъ-губернаторъ угощаетъ принцевъ обѣдомъ и Цыганами. Я видѣлъ ихъ у Даціаро, въ магазинѣ эстамповъ, гдѣ они выбирали виды Москвы. Всѣ они молоды, лѣтъ 20—24, немножко торопливы. Альбертъ Эдуардъ малъ ростомъ, но замѣчательно хорошъ собою. Изъ нашихъ принцевъ не было никого. Не было и Прусскаго. Добрякъ этотъ, говорятъ, очень хорошо держалъ себя въ Петербургѣ и показалъ много искательства дружбы принца Уельскаго. Говорятъ, что идетъ рѣчь о бракѣ Датскаго принца съ одною изъ Прусскихъ княженъ. Какъ ни ослабли династическія связи, но онѣ еще существуютъ и имѣютъ свое вліяніе. У насъ онѣ положительно сильны.

Опять заемъ, заемъ внѣшній „для уплаты процентовъ по внѣшнимъ займамъ“. Замѣчательно! Мы не въ состояніи платить проценты по внѣшнимъ займамъ и должны ихъ увеличивать. Заемъ, правда, небольшой, 6 мил. фунт., около 40 мил. рублей; не важность, но важно назначеніе. Я не совсѣмъ вѣрю этому назначенію, ибо, по моему убѣжденію, оно немыслимо, если не признавать ребяческими всѣ дѣйствія министра финансовъ. Оно немыслимо и по тому довѣрію, которое при этомъ займѣ оказано намъ лучшими банкирскими домами, Гоппе и Берингъ. Вѣрнѣе, что предчувствуютъ, предвидятъ возможность войны. Война дѣйствительно нужна. Упраздненіе Вѣнскихъ конгрессовъ и вообще трактатоваго права и господство началъ національностей требуютъ передѣлки Европейской карты, и едвали Наполеонъ III не рѣшилъ этого въ своемъ умѣ. Тогда нашъ заемъ найдетъ оправданіе, ибо въ случаѣ войны занимать дорого. Но все таки заемъ, и небольшая цифра его приближаетъ насъ къ двумъ милліардамъ франковъ при постоянныхъ дефицитахъ, при упадкѣ курса и при ослабѣвающей производительности.

Замѣчательно, что убѣжденіе о мотовствѣ правительства проникло и распространяется не только въ публицистикѣ, но и въ народѣ. Подати Муравьевымъ и Рейтерномъ очень возвышены. На дняхъ представлено намъ дѣло о Вятскомъ крестьянинѣ, который на сходкѣ о недоимкахъ, при разговорѣ о покушеніи 4 Апрѣля, выразился такъ: напрасно не пристрѣлили его; онъ первый мотъ, все мотовство отъ

него. Подати страшныя; прежде платили 5 или 6 рублей ассигнаціями, а теперь 3 и 4 серебромъ. Толки Москвы о роскоши и мотовствѣ правительства и особенно двора и особенно по поводу настоящихъ празднествъ общіе и громкіе. Объ этомъ говорятъ и пишутъ, кричатъ и печатаютъ. Такъ шагъ за шагомъ мы идемъ къ катастрофѣ, заключаютъ Московскіе пессимисты.

Развитіе судебной реформы идетъ своимъ порядкомъ и дѣйствуетъ хорошо; но едва ли министры понимали и предвидѣли всѣ послѣдствія независимаго суда, всю важность его, особенно посреди разныхъ управленій, избалованныхъ безотвѣтностью. Нѣкоторыя ошибки, довольно важныя (напр. прекращеніе дѣла Люминарскимъ, когда прокур. Костылевъ отказался поддерживать обвиненіе, хотя судебное изслѣдованіе было закончено и присяжные признали виновность, и второе: дѣло о ранахъ Вагонта, отъ которыхъ приключилась ему болѣзнь и смерть, прекращено за неподачею прошенія и др.) показываютъ, что личный составъ не доказываетъ ни знанія, ни еще менѣе опытности. Но это бы еще ничего. Министры не могутъ переварить независимость суда. Столкновенія безпрестанныя, особенно съ Главнымъ Управленіемъ печати. Уже оправданіе „вопроса молодаго поколѣнія“ заставило идти Министерство на сдѣлку съ Палатою. Принятіе къ своему разсмотрѣнію дѣла объ арестѣ книги профессора Сѣченова представляется явнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла управленія, а задержаніе почтовыхъ каретъ угрожало перерывомъ почтовыхъ сообщеній. Въ Москвѣ, въ слѣдственной коммисіи производилъ дѣла о нигилисткахъ стряпчій Павловскій. По ходатайству генералъ-губернатора его назначили членомъ Окружнаго Суда. Когда онъ принялъ присягу, предсѣдатель пригласилъ его принять участіе въ занятіяхъ суда; но онъ отвѣчалъ, что, будучи такъ много обязанъ его сіятельству, онъ получилъ мѣсто съ тѣмъ условіемъ, чтобы докончить дѣла о нигилисткахъ. Ему доказывали, что званіе судьи несовмѣстно ни съ какими иными занятіями. Павловскій съ особенною увѣренностію отразилъ: помилуйте, мнѣ въ такомъ смыслѣ дано и предписаніе отъ министра. Это превысило мѣру терпѣнія молодыхъ ареопагитовъ, и они рѣшились начать противъ Павловскаго дисциплинарный судъ. Я совѣтовалъ имъ воздержаться отъ этой мѣры, которая въ сущности относилась бы къ кн. Долгорукому и Замятнину, а для выясненія своего положенія въ Петербургѣ описать все какъ было и предполагалось чрезъ прокурора Палаты Ровинскаго. Надобно опасаться, чтобы эти столкновенія и заносчивость молодежи, особенно въ настоящее время послѣ рескрипта 13 Мая и положенія Комитета Министровъ 22 Іюля (о власти губернаторовъ) не привели къ какимъ-нибудь ограниченіямъ тѣхъ важныхъ ручательствъ,

на которыхъ основывалась надежда на водвореніе у насъ хорошаго, настоящаго суда.

Сегодня, 1 Декабря, празднуется юбилей Карамзина. Полезно во всѣхъ отношеніяхъ оживлять и утверждать въ сознаніи и памяти народовъ имена великихъ дѣятелей на всякомъ поприщѣ народнаго развитія. Эти праздники окрыляютъ таланты и ободряютъ общество, давая ему увѣренность въ своихъ нравственныхъ силахъ и самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ. Доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, праздновались юбилеи Данту, Шекспиру и Шиллеру, тремъ всемірнымъ великимъ поэтамъ. У насъ—Ломоносову и Карамзину. Для Россіи это дѣйствительно замѣчательные люди, особенно Ломоносовъ. Но полубоги-ли они, гиганты-ли, геніи-ли они, великіе-ли дѣятели они? Кто ихъ знаетъ? Ломоносова еще зналъ Эйлеръ. А Карамзинъ? Карамзинъ замѣчателенъ не какъ поэтъ, не какъ ученый, а какъ человѣкъ. Достаточно прочесть письма Дмитріева и Жуковскаго, всѣхъ сколько нибудь знавшихъ Карамзина, чтобы понять всю возвышенность этой прекрасной души, всю обаятельность жизни, бесѣды и чувствъ этого благороднаго человѣка. Вотъ, я думаю, въ этомъ кругу юбилей Карамзина на мѣстѣ. Но юбилей общій, Всероссійскій, едва ли не будетъ продолженіемъ „исканія именъ“, начавшагося съ свободою печати, довольно праздной, и манифестаціей Русской національности, особенно шумливо отстаивающей права свои послѣ Польскихъ происковъ и подавленія бунта.

По многимъ отзывамъ должно думать, что Карамзинъ считалъ важнымъ подвигомъ „Исторію Государства Россійскаго“. Она дѣйствительно подвигъ труда, проницательности и спеціальной учености. Русская исторія сдѣлала огромный шагъ. Литература пріобрѣла превосходный памятникъ. Но въ исторіи Соловьева еще болѣе научности, и она доведена до половины 18 стол. Такъ неужели и г. Соловьеву будетъ юбилей? Довольствоваться небольшимъ величіемъ, возводя его на степень равную истиннымъ, настоящимъ героямъ науки и поэзіи, не унижаетъ-ли достоинство великой націи и не оскорбляетъ-ли самыя благородныя личности? Шекспиры, Данты, Шиллеры,—это учителя и воспитатели человѣчества, которое имъ славно и ими гордится.

Слухи изъ Петербурга въ пользу реакціи. Замѣщеніе Милютина (энергичнаго и опредѣленнаго до рѣзкости) Дм. Набоковымъ (нерѣшительнымъ и неопредѣленнымъ) указываетъ только на то, что людей нѣтъ. Коробитъ и стираетъ ихъ тяжкое быстрыми реформами время. Реакція слышится въ просвѣщеніи и въ бюджетѣ. Въ просвѣщеніи надѣятся усилить власть попечителей и установить дисциплину въ юношествѣ. Бюджетъ хотятъ привести къ равновѣсію и отдѣлить государственный банкъ отъ Министерства Финансовъ, слишкомъ свободно

черпающаго изъ него свои ресурсы. Слышно о налогѣ съ доходовъ. Я нахожу, что склонъ, по которому мы идемъ, склонъ къ кореннымъ реформамъ, не дозволитъ ни реакціи, ни пріостановки. Надобно идти и надобно идти скоро, еще скорѣе, нежели теперь.

Прочелъ я книгу сенатора Егор. Петр. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время“. Блудова я зналъ лично и лично имѣю на него претензіи. Это былъ человѣкъ прекраснаго сердца, со свѣтлымъ взглядомъ, съ умомъ просвѣщеннымъ, но вообще человѣкъ довольно обыкновенный. Такихъ людей много. Главный его недостатокъ—это безхарактерность. Второй—это мелочность. Онъ считалъ себя стилистомъ и болѣе содержанія озабоченъ былъ редакціей или изложеніемъ закона или бумаги. Достаточно прочесть его „Мысли и замѣчанія“ въ концѣ книги Ковалевскаго, чтобы составить себѣ понятіе о гр. Блудовѣ. Тутъ желаніе оригинальничать и блеснуть тонкою мѣткостію. Онъ, какъ и Карамзинъ, имѣлъ большую преданность Государю; но у Карамзина она была смѣлая, а у Блудова благоговѣйная и какъ бы прирожденная ко всему царскому семейству. Получивъ довольно поверхностное, Французское воспитаніе, онъ довольно долго занимался пустячками въ Московскомъ Архивѣ и, пойдя потомъ по дипломатической части, пріобрѣлъ и привычки этого поприща: осторожность, взвѣшиваніе выраженій, избѣгая рѣзкости, опредѣленности и даже точности во многословіи и оговоркахъ. Онъ отличался безкорыстіемъ въ службѣ и, какъ и Дашковъ, никогда не участвовалъ ни въ какихъ компаніяхъ, гдѣ царили графы-князья Орловы, Чернышевы, Бенкендорфы, Нессельроды. Между своими собратіями онъ былъ почти ученый и дѣйствительно читалъ и зналъ много и имѣлъ огромную память. Претензіи мои, во первыхъ, за конкордатъ. Это впрочемъ претензія общая, и его порицали даже въ 1847 г., ужъ не говоря о 48 и 60 годахъ. Личная моя претензія въ томъ, что онъ не настоялъ, по моему предложенію, о введеніи Русскаго языка въ Остзейскій процессъ и отказалъ Сенату, по моему же предположенію, во введеніи въ этотъ процессъ общаго Русскаго закона объ апелляціи. Дѣло это напечатано въ I т. Сборника рѣшеній Правит. Сената (1864 г.) подъ № 686. Графъ Блудовъ конечно принадлежалъ къ исторической школѣ, и конечно не я буду порицать его за это, но мало ознакомленный съ наукою права и его философіей, онъ конечно не зналъ важности и послѣдствія государственнаго закона de non appellando Здѣсь онъ дѣйствовалъ въ сепаратисткомъ духѣ Остзейцевъ, хотя, я увѣренъ, и любя ихъ (онъ тщеславился Курляндскимъ дипломомъ на дворянство), онъ дѣйствовалъ такъ по незнанію. Другая моя личная претензія, это: Уложеніе 1845 г. Оно такъ мелочно, такъ обилуетъ казуистикой, исполнено столькихъ повтореній,

что разнообразіе въ примѣненіи статей, при всевозможныхъ стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ власти и низшаго и высшаго суда, доходило до наглаго произвола.

Я не имѣлъ ни причинъ, ни поводовъ ни любить, ни не любить гр. Блудова и думаю, что сенаторъ Ковалевскій желалъ представить извѣстный періодъ времени (своего), которое онъ и описалъ легко и занимательно, а не графа Блудова, о которомъ онъ говоритъ мало, даже слишкомъ, не находя что̀ сказать и вдаваясь (къ сожалѣнію въ самомъ текстѣ) въ критическія подробности только по случаю обвиненій, взведенныхъ на Блудова Николаемъ Тургеневымъ въ извѣстной книги его: La Russie et les Russes. За графомъ Блудовымъ я не признаю ни заслугъ, ни способностей государственныхъ, но признаю и, думаю, всѣ признаютъ за нимъ двѣ государственныя ошибки: защиту Остзейскихъ особенностей и конкордатъ 1847 г. Но (повторяю) для него исторія еще не наступила. Въ наше историческое время дѣльцы, какъ графъ Блудовъ и др., совершенно растерялись, какъ растерялись рутинные дѣльцы въ 1835 г. со введеніемъ Свода Законовъ. Я спрашивалъ Зарудnаго и Буцковскаго, какимъ образомъ могли они убѣдить графа Блудова и графа Панина подписать такія широкія общія начала судебнаго преобразованія. Они дали мнѣ изумительный отвѣтъ: „Мы объяснили имъ, что все заимствовано изъ ихъ проэктовъ и представленій, внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ“. Если это такъ, то самоуничтоженіе ихъ можно объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ гражданскаго мужества. Они не противорѣчили, не смѣли. Я очень хорошо знаю, въ чемъ заключались ихъ проэкты и представленія. Когда я предложилъ имъ, въ 1842 г., проэктъ закона о подсудности (двѣ инстанціи), они, въ присутствіи сенаторовъ Пинскаго, Данзаса, Капгера и вице-директора Рюмина, прогнали меня сквозь строй.

Между тѣмъ какъ блестящая судебная реформа развивается, а старые суды закрываются, нельзя не обратить вниманія съ грустью и опасеніемъ на состояніе дѣлъ и чиновниковъ въ этихъ старыхъ судахъ. Личный составъ уже и въ Сенатѣ никуда не годится. Но теперь начинаютъ воровать дѣла и продавать документы. Исполняется буквально мое напечатанное (какъ сенатора) мнѣніе. Но куда пойдутъ, какъ устроятся заштатные чиновники заштатной юстиціи? Грустно подумать. Въ безъисходномъ положеніи они, вся эта дрянь, находившая пріютъ только въ юстиціи, они пойдутъ воровать, грабить и разбойничать. Они же по большой части народъ пьяный, продажный и на дурныя дѣла склонный. Какъ непрактически вводится это прекрасное преобразованіе, доказываетъ существованіе въ одно время двухъ правосудій: свалка дѣлъ возами и увольненіе чиновниковъ батальонами.

Не въ одной литературѣ и журналистикѣ, столь долго и крѣпко связанныхъ, не только въ высокихъ обществахъ, приниженныхъ позднѣйшими реформами, замѣчается большое раздраженіе, запальчивость и неосторожное слово порицанія. Тоже замѣчается и въ собраніяхъ думъ, дворянства и земства, милостиво обставленныхъ свободою и самостоятельностію дѣйствій. Въ началѣ своего существованія земство задавалось большими надеждами и много обѣщало. Оно надѣялось на передачу значительныхъ капиталовъ отъ правительства, оно думало искусно обложить многодоходныя статьи производительности и торговли. Въ капиталахъ земство ошиблось, и самыя заведенія сданы ей съ большими изъянами. Законъ 21 Ноября 1866 г. ограничилъ право земскаго обложенія. Этотъ законъ вызвалъ бурю смѣлыхъ возраженій, особенно въ созванномъ нынѣ Московскомъ собраніи и преимущественно въ рѣчахъ гр. Уварова, кн. Мещерскаго, кн. Щербатова, Мусина-Пушкина и Д. Голохвастова. Эпизоды случались возмутительные. Сенаторъ Смирновъ ругалъ крестьянъ, гласный Юрій Самаринъ ругалъ дворянъ. Всѣ недовольны, взволнованы и отягощены. Нельзя ожидать предположенныхъ благодѣтельныхъ результатовъ отъ этихъ быстрыхъ и радикальныхъ переломовъ. Нельзя ихъ ожидать и потому, что всѣ эти реформы по Европейскимъ образцамъ намъ не по плечу и не по карману.

Исходитъ знаменитый 1866 годъ, когда въ Россіи болѣе и болѣе, посреди свободной печати и свободныхъ судовъ, водворяется и крѣпнетъ національное Русское чувство, а въ Европѣ развивается это чувство въ самостоятельныя національныя государства, Итальянское и Нѣмецкое, отодвинувшія на второй планъ Австрію и Наполеона. Зараждается обширная Славянская держава и на Юго-Востокѣ, и въ какихъ-то картахъ исчезаетъ національность Польская. Въ организаціи государственной преобладаютъ общая подача голосовъ и усиленіе, надъ правительствами, народнаго представительства. Все это новые этапы къ республикѣ и соціализму. Ожидаемое уничтоженіе свѣтскаго папы, при свободной религіи свободныхъ народовъ, совпадающее съ распространяющимся ученіемъ натуралистовъ и матеріалистовъ, обѣщаетъ измѣнить и самую церковь какъ на Западѣ, гдѣ она слишкомъ сильно независима, такъ и на Востокѣ, гдѣ она совершенно порабощена. Увеличеніе бѣдности и преступленій продолжается, но не наросло до той степени, чтобы выразиться переворотомъ, подобно 1848 году, хотя горючіе матеріалы все накопляются и накопляются...

Обращаясь со страхомъ и молитвою къ моему великому отечеству, я долженъ, при всѣхъ великихъ и блестящихъ преобразованіяхъ и надеждахъ, заявить и опасеніе за счастливый исходъ этихъ преобра-

зованій и надеждъ. Крестьянское дѣло, въ принципѣ, довершено. Оно распространено и на Царство и частію на Прибалтійскій край. Но возвышеніе податей, высокій выкупъ и земскіе сборы тяжело лежатъ на народѣ и едва ли исполнимы при скудныхъ его средствахъ. А понизить ихъ нельзя, ибо и при нихъ наша государственная роспись постоянно съ недоимками, и для уплаты внѣшнихъ процентовъ мы должны дѣлать новые внѣшніе займы. Неудовольствіе въ народѣ показывается въ ропотѣ земства, которое какъ бы ищетъ случая, чтобы, не открыто сознавая свое безсиліе, отказаться отъ своего назначенія.

Судебная реформа плохо идетъ въ провинціи по недостатку въ людяхъ. Особенно мало надежды на учрежденія мировыя, и особенно въ нашихъ безлюдныхъ, обширныхъ уѣздахъ. Положеніе старыхъ судовъ, заживо погребаемыхъ и совершенно дискредитированныхъ, невыносимо.

Пьянство, кажется, уменьшается. Боятся большаго недобора въ акцизѣ. Вообще хозяйственное положеніе государства, денежная система и финансы представляются въ совершенномъ разстройствѣ. Производительность, кредитъ, всѣ фонды упали, хотя публичная жизнь въ городахъ и земствахъ, въ журналистикѣ и публичныхъ собраніяхъ, принимаетъ огромные размѣры. Но пусть придетъ кризисъ, придетъ нужда. Она насъ застанетъ въ неопытности, но выработаетъ опытъ, которому публичность дастъ печать раціональнаго убѣжденія. Мы недостаточно сознаемъ свои силы и средства, мы немножко привыкли жить легонько, на счетъ крѣпостнаго права, на счетъ канцелярскаго квіетизма и Европейскихъ заимствованій, часто намъ не по плечамъ и не по карману. Пора жить иначе, и мы надѣемся, что геній Русскій, идя теперь открытою широкою дорогою, не замедлитъ проявить и свою находчивость и свое могущество.

(Продолженіе будетъ).

Четверостишіе С. Т. Аксакова къ Натальѣ Николаевнѣ Наврозовой *).

Глядитъ одинъ, но несравненный.
Такая участь Вамъ дана:
И одно солнце во вселенной,
И въ небесахъ одна луна!

---

*) Н. Н. Наврозова сестра Льва Николаевича Энгельгардта (автора извѣстныхъ Записокъ). Она была на одинъ глазъ слѣпа. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1867-й годъ*).

Объединеніе Царства Польскаго почти совершилось. Подчиненіе почтъ и казначействъ, преобразованіе налоговъ и введеніе мѣстныхъ управленій по Русскимъ образцамъ сближаютъ и введеніе Русскаго языка. Хорошій выборъ лицъ еще болѣе облегчилъ бы попытку обрусенія, но это-то и представляется весьма затруднительнымъ: жить посреди чуждаго, враждебнаго населенія вовсе не удовольствіе, а за это удовольствіе губернатору назначаютъ 5300 р. Коренныя реформы въ городахъ и въ земствѣ и теперешняя организація управленія дерутъ глаза Европейской журналистикѣ и поднимутъ шумный говоръ въ собраніяхъ представителей. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но рѣшительныхъ мѣръ не приметъ никто. Если Наполеонъ выдвинетъ начало національностей и въ союзѣ съ Австріей предложитъ возстановленіе Польши въ границахъ 1770 годовъ, то Россія будетъ въ отвѣтѣ съ Пруссіей, и война кончится присоединеніемъ восточной Галиціи. Австрія готова пожертвовать всей Галиціей, лишь бы отомстить Пруссіи; но сила Россіи и Пруссіи несокрушима, и самое предположеніе о возстановленіи Польши посреди трехъ великихъ имперій есть неисполнимая Польская мечта. Мы, Россія, во главѣ славянства, и двухъ головъ у одного организма быть нельзя. Можно было приводить основаніемъ наши плохія учрежденія; теперешняя ихъ организація устраняетъ и это основаніе. Остается уровень образованія вообще и просвѣщенія въ особенности. Общій уровень поднимается быстро, съ Февраля 1861 г., а при лучшихъ учрежденіяхъ, при свободѣ печати и

*). См. выше стр. 343.

гласномъ судѣ скорость этого подъема будетъ возрастать постепенно, и мы увидимъ націю, государство политически зрѣлое, а въ умственномъ отношеніи довольно отсталое. На оборотъ съ Германіей. Желательно бы было понизить подати и поборы; они очень тяготятъ народъ и вліяютъ на его косность и грубую жизнь.

Случайно встрѣтился я съ двуперекрещенцомъ, ст. ст. Д. Изъ администраторовъ католическихъ церквей на Сѣверѣ, онъ желалъ сдѣлаться Московскимъ львомъ и сдѣлался Московскимъ приживалкой-паразитомъ. Достаточно прочесть въ 4 т. „Вѣстника Европы“ статью его „о политикѣ Даніи при Фридрихѣ VII и о проч.“, чтобы составить себѣ понятіе о тщеславіи, дерзости и навязности этого двуотступника. Но разговоръ его о порочности Іезуитовъ, о пренебреженіи нашихъ Нѣмцевъ посланниковъ Брунова, Будберга, Убри къ церкви и духовнымъ лицамъ миссій, но разсказъ его о кн. А. М. Горчаковѣ (сказавшемъ, указывая на стаканъ чистѣйшей студеной воды: вотъ ученіе католицизма; оно есть чистѣйшее выраженіе Божьей истины и церковнаго закона), но несбыточные разсказы его о „частномъ корреспондентѣ Его Императорскаго Величества, издателѣ „Народнаго Голоса“ Юркевичѣ-Литвинѣ—все это наводитъ меня на другія мысли: какова должна быть эпоха и къ чему можетъ подготовлять и привести она, когда бродятъ и получаютъ вѣру такіе наглые эмиссары или спекуляторы и такія нелѣпости и сказки! Въ этотъ же день я видѣлъ толпы народа у лавки Корещенко и три семьи, трясомыя лихорадкой въ ожиданіи телеграфической депеши о выигрышахъ лотерейнаго займа. Мнѣ стало страшно и отъ Д.....го, и отъ сказокъ, и отъ лихорадки.

„Во имя отца и сына и Св. Духа, аминь“, такъ начинаетъ маститый голова Московской церкви воззваніе*) о пожертвованіяхъ въ пользу несчастныхъ Кандіотовъ. Воззваніе это, подписанное Филаретомъ, произвело сильное впечатлѣніе въ Москвѣ и Петербургѣ и вѣроятно во всей Россіи и будетъ имѣть значеніе и политической демонстраціи и политическаго початка или иниціативы. Да и пора. Существованіе Турціи несовмѣстно съ достоинствомъ Европы и ея могущественной образованности. Пора и намъ уничтожить трактатъ 1856. Пора устроить и дѣла на Востокѣ и дать подобающее значеніе бассейну Дуная и Чернаго моря—превосходнѣйшей мѣстности, коснѣющей при варварскихъ угнетателяхъ и изнуренныхъ рабахъ. По Дунай должна быть Россія, по Балканы—Сербія, за Балканами съ Архипелагомъ—Греція. Я не знаю тамошнихъ разграниченій и отношеній, но я сознаю до очевидности необходимость свободы и образованности въ этомъ несча-

*) Съ высочайшаго разрѣшенія, по письмамъ къ Валуеву и кн. Горчакову.

стномъ краѣ и начало соплеменности въ этомъ черезполосномъ феодальномъ, полуазіатскомъ устройствѣ. Мы не готовы, правда, ни съ новымъ оружіемъ, ни съ желѣзными дорогами, но все это второстепенныя причины. Главная причина—позоръ Парижскаго трактата всегда на лицо. Да и нежелательно и ненужно наше непосредственное вмѣшательство; нужно нравственное и денежное содѣйствіе единовѣрцамъ и невмѣшательство въ это дѣло покровителей Турціи. Разложеніе ея послѣдуетъ само собою. Оно уже началось при Екатеринѣ, какъ началось разложеніе Польши при Петрѣ. Турція не можетъ существовать самостоятельно. Ее слѣдовало бы раздѣлить, если бы жили въ 1772 г. Дѣлить ее не будутъ, но пусть предоставятъ собственной участи, и она распадется на части, части органическія, чисто христіанскія, способныя жить и развиваться, сначала въ образѣ союза, а потомъ и въ образѣ болѣе простомъ и крѣпкомъ, Славянскомъ и Греческомъ. Вотъ настоящее поприще для честолюбія великаго князя Константина или Николая Лейхтенбергскаго. Впрочемъ претендентовъ тамъ довольно, и Георгій, и Карлъ, и Михаилъ. Съ началомъ весны откроется война, а можетъ быть и не одна.

Былъ у меня сегодня товарищъ министра народнаго просвѣщенія Ив. Дав. Деляновъ и конечно не безъ цѣли. Я предупредилъ его, что прежде у меня было намѣреніе предложить мои услуги Министерству Просвѣщенія, но при нынѣшнихъ порядкахъ, когда положеніе попечителей чисто пассивное и иногда неловкое (что̀ бы не сказать болѣе), я не думаю, чтобы мои услуги могли принести пользу. Деляновъ отвѣчалъ, что министерство знаетъ и чувствуетъ недостатки въ настоящихъ учрежденіяхъ просвѣщенія, но едва ли рѣшится на радикальныя перемѣны столь недавно изданныхъ уставовъ, и потому желаетъ восполнить эти недостатки общими распоряженіями, напр. о болѣе строгихъ испытаніяхъ при пріемѣ, переходѣ и выпускѣ. Конечно это будетъ имѣть свою хорошую сторону, но подобныя мѣры легко обходить и еще легче обратить въ стѣсненіе и злоупотребленіе. Я вовсе не желаю быть на какомъ-нибудь юру. При частомъ колебаніи системъ, личности скоро стираются, и самая лучшая воля постоянно находится въ затрудненіи и нерѣшительности. Генералъ Левшинъ и помощникъ его Дашковъ передавали мнѣ, какъ непріятно ихъ положеніе и какъ сбивчивы и противорѣчивы распоряженія министерства, требованія уставовъ и условій мѣстнаго управленія. Впрочемъ военный генералъ имѣетъ какія нибудь права на свое положеніе, а его придворный помощникъ (братъ княгини Гагариной, друга Императрицы) никакихъ, и поэтому вовсе не удивительно, что главное гнѣздо преступной молодежи скры-

валось въ здѣшнемъ университетѣ и въ безцеремонной Петровской Академіи.

Деляновъ увѣрялъ, что здѣшніе профессоры, даже Бабстъ и Чичеринъ, сдѣлались большими консерваторами. Научившись опытомъ въ Лазаревскомъ институтѣ, Бабстъ готовъ допустить строгія прещенія, даже розги („ихъ надобно драть"). Я не совсѣмъ вѣрю этимъ обращеніямъ. Хотя обращеніе Фритредера Бабста сдѣлано и печатно, но timeo Danaos et dona ferentes. Послѣднее сочиненіе Чичерина (о представительствѣ) конечно болѣе умѣренно. Что̀ касается преимущества классическихъ гимназій, то министерство хотя встрѣчаетъ неодолимыя препятствія въ пріисканіи хорошихъ учителей, но должно до нѣкотораго времени (ужъ не до пріисканія-ли ихъ?) держаться этой системы, какъ основной мысли, принятой высшимъ правительствомъ. Вся надежда министерства—это строжайшіе экзамены *). На этомъ кончился нашъ довольно продолжительный разговоръ съ товарищемъ министра, который показался мнѣ немного чиновникомъ. Деляновъ обязанъ блестящею карьерою своею графу Блудову, у котораго онъ нѣкоторое время былъ фактотумомъ.

Петербургское земское собраніе закрыто, и самое положеніе пріостановлено для этой губерніи. Земство крамольничало. Оно, особенно предсѣдатель управы, извѣстный либеральный ценсоръ Крузе, подъ предлогомъ и видомъ отчета, критиковало и осмѣивало министра Валуева и шло съ нимъ на судъ въ Сенатъ, требуя: 1, чтобы законъ 21 Ноября 1866 (общій для Имперіи, о размѣрахъ земскаго налога на торговлю, промыслы и фабричныя зданія) былъ разработанъ земствомъ (слѣдовательно Всероссійскимъ) вмѣстѣ съ центральной администраціей. Это повтореніе крамолы Московской, и 2), чтобы земское собраніе печатало свои пренія и отчеты свободно, безъ ценсуры. Но что̀же значитъ крамола гр. Шувалова, гр. Орлова-Давыдова и пр.? Или земство, не имѣя средствъ исполнить свое назначеніе, ищетъ удобнѣйшаго исхода изъ безвыходнаго своего положенія? Или здѣсь играютъ страсти соперничества и соревнованія личностей, или наконецъ (стыдно сказать) все это придуманная комедія. Магнаты наши, недовольные освобожденіемъ крестьянъ, мстятъ требовательностію, фрондёрствомъ и дерзкимъ порицаніемъ. Еще менѣе сочувствуя другимъ либеральнымъ и пользуясь реакціею послѣ 4 Апрѣля 1866 г., они задумали комедію: подъ маскою либерализма вызвать эту реакцію на дѣйствительныя отмѣны и огра-

*) Едва ли эта основательная и законная мѣра приведетъ къ консервативнымъ мѣрамъ гр. Толстаго. Строгіе экзамены, это трудъ, а въ трудѣ никакая съ демократіей конкуренція невозможна.

ниченія недавнихъ учрежденій. Иначе понять нельзя агитацію съ именами Шуваловыхъ, Давыдова, Щербатова и подобныхъ. Забіяка Крузе тутъ въ сторонѣ; его только ловко пріискали; искреннимъ своимъ либерализмомъ онъ прикрывалъ узкій сервилизмъ, такъ широко и высоко раскинувшій свои сѣти.

Всего страшнѣе за судебную реформу и за печать. Согласенъ, что и то и другое, по новости и рѣзкости перехода, грызутъ за живое; но и то и другое начинаетъ сглаживаться. Законъ о печати уже измѣненъ. Судебная реформа держалась Стояновскимъ. Стояновскаго выжили и замѣнили гр. фонъ-деръ Паленомъ, креатурою Валуева. Мнѣ извѣстно, что самъ Замятнинъ не приверженецъ реформы, но слухи и на его мѣсто пріискиваютъ гр. Левашева, которому принадлежитъ честь закрытія Петербургскаго земства. Это отъявленный крѣпостникъ и реакціонеръ съ придачею того безцеремоннаго произвола, какимъ отличались адъютанты покойнаго Николая. Я бы желалъ отъ реакціи одной услуги: чтобы она убѣдила всѣхъ, что всѣ наши реформы для насъ слишкомъ роскошны, и что мы жили и живемъ не по средствамъ нашимъ. Сама по себѣ реакція, какъ и всякая оппозиція, не есть зло; но она дѣлается зломъ, когда въ свою очередь нарушаетъ пріобрѣтенныя права и нарушаетъ свободно и безнаказанно въ странѣ, гдѣ политическій элементъ слабъ и гдѣ мыслящее населеніе такъ малочисленно.

Передавая доклады и журналы на постановленіе перваго департамента, за чѣмъ же отрѣшать предсѣдателя, увольнять всѣхъ и закрывать новыя и воскрешать закрытыя, отъ которыхъ и писцовъ не осталось? Молодому земству это ударъ чувствительный, и онъ отдастся повсюду.

Наступили холода страшные, ртуть мерзнетъ, газъ гаснетъ и птицы падаютъ. Бѣднымъ людямъ бѣдствіе. Мои крошки разнемоглись, вѣроятно отъ общаго состоянія атмосферы. Но эти крайности не помѣшали явленію, котораго скорѣе можно бы было ожидать въ Маѣ или на Югѣ. Митя и Тата поднесли матери свои сочиненія, которыя учитель нашелъ весьма хорошими, но Митя поднесъ и стихи. Записываю ихъ „для Исторіи“.

Кто насъ наставитъ на благое?
Кто въ нашемъ горѣ пособитъ,
Кто радоваться будетъ въ счастьѣ,
Коль будемъ честно жить?
Конечно мать....

Эти невинныя вирши доставили намъ большое удовольствіе. Много труда стоило мнѣ допытаться, какими путями дошла 11 лѣтняя головка до стиховъ и ихъ содержанія. Оказывается, что мысль зародилась послѣ

одной изъ прогулокъ со мною, когда я ему объяснялъ: что̀ такое идеалъ и къ чему примѣняется это понятіе, присовокупя примѣры, идеалъ красоты, идеалъ матери, дѣтской любви и др. Мальчикъ—да и сестра едва ли не болѣе—очень воспріимчивъ. Да сохранитъ ихъ Господь!

Въ городѣ общій говоръ все о Петербургскомъ земствѣ. Во времени радикальныхъ и быстрыхъ преобразованій естественны и раздражительность, и ошибка въ преувеличеніи. Петербургское земство забылось. Давыдовымъ и Шуваловымъ нужно было вызвать реакцію и ослабить ею всѣ либеральныя нововведенія. Крузе нужно было остудить наго-рѣвшее сердце. Всѣмъ пріятно играть въ оппозицію, во фронду. Теперь Петербургскіе фрондёры (да и Московскіе не менѣе) продолжаютъ агитацію и открыли подписку въ пользу Крузе, желая довести ее выше Комисаровской. О. И. Комисарову съ Апрѣля по 30 Декабря собрано только 34 т. р. Для Крузе не соберутъ и этого. Что̀ непріятно въ этомъ фрондёрствѣ, это личность. Въ собраніяхъ земства рѣчь заводили и о царскихъ маневрахъ, уничтожающихъ нажити „бѣдныхъ крестьянъ“, и даже о царскихъ охотахъ, требующихъ снесенія этой повинности съ „бѣдныхъ крестьянъ“ въ смѣту губернскую. Такъ, и въ подпискѣ Крузе замѣшали Комисарова. Я не желаю вѣрить этому и остаюсь при мысли, что цѣль нашихъ магнатовъ—вызвать реакцію и ослабить либеральное направленіе, недостаточно компрометтированное рескриптомъ 13 Мая. Ну, а займы земства?

Если Москва поражаетъ своею пустотою и сплетнями, то Петербургъ напротивъ—лихорадочною дѣятельностію и кознями партій. Большую силу имѣетъ теперь партія Шуваловыхъ, особенно шефа жандармовъ гр. Петра Андреевича Шувалова. Но не такъ возмутительны эти козни и сплетни какъ дерзость пройдохъ въ родѣ Д..... (см. выше). Во второй пріѣздъ свой онъ насказалъ старику Шипову (совершеннѣйшему Москвичу) о таинственныхъ отношеніяхъ издателя „Народнаго Голоса“, нѣкоего Юркевича-Литвинова съ самимъ Государемъ, котораго онъ „частный корреспондентъ“.

Теперь явился и самъ Юркевичъ-Литвиновъ и въ $2^1/_2$ часовой бесѣдѣ, какъ передавалъ мнѣ Шиповъ, объяснилъ ему свои отношенія. Онъ подавалъ Государю записку о замышляемомъ на его особу покушеніи гораздо ранѣе 4 Апрѣля и послѣ этого событія вошелъ и теперь состоитъ въ личныхъ отношеніяхъ съ Государемъ. Онъ уже неоднократно представлялъ Государю подробныя записки по разнымъ государственнымъ вопросамъ, чрезъ камердинера по извѣстному ему данному адресу. Такъ онъ отстоялъ золотые рудники и розсыпи Сибири, которые рѣшено (будто бы) было продать Англичанамъ за сумму въ пятеро дороже нынѣ отъ золота получаемую государствомъ. Онъ выра-

жалъ свои мнѣнія о министрахъ, какъ Валуевъ находится въ связи съ одною Полькою, живущею въ домѣ Утина, какъ Мезенцевъ кутитъ и взятки беретъ по III Отдѣленію. Онъ предлагалъ Шипову свое предстательство, обѣщая, что завтра же бумаги его (плоды его административнаго авторства) будутъ у Государя. Наконецъ онъ давалъ Шипову и самый адресъ. Все это пахнетъ какимъ-то секретнымъ агентствомъ, какимъ-то шпіонствомъ и низкимъ пронырствомъ. Почему Д. и Юркевичъ обратились къ Шипову, человѣку безъ всякаго значенія, мнѣ непонятно. Но тутъ непремѣнно должна быть сѣть или паутина. Меня страхъ береть при одной мысли о возможности подобной махинаціи, съ какою легкостію онѣ проводятся и какъ незастѣнчиво.

Рѣчь полков. Полетики, на экономическомъ обѣдѣ, въ купеческомъ клубѣ въ Петербургѣ, обѣгаетъ всю Москву, и Полетика, уже угодившій намъ отвѣтомъ на рѣчь Молинари (въ „Московск. Вѣдомостяхъ“), дѣлается Московскимъ львомъ. Но рѣчь заключаетъ въ себѣ такія дерзкія выраженія, такую бранную критику нашего финансоваго управленія съ 1857 г., что не вѣришь себѣ, чтобы подобныя порицанія дѣйствій правительства могли быть дозволены въ публичной рѣчи и потомъ напечатаны въ газетѣ („Москва“ № 14 Февраля) во всеобщее свѣдѣніе. Съ такими *клубными явленіями* не поздоровится ни кому, ни министру, ни вообще правительству, достоинство и авторитетъ котораго постоянно и постепенно подмываютъ. Мы живемъ во времена процвѣтанія *клубовъ*. Клубъ Ламанскаго требуетъ свободы торговли, клубъ Полетики требуетъ огражденія внутренней производительности и промышленности. Ораторы бранятся безъ застѣнчивости. Пожалуй, дойдетъ дѣло до дуэлей, не очень впрочемъ любимыхъ нашими любителями словопреній. Въ сущности, присмотрясь поближе, рѣчь Полетики есть личность противъ Евген. Ламанскаго. По поводу споровъ о желѣзныхъ дорогахъ въ 1857 г. назначено было въ пассажѣ публичное состязаніе, на которомъ Полетика велъ себя какъ школьникъ, что̀ вынудило суперъ-арбитра этого состязанія Е. И. Ламанскаго замѣтить Полетикѣ неприличіе его поведенія и заключить свой судъ памятными словами: „нѣтъ, мы еще не созрѣли для публичныхъ преній“. Впрочемъ я уже неоднократно отмѣчалъ здѣсь объ общемъ раздраженіи умовъ во всѣхъ слояхъ и краяхъ нашего преобразующагося отечества. Крестьянскій вопросъ, дешевка, равноправность земства, свобода печати и суда все, и при томъ вдругъ, поставили вверхъ дномъ и выбили изъ колеи самыя скромныя существованія. Головокруженіе такъ велико, что все считается возможнымъ и всякія фантазіи осуществимыми. Все сдѣлалось нехорошо и все нужно передѣлать. Судя по *клубнымъ* знаменіямъ и земскимъ волненіямъ, мы наканунѣ конституціи. Жалко и грустно видѣть, какъ запутывается

дѣйствительность этими отвлеченными, неожиданными и невыработанными, безъ подготовки, преобразованіями. Особенно жаль лицъ, требующихъ опеки и дисциплины и лишившихся ихъ спасительнаго вліянія.

Нѣсколько дѣлъ, кончившихся оправданіемъ подсудимыхъ, о Терентьевѣ (убійство для ограбленія), о Волоховой (мужеубійство) производятъ въ высшемъ обществѣ Москвы большіе толки, жалобы на новый судъ и даже опасенія за безопасность. Рѣшенія этихъ дѣлъ, особенно о Волоховой, дѣйствительно указываютъ 1), или то, что недостаточно обнаруживаютъ виновность при предварительномъ слѣдствіи, или 2), то, что палата недостаточно вникаетъ въ основанія преданія суду или наконецъ 3), присяжные пользуются слишкомъ широкимъ правомъ освобожденія, подчиняясь болѣе чувству жалости, нежели долга и опасаясь болѣе ошибки, нежели утверждаясь на необходимости наказанія виновнаго. Я думаю, здѣсь доля участія всѣхъ трехъ факторовъ, но преимущественно—слѣдователей. Они торопятся, увлекаются нравственнымъ, часто предвзятымъ убѣжденіемъ и свои впечатлѣнія, свои личныя убѣжденія переносятъ на присяжныхъ, становясь, такъ сказать, судьями и забывая, что обязанность слѣдователя есть обнаженіе всего событія до послѣдней подробности и до юридической достовѣрности. На слишкомъ большую быстроту у насъ расчитывать никакъ нельзя, при нашихъ разстояніяхъ и бродячемъ образѣ жизни. Надобно думать, что опытъ послѣднихъ дѣлъ приведетъ палату къ этому воззрѣнію, и она будетъ возвращать дѣла для дополненія.

За то прекрасно ведено дѣло и постановленъ приговоръ вполнѣ удовлетворительно о студентѣ изъ дворянъ Алексѣѣ Даниловѣ, 19 лѣтъ, осужденномъ за убійство капитана Попова и служанки его, Нордманъ, на 9 лѣтъ каторги. Этотъ процессъ какъ бы примирилъ общественное мнѣніе о новыхъ судахъ, настроившееся подъ впечатлѣніями двухъ выше означенныхъ процессовъ.

Сегодня былъ у меня Орловскій губернскій предводитель А. В. Шереметевъ и описывалъ бѣдственное состояніе дворянства и особенно безвыходное положеніе такъ называемыхъ (прежнихъ) мелкопомѣстныхъ. Классъ этотъ, довольно многочисленный, теперь рѣшительно безъ средствъ и почти вынужденъ искать своего содержанія въ воровствѣ и грабежѣ. Эти дворяне, порочные дворовые, порочные солдаты и заштатные чиновники должны составить значительный контингентъ уголовнаго населенія, которое вообще очень многочисленно и грозитъ увеличиться и отъ смягченія наказаній и отъ ростущей бѣдности, главной среды набора этого населенія. Имъ и въ Европѣ одно убѣжище,—соціализмъ или предпріятія Мадзини, Гарибальди или Фенianизма. Скоро бѣдность по-

требуетъ законнаго признанія права стачекъ и даровaго существованія на счетъ имущихъ.

Я наконецъ видѣлъ „Гражданскій Бракъ“ Чернявскаго, имѣющій такой огромный и продолжительный успѣхъ въ обѣихъ столицахъ. За нѣсколько дней записываются на билеты. Успѣхъ, по моему мнѣнію, совершенно незаслуженный. Пьеса скорѣе подтверждаетъ, нежели отвергаетъ „женскій вопросъ“. Дядя (Самаринъ) прямо говоритъ, что въ Америкѣ вопросъ этотъ созрѣлъ, а въ Россіи поднимать его рано. Стало быть вопросъ только о времени. Старый слуга (Садовскій) разсуждаетъ, что „Гражданскій Бракъ„ въ *крестьянскомъ* быту непримѣнимъ, и что этотъ бытъ совершенно различенъ отъ дворянскаго. Стало быть, вопросъ о положеніи. Пьеса держится и имѣетъ успѣхъ исполнителями: Шумскій (глупѣйшая роль семинарскаго нравоучителя), Садовскій, Ѳедотова и лице самаго дурака-нигилиста (Вильде) разыгрываютъ превосходно и любимцы Московской публики.

Содержаніе очень просто. Глупенькій молодецъ журнальными фразами обольщаетъ (какъ и чѣмъ именно?) глупую дѣвушку, бѣжитъ съ ней и потомъ бросаетъ ее для какой-то баронессы, помѣшанной на словѣ „рутина“, которое она бросаетъ всякому. Обманутая чахнетъ и умираетъ, произнеся какое-то длинное наставленіе негодяю, явившемуся къ часу смерти въ лохмотьяхъ. Но драма не въ содержаніи, а въ рѣчахъ трехъ резонеровъ—учителя, стараго слуги и дяди. Дядя, и особенно съ игрою Самарина, дѣйствительно выражаетъ современный бытъ нашъ, весь сумбуръ молодаго переходнаго времени.

Сецессія шести лучшихъ профессоровъ Московск. университета: Соловьева, Бабста, Чичерина, Дмитріева, Капустина и Рачинскаго продолжается. Попечитель оставляетъ свой постъ, министръ не хочетъ входить въ сдѣлку, и такъ, главнѣйшія каѳедры ожидаетъ запустѣніе. Нàчалъ это дѣло Дмитріевъ протестомъ противъ выборовъ Лѣшкова въ заслуженные профессоры на 5 лѣтъ. Протестъ ни на чемъ не основанъ или основанъ на невѣрной ссылкѣ на X т. Свода (безъ указанія статьи, впрочемъ подходящей). Министръ (Головнинъ) утвердилъ Лѣшкова. По возвращеніи Чичерина изъ заграницы, онъ, по поводу этого же дѣла, вошелъ въ совѣтъ съ мнѣніемъ, и при преніяхъ почтенные педагоги напоминали не то бурсу, не то школьниковъ. Совѣтъ, по большинству, отклонилъ разсмотрѣніе дѣла, конченнаго министромъ. Недовольное меньшинство обратилось къ попечителю, и генералъ Левшинъ предложилъ совѣту войти въ разсмотрѣніе внесеннаго Чичеринымъ вопроса. Совѣтъ оставилъ предложеніе безъ послѣдствій, и дѣйствія Совѣта признаны правильными въ Петербургѣ. Тогда меньшинство подало въ отставку. Все это, говорятъ, игра или борьба партій, изъ которыхъ старая (ректор-

ская) подъ совершеннымъ вліяніемъ *Каткова* (Леонтьева); а молодая, меньшинство, не желаетъ мать-игуменью (Баршева) въ ректоры и вообще желаетъ управленія и распоряженія по университету исключительно и строго коллегіальнаго.

Я видѣлся съ генераломъ Левшинымъ. Онъ въ лихорадочномъ и жалкомъ положеніи. Онъ и князь Н. И. Трубецкой положительно обвиняютъ гр. Толстаго въ предательствѣ и въ подобострастіи Московской газетѣ. Они увѣряютъ, что министерскій отвѣтъ продиктованъ Делянову у Каткова-Леонтьева. Что „Московск. Вѣдомости" имѣютъ большое вліяніе, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; что Головнинъ и гр. Толстой подкупали Каткова разными предложеніями, это даже напечатано; но изъ самаго несвязнаго разсказа Левшина видно, что онъ виноватъ самъ: предлагая Совѣту войти въ разсмотрѣніе мнѣнія Чичерина, онъ дозволилъ себѣ сдѣлать всей коллегіи—замѣчаніе, не имѣя на то права. Вообще онъ сдѣлалъ на меня самое печальное впечатлѣніе. Не менѣе жалкое существо и ректоръ Баршевъ. И при такихъ личностяхъ ожидаютъ порядка! И въ какое время! Немудрено, что отношенія путаются, мелкія самолюбія сталкиваются, дрязги раздуваются въ толстые и знаменательные факты, а университетская молодежь страдаетъ. Вообще незапное появленіе журналистики, какъ силы, привело многія условія въ смѣшеніе и многія личности въ смятеніе.

Сегодня очень долго сидѣлъ у меня генералъ-губернаторъ, нашъ роскошный князь Влад. Андр. Долгорукій. Онъ вялъ, женоподобенъ и ограниченъ. Конечно постъ его потерялъ прежнее значеніе, но то значеніе, которое можетъ поддержать щегольской генераликъ, постъ этотъ имѣть уже не можетъ. Къ означеннымъ качествамъ князь присоединяетъ то, что онъ трусоватъ и окольными дорогами любитъ заискивать въ писакахъ и въ журналахъ. Онъ доискивался, отъ чего бы мнѣ не принять мѣсто попечителя университета? Я объявилъ ему тоже что̀ и Делянову. Если Совѣтъ университета будетъ поставленъ въ зависимость отъ попечителя округа, то я готовъ потрудиться и особенно надѣюсь быть полезенъ для гимназій, гдѣ распущенность и нигилизмъ господствуютъ систематически. Во всемъ разговорѣ князя столько мелочной растянутости, незрѣлости и незнанія государственнаго дѣла, что удивляешься, какъ не раскусилъ его Петербургъ, посылая на воеводство въ такую столицу и въ такое время! Въ немъ нѣтъ ни авторитета, ни хитрости, ни даже ловкости. Онъ неспособенъ ни на что рѣшиться, ничего отвергнуть, а только медленно и мягко жевать дѣло, пересыпая самыми пошлыми Французскими прибаутками. Углубиться въ предметъ онъ не можетъ, а во всемъ, что̀ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ онъ видитъ только опасность неудачи или умыселъ компрометировать его поло-

женіе. Онъ хорошо угощаетъ обѣдами и раутами, прекрасно одѣвается и причесывается. Боже мой, какимъ людямъ поручаются такіе важные интересы и въ такое важное время!

Генералъ Тотлебенъ присланъ сюда для образованія Московскаго отдѣла благотворительнаго общества для арміи. Общество должно обнять всю имперію и дѣйствовать на манеръ Прусскаго Iohanniter и Nazional-Bank (частное общество попеченія о больныхъ и раненыхъ во время войны). Предсѣдателемъ отдѣла митрополитъ. На дняхъ появится правительственное объявленіе о томъ, что Россія приступаетъ къ постановленіямъ Женевскаго кантона о госпиталяхъ и уходѣ и пособіи раненымъ во время войны. Извѣстно, что конгрессъ подводитъ эти учрежденія и лицъ, въ нихъ участвующихъ, подъ охрану международнаго права. Нельзя сказать, чтобы агитація Тотлебена привлекла многихъ участниковъ; всѣ жалуются на безденежье, и многіе видятъ въ новомъ обществѣ эксплуатацію, невольное пожертвованіе, облеченное въ довольно бюрократическія формы. Но митрополитъ и старые генералы заняты имъ и вѣрятъ въ успѣхъ, котораго я, старый генералъ, не жду, потому что всѣ сколки и подражанія, какъ и всѣ наши теоретическія созиданія, не могутъ преуспѣвать, будучи чужды жизни и понятіямъ народнымъ, жизни бѣдной, понятіямъ, поглощеннымъ насущными требованіями. Герой Севастополя болѣе Прусакъ и дѣйствуетъ какъ истый Johanniter, пріѣхавшій изъ Берлина въ Петербургъ.

Старику митрополиту есть бы чѣмъ заняться и другимъ, если на 86 году могутъ люди заниматься дѣльно. Въ газетахъ развивается и разработывается въ Синодѣ и въ полемикѣ вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ и семинарій и о прекращеніи духовнаго сословія какъ касты. Требуютъ и хотятъ сдѣлать, чтобы священники были не по назначенію, а по призванію, par vocation, какъ говоритъ Мишле. Андрей Муравьевъ сильно возстаетъ противъ этого. Всѣ газеты защищаютъ, и защищаютъ громко начало невмѣстности касты съ современною гражданственностію. Вотъ тутъ старику Филарету, съ его авторитетомъ и познаніями, есть достойное призваніе. Начала, вводимыя помимо историческаго пути развитія и внѣ постепеннаго его движенія, способны искажаться самымъ непредвидѣннымъ и самымъ уродливымъ образомъ. Въ 1860 годахъ въ Петербургѣ были въ модѣ благодѣтельныя Воскресныя школы, превратившіяся, къ крайнему изумленію правительства, въ открытыя каѳедры нигилизма и коммунизма. Нельзя не имѣть опасеній, что къ священству возымѣютъ призваніе такіе молодцы „Молодой Россіи“ или „Земля и Воля“ или „Свобода № 1 и 2“, соціалисты и фанатики, которые вызовутъ расколъ повсемѣстный, дробный, превратятъ храмы Божіи въ аудиторіи и оперируютъ слѣпоту народную. такъ что

отъ вѣры и слѣда не останется въ потопѣ разныхъ вѣровлній, убѣжденій и толкованій. Аматеры-священники превратятъ святое дѣло въ политическую пропаганду, и „батюшки“ будутъ артистами, учителями и пропагандистами. Начало призванія введетъ въ нашу церковь что-то лютеранское и лишитъ ее православія, охраняемаго единствомъ служителей и вѣками сложившейся вѣры, основанной на текстѣ Св. Писанія и обрядности служенія.

Несмотря на два лотерейные займа, на два внѣшніе займа, на выпускъ двухъ серій билетовъ казначейства, deficit въ государственной росписи смѣется надъ всѣми сокращеніями, доходящими иногда до смѣшнаго (въ институтахъ), и правительство рѣшилось in principio продать Николаевскую желѣзную дорогу, чтобы продолжать начатую сѣть до Кіева и далѣе. Помогай Богъ и займамъ, и постройкамъ, но избави Боже отъ отчужденія. Странное предубѣжденіе господствуетъ надо мною. Я люблю и уважаю замышляемыя и исполняемыя преобразованія и предпріятія, но я не вѣрю въ ихъ оконченность и въ ихъ пользу. Мнѣ кажется, мы непремѣнно напутаемъ; мнѣ кажется, и блескъ судебной реформы и диктаторскія, революціонныя мѣры въ Польшѣ и въ Западныхъ губерніяхъ ни къ чему полезному не приведутъ. Усиленіе преступленій—разъ, раззореніе края—два. Мнѣ кажется, мы все дѣлаемъ вторые шаги, не сдѣлавши первыхъ и прыгая, идемъ невѣрно и непрочно. Такую же торопливость вижу я и въ постройкахъ желѣзныхъ дорогъ и въ выборѣ ихъ направленій. Мнѣ кажется, самый общій планъ главнѣйшихъ направленій не изученъ достаточно. Дорога на Либаву, съ Козлова на Воронежъ—это роскошь, а мы строимъ въ долгъ и съ гарантіями.

Мы подражаемъ Западу, болѣе нежели когда нибудь. Ничего самостоятельнаго, ничего истекающаго изъ своихъ родниковъ жизни. Непомѣрно быстрое движеніе наше на политическихъ поприщахъ самоуправленія и гласности обратится къ нашей же невыгодѣ. Засѣданія самоуправленій заняты обвинительными актами администраціи, колонны гласности дерзкою до самозабвенія полемикою мнимыхъ партій и разными обличеніями, гораздо болѣе враждебными, нежели *воровскія* обличенія „Колокола“. А между тѣмъ политическое это направленіе подрываетъ солидное добросовѣстное ученіе въ гимназіяхъ и университетахъ. Въ этомъ главная причина нашей отсталости, и она продлится, доколѣ не придемъ мы къ нормальному состоянію, когда постепенность успокоитъ умы, когда прочные порядки не будутъ грозить самымъ вѣрнымъ расчетамъ и когда твердость организаціи отвѣтитъ за его продолжительную и полезную дѣятельность.

Университетское дѣло разыгрывается дурно. Шесть лучшихъ преподавателей написали довольно рѣзкое письмо къ министру и, по моему, должны безповоротно выдти изъ учебнаго вѣдомства. Если письма не извращаютъ событій, то шесть профессоровъ совершенно правы. Къ нимъ присоединились Мюльгаузенъ и Буслаевъ, но эти двое прошеній объ отставкѣ не подавали. Говорилъ мнѣ (Левшинъ), что Буслаевъ въ Совѣтѣ и очень мирно заявилъ собранію, что онъ находитъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ университета быть подъ чьимъ бы то ни было вліяніемъ. Говорятъ, что Наслѣдникъ, встрѣтя графа Толстаго, сказалъ ему: „Вы смотрите, защитите моихъ Московскихъ пріятелей“. Мнѣ очень не нравится, что въ подобныя исторіи всегда замѣшиваютъ императорскую фамилію. Теперь, когда партія охранительная (олигархи) поднимаетъ голову, всѣ газеты сочли долгомъ своего служенія ополчиться на эту партію подъ видомъ разбора мнѣній газеты „Вѣсть“, и Катковъ написалъ нѣсколько весьма сильныхъ передовыхъ статей, назвавши покровителей „Вѣсти“ *врагами народа*. Слова народъ и нація, Россія стали употребляться чаще и рельефнѣе. Въ трехъ превосходныхъ статьяхъ (Ю. Ѳ. Самарина) въ „Москвѣ“, направленныхъ противъ пановъ и бароновъ, разбирается между прочимъ идея, какъ объединяющее начало, о *царѣ-дворянинѣ*, о царѣ, какъ первомъ служиломъ человѣкѣ и проч. Едва ли эти разсужденія принесутъ больше силы авторитету, и вовлеченіе царскаго чина въ газетную полемику сближаетъ мысль съ вопросомъ объ отвѣтственности верховной власти, по крайней мѣрѣ въ ея представителяхъ и исполнителяхъ. Ожидаютъ запрещенія „Москвы“; но и эти мѣры скоро пріѣдятся. Восторжествуй шестеро профессоровъ, и каѳедры готовы будутъ превратиться въ трибуны; поборетъ министръ, выходъ шести даровитыхъ преподавателей произведетъ общее тяжелое впечатлѣніе, раздражитъ Московскую и другую молодежь и вызоветъ публичныя заявленія, для которыхъ нужны будутъ новыя изъятія, прещенія и строгости. Такъ неловко и неразумно ставитъ себя правительство услужливыми какъ медвѣдь неспособностями. Оно безъ достоинства, безъ силы и безъ оружія. Финансовое разстройство дастъ событіямъ верхъ (или уже дало?) надъ властію, изнуряемою превратными и плохо обдуманными направленіями, и—пошла писать! Правда, насъ спасаетъ невѣжество народа; но во-первыхъ, есть людъ и безъ народа, мѣщане, церковники, мелкіе дворяне, чиновники и бывшіе дворовые (ихъ много), а во-вторыхъ, донимаютъ и народъ дешевкою и налогами. Преступность ростетъ, самоубійства множатся, и самыя основы нравственности и порядка представляются очень сомнительными. Странное явленіе: свобода и образованность выражаются у насъ распущенностію и развращеніемъ. Никогда не было столько льготъ и никогда не было столько смертныхъ казней.

У насъ только и слышишь, что правительство тупо и глупо, и что оно или занимаетъ, или выпускаетъ бумажки, или продаетъ, вчерась Николаевскую дорогу, сегодня Сѣверо-американскія владѣнія. Все это не нормально и все это находитъ въ обществѣ плохой отголосокъ. Вообще, настоящимъ преобразованіямъ сочувствуютъ одни журналисты, и та небольшая партія, которая считалась при Николаѣ либералами, идеологами. Всѣ сословія ропщутъ; ропщутъ не на преобразованія, а на умаленіе благосостоянія. Прежде было больше довольства. А большинство наше, милліоны изъ насъ, прежде всякой свободы желаютъ обезпеченія матеріальнаго. Большинство—это народъ. Невѣжество его спасаетъ насъ, и всѣ эти разбрасываемыя прокламаціи, золотыя грамоты, пропаганда, представляются какими-то единичными, безсвязными явленіями. Народъ можно пошевелить мошною и мольбою. И этого-то главнѣйше надобно опасаться. Налоги дѣлаются несоразмѣрными съ крестьянскими средствами, экзекуція не приноситъ пользы, она только раззоряетъ въ конецъ. Случись наводненіе, голодъ, должно ожидать явленій страшныхъ. Уголовная статистика подтвердитъ, что преступность развивается по мѣрѣ нужды и *лютъ*. Молитва т. е. богослуженіе и проповѣдь—главная и единственная всенародная школа—тоже чаютъ опасности. Бояться должно, что народъ, при свѣтскомъ духовенствѣ, весь перейдетъ въ расколъ поповщины, какъ въ 1791 г. Французы содержали своихъ *безприсяжныхъ* священниковъ. Когда эти двѣ мѣры переполнятся, тогда народъ заговоритъ, и ослабленное въ силѣ и достоинствѣ правительство потеряетъ въ глазахъ его всякое значеніе.

Тутъ припомнитъ расточительность и мотовство правительства. Замѣчательно, что у насъ было это время два дѣла объ оскорбленіи величества, въ которыхъ крестьяне, на сходкахъ о недоимкѣ, называли Государя *мотомъ*. Тогда народъ припомнитъ и страшную роскошь Петербурга и воровства въ милліонахъ, совершенныя чиновниками, всѣ эти Клевенскіе, Политковскіе, Вердеревскіе, Гаевскіе и tutti quanti, мелкіе и крупные. Въ самомъ дѣлѣ, украсть милліонъ, украсть *полтора милліона* соли, это возмутитъ хоть какое равнодушіе. Полтора милліона соли—это цѣлыя горы, а надъ этими горами сидѣли губернаторъ, генералъ Одинцовъ и генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Огаревъ. Да кѣмъ же окруженъ Государь? Васъ обманываютъ! Въ эти одиннадцать лѣтъ сколько безвозвратно, непроизводительно и безслѣдно потрачено денегъ!

Редакція „Москвы“ въ 66 № 23 Марта дошла до послѣднихъ предѣловъ свободы, либеральничанья и цинизма. Разбирая циркуляръ цензурнаго комитета, вслѣдствіе требованія гр. Адлерберга (стараго волокиты) о неприличныхъ отзывахъ печати про театры, редакція (не-

премѣнно И. Аксаковъ) предпослала самому разбору нѣсколько рѣзкихъ сужденій о несогласіи новыхъ порядковъ съ требованіями „репрессивныхъ старческихъ похотей". Со времени женитьбы Аксакова на фрейлинѣ Аннѣ Тютчевой, перо его частенько выражается несовсѣмъ галантерейно. Впрочемъ „Москва" вѣрна и „Парусу" и „Дню". Аксаковъ неизмѣненъ. Жаль, что накликается на запрещеніе; точно, оно въ его видахъ.

Другой редакторъ, М. П. Погодинъ, тоже неизмѣненъ; онъ crescendo вѣренъ тому, что̀ онъ былъ за 15, за 25, за 35 лѣтъ. Какъ я очертилъ его въ „Царѣ-Горохѣ" въ 1833 году, онъ такой растрепаный, немытый, нечесаный и остался и остается. Онъ съ 13 Марта издаетъ недѣльную газету „Русскій". Гораздо приличнѣе бы было назвать его народнымъ *Степка-растрепка*. Боже мой, что̀ это за газета! На какой-то оберточной бумагѣ, какимъ-то плохимъ шрифтомъ, со множествомъ опечатокъ и почти всѣ страницы (4 №№)—пера редакціи. А онъ все тотъ-же! Говоритъ обо всемъ спѣшно, поверхностно, жалко: путаетъ предметы, смѣшиваетъ обязанности, безпрестанный пафосъ, опять величіе, богатства Россіи, жителей сто милліоновъ, земелекъ не мало, Ташкентъ, Архангельскъ и Дербентъ, наши дипломатическіе чиновники при посольствахъ, наши царицы изъ Гречанокъ и слава Великорусскаго племени, и bala вмѣсто fata и folla fournée вмѣсто folle journée, и отодрали бы его розгами, а не судить два часа, и представить бы сдѣлать расправу судебному слѣдователю—„и вся недолга"! Не вѣришь глазамъ. Точно человѣкъ не въ здравомъ умѣ. Выбитый изъ колеи, Погодинъ дѣйствительно болѣнъ лихорадкою самолюбія; но я никакъ не ожидалъ, чтобы въ настоящее время онъ рѣшился писать и мыслить такъ безцеремонно и неряшливо. Онъ просто принимаетъ публику за свою семью съ ея прислугою. Такое служеніе вредитъ и дѣятелю. Впрочемъ онъ не можетъ быть опасенъ. Онъ рубитъ сплеча и хвалится Русскою силою и нашими богатствами. Опасны „Москов. Вѣдомости", опасна „Москва". Онѣ часто говорятъ не разсудку, а страсти и первыя бросаютъ прямо въ лицо подозрѣнія и устрашенія, говоря съ авторитетомъ.

Прочелъ я драматическую хронику Островскаго „Самозванецъ и Шуйскій". Это дѣйствительно не драма, а хроника, разговорная исторія по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (Костомарова и Бицына). Сочиненіе замѣчательное, прекрасно обработанное, иногда мастерски сгруппированное, но едва ли исторически вѣрное. Шуйскій представленъ героемъ, какимъ, кажется, не былъ, не умѣвъ справиться даже съ Тушинскимъ таборомъ. Монологъ его къ боярамъ, послѣ ссылки, исполненъ потрясающихъ впечатлѣній. Это одна изъ лучшихъ страницъ. Монологъ Димитрія о томъ кто онъ—тоже хорошъ. Дмитрій представленъ умнымъ

и ловкимъ вѣтренникомъ, а кажется, послѣ столькихъ опытовъ, онъ могъ бы быть посолиднѣе. Разговоръ съ Мариной много теряетъ послѣ сцены у фонтана Пушкина, но исторически, кажется, правдоподобнѣе Пушкина. Дмитрій самъ не зналъ кто онъ. Въ отвѣтѣ Марины о „безспорныхъ наслажденіяхъ“ есть что-то не дѣвичье и не 1600-е годы. Удивительно откровененъ герой Шуйскій. Уже при въѣздѣ Дмитрія онъ дѣлаетъ вслухъ ясные намеки. Въ самомъ монологѣ выражается насмѣшка и жажда мести боярамъ. Въ Маѣ 1606 г. онъ привлекаетъ въ заговоръ не только бояръ, но и уличную толпу за недѣлю до возстанія. Сдается мнѣ, что въ сочиненіи есть и тенденція. „Смерть І. Грознаго“ графа Толстаго представляетъ бояръ какъ оплотъ престола и опекуновъ народа; здѣсь Шуйскій объясняетъ, что бояре дѣйствуютъ ложью, когда надо. Бояринъ говоритъ, что̀ народъ—стадо! Поставить хронику на сцену можно, и эффектовъ будетъ много; но постановка обойдется дорого. Развѣ пригодятся декораціи и костюмы драмы гр. Толстого? Сомнѣваюсь, чтобы дирекція поставила. „Репрессивныя старческія похоти“ не захотятъ.

Этотъ же предметъ (Годуновская эпоха) подъ названіемъ „Смута“, обработалъ и еще съ бо́льшимъ знаніемъ исторіи (кромѣ Чаева) другой писатель—Бицынъ; но книга его, думаю я, будетъ имѣть успѣхъ посредственный. Языкъ лѣтописи тяжелъ для чтенія, теменъ, суховатъ. Здѣсь герой Шуйскій—просто баба, а настоящій герой—Ляпуновъ или Мининъ. Есть что-то возбуждающее въ этомъ сосредоточенномъ на народной эпохѣ изученіи смутнаго времени. Вызывается, выставляется народъ и одушевленіе, демократія и война. И въ самомъ дѣлѣ, въ воздухѣ пахнетъ народомъ и войною. При данныхъ льготахъ и вольностяхъ стыднѣе сносятся Парижскія невзгоды 1856 года и, пользуясь своими правами, печать хочетъ сослужить народную службу.

Газета „Москва“ получила третье предостереженіе и пріостановлена на 3 мѣсяца. Основанія выражены различныя и общія, и частныя, и мѣстныя. „Московскія Вѣдомости“ замѣчаютъ: „за №№, въ которыхъ опровергались извѣстныя тенденціи газеты „Вѣсть“. Эта война съ м. в. д. Валуевымъ довольно смѣлая; но справедливо ли это замѣчаніе? Нѣтъ. Статьи „Москвы“ относились къ Остзейскому краю и, писанныя Самаринымъ, имѣли всю поступь личности противъ Валуева, дѣйствовавшаго въ краѣ съ указаннаго въ статьяхъ 1849 года. Къ этой личности присоединяется вѣроятно и другая: старческія похоти гр. Адлерберга. А все это имѣетъ источникомъ необузданное стремленіе Московскихъ газетъ глумиться надъ правительствомъ и несомнѣнное усиленіе реакціи. Если Московскія газеты безпрестанно толкуютъ о народѣ, о врагахъ его, то газета „Вѣсть“ такъ и сѣменитъ о революціонныхъ событіяхъ,

объ охранительныхъ началахъ. Походъ на „Вѣсть“ доказываетъ, что реакція дѣйствительно усиливается и, усилясь, надѣется окружить Государя своими людьми и съ помощію ихъ, съ малыми прибавками, измѣнить и земскіе и судебные порядки. Изъ Петербурга безпрестанно приходятъ слухи о перемѣщеніяхъ въ реакціонномъ духѣ: на мѣсто Мельникова—гр. Баранова, Милютина въ Варшаву, слабаго Замятнина прочь. Они готовы были бы спустить и Рейтерна, да не обрѣтается въ рядахъ финансиста. Графъ Дм. Толстой консерваторъ изъ консерваторовъ. М. Лонгиновъ назначается—губернаторомъ*). Подождемъ 17 Апрѣля. Государь ѣдетъ въ Москву. Москва всегда имѣетъ вліяніе въ національномъ смыслѣ. Національный смыслъ немножко патріархальный, помѣщичій; но осуществленіе нашихъ либеральныхъ реформъ совершено такъ быстро, такъ круто, столько смѣшало и оскорбило столько привычекъ, положеній и вкоренившихся обычаевъ, что оппозиція патріархальнаго (разумѣется, теперь облагороженнаго) порядка должна принести свою долю пользы. Можно опасаться одного: какъ бы одностороннія помѣщичьи стремленія не повели дѣла своекорыстно и узко. Разумѣется, свободная печать не допустила бы этого, но допустятъ ли свободную печать?

Вотъ обнародована и государственная роспись на 1867 годъ. Она весьма замѣчательна. Во-первыхъ, бюджетъ Царства введенъ въ общую роспись, хотя частію, въ видѣ отдѣльнаго параграфа. Во вторыхъ, значительно увеличены прямые налоги. Въ третьихъ, увеличивается значительно и процентный долгъ. Въ 1867 году числится процентовъ 75 милліоновъ. Уменьшилась сумма акциза съ вина. Аренды требуютъ 2 мил. Пенсіи—17 мил. Возвышеніе налоговъ—мѣра въ высшей степени непопулярная. Народъ начинаетъ роптать. Въ виду недоимки и, пожалуй, „доимочный приказъ“. Конечно есть заработки—земляныя работы на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ; но эти мѣстные заработки далеко не такъ выгодны, какъ это можетъ казаться, и при томъ же крестьяне находятъ тутъ соперничество въ штрафныхъ солдатахъ и арестантахъ. Будь неурожай, приди война, недоимки въ прямыхъ налогахъ удвоятъ, упятерятъ 4 мил. предположенные въ росписи. Проценты по внѣшнимъ займамъ, не покрываемые Сибирскимъ золотомъ, еще болѣе понизятъ нашъ бумажный рубль, и теперь стоющій уже 320 сантимовъ.

---

*) Я потому упоминаю здѣсь о М. Лонгиновѣ, что этотъ извѣстный крѣпостникъ, говоря со мною зимою 1866 г. о необходимости оппозиціи правительству, закончилъ такъ: „Что же дѣлать, если все правительство наше состоитъ изъ революціонеровъ!“ Теперь г. крѣпостникъ составляетъ часть этого правительства. Я, собственно, вижу въ этомъ болѣе случайность, нежели послѣдовательность системы.

Ожидали сокращеній. Но какія могутъ быть сокращенія при общихъ преобразованіяхъ, при затратахъ на новыя орудія, при общемъ возвышеніи окладовъ жалованья? Отъ скромной (не очень скромной) цифры 1855 года 264 мил. дохода смѣта на 1867 годъ ожидаетъ дохода 397 милліоновъ, и это въ 12 лѣтъ! Нормальный расходъ (до войны) 1840-хъ и 1850-хъ годовъ требуетъ, уже думая о войнѣ—огромной суммы 280 мил. А теперь, на 1867 г. со всѣми сокращеніями и безъ приготовленій къ войнѣ, этотъ нормальный расходъ, *по росписи 1867 г.*, исчисленъ въ 444 милліона! Но сколько передержится—неизвѣстно. А остановиться трудно, невозможно. Много характера, силы воли нужно для поворота къ нормальнымъ исчисленіямъ. Радикальныя реформы всегда ведутъ къ неумѣреннымъ тратамъ, ибо на нихъ основывается успѣхъ этихъ реформъ. Бюджетъ Петра I-го былъ едва ли въ 4 милліона, но народъ тяготился налогами и называлъ великаго дѣятеля порожденіемъ сатаны, антихристомъ. Народъ уже ропщетъ и теперь. Онъ обвиняетъ Петербургъ въ мотовствѣ, и гласные изъ крестьянъ открыто говорятъ въ земскихъ собраніяхъ, что сборы дѣлаются невыносимыми. Будь еще внутренній заемъ—торговля станетъ; она и теперь остановилась на главнѣйшихъ ярмаркахъ, въ Нижнемъ, въ Полтавѣ, въ Ростовѣ, въ Ирбитѣ. Въ нуждѣ и бѣдности просвѣщеніе не пойдетъ. Онѣ ведутъ къ преступленіямъ и преступленіямъ наглымъ.

Апрѣль. Сегодня обѣдалъ у меня финансистъ (герой протекціонистовъ), возвратившійся изъ Петербурга *), гдѣ онъ представлялъ ходатая за фабричныхъ и получилъ обѣдъ съ рѣчью Полетики. Уши вянутъ, слушая его разсказы о томъ, какъ выходятъ по жребію 5% билеты („да вѣроятно и лотерейные“) и какъ своекорыстно дѣлаются заграничныя операціи, теперь выдѣленныя изъ вѣдомства Банка.

Продана Русская Америка, продается Николаевская дорога, компанія отказывается отъ проведенія телеграфа черезъ Сибирь, Берлинскіе капиталисты отказываютъ въ ссудахъ на земскія дороги, Рейтернъ и Гротъ предсказываютъ deficit въ акцизномъ сборѣ до 25 мил. Обѣщаютъ новый заемъ, грозятъ войною. Ничто не страшно. Никакія явленія не страшны, страшны ихъ причины и послѣдствія. Важно то, какъ продать, на какихъ условіяхъ. Вообще пора бы постановить законъ о порядкѣ отчужденія государственной собственности. Я написалъ объ этомъ большой трактатъ въ Министерство Госуд. Имуществъ, но въ ходъ онъ не пошелъ: тогда въ ходу была раздача казенныхъ земель. Я предполагалъ предоставить это общему собранію Сената и Государственнаго Совѣта, по выслушаніи мнѣній отъ сословій мѣстности, гдѣ

*) Александръ Павловичъ Шиповъ.

находится имущество. Вообще, у насъ важнѣйшія дѣла совершаются довольно несложно, единолично и безъ особенныхъ гарантій обдуманности и отвѣтственности. Чтобы получить св. Станислава 4 степени, нужно три представленія, извѣстныя условія, положенія комитета всѣхъ министровъ и высочайшее его утвержденіе; а чтобы получить 22 т. десятинъ (цѣлый Лихтенштейнъ) достаточно доклада генералъ-майора Зеленаго и его же подписи: высочайше повелѣно исполнить. Такъ иногда по личному докладу и единоличному рѣшенію возвышаются (и какъ!) и установляются подати, какъ это было въ 1859 г. о возвышеніи оброчной подати и установленіи лѣсной. Всѣ хотятъ выслужиться и нажиться, а достоинство, уваженіе и охраненіе царской власти намъ ни по чемъ. О государствѣ, объ отечествѣ только говорятъ. Надобно надѣяться, что гласность выработаетъ болѣе отчетливости и добросовѣстности въ нашей частной, общественной и государственной сферахъ. Дай Богъ! Но я опасаюсь и послѣдствій искаженія гласности. Гласная чернота—это уже цинизмъ, гласный порокъ—это уже безстыдство, гласный обманъ—это уже ремесло. Гласность есть отчетъ суда обществу, общественному мнѣнію. Общество есть сложившійся организмъ, а общественное мнѣніе есть окрѣпнувшее понятіе объ общихъ предметахъ. Сложиться организму можно въ извѣстныхъ рамкахъ и при извѣстныхъ условіяхъ, которыя у насъ можно найти городахъ въ пятишести. Какое общество во Владимирѣ, въ Бѣлозерскѣ, въ Ладогѣ? Въ Петербургѣ есть общество и должны бы быть окрѣпнувшія понятія объ общихъ предметахъ; между тѣмъ посмотрите: Протопоповъ ударилъ въ лицо главнаго своего начальника гр. Коскуля за то, что опредѣленъ помощникомъ гр. Комаровскій. Публика аплодируетъ защитнику, она аплодируетъ оправданію Протопопова присяжными. Предсѣдатель приказалъ публикѣ оставить залу. Аплодируя и выходя изъ залы (пишутъ мнѣ) многіе громко говорили, кричали: „такъ и надобно этимъ Нѣмцамъ“ (гр. Коскулю), или „графы-монополисты“ (Сиверсъ, Коскуль и Камаровскій). Какое же это окрѣпшее понятіе о томъ, что „никого, а тѣмъ менѣе начальника, бить не слѣдуетъ?“

Телеграммы о войнѣ изъ Люксембурга перекрещиваются, мѣняются и маскируются. Дѣло придумано дѣйствительно запутанное. Въ Лондонскихъ конференціяхъ въ 1831 г. Люксембургъ былъ раздѣленъ на двѣ части, и *Французскій* назначенъ былъ Бельгіи, а другая половина меньшая, *Нѣмецкая*, Голландіи. Когда наконецъ и Голландія, въ 1839 г., приступила къ этимъ конференціямъ, то въ окончательномъ трактатѣ, въ отношеніи Люксембурга, пояснено, что король Голландскій войдетъ въ соглашеніе „съ Германскимъ союзомъ и агнатами Нассаускаго дома“. Теперь нѣтъ ни союза, ни Нассаускаго герцогства. Ихъ представляетъ

Пруссія, гр. Бисмаркъ. Уже одно то обстоятельство, что Прусскій гарнизонъ остался и остается въ крѣпости и по выходѣ Люксембурга изъ союза, доказываетъ, какую важность прилагаетъ Пруссія этому пункту. Важенъ онъ и для Франціи, какъ стратегическій пунктъ и какъ начало аннексіи Бельгіи. Поэтому война вѣроятна, и обращеніе къ державамъ Лондонскихъ конференцій есть просто отсрочка для окончанія вооруженій. Нѣтъ сомнѣнія, что Франція заручилась Голландіей и Австріей. Наполеонъ такъ много имѣлъ неудачъ, и такъ упало его обаяніе, что ему нужны блескъ, громъ и слава, чтобы держать въ рукахъ славолюбивую націю. Но тутъ, кажется, ожидаетъ его „еще ошибка“ и послѣдняя неудача. Люксембурга ему не дадутъ, и Пруссіи ему не побѣдить. Первенствующая на материкѣ держава перестаетъ быть ею: во всѣхъ отношеніяхъ Франція второй имперіи оказывается несостоятельною. Но для окончательнаго сокрушенія революціонныхъ династовъ едва ли не потребуется участіе Россіи. Нежелательно. И Франція, и династы падутъ сами. Намъ желателенъ миръ для приведенія въ порядокъ финансовъ и для развитія и водворенія нашихъ новыхъ порядковъ. Осуществивъ это, черезъ 10—15 лѣтъ, насъ узнать будетъ трудно. Явится плотное, объединенное великое государство, которому въ братскія объятія побѣгутъ всѣ Славяне и которому протягиваетъ руку дружбы могущественная республика Новаго Свѣта.

Пріѣздъ и пребываніе Государя съ Цесаревичемъ, Цесаревною и Владимиромъ (съ 21 Апрѣля по 1-е Мая) оживили нашу Москву и многихъ изъ насъ, мирныхъ жителей, замучили встрѣчами, представленіями, baise-main'ами, балами и обѣдами. Обѣдъ былъ впрочемъ одинъ во дворцѣ (подрядчика Ташкина, по 12 рублей съ персоны и съ винами), балы у генералъ-губернатора (богатый, блестящій и съ ужиномъ), отъ дворянства (бѣдный, въ плохихъ залахъ и безъ ужина) и во дворцѣ. Купечество построило павильонъ въ Сокольникахъ. Время очень дурно. Грязь, слякоть, дождь, морозъ и снѣгъ. Мостовыя ломаютъ экипажи. Государь застрялъ, ѣхавъ въ институтъ. Я участвовалъ во всѣхъ собраніяхъ, и для меня это было настоящая служба, тяжелѣ сенатской. Цесаревна очень молода и очень мила; ручка ея—ручка ребенка; необыкновенно чисты и ясны ея черные глаза: туалеты, особенно брилліанты чрезвычайно роскошны. Разсказовъ объ ней никакихъ нѣтъ, ни о вопросахъ, ни объ отвѣтахъ, ни о наблюдательности. Въѣздъ ея 21 Апрѣля и особенно отъѣздъ, 1 Мая, въ Сокольники и на станцію были великолѣпны. Сплошныя массы народа стояли по сторонамъ стѣною, полками, горами. Иллюминація удалась вполнѣ, павильонъ купечества былъ драпированъ и иллюминованъ превосходно.

Такъ торжествовала старая столица знакомство свое съ Цесаревной. Она, „голубушка“, постоянно была здорова, весела, любознательна и внимательна. Она отозвалась (будто бы), что Москва понравилась ей болѣе Петербурга (сомнительно, послѣ величавой встрѣчи ея въ Петергофѣ, Царскомъ и Петербургѣ, съ дворомъ, гвардіей и дипломатами) и что она полюбила Москву. Это очень вѣроятно. Въ Москвѣ она была полною хозяйкой, исключительнымъ предметомъ любопытства, всякаго вниманія и всѣхъ манифестацій. Въ Петербургѣ нѣтъ краснаго крыльца съ царскою площадью и соборами и всѣмъ Кремлемъ. Святыня эта вліяетъ на глубокое чувство религіозности. Нѣжность Государя къ ней видна на каждомъ шагѣ; я не видѣлъ, чтобы Цесаревна хотя бы словечкомъ обмѣнялась съ мужемъ. Вообще онъ былъ скроменъ и молчаливъ, стараясь постоянно стушевываться. Я сей часъ (10 часовъ) изъ Сокольниковъ и записываю это памятное время. По обыкновенію сыпались награды, шифры, аренды.

Всѣ толкуютъ объ ожидаемыхъ реакціонныхъ мѣрахъ. Но въ чемъ же онѣ могутъ быть? Ихъ легко достигнуть двумя путями: назначеніемъ на мѣста лицъ извѣстнаго положенія и направленія и возвышеніемъ ценза при всякихъ выборахъ, присяжныхъ и гласныхъ. Такъ, но согласится-ли высшій цензъ служить, трудиться? Едва-ли. Служить и трудиться наши высокіе цензы не привыкли, они любятъ столичныя удобства и легенькія достиженія. Могутъ ограничить судъ! Но какъ? Перепортивъ? Въ судахъ желательно бы видѣть болѣе строгій выборъ въ назначеніи лицъ. Старшій предсѣдатель Полѣновъ жаловался на невѣжество и неопытность членовъ палаты. Здѣшній прокуроръ палаты Ровинскій жилъ открыто со вдовою своего брата и теперь, перессорившись съ ней, бѣжалъ изъ своего дома и поселился въ №№ Кокорева. Въ провинціи члены окружныхъ судовъ изъ рукъ вонъ плохи. Я съ своей стороны, въ письмѣ отъ 17 Апрѣля на имя гр. Викт. Никит. Панина, какъ главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, обратилъ вниманіе на сильно увеличивающееся число преступленій. Ихъ напримѣръ было:

	1860.	1861.	1862.	1863.
Число подсудимыхъ вообще	407.927,	450,462,	474,518,	488,452.
Въ томъ числѣ временно-обязанныхъ	19,600.	22,681.	24,964,	27,000.
Осуждено: за преступленія противъ верховной власти	47,	65,	172,	4,785.
Осуждено: противъ органовъ сей власти	2,701,	2,769,	3,753,	3,951.
Осуждено: на смертную казнь. . .	7,	7,	15,	287.

Я приписываю значительный процентъ этой массы, между прочимъ, дурной системѣ нашихъ наказаній (которую всю исковеркали позднѣйшія послабленія) и недѣйствительности наказательныхъ нашихъ учрежденій, для улучшенія которыхъ ничего не сдѣлано. Завелась хорошенькая тюрьма для арестуемыхъ мировыми судьями, да предположены пріюты для малолѣтокъ. Немного. Не знаю, какъ взглянетъ на мои соображенія ex-главноуправляющій, но думаю, что я исполнилъ долгъ свой, указавъ на явленія, основанныя на оффиціальныхъ источникахъ (Статистическій Временникъ Мин. Вн. дѣл.). Я полагаю, что цифры послѣднихъ годовъ, 1864—1866, еще болѣе подтвердятъ, что мы находимся не въ нормальномъ состояніи и что продолжительная ненормальность грозитъ изуродовать весь организмъ. Ну, а если эти соображенія примутся къ подкрѣпленію реакціи? Такъ что же? Это усилитъ ненормальность, и только.

Май. Все толки объ обрусеніи Западныхъ губерній, объ учрежденіи ссудныхъ банковъ и коммисіонерныхъ развѣдокъ, о покупкахъ съ пособіемъ и льготами частныхъ имѣній. Все это похоже на кукольную комедію. Край въ осадномъ положеніи, принципъ національностей въ Европѣ въ полномъ разгарѣ, баронъ Ф. Бейстъ кокетничаетъ съ Поляками, газеты трубятъ на всѣ стороны и ожидаютъ малѣйшаго случая, чтобы провозгласить законность правъ Поляковъ; а въ краѣ военныя власти, безпрестанно мѣняютъ главныхъ начальниковъ, назначаютъ дискреціонныхъ посредниковъ, истощаютъ имѣнія, разрушаютъ хозяйства и не даютъ жителямъ ни судовъ, ни земства, которые внесли столько жизни въ коренныхъ губерніяхъ. Ну кто же захочетъ покупать? Да и на какіе капиталы? Да и самое передвиженіе капиталовъ, столь нужныхъ намъ, не остановитъ-ли нашихъ дѣлъ? Все это ненормально и не только неисполнимо, но положительно вредно, если бы исполнилось съ усиліями правительства и нарушеніемъ правъ третьихъ лицъ. Поляковъ и Католиковъ выслать и искоренить нельзя. Остается—дать имъ заслуженное ими положеніе, т. е. не предоставлять никакихъ политическихъ правъ. Придетъ время, окрѣпнутъ узы, ослабнутъ предубѣжденія, и тогда можно постепенно распространять права эти и на нихъ. Достаточно ввести въ присягу на службу: „исповѣдаю ученіе церкви по символу вѣры Никейскаго собора“. Революція нашла себѣ проводниковъ и пособниковъ не столько въ землевладѣльцахъ, сколько въ администраціи. Сколько напроказилъ одинъ Огрызко! Какъ не вѣрилъ я умиротворенію Муравьева, такъ не вѣрю и блестящимъ результатамъ Безака. Какъ не вѣрю прочнымъ послѣдствіямъ отъ штыковъ и произвола, такъ не вѣрю полезнымъ послѣдствіямъ принудительнаго отчужденія имѣній. Стройный и твердый порядокъ въ этихъ губерніяхъ и

возвышеніе просвѣщенія въ Россіи вотъ единственные пути прикрѣпленія нашихъ окраинъ къ коренному центру, гдѣ сплошная масса 55 милліоновъ только ждетъ просвѣщенія, чтобы разлиться и потопить эти народности въ Русскомъ морѣ. Послѣднія преобразованія въ Польшѣ въ городахъ и въ крестьянскихъ земляхъ, самое раздѣленіе губерній и ихъ подчиненіе много должны отрезвить Поляковъ и наши Западныя провинціи. Но дайте просвѣщеніе, гимназій, университетовъ и правильнаго, нормальнаго порядка. До сихъ поръ я вижу осадное положеніе, странное увеличеніе бюджетныхъ цифръ и долговъ, страшное распространеніе дешевки и преступленій и игру въ счастье.

Все празднества! Едва прошли шумные пиры Цесаревны, наступила выставка этнографическая, пріѣхали Славяне, человѣкъ 70—80, отъ Кошуба до Далмата (ни одного Болгарина). Манифестаціи задушевныя, широкія и громкія! Событіе чисто политическое, вызывающее и—какъ всегда у насъ—преувеличенное. На границѣ путешественники были встрѣчены депутаціей Русскаго Варшавскаго общества, и отсюда поѣздка ихъ превращается въ тріумфальный поѣздъ съ толпами народа, криками „ура, слава и живіо“, съ парадными встрѣчами въ мундирахъ и съ хлѣбомъ-солью, съ рѣчами и спичами и съ стихотвореніями, изъ которыхъ особенно удачны: Берга въ Варшавѣ, Тютчева и Майкова въ Петербургѣ. Рѣчи—кромѣ рѣчи графа Д. А. Толстаго—почти невольно, исключительно національно-политическія. Стихи просто политическіе. Изъ извѣстныхъ дѣятелей пріѣхали: Палацкій, Ригеръ, Эрбенъ, Головацкій.

Рѣчи наши и ихъ отличаются большою теплотою и восторженностію. Этотъ Славянскій праздникъ многознаменателенъ по сближенію и союзу всѣхъ Славянъ съ Россіей, при нравственной поддержкѣ которой угнетаемыя племена съ бо́льшею выразительностію и силою готовы поддерживать свою самостоятельность противъ Мадьяръ и Нѣмцевъ. Желательно, чтобы сближеніе это было не на однихъ словахъ, но и на *буквахъ*. Принятіе нашего алфавита много облегчитъ литературное сближеніе и сгладитъ племенную рознь всѣхъ Славянъ; особенно важно это въ отношеніи Сербовъ, Иллировъ и Чеховъ. Принятіе нашего языка, по мнѣнію моему, рѣшительно невозможно: ни Чеха, ни Серба и намъ, людямъ образованнымъ, понять нельзя.

Завтра Славяне пріѣзжаютъ въ Москву. Что-то сможемъ мы сдѣлать послѣ богатствъ, блеску и изяществъ Петербурга, такъ много поглащающаго Россію? Москва—Русскій, Славянскій городъ. Здѣсь Кремль и Славянская натура. Да, но не должно забывать, что *Западные* Славяне—западники и болѣе Нѣмцы. Все возимся и угощаемъ Славянъ. Палацкій очень сдержанъ, Ригеръ не скрываетъ желанія выказать свое

западное превосходство. Головацкій такъ заговорился, что едва-ли не придется ему остаться у насъ. Говорятъ, что это уже и устроено министромъ просвѣщенія.

Всё Славяне. Общеніе радушное. Особенно чувствительны и сочувственны Сербы. Всё Славяне. Но манифестаціи открыто принимаютъ характеръ политическій. Сегодняшній обѣдъ въ павильонѣ—просто политическій митингъ. Рѣчи Ригра и кн. Черкасскаго за и противъ Поляковъ, послѣ—всегда безтактнаго Погодина и, кажется, по предварительному условію, были неумѣстны и очень непріятны: рѣчь Ригра—по несоотвѣтствію настоящаго расположенія Русскаго духа, возмущеннаго Польскими жестокостями, рѣчь Черкасскаго—по недобросовѣстности доводовъ, имѣвшихъ видъ насмѣшки надъ побѣжденными. Лежачаго не бьютъ, говоритъ Русская пословица *).

Вообще Славянскій съѣздъ имѣетъ совершенно политическій характеръ, какъ по прямымъ воззваніямъ Сербовъ и Болгаръ къ Русской помощи, такъ и по невольному положенію Славянъ Австрійскихъ и по личному значенію ихъ представителей. Въ Австріи съѣздъ этотъ вызоветъ бурю насмѣшекъ и негодованія, фантомъ панславизма, пугающій не одну Австрію, и усиленное ложное отношеніе Славянъ къ дуализму Австро-мадьяровъ и наоборотъ. Безъ общаго съ нами алфавита и языка (скажу болѣе: безъ соединенія съ нами) Австрійскіе Славяне предназначены онѣмечиться. Жаль, но законы исторіи свои, и ломаетъ ихъ только революція.

Амнистія! Все амнистія! Что значитъ эта щедрость помилованій? Мщеніе правосудія? Мзда несправедливости? Раскаяніе ошибки? Не понимаю. И почему этотъ актъ присланъ съ границы, изъ Вержболова? Всѣ порицаютъ поѣздку въ Парижъ, къ ненавистному Русскимъ Наполеону, Парижъ, скопище Поляковъ. Амнистія 20-го Мая задобряетъ Европейское мнѣніе. Но развѣ амнистія порождаетъ преданность, признательность и привязанность? Никогда. Она пробуждаетъ ненависть и мщеніе. Она доказываетъ слабость и даетъ убѣжденіе въ правотѣ вражды и несправедливости потерпѣннаго. Прощенные всегда зачинщики возстанія и крамолы. Пора бы это знать.

Вообще, радикальныя и непослѣдовательныя мѣры настоящаго царствованія грозятъ непредвидимыми бѣдствіями. Что-то ужъ слишкомъ

*) Кн. Черкасскій выгодалъ, что положеніе Поляковъ лучше нашего: у нихъ 24 гимназіи на 10 (5) губерній и съ души платится не 6 1/2 р., а только 4 1/2. Въ „Статистическихъ свѣдѣніяхъ“ Воейкова и Загоскина говорится: Поляки въ югозападномъ краѣ платятъ податей отъ 35 до 40 коп. съ десятины; въ Галиціи податей поземельныхъ приходится по 56 кон. на десятину, а въ Царствѣ Польскомъ помѣщики платятъ до 63 к. съ десятины.

много и добра и славы. Добро и слава не даются ни легко, ни даромъ. Иначе онѣ теряютъ свое достоинство и смыслъ, а за тѣмъ унижаютъ истину и искажаютъ дѣйствительность.

Говорятъ, что амнистія 20 Мая выработана гр. Шуваловымъ, мимо князя Горчакова. Она принята въ Москвѣ очень неблагосклонно. Боже мой, какъ все не зрѣло, какъ все—призраки. какъ во всемъ мало самостоятельности и какъ все малоплодно!

Покушеніе Березовскаго, 25 Мая! Дайте опомниться. Не предчувствовали ли мы это при первомъ извѣстіи о поѣздкѣ въ Парижъ? Боже мой, да этакъ помиришься съ идеей о смерти. Въ реформахъ. агитаціяхъ и манифестаціяхъ голова кружится, вѣра умаляется. а тутъ покушеніе на цареубійство. Надобно же наконецъ вникнуть въ источникъ и причины таковаго фанатическаго настроенія. Я не вижу другаго источника какъ крайнія, диктаторскія мѣры, которыя такъ неблагоразумно и такъ безполезно принимаются радикалами. въ родѣ Ник. Милютина и Якова Соловьева. Уничтоженіе особой организаціи Царства. рѣзкая отмѣна феодальныхъ остатковъ и укрѣпленіе земли крестьянамъ. особенно произвольное распоряженіе собственностію въ западныхъ губерніяхъ, привели и приводятъ Поляковъ въ такое безнадежное положеніе, отчаянное положеніе, что имъ продерзость является. вмѣстѣ съ ложью и хитростью. единственнымъ исходомъ. Въ закружившихся головахъ невольна мысль о паденіи. Я не думаю, чтобы Французская полиція открыла заговоръ. Если бы она и открыла его, она его скроетъ. и падетъ одна голова Волынскаго шляхтича Березовскаго. А безъ заговора мелкая личность дѣйствовать не рѣшится. Здѣсь непремѣнно была шайка. сговоръ, какъ и у Каракозова, хотя связи между ними никакой нѣтъ, но въ убійствахъ политическихъ побужденія всегда скрываются или въ фанатизмѣ или въ угнетенной партіи. Бывало побужденіемъ и престолонаслѣдіе. но не здѣсь.

Блестящіе пріемы, торжества (праздникъ Датской конституціи Фридрихъ VII) и народныя манифестаціи продолжаются еще сильнѣе послѣ 25 Мая (6 Іюня), и Березовскій плохую услугу оказалъ Польскому дѣлу. Государь ведетъ себя по рыцарски. Онъ ѣздитъ въ открытомъ экипажѣ. верхомъ, ходитъ пѣшкомъ. твердо вѣря. что „судьбы государей въ рукахъ Божіихъ“ и надѣясь, что „это событіе еще болѣе укрѣпитъ его связи съ императоромъ и Франціей“.

Награды сыплятся: звѣзды. кресты табакерки. и перстни. Особенно щедро награжденъ шталмейстеръ Рембо, лошадь котораго получила часть заряда и окровавленною мордою забрызгала мундиры сидѣвшихъ въ экипажѣ. Адресовъ опять множество. Мы, Московскіе сенаторы, посылаемъ телеграмму по пріѣздѣ Государя въ предѣлы Россіи. Теле-

грамму сочинилъ князь Одоевскій, и я поправилъ ее только вмѣсто „выраженія вѣрноподданности и преданности“ „чувствомъ благоговѣнія къ знаменіямъ Провидѣнія, охраняющаго драгоцѣнную жизнь преобразователя Россіи“. Но пора бы Государю и воротиться. Невольно боишься за Государя въ этихъ быстрыхъ поѣздкахъ, въ этомъ круговоротѣ празднествъ, парадовъ и уличныхъ массъ. Въ случаѣ несчастія послѣдствія могутъ быть страшныя, хотя ни въ какомъ случаѣ въ пользу Поляковъ, и расчетъ ихъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы происки нашли вниманіе при дворѣ, никогда оправдаться не можетъ.

На дняхъ въ праздной Москвѣ разносились слухи: 1) что было новое покушеніе, и Государь легко раненъ, но событіе скрывается. 2) что въ Варшавѣ Государь обѣщаетъ при извѣстныхъ условіяхъ, и 3) что въ Вильнѣ Государь обѣщаетъ отстрочить указъ 10 Декабря 1865 г. (объ обязательной продажѣ земель) до 10 Декабря 1869 г. Ничему я не вѣрю. Но не многаго отъ всего этого я и ожидаю. Я бы молилъ объ одномъ: уменьшить, ослабить политическую лихорадку, которая трясетъ насъ, и дать вздохнуть и водвориться спокойному, солидному изученію, безъ котораго никакое прочное объединеніе Россіи невозможно.

Поѣздка царская представляетъ совершенно торжественный поѣздъ. Вездѣ встрѣчи, толпа, крики, иллюминаціи и празднества. Особенно замѣчательна рѣчь Государя къ Остзейцамъ. Государь говорилъ по русски и напомнилъ имъ, что „они не должны забывать, что принадлежатъ къ Русской семьѣ“, выразилъ надежду, что они съ готовностію должны подчиниться тѣмъ перемѣнамъ, которыя онъ предначерталъ для вящшей пользы края. Нѣмцы конечно повѣсятъ носы, прикидываясь стѣсненными и придумывая, какъ бы обойти эти перемѣны, а знаменитый докторъ Мейеръ изъ Вестфаліи объяснитъ это съ своей точки зрѣнія.

Поѣздка въ деревню, 22 Іюня—1 Августа 1867 г. Поѣздка и пребываніе продолжались около шести мѣсяцевъ. Имѣніе наше падаетъ и, со введеніемъ новыхъ судовъ, весьма желаемыхъ и нетерпѣливо ожидаемыхъ, вѣроятно пойдетъ съ молотка. Работы плохія, управленіе плохое и плохой годъ. Положеніе крестьянъ все хуже и хуже. Кромѣ водки-дешевки, которой замѣчено мною мало, раззоряютъ ихъ раздѣлы. Богатыя и сильныя семьи дробятся, слабѣютъ и приходятъ въ бѣдность. Удивляться надобно, какъ правительство, въ настоящемъ положеніи, рѣшается возвышать прямые налоги и возвышать почти втрое: подушная подать съ 1 рубля, по Орловской губерніи, возвышена до 2 р. 80 к. Съ семьи въ 3 души одной подати сойдетъ около 9 рублей. Гдѣ ихъ взять? Хорошіе заработки, правда, на желѣзныхъ дорогахъ Орловско-Курской и Орловско-Витебской; но это только для 30, 40 тысячъ душъ; и при томъ заработки временные. Высокія подати истощаютъ населеніе

и затрудняютъ стремленіе къ образованности и къ порядочной домашней жизни. Два событія въ это лѣто обращали на себя особенное вниманіе: выборъ мировыхъ судей и образованіе приходскихъ попечительствъ. Въ выборахъ, земство, кажется поступило осторожно и съ толкомъ: выбрали хорошихъ людей, свѣдущихъ и безъ тенденцій. Я боюсь здѣсь не тенденцій, но лѣни и равнодушія. Лѣнь и равнодушіе замѣтны и въ земствѣ, а лучшій элементъ мироваго института (почетные судьи) тоже земская тяга. Общественная заботливость у насъ слаба, и удобства помѣщичьей жизни, даже обѣднѣвшей, рѣдко кто согласится нарушить столь неудобными у насъ переѣздами. Приходскія попечительства, по закону 4 Августа 1864 г., принимаются очень туго, и на 4-й годъ ихъ много менѣе, и попытки на открытіе ихъ встрѣчаютъ явное противодѣйствіе со стороны духовенства, низшаго и высшаго, видящихъ въ этомъ нововведеніи посягательство на права свои, основанныя на положительныхъ законахъ. Вообще духовенство считаетъ себя въ гоненіи и смотритъ какъ на ересь на свѣтскія вмѣшательства, которыми ополчаются и журналистика, какъ напр. „Московск. Вѣдомости“ отъ 25 Іюля, отрицающія православіе въ нынѣшнемъ устройствѣ духовнаго сословія и церковнаго чина, и новый оберъ-прокуроръ, какъ напр. реформа о замѣщеніи священно-служительскихъ постовъ и допущеніе въ семинаріи всѣхъ сословій, по призванію. Вторженіе свѣтскаго элемента, какъ и во всемъ, дѣйствительно немного насильственно, нарушаетъ установившіеся порядки и отношенія. Нововведенія эти прекрасны, вѣроятно будутъ полезны; но привычки имѣютъ свои права и требованія, и незапное радикальное ихъ устраненіе, при необразованности массъ, можетъ имѣть непредвидѣнныя и важныя послѣдствія. Крутые повороты вредны уже тѣмъ, что съ опасностію и болью измѣняютъ обычный ходъ жизни, вызываютъ непремѣнно оппозицію и встрѣчаютъ препятствія, которыя иногда способны исказить дальнѣйшее развитіе начала, возбуждая съ одной стороны недовѣріе, предубѣжденіе и страхи, а съ другой усиленный напоръ, раздраженіе и окрытую распрю, въ средѣ, гдѣ должны господствовать миръ, взаимность и любовь. Раскольники сочувствуютъ этимъ мѣрамъ.

Въ продолженіе Іюля я прочелъ: La Fronde et le Parlement устарѣвшаго (и теперь уже покойнаго) Баранта; Der Talmud фанатическаго рыцаря Павликовскаго—книга не совсѣмъ безполезная; Государственное Русское право неученаго Андріевскаго, посредственность, при нынѣшней разработкѣ нашего права, едвали не ниже книги 1836 Дюгамеля-Эверса, и „Народное хозяйство и Государство“ Дитцена—книга замѣчательная, но односторонняя и увлекающаяся. Отмѣтки краткія сдѣланы на самыхъ книгахъ, по моему обыкновенію. Хотя я читалъ и „Моск. Вѣдомости“ и „Рус-

скія“ и „Москву“, но о событіяхъ внутреннихъ (движеніе реакціи) и внѣшнихъ напишу послѣ.

Движеніе реакціи выражается кромѣ личныхъ назначеній, уже и въ общихъ законодательныхъ мѣрахъ. Дисциплина всѣхъ земскихъ, сословныхъ и городскихъ собраній усилена до крайности, и губернаторское требованіе безусловно обязательно. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого ограничена печатная ихъ гласность, допускаемая только съ разрѣшенія губернатора. При ограниченіи обложенія съ торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ и при этихъ затрудненіяхъ наши собранія не обѣщаютъ никакихъ, многими предсказанныхъ, блестящихъ улучшеній въ земскомъ и городскомъ быту. Нельзя уже надѣяться и на выработку политическаго смысла въ обществѣ, едвали возможны и самые ораторы.

Къ числу общихъ реакціонныхъ мѣръ должно причислить и закрытіе „товарищества“ покупателей Польскихъ имѣній. Я не былъ за указъ 10 Декабря 1865 г. ни, слѣдовательно, за товарищество; но правительство приняло эти энергическія мѣры въ видахъ обрусенія края, который „Три раза Русскій“. Можно было сомнѣваться въ пользѣ и самой примѣнимости этихъ мѣръ. Но газета „Биржевыя Вѣдомости“ прямо называетъ этотъ указъ „исходящимъ изъ коммунистическихъ началъ“, а газета эта находится подъ покровительствомъ министровъ финансовъ и (друга Государя) графа Ивана Матвѣевича Толстаго. За тѣмъ другая газета „Вѣсть“, уже и прежде заявлявшая, что „земскія собранія раззоряютъ Россію“, теперь называетъ ихъ составленными „подъ вліяніемъ ученій Французской революціи“. Значеніе этихъ газетъ неважно, но важно смѣлое ихъ заявленіе о законодательныхъ актахъ, оставленное не только безъ „предостереженія“ вопреки прямому смыслу закона о печати, не смотря на то, что и „Москов. Вѣдом“. и „Москва“ выставляли на видъ такой дерзкій отзывъ. Надобно полагать, что вѣроятно такъ смотритъ на эти акты и само нынѣшнее высшее управленіе.

Дѣла домашнія (внѣшнія), наши отношенія къ окраинамъ нашимъ, улучшаются мало. Преобладающее положеніе Русской національной партіи, громко заявляющей о себѣ во всѣхъ лучшихъ органахъ печати и находящей отголосокъ и сочувствіе во многихъ (во всѣхъ) Славянскихъ племенахъ, невольно усиливаетъ мѣстныя стремленія инородческихъ окраинъ. Это естественно. Финляндія хвалится, въ рѣчи губернатора гр. Палена, распространеніемъ общихъ Финляндскихъ порядковъ на старую Русскую Финляндію. Еще въ Маѣ 1865 г. я писалъ (и мнѣніе мое напечатано), что Выборгскую губернію слѣдуетъ причислить, по суду, къ Петербургскому округу, какъ и Эстляндію, часть которой вошла въ составъ Петербургской губерніи. Прибалтійская печать явно братается съ Германскою, и надобно удивляться терпимости правительства

къ гг. Мейеру и его собратамъ въ Ригѣ и Дерптѣ. Судя по словамъ Государя, что Остзейцы „не должны забывать, что они часть одной семьи Русской", надобно полагать, что правительство рѣшилось на какія нибудь коренныя нововведенія. Всего болѣе можно полагать надежду на Министерство просвѣщенія, которое до сихъ поръ ничего не сдѣлало для прочнаго тамъ водворенія Русскаго языка, не смотря на всѣ настоянія императора Николая.

Русскій языкъ и надѣлъ крестьянъ землею укрѣпитъ этотъ край окончательно за Россіей, но едва ли это совершится при министрѣ Валуевѣ, большомъ сторонникѣ Нѣмцевъ Балтійскихъ.

Въ Польшѣ вводятся общія учрежденія. Это хорошо. Но тамъ очень усиливается Нѣмецкій элементъ, и наборъ хорошихъ чиновниковъ (на которыхъ вездѣ такой запросъ) встрѣчаетъ большія затрудненія. Западныя губерніи со страхомъ ждутъ 10 Декабря, все надѣясь на отмѣну указа или покрайней мѣрѣ на отсрочку, хоть на годъ. Положеніе затруднительное, и едва ли правительство съумѣетъ выбраться изъ этого затрудненія. Полякамъ остается помириться со своимъ положеніемъ. Это тѣмъ болѣе желательно, что примиреніе, во-первыхъ, необходимо, а во-вторыхъ, отъ него хуже не будетъ, а можетъ быть лучше. Полезно было бы пожить Государю со дворомъ въ Кіевѣ, гдѣ, говорятъ, будетъ построенъ новый дворецъ. Странно, что я, лично, какъ-то не вѣрю заслугамъ въ этихъ краяхъ генерала Безака и графа Баранова.

Окраина Кавказская, какъ новь, подвигается быстрѣе. Тамъ же и начальникъ полномочнѣе. Но въ полуазіатскомъ краѣ этомъ кишатъ другія язвы: воровство въ управленіи должно быть общимъ національнымъ хроническимъ недугомъ.

Новая окраина Среднеазіатская едва образовалась и можетъ похвалиться преобразованіемъ только еще бумажнымъ. Имя начальника обѣщаетъ много хорошаго. Хороши ли, дурны ли предпринимаемыя мѣры, но да будутъ онѣ постоянны. Уклоненія, примѣнчивость, непостоянство—вотъ наши лихіе воры.

Августа 18 я отдалъ моего Дмитрія въ Нѣмецкое училище д-ра Цима. Это 7 классная гимназія, гдѣ всѣ предметы (кромѣ латыни и алгебры) преподаются Русскими и по-русски и гдѣ мой 12 лѣтній юноша принятъ въ 4 классъ. Тяжело было разставаться съ нимъ. Съ 9 утра и до 4-хъ часовъ онъ тамъ. Поутру мать съ сестрою его отводятъ, въ 4 всѣ мы его приводимъ. Сильно было первое впечатлѣніе сторонняго міра на ребенка, жившаго одною нѣжною любовью семейства. Увидѣвъ наказаніе своего товарища, поставленнаго за шалость на колѣни, онъ, когда сѣлъ съ матерью въ карету, бросился къ ней на ко-

лѣни и заплакалъ. У него всегда много выражалось сострадательности. Идя со мною домой, онъ заявилъ, что очень ругаются между собою ученики. „Что̀, дуракъ, скотина?“ спросилъ я. Нѣтъ, похуже—и прошепталъ: „чертъ“. Первый и второй день и даже третій день бѣдный былъ въ постоянномъ лихорадочномъ состояніи. На четвертый занемогъ, его рвало желчью, потомъ наступили праздники, и онъ успокоился. Теперь, десятый день, онъ немного освоился и успокоился. Въ лихорадкѣ порядочной были и мы, старыя дѣти.

Посѣтилъ меня, чтобы пригласить на открытіе военнаго суда, статсъ-секретарь В. Д. Философовъ. Много перемѣнился онъ; возвышенія и успѣхъ дали ему самоувѣренность и смѣлость, которыхъ прежде въ немъ не было. Говорили о судебной реформѣ, начатой генер. Крыжановскимъ и имъ оконченной.

Онъ подтвердилъ, что преступленія усилились значительно и приписываетъ это, сверхъ общей распущенности, особенно дешевкѣ и дурному корпусу офицеровъ, „которыхъ система покойнаго Ростовцева систематически воспитывала въ безнравственности, лжи и невѣжествѣ“. (Язычекъ!) На возраженіе мое о недостаточности гарантій *полковаго* суда, совершенно зависящаго отъ начальства, онъ объяснилъ, что это сдѣлано въ видахъ поднятія дисциплины, а о невозможности единства кассацій при трехъ главныхъ судахъ, онъ отозвался, что по многимъ вопросамъ теоріи военно-судный уставъ долженъ былъ сдѣлать уступки требованіямъ дѣйствительности и условіямъ мѣстности. Реформа судебная совершена и въ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ дѣятелемъ былъ мой оберъ-секретарь Яневичъ-Яневскій. Нельзя не замѣтить, что и военное и морское начальство встрѣтили эти преобразованія съ нескрытымъ предубѣжденіемъ. Предсѣдатель главнаго морскаго суда адмиралъ Епанчинъ даже просто выразилъ надежду, „что при содѣйствіи главнаго прокурора дѣла пойдутъ также хорошо и быстро какъ и въ генералъ-аудиторіатѣ“.

Ограниченіе газетной гласности въ печатаніи судебныхъ прѣній вѣроятно будетъ предметомъ протеста со стороны журналистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобное ограниченіе несовмѣстно ни съ публичностію, ни съ гласностію. Что̀ за гласность безъ печати?

И гражданская реформа суда распространяется. Въ концѣ года открывается Харьковскій округъ, во главѣ котораго поставленъ мой пріятель баронъ Н. Е. Торнау, съ особенными правами. Желалъ бы я знать, чѣмъ руководствовался Торнау, назначивъ членомъ палаты Брилевича, никогда не служившаго по судебной части, вспыльчиваго, заику и картёжника, и предсѣдателемъ суда—Эдуарда Фукса, молодаго прокурора, прослужившаго едва шесть лѣтъ?

Желаю я знать еще, какъ поворотится съ кассаціонными жалобами одинъ департаментъ Сената, когда откроется новый округъ? Я полагалъ-бы отдѣлить мировую юстицію въ особый департаментъ.

Прекрасно задуманный и добросовѣстно продолжающійся „Вѣстникъ Европы“ Стасюлевича (немножко сторонника) представляетъ окончаніе замѣчательнаго труда Костомарова: „Смутное Время Московскаго государства“, въ 7 книгахъ. На этомъ времени остановился Карамзинъ, за него пытался приняться Д. П. Бутурлинъ, его обозрѣвалъ профессоръ Соловьевъ. Трудъ Костомарова упраздняетъ всѣ эти попытки и выражаетъ эпоху во всей полнотѣ доселѣ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ источниковъ. Трудъ капитальный, пріобрѣтеніе науки и литературы богатое. Иногда во очію видишь разсказываемыя событія: до того они живы, подробны и рельефны. Страницы „значенія этой эпохи въ Русской исторіи“ читаются съ ласкающимъ патріотизмомъ и съ возвышеннымъ удовольствіемъ. А все нельзя не сказать: и на этомъ трудѣ современность, наше время, наложили печать свою, и сочиненіе принадлежитъ болѣе литературѣ, нежели наукѣ. Кто былъ самозванецъ? Это кажется навсегда останется загадкой. Что способствовало ему и развитію крамолы и воровъ, доведшихъ великое государство Іоанновъ почти до разрушенія? Высчитывая многія причины, странно, что историкъ не упоминаетъ о народной привязанности къ законному царю, которымъ доженъ бы быть Дмитрій, убитый въ Угличѣ. Безъ этого убійства крамолы и мятежи не обняли бы всѣ классы и особенно низиніе.

Исчезаетъ старое право, зарождается новое и установляются порядки невиданные. Кавуръ-Гарибальди, съ помощію Наполеона, устроиваютъ Италію; эрцъ-герцогъ Максимиліанъ, съ помощію Наполеона, устроивалъ Мексику; Францъ-Іосифъ, съ помощію Наполеона, думалъ устроить Германію. Доколѣ этотъ символъ революціи будетъ имѣть значеніе, установленіе прочнаго порядка, по моему убѣжденію, немыслимо. И этотъ господинъ навязывается намъ въ друзья! Дружба эта можетъ насъ компрометтировать, стѣснить, запутать. Сближеніе съ Франціей полезно только для ослабленія буйныхъ надеждъ Поляковъ и варварства Дивана, но для этого сближенія сдѣлано все, что было можно со стороны Государя. Онъ почти семьей ѣздилъ въ Парижъ и подвергался тамъ оскорбленіямъ и опасности. Наполеонъ поссоритъ насъ съ Германіей, которая и безъ того выдвигаетъ на насъ преобладающее соперничество на *Остзейскомъ* морѣ, къ которому прилегаютъ наши *Остзейскія* губерніи, мятущіяся уже и теперь отъ царской рѣчи въ Ригѣ и отъ положенія Комитета Министровъ, рѣшившаго, совокупными мѣрами всѣхъ вѣдомствъ, исполнить законъ 1850 года о введеніи Рус-

скаго языка. Здѣсь развязка возможна только одна: освобожденіе христіанъ отъ мусульманскаго владычества. А онъ этого-то и не допуститъ. Онъ ограничится гатти-гумаюнами, прикидываясь вѣрующимъ въ неисполнимыя Турецкія обѣщанія.

Не посовѣтовалъ бы я и союзъ съ Пруссіей. Бисмаркъ—Кавуръ Германіи съ тѣми же нарушеніями международныхъ трактатовъ и съ революціонными замашками въ Богеміи и Венгріи.

Неустановившееся новое право дѣлаетъ невозможными никакіе союзы. Они возможны съ Австріей и особенно съ Англіей: но съ Австріей насъ ссорятъ наши единоплеменцы, а съ Англіей мы сталкиваемся въ средней Азіи и въ отношеніяхъ съ Сѣвероамериканскими Штатами. Останемся безъ союзовъ. Заключимъ тѣснѣйшій только съ великой *бережливостью*. Она намъ поможетъ во всемъ, устроитъ внутреннія дѣла, проложитъ желѣзныя дороги, дастъ рубль на рубль и пріучитъ къ порядку.

Раздраженіе умовъ и страстей все растетъ и приближаетъ къ какому-то хаосу, предшествующему новымъ явленіямъ и проявленіямъ новой жизни. Мятутся народы и люди. Нѣтъ нигдѣ ни прочнаго порядка, ни дѣйствительнаго спокойствія. Ни въ чемъ нѣтъ ни увѣренности, ни согласія. Возможны-ли, въ мысляхъ, подобныя происшествія дикаго насилія: купца Севастьянова въ Бирскомъ уѣздѣ и ст. сов. де Сенъ-Лорана въ Пермскомъ? Перваго, шайка, въ составѣ всей земской полиціи, выдрала розгами до клочьевъ кожи и ограбила бумажникъ съ деньгами. Втораго съ дочерью и докторомъ Суксунскіе крестьяне, принявъ за поджигателей, избили до полусмерти и обобрали вещи и деньги. Событій насилія и грабежей надобно ожидать и отъ угрожающаго во многихъ мѣстахъ недостатка въ хлѣбѣ. Полемика изъ за западныхъ губерній, полемика съ Балтійскими ляндіями переходитъ всѣ грани приличія. Наши недавніе гости сдѣлались причиною раздоровъ и брани. Іосифъ Ливчакъ переметнулъ копье съ „Вѣстью“, „Вѣсть“—съ „Москвою“. Москва нашла это „дерзостью глупою и наивною“. „Вѣсть“ не оскорбляется „этими кабацкими выраженіями“. Кулишъ разбранилъ каноника Головацкаго, „Москва“ отдѣлала Кулиша, Кулишъ отдѣлалъ г.г. Катковыхъ и Аксаковыхъ. Катковъ—Кулиша. Все это грязь домашняя и газетная. Но Вѣнская печать и Journal des Débats перенесли эти раздоры на международную почву. „Сообщенія“ въ газетахъ имѣютъ видъ дипломатическихъ нотъ. Задоръ Русской печати не понятенъ какъ либерализмъ деспота. Въ Испаніи—диктатура, въ Италіи арестованъ Гарибальди, во Франціи взрывъ готовъ и ищетъ только исхода.

Демократія такъ и напираетъ. Съ нею, съ этою толпою ломятъ матеріализмъ и соціализмъ. Молельня и спальня избираются на пло-

щади. Прокуроръ требуетъ мѣста и права и при домашнемъ очагѣ. Все это хорошо, все это въ чинѣ, въ порядкѣ развитія, движенія и успѣха. Да, но въ чинѣ и порядкѣ; а здѣсь, безъ предварительныхъ приготовленій, оказывается такое безчиніе и безпорядокъ, что Гарибальди арестовали, а къ арестанту министры поѣхали съ визитомъ; прокурора по дѣлу Умецкихъ (въ Каширѣ, 14 лѣтняя дочь помѣщика жестокими поступками родителей доведена была до того, что сдѣлала 6 поджоговъ и хотѣла броситься въ огонь) допустили къ домашнему очагу, и онъ нашелъ тамъ много безнравственнаго и грязи, и общество, въ лицѣ присяжныхъ, согласилось съ его обвиненіемъ, да судъ не нашелъ статьи для опредѣленія наказанія. Ступайте, ведите на улицу и на площадь,—но приготовьте и осмотритесь.

Сентябрь. Грустное предчувствіе! Сегодня рѣшается дисциплинарное дѣло о Лефортовскомъ мировомъ судьѣ Даниловѣ, обнаруживавшемъ стремленіе къ униженію Московской полиціи и превышенію власти (и безъ того довольно высокой) мировой юстиціи. Я совѣтовалъ кончить дѣло предостереженіемъ, если бы Даниловъ *и во всемъ былъ правъ* (обвиненіе выставляетъ 7 пунктовъ). Разногласіе мировыхъ судей съ полиціею въ Москвѣ пришло къ такой открытой борьбѣ, что вмѣшательство высшей административной и даже законодательной власти становится необходимымъ, а при этомъ вмѣшательствѣ, естественно, торжество не будетъ на сторонѣ суда, стоящаго независимо и въ полнотѣ правъ. А въ администраціи стоятъ Валуевъ, гр. Паленъ и кн. Урусовъ, извѣстные своимъ несочувствіемъ новымъ порядкамъ. Это главнѣйшее. *Потомъ*, я, безъ малѣйшаго пристрастія, нахожу, что Даниловъ кругомъ виноватъ: онъ вмѣшивался не въ свои дѣла и въ сношеніяхъ съ полиціей превышалъ власть до неприличія. Здѣсь и требованія справедливости и политика, совмѣстная съ судейскимъ достоинствомъ, обязываютъ возстановить предѣлы отношеній обѣихъ властей. Иначе въ потерѣ будетъ не Даниловъ, а мировой институтъ. Его такъ окарнаютъ, что настоящее самостоятельное положеніе его останется какъ какое-то преданіе о сатурналіяхъ и безцензурной печати. При радикальности реформъ реакція считаетъ себя въ правѣ быть тоже радикальною. Во всемъ этомъ я виню необдуманный и неудачный выборъ личнаго состава. По большей части лицъ онъ не имѣетъ ни прочной репутаціи, ни нравственнаго авторитета. Подожду.

Ужъ не въ Римѣ-ли Гарибальдійцы? Боже мой, какъ падаетъ этотъ нечестивый католицизмъ, которому еще такъ недавно сулилъ Маколе такую безконечную будущность! Теперь даже Наполеонъ примиряется съ мыслію о сохраненіи за папою одной духовной власти. Отмѣните за тѣмъ безбрачіе, и тогда католичеству конецъ окончательный. Но

полно, такъ-ли? Неужели великіе умы какъ Де-Местръ, Шатобріянъ и Маколе такъ поверхностно оцѣнивали эту силу, властвующую столько столѣтій? Впрочемъ, она падаетъ уже давно, и когда нибудь надобно пасть окончательно. Вѣрованіе есть чувство индивидуальное. Соединеніе вѣрующихъ есть приходъ, а соединеніе приходовъ есть данная національная церковь. Отдѣлять ее отъ государства и народа нельзя, если государство и народъ самостоятельны. Свѣтская власть папы есть анахронизмъ, безпрестанно сталкивающійся съ современными требованіями образованности. Преимущественно эта власть сообщаетъ католическому исповѣданію несвойственный нравственному вѣрованію характеръ полицейскаго учрежденія, которое въ рукахъ сильнаго становится орудіемъ честолюбія и гнета, порабощая слабую совѣсть необразованной толпы и осуждая всѣ завоеванія энергическихъ стремленій ума и знанія. Эти осужденные, люди ума и науки, давно отказались отъ папы, и паденіе его ихъ не удивитъ и не обрадуетъ. Отъ этого паденія выиграетъ вѣра.

Сегодня я былъ въ театрѣ, чтобы видѣть „Опричника“, трагедію дорогаго мнѣ И. И. Лажечникова. Сочиненіе, какъ драма или трагедія, слабо; постановка плоха, игра еще того хуже. Очень эффектенъ былъ Грозный (Самаринъ), царь Русскій, въ первый разъ показывающійся на сценѣ. Актеры наши не привыкли къ боярской важности, и игра ихъ въ этой пьесѣ не даетъ понятія о царскомъ дворѣ и опричинѣ XVI столѣтія. Я условился съ моими пріятелями поддержать пьесу и вызвать автора. Старика вызывалъ я къ себѣ обѣдать, чтобы свезти и привезти попокойнѣе въ каретѣ; но онъ „боясь волненій, свойственныхъ автору“, не поѣхалъ на первое представленіе. И такъ мы хлопали и кричали понапрасну. Театръ, не смотря на высокія цѣны бенефиса, былъ полонъ. Вѣроятно пьесу дадутъ еще раза два-три. Главное: чтобы разовыхъ бѣдному старику было по болѣе. Онъ очень нуждается. Благодарю Бога, что онъ далъ мнѣ возможность быть полезнымъ почтенному И. И., которому все семейство наше такъ много обязано. Онъ, въ 1823 г., наблюдалъ за первыми начатками моего образованія, и я это живо помню. Помогая ему, я плачу старый долгъ, и Богъ видитъ, съ какимъ удовольствіемъ я это дѣлаю.

Убійство А. И. Чивилева подтверждается. Преступленіе это совершено сыномъ, по заранѣе обдуманному умыслу, чтобы похитить 1000 р. Вѣроятно подробности обнаружатъ всю нравственную порчу молодаго человѣка, воспитаннаго воспитателемъ нашихъ царевичей. Я обращаю вниманіе на эту сторону событія. Чивилевъ былъ позитивистъ, матеріалистъ и вообще человѣкъ антипатичный. Онъ былъ профессоромъ политической экономіи въ Московскомъ университетѣ и директоромъ

бывшаго Дворянскаго Института, который при немъ находился (говорятъ) въ цвѣтущемъ состояніи. Сомнѣваюсь, но положимъ и такъ. Достаточно ли этого, чтобы рекомендовать его въ воспитатели великихъ князей? Вообще графъ Сергій Строгановъ, своенравный и своеобычный, несчастливъ на руку и не отвѣчаетъ своему положенію. Общій голосъ винитъ его въ безвременной смерти Цесаревича Николая и въ дурномъ направленіи учебныхъ занятій великихъ князей. Я всегда считалъ эпоху его попечительства началомъ порчи нашего юношества, дошедшаго, съ Польскими вліяніями, въ 60-хъ годахъ до открытаго политическаго разврата. Судъ разъяснитъ намъ это загадочное дѣло и частную жизнь воспитателя царевичей.

Несмотря на частыя ошибки новаго суда, и кратковременное его отправленіе знаменуется существенною пользою: общественнымъ сознаніемъ силы закона и личной отвѣтственности наравнѣ со всѣми. Дѣла: семейства Умецкихъ (какое-то полудикое семейство въ Каширѣ) Данилова (убійство ростовщика Попова), дѣла текущія, ежедневно слушаемыя, у всѣхъ въ разговорѣ. Газеты помогаютъ распространенію. Мнѣніе ростетъ. Водворяются убѣжденія. Очищается жизнь.

Октября 9 въ Петербургскомъ судѣ разсматривалось дѣло о буйствѣ арестантовъ въ тюремномъ замкѣ. Болѣе 300 человѣкъ, недовольныхъ мясною порціею, безчинствовали и буянили въ столовой, на лѣстницѣ, на дворѣ и въ камерахъ, нанося побои старостѣ и причиняя самыя дерзкія оскорбленія начальствующимъ лицамъ, которыя вынуждены были прибѣгнуть къ прикладамъ, безъ чего невозможенъ былъ никакой порядокъ. Начальство, изъ всего этого полчища, предало суду только двухъ, вѣроятно для одной острастки, и судъ, вѣроятно тоже для острастки, осудилъ этихъ содержащихся въ тюрьмѣ арестантовъ къ выдержанію въ тюрьмѣ же на 4 и 6 мѣсяцевъ или даже на годъ. Подобныя послабленія, при смягченіи и малой дѣйствительности нашей системы наказаній, могутъ имѣть гибельныя послѣдствія въ средѣ нашего весьма многочисленнаго, порочнаго и грубаго тюремнаго народонаселенія. Здѣсь вполнѣ примѣнимы взысканія дисциплинарныя. Арестанты, это народъ штрафной, и быстрый приговоръ мѣстной расправы послужилъ бы дѣйствительнѣе къ обузданію разнузданной толпы негодяевъ. Буйство происходило 6 Апрѣля 1866 года, а судили 9 Октября 1867-го. При Николаѣ ихъ выпороли бы 7 Апрѣля, на другой день, и результатъ былъ бы лучшій. И какая непослѣдовательность! Почти повсемѣстно исполняется смертная казнь, усиленіе дикихъ преступленій несомнѣнно, а здѣсь наглое полчище, середи столицы, предается самому крайнему буйству и оставляется безъ всякаго наказанія. Мнѣ то страшно, что подобныя послабленія деморализируютъ общество и вызываютъ

реакцію. Я боюсь за наши новые суды и за ретивыхъ судей. Играть судомъ нельзя.

Столкновеніе возможно весьма важное. Невѣря Итальянцу, Наполеонъ посылаетъ десантъ въ Чивита-Векію. чтобы занять Римъ и созвать конгрессъ. Подъ Римомъ, вѣроятно съ согласія Итальянца, стоитъ съ своими молодцами Гарибальди, тихонько бѣжавшій съ Капреры. Итальянское войско, отвѣчая Франціи, переходитъ границу Папской области, можетъ быть не безъ согласія съ Бисмаркомъ. Наполеону, видите, дороги законный порядокъ, папа и католицизмъ. Итальянецъ братается и съ революціей, и съ протестантизмомъ. Къ безправію мы уже порядочно привыкли; но при этомъ показываются безденежье, застой и дороговизна пищи. За ними виднѣются толпы, за толпами кричитъ республика, и разработывается соціальный вопросъ въ размѣрахъ коммунизма. Не отрыгнулись бы тріумфы Кавура и Бисмарка потрясеніемъ династій и династическаго начала. Неудача Гарибальди, а тѣмъ болѣе плѣнъ его или торжество Франціи, выдвинутъ въ Италіи народную партію. Уже и теперь рѣчь шла о министерствѣ лѣвой стороны. А тутъ бунтуютъ Славяне и распадается Австрія, а тамъ бунтуютъ Греки и распадается Турція. Борьбы народностей въ полномъ развалѣ, и наши вопросы—пигмеи: Прибалтійскій, Татарскій, Польскій, Финскій, Армянскій. Все копошится, кричитъ, раздражается и ругается. Скоро настанетъ 10 Декабря и продажа Польскихъ имѣній. Мѣру эту можно посовѣтовать *отчасти* распространить и на Прибалтійскій край. Пожалуй! Но въ настоящую минуту весь интересъ сосредоточивается на Римѣ. Сегодня-завтра кто нибудь долженъ быть тамъ.

Въ С.-Пбургскомъ окружномъ судѣ, 23 Сентября, защитникъ крестьянина Никитина, осужденнаго за буйство въ судебной камерѣ, между прочимъ привелъ къ его извиненію слѣдующее: „Всякое лицо низшаго сословія не считаетъ особеннымъ преступленіемъ оскорбить городоваго“. Это грустно, но (это) такъ, и это можно отнести и къ высшимъ сословіямъ въ отношеніи чиновной полиціи. На Московскихъ улицахъ часто видишь схватку крестьянина и горожанина съ полицейскимъ, даже со старшимъ. Униженіе полиціи есть реакція злоупотребленія ея въ прежнее время и напористаго дѣйствія новаго суда. И то и другое обличаетъ нашу незрѣлость и особенное неумѣнье нашихъ правителей. Прежде они трактовали насъ какъ стадо, со всѣхъ сторонъ окруженное волками, а теперь они довѣряютъ намъ пастись безъ пастуховъ. Сжатые раскинулись и раскинувшись перешли за предѣлы. Требованіе законности и равноправія въ судахъ доходитъ до своего рода *pruderie*. Въ обидахъ дѣйствіемъ суды доискиваются: толкнулъ онъ его или ударилъ? Тащилъ его или велъ? Мнѣ пишутъ изъ Владимира, что въ Шуѣ судился зна-

комый мой, богачъ, коммерціи совѣтникъ Я. П. Гарелинъ за то, что сказалъ неисправному приказчику своему: „посмотрите на свое лице, на что оно похоже; вы вѣроятно вчерась гуляли“. Я увѣренъ, что Гарелинъ сказалъ не вы, а ты, и не лицо, а рожа, но обиды тутъ не вижу. Повторяю: нашъ величайшій недостатокъ—невыдержанность, недостатокъ постепенности, климатъ. Европа вторгнулась въ неизвѣстную землю и ворочаетъ по произволу, вертясь между крайностями. Совершенный безпорядокъ частной жизни отражается и въ государственной. NB. На дняхъ у Срѣтенскаго мироваго судьи былъ процессъ Миши и Васи, 6 и 5-ти лѣтъ мальчиковъ, отвѣчавшихъ за кражи. Эти крупные люди воровали домашнее платье, чтобы проѣдать и пропивать *въ трактирахъ* или выпить вина: одному—*косушку*, а другому (онъ слабъ)—только шкаликъ. Не вѣрится, а въ очію совершается. Хорошо поколѣніе, растущее въ такой распущенности!

Между тѣмъ какъ Гарибальди взятъ подъ арестъ, бунтующій всю Италію, а „Голосу“ сдѣлано за императрицу Французовъ загадочное предостереженіе, разъясняемое Берлинскими и Парижскими газетами въ смыслѣ политическомъ: въ Москвѣ идетъ агитація о пересмотрѣ *тарифа*. Всѣ научныя для этого данныя есть. Записка Колесова, труды Московскихъ фабрикантовъ (Дм. П. Шипова; много преувеличеній), таблицы Тернера (въ академическомъ календарѣ на 1868 годъ) и коммисія подъ предсѣдательствомъ сенатора Г. П. Небольсина, изучившаго дѣло во всѣхъ подробностяхъ еще въ 1850 годахъ. Сочиненія Тенгоборскаго и полемика о тарифѣ 1857 г., продолжающаяся до сихъ поръ А. Шиповымъ, Колюпановымъ, Полетикою, Чижовымъ, Чугуновымъ (правда, преимущественно протекціонистами) подготовили матеріалы достаточные для произнесенія окончательныхъ выводовъ о настоящемъ состояніи нашей промышленности. Москва надѣется на усиленіе протекціонизма, но едва ли это сбудется. Тогда министерству не было основанія, черезъ десять лѣтъ, возбуждать вопросъ о тарифѣ. Упадокъ таможенныхъ доходовъ былъ главнымъ поводомъ къ этому вопросу, и ни въ докладѣ министра, ни въ соображеніяхъ вице-директоровъ Колесова и Тернера не замаскированы виды финансоваго управленія на пониженіе пошлинъ по тѣмъ статьямъ, привозъ которыхъ развитіе внутренняго производства уменьшилъ значительно. „Это измѣна, насъ продаютъ, Пруссія у насъ хозяйничаетъ“, кричатъ Москвичи не безъ основанія. Но обстоятельства въ видахъ нашихъ администраторовъ представляются иначе, и я записываю факты, склоняясь лично (не совсѣмъ) болѣе къ Москвѣ.

Наша молодая вольная печать и наша либеральная администрація безпрестанно путаются и никакъ не могутъ идти въ ногу. Печать все раздуваетъ, тревожитъ общественное мнѣніе и зацѣпляетъ правительство;

администрація старается сжать, немножко по медвѣжьи, бьетъ зажмурясь куда и кого попало и даетъ разъясненія, которыя служатъ новыми поводами къ выходкамъ печати, играющей задоромъ, скандаломъ и смѣлыми обвиненіями. Какое страшное обвиненіе взведено было на г-жу Шлегель, содержавшую будто бы въ самомъ варварскомъ заточеніи сестру свою, умершую потомъ въ казенной больницѣ. Вышелъ пуфъ, и начатое слѣдствіе, съ арестованіемъ обвиняемой, ничего не открыло и прекращено. Тоже, говорятъ, будетъ и съ поджогомъ (убійство А. И. Чивилева) запаснаго дворца въ Царскомъ Селѣ. Теперь идетъ сильный говоръ о „предостереженіи", данномъ газетѣ „Голосъ" за нарушеніе постоянно приличія въ передовыхъ статьяхъ и особенно въ № 287, гдѣ нарушеніе это выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ, въ которыхъ печатное слово можетъ быть терпимо. Статья эта (о Французской политикѣ въ Италіи) не обратила никакого вниманія и такъ мало выдается изъ всѣхъ подобныхъ передовыхъ статей, что многіе приняли 287 за опечатку и искали *неприличія* въ статьѣ № 281, гдѣ тоже ничего не нашли. Пріѣзжіе разсказываютъ, что статья 287, приписывающая экспедицію собственно вліянію клерикальной императрицы, не понравилась посланнику Талейрану, и онъ словесно сообщилъ о ней гр. Шувалову (жандарму), который передалъ требованіе это министру. Министръ, давно недовольный рѣзкими статьями „Голоса", сдѣлалъ Краевскому предостереженіе. Парижская газета и другія обратили на это вниманіе, какъ на симптомъ политики, и въ Русскихъ газетахъ распоряженіе министра подверглось неодобрительной критикѣ. Катковъ въ „Моск. Вѣд." 1 Ноября, вчерась, помѣстилъ выходку противъ этого распоряженія, за которую слѣдовало бы сдѣлать гораздо болѣе заслуженное предостереженіе, какъ за распространеніе слуховъ, признаваемыхъ самимъ публицистомъ *нелѣпыми*. 30 Октября „Journal de St. Pétersb." и „Сѣверная Почта" отвергли политическое значеніе предостереженія „Голосу", утверждая, что оно сдѣлано за нарушеніе приличія. Въ Москвѣ это событіе сдѣлалось предметомъ толковъ, и общество копошится и трезвонитъ. Удивляться тутъ нечему. Великая сила гласности, даже у насъ, вращается всегда съ шумомъ и ломкою. Справедливо или несправедливо забросали грязью Шлегель и Чивилева и даже министра Валуева, но нѣтъ дыма безъ огня, и болѣе или менѣе основательные поводы могли вызвать крикъ и оцѣнку. Если тутъ есть вредъ, то вредъ частный, мѣстный, личный, всегда неважный и способный защитить себя и оправдаться. Гораздо важнѣе вліяніе гласности, т. е. газетъ, на общія мѣры правительства, какъ напр. на продажу имѣній въ западныхъ губерніяхъ, преобразованіе Польши и Балтійскаго края, отчужденіе государственныхъ имуществъ, измѣненіе системы народнаго про-

свѣщенія и т. п. Особенно сильно здѣсь вліяніе газетъ съ орлами, съ государственнымъ гербомъ. Ихъ пять. Онѣ, какъ правительственныя, очень распространены, и изъ нихъ самыя распространенныя „Московск. Вѣдомости“ отданы въ аренду умному, просвѣщенному и талантливому Каткову. Вліяніе этого геніальнаго публициста чрезвычайно сильно, и начинающееся наше общественное мнѣніе слагается исключительно подъ этимъ вліяніемъ. Мнѣ хотѣлось бы объяснить, какъ деспотически вліялъ онъ на Головнина и еще болѣе на нынѣшняго министра графа Д. А. Толстаго. Но подожду. Хотя многое выразилось оффиціально, печатно, но многое основывается на однихъ слухахъ, иногда обманчивыхъ. Борьба реализма съ классицизмомъ, въ моихъ глазахъ, окончена, и самыя наименованія партій устарѣли и не соотвѣтствуютъ употребленію. Какой классицизмъ осмѣлится схватиться съ обширнымъ развитіемъ XIX столѣтія, когда точныя науки разоблачили столько тайнъ природы, обращенныхъ на благо человѣчества, и когда наблюдательность геніевъ выворотила душу наружу? Классицизмъ есть роскошь, приправа. Смутныя, тяжелыя его формы, принимавшіяся за гимнастику для развитія молодаго ума, представляются не болѣе, какъ забавою, игрушкою въ лабораторіи, гдѣ трудятся Беконъ, Декартъ, Шекспиръ, Мольеръ, Лессингъ, Кантъ, Ньютонъ, Гумбольдтъ, Гёте, Либихъ и полки ораторовъ, историковъ и романистовъ, гдѣ единицы превращаются въ тысячи, и нравственные элементы жизни отожествляются съ политическими и матеріальными. Можетъ-ли быть тутъ рѣчь объ исключительности, преобладаніи, даже уравненіи классицизма, бѣдной науки Греціи и Рима?

Министерство Юстиціи скоро убѣдится, что въ назначенной имъ въ новыхъ судахъ молодежи недостаетъ существенныхъ качествъ: выдержки и достоинства. Это не судьи и прокуроры, а какіе-то школьники, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ и изъ этихъ многихъ лучшіе, товарищи и предсѣдатели Дейеръ и Арсеньевъ и кандидатъ князь Урусовъ. Всѣ они пріобрѣли значительную популярность и всѣ эти три знаменитости теперь попались какъ школьники и осуждаются даже своими товарищами. Дѣло въ томъ, что напоръ талантовъ присяжныхъ и ихъ матеріальныя выгоды вызвали противодѣйствіе, зависть, соперничество, злобу. Антагонизмъ, предсказанный частію въ самомъ законѣ, долженъ былъ выразиться и выразился въ превышеніи и злоупотребленіи правъ защиты, обвиненія и суда. Молодая кровь кипитъ. Этого не сообразило министерство, не умѣло искусно умѣрить ихъ дѣйствіе. Здѣсь, въ Москвѣ, вражда дошла до того, что судъ высылаетъ защитниковъ изъ присутствія и рѣшаетъ дѣла безъ защиты. Въ Ярославлѣ антагонизмъ судей и прокуроровъ дошелъ, говорятъ, до рукопашной.

Все это грустно. Все это можетъ привести къ самому непріятному исходу. И все это происходитъ отъ неумѣнья и, главное, отъ нераціональнаго, неисторическаго, непрактическаго пріема реформаторовъ. Заслуживаютъ сожалѣнія и сами молодые дѣятели. Я видѣлъ Арсеньева, на немъ лица нѣтъ. Волнуются, ссорятся, хотятъ драться. Розенбергъ требуетъ преданія суду судью Дейера. Князь Урусовъ вызываетъ на дуэль Арсеньева. Арсеньевъ отвѣчаетъ новыми оскорбленіями. Газеты отдаютъ дѣло молвѣ, молва—преимущественно еще клубная—порочитъ реформу. Партія „Вѣсти“ молчитъ и оскаляется. А виновато одно министерство. Нигдѣ такъ неочевидна истина, какъ у насъ: несоотвѣтственныя назначенія губятъ людей и учрежденія.

Въ „Русскомъ Архивѣ“, Чертковской библіотеки П. И. Бартенева, напечатаны записки графа Комаровскаго и сенатора Дм. Бор. Мертваго, записки, мемуары безцвѣтныя, для исторіи незначительныя, для современниковъ нелюбопытныя, для потомства непоучительныя. Какъ этотъ ничтожный генералъ Комаровскій попалъ въ важные тогда генералъ-адъютанты и сдѣланъ графомъ за то, что ѣздилъ по Петербургу съ Австрійскимъ принцемъ, можно объяснить себѣ развѣ случайностью обстоятельствъ, молодостью неприготовленнаго императора и революціоннымъ духомъ времени. Правда, ничтожество личности Комаровскаго объясняется его болѣзнію. Онъ подвергался бѣлой горячкѣ и сохранилъ въ императорѣ довѣріе на столько, чтобы быть посланну въ Москву для объявленія о вступленіи на престолъ, а въ Петербургъ для извѣщенія о совершившейся коронаціи. При Александрѣ этотъ генералъ-адъютантъ строилъ казармы и помогалъ бѣднымъ послѣ наводненія.

Записки Мертваго интереснѣе. Мальчикъ 14 лѣтъ былъ въ когтяхъ Пугачевщины. Губернаторствуя въ Крыму, онъ далъ мысль о сформированіи Татарскихъ полковъ. Будучи генералъ-провіантмейстеромъ, онъ придумалъ систему заготовленія чрезъ помѣстное дворянство, система къ которой обращался Петръ I-й и, въ недавнее время, Военное Министерство, по плану Булгакова. Записки Мертваго напоминаютъ записки Ермолова и Державина. Постоянный ропотъ, постоянное неудовольствіе подозрительность и порицаніе всѣхъ и каждаго, начиная съ гр. Игельстрома, при которомъ необразованный и ничтожный совѣтникъ игралъ роль правителя, и кончая Ермоловымъ, по представленію котораго сенаторъ посланъ обревизовать Астраханскую и Кавказскую губерніи. Потемкинъ, Ришелье, Аракчеевъ, Обольяниновъ, никто не удостоивался не только похвалы и одобренія, но даже ласковаго слова. Только собственныя дѣйствія, самоличность выставляются въ видѣ угнетенной невинности и образца усердія и умѣнья.

Съ какимъ удовольствіемъ утомленная этими Записками и современною запальчивостію душа останавливается и отдыхаетъ на свѣтлыхъ и ясныхъ, какъ Божій свѣтъ, какъ Харита и Психея, письмахъ Жуковскаго (1840—1851 г.) къ великому князю Константину. Онѣ начинаются прелестью „милаго моего великаго князя“ отъ „стараго друга“ и оканчиваются почти подобострастіемъ предъ мужающимъ „высочествомъ“. Но въ этомъ курсѣ воспитанія, сколько теплоты, сколько чистой души, сколько благородства въ искательствѣ, сколько достоинства въ скромности! Какая роскошь рѣчи, Русскаго языка и какая философія въ поэзіи и вѣрованіи! Кто-то напишетъ біографію этого прекраснаго человѣка? Грѣхъ будетъ кн. Вяземскому. Онъ одинъ можетъ и сможетъ представить намъ геніальнаго и благороднаго Жуковскаго.

Канцлеръ кн. Горчаковъ женится на молодой красавицѣ Акинфовой (изъ таинственнаго семейства Анненковыхъ). Во многихъ мѣстахъ голодъ, въ западныхъ губерніяхъ водворяется Русское землевладѣніе, въ Остзейскихъ—Русскій языкъ, въ Сибири и на Кавказѣ вводится гласный судъ присяжныхъ, пересматривается тарифъ для пониженія пошлинъ, ожидается усиленіе производительности и повышеніе фондовъ: думаютъ возстановить откупную систему, классическое преподаваніе вездѣ распространяется, публичность дѣйствій и плата утверждаютъ нравственность и приличіе, кружки и клубы сливаются съ домашнимъ очагомъ и пр. Голова ходитъ на плечахъ. А тутъ встаютъ новые вопросы: объ отчужденіи государственной собственности, о замѣнѣ войска ополченіемъ, о превращеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя и пр.

Не говорю теорія—это ясно—но говорю фантазія, съ легкостію и самонадѣянностію увлеченія улетучиваетъ дѣйствительность и мнимымъ надеждамъ сообщаетъ положительность, а мнимымъ законамъ непреложность истины. Надобно прочесть L'affaire Clémanceau Дюма-сына или м-г de Cavur Фёйлье, чтобы видѣть какъ ломаютъ дѣйствительность; надобно прочесть Die verlorene Handschift Фрейтага или Volkwirtschaft Дитцеля, какъ жеманится и ломается эта дѣйствительность даже у Нѣмцевъ. Вавилонъ и хаосъ! Безпорядокъ и путаница! Въ жизни и литературѣ, въ жизни частной, общественной, государственной и даже международной. Новое время, давайте новое право! Идетъ революція. Этапамъ 1739, 1815, 1830, 1848 годовъ, нуженъ новый этапъ. Онъ давно бы явился, но величіе его замедляетъ появленіе.

Не недоволенъ я новыми порядками; нѣтъ, они составляютъ дѣйствительный успѣхъ человѣческаго развитія и проявленія Божіей истины. Но я не доволенъ тѣмъ, что къ святымъ вещамъ прикасаются грязныя руки; что, прокладывая лучшіе пути, безцѣльно рубятъ необходимый лѣсъ и безполезно тратятъ милліоны на срытіе горъ и засыпку обходи-

мыхъ болотъ: что, дѣлая однихъ счастливыми, идутъ къ этой прекрасной цѣли по трупамъ и развалинамъ, и что все это дѣлается доктринально, кабинетно, легкомысленно.

Богъ не позволяетъ мнѣ думать о роскоши воспитанія, мною задуманнаго, но я благодарю Господа и за то, что есть. Они не хуже другихъ, лучше многихъ, мнѣ и матери драгоцѣнны. Страшно систематически гнуть эти тропическія созданія, и всѣ мои помышленія направлены преимущественно къ тому, чтобы ихъ сохранить и вырастить. Конечно прежде жизни и здоровья я прошу у Господа благородства и увѣренъ въ Митѣ и Танѣ.

Сегодня, 19 Ноября, отслуживъ литургію, отшелъ отъ сего міра великій святитель Московскій, митрополитъ Филаретъ, величайшій учитель, витія и стражъ восточнаго каѳолическаго ученія. Громко отдастся это событіе въ сердцахъ вѣрующихъ. 86 лѣтъ горѣла эта жизнь, посвященная слову и мысли, вѣрѣ и назиданію. 60 лѣтъ онъ было свѣтильникомъ духовной истины и авторитетомъ церковнаго права. Я познакомился съ покойнымъ въ 1849 г., когда былъ въ Москвѣ оберъ-прокуроромъ. Съ дѣтства, съ студенчества я привыкъ видѣть въ немъ геніальнаго человѣка, ученѣйшаго іерарха, знаменитаго проповѣдника и государственнаго дѣятеля. Потому я старался сблизиться съ этимъ Московскимъ величествомъ, съ этимъ Московскимъ „владыкою“. (Наричаніе это было собственнымъ именемъ въ устахъ общества и народа). Купечество чтило его какъ святаго. Особенно почитали его свѣтскіе грѣшники и грѣшницы, которыми Москва всегда преизобиловала. Всѣ Москвичи находили его всесторонне-ученымъ и глубокомысленнымъ. Я этого не находилъ, хотя старался сблизиться съ знаменитымъ старцемъ. Признавая всю недоступную библейскую его ученость, я находилъ, что онъ недостаточно открытъ, чтобы быть общимъ источникомъ Божіимъ, что онъ часто слишкомъ буквалентъ и вообще одностороненъ. Викарій Леонидъ сообщилъ о сношеніяхъ великаго іерарха съ великимъ поэтомъ, Пушкинымъ. Это какъ-то не вяжется съ сухою и величавою дѣятельностію государственнаго правителя церкви. Намѣстникъ Лавры, архим. Антоній сообщилъ о видѣніи и предсказаніи дня смерти. Являлся ему отецъ и наказывалъ ему 19 число. Съ того времени, 19 Сентября, 19 Октября, онъ пріобщался, по исповѣди, святыхъ таинъ, а 19 Ноября, отслуживъ литургію, уснулъ на вѣки. Боюсь, чтобы это видѣніе не утвердило довольно распространенную ересь спиритизма, которая явилась послѣ вертящихся столовъ и поддерживается Московскою праздностію особенно въ кругу старыхъ дѣвъ, какъ княжны Шаховскія.

Ближайшее потомство нашего поколѣнія не безъ удивленія и не безъ усмѣшки прочтетъ 183, 188 и 189 (и вѣроятно слѣдующіе) №№ газеты „Москва“ этого года. Основанная Московскими протекціонистами, газета, въ № 183-мъ, осмѣяла и одурачила, самымъ наглымъ образомъ. Петербургскихъ чиновниковъ коммисіи, пересматривающей тарифъ 1857 г. Тенгоборскаго. Не довольствуясь агитаціями, Московскіе протекціонисты задумали соединить интересы кармановъ нѣкоторыхъ капиталистовъ съ интересами всего народа и выставили Петербургскихъ дѣятелей, посреди голодающаго народа, какъ толпу весельчаковъ, *облизывающихся* въ праздныхъ словопреніяхъ и Страстбургскихъ пирогахъ и консервахъ. Въ существѣ, Московскіе протекціонисты говорятъ не безъ основанія. Пересмотръ тарифа, черезъ десять лѣтъ, могъ напугать капиталы. Но статья 183 № профессора Бабста написана въ такомъ смыслѣ и въ такихъ выраженіяхъ, что и бѣдное и плохо организованное управленіе дѣлами печати не могло не сдѣлать редактору-издателю Ив. Сер. Аксакову (второе) предостереженіе. „Москва“ напечатала его и въ № 188 (26 Ноября), день похоронъ митрополита, обѣщалась объясниться съ Министерствомъ Внутр. Дѣлъ и отозваться на его предостереженіе. Черезъ день, сегодня, въ № 189 Аксаковъ помѣстилъ свой отзывъ (NB. „За статью Бабста“), за который вѣроятно послѣдуетъ новое предостереженіе, третье, и остановится изданіе газеты во второй разъ. Новое—третье, 29 Ноября, и остановка на 4 мѣсяца.

Обширная статья Аксакова, какъ и все что онъ пишетъ, написана отъ души и съ достоинствомъ, но она въ ноги топчетъ администрацію, насмѣшливо обвиняя ее въ *систематическомъ* преслѣдованіи „Москвы“ и многократно оговаривая отдѣленіе управленія, администраціи, отъ Государя, отъ правительства. Примѣръ Каткова не могъ остаться безъ подражателей. Но подражаніе развиваетъ тему далѣе. Катковъ оправдывался. Литвиновъ, Краевскій, Артаболевскій глотали предостереженія съ робкимъ упрекомъ, захлебываясь (экія словечки просятся подъ перо!) страхомъ за карманы. Аксаковъ не только оправдывается, не только упрекаетъ, онъ обвиняетъ и требуетъ суда. „Мы готовы предстать суду, мы желаемъ суда“. Бѣдный! Онъ и забылъ, что система „предостереженій“, давая свободу печати, отдаетъ ее на произволъ администраціи!

Самодержавіе, управленіе, публичный судъ, свобода печати—экія родственныя начала. Да, невѣжество народа насъ спасаетъ. Невѣжеству помогаютъ нашъ климатъ и наша бѣдность. Со временемъ нашему времени неурядицы, распущенности и расточительности, потомство, проученое потомство, не повѣритъ. А можетъ быть, и повѣритъ! Во

всякомъ случаѣ, взвѣшивая великія событія, подивится, какъ мало ума и умѣнья положено въ ихъ основаніе.

Постоянное вооруженіе, которое Европа поддерживаетъ съ 1789 г. и особенно усиленно съ 1849, расточительность правительствъ и злоупотребленіе кредитомъ, привели къ несостоятельности и запутали отношенія такъ, что ничего нѣтъ вѣрнаго, прочнаго и точнаго ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ мірѣ. Въ отчаяніи порядка мы живемъ на авось и идемъ зажмуря глаза на угадъ, испрашивая помощи, то въ тягостныхъ займахъ, то въ безнравственныхъ лотереяхъ, то въ нераціональномъ возвышеніи податей, давящихъ бѣдное населеніе до продажи домашней утвари за постоянныя и безконечныя недоимки*). Государственный порядокъ отражается и въ частномъ. Никогда—развѣ въ 1790 годахъ—не было такъ много случайныхъ паденій и возвышеній обществъ, семействъ и личностей. Покоритель Ташкента, Георгіевскій кавалеръ Черняевъ идетъ въ нотаріусы, купецъ Поляковъ покупаетъ Николаевскую дорогу. Рюминъ, Бернадаки, Кокоревъ, tutti quanti балансируютъ какъ куклы, какъ наши государственные люди, какъ калейдоскопъ. Конечно это неутѣшительно, тяжело; но и посреди этой неурядицы колеблющагося порядка вещей ободрительно то, что, и живя со дня на день, талантъ и постоянный трудъ могутъ расчитывать на признаніе соотвѣтственное и безъ покровительства произвола и силы внѣшней.

Введеніе судебной реформы въ Харьковскомъ округѣ сенаторомъ барономъ Торнау при управленіи министерствомъ графа Конст. Ив. фонъ-деръ-Палена радикально отличается отъ Московскаго. Барону Торнау сочиняетъ рѣчи газета „Вѣсть“. Не совсѣмъ это такъ. Судебная реформа въ Петербургѣ и Москвѣ введена апріористически и будетъ имѣть всѣ тѣ послѣдствія, которыя предсказаны мною въ печатномъ мнѣніи, въ Маѣ 1865 г. Въ Харьковскомъ округѣ новые суды сольются со ста-

*) Замѣчательны дѣла объ этихъ взысканіяхъ, напр. Великолуцкое, напечатанное въ 267 № „Судеб. Вѣстника“ 8 Декабря 1867 г. Становой Малькевичъ пріѣзжаетъ, съ *револьвером*ъ, для продажи коровы, и его встрѣчаютъ толпы съ крикомъ и гамомъ. Онъ стращаетъ *револьвером*ъ, толпа наступаетъ на него, и только присутствіе духа его кучера спасаетъ ревностнаго исполнителя. Дерзость не знаетъ предѣловъ, неповиновеніе явное. Главнѣйшіе изъ виновныхъ преданы суду, и по окончаніи судоговоренія судъ постановляетъ два вопроса: 1, виновны-ли подсудимые въ сопротивленіи приставу? и 2, сопровождалось-ли оно насиліемъ? Присяжные отвѣчали: на первый *нѣтъ*, на второй—*да*, но заслуживаютъ снисхожденія. Послѣ этой глупости, присяжные принесли отрицательный отвѣтъ на оба вопроса, и подсудимые были оправданы. По словамъ защиты виноватъ (какъ и въ Калужскомъ дѣлѣ посредника Сухотина), во всемъ виноватъ *револьверъ*. А Петербургскій прокуроръ Шрейдеръ утверждаетъ, что начальникамъ приходится защищаться *револьверами*.

рыми (по моему предположенію, должны вырости изъ старыхъ). Переходъ будетъ менѣе рѣзокъ, порядокъ замедлится, но не затруднится. Торнау, правда, наговорилъ довольно глупостей объ охранительной обязанности, о судебномъ органѣ *правительства*, о ненарушеніи предѣловъ власти суда, полиціи и администраціи. Все это темные намеки на дѣла Ольхина, Протасьева, Данилова (мировыхъ судей), вѣроятно по непремѣнному приказанію Петербурга. Вѣроятно и въ самомъ ходѣ дѣла Торнау не будетъ счастливъ. Безъ юридическаго образованія, безъ большой судебной практики, дурно обставленный (моя правая рука, Брилевичъ, сказалъ онъ мнѣ 10 Сентября), Торнау невольно подпадаетъ подъ вліяніе болѣе опытнаго и умнаго Шахматова (прокурора палаты), и моя надежда на этого послѣдняго. Онъ любитъ суетиться и умѣетъ лавировать. Опасаюсь я оппозиціи, пререканій, ссоры. Она не только возможна, но и вѣроятна. Съ такимъ слабымъ запасомъ и съ такой правой рукой Торнау, самоувѣренный и щекотливый Нѣмецъ, возстанетъ открыто и надѣлаетъ глупостей.

Послѣ похоронъ великаго іерарха Москва занимается юбилеемъ маленькаго князя Ник. Ив. Трубецкаго, для чего сегодня или вчера прибылъ и маленькій царевичъ, принцъ Петръ Ольденбургскій. Много рѣчей и даже проповѣдей, возглашеній, подарковъ и пѣній. Но праздникъ оправдывается только празднымъ тщеславіемъ нашего времени. Какія заслуги оказалъ кн. Н. Трубецкой? Самъ рескриптъ не могъ высказать ихъ. Уничтоженіе значенія опекунскихъ совѣтовъ, оглашеніе страшной смертности дѣтей, которыми гласно торгуютъ на заставахъ. нигилизмъ въ институтахъ и старое воровство экономовъ,—вотъ заслуга преемника кн. Сергія Михайловича, вотъ титла празднества 5—9 Декабря, этого „торжества гражданства и церкви“, какъ выразился старый богословъ Терновскій, „гражданства и церкви“! Это торжество г. Верховцева, который выдумалъ этотъ юбилей, праздникъ чиновниковъ и экономовъ; но тутъ нѣтъ ни „гражданства, ни церкви“.

Разрѣшено частное учрежденіе высшаго учебнаго заведенія: „Лицей цесаревича Николая“ г.г. Каткова и Леонтьева. Это будетъ нѣчто въ родѣ Греко-латинской академіи, совершенно несовременной, или Оксфордо-Кембриджскаго конвикта, совершенно къ намъ и въ Москвѣ непримѣнимаго. Катковъ упрямъ и поставитъ на своемъ. Вѣковые опыты классическаго образованія въ Европѣ дѣлаютъ его глухимъ къ требованіямъ времени, изнуряемаго насущными вопросами экономическими и стремящагося проникнуть въ тайны природы. Онъ готовъ прославлять неповоротливаго академика Наука за тяжелую статью его въ календарѣ на 1866 г. и знать не хочетъ свѣтлой и увлекательной автобіографіи другаго академика, геніальнаго Бера. Греко-латынь есть спе-

ціальность, и полагать ее въ основаніе образованности значитъ предпочитать односторонность и идти вспять. Я никакъ не рѣшусь отдать моего Дмитрія на воспитаніе Каткову. Сынъ мой будетъ знать по-латыни, чтобы изучать Римское право въ источникахъ, но первые два года въ университетѣ онъ посвятитъ естественнымъ наукамъ и потомъ перейдетъ на факультетъ юридическій и вникнетъ въ связь законовъ природы и естественнаго права законодательствъ. Въ 1868 г., по утвержденіи формъ лингвистики, надобно пригласить профессора Рачинскаго для элементарнаго курса физической географіи и физіологіи.

Вы спрашиваете: читалъ-ли я „Conscience et foi“ Кокреля (сына)? Читалъ. Это умаленный Ренанъ, пытающійся установить ученіе, какъ г. Ге пытается въ картинахъ „Воскресенія“ и „Вечери“ олицетворить это ученіе реформаціи и реформаторовъ, которые вызвали послѣднія энциклики и послѣдній силлабусъ умирающаго католицизма и неподвижнаго оріентализма. Это не церковь и религія: это индивидуальное религіозное чувство, развиваемое по вольной канвѣ наукою и воображеніемъ.

Оканчивается 1867 годъ, подходитъ высокосный 1868-й. Остановимся на минуту. Что это былъ за годъ такой? Общее недовѣріе, повсемѣстное вооруженіе, застой промышленности. Но это было и прежде. Парижская выставка не показала-ли, напротивъ, торжество мирнаго генія промышленности? Нисколько. Это была маска, за которою скрывался законъ объ арміи въ 1,200 тысячъ. Казнь Максиміліана не знаменовала-ли паденія династическаго начала? Нисколько: начало это уже пало. За маскою казни выглядываетъ республиканское движеніе. Пораженіе Гарибальди не есть-ли торжество правильнаго монархическаго порядка. Нисколько; это маска, въ которой проглядываетъ анархія правительствъ, безсиліе существующаго порядка, преображеніе законныхъ управленій въ революціонныя. Папство и Сѣверо-германскій союзъ вотъ ближайшія явленія года, вѣка, продолжающіяся издавна и знаменующія паденіе авторитетовъ и торжество матеріальной силы. Въ этомъ выразилось до сихъ поръ *новое право*, идущее на встрѣчу соціализму въ современныхъ реформахъ объ общемъ правѣ политическаго голоса, о сходкахъ рабочихъ и ихъ ассоціаціяхъ, въ прокламаціяхъ Мадзини и этой странной, загадочной сектѣ Фекліевъ, у которой голова въ Америкѣ, а руки повсюду. Телеграфы и желѣзныя дороги сдѣлали явленія солидарными. Даже въ Турціи геройское возстаніе Кандіи отзывается въ Греціи, Черногоріи и Сербіи. Турція и Австрія въ броженіи къ разложенію. Россія тоже въ броженіи, и сильный національный элементъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ вліяніе преобладающее. Страшны радикальныя реформы, уже вызвавшія столько казней, столько раззореній, столько преступленій, грозящія возстаніями шаекъ и массъ. Наступающій годъ будетъ тяжелъ. Но будемъ молиться и надѣяться.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

На особомъ листѣ.

Сегодня 31 Декабря 1845 г. Я встрѣтилъ новый годъ по обыкновенію одинъ, въ чтеніи и въ постоянной мысли о Богѣ и о благоденствіи несчастныхъ, число которыхъ такъ велико и такъ несоразмѣрно съ средствами нашими. Число это соразмѣрно ненасытимости нашей. Прости, Господи, прегрѣшенія моя, направи стопы моя на путь правды и даруй мнѣ прозрѣть мудрость Твою.

On s' imaginait à tort, suivant lui (Napoléon), qu' en France on pouvait tout ce qu' on voulait. C' était une erreur peu honorable pour ceux qui la commettaient, car ils supposaient la France sans conscience et sans opinion. Il ferait, disait-on, tout ce qu' il voudrait; oui, répondit-il, mais il pouvait ce qui était dans le sens des besoins et des opinions régnant dans le moment en France, mais pas davantage. Il le pouvait mieux, plus puissamment qu' un autre, mais il ne pouvait rien contre le mouvent actuel des esprits. Если и Тьеръ это говоритъ, онъ правъ. Управленіе есть предупрежденіе нуждъ народа и чѣмъ оно будетъ сообразнѣе, соотвѣтственнѣе съ большинствомъ, тѣмъ оно можетъ быть смѣлѣе, и смѣлѣе, тѣмъ свободнѣе, неограниченнѣе.

Послѣ 22 лѣтняго управленія Министерствомъ Финансовъ графъ Канкринъ, удалившись въ Парижъ, написалъ и издалъ потомъ въ Штутгартѣ: Die Oekonomie der.... Gesellschaft und Finatz. Я полагаю, что это сочиненіе писано не въ 1845 г., но прежде. Оно составилось изъ постепенныхъ отрывочныхъ замѣтокъ, которыя, можетъ быть, связаны, соединены въ нѣчто цѣлое при окончательномъ обозрѣніи въ Парижѣ. Это—собраніе практическихъ замѣчаній опытнаго человѣка, и въ этомъ значеніи сочиненіе стараго министра замѣчательно, а можетъ быть даже и полезно. Книга раздѣляется на три части: общую, частную и о финансахъ. Строгой системы и послѣдовательности въ изложеніи нѣтъ. Нѣтъ ни историческихъ, ни догматическихъ подробныхъ изъясненій. Совсѣмъ нѣтъ ни статистическихъ данныхъ, ни положительныхъ доказательствъ. Послѣднія ограничиваются намеками, кое какими указаніями. Очень много номенклатуры. Итакъ замѣчательнѣйшее есть то, что сочиненіе писано министромъ графомъ Канкринымъ и что въ немъ нерѣдко встрѣчаются примѣненія къ Россіи и оправданія мѣръ, принимавшихся лишь государственнымъ правленіемъ. Оно писано добрымъ человѣкомъ, христіаниномъ и съ теплымъ и просвѣщеннымъ сердцемъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1868-й годъ.

Какъ старый человѣкъ, я начну годъ ропотомъ,—ропотомъ на общую распущенность, на общее обѣдненіе, на усиливающуюся преступность. Оберъ-полиціймейстеръ Араповъ сказалъ мнѣ, что на 1 Января поднято безчувственно пьяныхъ 86 человѣкъ; въ Саратовѣ разстрѣляли Сергіевскаго и Богословскаго, порочность которыхъ достигла крайнихъ предѣловъ; въ Рязани захвачена почта, убиты почтальонъ и ямщикъ, говорятъ, Рязанскимъ дворяниномъ Головинымъ. Носится слухъ, перешедшій уже и въ газеты, что въ одномъ изъ Петербургскихъ институтовъ воспитанницы, за запрещеніе высокихъ шиньёновъ, задушили и закололи булавками пепиньерку, ошибочно принятую за начальницу института. А съ другой стороны, уравненіе смѣты прихода съ расходомъ, распространеніе желѣзныхъ путей, развитіе внѣшней торговли, движеніе публицистики и серьезной (переводной) литературы, 26 безцензурныхъ газетъ и журналовъ, изданіе 11-ти календарей (одинъ другого лучше), назначеніе Небольсина въ Государственный Совѣтъ за разработку *понижаемаго* тарифа, доказывающаго, не на одной Парижской выставкѣ, процвѣтаніе нашей промышленности, многочисленныя награды, аренды и пенсіи, удостовѣряющія усердіе администраціи, блестящій отчетъ оберъ-прокурора Синода, труды земства и водвореніе судебной реформы... Да. Но все какъ-то не вѣрится. Нѣтъ ни въ комъ увѣренности, не чувствуется благосостоянія, толчется въ сердцахъ опасеніе, въ умахъ сомнѣніе, боязнь въ

*) См. вторую книгу „Р. Архива“ сего года, стр. 343.

начинаніяхъ, лотерейная лихорадка надежды, случайности; невѣрность всякихъ расчетовъ, безденежье, нужда, дороговизна хлѣба, даже хлѣба. Тяжелый годъ!

Исторія нигилизма въ Россіи выразилась, какъ и слѣдовало ожидать, въ неразвитомъ, неустановившемся обществѣ, пренебреженіями къ закону, порядку и приличіямъ. Это ученіе не новое, это старое ученіе матеріалистовъ и атеистовъ, приложенное къ семейному и общественному быту. Прежде оно было болѣе индивидуально. Баронъ Фиркъ разсказываетъ эту исторію неправильно и съ Нѣмецкою затаенною злорадостью. Нигилизмъ пришелъ къ намъ чрезъ Польскихъ учителей въ женскихъ институтахъ и губернскихъ гимназіяхъ. Я знаю это чрезъ мою племянницу Земмеръ, отъ моего племянника Алексѣя Горбунова, отъ институтки Дебольцовой (въ 1862 г. въ Петербургѣ) и отъ почетнаго опекуна Ахлестышева, изслѣдовавшаго эту порчу въ Московскомъ институтѣ. Распространеніе зловредныхъ слуховъ и ученій есть догматъ Польскаго катихизиса. Для этого Польскія графини идутъ въ гувернантки и разливаютъ ядъ въ семейномъ быту.

Впрочемъ это явленіе не мѣстное и особенно не-русское, какъ силится доказать баронъ Фиркъ. Это—„знаменіе вѣка“, унаслѣдованное отъ ученій XVIII столѣтія и его великой революціи. Атаназъ Кокрень-сынъ такъ описываетъ въ 1864 году настроеніе общества или значительной его части. Ne croyez rien, disent les uns: niez toute religion et Dieu lui-même; niez toute espérance d'une autre vie, l'âme et son immortalité et son existence même. C'est par la négation radicale, par la haine de toute autorité, qu'il faut se défendre contre les abus et les empiétements de l'autorité“. Ainsi parle (продолжаетъ либеральный протестантскій исповѣдникъ) ainsi parle l'irreligion moderne; bien loin de s'arrêter où s'arrêta Voltaire, elle le méprise, parce qu'il croyait en Dieu; elle abaisse tout idéal moral, étouffe à dessein, même dans l'éducation des enfants (j'en pourrais citer des exemples) le sens religieux, et dès lors, aves l'anéantissement de tout ce qui est austère et élevé, coïncident le relâchement effréné des moeurs, la recherche effrontée de toutes les jouissanees, l'impudent étalage des passions sensuelles. Notre époque semblait avoir adopter ce mot d'ordre honteux: le *sansgêne*; on n'en demeure plus là, on se moque de tout ce qui est beau, pure, noble, saint, poétique. On pratique. on enseigne le gôut de l'ignoble, du laid, du vil, et l'on foule aux pieds, de parti pris, toute dignité; tant on s'efforce, en un mot, de rabaisser l'homme jusqu'à la brute. J'ai entendu naguère. dans un lieu public, des représentations turbulentes de la femme moderne nier Dieu avec forfanterie et fracas et interrompre grossièrement un discours où le mot de conscience avait été prononcé (non par un ministre

de la religion, mais par un libre penseur), en se disant l'un à l'autre: „La consience? Sais tu ce que c'est? Pour moi, je ne l'ai jamais su!“

Коли это не нигилизмъ, наши нигилисты—несчастная копія.

Неудовлетворяемая пытливость всегда сопровождается заблужденіями. И самое заблужденіе не есть-ли оно противорѣчіе привычкѣ? Не путаюсь ли я самъ (о Руссо, о Вольтеръ, боги отцовъ нашихъ!) упрекая молодое поколѣніе въ превратности понятій и изыскивая источникъ зла въ неточности религіозныхъ убѣжденій, въ неточномъ понятіи ученій Христа, въ неестественности положенія современнаго общества?

Страшные морозы! Какъ перенесемъ мы этотъ „годъ холода и голода?“ Мерзнетъ народъ на возахъ, мерзнуть пьяные на улицахъ, мерзнетъ часовой въ будкѣ, мерзнуть пассажиры въ вагонахъ. Неурожай во многихъ мѣстахъ грозитъ голодомъ. Безденежье продолжается. Преступленія усиливаются. Личная безопасность сомнительна. А гласность и свобода печати ковыряютъ раны, разглашаютъ страхи, раздражаютъ впечатлѣнія. Я опасаюсь шаекъ и народныхъ волненій. Конь разнуздывается, сѣдокъ неопытный, поле широкое. Насъ спасаютъ нашъ суровый климатъ, рѣдкое населеніе и его невѣжество. Опившіеся и замершіе покойны. Но не покойны плательщики. Нужды настоятельны, недоимки огромныя, взысканія неудачныя. Становой ѣдетъ въ станъ съ револьверомъ въ Великихъ Лукахъ, поднимается все губернское начальство на Данковскихъ ослушниковъ, а недоимка не взыскивается. Виновныхъ въ неповиновеніи предаютъ суду, а присяжные ихъ оправдываютъ. Подати возвышены чрезмѣрно. Расточительность Петербурга непомѣрна. Мы въ неоплатныхъ долгахъ и живемъ въ долгъ.

Берлинскій Staats-Anzeiger *извиняется*, что дворъ изъ частныхъ шкатулокъ величествъ и высочествъ не можетъ отказаться отъ обычныхъ празднествъ, хотя тотъ же Staats-Anzeiger удостовѣряетъ въ каждомъ № о дѣятельности обществъ и ферейновъ въ Пруссіи и во всей Германіи въ пользу жителей восточныхъ провинцій; а у насъ описаніе празднествъ по случаю браковъ Ольги и Евгеніи идетъ съ рядомъ извѣстій о голодѣ и жестокихъ холодахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи и о массахъ, умирающихъ отъ вина, и только въ видѣ фарса прибавляютъ газетчики, что великій князь Константинъ поитъ чаемъ извозчиковъ и раздаетъ имъ башлыки и что тоже дѣлаетъ и великій князь Николай. Собираются помогать дѣйствительно. Открываются подписки. Учреждается комитетъ, по примѣру Берлинскаго, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника.

Приговоръ Петербургской Судебной Палаты 19 Января о г.г. „Вѣсти“, Скарлтинѣ и Юматовѣ, порицая оправдательный приговоръ суда 25 Августа 1866 года о Жуковскомъ и Пыпинѣ („Вопросъ молодому

поколѣнію“ въ „Современникѣ“), ставитъ судъ въ довольно неловкое положеніе (чтобы не сказать въ ложное) и произвелъ въ Московскихъ кружкахъ различныя впечатлѣнія. Либералы видятъ въ этомъ оправданіи реакцію или сближеніе высшаго правительства съ представителями началъ, проповѣдываемыхъ „Вѣстью“. Консерваторы видятъ въ болтовнѣ барона Корфа (защитника Скарятина) посягательство на истину софизмами и фразіологіей. Я не вижу ни того, ни другаго. Молодое учрежденіе, не имѣя задатковъ прошедшаго, легонько пытается проложить путь, на которомъ бы вліяніе правительства и независимость суда могли идти и не столкнуться или столкнувшись не разбиться. Тщетная попытка! Осужденіе Пыпина и Жуковскаго и освобожденіе „Вѣсти“ составлялись очевидно подъ вліяніемъ рескрипта 13 Мая, и предсѣдателямъ Гольтгоеру и Чемодурову приказано, сказано или внушено поступить такъ и не иначе. И тотъ, и другой люди послушные. Но я удивляюсь, какъ переноситъ это Г. Н. Мотовиловъ, всегда высказывавшій большую независимость. Рѣчь Скарятина, какъ „публициста“, замѣчательна своею безъискуственностію. Онъ, съ своей точки зрѣнія, убѣжденъ въ правотѣ своихъ стремленій и *терпимости* самаго выраженія этихъ убѣжденій. Не благородны показались мнѣ нападки на Жуковскаго и ссылка на „Московскія Вѣдомости“. Но исходъ процесса не подлежалъ сомнѣнію: осудивъ Жуковскаго и Пыпина, Палата не могла осудить ихъ порицателей. Я бы осудилъ. И при свободѣ публицистики должны быть приличіе и умѣренность публичнаго слова. Раздраженіе „консервативнаго редактора“ не оправданіе. Тогда и всякая ретроградность, явно нарушающая данныя и пріобрѣтенныя права, найдетъ оправданіе, какъ находитъ его, пожалуй, и революція. Но что же тутъ нормальнаго?

Университетская исторія мало по малу разоблачается. Чичеринъ вышелъ въ отставку (и каѳедра государств. права не занята!), Погодинъ разболталъ свое письмо къ ректору и профессорамъ, которые намѣревались выходить (см. „Москов. Вѣдом.“ №№ 40 и 42 и „Русск. Вѣд.“ 45 и 46). Ректоръ закрылъ лекціи двумя днями прежде обыкновеннаго, такъ что Чичеринъ долженъ былъ, вмѣсто прощальнаго слова, написать прощальное письмо студентамъ. Погодину отвѣчалъ профессоръ Ѳед. Мих. Дмитріевъ. Чичерину студенты дали обѣдъ съ рѣчами, довольно невинными. Ученый міръ былъ въ волненіи. Москва, довольно равнодушная и къ земству, очень безцвѣтному, и къ Славянскимъ чтеніямъ, ропщетъ на подписки въ пользу голодающихъ и общество раненыхъ. Подписка на больныхъ и раненыхъ, подражаніе генерала Тотлебена учрежденію Прусскому, идетъ плохо по неудачному выбору президента, генерала Зеленаго, не имѣющаго ни имени, ни иниціативы. Для голо-

дающихъ Цесаревна собрала 200 тысячъ. Великіе князья, во дворцахъ, въ холода, выдавали башлыки и поили сбитнемъ извощиковъ. Николай Старшій собиралъ подписку по гостинодворцамъ, морщась, если цифра мала, даря улыбкою благоволенія, если она покрупнѣе. „Ни копѣйки не дамъ, говоритъ, собираясь просить о возобновленіе 5-ти тысячной аренды, патріотка кавалерственная дама М. А. Л.*). Раззорилъ насъ, такъ и ѣшь сухую". Полонскій написалъ Цесаревнѣ стихотвореніе: „Голодъ". Но Москва глуха. Въ ней по прежнему безденежье и страшные морозы. По прежнему пьянство, преступность. Не знаешь, гдѣ это остановится. Домашняя прислуга дезорганизована до крайности. Распущенность повсюду такъ очевидна, что сомнѣваешься въ благодѣтельномъ вліяніи свободы печати и публичности суда. Видишь какъ бы только злоупотребленіе свободы и публичности. Сегодня, продолжая агитацію, „Москвичъ" осмѣетъ тарифную коммисію, завтра отдѣлаетъ Валуева или гр. Дм. Толстаго, а судъ оправдаетъ явныхъ воровъ, генерала Философова въ Петербургѣ, или развернетъ всѣмъ на показъ скандалезные роды Итальянки Жюли Баронъ, задушившей ребенка и судившейся за спрятаніе тѣла въ комодѣ. Стыдно читать повивальной бабкѣ. 20 лѣтняя Баронъ была постоянно въ изнеможеніи.

Агитація тарифная ведется собственно А. П. Шиповымъ. Разстроившись въ собственныхъ дѣлахъ, Шиповъ пошелъ на жалованье къ купцамъ и андоктринируетъ ихъ въ Нижнемъ, гдѣ онъ предсѣдательствуетъ въ биржевомъ комитетѣ на ярмаркѣ, и въ Москвѣ, гдѣ протекціонисты и основали свой органъ „Москву" (или „Москвича"), слившись съ національно-Славянофильскою партіей. Здѣсь собрана была подписка отъ нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ подъ просьбою о возвышеніи ввозныхъ пошлинъ. Въ Петебургѣ, вмѣстѣ съ пріятелями своими Колюпановымъ и Полетикою, Шиповъ помѣщалъ обширныя статьи въ „Петербур. Вѣдомост.", а на дняхъ прислано въ Москву письмо рабочихъ изъ Твери, гдѣ прямо выражаютъ опасенія за вредныя послѣдствія пониженія пошлинъ собственно для рабочаго класса, т. е. милліоновъ народа, долженствующихъ остаться безъ заработковъ и хлѣба. Тверскіе работники прямо указываютъ на „тарифную коммисію" и не чуждаются научныхъ пріемовъ.

Вотъ къ какимъ подкопамъ приступаемъ мы нынче, а за десять лѣтъ Прохоровъ просто прислалъ Небольсину 10 т. р. безъ затѣй. „Москва" или „Москвичъ" преисполнены смѣлыхъ выходокъ. *Голодъ, народная нужда* служатъ имъ, вмѣстѣ съ тарифомъ, благовидными предлогами.

*) Марія Александровна Лонгинова, рожд. Крюкова. П. Б.

„Московск. Вѣдомости“ несравненно сдержаннѣе и осторожнѣе со времени высочайшаго разрѣшенія ихъ послѣ третьяго предостереженія.

Юбилей Крылова далеко не такъ праздновался какъ Ломоносова и Карамзина. Надобно искать объясненія этого равнодушія въ частомъ повтореніи этихъ юбилеевъ, поднятыхъ пробуждающеюся Русскою самостоятельностію. А заслуги дѣдушки Крылова стоили бы праздника, заслуги народныя, заслуги воспитанія поколѣній, ходячаго ума, уличной мудрости. По особенности моего воспитанія и по времени я узналъ Крылова послѣ Лафонтена, даже послѣ Геснера и Геллерта, и всегда ставилъ его ниже Лафонтена. Мнѣ казалось, что и Дмитріевъ, котораго ребенкомъ читалъ я послѣ балладъ Жуковскаго, тоже ранѣе Крылова, тоже прекрасный Русскій баснописецъ. Крыловъ, по истинѣ, по языку и типамъ, баснописецъ народный, разсказчикъ уличной толпы и юмористъ кабинетнаго чтенія. Съ улыбкою презрѣнія смотритъ онъ на суетящійся свѣтъ и забавно перебираетъ личности, съ ихъ простотою и ухищреніями, производя ихъ то въ лису, то въ крысу, то въ Петра, то въ Демьяна, то въ свинью и повара. Народный калейдоскопъ оригинальныхъ простяковъ, поучающихъ собою сердце и мышленіе.

Февраль. Студентскій процессъ за аплодисменты г-жѣ Оноре есть просто капризъ генералъ-гунернатора, которому какъ-то наскучали эти безпрерывные вызовы и апплодисменты, и онъ приказалъ Арапову, Полю, Врубелю забрать въ часть эту молодежь, *какъ нарушителей театральныхъ представленій.* Полиція забрала этихъ „бѣлокурыхъ и маленькихъ“ и посадила ихъ на ночь въ кутузку. Потомъ порядокъ требовалъ представить ихъ къ мировому судьѣ. Здѣсь реакція потребовала, чтобы г. Нероновъ осудилъ ихъ, какъ нарушителей, къ денежному штрафу безъ аппеляціи. Надѣюсь, что кассація возстановитъ правосудіе и за апплодисменты къ суду тянуть не будутъ, а капризъ найдетъ поученіе. Должно однако замѣтить, что эти ладоши и вызовы дѣйствительно переходятъ всякую мѣру, и урокъ молодежи не лишній.

И „Москвичъ“ прекращенъ „какъ замаскированное продолженіе Москвы“, и прекращенъ „по высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ“. Что за чрезвычайная мѣра и за какія вины? Въ публикаціи не сказано. За тарифныя возраженія и за продажу Николаевской желѣзной дороги внѣ условій патріотизма и здраваго смысла? Или за разборъ отчета оберъ-прокурора Синода? Или за статьи о дурной рожѣ (полиція и администрація), отражающейся на зеркалѣ новаго суда? Или за обнародованіе процесса аплодирующихъ студентовъ? Или за прибавленіе о грабежахъ и разбояхъ въ Москвѣ, не дѣлающихъ чести начальствующимъ въ первопрестольной? Поводовъ много. И рожа—поводъ, и отчетъ—поводъ. Поводъ—и требованіе занятія Галиціи, если

Австрія займетъ Герцеговину. А жаль! Аксаковъ откровененъ и благороденъ, съ далекимъ кругозоромъ Славянофиловъ и самостоятеленъ. Но это естественно: газета основана Московскимъ купечествомъ и братьями Шиповыми.

Университетская исторія изложена довольно подъячески, сегодня, 21 Февраля, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", главномъ рычагѣ этой исторіи. Это ни болѣе ни менѣе какъ протестъ молодежи (меньшинства и талантовъ) противъ большинства и безталантливости Баршева (ректора) и поддающихся вліянію ученаго Леонтьева (Каткова) во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ университета. Это искуственное злоупотребленіе самоуправленіемъ, столь же возможное въ Московскомъ университетѣ, какъ и въ какой нибудь Сызранской волости. Элементы не созрѣли, общественность слаба, населеніе рѣдко. Ни Дмитріевъ, ни Чичеринъ, по существу, не правы; но и ректоръ и его страдательный совѣтъ, по формѣ, тоже не правы. Ректоръ зажимаетъ ротъ говорящему, не позволяетъ читать письменное, возвращаетъ съ надписью написанное. Бушующему меньшинству исхода нѣтъ. Оно ищетъ защиты у попечителя; глупый человѣкъ дѣлаетъ коллегіи замѣчаніе. Коллегія, естественно, оскорбляется. Совѣтъ министра нейтрализируетъ и канцелярскимъ разъясненіемъ думаетъ согласить обѣ стороны. Послѣдовалъ разрывъ окончательный. Меньшинство, не скопомъ, а одинъ за однимъ, просятъ отставки. Начинается агитація въ общественныхъ кружкахъ, въ газетахъ. Началъ Погодинъ, отвѣчали Чичеринъ письмомъ и обѣдомъ, и Дмитріевъ—отвѣтомъ Погодину. Главною виною—несозрѣвшее самоуправленіе, приводящее къ выборамъ въ ректоры такого господина какъ Баршевъ, этотъ семинаристъ и мать-игуменья. Безлюдье въ университетѣ поразительное. Каѳедры на половину не заняты, занятыя отличаются бездарностію. Самоуправленію не достаетъ средствъ.

Копеечные сборы. Жалкій отчетъ общества литературнаго фонда (пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ), показывающій въ приходѣ—16 т. р., въ расходѣ—11 т. р., невольно наводитъ на мысли о нашей бѣдности и недостаточности нашего общественнаго вспомоществованія. Подписки наши ограничиваются сотнями, рѣдко тысячами. На 75 милліонное населеніе это не составляетъ и копеечнаго сбора. Въ восточной Пруссіи оказался неурожай, и вспомоществованіе расчитываетъ на милліоны. У насъ Цесаревна не собрала и 500 т. р. Общество пособія дворовымъ (ихъ $1^1/_2$ мил.) закрылось при истощеніи фонда, хватавшаго до 24 т. р. Это пособіе населенію, превосходящему обѣ восточныя области Пруссіи. Шумный сборъ для братьевъ Славянъ дойдетъ, можетъ быть, до 3 т. р., чтобы начать борьбу съ Турціей. Съ энтузіазмомъ начатая подписка для храма Св. Александра Невскаго

остановилась на 36 тысячѣ. Многорѣчивое общество вспомоществованія воинамъ значитъ въ приходѣ 37 тысячъ. Армія обезпечена! Съ обѣдненіемъ дворянства отъ освобожденія крѣпостныхъ, обѣднѣло, на время, все общество. При этомъ безпрестанные займы и лотереи вытягиваютъ и капиталы и мелкія сбереженія. Непомѣрное возвышеніе податей и общая дороговизна умаляютъ средства и въ тѣхъ классахъ, которыхъ копеечное содѣйствіе обѣщаетъ милліоны. Прежде представителемъ государства было помѣстное дворянство, а теперь земство, обложенное разными поборами.

Жалкій отчетъ, а все таки честь и слава Ег. П. Ковалевскому съ товарищи.

Восточный-ли вопросъ созвалъ въ Петербургѣ нашихъ посланниковъ Парижскаго (бар. Будберга) и Турецкаго (Игнатьева) или другой какой, во всякомъ случаѣ *демонстрація* эта удалась, задавъ кабинетамъ загадку и всѣмъ политиканамъ задачу. Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ собственно о значеніи демонстрацій, къ которымъ Наполеоны всегда прибѣгали и ввели этотъ манёвръ въ обычай Европейской политики, внутренней и внѣшней. Демонстрація есть ложная тревога, попытка, на которую всегда или нерѣдко другой элементъ (народная масса) отвѣчаетъ *манифестаціей*, ложной угрозой. Такъ или сякъ, и то и другое есть ложь, носившая въ XVII вѣкѣ названіе ловкой хитрости, а въ XVIII—ловкаго притворства. Въ XVI столѣтіи ученіе это основалъ Макіавелли. Демонстраціи теперь въ большомъ ходу. То пустится утка въ газетѣ, то пришлется телеграмма на биржу, то устроится лагерь или смотръ, то скажется рѣзкая рѣчь 1 Января или въ Бордо и Оскерѣ, то обнародывается знаменательная брошюра или вызовется посланникъ, или разошлется циркуляръ или передвинется корпусъ. Особенно вредны демонстраціи внутреннія. Онѣ поселяютъ недовѣріе, безпокоятъ мнѣніе и раздѣляютъ управленіе отъ управляемыхъ, поставляя ихъ въ какое-то наблюдательное, враждебное положеніе. И я понимаю это во Франціи, гдѣ правительство вышло изъ революціи и виляетъ между пропастей. Но съ какой стати явленіе это усвоивается у насъ, я объясняю себѣ однимъ пустымъ подражаніемъ, которое однако и у насъ создаетъ (ложное) раздвоеніе и отчуждаетъ общество отъ правительства.

Процессъ Пинскаго и Прянишникова по управленію имѣньями генерала Саломирскаго. Ихъ обвиняютъ въ растратѣ, утайкѣ, присвоеніи, въ кражѣ 80 т. р.! Пинскаго обвиняютъ въ кражѣ! Мнѣ хотѣлось бы дать отвѣтъ первому впечатлѣнію, подавляющему во мнѣ лучшія убѣжденія, увѣренность и привычки. Я пораженъ этимъ извѣстіемъ. Я не могъ дочитать отчетъ „Судебнаго Вѣстника“. Экое времечко, полное

злобы и своекорыстія! Себѣ не вѣришь! Въ себѣ сомнѣваешься! Илья Арсеньевъ, Звенигородскій, Алексѣй Зарудный, Бильбасовъ, Будаевскій—какая грязь! „Вѣсть“, „Голосъ“-какая грязь! Но эти трущобы не такъ оскорбляютъ меня, какъ процессъ Пинскаго. Я знаю Пинскаго съ 1835 года. Это былъ человѣкъ дѣловой, правдивый и неподкупной честности. Никто и никогда не сомнѣвался въ этой честности. Съ 1817 г. въ службѣ, воспитанникъ Педагогическаго Института, скромный учитель Симбирской гимназіи, въ домѣ Ивашкиныхъ, губернскій стряпчій въ Москвѣ, съ 1831 г. начальникъ отдѣленія Деп. Юстиціи, съ 1837 г. оберъ-прокуроръ, потомъ, съ 1850 г. сенаторъ и въ 1866 г. первоприсутствующій въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ, онъ всегда пользовался репутаціей отлично честнаго, отлично строгаго и упорнаго въ строгости судіи, къ которому Д. В. Дашковъ, графъ В. Н. Панинъ, графъ Д. Н. Блудовъ и всѣ мы, его знакомые и друзья, имѣли полную довѣренность. Мы знали его пристрастія, его увлеченія, но мы не могли допустить и мысли даже о возможности любостяжанія съ его стороны. Больной и разбитый годами, онъ еще такъ незадолго до смерти велъ процессъ Гаевскаго о похищеніи Синодскихъ денегъ и велъ его такъ энергически, такъ грозно и даже такъ привязчиво! Чему вѣрить въ такую эпоху? Обвинялъ въ Окружномъ Судѣ адвокатъ Спасовичъ, тотъ самый молодой Казанскій магистръ, котораго Пинскій прислалъ ко мнѣ, въ 1853 г., для практическаго изученія судопроизводства. И у этого Спасовича поворотился языкъ обвинять Пинскаго въ кражѣ! Тутъ могли быть безпорядки въ управленіи, совершенно чуждомъ чиновничьему быту Пинскаго; тутъ могли быть ошибки въ счетоводствѣ, всегда противномъ натурѣ Пинскаго; тутъ могло быть и предвосхищеніе подписи самоувѣреннаго, разъ довѣрившагося Пинскаго; но присвоенія, похищенія тутъ, по моему глубокому убѣжденію, не было и, судя по плебейской гордости Пинскаго, быть не могло.

Повторяю: въ себѣ усумнишься.

Поговаривали о связяхъ Пинскаго съ женщинами, о другой семьѣ, на сторонѣ. Это могло быть. Но отсюда до захвата—пространство неизмѣримое.

Однако Спасовичъ приводитъ факты: гр. Ламбертъ объясняетъ, что 20 Декабря имѣлъ съ Пинскимъ крупный разговоръ, Пинскій обязался внести,—и на другой день скончался.

Мартъ. Валуевъ оставляетъ Министерство Внутр. Дѣлъ по болѣзни глазъ и изнуренному здоровью. Онъ 38 лѣтъ въ службѣ, 57 лѣтъ отъ роду и послѣ семилѣтняго труднаго управленія министерствомъ, когда приводилась въ исполненіе крестьянская реформа, когда устроивалась полиція, упразднялись приказы, выработывалось земство и преобразо-

вывалась цензура. Есть надъ чѣмъ потрудиться и было отчего изнурить себя! Петръ Александровичъ Валуевъ нигдѣ не учился и только держалъ такъ называемый комитетскій экзаменъ. При благообразной наружности и прекрасномъ ростѣ онъ имѣетъ весь внѣшній блескъ и блестящую свѣтскую образованность. Долгое пребываніе въ Прибалтійскомъ краѣ сдѣлало изъ этого Русскаго Француза истаго Рускаго Нѣмца. Послѣ смерти первой жены, несчастной княжны Маріи Вяземской, женитьба на дѣвицѣ Вакульской сдѣлала его немножко и Полякомъ. Петербургъ сдѣлалъ его космополитомъ. Продолжительное губернаторство въ ученой и скромной Митавѣ дало ему возможность обогатиться теоретическими и положительными свѣдѣніями, а разнообразная служба его, столкновенія съ замѣчательными людьми и постоянная любознательность распространили и укрѣпили его познанія. Онъ превосходный ораторъ и замѣчательный редакторъ. Блестящей карьерой своей онъ обязанъ собственно себѣ. Когда Муравьевъ просилъ Государя, въ 1860 г., оставить его въ Министерствѣ для окончанія важныхъ преобразованій, особенно столь выгодной переоброчкѣ земель, Государь отвѣчалъ, что онъ уже предназначенъ для высшаго поста. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ и успѣхѣ въ службѣ, Валуевъ постоянно имѣлъ многихъ и ярыхъ порицателей въ Петербургѣ и въ Москвѣ и не только не пользовался популярностію, но едва ли имѣлъ и немногихъ теплыхъ приверженцевъ. Причину этой холодности и общаго нерасположенія къ Валуеву должно искать въ холодности самого Валуева, для котораго личный успѣхъ всегда имѣлъ преобладающее вліяніе. Потомъ—отсутствіе въ немъ Русскаго человѣка, въ настоящее время, когда князь Суворовъ и „Московскія Вѣдомости“ такъ высоко поставили національное достоинство. Потомъ—пристрастіе Валуева къ Остзейцамъ и Полякамъ. Эту причину я считаю существенною и главнѣйшею. Время откроетъ дѣйствія Валуева въ пользу этихъ антирусскихъ національностей. Какъ очевидецъ, я могу засвидѣтельствовать только то, что при немъ 2-й Д-тъ Мин. Гос. Имущ. съ Рудницкими, Кейстутами, Войшкульскими, Шахно и проч. былъ совершенно Польскій, какъ и весь личный составъ управленія западныхъ губерній, и что этимъ, люстраціею и формами, Муравьевъ и Валуевъ неумышленно, но усердно служили Польскому Жонду. По Остзейскому краю, кромѣ покровительства Нѣмецкому чиновничеству, достаточно указать на отстоенныя Валуевымъ привилегіи г. Риги, и на продажу казенныхъ земель дворянству въ Эстляндіи изъ 4% *на безсрочное время*. Вообще Валуевъ имѣлъ большое вліяніе на Муравьева, и отвѣтственность за ихъ Польско-Остзейскія дѣйствія должна лежать преимущественно на немъ.

Дѣйствія Валуева, какъ министра, принадлежатъ исторіи. Я думаю что онъ кончилъ свое государственное поприще. Ожидаемыя прощальныя сцены, спичи и адресы принадлежать исторіи уже не будутъ. Могли содѣйствовать его увольненію, въ такое трудное и жаркое время, и недостаточныя мѣры губернаторовъ и министерства для предупрежденія голода, обнаружившагося во многихъ уѣздахъ и, кажется, болѣе раздутаго газетами, нежели дѣйствительнаго. Но увольненіе недобровольное. Личныя мои отношенія съ Валуевымъ были всегда дружескія.

Поѣздка принца Наполеона въ Берлинъ приписывается миролюбивымъ настроеніямъ Франціи, по газетамъ Французскимъ. Онъ началъ разоруживать вооруженныя (всѣ) государства Европы, начавъ съ главнѣйшаго, Пруссіи. Это не такъ. Война или революція должна быть. Накопившіеся горячіе элементы неотлагательно требуютъ взрыва и непремѣнно взорвутся. Поѣздка маскируетъ вооруженія Франціи, которая совершенно запуталась во внѣшней и внутренней своей политикѣ. Такъ трудно поправляться, разъ оторвавшись отъ историческаго, преемственнаго развитія. Горючіе элементы скопились и въ Италіи, и во Франціи, и на Дунаѣ. Положеніе вещей невозможное, невыносимое. Борьба династическихъ началъ съ національными въ наше время не мыслима. Они должны быть тожественны. Гегемонія Франціи прошла невозвратно. Гегемонія Пруссіи поднимаетъ Славянское племя, и оно поднимется. Намъ, Русскимъ, Востоку приходится стать лицомъ къ лицу съ Западомъ и начать новую эпоху, съ соціальными преобразованіями, которыя намъ издавна присущи. „Права Наполеоновской династіи“ тутъ ни при чемъ. Событія совершаются внѣ личныхъ и династическихъ соображеній. Еще дѣйствуютъ условія національныя, условія довольно узкія, если ихъ выражаетъ какой нибудь Лауенбургъ, Данія, Венгрія, но еще имѣющія значеніе по отношенію Запада, Романско-Германскаго Запада, къ этому возрастающему Славянскому Востоку, гдѣ Россія призвана на преобладающее вліяніе. Должны дѣйствовать условія и интересы обще-человѣческіе, внѣ всякихъ демонстрацій и манифестацій, интересы положительные, служащіе на пользу, на благо всѣмъ. Солидарность должна быть признана для всѣхъ обязательнымъ закономъ, а солидарность Запада съ Востокомъ требуетъ соціальной реформы.

Валуевъ уволенъ (съ лестнымъ рескриптомъ „искренно любящаго Александра“), тарифная комиссія, происками протекціонистовъ, закрыта, новый министръ сказалъ громкое слово о подпольномъ противодѣйствіи, зарождается министерство полиціи, которой отдается и ценсура, и все это приписывается вліянію Наслѣдника-цесаревича, окруженнаго совѣтниками: кн. Мещерскимъ, объѣзжавшимъ губерніи для мѣстныхъ изученій,

Качаловымъ, предсѣдателемъ образцовой Новгородской управы, юристомъ Побѣдоносцевымъ и экономистомъ Бабстомъ. Обстановка счастливаго выбора, отъ которой можно и должно ожидать полезныхъ результатовъ. Къ этимъ совѣтникамъ должно причислить графа Серг. Строгонова, гр. Перовскаго и генерала Рихтера, людей умныхъ и благородныхъ. Вообще должно отдать справедливость Государю: онъ выбираетъ людей осмотрительно, онъ желаетъ руководствоваться отличеніемъ таланта и преданности.

Я упрекаю нашихъ правителей и ихъ назначеніе въ незрѣлости и въ естественной за тѣмъ опрометчивости. Всѣ великія преобразованія дѣйствительно велики, но надуманы они a priori и исполнены непрактично. Освобожденіе крестьянъ раззорило и уронило дворянство и мѣстнымъ безначаліемъ, пьянствомъ и раздѣлами губитъ крестьянство. Земство (скороспѣлое) не обезпечиваетъ ни одной изъ своихъ обязанностей и сопровождается одними смутами, раздорами и агитаціями. Напущенный Польскою партіею говоръ о голодѣ съ помощію падкой гласности не нашелъ въ земствѣ никакого отпора. А между тѣмъ это пьянство и эта гласность, въ свою очередь: славныя современныя преобразованія. Лучше другихъ проведена реформа контрольная; но и она, разработкою счетовъ 1866 года, доказываетъ, что реформа на бумагѣ далека отъ дѣйствительности. Дефициты изъ единицъ и десятковъ по смѣтѣ превращаются въ десятки и сотни при его исполненіи. Винный акцизъ губитъ народъ въ корень, а сумма его сборовъ постепенно уменьшается, не смотря на лихорадочные искуственные заработки по разнымъ ненужнымъ трактамъ желѣзныхъ дорогъ. Освобожденіе крестьянъ, удешевленіе вина и эти заработки привели правительство къ мысли о непомѣрномъ возвышеніи прямыхъ налоговъ. Это одна изъ самыхъ революціонныхъ мѣръ современнаго революціоннаго царствованія. Въ немъ зародышъ основнаго народнаго неудовольствія и возбужденія демократическихъ проявленій. Признано, что налогъ лежитъ неуравнительно, неравноправно и нераціонально, а г.г. Муравьевъ и Рейтернъ усиливали до нельзя этотъ экономическій безпорядокъ государства. Судебная реформа идетъ безпорядочно. Принявъ пять или шесть изъ моихъ предположеній (вошедшихъ въ правила 11 Октября 1865 г.), министерство, безъ всякаго основанія, отвергло другія, и я счелъ себя вынужденнымъ, послѣ двухъ лѣтъ опыта, напомнить объ этомъ министру письмомъ отъ 9 Марта, прося графа Конст. Иван. фонъ-деръ-Палена удостоить вниманіемъ стараго и едва ли не старѣйшаго криминалиста. Назначенія по государственной службѣ такъ часты, внезапны и скоры, что у всѣхъ головы кружатся. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ нѣкоторые получили пять-шесть назначеній. Наслѣдникъ принимаетъ участіе въ

общихъ дѣлахъ управленія. Онъ окруженъ хорошими людьми. Чего же смотрятъ хорошіе люди? Событія совершаются и зрѣютъ.

Въ десятый разъ пишутъ мнѣ изъ Петербурга о назначеніи въ кассацію. Охъ, пора-бы! Задыхаюсь я въ этой Московской атмосферѣ, сохраняя обычную мою независимость. Эти Лонгиновы, Четвертинскіе, Шиповы, Одоевскіе, Сушковы давятъ меня какъ чужеядца, какъ иностранца. Все это люди хорошіе, благородные, но Москвичи, для которыхъ Петербургъ есть a priori измѣнникъ-Нѣмецъ, неучъ и мелкій чиновникъ. Для нихъ государство есть отчина, всякое дѣло—сдѣлка, всякое событіе—интрига. На первомъ планѣ личность, на второмъ семья, на третьемъ родъ, на четвертомъ—приходъ, на пятомъ Москва, на шестомъ Московія, на седьмомъ Россія. Здѣсь семь горизонтовъ, и на каждый горизонтъ по семи ходовъ изъ семи кружковъ. И на каждый кружокъ по семи голосовъ на недѣлѣ, и на каждой недѣлѣ по семи Пятницъ. Сватовство, кумовство, сплетни, агитаціи и манифестаціи, изъ гостей въ гости, визиты и съѣзды съ ложью и злостью, съ пустыми рѣчами. Бездѣлье и бездѣльничество заѣдаютъ жизнь. Полезныя изданія Московскія: „Архивъ“ Бартенева и „Чтенія Общества“ Бодянскаго, обнародывая прекрасные матеріалы, не чуждаются и скандальцевъ и сплетень. Архивъ помѣстилъ довольно пустыя Записки графа Комаровскаго, который, описывая пріѣздъ свой въ Москву въ концѣ 1825 года и чтеніе въ соборѣ извѣстныхъ актовъ о престолонаслѣдіи, говоритъ между прочимъ, что архіепископъ Филаретъ, при словѣ о присягѣ, провозгласилъ народу: „разрѣшаю и благословляю“. Историографъ Филарета, Сушковъ, заручившись „Р. Архивомъ“, поскакалъ къ митрополиту. Старикъ отрекся отъ этихъ словъ, объяснивъ подробно, что для произношенія ихъ не было ни причины, ни повода. Сушковъ все это внесъ въ свои „Записки“. Филаретъ этимъ не ограничился. Онъ документально-письменно опровергаетъ показаніе графа Комаровскаго. Все это Сушковъ напечаталъ. Тутъ начинается агитація Комаровскихъ и Шиповыхъ. Анна Евграфовна Шипова, урожденная графиня Комаровская, центръ агитаціи, въ которой главное побужденіе личности и пики Сушковыхъ и Шиповыхъ (два разные съѣзда). Заводится дѣло, процессъ. Дѣти защищаютъ память родителя, духовный сынъ отстаиваетъ правдивость святителя, призываются свидѣтели. П. П. Новосильцевъ, адъютантъ генералъ-губернатора, разсказываетъ подробно, какъ было и вполнѣ подтверждаетъ извѣстіе Комаровскаго. Пишутъ къ кн. П. П. Гагарину, тогда оберъ-прокурору общаго собранія. Кн. Гагаринъ письменно удостовѣряетъ, что Комаровскій правъ. Собираютъ отзывы и другихъ современниковъ. И все это хотятъ напечатать, чтобы опровергнуть правдивость святителя, приводя и другіе разсказы о сомни-

тельности этой правдивости. И вся эта смута почти на другой день по погребеніи великаго іерарха, которому эти Шиповы и Комаровскіе выражали такую преданность, исполненную удивленія и благоговѣнія! Удастся-ли мнѣ отговорить ихъ, хотя повременить, не думаю. Гораздо болѣе важная агитація идетъ о тарифѣ, агитація широкая, гремящая въ Ивановѣ, Костромѣ и Петербургскомъ клубѣ хозяевъ, агитація заносчивая, бранная и весьма мало добросовѣстная.

Вотъ обнародована и государственная роспись, бюджетъ на 1868 годъ. Поздненько. Ее задержали образованіе Привислянскихъ губерній и Кавказскихъ управленій. Обнародованъ и отчетъ государственнаго контроля за 1866 г. Оба документа весьма важные. Они удостовѣряютъ, что въ бюджетъ можно вѣрить только въ цифры увеличенія налоговъ, умноженія расходовъ и постояннаго дефицита. Они удостовѣряютъ, что смѣта и дѣйствительное исполненіе ея двѣ величины совершенно различныя. Формальная отчетность открываетъ и прикрываетъ прежній произволъ. Огромная цифра доходовъ въ 480 милліоновъ не хватаетъ на наши нужды. Низкая денежная единица возвышаетъ цѣнность на значительный процентъ. Биржи завалены фондами и облигаціями, лотерей счету нѣтъ. У всѣхъ расчетъ на случайность. Петербургская расточительность не пріостанавливается. Пьянство и преступность усиливаются, не смотря на бѣдность голодающихъ и на скорость судебнаго прещенія. Начинаются скандалы и процессы. Притягиваютъ по немногу и администрацію, и дворъ, и царскій домъ.... Говорятъ, князь Николай Лейхтенбергъ женится на Акинфовой. Недалеки времена Шоазёля, недалеко банкротство казны, истощеніе податныхъ силъ, коренной порчи нравственности. Женщины играютъ большую роль. Авторитетъ правительства расплывается. Почему всѣ умы полны опасеній? Почему эта общая распущенность, на которую всѣ жалуются? Какое отношеніе лихорадки старика и ребенка, ожидающихъ выигрыша въ 200 т., ну, въ 500 р.—77 милл. годовыхъ процентовъ нашего государственнаго долга. Какое отношеніе между неутвержденіемъ г. Зеленаго и забаллотированіемъ г. Герье, между страхомъ и надеждою, между поѣздкою принца Наполеона въ Берлинъ и Дрезденъ и поѣздкою кронпринца во Флоренцію, а Датскаго военнаго министра въ Парижъ? Journal des Débats объясняетъ голодъ въ Россіи и Алжиріи соціальнымъ владѣніемъ земельною собственностію. Ну, а если Феніи, Гарибальдійцы и Чайковскіе потребуютъ этого владѣнія вооруженными бандами?

Я говѣю. Три года я не говѣлъ. Монастыри отучили. Пошли, Господи, терпѣнія и теплаго усердія! Эти продолжительныя службы, стоянія очень чувствительны. Исторія любитъ неблагодарность. Неблагодарность или неумѣнье? Запоздалость? Думаю я: вѣдь все это при-

несли намъ Греки. Обрядность, преданіе, чистота первобытная,—а развитіе? Какія непомѣрныя перемѣны переживаемъ мы. Я исповѣдался очень откровенно. Священникъ снисходителенъ и робокъ. Сегодня я причащался. 28 Марта. Райскія минуты, гдѣ вы? Странное дѣло! Я не видалъ этихъ минутъ и въ моихъ крошкахъ, а помню я ихъ въ 20 годахъ. Какъ сіяла душа, какъ горѣло чувство! Вѣкъ!

Прочелъ я „Людовикъ XV" и Людовикъ XVI" Мишле. Читается скоро. Это. кажется, послѣдній томъ его Исторіи Франціи, изложеніе которой составляло *его жизнь*. Мишле все тотъ же, свободенъ до неприличія, правдоподобенъ до вымысла, достовѣренъ до загадки. Путаетъ. смѣшиваетъ, льется потокомъ и разрѣшается нечаянностями. Своеобычность уродливая, о достоинствѣ науки и не спрашивайте. Но своеобычность и наука тутъ: обиліе источниковъ, новость воззрѣній, живость изображеній: есть несомнѣнный даръ поэта, критически описывающаго событія 1759—1788 годовъ. Онъ положительно утверждаетъ pacte de famille Бурбоновъ Шоазёля. conspiration de famille. основываясь на перепискѣ матери, Маріи Терезіи. съ дочерью, la magicienne, la fée, Маріею Антуанетою. Онъ называетъ Людовика XVI-го Нѣмцемъ, и его и королеву и министровъ Австрійцами. Интересы Франціи были проданы. Подозрѣнія націи были основательны, обвиненіе въ измѣнѣ достовѣрно. Наказаніе законно. Всѣ эти Австрійцы преступны и презрѣнны. Падаетъ наука, все дальше и дальше отходятъ Кантовскіе пріемы и воззрѣнія. Вторгнувшаяся демократія обращается съ идеями какъ съ съѣстными припасами. классифируя ихъ по вкусамъ, по времени. Да, но Франція-ли, la France, la grande nation отходитъ на второй планъ? Да, демократія воцарилась, но исходъ ей остается одинъ: соціализмъ. Какъ эти Колонны и Бріенны напоминаютъ нашихъ министровъ! Какъ сходны самыя событія, самыя реформы и этотъ déficit, и этотъ голодъ, и самый дебонарій. Но у насъ нѣтъ плотнаго населенія, и есть наше 8-ми мѣсячное безвременье.

Апрѣль. Ранняя Пасха, прекрасная погода, рогъ изобилія наградъ (колонна за колонной, не перечтешь), самое мирное настроеніе газетъ и дипломатіи (быть бурѣ!), успѣхъ „Вѣстника Европы", „Отечеств. Записокъ" и „Современнаго Обозрѣнія", продолжающійся успѣхъ „Войны и Миръ" графа Толстого, агитація Московскихъ дамъ по комитетамъ больныхъ и раненыхъ, гдѣ кн. Н. Б. Трубецкая и А. Н. Стрѣкалова тянутъ въ одну сторону, а (купчихи) Красильникова и Бостанжогло въ другую. манифестаціи во Франціи по поводу закона о подвижной гвардіи и бурныя засѣданія въ парламентахъ Англіи, при Торійскомъ министерствѣ Еврея Дизраели по поводу предположенія Гладстона о государственной, вовсе не національной, церкви въ Ирландіи и въ

Американскомъ Сенатѣ, гдѣ судятъ Андрю Джонсона за смѣту военнаго министра и противодѣйствіе конгрессу.... Все это предзнаменованія нехорошія. Униженія повсюду, обидчивость общая, всѣ вооружаются, у всѣхъ бюджеты съ непомѣрными дефицитами. Италія не опомнится отъ униженій Франціи, Франція не образумится отъ могущественнаго торжества Пруссіи; въ Англіи виситъ споръ объ Алабамѣ, получающій въ Америкѣ значеніе національнаго вопроса. На Балканахъ, въ Шлезвигѣ и въ Прусско-итальянскомъ союзѣ сплетаются военныя случайности, готовыя ежеминутно взорваться. Но—повторяю—не въ политическихъ событіяхъ я вижу опасность. Они измѣнчивы, скоропроходящи и поверхностны. Границей дальше, провинціей больше, важнаго немного. Опасность лежитъ въ упадающемъ значеніи церкви и въ распадающемся строѣ соціальномъ. Междоусобицы ad portas. соціализмъ прорывается. Обоймы Европу общая война, а безъ нея не обойтись, и съ окончаніемъ ея (а нынче войны кончаются скоро) вопросъ соціальный постановится самымъ опредѣленнымъ образомъ. Работающее народонаселеніе (огромное большинство) потребуетъ гарантій и надѣла, инаго распредѣленія налоговъ и своей доли благосостоянія. Удивляться надобно, какъ еще недостаточно сильно начало солидарности въ государствахъ Европы. Чугунка и телеграфы уничтожили пространства и время, а народныя массы пребываютъ въ первобытномъ невѣжествѣ. Насъ, насъ спасаютъ именно это невѣжество, наша безпредѣльность и наша бѣдность.

Умеръ Матвѣй, мой поваръ. Третьяго дня онъ занемогъ, вчерась свезли его въ градскую больницу, сегодня-старуха мать пришла объявить, что онъ скончался. Хорошій былъ человѣкъ; пятый годъ жилъ у меня. Я приписываю его скорую смерть пьянству. Онъ пилъ. Пьянствомъ объясняю я частыя и внезапныя смерти и думаю, что патологія и статистика не одобрятъ акциза.

Трудно сказать, гдѣ остановится желчная дерзость нашей журналистики. Я держу въ рукахъ „Москов. Вѣдом.“, гдѣ перепечатано изъ „Сѣверной Почты“ до безсмыслицы странное объясненіе дуэли бароновъ Будберга (это нашъ посолъ въ Парижѣ) и Мейендорфа; держу „Русскаго“, гдѣ расписано, какъ все и весь дворецъ пропитанъ ядомъ лести, „Современныя Извѣстія“, гдѣ отдѣланъ Московскій университетъ за агитацію по дѣлу Чичерина и Дмитріева, отдѣланъ желчно, площадно; держу наконецъ „Москву“ (№ 12), гдѣ описано совращеніе въ православіе отцомъ Васильевымъ отца Владимира Гетте и выставлена на показъ вся нетерпимость нашего духовенства, православной церкви, охраняемой, вмѣсто архангеловъ, квартальными и жандармами. И все это въ самыхъ незатѣйливыхъ выраженіяхъ, какъ пишутся формальные адресы, какъ печатаются кредитные билеты, какъ замышляются общія

мѣропріятія! Только невѣжество народа и суровость климата въ бѣдной странѣ спасаютъ насъ отъ переворотовъ, вызываемыхъ такимъ ограниченнымъ правительствомъ и такою дерзкою печатью. Жду выхода новаго „Статистическаго Временника", чтобы заняться совершенно ненормальными явленіями и написать на тему Даля: отойдемъ да поглядимъ, хорошо-ли мы сидимъ". Такіе порядки, голодный годъ и возрастаніе налоговъ!

Назначеніе генерала Потапова въ Вильну считаютъ сдѣлкою съ Польско-Французскою партіей. Пора кончить съ этими исключительными, диктаторскими, Муравьевскими мѣрами и водворить нормальный, общій порядокъ. Давай Богъ! Съ назначеніемъ новаго генералъ-губернатора измѣняется и весь составъ управленія, т. е. Русскій элементъ утвердился, начнемъ управлять *краемъ* по старому. Краемъ? По старому? Но за этимъ краемъ есть уже *Привислянскія* губерніи, и край уже не на краю. Но старое уже измѣнилось, и земство, и судъ Московскій со старымъ порядкомъ не вяжется. Настоящій порядокъ требуетъ введенія во *всѣхъ* западныхъ губерніяхъ земства и новаго суда и упраздненія генералъ-губернаторствъ въ Вильнѣ и въ Кіевѣ. Такъ вѣроятно и сбудется. Генералъ Безакъ сочтетъ назначеніе молокососа Потапова за личную обиду и оставитъ свой постъ. Новые начальники сочтутъ своею обязанностію даровать ихъ краямъ общія, всемилостивѣйше дарованныя преобразованія, и значеніе ихъ, генераловъ, центральной власти, само собою упразднится. Какъ Ѳома невѣрный (т. е. недовѣряющій) я не совсѣмъ полагаюсь на оффиціальное утвержденіе, что Русскій элементъ водворился въ краѣ на прочныхъ основаніяхъ. Что-то скороспѣла эта прочность. Муравьевская ломка и покупка двухъ трехъ-сотъ деревень Русскими у Поляковъ не могли создать новаго положенія, если оно не было подготовлено десятками лѣтъ. Частыя перемѣны въ личномъ составѣ управленія еще менѣе подтверждаютъ это сомнѣніе. Земство и новый судъ и упраздненіе генераловъ, да желѣзная дорога отъ Москвы— вотъ что водворитъ Русскій элементъ въ этихъ губерніяхъ.

Какія страшныя убійства въ Одессѣ, Кіевѣ, Тамбовѣ, Саратовѣ, Архангельскѣ! Ужасаютъ они даже стараго криминалиста. Въ самомъ дѣлѣ, убійства цѣлыхъ семействъ Сахновскаго, Жемарина представляютъ такія знаменія времени, которыя требуютъ внимательнаго изученія подобныхъ явленій. Молодой Полякъ, 19 лѣтній Горскій систематически истребляетъ цѣлое семейство (восемь человѣкъ) изъ національнаго фанатизма. Онъ не жалѣетъ убить полѣномъ и 4 лѣтнюю крошку, обнявшую трупъ матери. Убивъ отца, Сахновскаго, Никифоровъ, служитель, приходитъ душить дѣтей, и съ какимъ-то торжествомъ спрашиваетъ жертву-ребенка: „Сенька, чего ты хочешь?" и накидываетъ веревку. И

здѣсь участвуетъ тоже несовершеннолѣтній Жигаленко. Хороша картина и въ Запечорьѣ: воскресшая отъ убійства мать встаетъ изъ снѣга, видитъ убитыхъ дѣтей, мужа, всю семью, отвязываетъ у мужа воткнутаго вверхъ ногами лыжи и идетъ объявить о случившемся. Замѣчательны въ Москвѣ, Екатеринбургѣ и въ другихъ мѣстахъ убійства извозчиковъ. Наймутъ человѣка за городъ, убьютъ, ограбятъ, и слѣдъ простылъ! Преступность страшно усиливается. Личная безопасность даже въ столицахъ не имѣетъ вѣрныхъ ручательствъ. Убійство въ Гусевомъ переулкѣ, въ Петербургѣ, Данилова, Попова, Мазурина, Колмыкова въ Москвѣ и проч. доказываютъ большую испорченность общества.

Не думаю, чтобы это выражало *испорченность* общества. Здѣсь болѣе участвуютъ скороспѣлыя, незапныя, радикальныя преобразованія, которыми такъ обильно настоящее царствованіе скучающаго Александра II-го. Огромный переворотъ 19 Февраля 1861 года поставилъ великую имперію вверхъ дномъ, и отчаянное положеніе вызываетъ коренныя реформы, которыя, въ существѣ прекрасныя и благодѣтельныя, поражаютъ своею новостью, неприготовленностію общества и недостаткомъ органовъ управленія. Преступности гимназистовъ много способствовала неумѣренная гласность. Тарифная агитація обѣщаетъ преступность въ рабочемъ классѣ. Общія причины усиленія преступленій въ распущенности отъ воли, дешевки и ненаказанности. Всѣ наши реформы, въ настоящемъ ихъ видѣ, преждевременны. И время мститъ.

Года три-четыре тому назадъ я имѣлъ терпѣніе прочесть стихотворенія князя Вяземскаго, острыя, игривыя, желчныя. Вчерась я прочелъ стихотворенія Ѳ. Тютчева, чувствительныя, картинныя и звучныя. Боже мой, какая пустота, мелкота и ограниченность! У Вяземскаго есть сатира по крайней мѣрѣ, есть Бѣлинскій, раздражающій запоздалаго остряка; Тютчевъ съ 1826 г. проснулся немножко на Славянскомъ съѣздѣ 1867 г. и запѣлъ и здѣсь черезъ 40 лѣтъ тѣмъ же молодымъ человѣкомъ, какимъ онъ началъ свое поэтическое поприще. Пустые люди не старѣютъ. Что за жизнь этихъ эгоистовъ и ничтожныхъ стихотворцевъ! Тютчеву остается еще послѣдовать за князьями Одоевскимъ и Вяземскимъ: напечатать въ „Русскомъ Архивѣ“ переписку, въ которой живые прославляются мертвыми.

Мы обѣдали у старухи Маріи Александровны Лонгиновой. Весь разговоръ шелъ о вредныхъ послѣдствіяхъ спѣшныхъ реформъ настоящаго царствованія, этихъ земства, суда, акциза и печати. Мать развивала, сынъ-губернаторъ подтакивалъ. Отъявленное крѣпостничество, злобное. Крупнопомѣстное дворянство, темный эгоизмъ. А съ другой стороны такъ мать и тотъ же сынъ разсыпались, какъ справедливъ и

милостивъ Государь къ семейству, какъ онъ во второй разъ возобновилъ аренду (въ 3 т. р.) и какъ сына, при представленіи, назвалъ „Миша“ и спросилъ о здоровьѣ матери, прибавляя: „поклонись ей отъ меня, это старая моя знакомая, съ дѣтства“. Послѣ обѣда мы вдвоемъ говорили съ губернаторомъ. Немного было рѣчи о ненавистныхъ ему земствѣ и судѣ (съ которыми у него уже вышли столкновенія), о непослѣдовательности „Москов. Вѣдомостей“, о намѣреніяхъ Государя и новаго министра Тимашева подтянуть разшатавшіеся оплоты порядка. Но болѣе Михаилъ Николаевичъ велъ рѣчь о Сушковѣ и о своемъ другѣ Соболевскомъ, и особенно о своихъ эпиграммахъ, которыя онъ и Соболевскій разсылаютъ безъименными по городской почтѣ. Переданные мнѣ княземъ Одоевскимъ стихи:

Нѣтъ, я писатель не для дамъ,
Пишу я больше все....
Въ Москвѣ печатать не отдамъ,
А напечатаю въ Карлсруэ.

Это написано, какъ эпиграфъ къ сочиненіямъ Соболевскаго, по поводу напечатанія въ Карлсруэ стихотвореній Жуковскаго. Одоевскій передавалъ, что Соболевскій сказалъ этотъ экспромтъ по случаю изданія въ Карлсруэ сочиненій Тургенева. Лонгиновъ все тотъ же мелкій литераторъ Московскій, пробавляющійся остротами, анекдотцами и сплетнями. И такихъ господъ назначаютъ губернаторами! И потомъ удивляются, что плохо дѣла идутъ. Удивляться надо, что они не идутъ хуже.

„Какой пассажъ“! Сегодня въ общемъ собраніи Сената разсматривалось замѣчательное рѣшеніе 8-го Департамента полковника Ив. Лихачева съ Семыкинымъ. Жалуясь на это рѣшеніе, Лихачевъ пишетъ, что, войдя съ частною жалобою въ общее собраніе на неправильное исполненіе его указа, онъ постоянно слѣдилъ за движеніемъ дѣлъ собранія, чтобы лично представить, при докладѣ, объясненія по содержанію моего частнаго прошенія, какъ вдругъ получаю указъ изъ 8 Д-та, разрѣшающій дѣло мое по существу. Это дѣйствительно было такъ. Частная жалоба Лихачева попала не въ общее собраніе, куда „къ поданію надлежитъ“, а къ секретарю Цвѣтаеву, который доложилъ дѣло по существу и выработалъ рѣшеніе, апелляціоннымъ порядкомъ, въ пользу Семыкина. Едвали былъ подобный промахъ и у приказныхъ секретарей. Замѣчательно, что дѣло рѣшено во время ваканта 1866 года, когда обыкновенно мало дѣлъ и много времени, и рѣшено и подписано лучшими, позднѣйшими сенаторами 7 и 8 департаментовъ: кн. Вл. Өед. Одоевскимъ, который назначенъ въ 1865 г. первоприсутствующимъ, получилъ Владимирскую звѣзду въ 1866 и аренду въ 3 т. р. въ 1867 г.

генераломъ Н. П. Колюбякинымъ „умнѣйшимъ изъ военныхъ сенаторовъ“, удостоившимся увеличенія пенсіи за раны и Владимира 2 ст., покойнымъ кн. Дм. Ив. Долгорукимъ; Гр. Алксд. Евреиновымъ, всегда слывшимъ за дѣльца и получившимъ Аннинскую ленту въ этомъ году, и денежное пособіе въ 2 т. р. въ 1868 г., и наконецъ профессоромъ Н. В. Калачевымъ, удостоеннымъ тоже Владимира 2 ст., доктора и авторитета гражданскаго права. Что же смотрѣли и дѣлали эти удостоенные и достойные лавренты? Такъ идти дѣламъ нельзя. Но они могутъ идти и пойдутъ хуже. Лихачевъ богатъ, но эта распущенность присутствія и канцеляріи производитъ то, что капиталъ въ 70000 гуляетъ въ чужихъ рукахъ. Распущенность большая, я ея не скрывалъ ни передъ почтенными моими товарищами, занятыми другимъ дѣломъ, ни передъ канцеляріей, чующей свое упраздненіе.

Разъ какъ-то я шелъ по Тверскому бульвару и слышалъ разговоръ двухъ мастеровыхъ. Хорошо, говоритъ одинъ, я завтра схожу къ нему и спрошу порядкомъ: что же онъ думаетъ и можно-ли на него разчитывать? Не ходи, Василій отвѣчаетъ другой, не трудись: время-то нынче какое-то мудреное, такое что все какъ-то выходитъ не такъ, какъ желаешь и думаешь. Нѣтъ, нѣтъ да и оборвется, а тутъ и обида и судъ и злоба. Не знаю, о чемъ они говорили, но печаль о времени меня поразила. Въ самомъ дѣлѣ, время трудное, исполненное случайностей и обрывовъ. То и дѣло, что общее дѣлается личнымъ, гласное ложнымъ, ложное вѣроятнымъ, сказочное возможнымъ. Слухи часто несбыточные безпрестанно безпокоятъ общество. Ничтожное событіе принимаетъ огромные размѣры, мѣстная мелочь раздувается въ всеобщій фактъ, неоспоримое начало подмывается спеціальными примѣненіями. Разговоръ переходитъ въ споръ, доступъ въ личную ссору, оскорбленія, злобу. Гласность! Не говоря о нашихъ преобразованіяхъ, такъ различно оцѣниваевыхъ разными сторонами, не говоря о западныхъ губерніяхъ, гдѣ столкнулись Московскій произволъ съ подпольною Польскою крамолою, не говоря ни о бывшихъ пожарахъ, ни о настоящемъ голодѣ, я хочу указать на два событія, поучительныя въ томъ отношеніи, что въ нихъ участвуютъ лучшіе люди, профессора Московскіе и доктора Петербургскіе. Столкновеніе Чичерина-Дмитріева и consort. съ Совѣтомъ, университетская исторія все еще продолжается. „Современныя Извѣстія“ въ №№ 100 и 114 выставили этотъ *позоръ* въ самыхъ наглыхъ выраженіяхъ. Въ Петербургѣ началась и разрастается исторія смерти Дубовицкаго. Д-ръ Типулинскій обвиняетъ въ невѣжествѣ едва ли не всѣхъ докторовъ столицы. Гласность! Личность! Не менѣе поразительны и столкновенія въ новыхъ судахъ: судей съ прокурорами, прокуроровъ съ адвокатами. Конечно, этого надобно было ожидать. Незапная и

широкая гласность застала общество въ расплохъ и когда хромой чертъ открылъ всѣ крыши, весь муравейникъ переполнился. Любопытная, поучительная эпоха!

Въ Петербургѣ производилось дѣло о дворянинѣ, коллеж. ассесорѣ Петровскомъ и крестьянинѣ Прокофьевѣ, сужденныхъ за ложный доносъ объ оскорбленіи Величества парикмахеромъ Фроловымъ. Процессъ замѣчателенъ не тѣмъ, что по пустому событію (спору пьяныхъ въ трактирѣ: играть или не играть гимнъ, „потому, что ночью царя нѣтъ“) дали значеніе и что прокурорская власть такъ неловко признала это доносомъ объ оскорбленіи Величества и предала суду ложныхъ доносчиковъ. Доносами не шути! Нѣтъ, дѣло замѣчательно символическимъ значеніемъ имени гр. Муравьева и эксплуатаціей Поляковъ. Доносчики, Прокофьевъ и Смирновъ, ворвались къ Петровскому, называя себя слугами гр. Муравьева, Смирновъ камердинеромъ, Прокофьевъ—кучеромъ, требовали угощенія, грозили, если не пойдетъ, доносить на Фролова. Судъ оправдалъ. Но суду слѣдовало, безъ суда, прекратить дѣло въ распорядительномъ засѣданіи. Правда, оно производилось все время слѣдствія надъ Каракозовымъ; я понимаю тогдашнюю неловкость въ прокурорѣ, но не понимаю теперешняго суда, производившаго дѣло, за которое не за что ударить и кошки.

Май. Пробужденіе Славянства есть послѣдствіе нашихъ либеральныхъ реформъ и ослабленія Турціи и Австріи. Да единство Германіи дало газетной фразѣ: Drang nach Osten особенное значеніе. Вчера въ Прагѣ играли и пѣли „Боже царя храни“, сегодня тамъ митингъ 20 т. человѣкъ, требующій независимости Чехіи, завтра закладка національнаго театра, съ депутаціями отъ всѣхъ племенъ*). За Романскимъ и Германскимъ мірами встаетъ Славянскій. Послѣ Римской государственности и Германской индивидуальности, показывается на свѣтъ Славянская общинность, демократія—пожалуй—коммунизмъ. Нигдѣ, въ массѣ народа, эти понятія не выражаются съ опредѣленностію обычая и учрежденія, какъ у насъ, въ народѣ Русскомъ. Начало 19 Февраля 61 года мы провели и въ Польшѣ. Далеко ли и далѣе? Повидимому далеко, потому что мы не рѣшились примѣнить это начало даже въ Балтійскихъ губерніяхъ. Далеко—повидимому. Въ дѣйствительности,

*) Изъ статьи проф. Попова, читанной сегодня въ Обществѣ любит. Словесн. видно, какихъ усилій стоило Чехамъ, чтобы въ теченіи 30—40 лѣтъ (Нѣмецкое постоянство!) собрать какія нибудь 350 т. гульденовъ. А Богемія считается лучшею провинціей—жемчужиной Имперіи. Національный театръ! Полно такъ-ли? Если бы Бейстъ геніально уступилъ митингу и даровалъ Славянамъ общій сеймъ, подобно Венгерскому, Славяне съѣхались бы, какъ въ 1848 и у насъ, 1867 г., и стали бы говорить національныя рѣчи и между собою—по нѣмецки.

это Славяно-русское начало должно обнять всю Европу. Германская индивидуальность (безнаслѣдственность) и Русская община (безсобственность) должны служить основаніемъ современнаго развитія человѣчества. Я желалъ выразить это въ небольшой статьѣ „Позднѣйшіе годы", напечатанной въ (третьемъ) „Утрѣ" Погодина, писанной еще въ 1858 г. Поэтъ (Тютчевъ) предвѣщаетъ:

Онъ живъ—Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ....
И слово „царь-освободитель"
За Русскій выступитъ предѣлъ!

Но гдѣ центръ Славянства? Въ Россіи. Покоривъ Азію, сливъ съ собою, послѣ 500 лѣтняго спора, Польшу, Россія есть истинная, могущественная представительница Востока, Славянскаго міра, Славянскаго моря, на которомъ виднѣются два острова: Венгрія и Греція, готовые покрыться Славянскими волнами. Дайте этой массѣ образованности, образованности, образованности.

Гимназистъ Витольдъ Горскій (18 л. 8 мѣс.), убійца семейства Тамбовскаго купца Жемарина (см. выше) осужденъ на смерть, чрезъ повѣшеніе. Я остановлюсь на этомъ дѣлѣ, подобнаго которому я не знаю ни въ древней ни въ новой исторіи. Оно невѣроятно, почти невозможно, а между тѣмъ оно дѣйствительно совершилось. Вотъ что *показываетъ преступникъ*. Наконецъ 1 Марта рѣшился совершить преступленіе: убилъ сына Жемарина (10 лѣтъ), хотѣлъ на этомъ остановиться; но опасность открытія и боязнь наказанія взяли верхъ: я отнесъ трупъ мальчика въ кабинетъ и нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ. Потомъ, подъ предлогомъ случившагося будто бы у сына Жемарина кровотеченія, я вызвалъ мать Жемарина и, пропустивъ ее чрезъ корридоръ, выстрѣлилъ въ нее сзади и убилъ. За тѣмъ я позвалъ вмѣстѣ дворника и кухарку: дворникъ пошелъ въ чайную, я выстрѣлилъ въ него, и вѣроятно кухарка это видѣла. Я сдѣлалъ по ней два выстрѣла, но не убилъ; она побѣжала на дворъ, я воротилъ ее, она вырвалась изъ моихъ рукъ, побѣжала въ чайную и споткнулась на трупъ дворника; здѣсь я ее добилъ кистенемъ. Придя въ залу, я только что успѣлъ зарядить револьверъ, какъ пріѣхали Жемарина съ сыномъ, горничная и кучеръ. Убивъ трехъ (четырехъ), я поневолѣ долженъ былъ убить и остальныхъ. Я сталъ въ углу, и только Жемарина взялась за ручку двери отъ чайной, я выстрѣлилъ въ нее, потомъ прицѣлился въ горничную, но револьверъ не выстрѣлилъ и убилъ горничную полѣномъ, а другимъ полѣномъ убилъ меньшаго сына Жемарина". (Господи!) *Жемаринъ показалъ*: Я, не слушая полиціи, бросился въ комнату и прямо наткнулся на трупъ. Я закричалъ: убиты! кинулся по корридору въ столовую

искать спичекъ, но не нашелъ ихъ, упалъ въ обморокъ. Не знаю, когда принесли огонь, я очнулся и увидѣлъ еще два тѣла, дворника и кухарки. Собравшись съ силами, я бросился искать свое семейство, вхожу въ кухню и вижу: жена моя сидитъ мертвая, трупъ ея уже застылъ, а 4 лѣтній сынъ мой плаваетъ въ крови и стонетъ; я схватилъ его, сталъ растегивать шубку, прижалъ его къ себѣ, потащилъ въ дѣтскую; я надѣялся, что спасу хоть его. Потомъ я увидѣлъ трупъ матери, бросился въ кабинетъ: тамъ на полу лежалъ весь изуродованный, весь закоченѣлый старшій сынъ мой". (Какъ это выдерживаетъ человѣкъ такія страсти!). *Няня Кулешева заключила свое показаніе:* Это была просто настоящая бойня! Какъ Господь имѣлъ терпѣніе! Кровь вездѣ налита, всѣ избиты, живаго мѣстечка нѣтъ! (Изъ подробнаго письма Гартинга). („Судеб. Вѣстн." № 96—98). Ни грабежа, ни личнаго мщенія тутъ нѣтъ. Это изувѣрство Польскаго фанатизма. Какое преступленіе! Какая преступность! Невѣроятно!

Все это время я очень боялся за жену. Продажа Рябинокъ и продолжительная болѣзнь Екатерины Ивановны Елагиной давятъ ее. Она поддерживается только своими обязанностями. Слава Богу, открылась весна. Мы ожидаемъ обрученныхъ, ожидаемъ старушку Симанскую. Думаемъ ѣхать къ Сергію. Ожидаемъ переѣзда въ Петербургъ. Боже мой, какъ все непрочно и скоротечно!

Въ половинѣ 3 часа сего 6 Мая родился Великій Князь Николай Александровичъ, Наслѣдникъ Наслѣдника Цесаревича. Общая радость, общее участіе, общая надежда. Да сохранитъ и возвыситъ Господь царственнаго младенца! И природа и вся земля Русская празднуютъ его рожденіе. Да внушитъ Богъ дѣду не бросать наградъ и народнаго достоянія мятежнымъ царедворцамъ, а облегчить народъ уменьшеніемъ податей, его гнетущихъ, и ввести бережливость, простоту и страхъ Господень въ жизнь народную конца XIX столѣтія, когда появится на сценѣ свѣта будущій Николай II-й. Общая радость, легенда о Дагмарѣ и загробной помолвкѣ, о царевичѣ Николаѣ во всѣхъ устахъ. Въ очію совершается какая-то древняя Датская свѣтлая сага!

Ну, кажется, тарифная агитація кончилась. Протекціонисты разбиты на голову; фактическая, продолжительная рѣчь Тьера и наши сильные, грубые доводы Шиповыхъ, Чугуновыхъ, Колюпанова, Красильникова, Полетики и проч. не отвергли того простаго математическаго факта, что, не смотря на пониженіе тарифовъ, во Франціи и въ Россіи, сближеніе мѣстныхъ рынковъ съ общимъ, всемірнымъ не препятствовало развитію народнаго труда, усиленію производительности и удешевленію благосостоянія. Прогрессъ господствуетъ. Но полно такъ-ли? Не принимаемъ-ли мнимое за дѣйствительное? Не смѣшиваемъ-ли движимаго

(Перейра) съ поземельнымъ (гр. Бобринскій) и достаточно-ли вникаемъ въ требованія закона взаимности?

Revue des deux mondes напечатало новую статью объ Александрѣ II, 1866 и 1867 годовъ, того же de Masad'a и прежняго содержанія. Статья правдива и достовѣрна. Она разсказываетъ подробности Петербургскихъ партій съ точностію Петербургскаго столоначальника, съ безпристрастіемъ Остзейца и съ легкими прибавками Француза. Разумѣется, главною цѣлію статьи служатъ Катковъ и ультра-русская партія, для которой посягательство Каракозова—нигилизмъ, а Березовскаго—полонизмъ, послужили только ступенями къ вящшему возвышенію и утвержденію знамени, на которомъ Катковъ начерталъ „обрусеніе, а Николай Милютинъ: „Демократія и Царь", степь и въ степи одна башня. Я нисколько не сомнѣваюсь, а совершенно увѣренъ, что это писано барономъ Фирксомъ (Шедоферотти) по матеріаламъ, доставленнымъ изъ Петербурга. Статья пахнетъ Фирксомъ, его тенденціи, его ошибъ. Но—повторяю—много правды и достовѣрности. Она не лестна для Государя, повинующагося тѣмъ, qui lui épargnent la peine de penser et d'agir, не лестна вообще для Россіи, которая представляется хранительницею соціализма, нарушительницею правъ собственности и договоровъ (Остзейскихъ) съ Азіатскою самоувѣренностію и невѣжественнымъ пренебреженіемъ къ гнилому Западу. Но—повторяю—правдива и достовѣрна. Статья Мазада запрещена цензурою, но вырѣзки ея довольно свободно обращаются въ обществѣ. Какое можетъ быть запрещеніе при свободѣ печати, съ желѣзными дорогами и безъ паспортовъ?

Сегодня разбиралось (въ третій разъ) дѣло о студентахъ, шумѣвшихъ на представленіи „Жизнь за Царя" 14 Ноября 1867 г., Итакъ, болѣе полугода. Болѣе полугода таскаютъ въ посмѣяніи Московскую полицію и генералъ-губернатора, представляемыхъ и обвинителемъ (поручикъ Базилевичъ, а главныя лица: полковники Поль и Врубель предстали лично) и защитникомъ (кандидантъ Зоринъ) въ самомъ шутовскомъ видѣ. Шалуны, восемь разъ вызывавшіе Оноре (она превосходно играетъ Ваню и постоянно участвуютъ въ концертахъ въ пользу студентовъ), конечно оправданы, и дѣйствительно трудно приложить законъ уголовный, гдѣ примѣнимы только приличіе, тактъ и благовоспитаніе, довольно чуждые нашей театральной публикѣ. Обвинить студентовъ, по закону, нельзя. Это неистовство криковъ, аплодисментовъ и беззаконныхъ вызововъ надобно терпѣть. Законъ не запрещаетъ, общественная среда попускаетъ, генералъ-губернаторъ и полиція тутъ ни при чемъ. Но маленькій процессъ этотъ, въ моихъ глазахъ, разростается въ цѣлую драму. Это борьба и побѣда школьнаго общества въ схваткѣ съ высшимъ Московскимъ начальствомъ, побѣда студентовъ

надъ полиціей, пожалуй, каприза надъ властію, произвола надъ авторитетомъ. Знаменіе времени—скажетъ старикъ; послѣдствія радикальныхъ реформъ, прибавитъ пессимистъ. Скорѣе, объясню я: слѣдствіе распущенности молодежи, этихъ Діатроповыхъ, Сипягиныхъ и др., и глупыхъ представителей авторитета и власти, какъ наша Московская полиція (Н. У. Араповъ) и ея главный начальникъ, улизанный куафёромъ и унизанный звѣздами генералъ-губернаторъ.

Надобно ожидать взрыва. Накопилось горючихъ матеріаловъ; неустанно работаютъ революціонныя силы: на Западѣ—Наполеонъ, попирающій Италію и опасающійся войны съ Германіей; на Востокѣ—Россія, вызывающая Славянъ къ возстанію и на Московской выставкѣ и на открытіи Парижскаго театра и въ Пештѣ, и въ Бѣлградѣ. Надобно ожидать взрыва въ Италіи и на Дунаѣ. Рѣчи Наполеона въ Орлеанѣ и Руанѣ, рѣчь о государственномъ совѣтѣ не отведутъ удара. Гроза должна разразиться. Да и пора. Вооруженіямъ конца нѣтъ. Вызывы безпрестанные. Тутъ кронъ-принцъ тріумфально встрѣчается Итальянцами; здѣсь принцъ Наполеонъ ѣдетъ по жгучимъ линіямъ Дуная. Австрія почти уничтожена, Франція унижена. даже блескомъ Абиссинской экспедиціи, Турція не можетъ справиться съ Критомъ! Россія въ центральной Азіи затрудняется легкостію завоеваній и опредѣленіемъ границы этой нескончаемой степи ханствъ полудикихъ. Надобно, чтобы начало національности осуществилось во всей полнотѣ и чтобы началось развитіе новаго принципа владѣнія и новой церкви.

Государь, то ѣдетъ за границу, то въ Ильинское, то по Россіи. Москва и о Наслѣдникѣ съ Цесаревной говоритъ тоже. Поѣздка за границу всегда тяжело отзывается на сердцѣ. Нѣтъ полной безопасности и внутри имперіи, возбужденной радикальными реформами. За границей это возбужденіе, пропитанное фанатизмомъ партій. особенно Польской немочью. не сдерживается и тою малою долею личной преданности, которую называютъ народною любовью къ царю-освободителю. Говорятъ, королева Ольга писала Императору, чтобы онъ не ѣздилъ за грапицу, что разсѣянные повсюду Поляки, общее возбужденіе умовъ въ Германіи и даже Остзейскій вопросъ (вопросъ!) представляютъ (по крайней мѣрѣ, для любящихъ сердецъ) много опаснаго въ дерзкихъ манифестаціяхъ и безумныхъ посягательствахъ. Въ воздухѣ пахнетъ опасностію. Страшное время. Анна Аксакова получила письмо отъ великой княжны. что они ѣдутъ около 15 Іюня, что этого требуютъ медики.

Убійство князя Михаила въ Бѣлградѣ! Какое поразительное событіе! Какъ оно близко намъ, такъ вызывавшимъ Славянъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, къ самостоятельности. Не начало ли это Восточнаго

вопроса? Не начало ли это движенія Славянъ? Готовы ли они? Или случайности партій, или ложныя надежды на Россію. Осмотримся.

Іюнь. Въ чаду нашихъ радикальныхъ внутреннихъ преобразованій, съ непривычки, по новости дѣла, много было сказано, напечатано и сдѣлано Славянамъ, особенно Чехамъ и Сербамъ, безъ такта, голословно и преждевременно. Если убійство Михаила Обреновича есть дѣйствіе крайней партіи движенія, наши газетные вызовы много тому способствовали. Даже нынѣшняя телеграмма „да здравствуетъ *свободная* Сербія", говоритъ: воюйте за независимость! Да. Но поможемъ-ли мы? Подождемъ. Осмотримся.

Глубоко возмущенъ я былъ глупою, невѣжественною рѣчью прокурора Мотовилова по дисциплинарному дѣлу о секретарѣ Кохновѣ, дѣлу, которое не стоитъ выѣденнаго яйца и возможно только при школьническомъ составѣ нашихъ судовъ. Но что значитъ эта рѣчь въ сравненіи съ рѣчью прокурора Тизенгаузена, сей часъ мною прочтенною, по дѣлу о Павленковѣ, перепечатавшемъ нигилистическія статьи Писарева „Донъ Кихотъ" и „Бѣдная Мысль", появившіяся, съ дозволенія цензуры, въ 1862 г. въ „Русскомъ Словѣ" графа Кушелева-Безбородко? Статьи эти, написанныя съ смѣлостію всезнающаго школьника, Тизенгаузенъ, не насмѣхаясь, признаетъ „явнымъ нарушеніемъ общественной благопристойности". При такомъ составѣ нашихъ новыхъ судовъ едва ли заслужатъ они прочное довѣріе общества. Высшее общество, по крайней мѣрѣ, смущено ихъ дерзкими, самонадѣянными порядками. Частые, грубые промахи, масса дѣлъ затѣваемыхъ и потомъ прекращаемыхъ ими, и гласность производства дѣлъ неприличныхъ (какъ дѣвицы Баронъ, скандалезные роды которой разсказывались и распечатывались на всѣ манеры) лишаютъ ихъ серьезнаго довѣрія *нашего* высшаго общества, и дѣйствительная польза новаго суда, при этихъ условіяхъ, чувствуется и цѣнится развѣ нашими демократами и журналистами. Положимъ, Мотовиловъ въ своемъ заключеніи хотѣлъ (правовѣдъ) смять, уничтожить Громницкаго (университетскій), прокурора Окружнаго Суда, по антагонизму, а Тизенгаузенъ былъ связанъ требованіями цензурнаго управленія; но ни то, ни другое не уполномочивали ихъ идти до тѣхъ преувеличеній, которыя въ устахъ представителей прокуратуры возбуждаютъ сомнѣнія и опасенія о всей реформѣ въ умахъ спокойныхъ и чуждыхъ односторонняго увлеченія. Молодость, невыдержанность и заносчивость личнаго состава нашихъ новыхъ судовъ суть главные недостатки ихъ, и ошибочныя дѣйствія министерства, препятствующія водворенію довѣрія и уваженія къ суду и увѣренности въ правѣ и правотѣ въ нашей публикѣ, въ лучшей части Русскаго народа.

Сегодня, 11 Іюня, дорогой мой Дмитрій блестящимъ образомъ кончилъ свои экзамены, какъ *первый* ученикъ 4 класса частной реформатской гимназіи Цима, и сегодня же я отвѣчалъ министру юстиціи, что съ своей стороны не имѣю никакихъ препятствій къ перемѣщенію меня въ кассаціонный департаментъ. Жена очень обрадована и идетъ къ Иверской. На дняхъ мы будемъ у Сергія. Пора начать серьезное ученіе моему юношѣ. Пора кончиться и Московскому сидѣнью, продолжающемуся пятый годъ. Я долженъ однако замѣтить, говоря о первомъ ученикѣ, что требованія школы очень умѣренны, и успѣхи ея достигаются безъ тѣхъ усилій, которыя дѣлалъ я въ этомъ возрастѣ, я, отличавшійся особенною памятливостью (способностію наиболѣе въ этихъ классахъ требуемою). Правда, Дмитрій приготовленъ лучше, имѣвъ дорогихъ учителей до 12 лѣтъ и пользуясь ихъ помощію и въ продолженіе своего курса. Благодарю Бога за прекрасныхъ дѣтей. Вообще Московское заточеніе въ отношеніи здоровья и развитія дѣтей было весьма полезно. Перемѣщеніе дѣлается во время. Дмитрію предстоятъ постепенныя занятія, и моя музыкантка (mes délices) требуетъ лучшаго наставника. Дай, Господи, только здоровья!

Опять пожары. Выгорѣлъ Динабургъ, выгорѣло с. Иваново, сгорѣла Кунавинская слобода! Выгорѣлъ и Любекъ! Пожары въ Осташковѣ, въ Слуцкѣ,—что̀ за бѣдствія! А холодное лѣто грозитъ неурожаями. Старческія опасенія. Ихъ навѣяли „Вѣсть“ и ея Лиліенфелды и Обуховы. Преобразованія тяжки, но движеніе есть, несомнѣнно. Они оскорбляютъ старыя привычки, даже старыя права, особенно старыя привиллегіи; но они пробуждаютъ сознаніе, чувство долга, отвѣтственности и взаимности. Пожары, война и моръ, мы вынесемъ все; такъ предустановилъ Богъ, и человѣку того не перемѣнить. А бѣдствующихъ много. И самая „Вѣсть“ иногда несовсѣмъ не права.

Я приписываю эти бѣдствія не столько реформамъ, сколько реформаторамъ, ихъ незапности, радикальности и непрактичности.

Петербургскіе и Симбирскіе пожары насъ не научили. Пора ввести общественное городское управленіе; безъ него и с. Иваново, преобразовавшись въ городъ, не спасется со всѣми трубами, имѣющимися при всякой фабрикѣ.

Общій ропотъ въ Москвѣ, и за Москвою, на Государя за отдачу Николаевской дороги *Французскому* (главному, la grande) обществу Русскихъ желѣзныхъ дорогъ, едва ли основателенъ. Объясняютъ эту уступку тѣмъ, что императорская фамилія заинтересована въ дѣлѣ взятыми на нѣсколько милліоновъ акціями и облигаціями. Можетъ быть. Но не естественно-ли передать часть (600 верстъ) цѣлому (6,000 верстъ), дѣйствительному, организованному и (это и значительно) упа-

дающему? Отдавая выгодную линію главному обществу, правительство избавляется отъ ежегодныхъ приплатъ (гарантій) и получаетъ право надѣяться (довольно дешевое право) надѣяться на улучшеніе Николаевской дороги, доведенной почти до негодности. Она перевозитъ дурно, задерживаетъ транспорты и стоитъ до 60% выручки. Перемѣна управленія была необходима, и графъ Бобринскій, новый, дѣятельный товарищъ лѣниваго министра (Мельникова) имѣлъ основаніе представить Государю объ улучшеніи дорогою цѣною—чѣмъ? Поддержаніемъ падающаго Главнаго Общества, въ которомъ и онъ, графъ Бобринскій, и члены императорской фамиліи такъ заинтересованы. Общій ропотъ въ Москвѣ понятенъ. Члены Московской компаніи забрались залогами и, не получивъ дороги, заплатили только огромные проценты.

Сербская катастрофа разъясняется участіемъ прежнихъ князей Карагеоргіевичей. Я полагалъ, что тутъ замѣшана демократическая, радикальная партія дѣйствія, въ поощреніи которой я такъ много обвиняю наши провокаціонныя статьи и телеграммы. Старикъ Карагеоргіевичъ протестуетъ, но изъ показаній подсудимыхъ очевидно, что Карагеоргіевичи или партія ихъ *или* подъ именемъ ихъ участвовали въ дѣлѣ и желали низверженія Обреновичей. Избраніе министерствомъ Милана съ регентствомъ, утвержденное скуптчиной, едва ли удержитъ порядокъ, хотя скуптчина учреждаетъ конституцію, гласный судъ и свободную печать. Самое это учрежденіе есть начало революціи, и не юношѣ (14 лѣтъ) сдержать ее, и не регентству, сборному и всегда многимъ ненравившемуся (министерству) устоять противъ напора неучей и прорвавшихся національныхъ стремленій. Скуптчина—это стадо барановъ, министры (теперь регенты) трактуютъ ихъ какъ хотятъ, и Сербская интеллигенція не имѣетъ никакого довѣрія и уваженія къ этому собранію. Итакъ временный порядокъ утвержденъ на одностороннихъ основаніяхъ одной партіи, далеко не пользующейся національнымъ авторитетомъ. Вѣроятно теперь порядокъ этотъ поддерживается терроромъ.

Послѣднія судьбы католицизма сопровождаются плохими знаменіями времени. Глупѣйшіе силлабусы, интердикціи и отлученія, ни для кого необязательныя, приводятъ къ еще менѣе обязательнымъ аллокуціямъ и наконецъ къ созванію въ Декабрѣ 1869 г. вселенскаго собора. Соборъ вѣроятно произнесетъ свой судъ надъ папствомъ. Погубило католицизмъ папство. Послѣ всѣхъ униженій, понесенныхъ отъ консула и императора, папство отдалось въ зависимость императора той же Франціи. Забывая всѣ одолженія Меттерниха, папство, видя распаденіе той же Австріи, легкомысленно и бездѣйственно порываетъ и тѣ слабыя связи неорганическаго устроенія Габсбурговой монархіи, которыя при-

думалъ Саксонскій выходецъ, чтобы отсрочить распаденіе, уже совершившееся при Садовой подъ начальствомъ Венгерца. Папство и знать не хочетъ требованій необходимости. Non possumus. Старческая немощь эта, при обычныхъ натугахъ прежней силы, ведетъ къ смерти. Вселенскій соборъ западнаго христіанства, если послѣдуетъ всѣми ожидаемая смерть Пія IX-го, упразднитъ папство, какъ государство, поставитъ его подъ авторитетъ собора и оснуетъ національныя церкви. Западная церковь идетъ къ федераціи. Догматическое исповѣданіе падаетъ. Программа убѣжденій разума осуществляется. Искусственность построеній Григоріевъ и Иннокентіевъ обличается. Наступаютъ послѣднія судьбы католицизма. Да и пора. Католицизмъ господствовалъ свѣтскою властію, земными орудіями, формализмомъ. Вселенскій соборъ запечатлѣетъ это паденіе. Онъ постановитъ, возстановитъ или подтвердитъ коренные догматы, ихъ ни одна (ни одна) держава не приметъ, и папство, католицизмъ, само собою отдѣлится отъ государства, а въ этомъ-то и заключается его смерть. Любопытно, какую роль въ этихъ событіяхъ приметъ духовенство, не раздѣляющее выгодъ духовныхъ магнатовъ и между тѣмъ сосредоточивающее въ себѣ всю силу клерикальнаго элемента. Теперь много говорятъ о предвозвѣщенномъ въ Декабрѣ 1869 года соборѣ и о возможности отмѣны католическаго (главнаго) догмата о папствѣ. Кромѣ сочиненія Трирскаго канцлера Ник. Гонтгейма, въ прошломъ столѣтіи были болѣе положительныя попытки къ образованію національныхъ церквей, еще независимѣе Галликанской. Эмская пунктація 25 Авг. 1785 г., начатая Кёльнскимъ архіепископомъ Максиміліаномъ, по мысли брата его, Іосифа II-го, подчиняла папу соборамъ. Въ концѣ столѣтія папство потеряло всякое значеніе, и въ Сентябрѣ 1799 г. папская держава, уничтоженная Французами, возстановлена Русскими, Англичанами и Турками.

Извѣстный Французскій публицистъ, Венгерецъ Горнъ вывелъ балансъ имперіи Наполеона III. И у насъ отъ несовсѣмъ скромнаго Николаевскаго бюджета въ 220 милліоновъ рублей переходъ къ 450 милліонамъ 1863 г. едва ли не лучше Франціи доказываетъ выводъ Горна.

Какъ ни страшно слышать, что Государь ѣдетъ въ чужіе края, но если это должно послѣдовать, какъ бы съ его стороны было высоко и доблестно, при свиданіяхъ, уговориться съ Наполеономъ (онъ главная причина и зло) и королемъ Вильгельмомъ о постепенномъ уменьшеніи войскъ, численность и напряженное состояніе которыхъ въ такомъ радикальномъ противорѣчіи съ мирными успѣхами высокой образованности конца XIX столѣтія. Пора положить конецъ этому милитаризму, вызванному, Наполеономъ I-мъ для обузданія революціи и основанія всеобщаго господства. Что стоитъ Европѣ этотъ устарѣлый порядокъ,

можно справиться у Лярокка: De la guerre et des armées permanentes. Paris. 1864. Сочиненіе коронованно Англійскимъ Обществомъ мира и заслуживаетъ вниманія государей. Небрежа народнымъ достояніемъ, государи приготовляютъ республику. Не странное ли это дѣло, что всѣ успѣхи науки, предназначенные для возможнаго благосостоянія человѣчества, устремлены къ изобрѣтенію наиболѣе совершенныхъ орудій истребленія человѣчества. Не странное ли это явленіе, въ концѣ 19 вѣка, что треть, половина народнаго труда, пота и крови, расходится непроизводительно, губительно, безчеловѣчно!

Желалъ бы я поговорить о митрополитѣ Иннокентіѣ (отецъ Веніаминовъ, Алеутскій), такъ смиренно принявшемъ каѳедру знаменитаго библиста и эгзегета, такъ симпатично встрѣтившаго Московскую паству. Архимандритъ Никодимъ привѣтствовалъ его прекраснымъ словомъ, сравнивъ прибытіе его въ Москву изъ отдаленнаго Востока, гдѣ онъ подвизался истинно апостольски, съ пришествіемъ апостола Петра съ Востока въ Римъ. Иннокентій, называя себя безкнижникомъ, вопрошаетъ: „Кто я? И кому наслѣдую?“ и основательно опасается за возможность нарушенія чистоты Православія, возвѣщая благодать и миръ Господа умиленному Московскому народу. Но я еще не познакомился съ преосвященнымъ, хотя многіе изъ товарищей на дняхъ представлялись ему. Поэтому я могу сообщить о немъ только слухи. Слухи о немъ хорошіе. Онъ хочетъ ввести болѣе порядка и разборчивости въ назначеніяхъ по бѣлому духовенству и болѣе строгости и воздержности въ монастыряхъ, особенно въ этомъ матеріалистическомъ, избалованномъ, богатомъ Лаврскомъ монастырѣ Сергіево-Троицкомъ.

11-го Іюля я перемѣщенъ въ кассаціонный департаментъ. Хочу опредѣлить планъ моего служенія на этомъ *новомъ* поприщѣ. Мы перевели кассацію съ Французскаго. Тамъ она выросла изъ королевскаго произвола, стѣсненнаго немножко наслѣдованнымъ уваженіемъ въ законности судебнаго рѣшенія. У насъ произволъ существовалъ порядочный, но уваженія къ судамъ никогда не было. Уваженіе къ судебнымъ рѣшеніямъ основывается на твердости понятія о собственности, котораго у насъ никогда не было и нѣтъ. Это институтъ Римскій, чисто-западный, привитой намъ Нѣмцами или лучше—Нѣмкою. Поэтому я опасаюсь, чтобы наша кассація не превратилась въ голый формализмъ, довольно ощутительный и во Франціи, но значительно умѣряемый тамъ Французскою говорливостію и распространенною правоспособностію. Я конечно долженъ буду подчиниться доктринамъ уже установившимся въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, подчиниться по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Между тѣмъ два момента въ процессѣ—преданіе суду и предварительный арестъ—моменты существенные, изъяты изъ порядка кас-

саціи. Грубыя ошибки обвинительныхъ актовъ, вводящія въ заблужденіе все судебное слѣдствіе, не подлежатъ обжалованію, хотя бы здѣсь мошенничество принималось за грабежъ, гражданскіе расчеты за обманъ. Арестъ—легко сказать! А при этомъ арестѣ могутъ быть нарушены всѣ личныя гарантіи. Потомъ нельзя не обратить вниманія на массу прекращаемыхъ слѣдствій (предварительныхъ). За чѣмъ же тратится трудъ и обезпокоиваются люди? Знаю я, что при стремленіяхъ къ гарантіямъ молодая, наименѣе гарантированная нація, готова на излишнія требованія. Знаю я, что при единствѣ кассаціи на Русскихъ пространствахъ распространеніе ея не по силамъ человѣческимъ. Но тогда лучше отдѣлить мировую юстицію отъ обще-судебной и обставить только послѣднюю всѣми желаемыми гарантіями, на которыя указываетъ уже и кратковременный опытъ. Посмотрю. Удастся-ли? Мнѣ такъ мало удается.

Съ назначеніемъ 6—8 сенаторовъ въ кассацію, что же будутъ дѣлать генералъ-лейтенанты въ старомъ Сенатѣ, гдѣ ни дѣла, ни департаменты не сокращаются? И это министры! И какъ же жалки, эти генералъ-лейтенанты, озабоченные на старости-то лѣтъ возможностію потери содержанія! И это министры!

Кончился Бѣлградскій процессъ; 14, 15 человѣкъ разстрѣлено. Но какое тяжелое впечатлѣніе оставляетъ на душѣ чтеніе этого полуазіатскаго процесса! Слушая рѣчи и стихи Субботичей на этнографической выставкѣ въ прошломъ году и наблюдая постепенное разложеніе Турціи, мы думали, что Сербія созрѣла до того, чтобы стать во главѣ славянства и низложить мусульманское иго, тяготѣющее надъ лучшими странами міра, поддерживаемое соревнованіемъ близорукихъ политиковъ, въ даровитыхъ и многочисленнѣйшихъ племенахъ Славянъ и Грековъ. Увы! Въ Сербіи столько же невѣжества, сколько и бѣдности. За какую нибудь тысячу дукатовъ Карагеоргіевичей какой-нибудь несчастный адвокатъ Павелъ Радовановичъ собираетъ дешевую шайку банкротовъ, почти бродягъ, и самымъ варварскимъ образомъ эти бродяги, безъ цѣли, безъ побужденій, вопреки національныхъ стремленій убиваютъ любимаго народомъ князя Михаила, звѣрски уродуютъ его, уже убитаго, убиваютъ сестру, племянницу, адъютанта, лакея... Господи! И изъ среды такой передовой страны могли явиться подобные изверги и въ средѣ своей могла имѣть такихъ субъектовъ передовая Сербія, стремящаяся стать во главѣ Балканской имперіи. Варварское владычество не просвѣщаетъ, и только подъ Турецкимъ владычествомъ возможно такое злое, безсмысленное и грубое преступленіе какъ убійство Михаила Обреновича. Процессуальность и участіе общества обнаруживаютъ такое же невѣжество, неразвитость и грязную Азіатскую грубость. Какая это

нація, чтобы стать во главѣ политическаго движенія и дать прочные элементы для образованія великаго государства? Судъ ругается, публика дерется. Азія!

Сейчасъ я отъ министра юстиціи, графа К. И. фонъ-деръ-Палена. Дайте образумиться. Это какой-то аптекарь Schneidergeselle. Министра въ немъ ни на вершокъ. Онъ же не умѣетъ и говорить, Нѣмецъ этотъ Остзейскій. Вступивъ въ службу въ 1854 г., онъ министръ, тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь и Станиславъ. Голова у Нѣмца закружилась и кружится до сихъ поръ. Что это за министръ? Я иначе понять не могу это назначеніе какъ желаніемъ за подписью Остзейца провести Русскія реформы въ Остзейскомъ краѣ. Образумиться не могу. И этакимъ людямъ ввѣрены судьбы Россіи! И это наши государственные люди! Впрочемъ, при Нѣмецкой добросовѣстности, при университетскомъ просвѣщеніи, ранній государственный опытъ можетъ быть и выработаетъ изъ него настоящаго министра, высокое званіе котораго теперь ставитъ молодаго человѣка совершенно въ ложное положеніе. Онъ не вѣритъ, что онъ министръ, а между тѣмъ онъ есть. Онъ и торопится и зарапортовывается и хохочетъ. При дурной рѣчи Русской, все это очень смѣшно. Если его назначила партія (говорили: Валуевъ-Шуваловъ), то надобно имѣть очень узкія воззрѣнія, чтобы остановиться на гр. Паленѣ. Я останавливаюсь на томъ, что этотъ Остзейецъ выбранъ Государемъ для Русскихъ реформъ въ Остзейскомъ краѣ. Вѣдь выбралъ же Государь графа Панина для освобожденія крестьянъ.

Какія страшныя преступленія оглашаются неопытному слуху непривычною гласностью, событія небывалыя, какъ бы ненормальныя. Я объясняю это тремя причинами: во-первыхъ, нашею бѣдностію *вообще*. Мы всегда жили и живемъ не по средствамъ, всегда распущенно и въ долгъ. Съ радикальными реформами эта распущенность крайне увеличилась. Во-вторыхъ, Петербургская расточительность. Москва и за нею Россія смотрятъ на Петербургъ какъ на образецъ, на идеалъ, а образецъ этотъ утопаетъ въ роскоши непомѣрной, наводняетъ страну ассигнаціями, заключаетъ новые и новые долги, раздаетъ государственныя имущества, сыплетъ гарантіи и возвышаетъ подати, уменьшая, убивая національную производительность, и все это, чтобы вызвать расточительность Петербургскихъ чиновниковъ. обложенныхъ, какъ чудотворныя иконы, огромными золотыми окладами. Это соблазнъ и скандалъ. Расходы на государственныя учрежденія въ десять лѣтъ увеличились на 300%, и бросаніе денегъ г.г. Бутковыми, Гернгроссами, Врангелями и проч. и проч. возмущаютъ самое крайнее снисхожденіе. Въ третьихъ, обнищаніе народа отъ непомѣрно тяжкихъ и все увеличивающихся податей. Искусственные заработки на желѣзныхъ дорогахъ поощряютъ

только пьянство. Малые заработки земледѣлія и фабричности находятъ мало поощренія, и въ виду пониженія нынѣ обнародованнаго тарифа національный трудъ едва ли не уменьшитъ еще болѣе сферу своей дѣятельности. Итакъ, бѣдность, распущенность и расточительность, вотъ главныя причины ненормальныхъ современныхъ явленій. Многомѣстный голодъ, частые обширные пожары, Сибирская язва и общее броженіе къ переселеніямъ на Кавказъ, на Амуръ, въ Крымъ.

Исторія разскажетъ, какъ уживается нашъ абсолютизмъ съ нашею гласностію. Абсолютизмъ порядочный, все еще Николаевскій, своенравный и расточительный, гласность большая, запальчивая, невоздержная. Достаточно было огласить недостатки, бездѣйствіе какого-нибудь администратора, чтобы администрація дала ему награду, чинъ, повышеніе. Князь Дмитрій Друцкой огласилъ бездѣйствіе Пензенскаго управленія, г. Валуевъ даетъ губернатору Александровскому чинъ и кресло въ Совѣтѣ. Только огласили „Москов. Вѣдомости“ о безпорядкахъ Московскаго почтамта, г. Тимашевъ даетъ почтъ-директору Инсарскому чинъ тайнаго совѣтника. А въ дѣйствительности (говорятъ) Александровскій купилъ повышеніе, а за Инсарскаго просилъ князь Барятинскій. Тайный совѣтн. членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Ржевскій написалъ нѣсколько передовыхъ статей въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ (о голодѣ, о почтовомъ управленіи), и Тимашевъ передалъ ему, что въ его министерствѣ нѣтъ для него мѣста. Въ мелкихъ мѣстахъ, особенно въ сѣверо-западномъ краѣ, такихъ столкновеній печати и администраціи множество. Виленскій губернаторъ Шестаковъ счелъ нужнымъ даже окружно предписать чиновникамъ, чтобы они не оглашали въ печати дѣйствій администраціи. Циркуляръ темноватый и глуповатый.

Только что прочелъ „Воспоминанія изъ Мексики“ д-ра Баша. Это жалкая исторія жалкаго императора жалкой Мексиканской имперіи. Всему виною самъ Максиміліанъ, его неприготовленность эрцгерцогская, его нерѣшительность Австрійская, его идеальность Нѣмецкая. Уже самое согласіе на предположеніе Наполеона о монархіи въ Америкѣ (планъ о Романскомъ могуществѣ, планъ грандіозный, но мечтательный, исходящій отъ авантюриста) доказываетъ непрактичность Мирамарскаго обитателя. Положеніе отчаянное. Шарлотта отправляется въ Европу упрашивать Наполеона. Съ отъѣздомъ императрицы положеніе Максиміліана дѣлается невыносимымъ. Тутъ начинаются „Воспоминанія“ Баша. Какая шаткость, какое исканіе предлоговъ, какая оффиціозная ложь! И этакіе люди думаютъ и берутся возродить націю! Нечего тутъ сваливать вину ни на Маркеца, ни на патера Фишера, ни на измѣну Лопеса. Рѣшившись въ Оризабѣ оставить Мексику, Максиміліанъ, подъ вліяніемъ негодованія (вполнѣ основательнаго) къ Французамъ (кото-

рыхъ своевольства и хищничества дѣйствительно изумительны) совершенно предается консерваторамъ, т. е. ретроградамъ, ничтожному меньшинству, и возвращается въ Мексику. Ну, тутъ и оставайся, въ столицѣ, во главѣ государства. Демократія преобладаетъ во всей странѣ, Максимиліанъ держится консерваторовъ, поповъ, отстаивающихъ свои узкіе интересы. Здѣсь, *кажется* въ Мексикѣ, составляется заговоръ Маркеца, Жуарена и Лопеса. Максимиліана убѣждаютъ стать во главѣ арміи, и онъ отправляется въ Кверемаро и погибаетъ. Лучше бы онъ погибъ въ какой нибудь схваткѣ, безъ всѣхъ униженій полона, безъ глуповатыхъ попытокъ побѣга. Срамъ подчиненія Французамъ, срамъ возвращенія въ Европу поставили Максимиліана въ безвыходное положеніе, и онъ долженъ былъ погибнуть и погибъ жертвой Мирамарской необдуманности и Мексиканской нерѣшимости. Изданіе этой книги, вовсе не лестной для императора Наполена, конечно не будетъ содѣйствовать сближенію двухъ имперій. Особенно ярко выставлено корыстолюбіе и самовольство Французовъ въ Мексикѣ и особенно ярко обрисованъ маршалъ Базенъ (Смотри стр. 15 17, 20, 94, 156, 155, 173).

Іюль. Собираясь оставить Москву, мнѣ бы хотѣлось оставить память о себѣ въ любезной первопрестольной. Мнѣ хочется положить основаніе приходской (Іоанна Богослова) церкви и Московскаго Юридическаго общества библіотекамъ изъ моей библіотеки. Большаго труда мнѣ стоило сбыть съ рукъ пожертвованныя книги. Письма къ президентамъ написаны были 5 Сентября, а до 10, день моего сегодня отъѣзда, объ отвѣтахъ не было ни духа, ни слуха. Мое послѣднее Москвѣ слово: безпечность, распущенность.

Я въ Петербургѣ. Съ Марта 1864 г. не видалъ я этого красавца. Онъ похорошѣлъ, сдѣлался чище, умывается раза три въ день. Онъ собираетъ съ Россіи утроенную подать и всю или почти всю употребляетъ на себя, на свои Европейскіе порядки, оставляя въ Москвѣ и за Москвою грязь, невѣжество и бѣдность. Пріѣзжему изъ Московіи совѣстно глядѣть на этотъ блескъ, на эту Европейскую дѣятельность, на эти богатства, собираемыя со всей Россіи. Поживя вдали отъ двора, министерствъ и гвардіи, пріѣзжій изъ Московіи удивляется чудеснымъ успѣхамъ своей столицы, у которой нѣтъ ничего общаго съ остальною Россіей. Здѣсь, въ централизаціи, менѣе замѣтны или совсѣмъ незамѣтны и нечувствительны недостатки мѣстнаго, мелкаго управленія. Всѣ стремленія въ Петербургѣ направлены по одной дорогѣ, по дорогѣ личныхъ выгодъ, получить хорошее мѣсто, хорошій окладъ, хорошую аренду. Разобраны-ли дѣла въ Московской палатѣ, никому дѣла нѣтъ. Должны быть разобраны. Почему дворянинъ Орловъ съ 14 Мая, когда послѣдовалъ указъ, до 20 Іюля, когда я говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ мини-

стромъ, не былъ освобожденъ изъ подъ стражи, никто не даетъ себѣ труда справиться. Между тѣмъ существенные интересы, личность и собственность гражданъ страждутъ, пищатъ въ тихомолку въ Москвѣ и за Москвою. Спекуляціи на постройкахъ желѣзныхъ дорогъ даютъ бюрократіи большія прибыли, и съ ея помощію земскіе люди эксплуатируютъ гарантіи земства. Раздача мѣстъ—оброчная статья своего рода. Одно хорошо въ Петербургѣ: не видишь Русской провинціи съ ея грязью и пьяною обстановкой; не слышишь жалобъ безсильныхъ угнетенныхъ, а все шито и крыто. Исполняй свое дѣло и живи покойно. Грустное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Петербургъ, и мнѣ кажется онъ имѣетъ преимущества и пользуется ими не по заслугамъ. Для Россіи хороша столица, а Москва—большая губернія. Петербургъ ей не по плечамъ.

Августъ. Послѣ Невскаго проспекта у Аничкина моста въ Петербургѣ и Тверскаго бульвара въ Москвѣ, по назначеніи меня въ кассаціонный департаментъ, я поселился въ Коломнѣ, въ Большой Мастерской, въ домѣ Печаткина, въ небольшой квартирѣ, въ пяти комнатахъ, цѣною 750 р. въ годъ, съ хозяйскими дровами. Эта часть города, воспѣтая Пушкинымъ, напоминаетъ губернію и ничего не имѣетъ общаго съ бѣшеною дѣятельностію Невскаго, Морскихъ и Садовой. Здѣсь нѣтъ ни одного магазина, ни извощичьей биржи, и поваръ жалуется на бѣдность рынка. Мнѣ всегда были противны роскошь и довольство въ виду крайней нищеты и бѣдствій, почти повсемѣстныхъ, въ виду сушасшедшихъ расходовъ какого нибудь Врангеля или Гернгросса и вообще наглаго Петербургскаго чиновничества, любящаго пожить на счетъ казны, на счетъ déficit'a, такъ возрастающаго отъ непомѣрныхъ государственныхъ расходовъ. Потомъ, серьезныя занятія дѣтей требуютъ тишины и большаго уединенія. Потомъ, надобно сократить издержки по дому и хотя по немногу откладывать бѣдной Наташѣ, хотя бы всѣ называли ее безприданницей. Потомъ, меня раздражаютъ этотъ блескъ, этотъ шумъ, этотъ гвалтъ посреди питающаго, голодающаго населенія Имперіи. Вся эта Европейская цивилизація представляется мнѣ какимъ-то бѣльмомъ, изъ за котораго не видно настоящаго положенія дѣлъ и людей. И я поселился въ Коломнѣ. 28 Августа. Середа.

Сентябрь. Вотъ я присутствую и въ кассаціонномъ сенатѣ. Должно замѣтить, что здѣсь собранъ цвѣтъ сенаторовъ, умныхъ, просвѣщенныхъ и свѣдущихъ. Я и не знаю, какъ и какое занять положеніе, я, который такъ мало люблю подчиняться и такъ мало сообщителенъ съ равенствомъ. Преобладающее вліяніе имѣютъ повидимому Буцковскій и Зубовъ, редакторы уставовъ, и Ковалевскій, оберъ-прокуроръ. Первые мнѣ извѣстны; Буцковскій мною выведенъ въ люди, Зубовъ былъ у меня оберъ-секретаремъ. Никогда я не считалъ ихъ особенно даровитыми

и всегда удивлялся, что они могли сдѣлать такія блестящія карьеры и сдѣлаться даже законодателями. Ковалевскій показался мнѣ немножко школьникомъ, когда, въ пиджакѣ, онъ сидѣлъ на колѣнахъ, на стулѣ. Беръ и Чемадуровъ порядочные чиновники, но губернскіе. Даровиты помощники оберъ-прокурора Фришъ и Пятницкій. Послѣдній мнѣ давно извѣстенъ какъ прекрасная, скромная личность. Фришъ человѣкъ бойкій и потому мнѣ мало симпатиченъ. Изъ прочихъ видѣнныхъ мною кассаторовъ Башуцкій, Булыгинъ и Матюнинъ мнѣ давно извѣстны. Матюнинъ превосходный дѣлецъ, чего далеко нельзя сказать о Булыгинѣ, имѣвшемъ одну репутацію картежника; въ Совѣтѣ Мин. госуд. имущ. я не слыхивалъ его голоса. Что касается Башуцкаго, то это такая древность, что если назначеніемъ его хотѣли умалить достоинство новыхъ судовъ, то цѣль не могла быть вѣрнѣе достигнута. Онъ кончитъ жизнь, не примирясь съ новыми началами, не понявъ ихъ. Лучшіе сенаторы отсутствуютъ: Данзасъ, Любощинскій, Стояновскій, Арцимовичъ и Павловскій. Карамзинъ и Петерсъ еще не назначены. Погожу произнести мое заключеніе. Петербургскія злоупотребленія, раздражая меня, дѣлаютъ пристрастнымъ, придирчивымъ, несправедливымъ. Но не могу прибавить нынѣ же одного замѣчанія. Главнѣйшими пособіями при разборѣ кассаціонныхъ дѣлъ служатъ: 1) изданіе уставовъ съ объясненіями, напечатанное отъ государственной канцеляріи и 2) сводъ рѣшеній кассацц. департаментовъ оберъ-секретаря Як. Утина. И то и другое не безполезно, но и то и другое трудъ механическій, наскоро сдѣланный, чуждый внутренней системы и редакціонной юридической отдѣлки. Болѣе научнаго достоинства, болѣе обдуманной системы и редакціи представляютъ „Руководство“ Неклюдова, хотя онъ иногда очень безцеремонно обращается и съ словами, и съ фактами, и съ самимъ примѣненіемъ законовъ. Не могу не прибавить еще одного замѣчанія: поздно вступаемъ мы (покрайней мѣрѣ я) на публичное судопроизводство. Слишкомъ долго—шутка-ли 30 лѣтъ! Слишкомъ давно пробавлялись мы рутиннымъ дѣловодствомъ стараго суда и едва-ли въ состояніи отвѣчать требованіямъ новаго. Работы я не боюсь, но работа работѣ розь. „Сборникъ рѣшеній касацц. д.“ обличаетъ такую робость, такое опасеніе ошибочнаго толкованія, что намъ, старымъ практикамъ, и давно извинительно усомниться въ силахъ, возросшихъ и направленныхъ на другихъ отправленіяхъ правосудія. 5 Сентября. Четвергъ.

Митя поступаетъ въ „общеобразовательную гимназію“ (Цынкаловскаго), но я еще на ней не остановился. Посмотрю и присмотрюсь. Учительница музыки, по рекомендаціи директора консерваторіи Зарембы, молоденькая первая ученица Антона Рубинштейна, Тереза Барневитцъ (вѣроятно онѣмеченная Чешка Барневичъ) нашла, что Таша

приготовлена превосходно и что учить такую ученицу есть удовольствіе. (Еще бы, мой прекрасный ребенокъ!). Но все еще не устроилось, и надобно подождать. Молодая учительница такъ молода, что едва ли выработала или усвоила себѣ опредѣленную систему преподаванія. Дѣло это серьезное. Надобно, чтобы дочь моя была хорошей музыканткой.

Миръ или война? Кильская рѣчь Прусскаго короля обходитъ всю Европу, и хоть въ ней слышно не болѣе какъ надменность побѣды подъ Садовой, тѣмъ не менѣе Наполеонъ не поспитъ ночь и объяснитъ ее въ миролюбивомъ значеніи, значительно обмѣняется взглядами съ маршаломъ Ніелемъ и будетъ продолжать приготовленія. Впутаемся-ли мы, сомнѣваюсь. Денегъ нѣтъ, и къ очень умѣреннымъ предположеніямъ бюджета надобно придать неумѣренныя недоимки въ 1868 и 1869 г.г. Бѣдность народа такъ велика, что необходимо измѣнить систему налоговъ, необходимо пересмотрѣть размѣры оброковъ. Тутъ не до войны. А война будетъ. Легкомысліе правительствъ, узкіе интересы династій, ошибочно-дерзкія мѣры доктринъ привели власть къ положенію раболѣпія, и одна демократія борется съ открытымъ забраломъ. Въ ней и будущность. Она вызоветъ и войну.

Нерѣшеныхъ вопросовъ много. Самое начало національностей удовлетворено не вполнѣ, а тутъ поднимаются: уравненіе политическое, огражденіе рабочаго труда, предѣлы личной собственности. Не наслаждаться миромъ Европѣ. Доколѣ не явится новый, лучшій Наполеонъ, который съумѣлъ бы распознать и безкорыстно удовлетворить нужды Европы, она постоянно будетъ въ ожиданіяхъ войны. Новыя реформы въ Россіи ознакомятъ съ нею образованный свѣтъ, и нашъ крестьянскій надѣлъ землею грозитъ Европѣ аграрными законами, всегда чреватыми междоусобицею. Распадающіяся Турція и Австрія представляютъ многіе поводы къ столкновеніямъ и вмѣшательству. Безпрестанныя попытки революціонеровъ въ Испаніи скопятся и наконецъ разразятся рѣшительнымъ переворотомъ и низложеніемъ клерикаловъ. Папѣ останется, на вселенскомъ католическомъ соборѣ, произнести свое низложеніе de jure. Республиканскій элементъ все близится къ дѣйствительному проявленію. За нимъ виднѣется коммунизмъ, которому Русскія учрежденія даютъ осязательные образцы для подражанія.

Царь съ царицей разъѣзжаютъ по Германіи. Онъ ѣдетъ въ Берлинъ на охоту, государыня съ царевной и молодыми царевичами, черезъ Мюнхенъ, на Комо. Гдѣ нибудь, но не въ Россіи. Такъ тяжело это слышать, такъ оскорбительно видѣть, какъ глава великой имперіи скачетъ въ Парижъ, въ Берлинъ, панибратствуетъ съ мелкими Нѣмецкими князьками, а ему и визитовъ не отдаютъ. Ни Наполеонъ, ни Вильгельмъ не были въ Петербургѣ. Не пріѣдутъ и въ Варшаву, гдѣ гото-

вятся большія министерскія конференціи и маневры. Не смотря на двукратное покушеніе, Государь какъ бы вызываетъ руку Польскаго фанатика. Особенно этотъ фанатизмъ сильно разженъ теперь, съ отмѣною Польской администраціи и съ училищными мѣрами въ западныхъ губерніяхъ.

Революція въ Испаніи. Французамъ отъ Пруссаковъ житья нѣтъ. Италія слишкомъ притихла (не предъ взрывомъ-ли?), а мы ѣдемъ въ Берлинъ на охоту, и конечно родство и сосѣдство обѣщаютъ самый преданный нейтралитетъ, если не болѣе.

По видимому что-то затѣвается. Продолжительное пребываніе Государя въ Германіи, частыя свиданія съ Прусскимъ королемъ имѣютъ вызывательный характеръ, и Наполеону пора произнести послѣднее слово, а не пробавляться протестами Гановера и Касселя. А тутъ въ сосѣдствѣ революція, стереги границы и берега; революція рѣшительная, пылкая, радикальная, готовая выдвинуть или республику или Орлеанскую монархію. Ближе всего Испаніи соединиться съ Португаліей и, низложивъ окончательно клерикальное вліяніе, водворить въ конституціонномъ государствѣ народное просвѣщеніе и развитіе внутренней производительности.

Сентябрь. Катастрофа съ великимъ княземъ Алексѣемъ. Экой порядокъ во флотѣ? На дняхъ былъ у меня одинъ контролёръ и описывалъ, какъ гнѣздятся тамъ пристрастіе и взяточничество въ хозяйственномъ управленіи; какъ произвольно, безъ торговъ и не смотря на торги, отдаются подряды благонадежнымъ, испытаннымъ лицамъ, тогда какъ эти лица никакихъ въ министерствѣ дѣлъ не имѣли, или имѣли, но оказались неисправными и несостоятельными. Капитанъ Кремеръ сбился съ фарватера, и фрегатъ „Александръ Невскій“, уже вышедшій въ непрочномъ состояніи, ударился о камень и потонулъ. Впрочемъ великій князь не подвергался особенной опасности. Какъ-то обойдется эта исторія Кремеру и адмиралу Посьету? При фанфаронскомъ управленіи спустя рукава, у насъ рѣдко и мало возбуждается отвѣтственность. На волоскѣ висѣла жизнь царевича и трехъ сотъ человѣкъ, милліонный убытокъ, безпечность, а генералъ-адмиралъ вѣроятно не найдетъ приличнымъ нарядить судъ и опредѣлить виновнымъ наказаніе.

Петербургское мое водвореніе и кассаціонныя занятія продолжаются по немногу. Я хочу записать о послѣднихъ. Мы слушаемъ дѣла въ недѣлю одинъ разъ, дѣлъ на сенатора приходится шесть-семь, всего въ докладѣ до 30—35. Это много, продолжительно и утомительно. Публичныя засѣданія идутъ, если нѣтъ повѣренныхъ, довольно гладко и скоро, потому что пренія были и рѣшеніе принято нами въ засѣданіи предварительномъ или совѣщательномъ. Вотъ эти совѣщанія изнурительны

и не по массѣ дѣлъ, сколько по безпорядочности преній. Толкамъ, ссылкамъ на прецеденты конца нѣтъ. Впрочемъ пренія эти и ссылки не безполезны для новаго человѣка, какъ я. Желательно только поболѣе порядка, а его мало. Порядокъ зависитъ отъ власти, а ея между нами, равноправными, быть не можетъ и быть не должно. Порядокъ опирается на авторитетъ, а его у насъ нѣтъ, хотя быть долженъ. Первоприсутствующій (теперь въ отпуску) Данзасъ. Я его знаю съ 1840 г. Вѣроятно дѣломъ не занимается и мало его знаетъ, хотя при свѣтломъ своемъ умѣ и многосторонней опытности онъ могъ бы имѣть авторитетъ неоспоримый. Но онъ старъ, ему 70 лѣтъ, и болѣнъ. При томъ онъ понятія не имѣетъ (никогда не имѣлъ) о порядкѣ, о внѣшнемъ, формальномъ порядкѣ. Не думаю, чтобы это была мелочь. „Порядокъ-душа державъ". Могли бы имѣть этотъ авторитетъ редакторы судебнаго устава, Н. А. Буцковскій и П. А. Зубовъ и еще болѣе бывшій товарищъ министра, приводившій судебную реформу въ исполненіе Н. И. Стояновскій, но ни они и ни онъ его не имѣютъ и на него не претендуютъ. О Берѣ и говорить нечего: онъ былъ, остался и останется губернскимъ чиновникомъ, губернскимъ секретаремъ. Такимъ же секретаремъ, но Петербурско-канцелярскимъ, остается младшій изъ насъ, Я. Я. Чемадуровъ; не знаю, какъ занимается дѣломъ замѣчательно умный В. А. Арцимовичъ. Не знаю, что внесутъ къ намъ антипатичный В. Н. Карамзинъ и симпатичный К. К. Петерсъ. Дамъ отчетъ послѣ. Остаюсь я. Но я авторитета не имѣю. Между тѣмъ я многими порядками д-та не доволенъ и думаю ихъ измѣнить. Начать съ того, что, держась буквально ст. Уст., д-тъ не принимаетъ *никакихъ* частныхъ жалобъ, хотя бы онѣ вопіяли о неправильномъ преданіи суду и незаконномъ заключеніи подъ стражу (это выраженіе XVIII столѣтія!), о разсмотрѣніи дѣла (частнаго, жалобы) вопреки ст. Уст. не публично, а въ распорядительномъ засѣданіи, о медленности, о непринятіи жалобы и т. п. Самый внѣшній порядокъ поражаетъ своимъ неприличіемъ. Вы въ полночь получаете тюкъ-пакетъ съ семью дѣлами, на которыхъ лаконически приказывается: „К. Н. Лебедеву на 13 Сентября", или записку канцеляріи, что совѣщательное засѣданіе вмѣсто Четверга назначается въ Среду. Канцелярская зависимость на каждомъ шагу. Вотъ уже два доклада сданы мною для переписки, а канцелярія и не думаетъ представить ихъ. Потомъ, эти канцелярскіе сенаторы, вооружившись своими Петербурскими источниками, вздумали писать какія-то диссертаціи и ссылаться на „Сборникъ мнѣній Госуд. Совѣта", на „Уставы съ соображеніями, изданія Государ. Канцеляріи" (изданіе 1-е, изданіе 2-е) и на ненапечатанныя мнѣнія Госуд. Совѣта. Эти господа забываютъ, что осѣненные гласностію, обязательные приговоры и толкованія ихъ

должны основываться на законахъ и положеніяхъ, доступныхъ для этой гласности и повѣрки. Вообще управленіе, надзоръ и самый кругъ кассаціи не установились порядочно ни въ основаніяхъ, ни въ формѣ.

Какъ я доволенъ моею маленькою квартиркою, моимъ „домикомъ въ Коломнѣ", гдѣ я днемъ и ночью слышу какъ кашлянулъ Митя, какъ чихнула Таша. Бѣдность Москвы и Замосковья накипѣли на сердце какую-то ненависть, злобу къ этому щегольству, блестящему Петербургу, поглощающему прямыя и косвенныя крохи невѣжественнаго крестьянства. Этотъ зазнавшійся чиновникъ только и думаетъ какъ бы округлить окладъ и прибавочное содержаніе, да дополнительную прибавку, да землю, да аренду, да абонементъ въ Итальянской оперѣ, да пообѣдать у Огюста или Доротта, да повидаться съ мамзелями, да пройтись въ картишки... Домикъ въ Коломнѣ доставляетъ мнѣ какое-то удовольствіе, удовлетвореніе, мзду. Мнѣ такъ хочется опрокинуться на это чиновничество, столь-же своекорыстное и порочное какъ прежнее барство. Я ожидаю втораго „Статистическаго Временника" и втораго Отчета Государств. Контроля, чтобы сказать смѣлое слово. Куда мы идемъ и куда мы придемъ? Всего болѣе оскорбляетъ меня,—это самодовольствіе нашихъ правителей. Прочтите рѣчь Рейтерна въ Одессѣ. Прочтите циркуляры Потапова въ Вильнѣ. А ты, христіанская душа, подушный крестьянинъ, при чемъ? Церковь, государство и школа только обираютъ тебя. И какъ давно это продолжается! Но, кажется, все не такъ какъ теперь.

Я вовсе не удивлюсь, если буду свидѣтелемъ процесса въ родѣ collier de la reine..... А гласность уже есть, а стремленіе молодыхъ судовъ къ скандальцамъ нетерпѣливо. И то сказать: теперь другое время. Со времени collier de la reine прошло сто лѣтъ, всѣ положенія измѣнились, всѣ названія перемѣнились. Демократизмъ, соціализмъ у воротъ. Королева Изабелла рѣшилась оставить тронъ, не рѣшившись разстаться съ Марфори. Примѣры.... Домъ разростается непомѣрно, и Германскія величества и высочества готовятся къ развѣнчанію. Къ ослабленію авторитетовъ нравственныхъ и началъ идеальныхъ присоединяются теоріи отвлеченныя и необходимость матеріальная.

Въ небольшой газетѣ, довольно распространенной „Современныя Извѣстія", редакція г. Гилярова-Платонова, имѣющаго въ Москвѣ извѣстный авторитетъ, такъ разсуждаетъ (7 Октября № 276) о положеніи религіознаго у насъ вопроса: „Къ чему вы сами (духовенство) и само-го, чему вы служите? Нѣтъ, они не слышатъ этого голоса, несущагося изъ конца въ конецъ по Европѣ, подъ торжествующею хоругвію ежедневно умножающагося невѣрія. Они не видятъ, что ощущеніе, вызывавшее этотъ голосъ, вызвавшее его, совершенно законно въ Европѣ,

гдѣ историческое служеніе духовенства дѣйствительно искони равнозначительно было всеобщему стѣсненію и помраченію, что это ощущеніе цѣликомъ переносится къ намъ, и что мысль, имъ порождаемая, вторится, что она сквозитъ во всемъ, на чемъ только лежитъ печать достоинства и внутренней силы, что она служитъ началомъ, подкладкою, зримымъ и незримымъ сопутникомъ всего умственнаго движенія! Съ простодушіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, все наше печатающееся духовенство, само не замѣчая, вторитъ этой мысли, и становится, тоже не замѣчая, въ ряды проповѣдниковъ невѣрія". Нервный, завистливый, любостяжательный Гиляровъ-Платоновъ очевидно метитъ на личности, на отца Ключарева и подобныхъ и безотчетно коритъ духовенство Европы, хранившее въ себѣ столько вѣковъ сѣмена просвѣщенія и огражденія народовъ отъ насилія анархіи и деспотизма, какъ бы не замѣчая, что нигдѣ оно не было такою кастою, какъ у насъ, и нигдѣ оно не держалось такъ открыто и систематически, какъ у насъ, на народномъ невѣжествѣ, на голой обрядности и грубыхъ предразсудкахъ. Пора разбить эту своекорыстную, тѣсную касту. Да образуется новая церковь!

Октябрь. Процессы Бильбасова и Колзакова заставляютъ подумать о прочности и надежности новаго суда нашего. Бильбасовъ (или Дмоховскій?) обманулъ графа Шувалова (Католика) и князя Гагарина, выманивъ у нихъ 30 р. по нарицательной цѣнѣ выкупныхъ свидѣтельствъ въ уплату долга полковницы Засѣцкой подъ подложную росписку дочери ея (умершей) Кушниковой и подложно засвидѣтельствованной въ кварталѣ Литейной части. Обвиненный присяжными и осужденный въ 1867 г., Бильбасовъ теперь оправданъ и слѣдовательно обвинены графъ Шуваловъ, князь Серг. Гагаринъ, Засѣцкіе, Монтрезоръ, Деляновъ, Меллеръ-Закомельскій и проч. и г. Дмоховскій. Процессъ Колзакова представляетъ другую сторону. Полковникъ Колзаковъ продалъ г-жѣ Киркоръ негодныхъ лошадей за годныхъ и хотя признанъ присяжными виновнымъ, *но безъ похищенія*, но судомъ осужденъ за мошенничество. Тамъ, говорятъ, обвиняемый, явный мошенникъ оправданъ; здѣсь порядочный человѣкъ, оправданный присяжными, осужденъ къ лишенію правъ состоянія. Замѣчателенъ и процессъ Ив. Сер. Аксакова (съ секретаремъ суда Кохновымъ). Онъ оправданъ, да; но можно ли такъ глумиться, такъ унижать человѣческое достоинство, какъ это дѣлаетъ знаменитый Славянофилъ въ своихъ замѣткахъ о личности Кохнова, замѣчая въ немъ „какую-то странную упорную неспособность къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій, самыхъ прямыхъ обязанностей своего званія". Да, но все это обнаруживаетъ большую неурядицу въ умахъ и учрежденіяхъ. Какъ все шатко и невѣрно въ этихъ учрежденіяхъ,

лишенныхъ историческаго основанія, и какъ легко переступаются границы въ ново и скоро размежеванныхъ вѣдомствахъ, и какъ легко и часто злоупотребляются данныя власти и свободы!

Вотъ не стало и Колюбакина! Прекрасная Кавказская душа томилась въ бездѣйствіи Московскаго Сената и наконецъ утомилась отъ мысли. что не нынче-завтра закроется и это бездѣйствіе, и человѣкъ останется ни при чемъ: не на что будетъ покупать у Ѳомина цвѣтовъ для Катерины Тютчевой, Ольги Тимирязевой. Зинаиды Есиповой. Бахметевой, Менде-Олсуфьевой, Хомутовой и tutti quanti Московскихъ Цирцей, у подножія которыхъ молодой старикъ искалъ развлеченія для своего уязвленнаго самолюбія. Московская жизнь его была просто смѣшна и жалка. Военный и Польскій элементъ его былъ постоянно стѣсняемъ въ Московитской, обломовской средѣ; но, говорятъ, на Кавказѣ онъ былъ дѣятель замѣчательный, какъ воинъ и администраторъ. Миръ праху твоему, благородный человѣкъ, всю жизнь искавшій и не находившій цѣли жизни. Получивъ небольшое образованіе въ Лицейскомъ пансіонѣ, онъ поступилъ въ военную службу. Разжалованный въ солдаты за пощечину своему начальнику, онъ боевыми подвигами, въ нѣсколько лѣтъ, достигъ до чина генерала и Кутаисскаго генералъ-губернаторства. Здѣсь онъ дозволилъ торжественно похоронить горскаго князька, убійцу своего предмѣстника, князя Гагарина, и за это сдѣланъ сенаторомъ. Личность замѣчательная, сгубленная несвойственнымъ ей положеніемъ и непомѣрнымъ самолюбіемъ и бретёрствомъ. Упокой, Господи, душу его!

И новая смерть! Сегодня скончался сенаторъ Борисъ Карловичъ Данзасъ, 70 лѣтъ, послѣ продолжительной болѣзни легкихъ. Онъ на дняхъ сидѣлъ у меня довольно долго. на дняхъ первоприсутствовалъ съ нами въ Сенатѣ. И вотъ его нѣтъ! Это была натура весьма даровитая, но обстоятельства ее избаловали. Отъ того изъ замѣчательнаго. можетъ быть, знаменитаго человѣка, вышелъ человѣкъ только замѣтный, между своими (людьми большаго свѣта) изъ ряда вонъ. Онъ, говорятъ, побочный сынъ кн. Бориса Владим. Голицына. и потому пользовался большимъ и могущественнымъ покровительствомъ кн. Дмитр. Влад. Голицына, при которомъ онъ, по окончаніи курса въ Царскосельскомъ лицеѣ, въ 1820 г., состоялъ секретаремъ и пользовался большимъ успѣхомъ въ Московскомъ обществѣ. Не знаю, какимъ образомъ кн. Дмитрій и кн. Сергій Михайл. порѣшили женить этого блестящаго, многообѣщающаго молодого человѣка на неизвѣстной и ничтожной дѣвицѣ Розенгеймъ, говорятъ, будто бы, побочной дочери кн. Сергія. Думаю, этотъ бракъ рѣшилъ участь даровитаго батара. Прильнувъ къ высшему кругу, онъ получилъ въ немъ значеніе дѣльца, умницы, а въ кругу

дѣловыхъ людей (большею частію тогда приказныхъ) значеніе аристократа. Но мнѣ кажется ложное положеніе уже и тогда давило молодаго человѣка, благороднаго и счастливо одареннаго наружностію и способностями. Чтобы удержать значеніе въ большомъ свѣтѣ, онъ пустился въ карты; чтобы удержать значеніе въ средѣ дѣльцовъ, онъ указы (служба его началась подъ указами) и потомъ смыслъ статей Свода Законовъ объяснялъ въ пользу правой стороны, правомъ естественнымъ, общественнымъ, государственнымъ. Въ 1836 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и назначенъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатѣ съ управленіемъ департаментомъ (кажется, вторымъ). Я узналъ его въ 1840 г. когда гр. Панинъ пригласилъ меня въ начальники (уголовнаго) отдѣленія департамента Мин. Юст., котораго директоромъ, еще при Блудовѣ, былъ Данзасъ. Онъ встрѣтилъ меня съ предубѣжденіемъ соперника Карніолина-Пинскаго, съ которымъ я былъ близокъ и потомъ друженъ. Соперничество это началось, кажется, съ 1836 г. и не прекращалось „еже до сего дня“. Не далѣе какъ 4 сего Октября Данзасъ, посѣтивъ меня, своего товарища, выражался съ большою желчью о своемъ соперникѣ, давно уже погибшемъ, и припоминалъ (странная памятливость, меня поразившая!) выходки, слова и мелочи интригъ, бывшихъ—легко сказать!—назадъ тому тридцать лѣтъ. Служба при Данзасѣ была весьма пріятна. Онъ не понималъ ни требовательности, ни взысканія, онъ любилъ снисходить, защищать и награждать. Объясненіе этого надобно искать сколько въ мягкости его сердца и характера, столько въ сознаніи своей собственной неисправности, происходившей отъ этого вѣчнаго болѣзнаго свѣта и этой вѣчной картежной игры, продолжавшихся до послѣдней минуты жизни. Отношенія его къ гр. Панину были постоянно непріятныя и раздраженныя. Они сдѣлались невыносимыми, когда въ 1843 г. министръ выбралъ себѣ въ товарищи В. А. Шереметева, и этотъ губернскій чиновникъ сдѣлался начальникомъ. Положеніе было унизительное и нестерпимое. Въ 1845 онъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 1-го департамента, въ 1851 сенаторомъ, а въ 1867—первоприсутствующимъ въ кассаціонномъ уголовномъ департаментѣ и въ чинахъ, и въ звѣздахъ, и въ мѣстахъ всегда послѣ Пинскаго! Такъ преслѣдовала его Немезида графа Панина. Онъ постоянно считалъ себя обиженнымъ и всегда жаловался. Данзасъ оставляетъ вдову съ тремя перезрѣлыми дочерьми и двумя сыновьями, изъ которыхъ Сергѣй довольно простоватъ, а Дмитрій, недавно женившійся на баронессѣ Корфъ, довольно таровать. Данзасъ мало занимался семействомъ, и оно, кажется, давило его. Смерть Данзаса чувствительна мнѣ, какъ современнику. Пріятели и знакомые 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ коммисаріатѣ и юстиціи, почти всѣ перемерли. Съ Данзасомъ отпадаетъ и у меня какая-то опора. „Съ

удовольствіемъ узналъ я, сказалъ онъ мнѣ, о вашемъ назначеніи. Вы хорошо докладываете и хорошо пишете. Я старъ и болѣнъ; помогайте мнѣ. Мы знаемъ другъ друга давно". Что-то обычное, близкое слышится въ этихъ словахъ моего бывшаго начальника и потомъ товарища.

Осужденіе въ Москвѣ полковника Колзакова за продажу лошадей съ задѣланными копытами, и оправданіе въ Петербургѣ извѣстнаго мошенника Бильбасова, обманувшаго Засѣцкаго, князя Гагарина и графа Шувалова, при посредствѣ ст. сов. Дмоховскаго, а также и избраніе юрисконсульта министерства финансовъ О. И. Квиста въ предсѣдатели мироваго съѣзда производятъ въ обществѣ и въ газетахъ говоръ и агитацію за и противъ новыхъ судебныхъ учрежденій. Разумѣется, большинство защищаетъ суды; на сторонѣ большинства и публицистика. Но и голосъ меньшинства не надобно оставлять безъ вниманія. Деспотизмъ нововведеній душитъ привычки и оскорбляетъ убѣжденія, хотя бы ошибочныя, но тѣмъ не менѣе искреннія. Какъ оправдать человѣка уже разъ осужденнаго, когда противъ него показываютъ столько лицъ, высоко стоящихъ въ общественной іерархіи? Если онъ подѣлился 30 т. р. съ Дмоховскимъ, то уменьшаетъ, уничтожаетъ-ли это его виновность? А преступленіе здѣсь: 30 т. р. у гр. Шувалова взяты, подложная росписка на лицо. И тоже: какъ осудить Колзакова, когда эксперты цѣнятъ лошадей выше проданной суммы и когда присяжные говорятъ, что при обманѣ не было похищенія (Улож. ст. 1665)? Наконецъ, не произволъ-ли это—избраніе зависимаго чиновника на одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ судебной іерархіи—предсѣдателя столичнаго мироваго суда? Конечно.

Но все это частныя, мелочныя явленія, только пристрастіемъ возводимыя на степень доктрины, направленія, партіи. Министерство Юстиціи виновато въ личныхъ назначеніяхъ. И только. Не болѣе*). Меня поражаютъ не процѣссы, исходъ которыхъ часто зависитъ отъ случайностей. Меня поражаютъ наглость преступленій и наглость печати. Студентъ Новоникольскій, жалуясь на Центральный Комитетъ, называетъ его „подонками и плѣсенью", а дѣйствія его Каракозовскимъ и Березовскимъ. „Московскія Вѣдомости" открываютъ явныя компаніи противъ правительства, „которое такъ перепугалось могущества Пруссіи, что и не думаетъ объ интересахъ собственныхъ". Фельетонистъ „С.-Петербургскихъ вѣдомостей" такъ отдѣлываетъ своихъ героевъ: Крестовскаго, Погодина, Шепулинскаго, Горна и проч., что удивляешься и

*) Должно засвидѣтельствовать, что въ печати („Моск. и С.-Петерб. Вѣдомости") ревниво и прекрасно охраняютъ и защищаютъ новый судъ противъ навѣтовъ „Вѣсти" и подобныхъ.

безстыдству г. Суворина, и терпимости нашей свободы. Скоро печать г. Арсеньева и Заруднаго проберется въ спальни и разскажетъ ночныя тайны.

Не смотря на общія жалобы на пьянство и распущенность въ народѣ, наши статистики утверждаютъ противное. Г. фонъ-Бушенъ читалъ въ Экономическомъ Обществѣ записку о пьянствѣ, въ которой пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) Потребленіе спирта въ народѣ со времени уничтоженія откуповъ увеличилось, въ общемъ итогѣ, въ самой незначительной пропорціи: на 6%. 2), народъ, со введеніемъ вольной продажи, тратитъ на водку менѣе, чѣмъ тратилъ прежде, и слѣдовательно дѣлаетъ сбереженія, иначе нечѣмъ и объяснить увеличеніе его благосостоянія, положительно замѣчательное во многихъ мѣстахъ, и поступленіе увеличенныхъ прямыхъ податей и выкупныхъ платежей. Остановимся на этихъ двухъ выводахъ. Если справедливо, что потребленіе увеличилось только на 6% (?), то не надобно забывать, что это увеличеніе относится къ такому непомѣрно возросшему количеству вина, какое нагнали всѣ изощренія откупа и при томъ винà высшаго качества, производящаго скорѣйшее опьяненіе. При этомъ условіи увеличеніе потребленія должно (думаю) считаться свыше 15%, а такой процентъ nec plus ultra откупнаго размѣра есть возвышеніе огромное! Я такъ думаю; не можетъ же быть, чтобы общественное мнѣніе, такъ вопіющее противъ пьянства, такъ ошибалось и преувеличивало зло. Что́ же касается увеличенія благосостоянія, то вліяніе здѣсь крестьянской реформы несомнѣнно. Я доложилъ объ этомъ министру Муравьеву еще въ Іюлѣ—Августѣ 1861 г. Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы это благосостояніе было прочно и продолжительно. Я сильно сомнѣвался и сомнѣваюсь, чтобы народъ выдержалъ эти усиленные налоги и выкупные взносы. Вопросы эти впрочемъ мало разработаны и требуютъ многосторонняго изученія. Если все это такъ, отъ чего же однако такъ ростутъ долги и déficit'ы? При столь значительномъ возвышеніи податей, я рѣшительно не понимаю, какъ можетъ быть рѣчь о благосостояніи населенія. Оно живетъ животною жизнію. Петербургскіе туманы скрываютъ эти печальныя картины бѣдности, невѣжества и пьянства.

Какое бурное непріятное засѣданіе было у насъ сегодня, 25 Октября въ распорядительномъ порядкѣ! Интрига свиваетъ гнѣздо вездѣ. Прежде назначенные въ кассаціонный департаментъ сенаторы съ неудовольствіемъ видѣли, что вновь назначенные, по старшинству чиновъ, садятся выше ихъ и тѣмъ приравниваютъ кассаціонный съ прочими департаментами Сената. Это принято съ особенною живостію теперь, когда смерть Данзаса сближала старшихъ съ почетнымъ мѣ-

стомъ первоприсутствующаго. И интрига возбудила въ тихомолку, сюрпризомъ (вотъ это нехорошо) вопросъ о старшинствѣ въ засѣданіяхъ. Точно въ первый разъ собрались! Всѣмъ орудовали Стояновскій и Ковалевскій. Помогали Зубовъ, Буцковскій и никѣмъ невидимый Арцимовичъ. Они обратились къ старцу Башуцкому, чрезъ Ковалевскаго, и первоприсутствующій удивилъ всѣхъ насъ предложеніемъ неожиданнаго вопроса. Большинствомъ рѣшено: считать старшинство, согласно 4 ст. временныхъ правилъ 15 Марта 1866 г. „по времени назначенія каждаго въ должность“ (сенатора кассаціоннаго департамента). Но правильно-ли это? Мы назначены по высочайшему повелѣнію, мы никакой новой присяги не принимали, мы назначены въ должности сенаторовъ и остаемся тѣми же сенаторами. Временныя правила 15 Марта къ Сенату не примѣняются. Я боюсь, что подобные сюрпризы внесутъ рознь и раздоръ между нами постоянно непріятные и для дѣла особенно вредные. Вѣроятно обиженные тоги обратятся къ министру и вызовутъ вмѣшательство высшее, и это вмѣшательство не желательно. А разыгрались самолюбія! Особенно громко протестовалъ к. Юрій Долгорукій. Особенно жалокъ былъ Бергъ. Онъ потомъ около часу докладывалъ намъ дѣло, и на него нашелъ столбнякъ, когда Стояновскій случайно взглянулъ въ протоколъ, и оказалось, что бывшій первоприсутствовавшій докладывалъ не то дѣло. Исторія непріятная, особенно по своему эзуитскому способу веденія. Ничего здѣсь серьезнаго нѣтъ. Комедія. Оттого и трудно вѣрить въ прочность и пригодность дѣла. Далѣе!

Предостереженіе (третье) И. С. Аксакову съ пріостановкою „Москвы“ на шесть мѣсяцевъ не составляетъ важнаго событія только потому, что Аксакову уже столько было предостереженій и пріостановокъ, что всѣ—и Москва—къ тому привыкли и всегда этого ожидали. Замѣчательный публицистъ, Славянофилъ Аксаковъ постоянно переступаетъ черту, на которой такъ ловко умѣетъ остановиться и замаскироваться Катковъ. Перечитывая №№: 128, 136, 141, 154 и 155 (передовыя статьи) и областной отдѣлъ (это работа Павлова) въ 114 и 134 невольно задаешь себѣ вопросъ: почему же главное и цензурное управленіе отличались такимъ долготерпѣніемъ? Заносчивость Аксакова я объяснялъ и объясняю себѣ тѣмъ, что, какъ правовѣдъ на служебномъ поприщѣ, и какъ Славянофилъ, посреди наводняющаго насъ европеизма, онъ въ ложномъ положеніи и чтобы скрыть или маскировать его, онъ бросается въ крайности и какъ бы мститъ за свои противорѣчія. Ему остается послѣдовать Самарину и перенести свою дѣятельность въ Лембергъ или Прагу. Высоко даровитый, высоко благородный человѣкъ, онъ на всякомъ поприщѣ и вездѣ принесетъ пользу, свѣтло освѣтитъ горизонтъ своего воззрѣнія и броситъ мысль, идею, формулу, выработанныя

умомъ и сердцемъ, разумомъ и фантазіей. Недаромъ, когда въ Іюлѣ, въ Кунцовѣ, онъ сказалъ мнѣ, что съ Августа вступаетъ въ редакцію, я спросилъ его: „на долго-ли?“ Но положитъ-ли эта мѣра какой нибудь предѣлъ безцеремонности, необузданности нашихъ публицистовъ? Сомнѣваюсь. Они похожи на загулявшаго молодца, который щеголяетъ своими безобразными выходками. Упоеніе свободою для неопытнаго, какъ случайности возможнаго для ребенка, есть своего рода хмѣль. Жаль, что въ какой нибудь „Вѣсти“ хмѣль этотъ смѣшанъ съ ядомъ или въ „Домашней Бесѣдѣ“ покрытъ плѣсенью, а въ „Москвѣ“ односторонимъ увлеченіемъ мечтательной, но систематической оппозиціи. „Биржевыя Вѣдомости“, въ хмѣлѣ этомъ, грезятъ коммунизмомъ и соціализмомъ.

Рѣчь Прусскаго короля, при открытіи ландтага, дышетъ величіемъ и успокоеніемъ. Европѣ нуженъ миръ, его желаютъ правительства и народы; его особенно желаетъ Пруссія для устройства своей реорганизаціи, для умиренія волненій въ умахъ и сердцахъ, необходимаго послѣ незапныхъ и неожиданныхъ потрясеній 1866 г., успѣхами семидневной войны открывающей новую эпоху не только въ военномъ дѣлѣ, но и для развитія всего материка Европы. Преобладаніе Пруссіи несомнѣнно. Старая традиція о Рейнѣ жива во Франціи, и новые лавры Пруссіи могли развѣ только усилить ее. Династическіе интересы Наполеона направляются туда же. Но, Боже мой, какъ обветшали эти традиціи и династіи не только передъ этими полчищами пролетаріата, голоднаго и потому рѣшительнаго, но и передъ этимъ Бисмаркомъ, отказывающимся отъ юнкерства, и передъ патріотизмомъ Гладстона, открыто принимающаго сторону Ирландіи. Отнынѣ Франція на второмъ планѣ. Первенство принадлежитъ Германіи, Пруссіи, и дальнѣйшая задача исторіи: сплотить окончательно Германское племя и преобладать надъ Славянами.

Какъ грустно мнѣ было встрѣтиться съ семействомъ Протасьевыхъ, съ Анетой, съ ея братомъ, дѣтьми и племянниками! Какъ переходчиво положеніе и счастіе человѣка! Какая печаль овладѣваетъ мною, когда я припоминаю пятилѣтняго ребенка 1828 г., окруженнаго мамками, гувернантками, красавицу-невѣсту 1840 г. съ богатымъ приданымъ, и смотрю на эту тощую матрону, всю погрязшую въ мелочахъ, въ бѣдности, въ грязи и уже привыкшую къ этой средѣ бѣдности и грязи! Чего не жалѣлъ покойный отецъ для воспитанія, какъ много заботился онъ о блестящемъ образованіи! Какая этому причина? Во первыхъ, отсутствіе матери. Во вторыхъ, отсутствіе религіи, въ третьихъ, недостаточное просвѣщеніе отца, исключительно занимавшагося внѣшнимъ, пустымъ, блестящимъ, а не прочнымъ, существеннымъ. Быстрыя, неестественныя перемѣны въ общественномъ положеніи людей

въ Россіи всегда видны въ нашей исторіи, особенно со временъ Петра, когда преемственное иностранное вмѣшательство упразднило прежнія, довольно грубыя, національныя условія развитія. Но едвали когда нибудь перемѣны эти были такъ многочисленны и быстры какъ теперь, съ коренными преобразованіями общества и государства. Лотерейное время! Лихорадочное время! Отецъ и представить себѣ не могъ его, и дѣти до него не выросли.

Читаю я Эккардта „Baltische und russicche Culturstudien" замѣчательныя собственно—покрайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ—по двумъ статьямъ: о Русско-нѣмецкихъ (онъ называетъ Нѣмецко-русскія, Орденскія Прусскія) провинціяхъ и о развитіи Русской литературы въ видѣ протеста, реакціи, почти революціонной оппозиціи заимствованной Европейской культуры порядкамъ и жизни національнымъ, Русскимъ. Характеристичны эти гг. Остзейцы! Эккардтъ вовсе не фонъ, а отстаиваетъ свои средневѣковыя учрежденія, уставы своего „Орденскаго отечества". Но что̀ чуяло его сердце, когда, упрекая Трейтшке въ нападкахъ на Остзейцевъ, онъ говоритъ отъ ихъ лица, оканчивая письмо: Sie verlangen heute nur noch, dass man ihnenicht die Stunde vergifte, welche vielleicht ihre Sterbestunde ist. Думалъ-ли онъ о безнадежныхъ выходкахъ Сиверса и Бока или о работѣ, точащей работѣ Московскихъ журналистовъ или о новомъ трудѣ Ю. Самарина? Ничего онъ не думалъ. Извиняя Орденландію безучастіемъ Муттерландіи, Остзеецъ просто на просто тянетъ къ Германіи.

Сегодня сидѣли у меня дядя и племянникъ Данзасы и толковали о своихъ предположеніяхъ; объ устройствѣ образа жизни на скромную ногу, въ провинціи, въ деревнѣ... Вотъ оно куда пришло! Ложное положеніе семейства есть положительно вина покойнаго. Но я не вижу ничего отчаяннаго: государственное казначейство даетъ вдовѣ нераздѣльно съ дочерьми 4,000 р. Министру юстиціи приказано, до 1877 г., выдавать имъ, каждогодно, пособіе изъ остатковъ. Сами они имѣютъ 3,000 р., итого до 10,000 р. Жить можно. Жаловаться, кажется, нечего. Но едва ли привычки погнутся передъ необходимостію, и едва ли суета научится благоразумію. Иначе эти милыя, прекрасныя Аделаида, Ольга и Татьяна давно были бы пристроены, особенно Ольга, замѣчательная головка и прекрасное сердце. Да, отцы во многомъ отвѣчаютъ за дѣтей, особенно въ воспитаніи и привычкахъ. Отцы должны смотрѣть, по крайней мѣрѣ, на будущее поколѣніе и предугадать его требованія. Въ наше время надобно имѣть въ виду: „на всякій случай". Особенно далеко должна стоять личность. Покойный Данзасъ поступалъ иначе. Онъ постоянно считалъ себя обиженнымъ, не оцѣ-

ценнымъ. Личность, я, у него были первое слово. Можетъ быть, въ свое время, и меня упрекнутъ въ томъ же.

Плохо идетъ моя кассація. Не могу, не умѣю еще поймать руководящія нити, и робость овладѣваетъ мною въ особенности потому, что нити эти надобно ловить, поймать. Двухлѣтняя практика мало выработала общихъ основаній, и сами практики часто сознаются, что отъ нѣкоторыхъ, отъ многихъ, рѣшеній теперь приходится отказываться. Я строго держусь на почвѣ фактовъ и избѣгаю общихъ разсужденій. Начала должны выработаться изъ массы частностей путемъ наблюденій, наведеній и сводовъ. Увеличиваетъ мою робость и наше могущество: на рѣшенія наши не можетъ быть жалобы, никуда, и никому, а между тѣмъ они обязательны для всѣхъ какъ законъ. По отсутствію сложившейся практики у насъ безпрестанно возникаютъ общіе вопросы, какъ изъ примѣненія самаго молодаго уголовнаго устава, такъ и отъ столкновенія его съ старымъ (Уложеніе) и этого стараго съ новымъ мировымъ уставомъ, составленнымъ на другихъ основаніяхъ. Вотъ разработкою этихъ-то вопросовъ, почти законодательнымъ порядкомъ, я постоянно недоволенъ и думаю, что изученіе, изложеніе и предварительное разрѣшеніе ихъ должны бы быть возлагаемы на особыя изъ насъ частные комитеты. Предварительная разработка существенно полезна.

Какъ и надобно было ожидать, агитація 21 Октября вызываетъ высшее, стороннее вмѣшательство. Теперь уже два сенатора, Башуцкій и кн. Юрій Долгорукій, перешли въ первое общее собраніе, разумѣется сохранивъ оклады. Министръ входитъ съ представленіемъ въ Госуд. Совѣтъ о поясненіи 4 ст. правилъ 15 Марта 1866 г., и разумѣется Совѣтъ пояснитъ тѣмъ, что кассаціонные департаменты подчиняются общему порядку Прав. Сената. т. е. сидѣть по чинамъ. Это должно было предвидѣть. Я предупреждалъ товарищей. Съ другой стороны тутъ есть и польза: сбыть такихъ ничтожныхъ сотоварищей какъ старецъ Башуцкій и лѣнивецъ Долгорукій всегда полезно, когда масса дѣлъ требуетъ людей дѣльныхъ и работы постоянной. И Башуцкій и Долгорукій тоже выиграли: они вышли изъ ложнаго положенія, сохраняютъ большіе оклады и ничего не будутъ дѣлать. Времечко! Всѣ въ выигрышѣ! И никто ничего не теряетъ? Сомнѣваюсь. Тутъ и молодая заносчивость, и незрѣлая либеральность. Желалъ бы я, чтобы какой нибудь Прево-парадоль*) написалъ la Russie Nouvelle, хоть бы въ Прагѣ

*) Напечатаніе (Мишель Леве) и распространеніе книги La France nouvelle" доказываютъ значительный успѣхъ оппозиціи. Орлеанистъ, не смотря на сенатское запрещеніе толковать конституцію, разбираетъ современные порядки представительства, министерства, церкви, печати и арміи и прямо выражаетъ необходимость измѣненія ихъ въ смыслѣ республики или конституціонной (Англійской) монархіи. Книга имѣла большой

или Карлсруэ, но безъ опасеній Французскаго публициста и съ болѣе практическимъ знаніемъ дѣла. Какъ бы взглянуть на дѣло безъ предубѣжденій? Можетъ быть, порицаемый, ненавистный порядокъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ большинству требованій, нежели прежній и предлагаемый.

Больное мѣсто,—гдѣ больное мѣсто въ Россіи, въ Европѣ, во всемъ свѣтѣ? „Окраины“ ли Россіи (такъ шумящія въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ окраинахъ) Испанскій, Папскій, Рейнскій, Шлезвигскій, Цислейтанскій, Польскій или Восточный вопросы? Вопросамъ конца нѣтъ. Есть даже вопросъ Ганноверскій, вопросъ Чухонскій, Ирландскій... Что это, куда мы пришли? А вопросы внутренніе? Ихъ не оберешься. А вопросы семейные? Безпрестанные вопросы общіе, а вопросы частные? А вопросы мѣстные? Все въ вопросѣ. А великій разрѣшитель вопроса—Мадзини—говорятъ телеграммы—умеръ. Отъ кого ожидать разрѣшенія? Отъ тираніи времени и большинства (пролетаріата). Какъ малы и мелки всѣ эти идолы: Наполеоны, Бейсты, Бисмарки, когда пройдетъ полвѣка, вѣкъ! Какъ нужно второе пришествіе Спасителя, чтобы водворить въ человѣчествѣ настоящее ученіе Христа, доселѣ остающееся въ сторонѣ отъ всепоглощающей Грекоримской, матеріально-чувственной образованности! Все въ вопросѣ.

Ноябрь. Министръ, по случаю перемѣщенія моего изъ Москвы, исходатайствовалъ мнѣ подъемныхъ 2,500 р. Мнѣ это непріятно (хотя частію я самъ причиною), мнѣ, который получаетъ съ арендой 9 т. р. и который такъ открыто порицаетъ чиновничью расточительность, Петербургскую роскошь и непомѣрное возрастаніе бюджета. Думаю, что подъемъ слѣдуетъ назначать при перемѣщеніи изъ другаго города на равное мѣсто; но можно ли считать равнымъ перемѣщеніе съ 4631 р. на 7 т. р.? Откровенно сознаюсь, что при моей враждѣ къ Петербургу (такъ что я „и жить въ немъ не захотѣлъ и переѣхалъ въ Коломну“) и къ расточительности казны и земель (я въ Минист. госуд. имущ. могъ получить землю и не получилъ) мнѣ не слѣдовало заводить о томъ рѣчи, тѣмъ болѣе, что при скромномъ моемъ „домикѣ въ Коломнѣ“ переѣздъ обошелся мнѣ недорого. Мои назначенія довольно знаменательны: чиномъ въ 1853 г. я открылъ ходъ полчищу тайныхъ совѣтниковъ; по назначенію въ сенаторы, въ 1864 г., за мною ринулись

успѣхъ, какъ и Ténot: Paris en Décembre 1851“, и ни Прево-парадоль, ни Тено не преданы суду, а между тѣмъ судятся и осуждены газеты, открывшія подписку на памятникъ Бодену, убитому на баррикадѣ послѣ словъ: „вотъ какъ умираютъ за 25 франковъ. „Новая Франція“ принадлежитъ къ серьезной публицистикѣ и теперь выходитъ десятымъ изданіемъ. Памфлетъ замѣчательный. Я еще обращусь къ нему. Это событіе больше нежели Боденъ.

десятки сенаторовъ. Не настанетъ-лъ послѣ этого подъема подъемъ къ экономіи? Сомнѣваюсь. Пожалуй, скажутъ: „ужъ коли ему дали!“ Во всякомъ случаѣ, жаль и быть и не быть примѣромъ.

Я серьезно болѣнъ и намѣренъ лечиться. Очень дурно провожу ночи, дурно перевариваю, носомъ кровь идетъ, частыя подергиванія въ желудкѣ, иногда трясутся руки, большая сухость кожи. Но, Боже мой, какъ привычка тожественна съ натурой. Она повелѣваетъ, она требуетъ. Моя привычка началась съ 1851 г. Безсонница, истощеніе силъ привели меня къ наркотическимъ пособіямъ. Пособія эти возрастая дѣлаются теперь ядомъ, ненавистью, яростію, и я провожу тяжелыя ночи. Тяжелыя для меня, для жены и, что̀ страшно, для Дмитрія. Но что̀ тутъ дѣлать? Ужасно я провожу ночи. Безсонница. Извращеніе органа слуха. Правда, воображеніе усиливаетъ послѣдствія, но поразительна и дѣйствительность. Сегодня я спалъ лучше. Какъ и когда будетъ все нормальнѣе и покойнѣе? Что дѣлать? Все хуже (11 Декабря) Думаю, что все хуже (18 Декабрь). Къ разстройству желудка и ревматизму правой руки присоединяется и болѣзнь глазъ (25 Декабря).

Сей часъ изъ оперы „Русланъ и Людмила“. Набрасываю впечатлѣнія, на меня произведенныя. Это опера оригинальная Русская. Слышна мастерская рука композитора, свободно располагающаго фантастическимъ матеріаломъ Пушкина. Но фантастичность и мѣшаетъ впечатлѣнію. Не уяснишь себѣ: что̀ за вѣкъ, что̀ за люди, и было-ли такое время и бываютъ-ли такіе люди? Впечатлѣнію мѣшаетъ и разрозненность, перерывъ совершающихся событій. Эти разительно-разнообразные акты, эти частые балеты, появленіе въ гротѣ Финна, появленіе злой колдуньи (а какой прелестный хоръ бѣлыхъ дѣвъ передъ нею!)... Лезгинка и др. Какъ связать фантастичность съ Русскими мотивами. Съ нами была музыканша, не читавшая почти Пушкина; она рѣшительно ничего не поняла. Не поймешь даже и костюмы. Исполненіе было неособенно хорошо. Хороша была Лавровская (Ратмиръ) и Петровъ (Фарлафъ), а также недурна Бюдель. Долго идетъ опера; битыхъ 4 часа. Какъ отсталъ я отъ этихъ шумныхъ зрѣлищъ! А надобно потѣшить жену и дѣтей.

Когда чиновникъ Протопоповъ былъ выведенъ изъ терпѣнія тремя графами (Сиверсъ, Кошкуль и Комаровскій) и далъ одному изъ нихъ пощечину, судебная медицина признала (и судъ согласился) дѣяніе невмѣняемымъ, и общество разразилось съ одной стороны апплодисментами, а съ другой—негодованіемъ. Я тогда же записалъ мое недовѣріе къ психіатріи, вторгнувшейся въ чужіе предѣлы. Недовѣріе дошло до опасенія, когда я прочелъ ученыя разсужденія въ „Архивѣ Судебной медицины“, на основаніи которыхъ *почти* всѣ преступныя дѣянія

подлежали бы оцѣнкѣ психіатровъ. Опасеніе мое обращалось и къ значенію самыхъ заключеній медика, которымъ и прежніе и нынѣшніе законы даютъ такое важное значеніе. Въ Москвѣ, на дняхъ, рѣшено подобное же дѣло о чиновникѣ Никитинѣ, который далъ двѣ пощечины мировому судьѣ Скопину. Экспертъ, профессоръ Соколовъ, призналъ, что Никитинъ дѣйствовалъ въ умоизступленіи, потому что дѣйствовалъ нелогически. Ни присяжные, ни судъ (и совершенно основательно) не приняли въ уваженіе этого заключенія эксперта, и прокуроръ Громницкій вполнѣ опровергъ его, выведя на путь логическихъ дѣйствій человѣческой воли. Никитинъ осужденъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 8 мѣсяц. съ ограниченіемъ правъ. Съ легкой руки скорыхъ, радикальныхъ реформъ, молодое общество уже не довольствуется оцѣнять событіе по внутренему убѣжденію, по совѣсти; оно хочетъ идти далѣе, оцѣнять данные поступки по указаніямъ и общимъ началамъ науки, и при томъ не только психологіи и психіатріи, но логики. Нелогично дѣлать зло, совершать преступленіе: слѣдовательно воля подавлена, и дѣяніе не вмѣняется. Да. Но, Боже мой, что же въ этомъ сѣрьезнаго и прочнаго?

Сегодня „Судебный Вѣстникъ“ извѣстилъ о рѣшеніи знаменитаго дѣла о подполковникѣ Постовскомъ гражданскимъ департаментомъ Московской Палаты, которому оно было передано по рѣшенію 14 Іюня 1868 г., кассаціоннымъ департаментомъ. Извѣстіе это привело меня въ большое смущеніе. Я всегда дорожилъ и дорожу гарантіями личности въ подчиненности, въ гражданскихъ сдѣлкахъ и въ печати. Несчастный этотъ Постовскій былъ преданъ суду за обманы Московскою палатою и признанный виновнымъ присяжными, осужденъ къ лишенію правъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь. Кассаціонный департаментъ отмѣнилъ (три) опредѣленія Палаты о преданіи суду, рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда, и передалъ дѣло въ другой департаментъ. Не пытка-ли это? Довести дѣло до публичнаго (всемосковскаго, я тогда былъ въ Москвѣ) осужденія въ Сибирь и потомъ открыть, что подсудимаго и суду предавать не слѣдовало. Что же это за гарантіи личности! Другой“ (гражданскій) департаментъ Московской Палаты снова предаетъ его суду на основаніи 2 п. 174 ст. Миров. Уст. (за мошенничество). Въ смущеніи моемъ я обратился къ товарищамъ моимъ: старѣйшему, Беру, къ докладчику 14 Іюня, Стояновскому и къ редактору судебныхъ уставовъ, Зубову. И что же? Они находятъ послѣднее постановленіе правильнымъ. Ну не пытка-ли это? Положимъ, что этотъ отзывъ поверхностенъ, положимъ, что по новой жалобѣ возстановится рѣшеніе 14 Іюня, но разумѣется, по принятому порядку, послѣ новаго присяжнаго, всемосковскаго осужденія,—положимъ, что самое пресловутое

рѣшеніе это, исполненное самыхъ сбивчивыхъ соображеній, неправильно. Положимъ. Но не пытка-ли это? Какія тутъ гарантіи? Какой залогъ пользы и твердости? И какой исходъ? Какъ это прояснится? Подожду. Но не скрою: новый судебный порядокъ, теоретически выработанный, непрактически введенный, не внушаетъ мнѣ довѣрія, и только неопытность и боязненность гр. Ф. д. Паленыхъ оставляютъ его въ своей силѣ.

Въ Москвѣ, 19 Ноября (день кончины Филарета) протоіерей Ключаревъ говорилъ знаменательное слово о современномъ человѣкѣ и о христіанинѣ. Задача смѣлая, попытка православнаго священника благородная и выборъ дня удачный. Но самый взглядъ на дѣло поверхностный, и разрѣшеніе его текстами, довольно счастливо прибранными, немножко буквально и слабо. Конечно, православный учитель не такъ сильно нападаетъ на современность и духъ времени, какъ Пій IX въ своихъ аллокуціяхъ и силлабусѣ: но и православный тоже нападаетъ, и при томъ съуживая понятіе о современности до понятія о модѣ и жгучихъ вопросахъ дня. Есть мѣста одушевленныя и картинныя, но въ цѣломъ вся проповѣдь видимо подъ гнетомъ условныхъ понятій и ученій. Должно сказать, что современность споритъ и ссорится не съ догматами Христа (кто не приметъ ихъ? Эту любовь, эту терпимость, это самоотверженіе), а съ церковью, которая вѣками выработала вѣроученіе, вѣроустройство и обрядность въ видахъ не совсѣмъ тожественныхъ съ Христовыми. Виды эти большею частію, корысть и властвованіе, опирающіяся преимущественно на невѣжествѣ народа. Придавать этимъ установленіямъ божественное свойство ученія Христа для современнаго человѣка невозможно, и это смѣшеніе вредитъ прежде всего самой церкви, подрывая довѣріе къ ней и ея авторитетъ, обязательность котораго давно упразднена самимъ временемъ. Когда-то Шатобріанъ пророчилъ еще больше прежняго торжество католицизма при геніальномъ папѣ; предсказывалъ это и Маколе, усматривая особенную живучесть его въ окрѣпшей отъ вѣковъ организаціи. Католицизмъ видимо падаетъ. Я думаю: возбудить и усилить *религіозное чувство и духъ* могъ бы новый Лютеръ.

Съѣздъ іерарховъ и генералъ-губернаторовъ предвѣщаетъ новыя коренныя преобразованія. И нельзя сказать: не пора ли остановиться? На склонѣ по пути преобразованій надобно идти до конца, и идти сознательно; иначе скатишься невольно. Устройство церкви и духовенства крайне необходимо. Знаменитые святители, Филаретъ и Сѣмашко, отошли въ вѣчность и упраздненіемъ своихъ авторитетовъ оставили свободнымъ поле преобразованій. Церковь, и при этихъ авторитетахъ, была слишкомъ поглощена государствомъ. Ей необходимо

дать болѣе независимости; но чтобы эта независимость не обратилась въ порабощеніе народа невѣжествомъ, надобно: 1) усилить проповѣдь. 2) уменьшить обрядность, и 3) уничтожить сословность духовенства. Все это сдѣлаютъ, но старый порядокъ такъ глубоко вкоренился, что нововведеніе на долго останется однимъ звономъ. Отъ Иннокентія же я и не ожидаю сочувствія новшествамъ. Онъ, Алеутъ, скорѣе считаетъ и сочтетъ себя призваннымъ отстаивать старину.

Какія грустныя извѣстія изъ внутреннихъ губерній передавали мнѣ сегодня два предводителя дворянства, если вѣрить! Какъ пагубно объявляется на мѣстѣ такъ назыв. самоуправленіе! Какой раздоръ въ передѣлахъ семействъ, какая нищета въ народѣ, какъ безплодны, вредны заработки на усиленныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, открывающихъ два безнравственныя поприща: спекуляціи и пьянству! Спекуляціи, торгующейся и съ Петербургскими чиновниками (по выше), для обузданія которыхъ понадобилось высоч. утвержденное циркулярное положеніе Комитета Министровъ, и съ представителями земства (по выше), которые входятъ въ сдѣлки съ банкирами и крупными подрядчиками. Пьянство, пожирающее весь заработокъ и проникающее нищетою и порочностію въ сельское населеніе, воспитываемое на волѣ самоуправленія. А въ Михайловскомъ театрѣ Деверія поетъ: Dis moi, o Venus, pour quoi aimes tu à voir cascader notre vertu? Въ Александринскомъ театрѣ Лядова поетъ: Скажите, о боги, зачѣмъ веселиться, когда наша честь кувыркомъ полетитъ? И театры полны, и театралы подносятъ дорогіе подарки. Въ Петербургѣ роскошь страшная, камелій не оберешься. И денежныя награды и раздача земель и имѣній продолжается. Да, но куда же мы идемъ и куда же мы придемъ?

Кассація меня давитъ. Масса дѣлъ невыносимая, и все напаливаетъ и все прибываетъ. Теперь, чтобы двинуть накопившуюся массу, рѣшили, чтобы, независимо отъ текущихъ дѣлъ, разсматриваемыхъ въ совѣщательныхъ и открытыхъ засѣданіяхъ, раздать всѣмъ сенаторамъ по 50 дѣлъ, которыя сенаторъ докладываетъ въ открытомъ засѣданіи, по предварительномъ соглашеніи съ оберъ-прокуроромъ. Это какая-то домашняя сдѣлка, паллятивная мѣра, готовая обратиться въ общій для всѣхъ дѣлъ порядокъ и переносящая весь центръ тяжести кассаціоннаго порядка на оберъ-прокурора. Вообще, по моему мнѣнію, опытъ двухъ лѣтъ вовсе не доказалъ, чтобы ручательства правосудія, данныя уставами 20 Ноября 1864 г., огражденіе которыхъ составляетъ все призваніе кассаціоннаго Сената, были вполнѣ удовлетворительны: скажу болѣе и достаточно опредѣлительны, скажу болѣе, способны къ усвоенію обществомъ, скажу еще болѣе—и точно поняты самимъ верховнымъ судилищемъ, столь мощнымъ и столь обязательнымъ въ

своихъ дискреціонныхъ, произвольныхъ толкованіяхъ! А эти для всѣхъ обязательныя толкованія уже и теперь исполнены противорѣчій. Подобныя учрежденія подрываютъ сами себя. Странно! До сихъ поръ положеніе мое довольно фальшиво: я не только не признаю кассацію достаточною для водворенія правильнаго правосудія, но и не вѣрю въ ея будущность.

Процессъ Вердеревскаго (хлѣбосолъ съ братомъ, въ Нижнемъ) поражаетъ своею наглостію, отсутствіемъ всякаго контроля управленія и терпимостію общества, которое не только знало, но пользовалось расхищеніемъ казеннаго имущества. Шиловская-Бѣгичева, дочь Вердеревскаго, привезла адвокату (Лохвицкому) 5 т. р.; но адвокатъ, проболтавъ 2 часа, ничего сдѣлать не могъ, прикрывшись формальностію доказательствъ XV т. давно ни для кого необязательнаго. Кто защитникъ малыхъ? Бюджетъ слишкомъ ростетъ отъ расточительности.

Никакъ не могу добиться проповѣдей инспектора Ярославской семинаріи Вас. Орлова, о которыхъ въ газетныхъ объявленіяхъ, въ видѣ рекламы, трубитъ, съ голоса учебнаго комитета, самъ Святѣйшій Синодъ указомъ всему духовенству. Во всякомъ случаѣ это должно быть замѣчательное сочиненіе. Похвалы синодскаго указа могутъ быть преувеличены, но и убавивъ ихъ, остатокъ долженъ быть замѣчателенъ. Не шутку же придумалъ о. Василій и ученый комитетъ и весь Святѣйшій Синодъ и самъ оберъ-прокуроръ. Но почему такихъ прославленныхъ проповѣдей нѣтъ въ общемъ обращеніи? Удивительно.

Все это время я дурно чувствую себя нравственно и физически. Посѣтили меня Княжевичъ, Замятнинъ и Казначеевъ. Первый между прочимъ, по обыкновенію, передаетъ, какъ перевести: умный тайный совѣтникъ—conseillier privé d'esprit, и bien-être général—хорошо быть генераломъ. Замятнинъ разсказалъ о своемъ увольненіи, вслѣдствіи дѣла Протопопова-Кошкуля, много нехорошаго разсказалъ о Пинскомъ и Данзасѣ. сидѣлъ очень долго. Старый другъ Казначеевъ повторилъ не разъ: „я отъ работы не прячусь“. Боже мой, какъ люди мельчаютъ! Какіе интересы способны занимать ихъ!

Но вотъ и годъ кончается, годъ тяжелый и, какъ всегда, неясный. На Рейнѣ, на Прутѣ, на По и Майнѣ событія не подвинулись, но зрѣютъ. Этотъ видимый внѣшній застой не препятствуетъ развитію прогресса внутренняго, и вопросы церковный, рабочій и женскій неустанно требуютъ разрѣшенія и выражаются въ несомнѣнныхъ явленіяхъ жизни. Несомнѣнно мы идемъ впередъ, и самое облегченіе человѣчества сближаетъ его съ великимъ ученіемъ будущности, которая сказала Риму: Нѣсмь отъ міра сего. 31 Декабря 1868 г.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1868-й годъ.

Читаю я отчетъ государственнаго контроля за 1867 г. Результаты превосходные. Расходы противъ 1866 г. уменьшились до 15 милліон., и государственное казначейство имѣло въ своемъ распоряженіи свободныхъ отъ росписи 1867 г. суммъ при исполненіи росписей послѣдующихъ лѣтъ до 30 милліон. Да чего же лучше? Правда, расходы и умножились. Умножились на $7^1/_2$ милліон. Но это увеличеніе произошло отъ обстоятельствъ временныхъ, единовременныхъ (Ольга Константиновна, пріѣздъ короля, путешествія внутри и за границею и др.), а уменьшеніе относится къ условіямъ нормальнымъ. Чего же лучше? Едва ли все такъ хорошо. Убытки на курсѣ, правда, не скрыты, но не выведены эти убытки по оборотамъ торговли и банка. Вообще банковыя операціи стоятъ какъ бы внѣ контроля. Да и всѣ-ли счеты тутъ значатся? И жандармы, и подкупъ печати, и Славянскія субсидіи?

Какъ трудно укладывается наша кассація, можно видѣть и изъ того, что сенаторъ Ганъ, никогда не бывшій юристомъ, назначенъ въ кассаціонный департаменъ, и изъ того, что этотъ эмиссаръ, послѣ двухнедѣльныхъ занятій, отказался и отъ занятій, и отъ увеличеннаго оклада, потому, какъ объяснилъ министру, что матеріальный трудъ неисполнимъ и не подъ силу въ извѣстномъ возрастѣ, и что часто мелочность и ничтожность занятій унижаютъ достоинство государственнаго положенія. Комедія-ли это, съигранная для того, чтобы чрезъ опороченіе кассаціи попытаться подорвать весь новый порядокъ суда, къ которому ММ-гъ де-*Вѣсть* и де, „взамнаго поземельнаго кредита“ стоятъ самымъ враж-

*) См. выше, стр. 465.

дебнымъ образомъ, но и въ преувеличеніяхъ Гана есть своя доля правды. Мы дѣйствительно, и при $2^1/_2$ округахъ, завалены жалобами, и жалобы эти часто до того безсмысленны, безграмотны и ничтожны, что себѣ не вѣришь, чтобы послѣ занятій на высшихъ государственныхъ постахъ 35 лѣтъ, пришлось, какъ помощнику секретаря, заниматься сырымъ матеріаломъ, масса котораго подавляетъ всѣ усилія. Эта масса и невольныя противорѣчія въ толкованіяхъ, способныя произвести смуту въ умахъ и убѣжденіяхъ подсудимыхъ, судей и юристовъ—вотъ два главные врага кассаціи, и они ее подроютъ и подмоютъ. Кассація родилась изъ злоупотребленій королевской власти, вторгавшейся, чрезъ государственный совѣтъ, въ суды и парламенты. У насъ она и теперь уже давитъ единичное учрежденіе и кишитъ противорѣчіями рѣшеній за $2^1/_2$ года. Очевидно, что составители не дали себѣ точнаго отчета о томъ, какъ разовьется кассація и имѣются-ли на мѣстахъ достаточныя средства не только въ юристахъ, но даже въ грамотности. Мы теперь озабочены, какъ бы помочь дѣлу. По мнѣнію моему два условія необходимы: ограничить кассацію на съѣзды тюремнымъ заключеніемъ и установить немудреную, самую непривязчивую, но опредѣленную форму кассаціонной жалобы. Всѣ наши учрежденія задумываются непрактическими людьми очень широко: свобода и самоуправленіе крестьянъ, земство, свобода печати, свобода питейной торговли и др. и обязательныя послѣдствія вызвали ограниченія и изъятія. Натура широкая не требуетъ развитія, а скорѣе обузданія и направленія.

Пріѣздъ князя Черногорскаго, по крайней мѣрѣ, не во время,—когда безпокойства въ христіанскихъ областяхъ Турціи и безъ того даютъ такъ много поводовъ Бейстамъ и гласности обвинять Россію (и не безъ основанія) въ подстрекательствѣ. Кн. Николай принятъ очень ласково; онъ и на завтракахъ, и на обѣдахъ у Государя, и на парадахъ, и въ царской ложѣ въ театрахъ; его посѣтили великіе князья, канцлеръ и кн. П. П. Гагаринъ. Домъ (Шипова, у Николаевск. моста), экипажъ и содержаніе отъ двора. На другой же день ему пожалована лента Бѣлаго Орла. Личные знаки вниманія ото всѣхъ повсюду. Вопросъ: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Болѣе важный вопросъ: вò время-ли онъ пріѣхалъ? Въ Парижѣ идетъ конференція о примиреніи Турціи съ Греціей (конференція безплодная, потому что примиреніе съ Исламомъ невозможно), а на Грецію смотрятъ всѣ Турецкіе Славяне; вò время-ли Черногорскій владыко, въ Январѣ, пріѣхалъ изъ Цетиньи въ Петербургъ? Если эта неловкость доказываетъ безнадежность Турціи, то она извинительна; но едва-ли и послѣ признаній Стенли Европа откажется отстаивать Турцію.

Проводы Лукки и встрѣча Аделины Патти (маркизы де-Ко) имѣли какой-то царственный видъ. Оваціи имъ походятъ на народныя мани-

фестаціи. Подарки, имъ приносимые, имѣютъ значеніе наградъ національныхъ. Петербургъ торжествуетъ, Петербургъ въ упоеніи.

Но, Боже мой, гдѣ же тутъ правда? Пьянствующій, невѣжественный, голодающій народъ ждетъ отъ васъ хлѣба, а вы бросаете ему камень; онъ проситъ школы, а отъ васъ летитъ къ нему афишка. Онъ желаетъ отрезвленія, а вы опьянѣли сами.

Какъ овладѣваетъ мною мизантропія, какъ тяжело мнѣ смотрѣть на эту безумную роскошь (100, 200 р. за ложу, 500 р. за букетъ,— за снопъ ландышей), на эти необузданные аплодисменты и вызовы! Нынче мнѣ особенно грустно заносить мой обычный плачъ еще и потому, что сегодня скончался даровитый нашъ маэстро Дорогомыжскій и въ газетахъ читается прекрасный приказъ генерала Трепова о смерти (бывшаго городоваго стража) надзирателя Тяпкина. Молодецъ этотъ бросился на несущуюся по Невскому тройку и былъ смятъ ею подъ сани. Освободившись, онъ вскочилъ и взялся за возжи, но упалъ безъ чувствъ, у него переломаны были ребра и ноги. Приказъ дѣлаетъ честь нашему очень популярному оберъ-полиціймейстеру. Лукка, Патти, дайте концертъ въ пользу семейства!

Опять записываю: я постоянно чувствую ослабленіе физическихъ и умственныхъ силъ и едва ли вынесу массу и требовательность нашей кассаціи. Начинаютъ болѣть и глаза, какъ лѣтомъ 1863 г. Много и нравственной неудовлетворительности. Кассація меня пугаетъ не своимъ могуществомъ, но запутанностію канцелярской казуистики, которая и теперь уже сильно развилась въ кругу малограмотныхъ провинціальныхъ писакъ, пробавляющихся безчисленными ссылками на кассаціонныя рѣшенія. Чувствуешь какую-то неопредѣленность, случайность въ отправленіи высшаго, руководящаго правосудія и невольно робѣешь быть участникомъ въ смутѣ понятій по столь важному дѣлу. Я думаю, это имѣетъ большое вліяніе на мою безсонницу, которую я приписывалъ ревматизму въ правой рукѣ, очень чувствительному при нашихъ частыхъ атмосферическихъ перемѣнахъ. Сегодня 17°, а завтра оттепель.

Много противорѣчій новаго мироваго устава со старымъ Уложеніемъ, а я болѣю! Между тѣмъ какъ женящаяся молодежь (Семенъ и Парменъ) веселятся съ утра до утра; умирающій дядя ихъ, А. А. Боборыкинъ не знаетъ, гдѣ преклонить голову и вѣроятно кончитъ страдальческую жизнь гдѣ нибудь въ чужихъ людяхъ. Слабы и слабѣютъ семейныя связи. Жаль мнѣ бѣднаго Александра, а виноватъ самъ и виноватъ неизвинительно, своею неумѣлостію и своимъ упрямствомъ.

NB. Письмо отъ Павла Теплова (о пребываніи брата въ Молдовомъ) успокоиваетъ меня—что братъ въ добрыхъ рукахъ. Странно-любецъ Павелъ замѣчательно добрый человѣкъ. Дай Богъ! Я такъ

сокрушался положеніемъ немощнаго и безпріютнаго старика. Писалъ сестрѣ Полинѣ, писалъ сосѣду-доктору Герольдштейну, но вѣрно больной и бѣдный старикъ можетъ расчитывать на пріютъ только у странно-любцевъ.

Сидѣлъ у меня Шиповъ, А. П., агитаторъ. Онъ разсказывалъ о подкупахъ и злоупотребленіяхъ при исходатайствованіи концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ: обогащенія колоссальныя! Но кто же платитъ? Земство и государство, т. е. подать. Но подать и безъ того тяжела, индѣ невыносима. Она ростетъ непомѣрно. Уже въ 1863 г. она съ 38 возросла до 46 мил. р., а по росписи на 69 годъ она требуетъ уже $94^1/_4$ милліоновъ. Она однихъ процентовъ по займамъ (вмѣсто $57^1/_2$ въ 1863 г.) платитъ 76 милліоновъ. Гдѣ же ей вознаграждать г.г. Дервизовъ, кн. С. А. Долгорукаго, гр. Адлерберга, А. Шереметева, сенатора Гернгросса и tutti quanti? Непомѣрныя обогащенія и случайность ихъ, вмѣстѣ съ непомѣрною шаткостію ученій и отношеній, суть знаменія отходящей среды и приближенія грядущей эпохи. Она скоро покажется. Она ломится всѣми путями. Дай Богъ, чтобы нервичность моя меня обманывала; я же начитался старика Гизо—Méditations, troisième série, который уже „20 лѣтъ примѣряетъ свой гробъ“. Нѣтъ, я не согласенъ съ Гизо. Онъ слишкомъ мало отводитъ мѣста интересамъ матеріальнымъ, хлѣбу насущному, соціализму. Подать есть элементъ соціальный. Наше время развило его сильно. Грядущая эпоха должна уничтожить монополіи и установить: какъ эту подать собирать и какъ ее распредѣлять.

Валовой доходъ по росписи на 1869 г. предположенъ въ 432 милліона (вмѣсто 347 въ 1863 г., когда уже установилось единство кассъ) и въ томъ числѣ wodka—$132^1/_2$ милліоновъ. Непомѣрное увеличеніе!

Пребываніе князя Николая Черногорскаго здѣсь и въ Москвѣ продолжается съ порядочнымъ тактомъ. Безтактность въ самой поѣздкѣ, во всѣхъ отношеніяхъ неблаговременной. Петербургъ встрѣтилъ и угощаетъ гостя оттепелью, но ѣхать съ Черной горы въ Декабрѣ—Январѣ, нельзя назвать рискомъ. Это—необходимость, крайность. Въ чемъ же заключается эта крайность? Въ разрывѣ Турціи съ Греціей, въ готовности возстанія соединенныхъ княжествъ, Болгаріи и Сербіи? Или князю очень захотѣлось калачей и самоваровъ Московскихъ и раздать Русскимъ ревнителямъ орденъ „независимости Черногоріи?“ (Вполнѣ покорившейся Турціи по трактату 9 Сентября 1862 г.)? Распря Турціи съ Греціей непримирима, и возстаніе Кандіи послужитъ сигналомъ къ общему возстанію христіанскихъ племенъ на Балканѣ. Тамъ непремѣнно что нибудь соглашено, приготовлено и затѣвается.

Я посѣтилъ старую знакомую графиню Неонилу Оруркъ (m-me Груберъ), старѣющую кокетку и пройдоху. Еваретинька ея (по имени прежняго мужа) по 4 году, такой избалованный, дрянной мальчикъ, что я любопытенъ знать, что̀ изъ него выйдетъ и что̀ онъ будетъ со временемъ. Да и будетъ-ли онъ жить?

Къ несчастію моему, споры мои съ товарищами продолжаются и начинаютъ принимать широкіе размѣры. Дѣло идетъ, между прочимъ, о допросѣ подъ присягою, ст. Уст. Уг. Суд. 98 и объ уголовно-гражданской подсудности, стт. Уст. Суд. Граж. 8 и Угол. 27 и друг. Прецеденты Сената уже внесли смуту въ понятіяхъ этихъ положеній, и отъ меня требуютъ, чтобы я принялъ и разобралъ и согласилъ эти прецеденты. Это немного много. Я согласенъ, что мы должны блюсти единство, но не окаменѣемъ-ли мы въ буквальности разъ выраженнаго воззрѣнія, и выраженнаго при томъ ошибочно? Коллеги мои безпрестанно повторяютъ, „что напрасно тогда-то коснулись этого вопроса“, „слишкомъ рѣзко будетъ противорѣчить недавнему рѣшенію, лучше теперь смолчать, обойти“, „есть и такое и иное рѣшеніе, надо держаться послѣдняго“. Знаю я, что рѣшенія для меня обязательны, знаю и давно предвидѣлъ горечь этой обязательности, но, молодая кассація, не лучше ли, въ первые годы, предоставить воззрѣніямъ болѣе свободы, чтобы практика могла выработаться всестороннѣе? Особенно несогласны со мною Н. И. Стояновскій и Б. Н. Беръ, которыхъ я всегда считалъ par excellence чиновниками.

Я такъ недоволенъ моимъ положеніемъ, весьма стѣсненнымъ, что готовъ оставить кассацію и отказаться отъ ея круглыхъ окладовъ. Меня только занимаетъ вопросъ: выходъ мой не повредитъ ли новому судебному порядку, т. е. не дастъ-ли поводъ г.г. „Вѣсти“ возвѣстить о несостоятельности этого порядка? Несостоятельность его матеріальная очевидна. Какъ одному департаменту справиться съ этою массою кассаціонныхъ жалобъ, безформенныхъ, безграмотныхъ и безтолковыхъ, съ 30, 40 губерній, гдѣ введены земства и вводятся мировыя учрежденія?!

Сегодня рѣшается (сомнѣваюсь) дѣло объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ Ошмаренко, его любовницы, ихъ служанки и гимназиста Сережи. Обвиняются солдатка Дарья Соколова, дворникъ съ женою и прачка. Дѣло чрезвычайно важное. Весь Петербургъ напросился присутствовать. Я не поѣду. Сличи 2 ч. XV т. Я никакихъ уликъ не вижу ни противъ дворника и его жены, ни противъ прачки, которая, кажется, у Ошмаренковыхъ и не бывала. Виновность или участіе Соколовой несомнѣнны: она сама созналась, у нея найдено поличное. Загадочно одно: могла ли женщина одна, въ Іюньскую ночь, совершить четыре

убійства и, совершивъ, не воспользоваться капиталами Ошмаренко, оставленными въ котлѣ кухни (мѣсто!). Товарищи мои будутъ присутствовать. Я ожидаю путаницы. Дворникъ и прачка не изобличаются. Сегодня не кончено. Ничего не слышно. Ольга Данзасъ говоритъ, что судопроизводство не представляетъ ничего интереснаго. А путаница будетъ.

NB. Соколова, какъ укрывательница, осуждена на 12 л. каторги. Прочіе оправданы. Товарищи мои, измученные засѣданіями двухъ сутокъ, очень недовольны веденіемъ дѣла.

„Правит. Вѣстникъ“ оказывается листомъ довольно безцвѣтнымъ, безсмысленнымъ и ничтожнымъ. Никакого интереса въ немъ нѣтъ. Это голая формальная оффиціальность. Посмотримъ, что̀ будетъ съ г. Григорьевымъ (оріенталистомъ). Г-нъ П. Семеновъ не съумѣлъ сообщить ему никакой занимательности. Вотъ уже 22-й №, а интереса—никакого. Я говорю отъ имени большой публики, а не чиновничества, которое можетъ найти любопытнымъ и всѣ эти примѣры и наказы, печатаемые весьма своевременно.

Вчерась жена была во Французскомъ театрѣ и очень довольна своимъ (такъ рѣдкимъ) посѣщеніемъ. Но я не совсѣмъ этимъ доволенъ. Впрочемъ причиною и виною этому—я. Винюсь. Не понимая одиночныхъ, врозь съ семьей, удовольствій, я тѣмъ менѣе понимаю это въ женѣ, еще болѣе преданной семейству, и особенно теперь, когда изъ Орла получаются самыя грустныя извѣстія. Жена слишкомъ озабочена мною и ищетъ какого нибудь облегченія, не находя во мнѣ ничего кромѣ той же заботы и удрученій. Вообще, со времени продажи Рябинокъ я замѣчаю въ ней большую раздражительность и большую неувѣренность. Иногда неувѣренность эта переходитъ въ подозрительность; ей думаются намеки, униженіе, презрѣніе къ ея особѣ. Перемѣна эта для меня особенно чуствительна потому, что она сдѣлалась холоднѣе ко мнѣ; боюсь, чтобы выраженіемъ участія и любви не дать повода заподозрить ее въ неискренности. Тяжелое для бѣдной жены время, тяжелѣе котораго еще не было. Наступятъ лучшіе дни, когда она получитъ часть свою изъ проданнаго имѣнья. И этотъ пунктъ—если со мною будетъ все благополучно—будетъ началомъ новаго, лучшаго періода и для здоровья, и для душевнаго настроя. А надобно замѣтить и то, что и самъ я не въ нормальномъ состояніи: эти крутыя преобразованія, эта вызывающая гласность, эти скорыя раззоренія дворянскихъ гнѣздъ, эти Мазурины, Даниловы, Горскіе, Соколовы раздражили меня, и наступившая кассаціонная смута далеко не въ состояніи дать мнѣ опору и успокоеніе. Я тоже сдѣлался подозрителенъ, нетерпѣливъ и завзятъ то Катковымъ, то „Вѣстью“. И для меня это едва-ли не самое

трудное время въ моей жизни. Я же всегда былъ склоненъ на внѣшнее неудовольство и внутренній ропотъ. Вчерась племянникъ мой сказалъ, что въ обществѣ говорятъ, будто эти Арцимовичи, Буцковскіе, Стояновскіе и Ковалевскіе не чужды польщизны и рады произвести смуту кассаціонными рѣшеніями; я почти согласился на возможность подобнаго предположенія, рѣшительно ни на чемъ неоснованнаго. Почти, но вѣдь это *почти*—есть болѣзнь!

Передо мною Саксонскія уложенія 30 Марта 1838 г. 11 Августа 1865 г. и послѣднее, пересмотрѣнное, 1 Октября 1863 г. Какая трезвость, постепенность и осторожность въ развитіи закона! Сравню я Уложеніе наше 1845 г. съ Уложеніе 1857 г. (ни малѣйшаго движенія, кромѣ безсмысленнаго накопленія арестантовъ, вызвавшаго законъ 23 Ноября 1853 г. столь неравноправный для наличныхъ арестантовъ) и наконецъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ миров. судьями. Это не развитіе, а извращеніе закона. Пониженіе наказаній непомѣрное. Въ Саксонскомъ законѣ 1838 г. за простое воровство (§ 223) въ пять талеровъ опредѣляется тюрьма до 6 недѣль; свыше 10 талеровъ,—рабочій домъ до 2 лѣтъ. По уложенію 1868 г. 5 талеровъ изчезли, а за воровство въ 10 талеровъ опредѣлена тюрьма до 4 мѣсяцевъ, а свыше 10 до 50 талер. тюрьма отъ 2 до 4 мѣс. или рабочій домъ до 2 лѣтъ. У насъ, богатыхъ людей, 169 ст. уст. мир. суд. начинаетъ кража прямо съ 300 р., опредѣляя виновному тюрьму до 6 мѣсяцевъ, которая по 171 и 173 (въ частыхъ случаяхъ) сокращается на половину. Не говоря уже о патріархальныхъ дѣленіяхъ Свода 1832 и 1842 г., воровства по рублямъ и копѣйкамъ, въ Уложеніи 1845 г. за кражу до 30 р. назначается рабочій домъ до 6 мѣс., а за кражу до 300 р. уже арестантскія роты до 2 лѣтъ, не считая покойныхъ розогъ. Послѣдовательно! Мировой уставъ нашъ составленъ даровито и удачно (д. с. с. Перецъ), но онъ дурно соглашенъ съ Уложеніемъ и совсѣмъ не соглашенъ съ Уст. Угол. Судопр. (наприм. важная 328 ст. Уст. Суд. говоритъ о степеняхъ, которыхъ въ уставѣ мир. суд. вовсе нѣтъ, и законъ неисполнимъ). Судьямъ—словами: „можетъ“ онъ даетъ произволъ, который не ограждается ничѣмъ, ни условіями событія, ни требованіями апелляціи или кассаціи. Вообще, мировой уставъ расчитываетъ болѣе на совѣсть, нежели на законъ, и болѣе на чувство, нежели на логику, болѣе на совершенство, нежели на недостатки. Вообще, повторяю: не отвергая многихъ достоинствъ новаго суда, я нахожу многое въ немъ введеное опрометчиво и явно несообразно, между прочимъ и эта кассація со всѣхъ концовъ имперіи въ одномъ д-тѣ, уже и теперь запружепномъ массою дѣлъ, не смотря на ограниченія, постановленныя 1 Іюня 1868 г. А безконтрольность наша? Вотъ вопросъ!

Повсюду балы, туалеты и танцы, пріѣзжаютъ въ 12, разъѣзжаются въ 5 и позже. Все это *было* въ порядкѣ вещей, а теперь сплыло, и матушки, выходящія изъ себя, чтобы ихъ дочь перещеголяла другихъ, совсѣмъ не понимаютъ настоящаго времени. Нынѣ надобно щеголять скромностію и высокимъ образованіемъ или замѣчательными талантами въ музыкѣ, пѣніи, живописи. Думаю я о тебѣ, моя милая Наташа. Коклюшъ измѣнилъ мою программу, но я скоро выдвину ее снова на сцену и посмотрю, какъ высоко ты станешь по образованію сравнительно съ этими Аннетами, Александреттами, которыя напитаны блестящими курсами м-me Трубà и заграничными поѣздками. Боже мой, сколько тутъ пустоты, мишуры, поверхности! И кто же рѣшится жениться на этой ничтожности! И чтò имъ остается дѣлать, не выходя замужъ, какъ не удариться въ кокетство и—пожалуй—въ нигилизмъ. Ты, моя скромница, можешь и не выйти за мужъ, но ты не будешь плясать шесть разъ въ недѣлю и найдешь другія занятія въ маленькомъ твоемъ кабинетѣ, посреди гравюръ, цвѣтовъ и рояля, возлѣ твоей библіотеки и рабочаго столика. Мы возвратимся къ нашей программѣ, запасшись здоровьемъ, сегоднешнею осенью, если Богъ позволитъ. Почивай, мой ангелъ! Я поздно воротился.

Читаю новый томъ Гнейста: „Verwaltung“, по Англійскимъ и Нѣмецкимъ порядкамъ съ особеннымъ отношеніемъ къ правительственнымъ реформамъ и провинціальному (уѣздному) устройству въ Пруссіи. Хозяинъ и мастеръ своего дѣла, знаменитый профессоръ и депутатъ въ этомъ томѣ стоитъ едва-ли не выше нежели въ предшествовавшихъ. Слышна бóльшая политическая зрѣлость государственнаго человѣка, болѣе возвышенности и ясности въ сравнительномъ изложеніи порядка учрежденій и ихъ взаимнодѣйствія. Но и прежде и теперь я нахожу, что Гнейстъ слишкомъ много придаетъ значенія вообще учрежденіямъ. Гораздо важнѣе ихъ по моему мнѣнію условія благосостоянія: недвижимая собственность и народное просвѣщеніе. Эти условія въ Англіи представляются не совсѣмъ въ благопріятномъ видѣ. Magna carta и главный присяжный дали Англіи большія преимущества предъ материкомъ, но они не могли распространить въ народѣ благосостояніе и просвѣщеніе.

Представленіе министра внутр. дѣлъ о запрещеніи газеты И. С. Аксакова „Москва“ и объясненія редактора (на 28 лист.) слушаны въ 1 департаментѣ 29 Января и по разногласію перенесены въ общее собраніе (первое), гдѣ назначено къ докладу 7 Февраля. Быстро! Вел. Кн. Владимиръ и большинство соглашаются съ министромъ. Сенаторы (вотъ куда забивается оппозиція) Любимовъ, Веневитиновъ и Веймарнъ не соглашаются, полагая, что запрещеніе должно быть про-

изнесено судомъ, судебнымъ департаментомъ Сената. Большіе толки, и много шуму. Я не совсѣмъ понимаю это разногласіе въ виду 30 ст. закона 6 Апрѣля 1865 г. „Москва“ столько представляла поводовъ къ предостереженіямъ, что примѣненіе 30 ст. къ этой газетѣ могло возбудить сомнѣніе не о судѣ. 1-й департаментъ указалъ точно о продолжительности періодовъ времени, когда дѣлались предостереженія.

Только все это похоже на комедію: запретятъ „Москву“, явится „Москвичъ“. Правительство вызвало духовъ и не умѣетъ заговорить ихъ.

Восемнадцатый томъ Исторіи Россіи Соловьева. Трудъ почтенный. Окончивъ царствованіе Петра I-го, историкъ дѣлаетъ оцѣнку „этого величайшаго историческаго дѣятеля“ въ средѣ „великаго народа“, утопавшаго въ безъисходномъ старомъ порядкѣ. Шесть томовъ эпохи преобразованія написаны Соловьевымъ пристрастно, подъ вліяніемъ самовосхваленія, которое охватило насъ послѣ Севастопольскаго погрома и въ виду нетерпѣливыхъ преобразованій настоящаго царствованія. Не оспаривая значенія величайшаго дѣятеля, вдвинувшаго насъ, Азіатцевъ, въ Европу, я не раздѣляю энтузіазмъ Ломоносова и проч. до Соловьева къ реформамъ Петра, стоившимъ столькихъ жертвъ—часто напрасныхъ,—и думаю, что дѣло преобразованія пошло бы лучше, если бы направленіе его было болѣе внутреннее, нежели внѣшнее, и если бы величайшій дѣятель довѣрилъ развитіе коренныхъ началъ: личной заслуги, коллегіальности, науки—болѣе времени, нежели деспотизму своей геніальной воли. Эта самоувѣренность породила централизацію и преобладаніе новаго, Петербургскаго, правительства, которое, какъ изданное не изъ жизни народа, a priori, отдѣлилось отъ Россіи и даетъ ей себя чувствовать только налогами и повинностями. Геніальная личность Европейскаго императора внесла въ Азіатскую среду не прежній, а систематическій деспотизмъ, какого Россія никогда не знала, и передала эту странную власть своимъ преемникамъ, мало способнымъ, еще менѣе достойнымъ; а въ ихъ рукахъ этотъ деспотизмъ, подъ вліяніемъ предуготовленнаго вліянія знатоковъ-иностранцевъ, вылился въ холодный, чуждый всякаго общенія съ страною, формализмъ, продолжавшійся едва-ли не „до сегодня“.

Повторю прежнее замѣчаніе: Исторія Соловьева есть послѣдовательный сборникъ, указатель матеріаловъ, критика, разработка этихъ матеріаловъ, но не исторія. Для науки сочиненіе Московскаго профессора не имѣетъ ни должнаго спокойствія, ни необходимаго достоинства рѣчи. ни даже обдуманнаго систематическаго расположенія. Книга отзывается журналомъ. Историкъ напоминаетъ публициста,

Кто бы и что бы ни говорили, но движеніе умственное, литературное и промышленное, движеніе политическое и соціальное есть; оно очевидно, осязательно. Я не говорю объ агитаціяхъ, къ которымъ отношу и адресъ Московскаго дворянства и лойяльное заявленіе дворянства Остзейскаго,—это маска, ложь, довольно безцѣльная и дешевая. Я не говорю о напряженномъ развитіи желѣзно-дорожнаго дѣла: это спекуляція ловкихъ людей, которой надобно положить конецъ. Я говорю объ общемъ ходѣ жизни, о гласности и равноправности, все болѣе и болѣе переходящихъ въ дѣйствительность. Я разумѣю положительные, осязательные результаты: увеличеніе государственныхъ налоговъ и постоянное возрастаніе внѣшней торговли. Сегодня А. П. Шиповъ зазвалъ меня на свою бесѣду въ думѣ о пьянствѣ. Много было декламаціи, много страховъ отъ страшной дилеммы, много порицаній настоящей системы акциза, но, взамѣнъ всего этого, робкія, благонамѣренныя предположенія о лучшемъ устройствѣ и о такой земской опекѣ, что ее можно внести и въ программу г. г. „Вѣсти“. Мы страдаемъ молодостью. Она скоро пройдетъ.

Я серьезно думаю оставить кассаціонный департаментъ. Дѣла разсматриваются сотнями, à vol d'oiseau. Я опасаюсь за послѣдствія. А между тѣмъ матеріальнаго труда множество, истощеніе физическое и умственное—послѣ 6 часоваго засѣданія—постоянное. Это ненормально, недостойно и несоотвѣтственно. И безпрестанно натыкаешься на противорѣчія, и безпрестанно всплываютъ общіе вопросы. А между тѣмъ дѣла прибываютъ массами, и въ перспективѣ ожидается удесятереніе поступленія ихъ. Не практически организовано это дѣло!

Сейчасъ былъ у меня Андрей Симанскій и между прочимъ, разсказалъ о приготовленіи въ университетъ его сына, Володи.... Отецъ, расходуя по 50 р. въ недѣлю, разсказываетъ о неимовѣрныхъ его успѣхахъ въ математикѣ. Ну, Митя, гимназистъ мой ординарный, гдѣ тебя оставитъ Володя? А объ этомъ уже записалъ и ни сколько не отступаю отъ моего мнѣнія. Нынче же былъ у меня по утру другой Андрей, кн. А. Владим. Друцкой-Сокольницкій, который тоже обѣщалъ многое. Онъ посѣщаетъ балы Англійскаго и Французскаго посольствъ, служитъ канцелярскимъ служителемъ во 2 д-тѣ у Сущова и занялъ у меня 31 рубль,—что̀ у меня нашлось. Какъ ничтожны эти господа особенно тѣмъ, что безъ труда хотятъ жить работою. Впрочемъ индивидуумы эти всегда были и всегда будутъ. Я записываю единственно для того, чтобы со временемъ справиться, что̀ они будутъ?

Читаю я „Слова Вас. Орлова“, о которыхъ Синодъ сдѣлалъ такія напыщенныя рекламы въ указѣ, печатавшемся въ книгопродавче-

скихъ объявленіяхъ. Проповѣди дѣйствительно хороши, но очень далеки отъ синодской рекламы, т. е. учебнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ о. Васильева. Не будь этой рекламы, книга имѣла бы скромный, но прочный успѣхъ. Теперь ее Московскіе „Платоновы“ загрызутъ, потому что порицать все правительственное есть страсть времени, потому что нужно лягнуть Парижскаго реформатора, и очень хочется укусить гр. Дм. Анд. Толстаго, который идетъ на всѣхъ парусахъ. Слова Орлова удобопонятны, не длинны, не испещрены текстами и согрѣты теплотою. Они далеко хуже и по отдѣлкѣ, и по глубокомыслію знаменитыхъ нашихъ проповѣдниковъ, и хотя страдаютъ общимъ недостаткомъ—преувеличеніемъ, но дѣйствительно могутъ служить образцами въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ.

Пятидесятилѣтній юбилей Петербургскаго университета прошелъ какъ-то вяло, почти незамѣтно. Или надоѣли эти празднества, или праздновать было нечего. Университетъ всегда былъ плохъ, и наставниковъ для царевичей выписывали изъ Москвы. Но спасибо Государю за 300 стипендій, за 20 т. для бѣдныхъ студентовъ. Спасибо и старику Подолинскому (какъ онъ напоминаетъ 1830-е годы!), за стихотвореніе, оканчивающееся не новою, но всегда благородною аксіомою:

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человѣкъ.

Не думаю, чтобы Греко-Турецкое столкновеніе (въ Кандіи) и Французско-Прусское (на Бельгійск. желѣзныхъ дорогахъ) были улажены миролюбно. Нынѣ вопросъ о династіяхъ въ зависимости отъ народнаго благосостоянія и національной чести. Греція оскорблена не только въ своихъ стремленіяхъ, весьма естественныхъ, но и въ нарушеніи международныхъ правъ. Парижская конференція поучаетъ ее какъ школьника. Въ настоящемъ видѣ Грецію слишкомъ мала для государства, и въ ней и въ Европѣ вообще окончательно установилось мнѣніе о распаденіи Турціи, удерживаемомъ единственно соперничествомъ великихъ державъ. Здѣсь столкновеніе неминуемо, если только Румынія, Сербія и Черногорія согласились на общее дѣйствіе. Еще болѣе неминуемо столкновеніе между Франціей (съ Австріей, безъ Венгріи) и Пруссіей. Пруссія слишкомъ велика для государства. Она постоянно угрожаетъ всѣмъ: и Россіи, и Австріи, и Пруссіи. Это самый страшный соперникъ нашъ на больномъ мѣстѣ Балтики. Нельзя болѣе вызывательно смѣяться надъ императоромъ Наполеономъ, какъ дѣлаютъ это Прусскія газеты. Они трактуютъ старѣющаго льва какъ Бейста. Еще болѣе грозное—хотя въ отдаленномъ будущемъ—приготовляется столкновеніе на Гималаяхъ

Россіи съ Англіей. Наши непомѣрные (и потому неправые) успѣхи въ средней Азіи сближаютъ насъ съ народами Индіи, ожидающими отъ насъ освобожденія отъ Англійскаго ига. Но это еще далеко. Теперь время созрѣло на Балканахъ и на Рейнѣ. Можетъ быть гр. Бисмаркъ покается въ злоупотребленіи успѣхомъ, и коалиція введетъ Пруссію въ границы болѣе скромныя и болѣе соотвѣтствующія спокойствію Европы; но время пропущено, великій узурпаторъ пожертвовалъ великими интересами своей имперіи расчетамъ лично-династическимъ, и послѣ смерти Николая не сдѣлалъ ни шагу для сближенія съ Россіей, которая не забудетъ ему ни Парижскаго трактата 1856 г., ни дипломатическаго похода 1863 г., когда Наполеонъ вошелъ въ программу Польско-революціонной партіи, которая и до сихъ поръ кажется дѣйствующей въ сѣверо-западныхъ нашихъ губерніяхъ.

О Польской партіи у меня пришло на языкъ по случаю разговора о преобладающемъ вліяніи графа Ржевусскаго въ средѣ т. н. партіи „Вѣсти“, весьма распространенной въ Петербургѣ и близко связанной съ партіею поземельнаго кредита. Партія пришельческая и совершенно антинаціональная.

День Св. Кирилла послужилъ поводомъ къ новой Славянской манифестаціи, какъ всегда довольно безплодной, здѣсь и въ Москвѣ. Но нельзя не опасаться, чтобы этими безплодными агитаціями не воспользовались наши враги, увѣривъ Турецкихъ Славянъ, что мы щедры только на манифестаціи, отъ дѣйствительнаго же вмѣшательства, отъ вооруженной помощи, мы болѣе далеки, нежели дипломатія Наполеона и сосѣдство Австріи. Помощь денежная, книжная, церковная ничтожны. Общеніе литературное еще ничтожнѣе. Вообще частная иниціатива у насъ совершенно безсильна. Учрежденіе правительствомъ значительнаго числа стипендій въ гимназіяхъ и университетахъ собственно для Славянъ было бы гораздо ощутительнѣе, нежели эти Славянскіе комитеты, изъ которыхъ одинъ едва содержитъ двухъ-трехъ стипендіатовъ, а другой, за лучшее сочиненіе о стремленіи Славянъ къ соединенію, обѣщаетъ премію въ 200 р.! Безъ вмѣшательства правительства манифестаціи г.г. Погодина, Аксакова, Гильфердинга и Ламанскаго съ братіей поддержатъ толки, но толку не принесутъ. Какъ представительница славянства, Россія имѣетъ всѣ права покровительствовать Славянамъ и, заботясь о ихъ просвѣщеніи, стремиться къ ихъ объединенію въ словѣ и въ церкви. Исторически не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и слово и богослуженіе у насъ были и должны быть (и будутъ) общія. Лучшіе помощники наши, это—Папа, Австрія и Султанъ. Притѣсняя Славянъ, они работаютъ въ наши руки. Симпатичное для всѣхъ настоящее царствованіе привлечетъ—надѣемся—къ возсоединенію и епи-

скопа Куземскаго съ уніатами и равнодушныхъ Чеховъ отвлечетъ отъ ненавистнаго всѣмъ конкордата.

Распространеніе просвѣщенія въ Славянахъ, и при томъ путемъ Россіи, будетъ служить лучшимъ средствомъ объединенія ихъ, по крайней мѣрѣ, нравственнаго, интеллектуальнаго. А просвѣщеніе имъ нужно. Укажу опять таки на варварскій процессъ убійцъ князя Михаила Сербскаго, заканчиваемый нынѣ судомъ надъ главнымъ подстрекателемъ, Карагеоргіевичемъ, и его секретарями.

Впрочемъ, не начать-ли это распространеніе просвѣщенія съ *насъ*, не предоставляя этого дѣла *бѣдному* и *лѣнивому* земству?

Процессъ крушенія фрегата „Александръ Невскій“ (въ Скагерракѣ, въ Сентябрѣ прошлаго года) сегодня кончился. Судъ призналъ троихъ „виновными въ неосторожности, имѣвшей послѣдствіемъ гибель фрегата“, но съ обстоятельствами, уменьшающими вину, и потому опредѣлилъ: генералъ-адъютанту Поссіету объявить выговоръ въ приказѣ, флигель-адъютанта, капитана Кремера, выдержать на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ; старшаго штурмана Хохлова—двѣ недѣли. Моряки ожидали, что рѣшеніе будетъ такъ снисходительно по особому благоволенію Государя къ Поссіету и Кремеру; но они находятъ въ этой „неосторожности“, имѣвшей послѣдствіемъ гибель лучшаго судна нашего флота, такую безпечность, такое отсутствіе строгой отчетливости морской службы, что виновные, особенно Кремеръ, *по малой мѣрѣ* заслуживали исключенія изъ службы. Въ публикѣ раздаются тоже голоса неудовольствія. „Неосторожность“, сопровождавшаяся неисполненіемъ существенныхъ предписаній плаванія, не можетъ указывать ни на какія обстоятельства, заслуживающія снисхожденія. На фрегатѣ были Царевичъ и до 800 чел. экипажа, погибли бар. Икскулъ, Зоринъ и три матроса, и казна несетъ убытокъ въ 700 т. руб. Такая „неосторожность“ заслуживала болѣе строгой отвѣтственности, и сдѣланное послабленіе можетъ быть опаснымъ прецедентомъ. И дѣйствительно, приговоръ слабъ. Несоблюденіе правилъ о лоціи тѣмъ болѣе усиливаетъ виновныхъ въ неосторожности, что плаваніе совершалось въ осеннюю ночь, въ опасномъ мѣстѣ, и могло имѣть страшныя и имѣло весьма важныя послѣдствія. Надобно ожидать, что Поссіетъ и Кремеръ выдутъ въ отставку. Если ихъ спасъ изданный для нихъ „Законъ—Или“ какъ называютъ моряки высочайшее повелѣніе 12 Ноября 1868 г., опредѣляющее пять видовъ наказанія, то достоинство и высшее приличіе морской службы требуютъ, чтобы такой поступокъ не оставлялъ виновныхъ въ рядахъ флота, какъ бы ни были геройски послѣдующія дѣйствія, при спасеніи команды и Царевича. Это геройство необходимой защиты. Спасались отъ смерти и многіе погибли. NB. Осужденные всѣ прощены Государемъ. Много драматическаго

было въ этомъ процессѣ: управ. адмир. Краббе и предсѣд. суда Нордманъ, личные порицатели Поссіета и Кремера. Имъ не благоволитъ и генералъ-адмиралъ за то, что всѣ эти поѣздки устраиваются Поссіетомъ непосредственно съ Государемъ, мимо Морскаго Министерства.

При самомъ вступленіи въ кассаціонный департаментъ я боялся за матеріальные, механическіе безпорядки и ошибки въ дѣлопроизводствѣ, въ движеніи дѣлъ и бумагъ, въ перепискѣ и подписяхъ, въ отправленіи и полученіи. Сегодня подали Арцимовичу опредѣленіе, завалившееся съ Марта 1868 г., ровно годъ. Правовѣды чужды внѣшнему, формальному порядку. Они слишкомъ дешево и скоро все получили, чтобы останавливаться на этихъ мелочахъ. Я говорилъ объ установленіи опредѣленнаго порядка, о пересмотрѣ нашего наказа, по крайней мѣрѣ десять разъ. Изъ числа 50 дѣлъ, *огуломъ* присланныхъ мнѣ сверхъ очереди, я еще въ началѣ Декабря передалъ разсмотрѣнныя и приготовленныя мною 26 дѣлъ, которыя оберъ-прокуроръ обѣщалъ назначить во второй половинѣ Декабря, а теперь исходитъ и вторая половина Февраля 1869 г., а о дѣлахъ моихъ и слуху нѣтъ. Съ одной стороны масса дѣлъ, а съ другой—такіе порядки: какое же вѣроятіе въ прочной будущности?! Я не помню ни одного моего требованія, которое было бы исполнено своевременно. Переписка опредѣленій замедляется до нельзя. Самое печатаніе рѣшеній дѣлается не вò время и весьма небрежно.

Весь Петербургъ исполненъ глубокаго удивленія къ пѣвицѣ Патти. Аделина Патти, маркиза де-Ко, согласилась провести сезонъ пли два въ Петербургѣ, получая за каждый спектакль 1850 руб., чтò составитъ около 50 т. р., если не болѣе. Нѣтъ никакой возможности достать ложу или кресло, развѣ за безумную цѣну. Завтра жена везетъ Наташу въ концертъ, въ которомъ поетъ Патти. Какое впечатлѣніе произведетъ diva на мою divy? Ей же, моей музыканткѣ, *поэтъ* Кузьминскій (Григорій Иванов.) написалъ стихи, въ которыхъ

> Теперь какъ вашихъ дарованій, И разума возникнулъ свѣтъ, Онъ проситъ, чтобы
> Въ добрѣ вы были постоянны, И чисты сердцемъ.

NB. Впечатлѣніе знаменитой пѣвицы на ребенка какое-то неопредѣленное. Очевидно недостаетъ пункта опоры и сравненія. Она дала себѣ болѣе отчета въ игрѣ Ант. Рубинштейна, нежели въ пѣніи Патти.

NB. 26 Февраля Наташа съ братомъ и матерью была въ Итальянской оперѣ. Давали „Роберта Дьявола“ Майербера. Она слушала съ особеннымъ вниманіемъ знакомую ей музыку и отдаетъ преимущество Итальянцамъ передъ Русскими, хотя Итальянская обставлена довольно слабо. Кромѣ Станьи нѣтъ свѣжаго голоса, все старо и слабо, но конечно все лучше Русской обстановки.

Я глубоко убѣжденъ въ Римской пословицѣ: consilium morum consultari possimum. Однако вижу иногда, что интрига и превозмогаетъ. Я понималъ интригу, когда находился въ силѣ при гр. Панинѣ; но съ Марта 1857 г. я совершенно измѣнился; я постоянно и всѣмъ уступаю. Мнѣ наступаютъ на ногу, я молчу. Подлое существо ползетъ пресмыкаючись, слышитъ шумъ и ропотъ въ молчаніи и видитъ протестъ и пренебреженіе во всякомъ взглядѣ и восклицаніи недоразумѣнія. Подлое существо это ждетъ ночи и становится за уголъ, тогда какъ все спитъ и развѣ случайно пройдетъ гуляка-товарищъ. Подлость не знаетъ цѣли, униженіе-низость для нея есть требованіе безотчетное, наслажденіе, безъ котораго она болитъ и улетучивается. Безъ интриги она ничтожна, въ интригѣ она неуловима. 21 Февраля.

Вечеръ у митрополита Иннокентія, 27 Февраля. Если это замѣчательный человѣкъ, то это замѣчательный вечеръ, продолжавшійся съ 8-ми до половины 11-го, битыхъ $2^1/_2$ часа. Мы обозрѣли почти всѣ внутренніе вопросы дня, поименовавъ даже нѣкоторыя личности. Во многомъ соглашались, во многомъ—преимущественно общемъ—разнились. Вообще, это человѣкъ недуховный, не высшаго ума и просвѣщенія, но симпатичный, неаскетическій. Это человѣкъ мірской, здраваго смысла и опыта. У него много нагорѣло неудовольствія на свѣтскую власть нашей церкви, на разныя современныя нововведенія въ духовномъ вѣдомствѣ, на гр. Толстаго. Въ его глазахъ положеніе Св. Синода совершенно подчиненное, смѣшное. Такимъ оно является и въ указѣ о позволительности ученія въ Воскресенье и въ отчетѣ Миссіонерскаго Общества. Отецъ Васильевъ упоминался раза три. Саркастически упомянулъ объ испрошеніи дѣтямъ православнаго духовенства правъ дѣтей пасторовъ. Видно, что онъ слѣдитъ за движеніемъ современной жизни и литературы. Аксаковское дѣло его очень интересуетъ. Иванъ Аксаковъ, обличившій все безсиліе Синода передъ оберъ-прокуроромъ, выставляется героемъ. Много говорилъ владыко—весьма довольно—о безполезности искусственнаго и усиленнаго распространенія грамотности и о постоянномъ нашемъ подражаніи Западу, который никогда не признаетъ насъ за равнаго себѣ; о вредѣ утилитарности и многознанія, отвлекающихъ заботы о воспитаніи сердца, совершенно пренебрегаемомъ въ публичныхъ заведеніяхъ. Вообще я замѣтилъ въ преосвященномъ духъ оппозиціи, противорѣчія, иногда довольно тѣснаго, провинціальнаго, штокъ Русскаго, Московскаго. Видно вліяніе Славянофиловъ, нерѣдко соединенное съ узкимъ взглядомъ Русскаго попа, но попа просвѣщеннаго многостороннимъ опытомъ долгой жизни (онъ помнитъ управленіе Сперанскаго въ Сибири) и разнообразныхъ положеній отъ Петербурга до Благовѣщенска. Иннокентій считаетъ Платона (Рижско-

донскаго) въ опалѣ: иначе, какъ старшій, онъ по всѣмъ правамъ долженъ бы былъ получить Литовскую каѳедру, гдѣ былъ викаріемъ. Онъ легко допускаетъ несовершенства и ошибочность законовъ человѣческихъ и готовъ съ твердостію проводить непогрѣшительные законы божескіе, къ которымъ онъ, кажется, причисляетъ и церковные. Я не думаю, чтобы мы сошлись съ нимъ близко, но полагаю, что вечеръ провелъ онъ не безъ интереса. Мнѣ нужно было познакомиться съ нимъ, чтобы испросить дозволеніе и благословеніе Наташѣ на предпринятый ею подвигъ: переводъ на Французскій языкъ „Указанія къ вѣчной жизни", написаннаго для Алеутовъ и разошедшагося болѣе 100 т. экземпляровъ.

„Какихъ не вымышляй пружинъ, чтобъ мужу бую умудриться— неможно вѣкъ носить личинъ, и истина должна открыться". Это проводится чрезъ всю мою жизнь 23, 24 года тому назадъ. Открывается.

Какъ велика сила общаго увлеченія, это доказываю я. Всегда я былъ противъ расточительности и роскоши, противъ Петербурга и его Итальянцевъ съ непомѣрными цѣнами, окладами и подарками (подаркамъ нашъ контръ-альтъ Лавровская дала прекрасный урокъ, мало оцѣняемый распущеннымъ Петербургскимъ мнѣніемъ). И что же? Я посылалъ моего Алексѣя на битву въ большой театръ, и оборванный и измятый, онъ досталъ билетъ за 8 рублей. 32 франка за одно представленіе! (Посылалъ впрочемъ не я, а жена). Добыча билетовъ есть страшная давка. Жажда наслажденія непомѣрная. Panem et circenses! А нужда въ народѣ ужасающая, а голодающихъ—массы. Странно, что, несмотря на рѣдкость удовольствій, я совершенно къ нимъ равнодушенъ. На дняхъ видѣлъ превосходный спектакль „Смерть Іоанна Грознаго", и въ этой драмѣ, превосходно поставленной, но чуждой всякаго драматическаго дѣйствія, я не нашелъ удовлетворительнымъ самый психологическій этюдъ знаменитаго тирана. Есть два монолога—Сицкаго и Захарьина—глубоко прочувствованные, но герой представляется звѣремъ или злодѣемъ-мономаномъ. Я едва досидѣлъ до конца. Не думаю, чтобы эта картина вѣрно изображала Русскій дворъ 1580 годовъ, когда у насъ уже введены были Византійскіе порядки Греческою царевною лѣтъ сто назадъ. Драма мнѣ не понравилась. Она и обставлена плохо, съ Нильскимъ и Малышевымъ. Сочинитель желалъ выставить Романова. Это ему удалось. Но Патти! Патти, которой на дняхъ, 27 Февр., были такія неистовыя овацiи, неужели и ея пѣніе заставитъ меня пожалѣть, что я наслаждаюсь безъ жены и дѣтей? Запишу впечатлѣнія.

Патти дѣйствительно пѣвица дивная. Я слышалъ Somuar—Росси, Віардо, Фрезолини, Бозіо и проч. tutti quanti. (Не слышалъ Дженни-Линдъ. Лукку слышалъ въ Берлинѣ). Но ни одна не имѣла такихъ средствъ, какими такъ свободно, такъ своенравно владѣетъ Аделина

Патти. Это—скрипка, это флейта со всѣми возможными переходами сверху до низу, безъ всякаго напряженія, безъ малѣйшихъ усилій. При томъ же она молода, хороша собою и граціозна. При томъ же шла опера „Донъ Пасквале". (Назначена была „Сомнамбула", но по случаю простуды Патти рѣшилась пѣть партію Норины), въ которой Патти представляла шалунью-капризницу и представляла, при этомъ чудномъ пѣніи, превосходно. За этимъ талантомъ забываешь и немного балаганную музыку и глуповатое либретто оперы. Все вниманіе сосредоточивается на звукахъ человѣческаго голоса, спорящагося съ механизмомъ инструмента. Голосъ требуетъ себѣ преимущества.

Но diva эта есть олицетворенный капризъ. Перемѣнивъ оперу, она и въ Донъ-Пасквалѣ пѣла только два акта. Третій согласилась докончить Вольпини (и приняла же ее публика!). Въ взглядахъ, въ жестахъ Патти видны своенравіе, капризъ, требовательность, нетерпѣніе, деспотизмъ. Внушая удивленіе и зависть, пѣвица не дышетъ любовью и симпатіей. Съ перваго шага на сценѣ видно все сознаніе своего могущества, и это много мѣшаетъ впечатлѣнію зрителя, желающаго видѣть въ талантѣ одушевленіе и скромность. Въ этомъ отношеніи Росси была талантъ великій.

Какъ пораженъ я былъ, прочтя въ газетныхъ объявленіяхъ о смерти князя Владимира Ѳедор. Одоевскаго. Я знаю его давно, но близко сошелся съ нимъ и съ умною его женою, княгинею Ольг. Степ. (урожденная Ланская) въ Москвѣ. Одоевскій началъ дѣйствовать весьма давно и рано, и на него возлагали большія надежды. Его высоко цѣнили Пушкинъ, Веланскій, графъ Блудовъ и даже Киселевъ. Литературная дѣятельность его извѣстна. Онъ давно прекратилъ ее. Дѣятельность его музыкальная вошла въ пословицу. Онъ былъ Московскимъ графомъ Віельгорскимъ, и многіе артисты, заѣзжіе и молодые, его пожалѣютъ. Это былъ ихъ меценатъ. Дѣятельность его служебная была всегда посредственна; дѣятельность его какъ сенатора—ниже всякой посредственности. Удивительно, какъ много онъ занимался и записывалъ. Канцеляріи и лѣнивымъ своимъ сотоварищамъ онъ за это былъ ненавистенъ, продолжая безъ толку засѣданія.

Замѣчательна была его невозмутимость, ровность характера, самое теплое равнодушіе, если можно такъ выразиться. Онъ никогда не сердился, не обижался, не возвышалъ голоса. Онъ ни надъ кѣмъ не смѣялся и готовъ былъ на всякое дѣло добра и общей пользы.

Можетъ быть, при лучшемъ направленіи, изъ него выработался бы человѣкъ замѣчательный. Но разнообразіе, всесторонность заглушили искру таланта, который хотѣлъ быть и ученымъ, и свѣтскимъ, и повѣствователемъ, и химикомъ, и музыкантомъ, и медикомъ, и наконецъ

библіографомъ и сенаторомъ. И онъ не обнялъ ничего. Въ искусствахъ онъ объяснялъ теоріями, въ теоріяхъ опытами. Музыку объяснялъ архитектурой. Онъ особенно смутно поучалъ. Рѣшительно не поймешь, что̀ онъ говоритъ. Онъ написалъ: „Музыкальная грамота для немузыкантовъ“, и я ни одной строки понять не могъ, другіе—тоже. Точно Хавскій о Пасхѣ. Ему было лѣтъ 65, и онъ умеръ рано. Объ Александрѣ Мейендорфѣ говорили, que c'est une nullité européenne. Объ Одоевскомъ можно сказать que c'est une célebrité nulle. Но—замѣчаетъ д'Израели—иногда лучшіе общественные дѣятели неизвѣстны исторіи. Дѣйствительно, люди какъ Новиковъ, А. Н. Оленинъ, какъ Станкевичъ, кажется, ничего не сдѣлали, а между тѣмъ изъ кружка ихъ вышли Карамзины, Гнѣдичи, Грановскіе, разлившіе свѣтъ этого теплаго кружка на города и веси. Одоевскій, аристократъ-гуманистъ, составлялъ такой кружокъ, и многіе, многіе съ благодарностію, съ удовольствіемъ вспомнятъ о привѣтливомъ хозяинѣ, у котораго сходились и государственные люди, и поэты, и особенно ученые, и артисты, важные и неважные.

Миръ праху твоему, товарищъ! Вся семья моя и даже люди мои грустятъ по тебѣ, вспоминая Четверги, которые ты проводилъ съ нами.

Какъ много умираютъ и все почти незапно! Видъ смерти нашего вѣка. Вѣроятно есть особыя болѣзни, съ теченіемъ времени и мыслей возникающія, которыхъ постукиванье и подслушаніе не распознали еще. Гнутъ людей у насъ и радикальныя реформы. Съ нашимъ переводомъ въ кассацію положеніе Московскихъ сенаторовъ сдѣлалось еще болѣе ложнымъ. Эта мысль давила и задавила Колюбакина. Она могла давить и Одоевскаго, который изъ сенаторовъ едва ли не одинъ оставался грамотный. Онъ и при всевозможномъ равнодушіи не могъ быть чуждъ честолюбія, и ложное положеніе не могло не давить его. Онъ же не вѣрилъ въ Христа-Бога. Надежды нѣтъ.

Надобно примиряться съ мыслію о смерти. Во первыхъ, это общій удѣлъ, его же не минуемъ. Во вторыхъ, ты сынъ вѣка и времени, которые такъ мало дорожатъ людьми, и въ третьихъ, Россія находится въ томъ революціонномъ положеніи, въ которомъ, и при лучшихъ ожиданіяхъ оптимиста, мысль постоянно тревожна, сердце постоянно безпокоится, и постоянная забота и невольныя опасенія давятъ человѣка. Надо примиряться съ мыслію о смерти.

Праздникъ Сологуба. У меня ты покоешься, Одоевскій, между Патти и Сологубомъ. Случайность неумышленная (!).

Графъ Сологубъ придумалъ живыя картины, которыя геній Россіи показываетъ лѣтописцу Россіи и въ которыхъ выражается „Судъ Исторіи“—поэма, для этого написанная Сологубомъ: Въ поэмѣ прославляются современныя преобразованія. Какъ „между тѣмъ такъ просто и такъ

плавно свершаютъ дни дѣянія вѣковъ". Восхваленія неумѣстныя, грубыя и тѣмъ болѣе ложныя, что мнѣ да и многимъ извѣстны мнѣнія Сологуба о современныхъ преобразованіяхъ. Вытертый изъ колеи въ литературѣ и въ общественномъ положеніи, Сологубъ удалился въ Москву и занялся преобразованіемъ Рабочаго дома. Здѣсь онъ не скрывалъ, что въ странѣ какъ Россія, tabula rasa, удаются всякія преобразованія, но обыкновенно только наружно, по внѣшности. Если же удадутся современныя, то не иначе какъ на счетъ самодержавія и даже монархическаго начала. Правда, но къ чему же праздникъ? Надобно удивляться, какъ подалось на такую грубую лесть общество артистовъ, которые прежде всего должны быть чутки къ деликатности и благородству чувствъ.

Исторія съ Прусскимъ лѣсничимъ—Отто-Арнимъ—кажется гораздо важнѣе нежели можно было заключать по краткимъ газетнымъ извѣстіямъ. Курляндскій помѣщикъ фонъ Л. назвалъ его Меделянскою собакою и за дерзкій отвѣтъ на эту брань приказалъ связать его и почти неодѣтаго свезти въ Дерптскій земскій судъ, гдѣ онъ тотчасъ былъ посаженъ въ тюрьму. Арнимъ утверждаетъ, что помѣщикъ требовалъ, чтобы лѣсничій стрѣлялъ въ несчастныхъ крестьянъ его изъ ружья солью. Несчастный не только не нашелъ правосудія, но, съ большими усиліями пробравшись на родину, въ Пруссію, два года тщетно ожидаетъ тамъ высылки по крайней мѣрѣ заслуженнаго жалованья. Онъ, въ письмѣ въ редакцію „Моск. Вѣд.", взываетъ теперь къ правосудію Государя и благихъ его законовъ.

Я давно занятъ этимъ дѣломъ, которое важно и по Остзейскому краю, и по отношеніямъ къ Пруссіи, гдѣ такъ ревностно защищается Нѣмецкій элементъ этого края. Помѣщикъ этотъ есть Курляндчикъ ф. Липгартъ. Онъ дѣйствительно погорячился, но истязаній никакихъ не было. При отправленіи въ Дерптъ онъ дѣйствительно былъ связанъ, потому что сопротивлялся, не хотѣлъ ѣхать и толкалъ державшихъ его людей. Ѣхалъ онъ не безъ одежды: ему принесли пальто изъ дому. Въ Дерптѣ онъ поступилъ въ распоряженіе законныхъ властей, и все дальнѣйшее лежитъ на отвѣтственности лѣсничаго Арнима. На вопросъ: за что Арнимъ отправленъ въ Дерптъ? Отвѣчаютъ, что онъ не только на брань отвѣчалъ бранью, но и дозволилъ себѣ такіе жесты и движенія, которые порождали опасенія ударовъ или побоевъ, а дѣло происходило въ присутствіи прислуги.

Впрочемъ я знаю дѣло отъ Остзейца. Источникъ односторонній. Интеллигенція края малочисленна, мелка и, по замѣчанію ф. Трейчке, своекорыстна и безъ корней. Можетъ быть, Нѣмцы перехитрятъ; имъ

это тѣмъ легче, что и Петербургъ ненемножко тоже Нѣмецъ, и Русской партіи не удастся перемѣнить устарѣлые Нѣмецкіе порядки; но все это до поры до времени. Все это вопросъ только о времени, которое въ наше время идетъ быстро. Русскій океанъ, особенно при настоящихъ преобразованіяхъ, затопитъ всѣ окрайны, а въ томъ числѣ и Балтійскій край, и во всей имперіи общій языкъ и общія учрежденія будутъ Русскія. Я въ томъ никогда не сомнѣвался. Лишь бы преобразованія водворялись и укрѣплялись. Жаль, что они иногда не совсѣмъ практичны и вводятся неопытною рукою, а въ Остзеѣ и рукою нерѣшительною.

Постепенно и постоянно я все старѣю и слабѣю. Безсонница продолжается. Нервное разстройство все усиливается. Измѣняется характеръ. Уничтожается человѣкъ. Если мы не двигаемся впередъ, мы отстаемъ; если мы не совершенствуемся, мы ухудшаемся. Этому содѣйствуетъ и положеніе, въ которое мы поставлены. Пилитъ и крошитъ человѣка и мелкая интрига. И мелкость людей. И мелкіе люди.

Я почти готовъ согласиться съ товарищами Булыгинымъ и Матюнинымъ, что доколѣ большинство и канцелярія будутъ принадлежать правовѣдамъ, интрига будетъ постояннымъ правиломъ, и прочнаго устройства кассаціоннаго порядка ожидать нельзя. Меня тяготитъ этотъ порядокъ. Онъ, этотъ регуляторъ правосудія, очень неудовлетворителенъ и очень зыбокъ. Ужъ нѣтъ-ли и тутъ Польши?

Распущенность идетъ все далѣе. Требованія студентовъ Медико-хирургической Академіи заставили министра закрыть курсы. Въ Кронштатѣ, съ нарушеніемъ всякой дисциплины, буйство выразилось въ открытомъ побоищѣ, гдѣ были и оружіе, и смерть. Попечитель Кавказскаго учебнаго округа, за явное неповиновеніе высшихъ классовъ Тифлисской гимназіи, долженъ былъ раскассировать ихъ. „Язва непокорности проникла отчасти и въ низшіе классы, и все заведеніе потрясено въ нравственныхъ своихъ основаніяхъ“. Этого можно ожидать и въ Балтійскихъ заведеніяхъ, если напоръ обрусенія и на нихъ распространяется. Но меня всего болѣе страшитъ 1870 годъ съ его правомъ перехода крестьянъ, какъ въ XVI стол., и съ послѣдствіями недоимокъ, которыхъ надобно ожидать*). Мнѣ кажется все запутывается все болѣе

*) Я давно ихъ ожидалъ и ожидаю. Но машина идетъ, Петербургъ процвѣтаетъ, и я не вижу особенно знаменій времени. Кронштадтская исторія—убито или до смерти прибито 8 человѣкъ—и событія въ академіи, институтѣ и университетѣ это дѣло Поляковъ, въ томъ никто не сомнѣвается. Я сомнѣваюсь. Говорятъ, что распредѣленіе стипендій дѣйствительно возмутило юношей.

и болѣе, и послѣдствіемъ броженія должны быть жертвы крутаго переходнаго времени. Распущенность парализируетъ и власть, и порядокъ, и безопасность. Но не кажется-ли это только болѣзненному пессимизму? Не видитъ-ли онъ зла и въ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ по дѣламъ, гдѣ явное преступленіе извиняется по личнымъ впечатлѣніямъ чувствительности и увѣренности въ произволѣ?

А между тѣмъ „виды внѣшней торговли", распространеніе желѣзныхъ дорогъ, движеніе публицистики и журналовъ, развитіе адвокатуры, пренія земскихъ собраній и др. что̀ можетъ быть болѣе убѣдительно въ несомнѣнномъ общественномъ развитіи?

Да. Но вчерась выигрышные билеты лотерейн. займа были 180 р., а нынче 150. Въ нашъ самонадѣянный вѣкъ теорій, паровъ и газовъ только и слышишь что о незапностяхъ и катастрофахъ. Напоръ демократіи и соціализма такъ великъ, что прежнія теоріи оказываются узкими, усовершенствованія граничатъ съ чудесами, и невозможное дѣлается сомнительнымъ. Я давно предчувствовалъ эту наступающую среду развитія человѣчества, въ которой и мы, Русскіе, должны занять свое мѣсто. Распущенность наша—это отрѣшеніе отъ стараго и введеніе къ новому. Ошибка нашихъ государственныхъ людей въ томъ заключается, что они не предупредили рѣзкости переходныхъ явленій, выразившихся въ жертвахъ личностей, мѣстностей и классовъ.

Броженіе юношества меня не пугаетъ: оно уляжется, если умѣючи употребить или законные или домашніе, но благородные пріемы. Меня пугаютъ броженія народныя, нужда, голодъ, возрастающій deficit, паденіе курса и новыя лотереи. Ужъ слишкомъ что-то легко все намъ достается: и деньги, реформы! А Кронштадтская исторія?

Честь и слава составителямъ положенія о выкупѣ регулированныхъ земель въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Это почти крестьянскій надѣлъ, перешедшій почти за границу. Ему слѣдуетъ обойти всю Европу, весь свѣтъ. Нѣмецкіе бароны наши были всегда противъ него, и нельзя не пожалѣть, что имъ пожертвована сельская полиція. Но это не надолго и едвали не въ одной буквѣ. Организація обществъ крестьянъ вызоветъ свою полицію. Земель казенныхъ числится: въ Курляндіи—336 т. десятинъ, въ Лифляндіи—278 т. и въ Эстляндіи 5088. Оброка приходится съ десятины въ Курляндіи 1 р. 65 $^3/_4$ к. въ Лифляндіи—93 $^1/_2$ к. и въ Эстляндіи 78 $^1/_2$ к. Арендная плата въ частныхъ имѣніяхъ въ Лифляндіи за десятину 3 р. 30 к. Капитализируя оброкъ, цѣна выкупа десятины будетъ въ Курл.—41 р. 43 $^3/_4$ к. въ Лифл.—23 р.

37½ к. и Эстляндіи 19 р. 62½ к. Сравнительно, оцѣнка умѣренная. Частная продажная цѣна въ Лифляндіи 61 р. 66 к. Вообще мѣра эта проведена удачно и дѣлаетъ честь генералу Зеленому, который имѣлъ большую поддержку въ Великомъ Князѣ Константинѣ.

Вчерась скончался и еще добрый товарищъ, сенаторъ Беръ (Борис. Иван.) на 64 году, полный силъ, рвенія и даже энергіи. Это былъ добросовѣстный служака, очень хорошій семьянинъ и пріятный знакомый. Онъ много трудился, большое участіе принималъ въ преніяхъ, часто въ жаркихъ. Всѣ мы его очень жалѣемъ. Миръ праху твоему, товарищъ. 21 Ноября.

Споръ о классицизмѣ и реализмѣ все еще продолжается, и Катковъ, обличая „Вѣстникъ Европы“ (Февр. и Март.), ссылается на такіе же Англійскіе авторитеты. „Вѣстникъ Европы“ помѣстилъ у себя статью Фидлера, оправдывающаго реальное направленіе требованіями большинства и общею пользою успѣховъ естествознанія. Теперь, разгромивъ лжесвидѣтелей въ статьѣ 28 Января, „Московскія Вѣдомости“ помѣстили въ Современной Лѣтописи (23 Марта) извлеченіе изъ Education and school Эдуарда Тринга, оправдывающаго необходимость для высшихъ сословій, представителей современнаго умственнаго развитія, посвятить десять лѣтъ школѣ изученія древнихъ классиковъ. Трингъ вовсе не противорѣчитъ Фоулеру. Но я съ Трингомъ согласиться не могу: естествознаніе, техника и современныя литературы получили такое обширное развитіе, что, отдавъ классикамъ десять лѣтъ, юноша явится среди чуждаго ему общества запоздалымъ оригиналомъ.

У насъ было большое собраніе—у Вл. Н. Карамзина—и рѣчь шла о *кассаціи*. Мы пришли къ тому безвыходному положенію (сего дня я доложилъ 20 дѣлъ). Когда необходимы мѣры радикальныя, чрезвычайныя, въ виду напора дѣлъ до 4000 числомъ на 10 человѣкъ, которые должны (эти десять сенаторовъ, изъ которыхъ у каждаго на плечахъ 30—40 лѣтъ дѣятельной службы) которые должны прочесть, изучить, доложить и обработать эти 4000 дѣлъ, писанныхъ дурно, безграмотно и безсмысленно (сего дня дѣло Шабановой и Сидорова), физической возможности нѣтъ. Честь и слава писавшимъ законъ—хорошія. Въ собраніи говорили многіе и много. Началось совѣщаніе чтеніемъ записки оберъ-прокурора Ковалевскаго. Онъ полагалъ: дѣла, разрѣшаемыя прямымъ смысломъ закона или на основаніи прежнихъ рѣшеній и потому неподлежащія напечатанію въ сборникѣ рѣшеній, предоставить канцеляріи, которую для этого и усилить въ соотвѣтственной степени. Ему возражалъ сенаторъ Любощинскій, который призна-

валъ необходимымъ дать каждому сенатору особаго секретаря. Онъ злобно осмѣивалъ это Французско-нижегородское учрежденіе по формѣ и по обширности юрисдикціи. Послѣ Любощинскаго говорилъ Буцковскій, редакторъ устава угол. судопр. Онъ полагалъ достаточнымъ, удержавъ докладъ за сенаторами, матеріальный трудъ (изложеніе дѣла и проэктъ опредѣленія, непредназначеннаго къ напечатанію въ сборникѣ) возложить на канцелярію, составъ которой, какъ ниже и число сенаторовъ, необходимо усилить. Суетился неопредѣленно Стояновскій. Въ смыслѣ Буцковскаго, похваливъ порядокъ введенія судебной реформы въ Харьковскомъ округѣ, говорилъ Арцимовичъ, предоставляя министерству назначить новыхъ секретарей или оберъ-секретарей. Важнаго во всемъ этомъ для меня то, что настоящая несостоятельность кассаціоннаго сената подтверждена всѣми, и министръ, кажется, съ радостію слушалъ это подтвержденіе и обѣщалъ свое содѣйствіе, лишь бы предположенія не заключали въ себѣ никакихъ органическихъ измѣненій, для разработки которыхъ до ваканта Государ. Совѣта (15 Мая) нѣтъ и времени. Изложеніе предположеній объ усиленіи состава канцеляріи и сенаторовъ взялъ на себя довольно мало искусный редакторъ Стояновскій. Это шагъ къ отмѣнѣ настоящей кассаціи. Во всякомъ случаѣ это поворотъ къ канцелярскому порядку и къ ограниченію гласности.

Была рѣчь вскользь о раздѣленіи департаментовъ на отдѣленія, по разнымъ предметамъ заявленій и объ отнесеніи кассаціи на съѣзды къ судебнымъ палатамъ, но остановились на усиленіи канцеляріи и ограниченіи гласности. Несостоятельность, настоящаго порядка произнеслась. Самое собраніе въ домѣ явнаго реакціонера-сенатора Карамзина и въ присутствіи реакціонера-министра было такой непростительной ошибкой, на которую я, наприм., попалъ совершенно случайно, приглашенный за нѣсколько часовъ Карамзинымъ и ничего не зная о предметѣ совѣщанія. Это какая-то ловушка, которую любятъ наши правовѣды и Евреи.

Студентскія исторіи разыгрываются дурно. Болѣе 20 студентовъ университета высланы изъ Петербурга. Сколько мнѣ извѣстно отъ племянниковъ, тутъ, въ студентскихъ сборищахъ, не было Поляковъ, а какъ въ университетѣ, такъ и въ академіи много участвовало Жидовъ. „Моск. Вѣдом.“ подозрѣваютъ и Поляковъ и реакціонерную партію „Вѣсти“ и „Новаго Времени“, которыя („Вѣсть“) получили свѣдѣнія о студентской прокламаціи едва-ли не прежде оберъ-полиціймейстера и немедленно отпечатали ее на своихъ столбцахъ. Можетъ быть. И Полякъ, и реакція слѣпы и подвинутся на всякую мѣру. Сего дня, для 1 Апрѣля, главное управленіе печати запретило продажу „Вѣсти“

въ разноску. Разводъ мостовъ пріостановитъ открытіе курсовъ, тамъ страстная и святая, и авось страсти молодежи улягутся. Были попытки распространить студентскія требованія въ университетахъ Московскомъ (гдѣ напротивъ были ваціи старикамъ Баршеву и Крылову, тоже, я увѣренъ, искусственныя) и Кіевскомъ. Волненіе Кавказскихъ гимназистовъ, подписи собираемыя въ Латышскихъ училищахъ,—все это явленія, можно сказать, предусмотрѣнныя, естественныя при несомнѣнномъ заявленіи Русской партіи, народнаго начала сдѣлаться если не господствующимъ, то по крайней мѣрѣ равноправнымъ на окраинахъ государства, если не преимущественнымъ. Въ публикѣ хорошее впечатлѣніе произвела статья гр. Соллогуба въ „Голосѣ“. Также статья—довольно безцвѣтная—кн. Гр. Щербатова въ № 9-го Апрѣля „С.-Пбург. Вѣдом.“, въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ № 95, Гилярова.

Я снова прочелъ процессъ Лезюрка въ докладѣ Фостен-Эли и въ заключеніи Делянгля. Изложеніе юридическое. Ясно. Бой двухъ знаменитостей, изъ которыхъ послѣднее слово принадлежало прокурору, долженъ былъ кончиться побѣдою, торжествомъ Делянгля. Теперь оказывается, что Лезюркъ и Дюбоскъ судились и осуждены не за одно и тоже дѣяніе и что приговоры о нихъ не несогласимы, а объясняются и фактически, и логически, и юридически. Лезюркъ осужденъ какъ одинъ изъ главныхъ виновныхъ, Дюбоскъ какъ пособникъ. Ни одинъ не исключаетъ другого. Пересмотра, возобновленія, нѣтъ.

Митя занемогъ, Тата занемогла. И мать занемогла. Это гриппъ, незапная перемѣна погоды, наступившій холодъ съ вѣтромъ. 12 часовъ. Карауля моихъ трехъ больныхъ, прохожу я жизнь мою, хоть съ 1828 г., время вступленія моего въ Университетъ—и что же?.... Допишу завтра.

Боже мой, чего не перемѣнилось въ теченіе этихъ сорока лѣтъ? Что̀ осталось, уцѣлѣло отъ прежняго? Вижу 18 лѣтнюю Юлію Кожину—теперь старуха 60 лѣтъ; мать ея, Катер. Захар. теперь 100 лѣтъ, ребенокъ Машенька Любовникова теперь старая дѣва; изъ семейства Купреяновыхъ—одинъ Николенька, таскающійся по монастырямъ и мировымъ судамъ. Уцѣлѣли М. М. Поповъ и Ив. Ив. Лажечниковъ.

На что я говорю о 1828 г.! Возмемъ позднѣйшій, знаменитый 1843 г. Какъ страшно стираетъ людей наше бойкое время. Почти всѣ государи смѣнились въ эти двадцать лѣтъ.

Какъ измѣнились самыя теоріи, идеи и идеалы, какъ далеко пошли механическія, физическія и химическія приложенія, какая разница въ

пріемахъ и способахъ, но—увы—какъ же и ослабли и положительныя вѣроученія и положительные законы! Съ одной стороны напираетъ свободная личность, съ другой общительная солидарность. Не выражается-ли тутъ свобода воли человѣка и неминуемость предопредѣленія и судьбы провидѣнія? Замѣчательно, что съ 1848 г. уцѣлѣли королева Викторія и папа Пій IX, да Фридрихъ Меклембургскій. Замѣчательныя противуположности!

Я вынужденъ прибѣгнуть къ гимнастикѣ. Разстройство нервъ начинаетъ извращать и слухъ и зрѣніе. Общее сотрясеніе въ тѣлѣ, особенно въ рукахъ. Д. Балинскій находитъ, что у меня въ высшей степени разстроены нервы и прогулка по утру, прогулка передъ обѣдомъ, гимнастика и уменьшеніе занятій необходимы, настоятельны немедленно. Гг. доктора забываютъ, что мнѣ 57 лѣтъ и съ 12 лѣтняго возраста, если не ранѣе, я въ постоянныхъ, непрерывныхъ трудахъ. Они не знаютъ всей обширности моего чтеніи, моей заботливости, озабоченности и живости моей мысли и воображенія. Въ настоящее время я лучше нежели былъ прежде. Еще въ 1838 г. я писалъ брату-медику: чувствую, что организмъ мой дезорганизуется. Впрочемъ я исполню требованія д-ра Балинскаго. Машина старѣетъ, надобно ее поправлять и поберегать. Три-четыре сеанса гимнастики ничего не принесли, но кажется могутъ принести. И сегодня рука тряслась. 17 Апрѣля. Кажется, гимнастика дѣйствуетъ. 2 Мая. Вмѣсто шаколата пилъ кофе. Сердце билось, 6 Мая. Руки все иногда трясутся, 15 Мая.

Возвратившійся съ Лифляндскаго ландтага Гагемейстеръ привезъ ближайшее извѣстіе о „Русской программѣ“ въ Остзейскомъ краѣ. Программа немудреная, и удобопріемная: Русскій языкъ по возможности и постепенно; крестьянскаго вопроса не возбуждать; судебная реформа Нѣмецкая, безъ присяжныхъ; матрикуляція дворянства не распространяется на дѣла хозяйственныя; въ городовомъ управленіи Нѣмецкій и Русскій языки равноправны, земская полиція—помѣщичья. Да, но что же это за программа? Это—старое по старому. Но возможно-ли оно? Не думаю. Не такъ думаетъ Русская партія, не такъ думаетъ и Государь. Здѣсь ни слова нѣтъ о школахъ, а между тѣмъ гр. Толстой предполагаетъ изъять народныя школы изъ вѣдѣнія пасторовъ и подчинить ихъ свѣтскимъ совѣтамъ, введя обязательное обученіе Русскому языку. Потомъ, и судебная реформа должна принять значительную долю Русскаго элемента, да и городское устройство не будетъ сословнымъ. Замѣчательно, что дворянство возложило на предводителя какое-то ходатайство, но съ условіемъ: провести дѣло мимо Государств. Совѣта; если же этого нельзя, то бросить дѣло. Какъ „волкъ въ лѣсъ ни смотри“,

но придется имъ поуступить напору государства, съ которымъ эти провинціи связаны природой и исторіей. Лишь бы наши собственныя, внутреннія дѣла шли хорошо (а они хорошо задуманы, да незрѣло обдуманы и спѣшно осуществляются), окраины уступятъ центру тяготѣнія. Не въ порядкѣ вещей, чтобы многочисленное и даровитое племя Славяно-русское не обняло всего предназначеннаго ему поприща и не утвердило своего государственнаго преобладанія.

Сегодня слушалось у насъ дѣло о Дарьѣ Соколовой (См. „Рѣчь“ 271). Я не былъ ни на совѣщательномъ, ни на судебномъ засѣданіи. Я зналъ воззрѣнія моихъ товарищей на это дѣло и не хотѣлъ участвовать въ этомъ безсмысленномъ въ высшей степени неюридическомъ процессѣ. Отъ меня сей часъ ушли присяжный повѣренный и мой племянникъ, присутствовавшіе при докладѣ Столповскаго, очень плохомъ (все ворочалъ листы и читалъ), заключеніи (Ковалевскаго, довольно широкомъ, но юридически совершенно несостоятельномъ) и рѣшеніи отказать и прокурору (онъ протестуетъ противъ того, что̀ допустилъ на судѣ) и Соколовой (она сознается въ похищеніи по ошибкѣ имущества при ней убитыхъ—хорошъ защитникъ!)

Такое важное дѣло! И такое ребяческое производство!

Слѣдовало хотя бы для юридической совѣсти непремѣнно кассировать: въ постановкѣ вопросовъ и за тѣмъ въ отвѣтахъ присяжныхъ допущены такіе грубые, матеріальные недостатки, что честь новыхъ судовъ требовала кассаціи. Соколова, если не главная виновная, то непосредственная участница или пособница. 14 (114 и 123 стт. Улож. 1866 г.) ст. разумѣетъ укрывательство обезпеченное до совершенія или при совершеніи преступленія. Иначе строгость закона немыслима, да и самая статья находится въ отдѣлѣ объ участіи въ преступленіи. У Нѣмцевъ это укрывательство называется Begünstigung, у Французовъ—complicité.

Читаю романъ Ауербаха—Auf der Höhe, который меня очень занимаетъ. Сопоставленіе деревенской простоты съ высокою жизнью двора обрисовано весьма удачно, хотя немножко пристрастно къ первой и антипатично ко второй. При дворѣ только смѣшное и порочное, да развѣ приторное и страстно-ревнивое (королева). Надъ всѣми господствуетъ Ирма, дикій голубь, графиня Вилдспортъ. Эта геніальная женщина и честная душа пала и искупила свое паденіе. Паденіе описано поэтически, превосходно. Искупленіе мелодрамно: эта ночь въ лѣсу, встрѣча съ Ваньпургой на берегу озера и вся четырехлѣтняя

жизнь въ хижинѣ не совсѣмъ вѣроятны и искупаются только запискою: Die Tochter Eberhandis rufft Hünter и смиреніемъ въ присутствіи благословляющаго, отъ имени отца, Гюнтера и великодушной королевы, прощающей все искупленной грѣшницѣ. Ирма, ярко обрисованный идеалъ, затемняетъ и царственность короля, и женственность королевы, и деревенскую наивность (ужъ слишкомъ продолжительную) Вальпурги. Содержаніе и изложеніе романа увлекательны.

Мы покончили съ Пфелемъ. 14-я часть, безъ движимости, оцѣнивается въ 4 т. р. Изъ этихъ первыхъ своихъ денегъ жена посылаетъ билетъ выигрышнаго займа (2) Валеріи и Лидіи въ подарокъ; доброе дѣло. Эти дѣвушки скромныя, благородныя, имъ пріятно помочь, и онѣ заслуживаютъ всякаго вниманія.

(Окончаніе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1869-й годъ*).

(Окончаніе).

Какъ жалокъ бѣдный Лажечниковъ! Онъ думаетъ скоро умереть и при мысли о семьѣ (у него жена и трое малютокъ) онъ совершенно теряется: проситъ, то единовременнаго пособія, то прибавки пенсіи, то оставленія пенсіи за семействомъ, то пожалованія имѣнія въ западныхъ губерніяхъ, то небольшую сумму изъ Моршанскихъ-плотицинскихъ милліоновъ. Просто жалокъ! По ходатайству Алмазова Общество любителей словесности и по ходатайству Ливанова („Раскольники и острожники") артистическій кружокъ въ Москвѣ празднуютъ 50 лѣтіе его служенія искусству и литературѣ. Я писалъ Погодину и Аксакову, прося ихъ вмѣсто всякихъ расходовъ по этому случаю, открыть подписку на составленіе преміи въ пользу Ивана Лажечникова, малолѣтняго сына Ив. Ив., и записать на ихъ листахъ „отъ признательнаго гимназиста" по 100 р. Я помню Ив. Ив. съ 1823 г., когда онъ былъ директоромъ Пенз. гимназіи. Онъ былъ расположенъ къ моей матери, и она была ему признательна. Старшаго брата онъ взялъ съ собою въ Казань. Меня онъ помнитъ по моимъ теперешнимъ разсказамъ. Я за особенное удовольствіе считалъ и считаю быть ему полезнымъ и постараюсь что нибудь сдѣлать для него чрезъ гр. Толстаго и гр. С. Г. Строгонова, крестнаго отца его Вани. Просили К. П. Побѣдоносцева похлопотать за него въ своей сферѣ и написать, къ Погодину и Аксакову. Обѣщался. Онъ близко зналъ Лажечникова, тоже съ дѣтства.

Молодой графъ Леонидъ Комаровскій прислалъ мнѣ свое кандидатское разсужденіе „Очерки Рима въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи". Мнѣ очень понравился этотъ молодой человѣкъ, преданный добросовѣстно своимъ университетскимъ занятіямъ (это такъ рѣдко нынче) и воспитанный родительскою заботливостію нравственно и

*) См. выше стр. 191.

религіозно. Онъ пользовался моими совѣтами и моей библіотекой. Цѣль его, со временемъ, занять каѳедру по юридическому факультету, послѣ усовершенствованія себя въ наукѣ въ Берлинѣ или Боннѣ. При деликатномъ здоровьѣ мнѣ казался онъ и деликатнаго ума. Это умъ сборный, пріобрѣтенный, несамостоятельный. Такое впечатлѣніе оставилъ онъ во мнѣ съ 1863 г. Можетъ быть, онъ разовьется (ему 24 года) и укрѣпится. Можетъ быть дастся ему и наука. Онъ стойтъ строго за безкорыстную преданность и нравственную чистоту. Очерки написаны, кажется, по взятой у меня книгѣ Беккера (и Марквардта) съ прибавленіями и указаніями на тексты. Самостоятельнаго тутъ ничего нѣтъ.

Дождь наградъ, 2 Апрѣля, по обыкновенію чиновъ и орденовъ несмѣтное число, и все это такъ щедро, до расточительности, что никто, думаю, не прилагаетъ никакой важности и только ропщутъ на вычеты. Все это распущенность, разнузданность и расточительность.

Государь не христосовался.

Въ „Петербургской Газетѣ“ въ № отъ 17 Апрѣля повторена статья „Вѣсти“ противъ Милютина, и военная организація представлена революціонною, ослабляющею могущество государства, а мысль объ округахъ заимствована у Пестеля, главнаго заговорщика 14 Декабря. И серьезные люди порицаютъ Милютина за то, что положѐніе о производствѣ въ офицеры, выработанное въ виду крайняго недостатка въ офицерахъ, не было имъ внесено въ Государственный Совѣтъ. Что касается учрежденія округовъ, то оно взято съ Французскаго.

Увольненіе Мельникова одобряется всѣми. Злоупотребленія вѣдомства путей сообщенія достигли огромныхъ размѣровъ и сдѣлались промышленностію нашихъ магнатовъ.

„Москва“ Аксакова запрещена окончательно. Два голоса въ Госуд. Совѣтѣ, Титова и Княжевича, потонули. Я и прежде находилъ, что тутъ нѣтъ мѣста разногласію. Министръ имѣетъ за себя формальное право. Оно юридически не оправдывается, но оно есть.

Кассація наша все болѣе и болѣе сводится на школьничество. Сегодня мы собирались, чтобы условиться кому и куда бѣжать. Зубовъ просится на шесть мѣсяцевъ, Буцковскій на четыре, Стояновскій на три. Мы хотимъ удалиться отъ опасности и оставить ее рости безъ насъ, надѣясь, что авось безъ насъ-то покончатъ съ ней? Родоначальники кассаціи совершенно въ ложномъ положеніи. Плавскій уже бѣжалъ. Любощинскій открыто отзывается о ней съ презрѣніемъ. Матюнинъ собираетъ врачей, чтобы актомъ ихъ заручить себѣ продолжительный отпускъ. Не унываетъ, кажется, одинъ Войцеховичъ. Онъ озабоченъ составленіемъ отчета и, кажется, вѣритъ въ будущность кассаціи. Карамзинъ не даетъ ей и года жизни. Паленъ улыбается: я тафно кафа-

рилъ! Я не возьму никакого особаго отпуска, чтобы не дать повода утверждать, что всѣ работники бѣжали отъ работы. Постараюсь на вакантѣ что нибудь сдѣлать.

„Голосъ изъ земства“ (Кошелева) не заключаетъ въ себѣ обстоятельнаго обозрѣнія нашего земскаго дѣла. Это умѣренный отголосокъ той же партіи, которой съ заносчивостью служитъ „Вѣсть“. Это сборникъ о многомъ, но не фактовъ, не чиселъ, а личныхъ воззрѣній Кошелева, Аксакова, Самарина. Если есть рѣчь о земствѣ, то собственно о Рязанскомъ и—можетъ быть даже тѣснѣе—о Сапожковскомъ. Записки „объ Училищѣ Правовѣдѣнія“ Устимовича были бы поразительны своею откровенностью (о ничтожности и даже вредѣ этого заведенія), если бы молодой правовѣдъ издалъ книжку до гр. Палена и не явно потворствовалъ господствующему теперь духу противъ „правовѣдческой карьеры“. Устимовичъ сдѣланъ товарищемъ предсѣдателя въ Одессу, гдѣ господствуетъ другой ренегатъ—Шахматовъ. Если отъ этихъ партій мы обратимся къ интимнымъ объясненіямъ собственно о литературѣ, то гг. Суворинъ, Антоновичъ и Жуковскій представятъ образчикъ той безцеремонности отношеній къ гласности, которыми щеголяетъ свобода, дышущая и въ рѣшеніи Государ. Совѣта по шумному дѣлу о „Москвѣ“, довольно глуповато возбужденному министерствомъ безъ толку и цѣли. Интимныя отношенія, въ выраженіяхъ своихъ, доходятъ до цинизма. Это тѣже оперетки Оффенбаха и сцены у мирового судьи Михайлова и Носа. Эпоха отражается во всемъ. Дай Богъ, чтобы скорѣе наступилъ поворотъ. Займы и усиленные заработки на желѣзныхъ дорогахъ отдаляютъ кризисъ; но онъ будетъ тѣмъ сильнѣе. Расточительность, распущенность и увлеченія имѣютъ свои предѣлы. Курсы все не поднимаются, военное положеніе почти нормально, броженіе умовъ усиливается. Нравственно и соціально время смутное. Выражается-ли оно въ „Признакахъ времени“ Салтыкова?

Тогда какъ судебная реформа встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія въ уѣздахъ и на окраинахъ имперіи, тогда какъ охранительное производство уже и теперь готовится измѣниться въ гипотечное, тогда какъ мы, кассаторы, и общее мнѣніе сильно порицаемъ выборъ личнаго состава судовъ и особенно палатъ (особенно Московской), прекрасно сложился и развивается институтъ присяжныхъ повѣренныхъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Въ уѣздахъ онъ едва-ли возможенъ, и за отсутствіемъ повѣренныхъ состязательность уголовнаго процесса тоже едва-ли возможна. Но какъ ни хорошъ этотъ институтъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ нынѣшнемъ году въ немъ обнаружилось явленіе, заслуживающее особеннаго вниманія. Число вновь вступающихъ уменьшается, а число выбывающихъ увеличивается. Это можетъ угрожать

разстройствомъ корпораціи. Огромность гонорара привлекаетъ въ адвокатуру и членовъ суда (Вицынъ) и товарищей прокурора (Герке, лучшій цивиллистъ) и даже прокурора (Деппъ), а съ другой стороны: а, отяготительность обязанностей, особенно по дѣламъ уголовнымъ и право бѣдныхъ, б) требованіе повѣренныхъ во вновь открываемые округа, и в) строгость отвѣтственности предъ совѣтомъ присяжныхъ, тогда какъ свободная адвокатура, всѣмъ доступная, не несетъ ни одной изъ этихъ обязанностей. Частный повѣренный кн. Урусовъ въ Москвѣ занимаетъ преобладающее положеніе и не хочетъ быть ни кандидатомъ на судебныя должности, ни присяжнымъ повѣреннымъ. Конечно всего дѣйствительнѣе было бы предоставить корпораціи законную монополію, но я всегда считалъ это вреднымъ и вообще монополія и исключительность не въ духѣ нашего времени. Вообще, по многимъ общимъ и частнымъ моимъ соображеніямъ, я думаю, что судебная реформа, задуманная a priori, людьми незнающими Россіи и переведенная съ Французскаго, требуетъ пересмотра. Я думаю предъявить это требованіе во второй половинѣ ваканта, если буду первоприсутствовать.

Май, а какое затишье въ дѣлахъ политическихъ! Ожиданія не оправдываются. Войны нѣтъ. Ложное, натянутое положеніе продолжается. Наполеонъ переноситъ всѣ униженія и надѣется на новые выборы; сѣверный союзъ, въ ожиданіи войны, развивается и укрѣпляется медленно; въ Англіи демократизмъ (Гладстонъ) начинаетъ брать верхъ, а Алабамское дѣло грозитъ рѣчью Сомнера и національнымъ мщеніемъ. Испанская революція на дняхъ выразится. Торжество д'Орлеана будетъ новымъ униженіемъ Франціи и торжествомъ умѣренной демократіи. Отъ умѣренной до радикальной недалеко, а отъ радикальной до Мадзини и соціализма одинъ шагъ. Не рѣшится-ли на этотъ шагъ Декабрьскій соборъ Папы? Въ корчахъ умирающаго возможны всякія движенія, а соборъ долженъ будетъ доказать, что успѣхи вѣка отодвинули значеніе духовенства, а при покровительствѣ Наполеона, на самый задній планъ.

Международная выставка цвѣтовъ и проч. Прекрасная картина (жаль, мало свѣту). Но едва-ли не только. Названіе международная—немножко притязательно. Выставка даже не Всероссійская, а просто Петербургская. Главнѣйшіе и лучшіе экспоненты—сановники императорской фамиліи и Аптекарскаго острова. Немного Бельгійцевъ, немного Голландцевъ и два Англичанина. За то много медалей и много посѣтителей. За *многіе* расходы Петербургъ не постоитъ. Расточитель этотъ на томъ стоитъ съ самаго своего основанія. Дурной каталогъ. Мало научности.

Сенаторъ К. К. Петерсъ командируется въ судебные округи для изученія причинъ неудовлетворительнаго состоянія слѣдственной части

(судебныхъ слѣдователей). Не состоится-ли командировка и для изученія судовъ, особенно кассаціи, которая тонетъ въ массѣ дѣлъ? Прежде докладывалось множество, теперь клика наша, получивъ отказъ въ усиленіи канцеляріи, прибѣгаетъ къ другому фортелю. Она хочетъ накопить дѣлъ и тѣмъ вымочь принятіе какихъ нибудь мѣръ способныхъ даже переломать кассацію, которая всѣхъ тяготитъ и путаетъ. Послѣднее важнѣе вопроса о личностяхъ и отяготительности. Произвольныя и противорѣчивыя рѣшенія, уже многократно выставленныя и въ газетахъ, способны произвести и производятъ смуту въ умахъ и убѣжденіяхъ. Я это повторяю. Сенаторъ Полнеръ (бывшій предсѣдатель Харьковской Палаты) передавалъ мнѣ, въ какомъ затрудненіи находятся судебныя мѣста, выбирая для своего руководства неясныя и противорѣчивыя рѣшенія кассаціоннаго департамента. Онъ особенно ударялъ на извѣстное дѣло объ Умецкихъ.

Послѣ записокъ д-ра Бата прочелъ я „Кверетаро“, листки изъ записокъ принца и принцессы, жены его Агнесы Сальмъ-Сальмъ. Тоже впечатлѣніе, но еще болѣе рекриминацій и сплетень. Принцъ и принцесса (Американка) порядочные авантюристы, чрезвычайно легковѣрны и легкомысленны. И тотъ и другой слишкомъ выставляютъ себя. Американка, съ большимъ практическимъ смысломъ (что Максимиліана разстрѣляютъ, тогда какъ всѣ Европейцы были увѣрены, что не смѣютъ разстрѣлять), разсказавъ прекрасную сцену, когда она, принцесса, бросилась въ ноги Жуарецу и умоляла о помилованіи императора, она, Американка, вдругъ переходитъ въ шаржъ, предлагаетъ: если непремѣнно нужна жертва—разстрѣляйте меня. Кромѣ этой глуповатой выходки, непонятно еще поведеніе Агнесы въ Мексикѣ, когда мужъ и императоръ, въ отчаянномъ положеніи, осаждены въ Кверетаро. Должно полагать, что она служила тутъ эмиссаромъ и подкупала либераловъ. Записки принцессы не искренни и неясны. Могла-ли она входить въ обязательства и условія съ либералами, не имѣя уполномочія отъ Максимиліана? Могла-ли она жить покойно на дачѣ, когда императоръ и мужъ были въ такомъ страшномъ положеніи?

Яснѣе, для меня, представляется теперь эпизодъ объ измѣнѣ полковника Мигуеля Лопеса. Если онъ и измѣнилъ, то развѣ только этимъ приблизилъ катастрофу нѣсколькими часами—днемъ—ранѣе. Положеніе было безвыходное. Всѣ преимущества были на сторонѣ либераловъ. За императоромъ оставалась горсть иностранцевъ. Ни войска, ни пороха, ни денегъ, ни свѣжихъ припасовъ нѣтъ, не было. Принцъ Сальмъ и самъ императоръ нуждались въ рубашкахъ. Принцесса нашла мужа (потомъ) „какъ изъ помойной или сорной ямы“ (развѣ разграбили?)

Вообще Мексика представляется въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Лопесъ могъ измѣнить и изъ патріотическихъ убѣжденій. Гораздо важнѣе измѣна Маркеза. Французы и онъ привели Максимиліана къ смерти. Не невиновата въ этомъ и императрица Шарлотта, которая уѣхала въ Европу и съ ума сошла.

Нѣтъ, исторія Мексиканской катастрофы еще ожидается. Я, такъ сильно пораженный ею (видѣніе подъ Болховымъ, въ 1867 г.) слѣжу за каждымъ явленіемъ.

Боюсь я, чтобы распоряженіе министровъ графовъ Палена и Толстаго о непріемѣ на службу по судебному вѣдомству студентовъ, которые „не представятъ удостовѣренія, что они не имѣли никакого участія въ противузаконныхъ проявленіяхъ, обнаруживающихъ неуваженіе къ закону или установленнымъ властямъ и правиламъ“—чтобы распоряженіе это, довольно безцеремонное и произвольное, не вызвало „проявленій“ неудовольствія и справедливаго ропота не только университетской молодежи, но и публицистики. Въ наше время и не такая мѣра—ограничивающая права политическія—навлечетъ порицанія и упреки. Слова „никакого участія“, „неуваженіе“, „установленныя власти и правила“ такъ эластичны, что иной консервативный университетъ можетъ лишить этого удостовѣренія всѣхъ студентовъ, а другой, менѣе разборчивый въ средствахъ, сдѣлаетъ изъ этого выгодную спекуляцію. Мнѣ кажется, университетскіе совѣты должны отозваться на эту „Вѣст-ную“ и вѣскую мѣру постановленіями правилъ, которыя бы парализировали эти „проявленія“ консервативнаго произвола. Я не совсѣмъ понимаю здѣсь джентельменнаго гр. Палена. Распоряженіе его, съ которымъ согласился и умный гр. Дм. Анд. Толстой, лишено законнаго основанія и грѣшитъ внутренней неправдой. Университетскіе шалуны—это, большею частію, народъ даровитый, таланты. Герцены, Бѣлинскіе, Полежаевы, и мн. др. народъ даровитый. Лишать себя этого контингента значитъ призывать людей посредственности. И почему распоряженіе это не коснется ни Лицея, ни Училища Правовѣдѣнія?

Буду записывать хронику этого „проявленія“ M-eurs de „Вѣсть“.

Не знаю, до чего дойдемъ мы далѣе. Журналъ „Заря“, говоря о редакторѣ лучшаго нашего періодическаго изданія „Вѣстника Европы“ описываетъ, какъ г. Стасюлевичъ „отплясываетъ ораторскій канканъ“. Слова: „клевета“ „пасквиль“ бросаются на право и на лѣво. Пререканія доходятъ до площадной брани, до суда за обиду и диффамацію. И это въ журналахъ серьезныхъ! Чего не позволятъ себѣ „Русскія Вѣдомости“, „Петербургская Газета“, Илья Арсеньевъ, Зарудный? Странно для меня то, что безцеремонность не умѣряется, а какъ бы ростетъ. Цинизмъ на сценѣ, цинизмъ въ фельетонѣ, цинизмъ въ повѣсти. Онъ переходитъ въ

критику, онъ готовъ перейти въ науку. Въ спорѣ о классическомъ и реальномъ онъ уже явился, въ самомъ „Вѣстникѣ“. Чтобы убить классицизмъ XVI ст. достаточно прочесть защиту его академикомъ Наукомъ въ календарѣ на 1864 г. Отнынѣ классицизмъ—есть спеціальность, какъ Санскритскій языкъ, сельское хозяйство, физіологія и проч. Современная образованность такъ широко раскинулась, что на первомъ планѣ стоитъ Космосъ, все закрывающій и все поглощающій, и въ немъ, съ однимъ изъ безчисленныхъ его отдѣленій, виднѣется Римскій міръ, нумизматика, химія и мн. др. Я удивляюсь, какъ до сихъ поръ могли устоять, въ настоящемъ видѣ, наши физико-математическіе факультеты съ ихъ многочисленными предметами, изъ которыхъ каждый способенъ разростись въ особый факультетъ.

Читаю я „Изъ мемуаровъ одного Русскаго Декабриста“ (барона Андрея Розена), Лейпцигъ, 1869 г. Это едва-ли не первое частное описаніе извѣстнаго событія 14 Декабря 1825 гг., обнимающее какъ этотъ знаменитый день, такъ и послѣдующія судьбы Декабристовъ до 1839 и 1856 г., когда всѣ они помилованы и возвращены съ правами въ Россію. Розенъ, воспитывавшійся съ Рылѣевымъ въ кадетскомъ корпусѣ, проведшій почти всю жизнь въ Русской гвардіи и въ Русскихъ казематахъ въ Сибири (Чита и Петровскъ) и на Кавказѣ, женатый на Русской, былъ однако Нѣмецъ и остался Нѣмцемъ. На послѣдней страницѣ мемуаровъ страдальца записано обвиненіе генерала Головина въ православной пропагандѣ между Эстами и Леттами. Самъ ли Розенъ писалъ эти мемуары или диктовалъ ихъ, во всякомъ случаѣ они не записывались современно событіямъ и во всемъ разсказѣ носятъ печать спокойствія и признательности къ прошлому. А любопытна жизнь „несчастныхъ“ въ общей комнатѣ въ Читѣ и въ отдѣльныхъ нумерахъ въ Петровскомъ Заводѣ. Это маленькая коммунистическая община, состоявшая изъ представителей лучшей Русской аристократіи. Оставленіе ихъ вмѣстѣ была милость, въ корнѣ смягчавшая тяжелое наказаніе. Эта милость довершалась назначеніемъ коменданта Лепарскаго, человѣка истинно добраго и просвѣщеннаго. Съ какимъ удовольствіемъ описываетъ Розенъ житье-бытье въ Читѣ и Петровскѣ съ князьями Трубецкимъ, Волконскимъ, Шаховскимъ, Одоевскимъ, съ Нарышкинымъ, Муравьевыми, Бестужевыми и мн. др., съ которыми въ Петербургѣ Остзейскій баронъ могъ видѣться развѣ только на ученьѣ и парадахъ! А къ этому сонму аристократовъ присоединились и богини Олимпа, способныя украсить великій дворъ и лучшій цвѣтъ человѣчества: Трубецкая, Нарышкина, Фонвизина, Полина Анненкова, Юшневская. И всѣ, или большая часть ихъ, съ талантами, съ молодостью и огромными средствами. У нихъ тотчасъ явились и мастерскія, и

оркестръ, и хоры, и библіотека, и газеты. Я зналъ многихъ изъ возвращенныхъ Декабристовъ: Нарышкина, Свистунова, Евгенія Оболенскаго, Серг. Кривцова, гр. Зах. Чернышева, Батенкова и др., и ни на одномъ (кромѣ Батенкова, одичалаго) нельзя было видѣть ни слѣдовъ страданій, ни потрясеній нравственныхъ, ни даже коренныхъ измѣненій въ убѣжденіяхъ. Личности женскія оттѣняются какимъ-то неземнымъ блескомъ любви и преданности. Простыя воспоминанія барона Розена гораздо болѣе говорятъ сердцу нежели кудрявыя и витіеватыя измышленія Дюма. Желательно бы изданіе подобныхъ записокъ или воспоминаній кого нибудь изъ Русскихъ. Они должны быть,—и будутъ. Увы! грозная непомѣрная строгость приговора 1826 г. разрѣшилась самымъ несотвѣтственнымъ для ея цѣли образомъ. Излишняя строгость ведетъ къ безнаказанности. Изъ кровавой драмы Николая вышла идиллическая жизнь благородной колоніи, которая разливала вокругъ себя благодѣянія, и къ ней обращались благословенія въ Азіи и лучшія симпатіи въ Европѣ. Возстаніе 1825 г. есть *безуміе*. Мемуары Розена не разъясняютъ его. Какъ могли поддаться этому безумію Рылѣевы, Пестель, Юшневскій, Лунинъ, Нарышкинъ? Лучшіе мемуары должны объяснить это. Книжка Розена читается скоро и съ удовольствіемъ.

Кассація,—кассація меня сокрушаетъ. „Судебный Вѣстн.“ въ печатаемыхъ имъ текстахъ безпрестанно ловитъ насъ въ противорѣчивыхъ рѣшеніяхъ, которыя однако служатъ для всѣхъ руководствомъ. Здѣсь г. Арцимовичъ объясняетъ, что въ основаніе судебнаго приговора принимается не одно рѣшеніе присяжныхъ, но и другія обстоятельства дѣла, обнаруженныя при судебномъ слѣдствіи. Тамъ г. Стояновскій объясняетъ, что камера присутствія есть камера, устроенная согласно 2 т. Св. Зак., и на этомъ основаніи г. Буцковскій толкуетъ, что камера мироваго судьи не есть такая камера, а г. Стояновскій перетолковываетъ, что это именно такая камера. Въ одномъ мѣстѣ г. Зубовъ объясняетъ, что присвоеніе предполагаетъ ввѣреніе движимаго имущества, а въ другомъ, что присвояются вещи и самоуправно взятыя. Я потому заношу въ мою лѣтопись объ этой несчастной кассаціи, что сего дня присланы мнѣ къ подписанію мои Декабрьскія опредѣленія, Богъ знаетъ гдѣ и за чѣмъ лежавшія, а также и опредѣленіе о книгопродавцѣ Павленковѣ, издателѣ сочиненій Писарева и въ нихъ небольшой статьи: „Бѣдная Русская мысль“. Дѣло докладывалъ, т. е. читалъ, г. Стояновскій, а опредѣленіе взялся написать г. Буцковскій. И написалъ. Я остаюсь при моемъ мнѣніи, что перепечатаніе статьи въ 1867 г., разъ пропущенной въ 1862 г. предварительною цензурою, хотя бы статья эта и подходила подъ 1001 или 1035 ст. (по аналогіи, ст. 151 Улож. и 12 Уст. Уг. Суд.), за силою 99 ст. Улож., должно быть извинено изда-

телю, и потому не приму участія въ преніяхъ о проэктѣ опредѣленія, гдѣ между прочимъ опредѣляется и значеніе аналогіи, и ученіе Бокля объ историческихъ личностяхъ, и значеніе Петра, какъ великаго человѣка. Г. Буцковскій немного размахался. При самомъ вступленіи моемъ въ кассацію, въ Сентябрѣ 1868 г., я просилъ моихъ товарищей избѣгать общихъ разсужденій и держаться преимущественно на почвѣ даннаго событія. Что̀ можетъ быть болѣе шатко какъ толкованіе аналогіи? Что̀ за ссылка на Бокля? Какого Славянофила убѣдишь въ величіи Петра, и почему эта оцѣнка пришла въ кассацію о дѣлѣ Павленкова? Ничтожная, но дерзкая статья Писарева о „бѣдной Русской мысли“ дѣлается почти историческимъ событіемъ, вызываетъ пренія и споры и—я увѣренъ—вызоветъ противуположныя воззрѣнія и смутныя понятія. Нашимъ либераламъ хотѣлось воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выразить свое одобреніе свободѣ исторической критики и повторить уже прежде заявленную доктрину, что напечатаніе и представленіе въ цензуру книги не есть совершеніе и даже не покушеніе, а только приготовленіе, наказуемое только тогда, когда законъ именно наказываетъ за приготовленіе. Но и здѣсь мы впали въ противорѣчіе. Найдя статью неприличною и по закону не подвергающею отвѣтственности, мы однако приказали ее уничтожить. Это не только не либерально и не юридично, но и мало логично.

Писареву нужно было осмѣять не затѣю Петра Алексѣевича и его фокусы, а просто покопаться подъ монархическимъ началомъ и пересыпать свою статейку задорными словечками нашихъ современныхъ публицистовъ и фельетонистовъ. Не болѣе послѣдовательности и въ самомъ преслѣдованіи *перепечатанія* статьи. Цензура въ 1864 г. пропустила ее. Могла ли она быть запрещена въ 1869 г.? И запрещая статью въ изданіи Павленкова, не набиваетъ-ли Сенатъ цѣну на „Русское Слово“ 1862 г. и на „двѣ статьи“, перепечатанныя (также „бѣдная Русская мысль“, но безъ заглавія)? Желая услужить правительству и удружить публицистамъ, рѣшеніе нелогичностью своею путаетъ и ту и другую сторону.

Замѣчательное наблюденіе дѣлаютъ сего дня „С.-Пбургскія Вѣдомости“. Оказывается, что канцлеръ кн. Горчаковъ и министръ гр. Дм. Толстой сообщаютъ правительственные акты прежде въ редакцію „Москов. Вѣдомостей“, а потомъ уже въ „Правительств. Вѣстникъ“. Замѣчательно. Публицисты и особенно М. Н. Катковъ становятся открытою силою, и министры заискиваютъ.

Прочелъ я біографическій очеркъ „Т. Н. Грановскій“ А. Станкевича. Это скорѣе панегирикъ, нежели біографія, но панегирикъ обстоятельный и добросовѣстный. Замѣчательная личность Московскаго

профессора обрисовывается собственными словами, удачно выбранными біографомъ изъ переписки съ сестрами, друзьями и невѣстой, а потомъ женой. Личность благородная, воспріимчивая и довѣрчивая. Личность, немножко самоувѣренная, иногда самообольщающаяся, но всегда чистая, всегда симпатичная, умѣряющая. Личность впрочемъ довольно посредственная, если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія науки и общественной дѣятельности. Для науки онъ ничего не сдѣлалъ (см. два тома его сочиненій, вышедшіе вторымъ изданіемъ), никакихъ особенныхъ истинъ не сказалъ онъ и въ публичной своей дѣятельности. Но публичныя лекціи его имѣли большое значеніе, сближая общество съ наукой, давая отпоръ распространявшемуся тогда и усиливавшемуся славянофильству и завоевывая публичному слову право гражданства. Имѣя прекрасные задатки, готовый принять серьезныя и обширныя обязательства, обласканный студентскимъ и общественнымъ мнѣніемъ, а также и министрами Уваровымъ и Норовымъ, отчего не удался Грановскій, отчего такъ мало написалъ, отчего рано умеръ? Много горя было въ семьѣ, устроить которую онъ, непрактичный, не могъ, много интригъ въ университетѣ, да; но что̀ это за препятствія для таланта? Причину неудачи я ищу во первыхъ, въ плохой предварительной подготовкѣ къ университету, въ безпорядочной жизни юноши дома̀ и въ Петербургѣ, въ разгульной жизни за границей, въ избалованности Московскими аплодисментами и наконецъ—въ бездѣтности. А личность была дѣйствительно замѣчательная.

Такъ, кажется мнѣ, и читаешь себя. Почти годъ въ годъ, такъ и называется. И эта переписка съ сестрою, невѣстой и женою, и это постоянство въ отношеніе ихъ и это постоянное недовольство собою и наконецъ эта памятливость и особенная любовь прошедшаго. Все это такъ живо напоминаетъ мнѣ самого меня. По разнымъ дорогамъ пошли мы. Мнѣ пришлось пожить дома̀.

У моей Таты 35 билетовъ внутренняго съ выиграшами займа, кромѣ драгоцѣнныхъ вещей, которыхъ я пріобрѣлъ на 500 р. по крайней мѣрѣ. Меня это радуетъ, радуетъ это и жену, превосходный ребенокъ нашъ—mces délies не будетъ въ нищетѣ и зависимости, если бы меня и не стало. Этотъ годъ я очень заботливо торопился откладывать мои сбереженія. Точно инстинктъ говоритъ мнѣ, что скоропостижная смерть, столь теперь частая, постигнетъ и меня. Господь поможетъ, и я надѣюсь въ непродолжительномъ времени—къ Январю 1870 г.—довести до 60 билетовъ, а это уже капиталъ, съ котораго молодая дѣвушка можетъ получать 600 р. Мало,—да; но это расчетъ крайности, потому что при болѣе продолжительныхъ сбереженіяхъ цифра должна удвоиться и утроиться. Что̀ нибудь придетъ и отъ продажи Рябинокъ.

Тяжело заботитъ меня сбереженіе семейства. Хотя—Боже мой—что̀ такое обезпеченіе? Посмотрю я на А, на Б, на В и др. Ничтожность!

Уѣзжая въ Мерекюль, передалъ я сегодня всѣ остававшіяся за мною опредѣленія по дѣламъ, доложеннымъ въ Апрѣлѣ и Маѣ. Доложено мною, съ 1 Января по Іюня, всего 133 дѣла. Много. Обработано 4, 5-ть. Всѣ прочія, за весьма незначительнымъ исключеніемъ, довольно ничтожны, рѣшаемыя за урядъ, подъ стать, иногда огуломъ. Но я все таки повторяю: мы недостаточно цѣнимъ и взвѣшиваемъ важность нашихъ рѣшеній и довольно легонько отвергаемъ (умолчаніемъ или обходомъ: „обойти“) ссылки на наши рѣшенія. Впрочемъ, что̀ же дѣлать? Масса давитъ. Необходимость извиняетъ. А канцелярія и мала и по закону и de facto ничего не дѣлаетъ. По Жидовской натурѣ она занята спекуляціями и, получая большое содержаніе, занимается въ частные секретари, а оберъ-секретарь дурною корректурою и дурнымъ алфавитнымъ оглавленіемъ „Сборника рѣшеній“ думаетъ обезпечить сбытъ втораго изданія своего механическаго „Свода рѣшеній“. Вообще, положеніе Кассаціоннаго Сената жалко. У насъ нѣтъ хозяина, нѣтъ никакого надзора, нѣтъ даже помѣщенія.

Съ 7 Іюня по 14 Іюля я пробылъ въ Мерекюлѣ (Меркулово) и несмотря на не совсѣмъ благопріятную погоду, провелъ время прекрасно. Нѣсколько дней, особенно въ концѣ, были восхитительные. Чистѣйшій воздухъ, ароматная духота и свѣтлый лучъ напоминали небо и весну Юга. Я вполнѣ наслаждался свободою, окруженный моими дѣтьми, здоровыми, веселыми и прекрасными какъ эти лучи и это небо. Впрочемъ прелесть времени не отвлекла меня отъ работы, которую я себѣ задалъ: по всѣмъ статьямъ уложенія, учрежденія, устава мироваго и общаго устава уголов. судопроизводства составить указатель всѣхъ рѣшеній кассаціоннаго департамента, напечатанныхъ въ 1866, 1867, 1868 гг. Работа кропотливая, одуряющая, но—думаю—полезная, нужная, необходимая. Пора положить основаніе систематико-исторической практикѣ кассаціонной нашей дѣятельности. Она недостаточно понимаетъ важность своего отправленія. Необходимы обузданіе ея увлеченій и легкомыслій, мало останавливаемыхъ недостаточною нашею гласностію и нашею публицистикой. Работа переписана женою, дочерью, сыномъ и его гувернеромъ въ четыре руки, въ четыре дня. Труда много. Если товарищи мои не будутъ почему нибудь противъ, я ее напечатаю подъ заглавіемъ „Справочные листы“ Калеба. Повторяю: нужно дать основаніе кассаціонной догматикѣ.

Раздраженіе Ост-зейцевъ противъ русской печати—или вѣрнѣе: противъ „Москов. Вѣдомостей“ достигло крайняго предѣла. Катковъ въ передовыхъ статьяхъ почти каждаго № своей газеты бичуетъ Экгарда, Сиверса,

Бокка и особенно Ширрена, бичуетъ раціонально и безпощадно. Исключеніе изъ службы Ширрена и два предостереженія, сдѣланныя редактору S.petersburger Zeitung—пресловутому Вестфальцу Мейеру, ослабляютъ и безъ того не сильную оборону прибалтійскихъ учрежденій и усиливаютъ корреспонденцію въ иностранныхъ Нѣмецкихъ газетахъ. Конечно при свободѣ печати направленіе публицистовъ мало зависитъ отъ правительства. Да и вообще желательно, чтобы правительство поменьше участвовало въ болтовствѣ и полемикѣ, но желательно вообще и то, чтобы правительство приступило къ раціональнымъ реформамъ въ земствѣ и въ городахъ Прибалтійскаго края. И судъ и полиція, и народное образованіе, и городское управленіе тамъ напоминаютъ такую средневѣковую исключительность, какой нѣтъ нигдѣ. Ширренъ въ своемъ lifländifische Antwort an J. Samarin и Егоръ Сиверсъ въ своей брошюрѣ: Nationalität und Humanität ссылаются все на капитуляцію Петра I и на высшую Нѣмецкую культуру; но вопросъ: развѣ предъявляется требованіе преобразованій противно капитуляціямъ и унижаетъ культуру?

Два нововведенія особенно пугаютъ Остзейцевъ: введеніе Русскаго языка и православная пропаганда. Но введеніе языка никогда не мыслилось въ семейномъ и общественномъ быту, а пропаганда въ средѣ высшей культуры совершенно немыслима. Я былъ свидѣтелемъ Остзейскаго раздраженія въ Эстляндскомъ мѣстечкѣ, мнѣ даже намекали о моихъ Русскихъ нововведеніяхъ 1844 г. (о которыхъ слегка говорили „Москов. Вѣдомости“, кажется въ Декабря 1864 г. и Ю. Ѳ. Самаринъ въ 7—8 №. „Русск. Архива“ стр. 1245 перепеч. въ Іюлѣ 1869 г. „Москов. Вѣдомостями“), на меня косились Русскіе Нѣмцы, но въ разговорахъ съ *сенаторомъ* согласились, что уступка, въ моемъ смыслѣ, возможна, полезна, даже необходима. Боже мой! Но соглашаясь съ робкими предположеніями моими 1844 г., все прорываетъ плотину, которой за тѣмъ нѣтъ возможности удержаться. Океанъ Русскій затопитъ эту Остзейскую окрайну. Я и теперь убѣжденъ въ томъ. Предположеніе 1844 г. полезно и *необходимо*. Кончено. Ваше дѣло проиграно. Какъ тогда, я и теперь скажу: Русскій океанъ зальетъ этотъ островокъ.

Мѣстечко Мерекюль въ Петербургской губерніи, а подсудно Ревелю. Ну есть-ли тутъ смыслъ? Мерекюль принадлежалъ старинной фамиліи барономъ Арбсхофенъ (тоже не изъ важныхъ, важный не переселится Меченосцемъ въ дикій край), изъ которой послѣдняго представителя я зналъ лично. Теперь мѣстечко, по позднѣйшимъ постановленіямъ, пріобрѣтено Чухонцомъ Гентомъ, и ему же Чухонцу принадлежитъ и вотчинная полиція. Ну есть-ли тутъ смыслъ?

Еще заемъ: пустяки, 15 милліоновъ. Да, но заемъ и при томъ процентный. Заемъ, а курсъ не только не улучшается, а падаетъ. Нашъ рубль бумажный ниже именовательной стоимости на 25%. Не съ однихъ международныхъ сдѣлкахъ, но—при желѣзныхъ дорогахъ—и въ сдѣлкахъ внутренныхъ, государство терпитъ огромные убытки. Расходы ростутъ, даже увеличиваются, стоимость кредитнаго рубля падаетъ. Что тутъ нормальнаго?

Не будучи финансистомъ, я, старый криминалистъ, не могу не отмѣтить, что расточительность центральнаго управленія (жалованье, добавочныя, аренды, награды денежныя, усиленныя пенсіи и т. д.) вызываютъ въ провинціяхъ кражи мѣстныя: крадутъ, расточаютъ казенныя деньги вездѣ, въ Вязьмѣ, въ Крестцахъ, въ Ташкентѣ, въ Нижнемъ и въ верхнемъ...

„Улучшеніе штатовъ“ сдѣлалось поговоркой. Гр. Дм. Толстой призналъ это аксіомой. Вел. Кн. Константинъ родоначальникъ этой аксіомы. Ну, а Русакъ-крестьянинъ что говоритъ? Подати утроились, и все стало дороже. Вздорожаніе при расточительности естественно. Но нормально-ли это? Ненормальность выручается въ настоящее время дарованіемъ льготъ, удачами, благодарностію, pietate. Но явись общее бѣдствіе, холера, голодъ, даже война, и ненормальность эта вызоветъ явленія опасныя: усиленіе преступленій, смуты и явное волненіе. Едва ли тутъ поможетъ и наша гласность. Я не приписываю важности Киргизскимъ волненіямъ въ Оренбургѣ. Вѣроятно новое положеніе (вѣроятно путаница) служитъ только предлогомъ, а устроено это волненіе султанами, можетъ быть Хивой и Бухарой. Но я приписываю большую важность непомѣрному возрастанію бюджета и постояннымъ займамъ. Я считаю крайне необходимымъ понизить прямые налоги и принять за непремѣнное правило, чтобы цифра новаго займа была ниже цифры погашенія старыхъ долговъ. Подписка на 15 милл. вѣроятно дастъ сотни милліоновъ, 337½ милліон. и разверстка дѣла не очень неуровнительна, но это фарсъ, Петербургская спекуляція, а дутое богатство казны и дѣйствительная бѣдность народа есть событіе несомнѣнное. Я ожидаю выхода втораго „Статистическаго Временника“ и результатовъ, долженствующихъ обнаружиться въ 1871 г., чтобы основать мои убѣжденія и опасенія.

Вотъ я и первоприсутствую, съ 15 Іюля, и почтенные агитаторы Октябрской пересадки понизились мѣстами, но понизились не по собственной волѣ, какъ я тогда, а по Высочайшему толкованію, отмѣняющему постановленіе общаго собранія Кассаціоннаго Сената, предвосхищенное честолюбцами и интриганами. Но дѣло въ томъ, что, предположивъ сдѣлать что нибудь для водворенія хотя бы механическаго порядка въ

дѣлахъ и опредѣленіяхъ, едва ли я смогу что нибудь сдѣлать. Правовѣды, въ большинствѣ которыхъ весь департаментъ, чужды порядкамъ. Рутина уже втерлась и окрѣпла. Настоящихъ хозяевъ ни одного нѣтъ, а временные не только считаютъ себя не въ правѣ, но и не имѣютъ доброй воли. Мои „Справочные Листы“ въ цензурѣ и скоро напечатаются.

Не могу я одолѣть это толстое, безобразное, но порою высокое и грандіозное твореніе заклятаго демократа и соціалиста Виктора Гюго: „L'homme qui rit“. Записка Жосіанны къ Гвинплену характеризуетъ этотъ романъ, то сказочный, то эпическій, то лирическій, то памфлетическій. „Ты уродъ—пишетъ Герцогиня, я красавица, ты жонглеръ, я герцогиня. Я властительница, ты послѣдній рабъ. Я влекусь къ тебѣ. Я люблю. Приходи“ Здѣсь причудливотть погоняетъ невѣроятное, безобразіе споритъ съ лучами свѣта, тупоуміе созидаетъ теоріи, и человѣкъ называется ursus, а волкъ—homo. Завываніе морской бури смѣняется свѣтлыми ощущеніями невѣдомой любви къ Дею, отъ грохота народнаго хохота переходишь къ разслабляющимъ ласкамъ мечтаній и идеализаціи. Свѣтящаяся слѣпота Деи и реализмъ своенравной Жосіанны изчезаютъ въ потокѣ разглагольствованій о значеніи пѣра и лорда, о бѣдствіяхъ толпы и заслугахъ аристократіи. Капризный вымыслъ смѣняется капризною ученостію. Всякая картина переполнена и перемалевана, всякая мысль переломана и выворочена, всякая фраза надточена и перекована. Въ современномъ реалистѣ видѣнъ романтикъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Поэтъ отдался служенію соціализма. Исторія выражается зломъ. Узнаетъ-ли В. Гюго себя въ этой характеристикѣ?

Довольно часто вижусь я съ Софьей Баратынской (рожд. Бобарыкина), которую постигло такое страшное несчастіе. Молодая красавица незапно потеряла мужа (его нашли мертвымъ въ вагонѣ) и осталась, при довольно ограниченныхъ средствахъ, съ тремя малышами: Julie, Sophie и Леля *) по третьему году. Я очень рѣдко прежде видѣлся съ нею и вообще мало ей симпатизирую, но въ настоящемъ ея положеніи сочувствіе есть долгъ. Перстъ Божій коснулся этой семьи и посѣтилъ ее великимъ бѣдствіемъ. Такое посѣщеніе священно, и лучшія чувства должны быть ему отданы. Мнѣ желательно это сближеніе и потому, что при воспитаніи дѣтей я могу быть хорошимъ совѣтникомъ, а Sophie, взросши сиротой, вопроса этого совсѣмъ не цѣнитъ.

Я боюсь за участь Julie, Sophie et particuliément Лели мальчика и потому готовъ перенести всѣ капризы красавицы и всѣ требованія несчастія. А капризовъ и требованій довольно. Она не хочетъ измѣнять образа жизни, она желаетъ устроить воспитаніе дѣтей на широкую

*) Внучата Е. А. Баратынскаго, дѣти его сына Дмитрія. П. Б.

ногу и дома. Она думаетъ заняться серьезно науками и языками сама, чтобы направлять воспитаніе дѣтей. Горе ея велико. Противорѣчіе раздражаетъ несчастную. Но самый непродолжительный опытъ убѣдитъ ее, что все это—требованія неисполнимыя и что кромѣ желаній нужно имѣть и умѣнье обходиться съ лишеніями.

Жена и дѣти такъ довольны своимъ пребываніемъ въ Мерекюлѣ, моими посылками и письмами. Я ненарадуюсь этой перепиской. Какое благословеніе Божіе почіетъ на моемъ домѣ! Не знаешь, какъ благодарить, дрожишь какъ бы сохранить, придумываешь какъ бы заслужить это благословеніе. Жду не дождусь дня, когда соединюсь съ ними. Буди милостивъ ко мнѣ, Господи! 4 Августа.

Какое новое начало пробивается въ Европейскую жизнь и препятствуетъ ей притти въ нормальное положеніе? Гдѣ это нормальное положеніе? Гдѣ нѣтъ броженія? Нуженъ немножко поболѣе Наполеона, Бисмарка и Пія. Эти господа только усложняютъ отношенія, обнимаютъ и господствуютъ положенія мѣстныя, современныя, но нитей общаго объема, нитей будущности они не захватили. Они даже не освоились съ солидарностію или круговою порукой, къ которой привели гласность и паръ, все усиливающіеся, все обобщающіе. Тѣнь, призракъ религіи бродитъ по Европѣ, но и онъ изчезнетъ отъ лже-великаго собора. Безвѣріе и матеріализмъ пробиваются живыми силами. Еще сдерживается напоръ собственностію, правомъ, преданіемъ и авторитетомъ. Но гдѣ эти преданія и авторитеты даже въ Англіи? Какое огражденіе находитъ право въ положительномъ законѣ, столь подвижномъ, еластичномъ и усложненномъ? Собственность? Какая собственность можетъ считаться прочною и вѣрною при этихъ страшныхъ злоупотребленіяхъ кредита, налоговъ и спекуляцій?

Всѣ эти Наполеоны, Бисмарки и Піи избраны орудіемъ къ ускоренію осуществленія грядущаго порядка, а порядокъ этотъ заявилъ себя уже при первомъ, страшномъ переворотѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Геній Германскій требуетъ безусловной свободы индивидуальной. Геній романскій выковываетъ республику. Младшій братъ ихъ, геній Славянскій, вырабатываетъ переворотъ соціальный. Личная вѣра, безличная власть и общая собственность—вотъ три фактора нашей будущности, которые такъ трудно уживаются съ старыми порядками, безпрестанно сталкиваются съ ними, грозятъ и близятся къ осуществленію. Начало „совершившагося событія“ du fait accompli—признано международнымъ правомъ. Оно перейдетъ и въ положительныя законодательства.

Однако журналы и газеты такъ и впились въ Остзейскій вопросъ. (Все вопросъ!) Въ Москвѣ и Петербургѣ разъигрываютъ его на всѣ лады. Какъ велико преимущество нравственной, культурной силы предъ

матеріальной, доказываетъ борьба этой горсти Нѣмцевъ съ милліонами Русскихъ. Исходъ борьбы несомнителенъ: какъ же не слиться этой застоявшейся лужѣ съ великимъ, разливающимся океаномъ? Но борьба есть. Постепенное введеніе судебной реформы на Русскомъ языкѣ и усиленіе преподаванія Русскаго языка въ школахъ—дѣйствительно исполненныя—давно покончили бы этотъ смѣшной споръ и гораздо болѣе удовлетворили бы требованіямъ общаго населенія, находящагося въ бѣдности, невѣжествѣ и рабствѣ. И можно ли удержаться въ сторонѣ, въ своемъ уголкѣ, этой горсти рыцарства и горожанъ посреди настоящихъ преобразованій, имѣющихъ нескончаемую будущность и всемірное значеніе; въ сѣти желѣзныхъ дорогъ, бѣгущихъ изъ центра Русской имперіи къ прибрежью Балтійскаго моря, въ стоязычномъ говорѣ публицистики, поучающей и Эстовъ и Латышей? Эта борьба жалка и смѣшна.

За это время раза два три видѣлся я съ семействомъ покойнаго Данзаса (Смотри выше). Положеніе вдовы его и трехъ дочерей довольно печально. Покойный не только не оставилъ имъ никакой почвы, это бы еще ничего—онъ оставилъ ихъ на ложной почвѣ, на которой нельзя долго стоять. Надобно сойти, иначе она провалится. Они перемѣнили квартиру (но все еще занимаютъ дорогую) и не держатъ лошадей, пользуясь ваньками. Они очень веселы и любятъ дворскія и городскія сплетни. Любятъ тоалеты и лакомства. Много говорятъ, и иногда всѣ за разъ. Мнѣ болѣе нравиться Таша; кажется, она и умнѣе всѣхъ. Прославленная умомъ и сценическимъ талантомъ Ольга слишкомъ самоувѣренна и почти назойлива. Она болѣе другихъ напоминаетъ отца: много говоритъ о себѣ. Хвастаетъ. Таша довольно громко прерываетъ ее „хвастунья“. Болѣе всѣхъ носитъ печаль грусти старшая, Аделаида. Она постоянно удаляется и молчалива. Говорятъ, она очень проста, какъ и старшій сынъ, Сергѣй, слывущій кретиномъ. Нетрудно предсказать, что при нынѣшнихъ средствахъ—довольно значительныхъ—мать и дочери все болѣе и болѣе будутъ уменьшать расходы, понижаться въ знакомствахъ и—и—старѣть. Едва ли дѣвушки устроятся, едва ли старуха не впадетъ въ болѣзни.

Въ Мерекюлѣ показалась страшная скарлатина. Избави, Боже! Митя ѣдетъ ко мнѣ. Болѣзнь не распространяется. Я очень озабоченъ. Столько капиталовъ нашей любви въ опасности.

Митя со мною. Онъ пріѣхалъ для акта, на которомъ получаетъ первую награду: листъ и книгу „за отличные успѣхи и отличное поведеніе“. Я покойнѣе. О скарлатинѣ послѣднее письмо не упоминаетъ. На дняхъ я ѣду, и мы соединимся и переѣдемъ въ городъ. Пора. Осень.

21 я поѣхалъ къ семьѣ, провелъ тамъ шесть дней и вернулся совсѣми чадами и домочадцами—съ немалымъ трудомъ—въ Петербургъ, сей часъ, по утру, въ 6 часовъ. И, Боже мой, что же насъ встрѣтило нежданно-негаданно, въ спальнѣ, на кроваткѣ Таты? Полуразрушенный, полоумный, косноязычный братъ, А. А. Боборыкинъ. Онъ прискакалъ безъ нашего вѣдома, поселился въ спальнѣ. Жена потрясена до костей. Она затряслась и покрылась холоднымъ потомъ. Страшная минута! Страшное положеніе! И никто ни словечкомъ не предупредилъ несчастную сестру, которая, истощенная и усталая, вдругъ встрѣтилась съ такимъ привидѣніемъ. Какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ этотъ случай на насъ и на дѣтей!

Агитація противъ Нѣмецкихъ порядковъ въ Остзейскихъ губерніяхъ продолжается. И все сильнѣе и раздражительнѣе. Новая книга, Дерптскаго доцента Валькера дѣлаетъ значительныя уступки и останавливается на одномъ—довольно софистическомъ—что отмѣна Нѣмецкаго языка въ дѣлопроизводствѣ и въ судахъ подорветъ Нѣмецкую культуру. Почему, отчего? О томъ ни слова. Русское дѣло очевидно выигрываетъ шагъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ губерніяхъ. Эстамъ и Латышамъ выгоднѣе быть Русскими, нежели Нѣмцами. Они этого не хотятъ. Пробужденіе Русской самостоятельной національности сильно взбаломутило наши окраины, и ихъ крики отчаянія удостовѣряютъ ихъ безсиліе и преобладающее вліяніе сплошной массы великаго народа. Еще десятокъ лѣтъ, и это преобладаніе будетъ признано невольно и уже безъ криковъ.

Въ сенатской типографіи печатается проэктъ судебной реформы, содержаніе котораго держится подъ большимъ секретомъ. Надобно полагать, что Русскому языку дано тамъ если не главное, то значительное мѣсто. Иначе нельзя понять назначеніе графа Палена министромъ или онъ не усидитъ. Со введеніемъ Русскаго языка въ правосудіи и съ подчиненіемъ сельскихъ школъ министерству, „Рубиконъ“ будетъ уже въ тылу, и само благоразуміе должно бы потребовать отъ „Нѣмецкой партіи“ искренно примкнуться къ *Русскимъ* преобразованіямъ и съ ними, примирясь откровенно, перестать дрожать за Нѣмецкую культуру. Тогда прекратится эта праздная (?) болтовня, и дѣйствительныя событія замѣстятъ газетныя препинанія, надоѣдающія умамъ серьезнымъ и растравляющія узкоголовые, поверхностные. Къ послѣднимъ я причисляю и Ширена и Валькера, а хуже ихъ—это Егора Сиверса и фонъ-Бокка, настоящихъ *обличителей* Остзейской двусмысленности. „Je suis volé“.

Новые выборы во Франціи дали новыхъ людей, и самые приверженцы императора возвысили голосъ и предъявили требованія объ уступкахъ власти. Ловкая власть поддалась. Уступки даны, и статусъ-кон-

сульмъ 6 (18) Сентября вводитъ парламентарную систему управленія, полагая конецъ диктаторскому, которое держалось съ 1852 года: немалый періодъ, періодъ мнимаго процвѣтанія и дѣйствительнаго пониженія политическаго значенія *великой* націи. Это огромной шагъ. И при искренности дѣйствій Наполеона (въ чемъ можно сомнѣваться) возбуждается вопросъ, примирима-ли личность Наполеона (пройдохи и диктатора) съ благороднымъ парламентскимъ правленіемъ? Положимъ, что въ будущемъ пройдоха, не имѣя исхода, подчинится парламенту; но будущее зависитъ отъ настоящаго, которое связано съ прошедшимъ. А прошедшее—этотъ періодъ мнимаго процвѣтанія—охъ какъ дурно! И оппозиція схватится за это прошедшее. Она припомнитъ и безпредметную Итальянскую кампанію, и необдуманную экспедицію Мексиканскую, и непомѣрное возвышеніе Пруссіи, тогда какъ послѣ битвы при Садовой Австрія и вся южная Германія отдавались въ распоряженіе Франціи и представлялся самый удобный случай расчитаться съ могущественнымъ сосѣдомъ и, можетъ быть, приблизиться къ Рейну. Старѣющій и болящій императоръ теряетъ энергію, и со времени Прусскихъ побѣдъ Европейская иниціатива не принадлежитъ болѣе Франціи.

Да и внутреннія дѣла много пищи дадутъ парламентской оппозиціи. Постоянная недобросовѣстность правительства въ выборахъ и эгоистическое направленіе въ личныхъ назначеніяхъ, въ судебныхъ преслѣдованіяхъ, извратили общественный строй и развратили понятія и убѣжденія. Все, даже политическія партіи, сдѣлалось спекуляціей. Надобно прочесть „le 19 Février“ Оливье, чтобы увѣриться въ подлости и предательствѣ правителей новой Имперіи.

Прочелъ я сочиненіе Жюля ле-Беркье: le Barreau Moderne. Я повторю прежде сказанное: юридическая литература во Франціи падаетъ. Книжка ле-Беркье, удостоившаяся напечатанія въ лучшемъ Французскомъ журналѣ—Revue des deux mondes—есть сборникъ статей, болѣе литературно-историческихъ, довольно посредственныхъ, нежели юридико-догматическихъ, въ этомъ смыслѣ совершенно ничтожныхъ. Самый планъ книги не систематиченъ и разбросанъ. Изложеніе довольно ясно, но растянуто. Содержаніе почти бѣдно. Статьи писаны въ разное время, иногда безъ связи одна съ другою и болѣе сшиты, нежели вылиты. Довольно хорошо изложено положеніе и вліяніе юристовъ въ первомъ постановительномъ собраніи. Довольно рельефно обрисована дѣятельность Thouret, хотя, кажется, ему приписывается значеніе, которое онъ едва ли имѣлъ и могъ имѣть въ средѣ собранія, гдѣ засѣдали великіе умы и таланты. Особенно невѣжественно истинно-Французское понятіе ле-Беркье о законодательствахъ иностранныхъ, особенно о Русскомъ

(стр. 239). Кромѣ Франціи для Француза ничего нѣтъ. Жалкая литература! И какъ досадно, что на такой вздоръ тратишь дорогое время.

Приближается конецъ моему первоприсутствію. Еще одно засѣданіе. Ничего не могъ я сдѣлать съ нашими неурядицами. Тотъ же произволъ въ распредѣленіи дѣлъ, таже медленность въ изготовленіи опредѣленій, въ посылкѣ указовъ, таже небрежность въ печатаніи. Таже легкая возможность ошибочной редакціи и противорѣчивыхъ рѣшеній (Ихъ насчитывается уже довольно). Доколѣ преобладающая партія правовѣдовъ не ослабнетъ, существующія неурядицы будутъ возрастать. Правовѣдъ и порядокъ не синонимы. Съ назначеніемъ графа Палена положеніе ихъ измѣнилось, но не измѣнились завзятыя ихъ привычки: самоувѣренность и самонадѣянность. Они легонько трактуютъ дѣла, а еще легче обязанности. Ну, ничего не сдѣлалъ, стало быть не съумѣлъ. При этомъ и оставайся. И останусь. Но я въ сотый разъ взывалъ: пересмотрите наказъ.

Въ Мерекюлѣ познакомились и сблизились мы съ семействомъ барона Родрига Григ. Бистромъ, у котораго дочь, Ольга, ровестница Татѣ и также тщательно охраняемая и воспитываемая, какъ и мое сокровище. Бистромъ помощникъ Вел. Кн. Николая, какъ командующаго войсками, человѣкъ умный, просвѣщенный и очень симпатичный. Баронесса—мачиха рѣдкая, судя по заботамъ ея о дѣтяхъ, особенно объ Eugène, напоминающемъ маленькаго Домби, желавшаго знать, что̀ говоритъ море. Кажется, съ обѣихъ сторонъ было искательство. И имъ и намъ хотѣлось имѣть товарку дочери. Обѣ дѣвочки сошлись и начинаютъ дружиться. Оля нѣсколькими мѣсяцами моложе Таты, и во всякомъ случаѣ наша стоитъ выше. Но, съ другой стороны, Оля бойчѣе и вообще не такъ сосредоточена, какъ Тата и очень веселаго нрава. Но едва ли мы сойдемся во взглядахъ на воспитаніе, которое желаемъ дѣлать совмѣстно. Они смотрятъ какъ на идеалъ—прекрасно говорить по французски и прекрасно танцовать. И при томъ все это какъ бы посходнѣе, подешевле. Французскій языкъ и танцы для меня совершенно второстепенное дѣло, а за дешевую плату домашнее воспитаніе положительно невозможно. При томъ же и цѣли наши различны. Ольга вѣроятно будетъ при дворѣ, положеніе отца того требуетъ; а моя должна получить образованіе серьезное для кабинета и домашняго круга. Впрочемъ домашнее воспитаніе дѣлается все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Мы бьемся, чтобы залучить какого-нибудь Флери или Балакирева, а они не находятъ часа времени. Все время ихъ поглощено общественною дѣятельностію, въ заведеніяхъ правительственныхъ и частныхъ. Общій потокъ влечетъ къ единочности, и должно будетъ

кончить тѣмъ, что Тата будетъ ѣздить въ консерваторію и въ общіе классы.

Дѣйствія Виленскаго управленія составляютъ предметъ постоянной критики нашей бойкой публицистики. Въ самомъ дѣлѣ, и по доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, система генерала Потапова отзывается духомъ партіи „Вѣсти“. Несчастный западный край есть ядро Польскаго вопроса, который, съ однимъ царствомъ, конгресовкой, немыслимъ безъ этого края, а между тѣмъ управленіе западными губерніями ввѣрялось и ввѣряется такимъ ничтожнымъ личностямъ, и въ этомъ управленіи столько колебаній, непослѣдовательности и ошибокъ, что общественный строй всего края стоитъ въ какомъ-то легально-враждебномъ отношеніи. Я полагаю введеніе въ преподаваніи Русскаго языка, введеніе земской и судебной реформы сплотили бы край скорѣе и прочнѣе, нежели произвольная и жестокая крестьянская и контрибуціонная реформа. Поляки будутъ впереди (они и въ Петербургѣ впереди), но Поляки Русскіе. Впрочемъ условія вѣры и народности, для нѣкоторыхъ постовъ, не были бы лишними. Но генералъ Потаповъ гнетъ въ пользу пановъ, въ пользу польщизны. Онъ беретъ въ расчетъ мѣстныя народности, Жмудь, Бѣлорусцевъ, Поляковъ. Гдѣ же устоять этимъ мелкимъ народностямъ, если театръ, школа, судъ и сама церковь заговорятъ порусски? Вообще сплоченіе окраинъ должно считать вопросомъ порѣшеннымъ. Десятокъ лѣтъ, когда водворятся и окрѣпнутъ Русскія учрежденія, и Русское превосходство обоймetъ общество въ отдаленныхъ окраинахъ.

Публицистика наша, особенно „Москов. Вѣдомости“, оказываютъ своею дѣятельностію несомнѣнную услугу государству, и въ этомъ отношеніи замышляемыя ограниченія печати, затруднивъ эту дѣятельность, будутъ не болѣе какъ отголоскомъ желчныхъ личностей или—много-много—партіи, и именно партіи нерусской и „Вѣсти“, о приверженцахъ которой Государь, еще на письмѣ Мих. Безобразова, въ 1858 г., отозвался какъ объ олигархахъ.

Смотрю я каждый день на деверя А. А. Б. и только благодарю Господа за то, что я есмь. *Только по великой Его милости* я есмь что̀ я есмь. Какъ часто я возношу молитву благодарности къ Творцу Небесному за то, что я есть, что̀ я есмь. Я такъ виноватъ.

Смотрю я на семейство Обол. и только благодарю Господа за то, что̀ я есмь. Могло быть что̀ и съ ними. Что̀ и съ Прот. Что̀ и съ Прон. Что̀ и съ сотнями и съ тысячами. Только *великой Твоей милости*, о Господи, обязанъ я тѣмъ, что̀ я есмь. Я много виноватъ и мало заслужилъ. Милость Божія не разбираетъ. Пути ея неисповѣдимы. Но она есть. Вѣрю. Да. Но гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость, и на оборотъ, гдѣ милость, тамъ и гнѣвъ. Только вѣрь въ милость. Христосъ никогда

не гнѣвался. Гнѣвъ Божій, это случайность, отсутствіе милости или непризнаніе ея всеобъемляющаго присутствія. 10 Сентября.

„Справочные (кассаціонные) Листы мои печатаются медленно. Я думаю составить десятка три общихъ положеній и привести къ этимъ общимъ знаменателямъ наши рѣшенія. Предубѣжденія ко мнѣ моихъ товарищей (большинства правовѣдовъ) останавливаютъ меня въ этихъ работахъ. Г.г. товарищи полагаютъ, что я желаю выставить противорѣчія въ нашихъ рѣшеніяхъ. У меня и мысли о томъ не было. Моими Листами я желаю положить широкія основанія къ изученію кассаціи и легкостію справки съ прежними рѣшеніями предупредить противорѣчія, которыя и теперь уже численны, и теперь уже способны произвести смущеніе. Наши основанія весьма зыбки. По дѣлу Дурова *прочтено* такое свѣдѣніе, которое не могло быть читано, а между тѣмъ оно зарѣзало подсудимаго: мы не кассировали. По дѣлу купцовъ Трофимовыхъ прокурору недозволено было прочесть ни одной изъ четырехъ бумагъ въ дѣлѣ, и мы оставили протестъ прокурора безъ уваженія, хотя оправданъ явный подлогъ, въ которомъ письменно сознался самъ подсудимый.

Ограждается-ли правосудіе уставами 20 Ноября 1864 г.? Вотъ вопросъ, который я сдѣлалъ товарищамъ моимъ при совѣщаніи по дѣлу Трофимова. Всѣ взглянули на меня съ недовѣріемъ. Я жду подробнаго отчета о послѣдствіяхъ кассаціи на мѣстахъ, чтобы сказать мое окончательное мнѣніе.

Прочелъ я романъ Ауербаха: „Das Landhaus am Rhein“. Къ концу я былъ измученъ безпрестанными потрясающими событіями, которыми разражается пятый томъ этого длиннаго романа, растянутаго побочными отступленіями и иногда исполненнаго невѣроятными, мелодраматическими, въ родѣ Французскихъ, произшествіями. Но романъ превосходный, задуманъ широко и глубоко и приковываетъ читателя. Интересъ ростетъ постепенно и постоянно. Живыя, сильныя личности соприкасаются съ вами. Видишь прекрасныя картины Прирейнской природы и жизни. Вникаешь въ психологическія явленія дѣйствующихъ лицъ. Поражаешься смѣлою обстановкою, проникаешься участіемъ, ждешь и придумываешь развязки и нерѣдко удивляешься изобрѣтательности автора и послѣдовательной вѣрности его героевъ: Зонненкампа, Эриха, Роланда, Манны и Клодвига и матери-профессорши, и этой загадочной графини Белы.

Я предпочитаю этому роману (немножко трактату, мелодрамѣ) романъ Auf der Höhe, изящное, высокое выраженіе блеска и простоты, страсти и благородства. Но я хочу дать отчетъ и о „Дачѣ на Рейнѣ“. Во многомъ онъ оскорбляетъ здравый смыслъ. Идеальная Манна, такъ упорно не соглашавшаяся оставить монастырь, такъ легко оставляетъ

его по желанію Роланда. Этотъ идеалъ ужъ очень пофранцузски отдается Эриху, цалуясь какъ героиня Федо и оставаясь такъ мало подвижна при проповѣди пастора, когда онъ вызывалъ, на похоронахъ матери (жертвы срама и несчастія) посвятить себя Богу.

Зонненкампъ напоминаетъ какія-то героическія времена, когда цѣльность человѣка была внѣ всякаго вліянія семьи, общества и образованности. Сцена во дворцѣ съ княземъ и Адамомъ (совершенно невѣроятная по этикету дворовъ и по княжескому достоинству) представляетъ его какимъ-то дикаремъ, а сцена исповѣди предъ почетнымъ судомъ переполняетъ всякую мѣру насмѣшки и презрѣнія. Отношенія его къ Белѣ во время суда и при побѣгѣ совершенно мелодраматическія, à la V. Hugo, а до этого обликъ Белы выступалъ рельефно и естественно. Счастливѣе обрисованы Эрихъ и Роландъ; но образъ Эриха, гуманиста не новъ, а для Роланда романъ начинается только въ концѣ романа, когда въ Америкѣ онъ сходится съ семействомъ доктора Фритца. Не совсѣмъ ясна фигура Пранкена, загадочны и Церера и Мильхъ, которые все знаютъ. Докучливы майоръ-барабанщикъ и учитель Кнопфъ. Прекрасно обрисованы графъ Клодвигъ, гражданинъ Вейдманъ и д-ръ Рихардъ.

Для меня собственно интересенъ былъ планъ воспитанія. У меня есть свой Роландъ. Въ этомъ отношеніи книга не доставила мнѣ желаемыхъ данныхъ и ничего новаго. Уединеніе, Франклинъ и corpus juris Ейнзиделя и у меня были на сценѣ, но я Эриха не нашелъ, а самъ, какъ отецъ, имъ быть не могъ. Загадочно и то, чтобы такая блестящая личность, какъ капитанъ-докторъ, товарищъ царствующаго государя, не нашелъ въ наше время другой дѣятельности, какъ идти въ частную службу къ Американцу, грубому богачу съ глуповатой женою.

Проясняется-ли идея „вселенскаго собора“ въ Римѣ? Протестація отца Гіацинта и Нѣмецкаго духовенства, какъ протестантскаго, такъ и католическаго, удостовѣряетъ въ томъ, что Римской церкви грозятъ новыя ереси, новыя отпаденія. Можетъ быть, Папа останется съ одними Іезуитами. Какой новый всеобъемлющій догматъ придумаетъ этотъ католическій домашній соборъ? Очевидно, онъ вызоветъ въ тѣсной средѣ своей разномыслія и внутренній раздоръ. Думать о возсоединеніи церквей немыслимо. Допустить перемѣны въ отношеніяхъ церкви къ государству никто не согласится. Связанный по рукамъ и ногамъ своими силлабусами, либералъ 1847 г. созываетъ соборъ, чтобы сознать свою несостоятельность. Есть конечно и другой исходъ, о которомъ можетъ быть, мечталъ Шатобріанъ, но который едва ли доступенъ для тѣсной главы Римскаго клирика. Это осуществленіе евангельскаго ученія Христа не на словахъ, а въ дѣйствительности. „Брось, богачъ, все и иди за

Мною". Другими словами: la propriété est un vol. Милліоны неимущихъ послѣдуютъ этому вызову. Соціализмъ получитъ святость догмата. Но Папа первый долженъ показать примѣръ самоуничиженія. Папа думаетъ совсѣмъ иначе.

Графъ Толстой ведетъ къ радикальнымъ реформамъ въ духовенствѣ и находитъ сочувствіе въ просвѣщенныхъ его членахъ, но за то рѣшительное несочувствіе въ непросвѣщенныхъ (преимущественно сельскихъ) и въ высшей монашеской іерархіи. Мнѣ извѣстны мнѣніе объ этомъ покойнаго Филарета, мнѣніе Иннокентія Московскаго. Не знаю, какъ думаютъ объ этомъ Платонъ, Макарій и др. высокіе сановники церкви, но митрополитъ Исидоръ рѣшительный противникъ этихъ „новшествъ". Борьба, которая другой годъ ведется имъ со съѣздами духовенства, пробирается въ газеты, и общественное мнѣніе готово осудить упрямыхъ старцевъ. И осудитъ несправедливо. Греческая церковь со временъ Константина была и остается учрежденіемъ государственнымъ, почти полицейскимъ. Этимъ объясняется малая доля участія церкви въ гражданственности народа. Она жила и двигалась внѣ своей сферы, связанная свѣтскою властію, и выродилась въ обрядность. Реформы необходимы, и нынѣ предпринятыя касаются насущныхъ потребностей церкви. Но тѣмъ-ли путемъ онѣ совершаются? Правда, онѣ проводятся чрезъ Синодъ, въ усиленномъ его составѣ. Но что̀ такое Синодъ? Онъ составленъ изъ спеціалистовъ, которые знаютъ дѣло, но съ ними и при томъ надъ ними стоитъ какой-нибудь Ягужинскій съ своей канцеляріей и высочайше утвержденнымъ докладомъ, съ перспективой наградъ и назначеній. Ни народъ, ни общество, ни само духовенство не вѣрятъ въ авторитетъ Синода, еще менѣе въ авторитетъ первенствующихъ его членовъ, какъ Исидоръ и Иннокентій. Подобныя коренныя мѣры требуютъ, кажется, освященія соборомъ духовенства не вселенскимъ который невозможенъ, но Всероссійскимъ, какіе у насъ бывали. Такія мѣры выработываются и принимаются не канцелярскою ловкостію, но съ гласностію и торжественностію, подобающими церковному устройству. Введеніе коренныхъ мѣръ другимъ путемъ встрѣтитъ глухое противодѣйствіе, какимъ встрѣчено напр. постановленіе о попечительствахъ или, что̀ еще хуже, породитъ, въ невѣжественныхъ массахъ расколъ, который сопровождалъ у насъ всякія „новшества" въ церковномъ благоустройствѣ.

Продолжаю я читать Остзейскіе памфлеты. Новая брошюра Ф. Бокка: Der deutschrussicher Conflict ничего не приноситъ новаго, а многое искажаетъ въ старомъ. Онъ умалчиваетъ, какъ Остзейцы, тѣснимые Иваномъ Грознымъ, обращались къ императору и какой отвѣтъ отъ него получили. Боккъ выражаетъ полнѣйшую надежду на защиту

Германіи, гдѣ есть для этого и „мужъ“ на все великое способный. Эти памфлеты только раздражаютъ умы, особенно умы молодые. На дняхъ была манифестація (ночная кошачья музыка и выбитіе стеколъ) противъ доцента Валькера, о которой производится формальное слѣдствіе. Попечитель Дерптскаго округа, гр. Кайзерлингъ подалъ въ отставку. Много каѳедръ не занято. Едва-ли въ Дерптскомъ, университетѣ (это гнѣздо остзейщины) не будетъ того же, что̀ въ Варшавскомъ. Раздраженіе Остзейцевъ достигло крайнихъ предѣловъ. Человѣкъ въ такомъ положеніи обыкновенно дѣлаетъ непослѣдовательныя движенія, сбивается и падаетъ.

Кассація не оставляетъ озабочивать меня постоянно. Она кромѣ противорѣчивыхъ рѣшеній, производящихъ смуту, грозитъ выродиться въ формализмъ какъ теорія беззаконныхъ доказательствъ. Съ самаго вступленія моего я старался: 1) не выработывыть, не касаться началъ, а держась даннаго случая, предоставить времени изъ массы данныхъ выработать доктрину; 2) изъ частныхъ общихъ вопросовъ я желалъ провести то правило, что на подсудность и на преданіе суду допускать кассаціонныя жалобы, независимо отъ рѣшенія по существу, нельзя: „мы уже рѣшали такъ и потому связаны“. 3) Неизъявленіе въ сутки неудовольствія лишаетъ права на обжалованіе. Сутки! А подсудимые не вызываются, дѣла рѣшаются и приговоры объявляются безъ ихъ бытности. Да и что̀ значитъ суточный срокъ, если есть еще двухнедѣльный? 4) Всемогущая 119 ст. Уг. Суд. требуетъ болѣе точной обстановки. Она явно злоупотребляется и судьями и съѣздами. 5) Столкновеніе подсудностей уголовной и гражданской является безпрестанно, особенно при закладахъ, при торговлѣ по довѣрію къ приказчикамъ, и 6) канцелярскій порядокъ у насъ въ движеніи дѣлъ и опредѣленій. Здѣсь не только нѣтъ порядка, но и тѣни порядка. Произволъ и хаосъ.

И порознь, и въ собраніи я говорилъ объ этомъ въ Декабрѣ прошлаго года. По множеству занятій отложили переговоры до Мая, когда передъ вакантомъ будетъ нѣсколько свободнѣе. По вступленіи въ должность первоприсутствующаго я снова предложилъ составить изъ себя комитетъ и предварительно разработать эти вопросы, включивъ между ними вопросъ объ ограниченіи кассаціи и формѣ жалобъ, а равно и пересмотрѣть наказъ. Товарищи взглянули на меня такъ, что я сдѣлалъ себѣ вопросъ: да ужъ вѣрятъ-ли они въ кассацію? Или надѣятся порѣшить съ ней? Кассаціонныя рѣшенія имѣютъ силу закона (всеобщаго руководства), и на нихъ никто не можетъ приносить (нигдѣ не принимаются) жалобы. Можно-ли такое могущество въ великой, 80 милліонной Имперіи вручить двумъ (по большинству тремъ) хотя бы очень умнымъ и опытнымъ сенаторамъ? Не требуетъ-ли отправленіе такого

могущественнаго права болѣе сложной обстановки? Иначе не подавитъ-ли это могущество собственнаго достоинства?

Начиная съ 4 Октября въ Петербургѣ господствуетъ общее опасеніе ожидаемаго, въ нынѣшнемъ году, наводненія, гораздо сильнѣйшаго нежели было 7 Ноября 1824 г. По справкамъ оказывается, что въ эти 45 лѣтъ ничего не сдѣлано, чтобы оградить столицу отъ страшной опасности и страшныхъ жертвъ, кромѣ стихотвореній Шевырева „Петроградъ“ (море спорило съ Петромъ, и Петръ одолѣлъ) и стихотворенія Хомякова, въ которомъ знаменитый Славянофилъ влагаетъ въ уста рыбака „на берегу пустынныхъ водъ“, что

Только шпиль отъ колокольни
Видѣнъ изъ моря одинъ. (Потому что Петербургъ хотя)
Богатырь его построилъ,
Тонь костями забутилъ,
Но какъ съ Богомъ онъ ни спорилъ,
Богъ его перемудрилъ *). (Да, стихотворенія только!)

Но въ самомъ дѣлѣ: что же сдѣлано съ 1824 г., чтобы предупредить возможное, случившееся бѣдствіе? Удлиненъ обводный каналъ. Но что это за каналъ? Что это за канавка, облегающая южную часть города? Кажется, прилично было бы поговорить серьезно нашимъ геологамъ и правителямъ о невозможности или о возможности, о послѣдствіяхъ ожидаемаго страшнаго событія. Самая свободная пресса могла бы посерьезнѣе заняться этимъ вопросомъ, а не отбояриваться одними фельетонами. Городская площадь съ Сѣвера и Юга лежитъ въ ямѣ. Но на Востокъ до Шлиссельбурга Невская равнина, кажется, ниже этой площади, хотя надъ этой равниной господствуетъ свое море, Ладожское (можетъ быть, часть Балтійскаго).

Безпокойства, озабоченій и опасеній много, а свободная пресса, такъ тщеславящаяся своими заслугами (заслуги „Моск. Вѣд.“, дѣйствительно несомнѣнны, какъ и вообще гласности, соединенной съ печатью) не внесла въ этотъ вопросъ ни малѣйшаго содѣйствія.

И опять драмы, опять драммы! И не находится точки опоры и отдохновенія. Знаю, что время и опытъ приведутъ къ моему воззрѣнію, какъ основанному на безкорыстной оцѣнкѣ условій даннаго явленія; но каково ждать этого времени, когда эти драммы задѣваютъ самыя чувствительныя условія и цѣли жизни? Полагаюсь на тебя, о Господи! Великая помощь Твоя никогда меня не оставляла, меня, недостойнаго. А мнѣ нужна помощь не столько утѣшителя, сколько просвѣтителя. Ты еси свѣтъ.

*) Это изъ стихотворенія М. А. Дмитріева, а не Хомякова. П. Б.

Назойливость печати и гласнаго суда должна имѣть свои границы, переступая которыя, она можетъ испортить дѣло. Въ Іюлѣ нынѣшняго года состоялось Высоч. повелѣніе объ изъятіи отъ явки въ судъ лицъ высшаго разряда (произведшее на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе и состоявшееся по случаю требованія въ качествѣ свидѣтелей кн. Меньшикова и генер. Трепова), и сенаторъ князь Оболенскій, бывшій Московскій губернаторъ, добрѣйшій Алексѣй Васильевичъ, вызываемый какъ свидѣтель по дѣлу о подложномъ завѣщаніи помѣщика Андреева, пожелалъ воспользоваться этимъ изъятіемъ, и судъ постановилъ допросить его на дому. Изъ этого простаго случая судъ умудрился сдѣлать цѣлую площадную исторію, а печать, особенно „Голосъ“ и „Петербург. Вѣдом.“ пропечатали эту исторію на всѣхъ столбцахъ и на всѣ стороны. Эта агитація противъ привилегіи не порицательна, но обстановка ея не достойна ни суда, ни серьезной печати. Привиллегіи нельзя жить въ наше время. Она рано или поздно задохнется, потонетъ, исчезнетъ. Но противодѣйствіе одному повелѣнію можетъ вызвать другое, а это другое повелѣніе можетъ пошатнуть и все зданіе, такъ поспѣшно и такъ недавно построенное. Когда-то Гизо упрекалъ Французское общество, что оно робко пользуется или и совсѣмъ не пользуется предоставленными ему правами. Насъ можно упрекнуть, что мы слишкомъ бойко и широко распространяемъ наши права. Неровенъ часъ. Судъ разрѣшилъ не освѣщать черныя лѣстницы, а повелѣніе разрѣшило освѣщать. Судъ разрѣшаетъ допускать нижнихъ чиновъ въ питейные дома (хотя входъ запрещенъ закономъ), надобно ожидать, что новое повелѣніе отмѣнитъ и это толкованіе. Дѣло въ томъ, что, допуская входъ, полиція имѣетъ законное основаніе запрещать. Дѣло въ томъ, что надобно избѣгать столкновеній, а не называться на нихъ, не навязываться. Конфузя князя Оболенскаго, судъ раздражаетъ цѣлые классы и можетъ навлечь подозрѣніе въ чистотѣ своихъ дѣйствій. Того и гляди послѣдуетъ новое Высоч. повелѣніе. Неровенъ часъ. Всѣ эти и подобныя демонстраціи я приписываю непостепенности, радикальности введенія судебной реформы и молодости первыхъ ея дѣятелей.

Нѣкто Ѳедоровскій, обозрѣвая наши рѣшенія по нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія, рѣзко порицаетъ ихъ, говоря, что они доводятъ до абсурда, и что нѣтъ никакой возможности согласовать рѣшенія Сената 1867 г. № 444 (Зубова) и № 549 (Арцимовича) и рѣшенія 1868 г. № 375 (Стояновскаго) и № 550 (мое) и руководствоваться одновременно толкованіями того и другаго. Мое опредѣленіе относится къ дѣлу судебной палаты, всѣ прочія къ мировымъ установленіямъ. Тамъ разсматривалась совокупность, въ моемъ ея нѣтъ. Такъ за чѣмъ же оно попало въ рядъ?

Впрочемъ ошибки и противорѣчія возможны и существуютъ. Желательно, чтобы онѣ были не такъ легко возможны, т. е. чтобы общіе вопросы, какъ опредѣленіе 67 г. № 444, были обставлены лучшими ручательствами. Это опредѣленіе, какъ и въ 1868 г. № 388 о Постовскомъ и Зонтѣ № 770, имѣютъ всю силу постановленій органическихъ. Кажется, ихъ слѣдовало бы вносить въ общее собраніе по крайней мѣрѣ.

Съ своей стороны я сдѣлалъ сводъ нашихъ рѣшеній и думаю, что изданіемъ нынѣ отпечатанныхъ „Справочныхъ Листовъ“ я оказываю услугу, давая широкія основанія для изученія кассаціи и преподавая легчайшій способъ справкамъ и повѣркѣ. Трудъ довольно (не совсѣмъ) механическій, но я уже вижу его пользу. По указаніямъ „Листовъ“ можно выяснить значеніе статьи въ многообразныхъ ея примѣненіяхъ и въ соотношеніи съ другими статьями. Жаль, что мои товарищи приняли трудъ мой довольно равнодушно, чтобы не сказать невнимательно. Буковскій выразилъ опасеніе, что „Листы“ выставятъ яснѣе и полнѣе наши противорѣчивыя толкованія.

Я все болѣю и мало занимаюсь моими „Днями и Трудами*), а между тѣмъ записать есть что. Въ юго-западномъ управленіи направленіе начинается славянофильское, во главѣ котораго стоитъ княгиня-генералъ-губернаторша. Въ сѣверозападномъ Потаповъ побѣжденный побѣдилъ и попечителя Батюшкова, и губернатора Шестакова, уволеннаго изъ свиты по флоту. Митрополитъ Сербскій Михаилъ подогрѣваетъ славянофильство въ Кіевѣ, Москвѣ и теперь въ Петербургѣ. Сынъ и посольство Бухарскаго хана просятъ о помощи и усиливаютъ нашу связь съ центральной Азіей. Депутація „общества покровительства торговли“ проситъ о новыхъ туда путяхъ и о направленіи Аму-Дарьи въ Каспій. Важнѣе всего этого—погромъ на нашей биржѣ, упадокъ курса (до 308 сант.) и всѣхъ процентныхъ бумагъ, страшныя, сложныя преступленія и пересмотръ законовъ о цензурѣ и печати, увольненіе Дерптскаго попечителя графа Кайзерлинга и выборъ въ предводители барона Унгернъ-Штернберга, требующаго, вмѣстѣ съ прокуроромъ (?) дѣлопроизводства въ Приказѣ общ. призрѣнія, вмѣсто Прусскаго, всегда тамъ употреблявшагося, на Нѣмецкомъ языкѣ. Событія такъ и бѣгутъ, бѣгутъ такъ, что теряешь къ нимъ довѣріе, сомнѣваешься въ прочности, не видишь естественной послѣдовательности. Безпрестанные пожары (такъ выгорѣлъ весь Енисейскъ), безпрестанные случаи на желѣзныхъ дорогахъ (какой безпорядокъ отъ одного пожара на Мстинскомъ мосту!), смѣлыя публицистики,

*) Такъ К. Н. Лебедевъ называлъ свои Записки. П. Б.

скандалы и цинизмъ нѣкоторыхъ личностей такъ и бьютъ въ глаза, такъ и будятъ реакцію. Мы недалеки отъ того разочарованія, въ которое впалъ Іосифъ II. У насъ, правда, нѣтъ ни Венгріи, ни Нидерландовъ; но у насъ есть нужда, раздражаемая наглою расточительностію; у насъ есть невѣжество и невѣжественное духовенство, которому угрожаетъ несостоятельность. Противодѣйствіе явится отъ нужды и невѣжества. И справедливо. Мы, Петербургскіе реформаторы, найдя элементы воспріимчивости въ обѣихъ столицахъ, совершенно неправильно приняли Россію за Европу. Въ губернскихъ и во всѣхъ уѣздныхъ окружныхъ судахъ нѣтъ публики, нѣтъ и охотниковъ на мѣста присяжныхъ повѣренныхъ, такъ что не только гласность, но и состязательность суда невозможна. Каѳедры въ университетахъ не заняты. Глупаго магистра въ Казани дѣлаютъ докторомъ. Половина Москвы—Замоскворѣчье—не имѣетъ гимназіи. Налоги земскіе не подъ силу земству. Заемъ 12 милліон. для погашенія ассигнацій оставляетъ ихъ въ обращеніи. По мѣрѣ расточительности окладами, арендами, землями и имѣніями вырастаютъ цѣны на предметы первой необходимости. А нужда растетъ, растетъ и преступность распространяется, безцеремонностью подрывается семейство, колеблется собственность. Да, но развѣ все это только у насъ? У насъ это особенно бросается въ глаза отъ рѣзкости перехода, которая всегда имѣетъ два послѣдствія: самоувѣренность до цинизма однихъ, облагодѣтельствованныхъ реформою, и противодѣйствіе до подлога другихъ обиженныхъ ею.

Сегодня я былъ вызванъ къ мировому судьѣ въ качествѣ свидѣтеля, по ссылкѣ на меня ст. сов. Кладо, жалующагося на дурную топку нашего дома. Я не воспользовался закономъ о допросѣ высшихъ чиновъ на дому, явился къ судьѣ и присоединился къ частному обвинителю. Судья рѣшилъ: обязать домовладѣлицу озаботиться топкою и поддерживать температуру въ комнатахъ не ниже 15 град. по Реомюру. Обязать! Ну а если она не исполнитъ? Мелкое дѣло, но большой важности. Хозяйка или несчастная дочь ея, Львова, по злобѣ на кого-то изъ жильцовъ, не топитъ печь (топка общая для всѣхъ этажей). Вчерась у меня было 8 град. Сегодня топлено, а у меня 10 гр. И сегодня, 30-го, у меня 10 град. Я весь трясусь. Посмотримъ что̀ будетъ. И сегодня, 31, были архитекторъ и участковый—не болѣе 11-ти. Приходила и г-жа Львова, съ своимъ термометромъ. Она съ наглостію говорила мнѣ: Да что вы шубы не наденете? Да почему вы не выѣдете? Я не отвѣчалъ ни слова, наглянка несчастная.

Я думалъ: достаточно-ли огражденъ жилецъ отъ притѣсненій? Посмотрю что̀ будетъ далѣе. Вотъ и возня съ полиціей. Составляются и подписываются акты о низкой температурѣ.

Но какъ же проведемъ мы зиму, которая только начинается?

Мнѣ кажется, полиціи слѣдуетъ донять хозяйку штрафами и взять отопленіе на свою отвѣтственность.

1 Ноября. Кажется, правильная топка установилась.

Трудно найти квартиры. Даже всѣ нумера въ гостинницахъ заняты. Стеченіе пріѣзжихъ, ходатаевъ и искателей огромное. Цѣны на все ростутъ. Расточительность правительства и биржевыя спекуляціи надуваютъ жизнь. Послѣдствія: бѣдность и преступность.

Пересматриваются законы о печати, очевидно въ видахъ усиленія администраціи и суда противъ „необузданности и неумѣренности печатнаго слова". Особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ кн. (С. Н.) Урусова, должна съ твердостію и добросовѣстностію, не подчиняясь ни какимъ увлеченіямъ, совершить это дѣло. Въ коммисію назначены спеціалисты и люди умные. Но дѣло-то мудреное. Законъ 6 Апр. 1865 г. взятъ изъ Франціи. Онъ держится на произволѣ предостереженій. Они во Франціи отмѣнились обычаемъ, довольно рѣдки они и у насъ. Но если произволъ недостаточно силенъ, то даетъ-ли болѣе силы тѣсная законность? Если Lanterne, Reveil, Rappel возможны у Наполеона, молодая Россія выставитъ смѣльчаковъ, выражающихся, если не съ такою дерзостію, то съ еще худшимъ цинизмомъ. Страшны не тѣ мѣры, которыя придумаются этими спеціалистами и умными людьми (они ничего не придумаютъ), а страшно то, что, не довольствуясь предостереженіями, правительство задумало усилить администрацію и судъ, что оно ворочается назадъ. Возвращеніе назадъ всегда дурно, нравственно и политически вредно и компрометтируетъ власть и законъ.

Задача состояла въ одномъ: регулируйте предостереженіе. Я стою на томъ, что̀ писалъ Валуеву въ 1863 г., что предостереженіе должно имѣть юридическое значеніе и слѣдовательно исходить отъ независимой коллегіи. Совѣтъ министра тутъ недостаточенъ.

Прочелъ я рандглоссы Юлія Эккардта на сочиненіе Самарина „Окраины". Рандглоссы, полныя желчи и ненависти, написаны бойко, гладко и ловко, но съ такою запальчивостію, пересыпаны такими намеками и подозрѣніями, съ такимъ открытымъ порицаніемъ Петербургскихъ Сената и Совѣта, что появленіе этой книги (Iuri Samarins Anklage, Leipzig, 1869), еще болѣе раскрываетъ виды и программу Нѣмецкой партіи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Онѣмеченіе Леттовъ и Эстовъ партія эта считаетъ естественнымъ послѣдствіемъ историческаго развитія края и законнымъ призваніемъ высшаго господствующаго тамъ Нѣмецкаго элемента. Общественныя усовершенія должны производиться тамъ не путемъ законодательнымъ Имперіи, а на основаніи трактатовъ и гарантированныхъ ими мѣстныхъ учрежденій. И эта

нація (пигмей думаетъ бороться, и при томъ въ настоящее время) съ Русскимъ колоссомъ! И противъ всѣхъ общечеловѣческихъ преобразованій она рѣшается отстаивать средневѣковые порядки, силу corpus juris, diploma Radzivilianum, privilegium Sigism. Augusti, posttestum S-tai Catharinae. Конечно, это самообольщеніе, которое разочаруется въ самомъ непродолжительномъ времени, когда университетъ и города измѣнятъ свои Нѣмецкія учрежденія, когда въ народныхъ школахъ будутъ обучать Русскому языку и когда въ судахъ и администраціи будетъ слышаться государственный языкъ Имперіи. А пора!

Глубокое, оскорбительное презрѣніе чуствуется въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ Эккардта. Мнѣ кажется раздраженіе достигло крайняго предѣла. Пора! Такая открытая оппозиція, выразившаяся и въ другой книгѣ Эккардта: Bürgerthum und Bureaucratie и въ книгѣ Гарлеса Geschichtsbilder (стр. 203 и 209) немыслима въ благоустроенномъ государствѣ, и пора положить этому конецъ.

Увольненіе Шестакова и Батюшкова дѣлаетъ много шуму не по личностямъ этихъ гг. не особенно замѣчательнымъ, а по вмѣшательству въ это дѣло нашей публицистики, и именно „Москов. Вѣдом.“, въ тайныхъ сношеніяхъ съ которыми обвиняютъ бывшихъ Виленскихъ начальниковъ. Я этого не думаю. Генералъ Потаповъ столько выгналъ чиновниковъ, что редакція могла получать всевозможныя свѣдѣнія о ходѣ всякихъ дѣлъ въ краѣ. Одинъ Зубковъ стóитъ архива. Да и какой поводъ? Шестаковъ выбранъ самимъ Потаповымъ, Батюшковъ дѣйствовалъ въ его духѣ. Вообще управленіе Потапова отличается непослѣдовательностію, собственнымъ его ложнымъ положеніемъ и мелочностію. Нельзя думать, чтобы онъ находилъ пріятнымъ пребываніе въ этомъ краѣ и вѣроятно скоро оставитъ. Онъ опять собирается въ Петербургъ,—даже кажется со всѣмъ семействомъ—можетъ быть съ тѣмъ, чтобы не возвращаться въ Вильну, гдѣ „Московскія Вѣдомости“ не дадутъ ему покоя. Печать начинаетъ дѣйствовать какъ настоящая, могущественная сила, и боязливое невѣжество управляющихъ помогаетъ созрѣнію этой силы. Особенно умѣючи взялся за дѣло Катковъ, Головнинъ и гр. Д. Толстой явно заискивали въ немъ. Генералъ-губернаторы Безакъ, Крыжановскій знакомились съ нимъ, чтобы просвѣтить себя. Да, но при такой силѣ гласности и печати гдѣ же обличеніе найдетъ *отвѣтственность?* Безъ нея зло шатается, но не вырывается съ корнемъ, а шатаясь, зло это шатаетъ и довѣріе къ предержащей власти.

Большіе споры объ *окончательной* (верховной) власти судебныхъ палатъ прекращать начатыя слѣдствія. Онѣ прекращаютъ или по неправильному толкованію закона (скопцы изъ иновѣрцевъ неприступны) или по превышенію власти (мертвецки пьяный невмѣняемъ. Признан-

ный злостнымъ банкротомъ, не ведшій торговыхъ книгъ—недостаточно доказанъ) и проч. Власть палаты обширна и окончательна. Какъ оградить правосудіе? Рѣшили: порядкомъ надзора. Палатскіе прокуроры доносятъ министру, онъ предлагаетъ Сенату, Сенатъ исправляетъ (неисправимое, ибо опредѣленіе палаты окончательно) и объясняетъ для будущаго. Я думалъ иначе. Порядокъ надзора есть во всякомъ случаѣ дѣло управленія. Я полагалъ предоставить прокурорамъ право протеста,—право открытое, вмѣсто келейнаго донесенія министру, дѣлаемаго по усмотрѣнію прокурора и предлагаемаго министромъ по его усмотрѣнію.

Телеграфъ принесъ рѣчь Наполеона (17) 29 Ноября при открытіи новаго парламента. Въ ней много смѣлости и опасеній. Въ ней упреки, просьбы и угрозы. Трудно водворяется свобода во Франціи, началъ онъ. „За порядокъ я отвѣчаю, вы помогите мнѣ устроить свободу, спасти свободу. Я далъ большія льготы (продолжаетъ онъ что-то загадочно), а вы не хотѣли отказаться отъ прошлаго, обезоружить правительство и поколебать имперію“. Напряженіе умовъ и раздраженіе партій дошли до крайности. Вѣроятно назначеніе министерства Оливье, личности довольно посредственной. Эта уступка будетъ началомъ, которое покончитъ съ имперіей. Императоръ такъ много обѣщаетъ въ рѣчи, что видишь въ торопливой расточительности признаки слабѣющаго правительства, а между тѣмъ расточительность эта, при настоящихъ обстоятельствахъ, представляется мелкою, ничтожною.

Опять свиданіе съ Юліей Кожиной. Воспоминанія моего дѣтства за 40 за 50 лѣтъ тому назадъ. Много и далеко ушло времени. Точно сонъ, я люблю мое прошедшее, мое дѣтство, мать, деревню и рощи. Мать!

У насъ безпрестанныя иллюминаціи, встрѣчи и праздники. Они равняются нашимъ денежнымъ бумагамъ. Праздновали пятидесятилѣтіе Инженернаго Училища (такъ отдѣланнаго въ „С.-Пбург. Вѣдомостяхъ“ отъ 25 Ноября № 325) теперь празднуютъ столѣтіе Георгіевскаго ордена. И все такъ неблагоговѣйно, шумно, самохвально. И все такъ расточительно. Пора бы войти въ народныя нужды (убавить, если не совсѣмъ отмѣнить, прямые налоги), въ народное бѣдствіе пьянство (отъ котораго столько бѣдствій и на желѣзныхъ дорогахъ) и въ народное невѣжество. Помѣщики раззорены и гибнутъ массами. Крестьяне раззоряются и гибнутъ въ пожарищахъ. Торжествуетъ спекуляція, преимущественно иностранная и Жидовская. Роскошничаютъ антрепренёры и Петербургскіе чиновники. Да и тѣ не роскошничаютъ: цѣны, по дешевизнѣ бумажныхъ денегъ, поднялись и поднимаются. Развратъ и преступность усиливаются. А у насъ праздникъ. Боюсь я, что не все

коту масляница, будетъ и постъ. Нашъ рубль понизился на 25 %, а мы и въ усъ не дуемъ, выпускаемъ новыя серіи. На дняхъ кончились въ Петербургѣ три огромныя дѣла, замѣчательныя по своей наглой дерзости: о векселяхъ Плещеевой, о духовной Андреева и о поддѣлкѣ билетовъ. Подобныхъ дѣлъ, по объему и шайкамъ, я не помню въ старой практикѣ. Они равняются Харьковскому, Гавриловскому и характеризуютъ эпоху. Посмотримъ бюджетъ и поступленіе налоговъ. Да. Но все это дуто, бумажныя деньги.

Я опять болѣнъ. Желудокъ вышелъ изъ повиновенія. Разслабленіе общее во всемъ организмѣ. Напряженіе нервъ чрезвычайно. Я уже давно могу спать только при помощи наркотическихъ пріемовъ: сперва пива, потомъ портера и наконецъ виннаго настоя. Не сплю, сердцебіеніе страшное. Я между двухъ крайностей. Я опасаюсь незапной смерти. А умирать мнѣ рано. Обращаюсь къ великой милости Твоей, о Господи. 26 Ноября NB съ 28 на 29 я почти совсѣмъ не спалъ и чувствовалъ біеніе сердца больного. Это біеніе сердца давно озабочиваетъ меня и есть главная причина безсонницы, усилившейся особенно съ 1848 года. 1 Декабря. Я все нездоровъ. Нѣсколько поправился, 2 Декабря.

Думаю я о нашей газетной гласности. Сколько въ ней подкуповъ и безнравственности! Это какіе-то бюро продажнаго вліянія и закупнаго давленія на общественное мнѣніе. Этого только не достовало. Ничего что Катковъ—по выраженію провинціи, усвоенной и переданной шефу жандармовъ генер. адъют. Шиповымъ—что Катковъ богъ, кумиръ; но Катковъ чистъ, а если и не чистъ (по помѣси его съ мелочными величіями), то возвышенъ надъ этою продажностію мелкой публицистики. Я имѣю несомнѣнныя доказательства *такой* продажности „Судебнаго Вѣстника“, гдѣ съ редакторомъ—Лохвицкій, защитникъ Бильбасова, Вердеревскаго и т. п. Это—дѣло Яхемзена-Симанскихъ. Лохвицкій берется отстаивать его въ 7 д-тѣ и въ общ. собраніи за хорошія деньги. Это ничего; онъ адвокатъ. Но онъ обѣщаетъ содѣйствіе „Судебн. Вѣстника“. Это не хорошо. Жалкая публицистика! Или жалкая администрація!? И то и другое. Несоразмѣренныя съ нуждами реформы дѣлаютъ то, что людей нѣтъ. Впрочемъ печать вездѣ была и будетъ продажная. Никто однако не хвастается своею чистотою и безъуспѣшнымъ волокитствомъ такъ самохвально, какъ „Московскія Вѣдомости“. Ихъ подкупали Муравьевъ, черезъ Рачинскаго, Головнинъ и гр. Толстой и даже Валуевъ; Потаповъ, черезъ Черняева и Веревкина, гр. Бисмаркъ черезъ Швейница. *И другіе.*

Вотъ и посланіе президента Улисса Гранта. Говорится и о Кубѣ и о Канадѣ. Говорится и объ Англіи (Алабамское дѣло) и говорится грозно, хотя очень покойно. 3 Декабря рожденіе Наташи. 13 лѣтъ.

Тутъ оканчивается имѣющаяся у насъ подлинная рукопись „Трудовъ и Дней", въ которую К. Н. Лебедевъ, въ теченіе лѣтъ сорокъ сряду, заносилъ свои наблюденія надъ событіями и людьми и свои замѣтки о прочитанныхъ книгахъ. Постоянное напряженіе воли въ работахъ по служебной должности, неустанная дѣятельность головы, непрерывно слѣдившей за ходомъ дѣлъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, истощили его силы, и послѣднія семь лѣтъ жизни провелъ онъ въ настроеніи до того болѣзненномъ, что даже тяготилъ собою столь дорогихъ его сердцу жену и дѣтей. Одинъ изъ близкихъ къ нему людей писалъ къ намъ про него: „Единственнымъ его пріятелемъ, съ которымъ онъ сохранялъ добрыя отношенія до самой смерти, былъ Григорій Ивановичъ Кузминскій, музыкантъ и поэтъ, написавшій множество стиховъ (изъ нихъ на смерть Глинки и Дорогомыжскаго были напечатаны). Ежегодно Кузминскій жилъ у Лебедева лѣтомъ въ Васильках, по близости отъ станціи Крюково, Николаевской желѣзной дороги[1]). Онъ былъ лѣтъ на десять старше Лебедева. Отъ него вѣяло маркизомъ 18 вѣка. Вспоминаю случай, бывшій за два года до смерти Лебедева. Онъ былъ тогда страшно нервенъ. Мы всѣ и Григорій Ивановичъ ухаживали за нимъ, какъ могли, скрывая отъ него все, что сколько нибудь могло потревожить его. Лебедевъ боялся пожара и запретилъ строго топить печи, кромѣ кухни конечно. Но Григорій Ивановичъ вздумалъ затопить у себя во флигелѣ печь (старому человѣку утромъ показалось холодно, а вставалъ онъ очень рано). Мы этого ничего не знали. Когда всѣ собрались за однимъ столомъ завтракать, Григорій Ивановичъ сказалъ, что онъ уже поѣлъ, самъ приготовивъ себѣ „яичницу-глазунью". Какъ же вы сдѣлали это, ваше превосходительство? спросилъ Лебедевъ шутя.—„Да приказалъ затопить печь во флигелѣ и приготовилъ самъ; превосходно!" Лебедевъ вспыхнулъ. Кто это вамъ позволилъ?—Какъ—кто? недоумѣвая, но уже тоже горячась спросилъ Кузминскій.—*Я* приказалъ не топить печей и т. д. и т. д. Словомъ генералы разгорячились страшно, и Григорій Ивановичъ вызвалъ Лебедева, драться на эспадронахъ! (Другого оружія не было). Лебедевъ принялъ вызовъ и приказалъ принести оружіе; жена бросилась успокоивать его, а Григорій Ивановичъ въ гнѣвѣ отправился во флигель. Черезъ полъ-часа меня послали извиняться передъ нимъ, но тотъ въ этотъ же день на простой телѣгѣ уѣхалъ изъ Васильковъ, не простившись ни съ кѣмъ. Въ этотъ же годъ въ Сентябрѣ съ Лебедевымъ случился ударъ, и первый, кто пришелъ навѣстить страдальца былъ, конечно, Григорій Ивановичъ. Онъ навѣщалъ его почти до самой его смерти, пока самъ не свалился отъ тяжкой болѣзни. Какіе были люди! Сколько энергіи за 2-3 года до смерти!"

Изъ формулярнаго списка, выданнаго К. Н. Лебедеву для представленія въ Московское Депутатское собраніе, видно, что онъ изъ Московскаго университета поступилъ въ 1835 году въ Провіантскій департаментъ, откуда въ 1840 г.

---

[1]) Васильки принадлежатъ дочери К. Н. Лебедева, Наталѣ Касторовнѣ, бывшей въ замужествѣ за ст. сов. А. Н. Грифцовымъ. П. Б.

перешелъ въ Министерство Юстиціи, гдѣ и оставался до конца. Въ послѣдніе годы службы получалъ онъ 7 тысячъ жалованья и 2 тысячи арендныхъ.

Жизнь К. Н. Лебедева видна по его Запискамъ, которыя напечатаны у насъ не вполнѣ: приходилось опускать мелочныя подробности и почти все что̀ касается до его братьевъ и сестеръ и дѣтей ихъ, которымъ онъ благодѣтельствовалъ.

Вотъ еще нѣсколько свѣдѣній объ этомъ столь достопамятномъ человѣкѣ.

К. Н. Лебедевъ родился въ 1812 г., Сентября 18 дня. Отецъ его былъ губернскимъ секретаремъ и служилъ въ Пензѣ, гдѣ и родился Касторъ Никифоровичъ. Мать (род. 1793) урожденная Кожина, была дочерью В. Кожина, помѣщика Пензенской губерніи, она воспиталась у Пензенскихъ родственниковъ своихъ Племянниковыхъ (въ родствѣ съ графами Чернышевами) и вышла замужъ очень рано, 13 лѣтъ.

Она была несчастлива съ мужемъ, въ 1817 г. разсталась съ нимъ и уѣхала къ отцу въ село Знаменское. Мужъ ея въ 1818 году скончался. Молодая вдова осталась въ деревнѣ и посвятила себя дѣтямъ; она всему учила ихъ сама и пріучала къ простой жизни и порядку.

Въ 1822 г. она со всѣми дѣтьми перебралась въ Пензу, и директоръ тамошней гимназіи, извѣстный писатель И. И. Лажечниковъ, во вниманіе къ службѣ ея мужа*), далъ ей квартиру въ казенномъ домѣ, смежную со своею. Вдова Лебедева была дружна съ женою Лажечникова. Не имѣя почти никакихъ средствъ (приданое прожито въ первое время замужества), она завела пансіонъ; такъ продолжалось до 1828 года, когда Касторъ Никифоровичъ по окончаніи гимназическаго курса поступилъ въ Московскій Университетъ. Много было нужды и лишеній. Лебедева старалась держать дѣтей въ порядочномъ кругу и устраивала спектакли, на которые съѣзжалось въ гимназическую залу много любопытныхъ (Кожины, Лажечниковы, Племянниковы, Купріяновы.)

Черезъ Лажечниковыхъ Лебедевъ познакомился съ Протасьевыми, у которыхъ сталъ учителемъ, а потомъ сдѣлался другомъ дома.

К. Н. Лебедевъ скончался въ Петербургѣ и похороненъ на Волковомъ православномъ кладбищѣ. На могильномъ камнѣ его означено, что онъ умеръ съ 20 на 21 Мая 1876 года.

Въ приложеніи помѣщаемъ его даровитое, шуточное произведеніе, написанное на 22 г. жизни, вышедшее особымъ выпускомъ и надѣлавшее довольно шуму. П. Б.

*) Который былъ, кажется, смотрителемъ Пензенскаго уѣзднаго училища. П. Б.